



This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

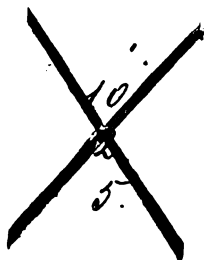
About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>



Mir Bozhii

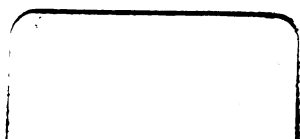
~~112210.~~



PSlav 460.5 ($\frac{1895}{1-3}$)



HARVARD
COLLEGE
LIBRARY



Инвентарь № 2210

Шкафъ 9

Полка 8

Мѣсто книги на полкѣ 1

5

Годъ IV-й.

№ 1-й. ✓

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ЮНОШЕСТВА

И

САМООБРАЗОВАНІЯ.

17/19
2573

Я Н В А Р Ъ

1895 г.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

1895.



И. С. Тургеневъ. Въ Берлинѣ въ 1838—39 г.г.
(«Вѣстникъ Европы», Январь, 1884 г.).



Е
С
Т
Н
В
О
КО
Ж
В
МО
РА
НУ
ЦЬ
ВЕ
ЗА
СКО
ТЫ
ИСТ
КІ

скія воспоминаія», Иванъ Сергѣевичъ писалъ: «правду, безпристрастную и всестороннюю правду можно высказать только о томъ, что окончательно сошло со сцены». Это—справедливо вездѣ и во всѣхъ случаяхъ, — справедливо и о самомъ авторѣ. *Тургеневъ не сошелъ со сцены*,—не въ томъ смыслѣ, что онъ не сталъ библиографической рѣдкостью, предметомъ научно-литературныхъ объясненій. Въ такомъ смыслѣ Тургеневъ никогда не сойдетъ со сцены. Его произведенія суждена вѣчно-цвѣтущая молодость и современность. Нѣтъ. Тургеневъ еще *лично* не сошелъ со сцены. Дыханіе его личности еще носится надъ нами. Онъ еще нашъ современникъ, не только какъ писатель, а какъ человѣкъ — съ живыми опредѣленными симпатіями, вкусами, слабостями. Мы еще слишкомъ близко стоимъ къ великой личности, чтобы съ точностью разсмотрѣть и описать ея многочисленныя оригинальныя черты. Времени предстоитъ отодвинуть насъ на извѣстное разстояніе, чтобы весь образъ возсталъ предъ нами съ полной ясностью и отчетливостью.

Мы, слѣдовательно, въ настоящее время менѣе всего можемъ рассчитывать на безупречное изображеніе одного изъ замѣчательнѣйшихъ труженническихъ путей, когда-либо пройденныхъ труженикомъ идеи и просвѣщенія. Мы будемъ считать свою цѣль достигнутой, если сумѣемъ освѣтить вѣрнымъ свѣтомъ важнѣйшіе моменты въ личномъ и творческомъ развитіи нашего писателя, опредѣлить существенныя житейскія отношенія, влиявшія на это развитіе, и въ результатъ, по всѣмъ доступнымъ для насъ даннымъ, возстановить предъ читателемъ личность художника и человѣка въ ея гармоническомъ цѣломъ.

I.

Для біографіи какого бы то ни было дѣятеля важнѣе всего, конечно, свѣдѣнія, сообщенныя лично имъ самимъ. Біографъ Тургенева съ этой стороны долженъ испытывать немалыя затрудненія. Намъ представится множество случаевъ убѣдиться въ исключительной, едва вѣроятной, авторской скромности Ивана Сергѣевича. Онъ крайне неохотно допускалъ разговоры о себѣ, о своей литературной дѣятельности, самыя искреннія похвалы, по словамъ Мопассана, «уязвляли его, какъ оскорбленія». Менѣе всего такой человѣкъ самъ могъ распространяться о своей жизни и о своей личности. Онъ неоднократно получалъ запросы на счетъ біографическихъ свѣдѣній. Каждый такой запросъ не возбуждалъ въ немъ пріятныхъ чувствъ. Въ началѣ марта 1869 года, въ отвѣтъ на одну изъ такихъ просьбъ, Тургеневъ писалъ: «Откровенно го-

вора, всякая біографическая публикація мнѣ всегда казалась великой претензіей; но и отказывать въ ней, придавать, вообще, ей важность—еще большая претензія». И Тургеневъ рѣшается дать только самыя общія, почти исключительно хронологическія данныя о своей жизни ¹⁾).

«Я родился 28 октября 1818 года въ Орлѣ отъ Сергѣя Николаевича Тургенева и Варвары Петровны Лутовиновой, получилъ первое воспитаніе въ Москвѣ, слушалъ лекціи въ Московскомъ, послѣ въ Петербургскомъ университетѣ. Въ 1838 году поѣхалъ за границу, чуть не погибъ во время пожара парохода «Николай I-й». Слушалъ лекціи въ Берлинѣ, послѣ вернулся, состоялъ около года при канцеляріи министра внутреннихъ дѣлъ. Въ 1842 г. сталъ заниматься литературой. Въ 1852 г. за напечатаніе статьи о Гоголѣ (въ сущности за «Записки Охотника») отправленъ на жительство въ деревню, гдѣ прожилъ два года, и съ тѣхъ поръ живу то за границей, то въ Россіи. Вы видите, что моя біографія напоминаетъ біографію Э. Ожиз, который на подобный запросъ отвѣчалъ слѣдующими словами: Je suis né, j'ai été vacciné, puis quand je suis devenu grand, j'ai écrit des comédies»...

Незадолго до смерти Тургеневъ отвѣтилъ еще лаконичнѣе итальянскому писателю, составлявшему статью объ его жизни и дѣятельности. «Вся моя біографія—въ моихъ сочиненіяхъ», писалъ Тургеневъ, и прибавилъ, что въ его жизни ничего нѣтъ выдающагося и для иностранныхъ читателей занимательнаго ²⁾).

Ивану Сергѣевичу, какъ и всякому другому, случалось бесѣдовать въ дружескомъ кружкѣ. Разговоры легко и естественно переходили на воспоминанія, и въ такія минуты отъ Тургенева слышали иногда любопытнѣйшія подробности относительно его семьи, дѣтства, молодости. Не мало такихъ воспоминаній записано другомъ Ивана Сергѣевича—Я. П. Полонскимъ, и любопытнѣйшая бесѣда такого же содержанія записана въ мартѣ 1880 года во время пребыванія Тургенева въ Петербургѣ. Разговоръ воспроизведенъ однимъ изъ очевидцевъ на слѣдующій день и сообщаетъ, повидимому, вполне точныя данныя для біографіи знаменитаго романиста ³⁾. Приходилось Ивану Сергѣевичу изрѣдка касаться своихъ житейскихъ подробностей въ письмахъ. Такъ, въ письмѣ отъ 19 іюня 1874 года онъ изобразилъ свои отношенія къ матери по смерти отца, свои отношенія къ крестьянамъ послѣ кончины матери ⁴⁾. Это въ высшей сте-

¹⁾ *Первое собраніе писемъ И. С. Тургенева.* Спб. 1883, 155.

²⁾ *Историческій Вѣстникъ*, XIV, 446.

³⁾ *Русская Старина*, XL, 202.

⁴⁾ *Письма*, 233—4.

пени драгоценный документъ, но на такіе документы Тургеневъ былъ весьма щедръ. Громадные пробѣлы, оставленные личными сообщеніями Ивана Сергѣевича, мы должны заполнять свидѣніями изъ чужихъ рукъ.

Тургеневъ, при всей своей несловоохотливости на счетъ личныхъ отношеній, любилъ останавливаться на преданіяхъ своей семьи. Эти преданія, дѣйствительно, весьма характерны и любопытны, ими не разъ пользовался Тургеневъ и въ своихъ произведеніяхъ. Пальма первенства по части оригинальности и исключительно сильныхъ характеровъ принадлежитъ предкамъ Тургенева по матери—Лутовиновымъ. Это—одна изъ стариннѣйшихъ помѣщичьихъ семей. Предки ея служили еще при литовскихъ князьяхъ, владѣвшихъ Бѣлоруссией, и жили настоящими магнатами. Богатство ихъ переходило изъ рода въ родъ, и досталось, наконецъ, двумъ братьямъ—Петру Ивановичу и Ивану Ивановичу. У старшаго, Петра, была дочь Варвара, впоследствии мать знаменитаго писателя. Младшій, Иванъ, оказался типичнѣйшимъ героемъ всей фамиліи. Иванъ Сергѣевичъ обезсмертилъ его образъ въ двухъ рассказахъ—«Три портрета» и «Одноворець Овсянниковъ». Рассказъ одноворца—сплошная исторія обидъ, перенесенныхъ отъ дикаго самодура крестьянами и людьми беззащитными. Лутовиновъ не только отбиралъ чужую землю, но еще жестоко и позорно наказывалъ законныхъ владѣльцевъ. Бывали у него и подручные исполнители, вродѣ опричниковъ. Потомуку насильника приходилось выслушивать горькія рѣчи отъ очевидцевъ всѣхъ этихъ подвиговъ... Отвратительнѣйшій порокъ Лутовинова изображенъ въ «Трехъ портретахъ». Старикъ-скупецъ, пересчитывающій палочкой кульки съ деньгами—это тотъ же Иванъ Ивановичъ. Онъ умеръ скоростижной смертью, отъ разрыва сердца, по другимъ извѣстіямъ—подавился косточкой плода. Напуганные крестьяне долго еще грезили страшнымъ призракомъ. Они показывали плотину, гдѣ по ночамъ прогуливается и охаетъ тѣнь покойнаго помѣщика...

Иванъ Лутовиновъ былъ не единственной фигурой въ своей семьѣ. Въ томъ же рассказѣ «Три портрета» дѣйствуетъ Василій Ивановичъ Лучиновъ. Это—подлинное лицо, также одинъ изъ Лутовиновыхъ. Его портретъ до послѣдняго времени существовалъ въ тургеневскомъ домѣ въ селѣ Спасскомъ. Иванъ Сергѣевичъ съ большою точностью изобразилъ внѣшнія черты этого портрета, но, очевидно, отступилъ предъ подробнымъ воспроизведеніемъ характера и біографіи своего предка. Въ рассказѣ Василій Ивановичъ играетъ страшную роль—безсердечнаго, кровожаднаго эгоиста. Подлинный прототипъ былъ еще отвратительнѣе. Его подвиги не поддаются пересказу...

Женская линия также представила достойные экземпляры. Одинъ изъ иностранцевъ передаетъ рассказъ Ивана Сергѣевича объ его бабкѣ. Старая, вспыльчивая барыня, пораженная параличомъ и почти неподвижно сидѣвшая въ креслѣ, разсердилась однажды на казачка, который ей прислуживалъ, за какой-то недосмотръ, и—въ порывѣ гнѣва—схватила погѣно и ударила мальчика по головѣ такъ сильно, что онъ упалъ безъ чувствъ. Это зрѣлище произвело на нее непріятное впечатлѣніе. Она нагнулась, подняла его на свое широкое кресло, положила ему большую подушку на окровавленную голову, и, сѣвши на нее, задушила несчастнаго...

Таковы, богѣ или менѣе, отдаленныя преданія тургеневской семьи. Ближайшее прошлое было окрашено такими же мрачными красками. Это прошлое—жизнь и характеръ матери Ивана Сергѣевича, Варвары Петровны.

Сынъ выражался о ней довольно неопредѣленно. Ему, очевидно, тяжело было рисовать другимъ этотъ образъ, способный вызвать дрожь ужаса. «Мать моя», рассказывалъ Иванъ Сергѣевичъ, «была жевщиною, вполне вливавшеюся въ форму XVIII и первыхъ десятилѣтій XIX вѣка. Пушкина она едва-едва признавала за замѣчательнаго писателя, но литературу русскую дальше Пушкина положительно не признавала. Поэтому, хотя она умерла въ 1850 году, т. е. когда я уже лѣтъ семь, какъ дѣятельно участвовалъ въ журналахъ, она не признавала во мнѣ писателя, да и ни одной статьи моей, ни даже *Записокъ охотника*, совершенно не читала⁵⁾».

Пренебреженіе къ русской литературѣ и къ писательской дѣятельности сына было, едва ли, не самой незначительной обидой среди

⁵⁾ *Русская Старина*, XL, 202. Этимъ заявленіемъ уничтожается сообщеніе автора *Воспоминаній о селѣ Спаскомъ*—В. Колонтаевой, рассказывающей слѣдующее: «Ясно помню, какъ онъ (Тургеневъ) однажды, войдя въ кабинетъ матери, подаль ей въ розовой оберткѣ очень плохо и неряшливо изданную поэмку *Париша*, просмотрѣвъ которую, Варвара Петровна залилась слезами радости и обняла сына. Хотя въ концѣ поэмы стояли буквы Т. Л., но сердце матери подсказало ей имя настоящаго автора, который стоялъ тутъ же, съ лицомъ, сіяющимъ отъ счастья». *Ист. Вѣстн.*, XXII, 63. Ниже, со словъ гораздо болѣе достовѣрнаго свидѣтеля, мы убѣдимся въ совершенно противоположномъ отношеніи Варвары Петровны къ литературной дѣятельности сына. Такія же фантастическія свѣдѣнія о матери Тургенева сообщаетъ О. Аргмакова въ ст. *Семейство Тургеневыхъ*, *Ист. Вѣстн.* XV, 324. Нѣкоторыя извѣстія этихъ воспоминаній, напримѣръ, о существованіи въ домѣ Варвары Петровны «придворныхъ должностей» и слугъ, носившихъ даже фамиліи министровъ,—прямо опровергаются В. И. Житовой, воспитанницей Варвары Петровны и надежнѣйшей свидѣтельницей всего, что касается матери Ивана Сергѣевича и его первой молодости. См. *Вѣстн. Евр.*, 1884, п. 85.

жесточайшихъ издѣвательствъ, которымъ въ теченіи цѣлыхъ лѣтъ подвергались всѣ окружающіе, и въ томъ числѣ Иванъ Сергѣевичъ. Только исторія Варвары Петровны можетъ объяснить отчасти ея отношенія къ дѣтямъ и вообще къ людямъ.

Это исторія въ полномъ смыслѣ драматическая. Выше мы видѣли рядъ героевъ изъ фамиліи Луговинowychъ,—Варвара Петровна въ первую половину жизни представляла типичную жертву этого героизма.

Варвара Петровна рано осталась сиротой. Мать ея—Екатерина Ивановна Луговина—не любила дочери, скоро во второй разъ вышла она замужъ за вдовца, имѣвшаго двухъ взрослыхъ дочерей, и совершенно отдалась вліянію мужа. Положеніе ребенка оказалось отчаяннымъ. Вотчимъ невозбранно преслѣдовалъ его, не отступалъ даже предъ побоями, на немъ срывалъ свой пьяный, буйный гнѣвъ. Когда Варварѣ Петровнѣ минуло шестнадцать лѣтъ, преслѣдованія приняла другой видъ. Дѣвушка не знала, какъ спастись отъ развратнаго старика. Ей грозило унижительное наказаніе. Оставалось бѣжать,—и несчастная бѣжала съ помощью няни: полуодѣтая, пѣшкомъ, прошла около шестидесяти верстъ и нашла пріютъ у дяди, Ивана Ивановича Луговина, жившаго въ сельцѣ Спасскомъ.

Луговиновъ принялъ племянницу подъ свою защиту, и Варвара Петровна осталась жить въ Спасскомъ. Мы знаемъ, какова была эта жизнь. Дядя, конечно, не думалъ мѣнять своего права ради племянницы;—напротивъ, она же стала одною изъ жертвъ его самодурства. Онъ держалъ ее почти взаперти, совершенно подавилъ и обезличилъ. Такъ прошла вся молодость вплоть до тридцати лѣтъ, когда, наконецъ, тюремщикъ умеръ⁶⁾.

Варвара Петровна стала единственною наследницею многочисленныхъ имѣній матери и дяди, и въ первый разъ въ жизни почувствовала себя не только свободной, но полновластной госпожей нѣсколькихъ тысячъ крѣпостныхъ рабовъ. Легко представить, какими жгучимъ дыханьемъ повѣяла эта свобода на измученную, годами поработенную дѣвушку! Въ жилахъ Варвары Петровны текла та же горячая, бурная луговинская кровь. Жить хотѣлось, не удержимо хотѣлось, и теперь на тридцатилѣтнемъ возрастѣ эта женщина возьметъ отъ жизни все, въ чемъ раньше судьба ей отказывала. Она прежде всего воспользуется той стороною жизни, которая болѣе всего причинила ей обидъ и огорченій,—властью. Варвара Петровна будетъ не просто повелѣвать и властвовать,—цѣтъ,

⁶⁾ *Воспоминанія о семьѣ И. С. Тургенева. В. И. Житовой. Вѣстн. Евр.* 1884, ноябрь, 73.

это будетъ настоящая оргія самовластья, упоеніе своей силой, какое-то самозабвеніе среди трепета и ужаса подвластныхъ. Вторая половина жизни будетъ местию за загубленную молодость, за пережитое рабство. Местъ будетъ тѣмъ безопаднаѣе, что и на свободѣ Варвара Петровна не найдетъ личнаго счастья.

Сергѣй Николаевичъ Тургеневъ служилъ въ Елизаветградскомъ гусарскомъ полку и по имѣніямъ былъ сосѣдомъ Варвары Петровны. Они познакомились съ Тургеневыми въ Орлѣ, и, по нѣкоторымъ рассказамъ, Варвара Петровна сама вызвала предложеніе со стороны красиваго офицера, врядъ ли разсчитывавшаго на такую завидную партію ⁷⁾. Вѣшность юнаго гусара, дѣйствительно, была обаятельна, но этимъ и ограничивались достоинства избранника Варвары Петровны. Однажды за границей она встрѣтилась съ владѣтельной нѣмецкой принцессой. Оказалось, этой принцессѣ когда-то былъ представленъ Сергѣй Николаевичъ. Теперь принцесса случайно увидѣла на рукѣ Тургеновой браслетъ съ портретомъ красиваго гусара и обратилась къ ней съ такими словами: «Вы—жена Тургенева, я его помню; послѣ императора Александра I я не видала никого, красивѣе вашего мужа».

Въ этой красотѣ было нѣчто, не особенно лестное для мужчины. Другъ Тургенева, видѣвшій портретъ его отца, излагаетъ свои впечатлѣнія въ слѣдующей формѣ: «Онъ глядитъ еще юношей глѣтъ 26, хорошъ собой, и—странно—не смотря на удивительные темные глаза, смѣлые и мужественные, такъ и кажется, что это не мужчина, а дама, или даже камелія, наряженная въ бѣлый конно-гвардейскій мундиръ, и въ галстухъ, который безъ всякаго узелка или бантика обматываетъ ея бѣлую лебединую шею, и такъ высоко, что слегка подпираетъ ей подбородокъ. Взглядъ какой-то русалочный—свѣтлый и загадочный, чувствительныя губы и едва замѣтная усмѣшка».

Иванъ Сергѣевичъ, повидимому, неохотно вспоминалъ о своемъ отцѣ, но, когда это случалось, онъ съ полной искренностью опредѣлялъ преобладающую черту его характера: «Отецъ мой былъ великій ловець передъ Господомъ», и въ доказательство разсказалъ одинъ изъ подвиговъ «ловца». Разсказъ *Первая любовь*, какъ извѣстно, вдохновленъ автору семейными преданіями...

Тургеневъ—отецъ своимъ общественнымъ положеніемъ былъ обязанъ исключительно выгодной женитьбѣ. Послѣ него, по словамъ сына, осталось всего 130 душъ, разстроенныхъ и не даван-

⁷⁾ *Воспоминанія о селѣ Спаскомъ. Ист. Вѣстн.* XXII, 43: авторъ ссылается на разсказы «людей», помнившихъ о началѣ этого святотвства».

шихъ дохода. Блестящая барская жизнь, послѣдовавшая послѣ свадьбы, доставляла гораздо болѣе удовольствій мужу, чѣмъ женѣ. Наклонности Сергѣя Николаевича не ослабѣвали съ годами; врядъ ли въ этой семьѣ царствовало счастье. Варвара Петровна никогда не отличалась красотой, скорѣе—противоположнымъ качествомъ, и по времени замужества молодость уже давно отошла въ область тяжелыхъ воспоминаній.

У Тургеневыхъ было трое сыновей — Николай, Иванъ и Сергѣй. Послѣдній умеръ восемнадцати лѣтъ отъ эпилепсіи. Любимымъ ребенкомъ считался Иванъ, но въ дѣйствительности такое привилегированное положеніе оказывалось злѣйшей ироніей.

Громадный старинный домъ Тургеневыхъ въ сорокъ комнатъ представляетъ собой гнѣздо всевозможныхъ нравственныхъ пытокъ и физическихъ мученій. Мы не станемъ пересказывать всѣхъ, часто весьма хитрыхъ и тонкихъ, способовъ мучительства, какіе изобрѣтались госпожой. Память иныхъ очевидцевъ⁸⁾, можетъ быть, здѣсь и украсила дѣйствительность, но основа рассказовъ остается неизмѣнно правдивой. Преданнѣйшіе слуги не были ограждены отъ страшныхъ обидъ и огорченій. У Варвары Петровны былъ старый дворецкій Поляковъ, вмѣстѣ съ женой служившій ей всю жизнь съ безпримѣрнымъ усердіемъ. Въ награду его едва не убили наслѣдственнымъ костьюемъ Лутовиновыхъ, и все таки разжаловали и сослали въ дальнюю деревню. Жену того же Полякова измучили злѣйшей мукой, запрещая держать при себѣ и кормить своихъ дѣтей. Барыня старалась мучить именно того, кто ближе всего стоялъ къ ней, и, въ случаѣ защиты съ чьей-либо стороны, грозная опала распространялась на виноватыхъ и на защитниковъ. Особенное негодованіе госпожи возбуждалъ тотъ, кто начиналъ пользоваться любовью, расположеніемъ другихъ. Тогда придиранкамъ, утонченнымъ издѣвательствамъ не было конца. Здѣсь ни во что ставили человѣческія слезы и человѣческое счастье. Разбить дорогое чувство, однимъ жестомъ разрушить надежду всей жизни, однимъ капризомъ обездолить цѣлую семью казалось своего рода праздникомъ, торжествомъ власти... Сколько совершалось здѣсь драмъ день за днемъ, никѣмъ незримыхъ, никому невѣдомыхъ!..—незримыхъ и невѣдомыхъ многіе годы,—но настало время, явился и въ этомъ мірѣ челоѣкъ, собравшій и взвѣсившій капли непризнанныхъ слезъ...

⁸⁾ Такими украсами, несомнѣнно, полны воспоминанія О. В. Аргамаковой. Нѣкоторые эпизоды, сообщаемые ею, носятъ вполне сказочный характеръ, если даже о характерѣ Варвары Петровны судить съ самой суровой точки зрѣнія,—особенно, напр., эпизодъ съ сыномъ Николаемъ. *Тв.*, 332.

Тяжело было дѣтство Ивана Сергѣевича. Въ груди ребенка билось чуткое, впечатлительное сердце, жаждавшее тепла и ласки, а кругомъ ужасный домъ, наполненный грозными призраками и, кажется, еще болѣе грозными, или равнодушными и забытыми живыми людьми. Здѣсь не понимаютъ стремленій, сродныхъ дѣтской душѣ. Мать не знала дѣтства. Она стала помнить себя чуть ли не сиротой; прошла жизнь въ школѣ одиночества и гнета. Трудно было спуститься послѣ такого пути до пристального наблюденія надъ міромъ ребенка, повидимому, малымъ и ограниченнымъ, но для любящаго взора исполненнымъ чарующихъ тайнъ и чудесъ... А между тѣмъ, здѣсь развивался и міръ исключительный, міръ будущаго великаго художника, безконечно богатый своеобразными ощущеніями, темными, едва уловимыми намеками, нѣжнѣйшими побѣгами, — всѣмъ, чему суждено впослѣдствіи именоваться гениемъ и творчествомъ... Но здѣсь никого нѣтъ, кто бы даже въ лучшія минуты неясныхъ предчувствій почувялъ грядущую силу. Напротивъ. Здѣсь все сдѣлають, чтобы заглушить и искоренить божественную искру... Только чудная сила, породившая величайшаго проповѣдника гуманности и мысли въ царствѣ насилія и мрака, выведетъ къ свѣту свое избранное дѣтище...

Варвара Петровна знала одно педагогическое средство—розгу. «Драли меня», рассказываетъ Иванъ Сергѣевичъ, «за всякіе пустяки чуть не каждый день... Разъ, одна приживалка, уже старая, Богъ ее знаетъ, что она за мной подглядѣла, донесла на меня моей матери. Мать безъ всякаго суда и расправы тотчасъ же начала меня сѣчь, — сѣкла собственными руками, и на всѣ мои мольбы, сказать, за что меня наказываютъ, приговаривала: самъ знаешь, самъ долженъ знать, самъ догадайся, самъ догадайся, за что я сѣку тебя».

На другой день ребенокъ окончательно отказался угадать свою вину. Тогда наказаніе повторили и общали повторять его до тѣхъ поръ, пока онъ не сознается въ своемъ преступленіи. Мнимый преступникъ пришелъ въ смертный ужасъ. Ему представился единственный путь спасенія—бѣгство изъ родного дома. И вотъ какъ онъ самъ впослѣдствіи описывалъ свое настроеніе. Плавъ бѣгства, конечно, приводился въ исполненіе ночью...

«Я уже всталъ. Потихоньку одѣлся и въ потемкахъ пробирался корридормъ въ сѣни. Не знаю самъ, куда я хотѣлъ бѣжать, — только чувствовалъ, что надо убѣжать, и убѣжать такъ, чтобы не напали, и что это единственное мое спасеніе. Я крался, какъ воръ, тяжело дыша и вздрагивая. Какъ вдругъ въ корридорѣ появилась зажженная свѣчка, и я, къ ужасу моему, увидѣлъ, что ко

мнѣ кто-то приближается — это былъ нѣмецъ, учитель мой. Онъ поймалъ меня за руку, очень удивился и сталъ меня допрашивать.—Я хочу бѣжать, сказалъ я, и залился слезами.—Какъ, куда бѣжать?—Куда глаза глядятъ.—Зачѣмъ?—А за тѣмъ, что меня сбькутъ, и я не знаю, за что сбькутъ.—Не знаете?—Клянусь Богомъ, не знаю».

«Тутъ добрый старикъ обласкалъ меня, обнялъ и далъ мнѣ слово, что уже больше наказывать меня не будутъ.

«На другой день утромъ онъ постучался въ комнату моей матери и о чемъ-то долго съ ней наединѣ бесѣдовалъ. Меня оставили въ покоѣ».

Интересна роль отца въ подобныхъ исторіяхъ. Отецъ съ такою же легкостью, какъ и мать, повѣрилъ наговору приживалки и не подумалъ разслѣдовать дѣло, —напротивъ, къ горькимъ чувствамъ ребенка прибавилъ еще свои укоризны въ столь ранней испорченности. Съ этой стороны было полное равнодушіе къ духовному развитію сына, и всякая карающая мѣра, къ чему бы она ни примѣнялась, встрѣчала, очевидно, полное сочувствіе...

Въ дѣтствѣ Иванъ Сергѣевичъ отличался одной способностью, въ высшей степени симпатичной и отрадной, но въ Спасскомъ домѣ производившей впечатлѣніе какого-то злого духа. Ребенокъ былъ крайне искрененъ и экспансивенъ. Врожденная впечатлительность на каждомъ шагу подвергала его жестокой опасности—обмолвиться нехстати преступнымъ замѣчаніемъ. Тургеневъ передаетъ на этотъ счетъ нѣсколько забавныхъ приключеній. Всѣ они относятся къ шести-семилѣтнему возрасту.

Разъ его представили весьма почтенному старцу, и предупредили, что это сочинитель Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ. Ребенокъ прочелъ предъ авторомъ одну изъ его басенъ, но не удовлетворился одной декламацией, — ему захотѣлось высказать свой критическій взглядъ, и онъ прямо въ глаза достопочтенному старцу брякнулъ:

«Твои басни хороши, а Ивана Андреевича Крылова — гораздо лучше». Легко представить ужасъ матери юнаго критика. Она «такъ разсердилась», рассказывалъ Иванъ Сергѣевичъ, «что высѣкла меня, и этимъ закрѣпила во мнѣ воспоминаніе о свиданіи и знакомствѣ, первомъ по времени,—съ русскимъ писателемъ».

Другой случай еще драматичнѣе, и на этотъ разъ бѣда произошла все отъ той же наклонности мальчика—высказывать свои личные взгляды. Его представили важной старухѣ, свѣтлѣйшей княгинѣ Голеницовой - Кутузовой - Смоленской. Ребенка поразила оригинальная внѣшность княгини. Ему вдругъ представилась икона какой-либо святой, самаго дурного письма, почеркнѣвшая отъ вре-

мени. Иванъ Сергѣевичъ оказался не въ силахъ проникнуться благоговѣйнымъ почтеніемъ, какое выказывали къ старухѣ его мать и всѣ окружающіе, и откровенно заявилъ знатной барынѣ: «ты совсѣмъ похожа на обезьяну»...

Въ результатѣ ~~последовало~~ последовало, конечно, новое возмездіе...

Всѣ эти эпизоды изъ дѣтской жизни Тургенева и отношенія къ ребенку родителей близко напоминаютъ дѣтство другого великаго русскаго писателя, Иванъ Сергѣевичъ до самой смерти хранилъ глубочайшее благоговѣніе къ памяти Пушкина. Онъ считалъ его своимъ учителемъ, хотѣлъ завѣщать — похоронить себя у ногъ великаго поэта, и не сдѣлалъ этого только потому, что считалъ это мѣсто вѣчнаго упокоенія для себя слишкомъ почетнымъ, незаслуженнымъ... Ивана Сергѣевича ни на минуту не покидала его обычная скромность... Но вопросъ не въ этомъ. Восторженное сочувствіе къ Пушкину любопытно во многихъ отношеніяхъ. Независимо отъ гениальнаго творчества, Пушкинъ производилъ могучее впечатлѣніе на своего ученика — личностью и личной судьбой. Недаромъ Иванъ Сергѣевичъ взялъ на себя крайне рискованный трудъ — внести свѣтъ въ послѣдній актъ пушкинской драмы, издать его письма къ женѣ, — и достигъ цѣли. Русская публика впервые воочию съ совершенной ясностью увидѣла страдальческой образъ своего поэта — борца, лишеннаго отрады, счастья, даже признанія тамъ, гдѣ были сосредоточены его задушевіишія мечты о мирѣ и любви, — у семейнаго очага. Страданія, пережитыя великимъ человекомъ, стали достояніемъ общественнаго мнѣнія. Самъ издатель писемъ могъ почувствовать въ этой исторіи нѣчто, гораздо болѣе близкое, для себя родное, чѣмъ всѣ другіе читатели. Мы увидимъ, что жесточайшая изъ драмъ, — драма одиночества — съ одинаковой силой тяготѣла надъ жизнью и Тургенева, и Пушкина. Для того и другого поэта драма началась съ самаго дѣтства. Эта общая участь могла только сообщить исключительную горячность и глубину восторгамъ ученика предъ талантомъ и личностью учителя.

Дѣтство Пушкина такое же безпріютное, заброшенное, какъ и дѣтство Тургенева. Пушкинъ, четырехлѣтнимъ ребенкомъ, живетъ одинъ съ своими думами, впечатлѣніями; къ нему не только не идутъ на встрѣчу съ привѣтомъ, съ искреннимъ желаніемъ понять запросы его просыпающагося сознанія; — напротивъ, надъ нимъ издѣваются, укоряютъ его за некрасивую виѣшность, неизящныя манеры, неповоротливость. Ребенокъ во мнѣніи родителей вдругъ попадаетъ въ разрядъ дѣтей съ извращенной натурой. Уѣзжая изъ роднаго дому на двѣнадцатомъ году жизни, Пушкинъ увозитъ самое до-

рогое воспоминаніе не о людяхъ, ближайшихъ ему по природѣ, а о простой безграмотной крѣпостной слугѣ, нянѣ Аринѣ Родіоновнѣ...

Вотъ кто дѣлалъ первые проблески нравственнаго развитія будущаго великаго поэта! Историкъ русской литературы придется признать великую роль въ жизни не одного русскаго писателя— за крѣпостными рабами. Только изъ этой среды до барскихъ дѣтей долетало вѣяніе *русской* жизни; только отъ этихъ людей они слышали родныя преданія, родную рѣчь, только въ ихъ обществѣ научались любить родной языкъ, нравы, вѣрованія, радости и горе своего народа. Въ безсмертной поэтической дѣятельности Пушкина посяяно неизмѣримо больше плодотворныхъ сѣмянъ няней ребенка, чѣмъ его отцомъ и матерью, больше чѣмъ призванными руководителями его дѣтства. Сколько сердечныхъ привѣтствій высказано великимъ поэтомъ этой «подругѣ юности!..» Какія искреннія слезы были вызваны ея кончиной, и какимъ отраднымъ, умиротворяющимъ свѣтомъ сіяла память чудной старушки для ея питомца до послѣднихъ его дней! Это одна изъ трогательнѣйшихъ исторій, но за ней таится невольный упрекъ—равнодушію, эгоизму и легкомыслію другихъ людей...

Подобную участь испыталъ Тургеневъ. У него, какъ и у Пушкина, въ теченіи раннихъ лѣтъ ученья, смѣнилось множество гувернеровъ и учителей, конечно, иностранцевъ. Все это были наемники, одной ступенью только стоявшіе выше обыкновенной прислуги. Такъ на нихъ и смотрѣли господа, такъ къ нимъ относилась даже дворяня. Иванъ Сергѣевичъ рассказываетъ о пріѣздѣ одного изъ такихъ учителей въ Спасское. На этотъ разъ учитель былъ нѣмецъ, и съ перваго же шага зарекомендовалъ себя большимъ чудакомъ. Съ нѣмцемъ пріѣхала самая простая, обыкновенная, даже неученая, ворона. Многочисленная дворяня сбѣжалась взглянуть на диковиннаго гостя, и недоумѣвала, зачѣмъ нѣмецъ привезъ ворону, когда этого добра сколько угодно было на господскомъ дворѣ. Но самъ хозяинъ усердно суетился со своей птицей.

«Старикъ дворовый, глядя на его суетню, флегматически замѣтилъ: «ахъ, ты, фуфлыга», обращая эпитетъ, конечно, къ нѣмцу. Нѣмецъ обидѣлся, задумался, и на другой день за завтракомъ или обѣдомъ неожиданно обратился къ отцу моему и, весьма плохо объясняясь по русски, заявилъ ему, что онъ имѣетъ спросить его по одному предмету:

«— Позвольте у васъ узнать, что значить слово *фуфлыга*? Меня вчера назвалъ вашъ челоувѣкъ этимъ словомъ.

«Отецъ взглянулъ на тутъ же бывшаго двороваго и на меня съ братомъ, догадался въ чемъ дѣло, улыбнулся и сказалъ:

«— Это значитъ живой и любезный господинъ.

«Видимо, что нѣмецъ не очень-то повѣрилъ этому объясненію.

«— А еслибъ вамъ сказали,—продолжалъ онъ,—обращаясь къ отцу моему: ахъ, какой вы фуфлыга! вы не обидѣлись бы?

«— Напротивъ, я принялъ бы это за комплиментъ».

Нѣмецъ оказался однимъ изъ самыхъ щепетильныхъ педагоговъ. Другимъ его качествомъ была крайняя чувствительность. Онъ не могъ читать безъ слезъ произведеній Шиллера. И все-таки этотъ чувствительный, самолюбивый наставникъ русскаго юношества обнаружилъ совершенное отсутствіе какой бы то ни было педагогической подготовки. Ее и трудно было приобрести: до вступленія на педагогическое поприще—нѣмецъ былъ сѣдельникомъ. Его скоро уволили.

Увольненіе гувернеровъ и наставниковъ въ спасскомъ домѣ происходило не всегда мирнымъ путемъ. Съ однимъ нѣмцемъ произошла трагическая исторія. Однажды Сергѣй Николаевичъ вздумалъ взглянуть на классныя занятія дѣтей и поднялся въ ихъ комнату. Какъ разъ въ эту минуту наставникъ, выведенный изъ терпѣнія старшимъ ученикомъ, схватилъ его за волосы. Тургеневъ засталъ сцену въ самомъ разгарѣ, бросился на педагога, приподнял его за воротъ на воздухъ и сбросилъ съ лѣстницы второго этажа. Несчастный немедленно былъ выселенъ изъ господскаго дома.

При такихъ условіяхъ происходило просвѣщеніе молодыхъ барчуковъ. Иванъ Сергѣевичъ все-таки успѣлъ познакомиться на урокахъ чувствительнаго нѣмца съ нѣмецкой литературой. Врядъ ли это знакомство могло быть особенно глубокимъ,—тѣмъ болѣе, что частая смѣна учителей, несомнѣнно, мѣшала прочной системѣ преподаванія.

Главнѣйшимъ учителемъ Ивана Сергѣевича оказался дворовый человѣкъ.

Русскій языкъ былъ почти изгнанъ изъ обихода въ господскомъ домѣ Тургеновыхъ. Варвара Петровна по русски говорила только съ прислугой, но и среди прислуги было не мало «образованныхъ людей», т. е. говорившихъ на одномъ и даже двухъ иностранныхъ языкахъ. Крѣпостной фельдшеръ, исполнявшій обязанности домашняго врача, прекрасно говорилъ по нѣмецки, дворецкій Поляковъ говорилъ и писалъ по французски. Все молодое поколѣніе господъ обязано было думать и молиться на французскомъ языкѣ, даже молитва предъ причащеніемъ во время говѣнья произносилась на томъ же языкѣ. Эта культура иноземнаго языка должна была уживаться рядомъ съ первобытными личными и общественными отношеніями. Питомцы крѣпостныхъ порядковъ не находили здѣсь

ни малѣйшаго противорѣчія; напротивъ,—въ унижительномъ положеніи народа видѣли даже оправданіе для своего презрѣнія къ народному языку и народной жизни. На такой сценѣ приходилось дѣйствовать русской литературѣ. Мало того. Именно здѣсь, въ экзотической, полудикой атмосферѣ должны были развернуться силы великихъ дѣятелей *народнаго* слова. Пушкинъ русскую рѣчь услышалъ отъ няни, Тургеневъ—отъ двороваго слуги.

Федоръ Ивановичъ Лобановъ навсегда остался близкимъ довереннымъ человѣкомъ Ивана Сергѣевича и завѣдывалъ многими его дѣлами, на примѣръ, такимъ интимнымъ вопросомъ, какъ дѣловыя отношенія Тургенева къ матери его дочери. У Варвары Петровны онъ исполнялъ должность домашняго секретаря,—и совершенно независимо отъ своихъ прямыхъ обязанностей, принялся обучать Ивана Сергѣевича русской грамотѣ. Это была неоцѣненная услуга, и Тургеневъ не забывалъ ея до конца жизни. Обучение происходило довольно оригинальнымъ путемъ. Лобановъ вводилъ барчука въ садъ, и начиналъ читать ему *Rossiadu*, поэму Хераскова. «Каждый стихъ этой поэмы», рассказывалъ Тургеневъ, «онъ читалъ сначала, такъ сказать, *начерно*, скороговоркою, а затѣмъ тотъ же стихъ читалъ *набѣло*, громогласно, съ необыкновенною восторженностью. Меня чрезвычайно занималъ вопросъ и вызывалъ на размышленія, что значитъ прочитанъ сначала *начерно*, и каково отлично чтеніе *набѣло*, велегласное. Любилъ я слушать *Rossiadu*, и для меня было большимъ наслажденіемъ, когда нашъ доморощенный чтець-декламаторъ позоветъ меня, бывало, въ садъ въ сотый разъ вслушиваться въ чтеніе его отрывковъ изъ тяжеловѣснаго произведенія Хераскова».

Воспоминаніями объ этомъ оригинальномъ любителѣ отечественной литературы Тургеневъ воспользовался въ своемъ рассказѣ *Пушинъ и Бабуринъ*. Здѣсь впечатлѣнія передаются съ такой искренностью, съ такой сердечностью, что не остается ни малѣйшаго сомнѣнія въ ихъ смыслѣ для самого автора. Здѣсь даже повторяются тѣ самыя черты, какія Тургеневъ приписывалъ своему подлинному учителю. Страница изъ рассказа—одинъ изъ достовѣрнѣйшихъ біографическихъ документовъ. Мы напомнимъ ее читателямъ. Весь рассказъ ведется отъ лица самого героя.

«Рассказы Пушина занимали меня чрезвычайно; но больше даже его рассказовъ любилъ я чтенія, которыя онъ производилъ со мной. Невозможно передать чувство, которое я испытывалъ, когда, уловивъ удобную минуту, онъ внезапно, словно сказочный пустынный или добрый духъ, появлялся передо мною съ извѣстной книгой подъ мышкой, и украдкой, кивая длиннымъ кривымъ пальцемъ и тайнст-

венно подмигивая, указывалъ головой, бровями, плечами, всѣмъ тѣломъ, на глубь и глушь сада, откуда никто не могъ проникнуть за нами, и гдѣ невозможно было насъ отыскать! И вотъ удалось намъ уйти незамѣченными; вотъ мы благополучно достигли одного изъ нашихъ тайныхъ мѣстечекъ; вотъ мы сидимъ уже рядкомъ, вотъ уже и книга медленно раскрывается, издавая рѣзкій, для меня тогда неизъяснимо-пріятный, запахъ пѣсени и старья! съ какимъ трепетомъ, съ какимъ волненіемъ мѣмотствующаго ожиданія гляжу я въ лицо, въ губы Пунина—въ эти губы, изъ которыхъ вотъ-вотъ полетѣтъ сладостная рѣчь! Раздаются, наконецъ, первые звуки чтенія! Все вокругъ исчезаетъ... нѣтъ, не исчезаетъ, а становится далекимъ, заволакивается дымкой, оставляя за собою одно лишь впечатлѣніе чего-то дружелюбнаго и покровительственнаго! Эти деревья, эти зеленые листья, эти высокія травы заслоняютъ, укрываютъ насъ отъ всего остальнаго міра; никто не знаетъ, гдѣ мы, что мы—а съ нами поэзія, мы проникаемся, мы упиваемся ею, у насъ происходитъ важное, великое, тайное дѣло... Пунинъ преимущественно придерживался стиховъ—звонкихъ, многошумныхъ стиховъ; душу свою онъ готовъ былъ положить за нихъ! Онъ не читалъ, онъ выкрикивалъ ихъ торжественно, заливчато, закатисто, въ носъ, какъ опьянѣлый, какъ изступленный, какъ Пюіо! И еще вотъ какая за нимъ водилась привычка: сперва прожужжитъ стихъ тихо, въ полголоса, какъ бы бормоча... Это онъ называлъ читать начерно; потомъ уже грянетъ тотъ же самый стихъ набѣло и вдругъ вскочить, подниметъ руки—не тѣ молитвенно, не тѣ повелительно... Такимъ образомъ мы прошли съ нимъ не только Ломоносова, Сумарокова и Кантемира (чѣмъ старѣе были стихи, тѣмъ больше они приходились Пунину по вкусу)—но даже *Россиаду* Хераскова! И правду говоря, она-то, эта самая *Россиада* меня въ особенности восхитила. Тамъ, между прочимъ, дѣйствуетъ одна мужественная татарка, великанша-героиня; теперь я самое имя ея позабылъ, а тогда у меня и руки и ноги холодѣли, какъ только она упоминалась. «Да», говаривалъ, бывало, Пунинъ, значительно кивая головою: «Херасковъ—тотъ спуску не даетъ. Иной разъ такой выдвинетъ стишокъ—просто, зашибетъ... Только держись!... Ты его постигнуть желаешь, а ужъ онъ вонъ гдѣ! и трубитъ, трубятъ, аки кимвалонъ! Зато ужъ и имя ему дано одно слово: Херррасковъ!!»—Ломоносова Пунинъ упрекалъ въ слишкомъ простомъ и вольномъ слогѣ, а къ Державину относился почти враждебно, говоря, что онъ болѣе царедворецъ, нежели поета. Въ нашемъ домѣ не только не обращали никакого вниманія на литературу, на поэзію, но даже считали стихи, особенно русскіе стихи, за нѣчто совсѣмъ

непристойное и поганое; бабушка ихъ даже не называла стихами, а «кантами»; всякій сочинитель кантовъ былъ, по ея мнѣнію, либо пьяница горькій, либо круглый дуракъ. Воспитанный въ подобныхъ понятіяхъ, я неминуемо долженъ былъ либо съ гадливостью отвернуться отъ Пунина—онъ же къ тому былъ неопытенъ и неряшливъ, что тоже оскорбляло мои барскія привычки,—либо, увлеченный и побужденный имъ, послѣдовать его примѣру, заразиться его стихобѣсіемъ... Оно такъ и случилось. Я тоже началъ читать стихи, или, какъ выражалась бабушка, воспѣвать канты... даже попытался самъ вѣчто сочинить, а именно описаніе шарманки, въ которомъ находились слѣдующіе два стишка:

Вотъ вертится толстый валъ
И зубцами защекалъ...

Пунинъ одобрилъ въ этомъ описаніи вѣкоторую звукоподражательность, но самый сюжетъ осудилъ, какъ низкій и недостойный лириаго бряпанья».

Помѣщица, играющая роль бабушки въ разсказѣ, списана съ Варвары Петровны; разсказывается даже эпизодъ, совершенно тождественный съ драматическимъ приключеніемъ крестьянскихъ парней, сосланныхъ на поселеніе за невниманіе къ господамъ. И убѣжденія бабушки одинаковы съ принципами Варвары Петровны.

Мы, къ сожалѣнію, не можемъ съ точностью опредѣлить прототипъ Пунина. По однимъ свѣдѣніямъ, это можетъ быть Лобановъ, по другимъ, камердинеръ Варвары Петровны, Михайла Филипповичъ. По крайней мѣрѣ, послѣдній постоянно обращался къ воспитанницѣ Варвары Петровны съ упрекомъ, что она читаетъ французскія книжки, и рекомендовалъ почитать Хераскова. Михайло Филипповичъ отличался многими странностями, но ни одна изъ нихъ не напоминаетъ Пунина. Это, впрочемъ, частный вопросъ. Для насъ важенъ фактъ перваго знакомства будущаго гениальнаго писателя съ русскимъ словомъ при посредствѣ крѣпостнаго слуги...⁹⁾

Такой симпатичный образъ сопровождалъ дѣтство будущаго писателя! Есть что-то невыразимо трогательное въ этомъ равнѣмъ союзѣ простодушія взрослого грамотника, дѣтски-наивныхъ восторговъ предъ стариннымъ произведеніемъ родной литературы,—и просыпающейся страстной любви ребенка къ родному слову. Тургеневъ не находилъ словъ выразить свой восторгъ предъ силой и блескомъ русскаго языка. Ему казалось, что въ этомъ сокровищѣ заключены для русскаго народа неисчерпаемыя надежды—на вы-

⁹⁾ Свѣдѣнія, касающіяся этого вопроса, даются В. И. Житовой (*Вѣсти. Евр. Лѣт.*, 103—107) и статьей, напечатанной въ *Русскомъ Вѣстникѣ. Изъ воспоминанія о селѣ Спасскомъ-Лутовиновѣ*, О. В.—ъ. 1885 г., I, 339.

сокое развитіе его силъ. Такъ думалъ великій романистъ — въ концѣ своего славнаго писательскаго поприща. Начало этого пути въ высшей степени скромно: искусственная, напыщенная рѣчь стараго пѣты въ устахъ полуграмотнаго крестьянина. Такова сущность дѣла, но безъ этой рѣчи, и, главное, безъ этого крестьянина, чужой языкъ, чужіе звуки безраздѣльно владѣли бы мыслью и впечатлѣніями ребенка...

Такъ прошли первые годы дѣтства. Эту пору привыкли рисовать въ свѣтлыхъ краскахъ, и она дѣйствительно должна бы для всѣхъ быть самой свѣтлой и радостной порой жизни. Но не всѣмъ выпадаетъ такое счастье. Иванъ Сергѣевичъ не попалъ въ число счастливыхъ. Его дѣтскія впечатлѣнія безотрадны, часто драматичны. Уже наклонѣ лѣтъ онъ шага не могъ сдѣлать въ своемъ спасскомъ домѣ, чтобы не вспомнить какой-либо подвигъ своей матери. Всѣ подвиги были въ одномъ направленіи. Достаточно вспомнить одинъ.

Варвара Петровна гуляла въ саду. Въ это время здѣсь работало двое крестьянскихъ парней. Они не поклонились госпожѣ, когда она проходила мимо нихъ. Въ результатѣ—послѣдовало распоряженіе сослать преступниковъ въ Сибирь. Иванъ Сергѣевичъ ребенкомъ былъ свидѣтелемъ заключительной сцены.

«Вотъ у этого окна», рассказывалъ онъ, «сидѣла моя мать; было лѣто, и окно было отворено, и я былъ свидѣтелемъ, какъ эти, ссылаемые въ Сибирь, наканунѣ ссылки подходили къ окну съ обнаженными понурыми головами, для того чтобы ей откланяться и проститься съ ней».

Впечатлѣній другого сорта было немного. Тургеневъ припоминалъ кое-что изъ роскошной, шумной жизни своихъ родителей. Особенно обширный спасскій садъ пробуждалъ въ немъ былыя сцены и образы. Иванъ Сергѣевичъ даже въ старости могъ припомнить театральныя представленія, дававшіяся въ этомъ саду, конечно, на французскомъ языкѣ, толпу гостей, разноцвѣтную иллюминацію, музыку доморощеннаго оркестра. Но пѣсни крестьянскихъ хороводовъ доставляли ему едва ли не больше удовольствія: по крайней мѣрѣ, до послѣдняго времени онѣ «радовали его до глубины души». Во время предсмертнаго пребыванія въ Спасскомъ эти пѣсни оставались для него все тѣмъ же роднымъ, истинно-поэтическимъ наслажденіемъ. Заграницей онъ не мало труда потратилъ, чтобы познакомить иностранцевъ съ мелодіей русской пѣсни. Начало всему этому положили дѣтскія впечатлѣнія. Ребенокъ горячо стремился войти въ жизнь далекаго крестьянскаго міра, и чуткая художественная организація подсказывала ему множество идей, недоступныхъ

другимъ. Стумѣлъ же онъ впоследствии воспроизвести драму нѣмого Герасима. Это—подлинная исторія; случилась она съ *Андреемъ*, дворовымъ человѣкомъ Варвары Петровны. Иванъ Сергѣевичъ удержалъ почти всѣ дѣйствительныя подробности, и внѣшніе факты были всѣми извѣстны. Но только онъ стумѣлъ проникнуть въ душу бѣднаго существа, только онъ въ груди нѣмого стумѣлъ прочесть захватывающую драму, только онъ понялъ и воплотилъ изъ чудныхъ образахъ для всѣхъ скрытыя, ни для кого не интересныя страданія... Такая способность не рождается внезапно. Она воспитывается годами, растетъ вмѣстѣ съ опытомъ человѣка, живетъ въ немъ съ первой минуты сознанія. И мы ясно представляемъ себѣ, съ какимъ жаднымъ трепетомъ ребенокъ присматривается ко всему окружающему, какая энергическая работа разнообразнѣйшихъ ощущеній происходитъ въ немъ по поводу подмѣченныхъ явленій, сколько боли испытываетъ это, еще дѣтское, сердце, сколько здѣсь затаеннаго страха за другихъ, сколько нѣжнаго состраданія къ гонимымъ и невольнаго благороднаго негодованія на гонителей!..

Мысль работаетъ неустанно, лихорадочно и непремѣнно требуетъ отвѣта на всякій фактъ, на всякій запросъ. Одинъ мелкій примѣръ можетъ засвидѣтельствовать, какую напряженную работу выносить мозгъ ребенка, и въ какомъ безнадежно одинокомъ положеніи томится пытливая мысль, загорѣвшаяся въ этой эгоистической, жестокой средѣ.

Ребенокъ страшно боится матери, «боится, какъ огня»,—но онъ преодолеваетъ даже этотъ страхъ, когда дѣло касается его «вопросовъ», его внутренней жизни, которой оно невольно придаетъ значеніе и серьезный смыслъ.

Разъ за обѣдомъ кто-то завелъ рѣчь о томъ, какъ зовутъ дьявола. Никто не могъ сказать, зовутъ ли его Вельзевуломъ, или Сатаню, или еще какъ-нибудь иначе. Присутствовавшій при разговорѣ Иванъ Сергѣевичъ воскликнулъ, ощущая въ то же время невольный испугъ.

— Я знаю, какъ зовутъ.

— Ну, если знаешь, говори,—отозвалась мать.

— Его зовутъ «Мемъ»

— Какъ? повтори, повтори!

— Мемъ.

— Это кто тебѣ сказалъ? откуда ты это выдумалъ?

— Я не выдумалъ, я это слышу каждое воскресенье у обѣдни.

— Какъ такъ у обѣдни?

— А во время обѣдни выходитъ дьяконъ и говоритъ: вонъ, Мемъ! Я такъ и понялъ, что онъ изъ церкви выгоняетъ дьявола,

и что зовутъ его Мемъ. «Удивляюсь», прибавлялъ Иванъ Сергѣевичъ, «какъ меня за это не высѣкли»... Оригинальное толкованіе славянскаго слова, напротивъ, возбудило смѣхъ взрослыхъ,—и на этотъ разъ разсужденія ребенка пропали безнаказанно.

Далеко не всегда такъ благосклонно и снисходительно относились взрослые къ безправному члену своей семьи. Ребенокъ, несомнѣнно, предпочиталъ про себя хранить свои сомнѣнія или, можетъ быть, велъ съ Лобановымъ такого рода бесѣды, какія описываются въ разсказѣ *Пунинъ и Бабуринъ*. Если литературный образъ вполне соотвѣтствуетъ дѣйствительному прототипу, если восторги Пунина предъ красотами природы были доступны и учителю Ивана Сергѣевича,—у слуги и молодого господина было много общихъ вкусовъ.

Иванъ Сергѣевичъ до послѣднихъ дней питалъ страстную любовь къ Спасскому. Его лирическія изліянія напоминаютъ строфы, посвященныя Пушкинымъ Михайловскому. Для Пушкина воспоминанія о Михайловскихъ рощахъ были цѣлой автобіографіей—поэтической, прочувствованной, неизмѣнно дорогой. Здѣсь и безпечная первая молодость, и первые жадные запросы къ жизни, и смѣнившая ихъ усталость и горечь... Тоска Тургенева на смертномъ одрѣ по незамѣнимой родной деревнѣ исполнена такого же глубокаго чувства. Онъ помнитъ всѣ подробности, часовню, дубъ, радуется, когда ему посылаютъ вмѣстѣ съ письмомъ листья и цвѣты изъ Спасскаго сада. О продажѣ Спасскаго онъ и слышать не хочетъ. «Продать Спасское значитъ для меня лечь въ гробъ»... Онъ убѣжденъ, что даже такой ключевой воды во всемъ мірѣ нѣтъ, какъ въ Спасскомъ. Это—безотчетная, годами укоренившаяся привязанность къ родному мѣсту, гдѣ одинаково памятна и дорога каждая подробность...

Такое чувство воспитывается дѣтствомъ. Эта часовня, этотъ садъ не разъ, вѣроятно, были свидѣтелями одинокихъ огорченій ребенка; не разъ въ ихъ сумракѣ онъ таилъ свои думы и свое горе, не разъ—среди простора равнодушной, но неотразимо влекущей природы—искалъ радостей своему художественному чувству, и забывалъ подъ вліяніемъ ихъ свои раннія невзгоды. Впослѣдствіи Тургеневъ такъ часто будетъ описывать окрестности своего Спасскаго; одинъ изъ чудныхъ разсказовъ *Бѣжинъ лугъ* воспроизводитъ со всевозможными подробностями извѣстную мѣстность; въ романѣ *Рудинъ* авторъ повторитъ то же самое, и—повсюду—въ *Запискахъ охотника* разсѣетъ художественныя черты, списанныя съ родной природы... Надо было наблюдать эту природу годами, съ терпѣливой любовью, съ врожденнымъ пониманіемъ ея мѣстныхъ

*

янскій мальчикъ, — и страницы великолѣпнѣйшихъ лирическихъ изліяній не вытѣснятъ изъ вашей памяти этого *Антропки*...

Не вызываетъ ли невольно въ вашемъ представленіи эта картина другой картины, такой же простой, но такой же жизненной, такой же душевной, настолько же исполненной чувства и смысла? Этотъ гѣтній вечеръ, мирно покоющаяся поляна, два крестьянскихъ мальчика, все это наполняло лучшія минуты, пережитыя Тургеневымъ въ дѣтствѣ. Природа и народная жизнь — не блестящая, не эффектная, но приковывающая дѣтское сердце задумчивостью и оригинальной красотой, — единственные источники первыхъ дѣтскихъ радостей, единственное облегченіе среди людскихъ неправдъ и насилій. Впоследствии, когда разовьются силы, Тургеневъ почувствуетъ настоятельную необходимость покинуть домъ матери, уйти, чтобы не видѣть чужихъ страданій. Но эти страданія преслѣдуютъ его съ самаго начала, съ первой минуты сознанія. Куда же онъ спасается ребенкомъ, гдѣ переможетъ онъ въ своемъ сердцѣ жестокія сцены, проходящія предъ его глазами? Предотвратить ихъ онъ не въ силахъ, борьба, какъ сейчасъ увидимъ, остается для него чаще всего бесплодной, приноситъ даже лишнія огорченія тѣмъ, кого онъ стремится защитить... И вотъ, безпомощный, лично оскорбляемый, одинокій — онъ уходитъ въ тотъ самый садъ, къ той самой часовнѣ, къ тому самому дубу, которому незадолго предъ смертью шлетъ поклоны изъ своего далека... Сколько отрады приносятъ художественной натурѣ въ такія минуты мирныя картины природы, сцены простого народного быта!..

И мы не должны психологическій и художественный талантъ писателя ограничивать опредѣленнымъ періодомъ жизни, начинать его исторію съ болѣе или менѣе зрѣлаго возраста. Напротивъ. Именно для художественнаго дарованія богатѣйшій источникъ — самыя раннія впечатлѣнія, капиталъ, пріобрѣтенный безсознательно, непроизвольно, въ годы наивысшей отзывчивости на каждую мелочь окружающей дѣйствительности. Диккенсъ придаетъ значеніе впечатлѣніямъ, оставшимся въ его памяти съ *двухлѣтняго* возраста. Но Диккенсъ самъ подробно рассказалъ свою жизнь. Мы не знаемъ въ точности, какія именно раннія дѣтскія впечатлѣнія вошли въ творчество Тургенева, — во всякомъ случаѣ, такихъ впечатлѣній множество. *Записки охотника* — непосредственный результатъ личнаго опыта, личныхъ воспоминаній, идущихъ съ самаго ранняго возраста. Они въ полномъ смыслѣ — крикъ облегченія послѣ длиннаго ряда лѣтъ духоты и вынужденнаго терпѣнія...

Одиночество Тургенева въ родной семьѣ особенно должно было

помогать развитію наблюдательности, анализа, гуманнаго настроенія—всего, что должно было сказаться въ первомъ произведеніи Тургенева, направленномъ на защиту жертвъ крѣпостнаго права. Другіе поэты, напримѣръ, изъ русскихъ—Лермонтовъ оставилъ намъ исторію чувствъ, пережитыхъ имъ въ самые ранніе періоды. Тургеневъ этого не сдѣлалъ, и мы можемъ только угадывать о направленіи и богатствѣ его нравственной жизни въ дѣтствѣ. Въ основныхъ чертахъ здѣсь недоразумѣнія невозможны: позднѣйшіе документы слишкомъ краснорѣчивы и опредѣленны. Мы намѣрены были намѣтить пути, какими направлялась внутренняя работа ребенка, предоставленнаго почти исключительно собственнымъ силамъ, и опредѣлить въ общихъ чертахъ мотивы, пробуждавшіе юную мысль.

Намъ предстоитъ теперь разсказать о «годахъ ученичества». Здѣсь на каждомъ шагу мы будемъ чувствовать великія затрудненія, благодаря отсутствію фактическаго матеріала. Но, къ счастью, для нѣкоторыхъ моментовъ у насъ будутъ яркіе показатели нравственнаго развитія будущаго писателя. Они дадутъ нѣсколько драгоцѣннѣйшихъ чертъ, освѣщающихъ личность человѣка и художника.

II.

Тургеневъ, мы видѣли, очень кратко отзывался о своихъ ученическихъ годахъ: «получилъ первое воспитаніе въ Москвѣ, слушалъ лекціи въ московскомъ, потомъ въ петербургскомъ университетахъ... Слушалъ лекціи въ Берлинѣ». За этими лаконическими строками скрываются важныя подробности, особенно за сухимъ, ничего не говорящимъ, выраженіемъ: «слушалъ лекціи въ Берлинѣ». Но годы ученія, проведенныя въ Москвѣ и Петербургѣ, имѣютъ, конечно, свое значеніе. Оцѣнить его во всей полнотѣ въ настоящее время невозможно. Самъ Иванъ Сергѣевичъ оставилъ слишкомъ мало указаній, другихъ источниковъ почти не существуетъ.

До поступленія въ московскій университетъ Иванъ Сергѣевичъ учился еще въ двухъ московскихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ нѣмецкомъ пансіонѣ Вейденгаммера и въ Лазаревскомъ институтѣ. Тургеневъ переѣхалъ въ Москву въ 1827 году,—и, вѣроятно, въ этомъ же году Иванъ Сергѣевичъ поступилъ въ пансіонъ.

Не привыкшій дома къ обществу сверстниковъ, онъ много терпѣлъ отъ товарищей. У него отъ природы былъ странный недостатокъ—на темени у него черепъ былъ гораздо тоньше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ головы, и до такой степени чувствителенъ, что, при одномъ прикосновеніи къ темени, Тургеневъ въ дѣтствѣ едва не падалъ въ обморокъ. Школьники подмѣтили это свойство, и съ дѣтскимъ безсердечіемъ—нарочно надавливали новичку темя,

причиняя ему жестокия страданія. Тургеневъ приписывалъ большое значеніе этому недостатку, приводя его въ связь съ своимъ слаболоіемъ. Въ минуты тяжелаго раздумья онъ обращался къ пріятелю:

— Какой ждаль отъ меня силы воли, когда до сихъ поръ даже черепъ мой сростись не могъ. Не мѣшало бы мнѣ завѣщать его въ музей академіи... Чего тутъ ждаль, когда на самомъ теменн провалъ. Приложи ладонь—и ты самъ увидишь. Охъ, плохо, плохо!..¹⁰⁾

Во время пребыванія въ пансіонѣ Тургеневъ впервые познакомился съ романомъ Загоскина *Юрій Милославскій*. По словамъ Ивана Сергѣевича, это знакомство было «первымъ сильнымъ литературнымъ впечатлѣніемъ» его жизни. Романъ только что появился въ свѣтъ и сталъ моднымъ вопросомъ дня. Учитель русскаго языка при пансіонѣ въ часы рекреаціи разсказалъ пансіонерамъ содержаніе новой книги. Изъ этихъ разсказовъ и Тургеневъ познакомился съ романомъ. Такъ передаетъ онъ въ своихъ «Литературныхъ и житейскихъ воспоминаніяхъ». Въ другомъ разсказѣ, записанномъ съ его словъ, исторія излагается нѣсколько иначе. О романѣ Загоскина Тургеневъ будто бы узналъ отъ одного изъ своихъ гувернеровъ. Онъ брать ребенка на когѣни, и юный любитель литературы «съ необыкновеннымъ увлеченіемъ вслушивался въ разсказъ и почти отъ слова до слова въ состояніи былъ потомъ его повторить»¹¹⁾. Герои романа производили чарующее впечатлѣніе на пансіонеровъ, имена Кирпи, Алексѣя, Омляша пріобрѣли громкую популярность,

Тургеневъ зналъ и часто видалъ самого автора интереснаго романа. Но авторъ не производилъ на него никакого впечатлѣнія. Иванъ Сергѣевичъ относился совершенно равнодушно къ появленіямъ Загоскина въ ихъ домѣ. Выѣшность писателя, очевидно, была слишкомъ прозаична, чтобы заинтересовать дѣтское воображеніе. Эта выѣшность даже могла ослабить чувство восторга, возбужденное романомъ. «Въ Загоскинѣ», разсказываетъ Тургеневъ, «не проявлялось ничего величественнаго, ничего фатальнаго, ничего такого, что дѣйствуетъ на юное воображеніе. Говоря правду, онъ былъ даже комиченъ, а рѣдкое его добродушіе не могло быть надлежащимъ образомъ оцѣнено мною: это качество не имѣетъ значенія въ глазахъ легкомысленной молодежи. Самая фигура Загоскина, его странная, словно сплюснутая, голова, четырехугольное

¹⁰⁾ *И. С. Тургеневъ у себя*, Я. Полонскаго. *Па высотахъ сиригизма*. Спб. 1889, 477.

¹¹⁾ *Русск. Стар.* XL, 204.

лицо, выпученные глаза подъ вѣчными очками, близорукій и тупой взглядъ, необычайныя движенія бровей, губъ, носа, когда онъ удивлялся, или даже просто говорилъ, внезапныя восклицанія, взмахи рукъ, глубокая впадина, раздѣлявшая надвое его короткій подбородокъ—все въ немъ казалось чужаковатымъ, неуклюжимъ, забавнымъ. Къ тому же, за нимъ водились три, тоже довольно комическія, слабости: онъ воображалъ себя необыкновеннымъ силачомъ, онъ былъ увѣренъ, что никакая женщина не въ состояніи устоять передъ нимъ, и, наконецъ (и это въ такомъ рьяномъ патріотѣ было особенно удивительно)—онъ питалъ несчастную слабость къ французскому языку, который коверкалъ безъ милости, безпрестанно смѣшивая числа и роды, такъ что даже получилъ въ нашемъ домѣ прозвище: «Monsieur l'article». Со всѣмъ тѣмъ нельзя было не любить Михаила Николаевича за его золотое сердце, за ту безыскусственную откровенность нрава, которая поражаетъ въ его сочиненіяхъ».

Таковы единственныя впечатлѣнія пансіонскаго періода въ жизни Тургенева, о которыхъ у насъ есть достовѣрныя свѣдѣнія. На основаніи ихъ можно предугадать будущаго романтика, идеалиста, мечтателя, восторженнаго поклонника нѣмецкой поэзіи и философіи, преданнаго почитателя такихъ людей, какъ Станкевичъ и Бѣлинскій. Тургеневъ будетъ увлекаться исключительными, *энтузиастическими* натурами, и охотно подчиняться ихъ вліянію. Все обыкновенное, прозаическое, смѣшное будетъ встрѣчать или равнодушіе, или снисходительную улыбку лирически-настроеннаго юноши. Такимъ онъ является и въ своихъ дѣтскихъ отношеніяхъ къ Загоскину, лишённому величественности и фатальнаго интереса—и къ его роману, переполненному необыкновенными героями...

Эти данныя невольно приводятъ на память одинъ изъ задушевнѣйшихъ разсказовъ Тургенева «Яковъ Пасынковъ». У насъ нѣтъ фактическихъ основаній отыскивать въ разсказѣ автобіографическія черты, но аналогія между впечатлѣніями Тургенева въ пансіонѣ Вейденгаммера, описанными въ его воспоминаніяхъ, и нѣкоторыми эпизодами изъ ученической жизни двухъ друзей въ московскомъ пансіонѣ Винтеркеллера возникаетъ сама собой.

Яковъ Пасынковъ—мечтатель, идеалистъ, поклонникъ шиллеровской поэзіи, вообще, романтическаго, возвышеннаго творчества... Его другъ, авторъ разсказа—раздѣляетъ его пристрастія, питаетъ къ нему восторженное чувство дружбы, вмѣстѣ съ нимъ мечтаетъ, по ночамъ любитъ звѣздами, упивается Шиллеромъ... Вотъ отрывокъ изъ этого оригинальнаго романа двухъ юныхъ пріятелей.

«Особенно отраднo было мнѣ гулять съ нимъ вдвоемъ или хо-

дить возлѣ него взадъ и впередъ по комнатѣ и слушать, какъ онъ, не глядя на меня, читаетъ стихи своимъ тихимъ и сосредоточеннымъ голосомъ. Право, мнѣ тогда казалось, что мы съ нимъ медленно, понемногу, отдѣлялись отъ земли, и неслись куда-то, въ какой-то лучезарный, таинственно-прекрасный, край... Помню я одну ночь. Мы сидѣли съ нимъ подъ тѣмъ же кустомъ сирени: мы полюбили это мѣсто. Всѣ наши товарищи уже спали; но мы тихонько встали, ошущью одѣлись впотымахъ и украдкой вышли «помечтать». На дворѣ было довольно тепло, но свѣжій вѣтеръ дулъ по временамъ и заставлялъ насъ еще ближе прижиматься другъ къ дружкѣ. Мы говорили, мы говорили много и съ жаромъ, такъ что даже перебивали другъ друга, хотя и не спорили. На небѣ сіяли безчисленные звѣзды. Яковъ поднялъ глаза и, стиснувъ мнѣ руку, тихо воскликнулъ:

Надъ нами
Небо съ вѣчными звѣздами...
А падъ звѣздами ихъ Творецъ...

Благоговѣйный трепетъ пробѣжалъ по мнѣ; я весь похолодѣлъ и припалъ къ его плечу... Сердце переполнилось...

Богѣ типичную *романтическую* страницу въ лучшемъ смыслѣ слова трудно было написать. Только пережившій такія ощущенія въ самомъ себѣ могъ рискнуть рисовать подобную идиллію и не впасть въ мелодраматическій фальшивый тонъ.

Мы не знаемъ, черпалъ ли Тургеневъ эти рѣчи изъ подлинныхъ своихъ воспоминаній, мы убѣждены въ одномъ—въ пансіонѣ онъ переживалъ такія же минуты, о какихъ рассказываетъ другъ Пасынкова. Пристрастіе къ нѣмецкой идеалистической поэзіи не покидало Тургенева всю жизнь, и важнѣйшій періодъ его молодости запечатлѣнъ глубокими вліяніями германской мысли и германскаго творчества. Кто знаетъ? Безгранично скромный въ личныхъ воспоминаніяхъ, неохотно дававшій прямыя свѣдѣнія о личной жизни и личномъ развитіи, Тургеневъ, можетъ быть, путемъ художественныхъ произведеній хотѣлъ восполнить пробѣлы въ своей автобіографіи. Высказывалъ же онъ подчасъ совершенно открыто свои общественные взгляды устами своихъ героев: отчего ему было не посвятить одинъ изъ рассказовъ лучшимъ настроеніямъ, когда-то пережитымъ въ первой молодости?..

Изъ московскихъ учителей Тургеневъ вспоминалъ впоследствии Дубенскаго, преподавателя русскаго языка, и Ключникова, учителя русской исторіи. Дубенскій былъ въ свое время довольно извѣстный ученый, издалъ изслѣдованіе о «Словѣ о полку Игоревѣ», но въ литературномъ направленіи придерживался старыхъ школъ,

Пушкина не любилъ и не признавалъ его достойнымъ изученія. Питомцы Дубенскаго принуждены были развиваться на произведеніяхъ Карамзина, Жуковскаго, Батюшкова. То же направленіе Тургеневъ встрѣтилъ потомъ и въ Московскомъ университетѣ.

Консервативный характеръ преподаванія Дубенскаго вполне соотвѣтствовалъ простотѣ его отношеній къ ученикамъ. Тургеневъ рассказывалъ о немъ такой эпизодъ.

Однажды Дубенскій, преподававшій словесность братьямъ Тургеневымъ на дому, пропустилъ нѣсколько уроковъ, и пріѣхалъ сильно навеселѣ.

— Господа,—обратился онъ къ своимъ слушателямъ,—я пропустилъ эти уроки потому, что женился, а такъ какъ жениться въ жизни приходится почти всегда только одинъ разъ, то я долгомъ счелъ сильно загулять по этому случаю...

Лучшія воспоминанія, повидимому, сохранились у Ивана Сергѣевича о Ключниковѣ. Много лѣтъ спустя послѣ московскаго ученія, въ 1856 году, Тургеневъ узналъ, что Ключниковъ еще живъ, обрадовался, немедленно потребовалъ у знакомыхъ адресъ своего бывшаго наставника, намѣреваясь написать старику. Ключниковъ несомнѣнно являлся одной изъ симпатичнѣйшихъ личностей среди московской интеллигенціи тридцатыхъ годовъ. Позже онъ вошелъ въ кружокъ Станкевича, приобрѣлъ довольно популярное имя поэта... Онъ и Дубенскій, независимо отъ пансіонскаго курса, готовили Ивана Сергѣевича къ университетскому экзамену.

Что это былъ за экзаменъ, какія требованія онъ предъявлялъ и на какую духовную зрѣлость испытуемыхъ рассчитывалъ, уже показываетъ самый возрастъ студентовъ и путь, какимъ они достигали университетскихъ аудиторій. Лермонтовъ поступаетъ въ московскій университетъ на шестнадцатомъ году, послѣ двухлѣтняго пребыванія въ дворянскомъ пансіонѣ, преобразованномъ впоследствии въ гимназію. Тургеневъ также пятнадцати лѣтъ является въ университетъ послѣ ученія въ нѣмецкомъ пансіонѣ и домашняго приготовленія, и весьма удачно выдерживаетъ испытаніе. Это происходитъ въ 1833 году, всего на три года позже вступленія Лермонтова въ университетъ. Впечатлѣнія поэта остаются вѣрными для той и другой эпохи, тѣмъ болѣе, что составъ профессоровъ не могъ значительно измѣниться.

Оба будущіе писателя числились на «словесномъ» факультетѣ. Первые курсы, въ сущности, ничѣмъ не напоминали университета,—развѣ только свободой поведенія въ аудиторіяхъ. Первый курсъ даже официально числился чѣмъ-то въ родѣ университетскаго приготовительнаго класса. Составъ слушателей вполне соотвѣтствовалъ

этому уровню. Лермонтовъ въ картинныхъ стихахъ описалъ университетскую аудиторію передъ началомъ и во время лекцій:

Пришли, шумять... Профессоръ длинный
Напрасно входятъ, кланяясь чинно.
Онъ книгу вьзятъ, раскрыль, прочель—шумять;
Уходить,—втрое хуже. Сущій адъ!..

Большинство профессоровъ не пользовалось никакимъ авторитетомъ среди слушателей,—напротивъ, съ именами Малова, Брянцева, Сандунова неизмѣнно соединялось множество смѣхотворныхъ анекдотовъ.

Русская литература, представлявшая, конечно, наибольшій интересъ для Тургенева, преподавалась по схоластическимъ учебникамъ. Современныя явленія въ области русскаго слова не касались профессорскаго горизонта. Пушкинъ былъ запрещенное, преступное имя въ университетской аудиторіи. Всѣ, жаждавшіе живого знанія, группировались въ кружки и общества—въ университета.

Возникаютъ товарищескіе кружки Бѣлинскаго, Станкевича. Здѣсь пробиваются на свѣтъ новыя теченія, — имъ суждено впоследствии смѣть схоластическій хламъ. Но пока они должны тайкомъ, въ темнотѣ, воспитывать юныя сѣмена. Университетъ оказываетъ этимъ людямъ единственную услугу: аудиторія помогаетъ молодежи знакомиться, жить общими интересами. Лекціи профессоровъ часто возбуждаютъ общее неудовольствіе, и это уже поводъ сообщая попытаться найти путь къ другой мысли, къ другому знанію. Въ кружкахъ растутъ и развиваются смѣлыя, восторженныя идеи. Онѣ впоследствии, во всеоружіи юношескаго жара, перейдутъ на поприще общественной литературы. Бѣлинскій первый развернетъ неслыханную мощь таланта и убѣжденія: это—плоды дружескихъ бесѣдъ за стѣнами университета...

Пребываніе Тургенева въ московскомъ университетѣ было слишкомъ кратковременно, чтобы онъ могъ принять участіе въ кружковой жизни студентовъ. Годъ спустя онъ перешелъ въ петербургскій университетъ, такъ какъ его старшій братъ поступилъ въ военную службу въ Петербургѣ. Что далъ Тургеневу московскій университетъ — трудно сказать. Всѣ наши соображенія были бы слишкомъ произвольны. Одно только можно съ увѣренностью сказать: двѣ каѣдры, особенно важныя для молодого студента по свойству его вкусовъ и стремленій,—каѣдра философіи и русской литературы—не могли вліять на его развитіе. Каѣдра философіи уже семь лѣтъ была упразднена, когда Тургеневъ поступилъ въ университетъ, а преподаваніе русской литературы не шло дальше

схоластики и ложноклассицизма. Во всякомъ случаѣ, самъ Тургеневъ въ послѣдствіи не находилъ, чѣмъ вспомнить московскій университетъ ¹²⁾.

Немногимъ лучше оказались условія и въ петербургскомъ университетѣ. Много позже Тургеневъ былъ жестоко оскорбленъ «презрительнымъ» отзывомъ о немъ въ исторіи петербургскаго университета, изданной по поводу пятидесятилѣтняго существо-

¹²⁾ Въ послѣднее время этой эпохѣ посвящено было самое тщательное изслѣдованіе покойнаго академика П. С. Тихонравова (*Вѣстн. Евр.*, 1894, февр.). Тургеневъ былъ въ московскомъ университетѣ одновременно со Станкевичемъ; любопытнѣйшій вопросъ, были ли товарищи знакомы — Тихонравовъ оставляетъ открытымъ. Новое и наиболѣе интересное указаніе статьи касается повѣсти Тургенева *Несчастная*. Тихонравовъ говоритъ: «Въ одной изъ своихъ повѣстей (*Несчастная*) Тургеневъ вывелъ Станкевича въ лицѣ «студента-поэта». «Во время моего пребыванія въ Москвѣ, въ одномъ обществѣ, при мнѣ упомянули о Сусаннѣ и самымъ невыгоднымъ, самымъ оскорбительнымъ образомъ. Я всячески постарался заступиться за память несчастной дѣвушки; но мои доводы не произвели большого впечатлѣнія на моихъ слушателей. Одного изъ нихъ, молодого студента-поэта, я однако поколебалъ. Онъ прислалъ мнѣ на другой день стихотвореніе, которое я позабылъ, но которое оканчивалось слѣдующими четырьмя стихами:

Но и надъ брошенной могилой
 Не смолкнулъ голосъ клеветы...
 Она тревожитъ призракъ милый
 И жжетъ надгробные цвѣты.

Эти четыре строки представляютъ буйвальную выписку изъ написаннаго въ 1833 стихотворенія Станкевича «на могилѣ Эмили», стихотворенія, въ которомъ студентъ-поэтъ оплакалъ «кроткій геній», смущенный земными тревогами и отлетѣвшій отъ людей». (*И. В. Станкевичъ. Стихотворенія и пр. М.* 1890. 41). Но независимо отъ личныхъ знакомствъ на Тургенева не могла не вліять идеалистическая атмосфера, владѣвшая московскою университетскою молодежью 30-хъ годовъ и въ этомъ отношеніи налагавшей на древнюю столицу совершенно другой отпечатокъ, чѣмъ носилъ Петербургъ. Станкевичъ называлъ Москву мечтательной, а Петербургъ практическимъ, и Тихонравовъ, между прочимъ, ссылается на характерное замѣчаніе Гоголя о печати обѣихъ столицъ: «московскіе журналы говорятъ о Кантѣ, Шеллингѣ и пр.; въ петербургскихъ журналахъ говорятъ только о публикѣ и благонамѣренности». Выводъ автора такой: «Пусть въ московскомъ университетѣ Тургеневъ могъ набраться только приговорительныхъ свѣдѣній для знакомства съ наукой; но здѣсь, въ этой средѣ, сердце Тургенева впервые поддержано было радостью великихъ ощущеній. «Въ Москвѣ мнѣ отраднѣе, нежели гдѣ-нибудь,—писалъ Станкевичъ Невѣрову,—здѣсь стѣны, въ которыхъ я въ первый разъ сталъ дышать новою жизнью, здѣсь люди, съ которыми подѣлился въ первый разъ идеями». И то же можно сказать о Тургеневѣ». Напомнимъ, что и Лермонтовъ не переставалъ хранить самую любовную воспоминанія о годахъ, проведенныхъ въ Москвѣ, и объ университетѣ—«святомъ мѣстѣ». Для него это были годы нравственнаго роста и творческаго развитія.

ванія учрежденія. Тургеневъ горько жаловался на этотъ отзывъ ¹³⁾, и, дѣйствительно, совершенно неизвѣстно, за что онъ могъ подвергнуться упреку. Относительно университета онъ выполнилъ свои обязанности блистательно. Нельзя того же сказать о самомъ университетѣ.

Мы знаемъ объ этомъ періодѣ со словъ самого Ивана Сергѣевича. Онъ прекрасно охарактеризовалъ нѣкоторыхъ университетскихъ преподавателей, и—что еще важнѣе—общественно-литературную жизнь петербургскихъ ученыхъ и писательскихъ кружковъ. И въ университетскихъ аудиторіяхъ, и въ этихъ кружкахъ нища для юнаго ума представлялась въ высшей степени скудная.

На первомъ планѣ и здѣсь, конечно, стоитъ вопросъ о предметахъ, болѣе всего близкихъ вкусамъ молодого студента. Каѳедру русской литературы въ университетѣ занималъ Петръ Александровичъ Плетневъ. Это былъ одинъ изъ лучшихъ преподавателей и симпатичнѣйшихъ людей своего времени, но оказать замѣтное вліяніе на духовное развитіе юноши онъ не могъ. «Ученый багажъ его былъ весьма легокъ», говоритъ Тургеневъ. Свои свѣдѣнія онъ умѣлъ сообщать просто и ясно, умѣлъ даже возбудить у слушателей интересъ къ предмету, но увлечь, расширить умственный кругозоръ студента—было не въ его силахъ. Это былъ, прежде всего, отличный человѣкъ, и весьма обыкновенный профессоръ. Главнѣйшія права Плетнева на уваженіе слушателей заключались не въ его познаніяхъ и талантахъ, а въ близкихъ личныхъ отношеніяхъ къ славнѣйшимъ представителямъ литературы,—Пушкину, Жуковскому, Баратынскому, Гоголю. Онъ любилъ рассказывать объ этихъ людяхъ, но для ихъ произведеній у него не хватало критическаго таланта. Притомъ онъ, по природѣ, не любилъ спора, критики, полемики. Провести жизнь мирно, не переходя предѣловъ золотой середины, *умиляясь* простотой, легія дорогія воспоминанія—таковъ былъ идеалъ Плетнева.

Иванъ Сергѣевичъ бывалъ въ семьѣ Плетнева, на его вечерахъ. Юный студентъ съ романтическими задатками мало любопытнаго и увлекательнаго могъ встрѣтить на этихъ скромныхъ собраніяхъ. Вообще, кругомъ—среди интеллигенціи—все было необыкновенно скромно и смиренно. Появлялись величайшія произведенія русскаго искусства, но общество относилось къ нимъ какъ-то апатично, точнѣе—не понимало ихъ, пропускало мимо себя, какъ нѣчто чуждое, или слишкомъ безпокойное. Пушкинъ былъ еще живъ, ходили слухи о превосходныхъ произведеніяхъ, готовыхъ

¹³⁾ Письма, 300.

уже къ выпуску въ свѣтъ, но только крайне немногіе занимались этими слухами. Большинство относилось къ великому поэту равнодушно, въ иныхъ сферахъ даже враждебно. Величіе таланта и заслугъ Пушкина оставалось загадкой для столичнаго общества, дававшего тонъ культурной жизни тридцатыхъ годовъ. Официальные интересы стояли на первомъ планѣ. Появился *Ревизоръ*,—но отнюдь не уравнивалъ для автора путей къ славѣ. Журналы по прежнему продолжали нападать на грубость и легкомысліе его дѣятельности. По прежнему, у Гоголя былъ единственный вѣрный и сильный другъ, защитникъ и читатель—его вдохновитель Пушкинъ. Страшная драма вскорѣ должна была засвидѣтельствовать, въ какой варварской средѣ поэтъ совершалъ путь своего служенія родинѣ... И недаромъ Гоголь почувствовалъ себя, послѣ кончины Пушкина, глубоко несчастнымъ и одинокимъ...

Дѣятельность Бѣлинскаго еще не начиналась, и мысль русскаго читателя еще не была призвана къ вдумчивой, разносторонней оцѣнкѣ литературныхъ явленій. Пока «Библиотека для Чтенія» безнаказанно могла обзывать произведенія Гоголя грязнымъ малороссійскимъ жартомъ, и даже сочувствующіе журналисты умѣли только пройтись на счетъ нѣкоторыхъ остроумныхъ пассажей въ безсмертной комедіи, не отдавая себѣ отчета о смыслѣ нѣлаго.

Казалось, таланты и великія созданія застали это общество будто врасплохъ. Оно, казалось, не въ силахъ справиться съ нахлынувшими на него идеями и образами, кое-какъ уловляло мелочи, частности, или просто открещивалось отъ досадныхъ новшествъ, клеймя и проклиная ихъ. На встрѣчу такому отношенію шла цензура.

Цензурѣ тридцатые годы обязаны своей репутаціей допотопныхъ. Ея исторія за это время—сплошной рядъ едва вѣроятныхъ анекдотовъ, но отъ этого литературѣ не было легче. Обычной темой въ собраніяхъ литераторовъ являлись жалобы на цензуру, рассказы о той или другой курьезной выходкѣ цензоровъ. «Литераторъ», говоритъ Тургеневъ, «кто бы онъ ни былъ, не могъ не чувствовать себя чѣмъ-то въ родѣ контрабандиста». Даже въ частныхъ собраніяхъ литераторовъ чувствовалась какая-то запуганность, приниженность. Правда, еще Пушкинъ гордо заявилъ о высококомъ общественномъ значеніи писателя, но даже великому поэту, удостоенному личнаго покровительства государя, по временамъ жутко приходилось въ средѣ Булгаринныхъ и ихъ официальныхъ патроновъ. Естественно,—болѣе слабые литераторы занимались личными дрязгами, преслѣдовали другъ друга всевозможными мело-

чами... Даже теперь нельзя безъ чувства обиды, болѣзненнаго со-сраданія читать объ этихъ временахъ и нравахъ.

Тургеневъ рассказываетъ объ одномъ изъ вечеровъ у Плетнева. Только что во вступленіи къ разсказу онъ говорилъ о томъ, что ему въ молодости и его сверстникамъ «нуженъ былъ вождь». Они жили страстнымъ желаніемъ соединиться подъ знаменемъ великаго имени, преклониться предъ великимъ человѣкомъ и учителемъ. Жажда могучаго нравственнаго авторитета была непреодолима, являлась своего рода романтической мечтой молодости, любовнымъ восторгомъ. И такъ понятна, такъ благородна такая жажда! Тургеневу она была особенно близка. Одинокій въ дѣтствѣ, одинокій въ родномъ домѣ, онъ инстинктивно стремился воплотить весь неисчерпаемый запасъ природной любви въ какой-либо чужой для него, но непремѣнно выдающейся, личности. Посмотрите, съ какою точностью онъ запоминаетъ нѣсколько случайно услышанныхъ словъ Пушкина, отмѣчаетъ встрѣчу съ нимъ въ концертѣ, хотя поэтъ и не подозрѣваетъ о существованіи восторженнаго поклонника, и только съ досадой поводитъ плечомъ и отходитъ въ сторону, замѣтивъ слишкомъ пристальный взоръ юноши, погруженнаго въ созерцаніе его особы... Вспомните, съ какой страстной стремительностью онъ привязывается къ Бѣлинскому и до конца жизни хранитъ сердечнѣйшія воспоминавія о каждомъ часѣ, проведенномъ съ великимъ критикомъ!..

Съ такими запросами молодой Тургеневъ попалъ въ общество петербургскихъ литераторовъ, посѣщалъ лекціи петербургскихъ профессоровъ. Ни здѣсь, ни тамъ онъ не могъ встрѣтить и намека на то, къ чему стремился. Въ петербургскомъ университетѣ не было Грановскаго, а только такой человѣкъ могъ пойти на встрѣчу юношескимъ мечтамъ объ авторитетномъ духовномъ руководителѣ, объ учителѣ, вдохновляющемъ, исполненномъ лично такихъ же широкихъ идеальныхъ стремленій, какъ и сама молодежь.

Ко времени пребыванія Тургенева въ петербургскомъ университетѣ относится и профессорская дѣятельность Гоголя. Профессура, какъ извѣстно, была однимъ изъ самыхъ неудачныхъ предприятий знаменитаго автора. Гоголь оказался дурно подготовленнымъ, мало свѣдущимъ преподавателемъ, плохимъ лекторомъ. Онъ всѣ свои познанія по всеобщей исторіи истощилъ въ нѣсколькихъ вступительныхъ лекціяхъ, и дальнѣйшій курсъ представлялъ жалкую картину. «Гоголь изъ трехъ лекцій непремѣнно пропускалъ двѣ», разсказываетъ Тургеневъ, а «когда онъ появлялся на кафедрѣ— онъ не говорилъ, а шепталъ что-то весьма несвязное, показывалъ намъ маленькія гравюры на стали, изображавшія виды Палестины

и другихъ восточныхъ странъ и все время ужасно конфузился». Студенты скоро убѣдились, что ихъ профессоръ обладаетъ крайне ограниченными свѣдѣніями. Самъ Гоголь поддержалъ это убѣжденіе. На экзаменъ онъ явился повязанный платкомъ будто отъ зубной боли, просидѣлъ во все время съ совершенно убитой физиономіей, предоставивъ экзаменовать студентовъ ассистенту. Студенты и на этотъ разъ были убѣждены, что Гоголь хранилъ молчаніе изъ страха попасть въ просакъ въ присутствіи своихъ товарищей.

Комедія скоро прекратилась: Гоголь вышелъ изъ университета.

О другихъ профессорахъ Тургеневъ не считалъ нужнымъ вспомнить, очевидно, не находя въ своей памяти достаточно матеріала, который бы свидѣтельствовалъ о прочномъ и цѣнномъ вліяніи наставниковъ на ученика.

Литературныя увлеченія Ивана Сергѣевича во время студенчества стояли на уровнѣ эстетическаго развитія вообще всей молодежи того времени. Романтизмъ—въ грубыхъ, менѣе всего художественныхъ и поэтическихъ формахъ, плѣнялъ публику, и не только юную. Литературная дѣятельность Пушкина, исполненная красоты, гармоніи, идеи, проходила, сравнительно, въ тѣни. Имя гениальнаго поэта меркло предъ такими именами, какъ Марлинскій и Бенедиктовъ. Марлинскій сводилъ съ ума романтически настроенныхъ читателей, а стихотворенія Бенедиктова заучивались наизусть. Еще сокрушающее перо Бѣлинскаго не касалось этихъ боговъ.

Стихотворенія Бенедиктова появились въ 1836 году, и припели въ восхищеніе всю публику, — литераторовъ, критиковъ, и болѣе всего молодежь. Тургеневъ не отставалъ отъ другихъ въ своемъ преклоненіи предъ такими картинами, какъ «Матильда» на жеребцѣ, гордившаяся «усѣстомъ красивымъ и плотнымъ»... Какъ разъ въ эту эпоху появилась статья Бѣлинскаго въ «Телескопѣ», разрушающая славу Бенедиктова. Юныхъ романтиковъ охватило чувство негодованія. Тургеневъ также негодовалъ, но, говоритъ онъ, «къ собственному моему изумленію и даже досадѣ, что-то во мнѣ неволью соглашалось съ «критикомъ», находило его доводы убѣдительными... неотразимыми. Я стыдился этого, уже точно неожиданнаго, впечатлѣнія, я старался заглушить въ себѣ этотъ внутренній голосъ; въ кругу пріятелей я съ большей еще рѣзкостью отзывался о самомъ Бѣлинскомъ и объ его статьѣ... но въ глубинѣ души что-то продолжало шептать мнѣ, что *онъ правъ*... Прошло нѣсколько времени—и я уже не читалъ Бенедиктова».

Такъ произошло съ теченіемъ времени, но пока Иванъ Сергѣе-

вичъ писалъ стихи и сочинилъ фантастическую драму въ духѣ моднаго романтизма. На третьемъ курсѣ онъ представилъ на судъ Плетнева драму въ пятистопныхъ ямбахъ подъ заглавіемъ «Стеніо». На одной изъ лекцій Плетневъ, не называя по имени автора, разобралъ съ обычнымъ своимъ благодушіемъ «это», по выраженію Тургенева, «совершенно негѣрое произведеніе, въ которомъ съ бѣшвенной неумѣlostью выражалось рабское подражаніе байрововскому Манфреду». Плетневъ все-таки нашелъ возможнымъ ободрить юнаго автора, заявивъ ему, что въ немъ «что-то есть». Это заявленіе возбудило въ юношѣ смѣлость, и на усмотрѣніе профессора было представлено нѣсколько стихотвореній. Изъ нихъ Плетневъ выбралъ два и напечаталъ въ «Современникѣ». Въ одномъ изъ нихъ воспѣвался «Старый дубъ», и начиналось оно такъ:

Маститый царь лѣсовъ, кудрявой головою
Склонялся старый дубъ надъ сонной гладью водъ..

«Это первая моя вещь», говоритъ Тургеневъ, «явившаяся въ печати, конечно, безъ подписи».

«Старый дубъ» былъ напечатанъ въ *Современникѣ* въ 1838 году; почти двумя годами раньше — въ другомъ періодическомъ изданіи, *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, появилось первое прозаическое произведеніе Ивана Сергѣевича, критическая статья о книгѣ: «Путешествіе ко святымъ мѣстамъ русскимъ», изданной А. И. Муравьевымъ. Тургеневъ въ послѣдствіи съ одинаковымъ пренебреженіемъ относился и къ своимъ юношескимъ стихотвореніямъ и поэмамъ, и къ этой статьѣ. Всѣ эти произведенія, конечно, не идутъ въ сравненіе съ великими художественными созданіями Тургенева, но они далеко не лишены интереса для исторіи развитія таланта, а поэмы, кромѣ того, какъ увидимъ ниже, представляютъ самостоятельныя достоинства, спасающія ихъ отъ забвенія.

Статья о книгѣ Муравьева довольно обширна. Авторъ обнаруживаетъ горячее религиозное чувство, умиляется предъ чудомъ распространенія христіанства, въ восторженномъ тонѣ излагаетъ древнюю исторію христіанской церкви въ Россіи, преклоняется предъ нравственнымъ и патріотическимъ значеніемъ древнихъ русскихъ монастырей. Авторъ даетъ нѣсколько довольно искусныхъ характеристикъ духовныхъ дѣятелей, напримѣръ, патріарха Никона.

Статья заканчивается слѣдующей лирической рѣчью: «Пустыня, уединеніе, гдѣ, казалось бы, должно увянуть воображеніе, возбуждаютъ его въ высокой степени, и мы съ живымъ удовольствіемъ внимаемъ автору, когда онъ плыветъ черезъ Ладожское

озеро, ночью, при духовномъ пѣніи кормчаго — инока, или, когда слушаетъ трогательный рассказъ игумена о св. Царевичѣ Іоасафѣ, оставившемъ царство земное для небеснаго, и, умиляясь мысленнымъ зрѣлищемъ смиреннаго пріюта отшельниковъ, невольно повторяемъ съ авторомъ стихи, которые жагаетъ онъ вложить въ ихъ уста:

Моря житейскаго шумныя волны
Мы протекли;
Пристань надежную утлые челны
Здѣсь обрѣли.
Здѣсь, невечернею радостью полны,
Слышимъ вдали—
Моря житейскаго шумныя волны!

По этому отрывку можно судить о прекрасномъ слогѣ статьи, о живомъ поэтическомъ чувствѣ автора. Во всякомъ случаѣ, этотъ первый опытъ будущаго писателя—трудъ въ полномъ смыслѣ литературный, и мѣстами даже художественный¹⁴⁾.

Тургеневъ окончилъ университетскій курсъ сначала со степенью дѣйствительнаго студента, немного спустя сдалъ кандидатскій экзаменъ. Это происходило въ 1837 году. Помимо университетскихъ занятій, Тургеневъ много времени отдавалъ древнимъ языкамъ, усиленно изучалъ греческій языкъ. Отечественною наукою Иванъ Сергѣевичъ не думалъ удовлетвориться и готовился къ другому, болѣе высокому, образованію. Эти серьезныя и вполне опредѣленныя цѣли уживались вмѣстѣ съ изумительнымъ юношескимъ легкомысліемъ, почти дѣтскою наивною.

Въ эпоху окончанія университетскаго курса Иванъ Сергѣевичъ былъ самымъ беззаботнымъ, жизнерадостнымъ юношей. Его раскатыстый, заразительный смѣхъ счастливаго человѣка, постоянно раздавался въ домѣ. Онъ не прочь былъ принять участіе въ дѣтскихъ шалостяхъ, и первый чувствовалъ громадное удовольствіе. Его хохотъ иногда даже навлекалъ выговоры матери. Ей казалось неприличнымъ для молодого аристократа хохотать «такъ по мѣщански».

— Mais cessez donc, Jean,—говорила Варвара Петровна,—c'est même mauvais genre de rire ainsi. Qu'est-ce que ce rire bourgeois! (Перестань же, Иванъ, даже неприлично такъ хохотать! Что за мѣщанскій смѣхъ!).

Въ этотъ періодъ отношенія Ивана Сергѣевича съ матерью были еще довольно ровны. Сынъ, не смотря на жестокія дѣтскія

¹⁴⁾ Журналъ Мин. Нар. Просв. XI, 1836 г., Новости и смѣсь. 391—410. Подъ статьей полная подпись автора.

воспоинанія, чувствовалъ искреннюю и глубокую привязанность къ матери. Онъ проявлялъ это во всемъ—въ мелочахъ и въ серьезныхъ случаяхъ. Варваръ Петровнѣ сдѣлали операцію, она нѣкоторое время оставалась въ постели, Иванъ Сергѣевичъ окружилъ ее нѣжнѣйшими заботами, просиживая съ нею цѣлыя ночи. Такая любовь оказывала благотворное дѣйствіе даже на деспотическій характеръ самовластной барыни. Она, конечно, по прежнему управляла домою и имѣніями, но присутствіе Ивана Сергѣевича смягчало ея власть. Очевидецъ рассказываетъ, какъ тяжело было сыну присутствовать при подвигахъ своей матери и чувствовать въ то же время свое безсиліе помочь ея жертвамъ. Но, рассказываетъ очевидецъ, «доброта его иногда и безъ всякой борьбы подчиняла волю даже и Варвары Петровны. При немъ она была совсѣмъ иная, и потому въ его присутствіи все отдыхало, все жило. Его рѣдкихъ посѣщеній ждали, какъ блага. При немъ мать не только не измышляла какой-нибудь вины за кѣмъ-либо, но даже и къ настоящей винѣ относилась свисходительнѣе; она добродушествовала какъ бы ради того, чтобы замѣтить выраженіе удовольствія на лицѣ сына...»

Такъ было до заграничнаго путешествія Ивана Сергѣевича. Въ это время онъ, вѣроятно, и самъ не особенно пристально всматривался въ окружающую жизнь. Его интересы сосредоточены были на наукѣ, на личномъ развитіи. Можетъ быть, и быстро смѣняющіяся юношескія настроенія, мѣшали ему выикнуть въ бездну золь, переполнявшую его родной домою. Но главнѣйшій мотивъ, сдерживавшій, вѣроятно, не разъ негодование и критику пылкого юноши—была нѣжная привязанность къ матери, стремленіе падить ея спокойствіе, добрыя отношенія къ ней во что бы то ни стало. Все это будетъ продолжаться не долго. Взгляды и дѣятельность матери слишкомъ противорѣчатъ простѣйшимъ основамъ гуманности и справедливости, а сынъ одаренъ исключительной чувствительностью именно въ этомъ направленіи: разрывъ произойдетъ неминуемо. Онъ только вопросъ времени. Но пока царствуютъ миръ и согласіе: Варвара Петровна безпрекословно соглашается выполнить задушевное желаніе сына—поѣхать учиться заграницей.

Иванъ Сергѣевичъ самъ объяснилъ мотивы своего путешествія. «Объ этой поѣздкѣ я мечталъ давно», пишетъ онъ въ своихъ *Воспоинаніяхъ*. Я былъ убѣжденъ, что въ Россіи возможно только набраться нѣкоторыхъ приготовительныхъ свѣдѣній, но что источникъ настоящаго знанія находится заграницей. Изъ числа тогдашнихъ преподавателей С.-Петербургскаго университета не было ни одного, который бы могъ поколебать во мнѣ это убѣж-

дене; впрочемъ, они сами были имъ проникнуты; его придерживалось и министерство, во главѣ котораго стоялъ графъ Уваровъ, посылавшее на свой счетъ молодыхъ людей въ нѣмецкіе университеты».

Тургеневу предстояло много труда. Кандидатъ русскаго университета оказался дурно подготовленнымъ къ слушанію лекцій въ нѣмецкомъ университетѣ. Ему предстояло на первыхъ порахъ снова приняться за зубреніе латинской и греческой грамматики. Но Тургеневъ это не пугало: онъ смѣло отправился въ чужіе края, первый разъ въ жизни—одинъ, безъ материнскаго надзора.

«Матушка въ первый разъ отпустила меня ѣхать одного», рассказываетъ Иванъ Сергѣевичъ, «и я долженъ былъ общать ей вести себя благоразумно, а главное, не дотрагиваться до картъ...»

Въ день отъѣзда въ Казанскомъ соборѣ отслужили напутственный молебенъ. Варвара Петровна все время горько плакала. Она провожала сына на пароходъ; на возвратномъ пути съ ней сдѣялся обморокъ. Суевѣрный могъ это принять за злое предчувствіе...

Путешествіе Ивана Сергѣевича оказалось неблагополучнымъ. На пароходѣ, на которомъ онъ ѣхалъ,—«Николаѣ I», произошелъ пожаръ. Впослѣдствіи, много лѣтъ спустя, Тургеневъ рассказалъ объ этомъ происшествіи въ художественномъ очеркѣ «Пожаръ на морѣ». Этотъ очеркъ мы и должны принять за единственную достоверную исторію событія. Здѣсь, между прочимъ, авторъ вспоминаетъ, какъ онъ схватилъ за руку матроса и обѣщалъ ему десять тысячъ рублей отъ имени матушки, если матросъ спасетъ его... Девятнадцатилѣтнему юношѣ было совершенно естественно потерять голову въ виду страшной катастрофы. Но въ Петербургъ пришли нѣсколько другія вѣсти, не лестныя для самолюбія юноши. Рассказывали со словъ свидѣтелей, что Иванъ Сергѣевичъ волновался черезъ мѣру на пароходѣ, взывалъ къ любимой матери и извѣщалъ товарищей несчастья, что онъ богатый сынъ вдовы, хотя сыновей было двое у нея, и долженъ быть для нея сохраненъ. Этимъ слухамъ вѣрили ¹⁵⁾!..

Эта сплетня много лѣтъ спустя доставила Тургеневу не мало тяжелыхъ минутъ. Лѣтомъ въ 1868 году, въ письмѣ къ редактору *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*, Тургеневъ долженъ былъ опровергать рассказъ о томъ, будто онъ, тридцать лѣтъ тому назадъ, во время пожара на пароходѣ кричалъ: «спасите меня, я единственный сынъ у матери ¹⁶⁾!..»

¹⁾ Аяненковъ. *Молодость И. С. Тургенева. Вѣстн. Евр.* 1884, февр., 452.

¹⁶⁾ *Письма*, 138.

Въ качествѣ дядьки Ивана Сергѣевича сопровождалъ за границу крѣпостной докторъ Варвары Петровны—Порфирій Тимоѣевичъ Кудряшевъ. Порфирій пользовался привилегированнымъ положеніемъ въ домѣ барыни. Правда, она не затруднилась пригрозить ему ссылкой въ Сибирь, если онъ не вылечитъ ея воспитанницы, но та же воспитанница утверждаетъ, что это былъ единственный человѣкъ, кого Варвара Петровна не оскорбила ни словомъ, ни дѣломъ, и кому довѣряла даже больше, чѣмъ всѣмъ другимъ докторамъ ¹⁷⁾. Уже командировка Порфирія дядькой при молодомъ баринѣ свидѣтельствовала о необыкновенномъ довѣріи Варвары Петровны къ этому крѣпостному человѣку.

Иванъ Сергѣевичъ быстро сблизился съ своимъ дядькой и между ними установились товарищескія отношенія. Свободныя минуты баринъ и слуга проводили въ такомъ невинномъ занятіи, какъ игра въ картонныя солдатки: за этой забавой Тургенева неоднократно заставлялъ Грановскій ¹⁸⁾. Самъ Иванъ Сергѣевичъ рассказываетъ о другомъ удовольствіи, въ которомъ также участвовалъ и дядька. Тургеневу случайно досталась собака, — и баринъ съ дядькой съ величайшимъ усердіемъ принялись воспитывать ее, учить ее охотиться за крысами. «Какъ только, бывало, скажутъ намъ, что достали крысу», рассказывалъ Тургеневъ, «я сію же минуту бросаю и Гегеля, и всю философію въ сторону и бѣгу съ дядькой и съ своимъ псомъ на охоту за крысами» ¹⁹⁾.

У Порфирія былъ, впрочемъ, несравненно болѣе пріятный способъ проводить время, и на этотъ разъ уже онъ пользовался услугами барина. Онъ быстро освоился съ заграничною жизнью, съ нѣмецкимъ языкомъ, и завелъ даже романъ съ нѣжкой. Ивану Сергѣевичу приходилось писать любовныя письма для своего дядьки. Дѣло едва не дошло до брака, но Порфирій испугался вѣчныхъ узъ на чужбинѣ...

Всѣ эти пріятныя занятія далеко не поглощали всего времени ни у барина, ни у слуги. Напротивъ. Оба они серьезнѣйшимъ образомъ отнеслись къ цѣли путешествія, — и въ результатѣ дядька вернулся на родину вполне образованнымъ человѣкомъ. Иванъ Сергѣевичъ всю жизнь не забывалъ берлинскаго періода своей жизни.

Тургеневъ такъ выражается о своихъ занятіяхъ въ Берлинѣ: «я занимался философіей, древними языками, исторіей и съ особеннымъ рвеніемъ изучалъ Гегеля подъ руководствомъ профессора

¹⁷⁾ В. И. Житова. *Вѣстн. Евр.* 1884, 108. Фамилія Порфирія ошибочно названа *Карташевъ*.

¹⁸⁾ Анненковъ. *Вѣстн. Евр.* 1884, февр. 452.

¹⁹⁾ *Русская Старина*, XL, 205.

Вердера». Изъ этихъ словъ видно, что философія Гегеля составляла главный предметъ изученія русскаго студента. Тургеневъ не былъ исключительнымъ явленіемъ. Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ гегельянство было главной притягательной силою нѣмецкихъ университетовъ, и преимущественно берлинскаго. Восторженныхъ поклонниковъ германскаго мыслителя встрѣчалось одинаково много среди всѣхъ націй, даже среди французовъ одно время Гегель игралъ роль высшаго авторитета. Тургеневъ въ Берлинѣ нашелъ множество молодыхъ людей, раздѣлявшихъ его энтузіазмъ. Въ числѣ ихъ были: Н. Станкевичъ, Грановскій. Одинъ изъ бывшихъ поклонниковъ Гегеля, не принадлежавшій къ берлинскому кружку студентовъ въ періодъ Тургенева, въ немногихъ словахъ выразилъ отношеніе — свое и другихъ — къ Гегелю: «мы, да и всѣ его послѣдователи изучали его, какъ новаго Мессію, и кланялись ему, какъ буряты своимъ фетишамъ» ²⁰⁾.

Привлекательность изученія для Тургенева и его товарищей въ сильнѣйшей степени увеличивалась еще благодаря такому толкователю тайнъ гегельянства, какимъ былъ молодой профессоръ Вердеръ. Достаточно сказать, что Вердеръ особенно близокъ былъ съ Станкевичемъ, прямо влюбился въ своего ученика, въ его восторженный идеализмъ, въ его самоотверженныя героическія усилія — во что бы то ни стало завоевать истину. Вердера будто самого поражала его привязанность къ иноземному студенту, и онъ успокаивался на объясненіи, что у этого русскаго несомнѣнно душа нѣмецкая, и поэтому онъ такъ могущественно овладѣлъ сердцемъ берлинскаго профессора...

Станкевичъ весьма цѣнилъ дружбу Вердера и такъ характеризовалъ его: «профессоръ Вердеръ рѣдкій молодой человекъ, наивный, какъ ребенокъ. Кажется, на цѣлый міръ смотритъ онъ, какъ на свое помѣстье, въ которомъ добрые люди безпрестанно готовятъ ему сюрпризы. Его бесѣды имѣютъ спасительное вліяніе, всѣ предметы невольно принимаютъ тотъ свѣтъ, въ которомъ онъ ихъ видитъ, и становится самому лучше, и самъ становишься лучше».

Много ли наставниковъ способны возбуждать подобныя чувства и питать подобныя настроенія! А здѣсь еще система, общающаяся въ прекрасной гармонической формѣ разрѣшить всѣ запросы человѣческой мысли, осмыслить прошлое, настоящее, и даже построить изящный планъ будущаго человѣческой культуры. *Идея* — всемогущая, всеобъемлющая, возвышенная — является этимъ юнымъ, вос-

²⁰⁾ Анненковъ и его друзья, Спб. 1892, 527, Боткинъ.

торженнымъ умамъ въ чарующей, обаятельной, красотѣ. Имъ кажется, что они въ своихъ запискахъ, бесѣдахъ охватываютъ весь міръ и подъ руководствомъ обожаемаго учителя несомнѣнно овладѣютъ путями человѣческаго счастья и просвѣщенія...

Станкевичъ идетъ во главѣ этихъ энтузіастовъ. Онъ работаетъ неустанно, фанатически и толкаетъ другихъ на такую же работу. Тургеневъ поддается этому благородному вліянію. И не одинъ Тургеневъ. Я. М. Невѣровъ, въ это же самое время слушавшій лекціи въ Берлинскомъ университетѣ, рассказываетъ такой эпизодъ.

«Однажды на вечерѣ у одной весьма образованной русской дамы, оставившей отечество и постоянно жившей за границей, шла рѣчь о преимуществахъ народнаго представительства въ государствѣ, о всесловномъ участіи народа въ несеніи государственныхъ повинностей и о доступѣ ко всякой государственной дѣятельности. Когда, по окончаніи этого вечера, мы возвратились домой и, естественно, оставаясь подъ впечатлѣніемъ вечерней бесѣды, обсуждали поднятый на ней вопросъ—Станкевичъ обратился къ намъ съ такимъ замѣчаніемъ:

— «Предсѣдательница бесѣды забываетъ, что масса русскаго народа остается въ крѣпостной зависимости и потому не можетъ пользоваться не только государственными, но и общечеловѣческими правами. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что рано или поздно правительство сниметъ съ народа это ярмо, но и тогда народъ не можетъ принять участія въ управленіи общественными дѣлами, потому что для этого требуется извѣстная степень умственнаго развитія, и потому прежде всего надлежитъ желать избавленія народа отъ крѣпостной зависимости и распространенія въ средѣ его умственнаго развитія. Послѣдняя мѣра сама собою вызоветъ и первую, а потому, кто любитъ Россію, тотъ прежде всего долженъ желать распространенія въ ней образованія», и при этомъ Станкевичъ взялъ съ насъ торжественное обѣщаніе, что мы всѣ наши силы и всю нашу дѣятельность посвятимъ этой высокой цѣли.

«И мы сдержали наше слово: самъ Станкевичъ черезъ два года умеръ въ званіи почетнаго смотрителя Острогжскаго уѣзднаго училища, слѣдовательно, если не лично, что было невозможно при его болѣзненномъ состояніи, то косвенно вносомъ на училище, содѣйствовалъ образованію народа; Гравовскій окончилъ жизнь профессоромъ университета, а я, возвратившись изъ-за границы, вмѣсто литературнаго поприща, какъ предполагалось прежде, поступилъ на учебное, и, конечно, на немъ и окончу мое земное поприще» ²¹⁾.

²¹⁾ *Русская Старина*, XL, 419.

Такіе вопросы поднимались и такъ энергично и безповоротно приходили къ рѣшенію въ этомъ кружкѣ юныхъ гегельянцевъ! Очевидно, отвлеченности не поглощали ихъ мысли безраздѣльно, и *идея* для нихъ не была только теоретическимъ орудіемъ; въ молодыхъ сердцахъ было пламенное чувство любви къ родинѣ и стремленіе отдать на служеніе ей свои силы, свою жизнь. А между тѣмъ, какъ часто посылаются неразумные упреки памяти людей сороковыхъ годовъ, упреки въ бесплодной мечтательности, въ бездѣльной тратѣ силъ на теории и абстракціи... Честное, горячее увлеченіе благородной культурной идеей всегда жизненно, всегда уже въ самомъ себѣ несетъ могучія побужденія къ плодотворной дѣятельности на пользу родины.

Намъ теперь будутъ понятны лихорадочныя заботы о распространеніи просвѣщенія въ народѣ, охватившія Тургенева еще раньше, чѣмъ народъ сталъ свободнымъ, понятны будутъ эти разнообразныя планы придти на помощь народной темнотѣ. Это все отголоски берлинскаго студенчества, отголоски клятвы, потребованной Станкевичемъ у своихъ земляковъ... Тургеневъ много лѣтъ спустя называлъ этотъ кратковременный періодъ «свѣтлымъ прошлымъ»²²⁾.

Этотъ свѣтъ былъ омраченъ страшнымъ ударомъ, постигшимъ берлинскій кружокъ, и прежде всего Тургенева. 24 іюня 1840 года въ Нови скончался Станкевичъ. Тургеневъ передавалъ это извѣстіе Грановскому въ такихъ выраженіяхъ: «Насъ постигло великое несчастье, Грановскій. Едва могу я собраться съ силами писать. Мы потеряли человѣка, котораго мы любили, въ кого мы вѣрили, кто былъ нашею гордостью и надеждою».

Дальше Тургеневъ говоритъ о своихъ отношеніяхъ къ покойному, о томъ, какъ онъ цѣнилъ «его свѣтлый умъ, теплое сердце, всю прелесть его души». Съ трогательнымъ чувствомъ Тургеневъ приводитъ письма Станкевича къ нему, излагающія обширныя планы умирающаго на счетъ литературныхъ работъ, письма, исполненныя горячаго любовнаго чувства все къ тому же Вердеру: «его дружба будетъ мнѣ вѣчно свята и дорога», писалъ Станкевичъ, «и все, что во мнѣ есть порядочнаго, неразрывно съ нею связано».

Эти увѣренія Станкевичъ просилъ Тургенева передать Вердеру... Подъ конецъ письма Тургеневъ не выдерживаетъ тона историка, лирическое чувство прорывается мощной волной. «Я оглядываюсь, нищю—напрасно. Кто изъ нашего поколѣнія можетъ замѣнить нашу потерю? кто достойный приметъ отъ умершаго завѣщаніе его великихъ мыслей и не дастъ погибнуть его вліянію, будетъ идти по его дорогѣ; въ его духѣ. съ его силой?..

²²⁾ *Русская Старина*, XLII, 392.

«О, если что-нибудь могло бы заставить меня сомнѣваться въ будущности, я бы теперь, переживъ Станкевича, простился съ послѣдней надеждой. Отчего не умереть другому, тысячѣ другимъ, мнѣ напр.? Когда же придетъ то время, что болѣе развитый духъ будетъ непремѣннымъ условіемъ высшаго развитія тѣла и сама наша жизнь условіе и плодъ наслажденій — Творца, зачѣмъ на землѣ можетъ гибнуть или страдать прекрасное?..»

Такъ у этого гегельянца отвлеченные вопросы идутъ рядомъ съ самымъ реальнымъ страстнымъ чувствомъ. Заключение достойно юнаго идеалиста, исполненнаго непоколебимой вѣры, сознанія собственной силы...

«Но нѣтъ, мы не должны унывать и преклоняться.

«Сойдемся, дадимъ другъ другу руки, станемъ тѣснѣе: одинъ изъ нашихъ упалъ, быть можетъ, лучшей. Но возникаютъ, возникнутъ другіе; рука Бога не перестаетъ сѣять въ души зародыши великихъ стремленій, и—рано ли поздно—свѣтъ побѣдитъ тьму».

Съ такимъ убѣжденіемъ Тургеневъ заканчивалъ свое пребываніе въ берлинскомъ университетѣ. Оно продолжалось два года, съ небольшимъ перерывомъ, занятымъ поѣздкой въ Россію, путешествіемъ въ Италію. Именно здѣсь, въ Римѣ, онъ и сблизился съ Станкевичемъ.

Эти два года, какъ мы могли убѣдиться, прошли далеко не безслѣдно для Ивана Сергѣевича. О вліяніи ихъ онъ самъ выразился съ полной опредѣленностью: «Я бросился внизъ головою въ Нѣмецкое море, долженствовавшее очистить и возродить меня, и когда я, наконецъ, вынырнулъ изъ его волнъ—я все-таки очутился «западничкомъ», и остался имъ навсегда».

Такой результатъ установился, конечно, постепенно, съ теченіемъ времени, когда идеи и впечатлѣнія осыпали, пришли въ стройный порядокъ, выяснились, благодаря дальнѣйшимъ знакомствамъ съ Нѣмецкимъ моремъ. Но основа, матеріалъ западничества были готовы уже послѣ занятій въ берлинскомъ университетѣ. Всѣ метафизическія увлеченія, чистая теорія позже исчезли совершенно, Тургеневъ въ зрѣлые годы относился ко всякимъ отвлеченностямъ равнодушно, иногда даже съ явнымъ презрѣніемъ, и мы вѣряемъ сообщенію одного изъ его знакомыхъ, что берлинскія студенческія записки по философіи казались ему чѣмъ-то чуждымъ и безусловно ненужнымъ²³⁾. Время и жизнь превратили Тургенева въ художника-реалиста и положительнаго мыслителя. То же самое произошло и съ другими русскими гегельянами. Боткинъ, напримеръ, поклонявшійся Гегелю, какъ фетишу, позже требовалъ отъ

²³⁾ Фетъ. *Мои воспоминанія*. М. 1890, I, 270.

литературы живой реальной правды, насущнаго жизненнаго содержания, и не выносила больше толковъ о діалектическомъ развитіи идеи. Но у этихъ людей существенное западническое осталось на всю жизнь: глубокое убѣжденное пристрастіе къ культурѣ, къ просвѣщенію, непреодолимое отвращеніе къ варварству, насиліямъ, и прежде всего къ крѣпостному праву. Все это они ненавидѣли во имя европейской цивилизаціи, во имя европейскаго прогресса. Свободное развитіе личности и общества—эта идея была усвоена ими на Западѣ, западной науки и въ западной дѣйствительности. И они были убѣждены, что пути, ведущіе къ этимъ благамъ цивилизаціи, общіе для всего человѣчества, и что, слѣдовательно, европейская культура познаваема для насъ поучительныхъ явленій...

Въ такомъ смыслѣ Тургеневъ сталъ западникомъ и остался имъ навсегда. И начало этого западничества положено берлинскимъ университетомъ.

Результатъ сказался совершенно ясно немедленно по возвращеніи Тургенева на родину. Теперь онъ уже не могъ съ прежнимъ благодушіемъ относиться къ порядкамъ, царствовавшимъ въ родительскомъ домѣ. Въ борьбу съ чувствомъ сыновней любви и почтительности вступила мысль, окрѣпшая, твердая и энергическая. Студенту берлинскаго университета, успѣвшему, кромѣ того, ознакомиться съ порядками западноевропейской культурной жизни, должно было казаться нестерпимымъ мельчайшее проявленіе отечественнаго рабства. Теперь каждый фактъ, каждая сцена врѣзывалась въ памяти юнаго наблюдателя, и общее бѣдствіе невольно становилось личнымъ несчастьемъ благороднаго юноши.

Кромѣ того, Тургеневъ стоялъ въ исключительномъ положеніи. Природная доброта, теперь одушевленная опредѣленнымъ міросозерцаніемъ, осуждена была ежедневно сталкиваться съ вопіющими нарушеніями тѣхъ самыхъ идей и взглядовъ, какими Иванъ Сергѣевичъ жилъ и дышалъ въ обществѣ Станкевича и его друзей. Дома, рядомъ съ матерью, каждый часъ, проведенный спокойно и въ довольствѣ, могъ казаться измѣной дорогой священной памяти учителя и друга. Въ двадцать два года не выносить такихъ непримиримыхъ противорѣчій. Исходъ долженъ быть завоеванъ во что бы то ни стало и цѣною какихъ угодно жертвъ...

Такъ и случится. Прямымъ результатомъ новаго настроенія Ивана Сергѣевича будетъ разрывъ съ матерью.

(Продолженіе слѣдуетъ)

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЖИЗНИ.

РОМАНЪ.

К. М. Станюковича.

I.

Мрачный осенний петербургский день съ пронизывающимъ до костей холоднымъ сѣвернымъ вѣтромъ близился къ концу. Отливая отъ центральныхъ частей города, пѣшеходы, угрюмые и голодные, торопились по домамъ.

Въ это время къ углу Невскаго и Лиговки приковылялъ, имѣя на плечахъ ларекъ, маленькій мальчуганъ въ большомъ измызанномъ картузѣ, нахлобученномъ на уши.

Окинувъ быстрымъ и зоркимъ взглядомъ мѣстность и, главнымъ образомъ, мѣстопробываніе „фараона“, то-есть, городского, маленькій человекъ опустил ларекъ у тротуара въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Невскаго и сталъ выкрикивать звучнымъ тоненькимъ голоскомъ въ упоръ проходящимъ по Лиговкѣ:—Спички да хорошія! Бумаги и конвертовъ! Не пожелаете ли, господинъ?

Засунувъ покраснѣвшіяся отъ холода руки въ карманы, мальчикъ то и дѣло подпрыгивалъ и ежился, такъ какъ востюмъ его былъ далеко не по сезону. Довольно жидкое порыжѣлое пальто неопредѣленнаго цвѣта, сидѣвшее мѣшкомъ и, очевидно, спитое на человекъ болѣе зрѣлаго возраста, и тонкія лѣтнія панталоны соответствовали скорѣй итальянскому климату, чѣмъ этой подлой, „собачьей“ петербургской погодѣ. Высокіе намокшіе сапоги, тоже предназначавшіеся, повидимому, на болѣе крупныя ноги, требовали по меньшей мѣрѣ основательной починки. Едва ли не самой лучшей частью

костюма былъ вязаный шарфъ, обмотанный вокругъ шеи и скрывавшій отъ нескромныхъ глазъ рваную ситцевую рубашу и нѣчто въ родѣ жилета.

— Купите, господинъ! Поддержите коммерцію!

Голосъ мальчугана выкрикивалъ все лѣнивѣе и безнадежнѣе. Казалось, онъ и самъ понималъ, что ни одинъ изъ этихъ торопившихся прохожихъ въ такую погоду не остановится, чтобы поддержать отечественную коммерцію. И если онъ все еще предлагалъ и спички, и бумагу, и конверты, то болѣе для очистки своей торговой совѣсти и, главное, изъ страха имѣть недоразумѣнія съ однимъ человѣкомъ, котораго онъ называлъ „дяденькой“, не чувствуя, впрочемъ, въ немъ никакихъ родственныхъ чувствъ.

Мальчишъ не ошибался въ своихъ предположеніяхъ. Дѣйствительно, ни одна душа не отделивалась на его призывъ. Всякій спѣшилъ въ теплую квартиру, думая объ обѣдѣ, а не о письменныхъ принадлежностяхъ. Никто даже и не взглянулъ на этого вздрагивающаго мальчугана въ уродливомъ картузѣ и не слышалъ тоскливой нотки, звучавшей въ этихъ назойливыхъ предложеніяхъ поддержать коммерцію.

Но вдругъ въ глазахъ мальчика блеснула надежда.

Онъ увидалъ солиднаго плотнаго господина въ отличномъ тепломъ пальто и съ цилиндромъ на головѣ, подъ руку съ молодой и хорошенькой барыней. Не смотря на отвратительную погоду, господинъ велъ свою даму не спѣша и, наклонивъ къ ней голову, о чемъ то говорилъ ей съ самымъ умильнымъ выраженіемъ на своемъ полноватомъ и не особенно моложавомъ лицѣ.

Опытъ не долгой, но уже богатой уличными наблюденіями жизни маленькаго человѣка привелъ уже давно его къ выводу, что господинъ, гуляющій подъ руку съ молоденькой барыней и разговаривающій съ ней, черезчуръ близко наклонившись къ ея уху, — несравненно отзывчивѣе и добрѣе и охотнѣе поддерживаетъ коммерцію, чѣмъ господинъ, идущій одиноко или съ дамой некрасивой или преклоннаго возраста.

Всѣ эти соображенія заставили мальчишка предположить, что письменныя принадлежности крайне необходимы господину, и онъ, еще не зная, что нѣтъ правилъ безъ исключе-

ній, торопливо вынулъ изъ ларька пачку бумаги и конвертовъ, подбѣжалъ къ проходившей парѣ и крикнулъ, протягивая пачку:

— Милый баринъ! Купите у бѣднаго мальчика! Поддержите коммерцію.

Молодая женщина вздрогнула отъ этого неожиданнаго окрика, а господинъ гнѣвно произнесъ, хватая за руку мальчика:

— Ты какъ смѣешь приставать, негодяй, а? Вотъ я сейчасъ кликну городского!

Мальчуганъ рванулся изъ рукъ господина и побѣжалъ въ ларьку, испуганный и нѣсколько изумленный такимъ неожиданнымъ оборотомъ дѣла. Онъ успокоился только тогда, когда господинъ съ дамой продолжали свой путь и скрылись, послѣ чего не отказавъ себѣ въ маленькомъ удовольствіи—погрозить имъ вслѣдъ кулакомъ и затѣмъ пустить имъ въ догонку:

— Тоже... городской!.. Сволочь!

Прошло еще минутъ съ десять. Мальчику становилось очень зябко, и онъ собирался, было, сняться съ мѣста и закончить на сегодняшній день торговлю, какъ вниманіе его привлекла дама въ глубокомъ траурѣ, шедшая опустивъ голову.

Обязательно слѣдовало сдѣлать еще попытку. Видъ этой барыни подавалъ нѣкоторую надежду.

И онъ проговорилъ самымъ трогательнымъ голоскомъ, владѣть которымъ приучила его недавняя профессія нищенки:

— Милая барыня! Купите бумаги... Дешево отдамъ... Пятачокъ двѣ тетрадки!

Барыня подняла голову и взглянула на мальчика. Его блѣдное, посинѣвшее отъ холода лицо, худое, съ тонкими, красивыми чертами и съ бойкими, бѣгающими, какъ у мышенка, кариими глазами, тотчасъ же приняло притворно-жалобное выраженіе.

— Купите, милая барыня...

Тѣнь грусти омрачило лицо дамы въ траурѣ, точно при видѣ этого худенькаго, болѣзненнаго мальчугана она вспомнила кого-то...

Она остановилась, торопливо вынула портмоне и протянула мальчику двугривенный.

— Пятнадцать копѣекъ сдачи... Извольте получить бумагу... Бумага первый сортъ!—говорилъ мальчикъ значительно повеселѣвшимъ и уже дѣловымъ тономъ чловѣка, совершившаго выгодное дѣльце.

— Сдачи не надо и бумагу себѣ оставь, мальчикъ,— промолвила дама.

— Не надо?—изумился мальчикъ.

И, зажавъ въ кулачекъ монетку, онъ горячо и торопливо проговорилъ:

— Дай вамъ Богъ здоровья, милая барыня!

— А ты, мальчикъ, шель бы домой... Холодно.

— И то забво... Сейчасъ иду...

— Сколько тебѣ лѣтъ?

— Пятнадцатый...

— Пятнадцатый годъ, и такой маленькій? А какъ зовутъ?

— Антошкой...

— Ты у кого живешь?

— У дяденьки...

— Ты, Антоша, приходи ко мнѣ какъ-нибудь... Я тебѣ дамъ платя...

И дама въ траурѣ сказала свой адресъ и фамилію, ласково кивнула головой и ушла.

Антошка нѣсколько мгновеній стоялъ съ разинутымъ ртомъ. Житейскій опытъ не очень-то баловалъ его людскимъ сочувствіемъ и не располагалъ къ оптимизму. И обѣщаніе платя и, главное, такая щедрая подачка, признаться, значительно удивили его.

Прежде, еще недавно, когда онъ „работалъ“ на петербургскихъ улицахъ въ качествѣ „бѣднаго сиротки“, гонявшагося за прохожими съ жалобными причитаніями дать копѣечку и затѣмъ въ роли мальчика, которому не хватаетъ двугривеннаго на покупку билета до Твери или до Пскова (смотря по воезалу, у котораго Антошка стоялъ) или въ роли только что выписавшагося изъ больницы, — случалось, хотя рѣдко, что ему и попадали двугривенные отъ сердобольныхъ людей, но съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ ходить съ ларькомъ и продавать спички, бумагу и конверты, ни одна душа не принимала въ соображеніе его собственныхъ нуждъ, и каждый старался купить и спички, и бумагу дешевле, чѣмъ

гдѣ бы то ни было, точно считая, что дать мальчику съ ларькомъ лишнюю копейку значить — потакать грабежу.

Вѣроятно, подобными житейскими наблюденіями слѣдовало объяснить и то, что въ сердце Антошки, послѣ первыхъ мгновеній радости, закралось вдругъ подозрѣніе на счетъ добротачественности двугривеннаго.

И онъ съ серьезнымъ дѣловымъ видомъ опытнаго человека, умѣющаго отличить олово отъ серебра, взялъ монетку въ зубы и нѣсколько разъ куснулъ ее. Испытаніе на мелкихъ острыхъ зубахъ и затѣмъ металлическій ея звонъ на камнѣ мостовой убѣдили мальчика, что монетка не фальшивая. Тогда онъ съ удовлетвореннымъ и довольнымъ видомъ опустилъ ее не въ кожаный кошель, въ которомъ хранилась выручка сегодняшняго дня, а въ карманъ штановъ, рѣшивъ, что, по всей справедливости, о которой онъ имѣлъ понятіе, двугривенный принадлежитъ ему одному, и что, слѣдовательно, отдавать его „этому дьяволу“, какъ онъ мысленно называлъ „дяденьку“, было бы величайшей глупостью.

Вслѣдъ затѣмъ онъ досталъ карандашъ и свою записную книжку, служившую ему въ тоже время и учебной тетрадкой, въ которой онъ списывалъ, учась самоучкой, названія вывѣсовъ, послѣ того, какъ могъ уже списать фамиліи спичечнаго и бумажнаго фабрикантовъ, издѣліями которыхъ торговалъ, — и не безъ нѣкотораго напряженія и большихъ гримасъ вывелъ каракулями, смутно напоминавшими печатныя буквы: „Гаспажа Скварцова, Сергифская, № 15“.

Ларекъ тщательно былъ накрытъ клеенкой. Оставалось вскинуть его на плечи и идти на Пески, на постылую квартиру „дяденьки“, предварительно умненько распорядившись съ двугривеннымъ, какъ надъ самымъ его укомъ раздался чей-то сильный и пріятный басовъ:

— Здравствуй, Антошка!

Антошка радостно и весело улыбнулся, увидѣвъ передъ собой довольно странную фигуру пожилого человека, съ испытаннымъ и изможденнымъ лицомъ, сохранявшимъ, не смотря на рѣзкія морщины и припухлость вѣкъ, еще остатки выдающейся красоты, — съ большой и сильно засѣдѣвшей черной бородой, тщательно расчесанной, и съ глубоко сидящими въ темныхъ впадинахъ черными глазами, глядѣвшими съ выра-

женіемъ угрюмой, спокойной и вмѣстѣ съ тѣмъ какой-то презрительной грусти, какое бываетъ у опустившихся, когда-то знавшихъ лучшія времена людей. Въ этихъ глазахъ свѣтилось теперь что-то безконечно ласковое.

Одѣтъ этотъ господинъ былъ въ невозможно ветхое и совсѣмъ лоснившееся пальто, но, видимо, съ претензіей на аккуратность и нѣкоторое щегольство: пуговицы были цѣлы, и нигдѣ не видно было дыръ, хотя заплатокъ было довольно. Панталоны были въ такомъ же родѣ. Сѣрое кашне скрывало ночную сорочку, рукава которой, виднѣвшіеся на худыхъ, волосатыхъ, рукахъ, были не особенно грязны. На маленькихъ ногахъ были стоптанныя резиновыя калоши, а на рукахъ—изящной формы, съ длинными пальцами—лайковыя заношенныя и заштопанныя перчатки. Совсѣмъ порыжѣлый цилиндръ былъ одѣтъ чуть-чуть на бекрень, и изъ подъ него выбивались сѣдоватыя вудри. Несмотря на этотъ почти нищенскій костюмъ, въ осанкѣ и манерахъ этого господина сразу чувствовался баринъ.

— Здравствуйте, графъ...

Подъ кличкой „графа“ этотъ господинъ былъ извѣстенъ въ числѣ многихъ обитателей трущобъ и Антошкѣ, который познакомился съ нимъ годъ тому назадъ, нищенствуя у вокзаловъ; онъ нѣсколько разъ исполнялъ порученія „графа“ по доставленію писемъ въ разныя богатыя квартиры, и пользовался его благосклонностью. „Графъ“ былъ единственнымъ въ мірѣ человѣкомъ, который всегда дружески и участливо относился къ Антошкѣ, платилъ ему за комиссіи, если Антошка приносилъ благопріятные отвѣты, даривалъ леденцы и, случалось, зазывалъ къ себѣ въ „лавру“, гдѣ жилъ въ углѣ, угощалъ чаемъ и велъ съ нимъ бесѣды довольно своеобразнаго философскаго характера.

— Ты это что?.. Съ ларькомъ нынче?.. Давно?

— Съ лѣта, графъ...

— Лучше, чѣмъ прежняя работа, а?

— Лучше... И фараоновъ не такъ опасаясь... Показалъ жестянку и шабашъ!

— А какъ дѣла? Хорошо торгуешь?

— Плохо, графъ... Лѣтомъ еще ничего, а теперь... Главное, погода! Вотъ спасибо одной барынь... Добрая... Цѣлый двугривенный подарила...

— Ишь какая добрая!— иронически протянул „графъ“.

— И бумаги не взяла... И велѣла придти къ себѣ за платьемъ... А я двугривенный „дяденькѣ“ не отдамъ... Какъ по вашему, графъ? Отдавать?

— Никонимъ образомъ. Онъ твой! — категорически заявилъ „графъ“, и прибавилъ:— а ты, братецъ, скажи своему подлецу „дяденькѣ“, чтобы далъ тебѣ обмундировку потеплѣй, а то въ чемъ, свотина, выпускаетъ! Скажи ему, что генераль Езоповъ — запомни фамилію! — тебя остановилъ и расспрашивалъ, какой такой подлецъ хозяинъ, что посылаетъ мальчика въ такомъ видѣ... Понялъ?

— Понялъ... скажу... А если спросить: какой изъ себя генераль?

— Скажи: сердитый такой, съ большими глазами... Усища длинныя, предлинныя!— улыбаясь, объяснялъ „графъ“.

— Безпремѣнно скажу,— радостно промолвилъ Антошка.

— Что твой дяденька-мерзавецъ... Попрежнему тебя бьетъ?— участливо спрашивалъ „графъ“.

— Теперь полегче... Маленькихъ шибко бьетъ... Ремнемъ больше, чортъ! А, главное, она: настоящая вѣдьма!

— Уйти тебѣ отъ нихъ надо, вотъ что...

— Никакъ нельзя... Онъ говоритъ, что я ему проданный по бумагѣ... И, кромѣ того, племянникъ... Вездѣ, говорить, тебя розыщутъ...

— Глухой! Нонче людей не продаютъ... И какой ты ему племянникъ? Онъ все вретъ... Однако, иди, иди, Антошка... Замерзнешь... Ишь погода!— проговорилъ „графъ“, самъ пожимаясь отъ холода. Да завтра же зайдѣ ко мнѣ, слышишь?..

— А гдѣ вы теперь живете? Я въ „лаврѣ“ былъ... Тамъ васъ не оказалось.

— Въ больницѣ три мѣсяца лежалъ и, видишь, отлежался! Теперь я не въ лаврѣ живу, а у Бердова моста, домъ 104, во второмъ дворѣ, у прачки... Запомни адресъ. Да спрашивай не графа...

— Не графа?— удивился Антошка.

— То-то не графа!— усмѣхнулся „графъ“, а Опольева, Александра Николаича Опольева. Не забудешь?

— Не забуду... А то записать развѣ?

— Ужъ и писать выучился? Ай да умница!.. Только век-

селей не пиши!—вставилъ „графъ“ съ грустной улыбкой... Я тебѣ когда-нибудь объясню, что такое вексель... Пстой... у тебя руки, какъ у гуся... Давай карандашъ...

Онъ записалъ адресъ и фамилію и, отдавая листокъ мальчику, сказалъ:

— Смотри же, завтра приходи... Я тебя угощу и побесѣдуемъ, какъ тебѣ отъ твоего разбойника уйти... Только ему ни слова... До свиданія, Антошка!

Съ этими словами „графъ“ какъ-то важно приподнял голову, слегка выпятилъ грудь и скоро скрылся въ полутьмѣ сумерекъ, а Антошка, вскинувъ на плечи ларецъ, бодро шагнулъ на Пески, весьма довольный и встрѣчей съ „графомъ“, и двугривеннымъ, столь неожиданно попавшимъ въ его карманъ и позволившимъ ему побаловать себя роскошнымъ обѣдомъ.

Зайдя въ закусочную, онъ спросилъ себѣ порцію селянки, запилъ ея двумя стаканами горячаго чая и затѣмъ забѣжалъ въ мелочную лавочку и на пяточокъ спросилъ леденцовъ. Засунувъ себѣ въ ротъ сразу штуки четыре, Антошка остальные бережно завернулъ въ бумагу, и, заправивъ ихъ за голенища, вышелъ изъ лавки.

Послѣ такого лукулловскаго пиршества, Антошка почувствовалъ себя и счастливѣе, и бодрѣе, и совсѣмъ не думалъ о жидкихъ, пустыхъ щахъ у „дяденьки“. Эти щи и вообще не прельщали его—до того они были водянисты и мало насыщали, а теперь, вспомнивъ о нихъ, онъ даже сдѣлалъ гримасу.

Слова „графа“ о томъ, что Антошка „не проданный“, значительно подняли его духъ, и онъ продолжалъ свой путь, мечтая о томъ времени, когда онъ будетъ самъ отъ себя продавать и спички, и бумаги, и конверты, и разные другія вещи, купить себѣ сапоги и полушубокъ и не будетъ жить у „дьявола дяденьки“. Въ этихъ ребячьихъ мечтахъ брошеннаго, несчастнаго мальчика, никогда не знавшаго нѣжной ласки, не знавшаго ни матери, ни отца, не забыты были и „графъ“, и маленькая „Нюта“, его любимица, жившая, какъ и онъ, у „дяденьки“. Что же касается нелюбимыхъ людей, то Антошка не безъ злобнаго чувства мечталъ о возмездіи. Хорошо было бы, „дяденьку“ засадить въ тюрьму на

вѣчныя времена, а „вѣдьму“... Онъ придумывалъ ей разныя бѣды и въ концѣ концовъ рѣшилъ, что было бы недурно, еслибъ ее переѣхала конка, и она бы издохла.

Однако, когда Антошка вошелъ въ ворота знакомаго деревяннаго дома на окраинѣ Песковъ и поднимался по темной вонючей лѣстницѣ въ „дяденькину“ квартиру, его охватило невольное, знакомое еще съ дѣтства, чувство робкаго страха и ему представлялась пьяная фѣзіономія „дяденьки“ съ ремнемъ въ рукахъ, и рядомъ „вѣдьма“, подзадоривающая его своимъ подлымъ смѣхомъ.

Счастливыя мечты сразу выскочили изъ головы Антошки, и онъ, удрученный, съ чувствомъ узника, возвращающагося въ тюрьму съ жестокими тюремщиками, вошелъ въ незапертыя двери темной прихожей, робко пробрался мимо кухни и очутился въ крошечной комнатѣ, въ которой помѣщались всѣ миѳическіе „племянники“ и „племянницы“, работавшіе на „дяденьку“ въ качествѣ уличныхъ нищенокъ.

Посрединѣ этой грязной, низкой и сырой комнаты, освѣщавшейся тусклымъ свѣтомъ стѣнной лампы, стояли небольшой столъ и двѣ скамейки, на которыхъ была разбросана разная мокрая рвань, отдававшая запахомъ гнили. Это было верхнее платье „пансіонеровъ“, разложенное для просушки. Никакой другой мебели не было. На этомъ же столѣ, среди вещей, стояла деревянная чашка, изъ которой жадно хлебаль холодный супъ бѣлокурый мальчикъ лѣтъ восьми. Остальные обитатели, уже вернувшіеся съ работы, сдавшіе свои выручки „дяденькѣ“ и поужинавшіе, лежали на полу, на тощихъ матрасикахъ, рядомъ, вповалку, прикрытые какою-то старой ветошью и согрѣваясь болѣе теплотою собственныхъ тѣлъ. Маленькія соломенныя подушки поддерживали дѣтскія головы.

Почти всѣ дѣти спали, вдыхая въ себя смертоносный воздухъ.

Антошка снялъ съ себя ларець, затѣмъ разулся, сунувъ подъ свой матрасикъ свертокъ съ леденцами, надѣлъ какіе-то дырявыя башмаки и хотѣлъ было снимать свое намокшее пальтецо, какъ вдругъ изъ-за стѣны донесся жалобный дѣтскій вопль, заглушаемый пьянымъ грубымъ мужскимъ голосомъ.

— Это Нютку!—шепотомъ проговорилъ бѣлокурый мальчикъ.

*

— За что?—отрывисто спросилъ Антошка.

— Всего два пятака принесла...

— Ишь.. подлые!..—шепнулъ Антошка, и въ его глазахъ сверкнулъ огонекъ.

Черезъ минуту въ комнату вбѣжала съ плачемъ маленькая, совсѣмъ худенькая дѣвочка, съ черными растрепавшимися волосенками и, увидѣвъ Антошку, проговорила прерывающимся отъ рыданій голосомъ:

— Ан-тош-ва... У-бей Бо-гъ нап-расно. Я гро-ши-ка не у-та-ила...

И, понижая голосъ, прибавила:

— Онъ бы прос-ти-лъ, а она... тварь под-лая...

— Онъ чѣмъ тебя, ремнемъ, или руками?—освѣдомился довольно объективно бѣлокурый мальчикъ, засовывая въ ротъ послѣдній кусокъ чернаго хлѣба.

— Рем-немъ... Пять разъ... Больно... Ахъ, больно, голубчики!

Антошка проговорилъ съ важнымъ видомъ:

— Подожди, Анютка... Мы на этихъ дьяволовъ управу найдемъ... Най-демъ!—прибавилъ онъ, вспоминая вдругъ слова графа.—Мы не проданные... Не реви, Анютка...

И съ этими словами онъ досталъ свертокъ и подаль его Нюткѣ.

— На, вотъ, ѣшь... только дай два леденца Алешкѣ... Больше не давай... Ышь.

Нютка сквозь слезы улыбнулась и набросилась на леденцы съ жадностью дикаго звѣрья.

Въ эту минуту двери безшумно отворились, и на порогѣ показалась высокая, худая, молодая женщина въ юбкѣ, въ сѣромъ платѣ на головѣ, изъ подъ котораго выбивались пряди рыжихъ волосъ.

Она вошла тихо, подкравшись, какъ кошка.

Антошка первый замѣтилъ „вѣдьму“ и кинулъ выразительный взглядъ, предостерегающій объ опасности, на своихъ маленькихъ товарищей.

Нютка немедленно зажала въ своей грязной рученкѣ оставшіеся леденцы, проглотивъ, не безъ риска подавиться, бывшіе у нея во рту, и, съ выраженіемъ испуга на своемъ

заплаканномъ лицѣ, бросилась къ постели и легла, притихшая и оробѣвшая, словно виноватая собаченка.

Алешка, успѣвшій съѣсть свои два леденчика въ мгновеніе ока и глядѣвшій въ ротъ дѣвочки съ чувствомъ зависти и очарованья, побрелъ къ своему матрацу съ видомъ человѣка, не имѣющаго достаточныхъ основаній опасаться трепки.

Между тѣмъ, рыжая женщина, успѣвшая подслушать слова Антошки, подозрительно оглядѣла комнату и, замѣтивъ валяющуюся на полу сѣрую бумажку изъ подъ леденцовъ, подняла ее съ полу и, обращаясь къ Антошкѣ, проговорила своимъ рѣзкимъ, низкимъ контральнымъ голосомъ:

— Ты, что жъ это, подлець, не идешь сдавать выручку? До какихъ поръ ждешь тебя, мазурика?

„Вѣдьма“ любила вообще уснащать свои рѣчи бранью, но особенно въ сношеніяхъ съ Антошкой, котораго терпѣть не могла больше, чѣмъ остальныхъ дѣтей этого заведенія своего супруга, такъ какъ чувствовала, что Антошка, не смотря на свою видимую покорность, является, такъ сказать, протестующимъ элементомъ и, кромѣ того, какъ-то подозрительно и насмѣшливо улыбается, когда „вѣдьма“ посылаетъ его за сорокоушкой, чтобъ угостить гостя—молодаго наборщика, захаживавшаго по вечерамъ и по большей части въ отсутствіе мужа.

— Иду сейчасъ... Только что пришелъ!—Разуться надо... Измокъ...—отвѣчалъ не особенно мягко Антошка.

— Измокъ! Ишь какой сахарный господинъ!—презрительно и, медленно выговаривая слова, кинула рыжая дама, и злая улыбка искривила ея тонкія губы.

Съ этими словами она вышла, бросивъ на Антошку взглядъ большихъ, нѣсколько вывѣченныхъ, сѣрыхъ глазъ, не предвѣщавшій ничего хорошаго для Антошки.

Въ свою очередь и Антошка, ненавидѣвшій „вѣдьму“, съ безильной злобой загнаннаго волченка, посмотрѣлъ ей вслѣдъ злыми, презлыми глазами и снова отъ всего сердца пожелалъ, чтобы „подлю“ переѣхала вонка.

— Что, Нютка, шибко пьянъ хозяинъ?—освѣдомился онъ.

— Не очень,—отвѣтила Нютка.

Антошка черезъ минуту вышелъ — сдавать „дяденькѣ“ выручку.

Признаться, онъ шелъ далеко не спокойный, и мрачныя предчувствія невольно заглядывались въ его душу относительно ремня.

II.

„Дяденька“, отставной унтеръ-офицеръ Иванъ Захаровичъ, сидѣлъ въ одномъ жилетѣ поверхъ розовой ситцевой рубахи за столомъ, на которомъ шумѣлъ самоваръ, въ жарко на-топленной, довольно большой комнатѣ, раздѣленной ситцевымъ пологомъ, за которымъ помѣщались большая кровать и шкафъ съ посудой. Цвѣты на окнахъ, наклеенныя на стѣнахъ вырѣзанныя изъ иллюстрацій картинки и портреты нѣсколькихъ генераловъ и отца Іоанна Кронштадтскаго свидѣтельствовали о нѣкоторомъ эстетическомъ вкусѣ хозяевъ. Кое-какая мебель и огромный шкафъ, въ которомъ хранился разный хламъ, купленный на рынкѣ и составлявшій запасный гардеробъ питомцевъ „дяденьки“, дополняли убранство, не лишенное нѣкотораго комфорта, особенно по сравненію съ конурой, гдѣ помѣщалась дѣтская команда.

Самъ „дяденька“ медленно отхлебывалъ чай, попыхивая папирской, и, казалось, находился въ благодушномъ, относительно, настроеніи довольнаго своею судьбой человѣка. Онъ былъ выпивши, но еще не дошелъ до „градуса“ — это еще было впереди — и его спокойный видъ нисколько не напоминалъ человѣка, только что жестоко отхлеставшаго ремнемъ, опоясавшимъ его чресла, маленькую, беззащитную, дѣвочку.

Это былъ плотный и крѣпкій человѣкъ, лѣтъ за сорокъ, съ грубымъ, такъ называемымъ, „солдатскимъ“ лицомъ. Красное, одутловатое, испещренное рябинами, съ толстымъ носомъ и толстыми губами, окаймленное черными баками и овладистой бородой, оно далеко не отличалось привлекательностью. Маленькіе, заплывшіе и плутовскіе глаза свѣтились маслянымъ блескомъ. Въ нихъ было что-то хищное и выдавало прожженную каналью, прошедшую житейскія „мѣдныя трубы“.

Дѣйствительно, Иванъ Захаровичъ перепробовалъ много профессій послѣ того, какъ вышелъ въ отставку.

Онъ былъ швейцаромъ, сидѣльцемъ въ кабакѣ, разсылъ-

нимъ, но не уживался на мѣстахъ, имѣя слабость и къ вину, и къ картамъ, и къ прекрасному полу, — слабость, заставлявшую его не всегда быть особенно разборчивымъ, если ему поручали деньги. Онъ ихъ частенько-таки терялъ и, вѣроятно, благодаря только своей счастливой звѣздѣ, не попалъ въ сибирскія палестины.

Долго онъ влечилъ полунищенское состояніе: торговалъ на рынкѣ старымъ платьемъ, ходилъ въ факельщикахъ, носилъ шарманку, сопровождая „Петрушку“, и не оставлялъ сладкой надежды выбиться и жить, „какъ люди“, не обременяя себя праведными трудами. И, наконецъ, попалъ на счастливую мысль — открыть „заведеніе“ для дѣтей.

Осуществленіе этой идеи не потребовало особенныхъ затратъ. Хорошо знакомый съ трущобами, онъ зналъ, что въ Петербургѣ дѣтскаго товара сколько угодно, и, при извѣстной осторожности, предпріятіе его не представляло большого риска.

И Иванъ Захаровичъ „арендовалъ“ нѣсколькихъ безпризорныхъ и заброшенныхъ дѣтей у нищихъ ихъ родственниковъ, общая содержать дѣтей, и вдобавокъ еще платить за это извѣстную сумму денегъ. Антошку, впрочемъ, Иванъ Захаровичъ приобрѣлъ почти задаромъ у одной пьянчужки-вдовы, у которой ребенокъ очутился на рукахъ послѣ смерти его матери-прачки.

Дѣла Ивана Захаровича сразу пошли хорошо. Маленькіе нищенки ежедневно приносили ему изрядную выручку, и онъ держалъ ихъ въ ежовыхъ рукавицахъ, строго наказывая, если они приносили, по его мнѣнію, мало. Справедливость требуетъ, однако, сказать, что до женитьбы Ивана Захаровича положеніе дѣтей было сносно: ихъ и кормили лучше, и Иванъ Захаровичъ билъ ихъ только тогда, когда былъ очень пьянъ уже къ вечеру, когда онъ возвращался изъ трактира, а дѣти съ „работы“. Жившая при немъ, въ качествѣ помощницы, корявая Агафья жалѣла дѣтей и часто ихъ защищала.

На бѣду Иванъ Захаровичъ влюбился въ рыжую, худую „Марью“, встрѣченную имъ въ трактирѣ, который онъ посѣщалъ, и гдѣ онъ за стаканчикомъ водки нерѣдко бесѣдовалъ съ сидѣльцемъ о политикѣ и, вообще, вель отвлеченные разговоры, до которыхъ былъ охотникъ. Трудно сказать, чѣмъ

привлекла Ивана Захаровича эта дѣвица: своими ли выкаченными, наглыми глазами, умѣньемъ ли ругаться хуже извозчика, бѣлымъ ли, покрытымъ веснушками, лицомъ, не потерявшимъ еще свѣжести молодости, но только Иванъ Захаровичъ окончательно „втюрился“, и очень скоро женился.

Съ тѣхъ поръ какъ водворилась Марья Петровна, положеніе дѣтей стало воистину ужаснымъ.

Дѣти прозвали новую хозяйку вѣдьмой, и боялись ея больше „дяденьки“, понимая, что она главная виновница тѣхъ жестокихъ побоевъ и истязаній, какимъ они теперь подвергались.

Раздирающіе вопли и стоны раздавались въ квартирѣ почти каждый вечеръ при возвращеніи озябшихъ и продрогшихъ дѣтей съ „работы“. „Вѣдьма“ находила, что они мало приносятъ выручки, что они обкрадываютъ „дяденьку“, и съ какой-то холодной жестокостью натравливала супруга на дѣтей.

И, не смотря на разныя благотворительныя общества, существующія въ Петербургѣ, не смотря на множество блестящихъ дамъ-благотворительницъ, никто не слышалъ этихъ дѣтскихъ стоновъ, никто не приходилъ на помощь обреченнымъ страдальцамъ.

III.

— Много принесъ?—спросилъ Иванъ Захаровичъ, увидавъ вошедшаго въ комнату Антошку.

— Немного,—отвѣчалъ Антошка, приближаясь къ столу.

— А по какой такой причинѣ?—строго спросилъ „дяденька“, останавливая взглядъ на мальчикѣ.

— Погода...

— Что, погода!? Ты вѣрно, подлець, по трактирамъ сидѣлъ, а?..

— И вовсе не сидѣлъ...

— Ну, давай... выкладывай...

Антошка высыпалъ деньги изъ кошелька.

Было всего тридцать копѣекъ.

— Только и всего?

— Только... Совсѣмъ покупателевъ нѣтъ... И меня даже одинъ генералъ остановилъ, — вдругъ прибавилъ Антошка, вспомнивъ совѣтъ „графа“ и, имѣя въ виду не столько при-

пугнуть „дяденьку“, сколько отвлечь его вниманіе отъ щекотливаго разговора на счетъ выручки.

— Какой такой генераль?

— Важный, должно быть. Такой высокій и съ большими усами... И сердитый... Остановилъ это онъ меня у гостиннаго двора и спрашиваетъ: „По какой причинѣ ты, мальчикъ, шляешься по улицамъ въ такомъ рваномъ пальтѣ?.. Это, говоритъ, не полагается, чтобы по такой холодной погодѣ и безъ теплой одежды... Кто, говоритъ, тебя посылаетъ? Связывай, гдѣ ты живешь“?

Не лишенный, какъ оказывалось, нѣкотораго художественнаго воображенія, Антошка вралъ блистательнымъ образомъ и не моргнувши глазомъ, испытывая въ то же время внутреннее злорадство при видѣ безпокойнаго выраженія на лицѣ „дьявола“.

— Что жъ ты сказалъ этому генералу?—не безъ тревоги въ голосѣ нетерпѣливо спросилъ Иванъ Захаровичъ.

— Живу, молю, ваше сіятельство, у роднаго дяденьки... А квартируемъ мы...

— Что-оо?.. Развѣ я вамъ, подлецамъ, не приказывалъ никогда не говорить, гдѣ вы живете!.. — перебилъ, закипая гнѣвомъ, Иванъ Захаровичъ.—Знаешь ли, что я за это сдѣлаю съ тобой, съ мерзавцемъ?..

Иванъ Захаровичъ проговорилъ послѣднія слова такимъ зловѣщимъ тономъ, и его лицо исказилось такой злостью, что Антошка невольно попятился и поспѣшилъ проговорить:

— Да, я, дяденька, не сказалъ ему настоящаго адреса... Я совсѣмъ другой далъ.. На Островѣ, молю, квартируемъ, въ 15 линіи... Пусть ищетъ...

— То-то!—облегченно промолвилъ Иванъ Захарычъ...—А то бы тебя до смерти избилъ... Такъ бы и издохъ... Ты это помни... А теперь я скажу, что ты молодець, Антошка... Всегда такъ отвѣчай... Какое кому дѣло, гдѣ мы живемъ?—прибавилъ Иванъ Захаровичъ, окончательно успокоенный, и даже взглянулъ одобрительно на Антошку, какъ на достойнаго своего ученика, ловкаго и смышленнаго, пославшаго генерала на Васильевскій островъ... „Прогуляйся, молю!“

И послѣ незначительной паузы проговорилъ:

— А я тебѣ, Антошка, завтра другое пальтецо подберу...

форменное пальтецо... на байковой подкладѣ... у татарина купилъ... И хуфайбу дамъ... Я, братецъ, старательныхъ цѣню... И ты цѣни... Старайся для дяденьки... Помни, что я тебя вскормилъ и воспиталъ... Безъ меня пропалъ бы ты, какъ паршивый щенокъ у забора, а я вотъ тебя человѣкомъ сдѣлалъ... Да... Какой человѣкъ, ежели неблагодарный, того Богъ накажетъ. Ты этого не забывай, Антошка!—философствовалъ Иванъ Захаровичъ. —И выручки правильныя носи! —неожиданно перешелъ онъ на вопросъ чисто практическаго характера. А то:—тридцать копѣекъ! За это, по настоящему, слѣдовало бы тебя наказать, но я прощаю... Чувствуешь ты это?

Хотя Антошка и послѣ этой трогательной рѣчи не переставалъ питать къ дяденькѣ далеко не дружелюбныя чувства и сію минуту засадилъ бы его на вѣчныя времена въ острогъ, тѣмъ не менѣе выразить этого не посмѣлъ, и довольно-таки недурно, съ точки зрѣнія декламаторскаго искусства, проговорилъ, благоразумно опуская свои мышиные каріе глазенки, которые могли бы его выдать:

— Я завсегда чувствую, дяденька...

— То-то, чувствуй...

Антошка, со свойственнымъ его возрасту легкомысліемъ, уже считалъ себя вполне обеспеченнымъ, по крайней мѣрѣ, на этотъ вечеръ, отъ ненавистнаго ремня. Слишкомъ увлеченный столь благопріятными результатами отъ своей встрѣчи съ генераломъ, онъ хотѣлъ, было, отважиться еще на одну подробность генеральской бесѣды, а именно, сказать, что генералъ приказалъ ему продавать спички, бумаги и конверты не иначе, какъ въ полушубкѣ и въ крѣпкихъ сапогахъ, какъ въ эту самую минуту изъ-за полога показалась „вѣдьма“, уже безъ платка на головѣ, съ причесанными не безъ кокетства рыжими волосами, взбитыми на лбу, въ голубой ситцевой кофточкѣ и съ вымытыми руками.

Повиливая бедрами, она подошла къ столу и, присаживаясь у самовара, проговорила самымъ любезнымъ и вкрадчивымъ тономъ:

— Наливать, что ли, еще, Иванъ Захарычъ?

— Налей, Машенька, —отвѣчалъ Иванъ Захарычъ, передавая стаканъ и съ нѣжностью вглядывая на эту бѣлолицую, всю въ веснушкахъ, молодую женщину лѣтъ двадцати пяти,

съ вздернутымъ кверху курносимъ носомъ, выкаченными сърыми, наглыми глазами и тонкими губами.

Взглянулъ изъ-подлобья на нее и Антошка, очевидно, совсѣмъ не раздѣлявшій взглядовъ „дяденьки“ на красоту его супруги. Онъ находилъ, что отвратительнѣе этой „курносой вѣдьмы“ не было существа на свѣтѣ. И худа-то она, ровно ободранная кошка, и на ея „подлой мордѣ“ черти отмѣтины сдѣлали въ видѣ веснушинъ, и руки у нея въ видѣ „крючковъ“, и носъ дырявый... однимъ словомъ какъ есть настоящая вѣдьма!

Онъ сообразилъ отлично, для кого это она принарядилась, и только удивлялся „дяденькѣ“, какъ это онъ совсѣмъ ея „облещенъ“ и слушается ея вмѣсто того, чтобы таскать ее за косы и бить полѣномъ каждый день, а не въ исключительныхъ только случаяхъ, когда онъ, совсѣмъ пьяный, случалось-таки таскалъ за косы, все-таки, глупый ни разу не отдубасилъ полѣномъ...

Антошка дипломатически кашлянулъ, чтобы получить разрѣшеніе уйти (присутствіе „вѣдьмы“ вмѣстѣ съ воспоминаніемъ о поднятой ею бумажкѣ изъ подъ леденцовъ наводило его на тревожныя мысли) и закатиться спать, и Иванъ Захаровичъ хотѣлъ было отпустить его, какъ „вѣдьма“ вдругъ хихикнула и насмѣшливо проговорила, кивнувъ головой на Антошку:

— И ты, Иванъ Захарычъ, вѣришь этому подлому мазурику? Ахъ, какой же ты, Ваня, простой... Ахъ, какой простой...

Обвинить Ивана Захаровича въ простотѣ значило задѣть самую чувствительную струну его мошеннической души. Онъ, какъ и всѣ прожженные плуты, именно гордился тѣмъ, что проведетъ cadaго, и потому предположеніе жены, что его могъ оболванить мальчишка, показалось ему слишкомъ обиднымъ, и онъ произнесъ:

— Въ какихъ это смыслахъ понять, Машенька?..

— Мало ли чего онъ набрешетъ, а ты, по добротѣ своей, и вѣришь... Какой генераль станеть съ нимъ разговаривать, и кому нужно узнавать, гдѣ живетъ этотъ змѣнышъ... Я за нимъ слѣжу... Знаю, какъ онъ безстыжъ врать... Все-то онъ тебѣ набрехалъ, Иванъ Захарычъ...

— И вовсе не набрежалъ, Марья Петровна... Хучь сейчасъ подѣ присягу, что генераль со мной говорилъ... И фамилію свою даже объявилъ: я, говоритъ, генераль Езоповъ,—съ энергіей отчаянія произнесъ Антошка, имѣя, впрочемъ, о присягѣ довольно смутныя понятія.

Надо полагать, что и относительно всевѣдѣнія Господа Бога Антошка имѣлъ далеко не точныя представленія, или же полагалъ, что Господь милосердно терпитъ вранье несчастныхъ мальчиковъ, спасающихъ свою шкуру отъ толстыхъ ременныхъ поясовъ, потому что нисколько не затруднился, въ доказательство дѣйствительности встрѣчи съ генераломъ, прибавить:

— Какъ передъ истиннымъ Богомъ говорю... Пусть разразитъ меня на этомъ мѣстѣ, если я вру...

И вслѣдъ затѣмъ еще перекрестился нѣсколько разъ, нисколько не думая, что совершаетъ грѣхъ.

По счастью, Иванъ Захаровичъ, никогда не видалъ генерала Езопова, хотя и слышалъ, что есть такой генераль, занимающій видное мѣсто, и не потребовалъ болѣе подробнаго описанія его наружности, довольствуясь лишь „длинными усами“. Онъ только взглянулъ на свою супругу не безъ торжества человѣка, оправданнаго отъ взведеннаго на него тяжкаго обвиненія, и сказалъ:

— Я, Машенька, наскрозъ человѣка вижу... Меня не обманешь. Шалишь, братъ... Откуда бы услышалъ Антошка, что есть генераль Езоповъ. А я, Машенька, знаю, что есть въ Петербургѣ таковой генераль... Объ немъ и въ газетахъ пишутъ... Не бойсь, меня не объгорить... Не таковский!— снова повторилъ Иванъ Захаровичъ, хвастливо подмигивая глазомъ.

По лицу „рыжей дамы“ скользнула едва замѣтная, насмѣшливая, улыбка.

— Ну, хорошо, пусть генераль и говорилъ съ этимъ подлюгой... Пусть. А ты, Иванъ Захарычъ, спроси-ка у него, на какія это деньги онъ сейчасъ угощалъ леденцами Нютку и Лешку... Пусть-ка отвѣтитъ, мерзавецъ! — проговорила „вѣдьма“.

— Леденцами!? воскликнулъ Иванъ Захаровичъ, и вперилъ на Антошку злые глаза.

Антошка понял, что дѣло принимаетъ весьма серьезный оборотъ. Сердце въ немъ упало. Блѣдное лицо вдругъ приняло испуганное выраженіе затравленнаго звѣрька.

А „рыжая вѣдьма“ между тѣмъ продолжала:

— Спроси-ка у него, какъ онъ найдетъ на тебя управу... Я своими ушами слышала, какъ онъ грозился. „Мы, говоритъ, найдемъ управу на этого дьявола!“ Это онъ про тебя, Иванъ Захарычъ... Вотъ какъ онъ цѣнить твою заботу... Вотъ какъ онъ обкрадываетъ насъ... А ты ему, подлому, и повѣрилъ... Принесъ всего тридцать копѣекъ, а самъ леденцы... покупаетъ!

Лицо Ивана Захаровича побагровѣло. Что-то безпощадно-жестокое было теперь въ его маленькихъ, засверкавшихъ глазахъ и въ скверной улыбкѣ, искривившей его толстыя губы.

— Такъ вотъ ты какой... змѣенишь? Управу?.. Леденцы покупаешь?—говорилъ тихимъ, злымъ голосомъ Иванъ Захаровичъ, снимая съ себя толстый ремень... Я покажу тебѣ управу!—засмѣялся онъ, поднимаясь со стула.

— Да не жалѣй его... Пусть помнитъ!—вставила „вѣдьма“.

— Я не изъ выручки взялъ деньги... Мнѣ дала ихъ одна барыня и не взяла товару... Клянусь Богомъ... Не встать съ мѣста... Дя-де-нѣва!

Онъ говорилъ эти слова, и самъ чувствовалъ ихъ безнадѣжность.

Сильный ударъ кулакомъ по лицу ёшибъ его съ ногъ. Онъ упалъ навзничъ, ступнувшись головой объ полъ. Новый ударъ сапогомъ заставилъ его вскочить на ноги, окровавленнаго, съ тупою болью въ груди.

Злоба, страхъ и отчаяніе вдругъ залили волной его маленькое сердце. Онъ видѣлъ по этому страшному лицу „дяденьки“, что пощадъ не будетъ, и въ его головѣ пробѣжала мысль о бѣгствѣ. Злобно сверкая глазами, словно маленькій волчонокъ, онъ старался вырваться изъ крѣпкой руки Ивана Захаровича, которая держала его за шиворотъ, встряхивая, какъ щенка.

— Дя-деньва!—молил Антошка...—Дя-де-нѣва! Вы не смѣете мучить!—вдругъ крикнулъ онъ въ какой-то тоскѣ отчаянія и рванулся сильнѣй.

— Ахъ, ты...

И голова мальчика уже была между толстых иеръ Ивана Захаровича. Въ комнатѣ раздались отчаянные крики... Мольбы о пощадѣ смѣнялись ругательствами. Злобный ревъ безсильнаго животнаго чередовался съ раздирающимъ душу стономъ.

„Дяденька“ совсѣмъ озвѣрѣлъ. Казалось, онъ не помнилъ себя и съ остервененіемъ палача полосовалъ мальчика толстымъ ремнемъ съ металлической пряжкой, и все сильнѣе и сильнѣе сжималъ его голову.

Вопли становились рѣже и глуше. Мальчикъ задыхался.

— Ты, Иванъ Захарычъ, смотри, не задуши его!—крикнула ему „вѣдьма“, довольно равнодушно посматривая на экзекуцію и нисколько не волнуясь этими криками.

— Не бойсь... Не задушу...

Однако онъ чуть-чуть раздвинулъ ноги и въ ту же минуту вскрикнулъ, словно бы отъ жестокой боли.

— Отпусти, подлець! Не то до смерти забью!—прошипѣлъ въ бѣшенной ярости Иванъ Захаровичъ, продолжая наносить удары.

Но Антошка не отпускалъ.

Точно маленькій кровожадный бульдогъ, онъ впѣпился своими крѣпкими и острыми зубами въ ляжку своего мучителя и все крѣпче и крѣпче нажималъ ихъ съ кажимъ-то наслажденіемъ мстительной злобы, готовый оторвать кусокъ мяса.

Иванъ Захарычъ рванулся, чтобъ избавиться отъ этихъ зубовъ, причинявшихъ ему жестокую боль, и серьезно проучить дерзкаго мальчишку.

Но Антошка не зѣвалъ и, вообще, обнаружилъ въ этотъ вечеръ рѣдкую находчивость.

Почувствовавъ себя свободнымъ отъ рукъ „дяденьки“, онъ, съ ловкостью уличнаго мальчишки, бывавшаго въ передѣлкахъ, изъ всей силы дернулъ его за ногу, и Иванъ Захаровичъ, и безъ того не особенно твердый на ногахъ, грохнулся на земь. Еще мгновение, и „вѣдьма“ получила ударъ въ животъ, послѣ чего Антошка, схвативъ со стола стаканъ съ горячимъ чаемъ, не отказалъ себѣ въ удовольствіи удовлетворить свою злобу, выплеснувъ жидкость прямо въ ея „поганую морду“, и, не теряя затѣмъ драгоценнаго времени, выскочилъ изъ комнаты и стремглавъ бросился вонъ изъ квартиры, не замѣ-

тивъ даже Нютку, которая выглядывала изъ дверей съ застывшими отъ ужаса и страха черными большими глазами.

IV.

Опасаясь погони, Антошка нѣсколько времени бѣжалъ, что есть духу, по глухой дальней улицѣ Песковъ. Пробѣжавъ порядочное разстояніе, онъ завернулъ въ какой-то переулокъ и остановился, чтобы, передохнуть, придти въ себя и обдумать свое положеніе.

Положеніе мальчика въ этотъ осенній холодный вечеръ въ лѣтнемъ намошемъ и разорванномъ пальтишеѣ и рваныхъ старыхъ башмакахъ на босыя ноги, безъ шапки и даже безъ шарфа, одинаваго, какъ персть, въ большомъ городѣ, избытаго и окровавленнаго,—было не изъ блестящихъ. Но Антошка не унывалъ и считалъ, что несравненно лучше позябнуть, чѣмъ, послѣ всѣхъ происшедшихъ столь неожиданно событій, попасться къ „дяденьѣ“ и быть заковоченнымъ на смерть. Антошка имѣлъ рѣшительное желаніе жить на свѣтѣ, и даже съ большимъ сповоиствiемъ, чѣмъ до сихъ поръ, и потому одна мысль о возможности возврата въ ненавистную квартиру заставляла его вздрагивать и пугливо всматриваться въ рѣдкихъ прохожихъ.

Несмотря на сильную трепку, Антошка не безъ удовлетвореннаго чувства гордости припомнилъ, какъ прокусилъ ляжку „чорту“ и опарилъ „вѣдму“, находя, впрочемъ, что этого имъ мало, и что, Богъ дастъ, когда-нибудь онъ ихъ „раздѣляетъ“ еще не такъ. Только бы ему сдѣлаться большимъ. Тогда они узнаютъ Антошку!

Эти злыя мысли быстро смѣнились вопросомъ: куда ему идти? И тотчасъ же рѣшеніе было принято. Онъ пойдетъ къ доброму „графу“, и тотъ посоветуетъ, что ему дѣлать и, конечно, не откажетъ въ пристанищѣ. По счастью, Антошкина записная и учебная книжка находилась въ карманѣ, и онъ, приблизившись къ фонарю, не безъ труда разобралъ адресъ, написанный мелкимъ почеркомъ „графа“.

Оставалось еще привести себя въ нѣкоторый порядокъ. Онъ увидалъ, что руки его были въ крови и догадался, что это отъ расквашеннаго носа, за который онъ хватался. Не-

обходимо было смыть кровь, въ виду предстоящаго путешествія по освѣщеннымъ улицамъ и придирчивости „фараоновъ“.

Ведро съ водой у водосточной трубы, замѣченное Антошкой по близости, доставило ему возможность не только пополоскать руки и вымыть лицо, но и освѣжить воспаленную голову... Она, казалось ему, была какая-то тяжелая и, точно чужая, а послѣ воды стала легче.

Возбужденный и взволнованный, Антошка двинулся въ путь и сначала не чувствовалъ ни дьявольски-холоднаго вѣтра, насквозь пронизывающаго его худенькое тѣлце и играющаго его кудрявыми волосами, ни боли въ спинѣ, покрытой синими подтеками, и торопливо шагаль по улицамъ, осторожно обходя „фараоновъ“, чтобы не имѣть съ ними какихъ-нибудь непріятныхъ разговоровъ, какіе могли бы завести эти придирчивые люди съ мальчикомъ въ рваномъ пальтишѣ и, главное, безъ шапки, который ищетъ пристанища и участія.

По счастью, дѣло обошлось безъ приключеній, и черезъ часа полтора Антошка, совсѣмъ посинѣвшій отъ холода, чувствуя страшную боль въ спинѣ, поднимался по грязной лѣстницѣ въ квартиру прачки, у которой жилъ „графъ“.

Невообразимо радостное чувство охватило его, когда онъ очутился въ теплѣ, и когда старая женщина, впустившая его, съ видомъ изумленія и въ то же время жалости, провела этого вздрагивающаго оборванца къ своему жильцу.

К. Станюковичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИЗЪ ГЕЙНЕ.

1.

Мы плыли съ тобой, дорогая,
Къ невѣдомымъ, дальнимъ краямъ...
Тиха была ночь, и беззвучно
Скользилъ нашъ челнокъ по волнамъ.

* *
*

На островѣ духовъ волшебномъ,
При трепетномъ свѣтѣ луны,
Въ туманѣ ночномъ были пѣсни,
Прекрасныя пѣсни слышны...

* *
*

Тѣ пѣсни звучали такъ чудно
Въ тиши, среди дремлющихъ водъ...
Но, съ грустною думой, все дальше
Мы по морю плыли впередъ...

2.

Не знаю, что случилось со мною,—
Но грусть овладѣла душой...
Старинная сказка порою
Сжимаетъ мнѣ сердце тоской...

* *
*

Прохладно... Въ долину темнѣетъ,
И Рейнъ безмятежно течетъ...
На горной вершинѣ алѣетъ
Вечерняго солнца заходъ...

* *
*

И чудная дѣва надъ скатомъ,
 Блестая красою своей,
 Все чешетъ, въ уборѣ богатомъ,
 Волну золотую кудрей...

* *
 *

Изъ золота гребень у дѣвы,
 И пѣсня звучитъ съ вышины;
 Волшебные льются напѣвы,
 Чарующей силы полны...

* *
 *

И путникъ, тревогою страстной
 Томимый, плыветъ въ челнокѣ;
 Не видитъ скалы онъ опасной,—
 Все смотритъ наверхъ онъ, въ тоскѣ...

* *
 *

Погибли, во мракѣ пучины,
 Пловецъ и челнокъ среди скалъ,—
 Затѣмъ, что такъ чудно съ вершины
 Призывъ Лорелеи звучалъ!..

3.

Стоять безъ движенія звѣзды
 Въ небесной выси надъ землей;
 И смотрятъ, одна на другую,
 Вѣками съ любовной тоской...

* *
 *

Ведутъ онѣ страстныя рѣчи...
 Красивъ и богатъ ихъ языкъ;
 Но тайну его и донныѣ
 Филологъ еще не постигъ!..

* *
 *

А я разгадалъ ее скоро,
 И понялъ я смыслъ ихъ рѣчей: —
 Служило грамматикой лучшей
 Мнѣ личико милой моей!..

Юрій Веселовскій.

Москва.

ХАРАКТЕРЪ И РАЗУМЪ.

Альфреда Фулье.

Человѣкъ имѣетъ характеръ врожденный и характеръ благоприобрѣтенный. Первый, зависящій отъ нашего темперамента и тѣлосложенія, есть ничто иное, какъ внутренняя сторона нашего организма. Почему такой-то человѣкъ отъ природы дѣятеленъ, а такой-то лѣнивъ? Почему одинъ раздражителенъ, а другой — апатиченъ? Почему идея власти, опъяняющая Кромвелля, ничуть не воспламеняетъ Ньютона? Первопричина нашихъ природныхъ чувствъ заключается въ общемъ строеніи нашего тѣла и стоитъ въ связи съ особенностями различныхъ его органовъ, преимущественно же мозга.

Прирожденная основа нашего характера, находясь такимъ образомъ за предѣлами нашего сознанія, не можетъ быть познаваема нами непосредственно. Именно по этой причинѣ (а не по мистическимъ причинамъ, выставляемымъ Шопенгауеромъ и Гартманомъ) наши природныя свойства находятся внѣ сферы нашего сознанія и опредѣлить ихъ почти невозможно иначе, какъ путемъ опыта, т.-е. такого же наблюденія за своими поступками, какое намъ свойственно по отношенію къ поступкамъ посторонняго лица. Бываютъ минуты, когда мы, нѣмые и неподвижные, слѣдимъ за дѣйствіями этого другого, этого незнакомца, который, однако, есть наше первобытное, органическое я. Таковы моменты сильныхъ волненій, когда не остается времени для размысленія, а реакція происходитъ даже ранѣе, чѣмъ вѣсть объ этомъ доходитъ до нашего сознанія; таковы нѣкоторые моменты кризисовъ, когда вслѣдъ за слишкомъ сильными волненіями слѣдуетъ душевное отупѣніе, когда воля точно замираетъ, мысль бездѣйствуетъ, желанія отсутствуютъ, и мы сами удивляемся, видя, что еще совершаемъ какія-то дѣйствія; въ такихъ случаяхъ смотришь на себя, какъ на посторонняго, да еще на такого, о существованіи котораго и не подозревалъ раньше. Впрочемъ, по мѣрѣ того, какъ живешь, состав-

*

ляешь, наконецъ, нѣкоторое понятіе о себѣ самомъ; но познанное такимъ образомъ я бываетъ, по большей части, воображаемымъ, созданнымъ при помощи воспоминаній: это призракъ нашего прошлаго. Значить, наше размышленіе о самомъ себѣ въ дѣйствительности есть работа воображенія, усиливающагося создать образъ нашей личности. Работа же эта, въ свою очередь, есть лишь возрожденіе смутныхъ ощущеній и впечатлѣній, въ которыхъ режюмируется наша прошлая жизнь; это точно грѣза о насъ самихъ. Сократовское правило: «познай самого себя» составляетъ наитруднѣйшую задачу для каждаго изъ насъ.

Всевозможные фаталисты—и психологи, и физиологи и метафизики—разсматривали лишь эту врожденную и темную сторону нашей природы, завѣщанную намъ предками; они представляли себѣ характеръ, какъ нѣчто данное при рожденіи и подлежащее впоследствии лишь дальнѣйшему развитію. Для Спинозы характеръ есть теорема, изъ которой окружающая среда съ математическою непреклонностью выводитъ извѣстныя слѣдствія. Шопенгауеръ также предполагаетъ «доступный для познанія характеръ», измѣнить который не могутъ ни требованія нравственности, ни указанія опыта. Тѣмъ приписываетъ нашимъ господствующимъ способностямъ силу настолько-же неизбѣжную, какъ неизбѣжно изъ логическаго опредѣленія вытекають его слѣдствія. Но Рибо также всякій настоящій характеръ бываетъ врожденнымъ, и личности, подобныя Винценту Десполь *) или Бонапарту лишь развиваютъ въ своей жизни то, къ чему они физиологически предназначены при рожденіи: «истинные характеры не мѣняются».

Не отрицая всего, что можетъ быть вѣрнаго въ этихъ теоріяхъ, мы думаемъ, что онѣ имѣють одинъ общій недостатокъ: онѣ приравнивають развитіе разумныхъ существъ къ дѣйствию механизмовъ, слѣпо управляемыхъ геометрию, или къ дѣятельности организмовъ, слѣпо повинующихся законамъ физиологии. Но въ человѣческомъ характерѣ есть факторъ высшаго порядка, новый и своеобразный—сознаніе. Въ предлагаемой статьѣ мы противопоставляемъ обезкураживающему фатализму Спинозы, Шопенгауера, Тэна и ихъ послѣдователей свойственную разуму силу реакціи. Сначала докажемъ, что разумное сознаніе не должно быть исключено изъ основныхъ факторовъ, образующихъ характеръ; что, напротивъ, это одинъ изъ тѣхъ элементовъ, которые наиболее отличаютъ его отъ темперамента, и что, слѣдовательно, съ нимъ необходимо считаться при классификаціи различныхъ типовъ. За-

*) Извѣстный французскій благотворитель, жившій въ XVII вѣкѣ.

тѣмъ, прослѣдимъ его вліяніе на каждый изъ трехъ главныхъ видовъ характеровъ: на людей чувства, людей разума и людей воли.

I.

Всѣ неустрашимыя наслѣдственныя особенности тѣлосложенія и темперамента, которыя намъ выдаютъ за нашъ характеръ, составляютъ-ли онѣ его на самомъ дѣлѣ? Напротивъ, онѣ представляютъ скорѣе не нашу, а чужую долю, такъ какъ выражаютъ характеръ нашей семьи, націи, расы, типа; онѣ—тò клеймо, которое накладывается на насъ не нами самими, а извнѣ. Говорятъ, что «характеръ, это—наше я, поскольку оно реагируетъ». Безъ сомнѣнія; но истинное я это—то, которое мы знаемъ и дѣйствія котораго можемъ предвидѣть: и такъ, нашъ истинный характеръ состоитъ въ томъ, какъ мы сознаемъ и направляемъ наши естественныя склонности. Какъ бы ни было трудно достиженіе такой власти надъ собою, но оно возможно. Напримѣръ, Рахиль Варнгагенъ *), докторъ Джонсонъ **), Генриетта Мартино ***) родились съ темпераментомъ меланхолическимъ: они принадлежали къ числу тѣхъ унылыхъ людей, которые хотѣли бы бѣжать отъ непрерывнаго трепета жизни и сказать своему сердцу: «усни!» Но при помощи разума и воли они дѣлали похвальныя попытки побѣдить эту органическую склонность къ унынію и, наконецъ, восторжествовали надъ этимъ тайнымъ врагомъ своего внутренняго міра. Меланхоличности темперамента они противопоставили ясность характера.

Поэтому наши сужденія и привязанности не относятся къ сферѣ жизни безсознательной. Неужели мы любимъ человѣка за то, что онъ живой или неповоротливый, пассивный или дѣятельный, сильный или слабый? Нѣтъ; эти особенности темперамента не составляютъ еще личности. Даже врожденныя склонности не являются главнымъ показателемъ нашей привязанности; ее вызываетъ (если она — духовная, а не простое физическое влеченіе) истинный характеръ даннаго лица, его сознательная и направляемая его волею жизнь и то дѣйствіе, какое она оказываетъ на дальнѣйшее развитіе его разума и воли. Мы любимъ не механизмъ или безсознательный организмъ, а существо сознательное, мыслящее, чувствующее и желающее, словомъ — само могущее любить. Можно

*) Рахиль Варнгагенъ, жена поэта Варнгагенъ ф. Энзе, одна изъ замѣчательнѣйшихъ женщинъ начала XIX столѣтія, современница и близкій другъ Вильгельма Гумбольдта, Шеллинга, Фихте и мн. др.

***) Англійскій писатель.

***) Англійская писательница.

сказать, что истинная сущность характера заключается въ томъ, какъ онъ любить.

Можно возразить, что есть люди, живущіе преимущественно умомъ и мало умѣющіе любить, но способные хорошо понимать! Это, разумѣется, не поэты, а скорѣе мыслители или ученые. Мы, проходя мимо нихъ, глядя на нихъ и слушая ихъ, отдадимъ-ли имъ хоть часть нашего сердца, которое имъ совсѣмъ не нужно? Нѣтъ; мы удовольствуемся восхищеніемъ ихъ умственной силою, могуществомъ ихъ ума, всецѣло направленнаго на разрѣшеніе задачи, научной или иной, но единственной понятной имъ.

Это возраженіе является лишь подтвержденіемъ нашей мысли. Почему намъ не нравятся умы холодные, погруженные въ созерцаніе или поиски отвлеченныхъ научныхъ истинъ? Оттого, что намъ не нравится ихъ манера любить. То, что они любятъ—отвлеченная наука или факты внѣшняго міра—не можетъ насъ трогать такъ, какъ все, относящееся къ сферѣ нравственности и общестственности.

Въ своемъ глубокомыслии этомъ о характерахъ Риббъ говоритъ, что основы нашего характера, это—наши стремленія, импульсы, желанія, чувства, «все это и только это». Пусть такъ; но стремленія, импульсы, желанія и чувства предполагаютъ объекты, которые ихъ вызываютъ и которые познаются лишь разумомъ. Наши слѣбые импульсы и инстинктивные пристрастія вытекаютъ изъ нашего темперамента; наша любовь къ тому или иному—изъ нашего характера.

Но, возражаетъ намъ ученый и проницательный психологъ,—характеромъ выражается личность въ самой ея сущности; слѣдовательно, онъ можетъ состоять лишь изъ субъективныхъ элементовъ, которыхъ нельзя искать въ разумѣ, такъ какъ путь разума, идущій отъ ощущеній къ представленіямъ, образамъ, понятіямъ, ведетъ въ сферу общаго, безличнаго.

Какое намъ дѣло, что разумъ стремится къ обобщенію, если его дѣятельность все-таки остается актомъ личнымъ и даже является восхожденіемъ на все высшія и высшія ступени силы чисто личной? Человѣкъ, по природѣ своей, есть существо, стремящееся впередъ. Способность его ума совершенствоваться, а также постигать и любить общее составляетъ именно наиболѣе отличительную его черту.

Кромѣ того, часто забываютъ, что разумъ не есть сила чисто внѣшняя: основу его составляетъ сознаніе, а сознаніе направлено внутрь. Познать свою организацію и свой темпераментъ—уже значитъ превратить ихъ въ «характеръ», такъ какъ это

познаніе есть сведеніе къ единству всѣхъ заключенныхъ въ организмъ стремленій и импульсовъ. Постигнуть свое я уже значить утвердить его и противопоставить внѣшнему міру, «охарактеризовать» самого себя.

Для существа, сознавашаго свое я, сознаніе немедленно становится факторомъ его развитія; сказать «я» — значить не только констатировать, а и начать воздѣйствовать, сдѣлать себя центромъ притяженія, дать единство направленія всему тому, что было разсѣяно и лишено внутренней связи; это значить — утвердить свою личность и, по неизбежному противоположенію, противопоставить ей другія личности; это необъяснимо таинственный актъ, въ которомъ одновременно уходишь въ себя и выходишь изъ себя, такъ какъ нельзя познать себя, не зная другого, и нельзя знать другого, не зная себя. И такъ, не принимая въ расчетъ мысль и сознаніе, говоря о человѣкѣ, значить — оставлять въ сторонѣ отличительный признакъ человѣка и человѣческаго характера.

По Рибо, изъ числа истинныхъ характеровъ слѣдуетъ исключить природы неопредѣленныя, «аморфныя» (безформенныя) и «неустойчивыя»: ихъ «пластичность» указываетъ на отсутствіе характера.

Существуютъ, отвѣтимъ мы, кромѣ натуръ пассивныхъ, принимающихъ безразлично всякія формы, природы активныя, способность которыхъ къ совершенствованію ничуть не доказываетъ «отсутствія характера». Дѣло въ томъ, что ихъ «пластичность» зависитъ главнымъ образомъ отъ разума, который можетъ совершенствоваться безпредѣльно. Нельзя назвать аморфнымъ или безформеннымъ того, кто имѣетъ способность придавать себѣ формы все болѣе и болѣе совершенныя. Нельзя назвать «неустойчивымъ» того, кто имѣетъ достаточно энергіи и умственной жизненности, чтобы, возвышаясь, открывать все новые и новые горизонты: кто восходитъ на высокія горы, не доказываетъ этимъ слабости своихъ ногъ или зрѣнія. Если встрѣчаются умы пассивные, похожіе на зеркала, то существуютъ и активныя, являющіеся очагами свѣта.

И такъ, напрасно намъ стануть повторять, что истинный характеръ бываетъ всецѣло врожденнымъ; если въ числѣ врожденныхъ свойствъ есть умственная сила, способная подняться въ высь, начать жить жизнью другихъ и заставить ихъ жить своею жизнью, то получившійся въ результатъ характеръ, хотя бы созданный самою личностью и являющійся результатомъ работы ея сознанія, вполне заслуживаетъ названія характера этой личности. Наша истинная природа не бываетъ «неизмѣнною и цѣльною». Психологъ имѣетъ дѣло не съ животными — рабами своего неизмѣннаго

инстинкта, а съ людьми, одаренными вѣчно подвижнымъ и прогрессирующимъ сознаниемъ.

Противопоставляя умъ характеру, приводятъ еще тотъ фактъ, что развитіе одного часто ведетъ къ атрофіи другого; это, какъ говоритъ Рибо, «ясно устанавливаетъ ихъ независимость». Но не будемъ обманываться словомъ «характеръ», которымъ обозначается то особенно энергичная воля, то совокупность отличительныхъ чертъ личности, каковы бы онѣ ни были. Человѣкъ ума или чувства, называемый безхарактернымъ, тѣмъ не менѣе имѣетъ характеръ. Слабая воля въ соединеніи съ сильнымъ умомъ или интенсивной чувствительностью, точно такъ же типична, какъ и сильная воля. Рибо приводитъ Канта, Ньютона, Гауса, которые, предавшись отвлеченному мышленію, вели жизнь по однообразной рутинѣ, изгнавъ изъ нея, насколько возможно, волненія, страсти, непредвидѣнные поступки; но неужели, чтобы имѣть характеръ, необходимо быть тревожнымъ, страстнымъ и поступать вопреки всякимъ ожиданіямъ? Неужели Кантъ потому только, что онъ ежедневно въ одинъ и тотъ же часъ гулялъ подъ деревьями Кенигсберга, былъ лишень чувствительности—тотъ самый Кантъ, который, узнавъ о французской революціи, воскликнулъ со слезами на глазахъ: «Теперь могу сказать, какъ Симеонъ: нынѣ отпускаеши раба Твоего, Владыко!»? Неужели онъ лишень былъ воли, проведя всю жизнь въ поискахъ основъ высшей нравственности и никогда, ни въ большомъ, ни въ маломъ, не уклоняясь отъ начертанныхъ имъ для самого себя правилъ? Въ примѣръ послѣдняго приведемъ то, что, соединяя съ глубокимъ религіознымъ чувствомъ презрѣніе ко всѣмъ узкимъ предразсудкамъ и полагая, что каждый человѣкъ самъ для себя долженъ быть законодателемъ, священникомъ и судьей, онъ ни разу не переступилъ, при торжественныхъ церемоніяхъ, порога храма, куда процессією входили его сотоварищи по университету.

Безъ сомнѣнія, есть такое направленіе ума, которое, при извѣстныхъ условіяхъ, можетъ отчасти атрофировать характеръ: это умъ, поглощенный предметами внѣшними, отвлекающими насъ, такъ сказать, отъ себя самихъ; но есть и другое (правильное) направленіе ума, которое укрѣпляетъ и даже образуетъ характеръ: это стремленіе къ самопознанію, работа ума внутренняя, составляющая первое условіе всякой нравственности.

Чтобы глубже вникнуть въ этотъ важный вопросъ о первоначальныхъ основахъ характера, надо разсудить, правда-ли, что разумъ есть способность случайная, добавочная. Отвѣтить должны фізіологія и психологія. И вотъ, съ точки зрѣнія этихъ об-

ихъ наукъ, теоріи Шопенгауера и Риббъ кажутся намъ невѣрными. Для фізіологіи «функціи сообщенія съ внѣшнимъ міромъ» являются характеристичными и даже главными: слѣдовательно, изъ числа первобытныхъ элементовъ характера нельзя исключить функцію интеллекта, приводящаго насъ въ связь съ міромъ внѣшнимъ и даже внутреннимъ. Особенно, когда дѣло идетъ о человѣкѣ, фізіологія не можетъ оставить безъ вниманія то, что прежде всего составляетъ человѣка: превосходство мозгового развитія; а если темпераментъ болѣе всего связанъ съ дѣятельностью и строеніемъ нервной системы, то собственно характеръ связанъ въ особенности съ дѣятельностью и строеніемъ мозга, органа умственной жизни.

Перейдемъ теперь на точку зрѣнія психологіи; тутъ мы увидимъ, что даже въ элементарнѣйшей формѣ мозговой дѣятельности заключается доля сознанія: это ощущеніе само по себѣ, независимо отъ «оттѣнка» удовольствія или страданія, съ которымъ оно неразлучно. Дѣйствительно, во всякомъ ощущеніи присутствуетъ, кромѣ удовольствія или страданія, еще *распознаваніе* внутренней перемены, имѣющей свое особое свойство, особый оттѣнокъ; видѣть—не значить слышать или осязать, и это не зависитъ отъ чувствованій удовольствія или боли, которыя могутъ проистекать изъ ощущеній осязательныхъ, зрительныхъ и слуховыхъ. Даже въ области наслажденія или страданія существо должно *отличать* одно отъ другого, чтобы имѣть возможность *предпочестъ* одно изъ двухъ. Всякое предпочтеніе предполагаетъ различіе, точно такъ же, какъ всякое различіе ведетъ къ предпочтенію; и если предпочтеніе есть зародышъ воли, то различіе есть зародышъ мысли. Справедливо, что сначала въ ощущеніи преобладаетъ аффективная сторона, т.-е. удовольствіе или страданіе. Если амѣба испытываетъ перемену температуры, то весьма вѣроятно, что она наслаждается или страдаетъ; то же самое происходитъ вслѣдствіе внѣшняго давленія и вслѣдствіе достаточнаго или недостаточнаго питанія. Но психологи очень основательно поставили вопросъ, не различаетъ ли сама амѣба внѣшнее давленіе отъ питанія или холодъ отъ жара? Во всякомъ случаѣ, она оказываетъ видимое предпочтеніе такой-то температурѣ, такой-то питательной жидкости, такому-то давленію; а эти предпочтенія не могли бы существовать безъ способности качественного различенія. И такъ, даже у амѣбы есть основной, а не добавочный элементъ сознанія.

Кромѣ качественного распознаванія, у существъ даже очень примитивныхъ, есть способность познавать существенную разницу между внутреннимъ и внѣшнимъ воздѣйствіемъ. Вспомнимъ, что

корненожка не отдергиваетъ своей псевдоподіи *), когда ея касается псевдоподія той же колоніи, но дѣлаетъ это тотчасъ же, какъ только до нея дотронется чужая псевдоподія. Вотъ уже смутное различеніе внѣшняго раздраженія отъ внутренняго. Помѣстите активію (морскую вѣтреницу, животное-растеніе) въ струю бьющаго среди акваріума фонтана: она быстро привыкнетъ къ сплѣ потоку и выпуститъ щупальцы; но троньте ее хотя бы очень тихо прутикомъ, и она тотчасъ ихъ втянетъ: слѣдовательно, она прекрасно отличаетъ прикосновеніе жидкости отъ легкаго прикосновенія тѣла твердаго, особенно же тѣла чуждаго ея средѣ. Ромэнсъ **) справедливо замѣтилъ, что это—первый и смутный зачатокъ ума и что самое возвышенное разсужденіе есть все то же, сопутствующее выборомъ, различеніе возбужденій, ставшихъ очень тонкими.

Итакъ, разумъ оказался на лицо, какъ только явились болѣе или менѣе ясныя жизненныя отношенія, и онъ усложнился прямо пропорціонально усложненію этихъ жизненныхъ отношеній, подмѣченныхъ ощущеніемъ. По мѣрѣ восхожденія на каждую высшую ступень, живость отношеній растетъ, а съ нею и разумъ, въ которомъ растетъ самосознаніе. Да и можетъ ли быть иначе? Нѣтъ животнаго, живущаго иначе, какъ въ средѣ, которую оно старается приноровить къ своимъ потребностямъ, и въ обществѣ другихъ животныхъ, которыя ему полезны или вредны. Отсюда для него вытекаетъ неизбѣжная необходимость ощущеній, дающихъ свѣдѣнія, а не только аффективныя; отсюда же необходимость болѣе или менѣе элементарной индукціи, — словомъ, распознаванія, которое мало-по-малу превращается въ разсужденіе. Итакъ, та психологическая теорія, которая считаетъ разумъ силой поверхностной, сама является поверхностной.

Дарвинизмъ даетъ намъ послѣднее доказательство. Въ «борьбѣ за жизнь» разумъ является условіемъ превосходства: поэтому мы и видимъ, что онъ развивается все болѣе и болѣе. Если бъ онъ былъ бесполезенъ, то остался бы въ зародышѣ. Какъ же, характеризуя существо, не упомянуть о степени, формѣ и преобладающемъ направленіи его познавательной способности, т.-е. его способности сознательно приспособляться къ средѣ или приспособлять среду къ себѣ? Рибѣ упрекаетъ философовъ (и нѣкоторыхъ вполнѣ заслуженно) за ихъ «неискоренимые интеллектуалистическіе предразсудки», т.-е. за «ихъ старанія все свести къ сознанію (разуму),

*) Ложной ноги.

**) «Умственная эволюція у животныхъ».

все объяснить имъ, выставить его неизмѣннымъ типомъ духовной жизни». Разумѣется, не слѣдуетъ сводить къ разуму все, даже наслажденіе и страданіе, даже потребности и аппетиты; но, съ другой стороны, не будемъ сводить разумъ къ тому, что съ нимъ вовсе не тождественно; не будемъ исключать его, въ качествѣ силы производной и второстепенной, изъ числа основныхъ факторовъ человѣческаго характера, когда на самомъ дѣлѣ онъ есть существенный двигатель человѣческаго развитія. Риббъ хотъ и говорить, что жизнь растительная предшествуетъ жизни животной, «которая на нее опирается», и что жизнь аффективная предшествуетъ жизни умственной, «которая на нее опирается»; но развѣ поэтому физиологъ станетъ опредѣлять животное исключительно его растительными функціями, а психологъ—характеризовать личности ихъ чисто-аффективными функціями? На деревѣ цвѣтокъ появляется послѣ всего остального на оконечностяхъ вѣтвей и на вершинѣ; но, тѣмъ не менѣе, именно въ цвѣткѣ-то и сосредочена вся сила жизни. Точно такъ же сознаніе есть цвѣтокъ, въ которомъ сосредоточиваются всѣ внутреннія силы человѣка.

II.

По нашему мнѣнію, основою для естественной классификаціи характеровъ должны служить наиболѣе основныя проявленія сознательной жизни со своими отношеніями зависимости и подчиненія, со своими существенными законами гармоніи и второстепенными законами противоположности. Риббъ, признавая лишь двѣ основныя психическія функціи, чувство и дѣйствіе, признаетъ лишь *людей чувства* и *людей дѣйствія*, къ которымъ присоединяетъ еще *апатичныхъ*, т.-е. такихъ, у которыхъ чувствительность и активность ниже средняго уровня. Очевидно, при раздѣленіи характеровъ на «роды», Риббъ не беретъ въ расчетъ разума. Его подраздѣленіе годится для темпераментовъ, а не для характеровъ. Возстановивъ значеніе разума, какъ одной изъ первоосновъ характера, мы логически придемъ къ подраздѣленію на три главныхъ рода: *людей чувства*, *людей разума* и *людей воли*. «Каждый изъ насъ,—говоритъ Платонъ,—состоитъ изъ гидры, льва и человѣка; столбавая гидра, это—страсти; левъ, это—воля; человѣкъ, это—разумъ! Можно прибавить, что нашъ духовный образъ мѣняется сообразно съ преобладаніемъ одного изъ этихъ трехъ элементовъ. Займемся сначала людьми чувства, которые ближе къ природѣ и жизни животныхъ. Даже въ характерѣ людей чувства мы найдемъ значительную часть функцій разума. Съ точки зрѣнія фи-

зіологіи, люди чувства, это—тѣ, у которыхъ система нервовъ, и особенно головного мозга создана такъ, что вибрируетъ, трепещетъ почти сама по себѣ, съ силою, совсѣмъ не соответствующей внѣшнему возбужденію. Подобно тому какъ бываетъ отвращеніе къ извѣстнымъ кушаньямъ, объясняющееся лишь общимъ состояніемъ организма, какъ бываютъ нервныя боли, совершенно непропорціональныя поврежденію соответствующихъ органовъ, точно такъ же существуютъ нервныя системы и мозги, волнуящіеся по малѣйшему поводу и въ степени, превышающей обыкновенную.

Рибѣ считаетъ несомнѣннымъ, что «ощущенія внутреннія, органическія, относящіяся къ жизни растительной, суть главный источникъ развитія аффектовъ» и слѣдовательно, истинная основа характера людей чувства. Но тутъ, намъ кажется, онъ относится слишкомъ невнимательно къ мозгу, органу господствующему, къ его автономіи, къ его способности вибрировать независимо отъ остальнаго организма. Въ этой - то мозговой реакціи и заключается высшая чувствительность, которая развивается лишь съ разумнымъ сознаниемъ. У ребенка, понятія котораго такъ малочисленны и узки, удовольствія и страданія сопровождаются настоящими внутренними бурями, захватывающими органъ за органомъ: отсюда крики, слезы, жесты, игра фізіономіи, очевидное участіе всего организма,—крики восторга въ радости, вопль отчаянія въ горѣ. Но внутренняя и даже нервная буря не является единственною мѣркою чувства; горести, выражающіяся наиболѣе шумно, не всегда бываютъ наиболѣе глубокими. Особенно разрушительно скорби дѣйствуютъ на мозгъ, что, рефлекторно, ведетъ къ изнуренію и всего организма. Поэтому важно рассмотреть отношеніе чувствительности къ сознанию. Не непосредственныя ощущенія, а *чувства* управляютъ человѣкомъ, во всякомъ же чувствѣ заключается сознательное представленіе, образъ или понятіе. Съ одной стороны воображеніе, эта первичная форма разума, еще близкая къ ощущенію, а съ другой стороны размышленіе значительно вліяютъ на чувство. Воображеніе есть одно изъ необходимыхъ условій такого характера, въ которомъ преобладаетъ чувство. Предположите сильную нервную и органическую впечатлительность при слабомъ воображеніи, слѣдовательно, и при медленной и слабой памяти: тогда чувствительность можетъ пробуждаться лишь при наличности объектовъ, а разъ они исчезли изъ сферы умственныхъ представленій, все погрузится во мракъ и безразличіе. Одинъ изъ біографовъ Берка говоритъ о немъ: «Страсти его были сильны, что въ значительной степени слѣдуетъ приписать

живости его воображенія». На это возражаетъ Бэнъ, утверждая, что «воображеніе есть результатъ чувствъ, а не чувство—результатъ воображенія». По нашему, тутъ существуетъ взаимодѣйствіе, но воображеніе, какъ мы видѣли, абсолютно необходимо для превращенія чувствительности чисто нервной въ чувствительность мозговую. Страсти длятся лишь до тѣхъ поръ, пока живо представляешь себѣ ихъ объекты, а это предполагаетъ извѣстную силу памяти образовъ. Въ этомъ смыслѣ Дугальдъ-Стьюартъ дошелъ до того, что сказалъ о трусости: «Это—болѣзнь воображенія». Во всякомъ случаѣ, можно сказать утвердительно, что живое воображеніе необходимо для сильнаго и внезапнаго представленія себѣ всякихъ золъ какъ бы наличными; если при этомъ слаба воля, то въ результатѣ получится трусость.

Извѣство, что изучавшіе афазію *), вмѣсто того, чтобы установить общіе законы разстройства рѣчи, опредѣлили вѣскольکو различныхъ типовъ воображенія, каковы: типъ слуховой, зрительный, двигательный, по различнымъ способамъ мысленной рѣчи. Несомнѣнно то, что преобладаніе извѣстнаго типа воображенія приводитъ само по себѣ къ извѣстнымъ типическимъ особенностямъ не только ума, но и чувства, и вообще характера. Одинъ изъ паціентовъ Шарко, обладавшій хорошею зрительною памятью, вдругъ утратилъ ее и по отношенію къ формамъ, и по отношенію къ цвѣтамъ. Пришлось замѣнить ее другими воспоминаніями, преимущественно слуховыми: въ его умѣ стали раздаваться слова, подобно эху. Вмѣстѣ съ этимъ измѣнились его чувствительность и весь его характеръ. «Прежде я былъ впечатлительнѣе, легко восторгался, обладалъ богатою фантазіею, теперь я спокоенъ и холоденъ, и фантазія не господствуетъ у меня надъ мышленіемъ. Я гораздо менѣе склоненъ и къ радости, и къ грусти». Лишившись горячо любимой матери, онъ не испыталъ той скорби, на какую былъ бы способенъ раньше, потому что уже не могъ видѣть умственными очами ни лица матери, ни различныхъ перипетій ея страданій; сверхъ того, онъ не могъ видѣть въ воображеніи тѣхъ прискорбныхъ послѣдствій, какія имѣла эта преждевременная смерть для прочихъ членовъ семьи. Такимъ образомъ, потеря значительной части воображенія,—самой живой и важной для умственной жизни, той части, посредствомъ которой внѣшній міръ входитъ черезъ глаза въ нашу духовный міръ,—повлекла за собою потерю значительной части чувствительности.

*) Афазія—потеря способности рѣчи.

Даже въ сферѣ безсознательнаго, разумъ со своими мыслями и воспоминаніями не перестаетъ воздѣйствовать на чувство. Всѣ люди, всѣ предметы, съ которыми насъ приводитъ въ сношеніе наша мыслительная способность, выводящая насъ изъ предѣловъ нашего я, оставляютъ на насъ слѣды; эти слѣды иногда скрываются отъ нашего умственного взора, но, тѣмъ не менѣе, существуютъ. Мы обладаемъ безсознательною памятью, заключающею въ себѣ въ скрытомъ состояніи цѣлый міръ и влияющею, когда мы объ этомъ даже не думаемъ, на наше чувство, на нашу волю. Великія скорби бросаютъ свою тѣнь на всю жизнь. Мы не думаемъ постоянно о дорогихъ существахъ, которыхъ лишились: тѣмъ не менѣе, эти отсутствующіе всегда присутствуютъ въ глубинѣ нашихъ сердецъ. Въ насъ, какъ и вокругъ насъ, образуется страшная пустота, какіе-то сумерки смѣняютъ яркій свѣтъ, въ концертѣ нашего сердца не слышно привычныхъ голосовъ. Но, въ наступившемъ безмолвіи, они, точно во снѣ, продолжаютъ бесѣдовать съ нами; мы слышимъ ихъ, самп того не зная, и повинуюемся имъ, даже не подозрѣвая этого.

«Для меня было бы дорого,—говорилъ Фемистоклъ,—не искусство помнить, а искусство забывать». Конечно, чтобы наслаждаться эгоистичнымъ счастьемъ, безъ сожалѣнія и опасеній, надо бы уничтожить, умертвить все наше прошлое. Но накопляющіяся въ насъ воспоминанія составляютъ необходимое условіе нашего мышленія и чувства; утративъ ихъ, мы утратили бы, вмѣстѣ съ разумомъ, ту болѣе высокую и тонкую чувствительность, которая составляетъ наше отличіе отъ животныхъ. Лучше поставить себѣ идеалъ противоположный: ничего, или, по крайней мѣрѣ, никого не забывать, не давать ничему изглаживаться изъ своихъ мыслей и сердца—и страдая, говорить себѣ, что это—условіе нашего достоинства, нашего высокаго положенія въ ряду живыхъ существъ.

Сообразно вышеизложенному «родъ» людей чувства долженъ подраздѣлиться на три «вида». Оставивъ въ сторонѣ, въ числѣ «уравновѣшенныхъ» тѣхъ людей чувства, которые одарены сильнымъ умомъ и сильною волею, получимъ три группы: 1) люди чувства съ малымъ умомъ и слабою волею; 2) люди чувства съ энергичною волею, но слабымъ умомъ; 3) люди чувства съ слабою волею, но сильнымъ умомъ. Въ первой группѣ на виду почти одна только нервная чувствительность; она преобладаетъ въ ущербъ всему остальному. Здѣсь мы приближаемся къ типу ребенка и даже животнаго. При мало развитомъ мозгѣ эмоціи (волненія) являются скорѣе физическими, чѣмъ мозговыми. Поэтому, такіе характеры по преимуществу заслуживаютъ названіе «эмоціональ-

ныхъ», такъ какъ эмоціи, по замѣчанію Биша, по большей части происходятъ отъ воздѣйствія удовольствія или боли на внутренніе органы. «Смятеніе души», *per turbatio animi*, здѣсь является отраженіемъ смятенія въ организмѣ.

Въ этихъ характерахъ, чувствительность которыхъ не развита при посредствѣ разума, воспоминанія остаются несложными, малочисленными, близкими къ ощущеніямъ и органическимъ (физическимъ) волненіямъ. Отсюда вытекаютъ важныя послѣдствія. Дѣйствительно, чувства несложныя, происходящія отъ раздраженія мозга въ опредѣленномъ, очень ограниченномъ мѣстѣ, стремятся дать немедленный результатъ, не возбуждая другихъ чувствъ; такимъ образомъ они дѣйствуютъ какъ бы въ одиночку, безъ противодействія мыслей и чувствъ, одновременно возбуждаемыхъ путемъ ассоціаціи. Получается видъ характера, называемый импульсивнымъ и принадлежащій людямъ чувства со слабымъ интеллектомъ. Для нихъ страсть данной минуты составляетъ все: она обнаруживается съ исключительностью, внезапностью и силою, безъ противодействія со стороны другихъ чувствъ или связанныхъ съ ними идей. Это взрывъ, близкій къ дѣйствіямъ рефлексивнымъ, или, какъ говоритъ Спенсеръ, внезапное рѣшеніе, выполненное безъ возможности возврата. Затѣмъ, такъ какъ нервный порывъ бываетъ здѣсь непосредственнымъ и полнымъ, то въ результатѣ получается быстрое истощеніе. Слѣдовательно, если у такого человека зародится новая страсть, она, въ свою очередь, будетъ дѣйствовать такъ, какъ если бы, кромя нея, ничего не существовало. Отсюда непостоянство и неожиданные поступки людей эмоціональных, не имѣющихъ сильнаго разума и воли. Для нихъ единственный путь къ достиженію единства въ характерѣ есть исключительное преобладаніе одной опредѣленной страсти. Эти люди бываютъ то подвижными и взбалмошными, то какъ бы застывшими въ поглощающей ихъ страсти, близкой къ мономаніи, преслѣдующей ихъ безпрестанно и болѣзненно.

Что касается второй группы—людей чувства, то относящіяся къ ней лица, имѣющія при маломъ умѣ достаточный запасъ волевой энергіи, будутъ таковы, каковы тѣ немногочисленныя, простыя и мало обдуманныя чувства, которыми движется ихъ воля. Эти характеры могутъ быть очень опасными, когда имъ свойственна одновременно и сила эмоціи, и сила воли. Многіе преступники относятся къ этому типу, въ которомъ преобладаетъ склонность къ насилию.

Напротивъ, присоедините къ чувствительности умъ, и вы уже увидите приближеніе темперамента къ характеру. По мѣрѣ того,

какъ, подъ вліяніемъ мысли, будетъ развиваться и обогащаться чувствительность, чувства станутъ все болѣе и болѣе сложными и прочнѣе ассоціируются съ другими чувствами. Что такое, на примѣръ, эстетическое или моральное чувство? Очень сложная комбинація болѣе простыхъ чувствъ, цѣлый міръ представленій въ миниатюрѣ, составляющій результатъ безчисленныхъ воспоминаній и индукцій. Именно поэтому въ мозгу являются многочисленныя точки соприкосновенія съ другими, болѣе или менѣе близкими чувствами. Отсюда возможны соединенія, которыя мало-помалу захватываютъ цѣлыя массы идей. Когда произведенная вышними факторами вибрація распространится, такимъ образомъ, по всему мозгу, то лишь излишекъ ея силы переходитъ въ остальной организмъ. Поэтому, здѣсь гораздо меньшая возможность того, что Свенсеръ очень удачно называетъ «внезапными вспышками волненія». Одновременное пробужденіе одной или нѣсколькихъ идей, противоположныхъ страсти данной минуты, въ большинствѣ случаевъ задержитъ или измѣнитъ ея вышнее выраженіе. Въ сто людей эмоціи и импульсы получатся люди чувства, обдуманнаго и покорнаго разуму.

Правда, къ импульсивному типу могутъ принадлежать и люди большого ума, какъ Бенвенуто Челлини и Берліозъ. Дѣло въ томъ, что у нихъ большая мозговая и органическая эмотивность соединяется съ не менѣе развитымъ сознаніемъ и съ особенно живымъ воображеніемъ. Подъ вліяніемъ минутной страсти они падаютъ до степени людей чувства, неспособныхъ преодолѣть себя. «Влюбившись въ миссъ Смитсонъ, я пересталъ сочинять,—пишетъ Берліозъ.—Мой умъ какъ бы уменьшался по мѣрѣ роста чувства. Я не дѣлалъ ровно ничего... только страдалъ». Страсть къ искусству была у Берліоза такъ сильна, что захватывала не только весь мозгъ, но и все тѣло. Когда онъ дирижировалъ оркестромъ при исполненіи своей картины Страшнаго Суда, ужасные «трубные звуки» произвели въ немъ конвульсивную дрожь, которая заставила его сѣсть и остановить оркестръ на нѣсколько минутъ: «Я не могъ стоять и боялся, что палочка выпадетъ у меня изъ рукъ...»

Подъ названіемъ типовъ, въ которыхъ преобладаетъ «ассоціація по контрасту», Полянъ описываетъ не безъ тонкой наблюдательности такіе характеры, въ которыхъ борьба стремленій не приводитъ къ гармоніи,—такихъ людей, которые «вѣчно заняты разрушеніемъ того, что они сдѣлали или что сдѣлали другіе, и вѣчно пробуютъ дѣлать другое, чѣмъ то, что дѣлаютъ» *).

*) Ф. Полянъ: Характеры. 1894 г.

люди, у которыхъ не можетъ зародиться ни мысли, ни желаніе, безъ того, чтобы противоположная мысль, противоположное желаніе не остановили тотчасъ же ихъ развитія. Это уже не размышленіе или анализъ, а «постоянная борьба двухъ стремленій или двухъ группъ стремленій съ попеременнымъ перевѣсомъ одного или одной изъ нихъ» *). Замѣчаніе вѣрно, но мы не видимъ здѣсь ассоціаціи по контрасту. Намъ кажется, что истинная причина тревожности, капризовъ, подвижности, противорѣчій, измѣчивости въ характерахъ (что такъ часто встрѣчается у людей чувства, даже съ развитымъ умомъ) состоитъ въ томъ, что ихъ нервная система, вѣчно находящаяся въ волненіи, но истощенная въ извѣстномъ пунктѣ страстью данной минуты, начинаетъ вибрировать въ пунктѣ еще не истощенномъ, такъ что человѣкъ перебрасывается изъ одной крайности въ другую. Самъ Полапъ отмѣтилъ у Флобера склонность къ контрасту и даже къ «психическому извращенію», что очень часто бываетъ у людей нервныхъ и чувствительныхъ, у которыхъ одно чувство довольно скоро смѣняется другимъ, противоположнымъ, и которые, даже противясь этому послѣднему чувству, не могутъ, однако, отдѣлаться отъ него окончательно. Отсюда у Флобера влеченіе къ тому, что онъ наиболѣе ненавидитъ — къ глупости и нравственному безобразію; отсюда вкусъ къ низкому, порочному, даже ужасному. «Я родился съ кучею пороковъ, которые никогда не высовывали даже носа. Я люблю вино и не пью; я игрокъ, и никогда не дотрогивался до картъ». Булье часто говаривалъ ему: «Нѣтъ человѣка болѣе нравственнаго и болѣе любящаго безнравственность, чѣмъ ты. Глупость тебя радуешь».

У Мюссе, природы менте сильной, нежели Флоберъ, контрасты и метаморфозы страсти становятся хроническими. «Черезъ четверть часа послѣ навесенія ей оскорбленія,—говоритъ Мюссе,—я былъ у ея ногъ; какъ только я не обвинялъ, такъ уже просилъ прощенья; какъ только не насмѣхался, такъ уже плакалъ». — «Онъ повиновался,—говоритъ Жоржъ Зандъ,—той неодолимой потребности, которую испытываютъ нѣкоторые юноши: истреблять то, что имъ нравится до страсти... Можно было сказать, что тѣло его оживляли двѣ души, отчаянно борющіяся между собою, желая изгнать одна другую. Посреди этихъ противорѣчивыхъ вѣяній, несчастный лишился свободной воли и каждый день изнемогалъ отъ побѣды ангела или демона, которые оспаривали его другъ у друга».

*) Вообще «законы ассоціаціи», на которыхъ Полапъ основываетъ свою классификацію характеровъ, кажутся намъ вышними и поверхностными.

Онъ засыпалъ съ сердцемъ, полнымъ нѣжности, а пробуждался полнымъ стремленіемъ къ борьбѣ и убійству; наоборотъ, если накунувъ онъ уходилъ съ проклятіями, то на другой день прибѣгали съ благословеніями. «Чѣмъ объяснить,—говоритъ Мюссэ,—что въ насъ есть что-то, любящее несчастье?»

Очевидно, когда человѣкъ чувства при умѣ не имѣетъ достаточно волевой энергіи и когда, кромѣ того, изъ его умственныхъ способностей, преобладающею является воображеніе, онъ можетъ являться сообразно съ родомъ своихъ идей и чувствъ, во множествѣ разновидностей; но живя жизнью болѣе полною и утонченною, чѣмъ человѣкъ чувства неинтеллектуальный, онъ все же остается или игралищемъ смѣняющихся страстей или рабомъ одной господствующей страсти. Да и послѣдней-то приходится проявляться съ промежутками, чтобы не истощить сразу всей нервной системы.

III.

Разумъ можетъ быть разсматриваемъ или самъ по себѣ, или въ его примѣненіяхъ къ объектамъ, на которые направляется его дѣятельность. По своей сущности и дѣятельности онъ бываетъ быстрымъ или медленнымъ, сильнымъ или слабымъ, основательнымъ или поверхностнымъ; но эти достоинства и недостатки зависятъ, главнымъ образомъ, отъ темперамента и отъ устройства мозга, обуславливающихъ большую или меньшую быстроту, силу и продолжительность впечатлѣній и реакціи. Упражненіемъ можно пріучить умъ функционировать быстрее, энергичнее, продолжительнее, но только въ извѣстныхъ предѣлахъ, которые опять таки зависятъ отъ самаго устройства мозга. Напротивъ, со стороны своего примѣненія, т.-е. объектовъ, на которые направляется его дѣятельность, разумъ имѣетъ такую способность совершенствоваться, которой лишены сами по себѣ другія душевныя силы, почему онѣ и принуждены заимствовать ее у разума.

Упражненіе умственныхъ способностей даетъ тѣмъ, чей мозгъ къ нему предрасположенъ, такое удовлетвореніе, что стремленіе мыслить становится господствующимъ. Желаніе знать можетъ само по себѣ стать страстью. Дѣятельность наша не вся бываетъ внѣшней: какъ есть люди, падкіе къ физическимъ упражненіямъ, такъ есть и падкіе къ упражненіямъ умственнымъ. «Я любилъ любить», говорилъ св. Августинъ; другіе любятъ дѣйствовать, третьи—думать; это люди интеллекта.

Чрезвычайное развитіе однѣхъ частей мозга у людей съ исключительнымъ преобладаніемъ ума можетъ сопровождаться нѣкото-

рой атрофіей другихъ его частей. Оно также можетъ совпадать съ лимфатическимъ и апатичнымъ темпераментомъ, какъ у Кювье или Гиббона. Но эта апатичность не составляетъ, какъ, повидимому, думаетъ Рибо, существенной черты интеллектуальнаго типа. Другими словами: человѣкъ интеллекта не всегда бываетъ безчувственнымъ; мы можемъ указать многочисленные примѣры, гдѣ великій умъ соединяется съ великимъ сердцемъ. Вотъ почему мы выдѣляемъ во вторую группу соединеніе развитога разума съ живымъ чувствомъ. У людей этой группы свѣтлыя идеи не остаются холодными: въ каждой изъ нихъ есть горячность и внутренняя жизнь. «Свѣтъ, освѣщающій другихъ людей, сожигаетъ меня»,—говорилъ Прудонъ. Паскаль могъ бы сказать тоже самое. Развѣ онъ не былъ одновременно человѣкомъ разума и страсти? Развѣ онъ не вносилъ своего пыла и увлеченія даже въ геометрію? Полянъ приводитъ въ примѣръ интеллектуальнаго типа Борда Демулена, который, отдавъ то небольшое, что имѣлъ, и лишившись всего, умирая съ голоду, тратилъ на библіотеку тѣ гроши, которыми располагалъ; посвятивъ всю свою жизнь на занятія метафизикой въ парижской мансардѣ, онъ умеръ, не успѣвши полюбить. Это свидѣтельствуетъ не объ его апатичности, а о страстности, направленной исключительно на предметы умственные. Такъ и Лейбницъ, который часто спалъ не иначе, какъ сидя, занимался наукою по нѣсколькимъ мѣсяцевъ сряду и могъ все это время, по словамъ Фонтенелля, «не вставать со стула».

Сильное развитіе интеллекта можетъ въ концѣ концовъ приглушить или успокоить чувствительность. Понятно, что, напримеръ, Спиноза, убѣдившись долгими размышленіями въ томъ, что всѣ дѣйствія человѣческія предопредѣлены заранѣе, что одни люди добродѣтельны, а другіе порочны въ силу внутренней необходимости, не долженъ былъ испытывать негодованія или гнѣва при видѣ зла. Подобныя страстныя движенія души у него должны были подавляться разсужденіями, что такъ же неразумно ненавидѣть человѣка за причиняемое имъ зло, какъ ненавидѣть огонь за ожоги. Была-ли невозмутимость Спинозы слѣдствіемъ врожденной апатичности или свойствомъ благопріобрѣтеннымъ? Въ этомъ весь вопросъ.

Несомнѣнно, что расширеніе умственнаго горизонта вліяетъ въ концѣ концовъ на страсти такимъ же успокоительнымъ образомъ, какъ увеличеніе опыта у человѣка, много жившаго. Кому неизвѣстно вліяніе жизни на характеръ? Если нѣкоторыхъ она возмущаетъ и унижаетъ, зато другихъ возвышаетъ и придаетъ имъ ясность, свойственную всему непреходящему.

*

Изъ числа людей интеллекта одни болѣе способны чувствовать и воображать себѣ конкретные предметы, другіе—размышлять и разсуждать объ отвлеченныхъ отношеніяхъ. Извѣстно изслѣдованіе, сдѣланное Гальтономъ въ 1880 г. о различныхъ формахъ, принимаемыхъ мыслительною способностью въ зависимости отъ различной силы воображенія. Подъ именемъ воображенія слѣдуетъ разумѣть способность представлять себѣ предметы въ образахъ чувственныхъ, видѣть, слышать, осязать ихъ, даже когда они отсутствуютъ. У заурядныхъ мужчинъ, а въ особенности у женщинъ, всякая мысль принимаетъ форму конкретную, чувственную, образную. Совершенно обратное замѣчается въ умахъ, болѣе склонныхъ къ отвлеченной наукѣ. — «Я нашелъ не безъ удивленія, — говоритъ Гальтонъ,—что большинство ученыхъ, къ которымъ я обращался, утверждаютъ, будто имъ совершенно чужды «умственные образы». «Это не болѣе, какъ образный оборотъ рѣчи,—сказалъ одинъ изъ нихъ, — если я сравниваю мое воспоминаніе о фактѣ съ умственнымъ образомъ, который я, будто бы, вижу духовными очами п т. д. На самомъ дѣлѣ я ничего не вижу». Члены французской академіи выказали, въ общемъ, такое же отсутствіе образныхъ представленій въ умѣ.

У человѣка отвлеченнаго интеллекта идеи ассоціируются единственно сообразно своимъ взаимнымъ отношеніямъ, своему логическому сродству; въ большинствѣ же умовъ онѣ ассоціируются еще сообразно своимъ отношеніямъ къ чувству и волѣ и своему соответствію со всѣмъ характеромъ вообще, а также съ настроеніемъ данной минуты. «Въ однихъ свойствахъ ума Бэкона, — говоритъ Бэнь,—не было еще ничего такого, что могло бы сдѣлать его мизантропомъ; но при данномъ состояніи его чувствъ, умъ его долженъ былъ погрузиться въ мизантропію». Полакъ замѣтилъ, что Дарвинъ, хотя и хворалъ всю жизнь, однако, сдѣлалъ оптимистическіе выводы изъ своихъ теорій борьбы за жизнь и естественнаго подбора: въ этомъ мірѣ существъ, пожирающихъ другъ друга, все казалось ему устроеннымъ къ лучшему. Дѣло въ томъ, что оптимизмъ и пессимизмъ суть такіа понятія, или, скорѣе, такіа вѣрованія о совокупности вещей, которыя не поддаются проверкѣ. Но чѣмъ истина отвлеченнѣе и объективнѣе (какъ, напр., въ математикѣ), тѣмъ менѣе разницы въ ея воспріятіи тѣмъ или другимъ умомъ. Умы, одновременно думающіе о совпаденіи равныхъ треугольниковъ, сами совпадаютъ другъ съ другомъ.

Гёте является однимъ изъ рѣдкихъ примѣровъ соединенія ума отвлеченнаго съ могучею фантазією. Пусть по темпераменту онъ былъ слишкомъ спокоенъ и мало сердеченъ; значительное развитіе

его воображенія въ соединеніи съ неменѣе развитымъ философскимъ мышленіемъ сдѣлало его великимъ поэтомъ. У него фантазія переходила въ страсть, а страсть становилась образомъ. Въ теченіе всей своей жизни, онъ былъ, по его словамъ, склоненъ «превращать въ образъ, въ поэму все, что доставляло ему радость или муку, что занимало его почему бы то ни было. По его мнѣнію, «назначеніе поэта состоитъ въ воспроизведеніи». Это воспроизведеніе бываетъ совершеннымъ, когда соперничаетъ съ дѣйствительностью. «Поэзія на высшей своей ступени — искусство вполне вышнее. Когда она углубляется въ душу, то находится на пути къ упадку». Думать такъ, значитъ слишкомъ пренебрегать сердцемъ, изъ котораго исходитъ не только краснорѣчіе, но и истинная поэзія. Если бы Гёте обладалъ тѣмъ олимпійскимъ безчувствіемъ, которое ему приписываютъ, онъ не написалъ бы ни Фауста, ни Вильгельма Мейстера.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ значительное развитіе интеллекта можетъ парализовать волю. Это объясняется нѣсколькими причинами. Дѣятельность интеллекта вся происходитъ внутри, въ мозгу; поэтому жизнь можетъ, въ концѣ концовъ, сосредоточиться только въ головѣ, не испытывая потребности обнаруживаться во вышнемъ мірѣ. Таковы мыслители и созерцатели, носящіе весь свой міръ въ самихъ себѣ, дѣйствующіе лишь въ сферѣ мысли, переходящіе лишь отъ идеи къ идеѣ и вполне поглощенные этою внутреннею панорамой. Они тратятъ слишкомъ много внутренней энергіи, чтобы имѣть возможность расходовать ее на вышнюю жизнь. Вторая причина того, что развитіе интеллекта можетъ имѣть останавливающее, задерживающее дѣйствіе на волю, состоитъ въ развитіи способности ума слишкомъ ясно видѣть вездѣ доводы *за* и *противъ*. Дѣйствовать, стремиться, рисковать — значитъ находится во власти одной идеи и закрывать глаза на все остальное; а у многихъ людей ума глаза широко раскрыты на все. Они видятъ столько основаній дѣйствовать и, въ то же время, столько основаній не дѣйствовать, что придерживаются стариннаго правила: «воздержись». Разные виды сомнѣній объективныхъ, какъ и сомнѣній, относящихся къ собственной личности, могутъ парализовать всякое движеніе и всякую дѣятельность, тогда какъ увѣренность является великою силою, а вѣра, т.-е. увѣренность, основанная на доводахъ чувства, «двигаетъ горами». Но сомнѣніе, парализующее волю, не составляетъ еще истиннаго и рѣшительнаго признака умственнаго превосходства. Если недостаточное знаніе отдаляетъ отъ дѣйствія, то много знанія, наоборотъ, снова приближаетъ къ нему. Правда, высокій умъ безучастенъ ко множеству

мелкихъ вопросовъ, волнующихъ заурядные умы, но свою страстность онъ переноситъ на предметы болѣе достойныя. Великій умъ не можетъ одинаково относиться ко всѣмъ идеямъ и ко всѣмъ дѣйствіямъ: онъ невольно схватываетъ ихъ взаимныя отношенія, ихъ іерархію; поэтому онъ, въ концѣ концовъ, всегда увидитъ, что именно нужно сдѣлать. Люди интеллекта бываютъ нерѣшительны только тогда, когда они недостаточно умны и когда задачи практической жизни не получаютъ у нихъ опредѣленнаго рѣшенія. Въ самомъ дѣлѣ, всякая задача имѣетъ свое рѣшеніе, и если его не видятъ, то не отъ излишка, а отъ недостатка знаній. То препятствіе, передъ которымъ вашъ умъ колеблется и останавливается, болѣе сильный умъ преодолѣетъ и придетъ къ опредѣленному рѣшенію. Умы дилетантовъ, такъ гордящихся своимъ воображаемымъ превосходствомъ, бываютъ на самомъ дѣлѣ близоруки и непроницательны. Они предполагаютъ у себя обиліе идей, потому что имѣютъ поверхностныя понятія о множествѣ предметовъ, ни въ одинъ изъ которыхъ не вникаютъ поглубже,—они богаты бѣдными идеями.

Анализъ, одна изъ основныхъ функцій ума, также можетъ имѣть разрушительное и парализующее вліяніе. Стюартъ Милль и Мэнъ де-Биранъ замѣтили это на себѣ. Послѣдній такъ привыкъ анализировать себя, что однажды додумался до того, *«не безнравственна-ли привычка умозрительно слѣдить за всѣмъ добрымъ и злымъ, происходящимъ въ человѣкѣ»*. Анатомированіе собственнаго я стало въ наше время нездоровымъ время препровожденіемъ людей безсильныхъ. Чрезмѣрное сосредоточеніе вниманія на себѣ дѣлаетъ человѣка бесплоднымъ; плодъ приносятъ лишь тѣ люди, которые забываютъ о себѣ, чтобы отдаваться другимъ.

Безсиліе разума дать волѣ толчекъ не всегда вытекаетъ изъ причинъ чисто интеллектуальныхъ, заключающихся въ борьбѣ противоположныхъ идей; оно можетъ происходить отъ врожденнаго недостатка либо чувства, либо волевой энергіи. Если сердце холодно отъ природы, то самыя возвышенныя идеи утрачиваютъ свою силу и становятся бесплодными формулами. Къ чему послужила Фонтенеллю способность возвышаться до великихъ идей о мірѣ и челоѣчествѣ? Онъ неспособенъ былъ любить то, что постигалъ. А иногда не хватаетъ энергіи, необходимой для осуществленія: видишь лучшее, но не имѣешь мужества сдѣлать то усиліе, которое необходимо для проведенія его въ жизнь. *«Падаешь,—какъ говорить Паскаль,—устремивши взоръ на небо»*.

IV.

Воля, рассматриваемая сама по себѣ, независимо отъ разума, можетъ быть энергичной, быстрой и длительной. Но эти свойства не болѣе, какъ слѣдствія тѣлосложенія и темперамента, хорошаго состоянія нервовъ и мускуловъ, а также хорошаго питанія. Собственно для характера важно направленіе воли, а опредѣляется это направленіе чувствами. У разумнаго существа, — какъ человѣкъ, дѣйствія котораго являются уже не простымъ рефлекторнымъ отвѣтомъ на полученныя ощущенія, — въ каждомъ чувствѣ заключена какая-нибудь мысль. Наоборотъ: въ каждой мысли заключена извѣстная степень чувства, и чѣмъ больше въ ней чувства, тѣмъ болѣе она склонна осуществиться. Чистая идея никогда не поведетъ къ дѣйствию и, какъ говорилъ Мальбраншъ, не сдвинетъ и соломенки. Но, съ другой стороны, возможно-ли чувство безъ идеи? Будете-ли вы патріотичны безъ идеи объ отечествѣ? преданы славѣ или долгу безъ понятія о славѣ и о долгѣ? Сколько существуетъ мыслей, столько же существуетъ возможныхъ и даже дѣйствительныхъ чувствъ. Въ крѣпости, чѣмъ больше бойницъ, тѣмъ болѣе можно сдѣлать выстрѣловъ по разнымъ направленіямъ. Если же вовсе не было бы отверстій, то нельзя было бы видѣть ни противниковъ, ни союзниковъ. Мозгъ безъ идей это мозгъ безъ окоповъ и безъ орудій защиты; всякая новая идея это новое отверстіе, новый путь для дѣйствія, какъ и для мысленія. Поэтому, характеризуя волю, нельзя обойти молчаніемъ ни ея средствъ воздѣйствія на внѣшній міръ, ни ея способовъ воспріятія вліяній извнѣ,—т.-е. значенія и объема ума.

Воля имѣетъ двѣ функціи: импульса (побудительную) и задержки (запретительную); объ эти функціи свойственны разнымъ лицамъ въ неодинаковой степени, что въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ интеллектуальнаго развитія ихъ. Актъ «задержки» столь существенный для человѣка, владѣющаго собою, чаще всего бываетъ результатомъ множества идей, сопровождающихся множествомъ чувствъ и производящихъ импульсы противоположные, т.-е. остановки. Это—нѣчто подобное интерференціи свѣтовыхъ лучей, которые, взаимно уничтожаясь, образуютъ темноту. Тѣ, у кого мозговая система, отъ природы или благодаря образованію и воспитанію, богата и сложна, имѣютъ это свойство задержки: они, какъ Декартъ и Спиноза, склонны къ размышленію, къ пріостановкѣ сужденія. Ихъ поступкамъ предшествуетъ колебаніе между нѣсколькими мотивами, возникающими въ ихъ сознаніи, благодаря сложности ихъ мозговой

организації. Это не все. Эта способность видѣть нѣсколько возможныхъ путей для дѣйствія, происходящая оттого, что мозгъ представляетъ множество различныхъ путей для потока молекулъ, сохраняется даже послѣ составленія сужденія и выполненія рѣшенія: отсюда постоянная возможность исправлять свои сужденія и образъ дѣйствій.

Напротивъ, мозгъ простой, какимъ по необходимости будетъ мозгъ не развитый ни опытомъ, ни наукою, представитъ собою типъ *воли порывистой* (импульсивной). Его сужденія и дѣйствія будутъ необдуманны и, несмотря на какіе доводы, онъ будетъ упрямо держаться своихъ миѣній или способовъ дѣйствія. Дикаря, покорнаго своимъ импульсамъ, быстро въ умозаключеніяхъ и упорнаго въ дѣйствіяхъ, часто противопоставляютъ человѣку цивилизованному, сдержанному, не спѣшащему дѣлать умозаключенія и всегда могущему исправить свои сужденія при помощи новыхъ размысленій. Почему же простой мозгъ такъ быстро принимаетъ вѣрованія и программы дѣйствій? Дѣло въ томъ, что въ новомъ, дѣвственномъ мозгу не проложено еще никакихъ путей; поэтому ничто не сопротивляется впечатлѣнію, которое вторгается и прокладываетъ себѣ путь. А почему простой умъ такъ неохотно расстаётся съ однажды усвоенными вѣрованіями? Дѣло въ томъ, что онъ бѣденъ идеями, и поэтому ему нечего или почти нечего противопоставить этимъ вѣрованіямъ. Поэтому онъ слѣдуетъ рутинѣ, постоянно обсуждаетъ отдѣльные случаи, мало постигаетъ общихъ истинъ, съ трудомъ отвлекается отъ конкретнаго. Въ этомъ отношеніи взрослымъ людямъ часто противопоставляютъ дѣтей и даже мало просвѣщенную массу женщинъ болѣе просвѣщенной массѣ мужчинъ. Если женщины, вообще, болѣе быстры въ умозаключеніяхъ и болѣе упорны въ сохраненіи своихъ вѣрованій, то причина этому въ томъ, что цѣлые вѣка низшей культуры оставили женскій мозгъ на низшей ступени сложности и пластичности. Мы говоримъ, конечно, о среднемъ уровнѣ, о массѣ. Та же противоположность замѣчается между избраннымъ кругомъ людей просвѣщенныхъ и невѣжественной толпой, которая поспѣшна въ обобщеніяхъ, а потомъ упорна въ умозаключеніяхъ, выведенныхъ изъ недостаточнаго опыта.

Мы видимъ, что степень сложности строенія мозга пропорціональна степени развитія разума, и что послѣдній играетъ главную роль въ дѣятельности воли; значить и здѣсь разумъ нельзя причислить къ факторамъ второстепеннымъ. Разумъ измѣняетъ наши склонности, ихъ соотношеніе, ихъ относительную продолжительность и силу; такимъ образомъ, онъ въ значительной мѣрѣ способствуетъ эволюціи характера.

Если здѣсь впадаютъ въ ошибку, то потому, что судятъ о склонностяхъ людей по наблюденіямъ надъ животными, у которыхъ всѣ склонности бываютъ врожденными, относительно неизмѣнными и, по большей части, слѣпыми. Жизнь животнаго является, такимъ образомъ, простымъ развитіемъ врожденныхъ инстинктовъ, значить—врожденного характера. А между тѣмъ думаютъ, что подобному же предопредѣленію подчиненъ и характеръ человѣка. Но, во-первыхъ, даже у животнаго инстинктъ не отличается тою неизмѣнностью и непогрѣшимостью, какую ему приписываютъ. Мы уже опередили то понятіе объ инстинктѣ, которое по справедливости названо мистическимъ. Со времени Дарвина принялись болѣе тщательно и подробно изучать эти инстинкты. И вотъ, чѣмъ дальше идетъ это изученіе, тѣмъ очевиднѣе, что инстинкты измѣняются, создаются и искореняются, идутъ ложными путями и исправляются опытомъ, приравниваются къ обстоятельствамъ и средѣ, и т. д. Инстинктъ бываетъ слѣпъ только вначалѣ, когда его результаты еще неизвѣстны животнымъ, которыя имъ руководятся. Такъ, насѣкомое, кладущее яйца въ такомъ мѣстѣ, гдѣ оно не увидитъ вылупившагося изъ нихъ потомства, осуждено, по словамъ Вилліама Джэмса, дѣйствовать всегда слѣпо изъ поколѣнія въ поколѣніе; но курица, которая уже разъ высидѣла цыплятъ, не можетъ садиться на яйца съ прежнимъ невѣдѣніемъ: мысль о цыплятахъ присоединяется къ виду яицъ, чтобы побудить ее сѣсть на нихъ. Фермеры изъ Адирондака рассказывали В. Джэмсу, что если корова отелилась въ лѣсу, и ее найдутъ не сразу, то теленокъ оказывается дикимъ, какъ серна; напротивъ того, телята, рожденные въ стойлѣ, ничуть не дичатся людей, окружавшихъ ихъ съ первыхъ дней жизни. Очевидно, здѣсь наследственность не предрѣшаетъ ничего, и все зависитъ отъ первыхъ впечатлѣній, развивающихъ инстинктъ общительности или инстинктъ дикости. Эти впечатлѣнія имѣютъ иногда громадное вліяніе. Свивши разъ гнѣздо на вѣткѣ, птица и потомъ возвращается на ту же вѣтку; криветка гнѣздится все въ той же расщелинѣ скалы; быкъ идетъ на свое прежнее пастбище. Сфера инстинкта суживается первымъ впечатлѣніемъ, и инстинктъ переходитъ въ привычку. Бываетъ часто и то, что унаслѣдованные инстинкты ослабѣваютъ и ступеваются за недостаткомъ подходящихъ возбуждителей, которые дали бы имъ обваружиться. Напротивъ, другіе инстинкты, до тѣхъ поръ дремавшіе, пробуждаются вслѣдствіе какой-нибудь случайности, вызвавшей ихъ къ жизни.

Человѣка считаютъ почти совершенно лишеннымъ инстинктовъ. Но мы, съ В. Джэмсомъ, полагаемъ напротивъ, что у него ин-

стинкты гораздо многочисленнѣе и разнообразнѣе, чѣмъ у любого другого животнаго; по правдѣ сказать, ему свойственны всѣ инстинкты, и хорошіе, и дурные. Инстинктами мы называемъ импульсы, вызываемые соотвѣтствующими возбудителями и бывающіе вначалѣ слѣпыми и непреодолимыми.

В. Джэмсъ составилъ даже длинный списокъ склонностей, свойственныхъ человѣку, начиная простѣйшими рефлекторными дѣйствіями, каковы сосаніе, кусаніе предмета, положеннаго въ ротъ, качанія головою въ знакъ отрицанія и т. п., до самыхъ сложныхъ импульсовъ, каковы подражаніе, соревнованіе, драчливость, сопротивленіе, противорѣчіе, гнѣвъ, антипатія, симпатія, инстинктивный страхъ, инстинктъ приобрутенія и присвоенія, игры, общительность, стыдъ, застѣнчивость, разные виды любви и проч. Именно чрезвычайная сложность человѣческихъ инстинктовъ затрудняетъ ихъ распознаваніе, такъ какъ одинъ препятствуетъ обнаруженію другого. Сложный мозгъ, возбужденный къ реакціи по множеству направлений одновременно, уже не отвѣчаетъ на возбужденія такими реакціями, какъ мозгъ животнаго: простыми, однообразными, которыя легко предсказать заранѣе. Сверхъ того, у человѣка есть память, сознаніе и рассужденіе. Памятью онъ воспроизводитъ прошедшіе поступки и ихъ послѣдствія; сознаніемъ онъ сознаетъ свои дѣйствія въ настоящемъ; рассужденіемъ предвидитъ ихъ послѣдствія въ будущемъ. Если въ силу одного стремленія эти послѣдствія ему нравятся, онъ могутъ не нравиться ему въ силу противоположныхъ стремленій, удовлетворенію которыхъ мѣшають. И такъ, при мысли о послѣдствіяхъ въ умѣ его всегда будутъ возникать картины радостей или страданій, которыми, въ свою очередь, будутъ возбуждаться соотвѣтствующіе импульсы. По мѣрѣ возрастанія числа идей, возрастаетъ и число импульсовъ, и каждый изъ послѣднихъ становится менѣе слѣпымъ, менѣе непреодолимымъ, менѣе похожимъ на то состояніе гипноза, которое называется моноидеизмомъ и въ которомъ люди подвергаются роковому внушенію одной исключительной идеи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, все зависитъ отъ того, какой группѣ идей будетъ дано преобладаніе, такъ какъ каждая идея есть открытая дверь для котораго-нибудь изъ безчисленныхъ инстинктовъ, таящихся въ человѣческой душѣ. Идея опредѣляетъ, выясняетъ то, что безъ нея осталось бы во мракѣ и бездѣйствіи. Иногда достаточно прочитанной фразы, произнесеннаго слова, чтобы вызвать на свѣтъ какой-нибудь опасный импульсъ, дремавшій въ тѣни.

Тѣхъ, въ комъ преобладаетъ воля, можно подраздѣлить на три вида: 1) люди воли съ малымъ чувствомъ и малымъ умомъ:

это упрямцы; 2) люди воли съ большою чувствительностью и малымъ умомъ: вспыльчивые и горячіе; 3) люди воли съ большимъ умомъ и малымъ чувствомъ: расчетливые, холодные и энергичные, которыхъ ничто не остановитъ въ осуществленіи ихъ плановъ, какъ Тюреннъ или Мольтке. Но лучше всего классифицировать разные виды воли по преслѣдуемымъ ею цѣлямъ.

Въ самомъ дѣлѣ, интеллектъ нашъ имѣетъ два полюса: *я и другіе люди*; это же свойство присуще и волѣ.

Бываетъ, что воля направлена преимущественно на *себя*; бываетъ, что она направлена и въ сторону *не себя*. Тутъ снова обнаруживается власть разума. Одаренное имъ существо уже по одной этой причинѣ болѣе или менѣе выходитъ изъ предѣловъ собственной личности, по крайней мѣрѣ мысленно, и постигаетъ, что есть другія существа,—болѣе того: постигаетъ совокупность всѣхъ существъ. Безличность, или, по выраженію философовъ, объективность есть характеристическая черта разума. Какъ только мы начинаемъ думать, мы открываемся для вѣшняго міра и общество и міръ входятъ въ насъ со всѣхъ сторонъ.

Отсюда важное подраздѣленіе воли, относящееся и къ психологій, и къ морали, на *волю эгоистическую* и *волю альтруистическую*. Впрочемъ, тутъ весь вопросъ въ степени: чистыхъ эгоистовъ, какъ и чистыхъ альтруистовъ, не можетъ быть на свѣтѣ. Однажды Наполеонъ сказалъ Редереру: «У меня нѣтъ честолюбія». Потомъ, въ силу свойственной ему вѣрности сужденій, поправился: «Или, если оно есть, то оно такъ мнѣ свойственно, такъ прирожденно, такъ связано съ моею жизнью, какъ кровь, текущая у меня въ жилахъ, или воздухъ, которымъ я дышу» *). Желательно было бы, чтобы наши души, проникнутыя любовью къ истинѣ и добру, могли сказать о своей способности къ безкорыстной любви то самое, что Наполеонъ сказалъ о своемъ честолюбіи. Высшею ступенью развитія человеческой природы слѣдуетъ признать ту, на которой сердце, расширяясь вмѣстѣ съ разумомъ, способно вмѣстить безконечное.

Разумъ приводитъ волю въ соотношеніе не только съ міромъ идей, но и съ міромъ людей. Въ результатѣ получается рядъ поступковъ и общественныхъ воздѣйствій, которыя, черезъ посредство мысли вліяютъ на волю людей. Важными факторами въ измѣненіи нашего характера являются характеры другихъ.

Въ своемъ интересномъ этюдѣ о характерѣ Дарвина, Полянъ старается показать на примѣрѣ изъ жизни, какъ развиваются

*) Полянъ, «Характеры».

или атрофируются извѣстныя стороны характера подъ вліаніемъ среды общественной, среды матеріальной, здоровья, возраста и т. д. Дарвинъ сначала былъ самымъ обыкновеннымъ школьникомъ и учился гораздо менѣе успѣшно, чѣмъ его сестра. Онъ выказывалъ только врожденную склонность къ собиранію коллекцій изъ раковинъ, марокъ, медалей, минераловъ; все это онъ располагаетъ въ извѣстномъ порядкѣ. Его сильное воображеніе побуждаетъ его выдумывать басни, которыя онъ беззащитно выдаетъ за истину ради удовольствія поразить слушателей, напримѣръ, хвалится товарищу умѣньемъ выводить цвѣты буковицы разныхъ оттѣнковъ при помощи поливки ихъ разноцвѣтными жидкостями. «Чудовищная ложь,—замѣчаетъ онъ.—Я даже ни разу не пробовалъ ничего подобнаго!» Между тѣмъ, въ послѣдствіи, когда научное мышленіе обуздало воображеніе, онъ сталъ такимъ правдивымъ и осторожнымъ, что употребилъ двадцать два года своей жизни на дополненіе, критику и редактированіе «Происхожденіе видовъ». Воображеніе его не исчезло, но, вмѣсто небылицъ, направилось на придумываніе опытовъ или гипотезъ.

Въ колледжѣ языки давались ему съ трудомъ, писать латинскихъ стиховъ онъ не могъ вовсе, и вмѣстѣ съ тѣмъ увлекся Гораціемъ и восхищался доказательствами Эвклида. Будучи любителемъ уединенныхъ прогулокъ, онъ разъ упалъ съ высоты семи или восьми футовъ, такъ какъ вдоль дороги не было перилъ. Онъ продолжалъ собирать минералы, но безъ научной цѣли. Десяти лѣтъ онъ очень заинтересовался насѣкомыми и вознамѣрился было составить коллекцію изъ тѣхъ насѣкомыхъ, которыхъ найдеть мертвыми, такъ какъ, говоритъ онъ, «посоветовавшись съ сестрою, я пришелъ къ заключенію, что нехорошо убивать насѣкомыхъ ради коллекціи». Онъ началъ учиться медицинѣ, но анатомірованіе возбудило въ немъ отвращеніе, а двѣ операции, произведенныя въ его присутствіи, повліяли на него такъ, что онъ отказался отъ дежурства въ больницѣ.

Курсы геологій и зоологій показались ему такъ «невероятно скучными», что онъ поклялся никогда не читать книгъ по геологій. Клятва, которой не суждено было исполниться! Отецъ предложилъ ему избрать духовную карьеру. Онъ охотно согласился и проучился въ Кембриджѣ три года, но безъ увлеченія. Товарищи по колледжу считали его любящимъ, великодушнымъ, сострадательнымъ, полнымъ ненависти ко всему лживому, низкому и жестокому. Наконецъ, его пригласили въ долгое плаваніе на корабль *Билль*, въ обществѣ натуралистовъ, ѣхавшихъ безъ вознагражденія; это путешествіе рѣшило его судьбу. Вернувшись, онъ посе-

лился въ деревнѣ, къ чему его почти вынуждало очень плохое здоровье. «Въ теченіе сорока лѣтъ,—говоритъ онъ,—не было дня, когда бы я чувствовалъ себя здоровымъ, какъ другіе люди». Съ этихъ поръ вся его жизнь была посвящена наукѣ, и единственными развлеченіями служили музыка да романы. «Я люблю ихъ всѣ,—говоритъ онъ,—даже не очень хорошіе, особенно же тѣ, которые кончаются хорошо; надо бы воспретить закономъ кончать романы плохо».

Можно согласиться съ Поланомъ, что общественная среда, воспитаніе, прогрессивное развитіе разума и самыя обстоятельства жизни сыграли выдающуюся роль въ образованіи характера Дарвина, противодѣйствуя силѣ его врожденныхъ склонностей. Но слѣдуетъ прибавить, что, по признанію самого Дарвина, рѣшающее вліяніе принадлежало энергіи и настойчивости его воли.

V.

Выводъ нашъ тотъ, что мы желали бы ввести въ науку о характерахъ идею эволюціи. Нашъ характеръ безпрестанно подвергается частичнымъ измѣненіямъ: самое познаніе нами нашей природы можетъ повести къ перемѣнѣ ея въ лучшую или худшую сторону, смотря по тому, насколько дурными мы являемся въ собственныхъ глазахъ. Нравственная фізіономія не бываетъ такою неизмѣнною, какъ физическая, измѣняющаяся только подъ медленнымъ вліяніемъ возраста. Понятіе о лучшемъ является для насъ средствомъ осуществить это лучшее. Нашъ теперешній характеръ не исчерпываетъ насъ вполне, равно какъ наше теперешнее желаніе или теперешнее дѣйствіе. Мы представляемъ собою всегда «нѣчто формирующееся», которое мѣняется сообразно понятію его и о себѣ, и о своей точкѣ отправления, и о своей цѣли. Человѣкъ не является сразу въ совершенномъ видѣ: существенное свойство его природы есть возможность постоянно совершенствоваться.

Этимъ-то и объясняется, несмотря на возраженія фанатиковъ наслѣдственности, важное значеніе воспитанія. Хотя послѣднее не можетъ измѣнить темперамента ни физическаго, ни даже психическаго, но оно можетъ извлечь изъ каждаго темперамента, если онъ только нормаленъ, все то добро, на какое онъ способенъ по своей природѣ. Особенности темперамента и тѣлосложенія являются лишь матеріаломъ для «познающей» дѣятельности разума, которая, въ концѣ концовъ, направляетъ все къ опредѣленнымъ цѣлямъ. А такъ какъ большая часть этихъ цѣлей далеко не безразлична съ точки зрѣнія морали, то съ этой высшей точки зрѣнія харак-

теръ является системою цѣлей, или, по выраженію Эмерсона, «системою нравственности», введенною въ природу индивидуума дѣйствіемъ его разумной воли.

Нравственность не требуетъ, чтобы каждый человѣкъ во всемъ походилъ на другого и поступалъ точно такъ же, какъ и всѣ прочіе; она требуетъ, чтобы каждый развивалъ собственный характеръ и совершенствовалъ его по мѣрѣ своихъ способностей. Въ каждомъ изъ насъ заключается извѣстная тема: это наше физическое и умственное строеніе; но сколько варіацій можно разыграть на эту тему, и гармоничныхъ, и негармоничныхъ! Возможно даже измѣненіе самой темы, болѣе того—самого инструмента. Скрипка великаго артиста пріобрѣтаетъ цѣнность въ его рукахъ и какъ бы приспособляется къ его особенностямъ; въ нашей власти приспособить нашу природу къ высшей гармоніи и сдѣлать ее гармоничною.

Сторонники Шопенгауера, отрицая вліяніе идей на міръ, напоминаютъ, что у многихъ людей поступки идутъ въ разрѣзъ съ работою мысли. «Думаютъ такъ, а дѣлаютъ иначе; пишутъ прекрасные трактаты о нравственности и оставляютъ ихъ безъ осуществленія». Конечно, подобныя вещи бывають; но изъ того, что разумъ самъ по себѣ еще не всемогущъ, что страсть можетъ его пересилить, еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы эти два «фактора», характеръ и разумъ, находились «въ разладѣ». Примѣры настоящихъ проповѣдниковъ нравственности, которые не согласовали бы своей жизни со своими проповѣдями довольно рѣдки. Примѣръ Сенеки, моралиста безъ истинной оригинальности, совсѣмъ не доказателенъ; великіе новаторы въ области морали осуществляли въ жизни свои идеи. Не говоримъ уже объ основателяхъ религій, но и Сократъ жилъ и умеръ согласно своимъ принципамъ, причемъ, какъ онъ самъ свидѣтельствуетъ, ему приходилось идти наперекоръ нѣкоторымъ склонностямъ своего темперамента. Развѣ онъ не признаетъ, что былъ чрезвычайно склоненъ къ крайностямъ любовной страсти, а жилъ цѣломудренно? Развѣ онъ не соглашался съ фізіономистомъ Зопиромъ, приписавшимъ ему много грубыхъ склонностей, которыя Сократъ подавилъ силою воли? А Кантъ, о которомъ мы упоминали? «Я спалъ, — пишетъ онъ, — и грезилъ, что жизнь — красота; пронулся и увидѣлъ, что она — долгъ». Что же пробудило его, если не работа мысли? Мы видимъ множество примѣровъ громаднаго вліянія нравственныхъ и религиозныхъ убѣжденій. Св. Августинъ, котораго темпераментъ влекъ ко всевозможнымъ наслажденіямъ, сталъ, однако, однимъ изъ образцовъ святости, подъ вліяніемъ идеала, который онъ полюбилъ.

Отчего же происходит разладъ, иногда существующій между нравственнымъ понятіемъ и поступкомъ? Чаще всего отъ того, что понятіе оказывается неполнымъ и не вполне доказаннымъ. Вы никогда не встрѣтите математика, который училъ бы, что $2 \times 2 = 4$, а поступалъ бы такъ, какъ будто $2 \times 2 = 5$; никогда не увидите физика, который училъ бы, что тѣла имѣютъ вѣсъ, а самъ выбросился бы изъ окна съ надеждою не упасть. Дѣло въ томъ, что здѣсь идеи отличаются достовѣрностью. Если же, напротивъ, моралистъ не всегда бываетъ человѣкомъ нравственнымъ, то причина въ томъ, что разумъ его, какъ бы ни былъ развитъ, никогда не можетъ уловить съ достовѣрностью гармонію между всемірнымъ благомъ и благомъ его личности; поэтому, онъ можетъ увлечься личнымъ благомъ и склониться на сторону послѣдняго. «Утрата надежды убиваетъ желаніе,—говоритъ Руссо,—но не уничтожаетъ долга». Въ этихъ словахъ признается жизненность высшей изъ всѣхъ идей, которая, разъ войдя въ сознаніе, уже не можетъ изъ него изгладиться. Тѣмъ не менѣе, самъ онъ вовсе не сообразовалъ своей жизни съ идеею долга. Дѣло въ томъ, что, не говоря уже о болѣзненномъ темпераментѣ Руссо, изученіе вопросовъ морали всегда приводитъ къ неразрѣшиму сомнѣнію, которое не устраняется одною положительною наукою. Человѣческая мудрость всегда будетъ, подобно Эрнесту Ренану, вопрошать себя, возможно ли конечное согласованіе идеала съ дѣйствительностью, не обманываетъ ли насъ иронія природы, приносящей отдѣльную личность въ жертвуцѣлямъ общественнымъ и міровымъ. Поэтому, отвлеченныя познанія недостаточны, если нѣтъ любви къ идеальному благу. Но, съ другой стороны, какъ любить идеалъ, который не постигнуть и мысленно не осуществленъ разумомъ? И такъ, если сущность нашего характера заключается преимущественно, какъ мы сказали, въ нашемъ способѣ любить, то остается лишь одинъ способъ возвышать нашу любовь: это—дѣлать все болѣе возвышенными наши мысли.

Перев. В. М.

ВЕЛИКІЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

РОМАНЪ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ

А. Валенберга.

Перев. съ шведскаго В. Фирсова.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Быль ясный солнечный день въ началѣ сентября. Когда встали изъ за стола, было еще такъ свѣтло, что можно было перейти въ гостинную и выпить кофе при дневномъ свѣтѣ.

Хозяинъ дома предложилъ руку почетный гость, владѣлецъ огромной бумажной фабрики въ Лонгбакка, а дѣвицѣ Гильдурь, сестрѣ хозяина, только недавно поселившейся въ его домѣ, долговязый брюнетъ, представитель одной нѣмецкой фирмы. За этими двумя парами шли хозяинъ дома и нѣсколько мужчинъ, пресытившихся изысканнымъ обѣдомъ.

Въ гостинной общество разбилося на маленькія группы. Хозяинъ, негоціантъ Скогъ, усѣлся подлѣ фабриканта, который долженъ былъ уѣхать съ вечернимъ поѣздомъ. Имъ нужно было переговорить кое о какихъ дѣлахъ. Нѣсколько стариковъ столпились въ углу и хохотали, рассказывая другъ другу анекдоты. Молодые люди остались съ хорошенькой, веселой хозяйкой, довольно полной блондинкой. Она отинулась въ креслѣ, поставивъ ногу на скамейку, такъ что можно было свободно любоваться ея миниатюрной туфелькой изъ лакированной кожи и чернымъ шелковымъ чулкомъ, сквозь который просвѣчивала бѣлизна кожи.

Гильдурь принадлежала къ послѣдней группѣ; она сѣла поодаль, у окна, которое раскрыла настежь, чтобы подышать свѣжимъ, но еще нехолоднымъ, осеннимъ воздухомъ. Она даже

отвернулась довольно невѣжливо отъ гостей и смотрѣла въ окно, передъ которымъ зеленѣло старинное кладбище, превращенное теперь въ лучшій городской паркъ. Цѣлая толпа дѣтей играла въ пятнашки и рѣзвилась среди старинныхъ памятниковъ, а косые лучи садившагося уже солнца пробивались сквозь высокіе тополи и загорались, то на мѣдномъ крестѣ, то на золоченой надписи памятниковъ, о которыхъ никто уже больше не заботился.

Нѣмецъ пробовалъ развлечь барышню бесѣдой. Онъ говорилъ о своихъ многочисленныхъ путешествіяхъ, старался заинтересовать ее воспоминаніями о видѣнныхъ ею мѣстахъ, но, такъ какъ она отвѣчала очень вяло, а взгляды ея попрежнему уносились куда-то вдаль, то онъ умолкъ и сталъ прислушиваться къ шутливому разговору, который поддерживался молодой хозяйкой.

Маленькая хозяйка, госпожа Гертрудъ, умѣла смѣяться такъ звонко и заразительно весело, что невольно приходилось улыбаться, хотя бы и неизвѣстно было чему. Притомъ, она умѣла такъ оживить всякую бесѣду. Самое простое выраженіе, она искусно умѣла превратить въ шутку, придавая словамъ неожиданнѣйшій смыслъ и находя во всемъ шутливые намеки; если же собесѣдникъ начиналъ защищаться, она поднимала его на смѣхъ. Она ловко выманивала у собесѣдниковъ любезности, но затѣмъ жестоко осмѣивала сказавшаго комплиментъ. Наконецъ, она умѣла наводить разговоръ на такую скользкую почву, что увлеченный собесѣдникъ невольно говорилъ какую-нибудь двусмысленность; но тогда она взглядывала на него съ такимъ невиннымъ удивленіемъ, что тотъ совсѣмъ терялся, внутренне ужасаясь своей невоспитанности.

Впрочемъ, она умѣла говорить и серьезно. Она знала все населеніе Стокгольма и съ точностью могла сказать, кто чѣмъ живетъ, съ кѣмъ водится, какъ одѣвается. Именно теперь, допивая свой кофе, она рассказывала о брошкѣ изъ фальшивыхъ брилліантовъ, которую госпожа Ладенбергъ вздумала надѣть на послѣдній балъ въ общественномъ собраніи.

Вдругъ, Гертрудъ замѣтила невеселое выраженіе на лицѣ своей молодой невѣстки. Ее всегда огорчало, когда кто-нибудь при ней скучалъ, и она обратилась къ дѣвушкѣ, протягивая свою красивую, бѣлую руку и прикасаясь къ ея плечу.

— Не правда ли, Гильдуръ, — сказала она: — надо или имѣть брилліанты настоящіе, или не носить ихъ вовсе?

— Да-а, конечно,—разсѣянно протянула Гильдурь.

Но Гертрудъ не удовольствовалась такимъ слабымъ подтвержденіемъ высказанной ею истины.

— Нѣтъ, скажи серьезно! Развѣ ты не согласна со мной?—спросила она.

— Да, конечно,—повторила Гильдурь.

— Однако, не станешь же ты носить поддѣльные брилліанты!—вскричала барынья уже съ негодованіемъ.

— Нѣтъ,—согласилась Гильдурь.

На этотъ разъ она слегка улыбнулась, а когда трое или четверо изъ окружавшихъ хозяйку кавалеровъ горячо подтвердили истину, и разговоръ о поддѣльныхъ брилліантахъ сталъ общимъ, она улыбнулась вторично... Но потомъ она снова отвернулась къ окну и стала разсѣянно играть кистями гардинъ.

Кто-то высказалъ замѣчаніе, что она смотритъ какою-то усталой. Она согласилась, что немножко утомлена, сослалась на головную боль и, воспользовавшись удобнымъ моментомъ, когда въ залѣ началось движеніе по поводу приготовленій къ пѣнію, ускользнула, шепнувъ невѣстѣ, что идетъ отдохнуть.

Въ сосѣдней комнатѣ она услышала за собой шорохъ платья, и, обернувшись, увидѣла догоняющую ее Гертрудъ.

— Тебѣ не хочется оставаться съ нами?—спросила та.—Тебѣ съ нами скучно?

— Это я сама скучна!—возразила Гильдурь.

— Ты умѣешь быть веселой, когда захочешь. Стоитъ сдѣлать только маленькое усиліе.

Гильдурь промолчала и съ такой же улыбкой, казѣ и при обсужденіи вопроса о фальшивыхъ брилліантахъ, посмотрѣла на молодую женщину. Нельзя было отрицать, что Гертрудъ была добра и ласкова! Въ ея голубыхъ глазахъ было самое непритворное выраженіе сожалѣнія къ скучавшей дѣвушкѣ. Очевидно, ее мучило опасеніе, что Гильдурь оскорбилась явнымъ предпочтеніемъ, которое кавалеры отдавали веселой хозяйкѣ дома, оставляя серьезную барышню въ покоѣ.

— Такъ ты не придешь?—жалобно спросила Гертрудъ.

— Нѣтъ. Спасибо за заботу обо мнѣ... Но право же, у меня болитъ голова. Впрочемъ, я потомъ приду.

Гертрудъ взяла съ нея торжественное обѣщаніе, что она сдержитъ слово, и вернулась къ гостямъ съ облегченной совѣстью.

Гильдурь вошла въ свою комнату, выходящую окнами во

дворъ, и опустилась на кушетку. Она была утомлена и довольно долго оставалась неподвижной, заложивъ руки подъ голову и вперивъ взглядъ въ узоры потолка.

Вдругъ улыбка опять заиграла на ея губахъ. Она вспомнила, какъ Гертрудъ видимо опасалась, что она завидуетъ ея успѣхамъ среди кавалеровъ!

И невольно она сдѣлала въ своемъ воображеніи смотрѣ этимъ кавалерамъ. Все—дѣльцы, довольно воспитанные люди, привыкшіе болтать о чемъ попало, но такіе банальныя, и рѣшительно безъ всякихъ идей, пока дѣло не касалось наживы! Въ торговыхъ дѣлахъ они, можетъ быть, и умны, и талантливы; но во всемъ остальномъ это какія-то большія дѣти. Они и забавляются, и играютъ, и даже разсуждаютъ по дѣтски. Случалось, что и ей приходила охота поребачиться съ ними... Но нельзя-же вѣчно дурачиться съ дѣтьми—это надоѣдаетъ и утомляетъ.

А вѣдь можно шутить и веселиться совсѣмъ иначе! Ей вспомнились дни, когда она бывала среди другихъ людей... Но вернуть этого времени нельзя, потому что съ тѣхъ поръ ихъ кружокъ распался, друзья развѣхались, многое перемѣнилось...

У нея было независимое положеніе и очень хорошая пожизненная рента, доставшаяся ей по завѣщанію отъ тетки. Благодаря этому, она могла жить какъ хотѣла, и прежде жила въ интеллигентной средѣ съ подругами, которыхъ приобрѣла въ университетѣ. Но кружокъ распался, подруги вышли замужъ, и она рѣшилась поселиться у брата, чтобы не быть одинокой. Полгода уже жила она здѣсь, но новыхъ друзей, кромѣ родственниковъ, приобрести еще не успѣла...

Да, Гертрудъ была права, предполагая, что она чувствуетъ себя одинокой! Дорого бы она дала, чтобы имѣть друга, съ которымъ можно было бы говорить по душѣ, о которомъ можно было бы думать и тревожиться и который, въ свою очередь, заботился бы и о ней... Но она не искала такого друга, и почему-то ей казалось даже страннымъ искать его среди знакомыхъ брата...

Ей стало душно въ комнатѣ, и она встала съ кушетки, чтобы открыть окно. Она положила локти на подоконникъ и опустила голову на руки. Передъ нею былъ большой дворъ, вымощенный булыжникомъ, посрединѣ украшенный маленькимъ палисадникомъ, съ молодыми липками, съ георгинами и резедой, запахъ которой доносился до нея.

Слѣва шли одноэтажныя службы, за которыми видѣлась часть города. Безконечный лабиринтъ крышъ, печныхъ трубъ и унылыхъ стѣнъ! Только кое-гдѣ однообразіе нарушалось верхушкой красиваго тополя или бельведеромъ какого-нибудь большого, богато разукрашеннаго орнаментами дома, а на горизонтѣ высилась колокольня церкви.

Видъ былъ далеко не изъ такихъ, какіе приводятъ людей въ восторгъ. Но здѣсь былъ, по крайней мѣрѣ, просторъ для блуждающихъ взглядовъ дѣвушки, которая искала, сама не зная, чего...

Тамъ, за этимъ розоватымъ горизонтомъ, гдѣ солнечный закатъ окрашивалъ все такимъ красивымъ свѣтомъ, не скрывалась ли хоть тамъ другая жизнь, прекраснѣе и шире той сѣренькой узкой дѣйствительности, въ которой приходилось только прозябать?..

Она пристально смотрѣла на оранжевый точно позолоченный по краямъ, небесный сводъ, и ей казалось, что это прекрасный занавѣсъ, скрывавшій отъ нея дѣйствительную жизнь. Но занавѣсъ не поднимался, и она невольно отвернулась... Въ противоположной сторонѣ ряды оконъ, въ которыхъ отражались лучи зари, сверкали, точно за ними было цѣлое море пламени. Кровельный цинкъ тоже сверкалъ. На синевѣ неба нѣжно вырисовывалась сѣтъ телефонныхъ проволокъ, соединявшихъ домъ съ домомъ, челоуѣка съ челоуѣкомъ.

Въ эту минуту городъ казался совсѣмъ не такимъ сѣрымъ и соннымъ, какимъ онъ обыкновенно ей представлялся. Можетъ быть, и ея жизнь не такъ ужъ сѣра, какъ она воображаетъ? Можетъ быть, она сама слѣпа, и нечего стремиться за горизонтъ, чтобы найти свѣтъ, и яркія краски, и смыслъ жизни? Вѣдь бываетъ же хорошъ и ея мірокъ. Можетъ быть въ немъ есть даже и смыслъ? Но какъ добиться этого смысла? Какъ приблизиться къ нему?

Да, приблизиться! Вотъ вѣдь, не освѣщаютъ же солнечные лучи противоположной стѣны, которая все такая же печальная, сѣрая! Не освѣщаютъ и не освѣтятъ! Вотъ такъ и съ нею, съ ея личной жизнью... Нервная дрожь пробѣжала у нея по спинѣ; она поднялась закрыть окно. Но въ ту минуту, какъ она потянулась за ручкой рамы, ея взглядъ привлекли окна праваго флигеля ихъ дома. „Изъ этихъ оконъ видъ на низкія части города долженъ быть еще шире, чѣмъ изъ моихъ!“ — подумала она.

Одно изъ этихъ оконъ, на одномъ уровнѣ съ ея окномъ, тоже было открыто. За письменнымъ столомъ, у самаго окна сидѣлъ человекъ съ перомъ въ рукахъ. Онъ задумался и такъ же, какъ она за минуту, смотрѣлъ вдаль...

Она тотчасъ же узнала его и откинулась назадъ, чтобы не быть замѣченной.

Это былъ Сетъ Бурманъ, извѣстный писатель и политическій дѣятель. Онъ занималъ со своей дочерью небольшую квартиру въ томъ же домѣ, въ которомъ жили и господа Скогъ; у нихъ была даже общая площадка на парадной лѣстницѣ. Гильдуръ часто встрѣчала Бурмана на лѣстницѣ и хорошо знала его въ лицо, хотя не была съ нимъ знакома. Невольно запечатлѣлись въ ея памяти его рослая, могучая фигура съ гордой, высоко посаженной на широкія плечи, головой...

Гильдуръ осталась за занавѣсью окна и не могла оторвать глазъ отъ выразительнаго лица писателя.

О чемъ онъ думалъ, любясь заревомъ заката? Неужели и онъ тоже мечталъ о недостижимомъ?

Она кое что о немъ слышала. Она знала, что, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, его жена покинула его для другого; что много горя испыталъ онъ въ своей дѣятельности, какъ политикъ и представитель новаго теченія въ литературѣ. Но, все-таки, его мѣръ долженъ быть широкъ и прекрасенъ; ему доступно все, что есть въ жизни свѣтлаго, животрепещущаго, крупнаго! Наконецъ, человекъ, умѣющій читать въ сердцахъ, долженъ же умѣть и привлекать сердца, и не можетъ быть одинокъ.

Но вотъ онъ отвернулся отъ окна, и его голова склонилась надъ бумагой такъ, что густые и слегка растрепанные волосы, начинавшіе уже мѣстами серебриться, совсѣмъ скрыли его лицо. Минуть пять его перо безостановочно скользило по бумагѣ. Вдругъ онъ обернулся и что-то сказалъ. Мелькнулъ свѣтъ, и показалась молодая дѣвушка съ лампой въ рукахъ. Она была мила, но немножко тщедушна; въ ея фигурѣ замѣчалась еще нѣкоторая угловатость, свойственная дѣвочкамъ подросткамъ. Но она была граціозна; особенно бросалась въ глаза необыкновенная мягкость всѣхъ ея движеній и жестовъ.

Осторожно, почти боязливо, передвинула она на письменномъ столѣ отца нѣсколько книгъ и поставила лампу; затѣмъ заботливо повернула абажуръ такъ, чтобы свѣтъ не падалъ

отцу въ глаза, поправила огонь и наклонилась, чтобы поднять съ полу упавшую бумагу.

Отець не спускалъ съ нея глазъ. Сколько нѣжности было въ его взглядѣ!

Какъ онъ, должно быть, любить свою дочь! Но хорошо ли съ ея-то стороны, что она подсматриваетъ сердечные порывы чужихъ людей?

Дѣвочка поднялась, и когда положила на столъ поднятую бумагу, отецъ взялъ ея головку обѣими руками, погладилъ ея каштановые волосы, заплетенные въ длинную косу, и поцѣлуйми закрылъ ей глаза.

Вѣдь она была его счастье, единственная радость!

Гильдуръ была увѣрена, что онъ сказалъ именно это, хотя видѣла только одно движеніе его губъ, что-то произносившихъ, когда онъ ласкалъ дочь.

Эта дочь, однако, отвѣчала на ласки отца далеко не съ такою же нѣжностью. Ея большіе темные глаза смотрѣли на отца очень ласково, но безъ увлеченія. Въ ея движеніяхъ не было порывовъ горячей дѣтской привязанности. Она точно подчинялась необходимости, но не собственному влеченію...

Гильдуръ почувствовала что-то особенное къ этому человеку, и кровь прилила къ ея сердцу. Какъ онъ нѣженъ и мягокъ! Подумать только, сколько горячаго чувства онъ уже излилъ въ своихъ сочиненіяхъ и сколько онъ изольетъ его еще, если у него остается такъ много для своихъ близкихъ!

Да, хорошо хранить въ душѣ такія богатства!

Между тѣмъ онъ выпустилъ дочь изъ объятій и началъ приводить въ порядокъ бумаги, кивнувъ головой въ сторону окна.

Дѣвушка подошла къ окну, заперла его и спустила занавѣси.

И вотъ передъ Гильдуръ одно только темное окно, завѣшенное непроницаемой, темной матеріей, отъ которой она не могла оторвать взгляда. Точно передъ нею захлопнули дверь! И она почувствовала себя такой жалкой, несчастной, точно она просила милостыню, и ничего ей не подали...

Заря уже почти совсѣмъ погасла. Вечерній воздухъ похолодѣлъ. Городъ и все вокругъ нея окрасилось въ какой-то сѣрый, непривѣтливый цвѣтъ.

Она вздрогнула, захлопнула окно и бросилась на кушетку съ тѣмъ же чувствомъ тоски и одиночества, съ какимъ незадолго передъ тѣмъ поднялась съ нея.

II.

Нѣсколько дней спустя Гильдуръ сидѣла незадолго передъ обѣдомъ въ гостиной. Она была одна и наслаждалась тишиной и спокойствіемъ. Она любила эту большую, красиво убранную комнату, когда въ ней не бывало никого постороннихъ. Она такъ удобно расположилась въ одномъ изъ большихъ англійскихъ креселъ, заложивъ вышитую подушку за спину, поставивъ ноги на мягкую скамейку и вооружившись книгой.

Гертрудъ уѣхала съ визитами; дѣтей увели гулять, братъ былъ въ своей конторѣ, прислуга тоже куда-то исчезла. Во всей квартирѣ царил тишина, и никто не мѣшалъ чтенію. Гильдуръ прочла уже страницъ тридцать и такъ увлеклась книгой, что не сразу поняла, гдѣ она, когда ее заставилъ вздрогнуть громко раздавшійся въ передней звонокъ. Она совсѣмъ забыла, что одна въ квартирѣ, и, вспомнивъ это, пошла открывать дверь. Когда она подходила въ передней, раздался вторичный звонокъ, но на этотъ разъ еще нетерпѣливѣе и громче перваго.

Она поспѣшила отпереть дверь и была не мало удивлена, увидѣвъ передъ собой молоденькую дочь Бурмана, которая, видимо, выбѣжала изъ своей квартиры, какъ была, и теперь растерянно стояла въ открытыхъ дверяхъ, не притворяя ихъ за собой.

По ея перепуганному лицу сразу замѣтно было, что случилось какое-то несчастье, и на тревожный вопросъ Гильдуръ, она въ нѣсколькихъ словахъ сообщила происшедшее:

Ихъ старая преданная служанка, ключница и единственная прислуга, лежала въ обморокѣ, и всѣ попытки дѣвушки привести ее въ чувство оказались тщетными... Являлось опасеніе... ужасное опасеніе, что она...

Дѣвушка не рѣшилась произнести слова, хотя ожидала самаго худшаго и боялась, что это худшее, можетъ быть, уже случилось. Когда Гильдуръ поспѣшно направилась въ квартиру Бурмановъ, она осталась позади, дрожа всѣмъ тѣломъ и опасаясь услышать подтвержденіе пугавшей ея мысли.

Старуха упала совершенно неожиданно, стоя передъ кухоннымъ столомъ, за strapней, и теперь лежала на полу рядомъ съ кухоннымъ ножомъ въ рукахъ и разсыпавшимися кореньями, которые начала было чистить. Ея сѣдая голова покоилась на диванной подушкѣ, которую подложила ей ея молодая хозяйка, не имѣвшая силы перетащить старушку на кровать...

Гильдуръ опустилась на колѣни и стала растирать больной виски и ладони. Когда же оказалось, что это не помогаетъ, она побѣжала домой, чтобы вызвать по телефону врача.

Вернувшись въ кухню Бурмана, она увидѣла дѣвушку на полу. Она прижимала голову старушки къ своей груди, ласкала ея морщинистыя щеки и жалобно повторяла:

— Милая Мая, милая Мая! Неужели ты не узнаешь, не слышишь меня?

Наконецъ, старуха начала подавать признаки жизни. Она раскрыла глаза...

— Она жива! Она жива! — съ такимъ восторгомъ вскричала дѣвушка, что Гильдуръ была тронута до глубины души.

Вдвоемъ онѣ перенесли больную въ ея комнату на диванъ, продолжая растирать ей виски, и влили ей въ ротъ нѣсколько капель вина. Однако, сознаніе не возвращалось, и раскрытые глаза старухи смотрѣли передъ собой все тѣмъ же тупымъ взглядомъ. Наконецъ, она стала оживать, глаза ея уже начали обращать къ говорившимъ: видно было, что она сидитъ овладѣть сознаніемъ, хотя все еще не можетъ вполнѣ придти въ себя.

Черезъ четверть часа пріѣхалъ докторъ. Онъ осмотрѣлъ больную, выслушалъ грудь и сказалъ:

— Совершенные пустяки! Оставьте ее въ покоѣ, она скоро будетъ совсѣмъ здорова.

— Здорова?—переспросила Гильдуръ, которой такой благополучный исходъ показался неправдоподобнымъ.—Совсѣмъ здорова?

— Совершенно! Просто временное нарушеніе въ функционированіи сердца... Это довольно часто случается со старыми людьми. Нуженъ только покой, и завтра она будетъ такъ же бодра, какъ до болѣзни. Однако, нельзя ее оставлять одну, пока разумъ у нея не прояснится.

Докторъ прописалъ какую-то подкрѣпляющую микстуру и ушелъ.

Едва онъ вышелъ за дверь, Гильдуръ поразило неожиданное зрѣлище. Въ присутствіи врача молоденькая дѣвушка все время держалась въ сторонѣ и выказывала крайнюю застѣнчивость. Успокоительныя слова доктора не произвели на нее, казалось, ни малѣйшаго впечатлѣнія,—такъ спокойно и сдержанно она ихъ выслушала. Но едва онъ удалился, она бросилась на колѣни у дивана и стала ласкать старуху съ такой страстностью, какой нельзя было и

ожидать отъ таковой тихой дѣвочки. Она гладила сѣдые волосы, цѣловала сморщенное лицо, заглядывала въ устремленные въ пространство глаза и шептала своей старой нянѣ, которая ничего не слышала, самыя нѣжныя слова...

Вспомнился Гильдуръ вечеръ, когда она видѣла изъ окна, съ какимъ равнодушіемъ та же дѣвочка принимала ласки своего отца. Какъ это она не находила въ себѣ бѣдшей нѣжности къ отцу, когда могла быть такъ нѣжна къ старой нянѣ?

Но дѣвушка вдругъ вспомнила, что она не одна и стала церемонно благодарить Гильдуръ за оказанную помощь. Вся ея обычная заменутость вернулась къ ней, она не протянула даже руки Гильдуръ: казалось, ее тяготило уже присутствіе этой чужой.

Она извинилась за причиненное безпокойство, сказала, что не смѣетъ дольше злоупотреблять любезностью mademoiselle Свогъ и стала увѣрять, что теперь съумѣетъ справиться и одна, такъ какъ опасность вѣдь миновала.

— Но, развѣ вамъ не нужна помощь помимо ухода за больной? — освѣдомилась Гильдуръ. — Не прислать ли вамъ служанку, которая бы временно замѣнила вашу Маю по хозяйству?

Дѣвушка поблагодарила, говоря, что ей ничего не нужно. Ея отецъ обѣдаетъ сегодня въ гостяхъ, а она отлично съумѣетъ позаботиться о себѣ и сама.

Гильдуръ не рѣшилась болѣе настаивать, опасаясь показаться навязчивой, и такъ какъ Мая, дѣйствительно, не нуждалась, повидимому, въ уходѣ, удалилась къ себѣ.

Дома вернувшіеся тѣмъ временемъ родственники хватились ея и ломали себѣ голову, куда она исчезла. Тѣмъ большее впечатлѣніе произвело рассказанное ею происшествіе. Гертрудъ тотчасъ же заволновалась. Неужели оставить несчастнаго ребенка голоднымъ? Конечно, дѣвочка не съумѣетъ приготовить себѣ обѣда, и будетъ голодать до самого вечера!

Гертрудъ не успокоилась, пока Гильдуръ не обѣщала еще разъ сходить къ Бурманамъ, пригласить дѣвочку пообѣдать и ихъ. Это было такъ естественно и согласно съ строжайшиму требованіями приличій, тѣмъ болѣе, что господинъ Свогъ, имѣлъ когда-то дѣла съ докторомъ Бурманомъ, причемъ даже былъ у него на квартирѣ и познакомился тогда съ его дочерью. Наконецъ, въ бѣдѣ надо же и помогать другъ другу!

Гильдуръ отправилась. Когда она позвонила, лицо молодой дѣвушки, отрывшей ей дверь, такъ и просіяло отъ радости. Видно, ей было очень тяжело оставаться наединѣ съ больной старухой.

Старая Мая сидѣла уже на диванѣ; съ величайшимъ удивленіемъ оглядываясь по сторонамъ, она ничего еще не могла сообразить и задавала вопросы, которые тотчасъ же забывала и непрерывно повторяла снова. Такъ продолжалось уже съ часъ, и едва обѣ дѣвушки вошли, старуха возобновила свои разспросы, не обративъ ни малѣйшаго вниманія на Гильдуръ.

- Теперь утро?—спросила она.
- Нѣтъ, скоро четыре часа,—отвѣтила Лена Бурманъ.
- А когда я упала, было утро?
- Да.
- Теперь утро?
- Нѣтъ, милая Мая, теперь четыре часа.
- Какъ же я попала сюда на диванъ?
- Мы тебя перенесли, Мая.
- Развѣ я не могла ходить?
- Нѣтъ.
- Какъ же я очутилась на диванѣ?
- Мы перенесли тебя.
- Значить я разбила блюдо?
- Нѣтъ. Съ чего ты взяла?
- Развѣ я упала не съ блюдомъ?
- Но оно не разбилось.
- Я упала сегодня утромъ?
- Да.
- А теперь утро?
- Нѣтъ.
- Какъ я очутилась на этомъ диванѣ? и т. д.

У нея было въ головѣ не болѣе трехъ, четырехъ мыслей, и эти мысли беспорядочно бродили въ ея мозгу, лишенномъ памяти. Не смотря на категорическое увѣреніе врача, что старуха будетъ завтра же здорова, молодая хозяйка начинала отчаиваться. Ей приходило въ голову, что, можетъ быть, Мая слегка помѣшалась, а докторъ просто не замѣтилъ этого. И она дрожала отъ ужаса. Ужасно было оставаться наединѣ съ такой больной и цѣлый часъ давать одни и тѣ же отвѣты на одни и тѣ же вопросы!

Гильдуръ передала ей поклонъ и приглашеніе къ обѣду

отъ своей невѣстки, но Лена застѣнчиво стала отказываться, ссылаясь на то, что ей не на кого оставить бѣдную Маю. Однако она не упорствовала въ своемъ отказѣ и, когда Гильдуръ предложила прислать одну изъ ихъ горничныхъ, чтобы смѣнить ее возлѣ больной, она согласилась придти. Гильдуръ пошла за горничной, но черезъ нѣсколько времени вернулась съ самой госпожей Скогъ. Оказалось, что въ домѣ распространился слухъ, будто старая Мая сошла съ ума, и ни одна изъ служанокъ не хотѣла сидѣть съ сумасшедшей, такъ что оставалось только самой Гильдуръ взять на себя обязанности сидѣлки.

Какъ и слѣдовало ожидать, застѣнчивая и деликатная дѣвочка наотрѣзъ отказалась принять такое самопожертвованіе отъ Гильдуръ. Но вступилась Гертрудъ, а вскорѣ явился поддержать жену и самъ господинъ Скогъ. Гильдуръ, весело смѣясь, утверждала, что не похудѣетъ, если пообѣдаетъ получасомъ позже, и въ концѣ концовъ Лена позволила увести себя, а Гильдуръ осталась одна съ больной.

Старушка была уже спокойнѣе. Она опять улеглась на диванъ и перестала задавать вопросы. Но отъ времени до времени она открывала глаза и пытливо посматривала на Гильдуръ, стараясь сообразить, кто такая эта незнакомая барышня, и почему она сидитъ у ея изголовья.

— Спите, Мая! Вамъ это необходимо!—мягко уговаривала ее Гильдуръ.

Больная не отвѣчала, продолжая искоса разглядывать незнакомку. Постепенно, однако, взглядъ ея прояснился, сознание видимо возвращалось къ ней, и вдругъ, протянувъ руку, она ласково погладила по плечу Гильдуръ. Она узнала въ ней сосѣдку, богатую барышню Скогъ, и хотѣла ей выразить свою признательность; но въ то же время ее охватила такая слабость, что она не могла говорить и черезъ минуту крѣпко уснула.

Пока больная спала, Гильдуръ стала осматриваться въ комнатѣ.

Обстановка была простая и бѣдная, но производила такое же впечатлѣніе порядочности, какъ и сама старая Мая. На окнахъ были чистыя бѣлыя занавѣски, на полу—домотканые половики; спинка дивана, который замѣнялъ ночью кровать, была украшена вязанными салфеточками, и такую же вязанной скатертью былъ покрытъ небольшой комодъ, на ко-

торомъ стояли зеркала, разные бездѣлушки, пара мѣдныхъ подсвѣчниковъ, какія-то банки и нѣсколько фотографическихъ карточекъ въ рамкахъ.

Отъ скуки Гильдуръ подошла къ комоду и стала разсматривать все, что на немъ было.

По обѣимъ сторонамъ зеркала стояли двѣ дешевыя стекляныя вазы, расписанныя яркими красками, съ поблекшими искусственными цвѣтами. Въ ярко вычищенныхъ мѣдныхъ подсвѣчникахъ были вставлены свѣчи, украшенныя картинками, наведенными на стearинъ помощью валькоманіи. Были тутъ и потемнѣвшія отъ времени гипсовыя статуэтки, маленькія фарфоровыя корзиночки и разные другіе предметы, очевидно, подарки, недорогіе и некрасивые, но чтимые, какъ драгоценности.

Въ числѣ портретовъ Гильдуръ тотчасъ же узнала портретъ молодой хозяйки Маи, снятый еще въ школьномъ возрастѣ, въ коротенькомъ платьицѣ, съ двумя косичками на затылкѣ. Въ такой же рамкѣ, какъ и этотъ портретъ, по другую сторону зеркала, заслоненная разными бездѣлушками стояла карточка молодой женщины съ красивыми чертами лица, очень нарядно одѣтой. Лицо этой дамы такъ сильно напоминало лицо Лены Бурманъ, что Гильдуръ тотчасъ же угадала въ ней мать дѣвушки и глубоко задумалась надъ судьбой этой несчастной красавицы.

Она слышала отъ брата, что съ тѣхъ поръ, какъ госпожа Бурманъ покинула своего мужа, она нѣсколько разъ пыталась добиться отъ него развода. Но Сетъ Бурманъ отказывался дать ей разводъ, какъ утверждали, изъ мести. Онъ не хотѣлъ допустить, чтобы его жена могла выйти замужъ и избавиться отъ своего тяжелаго положенія...

Въ то время, какъ Гильдуръ была погружена въ размышленія объ этомъ, вдругъ въ передней послышался шумъ отпираемой двери. Гильдуръ удивилась, соображая, что прошло слишкомъ мало времени, чтобы Лена успѣла отобѣдать. Но, не сомнѣваясь, что это она, и заботясь только о томъ какъ бы поставить поскорѣй портреты на мѣсто, чтобы не обнаружить своего любопытства, она привела все на комодѣ въ прежній порядокъ и вернулась на свое мѣсто у изголовья больной. Та спала такъ спокойно и крѣпко, что не оставалось уже никакого сомнѣнія въ ея полномъ выздоровленіи, и Гильдуръ намѣревалась порадовать Лену извѣстіемъ о благоприятной переменѣ.

Но Лена не входила. Въ сосѣдней комнатѣ раздались мужскіе шаги, потомъ дверь чуть-чуть пріоткрылась, и кто-то, не заглядывая въ комнату, проговорилъ:

— Мая, подай фракъ:

Не дожидаясь отвѣта, говорившій захлопнулъ дверь и удалился.

Гильдуръ поднялась со своего мѣста въ неприятномъ смущеніи. Какъ это никто не сообразилъ, что господинъ Бурманъ непременно заѣдетъ домой переодѣться?

Она боялась, что черезъ минуту увидитъ Бурмана въ одномъ жилетѣ, и не знала, оставаться ли ей, или бѣжать. Ничего пріятнаго не было бы ни для нея, ни для него въ такой непредвидѣнной встрѣчѣ! Но если она уйдетъ, онъ вѣдь найдетъ Маю одну и разбудитъ ее, притомъ, ничего не пойметъ въ ея болѣзни, хватится дочери, и будетъ страшно встревоженъ... Положимъ, еще не большая бѣда, если только онъ не растревожитъ больную, но...

Прежде, чѣмъ она рѣшилась на что-нибудь, дверь опять открылась, и Бурманъ вскричалъ:

-- Что жъ, Мая, фракъ? Не слышишь, что ли?

На этотъ разъ онъ раскрылъ дверь настежь и, опять не получая отвѣта, вошелъ въ комнату.

Онъ оказался одѣтымъ.

Тѣмъ не менѣе, Гильдуръ была смущена необходимостью знакомиться при такихъ странныхъ обстоятельствахъ и, такъ какъ нужно было сразу дать довольно сложное объясненіе ея присутствія въ этой комнатѣ, она растерялась, покраснѣла и проговорила что-то, ужъ совсѣмъ непонятное.

Сеть Бурманъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ и поклонился, не спуская съ нея удивленнаго взгляда. Она напрасно надѣялась, что онъ узнаетъ въ ней сосѣдку, которую такъ часто встрѣчалъ на лѣстницѣ, и что она будетъ избавлена отъ необходимости представляться! Онъ не узнавалъ ея, и пришлось-таки назвать себя...

— А! Начинаю понимать!—сказалъ онъ, услышавъ фамилію Скогъ.—Мы, вѣдь, кажется, сосѣди, и вы были такъ добры...

Онъ окинулъ взглядомъ неподвижно лежавшую и продолжавшую спать Маю.

— Но гдѣ же Лена? Гдѣ моя дочь?—прибавилъ онъ съ замѣтной тревогой.

Гильдуръ уже настолько оправилась отъ смущенія, что могла наконецъ дать обстоятельное объясненіе.

— Она обѣдаетъ у насъ, а такъ какъ мы полагали, что вы не вернетесь раньше вечера, я осталась здѣсь за нее!—закончила она и, сообразивъ, что сказала почти глупость, покраснѣла больше прежняго.

Бурманъ уже улыбался. Онъ привыкъ къ почестямъ и любилъ производить на людей сильное впечатлѣніе, а какъ же ему было объяснить иначе смущеніе свѣтской барышни?

— Вотъ какъ!—сказалъ онъ, улыбаясь.—Иначе вы не рискнули бы войти?

— Вѣроятно, нѣтъ! — призналась она, пытаясь улыбнуться.

— Вы такъ робки? Вы легко пугаетесь?

Онъ смотрѣлъ на нее все съ тою же, почти снисходительной, улыбкой.

И вдругъ это возмутило ее. Если онъ видитъ въ ней какую-то жалкую школьницу, то очень ошибается! Положимъ, онъ занималъ ее воображеніе, особенно въ эти послѣдніе дни... Но не настолько же она подавлена его величіемъ, чтобы унижаться!..

— Нѣтъ, я не робка!—сказала она уже съ свѣтской усмѣшкой.—Я не хотѣла испугать васъ своимъ неожиданнымъ присутствіемъ здѣсь!

— Меня? Вы хотите сказать: ослѣпить,—поправилъ онъ, смѣясь.

Этотъ комплиментъ, сопровождаемый легкимъ поклономъ и взглядомъ, въ которомъ выражалось непритворное восхищеніе ея наружностью, разсѣялъ ея смущеніе, и она расхохоталась...

— Значитъ, я могу идти домой съ спокойной совѣстью?—сказала она.—Старушкѣ лучше, и я больше не нужна...

Она поклонилась, и пошла къ дверямъ.

Бурманъ, увидѣвъ, что передъ нимъ не пугливая дѣвочка, проводилъ ее въ переднюю и рассыпался въ благодарности за ея доброту какъ къ старой Маѣ, такъ и къ Ленѣ.

— Кажется, мы уже гдѣ-то встрѣчались?—сказалъ онъ прежде, чѣмъ отпереть дверь.

— На лѣстницѣ!—отвѣтила она, улыбаясь.—Тамъ я видѣла васъ, по крайней мѣрѣ, разъ семь или восемь, но сколько разъ вы меня замѣчали, я, конечно, не знаю.

Лицо его приняло серьезное выраженіе.

— Вы пристыдили меня!—сказалъ онъ почтительно.—Но смѣю надѣяться, что не буду уже такъ слѣпъ въ другой

разъ. Я бываю очень разсѣянъ, но, когда замѣчаю что-нибудь интересное, становлюсь обыкновенно довольно зоркимъ.

Теперь онъ смотрѣлъ на нее уже совсѣмъ не такимъ взглядомъ, какъ прежде...

Этотъ взглядъ преслѣдовалъ ее даже потомъ, когда она уже вышла изъ квартиры Бурмана, — даже дома, когда она рассказывала своимъ и Ленѣ о своей встрѣчѣ съ писателемъ. Она была спокойна, шутила, даже напугала Лену предположеніемъ, что теперь ее отецъ переворачиваетъ въ шкафахъ все вверхъ дномъ, разыскивая свой фракъ. Но ей все казалось, что Сеть Бурманъ смотритъ на нее, — и даже поздно вечеромъ, когда она осталась одна, передъ нею все стояли эти большіе, сѣрые глаза писателя, устремлявшіе на нее серьезный, пронизательный взглядъ.

Была какая-то шутливая угроза въ его предупрежденіи, что онъ довольно зорокъ, когда обратитъ на что-нибудь свое вниманіе, и она задавала себѣ вопросъ, что именно хотѣлъ онъ этимъ сказать, и узнаетъ ли онъ ее въ слѣдующій разъ, когда они встрѣтятся на лѣстницѣ? Заговоритъ ли онъ съ нею, и разглядѣлъ ли онъ, что она далеко не глупая дѣвчонка, растерявшаяся отъ застѣнчивости?

Она сама находила, что смѣшно придавать столько значенія встрѣчѣ съ Бурманомъ. Но, сама не зная почему, все думала только о немъ, и съ ужасомъ соображала, что непременно покраснѣетъ, когда встрѣтится съ нимъ гдѣ бы то ни было.

III.

Однако, если Гильдуръ воображала, что Сеть Бурманъ хоть сколько-нибудь думаетъ о ней, то жестоко ошибалась.

Онъ былъ слишкомъ занятъ своими личными дѣлами, чтобы останавливаться на впечатлѣніи, хотя и очень пріятномъ, но мимолетномъ.

Его занимали предстоявшіе выборы въ палату депутатовъ, и всѣ его помыслы были теперь сосредоточены на событіяхъ политическихъ. Дѣло въ томъ, что онъ выступалъ кандидатомъ, но партія свободомыслящихъ сильно колебалась, поддерживать ли его кандидатуру. На прошлыхъ выборахъ онъ уже выступалъ кандидатомъ, но тогда общественное мнѣніе было еще настолькоъ противъ него, что даже и онъ самъ нисколько не удивился, когда его забаллотировали на предварительной баллотировкѣ. Теперь обстоятельства были благо-

пріятнѣе, но, однако ненастолько, чтобы можно было предсказать успѣхъ.

Писателю вредили его романы. Его считали гениальнымъ мечтателемъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, полагали, что въ немъ нѣтъ качествъ серьезнаго государственнаго человѣка, и даже находили, что онъ заходитъ слишкомъ далеко въ своемъ стремленіи къ обновленію всего строя нынѣшней общественной и соціальной жизни. Онъ подходилъ ближе всего къ либераламъ; но во многихъ отношеніяхъ и социалисты могли его считать однимъ изъ своихъ... Притомъ, онъ считался преданнымъ сторонникомъ норвежцевъ, почему и одобрялъ такіе ихъ поступки, которые возмущали всѣхъ шведовъ. Многое прощалось ему, какъ талантливому писателю; но, когда рѣчь заходила о допущеніи его въ парламентъ, гдѣ онъ могъ приложить на практикѣ свои крайнія стремленія, большинство оказывалось противъ него.

Впрочемъ, въ послѣднее время, замѣчали, что онъ сталъ умѣреннѣе; притомъ, его взгляды успѣли привиться къ возмужавшей молодежи, и въ нѣкоторыхъ литературныхъ кружкахъ даже шла рѣчь объ основаніи специальной газеты для распространенія его взглядовъ и проведенія его самого въ палату.

Ему предстояло много разъ появляться передъ избирателями, чтобы высказать свой образъ мыслей, и онъ былъ занятъ съ утра до вечера, то приготовленіемъ рѣчей, то посѣщеніями вліятельнѣйшихъ избирателей, съ которыми необходимо было сталеживаться.

Одинъ изъ наиболѣе выдающихся членовъ партіи свободомыслящихъ былъ Антонъ Валеріусъ, директоръ большой Бальдерской типографіи, старый другъ Сета Бурмана. Хотя Валеріусъ и былъ нѣсколькими годами моложе Бурмана, но между ними установились вполне товарищескія отношенія, возникшія еще нѣсколько лѣтъ назадъ, когда они оба сотрудничали въ одной и той же газетѣ, и удержавшіяся не смотря на различные жизненные пути обоихъ. Въ ихъ характерахъ и образѣ мыслей было мало общаго, что подавало поводъ къ постояннымъ спорамъ между ними; но взаимное уваженіе и привычка скрѣпляли старую дружбу. Притомъ, въ послѣднее время, съ тѣхъ поръ, какъ Валеріусъ былъ избранъ компаніонами директоромъ типографіи, между пріятелями возникли и дѣловыя отношенія, такъ какъ Бурманъ сталъ печатать свои книги въ Бальдерской типографіи. Передъ выборами они стали видаться почти ежедневно.

Однажды, послѣ обѣда, у Бурмана оказалось спѣшное дѣло къ Валеріусу, но послѣдняго не оказалось ни дома, ни въ типографіи, ни въ ресторанахъ, которые онъ имѣлъ обыкновеніе посѣщать. Даромъ потративъ время на поиски товарища—раздосадованный Бурманъ уже пошелъ домой, какъ вдругъ, неподалеку отъ своего крыльца, увидѣлъ Валеріуса съ господиномъ Скогомъ.

У негоціанта были дѣла съ типографіей, и сегодня, пообѣдавъ съ Валеріусомъ въ ресторанѣ, онъ пригласилъ его къ себѣ, чтобы познакомить со своимъ семействомъ. Они шли къ дому Скога. Услышавъ, что Бурману необходимо переговорить съ своимъ другомъ, вѣжливый Скогъ поспѣшилъ пригласить къ себѣ и его. Тотъ принялъ приглашеніе тѣмъ охотнѣе, что былъ не въ духѣ, и хотѣлъ разсѣяться.

Они продолжали путь втроемъ, и черезъ нѣсколько минутъ были въ квартирѣ Скога, гдѣ лампы оказались уже зажжены, а дамы—въ полномъ туалетѣ, такъ какъ Скогъ успѣлъ предупредить жену изъ ресторана по телефону.

Гертрудъ встрѣтила гостей очень радушно, но Валеріусъ, съ его буржуазной наружностью, свѣтлоглазыми глазами, свѣтлой бородкой и съ скромной привѣтливостью добродушнаго толстяка—не произвелъ на нее никакого впечатлѣнія. Зато Бурманъ заинтересовалъ ее сразу, и, насколько позволяли приличія, она обращалась почти исключительно къ нему, усадила его рядомъ съ собой и завладѣла имъ на весь вечеръ.

Съ первыхъ же словъ она рассказала ему, съ какимъ восхищеніемъ читала его сочиненія, и какъ счастлива, что можетъ, наконецъ, познакомиться съ нимъ лично.

— Можете смѣяться, сколько хотите, — сказала она; — но я просто сердилась на васъ! Не жестоко ли заинтересовать людей своими книгами, жить съ ними бокъ-о-бокъ и предоставлять имъ угадывать васъ только по вашимъ сочиненіямъ!

Какъ и слѣдовало ожидать, Сеть Бурманъ былъ польщенъ. Онъ принялъ ея похвалы съ самодовольной улыбкой, но въ то же время сумѣлъ отвѣтить любезностями, видимо, находя ее очень милой.

— Не знаю, хорошо ли, что такъ откровенно говорю съ вами, — продолжала она съ притворной застѣнчивостью, разглядывая носокъ своей ботинки, — но, право, я не разъ придумывала самые сложные планы, чтобы заманить васъ къ намъ...

— Почему же вы не привели эти планы въ исполненіе?

— Я не рѣшалась...

Между тѣмъ, хозяинъ дома сидѣлъ съ Валеріусомъ у стола и приготовлялъ тодди. На его неоднократныя приглашенія присоединиться къ нимъ, Бурманъ отвѣчалъ „сейчасъ“, но не трогался съ мѣста. Его стаканъ простылъ; онъ забылъ даже о своемъ спѣшномъ дѣлѣ къ Валеріусу. Ему было весело въ обществѣ молодой женщины, а когда ему бывало весело, онъ вполне отдавался такому порыву.

Любезность хорошенькой барыни льстила ему. Ея живость и хватка шаловливаго котенка его забавляли. Онъ съ такимъ интересомъ выслушивалъ ея шутки, такъ внимательно слѣдилъ за ея подвижной мимикой, что можно было подумать, что онъ изучаетъ въ ней характерныя черты для какой-нибудь роли въ будущей комедіи.

Вдругъ дверь раскрылась, и въ гостиную вошла Гильдуръ. Бурманъ, сидѣвшій неподалеку отъ дверей, поднялся съ мѣста и раскланялся очень вѣжливо; онъ даже еще разъ поблагодарилъ ее за недавнія хлопоты; но поклонъ его былъ только учтивъ, а благодарность звучала какъ-то неискренне.

Это подѣйствовало на Гильдуръ, какъ холодный душъ. Появившаяся было краска на щекахъ исчезла; свѣтское самообладаніе взяло верхъ... Она спокойно отвѣтила на поклонъ и прошла къ столу, гдѣ и былъ ей представленъ директоръ Валеріусъ.

Черезъ минуту, оглянувшись на Бурмана, она увидѣла, что онъ уже опять сидитъ возлѣ хозяйки дома, внимательно слушаая ея болтовню и поигрывая кистью отъ диванной подушки, на которую она опиралась.

Гильдуръ прикусила губу. Ей было досадно, что она оказалась такой романтической дурочкой—какъ могла она предположить, что этотъ надменный человѣкъ обратилъ на нее какое-то особенное вниманіе! вмѣстѣ съ тѣмъ въ ней поднялось и нѣкоторое разочарованіе въ томъ, что „великій человекъ“ ухаживалъ за веселой хозяйкой дома точь-въ-точь, какъ обыкновенные гости изъ коммерческой среды... И она усѣлась подлѣ брата и Валеріуса, твердо рѣшившись не думать больше о писателѣ.

Валеріусъ оказался занимательнымъ собесѣдникомъ. Онъ умѣлъ рассказывать и обладалъ юморомъ. Съ нимъ было какъ-то легко, и Гильдуръ безъ принужденія смѣялась его остроумамъ. Но ей никакъ не удавалось забыться, и сознаніе испытаннаго униженія безпрестанно возвращалось къ ней.

И такъ, эта неожиданная встрѣча съ „нимъ“ у изголовья больной старухи, это приключеніе, нарушившее утомительное однообразіе ея жизни—быль пустякъ! Можетъ быть, она даже сказала тогда что-нибудь лишнее, давшее поводъ считать ее дурочкой? Она пробовала припомнить все, что говорила тогда, и нѣкоторыя выраженія показались ей теперь до такой степени бессмысленными, что становилось вполне понятнымъ, почему онъ пренебрегаетъ ею. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ ставить ему въ вину, что онъ предпочелъ веселую и находчивую Гертрудъ дѣвушкѣ, которая умѣетъ только теряться и болтать безсмыслицу!

По временамъ поглядывала она въ его сторону, и чувство самоуниженія смѣнялось прежнимъ порывомъ оскорбленнаго самолюбія.

„Не ожидала я, что и его одурачить эта маленькая кокетка!“—думала она въ такія минуты.

Но вотъ Гертрудъ встала. Ей пришло въ голову, что, можетъ быть, Лена ожидаетъ дома отца... Въ порывѣ сочувствія одинокой дѣвушкѣ, она вышла изъ гостиной и послала спросить, не угодно ли ей придти сюда поужинать съ отцомъ и ея хорошимъ знакомымъ—директоромъ Валеріусомъ.

Дѣвушка не заставила себя упрашивать и явилась очень скоро. Ее встрѣтили радушно. Отецъ улыбнулся ей и смотрѣлъ на дочь, видимо гордясь ею; Гертрудъ усадила ее подлѣ себя на диванѣ, предложивъ Бурману кресло рядомъ. Бесѣда возобновилась.

Теперь Бурманъ говорилъ почти исключительно о дочери. Ему, видимо, доставляло удовольствіе рассказывать маленькіе эпизоды изъ ея дѣтства, какъ онъ терзался, когда она бывала больна, какъ много она значитъ въ его жизни, какъ она поумнѣла, развилась, какъ онъ можетъ рассуждать съ нею о самыхъ серьезныхъ вещахъ, какъ хорошо ведетъ она хозяйство, какъ нѣжно ухаживаетъ за отцомъ. Наконецъ, онъ склонился къ госпожѣ Скогъ и сказалъ, улыбаясь:

— Это послѣдній цвѣточекъ моей весны!

Между тѣмъ „цвѣточекъ“ улыбался, только изъ вѣжливости, молча, устремляя большіе, красивые глаза куда-то въ пространство, стараясь не встрѣчаться взглядомъ съ тѣми, которые ее разсматривали. Къ похваламъ отца она относилась спокойно, какъ къ чему-то привычному; когда же онъ требовалъ отъ нея подтвержденія своихъ словъ, она смѣялась короткимъ смѣхомъ и говорила только: „О!“ или „О, нѣтъ“.

*

Дверь въ столовую распахнулась, и прислуга доложила, что ужинъ поданъ.

Въ столовой, у закусочнаго стола, пока хозяинъ дома наливаль водку, а дамы были на нѣкоторомъ разстояніи, очутившіяся возлѣ Валеріуса, Бурманъ, прошепталь:

- Восхитительная дамочка!
- Да-а... Пожалуй!—согласился тотъ.
- Ты, однако, очень разборчивъ!
- Не менѣ тебя. Я тоже остался очень доволенъ.
- Здѣсь?
- Конечно!

Бурманъ взглянулъ по направленію взгляда Валеріуса и замѣтилъ Гильдуръ, которая разставляла приборы на большомъ столѣ. Ярко освѣщенная лампой, ея красивая головка, склоненная надъ столомъ и увѣнчанная густыми, темными волосами, эффектно выдѣлялась на бѣлой скатерти.

— Н...да, она тоже недурна!—замѣтилъ Бурманъ равнодушно.

За столомъ Валеріусу, какъ спеціально приглашенному гостю, пришлось сидѣть возлѣ хозяйки дома, а Лену, разумѣется, посадили подлѣ хозяина. Такимъ образомъ, Бурманъ очутился рядомъ съ Гильдуръ. Однако, это ни къ чему не привело, такъ какъ, по малочисленности ужинающихъ, разговоръ велся общій, и Бурману почти не приходилось говорить со своей дамой отдѣльно.

Тѣмъ не менѣ, она все болѣе и болѣе приковывала къ себѣ его вниманіе. Въ ней не было той живости и находчивости въ шутливой бесѣдѣ, которой отличалась Гертрудъ; но зато во всемъ, что она ни говорила, были глубина и оригинальность, а когда она молчала, за нее говорили глаза и выразительное лицо. Притомъ, въ ней была какая-то особенная, привлекательная задумчивость.

Послѣ ужина господинъ Сгогъ попросилъ сестру сыграть что-нибудь на роялѣ.

— Не знаю, доставить ли это удовольствіе другимъ?—замѣтила она нерѣшительно; но гости поддержали просьбу хозяина, и она сѣла за рояль.

Она сыграла одинъ изъ вальсовъ Шопена. Какъ жемчугъ, полились изъ подъ пальцевъ звуки, нѣжные, и въ то же время чистые, какъ хрусталь. Она играла съ душой и съ такимъ искусствомъ, что сразу видно было, что это не простая любительница музыки.

Окончивъ пьесу, она оглянулась на Сета Бурмана. Онъ сидѣлъ неподвижно, откинувшись на спинку кресла, скрестивъ руки на груди и съ какимъ-то растроганнымъ выраженіемъ въ лицѣ.

По просьбѣ остальныхъ слушателей, Гильдуръ сыграла еще двѣ, три пьесы; затѣмъ встала и отошла отъ рояля. Бурманъ попрежнему сидѣлъ на своемъ мѣстѣ, точно въ забытѣ. Но вотъ, не слыша болѣе музыки, онъ очнулся, всталъ съ кресла и, оглянувшись, подошелъ къ Гильдуръ.

— Что вы играли?—спросилъ онъ, садясь возлѣ нея.

Она назвала довольно извѣстныя пьесы и посмотрѣла на него съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ.

— Да, да!—сказалъ онъ, улыбаясь.—Я большой невѣжда въ музыкѣ, но я ее люблю. Звуки окрыляютъ мысль. Ихъ легкость и гармонія передаются мышленію, и человекъ уносится такъ высоко... Хорошо бываетъ иногда оторваться отъ этой земли.

— Да, кому хочется помечтать, тому нужна музыка,—согласилась Гильдуръ.

— Къ счастью, не нужно быть музыкантомъ, чтобы наслаждаться музыкой и мечтать подъ ея звуки!—продолжалъ онъ, улыбаясь.—У Лены тоже есть способности въ музыкѣ. Она давно уже не беретъ уроковъ, но еще не забыла играть и нѣкоторыя вещи играетъ недурно. Послѣ обѣда я имѣю обыкновеніе выкуривать на своемъ диванѣ сигару и всегда прошу ее сыграть мнѣ что-нибудь. Это мой отдыхъ!

И онъ поздравлялъ дочь.

Дѣвушка закрыла альбомъ, который разсматривала и подошла къ отцу.

— Лена,—сказалъ онъ,—сыграй „Alpenlieder“ (альпійскія пѣсни), которыя ты знаешь наизусть. Я хочу похвастаться тобой.

— Нѣтъ, нѣтъ, милый папа! Какъ можно!—вскричала она съ непритворнымъ испугомъ.

Выраженіе его лица сразу измѣнилось.

— Ты знаешь, я не люблю кривлянья!—сказалъ онъ почти жестко.

Лена оглянулась, точно моля о помощи, и опять жалобно посмотрѣла на отца. Лицо его оставалось серьезнымъ и непреклоннымъ. Тогда она медленно подошла къ роялю, дрожащей рукой поправила волосы и опустилась на табуретъ.

Гильдуръ почувствовала состраданіе къ смущенной дѣ-

вущѣ. Она даже хотѣла было вступить за нее, но во-время сообразила, что такое вмѣшательство можетъ только оскорбить отца и врядъ ли поможетъ дочери.

Лена заиграла. Въ ея пальчихахъ не было ни силы, ни бѣглости, а теперь эти пальцы еще дрожали. Изъ подъ клавишъ вылетали неровные, нечистые аккорды. Умѣнья не было никакого. Но все-таки замѣтенъ былъ талантъ, а мѣстами, гдѣ не было техническихъ трудностей, она играла съ неподдѣльнымъ чувствомъ.

Но она не заблуждалась насчетъ своей игры, и, когда, по окончаніи пьесы, всѣ собрались вокругъ поблагодарить и ободрить ее, у нея былъ очень жалкій видъ. Бѣдняжка хорошо сознавала, что ее хвалятъ только изъ состраданія, и что ея игра не стоитъ никакого вниманія.

Зато, когда подошла Гильдуръ и ласково взяла ее подъ руку, сказавъ просто: „Вы играете съ большимъ чувствомъ“, Лена взглянула на нее съ благодарностью и вся просіяла, потому что эта похвала показалась ей искреннею.

Отецъ Лены былъ непритворно доволенъ и польщенъ успѣхомъ дочери. Онъ съ гордостью поглядывалъ на нее, выразилъ ей свое благоволеніе и пустился въ серьезное обсужденіе съ Гильдуръ о томъ, что надо сдѣлать для усовершенствованія таланта Лены. По его мнѣнію, она была еще недостаточно подготовлена, чтобы брать уроки у настоящаго артиста; съ другой стороны, плохіе уроки могли принести больше вреда, чѣмъ пользы...

Гильдуръ обѣщалась поискать хорошую преподавательницу музыки и стала соображать, къ кому бы обратиться, какъ вдругъ ей пришло въ голову, что вѣдь сама она не знаетъ иногда, куда дѣвать свободное время. Почему бы ей самой, пока не позаняться музыкальнымъ образованіемъ Лены, которая заинтересовала ее, и съ которой она была не прочь познакомиться покороче?

— А пока мнѣ не удастся прискать подходящей учительницы,— сказала она Бурману,—я могла бы предложить вамъ... т.-е. я сдѣлала бы это, если бы не опасалась...

Она сопровождала слова улыбкой, по которой Бурманъ сразу угадалъ, кого она хочетъ предложить...

— Предложить кого?—спросилъ онъ.—Развѣ у васъ есть уже кто-нибудь на примѣтѣ?

— Предложить себя, если мои услуги чего-нибудь стоятъ.

— Вы говорите это серьезно?

— Конечно. Я думаю, Гертрудъ не будетъ ничего имѣть противъ того, чтобы мы играли здѣсь съ вашей дочерью по утрамъ...

Гертрудъ стала увѣрять, что не только ничего противъ этого не имѣетъ, но, наоборотъ, ей даже доставить истинное удовольствіе услужить сосѣдямъ. Добродушной барынькѣ въ самомъ дѣлѣ всегда бывало пріятно кому-нибудь угодить.

— Такъ что же, согласны?—спросила Гильдуръ, обращаясь къ Ленѣ и ласково беря ее за руку.—Заходите по утрамъ, и я помогу вамъ играть, насколько умѣю.

Лена нерѣшительно поглядывала то на нее, то на отца. Докторъ Бурманъ какъ-то тоже смѣшался и вертѣлъ въ рукахъ внигу, которую взялъ со стола.

— Это слишкомъ любезно съ вашей стороны! — проговорилъ онъ, поднимая на Гильдуръ странный, серьезный, взглядъ.—Мы не можемъ до такой степени злоупотреблять вашей добротой..

Сказавъ это, онъ улыбнулся и шутливо покочалъ головой, но въ то же время во взглядѣ у него появилось выраженіе такого чувства собственнаго достоинства, что Гильдуръ не рѣшилась настаивать.

— Это не составитъ для меня ни малѣйшаго труда,— сказала она.—Но, впрочемъ, я завтра же постараюсь найти учительницу.

Гертрудъ съ мужемъ попытались было уговорить Бурмана, но онъ отдѣлывался общими фразами, а Гильдуръ нисколько не поддерживала своего предложенія, и пришлось перевести разговоръ на что-нибудь другое.

Однако, черезъ нѣсколько времени Бурманъ подошелъ къ Гильдуръ, складывавшей въ эту минуту ноты у рояля, и сказалъ, улыбаясь:

— Что вы подумаете о моей стойкости, если я признаюсь, что уже передумалъ? Я принимаю ваше предложеніе, m-lle Скогъ, и дѣлаю это съ благодарностью, съ величайшей благодарностью...

— Вотъ это пріятно слышать!—вскричала Гильдуръ.

— И знаете, почему я это дѣлаю?

— Нѣтъ.

— Повѣрьте, не изъ расчета доставить Ленѣ хорошіе уроки...

— Вотъ какъ? Вы не считаете меня способной...

— Напротивъ, я очень высокаго мнѣнія о вашемъ та-

лантъ и угадываю въ васъ образцовую преподавательницу. Но все-таки не ради вашего искусства...

Онъ не докончилъ рѣчи и отквашлялся.

— Не ради искусства? Такъ почему же?—спросила она.

— Ради васъ самихъ.

— Ради меня?—вскричала она съ недоумѣніемъ.

— Да, ради васъ. Моя бѣдная дѣвочка совсѣмъ одинока... Вѣдь мнѣ приходится замѣнять ей и мать, и братьевъ, и сестеръ. Не могу же я выполнить такой задачи! Вы понимаете? Нельзя же быть всѣмъ, чѣмъ пожелаешь. Жаль бѣдняжки! У нея нѣтъ никого... во всякомъ случаѣ, ни одной подруги. Вотъ почему я и обращаюсь къ вамъ.

Гильдуръ пристально смотрѣла на него. Она не могла сказать, что именно измѣняло въ эту минуту его лицо, но теперь онъ былъ положительно красивъ, даже красивѣе всякаго другого... Его просьба звучала въ ея ушахъ какъ довѣрчивая жалоба,—жалоба, въ которой онъ излилъ свою душу и оплакивалъ двѣ сломленныхъ жизни, свою и своей дочери. И этотъ гордый человѣкъ долженъ выпрашивать сочувствія даже не къ себѣ, а къ своему бѣдному ребенку...

— Я счастлива, что могу быть вамъ полезна, — проговорила она не совсѣмъ твердо.—Но особенно меня радуетъ, что вы соглашаетесь ради этого...

— Спасибо!

— Только, можетъ быть, вы ошибаетесь въ моей способности... Это вѣдь большое довѣріе...

— Не думаю, чтобы я ошибался,—сказалъ онъ съ убѣжденіемъ и, помолчавъ, вернулся къ остальному обществу.

Еще нѣкоторое время продолжалась непринужденная бесѣда. Наконецъ, гости поднялись и стали прощаться. Тутъ только Бурманъ вспомнилъ, что такъ и не переговорилъ съ Валеріусомъ о дѣлахъ, но, смѣясь, прибавилъ, что проводить его до квартиры и поговорить съ нимъ по дорогѣ.

Въ прихожей Валеріусъ обратился къ Гильдуръ:

— Оказывается, госпожа Скогъ и я оба очень любимъ ѣздить верхомъ,—сказалъ онъ.—Говорятъ, и вы хотите заняться осенью верховой ѣздой?

— Да, я хочу кататься.

— Не позволите ли быть вашимъ кавалеромъ?

— Благодарю васъ, это будетъ очень пріятно,—отвѣтила она разсѣянно.

— Придется только обождать, чтобы просохли дороги...

— Это будетъ еще не скоро.

— Вооружитесь терпѣніемъ.

— Потерпимъ,—улыбнулась она, но тотчасъ же опять впала въ разсѣянность. У нея не выходили изъ головы слова Сета Бурмана объ одиночествѣ его дочери и взглядъ, которымъ сопровождались эти слова.

— Во всякомъ случаѣ, благодарю васъ. Я вѣдь терпѣливъ!—прибавилъ Валеріусъ.

Гильдуръ взглянула на него, и теперь только замѣтила слегка ироническую улыбку, которой сопровождались его слова. Ей пришло въ голову, что въ разсѣянности она была недостаточно вѣжлива съ нимъ, и она поспѣшила исправить ошибку хоть любезностями при прощаніи. Но это ей не вполнѣ удалось, и когда онъ выходилъ изъ дверей, на губахъ его попрежнему играла насмѣшливая улыбка.

Впрочемъ, она тотчасъ же забыла объ этомъ. Она была слишкомъ поглощена размышленіями о счастливомъ мгновеніи, когда ей представилась возможность заглянуть въ глубь великой души, чтобы задумываться о мелочахъ.

IV.

— Что ты будешь дѣлать сегодня вечеромъ?—спросила мужа Гертрудъ черезъ нѣсколько дней, послѣ обѣда за десертомъ. Очевидно, она собиралась предложить ему ѣхать въ театръ, или какое-нибудь другое удовольствіе.

Негоціантъ отложилъ салфетку въ сторону.

— Я думалъ идти на избирательную сходку, — сказалъ онъ.— Интересно послушать рѣчь Бурмана.

Гертрудъ сдѣлала недовольную гримаску и пробормотала что-то о непостижимости „такихъ“ удовольствій. Но мужъ не обратилъ на ея слова ни малѣйшаго вниманія.

— И знаете что? — прибавилъ онъ. — По моему, ты и Гильдуръ можете идти со мной.

Разумѣется, такое предложеніе было принято молодой женщиной, какъ совершенная нелѣпость. Слыханное ли дѣло, чтобы дамы ходили на избирательныя сходки? Чего добраго, ихъ даже не пустать туда!

Но Скогъ не такъ-то легко отказывался отъ своихъ плановъ. Онъ увѣрялъ, что Бурманъ, Валеріусъ или кто-нибудь другой изъ членовъ свободомыслящей партіи, легко можетъ найти имъ какой-нибудь укромный уголокъ въ залѣ,

а то и въ комнатѣ, рядомъ съ залой, гдѣ дамы могутъ расположиться у открытыхъ дверей...

Послѣ долгихъ преній Гертрудъ, единственная противница проекта, уступила. Въ концѣ концовъ ее начинала даже увлекать новизна времяпрепровожденія. И, положившись на удачу осуществленія проекта, дамы одѣлись, и пошли вмѣстѣ съ господиномъ Скогомъ.

Уже передъ домою, гдѣ назначена была сходка, оказалась такая толпа, что не безъ труда удалось проникнуть въ зданіе. Потомъ дамамъ пришлось довольно долго стоять прижатыми въ стѣнѣ, пока негоціантъ прінскиваль имъ мѣста... Но дальше все пошло хорошо.

Ихъ провели въ маленькую комнатку, изъ которой двери въ залу оставались раскрытыми, и гдѣ было особенно удобно слушать, такъ какъ каеэдра стояла въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дверей. Притомъ, комната эта была оставлена для кандидатовъ и распорядителей сходки,—такъ что самыхъ интересныхъ людей можно было видѣть вблизи.

Гильдуръ съ Гертрудъ притихли въ занятомъ уголку, дѣлая видъ, что смотрятъ въ окно, чтобы не видѣть любопытныхъ взглядовъ, которыми окидывали ихъ незнакомые люди. Но вдругъ подлѣ нихъ раздался знакомый голосъ:

— Какъ? И вы здѣсь? Здравствуйте!

Передъ ними, улыбаясь, стоялъ Бурманъ. Онъ понималъ, что дамы пришли только ради него, и былъ доволенъ.

Онъ сталъ расхваливать ихъ за сочувствіе общественнымъ дѣламъ родины, пересадилъ ихъ на болѣе удобныя мѣста, и, вообще, взялъ дамъ подъ свое особое покровительство.

Между тѣмъ, въ залѣ давка все увеличивалась. Распорядители суетились, заботясь о сохраненіи порядка. Наконецъ, сходка была объявлена открытой. Послѣ выборовъ предсѣдателя и секретаря, начались пренія. Рѣчи говорились о вещахъ, мало знакомыхъ дамамъ, и Гертрудъ все время зѣвала; Гильдуръ, больше читавшая газеты, была внимательнѣе, но и ее утомили разсужденія все объ одномъ и томъ же. Наконецъ, произнесено было имя Бурмана, и онъ вошелъ на каеэдру.

Стоя, на возвышеніи, онъ казался больше всѣхъ другихъ въ залѣ. Онъ уперся рукой о край каеэдры и окинулъ собраніе такимъ взоромъ, что, казалось, этотъ взоръ проникалъ въ душу каждому. И всѣ до одного почувствовали на себѣ обаяніе этого сильнаго человѣка. Въ залѣ воцарилась мертвая тишина.

Онъ заговорилъ отчетливымъ, сильнымъ голосомъ. и въ художественно отдѣланной рѣчи сталъ развивать свои взгляды на современную политику. Онъ говорилъ увлекательно, и отъ времени до времени рукоплесканія прерывали его рѣчь. Вниманіе слушателей не ослабѣвало, и впечатлѣніе, производимое ораторомъ, было наилучшее, пока онъ не коснулся норвежскаго вопроса. Тутъ появилось въ слушателяхъ нѣкоторое безпокойство, видимо, вызванное явными симпатіями оратора къ крайней лѣвой сторонѣ норвежской палаты. Но онъ не обратилъ вниманія на ропотъ и продолжалъ съ прежнимъ краснорѣчіемъ. Затѣмъ онъ пріостановился, точно собираясь съ силами, и перешелъ къ послѣднимъ двумъ пунктамъ программы,—вопросамъ о восьми-часовомъ рабочемъ днѣ и о распространеніи трезвости.

Слушатели удвоили вниманіе, и лица ихъ начали омрачаться, когда стала выясняться точка зрѣнія кандидата. Эти взгляды теперь расходились съ общественнымъ мнѣніемъ болѣе, чѣмъ когда-либо. Но на этотъ разъ онъ отказывался содѣйствовать проведенію какихъ бы то ни было законовъ, касающихся этихъ вопросовъ. Онъ утверждалъ, что подобнаго рода законы являются прямымъ посягательствомъ на свободу.

Едва онъ произнесъ эти слова, какъ по всей залѣ пронесся ропотъ негодованія, и раздалось даже нѣсколько свистковъ.

Бурманъ спокойно продолжалъ излагать свои доводы. Соглашаясь, что во многихъ случаяхъ законъ о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ могъ бы примѣняться съ большой пользой, онъ брался, даже поддерживать этотъ законъ, если согласятся примѣнять его только въ отдѣльныхъ случаяхъ, какъ исключеніе. Но общимъ закономъ видѣть его онъ не желалъ, такъ какъ это значило бы поступиться наивысшимъ человѣческимъ благомъ, принципомъ личной свободы. Люди неодинаковы, и ихъ потребность въ отдыхѣ столь же неодинакова; притомъ, различный трудъ требуетъ и различной степени напряженія, а слѣдовательно, и различной продолжительности рабочаго дня. Обобщеніе тутъ невозможно, и общій законъ принесъ бы только больше вреда, чѣмъ пользы. То же самое можно сказать и о распространеніи трезвости. Отдѣльныя общества могутъ работать на этомъ поприщѣ съ большой пользой, но законодательству не слѣдуетъ въ это вмѣшиваться. Нельзя стѣснять большинства людей ради вытрезвленія нѣсколькихъ пьяницъ! Нельзя пускаться въ неизслѣдованные пути: эти пути ведутъ иногда и назадъ, а не впередъ!

Нѣсколько разъ его голосъ покрывался шумными протестами и свистками избирателей, а онъ все говорилъ, и говорилъ.

Гильдуръ въ волненіи поднялась, схватившись за косякъ дверей. Бурманъ въ эту минуту казался ей почти сверхъестественнымъ существомъ: — такъ твердъ и могучъ онъ былъ въ борьбѣ съ цѣлой толпой, негодованіе которой возрастало съ каждой минутой.

Впрочемъ, кое-гдѣ раздавались и рукоплесканія, и эти знаки ободренія отдѣльныхъ сторонниковъ оратора приводилъ ее въ восторгъ. Она не могла допустить мысли, что онъ неправъ, хотя и не имѣла яснаго понятія о разсматриваемыхъ вопросахъ. Онъ долженъ быть правъ, потому что все, что онъ ни говоритъ, выходитъ такъ послѣдовательно и убѣдительно!

Но каково же стоять одному противъ столькихъ, — стоять, и оставаться спокойнымъ! Въ этомъ было что-то величественное! Конечно, придетъ время, и онъ убѣдитъ всѣхъ этихъ противниковъ такъ же легко, какъ убѣдилъ и ее. Тогда-то и они прозрѣютъ... Но сама она уже прозрѣла и оцѣнила истину, и она гордилась этимъ!

Наконецъ, рѣчь кончилась, и ораторъ сошелъ съ каеэды, привѣтствуемый жидкими аплодисментами однихъ и громкими выраженіями неудовольствія другихъ. Между избирателями поднялись горячія пренія. Самого Бурмана окружила толпа сторонниковъ и противниковъ, требовавшихъ разъясненій. Всѣ были такъ возбуждены, что слѣдующихъ ораторовъ уже никто и не слушалъ.

Гильдуръ и Гертрудъ тоже потеряли всякій интересъ къ дальнѣйшимъ рѣчамъ. Гертрудъ даже застегнула пальто, предложивъ мужу сейчасъ же идти домой. Но Скогъ не хотѣлъ уходить, пока съ своей стороны не успѣетъ выразить своего сочувствія Бурману.

Толпа вокругъ послѣдняго все росла и росла, такъ что добраться до него не представлялось никакой возможности, и негоціантъ рѣшился было отказаться отъ своего намѣренія, когда къ нимъ подошелъ Валеріусъ. Завязался оживленный разговоръ о значеніи сегодняшней сходки, и Скогъ предложилъ поужинать всѣмъ вмѣстѣ въ ближайшемъ ресторанѣ. При выходѣ ихъ на улицу появился и только-что вырвавшійся изъ толпы Бурманъ. Онъ былъ еще весь красный отъ возбужденія, и глаза его горѣли. Увидѣвъ знакомыхъ, онъ сейчасъ же присоединился къ нимъ, очевидно, желая отвязаться отъ надоѣдавшихъ ему спорщиковъ, а узнавъ, что общество на-

правляется поужинать въ ресторанъ, вскричалъ, что это прекрасная идея, пожелалъ принять участіе въ ужинѣ и, предложивъ руку Гильдуръ, пошелъ за остальными.

— Не соскучились ли вы на сходѣ?—спросилъ онъ, склоняясь къ ней, такъ какъ, не смотря на ея порядочный ростъ, былъ на цѣлую голову выше ея.

— Нѣтъ, было очень интересно!—сказала она.— По крайней мѣрѣ, все то, что я поняла.

— А чего же вы не поняли?

— Да почти все, кромѣ...

— Кромѣ?

— Кромѣ того, что говорили вы.

Бурманъ обернулся къ Скогу.

— Вотъ это я называю лестнымъ критическимъ отзывомъ!— вскричалъ онъ, смѣясь.

— Но это зависитъ отъ пониманія критика! — замѣтилъ Скогъ, и сна поспѣшила присоединиться къ мнѣнію брата, сомнѣвавшася въ ея компетентности въ политикѣ.

Но послѣ учиненнаго ей Бурманомъ шутливаго вопроса, когда оказалось, что она дѣйствительно поняла его рѣчь, хотя и не имѣла до того времени опредѣленныхъ политическихъ взглядовъ, писатель объявилъ себя еще болѣе удовлетвореннымъ.

— Оказывается,—сказалъ онъ,— что m-lle Скогъ не имѣла предвзятаго мнѣнія и, слѣдовательно, могла быть столь же легко убѣждена моими противниками, какъ и мною. И я убѣдилъ ее! Отлично! Развѣ изъ этого не слѣдуетъ, что проводимыя мною идеи ясны, какъ день?

Гильдуръ радостно взглянула на него.

— Вы убѣдили не одну меня, а очень многихъ,—сказала она.— Это я хорошо замѣтила. А убѣждать людей, это значитъ быть правымъ.

— Нѣтъ, это значитъ только побѣждать!—усмѣхнулся онъ.

Все его необъятное властолюбіе такъ и выразилось въ этомъ отвѣтѣ. Но его нравственная сила дѣйствовала на нее такъ обаятельно, что, не смотря на природную склонность относиться ко всему критически, она слѣпо преклонялась передъ нимъ.

Между нимъ и ея братомъ завязался серьезный разговоръ. Теперь политика уже интересовала ее, и временами она вставляла даже свои замѣчанія. Но она дѣлала это чрезвычайно осторожно, почти робко, опасаясь высказать что-нибудь наивное, и въ душѣ даже желала, чтобы поскорѣе перешли къ разговору

менѣе трудному. Однако, такому желанію не скоро суждено было осуществиться, и разговоръ о политикѣ продолжался всю дорогу до самаго ресторана, даже и въ ресторанѣ, когда уже заняли мѣста и заказали ужинъ.

Но вотъ подошелъ лакей и подалъ доктору Бурману визитную карточку отъ норвежскаго министра Фремгарда, прибавивъ, что „господинъ министръ сидитъ у противоположной стѣны, на диванѣ, и желалъ бы поговорить съ докторомъ“.

Бурманъ мелькомъ взглянулъ на карточку и, извинившись передъ дамами, подошелъ къ сидѣвшему сановнику. Онъ оставался съ нимъ довольно долго и видно было, что министръ разговаривалъ съ нимъ очень оживленно.

Вернувшись къ своему обществу, онъ съ улыбкой сталъ рассказывать о своемъ разговорѣ. Прелюбопытный господинъ этотъ министръ! Онъ просто сгоралъ отъ любопытства узнать подробности сегодняшней сродки и насколько были вѣрны шансы Бурмана на избраніе. Его интересовали также и взгляды Бурмана на разные государственные вопросы, и онъ высказалъ даже надежду, что, когда тотъ будетъ въ палатѣ, то легче будетъ устранить недоразумѣнія, возникшія между обоими народами. Онъ такъ закидывалъ своего собеседника вопросами, что тотъ съ трудомъ отдѣлался отъ него, чтобы вернуться къ ожидавшемуся его обществу... Господинъ министръ, кажется, думалъ, что совсѣмъ обворожилъ Бурмана, и такъ и сыпалъ: „докторъ Бурманъ“, „милѣйшій докторъ Бурманъ“, „несравненный докторъ Бурманъ“...

Рассказывая все это, Сеть Бурманъ не могъ скрыть своего самодовольства. Вѣдь министръ не могъ любезнѣе говорить даже со своимъ будущимъ товарищемъ!

Когда кончили ужинать, Валеріусъ пошелъ въ переднюю, купить въ устроенномъ тамъ кіоскѣ сигаръ. Вернувшись, онъ сказалъ усмѣхаясь и берясь за свою рюмку.

— Сейчасъ я вамъ расскажу кое-что очень смѣшное! За твое здоровье, Сеть, надежда Норвегіи!

— Спасибо, — отвѣтилъ Бурманъ. — Ничего не имѣю противъ такого прозвища. Норвежскій министръ не опровергъ бы его...

— Конечно, конечно.. Я только-что видѣлъ этого министра въ передней!..

— Какъ? Такъ это онъ мнѣ далъ такое прозвище?

— Н-нѣ-ѣтъ, — протянулъ пріятель, едва удерживаясь отъ смѣха. — Я не разговаривалъ съ нимъ, а слышалъ только нѣсколько словъ, которыми онъ обмѣнялся съ консуломъ Верн-

квистомъ. Тотъ спрашивалъ, не былъ ли онъ здѣсь съ господами Сванъ, которыхъ онъ замѣтилъ во второй залѣ. На это министръ отвѣтилъ, смѣясь: „Нѣтъ, слава Богу, я нашелъ средство избѣжать опасности. Я сидѣлъ за столомъ, когда увидѣлъ, какъ эти скучные люди вошли въ переднюю, и, такъ какъ я зналъ, что они присосѣдятся ко мнѣ, если увидятъ, что я одинъ, то и послалъ за довторомъ Бурманомъ, который въ той же залѣ сидѣлъ съ кѣмъ-то. Понимаете? А пока, говоритъ министръ, мы разговаривали съ Бурманомъ, Сванъ прошли во вторую залу, и опасность миновала“.

Всѣ переглянулись. Съ минуту смѣхъ сдерживался уваженіемъ къ Бурману, но затѣмъ хохотъ прорвался неудержимо, и никто уже не могъ оставаться серьезнымъ.

— Такъ-то! — говорилъ Валеріусъ со смѣхомъ. — Вотъ какъ наши братья, норвежцы, справляются съ дипломатическими задачами! Небось, проведутъ кого угодно!

Гильдуръ смѣялась, какъ и другіе. Но смѣхъ замеръ на ея устахъ, когда она замѣтила выраженіе сильнѣйшаго гнѣва въ лицѣ Бурмана, который пробормоталъ только что-то невнятное. Онъ видимо былъ взбѣшенъ тѣмъ, что сдѣлался общимъ посмѣшищемъ.

Однако ему удалось овладѣть собой и могучимъ усиліемъ воли онъ принудилъ себя даже смѣяться вмѣстѣ съ другими.

— А впрочемъ, кто знаетъ? — сказалъ онъ самоувѣренно. — Я вѣдь слишкомъ радиваленъ для этого министра и, можетъ быть, онъ все это придумалъ только для того, чтобы объяснить консулу, свою дружескую бесѣду со мной. Но все-таки хорошо знать, чего люди стоятъ!

Умные глаза Валеріуса пронически устремились сначала на Бурмана, потомъ на Гильдуръ. Но, увидѣвъ серьезное выраженіе ея лица, онъ понялъ, что шутка зашла слишкомъ далеко, и тоже пересталъ смѣяться.

— Пожалуй, — сказалъ онъ, — ты и правъ. Вѣроятно, онъ припелъ семейство Сванъ только для того, чтобы оправдаться въ глазахъ консула.

Господа Скогъ тоже вѣжливо замѣтили, что эта догадка весьма правдоподобна, и заговорили опять о сходкѣ.

Бурманъ сталъ доказывать, что, вопреки свисткамъ и выраженіямъ неудовольствія отдѣльныхъ личностей, общее настроеніе избирателей было за него... даже больше, чѣмъ онъ ожидалъ. Своими противниками онъ считалъ только чистыхъ социалистовъ, а ихъ вѣдь не можетъ быть особенно много.

Скогъ раздѣлялъ это мнѣніе, неизвѣстно, изъ вѣжливости,

или по убѣжденію. Но Валеріусъ не былъ настолько уступчивъ, и сталъ спорить, стараясь разсѣять радужныя надежды пріятеля, которому вѣдь предстояло горькое разочарованіе. По его мнѣнію, большинство избирателей было противъ Бурмана, и не было сомнѣнія, что на слѣдующей сходкѣ всѣ прочіе кандидаты будутъ рѣзко нападать на него, выставляя его противникомъ ограниченія рабочаго дня и мѣръ противъ пьянства.

Онъ не договорилъ еще своей рѣчи, какъ его рѣзко прервалъ Бурманъ.

— Стало быть, я былъ слѣпъ, когда стоялъ лицомъ къ лицу съ моими слушателями?— вскричалъ онъ, гнѣвно сдвигая брови.

— Нисколько, но твои наблюденія могли быть и ошибочны.

— Ошибочны? Нѣтъ, могу тебя увѣрить, что между ораторомъ и слушателями ни на мгновение не прекращается обменъ впечатлѣній, и что это взаимодѣйствіе до того несомнѣнно, что говорящій всегда имѣетъ самое ясное представленіе о настроеніи слушателей. Такія вещи ясны всякому развитому человѣку и непонятны только невѣждѣ!

Валеріусъ попытался было успокоить пріятеля шуткой, но получилъ въ отвѣтъ новыя рѣзкости, и присутствующіе стали опасаться, что друзья поссорятся. Однако, Валеріусъ, ловко перевелъ разговоръ на нейтральную почву, и гроза миновала, хотя Бурманъ еще нѣсколько разъ и выражалъ свое раздраженіе то сарказмомъ, то слишкомъ отрывочнымъ отвѣтомъ на вопросы Валеріуса.

При такихъ условіяхъ оставаться за столомъ становилось не весело, и всѣ поторопились допить кофе, чтобы разойтись по домамъ. Валеріусъ распрощался у выхода изъ ресторана; остальные пошли вмѣстѣ.

Бурманъ шелъ рядомъ съ Гильдуръ, которой онъ оказывалъ явное предпочтеніе съ той минуты, какъ открылъ въ ней неожиданную и понятливую сторонницу его политическихъ идей. Теперь въ его обращеніи съ нею не было и тѣни прежней снисходительности и, высказывая какую-нибудь мысль, онъ всякій разъ взглядывалъ на нее, какъ бы спрашивая, согласна ли она.

Нѣкоторое время они шли молча. Затѣмъ онъ заговорилъ и съ горячностью замкнутого въ себѣ человѣка, который не можетъ больше сдерживать накипѣвшей въ душѣ горечи, сталъ говорить о препятствіяхъ, тормозившихъ его дѣятельность, какъ писателя и политика.

— Обратили вы вниманіе на радость, съ какою иные люди

стаскиваютъ другихъ съ облаковъ?—говорилъ онъ. — Они не переносятъ, чтобы кто-нибудь былъ выше ихъ, вѣрнѣе, они не допускаютъ возможности такого возвышеннаго положенія! Когда кому-нибудь удастся приподняться силой мысли, они кричатъ: „У этого человѣка нѣтъ подъ ногами почвы!“ и до тѣхъ поръ подрываютъ его довѣріе къ своимъ силамъ, пока онъ самъ не усомнится въ нихъ и не свалится къ ихъ ногамъ. Они до того ненавидятъ все возвышенное, что даже отказываются вѣрить въ существованіе высотъ и убѣждаютъ себя, что земля плоска, какъ блинъ! Но есть люди, — прибавилъ онъ торжественно, — которые не могутъ жить на равнинахъ, какъ бы хороша ни была тамъ земля...

— Это очень естественно, — прошептала Гильдуръ.

Она понимала, что Бурманъ говорилъ о Валеріусѣ. Онъ нивакъ не могъ простить другу его шутовъ по поводу министра и противорѣчія въ вопросѣ о выборахъ.

— Но я имъ покажу, что на свѣтѣ есть еще и горы, — продолжалъ онъ съ силой. — Я имъ покажу, что есть такія горы, которыя ближе къ небесамъ, чѣмъ эти грязныя, плоскія улицы!

— Да вѣдь это вы уже сдѣлали! — вскричала она съ энтузіазмомъ. — Ваши книги говорили за васъ. Меня по крайней мѣрѣ вы увлекли кверху гораздо раньше, чѣмъ мы познакомились съ вами.

Онъ съ благодарностью посмотрѣлъ на нее.

— Спасибо вамъ! — проговорилъ онъ мягко. — Хотя вы-то не тянете меня книзу...

— Еще бы! Когда самой хочется наверхъ, не приходитъ и въ голову валить созданныя другими лѣстницы!

Онъ пытливо заглянулъ ей въ глаза и улыбнулся.

— Ну, вотъ, — сказалъ онъ, — съ вашей помощью я и опять на своей горѣ и... спокоенъ! Мнѣ даже стало весело!

Они уже подходили къ дому. Сказавъ какую-то шутку, онъ обогналъ другихъ, взбѣжалъ впередъ по лѣстницѣ и вернулся изъ своей передней съ лампой въ рукахъ. Въ эту минуту онъ былъ оживленъ и веселъ, какъ юноша; отъ только-что минувшей грозы не оставалось и слѣда.

На прощанье онъ крѣпко пожалъ Гильдуръ руку и проговорилъ, понизивъ голосъ:

— Благодарю. Благодарю васъ отъ души!

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ.

Проф. П. Н. Милюкова.

ВВЕДЕНИЕ: ОБЩАЯ ПОНЯТИЯ.

«Прогматическая» и «культурная» история.— Споры о содержании культурной истории.— Споры о цели и способах изучения культурной истории.— Теоретическая задача исторической науки и прикладная задача политического искусства.— Смѣшеніе тѣхъ и другихъ въ «философіи истории». — Служая границы телеологическаго объясненія, «философія истории» превращается въ научную теорію прогресса.— Закономѣрность, какъ цель научнаго объясненія истории.— Существуютъ ли историческіе законы?— Трудности социологическаго анализа.— Социологическая дедукція, какъ средство облегченія анализа.— Дедукція основныхъ социологическихъ тенденцій.— Видоизмѣненіе этихъ тенденцій подъ вліяніемъ среды.— Вліяніе окружающей обстановки.— Понятіе случайности въ исторіи.— Роль личнаго фактора.— Безсознательное и цѣлесообразное, лично и общественно-цѣлесообразное, единичное и массовое дѣйствіе личности.—
Цѣль и содержаніе «Очерковъ».

Принимаясь за исчисленіе войскъ, пришедшихъ съ Агамемнономъ подъ Трою, греческій пѣвецъ Троянской войны считъ нужнымъ сдѣлать такое предисловіе:

«Нынѣ повѣдайте, музы, живущія въ сѣняхъ Олимпа:
Вы, божества, вездѣсущи и знаете все въ поднебесной;
Мы ничего не знаемъ; молву мы единую слышимъ;—
— Вы мнѣ повѣдайте, кто и вожди и владыки данаевъ?
Всѣхъ же бойцовъ рядовыхъ не могу ни назвать, ни исчислить,
Еслибъ и десять имѣлъ языковъ я, и десять гортаней,
Еслибъ имѣлъ неслабѣющій голосъ и мѣдныя перси.
Развѣ, небесныя музы, Кронида великаго дщери,
Вы бы напомнили всѣхъ приходившихъ подъ Трою ахеянъ!
— Только вождей корабельныхъ и всѣ корабли я исчислю.»

Приблизительно такъ же, какъ Гомеръ, рассуждало огромное большинство историковъ стараго и новаго времени. Ни силъ, ни знаній человѣческихъ не хватило бы для того, чтобы изобразить «всѣхъ рядовыхъ бойцовъ» въ исторіи человѣчества. Поэтому исторія должна ограничиться разсказомъ объ однихъ «вождяхъ и

владыках». Личная история вождей, их дѣянія и судьба, ихъ взаимныя отношенія — таково должно быть главное содержаніе историческаго разсказа. А идеальной цѣлью историка должно быть — изобразить эти приключенія «вождей» съ возможно бѣльшей живостью и драматичностью, въ возможно болѣе совершенной художественной формѣ. Но что же дѣлать со всей остальной безымянной массой обыкновенныхъ людей, за которыми не числится никакихъ подвиговъ, которые не оставили по себѣ никакихъ историческихъ воспоминаній? Историки-разсказчики игнорировали ихъ вовсе, замѣчая иногда, въ свое оправданіе, или для успокоенія читателей, что исторія толпы сама собой уже отразится въ біографіи героевъ, какъ ея лучшихъ и наиболѣе яркихъ представителей.

Не такъ давно, однакоже, появилось среди историковъ направленіе, не предусмотрѣнное Гомеромъ. Направленіе это рѣшительно утверждало, что истинный предметъ исторіи — не біографіи «вождей», хотя бы извѣстныя намъ въ маглѣйшихъ подробностяхъ, а именно жизнь народной массы, повидимому, вовсе намъ неизвѣстная. Сторонники новаго направленія прибавляли къ этому, что такая исторія безъ собственныхъ именъ, безъ событій, безъ сраженій и войнъ, безъ дипломатическихъ хитростей и мирныхъ трактатовъ, — не только не будетъ недостоверна, но что она, напротивъ, будетъ несравненно достовернѣе той исторіи, къ которой насъ приучали до сихъ поръ историки-повѣствователи. Въ доказательство они приводили то соображеніе, что самая подробная личная исторія есть, во-первыхъ, самая сомнительная въ сущности, такъ какъ никакой свидѣтель-очевидецъ не можетъ ни видѣть, ни запомнить, ни передать безошибочно всѣхъ подробностей жизни извѣстнаго лица или всѣхъ частныхъ даннаго событія; во-вторыхъ, что такая исторія будетъ совершенно анекдотична и случайна, такъ какъ существованіе и дѣятельность личности зависятъ отъ тысячи мелкихъ и случайныхъ причинъ. Наоборотъ, исторія народной массы, утверждали они, — будетъ, прежде всего, заключать въ себѣ только одно существенное и несомнѣнное; затѣмъ, такую исторію можно будетъ изучать болѣе точнымъ научнымъ методомъ: методомъ наблюденія массовыхъ явленій, т. е. *статистическимъ*; наконецъ, въ силу такого своего содержанія и метода исторія народной массы дастъ намъ возможность впервые понять причины и смыслъ историческихъ явленій; такимъ образомъ, исторія перестанетъ быть предметомъ простой любознательности, пестрымъ сборникомъ «дней прошедшихъ анекдотовъ», — и сдѣлается предметомъ, способнымъ возбудить научный интересъ и привести практическую пользу.

Въ сравнительно короткое время новое направленіе завоевало себѣ почти всеобщее признаніе. Исторія «событій» отошла на второй планъ передъ исторіей «быта»,—учрежденій и нравовъ. Изученіе *внѣшней* исторіи (или, такъ называемой, прагматической, политической) должно было уступить мѣсто изученію *внутренней* (бытовой или культурной).

Таковъ общій смыслъ перѣворота, совершившагося въ нашихъ историческихъ понятіяхъ. «Культурная исторія» составляетъ предметъ занятій или, по крайней мѣрѣ, стремленій большинства историковъ нашего времени. Но согласіе между ними очень скоро кончается, какъ только рѣчь заходитъ о томъ, что должно составлять содержаніе культурной исторіи, и съ какой цѣлью ее слѣдуетъ изучать. Относительно содержанія культурной исторіи среди историковъ господствуетъ величайшее разногласіе. Одни готовы считать главнымъ предметомъ культурной исторіи — развитіе государства, другіе — развитіе соціальныхъ отношеній, третья — экономическое развитіе. Съ другой стороны, понятіе культурной исторіи суживается до явленій духовной культуры, и подъ культурной исторіей начинаютъ разумѣть исключительно исторію умственной, нравственной, религіозной и эстетической жизни человѣчества. Въ этомъ узкомъ смыслѣ понятіе культурной исторіи особенно стало употребительно въ нашей литературѣ. Какъ противоположность «культурной» исторіи въ узкомъ смыслѣ, у насъ часто употребляютъ терминъ «матеріальной» исторіи. Не разъ уже оказывалось, однако, что такое употребленіе терминовъ ведетъ къ излишнимъ недоразумѣніямъ и бываетъ причиной довольно безплодныхъ пререканій. Въ виду этого всего лучше, кажется, будетъ вернуться къ первоначальному употребленію слова «культурная» исторія, т.-е. пользоваться имъ въ томъ, болѣе широкомъ, смыслѣ, въ которомъ оно обнимаетъ всѣ стороны внутренней исторіи: и экономическую, и соціальную, и государственную, и умственную, и нравственную, и религіозную, и эстетическую. Этимъ устранятся, конечно, только одни терминологическія недоразумѣнія; вопросъ о томъ, какая, или какія изъ перечисленныхъ сторонъ общественной жизни должны считаться главными, или основными, и какія — вторичными или производными, — этотъ вопросъ остается открытымъ. Еще недавно въ основу историческаго процесса историки полагали развитіе духовнаго начала; въ наше время все болѣе распространяется противоположное мнѣніе, по которому все содержаніе исторіи сводится къ развитію матеріальныхъ потребностей. Оба эти взгляда представляются намъ, однако, одинаково односторонними, и споръ о первенствѣ того или другаго элемента культурной исторіи кажется

намъ тоже не особенно плодотворнымъ. Мы должны, конечно, отличать болѣе простые явленія общественнаго развитія отъ болѣе сложныхъ; но попытки свести всѣ перечисленныя стороны исторической эволюціи къ какой-нибудь одной мы считаемъ совершенно безнадежными. Какъ бы далеко мы ни пошли въ анализѣ элементовъ соціальной жизни, во всякомъ случаѣ, основа историческаго процесса не можетъ быть проще и однороднѣе, чѣмъ основа чело-вѣческой природы, развивающейся въ этомъ процессѣ. И если гдѣ-нибудь можно различать простое и сложное, то это не въ разныхъ сторонахъ чело-вѣческой природы, а въ различныхъ ступеняхъ ея развитія. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ развитіе каждой стороны исторической жизни начинается съ простаго и кончается сложнымъ. Чѣмъ ближе къ началу процесса, тѣмъ элементарнѣе проявленія различныхъ сторонъ жизни, — матеріальной и духовной, — и тѣмъ тѣснѣе эти стороны связаны другъ съ другомъ. Чѣмъ далѣе развивается процессъ, тѣмъ болѣе различныя стороны процесса выдѣляются другъ отъ друга и тѣмъ сложнѣе становятся продукты ихъ взаимодействія.

Какъ бы мы ни рѣшили, впрочемъ, споръ о взаимномъ отношеніи разныхъ сторонъ «культурной исторіи», мы никогда не поймемъ, почему этотъ споръ принялъ такой острый характеръ, если останемся при его обсужденіи на чисто теоретической почвѣ. Отдавая преимущество исключительно матеріальнымъ, или исключительно духовнымъ явленіямъ культуры, стараясь свести одни изъ этихъ явленій къ другимъ, обѣ спорящія стороны, болѣе частью, руководились задними мыслями, которыя и давали тонъ всей полемикѣ. Центръ тяжести спора заключался, въ сущности, не столько въ пререканіяхъ по поводу *содержанія* культурной исторіи, сколько въ разногласіяхъ по поводу *цѣли и способовъ* историческаго изученія. На этой почвѣ столкнулись уже не различныя научныя гипотезы, болѣе или менѣе вѣроятныя, а различныя міровоззрѣнія, совершенно непримиримыя другъ съ другомъ; принявъ подъ свою защиту ту или другую гипотезу, эти міровоззрѣнія сообщили и этимъ гипотезамъ тотъ же характеръ непримиримости.

Культурная исторія, сказали мы выше, можетъ возбудить научный интересъ и принести практическую пользу. Оба эти побужденія для занятій культурной исторіей — и научный интересъ, и практическая польза — одинаково умѣстны и законны. Но не надо забывать, что это — два различныя побужденія. Тамъ, гдѣ ученый спрашиваетъ о *причинѣ* явленія, — практическій дѣятель спрашиваетъ о *цѣли*, вызвавшей это явленіе къ жизни. Первый, ставя

свой вопросъ, «почему»,—стремится къ уясненію *закономѣрности* историческаго процесса. Второй, съ своимъ вопросомъ, «зачѣмъ»,—старается постигнуть его *цѣлесообразность*. Первый ищетъ въ исторіи только причинной связи явленій; второй добивается ихъ «смысла». И если первый никоимъ образомъ не можетъ признать историческое явленіе безпричиннымъ, то второй, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, долженъ будетъ признать это самое явленіе—безсмысленнымъ. Тамъ, гдѣ первый ограничится спокойнымъ наблюденіемъ фактовъ и удовлетворится открытіемъ ихъ внутренняго отношенія,—тамъ второй постарается вмѣшаться въ ходъ событій и установитъ между ними то отношеніе, какое ему желательно. Однимъ словомъ, первый поставитъ своею цѣлью изученіе, второй—творчество; одинъ откроетъ законы исторической науки, а другой установитъ правила политическаго искусства.

Во всемъ этомъ параллелизмъ нѣтъ, какъ видимъ, ничего неправильнаго и незаконнаго. Наука и искусство вездѣ и всегда существовали рядомъ, не мѣшая другъ другу и не врываясь въ законную сферу взаимной дѣятельности. Искусство нуждается въ наукѣ: въ данномъ случаѣ, политическое искусство нуждается въ законахъ исторической науки, безъ знанія которыхъ не могутъ быть установлены его правила. Вотъ и всѣ нормальныя отношенія ихъ другъ къ другу. Въ теоріи такъ легко провести эту демаркаціонную линію. И однако же, оказывается почти невозможнымъ выдержать ее на практикѣ. Дѣло въ томъ, что въ данномъ случаѣ познающій и дѣйствующій субъектъ стоятъ такъ близко другъ къ другу, такъ часто совмѣщаются въ одномъ лицѣ, что смѣшеніе научной и практической точки зрѣнія становится самымъ обыкновеннымъ случаемъ. Механика и химика никакая внутренняя сила не побуждаетъ заняться непремѣнно усовершенствованіями въ машиностроеніи или въ технологіи. Физиологъ обыкновенно не занимается леченіемъ людей, хотя легко представить себѣ случай, въ которомъ дать медицинскій совѣтъ будетъ для него нравственной обязанностью. То, что для физиолога составляетъ болѣе или менѣе рѣдкій случай,—для социолога и историка превращается въ общее правило. Какъ членъ даннаго общества, социологъ необходимо чувствуетъ потребность или обязанность прилагать свое знаніе къ оцѣнкѣ окружающей его общественной дѣятельности. Въ большей или меньшей степени, слѣдовательно,—своей дѣятельностью, или даже просто своими мнѣніями—онъ поневолѣ призванъ играть роль общественнаго дѣятеля. Весьма естественно, что обязанности общественнаго дѣятеля оказываютъ воздѣйствіе на направленіе учебной работы, и точка зрѣнія цѣлесообразности переносится въ не-

принадлежащую ей область причиннаго объясненія. Это вполнѣ естественно, но, тѣмъ не менѣе, неправильно. Что же сказать, когда на помощь факту является оправдывающая его теорія, и вторженіе искусства въ область науки объявляется дѣломъ вполнѣ законнымъ? Оцѣнка такой теоріи, очевидно, вполнѣ зависитъ отъ оцѣнки диктующаго ее побужденія. Такъ какъ подобное сочетаніе разнородныхъ точекъ зрѣнія нельзя уже бываетъ отнести ни къ области науки, ни къ области искусства, то единственнымъ возможнымъ исходомъ оказывается—отнести ее къ области «философіи». Философія—это тотъ паровой котель, въ которомъ всевозможные ирраціональные обрѣзки человѣческаго духа претворяются въ однородную и безцвѣтную массу высшаго синтеза, готовую принять въ умѣлыхъ рукахъ какую угодно форму.

Поиски за «смысломъ» исторіи, истолкованіе историческаго процесса съ точки зрѣнія цѣлесообразности, дѣйствительно, только и могутъ быть отнесены къ области «философіи исторіи». Ни историческая наука, ни политическое искусство не имѣютъ съ этой промежуточной областью ничего общаго. При этихъ условіяхъ не можетъ быть дальнѣйшаго спора между противниками и сторонниками «философіи исторіи». Дѣло рѣшается простой справкой съ ихъ общимъ міровоззрѣніемъ. Для однихъ эта рубрика въ самой себѣ заключаетъ свое лучшее оправданіе. Для другихъ, — и мы принадлежимъ къ ихъ числу, — «философія исторіи», въ смыслѣ телеологическаго объясненія исторіи, есть только одинъ изъ немногихъ уцѣлѣвшихъ обломковъ давно разрушеннаго міровоззрѣнія.

Здѣсь, впрочемъ, необходимо объяснитьсь подробнѣе. Мы очень хорошо знаемъ, что и «философія исторіи» нашего времени все болѣе и болѣе проникается общимъ научнымъ духомъ, и что она уже очень многое дѣлала, чтобы, по возможности, ограничить область исторической телеологіи. Нечего и говорить, что «философы исторіи» нашего времени не прилагаютъ къ объясненію исторіи ни богословской телеологіи, ни даже философской въ полномъ ея объемѣ. Они отказываются отъ понятія о высшей цѣли, руководящей развитіемъ человѣчества. Они готовы даже пожертвовать философской идеей общаго плана, осуществляющагося во всемирной исторіи. Все, чего они хотятъ,—это признанія той степени цѣлесообразности, которую вкладываетъ въ исторію самъ человѣкъ, какъ дѣятель историческаго процесса. Область исторіи, говорятъ они, есть область человѣческихъ поступковъ; а дѣятельность человѣческой воли, несомнѣнно, цѣлесообразна. Цѣль, существующая въ человѣческомъ сознаніи, — это таже причина его поступка. Такимъ образомъ, цѣлесообразность соціальнаго процесса есть только част-

ный случай причинности, господствующей въ мировомъ процессѣ. Противъ такой аргументаціи едва ли можно было бы что-нибудь возразить; но дѣло въ томъ, что, если бы всѣ «философы исторіи» держались *такой* аргументаціи, философія исторіи прекратила бы свое существованіе и замѣнилась бы научной теоріей развитія воли въ социальномъ процессѣ, или, что то же, научной теоріей «прогресса». Къ сожалѣнію, многіе философы исторіи продолжаютъ смотрѣть на волю, какъ на самостоятельный, какъ бы извнѣ данный факторъ историческаго развитія. Признавая волю самостоятельнымъ факторомъ, они не всегда помнятъ, что волевой механизмъ приводится въ движеніе причинами болѣе первичнаго характера. Утверждая цѣлесообразность человѣческихъ поступковъ, они забываютъ, что еще цѣлая пропасть раздѣляетъ каждый отдѣльный цѣлесообразный поступокъ, съ его личными побужденіями, въ его ближайшей обстановкѣ, — отъ его социальныхъ послѣдствій, отъ цѣлесообразнаго общественнаго результата. Наконецъ, они недостаточно обращаютъ вниманіе на то, что для заполнения этой пропасти, — для того, чтобы превратить индивидуальный цѣлесообразный поступокъ въ общественно-цѣлесообразный результатъ, — необходимо цѣлый рядъ условій, осуществляющихся *воплнѣ* только на высшихъ ступеняхъ общественной жизни. Только тамъ, гдѣ въ рядѣ поколѣній существуетъ одинаковое пониманіе цѣли, передаваемой изъ поколѣнія въ поколѣніе традиціей и воспитаніемъ; только тамъ, гдѣ существуетъ общественная организація, приспособленная къ *воплнѣ* сознательнымъ и цѣлесообразнымъ общественнымъ поступкамъ массы, — только въ такихъ случаяхъ можно говорить о цѣлесообразномъ ходѣ историческаго процесса. Выясненіемъ всѣхъ этихъ условій исторической цѣлесообразности занимается научная теорія прогресса, стоящая на границѣ науки и искусства; а «философія исторіи» спѣшитъ отдѣлать свое дѣло отъ дѣла науки и требуетъ для себя, во имя идеала, апіорнаго права прикидывать къ исторіи идеальную мѣрку и судить историческія явленія нравственнымъ судомъ.

И такъ, между научнымъ объясненіемъ культурной исторіи и практическимъ приложеніемъ результатовъ такого объясненія къ жизни — не можетъ быть ничего средняго. Политика можетъ и должна воспользоваться социологіей, не прибѣгая ни къ какой помощи «философіи».

Намъ остается теперь изложить нашъ взглядъ на научное объясненіе исторіи. Въ основѣ такого объясненія должна лежать, какъ мы говорили, идея законмѣрности историческаго процесса. Цѣлесообразная дѣятельность личности, съ точки зрѣнія

науки, есть только одно из видоизмѣненій причинной связи явленій: это тотъ же закономѣрный процессъ, перенесенный изъ области вѣдшяго міра въ область психической жизни. Цѣлесообразный же ходъ исторіи нисколько не вытекаетъ самъ по себѣ изъ цѣлесообразной дѣятельности личности, хотя и можетъ сдѣлаться цѣлью ея сознательныхъ стремленій. Какихъ бы сложныхъ и высокихъ формъ ни достигало развитіе сознательной дѣятельности личности, эта дѣятельность нисколько не мѣшаетъ научному представленію о закономѣрномъ ходѣ исторіи, а является только лишнимъ факторомъ, подлежащимъ научному изученію и объясненію съ точки зрѣнія закономѣрности. Такимъ образомъ, свободное творчество личности никоимъ образомъ нельзя противопоставлять законамъ историческаго процесса, такъ какъ и самое это творчество входитъ въ рамки тѣхъ же самыхъ законовъ.

Такое широкое примѣненіе идеи закономѣрности необходимо вытекаетъ изъ современнаго взгляда на міръ, точно также какъ идея цѣлесообразности вытекала изъ стараго міровоззрѣнія. Мы принимаемъ закономѣрность историческихъ явленій совершенно независимо отъ того, можетъ ли исторія открыть намъ эти искомыя законы. Если бы даже намъ никогда не суждено было открыть ни одного историческаго закона, мы, по необходимости, должны были бы все-таки предполагать ихъ существованіе.

Эту оговорку необходимо сдѣлать, такъ какъ признать историческую закономѣрность несравненно легче, чѣмъ открыть законы исторіи. Сложность историческихъ явленій такова, что, нисколько не подрывая идеи закономѣрности, вполне естественно усомниться даже въ самомъ существованіи специальныхъ «историческихъ законовъ». Въ популярной рѣчи мы такъ привыкли обозначать историческіе процессы и факты условными общими именами, что часто совсѣмъ забываемъ о томъ, что общее имя и реальный фактъ суть двѣ разныя вещи. Мы разсуждаемъ о причинахъ развитія реформаціи или о причинахъ, неудачи революціи, какъ будто бы реформація и революція были какимъ-то осязаемымъ предметомъ, а не безконечнымъ количествомъ процессовъ, объединяемыхъ въ одно цѣлое исключительно въ нашемъ сознаніи. При такихъ условіяхъ мы легко принимаемъ за историческій законъ такія сочетанія явленій, которыя, собственно говоря, требуютъ еще дальнѣйшаго, болѣе глубокаго анализа. Возьмемъ для примѣра послѣдовательность различныхъ формъ государственнаго устройства. Извѣстно то наблюденіе, выведенное преимущественно изъ античной жизни, по которому за патріархальной монархіей слѣдуетъ господство аристократіи, затѣмъ идетъ демократизація государственнаго строя,

кончающаяся господствомъ черни и возвращеніемъ къ новой формѣ монархіи. Допустимъ, что это наблюденіе подтвердилось бы во всѣхъ странахъ и во всѣ времена. Спрашивается, имѣли ли бы мы даже и въ этомъ случаѣ дѣло съ «историческимъ закономъ»? Очевидно, нѣтъ, такъ какъ каждую изъ этихъ формъ мы никоимъ образомъ не могли бы считать причиной послѣдующей формы,—точно такъ же, какъ не можемъ считать молодость—причиной зрѣлаго возраста, а зрѣлый возрастъ—причиной старости. Каждое изъ этихъ состояній, какъ индивидуальныхъ, такъ и общественныхъ, составляетъ, очевидно, совокупность многихъ процессовъ, причины которыхъ и являются истинными причинами того общаго результата, который бросается въ глаза наблюдателю. Итакъ, этотъ общій результатъ, кажущійся на первый взглядъ чѣмъ-то цѣльнымъ и единымъ, мы должны анализировать дальше, чтобы выдѣлить отдѣльные, создавшіе его, факторы. Легко можетъ оказаться, что и выдѣленные нами факторы, въ свою очередь, будутъ не простыми элементами, а сложными равнодѣйствующими болѣе элементарныхъ силъ. Мы остановимся въ этомъ анализѣ только тогда, когда дойдемъ до элементовъ, извѣстныхъ намъ изъ ближайшей сосѣдней области знанія, т.-е. когда увидимъ, что силы, дѣйствующія въ исторіи, находятъ себѣ объясненіе въ психологіи и вмѣстѣ съ послѣдней опираются на все зданіе закономерности болѣе простыхъ явленій міра, — физическихъ, химическихъ или физиологическихъ.

Чѣмъ же, однако, руководствоваться при подобномъ анализѣ сложнаго соціологическаго процесса? Напомнимъ, прежде всего, что процессъ этотъ мы признали закономернымъ въ его цѣломъ, т.-е. во всей его конкретности. Мы не можемъ выбрать изъ процесса предполагаемыхъ нами единообразій, назвать ихъ, — какъ это иногда дѣлается, — законами, а все остальное считать отступленіемъ отъ закона и просто-на-просто — отбросить. Такъ называемыя, «отступленія», въ сущности, такъ же закономерны, какъ и законы. Признавши необходимость разлагать историческія явленія на простые элементы, мы этимъ самымъ признали, что сами по себѣ эти явленія сложны. Необходимо признать и то, что сочетанія элементовъ при безконечной сложности явленій будутъ безконечно разнообразны и что закономерности надо искать прежде всего въ дѣйствіи отдѣльныхъ элементовъ, а потомъ уже въ ихъ сочетаніяхъ. Такимъ образомъ, задача анализа сводится къ тому, чтобы выдѣлить изъ сложнаго соціологическаго итога дѣйствія отдѣльныхъ элементовъ и опредѣлить сферу ихъ вліянія. Путь, которымъ можно надѣяться достигнуть этой цѣли, — можетъ быть двоякій. Можно взять прямо

готовый итогъ и попытаться выяснитъ роль создавшихъ его причинъ путемъ извѣстныхъ приемовъ индуктивнаго изслѣдованія. Этимъ методомъ съ блестящимъ успѣхомъ пользовались статистики; но употребленіе его зависитъ отъ того, имѣется ли подходящій матеріалъ для наблюдений, а значеніе выводовъ ограничивается предѣлами изслѣдованнаго матеріала. Естественно, что рядомъ съ этимъ методомъ въ послѣднее время все болѣе и болѣе признается необходимымъ употреблять другой—дедуктивный. Если признать, что историческая закономерность должна быть сведена къ закономерности явленій сосѣднихъ областей,—и прежде всего къ закономерности психологической,—то сама собой является мысль приложить извѣстные наукѣ законы этихъ явленій къ объясненію историческаго процесса. Возьмемъ для примѣра такой дедукціи основной и необходимый физиологическій фактъ: способность людей къ размноженію и перевѣсъ рождающихся вновь людей надъ умирающими. Изъ этой способности естественно вытекаетъ тотъ выводъ, что населеніе любой страны, каковы бы ни были ея особенности, будетъ стремиться къ увеличенію. Присоединимъ теперь къ этой физиологической тенденціи тотъ психологическій законъ, по которому потребность въ пропитаніи составляетъ сильнѣйшее побужденіе къ человѣческой дѣятельности. Увеличеніе населенія сдѣлаетъ, конечно, необходимымъ увеличить и то количество средствъ пропитанія, которое это населеніе извлекаетъ изъ окружающей обстановки. Но одна и та же обстановка можетъ дать больше средствъ къ жизни только тогда, когда увеличено количество прилагаемаго къ ней труда. Стало быть, напряженность (интенсивность) труда, прилагаемаго къ данной единицѣ площади, необходимо будетъ возрастать по мѣрѣ увеличенія населенія. вмѣстѣ съ увеличеніемъ количества труда явится техническая возможность, или даже необходимость—измѣнить его форму. Ловля животныхъ, требующая наименьшей затраты труда (охотничій бытъ), замѣнится болѣе тяжелымъ прирученіемъ животныхъ и уходомъ за ними, сперва, по возможности легкимъ, (кочевой пастушескій бытъ). Уходъ за животными уступить, въ свою очередь, мѣсто еще болѣе трудному уходу за землею (земледѣльческій бытъ). И уходъ за землей, по мѣрѣ уменьшенія того количества ея, которое приходится на человѣка,—будетъ становиться все болѣе и болѣе интенсивнымъ; въ началѣ земледѣльческаго развитія мы встрѣтимъ простое пользованіе землей въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ подрядъ—до полнаго истощенія, послѣ котораго необходимо бываетъ надолго забросить землю (переложная система); а въ концѣ этого процесса мы найдемъ уже искусственное удобреніе каждаго клочка

земли и самые сложные ряды переменъ въ посявахъ, рассчитанные такъ, чтобы вернуть землѣ только что взятые у нея составные элементы. Мы видимъ на этомъ примѣрѣ цѣлый рядъ матеріальныхъ состояній, переходящихъ одно въ другое совершенно иначе, чѣмъ монархія переходитъ въ аристократію, а аристократія въ демократію. Тогда какъ тамъ мы должны были предположить въ основѣ рядъ сложныхъ процессовъ, требующихъ каждый особаго объясненія,—здѣсь мы прямо имѣемъ дѣло съ элементарными факторами, непосредственно объясняющими процессъ: съ размноженіемъ населенія и съ потребностью питанія. Мы нисколько не склонны, впрочемъ, считать только что объясненный процессъ единственнымъ простымъ и элементарнымъ процессомъ исторіи. Если бы психологія выработала ученіе объ эволюціи психическаго склада, мы увѣрены, что это ученіе могло бы служить совершенно такой же опорой для соціологической дедукціи, какъ только что приведенные факторы. Даже и въ настоящее время, поскольку выясняется преобладаніе двигательныхъ (моторныхъ) элементовъ въ началѣ психическаго развитія, аффективныхъ и интеллектуальныхъ (чувствованій и мысли) въ его дальнѣйшемъ ходѣ,—возможно было бы, какъ намъ кажется, обосновать на этой психической эволюціи индивидуума—историческую психологію рода. Какъ бы то ни было, возможности соціологическихъ дедукцій нельзя отрицать; достаточно только вспомнить, что на такого рода дедукціяхъ преимущественно основывалось большинство историковъ первобытной культуры. Въ результатѣ этихъ дедукцій необходимо получается представленіе, въ настоящее время уже достаточно распространенное,—что существуетъ рядъ основныхъ закономерныхъ эволюцій разныхъ сторонъ соціальной жизни, что ходъ этихъ эволюцій необходимо вытекаетъ изъ коренныхъ, элементарныхъ свойствъ эволюционирующихъ факторовъ и что, слѣдовательно, въ любомъ человѣческомъ обществѣ ходъ этотъ будетъ, по необходимости, одинаковымъ.

Въ наше время, кажется, нѣтъ основаній опасаться, что историческая теорія будетъ продолжать игнорировать эти основныя, всюду одинаковыя тенденціи историческаго процесса. Является, напротивъ, противоположная опасность, что теорія придастъ имъ слишкомъ исключительное значеніе при объясненіи реальныхъ историческихъ явленій. Не надо забывать, что построить дедуктивнымъ путемъ извѣстную закономерную послѣдовательность соціальнаго развитія еще не значитъ объяснить вполне историческую реальность. Основная закономерная тенденція есть только одинъ изъ факторовъ историческаго процесса; нигдѣ и никогда эта тен-

денція не осуществляется въ своемъ чистомъ, безпримѣсномъ видѣ. Историкъ, который ограничился бы выдѣленіемъ одного этого основного фактора соціологической эволюціи и счелъ бы на этомъ свою задачу поконченной, походилъ бы (мы пользуемся здѣсь удачнымъ сравненіемъ Шмоллера) на химика, который, разложивъ воду на составныя части, объявилъ бы, что главное значеніе при образованіи воды имѣетъ кислородъ, такъ какъ его въ восемь разъ больше, чѣмъ водорода. Въ чистомъ своемъ видѣ внутренняя тенденція соціального процесса есть только отвлеченная возможность. Чтобы перейти изъ возможности въ дѣйствительность, эта тенденція должна преломиться въ призмѣ реальныхъ условій исторической жизни. Подъ вліяніемъ данныхъ географическихъ, климатическихъ, почвенныхъ и друг. условій, основное направленіе исторической жизни можетъ разнообразиться до безконечности, до полной невозможности распознать среди всевозможныхъ варіацій одну и ту же основную подкладку. Прямая обязанность историка не только обнаружить присутствіе этой подкладки, но и объяснить причины ея проявленія именно въ данной конкретной формѣ, въ каждой отдѣльной варіаціи. Вернемся къ нашему старому примѣру: къ вліянію размноженія населенія на его экономическій строй. Представимъ себѣ, что народъ живетъ среди обстановки, которая только и даетъ возможность охотничьей или кочевой жизни, напр. гдѣ-нибудь въ Лапландіи или въ Киргизскихъ степяхъ. Понятно и безъ историческихъ справокъ, что такой народъ останется на низшихъ ступеняхъ экономического развитія, пока не измѣнятся кореннымъ образомъ вѣщнія условія его жизни; если же эти условія останутся неизмѣнными въ теченіе долгаго времени, то онъ выработаетъ себѣ особый національный типъ, вполне приспособленный къ обстановкѣ, а численность его остановится на тѣхъ размѣрахъ, какіе въ состояніи прокормить данная страна при данныхъ условіяхъ. Наша основная тенденція въ этомъ случаѣ не уничтожится, какъ не уничтожается, напр., законъ тяготѣнія въ случаѣ равновѣсія тѣла; но совокупный результатъ дѣйствія этой тенденціи и данной обстановки будетъ уже иной. Законъ же дальнѣйшаго развитія этой тенденціи не будетъ осуществляться, какъ не осуществляется законъ ускоренія падающаго тѣла, если тѣло находится въ состояніи покоя.

Всмотримся ближе во взаимное отношеніе этихъ элементовъ: основной соціологической тенденціи и среды, въ которой она осуществляется. Въ сущности, между тѣмъ и другимъ элементомъ никакой анализъ не откроетъ никакой необходимой связи. Соціологическій процессъ долженъ осуществляться въ какой-нибудь

средѣ; но почему именно въ данной средѣ? Почему лопарь попалъ, въ нашемъ примѣрѣ, въ Лапландію, а киргизъ—въ Киргизскую степь? Почему русскій попалъ на восточную европейскую равнину, а французъ въ романизованную Галлію? Конечно, и для этого были свои причины: такъ распредѣлилась суша на данномъ клочкѣ земного шара; таковы были условія первоначальнаго расселенія племенъ, что одни опередили другихъ, а другія опоздали занять лучшія мѣста, или не добрались до нихъ по какимъ-либо причинамъ. Но къ внутреннимъ законамъ общественной жизни это распредѣленіе племенъ на земномъ шарѣ имѣетъ развѣ только очень отдаленное отношеніе. Законы дѣйствія обстановки на общественную жизнь останутся, конечно, повсюду одни и тѣ же; но связь *данной* обстановки съ данной общественной группой будетъ, конечно, явленіемъ случайнымъ, въ томъ смыслѣ, что эта связь вовсе не вытекаетъ изъ внутреннихъ законовъ общественной эволюціи. И несмотря на случайность этой связи въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, мы не можемъ оставить ее безъ научнаго объясненія? Занимаемся ли мы общимъ изученіемъ соціологическихъ законовъ, или прилагаемъ эти законы къ объясненію даннаго частнаго случая, во всякомъ случаѣ, законы соціальнаго дѣйствія обстановки точно также должны быть приняты во вниманіе, какъ и законы общественной эволюціи.

Введя, такимъ образомъ, въ объясненіе новый усложняющій факторъ — обстановки, — мы далеко еще не кончили объясненія. Прежде всего, видоизмѣняющее вліяніе обстановки не ограничивается вліяніемъ самой среды, въ которой живетъ данный народъ. Въ дѣйствительности, ни одинъ народъ не живетъ особнякомъ, изолированно. Каждая страна окружена тѣми или другими опредѣленными народами и государствами. Это сосѣдство составляетъ новую причину, видоизмѣняющую еще разъ, и иногда весьма существенно, основной ходъ историческаго развитія. Извѣстный примѣръ Англій, окруженной моремъ, въ сравненіи съ континентальными государствами Европы, показываетъ, какъ можетъ измѣниться развитіе страны подъ вліяніемъ отсутствія или присутствія непосредственныхъ сосѣдей. Но не одно только ближайшее сосѣдство оказываетъ вліяніе этого рода. Достаточно вспомнить, что передвиженіе всемірной торговли на океанъ подорвало средневѣковую торговлю на внутреннихъ моряхъ, Средиземномъ и Балтійскомъ. Урожай хлѣба въ Индіи, Австраліи или Америкѣ, въ настоящее время, оказываетъ существенное вліяніе на положеніе русскаго земледѣлія. Такимъ образомъ, еще очевидное, чѣмъ дѣйствіе среды, дѣйствіе окружающей обстановки является

внѣшнимъ—и въ этомъ смыслѣ случайнымъ—по отношенію къ ходу внутрѣшняго развитія. И такъ же мало, какъ въ томъ случаѣ, это дѣйствіе можетъ считаться второстепеннымъ при объясненіи историческаго результата. Самое понятіе главнаго и второстепеннаго должно быть или вовсе оставлено, или существенно видоизмѣнено при научномъ объясненіи исторіи, точно также, какъ и понятія случайнаго и необходимаго. Нѣтъ причинъ главныхъ и необходимыхъ, случайныхъ и второстепенныхъ. Есть только причины съ болѣе широкимъ и съ менѣе широкимъ кругомъ дѣйствія, причемъ ни объ одной категоріи причинъ нельзя утверждать заранее, какъ широка или какъ ограничена окажется сфера ихъ вліянія въ каждомъ данномъ случаѣ.

Установивъ этотъ основной принципъ соціологическаго объясненія, мы можемъ теперь смѣлѣе подойти къ оцѣнкѣ значенія послѣдняго фактора, подлежащаго нашему разсмотрѣнію. Рѣчь идетъ объ обширномъ классѣ явленій, вносящихъ наибольшую случайность въ исторію, наименѣе поддающихся закономѣрному объясненію и на этомъ основаніи относимыхъ одними къ самымъ важнымъ, а другими—къ самымъ второстепеннымъ факторамъ историческаго процесса. Соединенное дѣйствіе основныхъ соціологическихъ тенденцій и среды объясняетъ, въ существенныхъ чертахъ, эволюцію соціальнаго *порядка*, учреждений и нравовъ. Но этихъ факторовъ недостаточно для объясненія историческихъ «событій» и «дѣяній», привлекавшихъ главное вниманіе старыхъ историковъ. Нельзя отрицать, по крайней мѣрѣ въ принципѣ, что и явленія этого рода допускаютъ вполне научное и закономѣрное объясненіе. Нельзя спорить и противъ того, что, при такомъ объясненіи, тѣ же извѣстные намъ факторы, создающіе общественный «порядокъ», должны играть существенную роль. Но, за вычетомъ всего, что въ историческихъ «событіяхъ» поддается закономѣрному объясненію изъ условій среды и соціологической эволюціи, несомнѣнно остается нѣкоторый остатокъ, объясняемый индивидуальными особенностями дѣйствующихъ лицъ. Немало усилій было употреблено на то, чтобы доказать, что этотъ остатокъ будетъ совершенно ничтоженъ, что при историческомъ объясненіи можно его игнорировать, но никто, кажется, не пытался доказывать, что такого остатка не получится вовсе. Возьмемъ для наглядности нѣсколько примѣровъ. Левъ Толстой приводилъ мнѣніе историковъ, что европейскія событія пошли бы инымъ путемъ, если бы у Наполеона во время Бородинской битвы не было насморка. Паскаль говорилъ, что, будь у Клеопатры носъ немножко короче, весь земной шаръ имѣлъ бы другой видъ. Въ этой парадоксальной формѣ значеніе личности въ исторіи подчерки-

нается тѣмъ ярче, что самая дѣятельность личности поставлена въ зависимость отъ случайныхъ обстоятельствъ. Предположимъ, что историкъ-специалистъ доказалъ бы намъ, что дѣйствія Наполеона и Антонія не зависѣли отъ указанныхъ случайностей, и что, тѣмъ болѣе, паденіе наполеоновской имперіи и возникновеніе римской не зависѣли отъ дѣйствій данныхъ историческихъ личностей. Что мы должны были бы отсюда вывести? Конечно, не то, что болѣзненное состояніе и впечатлѣніе женской красоты вообще не могутъ имѣть вліянія на психологію историческихъ дѣятелей, и не то, что психологія дѣятелей не имѣетъ вліянія на ходъ историческихъ событий. Самое большее, мы могли бы сказать, что въ данномъ случаѣ насморкъ могъ не имѣть вліянія на Наполеона, а красота Клеопатры—на поведеніе Антонія, и что, вообще, одной психологіей историческихъ дѣятелей нельзя объяснить сложныхъ социальныхъ явленій. Другими словами, мы признали бы причину, но ограничили бы кругъ ея дѣйствія. Но пойдѣмъ еще дальше въ анализъ взятыхъ нами примѣровъ. Эту причину не слѣдуетъ ли, въ силу ограниченности ея вліянія, признать случайной и ничтожной? Въ популярной рѣчи мы обыкновенно хотимъ сказать этимъ, что не этой причиной объясняется данное общественное явленіе. что оно совершилось бы и безъ ея участія. Но, во-первыхъ, нельзя не допустить, что, если не общій смыслъ, то, по крайней мѣрѣ, индивидуальная фізіономія даннаго явленія могла бы измѣниться, если бы не дѣйствовали названныя причины; и что, вообще, тѣ или другія причины подобнаго рода должны всегда быть налицо, чтобы явленіе могло существовать и имѣть индивидуальную фізіономію. И такъ, для полнаго объясненія данныхъ событий, утвержденія одной имперіи и паденія другой,—для объясненія ихъ, какъ они были въ дѣйствительности, а не какъ могли быть, и приведенныя причины должны быть приняты во вниманіе. Но является дальнѣйшій вопросъ. Полное объясненіе данныхъ, конкретныхъ фактовъ нужно историку; но нужно ли оно социологу? Имѣя въ виду открытіе законовъ и пользуясь конкретными данными только какъ матеріаломъ, не долженъ ли социологъ просто оставить въ сторонѣ всѣ факторы, придающіе событію индивидуальную фізіономію? Отвѣтъ можетъ быть только одинъ. Индивидуальная фізіономія факта точно также подлежитъ законмѣрному объясненію, какъ и его общій характеръ. Собственно говоря, трудно было бы даже провести опредѣленную границу между общей и частной стороной историческаго явленія, такъ какъ въ немъ мы имѣемъ только результатъ совмѣстнаго дѣйствія общихъ и частныхъ факторовъ. Недавно сдѣлана была попытка разграничить ту и другую сторону на основаніи того

признака, что общія явленія (напр., жизнь отдѣльныхъ единицъ, составляющихъ народъ) повторяются, а частныя (напр., жизнь государя страны, извѣстная война и т. д.) происходятъ только одинъ разъ и поэтому «не имѣютъ причины, въ научномъ смыслѣ» (Лакомбъ). Разсужденіе это чрезвычайно характерно для направленія, надѣющагося открыть закономерность въ исторіи путемъ устранения всего «случайнаго». Достаточно небольшого размышленія, чтобъ убѣдиться, что повтореніе явленій не лишаетъ ихъ конкретнаго, единичнаго характера. Каждое изъ явленій, совершающихся въ массѣ, точно также совершается только одинъ разъ съ каждой единицей массы; и вся совокупность этихъ явленій совершается только одинъ разъ въ жизни даннаго государства. Въ общественной жизни, какъ и въ личной (какъ и въ міровой, слѣдовало бы прибавить), ни одно явленіе не повторяется; конкретныя формы явленій безконечно разнообразны, несмотря на единообразіе законовъ, съ помощью которыхъ мы объясняемъ явленія. Въ этомъ смыслѣ каждый фактъ, какъ бы великъ или малъ онъ ни былъ, допускаетъ закономерное объясненіе и можетъ повести къ открытію постоянной причинной связи явленій. Пути планетъ, носящихся въ небесномъ пространствѣ, и случайное паденіе яблока съ дерева одинаково могли повести къ открытію закона тяготѣнія. Но послѣ пресловутаго яблока Ньютона, не сохраненнаго потомству никакимъ музеемъ древностей, множество яблокъ падаютъ съ яблонь каждый день, не возбуждая болѣе ничего вниманія. Для науки красота Клеопатры могла бы сыграть роль этого яблока, если бы нашелся какой-нибудь мыслитель, который вывелъ бы изъ этого обстоятельства новый законъ психическаго тяготѣнія. Если въ дѣйствительности эта подробность насъ нисколько не интересуешь, то это не потому, чтобы мы не могли открыть ея закономернаго дѣйствія, а только потому, что психологическое дѣйствіе любви извѣстно намъ изъ другихъ, болѣе надежныхъ источниковъ. Напротивъ, какъ скоро рѣчь заходитъ о социологическомъ дѣйствіи психологіи государей, — вопросъ, далеко не рѣшенномъ, тотчасъ приобретаетъ законное право на наше вниманіе и носъ Клеопатры, и становится даже предметомъ ожесточенной полемики.

Мы намѣренно разсматривали вопросъ о вліяніи личности на такихъ примѣрахъ, въ которыхъ психологія личности обусловливается совершенно внѣшними обстоятельствами, и вліяніе личности на ходъ историческихъ событій оказывается вполне непредназначеннымъ. Между тѣмъ, къ тому же классу явленій относятся и тѣ случаи, когда личность—въ роли правителя, законодателя, моралиста, изобрѣтателя и т. д.—дѣйствуетъ предназначенно и цѣле-

сообразно. Мы не нашли возможности отвергнуть всякое значеніе личнаго фактора въ примѣрахъ, въ которыхъ это значеніе сводится къ минимуму. Естественно, что въ случаяхъ, только что указанныхъ, личное вліяніе приметъ еще болѣе значительные размѣры. Династическія войны Людовика XIV и испанскихъ Филипповъ, конечно, сильно подорвали французскую и испанскую промышленность; но гораздо болѣе сильное и длительное вліяніе имѣла та систематическая политика этихъ правителей, которая повела къ выселенію изъ Франціи и Испаніи значительной части торгово-промышленнаго класса. И въ приведенномъ раньше примѣрѣ достаточно сравнить образъ дѣйствій Антонія съ цѣлесообразной политикой Октавіа, чтобы почувствовать, какъ разнится невольное дѣйствіе личности отъ дѣйствія сознательнаго. На примѣрѣ Людовика XIV и Филипповъ мы можемъ видѣть, что можетъ сдѣлать личность, дѣйствующая наперекоръ эволюціонной тенденціи соціального процесса. Насколько увеличивается соціальная сила той же личности въ томъ случаѣ, если она дѣйствуетъ въ одномъ направленіи съ развитіемъ историческаго процесса, можно видѣть на примѣрахъ многихъ изъ тѣхъ дѣятелей, которымъ исторія присвоила прозваніе «великихъ». Личность, какъ выразитель или исполнитель потребности времени, становится всемогущей. Отсюда и вытекаетъ тотъ обманъ зрѣнія, который принимаетъ историческій процессъ за созданіе личныхъ усилій героевъ. «Всемирная исторія,—говоритъ Карлейль въ своемъ «Кульдѣ героевъ»,—есть, въ сущности, какъ я понимаю ее, исторія дѣйствующихъ въ мірѣ великихъ людей. Они были руководителями массы,—эти великаны,—созидателями, образцами, творцами всего, что стремилась создать и чего стремилась достигнуть человѣческая толпа. Все, что мы видѣли осуществленнымъ въ этомъ мірѣ, есть, собственно, внѣшній матеріальный результатъ, осуществленіе и воплощеніе на практикѣ идей, жившихъ въ великихъ людяхъ, ниспосланныхъ міру. Душой всемирной исторіи,—по справедливости слѣдуетъ призвать,—была ихъ исторія». Въ этомъ взглядѣ вѣрно только одно. При той безсознательности и стихійности, съ которой совершалась до сихъ поръ всегда и вездѣ общественная эволюція, дѣйствительно, только личности, официальные или моральные руководители массы, совершали общественно-цѣлесообразные поступки. Но зато эти единичныя дѣйствія личностей всегда наталкивались на косность массы, и отдѣльные цѣлесообразные поступки не влекли за собой прочныхъ общественно-цѣлесообразныхъ результатовъ. Полагать, что такъ всегда и будетъ впоследствии, значило бы предаваться излишнему и, во всякомъ случаѣ, преждевременному пессимизму. Возможности распростра-

ненія общественнаго сознанія въ массѣ мы отрицать не можемъ; а, слѣдовательно, не можемъ и указать границы, на которой должно остановиться развитіе сознательнаго соціальнаго поведенія массы. Двигающія пружины человѣческой психологіи, разумѣется, всегда останутся однѣ и тѣ же. Стремленіе поддержать собственное существованіе и продлить существованіе рода, потребность упражнять органы и выполнять функціи человѣческаго организма, физическаго и психическаго,—всегда будутъ направлять дѣятельность человѣческой воли. Но формы, которыя могутъ принимать эти стремленія и потребности, будутъ разнообразиться до безконечности, и средства для ихъ достиженія будутъ безконечно развиваться въ направленіи большей сложности и цѣлесообразности. Какъ далеко пойдетъ человѣчество по этому пути, мы не знаемъ; но путь, которымъ можно придти къ замѣнѣ стихійнаго историческаго процесса сознательнымъ, можетъ быть только одинъ: постепенная замѣна общественно-цѣлесообразныхъ поступковъ отдѣльныхъ личностей—общественно-цѣлесообразнымъ поведеніемъ массы.

Все сказанное имѣетъ цѣлью поставить читателя на ту общую точку зрѣнія, съ которой мы предполагаемъ трактовать «культурную исторію» Россіи. Намъ остается прибавить еще нѣсколько словъ о самомъ содержаніи послѣдующихъ «Очерковъ». Цѣль очерковъ заключается въ сообщеніи читателямъ тѣхъ *основныхъ* явленій и процессовъ, которые характеризуютъ русскую общественную эволюцію. Составителю казалось, что изображеніе этихъ существенныхъ чертъ русской культурной исторіи значительно выиграетъ въ ясности и отчетливости, если оставить въ сторонѣ хронологическія рамки и характеризовать разныя стороны историческаго процесса въ систематическомъ порядкѣ. Конечно, при такомъ способѣ изложенія отодвигается на второй планъ взаимная связь различныхъ сторонъ соціальнаго развитія. Авторъ старался устранить это неудобство перекрестными ссылками; но нѣкоторое впечатлѣніе искусственной изолированности отдѣльныхъ историческихъ эволюцій легко можетъ возникнуть у читателя, и автору остается только подчеркнуть еще разъ, что такая изолированность характеристикъ объясняется литературной формой «очерковъ», а вовсе не теоретическими взглядами автора.

Размѣры «Очерковъ» дѣлаютъ необходимымъ самый строгій выборъ матеріала. Ничего, кромѣ *элементарныхъ* данныхъ, наиболѣе существенныхъ для общаго пониманія историческаго процесса, не могло быть введено въ содержаніе «Очерковъ». Но относительно того, что именно считать элементарнымъ, составитель долженъ былъ руководиться собственнымъ сужденіемъ. Задача

*

«Очерковъ» будетъ выполнена, если всѣ сообщаемыя въ нихъ данныя, вмѣстѣ съ вытекающими изъ нихъ выводами, дѣйствительно сдѣлаются «элементарными», т.-е. общедоступными и общеизвѣстными. Въ настоящее время значительная часть матеріала, употребленнаго для «Очерковъ», доступна для однихъ специалистовъ; нѣкоторыя же данныя составляютъ результатъ собственныхъ работъ составителя и отчасти впервые появляются въ печати.

Роль посредника между спеціальной наукой и обширнымъ кругомъ образованной публики являлась въ данномъ случаѣ особенно отвѣтственной и трудной. Большая часть спеціальныхъ изслѣдованій по русской исторіи была сдѣлана, когда о «культурной исторіи» еще не было и рѣчи, или же когда идея «культурной исторіи» недостаточно овладѣла вниманіемъ историковъ. Естественно, что изъ обширнаго запаса спеціальной литературы только сравнительно небольшая часть могла пригодиться для цѣлей «Очерковъ». Съ другой стороны, многое, что было бы необходимо для «Очерковъ», пока еще не разработано въ спеціальной литературѣ. Отсюда—значительныя неровности и прямыя пробѣлы въ разныхъ частяхъ «Очерковъ». Спеціальная критика, вѣроятно, укажетъ, какіе изъ этихъ пробѣловъ являются результатомъ недостаточной освѣдомленности автора. Нѣкоторые выводы автора, изложенные въ популярной формѣ, безъ ученой аргументаціи, можетъ быть, покажутся специалистамъ слишкомъ смѣлыми и необоснованными. Насколько можно было, составитель старался указать свои источники въ концѣ каждаго отдѣла «Очерковъ»; дѣлать же постоянныя и точныя ссылки на литературу казалось составителю неудобнымъ, въ виду той цѣли, которую преслѣдуютъ «Очерки». Наконецъ, найдутся, вѣроятно, критики, которымъ самая попытка, предпринимаемая въ «Очеркахъ», покажется чрезмерно рискованной и преждевременной при современномъ состояніи науки. Въ свое оправданіе составитель можетъ только сослаться на несомнѣнную потребность въ подобной книгѣ—не только среди читающей публики, но и среди самихъ специалистовъ, работающихъ обыкновенно въ одной маленькой области науки и рѣдко представляющихъ отчетливо связь этой области съ цѣлымъ. «Очерки по исторіи русской культуры», конечно, не могутъ дать того, чего нѣтъ въ самой наукѣ. Но самими своими недостатками они лишній разъ подчеркнутъ пробѣлы науки и, можетъ быть, помогутъ установить тѣ точки зрѣнія, которыя даютъ смыслъ и интересъ самому сухому и самому узкому, повидимому, спеціальному изслѣдованію. Привлеченіе къ такой работѣ специалистовъ и разумная организація ученой работы, которая теперь съ такой расточительностью

тратится часто не на то, на что слѣдовало бы,—эти задачи такъ же дороги и близки автору, въ качествѣ специалиста и преподавателя, какъ важна и привлекательна для него роль популяризатора научныхъ свѣдѣній въ русскомъ образованномъ обществѣ. Предлагаемые «Очерки» стремятся удовлетворить той и другой потребности. Авторъ почтетъ себя счастливымъ, если они найдутъ себѣ путь къ тѣмъ читателямъ, для которыхъ предназначаются.

Обильный матеріалъ для знакомства съ современными взглядами на теорію исторической науки русскій читатель найдетъ въ многочисленныхъ сочиненіяхъ проф. *Н. И. Карѣва* («Основные вопросы философіи исторіи», 2 изд. Спб. 1887, 2 тома. Здѣсь и библиографическія указанія на сочиненія по теоретическимъ вопросамъ исторіи. Продолженіемъ этой книги служитъ «Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи», Спб. 1890. Наконецъ, значительная часть журнальныхъ статей автора о тѣхъ же вопросахъ собрана въ «Историко-философскихъ и социологическихъ вступкахъ», Спб. 1895. Здѣсь же можно найти и списокъ остальныхъ статей проф. Карѣва такого же содержания). Собственные разсужденія проф. Карѣва клонятся къ защитѣ точки зрѣнія «философіи исторіи». Наиболее интересной изъ новѣйшихъ попытокъ научной теоріи прогресса является сочиненіе *Lester Ward'a*: *Dynamic Sociology or applied social science, as based upon Statistical Sociology and the less complex sciences*. New-York. 1883, 2 тома. Русскую популяризацію Лестера Уорда можно найти въ книгѣ *П. Ф. Николаева*. *Активный прогрессъ и экономическій материализмъ*. М. 1893. Интересныя попытки позитивнаго построенія исторической теоріи сдѣланы во французской литературѣ: *Louis Bourdeau*, *L'histoire et les historiens. Essai critique sur l'histoire considérée comme science positive*. Paris. 1888 и *P. Lacombe*. *De l'histoire considérée comme science*. Paris. 1894. Первое сочиненіе написано болѣе блестяще, чѣмъ глубокомысленно. Второе отличается тонкимъ анализомъ, но тоже страдает мѣстами, хотя не такъ сильно, какъ первое, излишествомъ схематизма. Нѣсколько туманное, но очень поучительное обсужденіе теоретическихъ вопросовъ исторіи съ точки зрѣнія критической философіи заключаетъ въ себѣ небольшая брошюра *Simmel'я* *Die Probleme der Geschichtsphilosophie. Eine erkenntnisstheoretische Studie*. Leipzig. 1892. Мы не указываемъ извѣстную книгу *Bernheim'a* (*Lehrbuch der historischen Methode, 2 Völlig durchgearbeitete und vermehrte Auflage*, Leipzig. 1894), такъ какъ она заключаетъ въ себѣ не столько теорію исторіи, какъ науки, сколько методикѣ спеціальнаго историческаго изслѣдованія.

(Продолженіе слѣдуетъ).

БУРЛАКИ.

Очеркъ Н. Гарина.

I.

Четыре года отбывалъ молодой Гамидъ воинскую повинность—въ деньщикахъ служилъ.

Тихій, смиренный былъ Гамидъ и молодець собой. Всѣ любили его и начальникъ говорилъ ему на прощанье:

— Охота тебѣ, Гамидъ, уходить,—оставайся.

Жаль и Гамиду было, да все-таки потянуло домой.

Сильно забилось его сердце, когда опять, послѣ четырехъ лѣтъ, увидѣлъ онъ свою глухую деревушку, въ ста верстахъ отъ Волги.

Все также стояла тамъ старая мечеть съ высокимъ, тонкимъ минаретомъ, тѣ же соломой крытыя избы съ узорчатыми коридорчиками.

Деревня бѣдная, земля песчаная, требующая удобренія, но скотины мало, и колотятся татары изъ года въ годъ, проводя зиму впроголодь по своимъ избамъ, а на лѣто отправляясь на работы въ степь. „Бурлаки“:—такъ зовутъ такихъ татаръ въ степи.

Пришелъ Гамидъ домой какъ разъ въ праздникъ. Идетъ по улицѣ, и первая, кого онъ увидѣлъ въ своемъ селѣ, была высокая, красивая Мямуре.

Остановился Гамидъ и глазамъ своимъ не вѣрить, какъ она выросла.

Когда въ солдаты уходилъ онъ,—дѣвочкой еще, тонкой козочкой, прыгала Мямуре, а теперь прошла по улицѣ, и засмотрѣлся ей вслѣдъ Гамидъ. И самъ онъ молодець, особенно въ гусарскомъ мундирѣ, который нарочно на-

дѣлъ; а тутъ про все забылъ, глядя вслѣдъ Мялмуре: лицо набѣлено, ногти красной краской выкрашены, зубы — черной. Концы платка, что падаетъ съ головы, спускаются на плечи. Этимъ платкомъ лицо покрываетъ Мялмуре, а изъ за платка черные глаза такъ и горять на Гамида. Въ сердце прямо пошелъ къ нему этотъ взглядъ. А на тонкихъ рукахъ браслеты, перевязъ черезъ плечо, усыпанная серебромъ и бирюзой, а сзади, изъ подъ платка, два серебряныхъ рубля болтаются на красной блузѣ, расшитой яркими, оранжевыми тесемками.

Прошла Мялмуре, а Гамидъ все стоялъ и смотрѣлъ ей вслѣдъ, и потянулось за ней сердце его, потянулись всѣ мысли его, весь свѣтъ ушелъ за ней. Только и видѣлъ съ тѣхъ поръ и на яву, и во снѣ свою Мялмуре Гамидъ. Молодая, красивая, высокая, самая красивая, самая высокая изъ всѣхъ дѣвушекъ деревни.

II.

Старый отецъ у Гамида, такъ и зовутъ его — старый Амзя. Высокій, худой, бритый. Только изъ подъ подбородка торчитъ влокъ длинной сѣдой бороды, какъ у козла, или какъ у почтеннаго американскаго колониста, въ круглой изъ бѣлой шерсти шляпѣ. Но сниметъ Амзя свою шляпу, да тибетейку съ бритой головы, и ужъ тогда никто не ошибется, что онъ не американскій колонистъ, а старый, сухой, какъ обглоданная кость, татаринъ.

Обрадовался Амзя сыну. Точно стѣну въ погребѣ разломали и проникли вдругъ лучи солнца въ темный погребъ, такъ и на душѣ Амзи вдругъ свѣтло стало. Нарядный, какъ игрушка, сынъ, его сынъ: кормить станетъ теперь стараго отца...

Отдохнуль Гамидъ съ дороги и вмѣстѣ съ отцомъ ушелъ „бурлачить“ въ степь. Лѣто проработали въ степи, а на зиму домой назадъ пришли.

Идетъ и думаетъ старый Амзя: надо женить сына. Думаетъ и Гамидъ о женѣ.

Какъ только пришли въ деревню, надѣлъ Гамидъ высокие сапоги, ситцевую въ черныхъ крапинкахъ рубашку, безрукавку и пошелъ туда, гдѣ жила Мялмуре: не увидитъ ли ея. А Мялмуре какъ разъ съ рѣчки идетъ съ длиннымъ тонкимъ кувшиномъ. Покраснѣлъ Гамидъ до ушей, смутилась Мялмуре и, отвернувшись, прошла въ свою избу...

Хороша Мялмуре, да богатъ Елалдинъ, отецъ Мялмуре, не отдасть за Гамида. Восемь лошадей у Елалдина, почту гоняеть, съ самимъ Миньготой дружбу водить.

„Что жъ что богатъ?—думаетъ Гамидъ,—а я молодой, да сильный, работать могу за двоихъ,—только бы узналъ онъ меня: полюбить какъ сына“.

У Елалдина въ то время какъ разъ ямщикъ ушелъ, и вздумалъ Гамидъ въ ямщики къ нему наняться. Такого ямщика кому не надо?

Живетъ Гамидъ на широкѣмъ дворѣ Елалдина, ѣстъ салму за однимъ столомъ съ Мялмуре, а утромъ смотритъ, какъ идетъ она съ ведрами, покаяваясь какъ трость, за водой. Натаскаетъ съ рѣчки въ бадью, что стоитъ во дворѣ, а потомъ начнетъ высокимъ узорчатымъ кувшиномъ съ тонкой шейкой черпать воду изъ бадьи и носить въ домъ. Черпаетъ, не торопясь, и смотритъ, какъ Гамидъ возится подъ навѣсомъ,—то лошадей готовить, то чинить почтовую тележку, а то просто вертитъ въ рукахъ кнутъ, внимательно осматривая его, съ такимъ видомъ, чтобъ не догадалась Мялмуре, что на нее только и глядитъ Гамидъ.

А догадались ужъ всѣ: и Мялмуре, и Елалдинъ, и Маньяманъ—старая сестра Елалдина, которая живетъ, вмѣсто хозяйки, въ его домѣ, потому что умерла его жена, а другой онъ себѣ еще не высмотрѣлъ, да и хотѣлъ прежде дочь замужь выдать, а потомъ ужъ и самому жениться.

Старая тетка Маньяманъ любила Мялмуре, полюбила и Гамида, но Елалдинъ не то думалъ.

Миньгота, богатый и старый, искалъ себѣ четвертую жену и сталъ ѣздить въ гости къ Елалдину.

Миньгота богатый купецъ и знаетъ торговое дѣло такъ, какъ никто. Съ казанскими купцами ведетъ торговлю, и издалека ѣздить къ нему. Торгуетъ кожами, гуртами, топить сало, торгуетъ чаемъ, сахаромъ и всякимъ товаромъ, сѣть много хлѣба и по зимамъ, въ дешевое время, за безцѣнокъ нанимаетъ на дорогія лѣтнія работы. Живетъ онъ верстъ за двадцать пять въ большомъ торговомъ селѣ.

Не по душѣ старый Миньгота молодой Мялмуре. И теткѣ не любъ онъ. Одинъ Елалдинъ за него стоитъ.

III.

Пропало бы дѣло Гамида, и не женился бы онъ на Мялмуре, если бы не выручилъ случай. Верстахъ въ пятидесяти

отъ ихъ деревни была земля одного петербургскаго барина. Баринъ былъ молодой, служилъ въ Петербургѣ, а лѣтомъ наѣзжалъ къ себѣ въ деревню. Когда ѣздилъ, то всегда заѣзжалъ смѣнять лошадей къ Елалдину. Баринъ былъ ласковый, добрый, и всѣ у Елалдина радовались, когда пріѣзжалъ онъ. Два года уже не былъ баринъ. Стояли тяжелые годы: голодъ былъ, хворь была, — отъ хвори и старуха Елалдина померла. Убавилось и богатства у него: сталъ и онъ смотрѣть не такъ весело, какъ прежде.

Пришла весна третьяго года. Опять не веселили поля. Гамидъ ужъ годъ своей службы доживалъ у Елалдина, когда опять заѣхалъ во дворъ знакомый баринъ. Самого Елалдина не было дома. Хоть и праздникъ былъ, но онъ уѣхалъ въ гости къ Миньготѣ.

Увидали въ окно, кто подъѣхалъ, и бросились къ воротамъ: и тетка, и Мялмуре. Смотрить Гамидъ—вакой-такой дорогой гость пріѣхалъ? Разсказала ему на-скоро Мялмуре, пока старая Маньяманъ здоровалась, да хлопотала возлѣ барина.

Маньяманъ души своей не слышала отъ радости. Ей-то дороже всѣхъ баринъ. Совсѣмъ ослѣпла было старуха года два назадъ, и въ глазахъ такъ темно было, какъ въ сыромъ погребѣ, и голова болѣла—не жила, а мучилась тогда старая Маньяманъ. Вотъ и разсказала она какъ-то проѣзжавшему барину про свою болѣзнь. Поговорилъ баринъ съ Елалдиномъ, и приказалъ привезти Маньяманъ къ себѣ въ усадьбу. Помѣстилъ ее баринъ въ своемъ домѣ,—домъ большой, а онъ одинъ. Выписалъ доктора изъ города. Пріѣхалъ докторъ, пришелъ къ Маньяманъ въ комнату и говорить ей по-татарски:

— Хочешь, Маньяманъ, видѣть?

— Хочу,—отвѣчаетъ Маньяманъ.

— А не боишься того, что я буду глазъ твой рѣзать?

— Не боюсь,—говорить Маньяманъ.

Взялъ кто-то за голову Маньяманъ, она дрожить вся,— глаза такъ быстро, быстро мигаютъ, а докторъ все говорить ласково, тихо:

— Не бойся, Маньяманъ, не бойся.

И не помнить ужъ Маньяманъ, что было дальше. Потомъ пришла въ себя. Черезъ недѣлю пришелъ докторъ, поднялъ ей повязку, спрашиваетъ:

— Что видишь, Маньяманъ?

Смотрить Маньяманъ въ окно.

— Травку зеленую вижу.

И заплакала отъ радости.

— А голова болитъ?

— Прошла голова.

Еще двѣ недѣли продержали Маньяманъ и, наконецъ, домой отпустили. Докторъ сказалъ ей на прощанье:

— Смотри, Маньяманъ: какъ вѣтеръ или пыль—не ходи на дворъ,—глаза запылишь, тогда не хорошо опять будетъ.

Сперва береглась, а потомъ стала ходить: нельзя по крестьянству не ходить. Запорошить глаза, опять голова заболитъ — и черезъ туманъ начинаетъ видѣть Маньяманъ, когда свѣтло, и нѣтъ пыли на дворѣ—хорошо и сейчасъ видѣть.

Теперь она сидитъ съ знакомымъ бариномъ на крылечкѣ, поднесла руку къ своему старому опухшему лицу и смотритъ снизу вверхъ въ лицо своего милаго барина. Всматривается и Гамидъ въ барина: смотритъ на его черную стриженную голову, на его мягкую черную бороду, добрые острые глаза, и все хочется ему еще смотрѣть, и удивляется онъ и думаетъ, что вотъ и богатый, и баринъ, а разговариваетъ съ простыми людьми, и смѣется съ ними, и руку имъ жметъ.

— Ты,—говоритъ баринъ старухѣ,—не Маньяманъ по нашему, а Марѳа, а Елладинъ—Дмитрій.

Мялмуре самоваръ поставила, пока баринъ разговаривалъ съ теткой на крылечкѣ, столъ накрыла, поставила подносъ съ маленькими чашечками на высокихъ шейкахъ. Сама одѣла новый костюмъ, вышла на крыльцо и по-татарски зоветъ барина чай пить.

Не понимаетъ баринъ, смотритъ на Мялмуре, смѣется и говоритъ ей по-русски—какая красавица она стала. Смѣется и Мялмуре, качаетъ головой и говоритъ съ сожалѣніемъ:

— Не понимай русску.

Маньяманъ переводитъ, краснѣетъ Мялмуре и, присѣвъ на лавкѣ, все смотритъ, какъ молодой баринъ нѣтъ чай. Вошелъ и Гамидъ, облокотился о дверь и тоже смотритъ.

— Это кто, Марѳа? — спросилъ баринъ, указывая на Гаида.

— Наша работникъ.

— Ты и повезешь?—обратился баринъ къ нему.

— Такъ точно, ваше благородіе, — отвѣтилъ ласково Гамидъ, и вытянулся, какъ солдатъ.

— Въ солдатахъ былъ?

- Такъ точно, ваше благородіе.
- Женатъ?
- Никакъ нѣтъ, ваше благородіе.

Баринъ подумаль.

- Такой молодой, красивый, и не женатъ—надо жениться.
- Такъ точно, надо.
- Вотъ тебѣ жена,—Мялмуре.

Загорѣлись глаза у Гамида, засмѣялись всѣ, отвернулась Мялмуре.

Замолчали.

- А лошади приготовлены?—спросилъ баринъ.
 - Такъ точно.
 - И запрягать можно?
 - Такъ точно, можно.
 - Ну такъ запрягай.
 - Слушаю-сь.
 - Хорошій работникъ? — кусая бородку, спросилъ баринъ, когда ушелъ Гамидъ.
 - Больно хороша,—отвѣчала Маньяманъ.
 - Ну что жъ, вотъ выдайте Мялмуре.
- Старуха покачала головой.
- Дмитрій не хочетъ.

И довѣрчивымъ шепотомъ старуха рассказала барину о помыслахъ Елалдина и о старомъ Миньготѣ.

Баринъ задумчиво слушалъ, кусая бородку, и проговорилъ, когда кончила старуха:

- Не хорошо, Марea.
- Знамо, не хорошо, — вздохнула старуха, — чего станешь дѣлать.
- Надо уговорить Дмитрія.
- Не станеть слушать, — мотнула головой Маньяманъ.
- Ты скажи, чтобъ онъ пріѣхалъ ко мнѣ.
- Ладно.. ты ему говорить станешь?
- Стану.
- Не говори только, что я сказала. Больно сердиться будетъ.

— Ладно... А Мялмуре пойдетъ за Гамида?

Мялмуре, хотя и не понимала по-русски, но опустила голову и покраснѣла. Маньяманъ отвѣтила за нее:

— Знамо, лучше, чѣмъ за стараго.

Когда Гамидъ подалъ лошадей, баринъ всталъ и произнесъ:

— Ну, прощай, Марѳа. Прощай, Мямлуре... тебя надо звать—красавица Зарема.

Старуха перевела ей.

Баринъ все держалъ за руку Мямлуре, а она краснѣла, и смотрѣла въ окно.

Лишь только баринъ вышелъ и сѣлъ въ тарантасъ, какъ подѣхалъ и самъ Елалдинъ, и, слѣзши у воротъ съ плѣтушки, пошелъ къ барину.

— Здравствуй, Андрей Петровичъ, — проговорилъ онъ, озабоченно подходя и пожимая протянутую руку.

Елалдинъ былъ не въ духѣ: вѣрно, съ Миньготой не ладилось дѣло.

— Здравствуй, Дмитрій, — отвѣтилъ баринъ, — какъ поживаешь?

— Слава Богу.

— Ну что, какъ хлѣбъ?

— Не видно еще... какъ бы худо опять не было?

— Будетъ урожай.

Елалдинъ повачалъ недовѣрчиво головой.

— Земля стара стала. Баба стара—нѣту дѣтей, земля стара—нѣту хлѣба.

— Будетъ. Годъ на годъ не приходитъ, Елалдинъ.

Елалдинъ опять кивнулъ бритой головой и, смотря въ свою шапку, которую держалъ въ рукахъ, раздумчиво сказалъ:

— Годъ на годъ не приходитъ, часъ на часъ не приходитъ... Человѣкъ на человѣка не приходитъ... сейчасъ такъ думалъ, сейчасъ другое уже.

Елалдинъ вздохнулъ и, поднявъ голову, посмотрѣлъ въ голубое небо.

— Да, да, — вздохнулъ и баринъ, — ну, прощай. Я вотъ безъ тебя чаю напился, дочка твоя угостила... Маленькая была, а теперь невѣста стала... годъ на годъ не приходитъ, — весело кивнулъ головой молодой баринъ.

— Такъ, такъ.

— Пора замужь.

— Женихъ придетъ—замужь пойдетъ.

— Хорошаго надо: молодого, сильнаго.

Елалдинъ нахмурился.

— Какого Богъ дастъ, — уклончиво и нехотя отвѣтилъ онъ.

— Сама пусть выберетъ.

— Дѣвка глупа—чего выбрать?—ужъ совсѣмъ угрюмо отвѣтилъ отецъ, и ревниво покосился на сестру—не наговорила ли ужъ?

Но Маньяманъ, опустивъ голову, смотрѣла въ землю, и ни одинъ мускулъ не шевелился на ея старомъ вспухшемъ лицѣ. Мялмуре, не понимая разговора, все смотрѣла своими черными глазами въ лицо добраго барина. А Гамидъ такъ внимательно всматривался въ спину коренника, словно въ первый разъ ее видѣлъ.

Непривѣтливо и сурово нахмурился Елалдинъ, какъ тѣ синія тучи, что надвигались на веселое солнце.

— Ну, прощай, Дмитрій. Заѣзжай-ка ко мнѣ: дѣло у меня есть,—сказалъ баринъ.

— Ладно, заѣдемъ... съ Богомъ.

— Прощайте.

Отперли ворота, и выѣхалъ баринъ, а съ нимъ и праздникъ души старой Маньяманъ. Тихо пошла она съ Мялмуре въ избу, а Елалдинъ угрюмо сталъ выпрягать во дворѣ свою лошадь.

IV.

Татаринъ пахарь плохой, но ѣздить умѣетъ. Его тройка поджарыхъ башкирскихъ лошадей ничего не стоитъ на видъ противъ сытой тройки русскаго. Кажется, и полстанціи не пробѣжать имъ. Такое же впечатлѣніе неувѣренности производитъ и хозяинъ ихъ. Онъ все время въ нервномъ напряженіи. Если грязно, дорога тяжелая, или горы, онъ самъ не свой. Онъ дергается то и дѣло своихъ лошадей, не умолкая покрикиваетъ и все мучительно ерзаетъ на козлахъ, словно ищетъ мѣстечка, откуда бы ловчѣе стегнуть свою загнанную тройку.

Но, если дорога хороша, татаринъ ѣдетъ со скоростью, на какую только способны его лошади: пятнадцать, семнадцать и двадцать верстъ въ часъ. Его окрикъ рѣзкій, жесткій и страстный все врѣшетъ, и кроткіе кони, прижавъ уши, мчатся. Они сами, словно свирѣпѣютъ и рвутъ постромки и дико отбрасываются, обскакивая на ходу препятствія, или скачутъ черезъ нихъ,—будь то пень или какой-нибудь иной предметъ. Толчокъ, рывина, оврагъ съ маленькимъ мостикомъ тамъ, внизу,—все проносится съ головокружительной быстротой, и экипажъ, какъ лодку въ бурю, бросаетъ во все стороны.

Двадцать, тридцать верстъ — часть, полтора—и станціи нѣтъ. Загнанныя лошади, сразу понурившись, уже стоятъ опять клячами у подъѣзда новой станціи, а ямщикъ, соскочивъ съ козелъ и не обращая больше вниманія на лошадей, возится возлѣ сѣдока.

— Ему что—пренебрежительно сплевываетъ русский крестьянинъ,—знай пошелъ, а загонить только—всего, что шкуру сдереть, а маханъ *) опять-таки сожретъ. А вотъ дай-ка на семьсотъ верстъ потянемся?!

Гамидъ не только не хуже другихъ возилъ, но, можетъ и лучше.

У барина нѣсколько разъ открывался ротъ крикнуть: „легче“! Но самолюбіе удерживало, и 25 верстъ были проѣханы. Потягиваясь, баринъ, посмотрѣвъ на часы, проговорилъ:

— Часъ съ четвертью... Молодецъ! никто еще такъ не возилъ меня.

Пока запрягали новыхъ лошадей, баринъ повелъ съ Гамидомъ на крыльцѣ такой разговоръ:

— Ну, такъ какъ же, Гамидъ,—хочешь взять Мямлуре?

— Хочу, ваше благородіе, да денегъ нѣтъ.

— А много надо?

— Меньше ста рублей Елалдинъ не возьметъ, да на свадьбу надо сто.

— Гм! А ты ихъ гдѣ достанешь?

— Гдѣ достану? Нигдѣ...

Баринъ думалъ о чемъ-то и кусалъ свою бороду.

— Ну, а если я тебѣ ихъ дамъ?

— Я бы отработалъ ихъ.

— Какъ?

— Какъ прикажешь... Въ работники пошелъ бы съ Мямлуре вмѣстѣ.

— А Елалдинъ? Онъ какъ безъ ямщика будетъ?

— У Елалдина сынъ скоро придетъ,—онъ, все равно, не станетъ насъ держать. Онъ жену возьметъ себѣ.

— А когда бы ты свадьбу сыгралъ?

— Нынче.

— Сейчасъ?

— Сейчасъ можно... Елалдинъ если согласится.

— Ну, хорошо.

И, вынувъ двѣсти рублей, баринъ сказалъ:

— Вотъ тебѣ... А Елалдину скажи, чтобы завтра приѣхалъ... Непремѣнно завтра.

Такой ужъ былъ баринъ: любилъ все скоро и аккуратно, чтобы было.

Гамидъ такъ растерялся, что не хотѣлъ даже брать денегъ.

*) Мясо.

— Какъ же... условіе надо...

— Ничего не надо... вѣрю...

Когда онъ, наконецъ, взялъ и хотѣлъ поцѣловать руку барина, тотъ спряталъ руку за спину и проговорилъ:

— Таъ поцѣлуемся.

Они поцѣловались, и, когда баринъ уѣхалъ, Гамидъ думалъ, что это ангелъ Магомета, а не баринъ.

Гамидъ зналъ, что всѣ двѣсти рублей онъ до послѣдней копѣйки отработаетъ, но то, что ему безъ росписки повѣрилъ баринъ, было еще дороже ему и онъ готовъ былъ теперь за барина и умереть, и въ огонь, и въ воду идти. А баринъ — баловень судьбы, уже мчался дальше, согрѣтый своимъ добрымъ порывомъ. Что ему, молодому, богатому, съ блестящей карьерой въ будущемъ, эти двѣсти рублей, которые еще къ тому же отработаются?

Онъ хотѣлъ пить кумысъ въ этомъ году: Мялмуре будетъ готовить его, а Гамидъ будетъ конюхомъ.

На другой день къ нему въ усадьбу пріѣхалъ Елалдинъ. Далъ ему баринъ лѣсу, далъ подъ хлѣбъ двѣ десятины чистобной земли, подарилъ жеребенка, — и сдался Елалдинъ.

V.

А чрезъ двѣ недѣли Мялмуре уже подавала на террасѣ въ саду первыя бутылки кумыса барину.

Баринъ сидѣлъ въ креслѣ и читалъ книгу.

— Ну, давай, — оторвался онъ отъ чтенія, — твое здоровье!

— Будь здоровъ, — отвѣтила Мялмуре, смотря въ его черные глаза.

— Ты умѣешь ужъ по русски говорить?

— Я учусь, чтобъ съ тобой говорить, — разсмѣялась Мялмуре.

Она покраснѣла, а баринъ выпилъ налитый кумысъ и, щурясь, протянулъ къ ней стаканъ:

— Еще налей, Мялмуре... вкусный кумысъ.

— Пей на здоровье.

Мялмуре наливала, а баринъ пилъ, задумчиво смотрѣлъ, и о чемъ-то думалъ.

Каждый день стала носить ему кумысъ Мялмуре. А иногда онъ самъ заходилъ къ ней въ кумысную, разсматривалъ и любовался чистотой, окружавшей Мялмуре, любовался и стройной, молодой хозяйкой.

Разъ, въ одно свѣжее, прекрасное утро, когда яркіе лучи солнца спорили съ густотой тѣни на террасѣ, когда вокруг сверкала свѣжая зелень, а глаза Мялмуре сверкали на барина ярче зелени и солнца, баринъ сказалъ, охваченный прелестью и утра, и Мялмуре:

— Еслибъ другая такая была, какъ ты, Мялмуре, я женился бы на ней.

Мялмуре недовѣрчиво и грустно покачала головой:

— Лучше Мялмуре найдешь... Въ большомъ городѣ много есть... Тамъ, какъ въ сказкѣ.

— А ты любишь сказки?

— Люблю,—отвѣтила печально Мялмуре,—и пошла по аллеѣ. Баринъ долго смотрѣлъ ей вслѣдъ.

Смѣялась дворня надъ Гамидомъ и говорила, что онъ плохо смотритъ за женой. Гамидъ не вѣрилъ слухамъ, но большое ревнивое чувство забрадывалось въ его душу. Онъ еще сильнѣе полюбилъ Мялмуре. Она любила обновы, и, когда надѣвала ихъ, онъ смотрѣлъ на нее, и голова его кружилась, кровь бросалась въ голову и онъ страстно думалъ, что не сыщешь на землѣ другой такой. Когда смѣялись надъ нимъ, что онъ волю женѣ даетъ, что она, какъ царица какая обращается съ нимъ,—при людяхъ и то никакой покорности ему не показываетъ,—Гамидъ думалъ: пусть дѣлаетъ что хочетъ, только любить. А что любить она его, Гамидъ вѣрилъ этому. Но въ душѣ все-таки рѣшилъ не служить больше у добраго барина. Что-то въ сердцѣ закипало, и совѣстно ему было какъ-то теперь смотрѣть на барина. Отвѣчаетъ, а самъ смотритъ въ землю, и не кажется ему больше, что его баринъ ангелъ Магомета. Бойтся грѣшить Гамидъ, не хочетъ и въ душѣ ругать барина, но ждетъ не дождется, когда кончится лѣто—срокъ его службы,

Прошло лѣто, и осень прошла. Щедро расплатился баринъ, весь долгъ заработалъ сразу Гамидъ. Уѣхалъ въ Петербургъ баринъ, а Гамидъ съ женою возвратились въ свою деревню, къ старому Амзѣ. Скучная возвращалась Мялмуре; сказалъ ей Гамидъ, что больше не будутъ служить они у барина. Какъ сказка, показались ей и лѣто, и терраса, и баринъ, который уѣхалъ теперь туда, въ большой городъ, гдѣ много всего, много красивыхъ дѣвушекъ.

Рвалось сердце Мялмуре туда за нимъ, и опостылѣла ей родная деревня. Не пришелся по сердцу ей и старый Амзя,

и его грязный домикъ. Терпѣль Гамидъ и думалъ: не любить отца, не хотеть уважить старика—что дѣлать? Его пусть любить только. Сынъ родился у нихъ и померъ. Утѣшалъ Гамидъ свою молодую жену и говорилъ, что пошлетъ Магометъ имъ еще много дѣтей.

— Возьми другую жену себѣ,—отвѣчала скучная Мялмуре,— я несчастная въ дѣтяхъ.

Но всѣхъ женъ на свѣтѣ не надо было Гамиду за одну Мялмуре. Онъ смотрѣлъ на нее такъ, что не выдерживала, бывало, она его взгляда и, положивъ на плечо ему голову, задумывалась, и сама не знала о чемъ. Свернуть слезы въ глазахъ, отведеть руку мужа и уйдесть.

— Скучаетъ,—вздыхалъ и Гамидъ.

Весной, рано, на другой годъ увелъ Гамидъ жену въ степь. Покорилась Мялмуре, но холоднѣе стала къ Гамиду. Смотрить въ глаза ей Гамидъ.

Пріѣхалъ баринъ. спрашивалъ о Гамидѣ и Мялмуре, и уѣхалъ къ себѣ въ деревню. Недѣлю тамъ только пробылъ и уѣхалъ назадъ въ Петербургъ.

— Скучно безъ Мялмуре,—сказалъ онъ старой Маньяманъ.

Серьезно сказалъ, или пошутилъ, но тетка рассказала осенью Мялмуре, и Мялмуре долго, какъ каменная, сидѣла и все смотрѣла вдаль.

Скучно прошла зима. Не было у Гамида и Мялмуре больше дѣтей, и приставала сильнѣй Мялмуре, чтобы взялъ себѣ другую жену.

VI.

Новая весна пришла. Умерла зимой старая Маньяманъ. Опять Гамидъ собирался съ женой въ степь.

Точно потонула деревушка въ ясномъ іюньскомъ днѣ. Только высокая мечеть смотритъ въ безоблачное небо. А жаркій лѣтний вѣтерокъ нѣтъ-нѣтъ и принесетъ въ деревушку радостную вѣсть, что много хлѣба, и спѣетъ онъ, нѣжась на просторѣ полей.

А тамъ, въ степи, еще больше этого спѣющаго хлѣба. И спокойными глазами посматриваетъ „бурлакъ“ въ ту сторону, за лѣсомъ, гдѣ залегла необъятная степь.

Скоро, скоро въ походъ.

Сладко дремлетъ у воротъ паскотины, *) на порогѣ своей

*) Паскотинной называется огороженное у деревни пространство, куда загоняется для пастбы скотина.

караулки, старый Амзя. Не пойдетъ онъ больше въ степь и не будетъ „бурлачить“. Ходилъ онъ довольно. Сынъ теперь съ невѣсткой пойдутъ за него. Онъ же, чтобъ не сидѣть у дѣтей на шеѣ, нанялся на лѣто караулить паскотину.

Поставили у полевыхъ воротъ Амзѣ плетеный шалашъ, смазали его глиной и навозомъ, укрыли соломой, и живетъ тамъ Амзя за 12 рублей въ лѣто, за пять пудовъ ржаного хлѣба, да кирпичнаго чаю фунтъ.

Больше и не надо ему, да и дѣла немного: смотрѣть, чтобы скотина какъ-нибудь изъ паскотины не ушла въ поле. Заперъ ворота, и не уйдетъ. А кто прійдетъ, отворить.

Деревня глухая, въ сторонѣ, кто тамъ когда еще прійдетъ, а изъ своей деревни и самъ встанетъ, да отворить. Развѣ мулла или два-три хозяина изъ тѣхъ богатыхъ, которые на сходахъ рѣшаютъ его и ему подобныхъ судьбу,— прійдутъ, ну, тогда встанетъ Амзя.

Много нужды видаль Амзя на своемъ вѣку, но теперь уже не видитъ ея больше: сынъ Гамидъ у него. И славить старый Амзя Магомета за то, что успокоилъ онъ его старость такимъ сыномъ. Умѣетъ и заработать, и сберечь умѣетъ. Много денегъ принесетъ сынъ, да онъ 12 рублей заработаетъ... Не будетъ больше знать нужды Амзя. Пусть, кто хочетъ, ее знаетъ, а онъ на своемъ вѣку довольно зналъ ее. Пусть никто ее, нужду злую, не знаетъ.

Слава Аллаху и пророку его, что мудро устроили они все: и нужды не знаетъ Амзя, и служба его хорошая, и хлѣба много, и дешевле онъ. А много хлѣба, дешевле онъ, да дорога работа,—когда еще бѣдному человѣку дождаться такого года?

Вотъ какъ въ старинные года хлѣбъ былъ дешевле, да много родилось его,—лучше жили люди. Хоть и дешевле хлѣбъ, да у всѣхъ онъ есть,—вездѣ и работа. А бѣдному человѣку работа есть, и живъ онъ.

Такъ думалъ Амзя, сидя у своего шалаша, и много другого думалъ, потому что любилъ думать. Любилъ думать, еще больше любилъ, чтобы уважали его. Кто не любитъ уваженья? Татаринъ же особенно любить, и за отца считаетъ того, кто его уважаетъ.

Любилъ и Амзя уваженіе: такъ и жить хочетъ теперь, чтобъ уважали его. Если прежде нужда и заставляла его „шалда-балда“ дѣлать,—найметса, на примѣръ, зимой на лѣтнюю работу къ Миньготѣ, а придетъ лѣто, самъ въ степь уйдетъ, или въ страду броситъ работу да съ женой и дѣтьми

въ лѣсъ по ягоды уйдетъ, такъ что же станешь дѣлать? А теперь,—хоть и не найметъ нѣкто его теперь,—еслибъ наняли, вѣдется старому Амзѣ, не сталъ бы ужъ онъ такъ дѣлать.

Вотъ и бурлаки прошли въ степь... Ушелъ сынъ съ невѣстой... Скучно Амзѣ: сидитъ онъ молчаливо и тихо поетъ стихи изъ корана.

VII.

Весело пошли въ степь „бурлаки“. Рано только немного вышли: рожь не поспѣла еще. Но и дома дѣлать нечего, а пока идутъ, поспѣетъ рожь,—въ степи она недѣли на двѣ, а то и на три скорѣй поспѣваетъ.

Растянулись „бурлаки“ по всему тракту. Встрѣтились русскіе и кто-то замѣтилъ:

— Вишь, татарская орда валить.

Ночь придетъ — татары или въ полѣ ночуютъ, а если близко своя деревня—въ деревнѣ. Такъ семьями въ своихъ яркихъ костюмахъ и идутъ. Другая семья серповъ въ десять. На нихъ на всѣхъ—настоящихъ работниковъ, можетъ всего-то два и найдутся—отецъ съ матерью, но серпы и всѣмъ остальнымъ всучать родители на базарѣ: тоже, дескать, работники. Ужъ что нажнутъ такіе работники—другое дѣло, а ѣдоки и они. Такъ и нанимаются,—лучше дешевле за десятину, но чтобъ кормить всѣхъ, сколько съѣдятъ. Но опытные и наниматели, и рѣдко удается обмануть ихъ однимъ видомъ работниковъ. Чаше приходится идти за назначенную цѣну и опредѣленное количество пищи за десятину. А десятины большія *), и если лѣто дождливое, плохо приходится родителямъ такой большой семьи,—они съѣдятъ весь свой заработокъ и не нагуляютъ тѣла на зиму. Тогда скучно возвращаться осенью домой.

Двигутся кучей татары: кто ѣдетъ въ телѣгѣ, кто пѣшкомъ съ ручными телѣжками. Такихъ большинство. Въ телѣжкахъ—вещи, провизія, дѣти. А грудныхъ на рукахъ несутъ изможденные татарки, повачиваясь на своихъ, въ толстые шерстяные чулки обутыхъ, ногахъ, и широко развѣваются ихъ грязныя неулюжія красныя блузы.

У дѣтей и бабъ лица испитыя, худыя, желтыя, — лихорадка половину народа переберетъ, пока доберутся до мѣста.

*) Сотенная—4.000 кв. саж.

А если прибавится въ лихорадкѣ другая какая-нибудь хворь: тифъ, дифтеритъ, корь, скарлатина, то мрутъ тогда и взрослые, и дѣти, и далеко по селамъ разносится болѣзнь.

Но равнодушень татаринъ къ смерти, — умереть такъ умереть, — что на роду написано, то должно исполниться. А если, особенно, ребенокъ умереть, то что въ немъ? Пока вѣдь только кормить его надо, да время у работника отнимаетъ онъ, — баба жала бы, а тутъ возись съ нимъ. Что другое, а дѣти дешевый товаръ: одинъ умеръ — другой ужъ поспѣлъ. Всѣ бы жили, — говорятъ татары, — и мѣста на свѣтѣ не хватило бы.

Идутъ и разговариваютъ татары о томъ, что много хлѣба и дорогое жнитво должно быть. Вспоминаютъ прежніе походы. Толкуютъ о зимнихъ слухахъ, которые пустилъ кто-то, что крестить хотятъ татаръ и новыя книги хотятъ имъ дать. Многіе уже въ Турцію, было, собрались: и вещи, и хозяйство распродали. Иные и ушли, но вернулись: бумага пришла, что безъ паспортовъ въ Турцію не пускаютъ. Напугался тогда народъ, но пришла веселая весна, поманилъ за работокъ, и забыли татары о тревожныхъ слухахъ.

— Кому надо? Мы вѣрой и правдой русскому царю служимъ триста лѣтъ, — за что насъ обижаютъ?

Гдѣ дорога ровная, идутъ, болтаютъ; а гдѣ лѣсъ, гдѣ залегаютъ тѣ непроходимыя лѣсныя дороги, по которымъ ни лѣтомъ, ни зимой нѣтъ проѣзду, тамъ бросается каждый къ своей телѣжкѣ.

И пойдетъ по лѣсу крикъ:

— И-и-и!

— Эй-эй-эй!

Пройдутъ лѣсъ и, обтирая потъ, говорятъ:

— Эхъ бѣда: какъ тутъ ѣздить съ товаромъ?

— Бѣда! маненько бы съ десятину прирубить отъ дороги...

Не одну и не двѣ такихъ заставъ миновать придется, пока, наконецъ, не сверкнетъ необъятная степь: хоть и тутъ дороги такъ подпаханы, что почти все лѣто ѣздить надо по колеямъ, да рытвинамъ, которыхъ надѣлали въ весеннюю, да осеннюю распутицу, но зато хоть глазу привольно. Смотри куда хочешь: вездѣ хлѣбъ и хлѣбъ. Гдѣ-гдѣ сѣнокосъ, а то все распахали и въ степи, также какъ въ татарской сторонѣ, скотину ужъ держать на соломѣ почти круглый годъ.

VII.

Какъ пришли въ степь, стали бурлаки совѣтоваться, на каковой базаръ идти имъ. Сбилъ Гамидъ деревню идти на знакомый ему базаръ. Прошлымъ годомъ онъ все лѣто съ женой проработалъ въ одной знакомой усадьбѣ: на томъ базарѣ, куда звалъ теперь, и нанимался.

Гамидъ звалъ къ себѣ—другіе къ себѣ. Пospорили было и потянули идти за Гамидомъ. Какъ ни гнулъ на свое рыжій Айла, но и ему пришлось сдаться. Побоялся народъ идти за Айлой. Плуть Айла: нѣтъ другого такого. Приведедъ деревню на базаръ, съ прикащикомъ одну руку сдѣлаеть, и глядишь, всю деревню дешевле людей жать угонить прикащикъ. И всегда Айла сухъ изъ воды выйдетъ, всегда другіе виноваты. Оттого и не пошли за нимъ, а пошли за Гамидомъ, потому что знали, что Гамидъ такъ не станетъ дѣлать.

Пришли бурлаки. въ назначенное Гамидомъ село, какъ разъ въ канунъ базара. Завтра рано, рано базаръ.

Гуляетъ съ вечера народъ по базарной площади, смотритъ на часовенку въ память чудеснаго избавленія царской семьи, смотритъ на ряды деревянныхъ лавочекъ, на ряды воевъ: кто съ хлѣбомъ пріѣхалъ, кто за хлѣбомъ. Заперты лавки и только кое-гдѣ у отпертой двери стоитъ толпа грязныхъ татаръ и внимательно всматривается въ неприхотливый товаръ. Еще больше „бурлаковъ“ у калачниковъ. Лежатъ рядами калачи бѣлые, вкусные, но денегъ нѣтъ; хоть въ рукахъ подержать бы! И тянется татаринъ къ калачу:

— Почему фунтъ?

— А ты не тронь руками!—отвѣчаетъ бойкая и строгая торговка,—можно и глазами смотрѣть... Три копѣйки...

— Что больно дорога? хлѣбъ дешева...

— А дорого, не бери...

— Дорога, дорога,—качаетъ бритой головой татаринъ и смущенно отходить.

Стоитъ Гамидъ у одной лавки, смотритъ, выходитъ тотъ самый приказчикъ, работать къ которому звалъ Гамидъ свою деревню. Узналъ Гаида и приказчикъ Иванъ Феногеновичъ. Тутъ при всемъ народѣ жалъ Гамиду руку чуть не съ полчаса. Лестно было Гамиду — весь народъ видѣлъ, съ какимъ человѣкомъ дружбу онъ водить. Чай пить къ себѣ позвалъ Гаида приказчикъ.

Пришелъ Гамидъ къ нему въ номеръ, а у приказчика въ номерѣ народъ сидитъ, — другіе приказчики, нѣсколько татаръ. Неловко Гамиду, а приказчикъ усаживаетъ его, водки наливаетъ, чаю даетъ:

— Пей, Гамидъ, пей!..

И приказчикъ хлопаетъ Гаида своей короткой рукой и говоритъ:

— Молодецъ!

Вытираетъ потъ съ лица Гамидъ и пьетъ чай.

Напился онъ чаю, и говоритъ ему приказчикъ:

— Ну, Гамидъ, слушай теперь...

Посмотрѣлъ на всѣхъ приказчикъ, размѣлся.

— Научу я тебя, какъ деньги мало-мало наживать...

Внимательно слушаетъ Гамидъ.

Говоритъ приказчикъ, что подаритъ ему, Гамиду, съ каждой десятины, сколько выжнетъ его деревня, по пятидесяти копѣекъ, говоритъ о томъ, что надо ему, Гамиду, дѣлать для этого.

Слушаетъ Гамидъ, и какъ во снѣ кажутся ему и приказчикъ, и номеръ, и татары, что киваютъ головой.

— Какъ пріѣдемъ мы, — говоритъ приказчикъ, — завтра на базаръ и станемъ давать цѣну, ты и слушай. Все торгуйся, а какъ вотъ я такъ проведу рукой по лицу, значить на эту цѣну ужъ и соглашайся. Поторгуйся для виду, а тутъ и бей по рукамъ.

Хочется Гамиду услужить, хорошо бы и заработать, а больше всего хочется ему быть теперь верстъ за тысячу отъ приказчика и всей этой комнаты. Смотритъ на всѣхъ Гамидъ широко раскрытыми глазами, въ горлѣ пересохло, и говоритъ, заикаясь и вытирая потъ:

— Нѣтъ, хорошій господинъ, нашъ народъ строгій, узнаетъ—бѣда!

— А кто узнаетъ? Откуда?

Приказчикъ надулся, всѣ волосы поднялись на его щекахъ и бородѣ.

Сидитъ тутъ въ комнатѣ и Сосновскій приказчикъ, — худой, желтый съ длинной бородой, старикъ съ большимъ взглядомъ.

— И что ты, Феногенычъ, народъ гадишь? говоритъ онъ: Право, вы съ вашимъ бариномъ ровно нехристи какіе...

Махнулъ мохнатой лапой Феногенычъ:

— Ну, ладно... не слушай его, Гамидъ. Онъ мало-мало стара стала, глупа стала, умъ кончалъ...

— Ума-то, батюшка, въ моемъ каблукѣ больше, чѣмъ въ вашихъ съ бариномъ головахъ, — разсердился старый приказчикъ.

— Ну, слушайте, оставьте же пожалуйста, — повернулся къ нему Феногенычъ— что жъ вы дѣлаете?! Пришли чай пить и пейте... Нельзя же въ самомъ дѣлѣ такъ... не шутки здѣсь.

— И чай пить не стану, — разсердился совсѣмъ старикъ, отстраняя худой жилистой рукой стаканъ.

И вставъ, попрощавшись съ Феногенычемъ, не глядя на того, онъ вышелъ въ коридоръ.

— Учитъ, — фыркнулъ Феногенычъ, — а самъ, поди, спросить забылъ, какъ и зовутъ его.

Поздно вернулся Гамидъ въ свой станъ. Айла внимательными злыми глазами всматривался въ него и шептался о чемъ-то съ товарищами. Вѣрно, догадался, зачѣмъ звалъ приказчикъ Гамида.

Рано поднялись на другой день „бурлаки“. Что-то будетъ? Большихъ цѣнъ ждали на жнитво, такихъ цѣнъ, какихъ и не запомнить никто. Сговаривались крѣпко стоять на 15 рубляхъ.

Но уже высоко поднялось солнце надъ площадью, а никто изъ приказчиковъ и не думалъ выѣзжать на базаръ. Наконецъ, прошелъ слухъ о томъ, что не стануть на этой недѣлѣ жать, потому что зелена еще рожь.

Татары только качали своими бритыми головами. Веселое возбужденіе смѣнилось уныніемъ.

Кучка крестьянъ посѣвщиковъ, стоявшая до сихъ поръ въ сторонѣ въ ожиданіи, пока сдѣлаютъ цѣну, попробовала установить ее:

— Эй ты, князь! — кричалъ одинъ изъ нихъ, — веди свою деревню: за десятину три рубля дамъ.

Но татары не удостоивали отвѣтомъ.

— Такъ же недѣлю проболтаетесь... Вишь зелена: раздумали приказчики брать.

— Апать надо, — убѣждалъ другой крестьянинъ въ высокой поярковой шляпѣ, влиномъ борода.

— Ну, три съ полтиной! — Немного погода кричалъ все тотъ же крестьянинъ не обращавшему на нихъ вниманія татарину.

— Пять хочешь?

— Сколько десятинъ у тебя? — удостоилъ, наконецъ, вопросомъ татаринъ.

— У меня-то? съ десятокъ наберется.

Татаринъ пренебрежительно отвернулся.

— У шабровъ тоже найдется.

Никто ему не отвѣтилъ.

Положеніе татаръ становилось затруднительнымъ: ждѣть недѣлю, когда ни хлѣба, ни денегъ нѣтъ—нельзя. А что, если придется ждѣть? милостыню идти собирать? Но и ее теперь даромъ не будутъ давать, и за нее придется работать. И работать то самое живо, жѣть ту рожь, которая теперь считается зеленой. Чувствовалась какая-то западня, чѣмъ-то болѣе сильнымъ устроенная, чѣмъ воля человѣческая, противъ чего даже раздраженіе бессильно, и ясно было татарамъ одно, что какъ-нибудь недѣлю надо перебиваться.

Стали спрашивать Гамида. гдѣ его приказчикъ? Гамидъ и самъ не зналъ, гдѣ онъ, ничего не понималъ и только оглядывался, вытянувъ шею, — не увидитъ ли гдѣ на базарѣ знакомую фигуру приказчика.

Айла, а за нимъ и другіе пристали къ Гамиду, чтобъ онъ велъ ихъ къ его знакомому приказчику. Гамидъ пошелъ съ своей деревней, но на дорогѣ встрѣтилъ приказчика уже въ плетушкѣ, собиравшагося уѣзжать.

— На этой недѣлѣ жѣть не будемъ,—остановилъ приказчикъ лошадей,—хозяинъ отмѣну прислалъ. На будущей приходите.

Феногенычъ поймалъ соломенку и грызъ ее.

Татары думали и смотрѣли другъ на друга.

Айла протискался впередъ.

— А ты, слышь, нельзя-ли какъ-нибудь?

— Понимаешь: зеленая.

— Что зеленая? Не зеленая.

— По твоему не зеленая... Я самъ хотѣлъ набирать, а вотъ записка, на, читай.

Приказчикъ сунулъ Айлѣ записку.

— Такъ вѣримъ.

— Читай, читай... кто грамотный?

Гамидъ одинъ считался грамотнымъ, хотя никогда не могъ ничего разобрать. Онъ всегда говорилъ при этомъ, что его учили по другимъ книгамъ. Онъ взялъ записку, долго внимательно смотрѣлъ на нее сперва съ одной стороны, затѣмъ съ другой и, возвративъ приказчику, проговорилъ:

— Такъ точно.

— Ахъ, бѣда! Чего стапешъ дѣлать?—качали головой татары, и опять кто-нибудь просилъ:

— А ты возьми!

— Возьми, пожалуйста возьми! — горячо подхватывали другіе.

— Ахъ, чудаекъ, — нетерпѣливо пожалъ плечами приказчикъ, — да понимаешь ты, русскимъ тебѣ языкомъ говорю?

— Этакъ, этакъ... Чего дѣлать? И цѣной бы ужъ не стали забиваться. Приказчикъ ты хорошій, хвалить тебя Гамидъ, въ другому и идти не охота намъ... Вонъ русскіе мужики десять рубля давалъ... Не охота...

— А у него пять десятинь жать? быстро сросилъ Феногенычъ.

— Много есть... знамо въ разбивку не охота, охота вмѣстѣ, — знакомый ты, хорошій баринъ, слухъ далеко идетъ, — охота у тебя поработать. И цѣной не станемъ забиваться.

— Не станете, — усмѣхнулся приказчикъ и прищурившись, спросилъ: — Двѣнадцать рублей?

— Давай восемь, всѣ пойдемъ...

Приказчикъ только махнулъ своей короткой мохнатой рукой.

— Трогай.

— Сколько даешь? послѣдняя цѣна?

Татары жадной толпой окружили плетушку. Послѣдняя надежда исчезала: шутка сказать, безъ хлѣба всю недѣлю.

— Давай цѣну!

— Твоя цѣна, говори!

— Говори, пожалуйста, говори!

Наступило молчаніе.

— Три рубля, — проговорилъ тихо приказчикъ.

Сразу стихли и потупились татары.

— Поѣзжай, — угрюмо махнулъ кто-то изъ толпы.

— Пошелъ, — приказалъ приказчикъ.

Лошади не успѣли тронуться, какъ опять вкривнулъ кто-то.

— Семь рублей даешь?

Но приказчикъ разсердился.

— Пошелъ!

— Шесть?

Лошади тронулись.

— Дай дорогу!

— Сколько даешь?

— Говори послѣдняя цѣна, — кричали татары, схвативши подъ уздцы лошадей.

Феногенычъ обвелъ глазами толпу и, встрѣтившись съ Гамидомъ, медленно проговорилъ:

— Четыре рубля послѣдняя цѣна...

Феногенычъ небрежно провелъ рукой по лицу.

Гамидь узналъ условный знакъ и поблѣднѣлъ. Толпа опять, но ужъ на этотъ разъ нерѣшительно, смолкла.

— И то для Гамида дѣлаю... Ну, говори Гамидь, согласны вы?..

У Гамида ёкнуло сердце, потемнѣло въ глазахъ и, собравшись съ силами, онъ крикнулъ какимъ-то не своимъ голосомъ:

— Согласны...

Поднялся невообразимый крикъ среди татаръ. Что-то неуловимое вдругъ почувствовалось, появилось сомнѣніе. Но дѣйствительность была на лицо: бурлаковъ никто больше не бралъ, и остальные уже жадной толпой валили съ базара, прослышавъ, что какой-то приказчикъ соглашается ихъ принять на эту недѣлю. Ужъ ни о чемъ не думали, — надо было хватать хоть то, что есть.

Татары что-то быстро заговорили Гамиду.

— Согласны, — проговорилъ успокоенный, блѣдный Гамидь, обращаясь къ приказчику.

Сдѣланная цѣна молніей пронеслась по базару.

— Молодецъ Феногенычъ, сломалъ рубль на полтину, — тряхнулъ весело крестьянинъ въ высокой шляпѣ.

— А ты? — ударилъ его въ бокъ другой посѣвщикъ изъ крестьянъ, — на четвертакъ сломалъ, не то что на полтину.

— Эхъ, ловкачъ! И гдѣ только этакого раздобыли!

Плетюшка Феногеныча медленно пробиралась въ толпѣ. Крестьяне посѣвщики встрѣтили его веселой гурьбой.

— Спасибо тебѣ, Иванъ Феногенычъ, — поклонились ему посѣвщики крестьяне, — сломалъ татаръ: отдать имъ 15 рублей, тогда хоть не жни...

— Спасибо? Не могли потерпѣть? Десять рублей не давали.

— Кто десять? Вотъ-те крестъ, трешную всего и давали.

— Ишь, — усмѣхнулся Феногенычъ, — десять, говорятъ.

Какъ только Феногенычъ нанялъ, на базаръ высыпали и остальные приказчики, сидѣвшіе въ номерахъ.

Черезъ полчаса всѣ наличные серпы жнецовъ были уже разобраны по четыре рубля. То никто не бралъ, а тутъ ужъ не хватило.

Мелкота, оставшаяся безъ жнецовъ, стала отбивать нанявшихся, набавляя цѣну.

— Шесть дають! Слышишь, шесть,—кричали другъ другу татары,—не отдавай серповъ! Не бери задатка!

Бурлаки спохватились: искусно возведенное Феногенычемъ зданіе готово было рухнуть.

— Продали насъ свои же собаки!—кричали татары.

— Постой,—закричалъ Айла,—надо все дѣлать по порядку: ломай цѣну!

— Ломай цѣну!—понеслось по базару.

Кадры татаръ, разстроившіеся уже было, возвращались, отказывались отъ найма, и собирались на свои прежнія мѣста.

Гамидъ нерѣшительно стоялъ одинъ у плетушки приказчика.

— Гамидъ, что жъ ты стоишь? Ступай уговаривать,—приказалъ приказчикъ.

— Убьютъ,—уныло отвѣтилъ Гамидъ.

— Среди бѣла дня?! А еще солдатъ!

Гамидъ автоматически пошелъ къ своимъ. Точно во снѣ мелькали передъ нимъ и базаръ, и бритыя головы грязныхъ волновавшихся татаръ.

— Въ другой разъ идетъ продавать!—крикнулъ Айла подходившему Гамиду.

Гамидъ растерянно началъ, было, что-то говорить.

— Врешь, не продашь больше!—съ закипѣвшей ненавистью крикнулъ взбѣшенный татаринъ и, замахнувшись, опустил свой тяжелый кулакъ на голову Гамида.

Это было то, чего ждалъ Гамидъ: жена, отецъ, родная деревня—все яркой картиной встало и пронеслось въ послѣдній разъ.

Тысячи кулаковъ поднимались и опускались на голову, лицо, плечи, грудь и спину Гамида.

Въ другомъ мѣстѣ базара такъ же расправлялись съ другимъ заподозрѣннымъ.

Прибѣжавшая полиція отняла только одни изуродованные трупы.

Айла успѣлъ уже переброситься съ Феногенычемъ, и татары опять отдавали свои серпы, нанявшись по пяти рублей и получая по 50 коп. задатку на серпъ.

Никому не было больше дѣла до убитыхъ.

— Собакъ собачья смерть,—равнодушно обходили бурлаки ихъ трупы.

Какой-то экипажъ остановился возлѣ трупа Гамида.

— Молодой,—тихо, съ сожалѣніемъ замѣтила дама, взглянувъ изъ экипажа.

— Жена?—обратилась она къ Мялмуре.

— Жена,—отвѣтила блѣдная, высокая Мялмуре.

— Красивая вакал, — сказала дама своему мужу, и экипажъ поѣхалъ дальше.

Идутъ татары спѣшно, судорожно по дорогѣ съ базара. Обгоняетъ ихъ экипажъ.

— Почему?—высовывается къ нимъ господинъ.

— Пять рубля!—растерянно кричатъ ему бурлаки.

Господинъ качаетъ головой:

— Дешево.

На лицахъ татаръ отчаянье и слезы:

— Такой хлѣбъ?! Двадцать человѣкъ на десятину!! Ай, ай, ай... Неволья гонить!

-- Хуже неволи!—кричитъ другой.

— Въ неволю идемъ, господинъ милостивый...—И еще быстрее, словно убѣгая отъ своихъ мыслей, спѣшать за исчезающимъ экипажемъ бурлаки.

Двѣ недѣли прошло.

Быль тихій вечеръ.

Пыль улеглась на дорогѣ, и вечерній ароматъ полей охватывалъ со всѣхъ сторонъ заброшенную татарскую деревушку.

Старый Амзя сидѣлъ у своего шалаша и, помолвившись Аллаху, тихо пѣлъ стихи изъ корана.

Несется его монотонное пѣніе, смотритъ Амзя на далекій закатъ и, охваченный миромъ и тишиной прекраснаго вечера, поетъ свою пѣсню:

Великъ Алла!

Алла, Алла—одинъ онъ!

И такъ звонко въ тиши вечера несется все тотъ же засыпающій припѣвъ:

Алла, Алла—одинъ онъ!

Нѣтъ мыслей въ старой головѣ Амзи. Знаетъ онъ только, что великъ Аллахъ и пророкъ его Магометъ. Знаетъ онъ, что и ему, старому, далъ онъ покой и миръ.

Но если бы этотъ покой волей Аллаха былъ нарушенъ, то великъ Аллахъ!

Алла, Алла-- одинъ онъ!

И покоренъ его волѣ старый Амзя.

Вотъ потухло солнце, и въ золотыхъ облакахъ по небеснымъ бирюзовымъ полямъ чья-то высокая, длинная тѣнь шагаетъ, высоко подымая свои длинныя ноги. „То правовѣрный,—думаетъ Амзя,—кончилъ счетъ своихъ дней на землѣ и спѣ-

пить къ Аллаху за наградой. Отведеть Магометъ его въ свой рай и дастъ ему гурій“. Такъ и старый Амзя уже скоро пойдетъ въ своему Богу, и возвратитъ тамъ ему Магометъ его молодую силу. Поеть Амзя и не видитъ, какъ чья-то тѣнь промелькнула предъ нимъ.

Поднялъ Амзя голову и не вѣрить своимъ старымъ глазамъ: стоять передъ нимъ Мялмуре. Стоитъ и, какъ велитъ законъ, смотритъ не на него, а далеко въ сторону. Не ему говорить она, потому что законъ не велитъ разговаривать съ тестемъ, — говоритъ она ночи, что надвигается со всѣхъ сторонъ:

— Умеръ Гамидъ... Убили бурлаки Гамида...

— За что убили? — эхомъ звучитъ голосъ стараго Амзи.

— Цѣну сбавилъ.

Понялъ все старый Амзя и ничего не спросилъ больше о сынѣ.

— А зачѣмъ ты съ людьми жать не осталась? Кто будетъ платить вашъ долгъ?

— Я къ отцу уйду, — угрюмо отвѣчаетъ Мялмуре, и сердце ея замираетъ тревогой...

Не сталъ и ее больше спрашивать Амзя.

Она молода и красива: отчего не уйти ей къ отцу?

Ушла Мялмуре. Одинъ остался Амзя.

Никого сразу не стало теперь у него.

Сидитъ онъ и, какъ прежде, все поеть свою пѣсню. Дрожитъ его голосъ, и тоскливо несется пѣсня на встрѣчу надвигающейся ночи. Алла, Алла — одинъ онъ!

Смотритъ Амзя туда, гдѣ горитъ еще далекой закатъ: одинъ онъ теперь, старый Амзя.

Было время, не одинъ онъ былъ. Помнитъ онъ лѣто, какъ съ женою ходилъ бурлачить. Все лѣто бурлачилъ; но были дожди, было много прогульныхъ дней и много проѣли они тогда заработанныхъ денегъ. Думалъ много тогда заработать, а съ пустыми карманами пришлось назадъ идти.

Была поздняя осень, и холодный вѣтеръ насевозъ продувалъ лѣтнюю одежду. Заболѣлъ тогда сынъ его, маленький Абдуль съ толстымъ животикомъ, черный какъ земля, въ разорванной рубашенкѣ, съ голыми тонкими ноженками, съ тебетейкой на головѣ. Все везъ его Амзя въ ручной телѣжкѣ, пока не умеръ Абдулка. Зарыли тогда его на шиханѣ, гдѣ зарытъ уже былъ одинъ бурлакъ, котораго въ это лѣто убили съ цѣлью ограбить: знали, что несъ онъ деньги домой, а одинъ безъ семьи былъ, — подстерегли и убили. Ря-

домъ съ нимъ и Абдулку зарыли. Такъ и зовется пиханъ: татарская шишва. Плакала баба тогда: не дошла и до дома— родила Гамида. Много бѣды они приняли, пока дошли до своей деревни. Ждали Амзю кредиторы съ деньгами, а онъ показалъ имъ только пустые карманы. Ждали и тѣ, кто прошлой зимой наняли его за четверть цѣны ихъ хлѣбъ жать.

Много бѣды и потомъ было: росъ Гамидъ, и хорошо помнить его Амзя, какъ бѣгалъ онъ ребенкомъ по селу въ своей тебетейкѣ и еще не зналъ, что такое свѣтъ Божій. Свѣтъ Божій...

Поетъ старый Амзя, и низко падаетъ его старая голова.

Луна всплыла и зажгла голубыми и серебряными огнями округу. Закутался лѣсъ, и сѣдой туманъ поднялся надъ рѣвкой.

Муэдзинъ прокричалъ съ высокаго минарета:

— Алла, Алла бисъ Мелла иль рахманъ!

Завыла гдѣ-то собака, и опять все стихло.

Свѣтъ Божій измаялъ стараго Амзю, вымоталъ всѣ его жилы, засушилъ всю его душу, сердце изорвалъ крючьями. Ахъ, какъ больно эти крючья рвали сердце! Умерла старуха и не увидѣла, какъ выросъ сынъ. Другой на трехъ женатъ, а у Амзи и на одну не было больше денегъ. Никто не пойдетъ безъ денегъ. Такъ и прожилъ Амзя. Ждалъ, пока выростетъ сынъ. Выросъ, — въ солдаты взяли. Ждалъ, когда вернется. Вернулся...

Теперь больше нечего ждать.

Поетъ Амзя, но уже то не пѣснь: то старый волкъ одиноко воетъ въ голубой лунной ночи...

Дальше подвинулась ночь.

Лежитъ Амзя и не знаетъ, спать онъ, или идетъ,—все идетъ, какъ и прежде бывало, бурлакомъ съ женой и сыномъ.

Идутъ они,—жена и сынъ,—гдѣ-то близко, близко и легко имъ, а ему все труднѣе, и подгибаются его старыя ноги.

И тихо стонетъ во снѣ Амзя.

Молодой добрый баринъ подѣхалъ на разсвѣтѣ, и напрасно кричалъ ямщикъ, чтобы Амзя отперъ ворота. Слѣзъ съ козелъ, наконецъ, ямщикъ и самъ отперъ ворота.

А Амзя лежитъ безъ движенія, и при видѣ этой старой измозжденной фигуры баринъ подумалъ, что умеръ татаринъ.

— Живъ онъ или умеръ?—спросилъ онъ ямщика.

Подошелъ ямщикъ, тронулъ вкнутомъ:

— Живъ.

Слѣзъ баринъ и самъ подошелъ. Лежитъ Амзя, и глаза его смотрятъ на барина.

— Ты что лежишь?

Развѣ лежитъ онъ, Амзя? Нѣтъ, онъ идетъ, тяжело, но все идетъ, и съ нимъ вмѣстѣ идутъ и жена, и дѣти его. Только имъ легко, а ему все труднѣе.

Ждалъ баринъ, ждалъ и опять спросилъ:

— Ты что лежишь?

Кто-то зоветъ его.

— А!—отозвался Амзя и, огланувшись на барина, спокойно отвѣтилъ:

— Усталъ маненько.

Но вдругъ сознание возвратилось къ Амзѣ, и онъ сталъ ерзать безсильно своими худыми, какъ плети, ногами, стараясь упереть ихъ въ пыльную землю, чтобы подняться. Его истощенное лицо было такъ сосредоточенно и спокойно, словно, кто другой за него подымался.

— Лежи, лежи... на вотъ тебѣ...

И баринъ сунулъ въ его руку двугривенный. Какой-то токъ точно пробѣжалъ по тѣлу Амзи, онъ быстро поднесъ руку къ глазамъ и внимательно тревожно спросилъ:

— Серебро?

— Серебро, серебро,—наклонился баринъ.

— А-а!—глубоко, съ наслажденіемъ, удовлетворенно вздохнулъ старшій Амзя. — А-а-а. И прочувствованнымъ голосомъ ломанно заговорилъ:— Спасиби, спасиби, добрый... мой добрый господинъ.—Онъ вдругъ задумался надъ чѣмъ-то и разсѣянно повторялъ:

— Спасиби.

Но опять вдругъ спохватившись, какъ будто боясь, точно за какой-то другой работой, забыть это слово, онъ сталъ все твердить:

— О, спасиби... спасиби...

Утромъ нашли стараго Амзю, безъ памяти, въ бреду. Онъ открывалъ свои блуждающіе глаза, когда его подымали, и ничего не понималъ.

Зачѣмъ тревожатъ его, когда вотъ сейчасъ онъ пойдетъ по небеснымъ полямъ, пойдетъ съ женой и дѣтьми, пойдетъ прямо къ Магомету, гдѣ за горе земли ждетъ его рай?

Къ вечеру умеръ старшій Амзя.

И, можетъ быть, въ первый разъ съ своего появленія на землю, онъ лежалъ теперь съ тѣмъ безконечнымъ покоемъ на лицѣ, какой даритъ только одна, одинаково ко всѣмъ равнодушная, смерть.

К О Н Е Ц Ъ П У Т И .

Разсказъ Кипплинга.

Переводъ съ англійскаго.

Четыре человѣка, которымъ теоретически, казалось бы, принадлежать „жизнь, средства и возможность быть счастливыми“, сидѣли за столомъ и играли въ вистъ. Термометръ показывалъ сто одинъ градусъ жары. Въ комнатѣ было такъ темно, что едва можно было различать фигуры картъ и блѣдныя лица играющихъ. Дырявое, старое, коленкоровое бѣлое опахало лѣнливо качалось, приводя въ движеніе разгоряченный воздухъ. За стѣнами стоялъ туманъ, какой бываетъ въ Лондонѣ въ ноябрьскій день. Не видно было ни неба, ни солнца, ни горизонта, а кругомъ стлалась только темно-красная знойная мгла. Можно было сказать, что земля умираетъ отъ апоплексическаго удара.

По временамъ, безъ всякаго вѣтра и предостереженія, поднимались тучи пыли и, окружившись надъ вершинами деревьевъ, снова садились на землю. Затѣмъ, эти же самыя пыльные тучи, крутясь какъ черти, неслись на нѣсколько миль по долинамъ, гдѣ, кромѣ длинной желѣзнодорожной насыпи, нѣсколькихъ мазанокъ, груды рельсъ и шпаль да бенгало изъ четырехъ комнатъ, въ которомъ помѣщался инженеръ, завѣдывающій постройкою казенной гандгарійской желѣзной дорогой, ничто не задерживало ихъ.

Четыре игрока, одѣтые только въ самое необходимое ночное бѣлье, играли въ вистъ и страшно ссорились. Вистъ—ужъ такая игра, что люди могутъ ссориться за ней. Мотгранъ, землемѣръ на индійской службѣ, проѣхалъ верхомъ тридцать миль, да по желѣзной дорогѣ сто миль, съ своего отдаленнаго поста, выѣхавъ наканунѣ вечеромъ; Лаундесу, граждан-

скому чиновнику въ департаментѣ иностранныхъ дѣлъ, удалось оторваться на нѣкоторое время отъ жалкихъ интригъ одного обѣднѣвшаго туземнаго государства, король котораго то низкоповлонничалъ, то задиралъ носъ, смотря потому, сколько могъ собрать съ трудящихся землепашцевъ и жалкихъ погонщиковъ верблюдовъ. Сперстау, желѣзнодорожный врачъ, оставилъ пораженный холерой лагерь Кули для того, чтобы въ продолженіи сорока восьми часовъ побыть съ бѣлыми людьми. Гуммилъ, мѣстный инженеръ, былъ хозяинъ дома. Онъ всякое воскресенье принималъ у себя своихъ друзей. И если кто-нибудь изъ нихъ не являлся, онъ телеграфировалъ по послѣднему адресу, чтобы узнать, живъ ли нѣтъ отсутствующій? На востокѣ почти нѣтъ такихъ мѣстъ, гдѣ было бы гуманно терять своихъ знакомыхъ изъ виду, хотя бы на одну недѣлю.

Игроки не отличались особенной любовью другъ къ другу и ссорились, лишь только встрѣчались; но они хотѣли видѣть другъ друга, какъ люди, лишенные воды, хотая пить. Это были одинокіе люди, понимающіе все ужасное значеніе одиночества. Всѣ они были моложе тридцати лѣтъ—года, вовсе не располагающіе человѣка къ сознанію своего одиночества.

— Фу, какая жара, — проговорилъ Сперстау, окончивъ второй робберъ и вытирая потъ съ лица.

— Терпите, что же дѣлать! Не знаю, хватить ли у насъ содовой воды на сегодня, — сказалъ Гуммилъ.

— Однако, плохо вы насъ угощаете! — проворчалъ Сперстау.

— Что же дѣлать! Я и писалъ, и телеграфировалъ; но поѣзда неправильно теперь приходятъ. На прошлой недѣлѣ весь ледъ растаялъ... какъ извѣстно Лаундесу.

— Очень радъ, что меня не было. Но если бы я зналъ, я могъ бы послать вамъ льду.

— Пфу, какъ жарко, просто нѣтъ мочи играть съ такими игроками!

Это было сказано Лаундесу, который только засмѣялся. Онъ за игрой всегда ругался.

Моттранъ всталъ изъ-за стола и посмотрѣлъ въ щель ставни.

— Что за пріятный денекъ! — сказалъ онъ.

Присутствующіе зѣвнули всѣ заразъ и пошли осматривать имущество Гуммиля—его ружья, разорванныя книги, сѣдла, сбрую и такъ далѣе. Они десятки разъ видѣли все это и прежде, но, теперь имъ рѣшительно нечего было дѣлать.

— Ничего новаго не получали?—спросилъ Лаундесъ.

— *Газету Индіи* за прошлую недѣлю и вырѣзку изъ англійской газеты. Мнѣ прислалъ отецъ. Довольно интересно.

— Что-нибудь о тѣхъ лицемѣрахъ, которые именуютъ себя членами парламента?—спросилъ Сперстау, читавшій газеты, когда имѣлъ возможность получать ихъ.

— Да. Вотъ послушайте! Это по вашему адресу, Лаундесъ. Депутатъ говорилъ рѣчь своимъ избирателямъ, и вотъ выдержка изъ нея: „Я, не колеблясь, утверждаю, что гражданская служба въ Индіи есть охрана, дорогая охрана англійской аристократіи. Что приобрѣтаетъ демократія, что приобрѣтаютъ массы отъ страны, которую мы постепенно завоевали? Я отвѣчаю — ровно ничего. Страну эксплуатируютъ только ради интересовъ аристократіи. Индійская администрація старается увеличить доходы и избѣгнуть разслѣдованій о ея способахъ дѣйствій, да скрыть, какимъ образомъ она заставляетъ несчастнаго землепашца платить своимъ потомъ за окружающую его роскошь“. Гаммилъ махнулъ газетою надъ головою.— „Слушайте! слушайте!“—вскричалъ онъ.

— Я бы отдалъ,—задумчиво проговорилъ Лаундесъ.—Я бы отдалъ свое жалованье за три мѣсяца этому господину за то, чтобы онъ прожилъ со мной одинъ мѣсяцъ и посмотрѣлъ бы, какъ обдѣлываетъ дѣла свободный и независимый туземный принцъ. Старый Тимберсаидсъ—онъ прозвалъ такъ одного почтеннаго и увѣшаннаго орденами принца, — всѣ жилы вытянулъ у меня на этой недѣлѣ, прося денегъ. Наконецъ, онъ дошелъ до того, что послалъ мнѣ въ залогъ одну изъ своихъ женъ!

— Ну что же, это очень хорошо! И вы взяли ее?—спросилъ Моттранъ.

— Нѣтъ, и теперь жалѣю объ этомъ. Хорошенькой, маленькой женщинѣ очень хотѣлось остаться у меня и избавиться отъ несчастнаго положенія многочисленныхъ королевскихъ женъ. Его возлюбленнымъ уже цѣлый мѣсяцъ какъ не покупалось новыхъ нарядовъ, а старику хочется выписать изъ Калькутты новый экипажъ съ серебряными колесами и серебряными фонарями и тому подобныя разныя глупости. Мнѣ хотѣлось втолковать ему, какъ онъ тратилъ въ эти двадцать лѣтъ свои доходы, и что ему слѣдуетъ быть поскромнѣе. Но онъ не могъ этого понять.

— Да вѣдь у него есть подъ дворцомъ наследственная сокровищница. Тамъ хранится навѣрное милліона на три драгоцѣнныхъ камней и монеты,—сказалъ Гуммилъ.

— Заставьте-ка туземнаго принца растратить свои фамильныя сокровища! Священники дозволяютъ это только въ самомъ крайнемъ случаѣ. Старый Тимберсайдъ прибавилъ еще въ продолженіе своего царствованія въ этииъ сокровищамъ съ четверть милліона.

— Какая же причина безпорядковъ?—спросилъ Моттранъ.

— Положеніе народа ужасное. Иногда сборщики податей ждуть, чтобы у верблюда родился верблюженокъ, и тогда угоняютъ мать въ уплату податей. И что же я могу сдѣлать? Я не могу добиться, чтобы придворные сборщики отдавали мнѣ отчетъ. Я ничего не могу добиться, кромѣ улыбки главнокомандующаго, когда говорю, что войскамъ не уплачено жалованья за три мѣсяца; а старикъ Тимберсайдъ начинаетъ плакать, когда я говорю съ нимъ. Кромѣ того, онъ страшно пристрастился къ коньяку съ содовой водой, замѣняя коньякъ спиртомъ, а воду водкой.

— Какъ и другіе привцы. Такого злоупотребленія не вынесетъ даже туземецъ, замѣтилъ Сперстау. — Онъ погубить себя.

— И хорошо сдѣлаетъ. Тогда у насъ, вѣроятно, будетъ правительственный совѣтъ и опекунъ надъ малолѣтнимъ принцомъ, и мы вручимъ ему его владѣнія съ прибавкою десятилѣтнихъ сбереженій.

— А юный принцъ, воспитанный во всѣхъ англійскихъ порокахъ, будетъ сорить деньгами, и въ полтора года протретъ глаза десятилѣтнимъ сбереженіямъ. Мнѣ это ужъ приводилось видѣть,—сказалъ Сперстау.—На вашемъ мѣстѣ, Лаундесъ, я поберегъ бы короля. Вѣдь васъ все равно тамъ будутъ ненавидѣть.

— Все это очень хорошо. Со стороны хорошо совѣтовать побережь; но вѣдь коньякъ не подмѣнишь розовой водой. Я знаю, чѣмъ я рискую, но до сихъ поръ еще цѣль. У меня служить старикъ патанъ, и онъ готовитъ мнѣ. Его врядъ ли можно подкупить, а угощеніе, которое предлагаютъ мнѣ мои истинные друзья, какъ они себя именуютъ, я никогда не ѣмъ. Но тѣмъ не менѣе, все это очень скучно! Я предпочелъ бы быть на вашемъ мѣстѣ, Сперстау. Около вашего поселенія есть гдѣ и поохотиться.

— Предпочли бы? Не думаю. Пятнадцать смертныхъ случаевъ въ день отнимаютъ у человѣка желаніе стрѣлать въ кого-либо, кромѣ самого себя. А хуже всего то, что бѣдняги смотрятъ на тебя съ такимъ упованіемъ, точно въ твоей

власти спасти ихъ. Видитъ Богъ, что я не жалѣю своихъ силъ. Послѣднее употребленное мною средство не было основано на наукѣ, но имъ я спасъ одного старика. Онъ былъ принесенъ ко мнѣ, повидимому, въ безнадежномъ состояніи, а я далъ ему джина и Ворчестерской соли съ каенскимъ перцемъ. Это спасло его, но все-таки рекомендовать этого средства не могу.

— Какъ вы обыкновенно лѣчите?—спросилъ Гуммилъ.

— Очень просто. Сначала опійныя пилюли, при сильномъ упадкѣ силъ—натръ, горячіе кирпичи къ ногамъ. У насъ черная холера. Вѣдныги! Но надо сказать, что аптекаръ мой, Бензи Лаль, работаетъ какъ дьяволъ. Если онъ останется живъ, то я его представлю къ наградѣ.

— Ну, а вы сами какъ себя чувствуете?—спросилъ Мотранъ.

— Не знаю, и не думаю о себѣ, но я все-таки написаль ужъ объ аптекарѣ. А вы что подѣлываете?

— Сижу за столомъ въ палаткѣ и плюю на севстантъ, чтобы остудить его, — отвѣчалъ землемѣръ. — Мою глаза, чтобы не заболѣли. Я совершенно одинъ, какъ вы знаете, и буду одинъ во все продолженіе жаровъ.

— Гуммилъ, счастличикъ! — вскричалъ Лаундесъ, разваливаясь на кушеткѣ. — Онъ живетъ въ настоящемъ домѣ — хотя и плохо крытомъ, но все-таки крытомъ. Каждый день мимо него проходитъ поѣздъ. Онъ можетъ имѣть и пиво, и содовую воду, и ледъ, если Господь смилуется надъ нимъ. У него есть книги, картинки — вырѣзанныя, правда, изъ журнала — и общество его добраго помощника Джевинса, не говоря уже объ удовольствіи, которое онъ имѣетъ, принимая насъ у себя каждую недѣлю.

Гуммилъ печально улыбнулся.

— Да, такъ я, по вашему, счастливъ? А я думаю, что Джевинсъ счастливѣе меня.

— Какъ? Неужели...

— Да. Скончался. Прошлый понедѣльникъ.

— Повончилъ съ собой? — поспѣшно спросилъ Сперстау, высказывая мысль, мелькнувшую у всѣхъ. Кругомъ станціи Гуммиля холеры не было, а даже горячка даетъ человѣку недѣльный срокъ, и внезапная смерть, обыкновенно, бываетъ слѣдствіемъ самоубійства.

— Въ такой зной людей обвинять нельзя, — сказалъ Гуммилъ. — Мнѣ кажется, у него былъ солнечный ударъ;

на прошлой недѣлѣ, послѣ вашего отъѣзда, онъ пришелъ ко мнѣ на веранду и сказалъ, что хочетъ отправиться вечеромъ въ Ливерпуль, въ Маркетъ-Стритъ, повидаться съ женой. Я послалъ за аптекаремъ, чтобы осмотрѣть его, и мы стали уговаривать его лечь. Часа черезъ два онъ протеръ глаза, и сказалъ, что, кажется, онъ былъ безъ памяти, но надѣется, что ничего нехорошаго не сказалъ? Джевинсъ всегда старался быть благовоспитаннымъ и говорилъ изысканными выраженіями.

— Ну, а дальше?

— Затѣмъ онъ пошелъ къ себѣ въ бенгало и началъ чистить ружье. Прислугѣ своей онъ сказалъ, что идетъ на буйвола утромъ. Ну, конечно, онъ неосторожно дотронулся до курка и случайно прострѣлилъ себѣ голову. Аптекарь написалъ рапортъ нашему начальству, и затѣмъ мы похоронили Джевинса тутъ неподалеку. Я, конечно, телеграфировалъ бы вамъ, Сперстау, если бы вы могли чѣмъ-нибудь помочь.

— Станный вы человекъ, сказалъ Моттранъ. — Какъ вы спокойно говорите о такой вещи.

— Ну, что же такое?—спокойно сказалъ Гуммиль.— У меня такая куча работы прибавилась вслѣдствіе этого. Отъ этого я пострадалъ всего болѣе. Джевинсъ покончилъ съ работой, конечно, совершенно случайно, но все-таки покончилъ. Аптеваръ хотѣлъ было написать цѣлую длинную рацію о самоубійствѣ. Какой чепухи наплелъ бы онъ тутъ!

— Зачѣмъ же вы не дали ему написать, что это было самоубійство?—спросилъ Лаундесъ.

— Прямыхъ доказательствъ не было. Здѣсь ~~в~~рѣдкѣмъ предоставляется мало правъ; но все-таки можно же ему позволить неловко повернуть ружье. Кромѣ того, можетъ быть, и я когда-нибудь буду нуждаться въ снисхожденіи къ случайности, касающейся меня самого. Живи самъ и давай жить другимъ. Умри и давай умирать другимъ.

— Примите пилюли,—сказалъ Сперстау, пристально вглядываясь въ блѣдное лицо Гуммиля.—Примите пилюли и не дурите. Глупо говорить такимъ образомъ. Будь я на вашемъ мѣстѣ, я заинтересовался бы этимъ случаемъ и сталъ бы наблюдать.

— Я потерялъ всякій интересъ,—сказалъ Гуммиль.

— Вѣрно селезенка не въ порядкѣ?—съ участіемъ спросилъ Лаундесъ.

— Нѣтъ. Не могу спать. Это гораздо хуже.

— Конечно!—сказаль Моттранъ.—Это со мною иногда случается, но бессонница проходить сама собою. Чѣмъ вы отъ этого лѣчитесь?

— Ничѣмъ. Да и къ чему? Съ пятницы я не спалъ и десяти минутъ.

— Бѣдняга! Сперстау, вамъ бы слѣдовало полѣчить его отъ этого,—сказаль Моттранъ.—Теперь, когда я смотрю на васъ, я вижу, что у васъ красные и припухшіе глаза.

Сперстау, продолжая смотрѣть на него, тихо засмѣялся.

— Я потомъ займусь его починкой. Не слишкомъ ли жарко теперь для прогулки верхомъ?

— Еще что выдумали!—лѣниво проговориль Лаундесъ.—Намъ придется и безъ того ѣхать въ восемь часовъ, и ѣхать не близко. Я ненавижу лошадей, когда на нихъ приходится садиться безцѣльно. О, Господи! что бы намъ теперь дѣлать?

— Сядемте опять за вистъ, по восьми шидлинговъ за поэнтъ и, кромѣ того, по червонцу за робберъ,—быстро отвѣчаль Сперстау.

— Глупости! Мѣсячное жалованье за пульку и, кромѣ того, пятьдесятъ рупи. Кто-нибудь сломить себѣ шею до нашего отъѣзда,—сказаль Лаундесъ.

— Не могу сказать, чтобы было пріятно сломать шею кому-нибудь изъ нашей компаніи,—сказаль Моттранъ.—Это не произведетъ сильнаго впечатлѣнія, да и, кромѣ того, глупо.

Онъ прошелъ къ старому, потертому фортепіано, оставшемуся отъ какого-то прежняго обитателя бенгала, и открылъ его.

— Да фортепіано давно никто не дотрагивался,—сказаль Гуммиль.—Прислуга совсѣмъ разбила его.

Фортепіано дѣйствительно было страшно разстроено, но Моттрану удалось извлечь какіе-то звуки, и послышалась мелодія, напомнившая что-то въ родѣ старинной народной пѣсни. Присутствующіе, сидѣвшіе въ креслахъ, съ очевиднымъ интересомъ повернулись къ Моттрану.

— Пріятно!—сказаль Лаундесъ.—Эту пѣсню я слышалъ въ послѣдній разъ въ 79 году, передъ самымъ пріѣздомъ сюда.

— А я,—съ гордостью замѣтилъ Сперстау,—пріѣхаль въ 80-мъ году.

И онъ упомянулъ о пѣснѣ, которую пѣли въ то время на улицахъ.

Моттранъ игралъ очень хорошо. Лаундесъ сталъ критиковать. Моттранъ перешелъ въ другой тонъ и хотѣлъ было встать.

— Сидите,—сказаль Гуммилъ.—Я никакъ не подозрѣвалъ, что вы умѣете играть. Продолжайте играть, чтобы забыть обо всемъ. Я непременно къ слѣдующему вашему приѣзду прикажу настроить фортепіано. Съиграйте что-нибудь повеселѣе.

Моттранъ игралъ самыя простыя напѣвы, и присутствующіе слушали его съ удовольствіемъ, а въ промежуткахъ разговаривали о томъ, что видѣли и слышали, когда въ послѣдній разъ были въ Англіи. Вихрь поднялъ пыль, налетѣвшую на домъ, такъ что сдѣлалось темно, какъ ночью, но Моттранъ продолжалъ играть, и заунывные звуки разстроеннаго фортепіано перемѣшивались съ щелканьемъ песка по дырявой кровлѣ.

Когда буря нѣсколько утихла, онъ перешель отъ шотландской пѣсни, которую подпѣвалъ, къ вечернему гимну.

— Воскресенье,—сказаль онъ, кивнувъ головой.

— Играйте, безъ объясненій,—вскричалъ Сперстау.

Гуммилъ засмѣялся.

— Во всякомъ случаѣ надо играть. Вы сегодня меня удивляете, откуда у васъ что берется? Что это такое?

— Вечерній звонъ, вечерній звонъ!

Какъ много думъ наводитъ онъ...

— Поскорѣе, Моттранъ!—крикнулъ Гуммилъ:—не будьте ханжой! играйте этотъ гимнъ, какъ польку.

— Да не дурите,—сказаль Лаундесъ.—Шутите надъ чѣмъ вамъ угодно, но гимнъ пусть останется гимномъ. У меня съ нимъ связаны самыя святыя воспоминанія...

— Вечерній звонъ въ деревнѣ—писанныя стекла въ окнахъ—свѣтъ, падающій сквозъ нихъ... и вы и она наклонившись надъ однимъ и тѣмъ же молитвенникомъ,—проговорилъ Моттранъ.

— Да, и жирный, старый майскій жукъ, ударившій васъ прямо въ глазъ, когда вы возвращались домой, запахъ сѣна... и луна, какъ большой шаръ надъ стогомъ; летучія мыши... розы, и молоко, и комары,—замѣтилъ Лаундесъ.

— И матери. Я какъ теперь помню, какъ мать моя пѣла мнѣ этотъ напѣвъ, стараясь усыпить меня, еще совсѣмъ маленькаго мальчика,—проговорилъ Сперстау. •

Въ комнатѣ стало совсѣмъ темно. Гуммилъ ворочался въ креслѣ.

— И вслѣдствіе этого,—наставительно сказалъ онъ:—вы поете этотъ гимнъ, увязнувъ по уши въ преисподнюю! Не оскорбляемъ ли мы разумнаго Бога, воображая, что мы нѣчто иное, а не несчастные бунтовщики.

— Примите *двойную* порцію пилюль, — сказалъ Сперстау: — у васъ селезенка не въ порядѣѣ.

— Нашъ тихій Гуммилъ несетъ какую-то ахинею. Плохо будетъ завтра его рабочимъ, — сказалъ Лаундесъ, когда прислуга освѣжала комнаты и начала накрывать на столъ.

Когда они размѣстились по своимъ мѣстамъ, вокругъ жалкаго козьяго мяса, яицъ и пуддинга, отъ котораго пахло дымомъ, Сперстау нашель возможность прошептать Моттрану:

— Вы умно поступили, Давидъ!

— Присматривайте за Сауломъ, — прошепталъ онъ въ отвѣтъ.

— Что вы тамъ шепчетесь? — подозрительно проговорилъ Гуммилъ.

— Мы говоримъ, что вы чертовски скверный хозяинъ. Вѣдь это жаркое разрѣзать нельзя, — сладко улыбаясь, отвѣчала Сперстау. — И вы называете это обѣдомъ?

— Что же дѣлать. Нельзя требовать отъ меня банкета!

Въ продолженіе всего обѣда Гуммилъ старался оскорбить и прямо, и косвенно всѣхъ своихъ гостей, и при каждой произнесенной дерзости Сперстау толкалъ оскорбляемаго подъ столомъ, но не осмѣливался поднять глазъ и многозначительно взглянуть на кого-нибудь изъ нихъ. Гуммилъ былъ блѣденъ и золъ, а глаза у него были неестественно широко раскрыты. Никому и въ голову не приходило обижаться на его дерзости, но только тотчасъ же послѣ обѣда всѣ заторопились домой.

— Не уѣзжайте. Вы только что немного разошлись, господа. Я надѣюсь, что я ничѣмъ не разсердилъ васъ, щепетильные черти. Итакъ, надѣюсь, вы останетесь, — уже наглымъ тономъ прибавилъ онъ.

— Гдѣ я обѣдаю, тамъ я и сплю, — сказалъ Сперстау. — Мнѣ хотѣлось бы завтра взглянуть на вашихъ вули, если вы ничего противъ этого не имѣете. Я надѣюсь, что вы дадите мнѣ мѣстечко, чтобы лечь?

Остальные гости, отговаривались своими завтрашними занятіями и, осѣдавъ лошадей, уѣхали вмѣстѣ, выслушавъ просьбу Гуммиля пріѣхать въ слѣдующее воскресенье. Направляясь по одной дорогѣ съ Моттраномъ, Лаундесъ говорилъ ему:

— Никогда въ жизни не хотѣлось мнѣ избить хозяина за его собственнымъ столомъ, какъ сегодня. Онъ сказалъ мнѣ, что я плутую въ вортахъ и напомнилъ, что я ему долженъ! А васъ прямо въ лицо назвалъ лъстецомъ! Неужели вы не оскорбились этимъ?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Моттранъ. — Бѣдняга! Развѣ вы можете сказать, что Гуммиль когда-нибудь былъ такимъ, какъ сегодня. Да ничего похожаго на это не бывало.

— Это не оправданіе. Сперстау все время толкалъ меня, и я только потому и сдерживался. А иначе я...

— Нѣтъ, ничего бы вы не сдѣлали. Вы поступили бы точно такъ же, какъ поступилъ Гуммиль съ Джевинсомъ: не осудили бы человѣка въ такой зной. Клянусь честью, узда просто жжетъ мнѣ руки. Ну, поѣдемте потише и, смотрите, не попадите въ крысы норы.

Послѣ десяти минутъ тихой рыси, Лаундесъ, обливаясь потомъ, благообразно замѣтилъ:

— Хорошо, что Сперстау остался у него ночевать.

— Да. Добрякъ этотъ Сперстау. Ну, тутъ дороги наши расходятся. Надѣюсь увидаться съ вами въ воскресенье, если только до того дня меня не спалитъ солнце.

— Я буду, если только министру финансовъ старика Тимберсаидса не удастся обкормить меня чѣмъ-нибудь. Прощайте, и... помилуй васъ Господь!

— Развѣ что-нибудь не ладно?

— Нѣтъ, нѣтъ, ничего.

Лаундесъ поднялъ хлыстъ и, стегнувъ лошадь Моттрана, прибавилъ:

— Вы славный малый, вотъ и все.

Въ эту минуту лошадь пустилась вскачь и, не останавливаясь, скакала съ полмили.

Оставшіеся въ бенгало Сперстау и Гуммиль выбурили „трубку молчанія“, зорко наблюдая другъ за другомъ. Въ холостомъ хозяйствѣ всегда можно приспособиться къ случайностямъ; такъ и теперь, слуга убралъ все со стола, принесъ двѣ грубо сколоченныя кровати, съ деревянными рамами, затянутыми веревочной сѣткой, на которую положилъ по калькутской циновеѣ, поставилъ ихъ рядомъ, пришилилъ два полотенца къ опухалу, такъ чтобы они мотались какъ разъ надъ носами спящихъ, и доложилъ, что все готово.

Хозяинъ и гость растянулись на своихъ постеляхъ, всѣми чертами заклиная прислугу, не останавливаясь, дѣйствовать опухаломъ. Всѣ двери и окна были плотно закрыты, такъ какъ внѣшній воздухъ былъ раскаленъ, какъ въ печи. Термометръ показывалъ 104 градуса и, кромѣ того, воздухъ былъ пропитанъ запахомъ отъ северно заправленныхъ лампъ. Эта вонь, смѣшанная съ запахомъ туземнаго табака, раскаленныхъ кирпичей

и пересохнувшей земли, приводитъ въ изступленіе многихъ даже сильныхъ и здоровыхъ людей. Эта вонь присуща великой индѣйской имперіи, когда она на шесть мѣсяцевъ превращается въ настоящій адъ. Сперстау поднялъ свои подушки такъ, чтобы можно было прислониться къ нимъ, а не лежать, и чтобы голова была значительно выше ногъ. Человѣку съ короткой шеей не совсѣмъ безопасно спать низко, потому что отъ сладкаго сна онъ можетъ незамѣтно перейти къ вѣчному сну, вслѣдствіе апоплексическаго удара.

— Поднимите подушки, — рѣзко сказалъ докторъ, увидавъ, что Гуммилъ собирается растянуться на постели.

Ночникъ былъ поправленъ; тѣнь отъ опахала качалась назадъ и впередъ по стѣнѣ, сопровождаемая легкимъ покачиваніемъ полотенецъ и слабымъ шуршаньемъ веревки, продѣтой въ отверстіе въ стѣнѣ. Опахало постепенно стало качаться слабѣе и почти остановилось. Потъ капалъ со лба Сперстау. Не выйти ли ему и не пугнуть ли кули, приставленнаго къ опахалу? Но вдругъ оно порывисто закачалось, и булавка вылетѣла изъ полотенца. Когда все было снова приведено въ порядокъ, за стѣной началась топотня кули, и Сперстау, повернувшись на бокъ, заворчалъ. Гуммилъ лежалъ совершенно неподвижно, вытянувшись и прижавъ къ себѣ руки. Онъ дышалъ слишкомъ часто, что служило очевиднымъ доказательствомъ, что онъ не спалъ. Сперстау посмотрѣлъ на него. Зубы у него были стиснуты, а закрытыя вѣки подергивались.

— Онъ сдерживается, настолько у него достаетъ силъ, — подумалъ Сперстау. — Что это за позоръ! Что такое съ нимъ? Гуммилъ!

— Что?

— Вы не спите?

— Нѣтъ.

— Жаръ въ головѣ? Горло пересохло? Или что-нибудь другое?

— Ничего, благодарю васъ. Я вообще мало сплю.

— Нездоровится?

— Да, нездоровится. Кромѣ того, за стѣной стучать, а я думалъ, что это стучить у меня въ головѣ. Сперстау! ради самаго Бога, дайте мнѣ чего-нибудь такого, отчего я могъ бы заснуть... крѣпко заснуть... Хотя бы только часовъ на шесть! Я много дней, — прибавилъ онъ, вскакивая, — не могу заснуть и чувствую, что вынести этого болѣе нельзя... нельзя!

— Бѣдняга!

— Что жалѣть! Дайте мнѣ что-нибудь, чтобы я уснулъ. Увѣряю васъ, что я съ ума схожу. Я не знаю самъ, что говорю. Вотъ уже три недѣли, какъ мнѣ приходится обдумывать и шептать по складамъ каждое слово, которое я хочу произнести. Мнѣ надо напрягаться при каждомъ словѣ, чтобы не сказать какой-нибудь безсмыслицы. Развѣ не довольно этого одного, чтобы сойти съ ума? Я вижу все въ иномъ свѣтѣ, и мнѣ думается, что я потерялъ чувство осязанія. Усыпите меня, Сперстау! ради Бога, дайте мнѣ возможность крѣпко заснуть. Этого одного довольно, чтобы довести человѣка до бреда. Усыпите меня!

— Хорошо, хорошо, только успокойтесь! Вы вовсе не такъ сильно больны, какъ думаете.

Разъ заговоривъ, Гуммиль ухватился за врача, какъ перепуганный ребенокъ.

— Вы сломите мнѣ руку.

— Я сломаю вамъ шею, если вы не поможете мнѣ. Нѣтъ, нѣтъ, я не то хотѣлъ сказать. Простите меня, другъ.—Онъ вытеръ потъ съ лица и, очевидно, старался совладать съ собой. По правдѣ говоря, я разстроенъ и невмѣняемъ. Можетъ быть, вы посоветуете мнѣ что-нибудь... какое-нибудь средство противъ бессонницы—бромъ или бромистый калий?..

— Ну, какой тутъ бромъ! Зачѣмъ не сказали вы мнѣ объ этомъ раньше? Отпустите мою руку, я посмотрю у себя въ папиросницѣ, нѣтъ ли тамъ какого-нибудь средства противъ вашихъ страданій.

Онъ сталъ рыться въ своей одеждѣ, прибавилъ въ лампѣ огня, досталъ папиросницу и подошелъ къ ждавшему Гуммилю съ маленькой спринцовкой.

— Послѣднее средство цивилизаціи, — сказалъ онъ, — и вещь, которую я ненавижу. Ну, протяните руку. Однако же бессонница не ослабила ваши мускулы, и какіе они твердые. Вы могли бы убить кулакомъ буйвола. Черезъ нѣсколько минутъ морфій начнетъ дѣйствовать. Лягте и ждите.

По лицу Гуммиля начала разливаться глупая, блаженная улыбка.

— Кажется, — сказалъ онъ, — кажется, я засыпаю. Вотъ настоящее-то блаженство! Сперстау, отдайте мнѣ эту коробочку...

Онъ замолчалъ и голова его опрокинулась.

— Нѣтъ, не дамъ, — безсознательно проговорилъ Сперстау.—А теперь, другъ мой, — такого рода бессонница очень

легко разстраиваетъ понятія о жизни и смерти—я приму на себя трудъ и разряжу ваши ружья.

Онъ, не надѣвая обуви, прошелъ въ комнату Гуммиля, гдѣ хранились у него ружья и досталъ два ружья и револьверъ. У ружья онъ снялъ затравочный стержень и спряталъ его въ мѣшокъ сѣдла, у револьвера онъ тоже что-то отвинтилъ и засунулъ за комодъ, а у другого ружья снялъ курки.

— Готово,—сказалъ онъ, обтирая потъ съ рукъ.— Эти предостереженія не излишни, послѣ всего, что мы слышали о случайностяхъ.

Только что успѣлъ онъ подняться, какъ послышался сильный голосъ Гуммиля, крикнувшаго въ дверь.

— Дуракъ!

Такъ человѣкъ могъ говорить только въ бреду. Сперстау бросился къ двери, и увидалъ подходившаго и хохотавшаго Гуммиля.

— Какой вы добрый,—сказалъ онъ тихо и съ разстановкой:—теперь я не буду выходить изъ дому. Сперстау ваше средство не дѣйствуетъ. Что мнѣ дѣлать?.. что мнѣ дѣлать?

На лицѣ у него была написана настоящая паника.

— Ложитесь, и усните. Сейчасъ же ложитесь.

— Не смѣю. Я только буду забываться, и на этотъ разъ не въ состояннн буду встать. Знаете, вѣдь я едва добрался сюда? А вообще вѣдь я очень подвиженъ, но вы точно связали мнѣ ноги. Я весь обезсилѣлъ.

— Понимаю. Идите и ложитесь.

— Нѣтъ, это не бредъ; но вы здорово подшутили надо мною. Я чуть было не умеръ.

Какъ губкой вытирается все съ доски, такъ и съ лица Гуммиля какими-то неизвѣстными Сперстау силами, стерлось все человѣческое, и онъ стоялъ въ дверяхъ, какъ чѣмъ-то озадаченный ребенокъ.

— Неужели онъ у меня умретъ?—подумалъ Сперстау.— Ну хорошо, сынъ мой,—громко прибавилъ онъ.—Идемте на постель, и расскажите мнѣ, что съ вами. Вы не можете спать; но что же вамъ мѣшаетъ?

— Тамъ одно мѣсто,—простодушно отвѣчалъ Гуммилъ. Приѣмъ дѣйствовалъ на него волнообразно, и онъ переходилъ отъ страха крѣпкаго человѣка къ дѣтской боязни.—Господи, помилуй! да я уже цѣлые мѣсяцы боюсь этого, Сперстау.

Каждую ночь я терплю адскія муки, а между тѣмъ я ничего дурного не сдѣлалъ.

— Успокойтесь, я дамъ еще одинъ приемъ. Мы прекратимъ ваши мученія.

— Но мнѣ надо дать большой приемъ, такъ чтобы я не могъ встать. Надо меня усыпить совсѣмъ... а не чуть-чуть. Во снѣ не будешь вставать.

— Знаю, знаю. Все это я самъ испыталъ. Всѣ симптомы мнѣ знакомы.

— Не смѣйтесь надо мною, чортъ васъ возьми! Прежде чѣмъ я познакомился со страшной бессонницей, я пробовалъ засыпать на локтѣ и клалъ въ постель гвоздь, для того, чтобы онъ укололъ меня, если я опрокинусь назадъ. Посмотрите!

— Клянусь честью! Вы исполосаны какъ лошадь. А мы всѣ считали васъ здравомыслящимъ человѣкомъ. Любите вы говорить?

— Да, иногда. Но не тогда, когда я перепуганъ. Тогда мнѣ хочется убѣжать.

— Но, прежде чѣмъ я сдѣлаю вамъ второе впрыскиванье, вы должны попытаться рассказать мнѣ, что съ вами?

Гуммиль въ продолженіе десяти минутъ говорилъ прерывистымъ шопотомъ, а Сперстау смотрѣлъ ему прямо въ глаза и раза два провелъ рукою передъ его глазами.

Когда рассказъ кончился, серебряная папиросница снова появилась на свѣтъ, и, опрокидываясь навзничь, Гуммиль проговорилъ:

— Положите меня хорошенько; потому что я умираю... умираю.

— Да, да, рано или поздно умереть надо, и слава Богу, что страданія наши когда-нибудь кончаются, — сказала Сперстау, поправляя подушки. — Мнѣ думается, что и я усну непремѣнно, если не выпью чего-нибудь.

Онъ приготовилъ себѣ горячаго чаю, чудное средство противъ удара, въ особенности, если сразу выпить три, четыре чашки. Затѣмъ онъ сталъ наблюдать за спящимъ.

— Несчастное лицо, проливающее слезы и лишенное возможности вытереть глаза! Гуммилю положительно надо взять отпускъ, и какъ можно скорѣе. Здоровъ онъ или нѣтъ, но, во всякомъ случаѣ онъ страшно разстроенъ. Дай мнѣ, Господи, понять его болѣзнь!

Въ полдень Гуммиль проснулся съ отвратительнымъ вкусомъ во рту, но съ яснымъ взглядомъ и веселый.

— Скъверно мнѣ было ночью, не правда ли?—сказалъ онъ.

— Да, я видѣлъ болѣе здоровыхъ людей. У васъ былъ, вѣроятно, солнечный ударъ. Послушайте, если я напишу вамъ свидѣтельство о болѣзни, попросите ли вы тотчасъ же отпускъ?

— Нѣтъ.

— Почему? Вамъ онъ необходимъ.

— Да, но мнѣ надо потерпѣть, пока не спадутъ жары.

— Зачѣмъ же, если васъ отпустить сейчасъ же?

— На мое мѣсто могутъ прислать только одного Беркета, а вы знаете, какъ онъ глупъ.

— Да вамъ-то что за дѣло? Работа и безъ васъ пойдетъ отлично. Телеграфируйте объ отпускѣ.

Гуммилъ смутился.

— Я могу выдержать до дождей.

— Не можете. Телеграфируйте въ главную квартиру къ Беркету.

— Не хочу. Если вамъ хочется знать почему именно, то я вамъ скажу: Беркетъ женатъ, и жена его только что родила маленькаго, и она теперь въ Симлѣ, въ прохладѣ, а у Беркета взять билетъ, по которому онъ ѣздитъ къ ней съ субботы до понедѣльника. Жена его очень слабого здоровья. Если Беркета переведутъ, то она непременно послѣдуетъ за нимъ. Если она оставитъ ребенка, то умретъ съ тоски. Если она приѣдетъ—а вѣдь Беркетъ такой эгоистъ, который постоянно толкуетъ о томъ, что мѣсто жены подлѣ мужа— и она умретъ. Привести сюда теперь женщину—значитъ убить ее. Беркетъ самъ живучъ, какъ крыса. Здѣсь онъ проживетъ отлично. Я знаю, что денегъ у него нѣтъ, слѣдовательно, она поѣдетъ съ нимъ. Я же въ нѣкоторомъ родѣ обтерпѣлся и не женатъ. Подождите, когда начнутся дожди, и тогда можно будетъ выписать сюда Беркета. Для него это будетъ очень хорошо.

— Вы хотите этимъ сказать, что еще пятьдесятъ шесть ночей готовы испытывать то, что уже испытывали?

— Ну теперь этого не будетъ, вы показали мнѣ, что существуетъ средство. Я всегда могу телеграфировать вамъ. Кромѣ того, теперь, когда я началъ уже спать, все пойдетъ отлично. Во всякомъ случаѣ, отпуска я не возьму. Коротко и ясно.

— Боже ты мой! Я думалъ, что такихъ людей больше нѣтъ на свѣтѣ.

— Полноте! вы сдѣлали бы то же самое. Благодаря этой

папиросницѣ, я чувствую себя совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Вы отправляетесь теперь въ селеніе?

— Да, но черезъ нѣсколько дней постараюсь побывать у васъ, если только будетъ какая-нибудь возможность.

— Ну, да вѣдь я не такъ же плохъ! Зачѣмъ я буду васъ беспокоить? Дайте вѣли водки и грибной сои.

— Такъ вы чувствуете себя совсѣмъ хорошо?

— Я чувствую себя способнымъ отстаивать себя, но не въ силахъ стоять съ вами на солнцѣ. Ну, отправляйтесь и Господь съ вами!

Гуммилъ повернулся, пошелъ обратно въ свой унылый бенгало, и прежде всего увидалъ на верандѣ самого себя. Онъ видѣлъ уже прежде такое видѣніе, однажды, когда слишкомъ утомился отъ работы во время сильныхъ жаровъ.

— Это сѣверно,—сказалъ онъ, протирая глаза. — Если эта штука исчезнетъ съ своего мѣста, какъ призракъ, я буду знать, что зрѣніе и желудокъ у меня разстроены. Если же начнетъ двигаться, то значить у меня голова не въ порядкѣ.

Онъ сталъ подходить къ призраку, который, конечно, оставался на прежнемъ отъ него разстояніи, какъ всегда бываетъ при галлюцинаціяхъ отъ переутомленія. Онъ двигался вмѣстѣ съ нимъ по всему дому и исчезъ только при яркомъ солнечномъ свѣтѣ въ саду. Гуммилъ отправился на работы и занимался до сумерекъ. Вернувшись домой обѣдать, онъ засталъ себя самого за столомъ. Призракъ всталъ и быстро ушелъ.

Ни одна живая душа не знала, что пережилъ въ эту недѣлю Гуммилъ. Усилившаяся эпидемія задержала Сперстау въ поселеніи, и онъ могъ только телеграфировать Моттрану, прося его отправиться въ бенгало, чтобы провести тамъ ночь. Но Моттранъ работалъ за сорокъ миль отъ ближайшей телеграфной станціи и ничего не зналъ, пока не встрѣтилъ рано по утру въ воскресенье Лаундеса и Сперстау, направлявшихся къ Гуммилю съ обычнымъ еженедѣльнымъ визитомъ.

— Надѣюсь, что бѣдняга сегодня въ лучшемъ расположеніи духа,—сказалъ Моттранъ;—кажется, онъ еще не вставалъ.

— Я только что хотѣлъ взглянуть на него,—сказалъ докторъ.—Если онъ спитъ, то не надо его будить.

А черезъ минуту, по голосу, какимъ Сперстау звалъ ихъ, пріѣхавшіе узнали въ чемъ дѣло.

Опахало все еще качалось надъ постелью, но Гуммилъ отошелъ въ вѣчность, по крайней мѣрѣ, часа три тому назадъ.

Тѣло лежало на спинѣ, съ прижатыми въ бокамъ руками, точно такъ же, какъ лежало недѣлю тому назадъ при Сперстау. Широко открытые глаза выражали неописанный ужасъ.

Мотгранъ, вошедшій за Ландесомъ, наклонился надъ покойникомъ и слегка привоснулся губами въ его лбу.

— Счастливецъ, счастливецъ, — прошепталъ онъ.

Но Лаундесъ, посмотрѣвъ ему въ глаза, съ ужасомъ отступилъ на другой конецъ комнаты.

— Бѣдняга! бѣдняга! А въ послѣдній разъ, я еще разсердился на него. Намъ бы слѣдовало, Сперстау, ходить за нимъ. Неужели онъ... самъ...

— Нѣтъ, не самъ, — отвѣчала докторъ. — Тутъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ. Позовите прислугу.

Въ комнату вошло восемь или десять человѣкъ прислуги.

— Когда вашъ сагибъ легъ спать? — спросилъ Сперстау.

— Въ одиннадцать или десять, должно быть, — сказалъ слуга, состоявшій лично при Гуммилѣ.

— Онъ былъ здоровъ? Впрочемъ, почему же ты можешь знать это?

— Насколько я могу понять, боленъ онъ не былъ. Но три ночи онъ почти не спалъ. Это я знаю, потому что видѣлъ, какъ онъ много ходилъ, особенно ночью.

Когда Сперстау сталъ поправлять простыни, съ постели упалъ большой охотничій ножъ. Докторъ тяжело вздохнулъ, а слуга посмотрѣлъ на тѣло.

— Что ты думаешь, Чума? — спросилъ Сперстау, подмѣтивъ вопросительное выраженіе на черномъ лицѣ.

— По моему жалкому мнѣнію, этотъ покойникъ, бывшій прежде моимъ господиномъ, сошелъ въ мрачную преисподнюю и тамъ былъ пойманъ, потому что не успѣлъ во время выбраться изъ нея. Этотъ ножъ показываетъ, что онъ боролся со страхомъ. Я видѣлъ, какъ такимъ образомъ боролись во снѣ люди моего племени.

— Ахъ ты дуботолкъ, Чума! Ну, иди и приготовь печати, чтобы наложить ихъ на вещи сагиба.

— Господь создалъ васъ богоподобными. Господь создалъ и меня. Смѣемъ ли мы вмѣшиваться въ Его размышленія. Я приважу прислугѣ не входить въ домъ, пока вы будете описывать имущество сагиба. Всѣ они воры, и непременно украдутъ что-нибудь.

— Насколько я могу судить, онъ умеръ отъ... ну не все ли равно? отъ разрыва сердца, отъ удара, или отъ чего-нибудь

другого,—сказаль Сперстау своимъ пріятелямъ.—Намъ надо переписать его имущество.

— Онъ умеръ отъ испуга,—настаиваль Лаундесъ.— Вы посмотрите въ эти глаза! Ради Бога, не хороните его съ открытыми глазами.

— Отчего бы онъ ни умеръ, но теперь онъ пересталь страдать,—тихо проговориль Моттранъ.

Сперстау смотрѣль въ широкораскрытые глаза.

— Подойдите же сюда,—сказаль онъ.— Видите вы что-нибудь?

— Я не могу смотрѣть на него!—проговориль Лаундесъ.— Закройте ему лицо! Неужели существуютъ тавія вещи, которыя могутъ до такой степени напугать человѣка? Вѣдь это ужасно. Ахъ, Сперстау, прикройте его.

— Нѣтъ... Это не испугъ,—сказаль Сперстау. Моттранъ, опираясь на его плечо, пристально смотрѣль на покойника.

— Я ничего не вижу, кромѣ сѣрыхъ пятнышекъ на зрачкѣ. Да и что же тутъ можно видѣть.

— А вотъ мы посмотримъ. Сколотить гробъ менѣе, чѣмъ въ полдня мы не успѣемъ; а онъ умеръ, вѣроятно, въ полночь. Лаундесъ, милѣйшій, пойдите и распорядитесь, чтобы були вырыли могилу рядомъ съ могилой Джевинса. Моттранъ, обойдите съ Чумой весь домъ и наложите вездѣ печати. А ко мнѣ пошлите кого-нибудь, мы приберемъ тутъ.

Прислуга, вернувшись потомъ къ своимъ, рассказывала странныя вещи о сагибѣ докторѣ, который тщетно старался оживить ихъ господина разнымъ колдовствомъ. Онъ держаль вакой-то зеленый ящикъ передъ каждымъ глазомъ повойнива и потомъ захлопываль его и что-то бормоталь, унося куда-то съ собой зеленый ящикъ.

Стуеъ гвоздей, которыми сколачивають гробъ, не совсѣмъ пріятно слушать; но люди, много пережившіе, говорятъ, что легкое шуршаніе холста, на которомъ спускають въ могилу бранные останки, и стуеъ гроба о дно могилы еще гораздо непріятнѣе.

Въ послѣднюю минуту совѣсть Лаундеса заговорила.

— Слѣдовало бы прочесть всѣ молитвы,—сказаль онъ.

— Я тоже думаю. Но вы старше меня, и читать слѣдуетъ вамъ.

— Я не то хотѣль сказать. Я желаль бы достать священника, и готовъ для этого съѣздить куда угодно... Мнѣ хотѣлось бы сдѣлать это для Гуммиля. Вотъ и все!

— Пустяки!—сказаль Сперстау,—и началъ читать заупокойную молитву.

Послѣ завтрака они выкурили трубку молчанія въ память усопшаго. Затѣмъ Сперстау задумчиво проговорилъ:

— Этого въ медицинской наукѣ нѣтъ.

— Чего?

— Того, что есть въ глазахъ покойника.

— Ради Бога, перестаньте говорить объ этихъ ужасныхъ вещахъ!—вскричалъ Лаундесъ.—Я видѣлъ туземца, который умеръ отъ страха, когда на него бросился тигръ. Я знаю, что убило Гуммиля.

— Чорта вы знаете! Вотъ я попробую узнать.

Докторъ удалился въ ванную комнату съ фотографической камерой, и плескался тамъ минутъ съ десять. Затѣмъ послышался звонъ битого стекла, и Сперстау вышелъ оттуда совершенно блѣдный.

— Получили негативъ?—сказаль Моттранъ.—Что же на немъ видно?

— Ничего. Нѣчто невозможное. Вамъ, Моттранъ, смотрѣть нечего. Я разбилъ его. На немъ ничего не было. Нѣчто невозможное.

— Вы теперь говорите неправду,—проговорилъ Лаундесъ, глядя на дрожащую руку, пытавшуюся набить трубку.

На нѣкоторое время снова водворилось молчаніе. Горячій вѣтеръ поднялъ пыль за стѣною, и сухія деревья словно зарыдали. Въ эту минуту въ раскаленномъ воздухѣ обрисовался ежедневный поѣздъ, со сверкающей мѣдью, съ горящей сталью и съ извергающимся паромъ.

— Намъ лучше уѣхать съ этимъ поѣздомъ,—сказаль Сперстау.—Примемся опять за свою работу. Я свидѣтельство написалъ. Теперь намъ дѣлать здѣсь больше нечего. Ѣдемте.

Никто не трогался съ мѣста. Въ іюньскій полдень ѣхать по желѣзной дорогѣ непріятно. Сперстау взялъ шляпу и хлысть и, обернувшись къ дверямъ, сказалъ:

Можетъ быть и рай...

Долженъ быть и адъ...

А жить все же надо.

На это ни Моттранъ, ни Лаундесъ ничего не сказали.

Пер. Л. Шелгуновой.

ПРОЦЕССЪ ОПОЛОДТВОРЕНІЯ ВЪ РАСТИТЕЛЬНОМЪ ЦАРСТВѢ.

И. П. БОРОДИНА.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Введеніе.—Безполое и половое размноженіе.—Устройство цвѣтка.—Какъ развилось представленіе о существованіи половъ у растений.

Нѣтъ въ мірѣ тайны болѣе заманчивой, какъ тайна жизни. Богословъ, философъ, историкъ, естествоиспытатель, каждый по своему, стараются разгадать ее, изучая то сложнѣйшія проявленія жизни въ области духа, то матеріальную подкладку жизненныхъ явленій—живую матерію. Во всеоружіи скапеля, микроскопа, реактива и логики подходитъ естествоиспытатель къ живымъ существамъ, стараясь вырвать у нихъ ревниво скрываемую ими тайну; попеременно обращается онъ то къ вѣнцу творенія—человѣку, то къ подонкамъ жизни — туда, гдѣ дыханіе ея обнаруживается въ наипростѣйшей формѣ. Нужно-ли прибавлять, что тайна по прежнему остается тайною? Суждено-ли человѣку вообще проникнуть въ ея сущность,—кто можетъ отвѣтить на этотъ вопросъ? Но сомнѣніе здѣсь какъ нельзя болѣе законно. Истина—кругъ, знаніе—многоугольникъ, вписанный въ этомъ кругѣ. Съ каждымъ годомъ, съ каждымъ днемъ мы умножаемъ число сторонъ многоугольника и приближаемся къ кругу, но достигнуть его мы можемъ лишь подъ маленькимъ условіемъ — безконечности. Значитъ ли это, что не стоитъ даже интересоваться наукой? Разумѣется, нѣтъ. Всего дальше отъ истины тотъ, кто отъ нея упорно отворачивается.

Въ настоящемъ очеркѣ мы попытаемся, насколько это возможно въ настоящее время, приподнять завѣсу съ одной изъ любопытнѣйшихъ сторонъ жизни.

Однимъ изъ важнѣйшихъ признаковъ всякаго живаго существа, будь то животное или растеніе, является присущая ему способность воспроизводить существа себѣ подобныя, способность—

*

размноженія. Только на самыхъ низкихъ ступеняхъ организаціи это размноженіе совершается простымъ распаденіемъ организма на-двое или отдѣленіемъ извѣстной части, формирующейя непосредственно въ новое живое существо. У огромнаго большинства животныхъ и растений размноженіе происходитъ гораздо сложнѣе, и образованіе новаго организма является результатомъ особаго акта, называемаго *оплодотвореніемъ*, причѣмъ замѣчается взаимодействие двухъ разнородныхъ съ виду элементовъ — *мужскаго* и *женскаго*. Женскій элементъ даетъ матеріальную основу для построенія новаго существа, мужской же, какъ будто, только сообщаетъ необходимый для дальнѣйшаго развитія этой основы импульсъ.

Впрочемъ, кромѣ подобнаго *половаго* способа размноженія, тотъ же организмъ можетъ представлять иногда даже нѣсколько другихъ способовъ размноженія *безполого*, не сопровождающагося оплодотвореніемъ и не требующаго выработки мужскихъ и женскихъ элементовъ. Для примѣра возьмемъ общеизвѣстное размноженіе картофеля. Его разводятъ на практикѣ посредствомъ тѣхъ самыхъ картофелинъ, которыя мы употребляемъ въ пищу. Картофелины же эти развиваются въ землѣ въ видѣ утолщеній особыхъ подземныхъ стебельковъ, на первый взглядъ производящихъ впечатлѣніе корней. Если картофельное растеніе предоставитъ самому себѣ, то въ теченіе зимы тоненькіе стебельки, связывавшіе подъ землею всѣ картофелины одного экземпляра между собою, погибнутъ, послѣднія разъединятся, и весною каждая изъ нихъ дастъ начало новому экземпляру картофельнаго растенія. Ни при образованіи картофельныхъ «клубней», какъ называютъ въ наукѣ такія утолщенія, ни при ихъ прорастаніи, не замѣчается никакого намека на оплодотвореніе. Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ передъ собою безполое размноженіе картофельнаго растенія, и его слѣдуетъ, очевидно, поставить на одну доску съ размноженіемъ, на примѣръ, клубники посредствомъ отпрысковъ, называемыхъ «усами», съ размноженіемъ множества растеній при помощи черенковъ или отводковъ, луковичныхъ растеній посредствомъ луковицъ и т. п. Всякій знаетъ, что во многихъ случаяхъ достаточно бываетъ посадить въ землю срѣзанную вѣточку—и она превращается постепенно въ новый, полный экземпляръ того же растенія. Клубни картофеля отнюдь не представляютъ плодовъ производящаго ихъ растенія, хотя въ сельскомъ хозяйствѣ картофель и относятъ, вмѣстѣ съ морковью, свекловицею, рѣпюю и т. п., къ числу такъ-называемыхъ «корнеплодныхъ» растеній. Слово «плодъ» употребляется тогда совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, который придаетъ ему наука.

Оно означаетъ, такъ сказать, плодъ усилій воздѣлывавшаго растеніе человѣка, потому что въ этихъ «корнеплодахъ» наиболѣе цѣнною является подземная часть растенія, а ее, обыкновенно, безъ дальнѣйшихъ околичностей, называютъ, не всегда справедливо, корнею. Наука же подъ именемъ плода разумѣетъ образованіе, содержащее внутри одно или нѣсколько сѣмянъ и развившееся изъ цвѣтка—какъ результатъ сложнаго акта оплодотворенія, разыгравшагося въ этомъ цвѣткѣ. Всякій знаетъ, что картофель цвѣтетъ, даже весьма красиво, цвѣтетъ не въ землѣ, а въ воздухѣ; изъ цвѣтвъ-то его получаютъ дѣйствительные плоды въ видѣ зеленыхъ яблочковъ, не имѣющіе, впрочемъ, цѣны въ практикѣ. Однако, если имъ дать созрѣть, то изъ многочисленныхъ, заключенныхъ въ мякоти, сѣмянъ ихъ можно, какъ и изъ клубней, вырастить новые экземпляры картофеля. Вотъ, слѣдовательно, характерный примѣръ двойкаго размноженія одного и того же растенія: клубни представляютъ органы безполога, сѣмена—органы полового размноженія картофеля. Человѣкъ, обыкновенно, пользуется лишь первымъ способомъ, не давая даже дозрѣвать сѣменамъ; предоставленный же самъ себѣ, картофель сталъ бы размножаться какъ тѣмъ, такъ и другимъ путемъ.

Тутъ невольно возникаетъ вопросъ—безразлично-ли для растенія, какимъ изъ этихъ двухъ способовъ оно будетъ плодиться, а слѣдовательно также, все ли равно для хозяина разводить картофель изъ клубней или изъ сѣмянъ? Теоретически есть полное основаніе ожидать отрицательнаго отвѣта. Едва ли организму все равно—отдѣлится ли отъ себя прямо извѣстную часть для образованія новаго организма, или прибѣгнуть для этой цѣли къ сложному акту оплодотворенія. Въ противномъ случаѣ трудно было бы понять, для чего картофель образуетъ цвѣты, плоды, сѣмена, когда онъ имѣетъ въ клубняхъ такое, повидимому, превосходное и вѣрное средство поддерживать существованіе себѣ подобныхъ растеній на землѣ. И дѣйствительно, непосредственный опытъ научилъ человѣка различать безполое и половое размноженіе по ихъ результату и прибѣгать, смотря по надобности, то къ тому, то къ другому изъ нихъ. Суть дѣла заключается въ томъ, что при размноженіи безполымъ сохраняются не только, такъ-называемыя, видовыя, но даже чисто-индивидуальныя особенности организма, тогда какъ при размноженіи половымъ путемъ индивидуальныя черты сглаживаются и остаются только видовыя, въ силу которыхъ картофель остается картофелемъ, василекъ василькомъ и т. д. Поэтому, если извѣстный экземпляръ представилъ какое-либо отклоненіе отъ нормы, напримѣръ, необычную форму листьевъ, необыкновенную

окраску цвѣтка, и мы желаемъ сохранить это уклоненіе въ потомствѣ, развести подобные экземпляры, мы вѣрнѣе достигнемъ цѣли, прибѣгая къ размноженію черенками, напримѣръ, нежели къ собиранію сѣмянъ этого экземпляра. Истинный смыслъ указаннаго различія можетъ, впрочемъ, выясниться только тогда, когда мы ближе познакомимся съ процессомъ оплодотворенія въ растеніяхъ, что и составляетъ цѣль настоящаго очерка.

Въ настоящее время никто уже не сомнѣвается въ томъ, что цвѣтокъ представляетъ сложный снарядъ, служащій для полового размноженія растенія; всѣ разнообразныя органы этого снаряда, прямо или косвенно, причастны акту оплодотворенія, который разыгрывается въ цвѣткѣ и приводитъ къ образованію одного или нѣсколькихъ сѣмянъ. Немногимъ извѣстно однако, какой длинный, тернистый путь должна была пройти наука, прежде чѣмъ выработать представленіе о существованіи въ растеніяхъ мужскихъ и женскихъ элементовъ и установить въ этомъ отношеніи полную аналогію между растительнымъ и животнымъ царствами. Тогда какъ въ животномъ мірѣ существованіе и значеніе самцовъ и самокъ было извѣстно съ древнѣйшихъ временъ, даже въ нашемъ столѣтіи находились еще люди, утверждавшіе, будто все ученіе о половомъ процессѣ въ растеніяхъ есть не болѣе, какъ фантазія.



Рис. 1.

Чтобы понять причину столь различнаго отношенія къ аналогическому, въ сущности, явленію, намъ нужно въ общихъ чертахъ ознакомиться съ устройствомъ цвѣтка. Хотя цвѣты свойственны далеко не всѣмъ растеніямъ, но человѣку съ давнихъ поръ приходилось сталкиваться почти исключительно съ растеніями, принадлежащими къ числу цвѣтковыхъ; по своей величинѣ, по пользѣ, которую человѣкъ научился извлекать изъ нихъ, они предпочтительно приковывали къ себѣ его вниманіе.

Рис. 1 изображаетъ знакомый всякому цвѣтокъ лиліи. Шесть окрашенныхъ нѣжныхъ листочковъ образуютъ покровъ цвѣтка; они придаютъ ему красу, дѣлаютъ его замѣтнымъ издали, но въ про-

цессѣ оплодотворенія принимаютъ, какъ увидимъ далѣе, лишь косвенное участіе. Внутри цвѣтка замѣчаются нитеновидные органы двоякаго рода: во-первыхъ, шесть тонкихъ нитей, заканчивающихся удлинненными головками желтаго цвѣта; это—*тычинки*, составленныя каждая изъ *нити* и *пыльничка*, такъ какъ въ головкѣ заключена особая желтая пыль, высыпающаяся изъ зрѣлыхъ пыльниковъ наружу. Во-вторыхъ, въ самомъ центрѣ цвѣтка замѣтна седьмая, болѣе толстая и длинная, притомъ зеленая нить: это—*пестикъ*. Наиболее интересной, основной, сильно утолщенной части пестика на нашемъ рисункѣ, впрочемъ, не видно, такъ какъ она закрыта листочками покрова. А интересна эта часть, называемая *завязью*, потому что, очевидно, представляетъ собою зачатокъ будущаго плода.

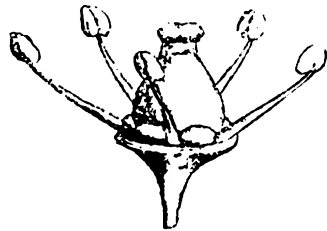


Рис. 2,

Если ее разрѣзать, мы найдемъ въ ней, какъ и въ плодѣ лиліи, три полости, отдѣленные другъ отъ друга перегородками, и въ каждой полости большое число мелкихъ бѣлыхъ тѣлецъ, называемыхъ *яичками* и представляющихъ ничто иное какъ будущія *сѣмена* нашего растенія. Двѣ части пестика, замѣтныя на рисункѣ, носятъ названіе *столбика* и *рыльца*. Рисунокъ 2-й изображаетъ цвѣтокъ винограда послѣ удаленія покрововъ; мы легко различаемъ пять тычинокъ, окружающихъ пестикъ. Последній отлчается отъ пестика лиліи слабымъ развитіемъ столбика: рыльце почти прямо насажено на завязь, которая современемъ превращается въ плодъ—общезвѣстную ягоду винограда. Наконецъ, на рис. 3-мъ мы видимъ цвѣтокъ фуксiи, разрѣзанный вдоль, чтобы показать скрытыя въ завязи яички.

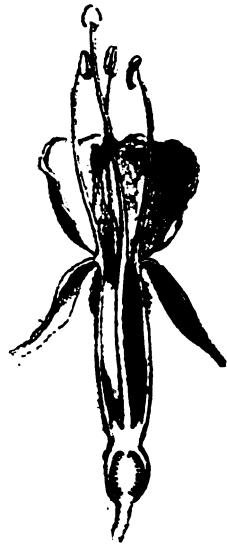


Рис. 3.

Даже не искусившійся въ тонкостяхъ естествознанія, образованный человекъ знаетъ, въ настоящее время, что завязь даетъ плодъ, а яички превращаются въ сѣмена только подъ условіемъ происшедшаго оплодотворенія; въ противномъ случаѣ цвѣтокъ не достигаетъ своей цѣли, получается, какъ говорятъ, пустоцвѣтъ. Для оплодотворенія же необходимо, чтобы пыль, образовавшаяся въ тычинкахъ, попала на рыльце пестика. Такимъ образомъ, тычинка оказывается *мужскимъ*, оплодотворяющимъ органомъ, а

пестикъ—*женскимъ*, оплодотворяемымъ. Какъ у лиліи, такъ и у винограда мы находимъ тѣ и другіе органы не только на одномъ и томъ же экземплярѣ растенія, но даже внутри одного и того же цвѣтка. То же явленіе повторяется вообще у огромнаго большинства растений, снабженныхъ цвѣтами; обыкновенно, цвѣтокъ оказывается *обоимъ*. Въ такихъ случаяхъ о самцахъ и самкахъ, въ качествѣ отдѣльныхъ недѣлимыхъ, какъ они, обыкновенно, наблюдаются въ животномъ царствѣ, разумѣется, не можетъ быть рѣчи, и это именно обстоятельство болѣе всего препятствовало правильному истолкованію тычинокъ и пестика въ качествѣ половыхъ органовъ. Существуютъ однако растенія, снабженныя цвѣтами, какъ выражаются ботаники, *одноимыми*, т.-е. такими, въ которыхъ, помимо покрововъ, находится только одинъ родъ существенныхъ органовъ—или только тычинки, или же исключительно пестикъ. Тогда растеніе производитъ непремѣнно двоякаго рода цвѣты: одни—мужскіе, съ тычинками, другіе—женскіе, съ пестиками; конечно, только послѣдніе превращаются въ плоды, первые же являются какъ бы пустоцвѣтомъ, въ сущности же доставляютъ пыль, необходимую для оплодотворенія женскихъ цвѣтковъ. Въ подобныхъ случаяхъ является возможность двухъ различныхъ комбинацій: или мужскіе и женскіе цвѣты размѣщаются на одномъ и томъ же экземплярѣ даннаго растенія, хотя нерѣдко на значительномъ разстояніи другъ отъ друга, или же они распредѣляются на двухъ различныхъ экземплярахъ. Въ первомъ случаѣ принято называть растеніе *однодомнымъ*, во второмъ—*двудомнымъ*. Понятно, что большинство растений не принадлежитъ ни къ той, ни къ другой изъ этихъ категорій, такъ какъ снабжено цвѣтами обоимъ. Въ примѣръ однодомныхъ растений можно привести многія изъ нашихъ деревьевъ. Такъ, у дуба при основаніи развившейся вѣсною изъ почки вѣтки помѣщается цѣлый пучекъ тонкихъ повислыхъ ниточекъ, усаженныхъ рѣдкими, невзрачными цвѣточками, въ которыхъ нѣтъ пестиковъ, а только тычинки; эти нитевидныя группы (сережки) мужскихъ цвѣтковъ скоро засыхаютъ и сбрасываются. На вершинѣ той же вѣтки дуба сидятъ женскіе цвѣты, иначе устроенные, привѣтливо выглядывающіе своими красненькими рыльцами и современемъ превращающіеся въ жолуди. Совершенно такое же расположеніе цвѣтовъ представляетъ грецкій орѣшникъ. У березы мужскіе цвѣты можно видѣть даже зимою на концахъ вѣтвей, гдѣ они сидятъ, тѣсно скученные, въ видѣ коричневыхъ рогулекъ; женскіе, собранные также въ сережки, обнаруживаются только лѣтомъ, когда вмѣстѣ съ листьями вылупляются изъ почекъ. При этомъ оказывается, что каждый экземпляръ березы,

достигшіи возмужалости, т.-е. возраста, въ которомъ онъ получаетъ возможность цвѣсти, производитъ какъ мужскія, такъ и женскія сережки. Въ примѣръ растений двудомныхъ можно привести ивы и коноплю. Ивы, а также сходные съ ними тополи, подобно березѣ, располагаютъ свои цвѣты сережками. Рис. 4-й представляетъ сережку ивы, составленную изъ мужскихъ, а рис. 5-й—такую



Рис. 4.

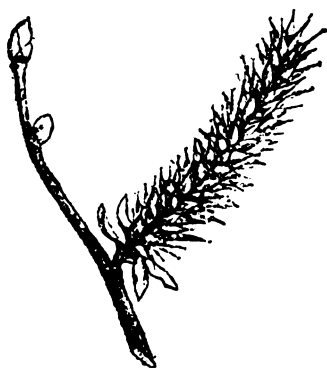


Рис. 5.

же сережку изъ женскихъ цвѣтковъ; отдѣльные же цвѣтки, мужской и женскій, изображены на рис. 6 и 7. Въ первомъ мы замѣчаемъ двѣ тычинки, во-второмъ—пестыкъ, а вмѣсто покрова въ обоихъ находится по одной чешуйкѣ. Мохнатыя образования, памятные каждому на вѣтвяхъ вербъ, суть ничто иное, какъ не вполне распустившіяся сережки. Отсюда произошло нѣмецкое названіе послѣднихъ—кошечки (Kätzchen). Мужскія и женскія сережки у ивъ никогда не встрѣчаются на одномъ и томъ же экземплярѣ; вѣточки, изображенныя на рис. 4 и 5, сняты съ двухъ различныхъ особей, принадлежащихъ однако къ той же породѣ, къ тому же *виду* ивы, какъ выражаются ботаники. Здѣсь, слѣдовательно, не только отдѣльный цвѣтокъ, но весь экземпляръ растенія сдѣлался либо мужскимъ, либо женскимъ, совершенно такъ, какъ это бываетъ, обыкновенно, въ животномъ царствѣ. Только совокупность обоихъ экземпляровъ, растущихъ, быть можетъ, да-



Рис. 6.



Рис. 7.

леко одинъ отъ другого, даетъ намъ полное понятіе о двудомномъ растеніи. То же явленіе замѣчается и у конопли.



Рис. 8.



Рис. 9.

не знаемъ. Весьма любопытенъ однако тотъ фактъ, что, по нѣкоторымъ наблюденіямъ, численное отношеніе мужскихъ и женскихъ

женскими экземплярами (рис. 8), дающими сѣмена, растутъ особые мужскіе (рис. 9), производящіе исключительно тычиночные цвѣты и извѣстные даже въ народѣ подъ именемъ покони. Тѣ и другіе экземпляры развиваются изъ совершенно одинаковыхъ сѣмянъ, и предсказать заранѣе полъ особи, пока она не обозначитъ его сама образованіемъ тѣхъ или другихъ цвѣтковъ, представляется совершенно невозможнымъ. Вопросъ о томъ, въ какое время и чѣмъ опредѣляется тотъ или другой полъ недѣлимаго, для двудомныхъ растеній выясненъ столь же мало, какъ и для животныхъ. Намѣченъ ли полъ уже въ сѣмени, или онъ обуславливается только впоследствии какими-либо внѣшними вліяніями, мы

экземпляровъ представляетъ замѣчательное постоянство при самыхъ разнообразныхъ внѣшнихъ условіяхъ, хотя различно для разныхъ растений. Такъ, напримѣръ, для одной изъ нашихъ дикихъ двудомныхъ травъ (*Mercurialis annua*) найдено, что на каждые 100 женскихъ экземпляровъ постоянно приходится 106 мужскихъ—отношеніе, какъ разъ совпадающее съ тѣмъ, которое наблюдается въ человѣческомъ обществѣ (на каждые 100 мальчиковъ приходится около 106 дѣвочекъ); у конопли, напротивъ, на 100 женскихъ экземпляровъ оказывается всего 86 мужскихъ. Такимъ образомъ, у перваго растенія численный перевѣсъ находится на сторонѣ мужскихъ, а у втораго—на сторонѣ женскихъ экземпляровъ.

Какъ бы то ни было, весьма понятно, что двудомныя растенія скорѣе всего должны были навести человѣка на мысль о существованіи половыхъ элементовъ и въ растительномъ царствѣ. Такъ какъ двудомность свойственна, между прочимъ, нѣкоторымъ изъ растений, съ давнихъ поръ культивировавшихся человѣкомъ, то неудивительно, что исторія занимающаго насъ вопроса скрывается, можно сказать, во мракѣ временъ. Вначалѣ трудно однако уяснить себѣ—слѣдуетъ ли понимать тамъ и сямъ встрѣчающіяся выраженія «мужское» и «женское», примѣнительно къ растеніямъ, въ буквальномъ смыслѣ слова или, скорѣе, въ смыслѣ поэтической метафоры. Пылкая фантазія арабовъ, напримѣръ, готова была видѣть въ каждомъ засохшемъ деревѣ результатъ неудовлетвореннаго стремленія къ любви. Правда, по свидѣтельству Геродота, уже вавилоняне различали, какъ оказалось впоследствии, совершенно вѣрно мужскіе и женскіе экземпляры финиковой пальмы и даже практиковали между ними искусственное оплодотвореніе: воздѣлывались исключительно женскіе экземпляры, но на нихъ вѣшали срѣзанныя въ лѣсу цвѣтушія вѣточки мужскихъ. Однако удивленіе, а нерѣдко и скептицизмъ, съ которыми послѣдующіе писатели относились къ этому факту, лучше всего свидѣтельствуетъ о томъ, какъ мало подготовлены были умы въ этомъ направленіи. Между тѣмъ, вѣчто подобное давно предѣлывалось въ самой Греціи надъ смоковницею, растеніемъ, плоды котораго извѣстны каждому подъ именемъ винныхъ ягодъ или фигъ: вѣточки дикой смоковницы вѣшали на культурныя деревья и операцію эту называли капрификаціей, такъ какъ дикую форму уже въ то время отличали подъ именемъ *sarģificus* отъ культурной, называвшейся просто—*figus*. Нужно однако замѣтить, что между капрификаціей и искусственнымъ оплодотвореніемъ финиковой пальмы существуетъ нѣкоторое различіе, несмотря на внѣшнее сходство. Финиковая пальма представляетъ дѣйствительно настоящее двудомное растеніе; либо вѣ-

теръ, либо человѣкъ долженъ перенести пыль съ цвѣтовъ мужской пальмы на цвѣты женской для того, чтобы послѣдніе дали финики. Напротивъ, для смоковницы только недавно удалось вѣскольکو выяснитъ, въ какомъ отношеніи стоятъ другъ къ другу культурная и дикая ея формы; здѣсь наблюдаются очень сложныя явленія, на которыхъ мы пока останавливаться не станемъ. Сильно расходятся воззрѣнія и на значеніе капрификаціи, такъ какъ многіе видятъ въ ней просто результатъ укоренившася предрасудка. Любопытно, что практикуется она не повсемѣстно: въ сѣверныхъ частяхъ Италіи и Испаніи воздѣлываютъ смоковницу, не прибѣгая къ капрификаціи, а въ южныхъ частяхъ тѣхъ же государствъ постоянно пользуются ею и утверждаютъ, будто безъ этой операціи получается несравненно меньше плодовъ на деревѣ. Такимъ образомъ, растеніе, обратившее однимъ изъ первыхъ вниманіе человѣка на половыя явленія въ растительномъ царствѣ, до сихъ поръ создаетъ ботаникамъ значительныя затрудненія.

Вернемся, однако, къ исторіи нашего вопроса. Отрывочныя, изложенныя выше факты не пробудили любознательности въ древнемъ умѣ, болѣе склонномъ къ отвлеченнымъ умозрѣніямъ, нежели къ наблюденію окружающихъ явленій. Аристотель готовъ былъ видѣть въ отсутствіи оплодотворенія одинъ изъ отличительныхъ признаковъ растеній отъ животныхъ организмовъ или, вѣрнѣе, существъ неподвижныхъ отъ тѣхъ, которыя свободно перемѣщаются съ мѣста на мѣсто. Взгляды же Аристотеля, какъ извѣстно, легли въ основу воззрѣній на природу многихъ послѣдующихъ столѣтій, а потому вплоть до конца XVII вѣка тянется, такъ сказать, мифическій періодъ въ рассматриваемой нами исторіи. Сравнительно болѣе пици, нежели философамъ, доставила финиковая пальма поэтамъ. Весьма извѣстно, на примѣръ, латинское стихотвореніе *Поктануса* (1505 года), воспѣвающее любовь двухъ пальмъ, мужской и женской, росшихъ одна въ Бриндизи, другая въ Отранто (въ Южной Италіи); удивительнымъ результатомъ удовлетвореннаго, наконецъ, стремленія ихъ другъ къ другу явилось образование плодовъ на обоихъ экземплярахъ — поэтическая вольность, вполне извинительная для тогдашняго времени, тѣмъ болѣе, что и самъ поэтъ оказывается удивленнымъ не менѣе насъ. Средніе вѣка различаютъ цѣлый рядъ «мужскихъ» и «женскихъ» растеній, но дѣлается это, обыкновенно, совершенно невпопадъ, на основаніи извѣстныхъ различій во внѣшнемъ обликѣ, руководствуясь правиломъ, что мужской экземпляръ долженъ быть болѣе крѣпкой, а женскій — болѣе нѣжной, субтильной организаціи. Такъ возникло, на примѣръ, представленіе о мужскомъ и женскомъ папоротникѣ.

Въ настоящее время извѣстно, что это два совершенно различныхъ растенія, настолько далекихъ другъ отъ друга, что ботаники относятъ ихъ даже къ двумъ различнымъ родамъ. Подъ вліяніемъ того же предрасудка во многихъ мѣстностяхъ Германіи крестьяне считаютъ посковъ за женскіе экземпляры конопли, такъ какъ ея стебли тоньше и нѣжнѣе.

Дѣйствительное научное оживленіе обнаруживается лишь въ концѣ XVII вѣка. Къ этому времени проникаетъ въ сознаніе ученыхъ мысль, что у большинства растеній мужскіе и женскіе элементы соединены въ одномъ и томъ же недѣлимомъ, у нѣкоторыхъ же раздѣлены, на подобіе животныхъ. Эту мысль высказывалъ, впрочемъ, уже Плиній, неопредѣленно ссылаясь однако при этомъ на авторитетъ какихъ-то «знатоковъ природы». Кто первый указалъ на тычинку, какъ на мужской органъ растеній, опредѣлить весьма трудно. Обыкновенно заслугу эту приписываютъ, въ другихъ отношеніяхъ совершенно неизвѣстному въ наукѣ, англичанину, профессору *Миллнтону*, основываясь на показаніи знаменитаго его современника и соотечественника *Грю*, одного изъ отцовъ анатоміи растеній *). Въ настоящее время трудно удержаться отъ смѣха, читая оригинальныя соображенія, которыми Грю старался подкрѣпить этотъ выводъ. Отчасти они такого нецензурнаго свойства, что передавать ихъ здѣсь совершенно неудобно, отчасти же возвращаются на поприщѣ тогдашней химіи, находившейся въ пеленкахъ, химіи, въ которой сѣра, соль и масло играли выдающуюся роль. Яркоокрашенный покровъ цвѣтка, напримѣръ, служитъ будто бы для удаленія сѣрнистыхъ частицъ, что даетъ возможность сѣмени сдѣлаться маслянистѣе. Подобнымъ соображеніямъ Грю придавалъ болѣе значенія, нежели драгоценнымъ указаніямъ, которыя доставляли челоѣку въ теченіе многихъ вѣковъ финиковая пальма и другія двудомныя растенія; о нихъ онъ не считаетъ даже нужнымъ упоминать. А между тѣмъ, что могло, повидимому, быть проще, какъ, найдя тычинки въ цвѣтахъ «мужской» пальмы и встрѣчая затѣмъ совершенно сходные органы въ цвѣтахъ другихъ растеній, признать ихъ повсемѣстно за мужскіе органы. Но это кажется такъ необычайно просто теперь, когда мы все это давно знаемъ. Въ томъ-то и состоитъ глубокий интересъ исторіи науки, что она показываетъ намъ, какъ долго челоѣческій умъ бродитъ возлѣ да около подчасъ простой истины, а потомъ, когда она, наконецъ, обнаружена, наивно удивляется тому, какъ долго могли ея

*) Анатомія растеній имѣла, какъ извѣстно, двухъ отцовъ: англичанинъ Грю и итальянецъ Мальпиги одновременно, въ концѣ XVII вѣка, примѣнили увеличительныя стекла къ изученію внутренняго строенія растеній.

не замѣтить. Миллингтонъ и Грю пришли, правда, къ вѣрному выводу, но набрали на него, такъ сказать, опущью, исходя изъ совершенно ненаучныхъ, фантастическихъ соображеній.

Настоящимъ творцомъ современнаго ученія о полахъ въ растительномъ царствѣ слѣдуетъ неоспоримо признать *Камераріуса*, профессора въ Тюбингенѣ. Самъ Линней, которому одно время, по недоразумѣнію, приписывали эту честь, прямо указываетъ на него. До Камераріуса ученые охотно шевелили по отношенію къ нашему вопросу мозгами, комментируя Аристотеля, Теофраста и пр., собирая чужія указанія, но никому не приходило въ голову пошевелить пальцемъ и приложить къ дѣлу могущественнѣйшее орудіе современнаго естествознанія—опытъ. Громадная заслуга Камераріуса заключалась именно въ томъ, что онъ впервые сталъ на этотъ надежный путь. Ему принадлежатъ первые научные опыты надъ двудомными и однодомными растеніями. Онъ нашелъ, что если въ первыхъ (копля, шпинать, туговое дерево) заблаговременно удалить мужскіе экземпляры, а во вторыхъ (клещевина, кукуруза)—тычиночныя цвѣты, то не получается сѣмянъ. Отсюда онъ заключаетъ, что тычинка представляетъ мужской органъ, и оплодотворяющимъ элементомъ служить развивающаяся въ ней пыль, пестикъ же есть женскій органъ, яички котораго подвергаются оплодотворенію. Анализируя цвѣты различныхъ растеній, онъ приходитъ далѣе къ заключенію, что раздѣленіе половъ, обычное въ животномъ царствѣ, въ растительномъ является только какъ исключеніе. Единственная ошибка Камераріуса заключалась въ томъ, что онъ считалъ обополые цвѣты самоопыляющимися; мы увидимъ далѣе, что въ дѣйствительности, обыкновенно, и здѣсь происходитъ скрещиваніе, т.-е. пыль переносится съ цвѣтка на цвѣтокъ. Впрочемъ, ошибка эта упорно повторяется даже въ нашѣмъ столѣтіи съ тою разницею, что Камераріусъ удивлялся этому факту, тогда какъ большинство позднѣйшихъ ученыхъ считали его даже совершенно естественнымъ. Результаты, полученные Камераріусомъ, были опубликованы имъ въ 1694 году въ письмѣ къ гиссенскому профессору Валентину подъ заглавіемъ: *de sexu plantarum epistola*. Въ этомъ письмѣ онъ, между прочимъ, горько жалуется на опустошительныя войны Людовика XIV, сильно мѣшающія его мирнымъ занятіямъ.

Первая половина XVIII столѣтія доставила немного фактическаго матеріала. Новое ученіе охотно обсуждалось съ различныхъ точекъ зрѣнія, но къ провѣркѣ его опытнымъ путемъ прибѣгали весьма немногіе. Въ этомъ отношеніи стоитъ назвать англичанина *Брадлея*, который отсадилъ на отдѣльную грядку 12 тюльпановъ-и, какъ только они раскрыли свои цвѣты, вырѣзалъ имъ пыль

вики тычинокъ, кастрировалъ ихъ, какъ мы теперь выражаемся; тюльпаны эти не принесли ни одного сѣмени, тогда какъ невдалекѣ, въ томъ же саду, 400 другихъ тюльпановъ, не подвергнутыхъ этой операціи, дали обильныя сѣмена. Это былъ первый опытъ, произведенный надъ растеніемъ съ обоеполыми цвѣтами. Въ 1751 году онъ былъ повторенъ *Мюллеромъ* надъ тѣмъ же растеніемъ, но съ нѣскольکو инымъ результатомъ: лишешные тычинокъ тюльпаны образовали тѣмъ не менѣе сѣмена, но Мюллеръ замѣтилъ, что оперированные цвѣты посѣщались пчелами, которыя принесли съ собою и оставили на рыльцахъ значительныя количества плодотворной пыли. Наблюденіе это интересно въ томъ отношеніи, что представляло первое указаніе на значеніе насѣкомыхъ, играющихъ, какъ мы увидимъ, громадную роль въ процессѣ оплодотворенія. Большую сенсацію произвелъ относящійся къ тому же времени опытъ *Гледича*, директора ботаническаго сада въ Берлинѣ. Въ саду этомъ находился женскій экземпляръ пальмы, никогда не дававшій сѣмянъ, за отсутствіемъ мужскаго. Напротивъ, въ Лейпцигѣ имѣлся мужской экземпляръ той же породы. Гледичъ рѣшился выписать изъ Лейпцига вѣточку съ мужскими цвѣтами. При тогдашнихъ путяхъ сообщенія этой вѣточкѣ пришлось провести въ дорогѣ цѣлыхъ девять дней, она уже покрылась плѣсенью, женскій экземпляръ тѣмъ временемъ почти уже отцвѣлъ, но, несмотря на всѣ эти неблагопріятныя обстоятельства, успѣхъ превзошелъ ожиданія: берлинская пальма, въ первый разъ за 80-лѣтнее существованіе свое, дала сѣмена, и чуть ли не теперь еще показываютъ въ берлинскомъ ботаническомъ саду экземпляръ, выращенный изъ этихъ историческихъ сѣмянъ. Съ тѣхъ поръ пересылка пыли по почтѣ практиковалась неоднократно и на еще большія разстоянія.

Несмотря на эти весьма цѣнныя, хотя отрывочныя, подтвердительныя опыты, ученіе Камераріуса въ цѣломъ не встрѣтило большаго сочувствія въ тогдашнемъ ученomъ мірѣ. Многие просто игнорировали его, другіе понимали совершенно неправильно, третьи отвергали категорически безъ достаточныхъ основаній. Тотъ самый Валентинъ, которому Камераріусъ адресовалъ свое знаменитое письмо, оказалъ новому ученію чисто медвѣжью услугу, допустивъ въ составленномъ имъ краткомъ изложеніи его безжалостныя извращенія. Даже Линней по отношенію къ занимающему насъ вопросу не выдѣлялся надъ общимъ уровнемъ, а больше раскидывалъ умомъ, стараясь вывести апріорнымъ путемъ необходимость полового процесса въ растительномъ царствѣ.

Какъ два колосса среди окружающей ихъ толпы пигмеевъ, выдѣляются во второй половинѣ XVIII вѣка *Кельрейтеръ* и *Шпренг*

гелъ, оба неодолимые по достоинству современниками. Первый, профессорствовавшій въ Карльсруэ и одно время бывшій даже въ Петербургѣ, опубликовалъ результаты своихъ многолѣтнихъ разностороннихъ и необыкновенно тщательно веденныхъ опытовъ въ 1761—1766 годахъ. До того времени былъ только установленъ общій фактъ, что образованіе сѣмянъ требуетъ воздѣйствія тычиночной пыли на рыльце. Въ чемъ заключается это воздѣйствіе—оставалось загадкою. Къ ней-то и старался подойти ближе путемъ опыта Кельрейтеръ. Прежде всего онъ опредѣлилъ, сколько пыли необходимо для успѣшнаго оплодотворенія, и сравнилъ это количество съ общимъ количествомъ пыли въ цвѣткѣ, причемъ оказалось, что послѣдняя всегда развивается въ большемъ избыткѣ. Такъ, въ цвѣткѣ одного растенія (изъ семейства мальвовыхъ) онъ насчиталъ до 5.000 пылинкокъ, опытъ же показалъ, что 50—60 изъ нихъ достаточно для оплодотворенія всѣхъ 30 или болѣе ячеекъ такого цвѣтка. Въ другомъ растеніи (*Mirabilis*), цвѣтокъ котораго образуетъ плодъ всего съ однимъ сѣменемъ, оплодотвореніе удавалось, когда на рыльце переносили всего 3, 2, даже одну пылинку, а между тѣмъ тычинки этого цвѣтка содержали въ общей сложности не менѣе 300 пылинкокъ. Переходя къ вопросу — какъ совершается въ природѣ перенесеніе пыли съ тычинокъ на рыльце,—Кельрейтеръ весьма рѣшительно указалъ на важное значеніе насѣкомыхъ, привлекаемыхъ къ цвѣтамъ сладкимъ сокомъ, такъ называемымъ нектаромъ. Сокъ этотъ онъ впервые собралъ и нашелъ, что при сгущеніи онъ даетъ вещество, имѣющее свойства меда. Насколько дѣйствительно посѣщеніе насѣкомыми цвѣтовъ—видно изъ слѣдующаго опыта: 310 цвѣтковъ были оплодотворены искусственно съ помощью кисточки, а 310 другихъ цвѣтковъ того же растенія предоставлены насѣкомымъ; тѣ и другіе дали почти одинаковое число сѣмянъ. Менѣе удачны были теоретическія соображенія Кельрейтера о сущности оплодотворенія, хотя въ основѣ ихъ и лежало здоровое зерно. Безъ неизбѣжныхъ въ то время «сѣрнистыхъ» частицъ и онъ не умѣлъ обойтись. Оплодотвореніе онъ, совершенно ошибочно, представлялъ себѣ происходящимъ уже на рыльцѣ: пылинка, по его мнѣнію, высачиваетъ изъ себя особое мужское вещество, которое соединяется съ пропитывающимъ рыльце женскимъ веществомъ, насыщая послѣднее, на подобіе того, какъ щелочь насыщаетъ кислоту. Нужно замѣтить, что судьба пылинки, попавшей на рыльце, не только въ то время, но еще долго спустя оставалась совершенно неизвѣстною; одни представляли себѣ, что пыль проваливается сквозь столбикъ въ завязь, другіе заставляли ее лопаться на рыльцѣ, выпуская оплодотворяющую жидкость, которая затѣмъ будто бы всасывалась завязью; только въ нашемъ

столбѣти было замѣчено, что пылинка, оставаясь на рыльцѣ, выпускаетъ изъ себя тонкую нитевидную трубочку, которая спускается чрезъ столбикъ въ завязь, проникаетъ внутрь яичка и уже тамъ производитъ оплодотвореніе.

Но самая крупная заслуга Кельрейтера заключалась въ полученіи имъ цѣлаго ряда такъ называемыхъ *помѣсей*. Онъ первый доказалъ многочисленными опытами, что при намѣренномъ перенесеніи пыли одного растенія на рыльце другого, отличнаго отъ перваго, но вообще близкаго къ нему по своей организаціи, нерѣдко происходитъ оплодотвореніе, и тогда изъ сѣмянъ развивается растеніе, по своимъ признакамъ занимающее середину между формами, послужившими ему отцомъ и матерью. Возможность образованія такихъ помѣсей не отрицалось и раньше, а по нѣкоторымъ показаніямъ—какой-то англійскій садовникъ еще въ началѣ XVIII вѣка получилъ помѣсь двухъ различныхъ гвоздикъ; но вообще на этотъ счетъ существовали совершенно фантастическія представленія, допускавшія взаимодѣйствіе двухъ въ высшей степени различныхъ растеній. Линней, напримѣръ, легѣлъ мысль, будто всѣ растенія со сходными листьями обязаны этимъ происхожденію отъ одного отца, а одинаковое строеніе цвѣтовъ указываетъ, будто бы, на общее родство со стороны матери. Благодаря этому, въ литературѣ встрѣчался рядъ сочетаній, по смѣлости своей напоминавшихъ помѣсь верблюда съ уткою въ животномъ царствѣ; такія сочетанія устанавливались, разумѣется, не на основаніи какихъ-нибудь опытовъ, а по догадкамъ. Строго-научныя изслѣдованія Кельрейтера, ограничивавшія возможность скрещиванія исключительно близкими по организаціи формами, были встрѣчены далеко недружелюбно, такъ какъ подрѣзывали крылья расходившейся фантазіи ботаниковъ. Мы не станемъ пока останавливаться на выводахъ, сдѣланныхъ Кельрейтеромъ по отношенію къ образованію помѣсей; выводы эти сохранили полное значеніе до настоящаго времени и легли въ основу современныхъ воззрѣній на этотъ предметъ, а съ этими воззрѣніями мы познакомимся въ связномъ изложеніи впоследствии. Здѣсь же мы обратимъ вниманіе лишь на историческое значеніе опытовъ Кельрейтера. Они представляли необыкновенную важность въ двоякомъ отношеніи. Съ одной стороны, возможность полученія помѣсей блистательно подтверждала ученіе о половой функціи тычинокъ и пестика. Но кромѣ того помѣси имѣли еще глубокое философское значеніе. Они наносили смертельный ударъ господствовавшей въ то время теоріи эволюціонизма. Эта теорія утверждала, что каждый организмъ, даже каждый зародышъ—носитъ уже въ себѣ зачатки всѣхъ послѣдующихъ, развивающихся

изъ него организмовъ, зачатки всего своего потомства. «Ничто не ново подъ луною»—служило какъ бы лозунгомъ эволюціонизма. Въ яйцѣ, изъ котораго вылупилось мірозданіе, содержались уже матеріальныя зачатки всего существующаго, и такъ называемое зарожденіе есть лишь развертываніе одного изъ подобныхъ скрытыхъ зачатковъ; словомъ, полнѣйшій фатализмъ въ матеріальной области. Возможность вывести природу изъ заранѣе намѣченной колеи, возможность получить нѣчто дѣйствительно новое, до тѣхъ поръ въ природѣ несуществовавшее, вводя при заложеніи новаго существа постороннее вліяніе, естественно должна была подрывать всю теорію въ самомъ корнѣ. Это новое представляли—помѣси.

Личность и судьба *Конрада Шпренгеля* въ высшей степени замѣчательны *). Онъ не былъ присяжнымъ ученымъ, а скорѣе педагогомъ, исправлялъ должность ректора высшей школы въ Шпадау и уже въ этомъ положеніи сталъ заниматься ботаникою. Выслуживъ скромную пенсію, онъ переселился въ Берлинъ и для поддержанія существованія давалъ уроки языковъ, а въ праздничныя дни устраивалъ публичныя ботаническія экскурсіи, въ которыхъ каждый желающій могъ, съ платою нѣсколькихъ грошей, принимать участіе. Присяжные ученые совершенно игнорировали Шпренгеля, а гениальная книга его, озаглавленная «Открытая тайна природы въ строеніи и оплодотвореніи цвѣтовъ» (1793 года), была встрѣчена такимъ ледянымъ равнодушіемъ, что издатель ея отказался отъ печатанія второй части. Только въ шестидесятыхъ годахъ нашего столѣтія Дарвинъ воскресилъ изъ забвенія Шпренгелевскую «Тайну природы», эту лебединую пѣснь XVIII вѣка въ занимающемъ насъ вопросѣ. Исслѣдованія Шпренгеля вращались въ сферѣ взаимныхъ отношеній цвѣтовъ и насѣкомыхъ и привели его къ созданію полной теоріи цвѣтка, теоріи, которая, съ легкой руки Дарвина, легла въ основу современныхъ нашихъ воззрѣній и разрослась въ цѣлую заманчивую отрасль науки, поглотивъ немало ученыхъ силъ.

Самый фактъ участія насѣкомыхъ въ оплодотвореніи цвѣтка, какъ мы видѣли выше, былъ замѣченъ уже раньше, но болѣе опредѣленный смыслъ онъ получилъ только благодаря наблюденіямъ Шпренгеля. Послѣдній нашелъ, что, несмотря на столь обычное у растений соединеніе мужскихъ и женскихъ органовъ въ одномъ и томъ же цвѣткѣ, въ природѣ даже и въ этихъ случаяхъ происходитъ извѣстнаго рода скрещиваніе: пыль даннаго цвѣтка попадаетъ не на рыльце тутъ же рядомъ съ тычинками находя-

*) См. статью «Столѣтіе тайны природы» въ журналѣ «Міръ Божій» (декабрь 1894).

шагося пестика, а переносится на другой цвѣтокъ, чаще всего принадлежащій другому экземпляру того же растенія. Внимательное наблюденіе показываетъ, что во многихъ случаяхъ взаимодействіе тычинокъ и пестика въ обоеполомъ цвѣткѣ, несмотря на непосредственное сосѣдство ихъ другъ съ другомъ, даже совершенно невозможно, благодаря различнымъ приспособленіямъ, съ которыми мы познакомимся подробнѣе впослѣдствіи. Простѣйшее и распространеннѣйшее изъ этихъ приспособленій, мѣшающихъ цвѣтку самоопыляться, было замѣчено уже Шпренгелемъ. Оно заключается въ томъ, что мужскіе и женскіе органы обоеполого цвѣтка созреваютъ весьма часто неодновременно: тычинки, напримѣръ, вполне развиты, пыль ихъ высыпается изъ треснувшихъ пылинокъ, но рыльце того же цвѣтка въ это время находится въ зачаточномъ состояніи и не можетъ принять пыли, а когда оно, спустя вѣкоторое время, вполне развернется, пыли въ томъ же цвѣткѣ уже не окажется, она будетъ сдута вѣтромъ или унесена насѣкомыми. Иногда, наоборотъ, рыльце выставляется изъ цвѣтка и ожидаетъ пыли въ такое время, когда тычинки того же цвѣтка еще далеко не сформированы. Въ обоихъ случаяхъ оплодотвореніе возможно лишь подъ условіемъ участія двухъ цвѣтковъ, находящихся на различныхъ стадіяхъ развитія, т.-е. распустившихся неодновременно: одинъ изъ нихъ доставляетъ пыль, другой воспринимаетъ послѣднюю. Основываясь на подобныхъ наблюденіяхъ, Шпренгель заключилъ, хотя и съ благоразумною осторожностью: «природа, повидимому, не желаетъ, чтобы какой-либо цвѣтокъ оплодотворялся собственной пылью». Въ чемъ заключается невыгода самоопыленія пытался разъяснить лишь 75 лѣтъ спустя Дарвинъ. Но если принять, какъ фактъ, что для растенія скрещиваніе, почему бы то ни было, выгоднѣе самоопыленія, мы въ состояніи объяснить себѣ цѣлый рядъ непонятныхъ на первый взглядъ явленій въ жизни цвѣтка; всѣ части послѣдняго получаютъ для насъ опредѣленный смыслъ. Перенесеніе пыли съ цвѣтка на цвѣтокъ всего чаще производится насѣкомыми, посѣщающими цвѣты ради своихъ собственныхъ корыстныхъ цѣлей. Въ видѣ приманки для насѣкомыхъ цвѣтокъ, обыкновенно, выдѣляетъ въ опредѣленныхъ мѣстахъ, всего чаще гдѣ-нибудь на днѣ, сладкій сокъ изъ особенныхъ железокъ, называемыхъ нектаріями, и располагаетъ послѣднія такъ, чтобы нектаръ былъ въ одно и то же время доступенъ насѣкомымъ и скрытъ отъ дождя. Столь распространенное въ природѣ образованіе особенныхъ окрашенныхъ листочковъ по сосѣдству съ органами оплодотворенія, образованіе покрововъ, придающихъ красу цвѣтамъ, также получаетъ извѣстный смыслъ: окрашенный покровъ

*

дѣлаеть цвѣтокъ замѣтнымъ издали, обращаетъ на него вниманіе насѣкомаго, указывая ему — гдѣ таится цѣнная для послѣдняго пожива. вмѣстѣ съ тѣмъ покровъ является пристанищемъ для насѣкомаго, на него оно садится, располагаясь съ удобствомъ для производства двойной операціи: сознательной, полезной для самаго насѣкомаго — добычи нектара, бессознательной, полезной для растенія — перенесенія пыли съ цвѣтка на цвѣтокъ. Вторая операція является неизбѣжнымъ слѣдствіемъ первой. Оригинальныя формы, которыя получаютъ покровы у многихъ растеній, объясняются приспособленіемъ къ опыленію посредствомъ опредѣленныхъ насѣкомыхъ. Неудивительно также, что, какъ скоро опыленіе совершилось, окрашенный покровъ засыхаетъ и сбрасывается: свое назначеніе онъ уже исполнилъ и растенію болѣе ненуженъ. Вотъ главнѣйшіе выводы, сдѣланные уже Шпренгелемъ и сохраняющіе свое значеніе до настоящаго времени. Въ итогѣ оказывается, что Шпренгель первый сталъ разсматривать цвѣтокъ, какъ сложный сварядъ, разсчитанный на опыленіе (обыкновенно перекрестное) при помощи насѣкомыхъ.

Послѣ изслѣдованій Камераріуса, Кельрейтера и Шпренгеля, ученіе о существованіи половъ въ растительномъ царствѣ, казалось, должно было считаться окончательно установленнымъ. Однако, въ дѣйствительности не только во второй половинѣ прошлаго, но даже вплоть до тридцатыхъ годовъ нашего столѣтія возникали серьезныя сомнѣнія на этотъ счетъ, нерѣдко переходившія въ категорическое отрицаніе половъ у растеній. Поводомъ къ сомнѣнію послужили нѣкоторыя опыты надъ двудомными растеніями, совершенно сходные съ описанными выше опытами Камераріуса, но приведшіе къ другому результату: конопля и т. п. образовали будто бы сѣмена, даже когда заблаговременно удалялись мужскіе экземпляры. Наибольшую извѣстностью пользовались въ этомъ отношеніи опыты итальянца *Спалланцани* (1786 г.); на нихъ особенно охотно ссылались впоследствии противники половности. Въ настоящее время результаты Спалланцани и другихъ изслѣдователей, пришедшихъ къ тому же заключенію, объясняютъ тѣмъ, что у двудомныхъ растеній на женскихъ экземплярахъ нерѣдко развиваются кое-гдѣ одинокіе мужскіе цвѣтки, которые легко могутъ ускользнуть отъ недостаточно тщательнаго наблюденія. На это обстоятельство ясно указывалъ уже Камераріусъ, но впоследствии его совершенно упустили изъ виду. Какъ бы то ни было, еще въ нашъ столѣтіи находились люди, утверждавшіе, будто тычиночную пыль можно съ успѣхомъ замѣнить любымъ порошкомъ, напримѣръ, даже шоссейною пылью. Наиболѣе печальную извѣстность въ этомъ отношеніи приобрѣли натурфилософы, кото-

рые, на основаніи теоретическихъ соображеній и, очевидно, выдуманныхъ опытовъ, краснорѣчиво доказывали, что половая функція тычинокъ и пестика есть положительный абсурдъ. По остроумному замѣчанію Сакса въ его исторіи ботаники, подъ-часъ объемистыя сочиненія этихъ натурфилософовъ представляютъ не столько историческій, сколько патологическій интересъ.

Регрессивное движеніе, обнаружившееся въ началѣ нашего столѣтія, имѣло, однако, свою хорошую сторону, вызвавъ новыя, капитальныя изслѣдованія *Гертнера* (1837 г.), разсѣявшія всякія сомнѣнія и окончательно обезоружившія противниковъ половности. Всѣ возраженія послѣднихъ Гертнеръ подвергъ обстоятельнѣйшей критикѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ опубликовалъ результаты собственныхъ, 25-лѣтнихъ, образцовыхъ опытовъ надъ образованіемъ помѣсей, блистательно подтвердивъ и значительно расширивъ прежніе выводы Кельрейтера. Опыты этихъ двухъ ученыхъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга полувѣковымъ промежуткомъ времени, по странной случайности производились въ одномъ и томъ же юртембергскомъ городишкѣ Кальвѣ. Послѣдній доставилъ по отношенію къ помѣсямъ почти весь фактической матеріалъ, которымъ мы и въ настоящее время пользуемся для интереснѣйшихъ теоретическихъ выводовъ въ этой области.

Такимъ образомъ, только къ сороковымъ годамъ нашего столѣтія прекращаются всякіе споры относительно общей стороны вопроса. Къ тому же времени относятся первыя разоблаченія половыхъ явленій въ сферѣ низшихъ, безцвѣтковыхъ растений, возбуждившія огромный интересъ и вызвавшія вскорѣ приливъ ученыхъ силъ къ этой новой области знанія. Новѣйшая исторія вопроса не представляетъ большаго значенія, какъ «исторія», а потому мы обратимся теперь къ современному состоянію ученія объ оплодотвореніи растений.

Оглянувшись еще разъ на пройденный наукою путь, читатель, конечно, согласится, что онъ былъ не только длиннымъ, но и тернистымъ. Подобно плавающему въ волнахъ тѣлу, истина, кажущаяся теперь столь простою, много разъ попеременно то обнаруживалась отчасти, то снова скрывалась, опускаясь иногда глубже прежняго, чтобы вслѣдъ затѣмъ высунуться или тою же, или новою стороною. Особенно глубоко нырнула она подъ руками натурфилософовъ, скрывъ отъ ихъ мудрыхъ взоровъ даже тотъ кончикъ, который съ незапамятныхъ временъ примѣтилъ житель пустыни, культивируя финиковую пальму.

(Продолженіе слѣдуетъ).

НОВЫЯ ИНОСТРАННЫЯ КНИГИ.

«*Les Primitifs d'Australie*» par *Elie Reclus* (Paris, Dentu, 1894). (Первобытныя народы Австрали). Въ этой книгѣ авторъ разсматриваетъ примитивныя человѣческія общины и, главнымъ образомъ, общину австралійскихъ негровъ, являющихся образцомъ самой отсталой и во многихъ отношеніяхъ крайне непривлекательной человѣческой расы. Религія, нравы, обычаи, организація семьи и племени, устройство жилищъ и т. п. у этихъ мало извѣстныхъ народностей—все было изслѣдовано, изучено и представлено авторомъ въ такомъ порядкѣ, что получается весьма цѣльное представленіе о жизни этихъ остатковъ первобытныхъ народовъ. Обиліе матеріала, которымъ располагаетъ авторъ, поразительно и представляетъ весьма цѣнный вкладъ въ сравнительную этнологію. Несмотря на многія отталкивающія стороны этихъ примитивныхъ племенъ, такъ далеко отставшихъ отъ всѣхъ остальныхъ народовъ, авторъ все-таки обнаруживаетъ къ нимъ величайшее состраданіе и такое же состраданіе стремится вызвать въ читателѣ къ этимъ несчастнымъ отщепенцамъ человѣческаго общества, ежедневно избиваемымъ безжалостною современною цивилизаціей. (Revue des Revues).

«*L'Individu*», *essai de sociologie*, par *E. Thirson* Bruxelles 1894. *Fischbacher*. (Индивидуумъ). Авторъ уже посвятилъ социальнымъ вопросамъ нѣсколько работъ, обратившихъ на себя вниманіе. Тѣ самыя идеи, которыя онъ развиваетъ въ этой книгѣ, уже изложены имъ раньше въ сочиненіи «*République utile*»; онъ стоитъ за индивидуальность, т. е. за расширеніе свободы и развитіе воли личности, но, тѣмъ не менѣе, является противникомъ антисоціального эгоизма, отрицанія альтруизма и т. п., такъ какъ альтруизмъ, по его мнѣнію, ничто иное, какъ тотъ же эгоизмъ, только основан-

ный на разсужденіи. Авторъ осуждаетъ коллективизмъ, называя его «сантиментальною реакціею противъ неравенства и несправедливости, существующихъ въ современномъ обществѣ». Онъ осуждаетъ также протекціонизмъ и все то, что, прямымъ или косвеннымъ образомъ, ведетъ къ коллективизму, который, по его словамъ, опирается на ложныя основанія и игнорируетъ первоначальную природу человѣка, полагая, что ее возможно передѣлать по своему вкусу и заставить по своему желанію вступить на тотъ или другой путь эволюціи, независимо отъ того, по которому она слѣдовала раньше. Взгляды, высказываемые авторомъ по всѣмъ этимъ вопросамъ, вполне опредѣленны и ясно выражены; аргументы, приводимые имъ, сильны и убѣдительны. Благодаря тому, что въ ней затронуты многіе насущные вопросы современной жизни, книга эта должна имѣть успѣхъ, который, въ данномъ случаѣ, будетъ вполне заслуженнымъ, такъ какъ книга обладаетъ, несомнѣнно, крупными достоинствами. (Journal des Débats).

«*La vie sociale, la morale et le progrès*» par le docteur *Julien Pioger*. (Соціальная жизнь, ея нравственныя правила и прогрессъ). Всѣ, кому близки великіе вопросы дня, съ интересомъ прочтутъ эту книгу, авторъ которой старается помочь намъ выбраться изъ той нравственной и политической неурядицы, какая господствуетъ въ современномъ обществѣ. Авторъ доказываетъ, что социальный законъ является явнымъ непосредственнымъ результатомъ закона солидарности, управляющаго міромъ. (Journal des Débats)

«*Factors in american civilization*». *Popular Lectures and Discussions before the Brooklyn Ethical association*. New-York. *D. Appleton*. (Факторы американской цивилизаціи). Этотъ томъ входитъ въ

составъ серіи, издаваемой Бруклинской этической ассоціаціей и заключаетъ въ себѣ популярныя лекціи, касающіяся различныхъ вопросовъ американской національной жизни, положенія женщинъ, рабочаго вопроса, торговых сношеній, уголовного законодательства, благотворительности и распространенія пьянства. Американская цивилизація представляетъ продуктъ весьма разнообразныхъ факторовъ. У Англіи Америка заимствовала языкъ, литературу, судопроизводство и разныя другія учрежденія. Изъ другихъ странъ Америка также позаимствовала многое, напримѣръ, систему народнаго образованія, городское управленіе и т. п. Двѣ лекціи, вошедшія въ этотъ сборникъ, исключительно посвящены женскому вопросу. Авторъ одной изъ нихъ, достопочтенный пасторъ, мистеръ Чедвикъ, горячо высказывается въ пользу уравненія политическихъ правъ женщинъ. Въ другой лекціи собраны интересныя статистическія данныя, касающіяся экономическаго положенія женщинъ. Крайне интересна также лекція, посвященная рабочему вопросу. (Popular Science Monthly).

«Edward Livingston Youmans, Interpreter of science for the People: A sketch of his life, with selections from his published writings and extracts from his Correspondence with Spenser, Huxley, Tyndall and others. By John Fiske. New-York. D. Appleton, 1894. (Эдвардъ Ливингстонъ Юмансъ, популяризаторъ науки для народа: очеркъ его жизни, избранныя мѣста изъ его статей и извлеченіе изъ его переписки со Спенсеромъ, Гексли, Тиндалемъ и др.). Биографія профессора Юманса, такъ много потрудившагося въ дѣлѣ популяризаціи знаній, составлена профессоромъ Фиске, близкимъ другомъ покойнаго дѣятеля. Эдвардъ Юмансъ происходилъ изъ старинной пуританской семьи, и такъ какъ отецъ его не имѣлъ средствъ, то Юмансъ уже съ раннихъ лѣтъ, какъ старшій сынъ, помогалъ матери по дому и отцу, который былъ вагоннымъ мастеромъ. Зимой Юмансъ посѣщалъ школу, главное достоинство которой заключалось въ отсутствіи рутины въ дѣлѣ преподаванія. Вѣроятно, это обстоятельство послужило къ тому, что Юмансъ всю свою жизнь чувствовалъ отвращеніе къ чрезмѣрной регламентаціи и механическимъ методамъ преподаванія. Когда Юмансу минуло 15 лѣтъ, у него заболѣли глаза, такъ что онъ долженъ былъ прекратить совершенно свои занятія, но онъ все-таки не предался бездѣлью, а сталъ за-

ниматься со своею сестрой, которая читала ему вслухъ книги, по его выбору. Это былъ самый тяжелый періодъ въ жизни Юманса. Когда, наконецъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ, зрѣніе у него восстановилось, онъ немедленно приступилъ къ приведенію въ исполненіе своей любимой идеи, популяризаціи знаній. Онъ началъ читать публичныя лекціи по научнымъ предметамъ и въ этомъ, повидимому, нашелъ свое истинное призваніе. Никакія затрудненія не смущали Юманса, тѣмъ болѣе, что аудитория его всегда была полна, и публика охотно его слушала. Если его приглашали куда-нибудь прочесть лекцію, то онъ отправлялся, не взирая ни на разстояніе, ни на погоду. Къ его совѣтамъ постоянно прибѣгали въ дѣлѣ устройства семейныхъ чтеній. Организацией чтеній и публичными лекціями, конечно, не исчерпывалась его плодотворная дѣятельность. Онъ былъ организаторомъ серіи международныхъ научныхъ изданій и съ этою цѣлью вошелъ въ сношенія со Спенсеромъ и посѣтилъ Парижъ, Берлинъ и Лейпцигъ, гдѣ познакомился со всѣми выдающимися учеными Франціи и Германіи. Юмансъ умеръ 65 лѣтъ, еще вполне владея всѣми своими умственными способностями, и поэтому можно сказать, что смерть его была преждевременной и произошла въ слѣдствіе того, что онъ слишкомъ мало берегъ свое здоровье и утомлялъ себя чрезмѣрнымъ трудомъ. Биографія Юманса, какъ человѣка, оказавшаго такія огромныя услуги интеллектуальному прогрессу, принадлежитъ къ разряду такихъ книгъ, чтеніе которыхъ можетъ доставить удовольствіе и пользу. (Popular Science Monthly).

«Mémoire et imagination» par Lucien Arréat (Félix Alcan). (Память и воображеніе). Авторъ этой книги, написавшій раньше «La morale dans le drame» и «L'Education intellectuelle», предпринялъ на этотъ разъ еще болѣе трудную задачу—изучить функцію памяти и воображенія у художниковъ, музыкантовъ, поэтовъ и ораторовъ. Очевидно, авторъ интересуется вопросомъ: какія общія черты существуютъ у всѣхъ этихъ людей, и въ чемъ они отличаются другъ отъ друга. Авторъ изслѣдуетъ память и воображеніе у артистовъ и ораторовъ на основаніи новѣйшихъ психологическихъ данныхъ. Онъ придерживается дѣленія памяти, установленнаго Шарко и, путемъ тщательнаго анализа свойствъ памяти у артистовъ, художниковъ, ораторовъ, приходитъ къ заключенію, что способность воображенія зависитъ отъ опре-

дѣленныхъ свойствъ памяти, темперамента, наслѣдственности и т. п.

(Revue des Reuues),

«*Les professions et la Société en Angleterre*» par Max Leclerc (Armand Collin). (Профессіи и общество въ Англии). Въ предъидущей своей книгѣ авторъ разсматривалъ принципы и методы англійскаго воспитанія, въ новомъ же своемъ трудѣ онъ старается представить результаты этого воспитанія и показать, какъ отражаются на отдѣльныхъ личностяхъ и цѣломъ обществѣ различныя профессіи въ Англии. Авторъ разсматриваетъ и указываетъ, какую роль въ этихъ профессіяхъ играетъ общее образование. Опредѣливъ социальную роль воспитанія, авторъ старается найти въ исторіи послѣднихъ двухъ столѣтій и современныхъ фактахъ ключъ къ объясненію могущества и жизнеспособности Англии.

(Journal des Débats).

«*The Education of Girls in the United States*». By Sarah A. Bursall. (Воспитаніе дѣвочекъ въ Соединенныхъ Штатахъ). Педагогическій совѣтъ одного изъ англійскихъ графствъ отправилъ въ прошломъ году пять учительницъ въ Соединенные Штаты для ознакомленія съ практикующимися тамъ методами воспитанія женщинъ. Вышеназванная книга, составленная одною изъ учительницъ на основаніи сдѣланныхъ ею наблюденій, заключаетъ въ себѣ много новыхъ и интересныхъ данныхъ относительно господствующей системы воспитанія въ Соединенныхъ Штатахъ. Интересныя свѣдѣнія по тому же вопросу можно найти и въ двухъ другихъ книгахъ, составленныхъ также учительницами: «*Graded Schools in America*» Mary H. Page; «*The Training of teachers in the United States of America*» Amy V. Bramwellans H. Millicent Hugues. (Bookseller).

«*Un Compagnon de voyage*» par Eugène Guyon (Dentu). (Спутникъ въ путешествіи). Французская академія дала почетный отзывъ объ этой книгѣ, заключающей въ себѣ очень интересный рассказъ о разныхъ событіяхъ патристическаго, общественнаго, а подчасъ и юмористическаго характера. Нѣкоторые рассказы не лишены даже драматизма и прочтутся съ захватывающими интересомъ.

(Journal der Débats).

«*Chin-Chin*» or «*The Chinaman at home*». By Tschen-Ki-Tong (переводъ на англійскій языкъ R. H. Sherard'a). («*Чинъ-Чинъ*» или *китаецъ у себя дома*). Книга эта, написанная китаецемъ изъ китайскаго народѣ, представляетъ, конечно, исклю-

ченіе въ своемъ родѣ. Однако, это обстоятельство нисколько не вредитъ книгѣ и даже, наоборотъ, способствуетъ ея успѣху, такъ какъ личная точка зрѣнія китаеця на условія социальной жизни въ Китаѣ не лишена интереса, особенно въ настоящее время, когда въ китайскихъ дѣлахъ заинтересована вся Европа. Авторъ очень живо описываетъ социальную жизнь въ Китаѣ, религіозныя процессіи и празднества и знакомитъ съ содержаніемъ нѣкоторыхъ національныхъ легендъ, очень оригинальныхъ и указывающихъ на богатство фантазіи китаецевъ. (Bookseller).

«*Ruskin of Education: Some Needed but neglected elements. Restated and revised by William Jolly* (George Allen). (Рёскинъ о воспитаніи). Въ этой книгѣ собраны всѣ болѣе или менѣе выдающіяся мѣста изъ различныхъ произведеній Рёскина, гдѣ говорится о воспитаніи. Хотя авторъ сборника и заявляетъ, что онъ не имѣетъ претензіи представить точный конспектъ всѣхъ взглядовъ Рёскина на воспитаніе, но, тѣмъ не менѣе, на основаніи собраннаго имъ матеріала, можно составить себѣ довольно вѣрное понятіе о главныхъ принципахъ, которые проповѣдуетъ этотъ писатель въ дѣлѣ воспитанія. Относительно многихъ жгучихъ вопросовъ, касающихся воспитанія, этотъ оригинальный философъ придерживается взглядовъ, диаметрально противоположныхъ тѣмъ, которые раздѣляются его соотечественниками. Особенно цѣны воззрѣнія Рёскина относительно принциповъ нравственнаго воспитанія. Со многими теоріями, высказываемыми имъ, нельзя не согласиться, хотя въ частностяхъ и можно съ нимъ расходиться во взглядахъ. Авторъ сборника подкрѣпляетъ воззрѣнія Рёскина, цитируя взгляды многихъ выдающихся реформаторовъ на воспитаніе и мѣстами высказываетъ свое собственное мнѣніе о различныхъ вопросахъ педагогики. Для всѣхъ, интересующихся оригинальными воззрѣніями Рёскина, составленный авторомъ сборникъ можетъ доставить богатый матеріалъ; точно также и педагоги могутъ заимствовать изъ него весьма цѣнную мысль. (Athenaeum).

«*Psychology applied to Education*». By Gabriel Compayré (Boston; Heath et C^o). (Психологія въ примѣненіи къ воспитанію). Книга представляетъ переводъ извѣстнаго сочиненія доктора Компайре, которое должно было бы находиться въ библиотекѣ каждого учителя и воспитателя, какъ руководство въ дѣлѣ воспи-

танія. Трудъ доктора Компайре составляетъ результатъ серьезныхъ и долговременныхъ наблюдений и опыта и тщательнаго изучения предмета. Авторъ раздѣляетъ воспитаніе на физическое, интеллектуальное и нравственное. «Конечная цѣль воспитанія, — говоритъ докторъ Компайре, — должна заключаться въ достиженіи каждымъ индивидуумомъ наиболѣе полнаго развитія его физической природы, ума и душевныхъ качествъ». Авторъ очень подробно и основательно изучаетъ вопросъ о воспитаніи воли, характера, чувствъ и т. д. и рѣшительнымъ образомъ высказывается противъ какихъ бы то ни было тѣлесныхъ наказаній, какъ такой дисциплинарной мѣры, которая уже окончательно дискредитирована въ настоящее время. Вообще, въ книгѣ доктора Компайре заключается чрезвычайно много основательныхъ мыслей и трезвыхъ взглядовъ на современные методы воспитанія; богатая же эрудиція автора еще увеличиваетъ достоинство книги. (Athenaeum).

«*A Hero's Experiment*» by Helen Ship-ton. (Опытъ героя). Интересный рассказъ о примѣненіи на практикѣ нѣкоторыхъ социальныхъ теорій, которыя были положены въ основу устройства одной земледѣльческой общины. Симпатіи автора явно находятся на сторонѣ героя, молодого энтузіаста, стремящагося къ осуществленію въ жизни своихъ социальныхъ идеаловъ. Въ книгѣ заключается много страницъ, преисполненныхъ горячей вѣры въ лучшее будущее человечества. (Bookseller).

«*History of the Philosophy of History*» by Robert Flint. Edinburgh and London (William Blackwood et Sons). (Исторія философіи исторіи). Первый томъ этого сочиненія авторъ посвящаетъ исторической философіи во Франціи и французской Бельгіи и Швейцаріи. Въ длинномъ предисловіи профессоръ Флинтъ обсуждаетъ общіе вопросы и рассматриваетъ различныя методы изложенія исторіи. Онъ указываетъ, какъ постепенно возникла исторія, какъ наука, изъ простаго повѣствованія о событіяхъ, и какъ постепенно образовалось понятіе о послѣдовательной смѣнѣ событий. Авторъ подробно изучаетъ всѣхъ знаменитыхъ французскихъ мыслителей, и не только ихъ произведенія, но и степень ихъ вліянія. Свой трудъ авторъ раздѣляетъ на три главныя части, соотвѣтственно XVII, XVIII и XIX столѣтіямъ. Въ Воспоминаніи авторъ видитъ главное олицетвореніе философіи XVII в., которая имѣ-

ла религиозный характеръ, чуждый всякой критикѣ. Восемнадцатый вѣкъ, конечно, поставяетъ самый интересный и богатый матеріалъ въ трудахъ Монтескье, Тюрго, Вольтера, Руссо и Кондорсе. Деятнадцатый вѣкъ, менѣе богатый результатами, нежели его предшественникъ, рассматривается авторомъ еще болѣе подробно. Эта часть книги раздѣлена на нѣсколько отдѣловъ, изъ которыхъ главныя сущи: «Ультрамонтаны и либеральныя католическія школы» — де-Местръ, де-Бональдъ и де-Ламенне; «Соціалистскія школы» — Сент-Симонъ, Буше и Луи Вланъ; «Демократическая историческая школа» — Мишле и Кизе, и въ заключеніе — «Позитивизмъ и критическая школа». Бельгіи же и Швейцаріи посвящена очень коротенькая глава, не имѣющая большого значенія. (Westminster Review).

«*Essays about Men, Women and books*». By Augustine Birrell. London. Elliot Stock. (О мужчинахъ, женщинахъ и книгахъ). Интересная и остроумная книга, написанная, однако, не вполне безпристрастно. Жизнь изложенія составляетъ одно изъ главныхъ качествъ этой маленькой книжки, обладающей, впрочемъ, и многими другими достоинствами. (Westminster Review).

«*An introduction to comparative Psychology*». By C. Lloyd Morgan. (Введеніе въ сравнительную психологію). Авторъ, членъ бристольской университетской коллегіи, уже получившій нѣкоторую извѣстность, какъ психо-физиологъ, составилъ введеніе къ изученію сравнительной психологіи, вошедшее въ составъ современной научной бібліотеки (Contemporary Science Series). Въ своей книгѣ авторъ очень подробно рассматриваетъ взаимныя отношенія психологіи человѣка и высшихъ животныхъ и знакомитъ читателей съ современнымъ состояніемъ науки и результатами своихъ собственныхъ наблюдений и изслѣдованій въ этой области. Въ составъ книги, между прочимъ, вошли нѣкоторыя изъ статей автора, печатавшіяся въ научныхъ періодическихъ журналахъ. Въ своемъ настоящемъ видѣ книга эта можетъ быть причислена къ числу лучшихъ выпусковъ вышеупомянутой научной бібліотеки. (Westminster Review).

«*The Use of Life*». By the Right Hon. Sir S. Lubbock, Bart, M. P. (Макмилланъ and Co). (Использованіе жизни). «Самая важная вещь, которой надо научиться въ жизни, это — какъ жить хорошо». Такими вступительными словами

начинается книга, наполненная со-
вѣтами «современнаго мудреца» касатель-
но самыхъ разнообразныхъ вопросовъ
жизни. Авторъ разсуждаетъ о деньгахъ,
богатствѣ, отдыхѣ, воспитаніи, о биб-
лиотекахъ, о чтеніи и, наконецъ, о мирѣ
и религіи. Многія изъ замѣчаній ав-
тора очень вѣрны и остроумны и, во
всякомъ случаѣ, чтеніе этой книги не
будетъ бесполезною тратою времени. Въ
одномъ мѣстѣ авторъ говоритъ: «Я ча-
сто находилъ, что одинъ часъ, про-
веденный съ Дарвиномъ или Ляйеллемъ,
Квинслеемъ или Рѣскинымъ, Гукеромъ
или Тиндалемъ, такъ же освѣжаетъ и воз-
буждаетъ новыя силы, какъ струя свѣ-
жаго воздуха». (Bookseller).

«*Beneath the Banner*. By F. S. Cross
(Cassell and Co). (Подъ знаменемъ). На
пространствѣ 250 страницъ авторъ
счумѣлъ дать цѣлый рядъ краткихъ, но
яркихъ очерковъ жизни и дѣятельности
многихъ выдающихся и благороднѣйшихъ
дѣателей нашего вѣка, поступки кото-
рыхъ служатъ къ украшенію современ-
ной эпохи. Авторъ выбираетъ наиболее
типичныя примѣры мужества, доброты
и преданности долгу, причемъ отводитъ
очень много мѣста миссіонерской дѣ-
лательности, героическимъ поступкамъ
въ мирное и военное время и филантро-
пической дѣятельности. Гуманность, ко-
торую проникнута вся книга, невольно
заставляетъ каждою, прочитавшаго ее,
вѣрить въ добрыя качества человѣче-
ской природы и пробуждаетъ въ его ду-
шѣ благородныя чувства и стремленія.

(Bookseller).

«*Heroic Lives*». — «*Great Warriors*.
(Жизнь героев; великіе воины). Обѣ кни-
ги, вышедшія отдѣльно, состоятъ изъ
жизнеописаній великихъ людей и заклю-
чаютъ въ себѣ много интересныхъ и
новыхъ данныхъ. Въ первой книгѣ го-
ворится о Ливингстонѣ, Стэнли, гене-
ралѣ Гордонѣ и др.; во второй же — о
великихъ полководцахъ: Нельсонѣ, Ве-
ллингтонѣ и Наполеонѣ Бонапарте. Оби-
ліе матеріала, расположеннаго съ боль-
шимъ искусствомъ, дѣлаетъ обѣ эти
книги очень полезными и интересными
для читателей. (Bookseller).

«*Social England: a Record of the pro-
gress of the People by Various Writers*.
Edited by H. D. Traill, D. C. L. (Cas-
sell and Co). (Соціальная Англія). Этотъ,
въ высшей степени интересный и важ-
ный, трудъ указываетъ на новое на-
правленіе популярной исторической ли-
тературы. Цѣль этого труда—предста-
вить въ рядѣ отдѣльныхъ статей пол-
ную картину прогресса націи, въ от-

ношеніи религіи, науки, литературы
и т. п. отъ самыхъ древнихъ временъ
вплоть до современной эпохи. На ши-
рокую программу указываетъ то, что
два первые довольно объемистые тома
этого труда дошли только до конца
среднихъ вѣковъ. Конечно, трудность
выполненія такой обширной задачи очень
велика. Въ исполненіи ея участвуютъ
болѣе двадцати писателей-историковъ;
каждый пишетъ о какомъ-нибудь отдѣль-
номъ историческомъ эпизодѣ или эпохѣ.
Многія изъ статей замѣчательно хороши
и читаются съ огромнымъ интересомъ,
во всякомъ случаѣ, такое изложеніе
исторія въ отдѣльныхъ статьяхъ, напи-
санныхъ разными авторами, представ-
ляетъ выдающуюся новинку въ области
исторической литературы.

(Athenaeum).

«*Glimpses of unfamiliar Japan*. By
Lafcadio Hearn (Osquod Mc. Ivaine
and Co). (Очерки малоизвѣстной Япо-
ніи). Большинство писателей, написавшихъ
цѣлые томы о Японіи въ послѣднее вре-
мя, въ рѣдкихъ только случаяхъ про-
никаетъ далѣе поверхностности, въ самую
глубь японской жизни, въ тѣ уголки,
которые остались еще свободными отъ
вліянія европейской цивилизаціи. Кромѣ
того, что видятъ, обыкновенно, всё, по-
сѣщавшіе Японію и писавшіе о ней, авторъ
вышеупомянутой книги о Японіи счумѣлъ
еще увидѣть то, чего не замѣтили другіе,
то, что скрывается подъ наноснымъ
слоемъ хорошихъ и дурныхъ качествъ
европейской культуры. Конечно, для
того, чтобы наблюдать японскую жизнь
въ ея первобытномъ видѣ, надо было
удалиться въ глушь страны. Такъ и по-
ступилъ авторъ, проведя большую часть
своего четырехлѣтняго пребыванія въ
Японіи въ разныхъ ея заброшенныхъ
уголкахъ. Тамъ ему удалось собрать
массу поэтическихъ легендъ, наблюдать
японскую жизнь въ томъ видѣ, въ ка-
комъ она существовала тысячелѣтія на-
задъ. Въ округахъ, уже затронутыхъ
европейскою цивилизаціей, вмѣстѣ съ
остатками варварства исчезли и многіе
поэтическія вѣрованія, обычаи, тради-
ціи и т. п. Самая религія японцевъ уже
измѣнила свой характеръ, и только въ
отдаленныхъ отъ центра японской ци-
вилизаци мѣстахъ автору удалось уви-
дать ее въ ея первоначальномъ видѣ.
Книга чрезвычайно интересна, особен-
но потому, что она знакомитъ съ такою
стороною японской жизни, которая, обык-
новенно, просматривается всѣми совре-
менными авторами, пишущими о Японіи.
(Athenaeum).

«*In the Guiana Forest: Studies of Nature in Relation to the Struggle for life*».

By James Rodway. With introduction by Grant Allen (Fisher Unwin). (Въ *лесахъ Гвианы: очерки природы въ связи съ борьбою за существованіе*). Эта превосходная маленькая книжка отличается двумя качествами, которыя рѣдко встрѣчаются вмѣстѣ: она строго научна и въ то же время очень художественно написана. Авторъ описываетъ тропическій лѣсъ и изображаетъ въ его таинственныхъ дебряхъ постоянную, непрерывную и безжалостную борьбу за существованіе такими яркими красками, что на читателя это должно произвести сильное впечатлѣніе. Тропическій лѣсъ, по словамъ автора, необыкновенно густо населенъ, гораздо гуще, чѣмъ любой изъ большихъ городовъ, поэтому борьба за существованіе совершается въ немъ съ особенною энергіей. Авторъ рассказываетъ чрезвычайно много интересныхъ вещей про обитателей лѣсовъ, животныхъ и человѣка. Лѣсного человѣка авторъ разсматриваетъ съ нѣсколько оригинальной точки зрѣнія, какъ представителя одной изъ лѣсныхъ породъ, который также участвуетъ въ общей борьбѣ и долженъ стремиться къ тому, чтобы приспособиться къ окружающей средѣ, животнымъ и растеніямъ. Но авторъ особенно интересуется представителями растительнаго царства, которые, для обыкновеннаго наблюдателя, ничто иное, какъ безмолвные и лишеныя способности мыслить и двигаться существа; для автора же, какъ натуралиста, растенія представляются такими существами, которыя, какъ и животныя въ тропическомъ лѣсу, должны вести вѣчную и непрерывную борьбу за существованіе. Въ тропическихъ странахъ, по мнѣнію автора, животная и растительная жизнь напоминаетъ ту, которая была въ Европѣ до ледяного періода. Идеи эволюціи, какъ исхода борьбы за суще-

ствованіе, впервые возникли у Руссала Уоллеса въ то время, когда онъ находился въ малайскомъ лѣсу. Вообще, пребываніе въ тропическомъ лѣсу очень поучительно для мыслящаго человѣка, и наводитъ его на глубокія мысли. Авторъ видитъ въ этомъ воспитательное значеніе тропическаго лѣса, который въ описаніи автора является необыкновенно привлекательнымъ и интереснымъ. (Daily News).

«*The Making of Manhood*». W. S. Dawson (Hodder and Stoughton). (Воспитаніе человечества). Цѣль книги—внушить молодежи, только еще начинающей жить и сознавать отвѣтственность, которая налагается на нихъ жизнью, правильные и въ то же время возвышенные взгляды на жизнь. Авторъ стремится преподавать молодежи благіе совѣты и утвердить ее въ нравственныхъ принципахъ. Слѣдующія названія главъ даютъ понятіе о томъ, какихъ вопросовъ касается авторъ въ своей книгѣ: «Правильно мыслить—обязанность человѣка», «Сила идеала», «Мужество», «Патріотизмъ» и т. п.

(Daily News).

«*Outlines of Biology*». P. Chalmers Mitchell (Methuen and Co). (Очерки биологіи). Авторъ, составляя свое руководство къ биологіи, соображался, главнымъ образомъ, съ тою программой, которая принята экзаменаціонной комиссіей въ королевской медицинской коллегіи для кандидатовъ, приготавливающихся къ экзамену по элементарной биологіи. Въ своемъ полезномъ трактатѣ авторъ излагаетъ биологическіе факты очень простымъ, понятнымъ языкомъ, стараясь при этомъ представить въ возможно болѣе яркомъ свѣтѣ ихъ взаимную связь и выяснитъ то мѣсто, которое они должны занимать въ биологіи.

(Daily News).

ИЗЪ РУССКОЙ ЖИЗНИ И ЛИТЕРАТУРЫ.

Вопросы русской общественной жизни. Въ газетахъ сообщалось, что Министерство Финансовъ занято въ настоящее время выработкой проекта «о мѣрахъ, подлежащихъ соблюденію для сохраненія жизни и здоровья рабочихъ во время работъ и при помѣщеніяхъ въ фабричныхъ зданіяхъ». По словамъ «Русской Жизни», сущность новаго проекта, въ общихъ чертахъ, заключается въ слѣдующемъ:

1) Завѣдующіе (владѣльцы или управляющіе) фабриками, заводами и мануфактурами обязаны: въ тѣхъ помѣщеніяхъ, гдѣ производятся работы, такъ располагать двигатели, приводы, исполнительные станки, а также другія опасныя устройства и мѣста (чаны и сосуды съ ѣдкими, горючими и ядовитыми веществами и проч.), и примѣнять такой порядокъ работъ, чтобы работы эти, насколько сіе возможно, не угрожали опасностью жизни или здоровью работающихъ въ сихъ помѣщеніяхъ людей. Наблюдать за тѣмъ, чтобы рабочія помѣщенія, равно какъ отводимыя фабрикою, заводомъ или мануфактурою для жительства рабочихъ и ихъ семействъ зданія, удовлетворяли установленнымъ требованіямъ кубическаго содержанія воздуха (соображеннымъ съ числомъ рабочихъ, свойствами производства, родомъ освѣщенія и вентиляціи) и имѣли достаточное число удобныхъ и легко доступныхъ выходовъ на случай пожара; чтобы упомянутыя помѣщенія

и зданія были постоянно содержимы въ чистотѣ и порядкѣ, надлежащимъ образомъ освѣщаемы (особенно въ опасныхъ для рабочихъ мѣстахъ), отопляемы, провѣтриваемы или искусственнымъ образомъ вентилируемы, какъ съ цѣлью освѣженія воздуха, такъ и съ цѣлью удаленія вредныхъ газовъ, испареній и пыли.

2) При каждой фабрикѣ, заводѣ и мануфактурѣ, имѣющихъ болѣе ста рабочихъ, должно быть устроено болѣе значное помѣщеніе по расчету одной кровати на 100 человекъ рабочихъ.

3) На фабрикахъ, заводахъ и мануфактурахъ, представляющихъ, по свойству производимыхъ въ нихъ работъ или употребляемыхъ въ дѣло матеріаловъ, особенную опасность для жизни или здоровья рабочихъ, продолжительность работъ взрослыхъ рабочихъ (мужчинъ и женщинъ) и подростковъ, можетъ быть ограничена какъ сокращеніемъ общей продолжительности работъ, такъ и установленіемъ опредѣленнаго числа обязательныхъ въ теченіе оной перерывовъ.

За неисполненіе этихъ предписаній владѣльцы фабрикъ подвергаются денежному взысканію «не свыше 300 р.». Въ случаѣ утѣчи или какого-либо другаго несчастья съ рабочими во время работы, фабриканты обязаны немедленно дать знать о случившемся фабричному инспектору и позаботиться объ оказаніи пострадавшему врачебной помощи. О какомъ-

либо денежномъ обеспеченіи пострадавшихъ рабочихъ (такъ наз. «страхованіи рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ») въ проектѣ не упоминается. Если, послѣ двукратнаго наложенія денежнаго штрафа, владѣлецъ фабрики все-таки не выполнитъ, предписанныхъ закономъ, требованій относительно охраненія здоровья рабочихъ, то присутствію по фабричнымъ дѣламъ итѣютъ право привести эти требованія въ исполненіе, взыскавъ съ фабриканта соответственные издержки.

Проектъ этотъ, въ томъ видѣ, какъ его сообщаетъ газета, несмотря на всю свою неполноту, имѣетъ огромное значеніе, потому что онъ направленъ къ улучшенію быта рабочихъ, положеніе которыхъ на большинствѣ русскихъ фабрикахъ оставляетъ желать очень многого. Исслѣдователи нашего хозяйственнаго строя единогласно признаютъ, что земледѣльческое населеніе Россіи переживаетъ въ настоящее время тяжелый кризисъ: крестьянское хозяйство, вслѣдствіе малоземелья и непосильной тяжести податей и повинностей, разоряется, масса безземельныхъ пролетаріевъ съ каждымъ годомъ увеличивается и, не имѣя возможности заниматься земледѣліемъ, направляется въ города и поступаетъ, въ большинствѣ случаевъ, на фабрики. А какъ живетъ русскимъ рабочимъ на фабрикахъ, можно судить хотя бы по тѣмъ случайнымъ свѣдѣніямъ, которыя иногда попадаютъ въ газеты. Такъ, «Орловскій Вѣстникъ» пишетъ: «жизненные условія, въ которыхъ находится рабочій классъ на фабрикахъ и заводахъ въ Орловской губерніи, за небольшимъ исключеніемъ, до того печальны и неудовлетворительны, что приходится только удивляться, какъ могли сложиться такія ненормальности и почему до сихъ поръ никто не обращалъ должнаго вниманія на это весьма важное обстоятельство. Каждый выѣздъ инспектора раскрываетъ грустную картину положе-

нія рабочаго класса: на-дняхъ, напримеръ, на маслобойномъ заводѣ купца Охулкова, въ Стрѣлецкой слободѣ, при осмотрѣ оказалось, что помѣщенія здѣсь для рабочихъ никакого нѣтъ, что спать они въ томъ же сыромъ и холодномъ сараѣ, гдѣ день и ночь производится работа маслобойки. Ночная смѣна днемъ забирается на нары, устроенныя тутъ же въ заводѣ, и спать въ теченіе дня, подъ грохотъ и стукъ коннаго привода, въ то время, когда ихъ товарищи—денная смѣна—работаютъ, и наоборотъ. На заводѣ Суслова (ратификаціонное отдѣленіе винокуреннаго завода), на Старо-Московской улицѣ, рабочіе помѣщаются въ сыромъ подвалѣ, покрытомъ плѣсенью; здѣсь они спятъ и проводятъ большую часть свободнаго времени. Какъ отражается подобная атмосфера на здоровьѣ рабочихъ—судить не трудно. Кроме того, на заводѣ виазанъ-паровой котель безъ должнаго испытанія и разрѣшенія; работаетъ онъ въ одной изъ мастерскихъ, гдѣ дѣвочки моютъ бутылки. На Елецкомъ кожевенномъ заводѣ купца Н. В. Ростовцева, по осмотру оказалось, что, несмотря на предупрежденіе, сдѣланное фабричною инспекціею еще въ іюль мѣсяцѣ, рабочіе продолжаютъ спать въ томъ же помѣщеніи, гдѣ дубятся въ огромныхъ чанахъ выдѣлываемыя кожи и гдѣ, въ буквальномъ смыслѣ, производится медленное отравленіе подобной атмосферой безответныхъ труженниковъ.

Корреспондентъ «Русской Жизни» сообщаетъ слѣдующія данныя о спичечныхъ фабрикахъ въ Рязанской губ. «Неприхотливый вообще русскій рабочій здѣсь, однако, ясно сознаетъ неудовлетворительность санитарнаго состоянія настоящихъ спичечныхъ фабрикъ и идетъ туда уже въ крайнемъ случаѣ, уходя при первой представившейся возможности. Дѣйствительно, обстановка спичечныхъ фабрикъ производитъ тяжелое впечатлѣ-

ніе. Представьте себѣ три или четыре осьмиаршинныхъ сруба, сколоченныхъ одинъ съ другимъ, съ маленькими овнами, грязнымъ поломъ, съ удушливой атмосферой и полнѣйшимъ отсутствіемъ вентиляціи—вотъ вамъ и спичечная фабрика. Особенно вредны фабрики, выдѣлывающія сѣрные спички; несмотря на повышеніе акписа на нихъ (въ два раза противъ шведскихъ), фабрикъ, ихъ вырабатывающихъ, по уѣзду не мало. Помѣщеніе для варки зажигательной сѣрной массы не всегда бываетъ хорошо изолировано отъ помѣщеній для наборки, съемки и т. п. Сѣрные пары, выдѣляемые массой при варкѣ, распространяются и въ этихъ послѣднихъ и заражаютъ безъ того дурной воздухъ. Сѣрные пары особенно вредно отзываются на костяхъ, размягчаютъ ихъ и подвергаютъ опасности перелома при неосторожныхъ паденіяхъ. Среди рабочихъ не мало хромыхъ, съ попорченными челюстями и выкрошившимися зубами. Фабрики съ количествомъ рабочихъ болѣе 16—подчиненыя фабричной инспекціи, сравнительно болѣе удовлетворительны—часто находятся фабричной инспекціей не соответствующими общимъ правиламъ о санитарномъ состояніи заведеній этого рода, а фабриканты подвергаются штрафамъ. Болѣе мелкія фабрики, изъятыя изъ вѣдѣнія фабричныхъ инспекторовъ, конечно, еще менѣе удовлетворительны. Скорѣйшее подчиненіе всѣхъ спичечныхъ фабрикъ вѣдѣнію фабричной инспекціи тѣмъ болѣе желательно, что большая часть рабочихъ, работающихъ здѣсь—женщины и подростки».

Кромѣ фабричныхъ рабочихъ, въ городахъ ютятся еще множество такъ наз. «чернорабочихъ» — ремесленниковъ, поденщиковъ и проч. Недавно, въ Обществѣ охраненія народнаго здравія женщина-врачъ, М. И. Покровская сдѣлала очень интересное сообщеніе о томъ, какъ живетъ этому рабочему люду въ Петербургѣ, гдѣ

насчитывается около 60 тысячь рабочаго населенія. «По ея словамъ, петербургское рабочее населеніе очень рѣдко занимаетъ одной семьей цѣлую квартиру. Часто случается, что не только въ одной квартирѣ, но и въ одной комнатѣ съ квартирными хозяевами помѣщаются жильцы. Чаще всего въ одной комнатѣ помѣщается по-четверо. Кубическое содержаніе воздуха на человѣка колеблется между 2, 3 и 19,3 куб. метр. и только былъ одинъ случай изъ 30, когда это содержаніе равнялось 25,5 куб. метр., что признается достаточнымъ для одного человѣка, при условіи хорошей вентиляціи. Форточки не открываются никогда изъ экономіи дровъ. Помѣщенія низки и темны. Лѣстницы, вообще, грязны, вонючи, темны и круты; квартирная плата колеблется отъ 7 до 43 руб. въ мѣсяцъ, плата за отдѣльныя комнаты равняется отъ 4—14 руб., за уголь—отъ 1 до 4 р. Жильцы часто не имѣютъ наръ, спятъ гдѣ попало, часто на полу, на голыхъ доскахъ или по-двое на одной постели.

Желаю пополнить свои наблюденія, г-жа Покровская собрала массу отзывовъ о жилищахъ рабочихъ отъ санитарныхъ врачей. По наблюденіямъ послѣднихъ, еще хуже содержатся артельныя помѣщенія, особенно полотеревъ, извозчиковъ, разнаго рода торговцевъ. Паразитовъ тучи. Особенно густо живетъ рабочее населеніе въ домахъ, находящихся по близости фабрикъ и заводовъ. Здѣсь часто и сами хозяева не знаютъ, сколько иной разъ ночуетъ у нихъ человѣкъ. Квартиры дороже, чѣмъ на Невскомъ. Но что это за квартиры!.. Грязные, бурые обои висятъ лохмотьями, всюду валется разный скарбъ, сѣстные припасы (кладовыхъ нѣтъ), старая обувь, рваная одежда—все это гнѣетъ и издаетъ зловонье. Бѣдныя дѣти спятъ и ютятся въ ящикахъ. Специфическій смрадъ захватываетъ дыханье. Цѣны за ночлегъ при такой обстановкѣ

вдвоемъ на одной постели — отъ 1 р. 25 к. до 4 р. въ мѣсяць.

По словамъ г-жи Покровской, «углы» и артельные квартиры представляютъ собою очаги для холеры и другихъ эпидемическихъ болѣзней. Такъ, во время холеры 1892 и 1893 г. болѣе половины всѣхъ заболѣвающихъ приходилась на обитателей вышеописанныхъ помѣщеній.

Главная причина, заставляющая петербургскихъ рабочихъ скучиваться въ углахъ, заключается въ дороговизнѣ квартиръ. Изъ переписи 1890 г. видно, что средняя годовая плата за квартиру въ одну комнату 100—112 руб. въ годъ, въ двѣ 173—194 (безъ дровъ), заработная плата, напр., у портныхъ, 20—40 р. въ мѣсяць; поденщикъ чернорабочій можетъ зарабатывать 18—20 р. Поневоля люди тѣснятся.

Въ заключеніе г-жа Покровская предлагаетъ русскому Обществу охраненія народнаго здравія придти на помощь 60-тысячному трудовому населенію столицы. По ея мнѣнію, слѣдовало бы: 1) избрать комиссію для изслѣдованія жилищъ рабочихъ, 2) устроить рядъ публичныхъ лекцій съ цѣлью познакомить публику съ условіями охраненія здоровья, 3) собрать со всей Россіи свѣдѣнія о жилищахъ рабочихъ и 4) выработать планъ дешеваго и здороваго жилища для рабочихъ.

Вопросы народнаго образованія на земскихъ собраніяхъ. Въ текущемъ году уѣздныя и губернскія земскія собранія въ Россіи, также какъ и въ предшествовавшіе годы, много занимались вопросами народнаго образованія. Между прочимъ, слѣдуетъ отмѣтить тотъ фактъ, что въ двухъ земствахъ впервые выступили, въ качествѣ докладчицъ по народному образованію, женщины—г-жа Штевень въ Княгининскомъ земствѣ Ни-

жегородской губ. и г-жа Будаловская-Яцевичъ въ полтавскомъ земствѣ.

Съ согласія предсѣдателя, г-жа Штевень лично прочла въ земскомъ собраніи выработанный ею проектъ о распространеніи образованія въ народѣ. Главная мысль г-жи Штевень заключается въ необходимости организаціи возможно большаго числа школъ грамоты. По словамъ «Волгара», собраніе, утвердивъ отчетъ управы по народному образованію и смѣту на будущій годъ въ суммѣ 10.204 руб. 70 коп., между прочимъ, ассигновало—въ распоряженіе г-жи Штевень на устройство 10 школъ грамоты и бесплатной народной читальни въ с. Ревезени 165 руб., на поддержаніе и развитіе школьныхъ садовъ 100 руб.

Въ полтавскомъ земствѣ г-жа Будаловская-Яцевичъ представила собранію проектъ мѣръ для распространенія народнаго образованія въ Полтавской губ. Для обсужденія этого проекта была избрана комиссія, въ составъ которой, по словамъ «Полтавскихъ Губ. Вѣдомостей», кромѣ членовъ губернской управы и 7 предсѣдателей уѣздныхъ земскихъ управъ, были приглашены еще нѣкоторые лица, и въ томъ числѣ, директоръ народныхъ училищъ Полтавской губерніи. По прочтеніи записки г-жи Будаловской (Яцевичъ) о состояніи народнаго образованія въ Полтавской губерніи и о нуждахъ школьнаго дѣла, комиссія обсудила 18 предложенныхъ на ея разсмотрѣніе вопросовъ, обнимающихъ главныя нужды этого дѣла. Между прочимъ, въ видахъ скорѣйшаго достиженія возможности ввести въ губерніи всеобщее обязательное обученіе, комиссія признала желательнымъ выработать проектъ нормальной сѣти школъ въ губерніи. Затѣмъ комиссія высказалась въ пользу устройства одногодичныхъ педагогическихъ курсовъ на 80 душъ для лицъ обоего пола, не окончившихъ средняго учебнаго заведенія, чтобы

такимъ путемъ подготовить контингентъ свѣдущихъ учителей, и за возобновленіе учительскихъ свѣздовъ, подъ руководствомъ опытныхъ педагоговъ, приглашаемыхъ земствомъ. Далѣе, коммисія обсудила мѣры содѣйствія къ образованію при уѣздныхъ управахъ учительскихъ библиотекъ, а при начальныхъ школахъ, или отдѣльно отъ нихъ, библиотекъ для чтенія, читаленъ и складовъ книгъ для продажи, а также воскресныхъ народныхъ чтеній съ туманными картинами. Для улучшенія школьных помѣщеній признано необходимымъ поручить губернской управѣ выработать типы школьныхъ зданій, съ однимъ, двумя и болѣе отдѣленіями и, въ случаѣ надобности, съ приютами при нихъ для ночлега учениковъ, приходящихъ изъ отдаленныхъ мѣстъ; при всѣхъ уѣздныхъ управахъ признано полезнымъ устроить склады школьныхъ пособій и школьной мебели; а для облегченія смѣтныхъ расходовъ на улучшеніе школьнаго дѣла рекомендовалось уѣзднымъ земствамъ составлять изъ смѣтныхъ остатковъ особые фонды на удовлетвореніе нѣкоторыхъ вышеозначенныхъ потребностей. Коммисія признала необходимымъ просить губернскаго земства выработать мѣры къ устройству при школахъ садовъ и огородовъ; выработать особый типъ передвижной ушевленной школы или школы грамоты и исходатайствовать разрѣшеніе, чтобы въ эти школы допускались къ преподаванію неполноправные учителя подъ надзоромъ и руководствомъ учителя земской школы. Признано желательнымъ, чтобы губернскаго земство издало обязательное постановленіе о своевременномъ исполненіи принятыхъ на себя сельскими обществами обязательствъ по ремонту училищъ, отопленію и т. п. Для устраненія неудобства существующаго порядка назначенія школьныхъ учителей, признано необходимымъ возбудить хода-

тайство о томъ, чтобы земскимъ управамъ предоставлено было право замѣщать отрывающіяся вакансіи кандидатами по списку, заранѣе составленному управою и утверждаемому инспекторомъ. Наконецъ, признано желательнымъ печатать на счетъ губернскаго земства ежегодные отчеты о состояніи школьнаго дѣла въ губерніи.

Кромѣ устройствъ начальныхъ школъ, на земскихъ собраніяхъ обсуждались также и другія мѣры къ распространенію образованія въ народѣ—организацию повторительныхъ курсовъ для учениковъ, окончившихъ школу, организацию народныхъ читаленъ и библиотекъ и пр. Такъ, напр., по сообщенію «Южнаго Края», на засѣданіяхъ Грайворонскаго уѣзднаго земства (Курской губ.) былъ констатированъ такой фактъ изъ области школьнаго дѣла:

«Укрѣпленіе и упроченіе тѣхъ небольшихъ знаній, которыя даютъ наши школы и дальнѣйшее образованіе по выходѣ изъ школъ крестьянскихъ дѣтей, заслуживаютъ преимущественнаго вниманія и усиленныхъ заботъ со стороны земства. Известно, какая среда ожидаетъ учениковъ по окончаніи ими курса въ нашихъ земскихъ начальныхъ училищахъ. Едва приобретенныя ими школьныя познанія и навыки въ тѣхъ бытовыхъ и экономическихъ условіяхъ крестьянской жизни, которымъ волей-неволей приходится подчиняться по выходѣ изъ школы, скоро изглаживаются, и бывшіе ученики, съ теченіемъ времени, по своему умственному и нравственному развитію нисколько не отличаются отъ другихъ крестьянъ, никогда не бывшихъ въ училищѣ. Нисколько, дѣйствительно, сильно вліяніе среды, объ этомъ можно судить по тому, что даже взрослый интеллигентный человѣкъ, при отсутствіи умственной пищи, часто настолько подчиняется окружающимъ его условіямъ и не образованной массѣ, что совершенно

сливается съ нею и нисколько отъ нея не отличается. Что же можно ожидать отъ умственно неокрѣвшихъ едва усвоившихъ начатки образованія школьныхъ учениковъ? Если они такъ скоро теряютъ пріобрѣтенныя въ школѣ знанія, то уже нечего говорить про то, что дальнѣйшее развитіе ихъ, при господствѣ такихъ условій, совершенно немислимо.

Въ виду этого, собраніе постановило поручить управѣ подробно разработать проектъ о повторительныхъ курсахъ къ будущему очередному собранію и ассигновать 250 рублей на покупку книгъ для бесплатной раздачи въ собственность учениковъ, окончившихъ курсъ».

По почину Петербургскаго и Московскаго комитетовъ грамотности, выдвинувшихъ вопросъ объ устройствѣ земскихъ народныхъ читаленъ, вопросъ этотъ теперь обсуждается одновременно во многихъ земскихъ собраніяхъ. Такъ, Малмыжское уѣздное земское собраніе (Вятской губ.) единогласно приняло предложеніе гласнаго Батуева о томъ, чтобы ходатайствовать передъ Вятскимъ губернскимъ собраніемъ объ устройствѣ въ Вятской губ. 3 000 народныхъ библиотекъ на средства земства. Ослѣпительная цифра «3.000 библиотекъ» нѣсколько блѣднѣетъ, когда изъ дальнѣйшаго газетнаго сообщенія оказывается, что каждая такая библиотека должна заключать въ себѣ книгъ, стоимостью всего на 5 р. Комитетъ грамотности, какъ извѣстно, поставилъ это дѣло гораздо шире: каждая устраиваемая имъ читальня будетъ содержать въ себѣ книгъ на 250 р., такъ что, по его расчетамъ, 100 читаленъ будутъ стоить 25.000 р.; между тѣмъ, какъ 3.000 читаленъ, учреждаемыхъ малмыжскимъ земствомъ, обойдутся всего въ 15.000 р. Нечего и говорить, что читальни, проектируемыя Комитетомъ грамотности, по количеству и качеству заключающихся въ нихъ книгъ,

будутъ несравненно выше вятскихъ 5-рублевыхъ библиотечекъ, но, въ виду скудности средствъ, которыми располагаютъ наши земства, нельзя все-таки не порадоваться тому, что въ каждомъ сельскомъ обществѣ Вятской губ. будетъ хотя бы и такая ничтожная, маленькая библиотечка. Все-таки она пробудитъ интересъ къ чтенію и, быть можетъ, послужитъ ядромъ, изъ котораго впоследствии можетъ выработаться настоящая, большая библиотека. Можетъ быть, въ иныхъ мѣстахъ крестьяне такъ пріохотятся къ чтенію, что на свои средства будутъ пополнять и расширять библиотечку. Кромѣ того, слѣдуетъ упомянуть еще и о слѣдующемъ важномъ постановленіи земства: по словамъ «Русской Жизни», «книги для библиотекъ должны избираться изъ числа книгъ, одобренныхъ для употребленія въ народныхъ читальняхъ. Если въ числѣ книгъ, одобренныхъ для употребленія въ народныхъ читальняхъ, не окажется подходящихъ книгъ по той или другой отрасли то губернская управа черезъ начальника губерніи входить съ представленіемъ къ г. Министру Народнаго Просвѣщенія объ одобреніи имѣющихся уже въ продажѣ изданій по означенной отрасли или же составленныхъ по ея порученію. Въ случаѣ, если въ продажѣ не имѣется подходящихъ къ крестьянскому пониманію сочиненій по извѣстной отрасли, или имѣющіяся стоятъ слишкомъ дорого, губернская управа поручаетъ надлежащимъ лицамъ составлять книги и издавать ихъ, или переиздаетъ болѣе дешево имѣющіяся уже изданія».

Подобное же постановленіе прошло и въ Покровскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи (Владим. губ.). Въ 1889 г. земство открыло въ Покровскомъ уѣздѣ нѣсколько книжныхъ складовъ для торговли народными изданіями, но дѣла складовъ шли очень вяло, и обороты каждого склада, въ среднемъ, не превышали 24 р. въ годъ. Вслѣдствіе

этого, какъ сообщаетъ «Русская Жизнь», земское собраніе 1893 г. «просило училищный совѣтъ выяснитъ причины неудовлетворительнаго хода этого дѣла». Въ докладѣ нынѣшнему земскому собранію (1894 г.) училищный совѣтъ главной причиной плохихъ оборотовъ въ складахъ выставилъ то, что въ каталогъ Министерства Народнаго Просвѣщенія (соображаясь съ которыми, выписываются книги для складовъ) внесено очень мало книгъ и брошюръ, доступныхъ по цѣнѣ сельскому населенію (въ 5, 4, 3, 2, 1 копейку), что кромѣ того, часто тѣ же названія книгъ, только въ другихъ изданіяхъ, непопавшихъ въ каталогъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, стоятъ въ 3—5 разъ дешевле. Напр., «Богъ правду любитъ»... въ изданіи Комитета грамотности, одобренномъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, стоитъ 5 коп., а въ изданіи «Посредника» — 1½ коп. Такихъ примѣровъ масса.

Земское собраніе, выслушавъ этотъ докладъ, поручило управѣ ходатайствовать о допущеніи въ складъ всѣхъ изданій, дозволенныхъ общей цензурой».

Краснинское уѣздное земство (Смоленской губ.) взяло на себя починъ организациі разносной продажи народныхъ книгъ, черезъ посредство оплачиваемыхъ земствомъ книгоношъ. Корреспондентъ «Смоленскаго Вѣстника» сообщаетъ, что первые опыты земства въ этомъ направленіи слѣдуетъ признать удавшимися. Онъ пишетъ: Всего съ 1 октября по 1 ноября продано книгъ на сумму до 15 руб. Конечно, цифра эта не настолько еще велика для того, чтобы продажу книгъ можно было назвать успѣшной; но если принять во вниманіе, во-первыхъ, новизну этого только что развивающагося дѣла, во-вторыхъ, отсутствіе, по случаю осенняго времени, хорошихъ дорогъ, мѣшающихъ земскому книгоношѣ дѣлать болѣе частыя по-

сѣщенія по уѣзду деревень и селъ, особенно въ то время, когда въ послѣднихъ бывають ярмарки, то все-таки цифра эта укрѣпляетъ надежду на дальнѣйшее успѣшное развитіе этого полезнаго начинанія земства въ области просвѣщенія темнаго люда. Книги для разносной продажи приобрѣтаются управой на комиссію и въ кредитъ изъ книжныхъ складовъ Калмыковой и Сытина; кромѣ книгъ, продаются иконы и картины, такъ какъ эти предметы, удовлетворяя религиозную и эстетическую потребность нашего крестьянина, вмѣстѣ съ тѣмъ служатъ привлеченіемъ покупателей. Кратковременность веденія этого предпріятія пока еще не позволяетъ точно опредѣлить, на какія категории книгъ предъявляется спросъ, но, не дѣлая большой погрѣшности, можно сказать, что предпочтеніемъ пользуются книги духовно-нравственнаго, историческаго содержанія, а также и по сельскому хозяйству. Въ цѣляхъ болѣе широкаго развитія своей дѣятельности по продажѣ книгъ сельскому населенію, управа надняхъ обратилась съ ходатайствомъ къ г. губернатору о разрѣшеніи открыть продажу книгъ изъ земскаго склада при чайныхъ въ г. Красномъ, с.с. Зябровичахъ, Каблуковѣ и д. Малѣевѣ. Желательно было бы въ интересахъ этого симпатичнаго дѣла получить удовлетвореніе въ указанной просьбѣ.

Народное образованіе въ Финляндіи. Одной изъ симпатичныхъ особенностей организациі народнаго просвѣщенія въ Финляндіи является то, что тамъ всѣ учебныя заведенія представляютъ собою всесловныя учрежденія, причѣмъ обращается особенное вниманіе на то, чтобы образованіе было доступно не наиболѣе состоятельнымъ, а наиболѣе способнымъ людямъ. Какъ видно, напримѣръ, изъ официальной статистики за 1891—1892 учебный

годъ, даже въ числѣ учениковъ государственныхъ лицеевъ дѣти батраковъ, ремесленниковъ и мѣщанъ составляли 18 проц., въ женскихъ же учебныхъ заведеніяхъ—14 проц.!

Поголовная грамотность въ Финляндіи всего подростающаго поколѣнія достигается при помощи такъ называемыхъ «амбулаторныхъ» или «передвижныхъ» школъ (переходящихъ учителей). Сельскія общества нанимаютъ двухъ-трехъ учителей на приходъ, которые, странствуя каждый въ своемъ участкѣ, обучаютъ грамотѣ всѣхъ дѣтей перваго школьнаго возраста (лѣтъ до 10). По закону, только города обязаны содержать такое количество постоянныхъ народныхъ школъ, чтобы въ нихъ могли обучаться всѣ дѣти въ возрастѣ отъ 8 до 14 лѣтъ, не получающія соотвѣтствующаго или болѣе обширнаго образованія въ родительскомъ домѣ. И хотя законъ не обязываетъ сельскія общества къ учрежденію постоянныхъ народныхъ школъ, называемыхъ, въ отличіе отъ «амбулаторныхъ», высшими школами, но это обязательство, несомнѣнно, существуетъ въ сознаніи сельскихъ обществъ. Доказательствомъ этому можетъ служить фактъ, что уже въ 1891—92 учебномъ году изъ общаго количества (470) сельскихъ приходовъ не было постоянныхъ народныхъ школъ лишь въ 57 приходохъ. Само собою разумѣется, что это—бѣднѣйшіе приходы, наиболѣе окраинные, съ очень разбросаннымъ населеніемъ. Въ богатыхъ же приходохъ, наоборотъ, бываетъ по нѣсколько школъ, иногда даже до 10-ти. Поэтому, общее количество всѣхъ высшихъ сельскихъ школъ составляло въ указанномъ учебномъ году 953 школы. Не сомнѣнно, что съ тѣхъ поръ успѣло еще прибавиться нѣсколько десятковъ высшихъ народныхъ школъ, и, слѣдовательно, значительно убавилось число сельскихъ приходовъ безъ школъ; въ самомъ же непродолжитель-

номъ времени такихъ приходовъ и вовсе не будетъ въ Финляндіи, если судить по тому горячему, искреннему и сознательному движенію въ пользу разносторонняго образованія массы населенія, которое все настойчивѣе проявляется во всѣхъ слояхъ общества.

Внѣшкольное образованіе также чрезвычайно распространено въ Финляндіи, и желающій всегда имѣетъ возможность расширить и дополнить свои знанія съ помощью книгъ, лекцій и тому подоб. Уже въ началѣ 90-хъ годовъ изъ 470 сельскихъ приходовъ Финляндіи 410 имѣли благоустроенныя сельскія библіотеки. Въ нѣкоторыхъ приходохъ насчитывается до 6—7 библіотекъ. Кромѣ того, въ послѣднее время значительное распространеніе получило совершенно новое просвѣтительное дѣло—учрежденіе «высшихъ народныхъ курсовъ», аналогичныхъ съ такъ-называемыми «крестьянскими университетами», имѣющими весьма значительное распространеніе въ скандинавскихъ государствахъ. Съ большимъ энтузіазмомъ принялось финляндское общество за это новое дѣло, увѣнчавшееся уже большимъ успѣхомъ. Къ учрежденію «первыхъ высшихъ курсовъ» было приступлено въ началѣ 90-хъ годовъ; въ настоящее же время курсы эти дѣйствуютъ уже въ 12-ти пунктахъ.

Культурные успѣхи Финляндіи. Недавно вышло большое иллюстрированное изданіе «Финляндіи въ XIX вѣкѣ», составленное при участіи лучшихъ представителей финляндской науки и литературы. На основаніи этого труда, г. Песковскій сообщаетъ въ «Новостяхъ» интересныя данныя о степени культурности финляндскаго народа въ настоящее время.

Уже въ теченіе 300 лѣтъ вся протестантская часть населенія Финляндіи, не исключая и лопарей, затерявшихся за полярнымъ кругомъ,

*

грамотна. Минуло 254 года уже, какъ на пользу этой маленькой страны работаетъ свой собственный университетъ, заботящійся о томъ, чтобы доступъ къ образованію былъ равно открытъ для всѣхъ сословій.

Въ этой странѣ, съ населеніемъ, почти равнымъ обыкновенной русской губерніи, число студентовъ университета съ 80-хъ годовъ, обыкновенно, превышало 1.000 человекъ, а въ послѣдніе годы приближается уже къ 2.000 человекъ. Съ 1870 года въ университетѣ учатся также и женщины. Въ прошломъ году число ихъ достигло 55, а въ нынѣшнемъ, — какъ было сообщено надняхъ въ газетахъ, — «въ гельсингфорскомъ университетѣ 105 студентовъ». Около трехъ четвертей студентовъ — изъ бѣдняковъ (дѣти мелкихъ ремесленниковъ и рабочихъ). Помимо предоставленія стипендій недостаточнымъ студентамъ, университетъ дозволяетъ имъ искать заработковъ на сторонѣ, уѣзжать для этого даже въ провинцію на какое угодно время. Они возвращаются въ университетъ по мѣрѣ возможности и держатъ экзаменъ, когда чувствуютъ себя достаточно подготовленными къ этому.

Нашествіе мышей. Корреспондентъ «Недѣли» изъ Константиноградскаго уѣзда сообщаетъ ужасающія подробности о новомъ бичѣ нашего сельскаго хозяйства на югѣ — о нашествіи мышей. «Теперь у насъ только и разговоровъ, что о мышахъ, — шипеть онъ. — Скирды хлѣба кишатъ мышами. Одинъ крестьянинъ пошелъ какъ-то на гумно, бывшее въ полѣ, посмотреть, все-ли тамъ благополучно, и возлѣ скирды набрелъ на «такую силу» мышей, что онъ не побоялся *напастъ* на него. Бѣдный мужикъ, испугавшись, сбросилъ съ себя на землю «свиту» и буквально обратился въ бѣгство. Поля пахать плугомъ съ плохо наточеннымъ же-

лѣзомъ невозможно: на каждомъ шагѣ встрѣчающіяся въ землѣ мышинныя гнѣзда не поддаются разрѣжкѣ и выворачиваютъ плугъ. Не говоря уже объ амбарахъ, кладовыхъ, погребахъ и домахъ, наводненныхъ мышами, масса ихъ встрѣчается даже въ рѣчкахъ. Обыватели отказались отъ удовольствія имѣть за своимъ столомъ рѣчную рыбу, напримѣръ щуку, карпа и т. п., такъ какъ въ желудкахъ ихъ находятъ по нѣскольку экземпляровъ мышей. Не свободны отъ мышей и колодцы. Почти въ каждомъ ведрѣ колодезной воды встрѣчаются мыши. Мнѣ извѣстенъ случай, когда и кошка стала втушнѣть и обратилась въ бѣгство отъ массы мышей. Мой сосѣдъ рылъ яму для сыпки картофеля на зиму. Вырылъ ее аршина на полтора въ глубину и оставилъ. На другой день является къ ямѣ и — о, ужасъ! — все дно ямы сплошь покрыто мышинымъ ковромъ. Онъ, не долго думая, бросилъ туда кошку, которая, тревожно замыкавъ, удрала. Не мало хлопотъ, не мало и вреда принесли и еще принесутъ эти грызуны. Теперь уже на многихъ нивахъ не оказалось всхода озими — мыши выбрали посѣвъ. Въ домахъ не только съ пищей, — съ одежей нѣтъ человѣческой возможности уберечься: у одной женщины мыши во время сна погрызли платокъ, бывший у нея на головѣ. Какая это солидная сила, видно изъ слѣдующаго факта. Жители Гусарскихъ хуторовъ нашей волости оставили свои жилища и разселились по многолюднымъ селамъ Руновской и Зачепиловской волостей. Въ собственныхъ же ихъ жилищахъ, по ихъ словамъ, отъ мышей житья не стало: стѣны, потолки и крыши хатъ тѣкъ испорчены мышами, что въ нихъ не представляется человѣческой возможности зимовать, а попытки ремонтировать жилища окончились полной неудачей...»

Изъ переписки М. Е. Салтыкова. Д-ръ Бѣлоголовый напечаталъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» рядъ писемъ къ нему Салтыкова, касающихся преимущественно болѣзни послѣдняго, но, тѣмъ не менѣе, имѣющихъ большой интересъ для всей читающей публики, такъ какъ онѣ заключаютъ въ себѣ много любопытныхъ подробностей, характеризующихъ личность великаго сатирика и его отношеніе къ общественнымъ вопросамъ. Вотъ, напр., что пишетъ онъ 4-го декабря 1883 г.: я цѣлыхъ три дня былъ безъ ногъ, а отчасти и безъ рукъ, потому что кровоизліаніе сдѣлалось и въ правой рукѣ, около кисти... Очевидно, наступаетъ разложеніе, выражающееся въ самыхъ непредвидѣнныхъ формахъ. Вы удивитесь, конечно, когда и за всѣмъ тѣмъ прочтете въ декабрьской книжкѣ мою статью. Но это дѣло особое. Нельзя мнѣ не писать, куда публика этого требуетъ. Иначе мнѣ мать, и журналу мать. Пишу почти насильно и съ явнымъ ущербомъ, и все-таки пишу... Съ декабрьскимъ № заканчиваю 15 лѣтъ своего редакторства въ *Отеч. Зап.* Изъ трехъ первоначальныхъ редакторовъ остался только я. Я считался всегда самымъ слабымъ и самымъ больнымъ, а живу. Можетъ быть, потому и живу, что не очень-то дорожу жизнью. Елисеевъ, впрочемъ, тоже живетъ, но какое-же значеніе имѣетъ его жизнь? Только со смертью борется—и больше ничего. Но и моя жизнь—видимо къ концу, и хотя я заключилъ съ Краевскимъ условіе еще на два года, но врядъ-ли дотяну. По крайней мѣрѣ, умру на мѣстѣ битвы. Ужасно будетъ обидно, если ударитъ такая немочь, которая разобьетъ организмъ, не позволитъ, безъ согласія, убрать неспособное тѣло за границу. И безъ того досадно, что мало дѣлаешь, а тутъ ужъ кровно больно будетъ».

Но желаніе его умереть «на полѣ

битвы», т.-е. за редактированіемъ «Отеч. Зап.» не сбылось: ему пришлось пережить закрытіе своего журнала и остаться на старости лѣтъ безъ дѣла. Закрытіе «Отеч. Зап.» произвело на него самое тяжелое впечатлѣніе: «Что касается до моего социальнаго положенія, то я теперь все равно, что генералъ безъ звѣзды. Ничакъ не могу выяснитъ себѣ, какого я пола. Заниматься ничѣмъ не могу, ибо, направивши свою дѣятельность извѣстнымъ образомъ, очень трудно ломать».

Подъ влияніемъ этого здоровье его очень ухудшилось: «Посѣщаетъ меня д-ръ Г., но мы съ нимъ больше о вольномыслии бесѣдуемъ. Да и вообще моя участь такая: всѣ докгора со мной бесѣдуютъ больше о вольномыслии, нежели о моей болѣзни. Можетъ быть, болѣзнь-то такого рода, что на нее нужно махнуть рукой. Тѣмъ не менѣе, я страдаю поистинѣ жестоко. Изъ комнаты въ комнату переходя, задыхаюсь, а чтобы пройти по корридолу, раза три отдыхаю: стою, упершись въ стѣну и выкупивши глаза. Надо утромъ встать, что со мной происходитъ. А врачи, видя меня, восклицаютъ: «Какой у васъ сегодня прекрасный видъ!» А я, по крайней мѣрѣ, раза четыре въ день по полчаса лаю, какъ собака. Вотъ что значить быть сатирикомъ: и лицо не настоящее».

Въ письмахъ Салтыкова поражаетъ также и то, что, постоянно жалуясь на всякаго рода недуги и страданія, онъ все-таки продолжалъ неутомимо работать. Послѣ закрытія «Отеч. Записокъ» онъ около году совсѣмъ не принимался за писательство, а затѣмъ снова началъ писать. Д-ръ Бѣлоголовый говорить: «Первое извѣщеніе о приступѣ его къ писательству встрѣчается въ его письмѣ отъ 14-го августа, въ которомъ, послѣ обычныхъ подробностей о своемъ безнадежномъ состояніи, онъ какъ бы вскользь упоминаетъ: «тѣмъ не менѣе я работаю

и въ теченіе послѣдняго мѣсяца написалъ до 2^{1/2} печатныхъ листовъ», и тотчасъ же прибавляетъ: «должно быть, это передъ смертью». Въ письмѣ же черезъ мѣсяцъ, отъ 10-го сентября, онъ сообщаетъ о своихъ занятіяхъ уже съ большою обстоятельностью: «посылаю вамъ вмѣстѣ съ симъ новую 2-ю главу «Мелочей жизни». 7-го числа вышли еще мои двѣ новыя сказки, но не посылаю ихъ, потому что не имѣю оттисковъ. Мнѣ хотѣлось-бы знать ваше откровенное мнѣніе о моемъ новомъ вступленіи на литературное поприще, тѣмъ болѣе, что вы, вѣроятно, уже прочли въ *Вѣстникѣ Европы* мое 8-е «Пестрое письмо». Боюсь, не слишкомъ-ли чувствуется упадокъ и не чересчуръ-ли болѣзненно. У меня еще готово, но не напечатано: двѣ сказки, три главы «Мелочей» и одно «Пестрое письмо». Все это я написалъ въ теченіе какихъ-нибудь 5 недѣль, но при этомъ чувствовалъ себя такъ мучительно, какъ будто по мнѣ совершался страшный, болѣзненный процессъ. Буквально задыхался, пища, какъ задыхаюсь и теперь, пища это письмо».

Одна изъ жень декабристовъ. Въ № 11 «Русскаго Богатства» за минувшій годъ помѣщена интересная статья г. Шенрока о жень декабриста Фонвизина, которая, также какъ и многія другія, послѣдовала за своимъ мужемъ въ Сибирь. Героическій подвигъ жень декабристовъ, воспѣтый Некрасовымъ въ «Русскихъ женщинахъ», рисуется намъ въ статьѣ г. Шенрока съ другой стороны. Мы видимъ тяжелую жизнь одной изъ этихъ «русскихъ женщинъ» въ угнетающей обстановкѣ сибирской ссылки, страдающую отъ разлуки съ дѣтьми и родными и съ трудомъ справляющуюся съ непривычными условіями новой жизни.

Наталья Дмитріевна Фонвизина

(урожд. Апухтина) не походила на тѣхъ беззаботныхъ, жизнерадостныхъ свѣтскихъ женщинъ, перерождающихся подъ вліяніемъ любви къ мужу, какихъ представилъ намъ Некрасовъ въ своей поэмѣ.

Она была дочерью костромскаго помѣщика и съ дѣтства отличалась замкнутой и вдумчивой натурой, любящей уединеніе и природу, склонной къ религіозному экстазу и пренебрежительно относящейся къ свѣтскимъ развлечениямъ. Она росла въ деревнѣ и, будучи единственной дочерью обожавшихъ ее родителей, пользовалась полной свободой. Любимымъ занятіемъ ея были прогулки и чтеніе религіозныхъ книгъ. Въ домѣ у нихъ часто бывали разные странники и монахи; подъ вліяніемъ бесѣдъ съ ними, экзальтированная молодая дѣвушка рѣшилась бѣжать изъ семьи и постричься въ монастырь. Но замыселъ ея не удался: она успѣла уже склонить на свою сторону ихъ сельскаго священника, который помогъ ей бѣжать, но, послѣ однодневнаго пути, когда она была всего въ нѣсколькихъ верстахъ отъ монастыря, она случайно встрѣтила кого-то изъ знакомыхъ и должна была вернуться домой.

Въ тотъ же годъ она вышла замужъ за пожилого генерала Фонвизина. Несмотря на свою не любовь къ свѣту, она въ дѣвушкахъ довольно много выѣзжала на балы и имѣла большой успѣхъ въ обществѣ, такъ какъ была очень красива. Между прочимъ, за ней ухаживалъ одинъ свѣтскій молодой человекъ, который ей тоже нравился; но когда онъ узналъ, что за ней не дадутъ большого приданого, онъ сразу измѣнилъ свое отношеніе къ ней. Вскорѣ послѣ этого, Наталья Дмитріевна вышла замужъ и, уже будучи генеральшей Фонвизинъ, снова встрѣтилась со своимъ бывшимъ поклонникомъ. Онъ опять началъ ухаживать за молодой женщиной, но теперь уже не встрѣ-

тилъ съ ея стороны ничего, кромѣ презрѣнія. Существуетъ мнѣніе, что этотъ эпизодъ послужилъ Пушкину канвою для «Евгенія Онѣгина». Самъ Пушкинъ никогда не видалъ Натальи Дмитриевны, но много слышалъ о ней отъ общихъ знакомыхъ, и сама она была твердо убѣждена, что послужила прототипомъ для Пушкинской Гатяны. Въ жизни и характерѣ ея было, дѣйствительно, многое, напоминающее Татьяну. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ лицейскому товарищу Пушкина, И. И. Пущину, она говоритъ: «Вашъ пріятель, Александръ Сергѣевичъ, какъ поэтъ, прекрасно схватилъ мой характеръ, пылкій, мечтательный, сосредоточенный въ себѣ, и чудно описалъ первое его проявленіе при вступленіи въ жизнь сознательную».

Выйдя замужъ за Фонвизина, Наталья Дмитриевна сразу вошла въ кругъ интересовъ, не имѣющихъ ничего общаго съ тою лѣнливою, однообразною жизнью, какую вели всѣ ея родныя въ деревнѣ. Наталья Дмитриевна съ горячимъ сочувствіемъ относилась къ идеямъ и планамъ мужа. Душа ея всегда стремилась къ чему то необычайному, къ подвигу и къ жертвѣ. Когда ея мужа арестовали, она тотчасъ же приняла безповоротное рѣшеніе слѣдовать за нимъ въ ссылку. Никакія просьбы и отговоры родныхъ не могли на нее подѣйствовать. Тяжелѣ всего была для нея разлука съ матерью и двумя маленькими дѣтьми, но она перенесла и это тяжелое испытаніе и отправилась въ путь.

Въ половинѣ марта 1828 г. Наталья Дмитриевна прибыла въ Читу и оттуда, съ другими ссылными, черезъ нѣкоторое время была переселена въ Петровский заводъ. Объ изгнаннической жизни женъ декабристовъ С. Скалонъ, со словъ очевидцевъ, сообщаетъ слѣдующее: «Что перенесли эти несчастныя и великодушныя женщины въ этомъ страшномъ краю — описать этого невозможно.

Довольно сказать, что онѣ жили близъ острога въ простыхъ избахъ, сами готовили себѣ ѣсть, ходили за водой, рубили дрова, топили печи и сами мыли себѣ бѣлье. Подходя иногда въ страшные морозы къ частоколу, окружавшему заводъ, онѣ бесѣдовали по нѣскольку минутъ со своими мужьями, считая это для себя большимъ счастьемъ». На Петровскомъ заводѣ декабристамъ жильцо уже гораздо лучше. Правительство разрѣшило роднымъ присылать въ Сибирь всевозможныя вещи для декабристовъ, и въ теченіе года туда приходило нѣсколько обозовъ съ книгами, журналами, музыкальными инструментами, и проч.

Между собой изгнанники жили очень дружно и старались облегчать другъ другу тяжелыя условія существованія, но Наталья Дмитриевна не могла особенно близко сойтись ни съ кѣмъ, потому что она постепенно удалялась отъ нихъ по своимъ взглядамъ и дѣлалась все болѣе и болѣе религіозной. Вначалѣ она бодро переносила изгнаніе, въ надеждѣ на то, что ей разрѣшатъ привезти въ Сибирь дѣтей. Но годы шли и возможность свиданія съ дѣтьми все болѣе отдалялась. Въ ссылкѣ у нея родился еще одинъ сынъ, но вскорѣ умеръ. Всѣ эти испытанія такъ подорвали здоровье Натальи Дмитриевны, что черезъ нѣсколько лѣтъ жизни въ Сибири у нея начались сильныя нервныя припадки. Въ одномъ изъ писемъ къ матери она пишетъ: «Хоть мы и твердимъ: да будетъ воля Его святая, но это очень легко на языкѣ, а въ сердцѣ не то. Но лучше не говорить объ этомъ». Когда она послала матери свой портретъ, та не узнала въ этой измученной женщинѣ своей красавицы-дочери. «Одни только глаза похожи», писала она ей. Въ свою очередь и Наталья Дмитриевна, когда увидѣла на присланной карточкѣ какихъ-то чужихъ мальчиковъ, которыхъ называли ея дѣтьми, съ горемъ

должна была признать, что въ нихъ нѣтъ ни одной сходной черты съ тѣмъ, что было раньше.

Фонвизины кочевали изъ одного города Сибири въ другой, изъ Читы въ Енисейскъ, оттуда въ Красноярскъ

и въ Тобольскъ, и всюду возили съ собою свою тоску по родинѣ и по дѣтямъ.

Послѣ смерти Фонвизина Наталья Дмитриевна вышла во второй разъ замужъ за Пушина.

Изъ иностранной жизни и литературы.

Ремесленные союзы въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Ни въ одной странѣ не существуетъ такой массы разнообразныхъ союзовъ и ассоціацій, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Стремленіе къ объединенію на почвѣ общихъ интересовъ и общей идеи въ высшей степени развито у американцевъ, такъ какъ они сознаютъ, что лишь путемъ такого объединенія можно достигнуть болѣе или менѣе значительныхъ результатовъ. Въ этомъ отношеніи весьма поучительна исторія ремесленныхъ союзовъ въ Америкѣ. Въ 1887 году образовался въ Филадельфій союзъ строителей, въ который слились всѣ существовавшія до того, отдѣльныя корпораціи по различнымъ отраслямъ строительнаго мастерства. Новый союзъ, названный «The master builders exchange» (Строительная биржа), разросся чрезвычайно быстро и черезъ полтора года по своему возникновенію уже владѣлъ собственнымъ домомъ въ самой бойкой части города, вполне приспособленнымъ для цѣлей союза. Этотъ пятиэтажный домъ—настоящій дворецъ съ превосходно устроенными мастерскими, дающими возможность молодымъ людямъ усовершенствоваться въ ремеслѣ, которое они избрали своею специальностью. Мастерскія устроены въ подвальномъ этажѣ дома и снабжены прекрасною вентиляціей и всеми приспособленіями. Практическія занятія въ этихъ мастерскихъ происходятъ только по вечерамъ, и въ это время тутъ идетъ

самая оживленная дѣятельность; работаютъ столяры, кузнецы, каменщики, слесаря, маляры, красильщики и т. п. Въ эти часы мастерскія представляютъ очень привлекательное зрѣлище, работа такъ и кипитъ, впрочемъ царитъ оживленіе.

Во второмъ этажѣ дома устроена постоянная выставка, въ которой сосредоточено все, что имѣетъ какое-либо отношеніе къ строительному искусству, начиная съ сырого матеріала для построекъ и разнаго рода издѣлій и кончая предметами роскоши и комфорта. На этой выставкѣ собраны также всевозможныя модели разнаго приборова, служащихъ для освѣщенія, отопленія, вентиляціи, проведенія воды и т. п. Эта выставка имѣетъ большой успѣхъ и постоянно привлекаетъ публику. Экспоненты, помѣщая свои издѣлія, платятъ за мѣсто, занимаемое ими на выставкѣ, но такіе предметы, которые представляютъ какое-нибудь новое изобрѣтеніе по строительной части, допускаются на выставку бесплатно. Кромѣ того, иногда устраиваются спеціальныя выставки, какъ, напримѣръ, выставка моделей жилищъ въ различныя эпохи, начиная отъ древнѣйшихъ типовъ до наиболѣе усовершенствованныхъ построекъ настоящаго времени.

Надъ этимъ этажемъ находится биржевая зала, служащая для разныхъ засѣданій, а также и для заключенія разныхъ дѣловыхъ сдѣлокъ. Тутъ же помѣщается читальня, гдѣ полу-

чается масса изданій, газетъ и журналовъ на различныхъ языкахъ. Прилегающія комнаты сдаются подѣ контору членамъ союза за известную плату. Еще два этажа служатъ для этой же цѣли, т.-е. для отдачи въ наемъ, а на самомъ верху находится превосходный ресторанъ.

Еще замѣчательнѣе, какъ результатъ кооперативной дѣятельности, ремесленная школа въ Нью-Йоркѣ, въ которой дѣло практическаго изученія отдѣльныхъ отраслей строительнаго искусства поставлено очень широко. Она была основана въ 1871 году союзомъ нью-йоркскихъ ремесленниковъ и принадлежитъ къ числу старѣйшихъ учреждений этого рода въ Соединенныхъ Штатахъ. Обставлена она превосходно; мастерскія и квартиры для служащихъ свѣтлыя и просторныя. Занятія въ мастерскихъ происходятъ днемъ и вечеромъ. Дневныя занятія предназначены исключительно для юношей, не старше 22-хъ-лѣтнаго возраста, которые еще не обучены ремеслу, вечеромъ же въ мастерскихъ занимаются тѣ, кто желаетъ усовершенствоваться въ своемъ ремеслѣ. Устройство мастерскихъ вполне отвѣчаетъ условіямъ практической дѣятельности. Напримѣръ, мастерская, въ которой обучаются каменщики, представляетъ очень обширное, освѣщаемое сверху помѣщеніе, въ которомъ нѣтъ пола. Ученики изучаютъ тутъ всѣ отдѣльныя части каменныхъ построекъ, причѣмъ въ занятіяхъ соблюдается самая строгая послѣдовательность, и заданный урокъ повторяется до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ усвоенъ вполне. Постройки доводятся, обыкновенно, до высоты полутора аршина и затѣмъ разбираются раньше, чѣмъ успѣютъ высохнуть, для того чтобы этимъ матеріаломъ можно было воспользоваться для слѣдующаго раза. Въ штукатурной мастерской устроенъ рядъ небольшихъ, отдѣльныхъ, разбирающихся на части

каморокъ, вродѣ каютъ, вышиной въ обыкновенную комнату и отъ двухъ до трехъ метровъ ширины. Въ каждой такой каморкѣ работаютъ два человѣка и доводятъ до конца отдѣлку стѣнъ и потолка. Вечеромъ всѣ ихъ работы разрушаются, каморки очищаются, а собранный матеріалъ служитъ для работы слѣдующаго дня и т. д. Въ столярныхъ и плотничьихъ мастерскихъ дѣлаются срубы, крыши и воздвигаются даже цѣлые дома въ миниатюрѣ. Тамъ, гдѣ работаютъ маляры и художники, расписываются стѣны и потолки, устроены такія же отдѣльныя небольшія каморки, какъ для штукатуровъ, только совсѣмъ уже готовыя для украшенія ихъ разными орнаментами. Существуетъ мастерская, гдѣ обучаются рисовать вывѣски, причѣмъ учениковъ заставляютъ рисовать, стоя на лѣстницѣ, такъ какъ въ обыденной жизни такой приѣмъ расписыванія вывѣсокъ распространенъ.

Въ свободное отъ занятій время ученики сходятся въ читальню, которая посѣщается очень усердно и, конечно, не остается безъ вліянія на развитіе учащихся. Мастерскія чрезвычайно разнообразны и, кажется, нѣтъ ни одной отрасли строительнаго дѣла, для которой не была бы отведена отдѣльная мастерская. При школѣ, кромѣ того, имѣется типографія съ прекрасными машинами, печатными станками и разнообразнѣйшимъ шрифтомъ, въ которой печатается школьная газета «The New-York Trade School Journal», издаваемая управленіемъ школы. Кромѣ того, ремесленный союзъ выстроилъ вблизи ремесленной школы домъ, гдѣ, за весьма скромную плату, ученики могутъ имѣть помѣщеніе и полное содержаніе.

Литературный клубъ въ Лондонѣ. Клубъ «Атенеумъ» представляетъ для англійскихъ литераторовъ и ученыхъ нѣчто вродѣ Мекки, куда стремятся попасть всѣ «правовѣрные»,

только проникнуть въ эту «литературную» Мекку, пожалуй, еще труднѣе, чѣмъ въ Мекку магометанскую. Въ спискахъ кандидатовъ въ члены этого клуба рѣдко бываетъ менѣе 1.600 именъ, а средній періодъ ожиданія, съ начала занесенія въ списки до вступленія въ дѣйствительные члены, равняется шестнадцати годамъ. Клубъ «Атенеумъ» существуетъ уже болѣе шестидесяти лѣтъ, и репутація его ни разу не пошатнулась, какъ это случилось, напримѣръ, съ клубомъ Альфреда, который основанъ былъ раньше «Атенеума» и одно время пользовался большою популярностью, но скоро пришелъ въ упадокъ вслѣдствіе того, что контингентъ его членовъ сильно понизился въ качественномъ отношеніи.

Основатель клуба «Атенеумъ», Брукеръ, желалъ, чтобы въ члены клуба принимались не только выдающіеся литераторы, ученые и художники, но также и епископы и судьи, если только это люди литературно-образованные, хотя бы и не литераторы въ прямомъ смыслѣ этого слова. Теперь, впрочемъ, эти первоначальныя узкія рамки нѣсколько расширились, въ клубъ допускаются экстраординарные члены, въ число которыхъ могутъ войти министры, епископы, судьи и др. лица, не имѣющія ровно никакого отношенія къ литературѣ.

«Атенеумъ» не славится своими объѣдами, пирами и т. п. веселыми собраніями; тонкіе знатоки по части гастрономіи, встрѣчающіеся между членами клуба, обыкновенно, отправляются обѣдать въ другіе клубы, такъ какъ дешевая кухня «Атенеума» не можетъ удовлетворять ихъ изысканному вкусу. Но зато гордость «Атенеума» составляетъ его бібліотека. Въ настоящее время въ ней находится болѣе 61.000 томовъ и ежегодно прибрѣтается около тысячи новыхъ. Ни въ одномъ клубѣ на свѣтѣ нѣтъ такой прекрасной и богатой бібліотеки,

какъ въ «Атенеумѣ». Въ этой бібліотекѣ хранится много драгоценныхъ, старинныхъ трактатовъ и бібліографическихъ рѣдкостей.

Быть членомъ клуба «Атенеумъ» считается большою честью, и поэтому-то списки кандидатовъ въ члены клуба такъ велики, и между членами клуба можно встрѣтить не мало громкихъ именъ

Театръ для рабочихъ въ Германіи. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, молодой профессоръ университета въ Фрибургѣ, Георгъ Адлеръ, обратился черезъ посредство печати ко всѣмъ дирекціямъ театровъ въ Германіи, получающимъ субсидіи отъ правительства, съ предложеніемъ давать разъ въ недѣлю представленіе для рабочихъ, причѣмъ плата за мѣсто въ театрѣ не должна превышать 50 пфенниговъ. Распространившись о морализующемъ влияніи такихъ развлеченій для народа, Адлеръ указывалъ, въ своей статьѣ, на перемѣну и повышеніе интеллектуальныхъ вкусовъ нѣкоторыхъ народныхъ классовъ, не удовлетворяющихся болѣе тѣми пѣснями, которымъ буржуазная публика апплодируетъ въ театрахъ. Но воззваніе Адлера осталось безъ послѣдствій, и субсидированные и несубсидированные театры продолжали свое дѣло, угощали свою публику разнаго рода мелодрамами и фарсами, которые ей нравились, заботясь, конечно, больше о доходности своихъ представленій, нежели о возвышающемъ влияніи драматическаго искусства. Убѣдившись, что имъ ничего не добиться ни отъ правительства, ни отъ муниципалитетовъ, Адлеръ и его единомышленники обратились прямо къ народу. Одинъ изъ довольно популярныхъ писателей въ Германіи, Бруно Вилль, предпринялъ пропаганду среди рабочихъ классовъ Берлина въ пользу основанія театра для рабочихъ, который доставлялъ бы имъ высокое художественное удоволь-

ствіе и содѣйствовалъ бы нравственному возвышенію и пробужденію мысли.

Идея молодого писателя пала, очевидно, на подготовленную почву, такъ какъ менѣе чѣмъ въ четыре года въ Берлинѣ основаны были два народныхъ театра: «Freie Volksbühne» и «Neue Freie Volksbühne». Примѣру столицы послѣдовали Гамбургъ, Кельнъ и Биль, гдѣ также были основаны народные театры, и всѣ эти театры существуютъ на мѣдные гроши рабочихъ, нуждающихся въ интеллектуальныхъ развлеченияхъ.

Для того, чтобы попасть на представленіе въ одномъ изъ народныхъ театровъ, необходимо быть членомъ какого-нибудь клуба рабочихъ и служащихъ, или же писателей и журналистовъ. Членомъ любого изъ этихъ клубовъ сдѣлаться не трудно — надо только внести одну марку (около 50 коп.) за записку и ежемѣсячно уплачивать 50 пфенниговъ (около 25 коп.). Каждый членъ такого клуба имѣетъ право одинъ разъ въ мѣсяцъ присутствовать на представленіи въ народномъ театрѣ; для этого онъ является въ контролъ и тамъ вынимаетъ изъ урны билетикъ съ обозначеніемъ мѣста въ театрѣ. Судьба, слѣдовательно, рѣшаетъ гдѣ будешь сидѣть—въ креслахъ, или въ райкѣ.

Каждый посѣтитель театра получаетъ вмѣстѣ съ программой спектакля маленькую брошюрку, въ которой заключается краткая біографія автора пьесы и критическія замѣтки о данной пьесѣ и ея авторѣ. Но главная особенность брошюры заключается въ томъ, что въ ней напечатаны также всѣ письма, написанныя зрителями по поводу предыдущихъ представленій этой пьесы, ихъ замѣчанія и тѣ размышленія, на которыя навела ихъ пьеса, а также возраженія противъ правильности воззрѣній, высказываемыхъ въ томъ или другомъ драматическомъ произведеніи. Въ нѣкоторыхъ

письмахъ спрашиваются у дирекціи объясненія по поводу непонятыхъ мѣстъ пьесы.

Представленія въ народныхъ театрахъ всегда бывають по воскресеньямъ, съ двухъ до пяти съ половиною часовъ, и успѣхъ ихъ очень великъ. Нѣкоторые изъ этихъ театровъ имѣють уже до шести тысячъ абонентовъ. Въ теченіе 1893 года театръ «Freie Volksbühne», собралъ 45.925 марокъ и все монетами въ 50 пфенниговъ. Репертуаръ народныхъ театровъ въ Германіи, главнымъ образомъ, состоитъ изъ пьесъ Гауптмана, Зудермана, нѣкоторыхъ драмъ Ибсена и произведеній русскихъ авторовъ въ переводѣ на нѣмецкій языкъ. Между прочимъ, въ театрѣ «Freie Volksbühne» въ Берлинѣ давалась «Власть тьмы» гр. Толстого и нѣкоторыя пьесы Гоголя, Писемскаго и Островскаго. Публикѣ этого театра особенно понравилась «Гроза» Островскаго. Письма, написанныя по этому поводу нѣкоторыми изъ посѣтителей, указываютъ на большую тонкость и возвышенность сужденій, и отзывы объ этомъ произведеніи нашего знаменитаго драматурга должны быть пріятны русскому сердцу.

«Я старался,—говорится въ одномъ изъ этихъ писемъ, полученныхъ дирекціей театра,—возстановить въ своей памяти произведенія нѣмецкой драматической литературы, но не могъ припомнить ни одной героини, которая была бы столь же идеальна, чиста и столь же правдива, какъ героиня «Грозы»... Только нежеланіе или же врожденное чувство несправедливости могутъ помѣшать намъ понять и оцѣнить по достоинству великое произведеніе Островскаго... Чистота души женщины, сжумъвшей остаться великой, даже находясь въ абсолютномъ рабствѣ,—развѣ это не признакъ героизма и развѣ это не служить въ то же время доказательствомъ благородства характера и души самого твор-

ца этого поэтического образа, Островскаго?..»

Географическія общества въ Европѣ и другихъ частяхъ свѣта. Географическое общество въ Бордо опубликовало въ своемъ ежегодномъ бюллетенѣ довольно интересныя статистическія данныя, касающіяся географическихъ ассоціацій всего земного шара. Число всѣхъ географическихъ обществъ на всемъ земномъ шарѣ 111; общее же число членовъ этихъ ассоціацій—53 500 и годовой фондъ ихъ равняется 1.522.500 фр. Число журналовъ, издаваемыхъ этими обществами—140, изъ нихъ 50 выходитъ на французскомъ языкѣ, 44—на нѣмецкомъ, 13—на английскомъ, 8—на русскомъ, 7—на итальянскомъ, 7—на испанскомъ, 1—на японскомъ и 10—на разныхъ другихъ языкахъ. Самое старинное изъ всѣхъ географическихъ обществъ—парижское; оно было основано въ 1821 году; затѣмъ идетъ берлинское—1828 г., лондонское—1830 г. и т. д. Самымъ вліятельнымъ, богатымъ и могущественнымъ, безспорно, слѣдуетъ считать лондонское королевское географическое общество, которое образовалось изъ старинной африканской ассоціаціи, организованной еще въ 1788 году. Лондонское географическое общество насчитываетъ 3.600 членовъ и имѣетъ годовой доходъ въ 209.250 фр. Недвижимое имущество общества оцѣнивается въ полмилліона франковъ, а капиталъ общества равняется 675.000 фр. Общество издаетъ два журнала «Proceedings» и «Journal», которые пользуются вполне заслуженною репутацией и особенно славятся тщательно и очень вѣрно исполненными географическими картами. Кромѣ лондонскаго общества большою извѣстностью пользуется еще шотландское географическое общество въ Эдинбургѣ (Scottish Geogr. Society), основанное десять лѣтъ тому назадъ.

Общество это имѣетъ 1.475 членовъ и годовой доходъ его равняется 48.900 фр. Бюллетень, издаваемый обществомъ, также пользуется репутаціею весьма основательнаго изданія. Другое общество, основанное въ томъ же году, находится въ Манчестерѣ, но имѣетъ не болѣе 700 членовъ. Всѣхъ географическихъ ассоціацій въ Англіи всего только пять, съ 6.750 членами. Изъ английскихъ колоній только въ Канадѣ и въ Австраліи есть географическія общества; въ Австраліи ихъ четыре. Во Франціи же географическихъ обществъ 30 съ 187.000 членами. Всѣ эти общества, за исключеніемъ парижскаго, возникли уже послѣ франко-прусской войны. Въ Германіи 23 общества (8.900 членовъ), въ Швейцаріи—6 (1.800 членовъ), въ Италіи—5 (3.500 членовъ) и въ остальной Европѣ—18 (8.500 членовъ). Въ другихъ частяхъ свѣта есть также географическія общества: въ Азіи—5 (700 членовъ), въ Африкѣ—2 (550 членовъ), въ Америкѣ—15 (400 членовъ) и въ Австраліи—4 (700 членовъ).

Если судить по числу обществъ, то оказывается, что во Франціи всего больше интересуются географіею, такъ какъ тамъ больше географическихъ ассоціацій, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ. Между тѣмъ, самая богатая общества находятся въ Англіи, причѣмъ не мѣшаетъ замѣтить, что они не получаютъ никакихъ субсидій отъ правительства, а исключительно поддерживаются членами и частными лицами, сочувствующими ихъ дѣятельности.

Народныя кухни въ Вѣнѣ. Лѣтъ двадцать пять тому назадъ, въ Вѣнѣ, докторъ Іосифъ Кюнъ, заинтересовавшійся бѣдственнымъ положеніемъ рабочихъ классовъ, задался вопросомъ, какъ много переплачиваютъ рабочіе за съѣстные припасы. Оказалось, что за муку и все остальное они

платать ровно вдвое противъ дѣйствительной стоимости этихъ предметовъ. Возмущаясь такимъ ненормальнымъ положеніемъ вещей и желая помочь рабочимъ, докторъ Кюнъ организовалъ въ 1872 году ассоціацію народныхъ кухонь, цѣль которой снабжать рабочихъ доброкачественной и питательной пищей по доступной для нихъ цѣнѣ. Докторъ Кюнъ и четыре его пріятели, сочувствующие его идее, дали по 500 флоринновъ и на этотъ капиталъ основали въ одномъ изъ предмѣстій города ресторанъ для рабочихъ, въ которомъ можно было за нѣсколько копѣекъ получить питательный обѣдъ изъ вполне доброкачественной провизіи. Это благое начало не осталось безъ послѣдствій; мало-по-малу ассоціація разрослась, и въ настоящее время въ Вѣнѣ существуетъ восемь народныхъ кухонь, устроенныхъ этою первоначальною ассоціаціей, и пять, организованныхъ другими ассоціаціями, составляющими, впрочемъ, только развѣтвленія первой. Ежедневно во всѣхъ этихъ кухняхъ обѣдаютъ около 20.000 человекъ.

Кухни открыты съ 6 до 8 утра для завтрака; затѣмъ съ 11 до 12, когда приходятъ обѣдать ученики школъ; съ 12 до 2-хъ—общіе обѣды и съ 6 до 9—ужины. До сихъ поръ кухни вполне удовлетворяютъ своему назначенію; рабочіе имѣютъ возможность получать питательный обѣдъ изъ свѣжей провизіи, кушанья хотя простые, но прекрасно приготовленные и могутъ вполне удовлетворить даже очень прихотливому вкусу. Для учениковъ школъ существуетъ особое меню, такъ какъ при этомъ принимаются во вниманіе дѣтскій возрастъ и потребность въ еще болѣе питательной и удобоваримой пищѣ. Дѣти очень бѣдныхъ родителей получаютъ обѣдъ бесплатно, но ни имъ самимъ, ни ихъ товарищамъ это неизвѣстно. Всѣмъ дѣтямъ выдаются

учителями школъ одинаковые жетоны для полученія обѣда въ народной кухнѣ. Хотя нѣкоторые изъ этихъ жетоновъ покупаются родителями дѣтей, другіе же жертвуются въ пользу бѣднѣйшихъ дѣтей разными состраательными лицами. Въ теченіе зимы въ народныхъ кухняхъ Вѣны обѣдаютъ нѣсколько тысячъ дѣтей. Каждый изъ нихъ получаетъ въ обѣду бѣлый хлѣбъ, молочный пуддингъ, супъ, мясо и разныя овощи. Порціи настолько велики, что каждый ребенокъ можетъ насытиться вполне.

Первоначальные расходы на устройство этихъ кухонь были покрыты публичною подпискою; въ настоящее время кухни уже не только покрываютъ всѣ расходы, но получаютъ избытокъ, который идетъ на устройство и содержаніе новыхъ кухонь. Основатель этой ассоціаціи, докторъ Кюнъ, задумываетъ еще расширить ея дѣятельность; онъ имѣетъ въ виду кормить безработныхъ рабочихъ, снабжать провизіей мѣста, гдѣ свирѣпствуетъ эпидемія, госпитали и больницы для бѣдныхъ, руководствуясь исключительно цѣлью, — дать населенію здоровую пищу за возможно дешевую плату.

Медицинское образованіе въ Шотландіи. Изученіе медицины поставлено въ Шотландіи совершенно особыми условіями. Тамъ существуютъ такъ-называемыя свободныя медицинскія школы, но обучающіеся въ нихъ студенты получаютъ такіа же права, какъ и студенты университета. Въ 1855 году университетъ призналъ обученіе въ этихъ школахъ равносильнымъ обученію въ университетахъ. Такую школу можетъ открыть каждый, удовлетворяющій требованіямъ университетской коллегіи и доказавшій ей свою способность руководить занятіями и читать лекціи. Очень часто бываетъ, что сту-

денты университета, недовольные которыми-нибудь из своих профессоровъ, отправляются слушать лекціи въ свободную медицинскую школу. Разумѣется, въ интересахъ директора этой школы сдѣлать занятія въ ней какъ можно болѣе полезными для студентовъ, такъ какъ тогда онъ привлечетъ къ себѣ слушателей и упрочитъ репутацию своей школы, а также, конечно, увеличитъ ея доходы. Выбѣтъ съ тѣмъ, если студенты покидаютъ университетъ, то профессора, не сумѣвшіе заинтересовать ихъ своими лекціями, сами отъ этого страдаютъ, такъ какъ доходы ихъ, съ уменьшеніемъ числа студентовъ, также сильно уменьшаются. Поэтому всегда существуетъ очень сильное соревнованіе между профессорами свободныхъ школъ и профессорами университета, и такъ какъ первые часто одерживаютъ верхъ, т. е. привлекаютъ къ себѣ большинство студентовъ, то весьма многимъ профессорамъ эдинбургскаго университета, нелюбимымъ студентами, приходится плохо. Жалованья профессорамъ прежде не полагалось, а за лекціи имъ платили студенты, слушавшіе ихъ. Уменьшалось число студентовъ — уменьшался и доходъ профессоровъ. Чтобы нѣсколько уравнять положеніе профессоровъ, недавно былъ установленъ въ университетѣ постоянный минимумъ и максимумъ вознагражденія, получаемого профессорами.

Благодаря устройству свободныхъ медицинскихъ школъ, Шотландія представляетъ массу докторовъ—45 про-

центовъ всего числа ежегодно выпускаемыхъ во всемъ Соединенномъ королевствѣ врачей. За пятилѣтній періодъ времени, съ 1888 по 1893 годъ, Шотландія выпустила три тысячи врачей-практиковъ, изъ которыхъ тысяча практикуетъ въ своемъ отечествѣ, остальные же разбрелись по разнымъ мѣстамъ. Шотландцы гордятся этимъ и очень высоко цѣнятъ получаемое въ шотландскихъ медицинскихъ школахъ образованіе. Медицина въ Шотландіи дѣйствительно поставлена лучше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Одинъ изъ шотландскихъ писателей говоритъ по этому поводу: «Молодой человѣкъ или молодая женщина, желающіе посвятить себя изученію медицины, должны пожертвовать для этого пятью лучшими годами своей жизни, изучить не менѣе 10.000 страницъ текста убористой печати разнаго рода руководствъ по медицинской наукѣ, слушать лекціи, участвовать въ практическихъ занятіяхъ, посѣщать анатомической театръ, больницы и т. д. Только пройдя весь этотъ курсъ и доказавъ свои знанія и свою способность къ медицинѣ, они получаютъ званіе доктора и право практики». Слѣдуетъ прибавить, что расходы на полученіе медицинскаго образованія гораздо меньше въ Шотландіи, нежели въ Англіи, и поэтому медицинская профессія доступнѣе тамъ для бѣдныхъ людей, нежели въ другихъ мѣстахъ.

ИЗЪ ИНОСТРАННЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

«Westminster Review», «Revue des Deux Mondes», «La Nature», «Revue des Revues», «Die Zeit», «Yong Woman», «Northamerican Review», «Popular Science Monthly».

Черногорія принадлежитъ къ числу такихъ уголковъ Европы, куда туристы заглядываютъ, сравнительно, довольно рѣдко и потому, большинству европейскихъ читателей извѣстно объ этой странѣ только то, что она населена воинственнымъ племенемъ горцевъ, вся исторія котораго за послѣднихъ пять столѣтій представляла непрерывный рядъ сраженій за независимость. Еще и по настоящее время партизанская война на албанской границѣ не прекратилась и каждый черногорецъ остается воиномъ и не расстаётся съ оружіемъ никогда съ той минуты, какъ научился владѣть имъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ, хотя ему уже не приходится отстаивать, такъ какъ прежде, независимость своихъ родныхъ скалъ и защищать ихъ отъ посягательства жадныхъ сосѣдей. По словамъ В. Миллера, описывающаго въ «Westminster Review» свою поездку въ Черногорію, черногорцы представляютъ идеалъ націи воиновъ, вродѣ того, какъ были нѣкогда древніе греки, когда они всѣ поголовно носили оружіе. Однако, къ каждому иностранцу, вступившему въ ихъ страну, черногорцы относятся чрезвычайно дружественно и гостеприимно; иностранецъ для нихъ священное лицо, и потому путешествовать по Черногоріи совершенно безопасно, несмотря на то, что всѣ черногорцы вооружены и очень воинственны.

Въ настоящее время Черногорія обладаетъ двумя морскими гаванями, Дульчино и Антивари. Дульчино нѣкогда представляла неприступное гнѣздо пиратовъ, и только послѣ русско-турецкой войны этотъ маленький городокъ получалъ европейскую из-

вѣстность. Но теперь этотъ городокъ снова погрузился въ прежнее дремотное состояніе. Не смотря на свое присоединеніе къ Черногоріи, Дульчино преимущественно населенъ турками, которые специальнымъ указомъ освобождены отъ службы въ черногорскихъ отрядахъ за уплату ими извѣстнаго налога. Другой черногорскій портъ, Антивари, находится вблизи австрійской границы и представляетъ гораздо болѣе оживленный видъ и болѣе походить на европейскій городъ, нежели Дульчино. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, одна акціонерная компанія предложила черногорскому правительству устроить въ этомъ городѣ рулетку, но предложеніе это было отвергнуто, что, разумѣется, дѣлаетъ честь маленькому государству, не захотѣвшему осквернить свои родныя горы устройствомъ игорнаго вертепа.

Дорога изъ Каттаро въ Цетинье, столицу Черногоріи, чрезвычайно живописна и въ настоящее время она такъ же удобна, какъ любая дорога въ наиболѣе посѣщаемыхъ мѣстахъ Европы. Но еще не такъ давно, какъ мѣстные жители, такъ и путешественники должны были взбираться по ужасной «лѣстницѣ Каттаро», — едва проходимой, почти вертикальной тропинкѣ, усыпанной камнями.

Цетинье—самая маленькая столица въ Европѣ. Это очень чистенькій городокъ съ 2.000 жителей, производящій пріятное впечатлѣніе. Въ немъ есть театр, маленькая библіотека, читальня и большая гостиница («Grand Hôtel»), за табль д'отомъ которой собирается ежедневно весь дипломатическій корпусъ Черногоріи, т.-е. всѣ

представители иностранныхъ державъ. Одною изъ главныхъ достопримѣчательностей города является «турецкая башня»—старинное званіе, получившее свое названіе отъ того, что черногорцы имѣли обыкновеніе насаживать на зубцы этой башни головы убитыхъ ими въ сраженіи турокъ. Разумѣется, обычай этотъ исчезъ съ тѣхъ поръ, какъ черногорцы сдѣлались цивилизованнѣе въ своихъ методахъ веденія войны, но еще въ 1848 году головы убитыхъ турокъ красовались на этой башнѣ. Теперь въ этомъ зданіи, нѣкогда украшенномъ кровавыми трофеями, устроено самое мирное учрежденіе—почта. Въ Цетиньѣ издается единственная въ Черногоріи газета, officialный органъ «Гласъ Црнагорца» (Голосъ Черногорца), заключающій въ себѣ всѣ officialныя извѣщенія, телеграммы, передовую статью и иногда статьи литературнаго характера.

Самымъ привлекательнымъ мѣстомъ для всякаго туриста, пріѣзжающаго въ Черногорію, долженъ, конечно, служить древній монастырь Острогъ—святыня черногорцевъ. Но добраться до него не легко. Странствованіе по скаламъ и камнямъ черныхъ горъ въ высшей степени утомительно, даже для привычнаго горнаго туриста. У черногорцевъ существуетъ легенда, что когда Господь Богъ распредѣлялъ камни по землѣ, то мѣшокъ, въ которомъ заключались камни, лопнулъ, и всѣ они вывалились въ Черногорію. Дѣйствительно, Черногорія представляетъ такой хаосъ скалъ и камней, громоздящихся другъ на друга, что обиліе ихъ невольно поражаетъ путешественника, и однообразный сѣрый цвѣтъ въ концѣ концовъ утомляетъ глазъ. Но зато путникъ бываетъ вознагражденъ необыкновенно живописными видами. Дикая мѣстность обладаетъ своеобразною прелестью, тѣмъ болѣе, что всѣ эти скалы какъ бы повѣствуютъ исторію

маленькой страны, которая можетъ быть названа орлинымъ гнѣздомъ. Такимъ орлинымъ гнѣздомъ представляется и древній монастырь Острогъ, который нѣкогда безуспѣшно осаждали турки въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Въ тяжелыя времена черногорцы не разъ искали убѣжища въ этомъ монастырѣ, и даже тридцать тысячъ турецкаго войска не могли овладѣть этимъ орлинымъ гнѣздомъ. Черногорцы скатывали на нихъ сверху камни, и турки должны были отступить. Въ сравнительно недавнія времена, отецъ нынѣшняго князя черногорскаго, воевода Мирко, отстоялъ эту крѣпость, имѣя въ распоряженіи всего лишь двадцать шесть воиновъ. Его подвиги составляютъ любимую тему черногорскихъ народныхъ пѣсень.

Черногорцы отличаются необыкновенно сильными и громкими голосами; они могутъ переговариваться другъ съ другомъ на такомъ разстояніи, на какомъ голосъ обыкновеннаго человека не можетъ быть слышимъ. Не такъ давно было совершенно убійство вблизи австрійской границы, и въ теченіе нѣсколькихъ часовъ была мобилизована вся черногорская армія, при помощи развѣдчиковъ, которые, взобравшись на скалу, крикомъ оповѣстили своихъ товарищей о случившемся и, благодаря такой быстротѣ, преступники были пойманы раньше, чѣмъ они успѣли переправиться черезъ границу.

Извѣстный французскій критикъ, Жюль Леметръ напечаталъ въ «Revue des Deux Mondes» интересную статью о томъ вліяніи, какое оказываетъ литература сѣвера (главнымъ образомъ, скандинавская и русская) на западную литературу. Леметръ утверждаетъ, что общія идеи, заложенныя въ основу всѣхъ произведеній современныхъ писателей, англійскихъ, скандинавскихъ и русскихъ,

всѣ почти французскаго происхожденія, но въ произведеніяхъ этихъ писателей идеи эти приняты своеобразный религіозный оттѣнокъ, который и нравится французамъ. Леметръ признаетъ красоту и достоинство произведеній сѣверной литературы, но предостерегаетъ французовъ отъ слишкомъ сильнаго увлеченія этими произведеніями и высказываетъ надежду, что наступитъ реакція и возродится опять «латинскій гений» (*génie latin*). Леметръ явно недоволенъ тѣмъ, что онъ называетъ «литературнымъ космополитизмомъ» и упрекаетъ французовъ въ томъ, что они «единственный народъ, склонный предпочитать другихъ самому себѣ» (*le seul peuple qui soit porté à préférer les autres à soi*) и выказываютъ слишкомъ большой энтузіазмъ ко всѣмъ произведеніямъ сѣверной литературы. На это, пожалуй, можно было бы возразить, что драмы Ибсена уже акклиматизировались во всѣхъ пяти театрахъ Германіи, тогда какъ въ Парижѣ они далеко не имѣли такого успѣха. Вообще Леметръ, какъ будто, признаетъ въ Европѣ существованіе только двухъ литературъ, «французской и иностранной» и подъ общимъ названіемъ «сѣверной литературы» смѣшиваетъ произведенія такихъ, рѣзко отличающихся другъ отъ друга писателей, какъ графъ Толстой, Джорджъ Эллиотъ, Ибсенъ и др. Тѣмъ не менѣе, статья Леметра заслуживаетъ вниманія, такъ какъ она касается многихъ важныхъ и интересныхъ вопросовъ современной французской и европейской литературы.

Журналъ «*La Nature*» сообщаетъ нѣкоторыя, не лишеныя интереса, свѣдѣнія о бюджетѣ публичныхъ библиотекъ Сѣвероамериканскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Большинство этихъ библиотекъ очень богаты; нѣкоторыя обладаютъ годовымъ доходомъ болѣе чѣмъ въ два милліона франковъ. По-

«миръ вождй», № 1, январь.

жертвованія въ пользу этихъ библиотекъ достигаютъ иногда очень большихъ размѣровъ. Одна изъ такихъ библиотекъ, напримѣръ, получила недавно въ даръ сто милліоновъ франковъ отъ богата Стэнфорда. При такихъ условіяхъ, конечно, быстрое развитіе и процвѣтаніе публичныхъ библиотекъ въ Соединенныхъ Штатахъ становится вполне понятнымъ. Число этихъ библиотекъ возрасло въ настоящее время до четырехъ тысячъ; общее же число томовъ достигаетъ въ нихъ 31-го милліона, такъ что, приблизительно, одинъ томъ приходится на пятьдесятъ жителей.

Исслѣдованіе Тибета представляетъ, конечно, далеко не легкую вещь. Неудобныя тропинки, узкіе проходы и трудность найти проводниковъ во внутрь страны составляютъ не малое препятствіе, съ которымъ приходится бороться путешественникамъ по Тибету. Однако, несмотря на всѣ подобныя затрудненія, страна эта привлекаетъ путешественниковъ и производитъ на нихъ глубокое впечатлѣніе какъ своею природою, такъ и своими знаменитыми буддистскими монастырями, представляющими главную святыню Тибета. Ламы, или буддійскіе священники, числомъ 15.000, населяющіе эти монастыри, пользуются давно уже репутаціей людей праздныхъ и невѣжественныхъ — совершенно несправедливо, какъ утверждаетъ Генрихъ Гензольдъ, свиданіе и бесѣда котораго съ великимъ ламой (Далай Ламой) описаны въ «*Revue des Revues*».

Гензольдъ былъ совершенно пораженъ наружностью Далай Ламы. Онъ увидѣлъ восьмилѣтняго мальчика, съ чрезвычайно красивымъ лицомъ и глазами, удивительное, недѣтское выраженіе которыхъ составляло поразительный контрастъ съ совершенно дѣтскою наружностью. Гензольдъ, по его

16

словамъ, испытывалъ очень странное ощущеніе; во все время разговора съ этимъ мальчикомъ, ему казалось, что Далай Лама можетъ читать всѣ его мысли, даже самыя сокровенныя. Еще болѣе Гензольдъ былъ пораженъ тѣмъ, что Далай Лама заговорилъ съ нимъ на его родномъ нѣмецкомъ языкѣ, и притомъ, на такомъ нарѣчій, котораго Гензольдъ не слыхалъ уже много лѣтъ. Это было тѣмъ болѣе странно, что Гензольдъ принялъ всѣ мѣры, чтобы его національность не была раскрыта и выдавалъ себя за индуса, такъ какъ хорошо говорилъ по индустански. Но не это одно только удивило Гензольда; весь разговоръ его съ Далай Ламой былъ такого рода, что долженъ былъ еще болѣе привести его въ изумленіе. Восемилѣтній ребенокъ оказался мыслителемъ, болѣе глубокимъ, чѣмъ любой изъ философовъ и ученыхъ Запада и Востока и обнаружилъ необыкновенныя познанія не только въ философіи, но и въ минералогіи, ботаникѣ и другихъ наукахъ.

Разговоръ Гензольда съ Далай Ламой касался, конечно, разныхъ философскихъ темъ: идеи времени, воплощенія жизни и смерти и т. п. «Вы полагаете,—сказалъ ему Далай Лама,—что если вы не можете вспомнить своего предшествующаго существованія, то это одно уже служить доказательствомъ, что вы не существовали раньше? Но вѣдь вы также не помните первыхъ двухъ лѣтъ своей теперешней жизни, а между тѣмъ вы жили вѣдь и въ зародышевомъ состояніи! Въ васъ есть интуитивное сознаніе, сознаніе того факта, что вы всегда существовали, и вы не можете себѣ представить такого момента, когда вы не существовали или же когда вы перестанете существовать. То, что вы называете смертью, есть только переходъ изъ одного состоянія въ другое и, такимъ образомъ, вѣчнымъ остается только одно созна-

ніе того, что вы существуете... Это забвеніе предъидущихъ существованій—великое благо. Что бы съ нами было, если бы насъ вѣчно преслѣдовали воспоминанія о нашемъ предъидущемъ существованіи, о разбитыхъ надеждахъ, иллюзіяхъ, безумствахъ и преступленіяхъ, сдѣланныхъ нами!.. Прошедшее—это сонъ, дѣйствительно только настоящее, будущее же—это одна иллюзія. Мы всегда недовольны своимъ настоящимъ и всегда надѣемся на то, что насъ ожидаетъ блаженство въ воображаемомъ будущемъ. Завтра, черезъ недѣлю, черезъ годъ—мы непременно будемъ счастливы! Но заря нашего счастья никогда не загорается и оно убѣгаетъ отъ насъ, какъ райская птичка въ легендѣ, перелетая съ одного дерева на другое, все дальше и дальше и увлекая насъ за собою всю жизнь, до самой могилы...»

Далай Лама задумался, и на его лицѣ появилось выраженіе глубокой скорби. Онъ какъ будто чувствовалъ несчастье вселенной. Никто не доволенъ своей судьбой, весь міръ страдаетъ, всюду раздаются крики отчаянія, и эти крики достигаютъ Далай Ламы и наполняютъ горечью его сердце. Онъ не можетъ не сочувствовать отчаянію и горю людей. Гензольдъ смотрѣлъ на странное, загадочное существо, находившееся передъ нимъ и, глубоко пораженный всѣмъ, что онъ видѣлъ и слышалъ, чувствовалъ, какъ имъ овладѣваетъ мистическое настроеніе, и что онъ готовъ уже увѣровать въ идею воплощенія. Ему хотѣлось проникнуть въ самую сущность восточнаго мистицизма, значеніе котораго отъ него ускользало до сихъ поръ. Далай Лама сказалъ ему: «Мы не разсуждаемъ о вещахъ, мы ихъ видимъ. Міръ вовсе не скрытъ завѣсою отъ насъ, сомнѣній быть не можетъ. Все это—очевидность, и истина.

На этомъ кончился разговоръ Гензольда съ Далай Ламой. Гензольдъ ушелъ

отъ него глубоко взволнованный и убежденный, что «свѣтъ идетъ къ намъ съ востока». Поэтому, свою статью онъ заканчиваетъ восторженнымъ гимномъ во славу востока, страны чудесъ, красоты, мудрости и величія.

Маленькій чешскій народъ, давно уже похороненный нѣмецкими политиками, удивлялъ и продолжаетъ удивлять Европу своимъ внезапнымъ и быстрымъ возрожденіемъ, какъ въ политическомъ, такъ и въ интеллектуальномъ отношеніи. Прошло не болѣе десяти лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ появились первые признаки этого возрожденія, но за это время чехи уже успѣли заявить себя энергіей своихъ политическихъ требованій и обратить на себя вниманіе европейской читающей публики быстрымъ разцвѣтомъ и богатствомъ своей литературы. Если прогрессъ чеховъ будетъ идти такими же быстрыми шагами и далѣе въ этомъ направленіи, то чешская литература, безъ сомнѣнія, скоро займетъ одно изъ первостепенныхъ мѣстъ въ европейской литературѣ; такъ, по крайней мѣрѣ, думаетъ авторъ статьи о чешской литературѣ, напечатанной въ вѣнскомъ журналѣ «Die Zeit».

Какъ и всякій молодой народъ, приобщающійся къ европейской интеллектуальной жизни, чехи обнаруживаютъ большую чувствительность ко всякаго рода теченіямъ, господствующимъ въ Европѣ. У чеховъ уже есть свои декаденты, символисты и т. п.

Съ 1850 по 1860 годъ чешская литература была исключительно патріотической и національной литературой. Чехи стремились сбросить съ себя вѣковое иго нѣмцевъ и обращались съ жаждою къ прошлому своей страны и къ стариннымъ славянскимъ принципамъ. Но вмѣстѣ съ писателями Галекомъ и Нерудомъ въ чешскую литературу получило доступъ широкое гуманитарное и романтиче-

ское направленіе, и съ этого времени чехи уже начали стремиться стать въ уровень съ тѣми тенденціями, которыя преобладали въ Европѣ. Истиннымъ творцомъ чешскаго поэтического языка можетъ быть названъ поэтъ Вршлицкій, давшій толчокъ къ развитію въ чешской литературѣ космополитическаго романтизма. Вокругъ него сгруппировались всѣ остальные поэты, насадившіе въ чешской литературѣ гуманитарныя идеи Виктора Гюго, Кардуччи и Леконта де-Лилля. Къ этому времени относится чувствительный ударъ, нанесенный нѣмецкому вліянію въ Богеміи; чешскіе писатели обратили свои взоры на Францію, и тамъ стали искать вдохновляющихъ идей. Нѣсколько странный и мистическій поэтъ Юлій Цейеръ зашелъ еще далѣе въ тѣхъ тенденціяхъ, которымъ положно было начало поэтомъ Вршлицкимъ. Роль трехъ главныхъ чешскихъ поэтовъ въ этомъ отношеніи весьма различна. Рядомъ съ Вршлицкимъ долженъ быть поставленъ поэтъ Сладекъ, находящійся еще подъ вліяніемъ англійской и нѣмецкой литературы, и Святополкъ Чехъ, олицетворяющій собою компромиссъ между вѣковыми тенденціями Богеміи и тѣми международными и иностранными тенденціями, которыя получили доступъ въ чешскую литературу. Поэзія Чеха отличается демократическими идеями и пользуется огромною популярностью въ современной Богеміи. Узкія національныя тенденціи, изгнанныя изъ области поэзіи, нашли пріютъ въ историческихъ романахъ. Однако съ 1880 года въ чешской литературѣ обнаружилось новое могучее теченіе, когда возбужденные политическою борьбою за независимость своей страны, чехи прониклись восхищеніемъ къ своему прошлому и къ своимъ историческимъ добродѣтелямъ. Но профессоръ Мазарыкъ, величайшій изъ чешскихъ критиковъ, заставилъ ихъ обратить вниманіе и

*

на темныя стороны чешской жизни. Вокруг Мазарыка сгруппировались всё писатели—реалисты, возставшіе противъ этого чрезмѣрнаго восхищенія талантами и добродѣтелями чеховъ и безжалостною рукою срывающей покрывало съ національныхъ слабостей и тѣхъ иллюзій, которыми обманывалъ себя чешскій народъ. Подъ влияніемъ этихъ критиковъ нынѣшнее поколѣніе чешскихъ писателей обнаруживаетъ болѣе пессимистическое и скептическое отношеніе къ своей странѣ. Восхищеніе великими иностранными писателями начинаетъ обнаруживаться все сильнѣе и сильнѣе, вслѣдствіе чего въ чешской литературѣ начали появляться переводы произведеній такихъ писателей, какъ Толстой, Бьерсонъ, Киландъ, Флоберъ, Гонкуръ и т. д.

Въ настоящее время въ чешской литературѣ обнаруживается всего сильнѣе влияніе двухъ писателей—Золя и Толстого; влияніе послѣдняго пустило болѣе глубокіе корни. Вообще же чешское литературное движеніе возникло и продолжаетъ развиваться подъ влияніемъ слѣдующихъ четырехъ факторовъ: 1) традиціонныхъ тенденцій, не имѣющихъ, однако, никакого авторитетнаго представителя въ настоящее время; 2) французскаго влияния, которое всего сильнѣе обнаруживается въ драматической литературѣ и критикѣ; 3) реалистическаго направленія и 4) влияній великихъ социальныхъ вопросовъ, налагающихъ свою печать и на чешскую литературу, какъ и на всякую другую европейскую литературу.

Изъ числа современныхъ чешскихъ поэтовъ наибольшую извѣстностью пользуются: Машаръ, указывающій чехамъ новые пути и новыя идеи, Каминскій—защитникъ правъ женщины. Сова—оригинальный поэтъ, рисующій интимную жизнь чеховъ, Ченховъ—олицетворяющій въ своей поэзіи современную политическую борьбу, и

поэтесса Ружена Езеньска, культивирующая чистый лиризмъ, не заботясь ни о какихъ злобахъ дня. Но всё эти писатели разныхъ направленій одинаково заботятся о томъ, чтобы довести форму стиха до высокой степени совершенства.

Символическое, декадентское направление имѣетъ также своихъ представителей въ лицѣ поэтовъ: Ярослава Квапила, Яромира Борецкаго, Ауредничка, наиболѣе популярнаго изъ всѣхъ, и От. Брезина. Въ произведеніяхъ же поэта Карасека рабочѣе подражаніе французскимъ символистамъ доходитъ уже до послѣднихъ предѣловъ. Въ чешской прозѣ подражаніе далеко не такъ распространено. Тамъ встрѣчается много талантливыхъ и въ то же время оригинальныхъ писателей. Реализмъ чешской литературы, наиримѣръ, имѣетъ свой собственный отпечатокъ, отличающій его отъ реализма французской и русской литературы. Въ произведеніяхъ чешскихъ реалистическихъ писателей обыденная жизнь изображается съ фотографическою вѣрностью, но безъ преувеличеннаго пессимизма и слишкомъ утонченной чувствительности. Изъ представителей этого направленія въ первомъ ряду находятся: Игнатъ Германъ, специальность котораго—описаніе жизни философовъ Праги; Гербенъ и Мрстикъ, рисующіе исключительно жизнь моравскихъ крестьянъ; Симайекъ, черпающій свои темы изъ жизни рабочихъ на сахарныхъ фабрикахъ и т. д.

Чешская драматическая литература, однако, далеко еще не достигла такого развитія. Собственно говоря, существуетъ только два драматическихъ писателя, которые могутъ быть названы представителями этого рода литературы: Свобода и Сماعيلекъ. Драмы перваго имѣютъ социологическій характеръ и дѣйствительно очень талантливо написаны. Второй приобрѣлъ извѣстность своею пьесой: «Миръ

маленькихъ людей», въ которой рисуетъ жизнь рабочихъ классовъ. Рядомъ съ этими звѣздами первой величины слѣдуетъ поставить Габриель Прейссову съ ея драмами, сюжеты которыхъ заимствованы изъ словацкой жизни. Ея драма «Невѣстка» отчасти напоминаетъ «Власть тьмы» Толстого.

Чешская критика также подверглась эволюціи, и въ ней стали преобладать, вмѣсто узкой патріотической и національной точки зрѣнія, широкіе, объективные взгляды и способность отзываться на всѣ теченія, обнаруживающіяся въ жизни цивилизованныхъ народовъ. Однимъ словомъ: чехи несомнѣнно прогрессируютъ, и [этотъ] маленький народъ, доказавшій свою живучесть, скоро займетъ подобающее ему мѣсто въ европейской семьѣ.

Въ англійскомъ журналѣ «Young Woman» напечатана интересная бесѣда съ госпожею Филиппсъ, которая считается однимъ изъ самыхъ блестящихъ и популярныхъ политическихъ ораторовъ въ Англии. Она сознается, что вначалѣ сама относилась съ предубѣжденіемъ къ женщинамъ, публично выступающимъ въ роли ораторовъ, но, побѣдивъ это предубѣжденіе и выступивъ однажды въ публикѣ, она пришла къ заключенію, что искусство произносить рѣчи должно быть включено въ программу воспитанія каждого человѣка. Г-жа Филиппсъ говоритъ, что необходимо упражнять голосъ и постараться выработать у себя даръ слова. Она совѣтуетъ женщинамъ не смущаться тѣмъ страхомъ, который онѣ испытываютъ, выступая первый разъ публично. Это страхъ вполне естественный, но онъ не долженъ останавливать оратора.

«Когда я говорю передъ публикой, какъ бы ни было немногочисленно число моихъ слушателей, — сказала мистриссъ Филиппсъ, — я всегда чувствую, что

переживаю великій моментъ моей жизни, и это помогаетъ мнѣ приложить всѣ старанія къ тому, чтобы это чувство передалось и моимъ слушателямъ. Я знаю только трехъ женщинъ, которыя достигли, по моему мнѣнію, высокой степени совершенства въ ораторскомъ искусствѣ. Это: Анна Безантъ, леди Карлисъ и леди Генри Сомерсетъ. Бромѣтъ ого, эти женщины, помимо своего ораторскаго искусства, оказываютъ вліяніе на всѣхъ женщинъ, приходящихъ съ ними въ соприкосновеніе, своимъ личнымъ характеромъ и своею дѣятельностью. Это придаетъ ихъ краснорѣчію особенный отпечатокъ, такъ какъ въ немъ отражаются превосходныя качества ихъ жизни и характера.

«Я бы желала сказать нѣсколько словъ всѣмъ женщинамъ, которыя прочтутъ эти строки, — прибавила въ заключеніе мистриссъ Филиппсъ, — пусть женщины не забываютъ, что мы живемъ въ героическое время. Подавляющее большинство женщинъ могло бы сдѣлать гораздо больше, чѣмъ сколько оно дѣлаетъ теперь, не выходя даже за предѣлы своей сферы, не мѣняя своей жизни, если бы всѣ женщины соединились вѣстѣ и подчинились бы тѣмъ вдохновляющимъ вліяніямъ, которыя выдвигаютъ ежедневно столько работниковъ на поприще реформаторской и филантропической дѣятельности. Когда женщины выступаютъ впередъ и начнутъ работать, помня, что «жизнь безъ дѣятельности и работы — ничего не стоющая жизнь», то онѣ могутъ быть увѣрены, что къ нимъ присоединятся всѣ тѣ, кто желаетъ уничтожить препятствія, мѣшающія правильному развитію и дѣятельности женщинъ и что онѣ получатъ тогда возможность развить и приложить къ дѣлу всѣ свои высшія качества и способности».

«Миръ пережилъ возрожденіе искусства и литературы, возрожденіе религіи,

и теперь замѣчаются слабыя проблески зари возрождающейся идеи братства. Не вступаемъ ли мы теперь въ эпоху возрожденія женщины?» — такъ заканчиваетъ леди Генри Сомерсетъ свою прекрасную статью, напечатанную въ октябрьской книжкѣ «Northamerican Review». Тайна тѣхъ перемѣнъ, которыя обнаруживаются въ женщинѣ въ данную минуту, заключается въ томъ, — говоритъ леди Генри Сомерсетъ, — что «женщина, подобно мужчинѣ, стремится приспособиться къ окружающимъ условіямъ».

«Въ древнія времена домъ представлялъ для женщины большую домашнюю фабрику, во главѣ которой находилась она сама. Она прядла ленъ своими проворными пальцами, ткала полотно; подъ ея наблюденіемъ пеклись хлѣбы въ раскаленной печи, она же изготовляла изъ цвѣтовъ ароматическіе составы. Она была тѣмъ художникомъ, тончайшія издѣлія котораго украшали церкви и дворцы, такъ какъ ея домъ былъ не только фабрикой, удовлетворяющей всѣмъ домашнимъ нуждамъ, но и студіей, въ которой изготовлялись самые красивые образцы искусства.

«Но когда народилась прикладная наука, то женщина лишилась мало-помалу своихъ прежнихъ занятій. Мѣсто ея искусныхъ рукъ заступили машины. Городскія плавильни стали доставлять хлѣбъ; тонкіе ароматы цвѣтовъ начали изготовляться искусственнымъ образомъ въ химическихъ лабораторіяхъ, тканья матеріи, шелковыя издѣлія и т. п. стали выпрабатываться уже при помощи паровыхъ машинъ. Поле дѣятельности женщины постепенно суживалось. Школа и дѣтскіе сады занялись воспитаніемъ дѣтей; ученые сидѣлки стали ухаживать за больными, и женщина смотрѣла, сложа руки, на свѣтъ Божій, такъ какъ для этихъ рукъ уже не было никакого дѣла. При такихъ условіяхъ невольно долженъ былъ возникнуть вопросъ: не слѣдуетъ

ли и женщинамъ приспособиться къ этимъ перемѣнамъ, подобно тому, какъ приспособились мужчины къ новымъ условіямъ жизни, созданнымъ введеніемъ пара, электричества, книгопечатанія и т. п. Искусства и ремесла, культивированныя въ домашнемъ быту женщинами, мало-по-малу сдѣлались достояніемъ всего міра и перешли въ вѣдѣніе мужчины. Отчего же женщины не заняты теперь своего настоящаго мѣста въ міровой экономіи и участвовать въ дѣлахъ того обширнаго дома, который простирается далеко за предѣлы четырехъ стѣнъ ея прежняго дома и который мы называемъ обществомъ и правительствомъ? Почему бы женщины не заняты мѣста рядомъ съ мужчиной въ его дѣятельности, касающейся благосостоянія всѣхъ членовъ обширнаго семейнаго круга, который мы называемъ націей?»

Леди Сомерсетъ настаиваетъ на томъ, что исключеніе женщины изъ сферы дѣятельности, составляющей достояніе мужчины, значительно способствуетъ ослабленію ея домашняго вліянія и авторитета. «Вліяніе матери на своего сына тотчасъ же ослабѣваетъ, какъ только онъ узнаетъ, что всѣ ея прерогативы оканчиваются за стѣнами ея дома, и что законодатели страны ставятъ ее наравнѣ съ сумасшедшими и идиотами», говоритъ леди Сомерсетъ. На возраженіе, что женщины не могутъ участвовать въ голосованіи, потому что онѣ не могутъ нести воинской повинности, леди Сомерсетъ отвѣчаетъ слѣдующимъ образомъ:

«Роль женщины гораздо важнѣе, нежели роль воина. Женщины являются источникомъ расы, который пополняетъ ея потери, поддерживаетъ ея упованія и сохраняетъ результаты одержанныхъ ею побѣдъ. Если считать главнымъ долгомъ каждаго избирателя служеніе народу, то та служба, и притомъ очень опасная, которая

приходится на долю женщины, гораздо важнѣе для націи и заключаетъ въ себѣ болѣе величія, нежели тѣ случайности, которымъ подвергается воинъ, рискуя сдѣлаться цѣлью для пушки или очутиться вблизи разрывной гранаты. Мало найдется такихъ женщинъ, которымъ не пришлось страдать и, подвергаясь смертельной опасности, дарить міру новаго члена. Въ этой битвѣ, которую приходится вести женщинѣ въ пользу расы, она часто жертвуетъ своею собственною жизнью... Въ наши дни, когда начинается загораться заря новой жизни, когда въ сознаніи націй начинается пробуждаться идея братства, люди должны, же наконецъ, понять, что истинное братство не можетъ существовать при такихъ условіяхъ, когда цѣлая половина человѣческаго рода исключается изъ участія въ общественной дѣятельности, игнорируется законодателями и осуждена вѣчно занимать подчиненное положеніе».

Въ декабрьской книжкѣ «Popular science Monthly» напечатана лекція американскаго профессора, Давида Сторра Юрдана, произнесенная имъ передъ выпускными студентами Станфордскаго университета. Въ этой лекціи онъ доказываетъ, что государству нужны образованные люди, и что только такое государство можетъ процвѣтать, населеніе котораго даетъ наибольшій процентъ образованныхъ людей, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ.

«Природа требуетъ отъ человѣка, чтобы онъ пользовался своими силами и способностями,—говоритъ почтенный профессоръ.—Если мозгъ и душа человѣка не участвуютъ въ его повседневной жизни, то жизнь этого человѣка совершенно бесполезна. Главный долгъ каждой націи—народное воспитаніе, разумное и всеобщее, которое должно способствовать развитію индивидуальныхъ силъ и способ-

ностей. Реформы воспитанія — это важнѣйшія изъ всѣхъ реформъ. Идеальное воспитаніе должно отвѣчать двумъ требованіямъ: оно должно доставить мужчинѣ или женщинѣ возможность развить свои природныя способности и приложить ихъ къ дѣлу, и, кромѣ того, должно развить у нихъ такую ширину взглядовъ, которая вызвала бы въ нихъ стремленіе служить народу своими способностями и знаніями. Въ воспитаніи заключается истинный патриотизмъ — патриотизмъ, слагающійся изъ общественнаго интереса и гражданскихъ добродѣтелей. Въ этомъ также заключается залогъ успѣха государства, такъ какъ только такое государство будетъ имѣть успѣхъ, которое заслуживаетъ его. Задачи каждаго государства могутъ быть разрѣшены двоякимъ образомъ: правильно и неправильно. Эти задачи всегда надо стараться разрѣшить правильно, потому что тѣ вопросы, которые разрѣшены невѣрно, могутъ породиться снова и назойливо требовать своего разрѣшенія какъ разъ въ такую минуту, когда мы меньше всего ожидаемъ этого. Такъ бываетъ съ каждымъ національнымъ вопросомъ, какъ бы онъ ни былъ незначителенъ или великъ, и мы должны постараться разрѣшить его правильно, такъ какъ иначе намъ придется расплачиваться дорогою цѣной за каждое неправильное рѣшеніе».

Профессоръ напоминаетъ о негритянскомъ вопросѣ, неправильное отношеніе къ которому вызвало въ свое время цѣлые потоки крови. Въ исторіи, впрочемъ, можно найти не мало такихъ примѣровъ неправильнаго разрѣшенія какаго-нибудь вопроса, давшаго поводъ къ весьма серьезнымъ осложненіямъ. Но почтенный профессоръ ограничивается только американскою жизнью и особенно настаиваетъ на томъ, что въ американской республикѣ, гдѣ народъ самъ участвуетъ въ управленіи государствомъ,

особенно нужны образованные люди, мужчины и женщины, съ широкими гуманитарными взглядами и вполне яснымъ пониманіемъ своихъ гражданскихъ обязанностей и той отвѣтственности, которую они несутъ на себѣ передъ государствомъ. Взгляды почтеннаго профессора и его аргументы въ пользу того, какъ важны для государства образованные люди, могутъ быть приложимы, конечно, и ко всякому другому государству, а не къ одному только Сѣвероамериканскимъ Соединеннымъ Штатамъ.

Издательница А. Давыдова.

Редакторъ Викторъ Острогорскій.

Годъ IV-й.

№ 2-й.

МІРЪ ВОЖІЙ

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ЮНОШЕСТВА

И

САМООБРАЗОВАНІЯ.

Ф Е В Р А Л Ь

1895 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

1895.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 25-го января 1895 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТР.
1. ДА, ВИНОВЕНЪ... Эскизъ. Д. Мамина-Сибиряна	1
2. ИВАНЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ТУРГЕНЕВЪ. (Жизнь, личность, творчество). (Продолженіе). Ив. Иванова	15
3. СТИХОТВОРЕНІЕ: ИЗЪ ВИКТОРА ГЮГО. Влад. Ладыженскаго.	49
4. НОВЫЙ ШАГЪ КЪ ПРОСВѢЩЕНІЮ. (По поводу «Программъ домашняго чтенія») А. Б.	50
5. ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЖИЗНИ. Романъ. (Продолженіе). К. М. Станюковича.	60
6. ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ЖЕНЩИНЪ ВЪ СОЕДИНЕННЫХЪ ШТАТАХЪ АМЕРИКИ.	86
7. ПРОЦЕССЪ ОПЛОДОТВОРЕНІЯ ВЪ РАСТИТЕЛЬНОМЪ ЦАРСТВѢ. (Продолженіе). Проф. И. П. Бородина	112
8. КЪ СВѢТУ. Разсказъ И. Франно. (Переводъ съ русинскаго)	140
9. ВОСКРЕСНІЯ ЧТЕНІЯ ВЪ СЕЛЬСКОЙ ШКОЛѢ. (Изъ записной книжки народнаго учителя). Гр. Дубовенно	161
10. ВЕЛИКІЙ ЧЕЛОВѢКЪ. Романъ въ двухъ частяхъ. (Продолженіе). А. Валленберга. Пер. съ шведскаго В. Фирсова	174
11. «НАШИ ПЕРВЕНЦЫ». (Изъ литературныхъ воспоминаній Фридриха Шпильгагена, Георга Эберса и Германа Зудерманна)	194
12. ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ. (Продолженіе). Проф. П. Н. Милюкова.	221
13. ИЗЪ РУССКОЙ ЖИЗНИ И ЛИТЕРАТУРЫ.—Вопросы русской общественной жизни. — Новая организація призрѣнія бѣдныхъ въ Москвѣ. — Народныя бібліотеки. — Человѣческія жертвоприношенія въ Вятской губ. — Изъ русскихъ журналовъ. «Вѣстникъ Европы», «Сѣверный Вѣстникъ», «Русская Школа»	236
14. ИЗЪ ИНОСТРАННОЙ ЖИЗНИ И ЛИТЕРАТУРЫ Оксфордскій митингъ британской ассоціаціи. — Драматургъ-химикъ. — Американская печать. — Астрономъ-воздухоплаватель. — Самая высокая обсерваторія въ Великобританіи. — Женщины-миссіонеры въ Африкѣ. — Этическое общество въ Вѣнѣ. — Счастливая идея. — Новая гипотеза о происхожденіи Австраліи. Изъ иностранныхъ журналовъ. Полемика «Revue des Deux Mondes» съ «Revue Scientifique», «Revue des Revues», «Educational Review», «Forum», «Revue des deux Mondes», «Review of Reviews», «Fortnightly Review», «Northamerican Review».	250
15. НОВЫЯ ИНОСТРАННЫЯ КНИГИ	268
16. ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) КНЯЗЬ И КМЕТЫ. Историческій романъ Юсифа-Игнатія Крашевскаго. Переводъ съ польскаго Л. В—снаго	33
17. 2) ИСТОРИЯ ЦИВИЛИЗАЦІИ. Г. Дююдрэ. I. Древній міръ. Переводъ съ французскаго А. Позень, подъ редакціей Д. А. Коропчевскаго	41
18. 3) ОБЗОРЪ ОБЩЕДОСТУПНЫХЪ КНИГЪ ЛИТЕРАТУРНАГО И НАУЧНАГО СОДЕРЖАНІЯ. Составляется подъ редакціей особой комиссіи по порученію Комитета грамотности, состоящаго при Императорскомъ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ	13
19. НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШИЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ.	
20. ОБЪЯВЛЕНІЯ.	

ДА, ВИНОВЕНЪ...

Э С К И З Ъ.

I.

...Тетя Жена дѣлила людей, т. е. мужчинъ, на двѣ категоріи. Въ первой помѣщались прекрасные люди во всѣхъ отношеніяхъ, а во второй самыя отчаянныя негодяи... Средины не существовало. Въ затруднительныхъ случаяхъ тетя Жена поступала такъ: негодяя переводила въ разрядъ праведниковъ чистѣйшей воды, или наоборотъ, причемъ не малую роль игралъ спеціальнй женскій произволь. Какъ всѣ пристрастные, увлекающіеся люди, тетя Жена вѣрила въ свою непогрѣшимость, а въ сдѣланныхъ ошибкахъ обвиняла кого-нибудь другого. Скажите пожалуйста, развѣ она виновата, что прекрасный человѣкъ такъ искусно притворяется отъявленнымъ негодяемъ, и наоборотъ. Послѣднее, въ несчастію, случалось гораздо чаще... Эта строгая сортировка добра и зла производилась, конечно, надъ знакомыми, и въ концѣ концовъ зло настолько перевысило добро, что тетя Жена почти отказалась отъ знакомствъ и вела жизнь отшельницы. Это былъ естественный результатъ собственной непогрѣшимости.

Но было одно исключеніе, съ которымъ тетя Жена никакъ не могла сладить... Это исключеніе воплощалось въ родномъ братѣ, Данилѣ Евгеньевичѣ, который никакъ не укладывался ни въ одну изъ вышеупомянутыхъ категорій, потому что являлся пестрой смѣсью всяческаго добра и зла. Сколько десятковъ разъ тетя Жена переводила этого брата изъ одного разряда въ другой, и изъ этой трогательной операціи не получалось рѣшительно ничего. Вдумываясь въ истинныя причины

этой роковой ошибки, тетя Жёня приходила къ немного странному заключенію, — именно, что виной всего является богатырскій ростъ Данилы Евгенъича. Другихъ причинъ не было... Никто не сказалъ бы, что Данило Евгенъевичъ — родной братъ тети Жёни. Она такая маленькая, худенькая, сохранившая какую-то дѣвичью стройность и гибкость въ свои пятьдесятъ лѣтъ, а онъ... Впрочемъ, онъ сейчасъ стоитъ передъ сестрой въ полномъ своемъ великолѣпіи.

— Ты посмотри на себя въ зеркало, какое у тебя лицо... — говорила тетя Жёня, сдерживая накипѣвшее негодованіе. — Лицо опухло, глаза красные...

— Это отъ желѣзной дороги, — кротко объяснилъ Данило Евгенъичъ, угнетенно вздыхая; послѣднее было его привычкой. — Попробовала бы ты провести двѣ ночи въ вагонѣ. Я думалъ, что сойду съ ума...

— А буфеты на станціяхъ?

— Я ничего не пью...

— Оно и замѣтно...

Худенькія плечи тети Жёни сдѣлали брезгливое движеніе, точно она наступила на что-то ползущее. Тетя Жёня, по прямотѣ своей натуры, не выносила ничего ползущаго и такими именно ползущими ей представлялись всѣ негодяи.

Да, онъ стоялъ передъ ней, и тетя Жёня чувствовала, какъ ее начинаетъ все сильнѣй и сильнѣй охватывать безпричинный страхъ, точно въ ея маленькую гостиную самымъ безсовѣстнымъ образомъ вторглось, безсовѣстно-громадное, какое-то стихійное зло. Данило Евгенъевичъ не видался съ сестрой цѣлыхъ три года и сильно постарѣлъ за это время. Спина сгорбилась, въ волосахъ уже свѣтилась преждевременная сѣдина, въ костюмѣ была замѣтна та мертвая небрежность, которая въ глазахъ тети Жёни являлась непростительной, какъ самая яркая характеристика погибающаго человѣка. И это въ сорокъ лѣтъ... Боже мой, какъ пороки быстро старять людей! Въ этомъ есть извѣстная справедливость самой природы, которая мститъ человѣку за нарушеніе ея святыхъ законовъ. Данило Евгенъевичъ давно не былъ въ Петербургѣ, и его неожиданное появленіе взволновало тетю Жёню. О, этотъ ужасный человѣкъ пріѣхалъ не даромъ...

Вѣдь онъ каждый разъ являлся съ какой-нибудь новой исторіей. Одни вздохи чего стоили.

А онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, оглядывалъ маленькую гостиную и, кажется, удивлялся, что здѣсь все по прежнему, какъ было десять и двадцать лѣтъ тому назадъ. Тѣ же драпировки, тѣ же ковры, мебель, бронза, картины, цвѣты и цѣлый рядъ семейныхъ реликвій и сувенировъ, размѣщенныхъ съ величайшей аккуратностью. Тетя Жена пришла бы въ ужасъ, если бы могла понять тайную мысль опаснаго гостя—онъ смотрѣлъ на всю эту обстановку и впередъ жалѣлъ строгую сестру, потому что, все равно, вся эта обстановка въ свое время пойдетъ куда-нибудь въ лавку подержаной мебели, а рельеви и сувениры очутятся въ грязныхъ рукахъ рыночныхъ маляковъ. Данило Евгеньевичъ по натурѣ не былъ злымъ человѣкомъ и впередъ жалѣлъ сестру. Онъ еще разъ вздохнулъ и проговорилъ знакомымъ тетѣ Женѣ убитымъ тономъ:

— Вотъ я и пріѣхалъ... да.

— Я удивляюсь одному, что всѣ другіе пріѣзжаютъ днемъ, а ты непременно пріѣдешь ночью... Скоро одиннадцать часовъ.

— Ахъ, Боже мой.. Ты меня готова обвинять даже въ росписаніи желѣзнодорожныхъ поѣздовъ. Да... Можетъ быть, я же виноватъ, что на улицѣ идетъ дождь со снѣгомъ и на улицахъ грязь?

— Отчасти да... Ты всегда пріѣзжаешь именно въ такую погоду.

Онъ вдругъ засмѣялся. Она всегда не любила, какъ онъ смѣется—въ этомъ смѣхѣ было что-то такое фальшивое и дѣланное. Потомъ онъ смѣялся всегда именно въ тѣ минуты, когда былъ особенно виноватъ. Тетя Жена строго сжала губы, оправила свое темное монашеское платье, а потомъ спросила, стараясь придать голосу равнодушный тонъ:

— И на долго ты осчастливилъ своимъ посѣщеніемъ?

Этотъ вопросъ неожиданно смутилъ Данилу Евгеньевича. Онъ сдѣлалъ нѣсколько крупныхъ шаговъ по комнатѣ, уронилъ какой-то семейный столикъ, наступилъ на лапу любимому мопсу Бобику и, поправляя рѣдѣвшіе на макушѣ волосы, отвѣтилъ:

— Это будетъ зависѣть, сестрица... да... зависѣть... отъ присяжныхъ.

— Что-о?

Тетя Женя даже привскочила на своемъ креслѣ и съ ужасомъ посмотрѣла на ужаснаго братца, точно онъ внесъ сюда какую-то смертельную заразу.

— Да, отъ господъ присяжныхъ...—твердымъ голосомъ повторилъ онъ, дѣлая рѣшительный жестъ.

— Боже мой, этого только недоставало!—стонала тетя Женя, въ ужасѣ закрывая глаза.—Ты... ты подъ судомъ?

— Да... т.-е. видишь-ли. Превратность судьбы, однимъ словомъ...

Данило Евгенъичъ подошелъ, сѣлъ рядомъ и заговорилъ:

— Мнѣ нужно съ тобой серьезно поговорить, сестра... да.

— Не хочу я ничего знать... Ты убилъ кого-нибудь?

— Вотъ ужъ и убилъ сейчасъ,—обидѣлся братъ.—Ты посмотри на меня хорошенько, развѣ я способенъ на убійство?.. Нѣтъ, поговоримъ серьезно...

Онъ придвинулъ стулъ еще ближе. Это начало не предвѣщало ничего добраго, но тетю Женю охватила страстная жажда знать все. Да, все, все...

— Видишь ли, сестра, никто не желаетъ попадать на скамью подсудимыхъ... да. Каждый старается устроиться непремѣнно лучше, а иногда выходитъ на оборотъ... Иногда на скамью подсудимыхъ попадаютъ люди совершенно невинные... да, невинные. Могутъ быть такъ называемыя судебныя ошибки, т.-е. когда осуждаютъ именно такого невиннаго человѣка.

— Да не тани же изъ меня жилы, несчастный человѣкъ!..

— Сейчасъ, сейчасъ...

Понизивъ голосъ, онъ прибавилъ:

— Видишь ли, если это можетъ сейчасъ спасти меня, это... это ты.

— Я?!

— Да, ты.. Я буду вратокъ: необходимо внести извѣстную сумму, чтобы погасить одинъ проклятый вексель...

— Мнѣ странно слышать это именно отъ тебя: ты знаешь, какими суммами я располагаю. Другими словами, ты не постыдился заговорить о дѣтскихъ деньгахъ, потому что всѣ

мои суммы принадлежать дѣтямъ. Это чудовишно, что у тебя могла явиться такая мысль...

— Гм... да... Ты, конечно, по своему, права, сестра. Вѣдь ты святая... Но, съ другой стороны, развѣ дѣтямъ пріятно будетъ носить опозоренное имя? У меня есть нѣкоторыя возможности, чтобы современемъ вернуть тебѣ позаимствованную сумму. Я возьму деньги только на время, и даже могу выдать тебѣ вексель... Ты знаешь мой характеръ: я иногда ошибаюсь, но своему слову не измѣняю.

— Не вѣрю, ничему не вѣрю!!.. Боже мой, до чего я дожила... Несчастныя дѣти, у которыхъ такой отецъ!..

— Еще одно слово: тебѣ самой не совсѣмъ будетъ удобно, когда я буду фигурировать на скамьѣ подсудимыхъ. Да... Къ твоему несчастію, мы носимъ одну фамилію. И я въ твоихъ же интересахъ...

Это уже было слишкомъ. Тетя Женья вскочила, зажала уши руками и крикнула:

— Ничего не хочу знать!!.. Не хочу, не хочу... Ты не носишь фамилію Ракитиныхъ, а тащишь ее по грязи. Самая древняя фамилія— бояре Ракитины состояли окольнічими еще при Иванѣ III... Да!.. И вдругъ Данилу Ракитина будутъ судить... Я тебѣ все прощала до сихъ поръ, но это было ошибкой. Я отказываюсь отъ тебя... У меня нѣтъ больше брата. Да...

Онъ поднялся, сдѣлавъ грустно-поворное лицо, досталъ изъ кармана смятый номеръ газеты, положилъ его на столъ и, молча поклонившись, вышелъ.

II.

Тетя Женья провела скверную ночь.

Когда ужасный братецъ вышелъ изъ комнаты, она осталась нѣсколько времени въ опеломленномъ состояніи. Потомъ ея вниманіе обратила на себя оставленная имъ газета. Она осторожно взяла ее со стола, развернула и сразу нашла то, что было нужно. Въ отдѣлѣ „провинціальныхъ извѣстій“ была отмѣчена краснымъ карандашомъ цѣлая статья о шайкѣ провинціальныхъ дѣльцовъ. Корреспондентъ горячо описывалъ подвиги этой шайки, называя главныхъ дѣйствующихъ

лицъ инициалами, въ числѣ которыхъ былъ и Д. Р—инъ. Это былъ онъ, Данило Равитинъ... Чего-чего только не надѣлали эти господа: тутъ было и поддѣланное духовное завѣщаніе какой-то старушки, и подложные векселя, и обираніе залоговъ у какихъ-то артельщиковъ, и даже продажа чужого парохода. Корреспонденція была проникнута чувствомъ самого благороднаго негодованія и заванчивалась словами: „Впрочемъ, столица скоро будетъ имѣть счастье познакомиться со всѣми этими господами, когда они будутъ фигурировать на скамьѣ подсудимыхъ въ Петербургѣ“. Перечитавъ еще разъ эту корреспонденцію, тетя Жена обратила особенное вниманіе на то, что въ число обвиняемыхъ попали самыя разнообразныя лица—какой-то статскій совѣтникъ, два еврея, остзейскій баронъ, нотаріусъ, мѣщанская дѣвица, вдова полковника, крестьянинъ. Тетя Жена швырнула газету и заплакала... Господи, для чего существуютъ эти гадкія газеты?.. Сегодня онѣ печатаютъ инициалы, а завтра напечатаютъ полныя имена, и ихъ прочтаетъ цѣлая Россія. Цѣлая Россія будетъ знать, что Данило Равитинъ судился вмѣстѣ со всѣми этими господами...

— О, Боже мой, Боже мой!—шептала тетя Жена, ломая руки.

Что она могла поддѣлать, она такая хрупкая и безсильная, когда зло было такъ велико и всесильно? Оно вотъ было сейчасъ здѣсь, въ этихъ стѣнахъ, говорило, улыбалось и затѣвало новое зло.

Кстати, заблудшій братъ пощадилъ ее: онъ ничего не спросилъ о дѣтяхъ и не пожелалъ даже взглянуть на нихъ, сонныхъ. Тетя Жена поняла, что онъ это сдѣлалъ изъ деликатности, чтобы окончательно не убивать ея. Бѣдныя дѣти...

Тетя Жена изъ гостиной прошла въ дѣтскую, гдѣ такъ мирно спали въ своихъ кроваткахъ мальчикъ лѣтъ восьми и дѣвочка лѣтъ пяти. Въ углу предъ образомъ теплилась лампадка, на этажеркѣ были разложены дѣтскія книжки, на полу валялись забытыя игрушки—вообще, дѣтская напоминала уютное гнѣздышко, и тетя Жена каждый разъ входила въ нее съ сознаниемъ какой-то громадной отвѣтственности. Да, она здѣсь нужна. Ея любовь святымъ крыломъ осѣнитъ эти дѣтскія головки; ея любовь отгонитъ отъ

нихъ все нечистое и злое. И сейчасъ тета Жена почувствовала все это съ особенной яркостью и поняла, что не можетъ отдать дѣтскія деньги брату.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ... — повторяла тета Жена про себя. — Этого не будетъ, милыя крошки! А каждый получить то, что заслужилъ.. Вы не должны ничего знать.

Перекрестивъ спавшихъ дѣтей, тета Жена прошла въ свою спальню, которая была рядомъ. Дверь въ дѣтскую была всегда открыта, и тета Жена могла слышать каждое движеніе. Вѣдь она жила этой дѣтской, въ ней помѣщалось все, безъ нея для тети Жени жизнь не имѣла бы смысла...

Тета Жена лежала на своей кровати съ открытыми глазами и съ невольной завистью думала о тѣхъ женщинахъ, у которыхъ хорошіе братья. Вѣдь есть же такія счастливыя женщины... Да. Эти хорошіе братья продолжаютъ семью, заводятъ свои гнѣзда, и жизнь течетъ такъ хорошо, спокойно и просто. Господи, зачѣмъ же у нея такой братъ?.. Бываютъ тяжелыя, неизлѣчимыя болѣзни, и Данило Евгеньевичъ являлся для нея именно такимъ божескимъ наказаніемъ. И раньше она все терпѣла, все переносила, и даже находила извиненія, какъ большой ростъ... А теперь... Тета Жена въ ужасѣ закрывала глаза и чувствовала, какъ ее начинаетъ бить лихорадка.

Въ эту роковую ночь она пережила всю свою жизнь.

Вотъ старое дворянское гнѣздо. Маленькая Жена помнила, какъ родился маленькій братишка Данило. Она носила его на рукахъ еще грудного и всѣхъ забавляла своимъ напряженно-серьезнымъ видомъ. Кто бы могъ тогда подумать, что эта хорошенькая, граціозная, дѣвочка нянчила горе и несчастіе всей своей жизни. А это было такъ... Послѣ эмансипаціи все какъ-то пошло подъ гору, и отъ привольной помѣщичьей жизни осталось одно воспоминаніе. Имѣнье было заложено, потомъ умерла мать, и Ракитины очутились въ Петербургѣ, гдѣ собралось столько голодныхъ и жаждущихъ изъ разоренныхъ помѣщичьихъ гнѣздъ. Женѣ было тогда уже двадцать лѣтъ, и на ней лежали всѣ хлопоты и заботы по дому, а между прочимъ, и воспитаніе маленькаго брата Данилы. Это былъ способный и ласковый мальчишъ, подававшій блестящія надежды. Когда теперь тета Жена вспомнила ма-

ленькаго Данилу, ей казалось, что онъ умеръ, а настоящій большой Данило совсѣмъ другой человѣкъ, неизмѣнчивъ ничего общаго съ тѣмъ маленькимъ чуднымъ мальчикомъ, котораго тетя Жена такъ горячо любила. Большой Данило никогда не узнаетъ, что тетя Жена изъ за него осталась старой дѣвушкой. Онъ не достоинъ это знать... А вѣдь тетя Жена тоже была молода, и ей сердце билось молодымъ чувствомъ. Больше—у тети Жени разыгрался цѣлый романъ. Это случилось вскорѣ послѣ переѣзда въ Петербургъ. Тетѣ Женѣ было всего двадцать лѣтъ. Она была красивая, бойкая, умная дѣвушка. За ней ухаживали. Ей нравился одинъ молодой человѣкъ. Разъ, когда онъ ее провожалъ изъ гостей домой, случилось нѣчто ужасное: онъ ее поцѣловалъ. И она не испытала ни отвращенія, ни негодованія, а только виновато опустила глаза. Вернувшись домой, тетя Жена опомнилась. Она не должна была этого позволять. На ея отвѣтственности была вся семья. Она тогда, какъ сегодня, прошла въ дѣтскую и надъ кроватью спавшаго десятилѣтняго Данилы дала себѣ вѣтву, что этого не повторится. Тетя Жена плакала и тогда, какъ плакала сегодня. Что было бы съ мальчикомъ, если бы она бросила семью для собственнаго счастья? Вѣдь она замѣняла мать.

Дальше уже какъ-то некогда было думать о себѣ. Отецъ былъ боленъ лѣтъ пять, и тетя Жена провела эти годы у его постели, какъ сидѣлка. Затѣмъ, братъ Данило росъ, а съ нимъ росли и новыя заботы. Его выгоняли изъ гимназій, съ нимъ вѣчно случались какія-нибудь исторіи, требовавшія самаго дѣятельнаго вмѣшательства тети Жени. Она ѣздила объясняться съ учителями, выслушивала попреки и замѣчанія, унижалась, и все-таки довела брата до университета. Здѣсь ея активная роль кончилась. Со второго курса Данило былъ уволенъ за нехождение на лекціи и уѣхалъ въ родную усадьбу хозяйничать. Этотъ ударъ для тети Жени являлся только началомъ другихъ ударовъ. Слѣдующимъ была женитьба Данилы на богатой дѣвушкѣ, сосѣдѣ по имѣнію. Бракъ былъ неудаченъ, и тетя Жена должна была ѣздить въ имѣніе для примиренія враждовавшихъ сторонъ.

Когда умеръ старикъ отецъ, тетя Жена очутилась въ полномъ одиночествѣ и рѣшительно не знала, куда ей дѣ-

ваться. Жить для себя было уже поздно... Ахъ, какое это ужасное чувство, чувство убыли жизни, того вынужденнаго отдыха, которому не предшествовалъ изнуряющій трудъ. Тетѣ Женѣ стало казаться, что она сдѣлала какую-то громадную и непоправимую ошибку, что она предъ чѣмъ-то виновата. А тутъ еще живыя иллюстраціи знакомыхъ дѣвушекъ, во-время сзумѣвшихъ выйти замужъ: у нихъ были свои гнѣзда, дѣти, счастливыя заботы, цѣль жизни. Былъ моментъ, когда тетя Женя стояла на краю мизантропіи и человѣконенавистничества, но ее спасъ неисправимый братецъ, который время отъ времени являлся изъ провинціи съ какой-нибудь новой бѣдой. Послѣдней ступенькой въ этой лѣстницѣ братниныхъ злоключеній было то, что у Данилы Евгеньевича умерла жена, оставивъ ему двухъ сиротъ. Для тети Жени это было спасеньемъ... Она прибрала сиротъ подъ свое крыло и почувствовала, что живетъ больше другихъ. Дѣти принесли съ собой таковой глубокой душевный миръ, наполнили все.

Данило Евгеньичъ очень любилъ дѣтей и увѣрялъ тетю Женю, что будетъ жить только для нихъ. Сначала онъ писалъ каждый день самыя горячія письма, потомъ эти письма стали получаться черезъ два дня, черезъ три, черезъ недѣлю, черезъ мѣсяць, и къ концу года совсѣмъ прекратились. Тетя Женя отлично понимала, что это значить—Данило Евгеньевичъ нашелъ новое помѣщеніе для своего нѣжнаго сердца и былъ переведенъ въ разрядъ легкомысленныхъ негодяевъ, гдѣ и оставался около года, пока не явился въ Петербургъ съ повинной.

— Я тебя презираю, — откровенно заявила тетя Женя. — И могу только удивляться твоей смѣлости показываться на глаза собственнымъ дѣтямъ.

Но Данило Евгеньевичъ такъ искренне раскаявался, такъ плакалъ и такъ смѣшно рассказывалъ о своихъ глупостяхъ. Эта дѣтская откровенность который разъ обезоруживала тетю Женю, и она начинала вѣрить въ возможность исправленія. Вѣдь для нея этотъ большой мужчина продолжалъ оставаться десятилѣтнимъ ребенкомъ. Онъ же съ своей стороны относился къ сестрѣ, какъ къ матери, и своей откровенностью убивалъ ее.

— Я ничего слышать не хочу!—протестовала теть Жєня.—Ты такія гадости рассказываєшь... Это чудовищно!..

Съ другой стороны, Данило Евгенъичъ сразу завоевывалъ дѣтей—именно, завоевывалъ. Онъ не дѣлалъ ничего особеннаго, но дѣти льнули къ нему, какъ заколдованныя. Теть Жєня чувствовала только одно, что достаточно этому ужасному человѣку сказать одно слово, и дѣти промѣняются еє. Это было какое-то стихійное тяготѣніє къ мужской силѣ.

Кончилось тѣмъ, что Данило Евгенъевичъ получилъ отпущеніє своихъ прегрѣшеній и, въ качествѣ раскаявшагося, былъ переведенъ въ разрядъ хорошихъ людей. Вѣдь, все-таки онъ былъ такой добрый и довѣрчивый, чѣмъ пользовались другіє злые люди.

III.

Теть Жєня забылась только къ утру. Ее разбудилъ какой-то необычный шумъ въ дѣтской. Голосъ старой няни бесильно пропадалъ въ общемъ гвалтѣ. Когда теть Жєня показала на порогѣ, представилась такая картина: посреди комнаты происходило настоящее ратоборство между братомъ и сестрой, а старая няня никакъ не могла разнять враждующія стороны.

— Дѣти, что такое случилось? Господи, что это такое...

— Мнѣ, мнѣ папа привезъ...—жалобно отозвалась дѣвочка.

— Нѣтъ, мнѣ!—съ бѣшенствомъ заявлялъ мальчикъ.— Мой папа...

— Нѣтъ, мой, мой, мой...

Вся сцена разрѣшилась слезами Кати. Мальчикъ что-то спряталъ за спиной, отодвинулся въ уголъ и принялъ позу человѣка, приготовившагося дорого продать свою жизнь. У него было такое злоє лицо. Перепуганная няня кое-какъ объяснила, въ чемъ дѣло. *Они*, т.-е. баринъ Данило Евгенъевичъ, вызвали еє вчера въ переднюю, когда изволили уходить, и подали какой-то свертокъ, чтобы утромъ передать дѣтямъ. Только и всего. Володя проснулся раньше и завладѣлъ сверткомъ, въ которомъ оказался самый страшный подарокъ: тюрьма, сдѣланная изъ картона. Да, настоящая тюрьма, съ желѣзными

рѣшетками и часовымъ у воротъ. Володя былъ въ восторгѣ и разбудилъ Катю. А тутъ и пошла исторія.

— Зачѣмъ же вы не показали сначала мнѣ, няня?— строго спросила тета Жена.

— Да, вѣдь, они просили прямо дѣтямъ...

— Хорошо. Я съ вами потомъ поговорю. Володя, дай сюда эту глупую игрушку...

Тетѣ Женѣ пришлось употребить насиліе, чтобы вырвать у Володи игрушку. Мальчикъ былъ не по лѣтамъ силенъ и оказалъ явное сопротивленіе.

— Это мнѣ папа привезъ...—повторялъ онъ, дѣлая злое лицо.— Да, папа...

— Хорошо, хорошо... Я съ тобой потомъ поговорю, дрянной мальчишка.

Дѣти еще никогда не видали тетю Женю въ такомъ гнѣвѣ. Она схватила несчастную игрушку, бросила на полъ и принялась топтать ногами. Лицо тети Жени покрылось красными пятнами, такъ что дѣти испугались.

— Въ печь!.. Въ печь!—кричала тета Жена, когда тюрьма представляла уже собой сплюсненную безформенную массу.— Господи, до чего я дожила... Володя, посмотри на себя въ зеркало. На кого ты похожъ...

— Онъ походить на папу,—отвѣтила плаксиво Катя.

Мальчикъ озлобленно молчалъ. Онъ, дѣйствительно, поразительно походилъ на отца, что тета Жена замѣтила только сейчасъ. И у того въ дѣтствѣ бывали такія же вспышки бѣшенства. Господи, неужели и этотъ будетъ повтореніемъ своего несчастнаго отца? Тетѣ Женѣ сдѣлалось такъ страшно, что она выбѣжала изъ дѣтской. Зло было уже въ домѣ, вотъ здѣсь... Оно проникало сквозъ стѣны. Тета Жена чувствовала себя бессильной, и у нея опускались руки. А до чего дошелъ тотъ—онъ не пощадилъ дѣтей, чтобы устроить ей демонстрацію. За что же?.. До какого нравственнаго паденія дошелъ человѣкъ, рѣшившійся на такую выходку... О, это ужасно, чудовищно—этому нѣтъ имени. Тета Жена заперлась въ своей спальнѣ, чтобы дѣти не видѣли ея слезъ.

Для тети Жени наступили тяжелые дни. Она походила теперь на магнитную стрѣлку, въ которой поднесли кусокъ желѣза. Впрочемъ, о самой себѣ она не думала, какъ всегда, но

за то рѣшилась защищать дѣтей до послѣдней капли крови. О, она ихъ не дастъ никому на свѣтъ...

Тетя Женья устроила изъ своей квартиры настоящую крѣпость, осажденную непріателемъ. Прислугѣ былъ отданъ строжайшій приказъ не впускать Данилу Евгеньевича ни подъ какимъ видомъ. Старая няня заняла сторожевой постъ. Дѣти больше не выходили гулять, какъ и сама тетя Женья. Необходимо было выиграть время, пока этотъ ужасный человѣкъ будетъ осужденъ самимъ закономъ. Тетя Женья каждое утро теперь получала цѣлый ворохъ газетъ, изъ которыхъ узнавала всѣ подробности готовившагося скандальнаго процесса. Героевъ его газеты уже называли полными именами.

А онъ, этотъ ужасный человѣкъ, видимо не оставлялъ мысли о дѣтяхъ. Бѣгавшая въ мелочную лавочку горничная видѣла, какъ онъ стоялъ вечеромъ на тротуарѣ и заглядывалъ въ освѣщенные окна. Ужаснѣе всего было то, что дѣти чувствовали его присутствіе. Тетя Женья знала это по безпокойству, которое охватывало ихъ. Особенно волновался Володя, хотя и старался скрыть свое настроеніе. Мальчишъ затаилъ уже сознательно мысль объ отцѣ и сталъ относиться къ воспитательницѣ съ недовѣріемъ. Дѣвочка была откровеннѣе, и только смотрѣла на тетю Женью испуганными глазами, въ которыхъ стояла мысль—вѣдь онъ, папа, здѣсь? Вѣдь папа придетъ? Боже мой, какъ мы мало знаемъ человѣческую природу, и сколько въ ней невѣдомыхъ тайнъ...

Нервы тети Жени достигли послѣдней степени напряженія. По ночамъ на нее нападалъ безпричинный страхъ, и она звала старую няню, чтобы та посидѣла у ея кровати.

— Няня, говори что-нибудь... Что хочешь, только говори.

Затѣмъ, проклятое дѣло шайки провинціальныхъ дѣльцовъ неудержимо тянуло къ себѣ тетю Женью, что начинало ее серьезно пугать. Утромъ она едва могла дожидаться газетъ и, какъ сыщикъ, розыскивала по всѣмъ столбцамъ новыя подробности. Дѣло все разрасталось, какъ катившійся съ горы комъ снѣга. Тетя Женья успѣла освоиться съ юридической терминологіей, и могла понимать даже то, чего не договаривали газеты. О, этотъ чуждый для нея міръ развертывался теперь предъ ея глазами во всей своей непривлекательной наготѣ. Она начала понимать ту другую, настоящую, жизнь, которая мутной

волной ватилась гдѣ-то совсѣмъ близко, рядомъ, унося съ собой людей, какъ мусоръ. Ея категоріи добра и зла подвергались большому искушенію... Оказывалось, что между добромъ и зломъ нѣтъ никакихъ предохранительныхъ перегородокъ. Наконецъ, тетя Жена, подавленная нарастающей горой зла, начала думать, что, можетъ быть, и она сама была бы не лучше другихъ, если бы ея жизнь сложилась нѣсколько иначе. Что, напримѣръ, думаетъ сейчасъ братецъ Данило? О, онъ убѣжденъ въ своей правотѣ, какъ и всѣ другіе... Винываты обстоятельства, которыя сложились немного не такъ, какъ имъ слѣдовало сложиться. И братецъ Данило даже былъ правъ съ своей точки зрѣнія, потому что въ его лицѣ тянули на скамью подсудимыхъ только ничтожную пылинку царящаго зла.

Черезъ двѣ недѣли тетя Жена начала чувствовать, что она сходитъ съ ума по настоящему. Ей слышались таинственные шаги, чей-то шепотъ, и ей казалось, что она тоже участница шайки. Да, вѣдь это будутъ судить ее, тетю Женю... Даже старушка няня, и та начинала смотрѣть на нее подозрительно. Тетя Жена это чувствовала и мучилась молча, какъ настоящій преступникъ.

— Ахъ, скорѣе бы!—съ тоской думала она, просыпаясь утромъ.

Наконецъ, наступили и роковые дни суда. Сначала тетя Жена не допускала и мысли о томъ, чтобы идти въ судъ, а потомъ ее неудержимо потянуло туда. Ей хотѣлось видѣть зло въ лицахъ, со всѣми подробностями. Она уже не отдѣляла брата Данилу отъ другихъ, у которыхъ были свои отцы, матери, братья, сестры, знакомые, и эти родственники и близкіе люди мучились такъ же, какъ мучилась она, тетя Жена.

Тетя Жена въ залѣ суда. Толпа любопытной публики, среди которой такъ не трудно было узнать тѣхъ близкихъ людей, которые мучились вмѣстѣ съ ней. Да, они шли по той же дорогѣ... Вотъ и роковая скамья подсудимыхъ, а на ней цѣлое гнѣздо правонарушителей. Тетя Жена едва узнала брата Данилу, который какъ-то затерялся въ этой толпѣ.

Судъ продолжался цѣлыхъ три дня. Изнемогли судьи, присяжные, адвокаты, подсудимые, публика, и всѣ жаждали только одного, чтобы вся эта пытка закончилась чѣмъ-нибудь. Тетя Жена переродилась за эти дни, точно предъ ея глазами раз-

вертывалась листъ за листомъ черная книга жизни, которой она совсѣмъ не знала. Пощады не было, и вещи назывались ихъ настоящими именами. Ясно было одно, что всѣ подсудимые были одержимы мучительной жаждой жизни и не оставались для ея утоленія ни предъ чѣмъ. Въ сущности братъ Данило игралъ въ дѣлѣ второстепенную, и довольно жалкую, роль, хотя тетя Женья и вздрагивала каждый разъ, когда называлась фамилія Ракитина. Больше ничего не оставалось...

Подъ конецъ тетя Женья слушала и смотрѣла на все и на всѣхъ почти равнодушно. Она была увѣрена въ обвинительномъ вердиктѣ, и только могла удивляться, что все это тянется такъ мучительно долго.

Наступилъ, наконецъ, и роковой часъ. Присяжные удалились для совѣщанія. Тетя Женья смотрѣла на подсудимыхъ такими глазами, какъ смотрятъ на покойниковъ. Неужели эти люди могли еще надѣяться на что-нибудь? Наконецъ, присяжные вынесли вердиктъ. Публика замерла. Тетя Женья плохо понимала, что читалъ старшина присяжныхъ. Въ публикѣ слышались подавленные рыданія. Какая-то женщина вскрикнула и упала въ обморокъ. Потомъ предсѣдатель кому-то сказалъ:

— Господа, вы оправданы...

Со скамьи подсудимыхъ отдѣлилось нѣсколько лицъ и шли въ публику. Тетя Женья увидѣла, что въ числѣ оправданныхъ шелъ и братъ Данило. Онъ радостно улыбался и шелъ прямо къ ней, протягивая руки. Но она вспомнила дѣтей, опустила глаза и не подала руки.

— Да, виновенъ...— говорили эти опущенные глаза, твердо сложенные губы и вся фигура тети Жени.

Данило Евгеньичъ остановился, посмотрѣлъ на сестру, понялъ все и вышелъ изъ залы съ опущенной головой. Его осудило самое любящее сердце и онъ еще никогда не чувствовалъ себя настолько виновнымъ, точно самыя стѣны кричали: да, виновенъ... виновенъ.

Д. Маминъ-Сибирякъ.

ИВАНЪ СЕРГѢВИЧЪ ТУРГЕНЕВЪ.

(Продолженіе *).

III.

По возвращеніи изъ заграницы Тургеневъ прежде всего думалъ продолжать научную дѣятельность. Въ началѣ 1842 года онъ обратился въ Московскій университетъ съ просьбой—допустить его къ испытанію на степень магистра философіи. Просьба кандидата Тургенева повергла университетскую администрацію въ безвыходное затрудненіе. Каедрѣ философіи въ Московскомъ университетѣ не существовала съ 1826 года. Въ этомъ году преподаватель философіи И. И. Давыдовъ прочелъ вступительную лекцію, составленную по Шеллингу «*О возможности философіи, какъ науки*». Лекція и конспектъ предполагаемаго курса не понравились высшему начальству. Давыдову было поручено сначала преподаваніе чистой математики, а потомъ по смерти Мерзлякова — русской словесности. Каедрѣ философіи оставалась незанятою, хотя по временамъ читалась логика для студентовъ перваго курса. По поводу прошенія Тургенева возникла переписка между университетомъ и попечителемъ, такъ какъ факультетъ затруднялся экзаменовывать кандидата на магистерскую степень по каедрѣ, остающейся незанятою въ теченіе пятнадцати лѣтъ вслѣдствіе усмотрѣнія высшаго начальства. Переписка не привела ни къ какому результату, а прошеніе Тургенева осталось безъ послѣдствій ²⁴⁾.

Эта попытка Ивана Сергѣевича превратилась въ ученаго возбудила немалое удивленіе въ обществѣ, близко его знавшемъ. Тургеневъ производилъ впечатлѣніе, совершенно противорѣчившее его замысламъ.

Въ одномъ изъ писемъ Тургеневъ говоритъ: «Какой я былъ бы художникъ (не говорю уже: человѣкъ), если бы не понималъ, что самоувѣренность, преувеличеніе, извѣстнаго рода фраза и поза,

*) См. «Міръ Божій» № 1, январь 1895 г.

²⁴⁾ Р. От. XXVIII, 146—7.

даже нѣкоторый цинизмъ составляютъ неизбѣжную принадлежность молодости? ²⁵⁾).

Этими словами Тургеневъ характеризовалъ извѣстный періодъ въ жизни своей и громаднаго большинства своихъ сверстниковъ. Романтическіе, туманные порывы молодости часто складываются въ весьма причудливыя формы. Юноша не въ силахъ справиться съ дѣйствительностью, просто отнестись къ окружающей жизни, трезвыми глазами взглянуть на происходящія кругомъ явленія. Все это будто запутано въ какую-то поэтическую дымку—грезъ, странныхъ образовъ, восторженныхъ чувствъ. Юноша гораздо больше мечтаетъ, воображаетъ, чѣмъ мыслить и судить съ точки зрѣнія холоднаго разсудка. И картины личной фантазіи кажутся ему несравненно болѣе реальными явленіями, чѣмъ сама дѣйствительная жизнь. Этими годами управляетъ поэзія, а не правда.

Такой романтическій періодъ переживаетъ всякій, кто одаренъ обильнымъ запасомъ нравственныхъ силъ. Только духовнохудосочные бѣдняки душою и сердцемъ не знаютъ этого ранняго тумана молодости. Для нихъ жизнь съ самаго начала тянется скучной, прозаической, будничной полосой. Но чѣмъ богаче организмъ, чѣмъ больше задатковъ таится въ немъ, тѣмъ явственнѣе сказывается романтическое настроеніе, юношеская игра въ поэтическіе призраки и вымыслы.

Тогда является обыкновенно излюбленный герой: ему поклоняются, ему подражаютъ, стремятся слить свою личность съ идеаломъ. Такимъ героемъ въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія для молодежи всего культурнаго міра былъ байроновскій герой разочарованія, презрѣнія къ людямъ, герой необъятныхъ силъ и мощныхъ замысловъ. Сколько жертвъ принесено этому кумиру! Вспомните біографію Пушкина, Лермонтова... Вспомните это юношеское пламенное желаніе во что бы то ни стало щеголять въ чайльдъ-гарольдовомъ плащѣ, клеймить окружающихъ пигмеевъ презрѣньемъ, вести себя на манеръ высшаго избраннаго существа. Вспомните эти бурныя выходки юнаго Пушкина въ обществѣ солидныхъ людей, его начальниковъ. Чѣмъ это общество солиднѣе, тѣмъ выходки байронствующаго героя будутъ смѣлѣе, отчаяннѣе, эксцентричнѣе. Молодой поэтъ будетъ поражать собесѣдниковъ вольнодумными идеями, пылкими проявленіями своей личной оригинальности, своего исключительнаго образа мыслей. И его будетъ тѣшить всеобщее изумленіе, негодованіе. Въ его глазахъ это будетъ борьба, вызовъ пошлѣму, погрязшему въ традиціяхъ, обществу...

²⁵⁾ *P. См.* XL, 222.

То же самое съ Лермонтовымъ,—и на этотъ разъ припадки оригинальности еще рѣзче, еще стремительнѣе. Гарольдовъ плащъ гераздо больше подходилъ къ натурѣ автора *Героя нашего времени*, чѣмъ творца *Евгенія Онегина*. Но сущность одна и та же: игра въ маскарадъ, въ преувеличенныя чувства, въ парадоксальныя идеи... Много надо проникательности, знанія человѣческаго сердца, и еще больше—высокаго гуманнаго чувства, чтобы, за маскарадной внѣшностью, распознать броженіе великихъ силъ и чтобы ради этихъ силъ простить юношескія увлеченія и крайности.

Тургеневъ не могъ миновать этого періода. Не даромъ онъ написалъ драму въ подражаніе «Манфреду» Байрона. Въ немъ самомъ жили элементы подражанія, той самой театральной игры, какая неизбѣжно увлекала молодежь. Игра въ натурѣ Тургенева должна была найти особенно благодарную почву. Онъ былъ одаренъ громадной силой воображенія, художественные образы, красивые, эффектные вымыслы складывались у него безъ всякихъ личныхъ усилій,—и развѣ можно было противостоять обаянію этихъ золотыхъ словъ! Онъ, кромѣ того, и въ самомъ дѣлѣ зналъ много, о многомъ думалъ, являлся въ полномъ смыслѣ выдающимся молодымъ человѣкомъ. Это чувствовалось всѣми, не могъ этого не чувствовать и самъ Иванъ Сергѣевичъ.

И вотъ, всюду, куда бы ни являлся молодой питомецъ западнаго университета, неизбѣжно происходить однѣ и тѣ же сцены. Какой бы вопросъ ни подняли, какую бы тему ни затронули, Тургеневъ непремѣнно завладѣетъ и вопросомъ, и темой единолично и начнетъ развивать свои воззрѣнія съ поразительнымъ, врядъ ли еще кому доступнымъ, искусствомъ. Вереница блестящихъ идей, разнообразнѣйшихъ свѣдѣній и, прежде всего, художественнѣйшихъ образовъ подавляетъ слушателей. Самъ ораторъ испытываетъ неописанное наслажденіе, пока создаетъ волшебную ткань,—и всѣ слушаютъ его, точно очарованные. Но въ результатѣ оказывается, что блестящаго юношу интересовалъ не самый предметъ разговора, а процессъ собственныхъ разсужденій и болѣе всего впечатлѣнія слушателей. Онъ стремится скорѣе поразить ихъ новизной, оригинальностью, полнѣйшей неожиданностью взглядовъ и выводовъ, чѣмъ дѣйствительно убѣдить ихъ въ чемъ бы то ни было. Его преслѣдуетъ одна мысль—во что бы то ни стало не походить на другихъ, выдѣлиться изъ общаго круга парадоксомъ, исключительной выходкой, эффектомъ бесѣды. И онъ достигаетъ этой цѣли, но цѣною серьезной жертвы: на него начинаютъ смотрѣть, какъ на легкомысленнаго краснобая, ни въ чемъ не убѣжденнаго, ни о чемъ серьезно не размышляющаго, а занятаго исключительно

разыгрываніемъ ослѣпительнаго спектакля. Тургеневъ будто преднамѣренно поддерживаетъ эту репутацію. Онъ усваиваетъ спеціальныя манеры, даже особенное выраженіе лица, совершенно не соответствующее его мягкой сердечной натурѣ, высказываетъ замѣчанія, невѣроятныя съ точки зрѣнія обычнаго здраваго смысла, напримѣръ, передъ великими произведеніями искусства—живописи, скульптуры, музыки—онъ чувствуетъ по его словамъ, зудъ подъ колѣнами... Однимъ словомъ, юноша *гемиальничаетъ* и возбуждаетъ у людей серьезныхъ и уравновѣшенныхъ чувство пренебреженія и даже негодованія. Многимъ ли приходитъ на умъ разобраться во внѣшнихъ впечатлѣніяхъ и посмотрѣть безпристрастными глазами на сущность дѣла? Напротивъ, большинство старается подхватить промахи юноши, запоминаетъ ихъ, сообщаетъ имъ злостное распространеніе среди знакомыхъ и незнакомыхъ.

А между тѣмъ, помимо всѣхъ общихъ основаній, у молодого Тургенева была еще своя личная причина—играть роль, и причина не только совершенно уважительная, но въ полномъ смыслѣ драматическая.

Недоразумѣнія съ матерью у Ивана Сергѣевича начались немедленно по возвращеніи его изъ заграницы. Варвара Петровна подъ старость, повидимому, все болѣе изоцрялась въ крѣпостническихъ причудахъ. Деспотизмъ ея пріобрѣталъ все болѣе мрачный характеръ, близкимъ людямъ жизнь часто становилась невыносимой пыткой. Иванъ Сергѣевичъ большую часть времени жилъ въ Петербургѣ и только лѣтомъ пріѣзжалъ въ Спасское. Эти пріѣзды были настоящими праздниками для подневольнаго деревенскаго міра, хотя положительной пользы выходило мало. Очевидецъ рассказываетъ: «Всѣ его любили, всякій въ немъ чуялъ *своею* и душой былъ преданъ ему, вѣруя въ его доброту, которая въ домѣ матери не смѣла, однако, проявляться открыто въ защиту кого-либо. Но тѣмъ не менѣе, когда онъ пріѣзжалъ, говорили: «Нашъ ангелъ, нашъ заступникъ ѣдетъ».

Иванъ Сергѣевичъ до послѣдней степени щадилъ свою мать и никогда не высказывалъ ей рѣзко своихъ поученій. По возвращеніи изъ заграницы онъ осыпалъ ее нѣжнѣйшими ласками, каждое приключеніе съ ней, малѣйшее подозрѣніе, что съ ней можетъ случиться какая-либо неприятность, повергали его въ настоящее отчаяніе. Но мать дурно поддерживала эти чувства. Иванъ Сергѣевичъ, напримѣръ, умолялъ ее отпустить на волю Кудряшева. Кудряшевъ успѣлъ пріобрѣсти заграницей основательныя медицинскія познанія и, по возвращеніи на родину, усердно продолжалъ заниматься любимымъ предметомъ. Тургеневъ не могъ выносить

крѣпостнаго положенія этого способнаго и во всѣхъ отношеніяхъ достойнаго человѣка.

— Сними ты съ него это ярмо!—умолялъ онъ мать.—Клянусь тебѣ, что онъ тебя не броситъ, пока ты жива. Дай ты ему только сознаніе того, что онъ человѣкъ, не рабъ, не вещь, которую ты можешь по своему произволу, по одному капризу упечь куда и когда захочешь!

Варвара Петровна оставалась непреклонна. Не мало происходило разговоровъ у сына съ матерью и вообще о крѣпостномъ правѣ. Сынъ изъ силъ выбивался доказать матери всю унижительность рабскаго положенія человѣка, подавленнаго однимъ чувствомъ—страхомъ. Варвара Петровна рѣшительно отказывалась понять эти разсужденія. Тогда Иванъ Сергѣевичъ начиналъ грозить ей близкимъ концомъ позорныхъ порядковъ. Это совершенно выводило помѣщицу изъ границъ терпѣнія,—и она осыпала жестокой бранью и упреками сына и его пророчества.

Разговоры эти, конечно, нисколько не измѣняли къ лучшему положенія подданныхъ Варвары Петровны. Напротивъ, она недовольство сына старалась объяснить наговорами дворовыхъ и усердно искала, кто изъ прислуги могъ пожаловаться на нее сыну. При такихъ условіяхъ, очевидно, были бесполезны всякія убѣжденія. Потерпѣвшимъ лицомъ оказался самъ Иванъ Сергѣевичъ. Мать постепенно сократила ему содержаніе, и въ результатѣ предоставила его почти исключительно собственнымъ силамъ.

Ея гнѣвъ былъ въ сильной степени подогрѣтъ старшимъ сыномъ, Николаемъ Сергѣевичемъ. Вскорѣ послѣ возвращенія Ивана Сергѣевича изъ заграницы—зимой въ 1841 году—его братъ женился на Аннѣ Яковлевнѣ Шварцъ, бѣдной дѣвушкѣ, проживавшей въ тургеневскомъ домѣ. Этотъ бракъ страшно поразилъ Варвару Петровну, она окончательно перестала высылатъ деньги Николаю Сергѣевичу; тотъ принужденъ былъ выйти изъ военной службы, и поступилъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Семья увеличивалась—и онъ впослѣдствіи принужденъ былъ давать уроки французскаго языка. Варвара Петровна оставалась совершенно равнодушной къ участи своего сына и его семьи.

Иванъ Сергѣевичъ также нанесъ ей чувствительную обиду. Около Пасхи 1843 г. въ Петербургѣ появилась поэма *Параша* ²⁶⁾.

²⁶⁾ Житова говорить, будто И. С. привезъ въ Спасское *Парашу* лѣтомъ въ 1841 году. Это—ошибка. Но дальнѣйшія сообщенія о томъ, какъ было принято сочиненіе И. С.—ча въ Спасскомъ, несомнѣнно достовѣрны... «Впечатлѣнія особеннаго оно не произвело. Маленькая книга въ голубой оберткѣ валялась на одномъ изъ столиковъ кабинета его матери, и, сколько мнѣ

Авторъ скрылъ свое имя за инициалами Т. Л.: это означало Тургеневъ - Лутовиновъ. Сначала Варвара Петровна не обратила особеннаго вниманія, когда сынъ представилъ ей свое произведеніе, но не могла не выразить своего неудовольствія. Въ ея планы совершенно не входили литературныя занятія сына. Эти занятія она считала прямо предосудительными для молодого человѣка благороднаго происхожденія. Жуковскаго она уважала только потому, что онъ былъ близокъ ко двору. «По моему», говорила она сыну, «*écrivain ou gratte-papier est tout un*» (писатель и писецъ одно и тоже). И тотъ и другой за деньги бумагу мараютъ... Дворянинъ долженъ служить и составить себѣ карьеру и имя службой, а не бумагомараніемъ... Опредѣлился бы ты на настоящую службу, получалъ бы чины, а потомъ и женился бы; вѣдь ты теперь одинъ можешь поддержать родъ Тургеневыхъ!..»

Въ страшный гнѣвъ пришла Варвара Петровна, когда сынъ сообщилъ ей, что на одно изъ его сочиненій написана критика. Она не могла допустить, чтобы «дворянина» судилъ «какой-нибудь поповичъ», и при этомъ литературную дѣятельность Ивана Сергѣевича объявила такимъ же преступленіемъ, какъ и самовольный бракъ старшаго сына.

А между тѣмъ Тургеневу предстояло разрѣшить дилемму: или угодить матери и совершенно оставить литературу, или остаться почти безъ всякихъ средствъ. Варвара Петровна крайне скупо помогала сыну, вѣроятно, вынуждая его поступить на службу и жениться. О женитьбѣ Иванъ Сергѣевичъ и слышать не хотѣлъ, но служить попытался.

Въ 1842 году онъ является чиновникомъ особыхъ порученій въ канцеляріи министерства внутреннихъ дѣлъ. Ближайшимъ начальникомъ его былъ извѣстный писатель В. Даль, директоръ канцеляріи министра Перовскаго. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, именно Даль и уговорилъ Тургенева поступить къ нему на службу ²⁷⁾. Опытъ продолжался не долго. Даль—прямолинейный, строгій служака не давалъ покою Ивану Сергѣевичу начальническими выговорами за неаккуратность по службѣ. Тургеневъ принужденъ былъ выйти въ отставку, и уже больше не возобновлялъ служебной карьеры.

Все это должно было крайне огорчать Варвару Петровну, и она по своему мстила сыну. Матеріальное положеніе Тургенева бывало

помнится, толковъ мало было о ней. Единственное, что изъ нея было извлечено и повторялось, это гдѣ-то сказанныя слова: «въ порядочныхъ домахъ квасу не пьютъ». На основаніи этихъ словъ квасъ былъ изгнанъ со стола... В. Е. *Иб.*, 100.

²⁷⁾ Д. В. Григоровичъ. *Р. Мысль*, янв. 1893.

часто безнадежнымъ. Онъ жилъ въ четвертомъ этажѣ громаднаго дома на Стремянной улицѣ. Хозяйство его шло крайне плохо. Комната оставалась нетопленной, для гостей не оказывалось чая: прислуга пользовалась крайнимъ добродушіемъ Ивана Сергѣевича и его непрактичностью. Онъ часто нуждался буквально въ копѣйкахъ, чтобы заплатить извозчику, не имѣлъ возможности угостить пріятелей бутылкой вина. Легко представить, съ какой горечью чувствовалъ Тургеневъ свою нужду! Всѣмъ было извѣстно, что онъ сынъ богатой семьи, и онъ больше всего боялся, чтобы не раскрыли тайны его бѣдности и не оскорбили нареканіями матери. Сколько усилій приходилось тратить, чтобы ловко ускользнуть отъ подозрѣнія товарищей, искусно разыграть роль богатаго барина, не имѣя въ карманѣ ни копѣйки денегъ! Здѣсь призывалось на помощь множество уловокъ: развязность рѣчей, стремленіе играть первенствующую роль въ пріятельскихъ компаніяхъ, фальшивая расточительность, побуждавшая Тургенева не отставать отъ затѣйливыхъ похожденій и удовольствій и уклоняться незамѣтно отъ расплаты... Таковыми средствами удавалось отводить глаза, но все это должно было оставлять въ душѣ юноши невыразимо тяжелыя и горькія впечатлѣнія...

Вотъ настоящий мотивъ, заставлявшій Ивана Сергѣевича во что бы то ни стало разыгрывать всевозможныя роли байроническаго пошиба. Для игры требовалось тѣмъ больше притворства и ухищреній, что отъ природы Тургеневъ одаренъ былъ неисчерпаемымъ благодушіемъ, искренностью, простотой. Ему ли было притворяться Манфредомъ, Донъ-Жуаномъ, Чайльдъ-Гарольдомъ! А между тѣмъ притворяться было необходимо, и напускная злость и свобода языка выражались въ безобидной формѣ, но для обидчивыхъ людей крайне непріятной. Иванъ Сергѣевичъ обнаруживалъ въ молодости большую склонность къ эпиграммамъ.

Это—общій вкусъ у многихъ нашихъ поэтовъ—у Лермонтова, Пушкина,—вкусъ, совершенно естественный, въ сущности неимѣющій ничего общаго съ какими бы то ни было злыми чувствами. Эпиграммы направлялись на людей близкихъ и искренно любимыхъ самимъ авторомъ эпиграммъ. Это было просто взрывомъ юношескаго шаловливаго остроумія, отчасти, конечно, тѣшившаго юношеское пристрастіе къ своевольному, иногда рѣзкому, выраженію настроеній.

Эпиграммы сочиняли всѣ, кто умѣлъ, у кого была склонность къ ѣдкому сатирическому остроумію. Самъ Тургеневъ былъ предметомъ такого рода упражненій со стороны пріятелей и ни на минуту не думалъ обижаться и мстить. Много глѣтъ спустя Тургеневъ припоминалъ эпиграммы, ходившія въ его пріятельскомъ кружкѣ,

въ томъ числѣ эпиграмму, сочиненную на кн. Влад. Фед. Одоевскаго—личность, въ высшей степени симпатичную, всѣми любимую и уважаемую. Кн. Одоевскій отличался невѣроятной разсѣянностью—отсюда насмѣшки и остроты. Тургеневъ вспоминалъ и свои эпиграммы—на Дружинина, на Кетчера, на нѣкоторыхъ петербургскихъ и московскихъ ученыхъ. Никто не думалъ сердиться за эти блестящіе остроумія, Дружининъ, напримѣръ, первый смѣялся эпиграммѣ, написанной на его европейскія замашки. Одинъ только Достоевскій былъ жестоко уязвленъ стихами Тургенева, приписалъ ихъ литературной зависти, — и не преминулъ затаить злобное чувство... ²⁸⁾).

Намъ представится не одинъ случай убѣдиться, что именно чувство писательской зависти менѣе всего было доступно Ивану Сергѣевичу; напротивъ, онъ искренне искалъ литературныхъ связей, и если находилъ сердечный отвѣтъ на свои поиски—привязывался къ человѣку со всею горячностью молодого идеализма. Таковы отношенія Тургенева къ Бѣлинскому.

Имя Бѣлинскаго стало извѣстно Тургеневу весьма рано, со времени критики въ *Молотъ* и *Телескопъ*. Мы видѣли, какое впечатлѣніе произвела на юнаго студента статья Бѣлинскаго о Бенедиктовѣ. Слухи о Бѣлинскомъ въ Петербургѣ носили сплетническій характеръ. Были недовольны рѣзкими приемами критика, ставили ему въ укоръ даже его плебейское происхожденіе, говорили, что онъ недоучившійся казенный студентъ, выгнанный изъ университета за развратное поведеніе, увѣряли, что и наружность его самая ужасная: это какой-то циникъ, бульдогъ, пригрѣтый Надеждинымъ съ цѣлю травить имъ своихъ враговъ, упорно и какъ бы въ укоризну называли его «Бѣлинскимъ»!.. Голоса въ пользу Бѣлинскаго представляли исключительное явленіе... При такихъ условіяхъ со стороны Тургенева требовалась большая доля самостоятельности, чтобы обратиться къ Бѣлинскому по поводу своего только что вышедшаго произведенія—поэмы *Параша*.

Бѣлинскій переѣхалъ въ Петербургъ въ октябрѣ 1839 года, и вскорѣ его статьи появились въ *Отечественныхъ Запискахъ*. Тургеневъ отнесъ ему свою поэму и уѣхалъ въ деревню. Это происходило весной въ 1843 году. Въ майской книжкѣ журнала появилась статья Бѣлинскаго. «Онъ такъ благосклонно отозвался обо мнѣ», пишетъ Тургеневъ, «такъ чудно хвалилъ меня, что, помнится, я почувствовалъ больше смущенія, чѣмъ радости. Я не

²⁸⁾ Нѣсколько эпиграммъ приведено у г. Полонскаго, I. с., 526—9, здѣсь же и эпиграмма на Достоевскаго.

могъ повѣрить, и когда въ Москвѣ покойный Кирѣевскій (И. В.) подошелъ ко мнѣ съ поздравленіями, я поспѣшилъ отказаться отъ своего дѣтища, утверждая, что сочинитель *Парашу* не я».

Бѣлинскій не только признавалъ литературныя достоинства юношескаго произведенія Тургенева, но находилъ возможнымъ на основаніи поэмы дѣлать выводы относительно характера и духовнаго развитія автора. «Что мнѣ за дѣло до промаховъ и излишества Тургенева»,—говаривалъ онъ,—«Тургеневъ написалъ *Парашу*: пустые люди такихъ вещей не пишутъ». Нѣкоторыми мѣстами поэмы Бѣлинскій восторгался и въ частныхъ бесѣдахъ рекомендовалъ автора знакомымъ, какъ несомнѣнно талантливаго юношу. Скоро между авторомъ поэмы и критикомъ завязалась тѣсная дружба ²⁹⁾.

Тургеневъ, по возвращеніи въ Петербургъ, отправился къ Бѣлинскому, и знакомство началось. Бѣлинскій поселился на дачѣ въ Лѣсномъ, Тургеневъ нанялъ дачу въ Первомъ Парголовѣ и до самой осени почти каждый день посѣщалъ Бѣлинскаго. «Я полюбилъ его искренно и глубоко», пишетъ Иванъ Сергѣевичъ въ своихъ *Воспоминаніяхъ*, «онъ благоволилъ ко мнѣ». Тургеневъ нѣсколько неточно помнитъ о началѣ своего знакомства съ Бѣлинскимъ. Знакомство началось *раньше* гдѣта 1843 года,—въ концѣ 1842 года или въ началѣ слѣдующаго. Уже 31-го марта 1843 года, Бѣлинскій пишетъ Боткину слѣдующее объ этомъ знакомствѣ:

«Т—въ очень хорошій человекъ, и я легко сближаюсь съ нимъ. Въ немъ есть злость, и жолчь, и юморъ, онъ глубоко понимаетъ Москву и такъ воспроизводитъ ее, что я пьянѣю отъ удовольствія... Т. немного нѣмецъ...» ³⁰⁾.

Дальше характеристика еще опредѣленнѣе:

«Я нѣсколько сблизился съ Т—вымъ. Это человекъ необыкновенно умный, да и вообще хорошій человекъ. Бесѣда и споры съ нимъ отводили мнѣ душу. Тяжело быть среди людей, которые или во всемъ соглашаются съ тобою, или, если противорѣчатъ, то не доказательствами, а чувствомъ и инстинктомъ,—и отрадно встрѣтить человека, самобытное и характерное мнѣніе котораго, сшибаясь съ твоимъ, извлекаетъ искры. У Тургенева много юмору. Я, кажется, уже писалъ тебѣ, что разъ, въ спорѣ противъ меня за нѣмцевъ, онъ сказалъ мнѣ: да что вапъ русскій человекъ, который не только шапку, да и мозгъ-то свой носить на бекрепъ! Вообще, Русь онъ понимаетъ. Во всѣхъ его сужде-

²⁹⁾ Анненковъ. *Молодость И. С. Тургенева*. В. Е. 1884, февр. 455.

³⁰⁾ Г. Пыпявъ. *Бѣлинскій, его жизнь и переписка*. Спб. 1876, II, 129

ніяхъ виденъ характеръ и дѣйствительность. Онъ врагъ всего неопредѣленнаго, къ чему я, по слабости характера и неопредѣленности натуры и дурнаго развитія, довольно падокъ».

Этотъ отзывъ въ высшей степени важенъ для насъ. Очевидно, никакія юношескія причуды Тургенева, ни даже его погоня за оригинальностью не помѣшали Бѣлинскому составить ясное и справедливое представленіе объ его несомнѣнныхъ достоинствахъ. Даже качество, о которомъ Бѣлинскій говоритъ, повидимому, съ нѣкоторой ироніей, пристрастіе Тургенева къ нѣмецкому, — оказалось очень цѣннымъ и любопытнымъ для критика. На этотъ разъ Бѣлинскій могъ черпать идеи нѣмецкой философіи изъ достовѣрнаго и чистаго источника.

Бѣлинскій на первыхъ же порахъ почтилъ Тургенева своей откровенностью, бесѣдовалъ съ нимъ о своей литературной дѣятельности, подвергалъ безжалостной критикѣ свои раннія увлеченія, открыто сознавался въ своихъ ошибкахъ. Тургенева не могла не поразить въ Бѣлинскомъ такая честность отношенія къ самому себѣ, своимъ дѣйствіямъ и убѣжденіямъ. Иванъ Сергѣевичъ съ первыхъ встрѣчъ долженъ былъ почувствовать восторженное удивленіе къ этому благороднѣйшему рыцарю мысли и общественной дѣятельности.

Встрѣчи Тургенева съ Бѣлинскимъ происходили въ теченіе четырехъ зимъ, съ 1843 по 1846 годъ, и особенно часто предъ началомъ 1847 года, когда Тургеневъ отправился надолго за границу. Кромѣ этихъ зимъ, Тургеневъ провелъ съ Бѣлинскимъ еще лѣто, вѣроятно, въ 1844 году, такъ какъ лѣтомъ въ 1843 году Бѣлинскій жилъ въ Москвѣ. Въ 1844 году Бѣлинскій былъ уже семьяниномъ и жилъ на дачѣ въ Лѣсномъ.

Вышеприведенный рассказъ Ивана Сергѣевича относится, по всей вѣроятности, именно къ лѣту 1844 года. Друзья много гуляли по сосновымъ рошицамъ, окружающимъ Лѣсной Институтъ. Во время этихъ прогулокъ происходили длинныя и оживленныя бесѣды. Предметъ этихъ бесѣдъ легко угадать. Для Бѣлинскаго общество Тургенева было драгоцѣннѣйшимъ приобрѣтеніемъ. Въ *Воспоминаніяхъ* Тургеневъ пишетъ: «Со мной онъ говорилъ особенно охотно потому, что я недавно вернулся изъ Берлина, гдѣ въ теченіе двухъ семестровъ занимался Гегелевской философіей и былъ въ состояніи передать ему самые свѣжіе, послѣдніе выводы. Мы еще вѣрили тогда въ дѣйствительность и важность философическихъ и метафизическихъ выводовъ, хотя ни онъ, ни я, мы нисколько не были философами и не обладали способностью мыслить

отвлеченно, чисто на нѣмецкій манеръ... Впрочемъ, мы тогда въ философіи искали всего на свѣтѣ, кромѣ чистаго мышленія».

Они искали разрѣшенія величайшихъ вопросовъ, искони преслѣдующихъ человѣка, особенно въ молодости. Они разсуждали о значеніи жизни, о происхожденіи міра, о безсмертіи души. Извѣстенъ разсказъ Тургенева объ одной изъ такихъ бесѣдъ. Друзья увлеклись слишкомъ продолжительной бесѣдой. Жена умоляла мужа и его друга — хотя на время прервать пренія. Тургеневъ готовъ былъ уступить, тогда Бѣлинскій въ негодованіи воскликнулъ: «Мы не рѣшили еще вопроса о существованіи Бога, а вы хотите ѣсть»...

И въ этомъ восклицаніи звучало глубочайшее чувство, истинно идеальное увлеченіе вопросомъ,—увлеченіе, граничащее съ болью, мукой...

На Тургенева личность Бѣлинскаго производила чарующее впечатлѣніе. «На меня дѣйствовали только энтузіастическія натуры», писалъ тридцативосьмилѣтній Тургеневъ про свою молодость ³¹⁾. Бѣлинскій былъ именно такой натурой. «Искренность его дѣйствовала на меня», рассказываетъ Тургеневъ, «его огонь сообщался и мнѣ»...

Этому огню не суждено было погаснуть. Тургеневу и послѣ смерти Бѣлинскаго казалось, что одно имя великаго критика должно зажигать сердца. Онъ недоволенъ, встрѣтивъ въ журналѣ дѣльную, очень умную, безпристрастную, но *холодную* статью о Бѣлинскомъ. Онъ не можетъ допустить мысли, чтобъ объ этомъ человѣкѣ можно было писать съ «тусклымъ безпристрастіемъ». По его мнѣнію это искусно испеченные пироги съ «нѣтомъ»... ³²⁾. Такая оцѣнка ниже Бѣлинскаго,—этой пламенной благородной натуры, вѣчно возбужденной, проникнутой неуклоннымъ мужествомъ и энергіей. Для самаго Тургенева было высшимъ счастьемъ вызвать дорогую тѣнь, побыть съ ней въ своихъ *Воспоминаніяхъ*, обратиться къ ней съ восторженнымъ привѣтствіемъ:

Человѣкъ онъ былъ!..

Бѣлинскій оставилъ глубокое впечатлѣніе въ памяти Тургенева не только своею личностью. Критика Бѣлинскаго осталась руководящей для Тургенева на всю жизнь. Послѣ благосклоннаго отзыва о *Парашѣ* Бѣлинскій будто охладѣлъ къ литературной дѣятельности своего друга. А Тургеневъ между тѣмъ написалъ довольно много стихотвореній и поэмъ. Бѣлинскій, повидимому, не поощрялъ

³¹⁾ *Письма*, 33.

³²⁾ *Письма*, 37, 43.

этого творчества и, по словамъ Тургенева, не могъ этого дѣлать. «Впрочемъ», прибавляетъ Иванъ Сергѣевичъ, «я скоро догадался самъ, что не предстояло никакой надобности продолжать подобныя упражненія — и возымѣлъ твердое намѣреніе вовсе оставить литературу».

Это намѣреніе возникло до перваго разсказа изъ *Записокъ Охотника*. Тургеневымъ были напечатаны въ *Отечественныхъ Запискахъ*: *Неосторожность*, драматическій очеркъ въ одномъ дѣйствіи, разсказъ *Андрей Колосовъ*, *Безденежье*, сцены изъ петербургской жизни молодого дворянина и въ *Петербургскомъ Сборникѣ*—очеркъ *Три портрета*. Кромѣ того, въ печати появились критическія статьи о *Фаустѣ* въ переводѣ Бронченко и о драмѣ Геденова—*Смерть Ляпунова*. Публика отнеслась ко всѣмъ этимъ произведеніямъ довольно равнодушно. О разсказѣ *Андрей Колосовъ* Тургеневъ писалъ много лѣтъ спустя: «*Андрей Колосовъ* явился въ *Отечественныхъ Запискахъ* въ 1844 году и прошелъ, разумѣется, совершенно безслѣдно. Молодой человѣкъ, который въ то время обратилъ бы вниманіе на эту повѣсть—былъ бы въ своемъ родѣ феноменъ»³³). Бѣлинскій, въ одномъ изъ писемъ къ Тургеневу, давая краткіе отзывы объ его юношескихъ произведеніяхъ, проходитъ молчаніемъ и *Три портрета*, и *Андрея Колосова*. Вотъ это письмо. Оно любопытно тѣмъ, что отмѣчаетъ произведенія Тургенева, открывшія его популярную художественную дѣятельность, и, кромѣ того, опредѣляетъ основныя черты его таланта. Впослѣдствіи Тургеневъ, какъ увидимъ, вполне оправдалъ это опредѣленіе.

«Мнѣ кажется», писалъ Бѣлинскій, «у васъ чисто-творческаго таланта или нѣтъ, или очень мало, и вашъ талантъ однороденъ съ Далемъ. Это вашъ настоящій родъ. Вотъ хоть бы *Ермолай и Мельничиха*—не Богъ знаетъ что, бездѣлка, а хорошо, потому что умно и дѣльно, съ мыслью. А въ *Бреттѣръ*—я увѣренъ, вы творили. Найти свою дорогу, узнать свое мѣсто—въ этомъ все для человѣка, это для него значитъ сдѣлаться самимъ собою. Если не ошибаюсь, ваше призваніе—наблюдать дѣйствительныя явленія и передавать ихъ, пропуская черезъ фантазію, но не опираться только на фантазію... Только ради Аллаха, не печатайте ничего такого, что ни то ни сѣ, не то, чтобы нехорошо, да и не то, чтобы очень хорошо. Это страшно вредить тоталитету извѣстности (извините за кудрявое выраженіе — лучшаго не придумалось). А *Хоръ* объѣщаетъ въ васъ замѣчательнаго писателя—въ будущемъ».

³³) Письма, 245.

Этотъ разсказъ *Хорь и Калинычъ*, стоявшій, по мнѣнію Бѣлинскаго, выше всѣхъ другихъ произведеній автора, открылъ собой *Записки Охотники*. Произошло это случайно.

Профессоръ словесности, Плетневъ стоялъ во главѣ журнала *Современникъ*. Журналъ былъ основанъ Пушкинымъ, но постепенно утратилъ живую окраску, выходилъ тоненькими книжками, старался держаться внѣ литературныхъ партій и вообще едва влачилъ свое безцвѣтное существованіе. Наконецъ, въ 1846 году Плетневъ согласился передать его другой редакціи, имѣвшей въ виду преобразовать изданіе въ толстый журналъ. Въ сущности журналъ основывался вновь, и главнымъ дѣятелемъ былъ Тургеневъ. Онъ хлопоталъ едва ли не больше всѣхъ, помогая новому предпріятію совѣтомъ и дѣломъ, для первыхъ же книжекъ журнала далъ множество матеріала и хотѣлъ только одного, чтобы Бѣлинскому было отведено въ редакціи одно изъ первыхъ мѣстъ. Бѣлинскій только что порвалъ съ *Отечественными Записками* и намѣревался издавать сборникъ *Легіаоанъ*. Матеріала для этого изданія у него успѣло накопиться множество,—и теперь онъ весь отдалъ его для будущаго журнала. Такимъ путемъ будущность *Современника* была обезпечена. Въ первой же книжкѣ, въ отдѣлѣ смѣси, появился разсказъ *Хорь и Калинычъ*...

Авторъ и редакція предлагали публикѣ это произведеніе съ крайней скромностью: помѣстили его въ третьестепенномъ отдѣлѣ, прибавили слова *изъ записокъ охотника*—съ цѣлью расположить читателя къ снисхожденію. Успѣхъ разсказа совершенно не соответствовалъ этимъ предосторожностямъ. Онъ былъ на столько великъ, что даже Тургеневъ, при всей своей скромности, повѣрилъ въ свой талантъ и рѣшилъ вернуться къ литературѣ. Очевидно, недаромъ Бѣлинскій подмѣтилъ въ своемъ другѣ глубокое знаніе людей, серьезную житейскую опытность, зрѣлое повиманіе дѣйствительности: теперь пришло время всему этому сказаться въ художественной дѣятельности.

Слѣдующіе разсказы явились во время пребыванія Тургенева за границей.

Тургеневъ оставилъ Россію въ самомъ началѣ 1847 года ²⁴⁾. Семь лѣтъ онъ не покидалъ родины,—теперь непреодолимыя причины вызвали путешествіе. Главнѣйшія изъ нихъ — отношенія Ивана Сергѣевича къ матери и знакомство его съ французской пѣвицей Віардо.

²⁴⁾ Такъ утверждаетъ Тургеневъ въ своихъ *Воспоминаніяхъ*, Житова—называетъ 1846 годъ. *В. Е.*, 1884, дек. 5, 80, Анненковъ даетъ показаніе, согласное съ Тургеневымъ, *В. Е.*, 1884, февр. 4, 66.

До сихъ поръ мы могли убѣдиться, какъ тяжело было Тургеневу выносить крѣпостническіе нравы, царившіе въ его родномъ домѣ. Столкновенія съ матерью происходили безпрестанно. Сынъ тщетно пытался съ общей и частныхъ точекъ зрѣнія доказать варварство, безчеловѣчіе власти, столь дорогой и естественной для его матери. Крѣпостное право, ненавистное Тургеневу само по себѣ, било ему въ глаза на каждомъ шагу отвратительнѣйшими фактами. Бороться съ этими фактами не было возможности. Иванъ Сергѣевичъ былъ любящимъ и преданнымъ сыномъ, самостоятельной властью онъ не пользовался, а всѣ разсужденія не достигали цѣли. Окончательный разрывъ съ матерью и ея міромъ, слѣдовательно, являлся лишь вопросомъ времени.

Варвара Петровна по своему любила младшаго сына, и въ его присутствіи ей случалось быть доброй и снисходительной. Но очевидецъ, заслуживающій довѣрія, замѣчаетъ по этому поводу: «И она, и всѣ мы вполнѣ сознавали, что временная доброта и снисходительность Варвары Петровны поддерживались только рѣдкостью и краткостью свиданій съ сыномъ».

«Останься онъ при ней,—она бы не выдержала долго, и онъ только былъ бы безмолвнымъ и безсильнымъ свидѣтелемъ того, что выносить онъ не могъ и чему помочь былъ не въ силахъ. Легче отъ этого никому бы не было... и онъ уѣхалъ ³⁵⁾».

Такъ объясняется отъѣздъ Тургенева для людей, близко наблюдавшихъ его жизнь въ родительскомъ домѣ. Это объясненіе совпадаетъ съ разсказомъ самого Тургенева о разлукѣ съ родиной.

Это была разлука вынужденная, неизбежная при всей доброй волѣ Ивана Сергѣевича. Въ *Воспоминаніяхъ* онъ пишетъ: «Тотъ бытъ, та среда и особенно та полоса ея, если можно такъ выразиться, къ которой я принадлежалъ—полоса помѣщичья, крѣпостная,—не представляли ничего такого, что могло бы удержать меня. Напротивъ, почти все, что я видѣлъ вокругъ себя, возбуждало во мнѣ чувства смущенія, негодованія—отвращенія наконецъ. Долго колебаться я не могъ. Надо было либо покориться и смиренно побрести общей колеей, по избитой дорогѣ, либо отвернуться разомъ, оттолкнуть отъ себя «всѣхъ и вся», даже рискуя потерять многое, что было дорого и близко моему сердцу. Я такъ и сдѣлалъ»...

Дальше объясненія еще опредѣленнѣе, указываютъ общій источникъ нравственныхъ страданій, терзавшихъ Тургенева.

Въ дѣтствѣ онъ хотѣлъ бѣжать отъ своей семьи, преслѣдо-

³⁵⁾ Житова, II. 584.

вавшей его самого. Теперь онъ не въ силахъ жить въ средѣ, переполненной слезами и муками другихъ. Бѣгство изъ этого царства пытокъ по прежнему остается единственнымъ спасеніемъ.

«Я другого пути передъ собой не видѣлъ», продолжаетъ Тургеневъ. «Я не могъ дышать однимъ воздухомъ, оставаться рядомъ съ тѣмъ, что я возненавидѣлъ; для этого у меня, вѣроятно, недоставало надлежащей выдержки, твердости характера. Мнѣ необходимо нужно было удалиться отъ моего врага за тѣмъ, чтобы изъ самой моей дали сильнѣе напасть на него. Въ моихъ глазахъ врагъ этотъ имѣлъ опредѣленный образъ, носилъ извѣстное имя: врагъ этотъ былъ крѣпостное право. Подъ этимъ именемъ я собралъ и сосредоточилъ все, противъ чего я рѣшился бороться до конца— съ чѣмъ я поклялся никогда не примиряться... Это была моя Аннибаловская клятва; и не я одинъ далъ ее себѣ тогда. Я и на Западъ ушелъ для того, чтобы лучше ее исполнить... «Записки Охотника»—эти въ свое время новые, впоследствии далеко опереженные этюды были написаны мною за границей; нѣкоторые изъ нихъ въ тяжелыя минуты раздумья о томъ, вернуться ли мнѣ на родину, или нѣтъ?»

Это раздумье явилось совершенно естественнымъ слѣдствіемъ невольной разлуки съ горячо любимой родиной. Иванъ Сергѣевичъ уѣзжалъ въ «свою даль» съ тяжелымъ чувствомъ. Жилось ему дома крайне тяжело, но едва ли легче было покидать этотъ домъ...

Очевидецъ рассказываетъ: «Послѣдніе дни передъ отъѣздомъ своимъ онъ былъ особенно грустенъ, и въ памяти моей, во всѣ послѣдующіе за этимъ годы, образъ его представляется мнѣ не иначе, какъ задумчивымъ и печальнымъ».

Варвара Петровна не хотѣла и врядъ ли могла понять настроеніе сына. Его отъѣздъ за границу она склонна была объяснять сердечнымъ увлеченіемъ и питала злобное чувство къ виновницѣ этого увлеченія. Она скоро узнала о знакомствѣ Ивана Сергѣевича съ семействомъ Віардо, посѣтила однажды концертъ пѣвицы и при всемъ своемъ негодованіи на отношенія сына къ артисткѣ, не могла не высказать: «А надо признаться, хорошо, проклятая цыганка, поеть!»³⁶).

Эти *подлинныя* слова Варвары Петровны должны занимать свое мѣсто въ исторіи, захватившей всю жизнь Тургенева съ двадцати восьми лѣтъ.

Мы не можемъ пройти мимо факта, несмотря на весь рискъ рѣшать подобнаго рода вопросы. Мы, конечно, сознаемъ всю не-

³⁶) Житова, Гб. 115.

достаточность данныхъ, какими мы можемъ и имѣемъ право располагать,—недостаточность, обусловленную въ сильной степени характеромъ самого предмета. Но мы останемся исключительно на почвѣ фактовъ, засвидѣтельствованныхъ самимъ Тургеневымъ, и только въ рѣдкихъ случаяхъ будемъ пользоваться свѣдѣніями, идущими изъ другого источника. При такихъ условіяхъ нашъ рассказъ можетъ оказаться неполнымъ, но зато мы имѣемъ право рассчитывать, что каждая черта въ этомъ рассказѣ—достоверна и правдива, насколько можетъ быть правдивъ человекъ, говорящій о своихъ настроеніяхъ, о своей нравственной и внѣшней жизни.

Знакомство Тургенева съ г-жей Віардо относится къ 1845 году ²⁷⁾ Полная фамилія гѣвицы—Віардо-Гарсія; она родомъ испанка. По словамъ очевидцевъ, современниковъ Тургенева, г-жа Віардо не отличалась особенной красотой, но обладала множествомъ достоинствъ, рѣдко встрѣчающихся вмѣстѣ. Превосходная артистка на сценѣ, исполненная страсти и силы, г-жа Віардо являлась увлекательнѣйшей собесѣдницей въ салонѣ. Она владѣла нѣсколькими языками, получила разностороннее образованіе, умѣла говорить и совершенно затмѣвала дамъ изъ русскаго общества того времени. Иванъ Сергѣевичъ рѣдко бывалъ въ этомъ обществѣ, не находя здѣсь отвѣта на запросы своего ума и сердца. Г-жа Віардо должна была заинтересовать его съ первой встрѣчи.

Предъ нами множество восторженныхъ отзывовъ современниковъ объ артистическомъ талантѣ г-жи Віардо. Мы уже знаемъ впечатлѣніе Варвары Петровны. Другой очевидецъ пишетъ: «въ театрѣ, когда она играла, стономъ стоналъ весь театръ; бѣлаго сумасшествія и восторговъ, казалось, до тѣхъ поръ не видано. Въ особенности дѣйствовала на зрителей необыкновенная страстность ея игры. Рубини говорилъ ей не разъ послѣ спектакля, «не играй такъ страстно: умрешь на сценѣ».

Московская публика требовала, чтобы артистка исполняла русскіе романы. Г-жа Віардо уступила этому желанію и произвела фуроръ исполненіемъ извѣстнаго романа «Соловей». Иванъ Сергѣевичъ, по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, пришелъ въ исключительный

²⁷⁾ Таково показаніе Анненкова, *Тб.* 456. Въ *Воспоминаніяхъ о Тургене-
вѣ*—И. Берга всѣ факты и вся хронологія перепутаны. Авторъ сначала
рассказываетъ о драматическомъ приключеніи съ гоголевской статьёй Тур-
генева, а потомъ о знакомствѣ съ Віардо, т.-е. дѣлаетъ ошибку, по крайней
мѣрѣ, на семь лѣтъ. Въ тѣхъ же воспоминаніяхъ сообщаются совершенно
фантастическія извѣстія о романтическихъ эпизодахъ въ жизни Тургенева.
И. В. XIV, 367.

восторгъ именно отъ этого концерта ³⁸). Восторгъ былъ не только художественнымъ: Тургеновъ училъ г-жу Виардо русскому языку и въ качествѣ учителя долженъ былъ близко принимать къ сердцу ея успѣхи въ русскомъ пѣніи.

Увлечение въ сильной степени подогрѣвалось соперничествомъ. Поклонниковъ у г-жи Виардо было множество, среди нихъ особенной благосклонностью пѣвицы пользовался Гедеоновъ, сынъ директора театровъ. Бывали, повидимому, минуты, когда Тургенова мучило чувство ревности. По крайней мѣрѣ, одинъ изъ близкихъ друзей именно этому чувству приписываетъ слишкомъ рѣзкій тонъ статьи, написанной Тургеновымъ о драмѣ Гедеонова «Смерть Ляпунова» ³⁹). Въ результатѣ Иванъ Сергѣевичъ оказался самымъ горячимъ и постояннымъ цѣнителемъ талантовъ г-жи Виардо. Эти таланты въ области искусства были многочисленны: г-жа Виардо отлично рисовала, играла на фортепиано, являлась композиторомъ. Оба эти искусства—живопись и музыка—возбуждали глубокой интересъ Тургенова въ теченіе всей его жизни.

Тургеновъ испытывалъ высшее наслажденіе, слушая музыку, и умѣлъ цѣнить ее. Слухъ его обладалъ необыкновенной музыкальной чуткостью, малѣйшая фальшь причиняла ему настоящія страданія. О лучшихъ роляхъ г-жи Виардо онъ вспоминалъ съ неизмѣннымъ восторгомъ, помнилъ здѣсь каждый моментъ, иногда до такой степени увлекался своими воспоминаніями, что, вставая съ мѣста, начиналъ жестикулировать и пѣть аріи ⁴⁰). Это извѣстіе относится уже къ преклонному возрасту Тургенова. Легко представить, какой высоты достигали его восторги въ молодости!

³⁸) В. Колоптаева. *Восп. о селѣ Спаскомъ*. И. В. ХХІІ, 58. Мятлевъ, извѣстный авторъ *Сенсаций г-жи Курдюковой дакъ л'эстранжэ*, сочинилъ лирическое стихотвореніе, довольно точно выражающее восторги зрителей пѣніемъ и игрой г-жи Виардо. Напечатано—*Русск. Ст.* ХІІ, 404. Изъ всѣхъ произведеній Ивана Мятлева самое интересное, несомнѣнно, то, изъ котораго Тургеновъ запомнилъ первую строчку. У него есть стихотвореніе въ прозѣ на тему:

Какъ хороши, какъ свѣжи были розы...

Именно этимъ стихомъ начиналось одно изъ стихотвореній Мятлева. Первая строфа:

Какъ хороши, какъ свѣжи были розы
Въ моемъ саду! какъ вворъ прельщали мой!
Какъ я молилъ весенніе морозы
Не трогать ихъ холодною рукой!

(*Русск. Ст. Гб.*, 403),

³⁹) Анненковъ. *Молодость И. С. Т—ва*. В. Е. февр. 456. Статья была напечатана въ *Отеч. Зап.*, 1846, кн. VIII.

⁴⁰) *Г. Полонскій. Гб.*, 587,

Не менѣе любилъ Тургеневъ и произведенія живописи. Заграницей, въ Парижѣ, онъ будетъ постояннымъ посѣтителемъ художественныхъ выставокъ, будетъ покупать картины, изучать ихъ съ пристальной чуткой любовью, превосходно освоится съ теоріей этого искусства. Г-жа Віардо могла пойти на встрѣчу и этой страсти, могла «окружить Тургенева», по выраженію одного иностранца, его «любимыми искусствами».

Была еще другая причина, болѣе сильная, почему Тургеневъ долженъ былъ постепенно привязаться къ чужимъ людямъ.

Онъ, пережившій такое печальное дѣтство и одинокую молодость, выспимъ счастьемъ человѣка считалъ семью, семейное счастье. Мечты объ этомъ счастьѣ не покидаютъ Тургенева въ теченіе всей его жизни, но дѣйствительность шла наперекоръ. Иванъ Сергѣевичъ обнаруживалъ самую нѣжную и преданную любовь къ матери, — но это чувство осталось неопѣненнымъ. Онъ страстно любилъ дѣтей, всюду являлся ихъ неизмѣннымъ другомъ и забавникомъ. Въ домѣ матери онъ — единственный человѣкъ, вызывающій откровенность со стороны маленькой воспитанницы-сироты. Она рассказываетъ ему свои огорченія, вмѣстѣ съ нимъ сѣтуетъ на тяжелую участь людей, близкихъ къ Варварѣ Петровнѣ, осмѣливается передавать ему о жестокихъ выходкахъ грозной госпожи.

Вниманіе Ивана Сергѣевича къ ребенку доходитъ до мелочей. Ребенокъ боится грозы—онъ беретъ его къ себѣ на колѣни, садится съ нимъ у окна и принимается описывать красоту облаковъ и всей природы во время грозы. Иванъ Сергѣевичъ подмѣчаетъ, что его любимицѣ нравится особенно одна сказка — о голубомъ фазанѣ, и онъ безпрестанно проситъ ребенка рассказывать любимую исторію и слушаетъ рассказъ съ самымъ благодушнымъ вниманіемъ.

Эта любовь къ дѣтямъ остается у Тургенева на всю жизнь. Часто въ гостяхъ онъ оставляетъ взрослыхъ, идетъ въ дѣтскую и очаровываетъ маленькихъ слушателей своими чудными рассказами. Этого мало. Онъ умѣетъ подмѣчать тонкія черты развивающейся духовной жизни ребенка, угадать его характеръ и склонности. Для родителей все это драгоценныя наблюденія, и ихъ общается человѣкъ, посторонній ихъ семьѣ, самъ лично одинокій.

Въ старости Иванъ Сергѣевичъ тотъ же другъ дѣтей. Онъ приходитъ въ дѣтскую, убираетъ дѣтскія вещи безъ всякой воркотни, съ любовью и терпѣніемъ настоящей няньки, отправляется гулять съ дѣтьми и раздѣляетъ ихъ восторги. Дѣти по прежнему относятся къ нему съ полнѣйшей откровенностью. Они смѣлы съ

этимъ добродушнымъ великаномъ, потому что знаютъ, сколько любви таится въ его сердцѣ. Они не стѣсняются съ чисто дѣтскимъ деспотизмомъ распоряжаться желаніями и временемъ Ивана Сергѣевича.

И для него все это остается свѣтлымъ воспоминаніемъ. Терзаемый смертельнымъ недугомъ, онъ помнитъ о своихъ прогулкахъ въ обществѣ дѣтей и мечтаетъ со временемъ испытать то же удовольствие.

Вотъ два письма, адресованныя Тургеновымъ его маленькой спутницѣ:

«Лѣтомъ мы будемъ опять въ Спасскомъ и будемъ опять ходить въ лѣсъ и кричать: «Что я вижу! Какой прелестный подберезникъ!»

За годъ до смерти Тургеновъ писалъ въ другой разъ, обнаруживая неисчерпаемую глубину нѣжности и заботливости о своемъ юномъ другѣ:

«Какъ бы я былъ радъ ходить съ тобой, какъ въ прошломъ году, по роцѣ и отыскивать *прелестные* подберезники! Съ большимъ удовольствіемъ рассказалъ бы тебѣ сказку и послалъ бы тебѣ одну главу; но голова моя—настоящій пустой боченокъ, изъ котораго вылито все вино, и стоитъ онъ кверху дномъ, такъ что и новое вино въ него набраться не можетъ... Если же поправлюсь, то напишу тебѣ сказку—именно о *пустомъ боченкѣ*»⁴¹⁾.

Сказокъ этихъ Иванъ Сергѣевичъ рассказалъ не мало. Къ сожалѣнію, имъ самимъ лично написанъ только одинъ рассказъ для дѣтей, *Перепелка*, другіе два—*Капля жизни* и *Самознайка* пересказаны его другомъ, отцомъ дѣтей, съ которыми Тургеновъ дѣлилъ свое деревенское уединеніе. Любимыя темы Тургенева въ сказкахъ—любовь дѣтей къ родителямъ и родителей къ дѣтямъ.

Въ сказкѣ *Капля жизни* рассказывается о мальчикѣ, доставшемъ чудодѣйственную каплю съ величайшими препятствіями и опасностями, чтобы спасти своихъ родителей отъ смертельнаго недуга. Въ рассказѣ *Перепелка* изображены двѣ исторіи изумительной любви птицъ къ своимъ дѣтямъ. Рассказчикъ еще былъ ребенкомъ, когда, сопровождая отца на охотѣ, пережилъ такихъ два првключенія.

Однажды охотникъ приблизился къ гнѣзду перепела. Внезапно изъ подъ самага носа собаки вскочила перепелка и полетѣла. Только полетѣла она очень странно: кувыркалась, вертѣлась, падала на землю—точно она была ранена, или крыло у ней надломилось. Со-

⁴¹⁾ *Ид.* 579—80. Галаховъ. *Сороковые годы. Ист. В.* XLVII, 139.

«МІРЪ ВОЖІЙ», № 2, ФЕВРАЛЬ.

бака немедленно поймала птицу и прикусила ее. Оказалось, перепелка не была раненой, а притворилась, чтобы отвести собаку от гнѣзда, рискнула, слѣдовательно, пожертвовать собой ради дѣтей.

Другой случай произошелъ съ маткой-тетеревомъ. Охотники нашли выводокъ, матка вскочила, и ее тотчасъ же ранили. Но она не упала, а полетѣла дальше вмѣстѣ съ тетеревятами. Тогда одинъ изъ охотниковъ притаился и началъ свистать, какъ свищутъ тетерева. На свистъ сперва откликнулся одинъ молодой, потомъ другой, и — «вотъ слышимъ мы», продолжаетъ рассказчикъ, «сама матка квохчетъ, да нѣжно такъ и близко. Я приподнял голову и вижу: сквозь спутанныя травяныя былинки идетъ она къ намъ, спѣшить, спѣшить, а у самой вся грудь въ крови! Знать, не вытерпѣло материнское сердце!»...

Напомнимъ, наконецъ, одно изъ трогательнѣйшихъ стихотвореній въ прозѣ — *Воробей*. Здѣсь рассказываетъ, какъ старый воробей бросился защищать своего дѣтеныша, упавшаго изъ гнѣзда. Старикъ сидѣлъ высоко, на безопасной вѣткѣ, но непреодолимая сила сбросила его — къ самой пасти собаки, приблизившейся къ птенцу. Что могла сдѣлать птичка съ такимъ чудовищемъ, но она жертвовала собой. Собака остановилась, попятилась...

«Я поспѣшилъ отозвать смущеннаго пса — и удался, благоговѣя».

«Да, не смѣйтесь. Я благоговѣлъ передъ той маленькой, героической птицей, передъ любовнымъ ея порывомъ».

«Любовь, думалъ я, сильнѣе смерти и страха смерти. Только ею, только любовью держится и движется жизнь».

Съ такой задушевностью умѣлъ рисовать гениальный художникъ чудную силу родительскаго чувства. Естественно, семья составляла предметъ его вѣчныхъ желаній. Письма Тургенева переполнены тоской о семьѣ, о родномъ гнѣздѣ, о тихомъ счастьѣ у своего очага.

Иностранецъ, близко знавшій Ивана Сергѣевича, пишетъ: «Однажды онъ высказалъ мнѣ, что, по природѣ своей, онъ созданъ для тихой семейной жизни, оживленной семейными радостями. Но это счастье не было дано ему, и жизнь его была омрачена отсутствіемъ семьи. Какая-то туча заслоняла его отъ солнечнаго свѣта и бросала на его жизненный путь тѣнь, которая замѣтна и въ его твореніяхъ» ⁴³⁾. Эта тѣнь, прибавимъ мы, особенно замѣтна въ письмахъ Тургенева, часто производящихъ впечатлѣніе искренней личной исповѣди.

⁴³⁾ *Иностранная критика о Тургеневѣ*. Спб. 1884, Рольстовъ, 192.

Въ одномъ изъ нихъ онъ совѣтуетъ своему другу: «женитесь непременно. Это вамъ совѣтуетъ старый холостякъ, который знаетъ, какъ горько быть холостякомъ». «Непремѣнно *женитесь*», повторяется немного спустя. Этотъ совѣтъ идетъ рядомъ съ жалобой на личное одиночество. «Не знаю,—пишетъ Тургеневъ,—что предстоитъ мнѣ въ будущемъ — но столько предстоитъ затрудненій и внутреннихъ, и внѣшнихъ! Осужденъ я на цыганскую жизнь — и не свить мнѣ, видно, гвѣзда нигдѣ и никогда».

Тургеневъ сѣтуетъ, что въ Россіи «товарищество слабо», «особенно литературное товарищество». Единственное утѣшеніе—семья. По поводу намѣренія друга жениться Тургеневъ пишетъ слѣдующія трогательныя слова: «Это событіе—столь неожиданное съ перваго разу, кажется мнѣ совершенно естественнымъ и необходимымъ, и чѣмъ больше я о немъ думаю, тѣмъ отраднѣе и прекраснѣе представляется мнѣ ваша будущая жизнь. Слава Богу! Свилъ себѣ человекъ гвѣзду, вошелъ въ пристань — не всѣ мы, стало быть, еще пропали! То, о чемъ я иногда мечталъ для самого себя, что носилось передо мною, когда я рисовалъ образъ Лаврецкаго—свершилось надъ вами, и я могу признать все, что дружба имѣетъ благороднаго и чистаго въ томъ свѣтломъ чувствѣ, съ которыми я благословляю васъ на долгое и полное счастье. Это чувство тѣмъ свѣтлѣе, чѣмъ гуще ложатся тѣни на собственное мое будущее; я это сознаю и радуюсь безкорыстію своего сердца» ⁴³⁾).

Безкорыстіе это—внѣ сомнѣнія. Тургеневъ способенъ любоваться чужою жизнью, чужимъ семейнымъ счастьемъ, обманывать свое одинокое тоскующее сердце. Судьбѣ не угодно было подарить великаго человека любовью женщины. Ни одинъ изъ русскихъ писателей не возлагалъ такихъ идеальныхъ надеждъ на силу женскаго чувства, никто не поднималъ на такую высоту личности и назначенія женщины. И это касалось одинаково общественной и частной жизни. «Общество мужчинъ», говаривалъ Тургеневъ, «безъ присутствія доброй и умной женщины, походить на тяжелый обозъ съ немаянными колесами, который раздираетъ уши нестерпимымъ, однообразнымъ своимъ скрипомъ» ⁴⁴⁾. Читателямъ извѣстно, какіе образы героинь создавалъ Тургеневъ, какія исторіи женскихъ увлеченій рассказывалъ онъ. Это — рассказы истиннаго, вѣрнаго рыцаря русской женщины, и врядъ ли былъ и будетъ у нея болѣе мужественный и болѣе сильный защитникъ.

⁴³⁾ *Письма*, 31—4; 85—9. 223. Анненковъ. *Шестъ лѣтъ переписки съ И. С. Т—вымъ*. В. Евр. 1885, апр. 485.

⁴⁴⁾ Анненковъ. *Молодость И. С. Т—ва*. Гв., 462.

И въ жизни Тургеневъ оставался такимъ же рыцаремъ. «Онъ оживалъ въ обществѣ женщинъ», пишетъ его другъ. Тургеневъ не разъ сознается, какъ много онъ думалъ о прошломъ и настоящемъ русской женщины. Онъ преклоняется предъ ея нравственнымъ и художественнымъ чувствомъ. Позже мы увидимъ, какое значеніе онъ придаетъ приговорамъ женщины надъ его лучшими произведеніями. На вершинѣ славы и всемірнаго авторитета, Тургеневъ покорно внимаешь этимъ приговорамъ и готовъ подчиняться имъ до конца, не прочь съжечь свой романъ только потому, что онъ вызвалъ насмѣшливый отзывъ женщины.

Этихъ чертъ достаточно, чтобы оцѣнить весь смыслъ тоски Ивана Сергѣевича, всю горечь неудовлетвореннаго чувства.

Тургеневъ съ первыхъ же шаговъ своей литературной дѣятельности увлекъ прекрасный полъ своей родины, увлеченіе сопровождало его до могилы,—но это было платоническое увлеченіе. Писатель, хорошо знавшій Тургенева, лучше всего объяснить намъ этотъ вопросъ. Тургеневъ, по словамъ его друга, «страдалъ сознаниемъ, что не можетъ побѣдить женской души и управлять ею: онъ могъ только измучить ее. Для торжества, при столкновеніяхъ страсти, ему не доставало наглости, безумства, ослѣпленія. Въ одной изъ чудныхъ повѣстей своихъ—*Первая любовь*, онъ рассказываетъ ужасъ, наведенный на него ударомъ хлыста, которымъ раздраженный любовникъ отвѣчалъ своей возлюбленной, побѣждая ея волю и своеправіе. Съ тѣхъ поръ ужасъ отъ дикаго поступка, казалось, и не проходилъ у Тургенева и одолевалъ его, когда требовалась рѣшимость выбора. Онъ не отвѣчалъ ни на одну изъ симпатій, которыя шли ему на встрѣчу, за исключеніемъ развѣ трогательной связи съ О. А. Т. въ 1854 году, но и она длилась не долго и кончилась, какъ кончаются минутныя вспышки, капризы и причуды, на которыя онъ размѣнялъ свирѣпое одушевленіе истинной страсти, т.-е. мирнымъ разрывомъ и поэтическимъ воспоминаніемъ о прожитомъ времени»⁴⁵).

Такія вспышки бывали и помимо эпизода, только что упомянутого. Иванъ Сергѣевичъ объ одной своей любовной идилліи рассказывалъ Альфонсу Додэ. Героиня идилліи крестьянка-мельничиха. Съ ней Тургеневъ встрѣтился на охотѣ и влюбился въ нее на три дня. Прощаясь, онъ спросилъ у нея, чего бы она желала, красавица отвѣтила:

⁴⁵) *Иб.* 469. *Письма* 353. Въ письмѣ къ А. П. Ф—вой: «Я много думалъ о волѣ, о томъ трагическомъ положеніи многихъ русскихъ женщинъ, которому они подвергаются въ силу нашего тяжелаго, часто нестерпимаго историческаго развитія». Ср. Полонскій, стр. 573.

— Привези мнѣ, баринъ, изъ городу кусокъ мыла; я хочу, чтобы руки мои пахли хорошо, и чтобы ты могъ цѣловать ихъ, какъ у барынь.

Въ одномъ изъ писемъ, Тургеневъ упоминалъ о дамѣ изъ общества, какъ своей бывшей «пасси» ⁴⁶⁾. Вѣроятно, этими увлеченіями не ограничились сердечныя испытанія молодого Тургенева, но нравственное значеніе ихъ—совершенно ничтожно. Можно, конечно, во всѣхъ романическихъ неудачахъ видѣть недостатокъ рѣшительности и смѣлости со стороны Тургенева. Но самый этотъ недостатокъ, несомнѣнно, основанъ на глубокихъ внутреннихъ мотивахъ. Тургеневъ умѣлъ быть смѣлымъ и твердымъ въ двухъ отношеніяхъ, касающихся идей и чувства: онъ не отступалъ отъ своихъ убѣжденій ни въ какомъ случаѣ и всю жизнь оставался вѣренъ дружескимъ связямъ.

Тургеневу пришлось пережить немало тяжелыхъ глѣтъ: на него сыпались нападки въ русской литературѣ и въ публикѣ. Позже мы подробно разберемъ смыслъ этого явленія. Теперь достаточно указать на отношеніе Тургенева къ оскорбительнымъ выходкамъ публики. «Старушка», писалъ онъ, разумѣя публику, «также упрекаетъ меня въ недостатокъ убѣжденій. На это можетъ послужить отвѣтомъ вся моя 30-ти-лѣтняя литературная дѣятельность. Ни за одну строчку, написанную мною, не приходилось краснѣть—ни отъ одной отказаться. Пусть кто другой скажетъ то же самое!» ⁴⁷⁾.

Эти мужественныя слова, какъ мы убѣдимся, вполне соотвѣтствуютъ дѣйствительности.

Не менѣе твердъ и надеженъ былъ Тургеневъ въ дружбѣ. Одинъ изъ его товарищей по берлинскому университету пишетъ: «Характеръ Тургенева былъ рѣдкой чистоты. Онъ всегда выказывалъ большое политическое мужество, никогда не измѣнялъ своимъ друзьямъ, не отказывался отъ своего мнѣнія». И въ доказательство приводится исторія Тургенева съ однимъ изъ его друзей, попавшимъ въ крайне опасное положеніе,—исторія, дѣйствительно свидѣтельствующая одновременно и о политическомъ мужествѣ Ивана Сергѣевича, и объ его глубокомъ непоколебимомъ чувствѣ—дружбѣ и гуманности ⁴⁸⁾.

Подобныхъ фактовъ можно было бы привести не одинъ. Тургеневъ обобщилъ ихъ въ прекрасномъ обращеніи къ своему другу: «Въ твоей искренней дружбѣ я не сомнѣваюсь, какъ и ты не долженъ сомнѣваться въ моей. Вѣдь мы чуть не полжизни

⁴⁶⁾ *Письма*, 82. Письмо И. Я. Минорову, отъ 7 н. 1860.

⁴⁷⁾ *Р. Ст.* XL, 224.

⁴⁸⁾ *Р. Ст.* XLII, 396.

прожили съ тобою вмѣстѣ. Сама жизнь стала тусклою и тяжелой, но чувство наше не измѣнилось и не измѣнится» ⁴⁹⁾).

Мы неоднократно будемъ имѣть случай убѣдиться, какія испытанія могло выносить расположеніе Тургенева къ кому бы то ни было. Въ этомъ сердцѣ жило много энергіи и органической силы. Надо было только вызвать ее.

Взглядъ Тургенева на любовь къ женщинѣ, на страсть вполне соотвѣтствуетъ только-что указаннымъ чертамъ. Здѣсь то же благородное стремленіе жертвовать своей личностью, въ основѣ то же самоотверженіе и готовность къ жертвамъ.

Одинъ изъ друзей передаетъ въ высшей степени любопытный отзывъ Тургенева о Левинѣ, героѣ романа «Война и миръ». Тургеневъ возмущался этой личностью и пристрастіемъ къ ней автора романа.

«Неужели же», говоритъ Тургеневъ, «ты хоть одну минуту могъ думать, что Левинъ влюбленъ или любитъ Кити, или что Левинъ можетъ любить кого-нибудь? Нѣтъ, любовь есть одна изъ тѣхъ страстей, которая подламываетъ наше я, заставляетъ какъ бы забывать о себѣ и о своихъ интересахъ. Левинъ же, узнавши, что онъ любимъ и счастливъ, не перестаетъ носиться съ своимъ собственнымъ я, ухаживаетъ за собой. Ему кажется, что даже извозчики, и тѣ какъ-то особенно, съ особеннымъ уваженіемъ и охотой, предлагаютъ ему свои услуги. Онъ злится, когда его поздравляютъ люди, близкіе къ Кити. Онъ ни на минуту не перестаетъ быть эгоистомъ и носится съ собой до того, что воображаетъ себя чѣмъ-то особеннымъ... Всѣ эти подробности доказываютъ, что Левинъ эгоистъ до мозга костей, и, понятно, почему на женщинъ онъ смотритъ, какъ на существъ, созданныхъ только для художественныхъ и семейныхъ дразгъ».

Тургеневу ненавистны были узко-личныя стремленія, пристрастіе къ своему я—въ какомъ бы то ни было жизненномъ положеніи.

«Не одна любовь», продолжалъ онъ, «всякая сильная страсть религіозная, политическая, общественная, даже страсть къ наукѣ надламываетъ нашъ эгоизмъ. Фанатики идеи, часто нелѣпой и безразсудной, тоже не жалѣютъ головы своей. Такова и любовь»... ⁵⁰⁾).

Отзывъ Варвары Петровны о своемъ сынѣ дополняетъ характеристику: она жалѣла о своихъ дѣтяхъ, считая ихъ *однолюбцами*,

⁴⁹⁾ Письма, 494.

⁵⁰⁾ Полонскій, 575—6.

т. е. способными только разъ любить во всю жизнь. Но старшій братъ—Николай Сергѣевичъ устроилъ свой семейный очагъ, младшему это счастье не было суждено...

Здѣсь мы должны коснуться еще одного факта: съ нимъ намъ придется встрѣтиться впоследствии. Одно изъ увлеченій Ивана Сергѣевича окончилось иначе, чѣмъ всѣ другія. Предметомъ этого увлеченія была—Авдотья Ермолаевна Иванова, московская мѣщанка, бывшая сначала бѣлошвейкой въ домѣ Варвары Петровны. Это было крайне обыкновенное созданіе, блондинка, небольшого роста, со свѣтло-карими глазами, отличалось скромностью и молчаливостью и въ общемъ возбуждало симпатію. Одинъ изъ тургеневскихъ кружковъ, написавшій воспоминанія о селѣ Спасскомъ, рассказываетъ романъ съ примѣсью несомнѣнно фантастическихъ подробностей, сообщая съ чужихъ словъ, будто Варвара Петровна даже «собственноручно посылала» сына за его *первою любовью* ⁵¹⁾. Мы не знаемъ, къ какому времени относится начало романа, но рожденіе дочери точно указано самимъ Тургеновымъ: оно произошло въ маѣ 1842 года, въ Москвѣ, куда переселилась изъ Спасскаго Авдотья Ермолаевна ⁵²⁾. Тургенову шелъ уже двадцать пятый годъ, и врядъ ли у Варвары Петровны существовала какая-либо возможность вліять на его поведеніе.

Страсть Тургенева была чисто юношескимъ, случайнымъ, порывомъ. Ничего общаго между нимъ и скромной, но совершенно необразованной московской мѣщанкой, не могло быть. Дочь—Пелагею—Тургеневъ взялъ къ себѣ, помѣстивъ ее въ семьѣ г-жи Вярдо и тщательно занялся ея образованіемъ. Авдотья Ермолаевна выдавалась ежегодная пенсія черезъ Федора Лобанова. Тургеневъ даже не зналъ адреса своей бывшей возлюбленной, когда ему пришлось хлопотать о метрическомъ свидѣтельствѣ дочери по случаю ея помолвки.

Всѣ другія сообщенія лицъ, знавшихъ Тургенева, — чистый вымыселъ ⁵³⁾. Невѣрно также и отождествленіе его дочери съ Асей, извѣстной героиней одного изъ рассказовъ Тургенева. Ася — лицо, несомнѣнно реальное, взятое изъ дѣйствительности. О немъ упоминается въ одномъ изъ писемъ Тургенева. Здѣсь Тургеневъ сообщаетъ, что его поваръ Степанъ намѣренъ жениться на *Асѣ*, и пользуется ея расположеніемъ. Иванъ Сергѣевичъ ничего не имѣетъ противъ этого брака, хотя находить

⁵¹⁾ Изъ воспоминаній о селѣ Спасскомъ-Лутцовомъ. Р. Вѣсти. 1885, I, 355.

⁵²⁾ Письма, 117.

⁵³⁾ Восп. о Т.—въ. Н. Берга. Ист. В. XIV, 373.

его «немножко страннымъ»⁵⁴). Это—единственное достовѣрное извѣстіе объ этомъ лицѣ. Можно прибавить еще, что Тургеневъ былъ крайне заинтересованъ судьбой своего разсказа *Ася*, его не удовлетворилъ сравнительно большой успѣхъ разсказа: очевидно, онъ возлагалъ на него особенныя надежды⁵⁵).

Дочь не принесла Тургеневу семейнаго счастья. Совѣтуя другимъ жениться, жить у семейнаго очага, Тургеневъ оговаривался, что онъ живетъ съ дочерью,—«но» восклицаетъ онъ—«какая разница!»⁵⁶). Въ одномъ изъ раннихъ писемъ отзывъ о дочери довольно симпатичный. О своей жизни въ Парижѣ Тургеневъ пишетъ: «меня удерживаетъ здѣсь старинная, неразрывная связь съ однимъ семействомъ и моя дочка, которая мнѣ очень нравится: милая и умная дѣвушка»⁵⁷). Воспитаніемъ и образованіемъ ея онъ занимался съ большимъ вниманіемъ. Этотъ вопросъ даже былъ ближайшимъ поводомъ ссоры Тургенева съ гр. Толстымъ, усмотрѣвшимъ лицемеріе и ложь въ педагогическихъ приемахъ Тургенева⁵⁸). Но впоследствии Тургеневу пришлось испытать не мало огорченій по поводу семейныхъ раздоровъ его дочери съ мужемъ. Эти раздоры и безконечныя хлопоты вызвали у Тургенева совершенно другое признаніе, чѣмъ мы читали раньше.

Разсказавъ о хлопотахъ, причиняемыхъ дочерью, Тургеневъ продолжаетъ: «точно колесо меня схватило и начинаетъ втягивать въ машину. Это тѣмъ тяжеле, что, какъ вамъ извѣстно, особенной привязанности я къ ней никогда не чувствовалъ, и все, что я сдѣлалъ для нея до сихъ поръ и буду впередъ дѣлать, внушено мнѣ единственно чувствомъ долга»⁵⁹).

Это признаніе поражаетъ искренностью, хотя, можетъ быть, оно отчасти вызвано временнымъ недовольствомъ на крайне тяжелое положеніе, созданное близкимъ человѣкомъ. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно одно: родная дочь не принесла Тургеневу семейнаго мира и покоя, не удовлетворила его исконнымъ стремленіямъ. Почему это такъ произошло—не намъ судить и врядъ ли здѣсь какой-либо судъ возможенъ. Мы видимъ,—что Тургеневъ принужденъ искать другого спасенья отъ невыносимаго одиночества. И такимъ спасеньемъ ему казалась жизнь въ семьѣ Віардо.

⁵⁴) *Письма*, 62.

⁵⁵) *Письма*, 56. Анненковъ. *Шестъ лѣтъ переписки*. В. Е., 1885, мартъ, 69.

⁵⁶) *Письма*, 85.

⁵⁷) *Ид.*, 28.

⁵⁸) Анненковъ. *Молодость Н. С. Т—ва*. В. Е. 1884, февр. 471. Мотивъ и сцена ссоры явлены у Фета. I, 370.

⁵⁹) *Письма*, 410.

Послѣ всѣхъ разобранныхъ чертъ въ характерѣ Тургенева намъ будутъ совершенно понятны его отношенія къ совершенно чужимъ людямъ. Онъ воображалъ, что именно въ этомъ домѣ онъ нашелъ *свою* семью, родныхъ себѣ людей. Это съ совершенной опредѣленностью объяснялъ самъ Тургеневъ:

«Я люблю семейство, семейную жизнь, но судьба не послала мнѣ собственнаго моего семейства, и я прикрѣпился, вошелъ въ составъ чуждой семьи, и случайно выпало, что это семья французская. Съ давнихъ поръ моя жизнь переплелась съ жизнью этой семьи. Тамъ на меня смотрятъ не какъ на литератора, а какъ на человѣка, и среди ея мнѣ спокойно и тепло. Перемѣняетъ она мѣсто жительства—и я съ нею; отправляется она въ Лондонъ, Баденъ, Парижъ—и я переносу свое мѣстопробываніе вмѣстѣ съ нею» ⁶⁰).

Это—слова Тургенева, записанныя другимъ лицомъ. Но у насъ не мало и подлинныхъ выраженій въ такомъ же смыслѣ. «Мое семейство»—обычный отзывъ Тургенева о семействѣ Віардо и о событіяхъ въ этой средѣ—онъ пишетъ: «у насъ въ домѣ» ⁶¹).

Отношенія его ко всѣмъ членамъ семьи въ высшей степени сердечны, дышать болѣе чѣмъ родственной преданностью.

О семьѣ Віардо мы слышимъ вѣчно одно и то же: «для меня ея воля законъ», пишетъ Тургеневъ въ одномъ письмѣ ⁶²). Онъ горячо интересуется ея артистическими успѣхами, становится ея сотрудникомъ. Г-жѣ Віардо вздумалось написать оперетку *Послѣдній колдунъ* (*Le dernier des sorciers*), Тургеневъ сочинилъ текстъ, опереткѣ предстояло появиться на сценѣ въ Веймарѣ. По этому поводу Тургеневъ писалъ: «Я непременно туда поѣду и буду трепетать, хотя успѣхъ вѣроятенъ: музыка прелестная. Если оперетка понравится, то это можетъ имѣть важное вліяніе на будущую карьеру Віардо: она займется композиціей» ⁶³).

Спектакль, по словамъ Тургенева, имѣлъ успѣхъ и онъ написалъ корреспонденцію въ газету *С.-Петербургскія Вѣдомости*. Корреспонденція была очень благосклонная, и на Тургенева посыпались обвиненія въ рекламѣ. Это былъ конецъ шестидесятихъ годовъ, принесшихъ нашему писателю, какъ увидимъ ниже, не мало вражды и оскорбленій. Тургеневъ писалъ: «Я теперь въ такой немилости у публики, что, что бы я ни сдѣлалъ, все не такъ. Вотъ ужъ точно: «недовернулся, бьютъ; перевернулся, бьютъ».

⁶⁰) *Русск. Ст.* XL, 208.

⁶¹) *Письма*, 503, 348.

⁶²) Анненковъ. *В. Евр.* 1885, апр. 469.

⁶³) *Фетъ*. II, 193.

Письмо мое о Веймарѣ, конечно, реклама; но реклама о вещи, которую я считаю прекрасной. Но находить *безтактнымъ*, что послѣ 25-лѣтняго знакомства я *въ первый разъ* произнесъ имя г-жи Віардо въ такомъ дѣлѣ, которое совершилось воочію всѣхъ—это превосходить даже мои ожиданія» ⁶⁴).

Сотрудничество Тургенева не ограничилось одной оперетой. Онъ написалъ текстъ еще къ двумъ *L'ogre* и *Trop de femmes*. Иностранецъ, другъ Тургенева, рассказываетъ, что Иванъ Сергѣевичъ въ случаѣ, если не доставало баритона, не считалъ для себя унизительнымъ играть роль стараго колдуна, паши или людоеда; такого героя дразнили и мучили или прелестные эльфы, или слишкомъ многочисленныя жены его гарема и, не смотря на его величину и силу, побѣждали ⁶⁵).

Мужъ г-жи Віардо также являлся для Тургенева во всѣхъ отношеніяхъ симпатичной личностью. Тургеневъ называетъ его своимъ старымъ другомъ, г. Віардо—его казначей, ⁶⁶) съ нимъ Тургеневъ дѣлитъ одно изъ величайшихъ своихъ удовольствій—охоту. Віардо не менѣе страстный охотникъ, чѣмъ его русскій другъ. Віардо, кромѣ того, художественно-развитой пѣвитель искусства и прекрасный собесѣдникъ.

Г-жа Віардо переводитъ произведенія Тургенева на французскій языкъ, конечно, съ помощью автора, перелагаетъ на музыку русскія пѣсни и произведенія русскихъ поэтовъ. Вообще, Тургеневъ находитъ въ этой семьѣ полное удовлетвореніе своимъ художественнымъ вкусамъ.

Едва ли не важнѣе было удовлетвореніе другихъ чувствъ. Тургеневъ питаетъ нѣжнѣйшую любовь къ дѣтямъ г-жи Віардо. Онъ любитъ ихъ, какъ родныхъ, говоритъ Додэ, и доказываетъ это на каждомъ шагу. Онъ не находитъ словъ выразить свой восторгъ предъ дочерью г-жи Віардо. Онъ посылаетъ знакомымъ ея фотографію, какъ идеальнаго изящнаго: «вотъ на кого нужно стихи писать», прибавляетъ онъ. Это—«существо удивительное», и талантъ къ живописи «необычайный» ⁶⁷). Вопросъ о замужествѣ Диди глубоко волнуетъ его. Онъ даетъ ей богатое приданое, сообщаетъ друзьямъ подробныя извѣстія объ ея будущемъ мужѣ, объ ея настроеніи. Свадьба, наконецъ, совершилась. «Ты можешь себя представить,—пишетъ Тургеневъ другу,—въ какихъ хлопотахъ и въ какомъ ра-

⁶⁴) Письма, 159. Ср. Русск. Ст. ХLI, 181.

⁶⁵) Иностранная критика. Пончъ, 167.

⁶⁶) Письма, 63.

⁶⁷) Фетъ, II, 193.

достномъ волненіи я былъ все это время. Теперь оба молодые такъ счастливы, что даже смѣшно и трогательно глядѣть на нихъ» ⁶⁸).

Спустя семь лѣтъ повторяются тѣ же волненія и хлопоты по поводу брака другой дочери г-жи Віардо. И на этотъ разъ Тургеневъ слѣдитъ за каждымъ днемъ молодой женщины, сообщаетъ друзьямъ ея радости и горе, во время ея болѣзни не спитъ шесть ночей сряду. Это происходитъ какъ разъ въ то время, когда собственная дочь Тургенева принуждена бѣжать отъ мужа и отецъ долженъ ее укрывать. Столько передрагъ для старика, уже страдающаго всевозможными недугами! И сколько любви, интереса къ чужой жизни, терпимости къ чужимъ ошибкамъ въ то время, когда смерть грозила съ часу на часъ! Онъ нѣсколько разъ принимается увѣрять друзей, что «здоровье его не пошатнулось». Но смерть уже сторожила его, и онъ даже предчувствуетъ ея появленіе ⁶⁹).

Сынъ г-жи Віардо пользуется также исключительнымъ вниманіемъ Тургенева. Иванъ Сергѣевичъ восхищается музыкальными успѣхами юноши, занимается съ нимъ науками, репетируетъ его...

Все это свидѣтельствуетъ о необычайной способности Тургенева любить и привязываться къ людямъ. Но здѣсь только одна сторона вопроса. Другая—еще важнѣе, это нравственный результатъ только что рассказанныхъ отношеній для самого Тургенева. Нашелъ ли онъ дѣйствительно удовлетвореніе своей жаждѣ семейнаго счастья? Подарила ли ему чужая страна то, чего онъ тщетно ждалъ на родинѣ? Можетъ быть, здѣсь сдумѣли оцѣнить благороднѣйшіе запросы человѣка и отвѣтить на идеальную тоску великаго художника?..

Отвѣтъ мы уже знаемъ, онъ подсказанъ намъ самимъ Тургеневымъ. Его жалобы на одиночество, неутомимая тоска о семьѣ, о счастье у семейнаго очага, его горячіе совѣты другу жениться, совѣты, сопровождаемые мучительнымъ сѣтованіемъ о своей холостой жизни,—все это наполняетъ именно тѣ годы, какіе Тургеневъ проводилъ въ семьѣ Віардо, осыпая ее благодѣяніями, свидѣтельствуя безпрестанно чувство нѣжной привязанности къ дѣтямъ. Онъ отождествляетъ себя съ этой семьей. Въ одномъ письмѣ читаемъ: «Я говорю «мы», т.-е. семейство Віардо и я; я съ ними не разстанусь» ⁷⁰).

И онъ дѣйствительно съ ними не разстается. Что это за жизнь въ нравственномъ отношеніи — Тургеневъ, по словамъ его друга,

⁶⁸) Письма, 176, 220, 226—7—8.

⁶⁹) Письма, 377—8, 385, 398, 390—3, 402, 407—8.

⁷⁰) Р. Ст. XLI, 184.

никогда никому не объяснялъ. Но онъ не рассказываетъ *фактовъ, настроеній* же своихъ онъ не скрываетъ. Никто изъ друзей не осмѣливался спрашивать Тургенева, какъ ему живется въ Парижѣ, и какъ относится къ нему французская семья. Спрашивать не было необходимости, стоило только внимательно читать письма Тургенева, чтобы разгадать тайну.

Только что приведенныя слова Тургенева относятся къ 1870 году, и именно семидесятые годы богаче какой-либо другой эпохи подобными признаніями. На эти годы падаютъ восторги Тургенева дѣтьми Віардо, одновременно онъ осыпаетъ милостями дочерей г-жи Віардо, живетъ часто ихъ жизнью день за днемъ. Казалось бы, здѣсь истинное счастье. На самомъ дѣлѣ мрачное настроеніе Тургенева растетъ съ каждымъ годомъ и, какъ ночь за днемъ, крикъ отчаянія и пессимизма сопровождаетъ чувствительныя извѣстія.

Одинъ отрывокъ изъ дневника краснорѣчивѣе всякихъ разсужденій.

«Полночь. Сижу я опять за своимъ столомъ... а у меня на душѣ темнѣе темной ночи... Могила словно торопится проглотить меня; какъ мигъ какой пролетаетъ день, пустой, безцѣльный, безцвѣтный. Смотришь: опять вались въ постель. Ни права жить, ни охоты вѣтъ; дѣлать больше нечего, нечего ожидать, нечего даже желать» ⁷¹⁾.

Этотъ мотивъ повторяется безпрестанно.

Одному изъ знакомыхъ онъ пишетъ: «Когда вамъ приходится думать обо мнѣ, не забывайте пожалуйста, что я сталъ теперь существомъ, постоянно, какъ часовой маятникъ, колеблющимся между двумя, одинаково безобразными, чувствами: отвращеніемъ къ жизни и страхомъ смерти, а потому и не взыскивайте съ меня» ⁷²⁾.

Тургеневъ считаетъ высшимъ блаженствомъ «однообразіе», «сходство нынѣшняго дня со вчерашнимъ» ⁷³⁾. Реальный міръ по временамъ утрачиваетъ для него всякій интересъ. Великій писатель напоминаетъ нерѣдко одну изъ своихъ героинь, недужную дѣвушку въ разсказѣ *Жизня моги*. Для него также сны являются источникомъ жизни, возбуждаютъ его творческія силы, а дѣйствительная жизнь исполнена мрака, тоски, безысходной грусти... Тургеневу постоянно приходитъ на память его любимый герой

⁷¹⁾ Письма, 316.

⁷²⁾ Фетъ, II, 250.

⁷³⁾ Письма, 253.

Гамлетъ. Онъ пишетъ въ 1873 году: «Холодъ старости съ каждымъ днемъ глубже проникаетъ въ мою душу — сильнѣе охватываетъ ее; равнодушіе ко всему, которое я въ себѣ замѣчаю, меня самого пугаетъ! Вотъ ужъ точно могу сказать съ Гамлетомъ:

How stale, flat and unprofitable
Seems me that life!..⁷⁴⁾.

Эта «старческая тоска», по выраженію одного иностранца, неоступно преслѣдуетъ Тургенева. Самъ онъ отлично понимаетъ ея смыслъ: это — холодъ одиночества, безпріютности, сердечной неудовлетворенности. Онъ часто встрѣчается съ людьми, ему симпатичными. Онъ въ восторгѣ отъ Жоржъ Зандъ, съ большимъ удовольствіемъ гоститъ у нея, или у Флобера, но не можетъ написать другу, что онъ былъ «веселъ»: «перо не поворачивается»⁷⁵⁾.

Очевидно, этихъ хорошихъ людей было мало, чтобы наполнить пустоту, томившую Тургенева съ каждымъ годомъ все сильнѣй. И онъ не скрывалъ своего настроенія, говорилъ о немъ въ обществѣ своихъ друзей иностранцевъ⁷⁶⁾.

Мы взяли только одну эпоху въ жизни Тургенева, всего нѣсколько лѣтъ — именно тѣ, когда онъ особенно много занимался семьей и семейными дѣлами гг. Віардо, мы видимъ, какъ мало нравственнаго удовлетворенія принесли Тургеневу всѣ эти заботы: вѣчно болящая неизлечимая рана, и въ ближайшей средѣ не было для нея цѣлительной силы.

Эта эпоха не представляетъ исключенія. Тѣ же рѣчи мы слышимъ съ самаго начала заграничной жизни Тургенева. Онъ, по словамъ очевидца, покидаетъ родину грустный, задумчивый и печальный. Въ первый же годъ въ Парижѣ его охватываетъ такая тоска, что онъ не знаетъ, куда дѣваться⁷⁷⁾. Тоска—безпредметная, необъяснимая, знакомая молодости, одинокой, ни съ кѣмъ нераздѣленной. И здѣсь—вопросъ не въ недостатокѣ хорошихъ людей. Напротивъ, Тургеневъ съ перваго же появленія за границей привлекаетъ общее вниманіе, вызываетъ даже восторженные чувства.

Иностранецъ рассказываетъ о случайной встрѣчѣ съ Иваномъ Сергѣевичемъ, котораго онъ еще не зналъ. Встрѣча произошла въ читальнѣ. «Спускаясь по лѣстницѣ», пишетъ этотъ другъ и горячій поклонникъ Тургенева, «я остановился, какъ бы очарован-

⁷⁴⁾ *Письма*, 213.

⁷⁵⁾ *Ид.*, 219.

⁷⁶⁾ *Ист. В.*, XIV, 450.

⁷⁷⁾ *Полоновій*, 516.

ный видождь могучей фигуры и лица молодого иностранца, закутаннаго въ шубу и подымавшагося мнѣ на встрѣчу. Никогда я не испытываждь подобнаго впечатлѣнія отъ одной наружности чело-вѣка; никогда мое чувство не подсказывало мнѣ такъ непосредственно и инстинктивно: «это—необыкновенный чело-вѣкъ!»⁷⁸⁾.

Этотъ фактъ относится къ первымъ днямъ пребыванія Тургенева за границей. Спустя нѣсколько времени рассказчикъ познакомился съ Иваномъ Сергѣевичемъ и на этотъ разъ пришелъ въ совершенный восторгъ, и такое впечатлѣніе Тургеневъ произвелъ на всѣхъ своихъ новыхъ знакомыхъ. «Русскій гость», продолжаетъ рассказчикъ, «съ пернаго же вечера сталъ центромъ нашего кружка: всѣ его слушали съ благоговѣніемъ, какъ очарованные».

Тургеневъ провожалъ семейство Віардо изъ Россіи. По пути въ Парижъ г-жа Віардо осталась въ Берлинѣ и съ 1-го января 1847 года на пять мѣсяцевъ слишкомъ вступила въ берлинскую королевскую оперу. Тургеневъ также былъ въ Берлинѣ. Объ этой порѣ у насъ есть воспоминанія того же друга Тургенева,—воспоминанія неизмѣнно восторженныя.

Нѣмецъ, долго спустя, такъ писалъ о прошломъ: «Счастливое и незабвенное для насъ время, проведенное съ Тургеневымъ и съ знаменитой артисткой въ теченіе зимнихъ и весеннихъ мѣсяцевъ этого года! Удивительнѣе всего, что Тургеневъ, противъ обыкновенія всѣхъ поэтовъ, ни однимъ словомъ не обмолвился тогда о томъ, что въ его отечествѣ онъ былъ уже извѣстенъ за выдающагося писателя. Очень часто, подъ впечатлѣніемъ его художественнаго рассказа и всего его существа, я говорилъ ему: «Вы истинный поэтъ! вы—великій, единственный въ мірѣ рассказчикъ! Какъ вы говорите, такъ вы должны бы и писать. Тогда вашъ народъ и весь свѣтъ узнаютъ васъ и будутъ удивляться вамъ». Улыбаясь, онъ отклонялъ эти похвалы и увѣрялъ,—о, лицомъ!—что въ немъ нѣтъ ничего поэтическаго».

Такой пріемъ встрѣтилъ Тургеневъ за границей. Это было предзнаменованіемъ для всей послѣдующей жизни Тургенева. Его личность неизмѣнно была окружена обаяніемъ въ глазахъ иностранцевъ, его геній единогласно признавался критиками всѣхъ странъ Западной Европы и Америки. Но, для счастья чело-вѣка,—не писателя,—требуется нѣчто другое,—не шумъ славы, не восторги чужихъ людей, даже не дружба. Этого «нѣчто» не выпало на долю

⁷⁸⁾ *Иностр. критика*. Печъ, 142. У автора говорится о встрѣчѣ съ Тургеневымъ въ Берлинѣ въ «ноябрьскій вечеръ 1846 года». Мы уже видѣли, что эта хронологія первой поѣздки Тургенева за границу неточна.

Тургенева до самой смерти. Напротивъ, его встрѣчалъ холодъ и равнодушіе тамъ, гдѣ онъ полагалъ свое истинное счастье.

Мы позволимъ себѣ привести разсказъ поэта Фета, посѣтившаго Тургенева, когда тотъ жилъ у гг. Віардо. Мы ссылаемся на этотъ разсказъ, потому что онъ подтверждается свѣдѣніями изъ другого источника и, отчасти, письмами самого Ивана Сергѣевича.

Фетъ прогостилъ у Тургенева нѣсколько дней. Взаимныя отношенія Тургенева и г-жи Віардо казались ему отношеніями поднормальнаго хозяина къ своему гостю, это были привѣтливость и гостепріимство, и не равноправное чувство дружбы. По поводу г-жи Віардо Фетъ приводитъ свой разговоръ съ Тургеневымъ, крайне любозытнѣй, можетъ быть, не волюнѣ достовѣрный во всѣхъ подробностяхъ, но врядъ ли искажающій общій смыслъ выраженій Тургенева.

Тургеневъ разсказалъ Фету, какъ онъ, по совѣту г-жи Віардо, рѣшилъ воспитывать свою дочь за границей. «И не въ одномъ этомъ отношеніи,—прибавилъ Тургеневъ, воодушевляясь,—я подчиненъ волѣ этой женщины. Нѣтъ! Она давно и навсегда заслонила отъ меня все остальное, и такъ мнѣ и надо. Я только тогда блаженствую, когда женщина каблукомъ наступитъ мнѣ на шею и вдавитъ мое лицо носомъ въ грязь. Боже мой!—воскликнулъ онъ, заламывая руки надъ головою и шагая по комнатѣ,—какое счастье для женщины быть безобразной!»⁷⁹⁾

Въ этихъ словахъ, можетъ быть, и не совѣмъ точныхъ, могло сказаться минутное настроеніе. Но характерна самая возможность такихъ настроеній. Не на одного Фета влѣпниая жизнь Тургенева у гг. Віардо производила тяжелое впечатлѣніе. Много лѣтъ спустя ему приходилось разубѣждать своихъ друзей, представлявшихъ его пережитую жизнь въ слишкомъ мрачныхъ краскахъ.

Друзьямъ казалось, что Тургеневъ больной останется одинъ, въ душной и тѣсной комнатѣ. Опасенія, очевидно, вызывались дѣйствительностью. Тургеневу приходилось подробно описывать свою квартиру, ссылаться на обычай французовъ—устраивать комнаты небольшія, низкія, распространяться на счетъ своихъ будней. Не знаемъ, удавалось ли Тургеневу убѣдить своихъ друзей, что ему живется отлично. Мы впоследствии должны будемъ разсказать о послѣднемъ, предсмертномъ періодѣ жизни Ивана Сергѣевича. Тогда мы увидимъ, что друзья, на основаніи собственныхъ писемъ Тургенева, имѣли полное основаніе беспокоиться объ его су-

⁷⁹⁾ Фетъ, I, 157—9.

ществованіи, даже стремиться пріѣхать къ нему, чтобы ухаживать за нимъ во время болѣзни. Безпокойство и стремленія—мы убѣдимся въ этомъ—вполнѣ основательны. Изображеніе послѣднихъ дней нашего писателя дополнить картину его личной жизни въ чужой семьѣ. Здѣсь не будетъ ни одной черты противорѣчивой или даже сомнительной: семья Віардо какъ была, такъ и оставалась для Тургенева нравственно-чуждой, не смотря на всѣ его усилія сродниться съ ней сердцемъ. Одиночество сопутствовало Тургеневу съ первой минуты сознанія до могилы. Поѣздка за границу не принесла Ивану Сергѣевичу нравственнаго удовлетворенія со стороны чужихъ, а свои отдалялись отъ него все больше съ каждымъ годомъ.

Ив. Ивановъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИЗЪ ВИКТОРА ГЮГО.

Я былъ одинъ, одинъ подъ кровомъ ночи звѣздной,
На тихомъ берегу, у свѣтлыхъ волнъ морскихъ...
Ни тучки въ небесахъ, ни паруса надъ бездною,—
И только ночь плыла въ одеждахъ голубыхъ.

И горы, и лѣса, казалось, вопрошали
Про тайну у волны вочующей морей,
И небу, полному безчисленныхъ огней,
Вопросъ таинственный они передавали.

И волны синія, хребты свои склоняя,
Ихъ вольныя стада, которымъ власти нѣтъ,
На берегъ дремлющій въ волненьи набѣгая,
Поворно имъ несли торжественный отвѣтъ.

И звѣздный хоръ шепталъ, волнамъ холоднымъ вторя,
И каждая звѣзда склоняла свой вѣнецъ,
И въ тихомъ шопотѣ, и въ звучномъ шумѣ моря
Я слышалъ: „это Ты, Создатель и Творецъ!“

Влад. Ладыженскій.

НОВЫЙ ШАГЪ КЪ ПРОСВѢЩЕНІЮ.

(по поводу «программъ домашняго чтенія») *).

«Свѣтъ полонъ книгъ, но кто можетъ гарантировать, что человѣкъ читаетъ лучшую въ данномъ отношеніи книгу, а не теряетъ по-пусту время?» — говоритъ одинъ изъ учредителей Общества помощи домашнему чтенію въ Америкѣ. Это замѣчаніе вполне примѣнимо и къ нашей читающей публикѣ, примѣнимо даже въ большей степени, чѣмъ къ американской, среди которой умѣніе ориентироваться въ массѣ книжнаго матеріала, конечно, развито несравненно больше, чѣмъ у насъ. Къ кому обратиться, съ чего начать, гдѣ, наконецъ, получить требуемую книгу, — таковы вопросы, съ которыми неизбѣжно имѣетъ дѣло всякій, желающій посредствомъ чтенія пополнить свое образование. И какъ часто эти вопросы такъ и остаются безъ отвѣта, за отсутствіемъ надлежащаго руководства!

А между тѣмъ, стремленіе къ знанію, — не отрывочному, случайному и поверхностному, а, по возможности, полному, систематизированному и глубокому, — становится и у насъ съ каждымъ годомъ сильнѣе. То время давно миновало, когда знаніе считалось роскошью, привилегіей немногихъ избранныхъ, — остальнымъ же невѣжество чуть-ли не вмѣнялось въ обязанность и во всякомъ случаѣ считалось вполне естественнымъ состояніемъ. Просвѣщеніе сдѣлалось и у насъ органической потребностью народной жизни, возрастающею съ невѣроятной быстротой, далеко опередившею удовлетвореніе. Стоитъ вспомнить, какъ переполнены наши низшія, среднія и высшія учебныя заведенія, чтобы признать, что это стремленіе къ знанію отнюдь не имѣетъ характера чего-либо случайнаго, временнаго, извнѣ навѣяннаго, а вытекаетъ изъ усло-

*) *Программы домашняго чтенія на 1894—95 годъ.* Изданіе Коммиссіи по организаціи домашняго чтенія, состоящей при учебномъ отдѣлѣ Общества распространенія техническихъ знаній. Москва. 1894 г. Цѣна 25 к.

вій современной жизни, находится въ непосредственной прямой связи съ нею и настоятельно требуетъ удовлетворенія. Поэтому, полнаго вниманія заслуживаетъ всякій начинъ въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія, всякій новый шагъ въ этомъ направленіи, тѣмъ болѣе, если инициатива исходитъ изъ среды самого общества.

Такимъ *новымъ* шагомъ въ этомъ отношеніи является безспорно организація домашняго чтенія, предпринятая комиссіей при учебномъ отдѣлѣ московскаго Общества распространенія техническихъ знаній.

Потребность въ самообразованіи среди нашей интеллигентной публики составляетъ фактъ, не подлежащій сомнѣнію. При недостаточности высшихъ учебныхъ заведеній многимъ остается одно— посредствомъ домашняго чтенія пополнять пробѣлы своихъ знаній. Какъ велико число лицъ, которымъ не удастся завершить свое образованіе въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, видно, напр., изъ слѣдующихъ данныхъ. Въ текущемъ академическомъ году на конкурсные экзамены въ спеціальныя заведенія въ С.-Петербургѣ записалось свыше 2.000 человекъ, изъ которыхъ могли быть приняты только 500; остальные не могли поступить за недостаткомъ вакансій. Что же имъ остается? Бхать за границу могутъ весьма немногіе, отчасти за недостаткомъ средствъ, отчасти по разнымъ другимъ причинамъ. Трудно допустить, чтобы вся эта масса лицъ ограничилась только тѣмъ, что вынесла изъ средней школы. Въ еще болѣе затруднительномъ положеніи находится вся масса нашихъ интеллигентныхъ женщинъ, для которыхъ существуетъ одно только на всю Россію высшее учебное заведеніе — Бестужевскіе курсы. Для нихъ, такимъ образомъ, остается одно— самообразованіе путемъ систематическаго чтенія. И въ этомъ имъ прежде всего приходится наталкиваться на непреодолимые почти затрудненія при выборѣ и подыскиваніи надлежащихъ руководствъ. Устранить хотя бы отчасти эти затрудненія и беретъ на себя упомянутая комиссія, выпустившая въ свѣтъ, для начала дѣятельности, свои «Программы домашняго чтенія».

Приступая къ ихъ изданію, комиссія «могла воспользоваться только опытомъ заграничныхъ учрежденій подобнаго рода, но по условіямъ русской жизни ей пришлось съ самаго начала существенно измѣнить характеръ своей дѣятельности». Чтобы яснѣе представить читателямъ, въ чемъ собственно заключается планъ этой дѣятельности у насъ, не лишне напомнить вкратцѣ, какъ ведется это дѣло въ Америкѣ, общества самообразованія которой послужили, повидимому, главнымъ образцомъ для Московской комиссіи.

Первымъ учрежденіемъ подобнаго рода явился въ Америкѣ *) потокуйскій литературно - научный кружокъ, поставившій своею цѣлью—«развитіе привычки къ чтенію и изученію природы, искусства, науки и литературы, какъ духовной, такъ и свѣтской, въ связи съ теченіемъ обыденной жизни»—спеціально для тѣхъ, кто былъ лишенъ возможности правильнаго образованія. «Далѣе, его задача состоитъ въ томъ, чтобы помочь выработать общій взглядъ образованнаго человѣка на свѣтъ и на жизнь и развить способность связнаго и правильнаго мышленія». Важнѣйшій путь, которыми достигаются эти цѣли, это — *домашнее чтеніе* и усвоеніе соответствующихъ научныхъ сочиненій по программѣ, доставляемой этимъ обществомъ. Двѣ категоріи лицъ имѣются въ виду при этомъ: тѣ, которыя или совсѣмъ не получили систематическаго средняго образованія, или, хотя и прошли среднюю школу, но съ теченіемъ времени многое позабыли. «У многихъ людей въ зрѣломъ возрастѣ, глядя, напримѣръ, на своихъ подросшихъ дѣтей, является горестное сознаніе большихъ пробѣловъ въ своемъ собственномъ образованіи и желаніе ихъ пополнить. Въ этомъ случаѣ взрослые люди поставлены въ гораздо болѣе беспомощное положеніе въ каждой культурной странѣ, нежели малолѣтніе, для которыхъ имѣется повсюду такой большой выборъ разнообразныхъ учебныхъ заведеній». Для такихъ именно лицъ потокуйское общество является спасительнымъ прибѣжищемъ. Заплативъ около рубля, каждый желающій дѣлается членомъ его, получаетъ программу чтенія, выработанную свѣдущими людьми, съ указаніемъ цѣны нужныхъ книгъ и гдѣ ихъ можно купить. Въ случаѣ сомнѣній или затрудненій, онъ можетъ обратиться въ общество за разъясненіями, а если онъ пожелаетъ пробѣрить свои знанія, то къ его услугамъ опредѣленные экзаменаціонныя правила. Онъ высылаетъ по почтѣ свои письменныя работы или отвѣты на вопросы, предложенные профессоромъ въ обществѣ, и получаетъ за ничтожное вознагражденіе то или иное удостовѣреніе въ сдѣланныхъ имъ успѣхахъ. Кромѣ того, разъ въ годъ, въ лѣтніе мѣсяцы, бывають собранія членовъ кружка въ живописномъ мѣстечкѣ Шотокуа (откуда и названіе кружка), гдѣ происходитъ совмѣстное обученіе по всевозможнымъ предметамъ, начиная съ гимнастики, искусства и прикладныхъ знаній и кончая науками чисто университетскаго преподаванія.

Московская комиссія остановилась на первой формѣ помощи,

*) См. книгу г. Янжула «Въ поискахъ лучшаго будущаго», очеркъ «Націонализаціи университетскаго образованія».

практикуемой въ Америкѣ, именно на письменныхъ сношеніяхъ съ членами общества, что зависитъ прежде всего отъ того круга лицъ, который имѣется при этомъ въ виду. Въ дѣлѣ самообразованія больше всего нуждается въ руководствѣ житель провинціи, особенно глухихъ ея уголковъ, гдѣ не только трудно, — подчасъ и совсѣмъ невозможно найти необходимыя указанія, — но и самая книга является до сихъ поръ рѣдкостью. Что касается содержанія сношеній съ своими членами, то комиссія вполне правильно, по нашему мнѣнію, точно ограничиваетъ ихъ, отказываясь отвѣчать на всевозможные вопросы, которые могли бы заинтересовать того или иного читателя. Практически это необходимо. Въ провинціи до сихъ поръ живъ Петръ Ивановичъ Бобчинскій, готовый всегда заявить о своемъ существованіи, по любому поводу и безъ повода. Но, кромѣ того, такое ограниченіе необходимо для главной цѣли, которую комиссія видитъ въ помощи *самообразованію*. «Этимъ самымъ, — заявляетъ комиссія въ предисловіи къ своимъ «Программамъ», — исключаются изъ круга предметовъ, усвоенію которыхъ будетъ помогать комиссія, всевозможныя прикладныя знанія. Въ сферѣ же общеобразовательныхъ знаній комиссія предлагаетъ свое руководство, главнымъ образомъ, тѣмъ лицамъ, которыя желаютъ *серьезно* и *основательно* ознакомиться съ тѣмъ или другимъ научнымъ отдѣломъ, но не имѣютъ возможности изучать его въ *высшей* школѣ. Содержаніе программъ для чтенія, предлагаемыхъ комиссіей, большею частью соотвѣтствуетъ программамъ высшей школы».

Это слово «высшая школа» не должно пугать читателей. Со стороны комиссіи, какъ увидимъ ниже, сдѣлано все, что отъ нея зависѣло, чтобы облегчить своимъ клиентамъ занятія. Тѣмъ не менѣе, можно ожидать упрека по адресу комиссіи, что такая сложная цѣль дѣлаетъ ея программы недостаточно популярными, въ смыслѣ общедоступности, пониманія ихъ и тѣми, кто не обладаетъ подготовкой, необходимой для курса высшей школы. Здѣсь именно и сказывается различіе условій, при которыхъ приходится дѣйствовать Московской комиссіи и подобнымъ же учрежденіямъ на Западѣ или въ Америкѣ. Тамъ, благодаря общимъ успѣхамъ культуры, существуетъ несравненно болѣе и болѣе подготовленный кругъ читателей, желающихъ завершить свое образованіе, чѣмъ у насъ. Почему Московская комиссія по необходимости должна на первое время приспособить свои программы къ болѣе или менѣе опредѣленному по своему развитію и познаніямъ кругу лицъ. Этихъ послѣднихъ комиссія дѣлитъ на три категоріи: «1) лица, вовсе не имѣвшія возможности пріобрѣсти правильное

среднее образованіе, но болѣе или менѣе привыкшія читать серьезныя книги популярно-научнаго содержанія; 2) лица, окончившія курсъ средней школы, но не получившія высшаго образованія, и 3) лица, окончившія высшую школу, которыя пожелали бы съ помощью комиссіи освѣжить забытыя знанія, пополнить пробѣлы или приобрѣсти новыя свѣдѣнія въ незнакомыхъ имъ отдѣлахъ наукъ». Такимъ образомъ, при составленіи программъ мѣриломъ комиссіи служила средняя школа, къ уровню которой примѣняются программы. Опытъ, конечно, укажетъ, насколько послѣднія достигаютъ цѣли, насколько онѣ доступны большинству читателей и могутъ рассчитывать на распространеніе въ массѣ. Комиссія, впрочемъ, справедливо замѣчаетъ, что не слѣдуетъ смущаться первымъ впечатлѣніемъ, такъ какъ «посредствомъ письменныхъ сношеній всегда есть возможность приспособить общія указанія комиссіи къ потребностямъ отдѣльнаго читателя».

Въ чемъ же заключаются программы домашняго чтенія, предлагаемыя комиссіей?

«Комиссія принимаетъ на себя руководство домашнимъ чтеніемъ по слѣдующимъ отдѣламъ наукъ: 1) физико-химическія науки; 2) біологическія (ботаника и зоологія); 3) философскія; 4) юридико-экономическія; 5) исторія и 6) литература». Программа каждаго отдѣла рассчитана на четыре года, соотвѣтственно четырехъ-годичнымъ курсамъ нашихъ факультетовъ. Такой длинный срокъ можетъ многимъ показаться слишкомъ отяготительнымъ. Но не слѣдуетъ забывать, что огромное большинство читателей могутъ посвящать систематическому чтенію только свободное отъ своихъ занятій время, болѣе или менѣе ограниченное. Для нихъ и въ четыре года пройти все, что требуется программой, окажется нелегкимъ дѣломъ, хотя въ каждой программѣ указанъ только *необходимый минимумъ* познаній, «при усвоеніи котораго соотвѣтственный отдѣлъ наукъ можетъ считаться пройденнымъ сколько-нибудь основательно». Комиссія, впрочемъ, не связываетъ своихъ читателей непремѣнно четырехгодичной программой, въ особенности тѣхъ изъ нихъ, которые ограничатся однимъ отдѣломъ, или ножедаютъ составить себѣ изъ выдѣленныхъ отдѣловъ собственную программу.

Настоящій сборникъ программъ распадается на два большихъ отдѣла: 1) планъ систематическаго чтенія на четыре года, и подробная программа чтенія по каждому отдѣлу на 1894—1895 г.; 2) планъ чтенія по отдѣльнымъ вопросамъ. Въ первомъ изъ нихъ изложена вкратцѣ общая программа по каждому изъ шести упомянутыхъ научныхъ отдѣловъ, съ необходимыми къ ней поясне-

ніями, опредѣляющими характеръ и сущность охватываемыхъ имъ наукъ. Затѣмъ слѣдуютъ подробныя программы чтенія на текущій академическій годъ. Каждая изъ нихъ распадается на собственно программу чтенія и провѣрочные вопросы по прочитанному въ теченіе года. Чтобы облегчить читателю занятія, всѣ нужныя ему книги раздѣлены на а) пособія необходимыя и б) рекомендуемыя. Въ числѣ первыхъ указано по нѣскольку руководствъ съ поясненіемъ, чѣмъ то или другое можетъ быть особенно полезно, кому болѣе доступно одно, кому другое, смотря по тѣмъ знаніямъ, которыми уже располагаетъ каждый читатель. Напримеръ, по физикѣ указаны три руководства: Ковалевскаго, Фролова и Королькова и Матюшенинова, какъ необходимыя пособія для занятій на первый годъ чтенія. «Для лицъ, вовсе незнакомыхъ съ курсомъ физики, коммиссія предлагаетъ положить въ основу изученія книгу Ковалевскаго, именно первыя 18 главъ этой книги (286 стр.). По этой книгѣ и сдѣланы дальше ближайшія указанія и поставлены провѣрочные вопросы. Читателю, знакомому съ гимназическимъ курсомъ физики, рекомендуется учебникъ Фролова. По содержанію онъ значительно обширнѣе курса средне-учебныхъ заведеній; мѣстами слогъ нѣсколько тяжелъ; но этотъ недостатокъ выкупается тѣмъ, что изложеніе поставлено на современную точку зрѣнія. Напротивъ, для тѣхъ, кому и учебникъ Ковалевскаго покажется слишкомъ труденъ, предлагается учебникъ Королькова и Матюшенкова». Приблизительно, въ томъ же родѣ даются поясненія относительно каждаго пособія и рекомендуемой книги, съ указаніями, что въ ней заслуживаетъ особеннаго вниманія. Благодаря этимъ поясненіямъ, каждый можетъ выбрать то, что болѣе всего отвѣчаетъ его познаніямъ. Если по нѣкоторымъ отдѣламъ нѣтъ такого разнообразія, то это объясняется отсутствіемъ требуемыхъ книгъ на русскомъ языкѣ. Бѣдность нашей популярной литературы является въ этомъ случаѣ неустранимымъ на первое время препятствіемъ. Такъ, коммиссія вынуждена была отложить введеніе въ общій курсъ цѣлаго отдѣла математическихъ наукъ, въ виду полного отсутствія на русскомъ языкѣ подходящихъ руководствъ.

Провѣрочные вопросы составлены очень подробно, чтобы читатели могли провѣрять себя на каждомъ шагѣ въ данной области знаній, не довѣряясь кажущейся легкости усвоеній. Само собой разумѣется, что, несмотря на обиліе этихъ вопросовъ, у разныхъ читателей могутъ возникнуть недоразумѣнія и явиться новые вопросы, не вошедшіе въ число поставленныхъ коммиссіей. Отсюда и вытекаетъ необходимость живого общія сношеніями между читателями и ихъ руководителями. Не слѣдовало бы только,

въ особенности на' первое время, забрасывать комиссію излишними вопросами, входя въ такія подробности, которыя, по мѣрѣ ознакомленія съ данной наукой, выяснятся сами собой.

Во второмъ отдѣлѣ предлагается руководство для чтенія по отдѣльнымъ вопросамъ изъ математики, химіи, ботаники, философіи, политической экономіи, этнографіи, всеобщей и русской исторіи и литературы. Такое чтеніе доступно лицамъ, уже обладающимъ извѣстными познаніями въ данной наукѣ и умѣющими работать болѣе или менѣе самостоятельно надъ какимъ-либо вопросомъ. Каждый вопросъ охватываетъ законченный кругъ фактовъ или явленій, съ подробнымъ указаніемъ источниковъ, необходимыхъ для его изученія. Въ то же время каждый вопросъ выбранъ такъ, чтобы служить читателю исходнымъ пунктомъ для дальнѣйшаго ознакомленія съ рядомъ однородныхъ вопросовъ въ данной наукѣ. Напримѣръ, по русской исторіи дана тема: «Жизнь и дѣятельность Сперанскаго», какъ «удобный исходный пунктъ при изученіи разнообразныхъ вопросовъ по исторіи русскихъ государственныхъ учреждений и русскаго общественнаго развитія». Конечно, читатели могутъ и сами выбирать себѣ темы. Задача комиссіи въ такихъ случаяхъ состоитъ въ томъ, чтобы указать источники и поставить рядъ вопросовъ, которыми читатель долженъ руководствоваться при разработкѣ избранной имъ темы. На первое время большинство читателей, вѣроятно, ограничатся предложенными темами, тѣмъ болѣе, что выборъ комиссіи очень интересенъ. Темы задуманы широко и живы по содержанию, подобранный для нихъ матеріалъ выбранъ очень тщательно, и поработать есть надъ чѣмъ для всякаго, желающаго познакомиться съ новымъ для него научнымъ вопросомъ. Этотъ отдѣлъ привлечетъ вниманіе читающей публики едва-ли не больше, чѣмъ отдѣлъ систематическаго чтенія. Въ сущности онъ долженъ бы служить только дополненіемъ къ послѣднему, но на первое, по крайней мѣрѣ, время можно ожидать обратнаго. Недостатокъ навыка къ правильному систематическому чтенію, отсутствіе выдержки и обычная наша торопливость, не могутъ не оказать вліянія на ходъ чтенія. Для большинства, конечно, сразу обнаружится невозможность брать отдѣльные вопросы, не обладая общей подготовкой, и съ теченіемъ времени возстановится правильное отношеніе читателей къ обоимъ отдѣламъ.

Такова въ общихъ чертахъ сущность *) «Программы домашняго чтенія».

*) Въ своей характеристикѣ этихъ «Программъ» мы сочли лишнимъ вдаваться въ подробности, полагая, что интересующіеся ими заглянутъ сами въ сборникъ Московской комиссіи.

Познакомившись съ ними, вполне естественно задать себѣ вопросъ, на сколько дѣло, предпринятое Московскою комиссіей, можетъ имѣть у насъ успѣхъ? Повидимому, существуютъ всѣ условія къ тому, чтобы успѣхъ этотъ былъ обезпеченъ. Съ своей стороны, комиссія сдѣлала все, что отъ нея зависѣло, чтобы облегчить читателю его работу. Какъ видно изъ приложенныхъ ниже «Правилъ для сношеній читателей съ комиссіей», предлагаемое руководство доступно даже для лицъ, располагающихъ самыми скромными средствами. Спросъ на такое руководство несомнѣненъ. Въ первый же мѣсяцъ по выходѣ въ свѣтъ настоящаго сборника онъ разошелся въ 4.800 экземплярахъ, и, вѣроятно, въ непродолжительномъ времени потребуется новое изданіе. Если что внушаетъ нѣкоторыя сомнѣнія, такъ это письменная форма сношеній, непривычная для массы читателей. Но не слѣдуетъ забывать, что это первый шагъ въ совершенно новомъ у насъ дѣлѣ, которое потомъ можетъ развиваться также, какъ и на Западѣ, гдѣ результатомъ его явилось расширеніе дѣятельности университетовъ, въ видѣ учрежденія филиальныхъ университетскихъ отдѣленій (какъ, напр., въ Англии). Нѣкоторая проба въ этомъ направленіи была недавно сдѣлана и у насъ. Такъ, на рождественскихъ праздникахъ, въ Нижнемъ-Новгородѣ было прочитано 12 лекцій по исторіи и литературѣ профессорами Милюковымъ и Ивановымъ съ громаднымъ успѣхомъ, вслѣдствіе чего въ мѣстномъ обществѣ возникла мысль—ходатайствовать о постоянномъ учрежденіи такихъ лекцій, устраиваемыхъ періодически, по различнымъ научнымъ вопросамъ. Эта мысль вполне осуществима, такъ какъ наши университеты располагаютъ вполне достаточнымъ контингентомъ лекторовъ, которые могли бы читать правильные популярныя курсы въ близъ лежащихъ городахъ. Такіе курсы служили бы превосходнымъ дополненіемъ къ систематическому домашнему чтенію, если ихъ объединить общей программой съ послѣднимъ...

Первые шаги всякаго новаго дѣла трудны. Но разъ оно отвѣчаетъ тому, что можетъ быть названо духомъ времени, — будущее принадлежитъ ему, каковы бы ни были затрудненія на первыхъ порахъ.

Каждое время имѣетъ свою отличительную черту, опредѣляющую его духъ, характеръ и направленіе. Если конецъ прошлаго столѣтія можно назвать эпохой великихъ открытій въ мірѣ наукъ, то послѣдняя четверть XIX вѣка отмѣчена прежде всего быстрымъ распространеніемъ просвѣщенія въ массахъ. По мѣрѣ развитія грамотности, росла потребность въ знаніяхъ, для удовлетворенія которой непрерывно создавались библіотеки и музеи, устраивались

народныя чтенія и публичныя лекціи, выросла почти на нашихъ глазахъ цѣлая популярная литература, имѣющая во главѣ такихъ великихъ популяризаторовъ, какъ Реклю, Тиндаль, Фламмаріонъ, Юмансъ и др. Наконецъ, въ самое послѣднее время началось движеніе къ высшему просвѣщенію посредствомъ расширенія университетскаго образованія. Находясь теперь въ первой стадіи своего развитія, это движеніе намѣтило путь, по которому должно пойти народное просвѣщеніе въ будущемъ. «Национализація знанія» — таково лозунгъ этого движенія, его существеннѣйшая черта, опредѣляющая его глубокое значеніе для дальнѣйшаго хода цивилизаціи.

Начинаніе Московской комиссіи, вполне отвѣчающее этому стремленію, не можетъ не встрѣтить, поэтому, искренняго сочувствія и поддержки во всѣхъ слояхъ нашего общества, что въ значительной степени облегчитъ ея трудную задачу.

А. Б.

Правила для сношеній читателей съ комиссіей.

1) Читатели могутъ пользоваться руководствомъ комиссіи: а) обращаясь къ комиссіи за разъясненіемъ встрѣтившихся при чтеніи недоразумѣній и возникшихъ при занятіяхъ поставленными темами вопросовъ; б) представляя комиссіи краткіе отчеты о прочитанномъ въ формѣ конспектовъ или отвѣтовъ на провѣрочные вопросы, поставленные комиссіей; в) представляя на просмотръ и оцѣнку комиссіи болѣе или менѣе обширныя и самостоятельныя письменныя работы.

2) Желающіе пользоваться указаніями комиссіи въ означенныхъ предѣлахъ уплачиваютъ: при занятіяхъ по программамъ систематическаго чтенія по 3 рубля за каждый отдѣлъ въ теченіе года; при занятіяхъ по отдѣльнымъ вопросамъ — по 1 руб. въ годъ за каждую отдѣльную тему. Читатели, выбирающіе какую-либо отдѣльную часть систематической программы (напр., химию, первобытную культуру, греческую литературу и т. п.) платятъ, какъ за руководство по отдѣльному вопросу (т. е. 1 р.). Всѣ эти разряды взносовъ устанавливаются на первый годъ, въ видѣ опыта.

Примѣчаніе. Лица, не могущія уплачивать означенныхъ взносовъ по недостатку средствъ, могутъ быть освобождаемы отъ всякихъ взносовъ по представленіи объясненій о своемъ имущественномъ положеніи.

3) Уплатившіе означенные взносы имѣютъ право получать письменные отвѣты на свои обращенія къ комиссіи въ теченіе срока отъ недѣли до двухъ недѣль, смотря по степени сложности вопросовъ. На каждый отвѣтъ должна быть прилагается почтовая марка; въ противномъ случаѣ комиссія не беретъ на себя обязательства отвѣчать.

4) Для большей успѣшности руководства занимающіеся приглашаются сообщать, кромѣ своего имени и адреса съ обозначеніемъ отдѣла, по которому хотятъ заниматься: а) возрастъ; б) какое получили образованіе и в) настоящее общественное положеніе.

5) Книжки, отмѣченныя въ программахъ звѣздочкой, комиссія предлагаетъ

доставлять читателямъ на извѣстный срокъ безъ валога *), съ уплатой 5% стоимости за каждый мѣсяць пользованія книгами: т. е. за книгу, стоющую 1 рубль, съ читателя будетъ взиматься 5 коп. за одинъ мѣсяць, 10 коп. за два и т. д. до шести мѣсяцевъ. Плата должна быть внесена впередъ за всѣ 6 мѣсяцевъ (т. е. 30% стоимости книги); при возвращеніи же книги раньше шести мѣсяцевъ, соответствующая часть платы возвращается читателю.

6) Комиссія предлагаетъ также и другой способъ пользованія ея книгами. Книги покупаются читателемъ, но по минованіи надобности могутъ быть возвращены въ комиссію, которая, въ свою очередь, возвращаетъ читателю часть уплаченной цѣны, смотря по времени пользованія книгами: т. е. 95% цѣны—по истеченіи мѣсяца, 90% по истеченіи двухъ и т. д. По истеченіи 20 мѣсяцевъ книга считается собственностью читателя и обратно не принимается.

Примчаніе. Течение сроковъ начинается со времени полученія книгъ читателемъ. Всѣ почтовые расходы по пересылкѣ книгъ должны быть оплачиваемы читателями. Книги должны быть возвращаемы назадъ въ полной исправности и безъ помарокъ.

7) Комиссія принимаетъ на себя порученія по покупкѣ всѣхъ книгъ, указанныхъ въ программахъ и находящихся въ продажѣ, съ уступкой, которую дѣлаютъ самой комиссію книгопродавцы.

8) Въ промежутокъ отъ 15 мая до 15 сентября письменныя сношенія комиссіи съ читателями прекращаются.

*) Отъ читателей зависитъ превращеніе этого правила изъ временнаго въ постоянное.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЖИЗНИ.

РОМАНЪ.

К. М. Станюковича.

(Продолженіе) *).

V.

Послѣ не особенно удачливаго дня, „графъ“ сидѣлъ въ затрапезномъ халатѣ трудно опредѣлимой матеріи у небольшого деревяннаго стола и при тускломъ свѣтѣ маленькой лампы читалъ вчерашнюю газету. Онъ читалъ въ ней описаніе какого-то великосвѣтскаго бала, напомнившее ему о близкомъ когда-то мірѣ суеты и тщеславія, блеска и роскоши, о прежнихъ знакомыхъ и родныхъ и, судя по выраженію его лица, воспоминанія эти вызывали скорѣе чувство озлобленія, чѣмъ горечи.

Онъ задумался, какъ задумывался не разъ, о превратности судьбы и безнадежности своего положенія, когда скрипнула дверь, и въ эту крошечную, убогую комнату, все убранство которой состояло изъ кровати, стола и стула, вошелъ Антошка и, радостно-взволнованный, остановился у дверей.

— Это вы, Анисья Ивановна? Что вамъ угодно? — окликнулъ „графъ“ недовольнымъ тономъ, не поворачивая своей кудрявой, засѣдѣвшей головы.

— Это я... Антошка!

— Антошка!? — воскликнулъ „графъ“, изумленный приходу мальчишка въ такую пору, и быстро подошелъ къ нему.

Жалкій видъ худенькаго, посинѣвшаго и вздрагивавшаго

*) См. «Миръ Божій», № 1, январь 1895 г.

мальчугана, пришедшаго въ легкомъ одѣяніи, въ дырявыхъ башмакахъ на босыя ноги и безъ шапки, вызвалъ на лицѣ „графа“ выраженіе жалости и участія, и онъ тревожно спросилъ:

— Что случилось, Антошка? Откуда ты въ такомъ костюмѣ?

— Я убѣждалъ отъ нихъ, отъ подлецовъ... Ужъ вы только не отдавайте графъ, если онъ потребуетъ меня обратно... Онъ убьетъ!.. А я вамъ заслужу... Я на васъ стану работать!—взволнованно говорилъ Антошка.

— Глупый! Развѣ я отдамъ тебя этимъ мерзавцамъ! Не бойся, Антошка. Что жъ ты стоишь? Садись, бѣдный мальчикъ... Ишь, какъ озябъ... Сейчасъ чаемъ отогрѣешься... Молодецъ, что удралъ и ко мнѣ явился... Я тебя въ обиду не дамъ... Надѣнь-ка мое пальто... Согрѣйся...

— Я и такъ согрѣюсь. У васъ страсть какъ тепло. Славно у васъ!

— Надѣвай пальто, говорятъ!—весело и ласково приказывалъ „графъ“, снимая съ гвоздя пальто. И сапоги мои одѣнь, а то босой почти... Такъ и заболѣть не долго... Что, видно, дяденька билъ?

— Шибко билъ, подлець... спина саднить... И чуть-было не задушилъ ногами... Ну, и ему-таки попало!—не безъ гордости прибавилъ Антошка.

— Попало?—сочувственно улыбнулся „графъ“.

— Я ему ногу прокусилъ... до крови!—съ торжествующимъ видомъ сказалъ мальчикъ.

— Ловко!.. Ты мнѣ потомъ въ подробности расскажешь, обо всѣхъ этихъ событіяхъ, а пока побудь одинъ... Я пойду распорядиться на счетъ чая.

„Графъ“ вышелъ и завелъ конфиденціальный разговоръ съ квартирной хозяйкой о нѣсколькихъ щепоткахъ чая и кускахъ сахара, о гривенникѣ „до завтра“ и объ устройствѣ ночлега для мальчика. Онъ говорилъ такъ убѣдительно, что хозяйка тотчасъ же согласилась на всѣ его просьбы и обѣщала немедленно подать самоваръ, купить хлѣба и дать тюфякъ, подушку и одѣяло.

— Очень благодарю васъ, Анисья Ивановна!—съ чувствомъ проговорилъ „графъ“, пожимая руку квартирной хозяйки.

— Не за что, Александръ Ивановичъ... И у меня, слава

Богу, христіанская душа... И мнѣ жалко этого мальчишка. Что, онъ у васъ будетъ жить?

— У меня пока. Бездомный сиротка этотъ несчастный мальчишекъ, Анисья Ивановна... Нельзя не приютить.

— Гдѣ же онъ прежде-то жилъ?—спрашивала старая Анисья Ивановна, раздувая самоваръ.

— А у одного подлеца-солдата... Онъ дѣтей чужихъ беретъ и посылаетъ ихъ на улицу нищенствовать... Ну и тиранить ихъ...

— Ахъ, бѣдныя!—пожалѣла квартирная хозяйка и, вѣроятно, разжалобившись, прибавила:—такъ я, кромѣ ситника пожалуй, и колбасы возьму... Пусть мальчишекъ закусить...

„Графъ“ еще разъ поблагодарилъ Анисью Ивановну и, вернувшись къ Антошкѣ, весело сказалъ:

— Сейчасъ будетъ чай готовъ... Хорошенько напьешься и потомъ ложись спать... Хозяйка тебѣ постель смастерить... отлично выплешься...

Антошка благодарными глазами смотрѣлъ на графа и произнесъ:

— Безъ васъ вовсе бы пропасть, графъ... Только вы одинъ и есть на свѣтѣ добрый человекъ для меня...

— Ну, нечего тамъ благодарить,—дрогнувшимъ голосомъ перебилъ „графъ“, ласково взглядывая на Антошку.—Хотя на свѣтѣ и много мерзавцевъ, Антошка, и злыхъ людей, но не всѣ же такіе; есть, братецъ мой, и хорошіе... Это ты помни...

— Вы вотъ хорошіи...

— Я?—горько усмѣхнулся „графъ“.—Я прежде былъ, можетъ, самый дурной... Ну да еще успѣемъ съ тобой пофилософствовать... и поближе познакомимся другъ съ другомъ. А съ завтрашняго дня начнемъ дѣйствовать... Быть можетъ, завтра же и одѣнемъ, и обуемъ тебя, какъ слѣдуетъ, по сезону...

— И вы меня на работу пошлете?—весело спросилъ Антошка.—Я умѣю хорошо собирать... Мнѣ всегда подавали, когда я въ нищенкахъ былъ...

— Нѣтъ, Антошка, на такую работу я тебя не пошлю... Къ чорту такую работу...

— Значитъ, съ ларькомъ думаете?.. На это много капитала нужно... И товаръ и за жестянку!—дѣловито проговорилъ Антошка, понимавшій, что „графъ“, который самъ, слу-

чалось, „работалъ“ по вечерамъ, останавливая прохожихъ просьбами на разныхъ діалектахъ, не находится въ такихъ блестящихъ обстоятельствахъ, чтобы завести ларежь.

И такъ какъ Антошка не желалъ сидѣть сложа руки и объѣдать „графа“, считая это въ высшей степени недобросовѣстнымъ, то деликатно напомнилъ, что работа въ нищенкахъ вовсе не дурная и не тяжелая, особенно если подъ пальтомъ полушубокъ.

Но, къ крайнему изумленію Антошки, „графъ“ рѣшительно запротестовалъ.

— Что жъ я буду дѣлать?—спросилъ мальчикъ.

— Объ этомъ подумаемъ! Подумаемъ, Антошка!—значительно протянулъ „графъ“, оставляя Антошку въ нѣкоторомъ недоумѣніи.

Анисья Ивановна принесла самоваръ, хлѣбъ и колбасу, и скоро Антошка съ наслажденіемъ пилъ чай и закусывалъ. За вторымъ стаканомъ онъ передалъ „графу“ подробности недавнихъ событій у „дяденьки“, и „графъ“ нѣсколько разъ вставлялъ неодобрительные эпитеты по адресу вѣдьмы и ея супруга и весело улыбался, когда Антошка рассказывалъ о подвигахъ, предшествовавшихъ его бѣгству.

Постель была устроена на славу доброй Анисьей Ивановной. Она принесла довольно мягкой матрацъ, накрыла его простыней, положила большую подушку и теплое ватное одѣяло и, убирая самоваръ, промолвила, обращаясь къ Антошкѣ:

— Не бойсь, спать хорошо будетъ. Спи, Христось съ тобой, бѣдняжка!

Сонный Антошка быстро раздѣлся и, облачившись въ чистую ночную сорочку „графа“, юркнулъ подъ одѣяло и тотчасъ же заснулъ, довольный, благодарный и счастливый, тронутый до глубины души лаской, которую онъ испыталъ первый разъ въ жизни.

„Графъ“ заботливо ощупалъ голову мальчика, присѣлъ къ столу и задумался.

VI.

„Графъ“ раздумывалъ о томъ, какъ устроить Антошкину судьбу и не дать ему погибнуть въ той развращающей атмо-

сферѣ нищеты, бездѣлья и нищенства, которую онъ хорошо зналъ по собственному опыту многихъ лѣтъ.

Но онъ поконченный человѣкъ, а способный, неглухой Антошка еще на порогѣ жизни...

Этотъ бездомный, несчастный мальчикъ, обратившійся къ покровительству „графа“ и видѣвшій въ немъ своего единственнаго спасителя, сдѣлался теперь какъ-то особенно ему близкимъ и точно роднымъ, и словно бы явился свѣтлымъ лучомъ, озарившимъ беспросвѣтный мракъ одинокой горемычной жизни павшаго человѣка.

И озлобленное сердце этого отверженца, презираемаго всѣми родными и бывшими друзьями, чужого, и все-таки барина, въ глазахъ тѣхъ товарищей по нищетѣ, среди которыхъ онъ вращался, втайнѣ жаждавшего и не находившаго слова участія и привязанности,—это сердце смягчалось, охваченное чувствомъ жалости, любви и заботы къ такому же бездомному, одинокому созданію, какъ и онъ самъ.

Этотъ мальчикъ, видимо привязанный къ нему, словно бы давалъ новый смыслъ его жизни. Сдѣлать его человѣкомъ, имѣть на свѣтѣ преданное, благодарное существо—эта мысль радостно волновала „графа“, являясь какъ бы примиреніемъ съ жизнью.

Онъ горько усмѣхнулся, вспомнивъ, что прежде, когда онъ имѣлъ возможность спасти не одно несчастное существо, подобное Антошкѣ, мысль объ этомъ никогда даже и не закрадывалась въ его голову. Онъ жилъ только для себя и думалъ о себѣ...

— Неужели надо быть нищимъ и отверженнымъ, чтобы пожалѣть другихъ!?!—мысленно задалъ онъ себѣ вопросъ и рѣшилъ его утвердительно, чувствуя неодолимое желаніе помочь Антошкѣ именно тогда, когда это для него было такъ трудно.

Онъ сдѣлаетъ все, что только возможно.

Онъ напишетъ всѣмъ своимъ кліентамъ и, быть можетъ, соберетъ нужную сумму для экипировки мальчика. Разумѣется, ни одинъ изъ его кліентовъ не повѣритъ, что онъ проситъ не для себя. Еще бы повѣритъ! Давно уже больше рубля, много двухъ ему не посылали тѣ изъ немногихъ родственниковъ и товарищей, которые не всегда оставляли безъ отвѣта письма „графа“, посылавшіяся въ особенно трудныя минуты жизни.

Наконецъ, онъ даже обратится къ своему „знатному братцу“, какъ презрительно называлъ „графъ“ своего старшаго брата, занимавшаго очень важный постъ. Онъ ненавидѣлъ этого брата и въ слѣдномъ озлобленіи считалъ его лицемеромъ, эгоистомъ и даже взяточникомъ. Не даромъ у него огромное состояніе. Откуда оно?

Онъ, никогда не обращавшійся къ этому брату послѣ того, какъ братъ разъ навсегда отрекся отъ него, готовъ не только написать ему, но даже послѣ 15-ти лѣтъ пойти къ нему въ его парадную казенную квартиру и, если только швейцаръ пуститъ, лично просить помочь Антошеѣ.

И много ли нужно?

Всего какихъ-нибудь двадцать рублей, чтобъ сдѣлать все необходимое мальчику... И тогда можно будетъ посылать его въ школу...

И двоюродной сестрѣ, княгинѣ Моравской, напишетъ... Она благотворительная дама... Быть можетъ, устроить мальчика, назначить ему какую-нибудь пенсію на содержаніе...

Въ мечтахъ о будущей судьбѣ Антошки „графъ“ непременно хотѣлъ, чтобы Антошка жилъ съ нимъ, хотя бы первое время... Не все же это вѣчное одиночество. Все же около существо будетъ!

Двадцать рублей! Какимъ огромнымъ капиталомъ казались эти деньги теперь „графу“, швырявшему по сотнѣ на чай въ модныхъ ресторанахъ во время былыхъ кутежей!

Да, то было прежде, лѣтъ пятнадцать тому назадъ, когда молодой, красивый и изящный гвардейскій кавалерійскій офицеръ Ополевъ блисталъ въ свѣтѣ, считаясь однимъ изъ блестящихъ и элегантныхъ представителей золотой молодежи, и имѣлъ всѣ шансы на хорошую карьеру.

Онъ былъ уменъ, легкомысленъ и безхарактеренъ и жилъ, что называется, во всю: кутилъ, ссужалъ пріятелей, тратилъ направо и налево и, промотавъ большое состояніе, доставшееся отъ бабушки, сталъ дѣлать долги, попалъ въ руки ростовщиковъ, запутался совсѣмъ и въ одинъ прекрасный день поставилъ фальшивый бланкъ отца, стараго генерала съ большимъ состояніемъ... Это обнаружилось; отецъ заплатилъ крупную сумму, но съ тѣхъ поръ не желалъ знать сына и уже больше не простилъ его.

Опольевъ долженъ былъ выдти въ отставку и скрыться съ свѣтскаго горизонта. Отъ него отвернулись, разумѣется, всѣ бывшіе пріатели, а старшій братъ, лишавшійся, благодаря брату-вугилѣ, значительной доли ожидаемаго наслѣдства, отвернулся отъ него и, когда младшій братъ обратился однажды къ нему за помощью, онъ отказалъ и велѣлъ ему передать, что не считаетъ такого негодяя своимъ братомъ. Прежній общій любимецъ „Шурка“, веселый и блестящій „Шурка“ вдругъ сдѣлался отверженцемъ.

Исторія этого паденія представляла собой одно изъ обычныхъ явленій въ жизни свѣтской молодежи, явленій, которыя, въ большинствѣ случаевъ, кончаются не такъ печально. Многіе въ той средѣ, въ которой вращался Опольевъ, дѣлали то же самое и еще худшее, но эти „ошибки молодости“, благодаря различнымъ случайностямъ, въ видѣ ли выгоднаго брака или снисходительности родителей, нисколько не мѣшали потомъ такимъ же виноватымъ, какъ и Опольевъ, остепениться и быть даже впоследствии въ нѣкоторомъ родѣ столпами отечества.

Опольевъ хорошо понималъ это. Онъ считалъ, что судьба его жестоко и несправедливо покарала за то, что проходить безслѣдно для другихъ... Ни одна душа не поддержала его въ это время, никто изъ близкихъ не протянулъ ему руки серьезной помощи. Кое-кто бросалъ ему брезгливо подачки, считая, что исполнилъ долгъ и на нѣкоторое время избавлялся отъ назойливаго попрошайки.

Та самая среда, которая воспитала его и всѣми своими привычками, взглядами и поступками поощряла къ той же праздной и безцѣльной жизни, какую вела сама, исключила его изъ своихъ членовъ, какъ недостойнаго, опозорившаго честь васты, и Опольевъ былъ скоро всѣми основательно забытъ.

Возмущенный отношеніемъ тѣхъ самыхъ пріателей и друзей, которые кутили на его счетъ и брали отъ него деньги, оторывшій внезапно глаза на всю подлость людей, онъ озлобился, хотѣлъ-было пустить себѣ пулю въ лобъ, но кончилъ тѣмъ, что запилъ и махнулъ на все рукой въ какой-то безнадежной отчаянности человѣка, неспособнаго ни къ какому серьезному труду...

Подняться онъ ужъ болѣе былъ не въ силахъ. Всѣ связи были порваны, и никакого мѣста онъ получить не могъ. Поступилъ,

было, онъ въ частную контору, но его скоро выгнали. И онъ постепенно переходилъ всѣ фазисы паденія за эти пятнадцать лѣтъ своего паразитнаго существованія, пока не сдѣлался нищимъ пропойцемъ. Всего было, за что, въ минуты просвѣтлѣнія, приходилось краснѣть...

Но за это время онъ кое-чему научился, обо многомъ размышлялъ и многое понималъ.

Онъ понималъ всю неприглядность своего существованія, но за то оцѣнилъ по достоинству и весь ужасъ прежней своей жизни. И сравненіе выходило не особенно утѣшительное, когда онъ сопоставлялъ настоящее и прошлое. Онъ понималъ, что среда, въ которой онъ прежде вращался, безжалостно эгоистична и зла, и возненавидѣлъ эту среду. Онъ близко увидалъ нищету и страданія обездоленныхъ и несчастныхъ, неудачниковъ и свихнувшихся и понималъ, что они такіе же люди, какъ и потомки Рюриковичей, и заслуживаютъ, по справедливости, инаго отношенія. Среди этихъ отверженныхъ онъ встрѣчалъ и участіе, и отзывчивость...

И прежній блестящій офицеръ, считавшій „сволочью“ всѣхъ, кто не можетъ жить порядочно, обратился въ протестующаго скептика-философа, рѣшавшаго довольно оригинально общественные вопросы и относившійся съ презрительной злостью въ великимъ міра сего и вообще въ устройству самого міра, требующаго, по его мнѣнію, самой основательной встряски, и съ какою-то ироническою покорностью отпѣтаго человѣка неслъ свое положеніе. Онъ ни на что уже болѣе не надѣялся и ничего не ждалъ. Доктора ему сказали, что при томъ образѣ жизни, которой онъ ведетъ, онъ не протянетъ и пяти лѣтъ. Его это нисколько не испугало. Онъ усмѣхнулся и проговорилъ.

— Однако, долго еще тянуть, докторъ!

Опускаясь все ниже и ниже въ глубину нищеты и казавшійся старикомъ въ свои сорокъ пять лѣтъ, онъ все-таки старался сохранить нѣкоторое внѣшнее подобіе приличнаго господина и особенно заботился о своемъ костюмѣ, имѣя видъ барина даже и тогда, когда въ сумерки (днемъ „графъ“ никогда не „работалъ“) останавливалъ кого-нибудь изъ прохожихъ и на превосходномъ французскомъ діалектѣ просилъ „одолжить“ нѣкоторую монету. Онъ даже не просилъ, а скорѣе предлагалъ, причемъ сохранялъ свое достоинство, и когда

*

слегка приподнималъ свой рыжій цилиндръ, зажимая въ перчаткѣ полученную монетку, и когда только галантно прикладывалъ руку къ шляпѣ, получивъ отказъ. За это его въ Лаврѣ, гдѣ онъ жилъ послѣднее время, и прозвали „графомъ“. Никто не зналъ его настоящей фамиліи и подъ кличкой „графа“ онъ извѣстенъ былъ своимъ товарищамъ по профессіи.

Антошка сладко всхрапывалъ во снѣ, а „графъ“ еще писалъ, имѣя на столѣ запасъ почтовой бумаги и конвертовъ, которые являлись для него, такъ сказать, главнымъ орудіемъ производства.

Наконецъ, послѣднее письмо было окончено. Эти прочувствованныя, горячія строки къ брату, въ которыхъ онъ просилъ денегъ для мальчика должны были, по мнѣнію „графа“, подѣйствовать даже и на такого „знатнаго прохвоста“. Онъ, навѣрное, пришлетъ просимую сумму и, быть можетъ, и больше. Вдругъ письмо попадетъ въ хорошую минуту, когда человѣкъ дѣлается добрѣе обыкновеннаго!

Лампа догорала. „Графъ“ всталъ изъ-за стола съ видомъ человѣка, вполнѣ удовлетвореннаго своей работой, досталъ изъ-подъ кровати маленькую стеклянку съ водкой и слегка трясущейся рукой налилъ рюмку водки. Онъ вытянулъ ее медленно, процѣживая черезъ губы, съ наслажденіемъ алкоголика. Затѣмъ выпилъ другую и третью, опорожнивъ бутылку, и только тогда раздѣлся и легъ въ постель.

Въ эту ночь онъ заснулъ не съ тѣми мрачными мыслями, съ какими засыпалъ обыкновенно. Напротивъ, пріятныя и радостныя думы проносились въ его головѣ. Жизнь не казалась ему такой безотрадной, благодаря присутствію Антошки.

VII.

Мутный сѣроватый свѣтъ дождливаго осенняго утра пробивался въ окно, когда „графъ“ поднялся довольно бодрый и въ хорошемъ расположеніи духа. За стѣной, у хозяйки, пробило семь часовъ. Антошка еще спалъ.

При свѣтѣ маленькаго огарка, съ иглой въ рукахъ „графъ“ занялся приведеніемъ въ нѣкоторую возможную исправность своего костюма. Дыры на черномъ лоснившемся скюртукѣ были зашиты, бахромки съ конца штанинъ срѣзаны, и все платье

аккуратно вычищено. Затѣмъ „графъ“ почистилъ сапоги и досталъ изъ маленькаго сундучка чистые воротники и манжеты. Когда все было готово, онъ вышелъ на кухню, вымылся и довольно долго и тщательно расчесывалъ свои кудреватые волосы и длинную бороду передъ маленькимъ зеркальцемъ и привелъ въ порядокъ ногти на своихъ красивыхъ рукахъ.

Покончивъ съ туалетомъ, онъ снова вышелъ и, встрѣтивъ хозяйку, съ обычной своей галантностью пожелалъ ей добраго утра.

— Что такъ рано сегодня, Александръ Иванычъ?

— Дѣлъ сегодня много, Анисья Ивановна... Рано выйду со двора... Надо хлопотать за мальчика... понимаете?..

Онъ деликатно попросилъ на счетъ самоварчика и булки для Антошки, общая сегодня же покончить маленькіе счета съ хозяйкой, и прибавилъ:

— И еще покорнѣйшая просьба, добрѣйшая Анисья Ивановна.

— Что такое?

— Быть можетъ, я сегодня не скоро вернусь, такъ ужъ будьте любезны, не откажите накормить мальчика.

— Не бойтесь, голоднымъ не оставлю. Позову обѣдать, не обѣсть!—не безъ обидчивости проговорила добрая женщина, которая не разъ предлагала и жильцу своему поѣсть вмѣстѣ съ ней.

Она жалѣла „графа“ и, главнымъ образомъ, потому, что онъ баринъ, отставной офицеръ и, вѣрно, прежде богатый, находится въ такомъ положеніи. Старый альбомъ „графа“ съ фотографіями генераловъ, блестящихъ дамъ и офицеровъ, въ который она полюбопытствовала какъ-то заглянуть въ отсутствіе „графа“, окончательно разжалобилъ Анисью Ивановну и заставилъ ее отнестись къ „графу“ еще съ бѣльшимъ участіемъ. И она (хоть при наймѣ комнаты это и не было выговорено) подавала ему самоваръ и вообще старалась оказывать услуги. Жилецъ онъ былъ тихій и очаровывалъ хозяйку своимъ любезнымъ и полнымъ достоинства обращеніемъ.

— А вы, Александръ Иванычъ, насчетъ чего же собственно хотите хлопотать? Опредѣлить куда мальчика? — полюбопытствовала Анисья Ивановна.

— Вообще устроить... Ну, разумѣется, прежде всего на счетъ денегъ... Надо же и одѣть, и обуть его...

— Что и говорить... Совсѣмъ, можно сказать, голый мальчикъ... Гдѣ же вы, Александръ Ивановичъ, полагаете достать?.. У сродственниковъ?

— Да...

— Дадутъ?—недовѣрчиво спросила хозяйка.

— Разсчитываю. Я не для себя прошу.

— Ну, дай вамъ Богъ, Александръ Ивановичъ!.. Сами вотъ терпите, а за мальчика хлопочите... Да и на счетъ его документа схлопочите, а то старшій дворникъ узнаетъ... Какъ бы не было неприятностей.

„Графъ“ обѣщаль похлопотать и на счетъ документа—онъ пойдетъ сегодня же къ бывшему хозяину Антошки—и, поблагодаривъ квартирную хозяйку, хотѣлъ-было уходить, какъ вдругъ она сказала, понижая голосъ:

— Вѣдь вы не при деньгахъ, кажется, Александръ Ивановичъ!

— Не при деньгахъ, Анисья Ивановна, но передъ деньгами... А что?—шутливо спросилъ „графъ“.

— А то, что какъ же вы по дѣламъ будете ходить и по такой погодѣ... Ишь вѣдь дождь-то какой... Неравно и простудитесь... А вы бы въ коней... И я съ полнымъ моимъ удовольствіемъ... Сколько вамъ будетъ угодно?.. Сорокъ копейекъ, а то полтину?.. Какъ получите, отдадите...

У „графа“ что-то защеботало въ горлѣ, и теплое благодарное чувство прилило къ сердцу, когда онъ отвѣтилъ:

— Ишь вы какая... заботливая, Анисья Ивановна... Сердечно благодарю васъ и не откажусь... Возьму двугривенный... Въ самомъ дѣлѣ... въ конкахъ удобнѣе...

Анисья Ивановна отдала деньги и предложила зонтикъ.

— Удобный зонтикъ... по крайней мѣрѣ, не промочить!

Но синій неувлужій зонтикъ, видимо, шокировалъ „графа“, и онъ отказался.

Вернувшись къ себѣ, онъ засталъ ужъ Антошку вставшимъ и одѣтымъ въ свое тряпье, съ заспаннымъ лицомъ, полнымъ радости и счастья. Каріе его глазенки весело улыбались.

— Добраго утра, Антошка!—привѣтствовалъ его „графъ“, протягивая ему руку. — Хорошо спалъ?

— Доброга утра, графъ... А спать я чудесно, графъ.

— Ну что, здоровъ?

— Какъ есть вполнѣ... И спина не болитъ... Хучь сейчасъ на работу...

— Ишь ты выносливый какой... Вчера у тебя жаръ былъ... Я думалъ—заболѣешь, а ты какъ встрепанный... Что, здѣсь лучше, чѣмъ у дяденьки?..

Вмѣсто отвѣта, Антошка засмѣялся и вдругъ, охваченный радостнымъ благодарнымъ порывомъ, по привычкѣ нищенки, прильнулъ къ его рукѣ.

— Не надо... Не люблю!—промолвилъ „графъ“, отдергивая руку... Никогда этого не дѣлай... Слышишь?

— Вы не сердитесь, графъ. Я больше не буду!—виновато промолвилъ Антошка.

— Я не сержусь, голубчикъ!—улыбнулся „графъ“ и съ нѣжностью потрепалъ Антошку по плечу.

— Не прикажете-ли чего сдѣлать, графъ? Сапоги ваши почистить? Комнату подмести?

— Прежде всего я прикажу тебѣ идти на кухню и хорошенько вымыться... Вотъ что я тебѣ прикажу... А вечеромъ я тебя сведу въ баню... Давно ты былъ въ банѣ?

— Давно... И не упомяну когда... „Дяденька“ не посы-
лать...

— Вотъ сегодня я поговорю съ твоимъ дяденькой...

— Зачѣмъ?—испуганно спросилъ Антошка.

— Возьму твой документъ.

— Какой документъ?

— Такой... У каждаго человѣка есть документъ, чтобы знали, кто онъ такой... А ты не бойся... Теперь твой дяденька ничего не смѣетъ тебѣ сдѣлать...

— А какъ онъ придетъ сюда?

— Не придетъ... Я его такъ припугну, что онъ и не подумаетъ придти...

— Если бы и Нютку взять... Она ловкая дѣвчонка...

— О Нюткѣ, братецъ, потомъ подумаемъ...

Черезъ четверть часа оба пріятеля сидѣли за самоваромъ. „Графъ“ на постелѣ, а Антошка напротивъ, на стулѣ. Анисья Ивановна деликатно подала не одну булку, а еще и большую краюху ситнаго хлѣба... „Графъ“ выпилъ лѣниво стаканъ

чая, покуривая скверную папироску, за то Антошка выпилъ цѣлыхъ три стакана, уписывая за обѣ щеки хлѣбъ.

— Сытъ?

— Сытъ совсѣмъ... Покорно благодарю...

Антошкѣ хотѣлось быть чѣмъ-нибудь полезнымъ „графу“, какъ-нибудь ему услужить, и онъ, увидавши на столѣ письма, проговорилъ:

— Прикажете снести, графъ?

— Въ такомъ костюмѣ?—засмѣялся графъ.

— Что жъ костюмъ? Я привыкъ... Я бы сбѣгалъ, графъ.

Только дозвольте.

— Вижу, что сбѣгалъ бы... Лаской изъ тебя хоть веревки вей!..—вставилъ „графъ“ не совсѣмъ понятное для Антошки выраженіе.—А ты ужъ сегодня никуда не бѣгай, посиди дома... Видишь, какая погода... Я самъ письма разнесу и вообще пойду по разнымъ дѣламъ... Къ вечеру я вернусь... Обѣдать ты будешь съ хозяйкой, съ Анисьей Ивановной... Она, братъ, добрая, хорошая женщина Анисья Ивановна... Безъ меня ты можешь прибрать нашу комнату и помочь хозяйкѣ, если что нужно...

„Графъ“ сталъ одѣваться и, окончивъ одѣваніе, имѣлъ довольно внушительный видъ.

— Ну, что, Антошка, какъ ты находишь мой костюмъ... Хорошъ?

— Чего лучше!—отвѣчалъ восхищенный Антошка.

— Ну, и отлично!—засмѣялся „графъ“.—Кстати, ты не забылъ адреса той барыни, которая звала тебя за платьемъ?.. Я, быть можетъ, и ее навѣщу...

— Онъ у меня записанъ,—отвѣчалъ Антошка, доставая изъ кармана штановъ свою записную книжку...

— Ну-ка, давай ее сюда... Я посмотрю, какъ ты выучился писать... Гм... Недурно... весьма недурно... „Скварцова... Сергифская, 15“... Со временемъ можно будетъ и лучше... И выучимся... И писать, братъ, выучимся, и арнометикѣ, и исторіи... всему, Антошка, въ школѣ выучимся!—значительно проговорилъ „графъ“, заставляя Антошку вытаращить отъ изумленія глаза.

Онъ, признаться, подумалъ, что „графъ“ такъ себѣ... „хвастаетъ“, но изъ деликатности не заявилъ сомнѣнія на

счетъ возможности исполнить такое обѣщаніе. „Графъ“, самъ нищенствовалъ—и вдругъ... школа... „Подико-съ все это денегъ стоитъ!“—подумалъ Антошка.

— Ну, братъ... объ этомъ послѣ поговоримъ... вечеромъ... а пока до свиданія!

И „графъ“, надѣвъ чуть-чуть на бекрень свой цилиндръ, съ важнымъ и рѣшительнымъ видомъ вышелъ изъ комнаты, натягивая перчатки.

VIII.

„Графъ“ имѣлъ обыкновеніе рано утромъ выпивать рюмки двѣ водки. Хотя доктора и находили, что это вредно, но „графъ“, напротивъ, полагалъ, что это очень полезно. Нѣкоторый приѣмъ алкоголя возбуждалъ его нервы, и онъ чувствовалъ себя бодрѣе и оживленнѣе.

Такъ какъ дома запаса водки не было, то первый визитъ „графа“ былъ въ заведеніе по близости, гдѣ онъ имѣлъ кредитъ.

— Съ добрымъ утромъ, Александръ Ивановичъ!—любезно привѣтствовалъ его заспанный, пухлый сидѣлецъ.

„Графъ“ кивнулъ головой и проговорилъ:

— Стаканчикъ!

Проглотивъ стаканчикъ, онъ съ тѣмъ же небрежнымъ видомъ, съ какимъ, бывало, держалъ себя у Бореля или у Дюссо, кинулъ:— „За мной!“ и, дотронувшись до полей цилиндра, вышелъ на улицу.

Дождь лилъ немилосердно, и потому „графъ“ торопливо дошелъ до Офицерской и сѣлъ въ маленькую одноконную каретку-омнибусъ, которая повезла его по Казанской улицѣ до Невского. Оттуда онъ направился въ Большую Морскую и вошелъ въ подъѣздъ большого дома, гдѣ жилъ его братъ, тайный совѣтникъ Константинъ Ивановичъ Ополевъ.

Толстый, раскормленный швейцаръ, съ отлично рассчитанными холеными бакенбардами, которымъ могъ бы позавидовать любой директоръ департамента, съ нескрываемымъ презрѣніемъ оглядѣлъ „графа“ съ ногъ и до головы и хотѣлъ-было спровадить на улицу, какъ попрошайку, который не понимаетъ, куда лѣзеть, какъ былъ рѣшительно пора-

женъ и озадаченъ высокообраннымъ тономъ, какимъ этотъ намокшій господинъ въ рыжемъ цилиндрѣ произнесъ:

— Эй... ты, швейцаръ!.. Передай это письмо Константину Ивановичу... Да, смотри, немедленно...

Швейцаръ нехотя, съ безразличной миной, протянулъ руку за письмомъ и съ умышленнымъ упорствомъ оглядывая костюмъ „графа“, проговорилъ не безъ презрительной нотки въ голосѣ:

— Ежели генералъ спросить, кто передалъ письмо, какъ сказать?

— Скажи, что... что... дальній родственникъ.

И, не спѣша, съ достоинствомъ испанскаго гранда, вышелъ изъ подъѣзда, оставивъ швейцара въ изумленіи, что у его превосходительства могутъ быть родственники, одѣтые какъ нищія.

Дальнѣйшія посѣщенія „графомъ“ разныхъ швейцарскихъ, гдѣ его знали по прежнимъ визитамъ, нельзя было назвать особенно удачными.

Въ двухъ домахъ ему сообщили, что господа почиваютъ; въ двухъ—передали, что на письма никакого отвѣта не будетъ; въ трехъ ему выслали съ лакеями по рублю, а отъ кухни-княгини былъ деликатно переданъ конвертикъ. Онъ содержалъ въ себѣ зелененькую кредитку и маленький листокъ почтовой бумажки, на которомъ были написаны карандашемъ слѣдующія слова:

„Желательно повидать мальчика“.

— Не вѣрить!—прошепталъ „графъ“, прячя въ карманъ трехрублевую бумажку и записочку въ жилетный карманъ.

„Что жъ, когда Антошку приведемъ въ приличный видъ, можно его и послать къ княгинѣ Марьѣ Николаевнѣ... Пусть познакомится. Быть можетъ, что-нибудь и сдѣлаетъ!“—весело думалъ „графъ“, собираясь теперь сдѣлать визитъ къ „дяденькѣ“.

Былъ четвертый часъ. „Графъ“ порядочно-таки усталъ послѣ своихъ посѣщеній нѣсколькихъ домовъ въ разныхъ частяхъ города и проголодался. Но онъ рѣшилъ прежде закончить свою программу дѣйствій на сегодняшній день и потомъ ужъ пообѣдать.

Дождь пересталъ. „Графъ“ на Михайловской поднялся на имперіаль конки и поѣхалъ на Пески.

Иванъ Захаровичъ и его супруга были дома, и оба находились въ дурномъ расположеніи духа. „Дяденька“ курилъ молча, безъ обычнаго благодушія, былъ совершенно трезвъ и не выказывалъ обычной нѣжности своей „Машенькѣ“. Онъ даже сегодня не ходилъ въ трактиръ, чтобы почитать газету и побесѣдовать о политикѣ и о разныхъ отвлеченныхъ предметахъ съ прикащикомъ. Въ свою очередь и Машенька была угрюма и зла и, грязная и нечесаная, съ подвязанной щекой отъ ожога, сидѣла за пологомъ и взглядывала по временамъ въ окно на дворъ.

Бѣгство Антошки беспокоило обоихъ по весьма уважительнымъ причинамъ.

Во-первыхъ, Антошка представлялъ собой и весьма доходную статью ихъ бюджета, и потеря такого „племянника“ затрогивала довольно чувствительно ихъ матеріальные интересы. Во-вторыхъ—и это, пожалуй, волновало супруговъ не менѣе—у обоихъ мелькали непріятныя мысли, какъ бы изъ за этого „неблагодарнаго подлеца“, забывшаго всѣ оказанныя ему благодаренія (на это особенно напиралъ Иванъ Захаровичъ, цѣнившій, какъ извѣстно, высокія чувства) не вышло какихъ-нибудь серьезныхъ непріятностей съ полиціей и даже съ сыскнымъ отдѣленіемъ, близкое знакомство съ которымъ не очень-то улыбалось Ивану Захаровичу, имѣвшему уже случаи въ своей жизни раза два побывать тамъ.

Этотъ „разбойникъ“ не даромъ грозился, что найдетъ управу и, чего добраго, заведетъ какую-нибудь клязу...

— Дда... неблагодарный и подлый, можно сказать, нынѣ народъ!—наконецъ проговорилъ Иванъ Захаровичъ.

Реплики со стороны жены не послѣдовало, и Иванъ Захаровичъ снова задумчиво курилъ папирску.

Оба супруга не прочь бы явить Антошкѣ снисхожденіе и избить его не особенно сильно, не смотря на укушенную ногу и ошпаренное лицо, если бы только онъ явился съ повинной. Иванъ Захаровичъ даже нѣсколько сердился на жену за то, что она вчера его „настроила“ противъ Антошки, и размышлялъ теперь о томъ, что благоразуміе требуетъ не очень-то

сильно ваять ремнемъ и что слѣдуетъ при „выучкахъ“ остерегаться пускать въ ходъ пряжку, во избѣжаніе знаковъ на тѣлѣ, весьма замѣтныхъ при медицинскомъ осмотрѣ.

Вообще, Иванъ Захаровичъ, не смотря на сознание необходимости грозной власти въ своемъ заведеніи, обнаруживалъ, какъ большая часть жестокихъ людей, трусливую подлость въ этотъ день.

Оба супруга съ утра поджидали Антошку и часто поглядывали въ окно. Отпуская утромъ своихъ „пансіонеровъ“ на работу, Иванъ Захаровичъ былъ со всѣми необычно ласковъ и многихъ снабдилъ одеждой и обувью, болѣе соответствующими осенней погодѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ поручилъ своимъ питомцамъ, въ случаѣ, если кто изъ нихъ встрѣтитъ Антошку, передать ему, что „дяденька“ нисколько на него не сердится и охотно проститъ его, если онъ вернется домой.

И, какъ опытный правитель въ духѣ Макиавелли, понимающій, что дурные примѣры, подобные Антошкину бѣгству, заразительны, и что послѣ нѣжныхъ словъ не мѣшаетъ и угроза, прибавилъ, обращаясь къ своимъ маленькимъ покорнымъ поданнымъ:

— Я, жалѣючи его, говорю. А то хуже будетъ, когда городской его приволокеть за шиворотъ. А приволокеть безпремѣнно, потому какъ Антошка и всѣ вы въ полномъ моемъ распоряженіи и обязаны по закону мнѣ повиноваться... Ну, а тогда не пеняй... Не прощу!—не безъ энергіи закончилъ Иванъ Захаровичъ свою правительственную рѣчь.

По случаю дурной погоды „дяденька“ милостиво разрѣшилъ своимъ воспитанникамъ вернуться пораньше. Къ тремъ часамъ всѣ почти вернулись.

Никто Антошки не встрѣчалъ.

— Этакій подлецъ!—сердито проворчалъ Иванъ Захаровичъ.

Въ эту минуту въ прихожей звякнулъ звонокъ.

Иванъ Захаровичъ самъ пошелъ отворять, по дорогѣ плотно затворивъ двери комнаты, въ которой помѣщались его питомцы.

Увидавъ незнакомаго человѣка, костюмъ котораго не внушалъ большого уваженія и въ то же время успокоивающимъ образомъ подѣйствовалъ на Ивана Захаровича, онъ все-таки

но привычекъ съ пытливой подозрительностью взглянулъ на вшедшаго, словно желая опредѣлить его житейское положеніе, и довольно холодно освѣдомился, что ему угодно.

— Мнѣ угодно переговорить съ вами по одному дѣлу, — сухо и рѣзко проговорилъ „графъ“, какъ будто не замѣчая протянутой ему руки.

Душа Ивана Захаровича ушла въ пятки.

„Ужъ не агентъ ли сыскной полиціи!“ — пробѣжало въ его головѣ.

И онъ, нѣсколько смущенный, понижая голосъ до конфиденціального шепота, уже самымъ любезнымъ, заискивающимъ тономъ просилъ „графа“ пожаловать въ комнату.

— Машенька! Выдь на минутку! — значительно проговорилъ онъ, обращаясь къ женѣ, и когда та прошмыгнула мимо гостя въ двери, предложилъ ему присѣсть и снова бросилъ на него пристальный взглядъ.

Тутъ, въ комнатѣ, при свѣтѣ лампы, онъ лучше осмотрѣлъ и костюмъ графа, и его испитое лицо, и ему показалось, что онъ гдѣ-то видѣлъ этого господина...

„Графъ“, между тѣмъ, не предъявлялъ своего агентскаго билета, и Иванъ Захаровичъ все болѣе и болѣе сомнѣвался, что передъ нимъ агентъ. Онъ, слава Богу, видывалъ ихъ! И, словно досадуя на свой напрасный страхъ, онъ сѣлъ на стулъ противъ „графа“ и не безъ нѣкоторой фамиллярности сказалъ:

— Такъ по какому такому дѣлу пожаловали, господинъ?.. Извините, не имѣю удовольствія знать, кто вы такой... А я съ незнакомыми никакихъ дѣловъ не веду... Да и, прямо ежели сказать, никакими дѣлами не занимаюсь.

— Я пришелъ получить у васъ метрическое свидѣтельство Антошки...

— Что-съ?..

— Слышали, кажется...

— Какого такого Антошки, позвольте узнать-съ? — нахально спросилъ Иванъ Захаровичъ, стараясь скрыть вновь овладѣвшее имъ безпокойство.

— А того Антошки, который ходилъ отъ васъ съ ларкомъ, и котораго вы вчера истязали ремнемъ и чуть не заду-

пили... Нога ваша, вѣроятно уже зажила?—насмѣшливо прибавилъ „графъ“.

— Позвольте, однако, спросить, кто вы такой будете и по какимъ такимъ правамъ требуете документъ моего родного племянника?

— Не лгите. Онъ вамъ не племянникъ... Я знаю!—увѣренно произнесъ „графъ“.

Иванъ Захаровичъ смутился.

— Все равно, вмѣсто родного. Я его воспиталъ. А вы, что ли, сродственникъ ему?—насмѣшливо кинулъ онъ.

— Нѣтъ, я мальчика давно знаю и принимаю въ немъ участіе... Въ немъ принимаютъ участіе и другія лица, и Антошка теперь находится у моей двоюродной сестры, княгини Моравской,—пугнулъ „графъ“, замѣтивъ, съ какимъ трусомъ имѣеть дѣло.

Иванъ Захаровичъ недоувѣрчиво взглянулъ на „графа“. Костюмъ его не свидѣтельствовалъ о родствѣ съ князьями, но въ то же время въ манерѣ этого господина было что-то барское и внушительное. Это Иванъ Захарычъ сообразилъ.

— А вы чѣмъ изволите быть?..

— Я... штабъ-ротмистръ лейбъ-гвардіи уланскаго Его Величества полка въ отставкѣ, Опольевъ. Можете, если хотите удостовѣриться... Вотъ мой указъ объ отставкѣ.

— Что мнѣ удостовѣриться?.. Только я документы не отдамъ. Нашли, съ позволенія сказать, дурака? По какой-то такой причинѣ я отдамъ вамъ документъ?.. Довольно даже странно, что вы, господинъ, вмѣшиваетесь въ чужія дѣла... Я тоже права имѣю.

— Какъ знаете!—промолвилъ, вставая, „графъ“,—но только помните, что завтра же утромъ я подамъ заявленіе градоначальнику!—прибавилъ „графъ“ и направился къ двери.

Эта угроза произвела на Ивана Захаровича впечатлѣніе, и онъ сказалъ:

— Позвольте, сударь... Зачѣмъ же градоначальнику?.. Если мнѣ уплатятъ за содержаніе этого подлеца—какъ передъ Богомъ говорю, что Антошка неблагодарная тварь—я готовъ развязаться съ нимъ... Ну его... а то, согласитесь, за что же разорять бѣднаго человѣка...

— Мнѣ некогда съ вами разговаривать. Документъ, или

завтра же вы будете въ сыскномъ отдѣленіи... И вообще я совѣтоваль бы вамъ перемѣнить родъ занятій!—внушительно прибавилъ „графъ“...

— Какія такія занятія, позвольте спросить?

— А заведеніе чужихъ дѣтей, которыхъ вы посылаете нищенствовать...

— Всякому надо кормиться... И дѣти у меня, слава Богу, ничѣмъ не обижены... всѣмъ довольны...

— И тѣмъ, что вы ихъ порете?.. Ну, довольно... Отдаете документъ или нѣтъ?

Черезъ пять минутъ „графъ“ вышелъ, получивъ подъ росписку метрическое свидѣтельство Антошки.

Струсившій и растерявшійся Иванъ Захаровичъ, провожая „графа“, униженно просилъ не поднимать исторіи и обѣщаль серьезно подумать о перемѣнѣ занятій.

— Дѣйствительно, безповойное занятіе, сударь... Того и гляди, изъ-за какого-нибудь неблагодарнаго мальчишки получишь однѣ неприятности!—говорилъ Иванъ Захаровичъ.

„Графъ“ возвращался въ конкѣ съ Песковъ, очень довольный, что дѣло съ этимъ „мерзавцемъ“ было покончено такъ скоро и легко. Онъ не ожидалъ, что „дяденька“ окажется такимъ трусомъ и отдастъ документъ первому встрѣчному, который пугнетъ его. Теперь можно и пообѣдать. Но прежде „графъ“ рѣшилъ, не смотря на голодъ, свершить маленькую вечернюю экскурсію въ одну изъ людныхъ улицъ и, глядя по успѣху, позволить себѣ болѣе или менѣе роскошное меню обѣда.

Деньги, бывшія у „графа“ въ карманѣ, онъ считалъ Антошкиными и взять изъ нихъ на обѣдъ считалъ возможнымъ только въ случаѣ крайней необходимости.

Доѣхавъ до Михайловской, онъ пошелъ по лѣвой сторонѣ Невскаго и сдѣлалъ нѣсколько предложеній одолжить ему какую-нибудь монетку. Не смотря на то, что предложенія эти дѣлались и по русски, и по французски, и по нѣмецки, ни одна душа не одолжила „графа“, и онъ повернулъ въ Большую Морскую.

У ресторана Кюба онъ замѣтилъ господина въ путевой формѣ, выходившаго съ какой-то дамой изъ подъѣзда ресторана со стороны Кирпичнаго переулка, и быстро очутился возлѣ инженера. При свѣтѣ фонаря онъ разглядѣлъ веселое

жизнерадостное молодое еще лицо съ сѣдоватыми волосами, выбивавшимися изъ подъ фуражки. Инженеръ оживленно и громко что-то говоритъ дамѣ подъ густой вуалью.

— Господинъ инженеръ, — проговорилъ почти на ухо „графъ“ своимъ сипловатымъ баскомъ — не откажите послѣ устриць одолжить монетку на скромный обѣдъ... Премного обяжете...

Инженеръ, дѣйствительно только-что ѣвшій съ своей дамой устрицы, какъ-то торопливо полѣзъ, въ жилетный карманъ, взглядывая нѣсколько сконфуженными, ласковыми и наблюдательными глазами на страннаго господина и, смѣясь, спросилъ:

— А вы развѣ не одобряете устриць и тѣхъ людей, которые ихъ ѣдятъ?

— Устрицы весьма одобряю, особенно съ хорошимъ шабли или съ максотеномъ сес, заѣдая стильтономъ или ровфоромъ... Благодарю васъ! — прибавилъ „графъ“, получая, къ крайнему изумленію, не монетку, а бумажку, и слегка приподнимая шляпу.

— Не за что... Эй, Иванъ... подавай! — крикнулъ инженеръ лихачу извозчику.

— Виновать... — вдругъ заговорилъ „графъ“, снова подходя къ инженеру. — Вы, разумѣется, ошиблись.

— Въ чемъ?!

— Это не канарейка, а синенькая... Возьмите назадъ, чтобъ послѣ не раскаяваться! — иронически вымолвилъ „графъ“, протягивая инженеру бумажку.

— Я не ошибся... Я и хотѣлъ одолжить вамъ именно пять рублей! — необыкновенно мягко и ласково отвѣчалъ инженеръ, не безъ удивленія посматривая на этого страннаго субъекта.

— Не ошиблись? Въ такомъ случаѣ я вкладу деньги въ карманъ и позволю себѣ замѣтить, что вы представляете собою рѣдкій примѣръ легкомыслія и расточительности, по нынѣшнему времени... Первый разъ въ теченіи моей практики я дѣлаю такой громадный заемъ на улицѣ... Удивительно!.. Всего хорошаго... Всякихъ успѣховъ...

— Вы, однако, большой оригиналъ! — замѣтилъ инженеръ, заинтересованный графомъ...

— Ника, ѣдемъ! — торопила дама.

— До свиданія! — крикнулъ инженеръ...

— Мое почтеніе!

„Графъ“ приподнял шляпу и нѣсколько мгновеній смотрѣлъ вслѣдъ удаляющемуся экипажу удивленными глазами.

— Вѣрно очень счастливъ сегодня!—прошепталъ онъ, трогаясь съ мѣста.

Въ виду такого неожиданнаго благополучія „графъ“ считалъ вправѣ позволить себѣ рѣдкую роскошь — пообѣдать, какъ слѣдуетъ, въ трактирѣ, а не въ закусочной, и даже выпить полъ-бутылки крымскаго бордо. Давно ужъ онъ не пилъ вина!

И онъ направился въ одинъ изъ маленькихъ, ресторановъ на Гороховой, предвкушая удовольствіе полакомиться вкусными блюдами и глотая слюнки при мысли о нѣсколькихъ рюмкахъ водки передъ аппетитной закуской. Куда ни шло, онъ кутнетъ рубля на полтора.

Спасибо легкомысленному инженеру!

IX.

Его превосходительство Константинъ Ивановичъ Ополевъ уже сидѣлъ за письменнымъ столомъ въ своемъ большомъ, внушительномъ кабинетѣ, убранномъ въ строго-солидномъ стилѣ, гладко выбритый, свѣжій и хорошо сохранившійся, не смотря на свои пятьдесятъ два года и многочисленныя занятія, въ щегольски шитомъ утреннемъ костюмѣ, и прилежно занимался, обложенный дѣлами въ синихъ папкахъ, съ большимъ краснымъ карандашомъ въ красивой холеной рукѣ съ большими крѣпкими ногтями, — когда въ дверяхъ кабинета показался въ это утро его камердинеръ Егоръ съ письмомъ на маленькомъ серебряномъ подносѣ въ рукахъ.

Неслышно ступая въ своихъ мягкихъ башмакахъ, Егоръ приблизился къ столу и положилъ на край его письмо „графа“.

Ополевъ поднялъ лицо, красивое, смуглое, серьезное лицо, оваймленное такими же вьющимися и засѣдѣвшими черными волосами, какъ и у младшаго брата, съ большими темными глазами, надъ которыми красивыми дугами темнѣли густыя брови, сходявшіяся у переносицы.

— Письмо вашему превосходительству!

— Хорошо!—промолвилъ Ополевъ низковатымъ прият-

нымъ голосомъ и, взявъ въ руки письмо, не спѣша и аккуратно взрѣзалъ конвертъ ножомъ слоновой кости.

Брезгливая улыбка слегка искривила его губы, когда онъ читалъ письмо брата. Онъ отложилъ письмо, пожалъ плечами, и снова принялся за работу.

Однако, минуто спустя, его превосходительство подавилъ пуговку электрическаго звонка и, когда явился Егоръ, спросилъ:

— Кто принесъ это письмо?

— Не могу знать. Швейцаръ подалъ.

— Узнайте.

Егоръ скоро вернулся и доложилъ, что письмо подалъ какой-то очень скверно одѣтый господинъ и...

Камердинеръ видимо затруднялся продолжать.

— И что же?..

— Онъ назвался...

— Ну, говорите же, кѣмъ онъ назвался?— нетерпѣливо допрашивалъ Ополъевъ.

— Дальнимъ родственникомъ вашего превосходительства,—словно бы извиняясь, что обязанъ передать такое неправдоподобное извѣстіе,—проговорилъ Егоръ и даже позволилъ себѣ улыбнуться.

„По крайней мѣрѣ, имѣлъ стыдъ не назваться братомъ!“—облегченно подумалъ его превосходительство.

И сказалъ:

— Позовите сюда швейцара.

Когда швейцаръ явился, Ополъевъ тихимъ, ровнымъ и спокойнымъ тономъ, какимъ всегда говорилъ съ прислугой, произнесъ:

— Если господинъ, который принесъ утромъ письмо, придетъ еще когда-нибудь, не принимайте отъ него писемъ и никогда не пускайте его. Поняли?

— Понялъ, ваше превосходительство.

— Можете идти.

Швейцаръ повернулся почти по военному и исчезъ.

Его превосходительство вновь принялся за работу.

Часа черезъ полтора онъ поднялся съ кресла, слегка перегнулся, расправилъ свою уставшую спину и, взявъ со стола письмо, легкой, молодцоватой походкой, чуть чуть перекачиваясь, прошелъ черезъ рядъ комнатъ въ столовую.

Тамъ за чайнымъ столомъ сидѣлъ жена Опольева, полноватая, довольно красивая еще, блондинка, въ кольцахъ на пухлыхъ бѣлыхъ рукахъ, съ пышнымъ бюстомъ и туго перетянутой тальей, и молоденькая дѣвушка въ черномъ шерстяномъ платѣ, свѣжая, худенькая брюнетка съ однимъ изъ тѣхъ лицъ, которыя не столько красивы, сколько привлекательны. Особенно привлекательны были эти большіе темно-сѣрые глаза, опущенные длинными рѣсницами, ясные, дѣтски-довѣрчивые и въ то же время будто пугливые.

— Здравствуй, Anette! Здравствуй, Ниночка!—привѣтствовалъ своихъ Опольевъ.

И его серьезное, строгое лицо прояснилось ласковой улыбкой, и ровный, нѣсколько монотонный голосъ его зазвучалъ мягкими звуками.

Онъ поцѣловалъ благоухающую рубу жены, горячо поцѣловалъ дочь и присѣлъ къ столу.

— Ну, что, хороша была вчера опера? Тебѣ понравилась, Нина.

— Очень, папа.

— Музыка или пѣвцы?

— Музыка...

— И я вчера хотѣлъ попасть въ театръ, да засѣданіе коммисіи затянулось... На, вотъ прочитай-ка это письмо, Anette,—вдругъ, хмурясь, проговорилъ Опольевъ, передавая письмо женѣ...

— А все-таки жаль!—слегка пѣвучимъ голосомъ протянула жена, окончивъ чтеніе письма.

— А мнѣ нисколько не жаль!—рѣзко и докторально отвѣтилъ Опольевъ, видимо недовольный мнѣніемъ жены.— Совсѣмъ не жаль! Человѣкъ, который дошелъ до положенія скота, нисколько не заслуживаетъ моего сожалѣнія, хотя бы онъ былъ и близкій мой родственникъ. Нисколько! И я не понимаю этихъ узъ крови, совсѣмъ не понимаю и не чувствую ихъ. Коль скоро человѣкъ опозорилъ и себя, и всю семью такъ, какъ вотъ этотъ господинъ... (его превосходительство указалъ пальцемъ на письмо, лежавшее около Анны Павловны), то нечего и рассчитывать на какія-то узы... Мнѣ не денегъ жаль... какіе-нибудь двадцать рублей не бѣда бросить... но принципъ... понимаешь ли, принципъ...

— Но послушай... вѣдь онъ обращается къ тебѣ въ первый разъ послѣ того, какъ ты, — помнишь — такъ круто отнесся къ нему... И наконецъ, вѣдь онъ не для себя, а для какого-то мальчика...

— Ты вѣришь... этому мальчику? — засмѣялся тихимъ жесткимъ смѣхомъ Ополъевъ. — Ну, милая, ты довольно легко-вѣрна... Ему на пьянство надо, вотъ для чего... Помилуй, человекъ не глупый, который послѣ своего паденія могъ бы какъ-нибудь устроиться... жить честнымъ трудомъ... работать, какъ всѣ мы работаемъ, дошелъ до того, что по вечерамъ останавливаетъ прохожихъ и проситъ подаенія...

— Неужели это правда?.. Мнѣ говорила Магіе, но я не повѣрила...

— Къ сожалѣнію, правда... И ты хочешь, чтобъ я такимъ помогаль?.. Да я готовъ помочь всякому чужому, но сколько-нибудь порядочному человеку, но только не этому пропойцѣ... Никогда! Дай ему разъ, онъ повадится... Эти люди наглы и лживы... Покойный батюшка не даромъ его проклялъ — а отецъ былъ твердыхъ правилъ человекъ! — и я не хочу его знать... Чортъ съ нимъ... Пусть пропадаетъ... Такие люди не нужны обществу...

— Онъ самъ приходилъ? — спросила жена, восхищенная убѣдительными краснорѣчивыми словами мужа и его умомъ.

— Вообрази... имѣлъ наглость придти самъ... Еще, слава Богу, пощадилъ... назвалъ только дальнимъ родственникомъ... Я приказалъ швейцару никогда больше его не пускать и не принимать никакихъ писемъ! — заключилъ Ополъевъ...

Молодая дѣвушка, слышавшая что-то смутно о „погибшемъ дядѣ“, внимала жестокимъ словамъ любимаго отца съ какимъ-то невольнымъ чувствомъ сомнѣнія и, вся притихшая, какъ-то пугливо взглядывала на него.

— Ну, однако, мнѣ пора въ министерство... До свиданія, милая! — промолвилъ Ополъевъ и, сдѣлавъ прощальный жестъ, вышелъ...

— Мама! Позволь мнѣ прочитать это письмо... Можно?

Мать передала молодой дѣвужкѣ письмо.

Та прочитала его и сказала:

— Мама! Папа ошибается... Такъ не пишутъ обманщики. Дядя навѣрное проситъ не для себя, а для мальчика... Грѣшно

не помочь!—прибавила дѣвушка, и лицо ея подернулось тихой грустью.

— Ты слышала, что папа говорилъ?

— Слышала... А все-таки папа не правъ... Необходимо помочь!—рѣшительно произнесла дѣвушка.—И дядѣ, и мальчику...

— Отецъ всегда правъ!—строго проговорила мать.

Наступило молчаніе.

(Продолженіе слѣдуетъ).

К. Станюновичъ.

Дѣятельность женщинъ въ Соединенныхъ Штатахъ Америки.

Женскіе клубы; благотворительность; педагогическая дѣятельность; «College Settlements»; университетское движеніе; дѣятельность женщинъ въ тюрьмахъ; дома и клубы работницъ; домашняя жизнь.

Европейскія женщины, съ такимъ трудомъ пробивающія себѣ дорогу къ самостоятельности, тратящія такъ много энергіи на борьбу съ застарѣлыми предрассудками и предубѣжденіями, конечно, не разъ обращаютъ свои взоры по ту сторону Океана, въ Америку, гдѣ женщины добились уже почти полного равноправія и занимаютъ такое положеніе, о которомъ пока ихъ европейскія сестры не смѣютъ и мечтать. Въ дѣятельности американокъ, въ условіяхъ ихъ положенія европейскія женщины отыскиваютъ тѣ аргументы, которые онѣ выставляютъ на видъ разнымъ принципиальнымъ противникомъ женской эмансипаціи, женскаго равноправія. Но европейскія женщины, въ большинствѣ случаевъ, добиваются пока лишь свободнаго доступа къ высшему образованію, освобожденія изъ подъ семейной опеки, равноправія передъ закономъ и равноправія труда. Для американокъ это все давно рѣшенные вопросы и теперь онѣ стремятся уже къ приобрѣтенію политическихъ правъ, права участія въ законодательныхъ выборахъ. Въ нѣкоторыхъ штатахъ онѣ добились уже этого права; въ другихъ—онѣ участвуютъ въ муниципальных выборахъ и имѣютъ право голоса во всѣхъ вопросахъ, касающихся общественной благотворительности, воспитанія, школъ и т. п. Въ виду же того, что женщины въ Америкѣ всегда твердо знаютъ, чего хотятъ и обладаютъ въ высокой степени организаторскими способностями, мужчины же не заражены предрассудкомъ, заставляющимъ смотрѣть на женщину, не какъ на равноправное, а какъ на низшее существо, созданное для ихъ удобствъ,—нѣтъ никакого сомнѣнія, что полное уравниеніе правъ американской женщины въ политическомъ отношеніи, составляетъ лишь вопросъ времени.

«Часъ женщины пробилъ въ Соединенныхъ Штатахъ», говоритъ г-жа Бентцонъ, въ своихъ, крайне интересныхъ, очеркахъ

дѣятельности и положеніи женщинъ въ Сѣвероамериканскихъ Соединенныхъ Штатахъ, напечатанныхъ въ «Revue des Deux Mondes». Мы имѣли уже случай говорить о статьяхъ г-жи Бентцонъ («Миръ Божій» 1894 г. декабрь) и познакомили нашихъ читателей съ ея описаніемъ женскихъ коллегій, совмѣстнаго воспитанія и общественной дѣятельности нѣкоторыхъ отдѣльныхъ личностей. Г-жа Бентцонъ, какъ и всякая интеллигентная европейская женщина, очень заинтересована успѣхами американокъ. Въ своихъ очеркахъ она старается безпристрастно прослѣдить условія этого успѣха, быть можетъ, для того, чтобы дать возможность своимъ соотечественницамъ извлечь отсюда нѣкоторыя поучительныя для себя указанія. Нельзя судить объ американкахъ по тѣмъ экземплярамъ, которые встрѣчаются въ Европѣ, справедливо замѣчаетъ г-жа Бентцонъ. Надо видѣть американскую женщину въ сферѣ ея дѣятельности, не только въ лучшемъ обществѣ Бостона, Нью-Йорка и Филадельфіи, но и въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ обширной американской территоріи. Г-жа Бентцонъ именно такъ и поступила, и потому-то ея очерки и имѣютъ значеніе, такъ какъ они обрисовываютъ положеніе женщины и ея дѣятельность въ разныхъ сферахъ и знакомятъ насъ съ типами выдающихся дѣятельницъ на поприщѣ женской эмансипаціи.

Превосходною школою организаціи служитъ для американскихъ женщинъ безчисленное множество клубовъ, въ которыхъ онѣ состоятъ членами. Первые клубы женщинъ были основаны одновременно въ Бостонѣ и Нью-Йоркѣ, гдѣтъ 25 тому назадъ. Затѣмъ подобнаго же рода ассоціаціи стали возникать одна за другой, въ разныхъ мѣстахъ и разныхъ штатахъ. Въ настоящее время такихъ клубовъ насчитывается около 300, и всѣ они вмѣстѣ образуютъ федерацію, которая придаетъ имъ большую прочность и силу. Особенною дѣятельностью отличаются чикагскіе клубы. Г-жа Бентцонъ описываетъ два главныхъ клуба въ Чикаго, которые она посѣтила, — «Fortnightly» и «Woman's Club».

«Fortnightly» — исключительно литературный клубъ. Вотъ какъ описываетъ г-жа Бентцонъ свое посѣщеніе: «Клубъ помѣщается въ очень элегантномъ отелѣ. Передъ эстрадою, на которой за сѣдаетъ предсѣдательница клуба и два члена бюро, размѣстились дамы всѣхъ возрастовъ, многія въ элегантныхъ вечернихъ туалетахъ. Миссъ Амелія Жеръ Миссонъ, авторъ известной книги о французскихъ салонахъ («Women of the French Salons»), читаетъ свой рефератъ «Древніе и новые типы женщинъ», за которымъ слѣдуютъ пренія. Меня поразили, во время этихъ преній, умѣнье ясно и точно

формулировать свои взгляды и мысли, которое обнаружили всё эти дамы, по очереди встававшія со своихъ мѣстъ и дѣлавшія возраженія автору реферата или же развивавшія далѣе его взгляды. Вообще, всё высказанныя сужденія отличались опредѣленностью и указывали на развитие критическаго ума и на основательное знакомство съ предметомъ, о которомъ шла рѣчь. Безъ всякаго сомнѣнія, всё эти женщины, когда ихъ допустятъ въ конгрессъ, явятся туда достаточно подготовленными и съумѣютъ выказать основательность и послѣдовательность въ своихъ сужденіяхъ, не увлекаясь и не проявляя слишкомъ большой страстности въ спорѣ. Ни у одной изъ этихъ женщинъ я не замѣтила желанія быть пріятной, ни одна изъ нихъ не говорила комплиментовъ и ни одна не стѣснялась говорить то, что она считала истиной, хотя бы это была непріятная истина. Меня поразило также добродушное отношеніе автора реферата ко всёмъ критическимъ замѣчаніямъ. Понятно, что такого рода періодическія собранія должны имѣть огромное вліяніе на женщинъ, образовывать ихъ умъ, развивать ихъ ораторскія способности рѣчи и содѣйствовать изгнанію изъ ихъ разговора фривольныхъ сюжетовъ слишкомъ личнаго характера. Въ тоже время такія собранія пріучаютъ женщинъ слушать со вниманіемъ и возражать логично; назначаемыя же заранѣе для рефератовъ темы изъ области литературы, философіи, этики и т. п., весьма часто способствуютъ проявленію литературныхъ талантовъ, которые, быть можетъ, и не имѣли бы случая выказаться при другихъ условіяхъ». По окончаніи реферата и преній подаютъ чай; общество раздѣляется на группы, завязывается оживленная бесѣда.

Дамы, познакомившіяся съ г-жею Бентцонъ, любезно выговаривали ей за то, что она отказалась произнести рѣчь, о чемъ ее просили, какъ почетнаго гостя и иностранку, и очень удивились когда она сказала имъ, что не привыкла говорить публично. Заговорили о прежнихъ французскихъ салонахъ, и г-жа Бентцонъ замѣтила присутствующимъ дамамъ, что многіе американскіе женскіе клубы вполне могутъ соперничать съ этими салонами; разница лишь заключается въ томъ, что во французскихъ салонахъ преимущественно блистали умомъ и остроуміемъ мужчины, тогда какъ въ женскіе клубы мужчины не допускаются. Одна изъ присутствующихъ дамъ съ живостью возразила на это: «Что за бѣда! Мы хотимъ блистать сами для себя!»

Мужья и отцы, занятые по горло дѣлами или отдавшіеся какому-нибудь специальному труду, зачастую совершенно не имѣютъ времени слѣдить за литературою, за теченіемъ умственной жизни

и, пожалуй, совершенно погрязли бы въ меркантильныхъ интересахъ, если бы женщины не вносили струю умственной жизни въ свою семейную обстановку. Въ этомъ отношеніи женскіе клубы именно и оказываютъ большую услугу. Они отвлекаютъ женщину отъ домашней рутинны, заставляютъ ее проникаться умственными интересами, жить умственной жизнью. Вернувшись изъ засѣданія клуба, гдѣ происходили горячія пренія по какому-нибудь вопросу общественнаго характера или изъ области исторіи, социологіи, литературы и т. п., женщина захочетъ подѣлиться своими впечатлѣніями со своими домашними и невольно приобщаетъ ихъ къ своимъ умственнымъ интересамъ, рассказывая своему мужу, отцу или брату о послѣдней литературной или научной новинкѣ, книгѣ, журнальной статьѣ и т. п., и, конечно, семейная бесѣда при такихъ условіяхъ будетъ имѣть совершенно другой характеръ, чѣмъ какой бы она имѣла, еслибъ сфера интересовъ женщины не выходила за предѣлы домашнихъ дѣлъ и свѣтскихъ развлеченій.

Къ числу болѣе или менѣе выдающихся женщинъ, съ которыми г-жа Вентцонъ познакомилась въ Чикагскомъ клубѣ, принадлежатъ докторъ Сара Стивенсонъ, имѣющая очень большую практику въ Чикаго. Она состоитъ президентомъ другого клуба— «Woman's Club», программа котораго шире программы клуба «Fortnightly», и имѣетъ болѣе социальный характеръ. Г-жа Сара Стивенсонъ съ большимъ жаромъ говорила г-жѣ Вентцонъ объ успѣхахъ чикагскихъ женщинъ и объ ихъ дѣятельности. Она особенно гордилась устройствомъ особаго агентства, подѣ покровительствомъ котораго состоятъ женщины и дѣти въ Чикаго. Цѣль агентства—охранять права женщинъ, взыскивать удержанную неправильнымъ образомъ заработную плату работницъ или жалованье находящихся въ услуженіи женщинъ, не допускать эксплуатаціи работницъ, нарушенія контрактовъ, взысканія огромныхъ процентовъ и т. д. Кромѣ того, агентство беретъ на себя обязанность заботиться о дѣтяхъ, давать пріютъ брошеннымъ дѣтямъ, извлекать ихъ изъ дурной среды и вредной обстановки и отнимать у дурныхъ родителей. Женщины, подвергающіяся дурному обращенію со стороны своихъ мужей, могутъ искать защиты у агентства, которое беретъ на себя выхлопотать имъ разводъ и вступаетъ за права матери надъ своими дѣтьми. Однимъ словомъ, въ безконечномъ числѣ случаевъ женщины могутъ прибѣгать къ защитѣ и покровительству вышеназваннаго агентства, на службѣ котораго состоятъ, между прочимъ, профессиональные юристы для веденія разныхъ судебныхъ дѣлъ.

Г-жа Бентонъ посѣщала также «Woman's Club», въ которомъ нашла гораздо болѣе смѣшанное общество, нежели въ «Fortnightly». Клубъ этотъ насчитываетъ 500 членовъ, распределенныхъ по шести большимъ отдѣламъ или комитетамъ: комитетъ реформы, благотворительности, воспитанія, домашняго обученія, искусства и литературы, науки и философіи. Въ засѣданіи, на которомъ присутствовала г-жа Бентонъ, какая-то слѣпая молодая дѣвушка прочла лекцію о поэтѣ Лонгфелло. Далѣе очереднымъ пунктомъ программы былъ вопросъ о безработныхъ рабочихъ. Это—злоба дня, въ которой заинтересованы всѣ общественныя учрежденія, желающія объединенными усиліями облегчить участь рабочихъ. Одинъ изъ почетныхъ членовъ муниципалитета явился въ клубъ съ предложеніемъ—присоединиться въ данномъ случаѣ къ городскому управленію, стремящемуся придти на помощь рабочимъ. Дамамъ было предложено произвести разслѣдованіе положенія рабочихъ. «Остерегайтесь, однако, вмѣшиваться въ дѣла бѣдняковъ болѣе, чѣмъ вы бы это позволили себѣ сдѣлать относительно богатыхъ людей»,—сказалъ членъ муниципалитета, и всѣ члены клуба вполне согласились съ нимъ, что разслѣдованіе должно быть произведено особенно деликатнымъ образомъ, такъ чтобы бѣднякъ не могъ почувствовать себя оскорбленнымъ непрошенымъ вмѣшательствомъ.

Г-жа Бентонъ поинтересовалась посмотрѣть, какіе вопросы предложены на обсужденіе клуба на слѣдующій мѣсяць, и ей показали списокъ, сдѣланный на весь годъ. Въ этомъ списокѣ, между прочимъ, значились слѣдующія темы: «Эволюція современной женщины», «О значеніи труда», «О реализмѣ въ искусствѣ и литературѣ», «О промышленной коопераціи», «О сохраненіи энергіи», «О совмѣстномъ воспитаніи», «Объ эмиграціи», «О правахъ матери», и т. п.

Кромѣ теоретическаго обсужденія различныхъ вопросовъ, клубъ преслѣдуетъ также и практическія цѣли. Мы уже говорили выше объ агентствѣ — «Protective Agency», которое учреждено въ 1886 году. Изъ отчета о дѣятельности его видно, что въ теченіе семи лѣтъ агентство разслѣдовало 7.197 жалобъ и произвело взысканій въ пользу работницъ на сумму 1.249.687 долларовъ. Пока еще не существуетъ разработанной статистики, которая могла бы въ достаточной степени освѣтить дѣятельность агентства въ глазахъ общества. Не мало было случаевъ, когда агентство оказывало покровительство женщинамъ, прибѣгавшимъ къ его защитѣ, иностранкамъ, которыя очутились въ бѣдственномъ положеніи вдали отъ своей родины, покинутымъ или осиротѣв-

шимъ дѣтямъ и т. п. Всѣ эти случаи еще не приведены въ извѣстность. Мировые судьи, полицейскіе комиссары, члены магистрата,—всѣ относятся съ величайшимъ уваженіемъ къ агентству и его дѣятельности, и дѣйствительно, въ такомъ городѣ, какъ Чикаго, гдѣ сильно распространено пьянство и гдѣ грубость нравовъ далеко еще не уступила цивилизаціи, поле для дѣятельности такого агентства очень обширно.

Вмѣшательство клуба въ общественныя дѣла уничтожило много злоупотребленій. Благодаря этому вмѣшательству, напримѣръ, были назначены женщины-врачи въ пріюты для душевно-больныхъ, гдѣ существовали прежде невѣроятныя злоупотребленія. Клубъ добился также, чтобы женщины назначались во всѣ учрежденія, которыя имѣютъ отношеніе къ судьбамъ женщины. Женщины служатъ въ тюрьмахъ, больницахъ, пріютахъ и даже въ полицейскихъ бюро. Многія изъ благотворительныхъ учрежденій открыты ими на средства которой-нибудь изъ членовъ клуба или же по почину самого клуба. Миссъ Флоуеръ, напримѣръ, основала школу для сирѣтокъ, а г-жа Стивенсонъ, докторъ, добилась устройства на озерѣ купальнъ для бѣдныхъ. Клубъ учредилъ ежегодную премію въ академіи художествъ. Вообще, клубъ всегда является на помощь, лишь только дѣло заходитъ объ устройствѣ какой-нибудь стипендіи, общежитія и т. п. Клубъ доставилъ средства новому университету, основанному въ 1892 году, на постройку зданія для общежитія студентовъ обоого пола, залы для собраній и библіотеки. Клубъ нашелъ нужную сумму для устройства промышленной школы для мальчиковъ; клубъ слѣдитъ за тѣмъ, чтобы исполнялся законъ обязательнаго обученія и чтобы дѣти отъ шести до 14 лѣтъ обязательно посѣщали школу въ теченіе шести мѣсяцевъ въ году. Такъ какъ многія дѣти бѣдныхъ родителей не могутъ ходить въ школу за неимѣніемъ теплой одежды и обуви, то клубъ беретъ на себя трудъ позаботиться объ этомъ. Въ настоящее время «Woman's Club» предпринялъ еще болѣе трудную, по мнѣнію г-жи Бентонъ, задачу — добиться чистоты на улицахъ Чикаго. Это, конечно, не легко, но уже и въ этомъ отношеніи кое-что достигнуто. Вообще, дѣятельность «Woman's Club» неизмѣнно обнаруживается во всѣхъ реформахъ, предпринимаемыхъ въ Чикаго.

Въ Чикаго г-жѣ Бентонъ удалось познакомиться еще съ однимъ, замѣчательнымъ учрежденіемъ; это—«Hull House», называемый такъ по имени своего строителя Гуля и служащій, между прочимъ, убѣжищемъ для нищихъ и безпріютныхъ иностранцевъ. «Hull House» обязанъ своимъ основаніемъ миссъ Дженъ Адамсъ. Подобныя учрежденія существуютъ и во многихъ дру-

гихъ городахъ Соединенныхъ Штатовъ, но «Hull House» все-таки единственный въ своемъ родѣ. Исходя изъ убѣжденія, что богатые столько же нуждаются въ бѣдныхъ, сколько бѣдные въ богатыхъ, миссъ Адамсъ отдала все свое состояніе, свое время и свои способности на служеніе этой идеѣ. Для начала она купила полуразрушенное зданіе въ одноѣ изъ заброшенныхъ кварталовъ, отстроила его и отдѣлала заново, такъ что домъ принялъ очень привлекательный видъ. Поселившись въ этомъ домѣ со своею пріятельницей и помощницей, миссъ Старръ, миссъ Адамсъ мало-по-малу начала свою благотворную дѣятельность, которая въ настоящее время получила самое широкое развитіе.

«Hull House» напоминаетъ нѣсколько лондонскій «Toynbee Hall» *) и также можетъ быть названъ народнымъ дворцомъ; при немъ же устроено убѣжище и клубъ для работницъ—«Jane's Club». Молодыя дѣвушки, живущія въ этомъ убѣжищѣ и состоящія членами клуба, зарабатываютъ себѣ кусокъ хлѣба разнаго рода ремеслами, шитьемъ, перепиской, служатъ стенографистками, телеграфистками, наборщицами и т. п. Прежде имъ приходилось искать пріюта въ плохихъ наемныхъ помѣщеніяхъ, въ нездоровой обстановкѣ, и терпѣть разныя лишенія. Теперь онѣ избавлены отъ этого. Сдѣлавшись членами «Jane's Club», онѣ получаютъ то, чего были лишены до сихъ поръ: хорошее помѣщеніе, здоровый столъ и семейную обстановку. Кромѣ того, онѣ имѣютъ здѣсь возможность пополнять свое образованіе, посѣщая вечернія лекціи и пользуясь превосходною библіотекой и читальней клуба.

Кромѣ вечернихъ классовъ, устроенныхъ въ «Hull House» для лицъ обоюго пола, тамъ же существуетъ и превосходное гимнастическое заведеніе, ванны и души. Это заведеніе принесло большую пользу въ физическомъ отношеніи всему населенію квартала.

Никто не забытъ въ «Hull House»,—ни дѣти, ни взрослые, ни старики. Для уличныхъ мальчишекъ, которыми никто не занимается и которые все свое воспитаніе получаютъ на улицѣ, въ «Hull House» устроенъ также клубъ, гдѣ они, развлекаясь разнаго рода играми, доступными ихъ возрасту, обучаются въ то же время разнаго рода предметамъ и ремесламъ. Съ этими мальчиками занимаются сыновья богатыхъ жителей Чикаго, отдающіе, такимъ образомъ, свой досугъ бѣднымъ, обездоленнымъ дѣтямъ, и дѣло идетъ очень успѣшно. Кромѣ того, миссъ Адамсъ пожелала придти на помощь всѣмъ бѣднымъ иностранцамъ, живущимъ въ Чикаго,

*) «Toynbee Hall».—величественное готическое зданіе, построенное въ самой грязной и бѣдной части Лондона, для «Народнаго университета».

и устроила въ «Hull House» клубы для всѣхъ національностей. Больше всего посѣщается нѣмецкій клубъ, гдѣ собираются по пятницамъ, поютъ старинныя народныя пѣсни и читаютъ Шиллера. Нѣмки приходятъ сюда со своимъ вязаньемъ или шитьемъ и подъ звуки пѣсни и стиховъ Шиллера усердно работаютъ крючкомъ и иголкой.

Въ читальняхъ «Hull House» всегда можно встрѣтить много рабочихъ, просматривающихъ журналы и газеты. Въ верхнемъ этажѣ помѣщается бильярдъ, который также служитъ любимымъ развлеченіемъ. Потребность въ обществѣ очень часто заставляетъ рабочихъ, въ часы досуга, идти въ такія мѣста, гдѣ играютъ на деньги и пьютъ, и по этой наклонной плоскости они уже легко катятся внизъ и часто погибаютъ. Миссъ Адамсъ именно и заботится о томъ, чтобы доставить рабочимъ развлечения, въ которыхъ они нуждаются, облегчить жизнь бѣдняковъ, насколько возможно, но въ то же время она имѣетъ въ виду, чтобы то, что доставляетъ «Hull House» бѣдному населенію квартала, не имѣло характера милостыни; она стремится уничтожить, насколько возможно, границы, раздѣляющія богатыхъ и бѣдныхъ, и доставить бѣднякамъ тотъ комфортъ, въ которомъ имъ отназано судьбой. Принимая подъ свой гостепріимный кровъ, миссъ Адамсъ не справляется у своихъ посѣтителей ни объ ихъ религіозныхъ, ни объ ихъ политическихъ убѣжденіяхъ—«всѣ мы братья о Христѣ»—говоритъ она и относится совершенно одинаково ко всѣмъ нуждающимся, стараясь чѣмъ можно облегчить ихъ участь. Пожертвованія стекаются къ миссъ Адамсъ со всѣхъ сторонъ отъ людей сочувствующихъ ея идеѣ. Не такъ давно ей было подарено мѣсто, прилегающее къ «Hull House». На этомъ мѣстѣ прежде были полуразрушенныя постройки, теперь же устроена прекрасная площадка для игръ и разныхъ атлетическихъ упражненій.

Г-жа Бентцонъ посѣтила клубъ рабочихъ въ «Hull House» и сообщаетъ слѣдующія интересныя свѣдѣнія объ этомъ собраніи:

«Большая столовая превращена въ залу засѣданія. Въ глубинѣ виднѣется небольшая эстрада. Скамьи и стулья передъ эстрадой уже заняты публикой, имѣющей космополитическій характеръ, среди которой много русскихъ евреевъ.

«На эстраду выходитъ человѣкъ интеллигентной наружности, очень корректный въ своемъ длинномъ скротукѣ и ослѣпительной бѣлизны высокомъ воротничкѣ и манжетахъ. Выраженіе лица у него холодное и энергичное. Это профессоръ университета и въ то же время пасторъ баптистской церкви. Прежде чѣмъ онъ началъ говорить, маленькій старичекъ, выбранный предсѣдателемъ на это

собраніе и сидящій у стола, на которомъ положены часы миссъ Адамсъ, обращается къ собранію со слѣдующимъ замѣчаніемъ: «Насъ увѣдомили, что сегодня къ намъ явится одинъ ученый, знаменитый профессоръ. Мы не сомнѣваемся, что его бесѣда будетъ поучительной и вмѣстѣ занимательной для насъ».

«На нѣкоторыхъ лицахъ мелькаетъ ироническая улыбка, но никто не позволяетъ себѣ никакого замѣчанія и все время, пока говоритъ ораторъ, въ залѣ царствуетъ глубокое молчаніе и всѣ слушаютъ со вниманіемъ его рѣчи, которыя касаются социальныхъ вопросовъ, волнующихъ общество. Ораторъ старается доказать, что нельзя взваливать отвѣтственность на отдѣльныхъ личностей за тѣ перемѣны, которыя вызваны успѣхами промышленности. Онъ проповѣдуетъ рабочимъ терпѣніе, правильный трудъ и бережливость, которая вообще мало практикуется въ Америкѣ. Богатымъ онъ предлагаетъ принести добровольно нѣкоторыя великодушныя жертвы для того, чтобы нѣсколько сравнять социальныя условія. Все, что говорилъ ораторъ, умно, но какъ-то невольно чувствуется, да и онъ самъ долженъ былъ чувствовать, что между нимъ и слушателями не установилось никакой симпатіи, и все, что онъ говоритъ, оставалось совершенно для нихъ чуждымъ.

«Нѣсколько человекъ торопливо записываютъ что-то на клочкахъ бумаги. Когда ораторъ кончилъ говорить, маленькій старичокъ, предсѣдатель, лицомъ нѣсколько напоминающій Вольтера, прищуривъ саркастически глаза, произноситъ: «Я предсказываю, что вы насъ будете и поучать, и забавлять. И вы, дѣйствительно, насъ позабавили»...

«На эстраду выходитъ другой ораторъ, блѣдный отъ волненія въ началѣ его рѣчь трудно понять, но онъ, силою воли, овладѣваетъ собою и начинаетъ говорить громко и внятно.

«Пусть такъ,—сказалъ онъ.—Очевидно, никто не виноватъ въ томъ, что совершается кругомъ насъ, поэтому-то и мы ни на кого не претендуемъ, но какъ же быть? Я, на примѣръ, былъ прежде башмачникомъ. Подите-ка, предложите теперь шить башмаки, когда кругомъ множество машинъ производятъ эту работу гораздо скорѣе. Человѣкъ, научившійся какому-нибудь ремеслу, не можетъ болѣе заработать себѣ кусокъ хлѣба этимъ ремесломъ. Впрочемъ, вы правы,—надо ждать. Жизнь сама беретъ на себя обязанность устранять то, что дурно или бесполезно... Будемъ ждать!»

«Говорившій былъ, должно быть, чехъ по происхожденію, и потому рѣчь его стоила ему, повидимому, большихъ усилій, такъ какъ ему приходилось преодолевать трудности чуждаго ему языка. Послѣ него на эстрадѣ появляется толстый, но очень блѣдный

человѣкъ, добродушнаго вида, предложившій нѣсколько вопросовъ, повидимому, самымъ простодушнымъ образомъ, насчетъ того, какимъ путемъ можно достать себѣ работу; онъ пробовалъ искать ее всѣми способами, и черезъ посредство церкви, и черезъ бюро помощи, и никакъ не могъ найти.

«Другіе ораторы высказываютъ, приблизительно, тѣ же взгляды и задаютъ тѣ же вопросы. Согласно правиламъ, ни одинъ изъ нихъ не долженъ говорить долѣе шести минутъ. Одного изъ нихъ, какого-то нѣмца, очень рѣзко нападавшаго на высказанные профессоромъ взгляды о терпѣніи, которымъ должны запастись рабочіе, предсѣдатель остановилъ, видимо съ сожалѣніемъ, напомнивъ ему, что положенныя шесть минутъ уже прошли.

«Молодой ирландецъ протестуетъ противъ того, чтобы эпитетъ «тунеядецъ» примѣнялся ко всѣмъ тѣмъ, кто не занимается ремесломъ или ручнымъ трудомъ. Онъ рассказываетъ исторію своей жизни и на основаніи собственного опыта старается доказать, что всего можно достигнуть силою воли, твердостью и настойчивостью. Самымъ послѣднимъ заговорилъ маленькій старичокъ, предсѣдатель. Онъ заявилъ, что желаетъ сказать нѣсколько словъ профессору, проповѣдовавшему бережливость «тѣмъ, у кого нѣтъ ничего», и трудъ «тѣмъ, кто не можетъ найти себѣ нигдѣ работы». Профессоръ особенно строго отзывался о бродягахъ — «tramps», которыхъ онъ, повидимому, ставилъ на одну доску съ безчестными людьми. Но онъ, значить, забываетъ слова Евангелія, гдѣ говорится, что Сыну Человѣческому негдѣ преклонить голову.

«Во все время своей рѣчи предсѣдатель разгуливалъ по эстрадѣ, запустивъ руки въ карманы, и не спуская глазъ съ часовъ миссъ Адамсъ. Какъ только стрѣлка указала ему, что законный срокъ прошелъ, то онъ немедленно остановился. Но его слова, повидимому, затронули за живое профессора, и онъ всталъ, чтобы отвѣчать.

«Если я дурно отозвался о бродягахъ, то вѣдь и вы меня называли трусомъ, тунеядцемъ, чуть-ли не воромъ,—сказалъ профессоръ,— и мы теперь квиты. Я вижу одинъ только способъ продолжать разговоръ въ томъ же тонѣ, это — выйти съ вами на улицу и попробовать сговориться при помощи кулаковъ. Но вѣдь, пожалуй, и тутъ вы окажетесь сильнѣе меня. Я готовъ лучше признать, что въ томъ, что вы говорили, заключается много справедливаго. Оскорбленіе, однако, никогда ни къ чему не ведетъ. Я бы могъ рассказать вамъ свою жизнь, показать, что она была далеко не легка, но нахожу это бесполезнымъ, скажу лишь вамъ, что отецъ мой былъ въ одно и то же время свя-

щенникомъ и врачомъ, и хорошо справлялся съ обѣими должностями. Теперь бы онъ не могъ этого дѣлать. Врачу теперь надо много работать для того, чтобы слѣдить за прогрессомъ науки, ему надо специализироваться, избрать одну какую-нибудь отрасль медицины. Правда, что теперь башмачникъ не можетъ шить башмаки одинъ самъ по себѣ, такъ какъ существуетъ машинное производство, и чтобы пробить себѣ дорогу и найти себѣ мѣсто, надо обладать въ настоящее время большимъ упорствомъ и настойчивостью, нежели прежде. Такъ, напримѣръ, я былъ бы очень счастливъ, если бы мнѣ можно было бы работать руками для собственнаго удовольствія. Я силенъ и съ радостью сталъ бы копать землю въ своемъ саду въ теченіе двухъ-трехъ часовъ ежедневно. Но я не могу заниматься этимъ, потому что вы намъ довѣряете своихъ дѣтей, которыхъ мы должны учить, и, понятно, вы требуете отъ насъ, чтобы мы всецѣло отдавались своей профессіи. Друзья мои, очень часто проповѣдникамъ приписываются такія рѣчи, которыхъ они никогда не говорятъ. Обыкновенно этимъ занимаются люди, которые никогда не ходятъ въ церковь и не слушаютъ проповѣдей. Быть можетъ, я нѣсколько строго отозвался о бродягахъ, которые не дѣлаютъ ничего для того, чтобы обезпечить себѣ кровъ и кусокъ хлѣба—вѣдь и они тоже мои братья. Но когда имѣешь много братьевъ, то позволительно вѣдь оказывать преимущество тому или другому изъ нихъ, одаренному лучшими качествами и причиняющему вамъ менѣе горя, хотя, разумѣется, мы всегда будемъ готовы протянуть руку и другимъ нашимъ братьямъ, несмотря на то, что, если понадобится, мы будемъ строги съ ними. Мнѣ хорошо знакома такая любовь; я былъ единственный сынъ въ очень многочисленномъ семействѣ и меня очень любили, хотя это и не мѣшало мнѣ получать при случаѣ потасовки.

«Эти слова вызвали смѣхъ и послышались аплодисменты. Ясно было, что ораторъ на этотъ разъ взялъ вѣрный тонъ. Нѣкоторые, изъ наиболее храбрыхъ, подошли къ нему и пожали ему руку. Между прочимъ, къ нему подошелъ и тотъ самый нѣмецъ, который наградилъ его нелестными эпитетами въ своей рѣчи, и также пожалъ ему руку и долго съ нимъ разговаривалъ въ образурѣ окна. Очевидно, оба совершенно забыли свою недавнюю словесную стычку.

«Собраніе разошлось послѣ нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ миссъ Старръ, заявившей присутствующимъ, въ какой день назначается новое собраніе. Миссъ Старръ прибавила, что въ слѣдующій разъ въ клубъ явится одинъ знаменитый проповѣдникъ, который будетъ бесѣдовать о религіозныхъ предметахъ съ тѣми,

кто этого пожелаетъ. Всѣ имѣютъ право выражать свои сомнѣнія и свои личныя воззрѣнія письменно, но миссъ Старръ надѣется, ради чести дома, что члены клуба будутъ помнить, къ чему ихъ обязываетъ вѣжливость по отношенію къ гостямъ, которые являются въ клубъ, какъ друзья и съ добрыми намереніями. Миссъ Старръ высказала нѣсколько косвенныхъ упрековъ по адресу несдержанныхъ ораторовъ, которые ихъ выслушали частью нѣсколько сконфуженно, частью же съ совершенно беззаботнымъ видомъ».

Передъ уходомъ миссъ Адамсъ сообщила присутствующимъ, что въ «Null House» доставленъ большой запасъ угля и железяки могутъ получать его по удешевленной цѣнѣ. Въ виду наступающей зимы, извѣстіе это, конечно, было очень пріятно для многихъ. Но еще пріятнѣе для всѣхъ этихъ бѣдняковъ, собравшихся сюда, прибавляетъ г-жа Бентцонъ, былъ ласковый взглядъ, которымъ миссъ Адамсъ сопровождала свои слова. Несмотря на то, что она недавно перенесла очень серьезную операцію, это не мѣшаетъ ей попрежнему работать безъ усталости. Болѣзненная и слабая съ самой ранней молодости миссъ Адамсъ, вопреки приказаніямъ врачей абсолютно воспретившимъ ей всякую дѣятельность, требующую большой затраты силъ и энергіи, избрала именно такого рода дѣятельность, не щадя ни силъ, ни энергіи. Она живетъ просто какимъ-то чудомъ, совершенно забывая себя. Конечно, миссъ Адамсъ состоитъ членомъ «Woman's Club», какъ и многія другія, напримѣръ, миссисъ Логанъ, взявшая на себя очень трудную и не совсѣмъ пріятную обязанность, посѣщать полицейскіе вертепы и отыскивать тѣхъ несчастныхъ, которыя приводятъ туда въ перемежку съ разными злодѣями и мошенниками, попадающими въ руки полиціи. Миссисъ Логанъ оказываетъ поддержку всѣмъ тѣмъ, у кого еще не исчезло нравственное чувство, и помогаетъ имъ выйти изъ своего унижительнаго положенія. Если нужно, то она сама сопровождаетъ своихъ протеже даже въ судъ, чтобы придать имъ мужества, и не вѣдаетъ ни усталости, ни отвращенія, когда надо оказать помощь которой-нибудь изъ этихъ несчастныхъ.

Нѣтъ такой отрасли общественной дѣятельности въ Чикаго, въ которой женщины не заявили бы себя своею энергіей и трудомъ. Чикаго вправдѣ гордиться ими; то же самое можно сказать и о Бостонѣ, такъ какъ еще во времена колоніальной эпохи бостонскія женщины прославили себя своимъ мужествомъ, своими добродѣтелями и преданностью своему новому отечеству. Женщины своею энергіею и готовностью на всякія личныя жертвы не мало

способствовали успѣху борьбы за независимость. Многія тогда объявили, что онѣ скорѣе согласны одѣваться въ звѣриныя шкуры, нежели покупать англійскіе товары. Нѣкоторыя служили въ рядахъ арміи. Нигдѣ публичный протестъ противъ рабства не выражался такъ сильно, какъ среди бостонскихъ женщинъ. Во время войны онѣ принесли огромную пользу своею дѣятельностью, какъ въ дѣлѣ доставленія средствъ арміи, такъ и въ дѣлѣ организаціи помощи раненымъ.

Столь же плодотворна дѣятельность бостонскихъ женщинъ и на поприщѣ педагогики. Вдова знаменитаго натуралиста Агассица много содѣйствовала процвѣтанію женской коллегіи, составляющей отдѣленіе Гарвардскаго университета. Одна изъ дочерей Агассица, миссисъ Шоу, изучила методу Фребеля и устроила шестнадцать дѣтскихъ садовъ, которые теперь принадлежатъ городу. Подъ ея руководствомъ и по ея инициативѣ были произведены разнаго рода педагогическіе опыты: введеніе ручного труда въ общественныхъ школахъ, устройство промышленныхъ и вакаціонныхъ школъ яслей и т. п. Ея подготовительная школа для мальчиковъ и дѣвочекъ долго была единственною въ своемъ родѣ. Другая дѣятельница на этомъ же поприщѣ, миссисъ Мери Гемнуэй позаботилась о томъ, чтобы чисто женскія искусства не изгонялись бы изъ области воспитанія женщины. Она основала школу практическихъ наукъ, гдѣ молодыя дѣвушки могли научиться хозяйству и домоводству. Она ввела и гимнастику въ программу занятій. Первый американскій археологическій музей обязанъ ей же своимъ существованіемъ.

Въ области чистой науки Бостонъ можетъ похвастаться женщиной-астрономомъ, Маріей Митчель, которую высоко ставили Гершель, Гумбольдтъ и Леверрье. Въ области изящныхъ искусствъ, литературы и поэзіи бостонскія женщины занимаютъ также одно изъ первыхъ мѣстъ. Первая женская медицинская школа была также открыта въ Бостонѣ, въ 1848 году; въ то время это была единственная школа для женщинъ во всемъ свѣтѣ. Теперь эта школа присоединена къ университету.

Мы уже говорили о томъ, что первый женскій клубъ былъ основанъ въ Бостонѣ 25 лѣтъ тому назадъ, въ началѣ лишь съ цѣлью служить мѣстомъ, гдѣ могли бы сходиться жительницы окрестностей Бостона, вынужденныя по какому-нибудь дѣлу пріѣзжать въ городъ. Мало-по-малу, это положило основаніе правильнымъ собраніямъ, которыя происходили разъ въ двѣ недѣли, и на этихъ собраніяхъ уже происходили пренія по различнымъ вопросамъ изъ области литературы, педагогики и т. п. Съ теченіемъ времени

собранія эти приобрѣли серьезный характеръ, и число членовъ клуба стало возрастать.

Г-жа Бентцонъ, посѣтившая этотъ клубъ, президентомъ котораго состоитъ миссисъ Джулія Уардъ Гове, одна изъ выдающихся пионерокъ женскаго движенія въ Америкѣ, вынесла оттуда самое отрадное впечатлѣніе. По ея словамъ, врядъ ли какое-нибудь собраніе, состоящее исключительно изъ однѣхъ только женщинъ, имѣло бы такой же успѣхъ во Франціи, какъ въ Америкѣ, и отличалось бы такимъ же оживленіемъ и содержательностью. Всѣ члены бостонскаго женскаго клуба чувствовали себя, повидимому, очень привольно. Выслушавъ съ большимъ вниманіемъ докладъ пріѣзжей посѣтительницы клуба, миссъ Спенсъ, австраійской знаменитости, о томъ, какъ практикуется голосованіе въ Австраліи, члены клуба раздѣлились на группы и за чашкою чая, которымъ угощала миссисъ Гове въ качествѣ хозяйки клуба, велась самая оживленная бесѣда.

Кромѣ этого клуба, въ Бостонѣ еще существуютъ салоны, напоминающіе прежніе французскіе салоны. Таковъ, напримѣръ, салонъ миссисъ Фильдсъ, вдовы знаменитаго издателя Джемса Фильдса, который былъ другомъ многихъ знаменитыхъ писателей во Франціи и въ Англіи и оставилъ послѣ себя чрезвычайно интересные воспоминанія и замѣтки о своихъ встрѣчахъ, разговорахъ и перепискѣ съ разными литературными знаменитостями. Домъ миссисъ Фильдсъ представляетъ настоящій храмъ воспоминаній, гдѣ хранится драгоцѣнная коллекція автографовъ, и портреты писателей покрываютъ всѣ стѣны. Въ ея салонѣ можно встрѣтить всѣхъ современныхъ литераторовъ и молодыхъ, блестящихъ профессоровъ и ученыхъ.

Бостонъ изобилуетъ разнаго рода благотворительными учрежденіями и дѣятельности этихъ учреждений г-жа Бентцонъ приписывала кажущееся ослабленіе пауперизма. Однако, на дѣлѣ оказалось, что этому кажущемуся ослабленію способствуетъ, главнымъ образомъ, существующая въ Бостонѣ насильственная система выселенія всѣхъ нищихъ и неисправимыхъ бродягъ на острова, находящіеся у входа въ гавань. На этихъ островахъ устроены исправительныя заведенія и пріюты для нищихъ. Г-жа Бентцонъ справедливо замѣчаетъ, что такая система, во всякомъ случаѣ, представляетъ посягательство на свободу личности, тѣмъ болѣе что администрація этихъ острововъ оставляетъ желать многого, и еще не такъ давно, благодаря энергичному вмѣшательству одной изъ общественныхъ дѣятельницъ, миссисъ Линкольнъ, были раскрыты очень серьезные злоупотребленія. Миссисъ Линкольнъ,

вообще, не стѣсняется срывать покровъ со многихъ нехорошихъ сторонъ американской жизни, о которыхъ американцы желали бы умалчивать. Въ настоящее время она, вмѣстѣ со своимъ мужемъ, занимается очень дѣятельно улучшеніемъ домовъ для рабочихъ, стараясь придать имъ болѣе семейный характеръ и поставить ихъ въ лучшія санитарныя условія.

Другая бостонская жительница задалась цѣлью воспитать уличныхъ мальчишекъ и, дѣйствуя по рецепту профессора Друммонда, сдѣлать изъ нихъ порядочныхъ людей. Она наняла большую залу въ одномъ изъ самыхъ людныхъ кварталовъ, собрала туда маленькихъ сорванцовъ, никогда не посѣщавшихъ ни одной школы и не имѣющихъ никакого понятія о послушаніи и нравственности. Мальчики въ извѣстномъ возрастѣ всегда любятъ играть въ солдаты и ихъ соблазняетъ мундиръ. Этимъ и воспользовалась вышеназванная госпожа: она сдѣлала мундиры уличнымъ мальчикамъ, но разрѣшаетъ надѣть эти мундиры лишь тогда, когда мальчики приучатся къ дисциплинѣ и выучатся слушаться команды. Уличные мальчишки, мало-по-малу, приучаются такимъ образомъ къ подчиненію извѣстнымъ правиламъ, къ исполнительности и аккуратности, и узнаютъ, что у солдата не должны быть грязныя руки и нечесаная голова. Въ началѣ съ ними бываетъ очень трудно сладить и только перспектива надѣть мундиръ и опасеніе быть изгнаннымъ и, слѣдовательно, навсегда лишиться этого мундира, дѣйствуетъ на нихъ укрощающимъ образомъ, и въ концѣ концовъ изъ такихъ уличныхъ мальчишекъ организуется бригада, отличающаяся прекрасной дисциплиной и порядкомъ. Многія молодыя дѣвушки, принадлежащія къ лучшему бостонскому обществу, руководятъ такими бригадами и очень гордятся успѣхами своихъ мальчиговъ, которыхъ онѣ потомъ всегда стараются пристроить и обучить какому-нибудь ремеслу. Лѣтомъ такія бригады, обыкновенно, располагаются лагеремъ въ окрестностяхъ города, и мальчики очень гордятся, если своимъ поведеніемъ заслужатъ право считаться самостоятельными и отвѣчать за свои поступки. Такимъ образомъ въ нихъ развивается чувство собственнаго достоинства и сознание долга передъ обществомъ.

Вообще, по словамъ г-жи Бентцовъ, бостонскія дамы обнаруживаютъ чрезвычайно большую склонность къ общественной дѣятельности. Ни городскія, ни государственныя дѣла не обходятся безъ нихъ. Разумѣется, духъ общественности сильнѣе проявляется у болѣе зрѣлыхъ женщинъ, но и молодыя дѣвушки не лишены его. Прежде всего каждая молодая дѣвушка въ Америкѣ непремѣнно состоитъ членомъ какого-нибудь одного или даже нѣсколькихъ клубовъ, а

состоять членомъ клуба не шутка. Всякій клубъ требуетъ отъ своихъ членовъ интеллектуальнаго труда и общественной дѣятельности и задаетъ имъ иногда довольно трудныя задачи.

Г-жа Бентонъ посѣтила въ Бостонѣ клубъ дипломированныхъ молодыхъ дѣвушекъ, получившихъ уже ученые степени въ различныхъ университетскихъ коллегіяхъ. «Я была поражена такою массою молодыхъ дѣвушекъ, имѣющихъ дипломы, — говоритъ г-жа Бентонъ, — и у меня невольно возникла мысль, что же всѣ онѣ будутъ дѣлать? Но я забыла въ эту минуту, что Америка — цѣлый міръ, что въ ней повсюду разсѣяны школы, которыхъ существуетъ такая масса, что еще долго будетъ ощущаться недостатокъ въ учителяхъ и профессорахъ. Молодые дѣвушки, собравшіяся въ клубъ, при всей ихъ учености, отличались веселостью и оживленіемъ, свойственнымъ молодости. Онѣ отлично чувствовали себя въ этомъ кругу, ѣли сендвичи и пирожки, пили фантастическій чай, напоминающій скорѣе лимонадъ, болтали и смѣялись, какъ самыя обыкновенныя дѣвушки, не прошедшія курса университетскихъ наукъ. Отсутствие мужчинъ совершенно не было замѣтно. На вопросъ мой: что же случилось съ знаменитымъ «флиртомъ»?*) одна изъ молодыхъ дѣвушекъ, смѣясь, отвѣтила мнѣ: «Тутъ собрались не тѣ, которыя занимаются «флиртомъ», но, вообще, нельзя не сознаться, что знаменитый «флиртъ» исчезаетъ, по мѣрѣ того, какъ увеличивается культура. Многія молодые дѣвушки нисколько не заботятся о томъ, чтобы выйти замужъ; что же касается побѣды, то мы добиваемся только независимости». Впрочемъ, это не мѣшаетъ дѣвушкамъ, получившимъ ученые степени, выходить замужъ и быть прекрасными матерями семействъ, какова бы ни была избранная ими ученая карьера.

Во всѣхъ видахъ благотворительности, которою занимаются американскія женщины, преобладаетъ индивидуалистическая точка зрѣнія. Нужны «люди» для того, чтобы спасти общество, а не одно только «средство» и «способы»; нужно индивидуальное вліяніе, нужно, чтобы люди, почерпнувшіе у источника знанія, принимали бы участіе въ человѣческихъ дѣлахъ, заинтересовались бы судьбою меньшей братіи. Нужно, чтобы наука не только не уничтожала стремленія къ филантропіи, а, наоборотъ, усиливала врожденное чувство состраданія въ человѣкѣ. Интеллектуальная работа не избавляетъ человѣка отъ обязанности любить человѣчество и служить ему не одними только своими научными трудами, а и дѣйствительною помощію. Надо сблизиться съ бѣднѣйшимъ, узнать

*) Flirt—называется въ Америкѣ и Англій ухаживаніе.

его нужды и постараться помочь ему, не унижая человѣческаго достоинства; надо познакомиться ближе съ тѣми условіями, которые порождаютъ такую массу пороковъ и губятъ столько человѣческихъ жизней. Дѣйствуя собственнымъ примѣромъ, словомъ участія, внушеніемъ, надо стараться спасти человѣческую душу, даже, повидимому, совершенно погрязшую въ порокъ. Но прежде всего надо постараться создать лучшія условія жизни для обездоленныхъ. Эта-то идея и заложена въ основу почти всѣхъ благотворительныхъ учреждений, во главѣ которыхъ находятся женщины. Таковы, напримѣръ, «Settlements» (помѣщенія), устроенныя нѣкоторыми женскими коллегіями со спеціальною цѣлью облегчить жизнь и трудъ бѣднякамъ. Въ Бостонѣ существуетъ нѣсколько такихъ учреждений какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ. Тутъ же находятъ пріютъ и дѣти, родители которыхъ проводятъ дни на работѣ. Вечеромъ за ними приходятъ матери и часто пользуются случаемъ, чтобы спросить какого-нибудь совѣта по части хозяйства или же бесѣдуютъ съ посѣтительницами о разныхъ другихъ, интересующихъ ихъ предметахъ. Молодые дѣвушки, кончившія университетъ охотно являются по вечерамъ въ эти «Settlements» и бесѣдуютъ съ посѣтительницами, имѣющими возможность, такимъ образомъ, не только провести вечеръ въ тепломъ и уютномъ помѣщеніи, но и въ пріятной и полезной бесѣдѣ. Иногда тамъ занимаются музыкой. Комнаты въ такихъ «Settlements» всегда убраны красиво, такъ какъ устроители и устроительницы стараются, чтобы онѣ не производили на посѣтителей и посѣтительницъ впечатлѣніе неуютности и чтобы бѣднякамъ не въ чемъ было бы завидовать клубамъ богатыхъ людей. Въ «Settlements» для мужчинъ, капиталистъ, ученый и рабочій сталкиваются случайно на нейтральной почвѣ, какъ равные, и въ будущемъ это сближеніе можетъ привести къ весьма благотворнымъ результатамъ.

Свои замѣтки объ общественной роли и дѣятельности американскихъ женщинъ г-жа Бентцонъ находитъ нужнымъ дополнить описаніемъ ихъ дѣятельности въ Шериборнской женской исправительной тюрьмѣ, исключительно находящейся подъ наблюденіемъ и управленіемъ женщинъ. Во главѣ этой тюрьмы стоитъ миссисъ Эллень Джонсонъ, доказывающая, въ теченіе цѣлыхъ десяти лѣтъ, какъ многого можно достигнуть единственно только терпѣніемъ и нравственнымъ воздѣйствіемъ даже на очень низко павшихъ существъ. Тюрьма эта помѣщается на разстояніи часа отъ Бостона, въ совершенно изолированной мѣстности и окружена, вмѣсто обычной стѣны, садомъ. Число заключенныхъ, обыкновенно, колеблется между 300 и 400, и срокъ заключенія только въ нѣкоторыхъ слу-

чаяхъ бываетъ болѣе пяти лѣтъ. Больше же всего попадаютъ въ эту тюрьму неисправимыя пьяницы и бродяги, приговариваемые на гораздо меньшіе сроки.

Миссиссъ Джонсонъ — здоровая, крѣпкая женщина лѣтъ пятидесяти пяти, производитъ пріятное впечатлѣніе своимъ открытымъ лицомъ, всѣ черты котораго выражаютъ энергію и сердечную доброту. Она является полноправной хозяйкой въ тюрьмѣ, не опираясь ни на какую внѣшнюю власть, и хотя въ тюрьмѣ существуютъ инспектора, но они не вмѣшиваются въ ея управленіе. Она хорошо изучила всѣхъ своихъ пансіонерокъ, и вообще въ ней чувствуется глубокое знаніе человѣческой природы. Она занимаетъ отдѣльный флигель, примыкающій къ самому зданію тюрьмы и живетъ тамъ совершенно одна. Миссиссъ Джонсонъ зорко слѣдитъ за своими пансіонерками и не оставляетъ безъ должной награды ни одного поступка, указывающаго на проблески нравственнаго чувства. Ее чрезвычайно интересуютъ личныя усилія, направленныя къ исправленію своихъ порочныхъ наклонностей, и какъ бы ни были малы успѣхи, достигнутые въ этомъ отношеніи, она считаетъ ихъ гораздо важнѣе пассивнаго повинovenія и полагаетъ, что сознаніе и совѣсть гораздо скорѣе могутъ проснуться у невѣжественныхъ и павшихъ людей, если эти люди будутъ до нѣкоторой степени предоставлены самимъ себѣ и имъ будетъ оказано нѣкоторое довѣріе. На этомъ-то и основана вся тюремная система миссиссъ Джонсонъ.

По описанію г-жи Бентонъ, женская тюрьма отличается необыкновенною чистотой и обиліемъ свѣта и воздуха; однако, пищу арестантокъ далеко нельзя назвать обильной: мясо они получаютъ разъ въ день, да и то немного, съ чѣмъ-то вродѣ бульона, хлѣба также въ довольно умеренномъ количествѣ, но, тѣмъ не менѣе, санитарное положеніе тюрьмы можно назвать превосходнымъ. Арестантки дѣлятся на четыре разряда; въ первомъ находятся тѣ, которыя зарекомендовали себя хорошимъ поведеніемъ. Съ каждымъ изъ трехъ разрядовъ сопряжены извѣстныя привилегіи и преимущества и только въ четвертомъ, самомъ послѣднемъ, арестантки подвергаются строгому режиму. Но, къ счастью, это разрядъ самый малочисленный. Миссиссъ Джонсонъ съ чувствомъ удовлетворенія заявила г-жѣ Бентонъ, что теперь въ этомъ разрядѣ находится всего девять арестантокъ, хотя прежде ихъ было гораздо больше; всѣ стараются перейти поскорѣе въ высшіе разряды. Прежде существовало нѣсколько темныхъ карцеровъ, куда запирались самыя неисправимыя, теперь остался только одинъ карцеръ, да и тотъ уже два года стоитъ безъ употребленія. Мис-

сиссъ Джонсонъ очень строга по части внѣшняго «decorum» и требуетъ отъ своихъ пансіонерокъ, чтобы онѣ всѣ держали себя прилично и не позволяли себѣ въ этомъ отношеніи никакихъ отступленій отъ правилъ, такъ какъ, по ея мнѣнію, умѣнье держать себя является благопріятнымъ симптомомъ, указывающимъ на нѣкоторое умѣнье владѣть собою.

При тюрьмѣ устроены разныя мастерскія, въ которыхъ занимаются арестантки. Каждая изъ нихъ, по окончаніи срока своего заключенія, получаетъ при выходѣ изъ тюрьмы полное приданое и весь свой заработокъ, такъ что можетъ, если захочетъ, честнымъ трудомъ добывать себѣ кусокъ хлѣба. Тѣ, которыя не умѣютъ читать, обучаются грамотѣ въ тюрьмѣ, посѣщая нарочно устроенныя для этого классы; другія же посѣщаютъ классы исторіи и географіи. При тюрьмѣ устроена библіотека съ очень тщательнымъ подборомъ книгъ, и арестантки могутъ брать эти книги и читать ихъ въ свободное время. Миссиссъ Джонсонъ поощряетъ чтеніе и всякаго рода развлеченія, мѣшающія разговорамъ, напримѣръ, занятіе музыкой, такъ какъ считаетъ вредными продолжительныя бесѣды арестантокъ между собою, когда онѣ повѣряютъ другъ другу свои тайны и предаются воспоминаніямъ. Вообще миссиссъ Джонсонъ устраиваетъ всякіе разспросы и сама никогда ни о чемъ не разспрашиваетъ арестантокъ, вновь поступающихъ къ ней. Съ своей стороны, мистриссъ Джонсонъ старается сдѣлать все, чтобы поощрять къ труду своихъ пансіонерокъ и для прилежныхъ и исправныхъ устраиваетъ празднества и даже театральныя представленія. Очень полезное вліяніе имѣетъ на арестантокъ работа въ полѣ, и миссиссъ Джонсонъ охотно отпускаетъ тѣхъ, за кого она можетъ ручаться, на сосѣднія фермы, куда онѣ поступаютъ работницами; жизнь среди природы и здоровыхъ и простыхъ людей оказываетъ на нихъ самое благотворное вліяніе.

При тюрьмѣ устроенъ пріютъ для малютокъ, которыя рождаются въ тюрьмѣ или же попадаютъ туда вмѣстѣ съ матерями. По правиламъ дѣти могутъ оставаться въ этомъ пріютѣ не болѣе 18-ти мѣсяцевъ, но мистриссъ Джонсонъ оставляетъ ихъ гораздо дольше, такъ какъ здѣсь они имѣютъ хорошій уходъ. Мужчинъ въ Шерборнѣ нѣтъ ни одного; всѣ должности заняты женщинами; тюремный врачъ тоже женщина, и даже пасторскія обязанности исполняетъ женщина, миссъ Эти Ли.

Отъ обыкновенныхъ тюремъ эта женская тюрьма отличается именно отсутствіемъ высокихъ стѣнъ, узкихъ и закрытыхъ дворовъ и разныхъ видимыхъ предосторожностей противъ побѣга

арестантокъ и противъ сообщенія ихъ съ внѣшнимъ міромъ. Изъ всѣхъ оконъ тюрьмы видны поля, зелень, но никогда не видно ни одного прохожаго. Тишина и уединеніе, общеніе съ природой— вотъ главные помощники миссисъ Джонсонъ. Когда она вступила въ управленіе тюрьмой, то въ началѣ ей приходилось очень трудно; часто возникали возмущенія, раздавались угрозы и дѣло доходило даже до ножей. Теперь уже ничего подобнаго не случается, и авторитетъ мистрисъ Джонсонъ непоколебимъ въ глазахъ ея пансіонерокъ. Слѣдующій случай достаточно подтверждаетъ это: какъ-то вечеромъ, миссисъ Джонсонъ пошла въ часовню во главѣ своихъ пансіонерокъ. Вдругъ электрическое освѣщеніе погасло. Миссисъ Джонсонъ сама сознавалась г-жѣ Бентонъ, что въ первый моментъ она испугалась, очутившись внезапно въ темнотѣ, среди трехсотъ женщинъ, изъ которыхъ многія могли питать враждебныя намѣренія. Однако, она не потеряла головы и приказала всѣмъ остановиться и оставаться неподвижными, пока снова не зажгутся электрическія лампы. Прошло около пяти минутъ прежде чѣмъ появился свѣтъ; когда же корридоръ снова освѣтился, то оказалось, что всѣ женщины стоятъ у стѣны, смиренно, почти не шевелясь.

Миссисъ Джонсонъ, конечно, съ полнымъ правомъ можетъ гордиться успѣхами, которые достигнуты ею на ея трудномъ поприщѣ. Не имѣя собственной семьи, она создала себѣ гораздо болѣе обширную семью изъ всѣхъ обездоленныхъ, изъ всѣхъ тѣхъ, которыя силою обстоятельствъ, часто вслѣдствіе несчастныхъ условій жизни, сбиваются съ пути и попадаютъ на стезю порока и преступленія.

Такою же обширную семью въ лучшемъ смыслѣ этого слова создала себѣ миссъ Грэсъ Доджъ, устроившая ассоціацію работницъ. Въ ея ассоціаціи насчитывается теперь болѣе тысячи членовъ. Миссъ Доджъ занимаетъ высокое положеніе въ Ньюіоркской комиссіи общественнаго воспитанія. Въ 1884 году она основала общество дѣвушекъ-работницъ. Въ началѣ ей удалось привлечь къ своему дѣлу только двѣнадцать дѣвушекъ, но черезъ мѣсяць вокругъ нея собралось уже шестьдесятъ работницъ, которыя согласились платить по 25 су въ недѣлю. Нанято было сначала очень небольшое помѣщеніе для собраній, но когда средства ассоціаціи увеличились, то она приобрѣла цѣлый домъ въ свое распоряженіе. Цѣль этой ассоціаціи,—развивать духъ единенія среди работницъ, оказывать имъ покровительство и поддержку въ случаѣ нужды и способствовать ихъ саморазвитію. При ассоціаціи устроены разнаго рода практическіе курсы, по-

лезные для работницъ, и разъ въ недѣлю члены ассоціаціи собираются для практическихъ бесѣдъ, между прочимъ, на такія темы: «Какъ добываются деньги и какъ ихъ сохраняютъ», «Какъ найти себѣ мужа», «Какъ устроить съ маленькими затратами свое хозяйство» и т. д.

Ничто такъ не способствуетъ [смягченію нравовъ, какъ эти клубы работницъ, гдѣ самыя бѣдныя изъ нихъ, служащія на какихъ-нибудь фабрикахъ, приходятъ въ соприкосновеніе съ лучше обставленными въ матеріальномъ отношеніи и болѣе культурными работницами, занимающимися въ магазинахъ, конторахъ и т. д. Такое общеніе не остается безъ результата и часто очень быстро сглаживаетъ грубость обращенія и приучаетъ работницъ къ большей сдержанности въ своихъ манерахъ и разговорахъ.

Къ числу такихъ же полезныхъ учрежденій, какъ клубы работницъ, принадлежитъ такъ называемый «праздничный домъ»— «Holiday House». Одна великодушная дама пожертвовала обширное зданіе, со всѣми прилегающими къ нему полями и лѣсомъ, въ пользу тѣхъ работницъ, которыя разстроили свое здоровье и нуждаются въ отдыхѣ. За пятнадцать франковъ (около шести рублей) въ недѣлю, работницы имѣютъ въ этомъ учрежденіи полное содержаніе и всѣ удобства деревенской жизни. Клубы работницъ берутъ на себя путевые расходы на поѣздку туда кого-нибудь изъ своихъ членовъ, такъ какъ для этого въ каждомъ клубѣ существуетъ особый фондъ, называемый «фондомъ для свѣжаго воздуха» (freshair funds). Кромѣ [того, въ Нью-Йоркѣ существуетъ особое общество вспомошествованія работницамъ, нуждающимся въ отдыхѣ и пребываніи въ деревнѣ. Это общество заботится объ устройствѣ работницъ за недорогую плату на какой-нибудь фермѣ въ здоровой мѣстности, добываетъ мѣста на желѣзнодорожныхъ поѣздахъ по удешевленной цѣнѣ, или же достаетъ даровые билеты для экскурсій тѣмъ работницамъ, которыя не могутъ пользоваться долгосрочнымъ отпускомъ.

Такія же цѣли преслѣдуются христіанскими ассоціаціями, мужской и женской, существующими въ Нью-Йоркѣ. Женская христіанская ассоціація «young Women's Christian association» помѣщается въ очень изящномъ зданіи. Большая гостиная, очень уютно меблированная и напоминающая семейный салонъ, предоставлена въ распоряженіе посѣтительницъ, также какъ и прекрасная читальня, со множествомъ журналовъ и газетъ и обширная библіотека. Кромѣ нѣсколькихъ обширныхъ залъ, предназначенныхъ для собраній, въ этомъ же зданіи помѣщаются мастерскія, гдѣ ученицы рисовальныхъ школъ могутъ заниматься

своимъ искусствомъ и пользоваться моделями; тутъ же раздаются даромъ ноты тѣмъ, кто занимается музыкой. Ассоціація организовала курсы стенографіи, упражненія на пишущей машинѣ и конторскаго дѣла и устроила рестораиъ, куда женщины ходятъ для того, чтобы пообѣдать или позавтракать. Въ этомъ рестораиѣ онѣ могутъ получить обѣдъ за дешевую плату изъ хорошей и свѣжей провизіи, такъ какъ выборные изъ членовъ ассоціаціи сами слѣдятъ за доброкачественностью свѣстныхъ припасовъ.

Къ зданію ассоціаціи примыкаетъ биржа женскаго труда («Exchange for Woman's Work»), куда женщины могутъ приносить свои издѣлія, которыя затѣмъ и продаются отъ самого учрежденія; выручка же, за вычетомъ небольшого процента, прямо отдается на руки работницамъ. Почти въ каждомъ большомъ городѣ Соединенныхъ Штатовъ существуетъ такая биржа женскаго труда, представляющая постоянную выставку. Одна изъ лучшихъ такихъ выставокъ существуетъ въ Филадельфій; тамъ, кромѣ издѣлій ручнаго женскаго труда, выставлены и издѣлія кулинарнаго искусства, различные консервы, варенья, пирожныя и т. п. Тутъ же принимаются заказы на всякаго рода шитье, вышиванія, а также на приготовленіе различныхъ кушаній и даже цѣлыхъ обѣдовъ. Общество относится чрезвычайно сочувственно и всѣ стараются покупать на нихъ какъ можно больше; впрочемъ, на эту выставку принимаются только издѣлія самаго лучшаго качества, и потому покупатель можетъ быть увѣренъ, что пріобрѣтаетъ за свои деньги вполне хорошую вещь.

Но если клубы и всякаго рода ассоціаціи приносятъ извѣстную пользу всѣмъ занятымъ людямъ, вынужденнымъ трудиться для куска хлѣба, то насколько же онѣ должны быть полезны и необходимы для рабочихъ классовъ, для тѣхъ бѣдняковъ, которые выработываютъ слишкомъ мало, чтобы богѣе или менѣе сносно обставить свою жизнь. Клубы и ассоціаціи доставляютъ этимъ бѣднякамъ тотъ комфортъ, котораго они совершенно лишены въ своихъ дешевыхъ жилищахъ, и поэтому работницы и рабочіе охотно идутъ въ свои клубы въ свободное отъ работы время, чтобы побесѣдовать съ пріятелемъ или почитать газету, иногда же просто для того только, чтобы погрѣться. Не менѣе пользы приносятъ также дома — «Homes», устроенные для работницъ, гдѣ за возможно дешевою цѣною, сообразно своему заработку, онѣ имѣютъ помѣщеніе, столъ и полное содержаніе, а въ случаѣ болѣзни и уходъ. Какъ во всѣхъ американскихъ общественныхъ учрежденіяхъ, такъ и въ этихъ домахъ для работницъ обязательно существуютъ читальни, гдѣ получаютъ журналы и га-

зеты, а въ салонѣ поставлено піанино, для того чтобы обитательницы дома могли заниматься музыкой. Имъ предоставляется полная свобода, но все-таки онѣ должны подчиняться правилу, которое требуетъ, чтобы всѣ возвращались домой не позднѣе десяти часовъ вечера. Такихъ домовъ особенно много въ Нью-Йоркѣ, и всѣ они пользуются заслуженною репутацией. Однако, не всѣ желающія могутъ попасть въ такой «home»; для этого необходимо имѣть безупречную репутацию и, кромѣ того, надо, чтобы заработокъ не превышалъ извѣстной суммы, такъ какъ эти дома устроены съ тою цѣлью, чтобы доставить извѣстныя удобства лицамъ, имѣющимъ очень скромныя средства къ жизни. Для работницъ, временно не имѣющихъ работы, устроены также дома, гдѣ онѣ, за самую низкую цѣну, имѣютъ полное содержаніе, столъ и квартиру. Какъ только дѣла ихъ устраиваются, имъ предлагаютъ переселиться въ другой домъ, гдѣ плата за содержаніе нѣсколько больше, но, во всякомъ случаѣ, соответствуетъ ихъ заработку. Вообще, всѣ эти дома устроены такъ, чтобы живущіе въ нихъ не чувствовали себя въ положеніи людей, которымъ оказывается милостыня. Но вездѣ взимаемая съ работницъ плата за содержаніе сообразуется съ ихъ заработкомъ и повышается только по мѣрѣ увеличенія ихъ заработка.

Кромѣ этихъ домовъ, въ большихъ городахъ существуетъ еще множество различныхъ ассоціаций, цѣль которыхъ—покровительство женскому труду. Существуютъ также общества, специально оказывающія покровительство иностранкамъ и путешественницамъ или же устроенныя съ цѣлью доставить возможность молодымъ дѣвушкамъ обучаться какому-нибудь ремеслу или искусству или усовершенствоваться въ нихъ. Такова, на примѣръ, ассоціация работницъ «New Century». Сотни молодыхъ дѣвушекъ обучаются тамъ различнымъ ручнымъ работамъ. Нѣкоторыя ассоціации или клубы преслѣдуютъ не только утилитарныя, но и нравственныя цѣли; на примѣръ, существуетъ клубъ, члены котораго обязуются непремѣнно каждый день оказывать какую-нибудь услугу, помощь или поддержку какому-нибудь совершенно чужому и постороннему для нихъ человеку, нуждающемуся въ этомъ. Клубъ этотъ называется «Каждый день» (Everyday). Другіе клубы также стремятся къ самоусовершенствованію, къ развитію тѣхъ или другихъ нравственныхъ качествъ въ своихъ членахъ. Въ Сенполѣ существуетъ довольно оригинальное учрежденіе,—«Home» для работницъ, принципомъ котораго является веселье. «Home» этотъ устроенъ миссъ Шеллей, находившей, что послѣ работы надо повеселиться. Обитательницы этого дома чуть-ли не каждый вечеръ танцуютъ подѣ

звуки фортепіано и нѣсколько разъ зимою устраиваютъ настоящіе маленькіе балы, на которые приглашаютъ своихъ знакомыхъ. Чтобы сдѣлаться членомъ этого общества, необходимо доказать свою способность содѣйствовать веселью, но притомъ разумнымъ образомъ, такъ что глупышъ людямъ, да еще, къ тому же, не обладающимъ никакими общественными талантами, чрезвычайно трудно попасть въ это общество. Но, кромѣ того, въ члены общества не принимаются ни пожилые люди, ни вдовы, ни замужнія — это настоящее «общество молодости». Если кто-нибудь изъ членовъ общества выходитъ замужъ, то общество устраиваетъ новобрачнымъ свадебный обѣдъ.

Однако и въ Соединенныхъ Штатахъ Америки, какъ и во всѣхъ прочихъ странахъ, женскій трудъ оплачивается хуже мужскаго, и борьба за существованіе далеко не легка женщинамъ, не смотря на лучшія общественныя условія, на большій просторъ, который предоставляется ихъ силамъ, и на общественную поддержку. Расширеніе машиннаго производства, впрочемъ, не столь невыгоднымъ образомъ отразилось на положеніи работницъ, какъ на положеніи рабочихъ, которыхъ оно во множествѣ случаевъ обрекаетъ на бездѣтельность. Тамъ, гдѣ физическую силу человѣка замѣнили машины, и рабочіе становятся лишними, женскій трудъ все-таки еще находитъ примѣненіе, такъ какъ онъ дешевле, и притомъ въ такомъ дѣлѣ, которое требуетъ не физической силы, а ловкости и вниманія, женщины часто оказываются полезнѣе мужчинъ. По крайней мѣрѣ 343 отрасли промышленности открыты для женщинъ въ Америкѣ, но американцы весьма неохотно допускаютъ женщинъ къ такому труду, который требуетъ большой затраты физическихъ силъ, и они возмущаются, напримѣръ, тѣмъ, что женщины работаютъ въ рудникахъ въ Европѣ, или же тѣмъ, что европейскія женщины исполняютъ тяжелыя полевыя работы. Конечно, работа на различныхъ фабрикахъ также не особенно легка и подчасъ бываетъ также разрушительна для здоровья женщины, но все-таки она не такъ непосильна для нихъ.

Обладаютъ-ли американскія работницы необходимыми званіями и качествами хорошихъ хозяекъ? Г-жа Бентцонъ полагаетъ, что нѣтъ. Дамскій комитетъ въ Бальтиморѣ основалъ, четыре года тому назадъ, школу хозяекъ для молодыхъ дѣвушекъ, фабричныхъ работницъ, и въ этой школѣ ихъ пришлось обучать буквально азбукѣ домашняго хозяйства. Всѣ эти молодыя дѣвушки, однако, прошли уже курсъ элементарной школы и были достаточно образованы во многихъ другихъ отношеніяхъ. Школа «домашней науки», какъ называли ее въ Бальтиморѣ, имѣетъ успѣхъ; моло-

дья дѣвушки охотно посѣщаютъ ее и такимъ образомъ прибрѣтаютъ знанія, которыя могутъ впослѣдствіи пригодиться имъ, когда онѣ обзаведутся своимъ собственнымъ хозяйствомъ. Разумѣется, среди американокъ встрѣчаются хорошія и домовитыя хозяйки, но, во всякомъ случаѣ, эти качества далеко не цѣнятся такъ высоко въ Америкѣ, какъ, напримѣръ, въ Германіи. Широкое развитіе общественной жизни, масса клубовъ, всевозможныхъ общественныхъ учрежденій и пансіоновъ даетъ возможность не заводить собственнаго хозяйства и, слѣдовательно, не тратить время, которое могло бы быть употреблено съ пользою на какое-нибудь другое занятіе, на кропотливыя и мелочныя заботы о своемъ домѣ. Одна молодая чета говорила г-жѣ Бентцонъ: «Мы заведемъ свое хозяйство, когда у насъ будетъ время». Дѣйствительно, на это у нихъ не было времени въ данную минуту; она была писательница, онъ служилъ въ конторѣ, и оба были членами отдѣльныхъ клубовъ.

Конечно, такое игнорированіе домашняго хозяйства возможно только въ большихъ городахъ. На фермахъ, разбросанныхъ иногда на большомъ разстояніи другъ отъ друга, американки оказываются такими же хорошими хозяйками, какъ и европейскія женщины, и проявляютъ такія семейныя добродѣтели, что могутъ превзойти любую нѣмецкую «Hausfrau». Тѣмъ не менѣе, это не мѣшаетъ имъ принимать участіе и въ общественной дѣятельности, быть членами какой-нибудь ассоціаціи, ближайшаго клуба, читать и заниматься, не отставать въ умственномъ отношеніи. Вообще, ни одна американка, даже занимаясь самымъ добросовѣстнымъ образомъ своимъ хозяйствомъ и дѣтьми, не думаетъ, что она выполняетъ этимъ свое назначеніе: она всегда находитъ, что мужъ ея столько же обязанъ возиться съ дѣтьми и хозяйствомъ, сколько и она, поэтому въ американской семьѣ нельзя встрѣтить такого строгаго распредѣленія обязанностей между мужемъ и женой, какъ въ европейскихъ семьяхъ. Если жену удерживаютъ внѣ дома какія-нибудь общественныя обязанности, то мужъ не сочтетъ для себя унижительнымъ заняться хозяйствомъ и дѣтьми, конечно, если у него есть свободное время для этого.

Г-жа Бентцонъ говоритъ, что вообще домовитость, также какъ и экономія, не въ характерѣ американцевъ. Даже богатые семьи удовлетворяются жизнью въ отеляхъ и пансіонахъ. Особенно этому способствуетъ сильно развитая у американцевъ страсть къ путешествіямъ и склонность къ ассоціаціямъ всякаго рода. Поэтому-то Америка такъ и богата проектами различныхъ ассоціацій, которые зарождаются въ головахъ предприимчивыхъ американцевъ и амери-

канокъ. Г-жа Бентцонъ посѣтила въ Чикаго интересную публичную лекцію миссисъ Колеманъ Стукертъ, изложившей слушателямъ свой проектъ ассоціаціи—устройства цѣлаго города на кооперативныхъ началахъ. Миссисъ Стукертъ говорила съ большимъ жаромъ и убѣжденіемъ, подкрѣпляя свои слова множествомъ тщательно составленныхъ архитектурныхъ плановъ и вычисленій и рисуя своимъ слушателямъ привлекательную картину города, снабженнаго всѣми возможными современными усовершенствованіями. Семьи, образовавшія между собою кооперативное общество, могли бы пользоваться въ этомъ городѣ всевозможнымъ комфортомъ и удобствами, не приходя въ соприкосновеніе другъ съ другомъ и даже не зная другъ друга. Въ распоряженіе каждой семьи былъ бы предоставленъ отдѣльный домикъ, окруженный скверомъ. Вагоны, движимые электричествомъ, должны были бы доставлять каждой семьѣ обѣдъ, заказанный ею въ управленіи. Затѣмъ роскошное зданіе съ превосходными залами, читальнями и библіотекой было бы предоставлено въ распоряженіе членовъ кооперативнаго общества. Каждый изъ членовъ могъ бы, въ случаѣ нужды, воспользоваться залой въ этомъ зданіи, для устройства бала, спектакля и т. п. празднества. Вообще проектъ миссисъ Стукертъ чрезвычайно напоминаетъ мечты Беллами, книга котораго, по словамъ г-жи Бентцонъ, далеко не кажется столь фантастической, когда ее читаешь въ Соединенныхъ Штатахъ, нежели какою она представляется въ Европѣ.

Во всѣхъ отрасляхъ общественной дѣятельности въ Соединенныхъ Штатахъ мы встрѣчаемъ женщину рядомъ съ мужчиной, но не какъ его помощницу, а какъ равноправнаго и полезнаго дѣятеля. Путь, пройденный ею, очень великъ. Конечно, ей много помогли въ этомъ спеціальныя условія, при которыхъ образовалось американское общество и, главное, отсутствіе предвзятыхъ взглядовъ на женщину въ молодомъ американскомъ обществѣ, столь мѣшающихъ ея прогрессу въ Европѣ.

ПРОЦЕССЪ ОПОЛОДТВОРЕНІЯ ВЪ РАСТИТЕЛЬНОМЪ ЦАРСТВѢ.

И. П. ВОРОДИНА.

(Продолженіе *).

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Оплодотвореніе водорослей.—Первый типъ: яйцо и живчикъ.—Два вида упрощеннаго оплодотворенія—копуляція зооспоръ и типъ сѣплянокъ.—Усложненное оплодотвореніе багрянокъ.

Общее представленіе о существованіи половъ въ растительномъ царствѣ развилось, какъ мы видѣли, путемъ наблюденій и опытовъ надъ, такъ называемыми, высшими растеніями, производящими цвѣты и сѣмена. Тѣ же растенія, въ своихъ помѣсяхъ, дали намъ драгоцѣнный матеріалъ для теоретическихъ заключеній касательно вліянія родичей на потомство. Но для познанія формальной или, какъ выражаются ботаники, морфологической стороны вопроса, для разъясненія того, въ чемъ собственно состоитъ и какъ происходитъ оплодотвореніе, неизмѣримо больше матеріала доставили намъ низшія, безцвѣтковые растенія, а въ особенности группа водорослей. Если мы хотимъ анализировать ближе дѣйствіе тычиночной пыли на яички завязи, употребленіе микроскопа дѣлается неизбежнымъ: для простаго глаза оплодотворяющая пыль не отличается отъ любого мелкаго порошка того же цвѣта, а яичко кажется какою-то однородною, бѣлою крупинкою. Но микроскопическое изслѣдованіе требуетъ осуществленія двухъ условій—предметъ долженъ быть прозраченъ, иначе мы увидимъ только контуры его, и долженъ лежать въ водѣ или другой жидкости. Сравнительная простота строенія многихъ водорослей, позволяющая разсматривать ихъ подъ микроскопомъ цѣликомъ, да притомъ въ естественной ихъ средѣ — водѣ, не нарушая нормальнаго теченія ихъ жизни, представляетъ сочетаніе исключительно благоприятныхъ для наблю-

*) См. «Міръ Божій» № 1, январь 1895 г.

денія условій. Если только намъ посчастливилось напасть на водоросль, находящуюся въ состояніи полового размноженія, весь процессъ оплодотворенія нерѣдко разыгрывается на нашихъ глазахъ. Кромѣ того, разнообразіе въ способахъ проявленія половой функціи, замѣчаемое, какъ мы скоро увидимъ, въ группѣ водорослей, позволяетъ намъ составить себѣ приблизительное представленіе о томъ, какимъ путемъ изъ простѣйшихъ, бесполохъ существъ выработались болѣе сложные растительные организмы съ рѣзко выраженными мужскими и женскими элементами. По всѣмъ этимъ причинамъ мы прежде всего и, сравнительно, долго остановимся на группѣ водорослей.

Далеко не каждое растеніе, развивающееся въ водѣ, есть водоросль въ ботаническомъ смыслѣ этого слова. Многія водныя растенія приносятъ настоящіе цвѣты съ тычинками и пестиками, слѣдовательно принадлежать къ высшимъ, цвѣтковымъ растеніямъ. Съ другой стороны, есть несомнѣнныя водоросли, растущія на землѣ, на корѣ деревьевъ, даже на снѣгу. Величина, форма, строеніе, цвѣтъ—все это чрезвычайно различно у разныхъ водорослей. Одну крайность составляютъ формы чрезвычайно мелкія, замѣтныя простому глазу, только когда онѣ скопляются въ большомъ количествѣ, причѣмъ каждая порошинка представляетъ отдѣльное растеньице. Зато есть и водоросли громаднхъ, почти колоссальныхъ размѣровъ, образующія цѣлыя подводные лѣса и имѣющія стебли, листья и корни, почти на подобіе высшихъ растеній. Найти общія черты, свойственныя столь разнороднымъ растеніямъ, и дать въ нѣсколькихъ словахъ характеристику всей группы почти невозможно. Но мы и не сдѣлаемъ подобной попытки, а обратимся прямо къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ примѣровъ и прежде всего познакомимся съ нѣсколькими формами, у которыхъ оплодотвореніе разыгрывается въ особенно рѣзкой, такъ сказать, типической формѣ.

Первымъ примѣромъ послужитъ намъ водоросль, извѣстная въ наукѣ подъ именемъ *Oedogonium*. Она имѣетъ видъ зеленыхъ ниточекъ, ясно замѣтныхъ простымъ глазомъ, но не достигающихъ значительныхъ размѣровъ и всегда однимъ концомъ прикрѣпленныхъ къ какому-нибудь подводному предмету: бревну, листочку, раковинѣ и т. п. Каждая ниточка представляетъ отдѣльное растеньице, но обыкновенно ихъ прикрѣплено весьма много и совокупность всѣхъ нитей образуетъ нѣчто въ родѣ тины. Настоящая тина также состоитъ изъ нитевидныхъ зеленыхъ водорослей, но не прикрѣпленныхъ, а свободно плавающихъ въ водѣ и потому легко извлекаемыхъ изъ послѣдней. Подобныя водоросли часто

называютъ вообще *нитчатками*, но это—название, не выражающее ничего, кромѣ внѣшняго вида: микроскопъ открываетъ въ сходныхъ на глазъ нитяхъ такія различія, которыя заставляють ученаго относить ихъ къ весьма различнымъ группамъ въ классѣ водорослей. Точно также какъ бываютъ различныя ивы или дубы, есть и разные эдогоніи, похожіе другъ на друга во всѣхъ важнѣйшихъ отношеніяхъ, но отличающіеся какимъ-нибудь мелкимъ, однако, постояннымъ признакомъ. Ботаникъ считаетъ ихъ за разные *виды* одного и того же *рода* *Oedogonium*. Рис. 10 изображаетъ одинъ изъ этихъ видовъ, извѣстный подъ названіемъ эдогонія щетинчатого, такъ какъ зеленая нить его всегда заканчивается тонкою, безцвѣтною щетинкою, чего не замѣчается у другихъ эдогоніевъ.



Рис. 10.

Нарисована наша нить въ томъ видѣ, какъ она представляется подъ микроскопомъ при увеличеніи разъ въ 300 и притомъ въ самый сложный и интересный моментъ ея существованія, а именно, когда она находится въ состояніи полового размноженія. Въ началѣ же своего развитія вся нить имѣетъ то сравнительно простое строеніе, какое замѣчается на нижней части нашего рисунка, т.-е. она составлена изъ одного ряда цилиндрическихъ членковъ, какъ бы склеенныхъ своими основаниями. Каждый членокъ представляетъ вполне замкнутый пузырекъ съ безцвѣтною, прозрачною оболочкою и долуидкимъ, зернистымъ содержимымъ зеленого цвѣта. Такой пузырекъ носитъ въ наукѣ названіе *клеточки*. Изъ подобныхъ клеточекъ сотканы всѣ части даже болѣе сложныхъ, высшихъ растений. Поперечный разрѣзъ какого-нибудь стебля или корня, напримѣръ, рис. 11—часть такого разрѣза корня фасоли, производитъ подъ микроскопомъ впечатлѣніе своеобразнаго кружева и напоминаетъ строеніе медовыхъ сотовъ; только камеры имѣютъ здѣсь гораздо болѣе разнообразную форму, отличаясь другъ отъ друга, кромѣ того, толщиной и строеніемъ своихъ оболочекъ, а также составомъ содержащагося въ нихъ вещества; нѣкоторыя изъ этихъ камеръ могутъ быть даже пустыми, потому что потеряли нѣкогда заключенное въ нихъ содержимое и замѣнили его воздухомъ. Очевидно, и здѣсь мы имѣемъ дѣло съ клеточками, но съ клеточками неоднородными, и различіе ихъ строенія указываетъ на различіе отправленій: каждый сортъ клеточекъ приспособленъ для какого-

либо спеціальнаго назначенія, и чѣмъ больше такихъ сортовъ, тѣмъ сложнѣе строеніе и тѣмъ оно можетъ считаться совершеннѣе, подобно тому, какъ совершенствуется фабричное производство по мѣрѣ раздѣленія въ немъ труда. Такимъ образомъ, клѣточки представляютъ, если можно такъ выразиться, тѣ живые кирпичи, изъ которыхъ строится все зданіе растительнаго организма. Въ каждой изъ нихъ копошится своя отдѣльная живая масса, кусочекъ живаго вещества всего растенія, ведущій, до извѣстной степени, независимый отъ сосѣдей образъ жизни, и жизнь всего растенія есть сумма жизней всѣхъ составляющихъ его клѣточекъ. Понятно носѣ этого, какъ несправедливъ нерѣдко бросаемый въ лицо ученому презрительный упрекъ: «ты всю жизнь занимаешься какими-то клѣточками». Громадная важность клѣточки заставляетъ насъ, прежде чѣмъ идти далѣе, хоть въ самыхъ общихъ чертахъ познакомиться съ ея составными частями. Мы уже различили въ клѣточкѣ оболочку и содержимое. Оболочка состоитъ изъ вещества, по свойствамъ своимъ сходнаго съ писчею бумагою, которая, какъ извѣстно, прямо или косвенно изъ растений и получается. Такимъ образомъ, оболочка клѣточки представляетъ какъ бы папиросную гильзу, въ которую замкнуто жидкое содержимое. Последнее обыкновенно слагается изъ двухъ разнородныхъ веществъ: изъ сравнительно густой, мелкозернистой, безцвѣтной слизи и изъ жидкаго какъ вода сока; первая получаетъ названіе *протоплазмы*, второй—*клеточнаго сока*. Протоплазма либо выстилаетъ изнутри оболочку, образуя какъ бы слизистую подкладку ея (рис. 12), либо, какъ въ рис. 13, кромѣ того, прорѣзываетъ въ видѣ слизистыхъ нитей внутреннюю полость, занятую сокомъ. Въ протоплазму погружено, далѣе, особенное округленное тѣло, называемое *клеточнымъ ядромъ* и заключающее внутри одно или иногда нѣсколько *ядрышекъ*. Почти всегда въ клѣткѣ находится только одно ядро и лежитъ оно или у стѣнки (рис. 12), или глубже во внутренности клѣтки (рис. 13). Наконецъ, въ массѣ протоплазмы часто замѣчается большое число зернышекъ зеленаго цвѣта, извѣстныхъ

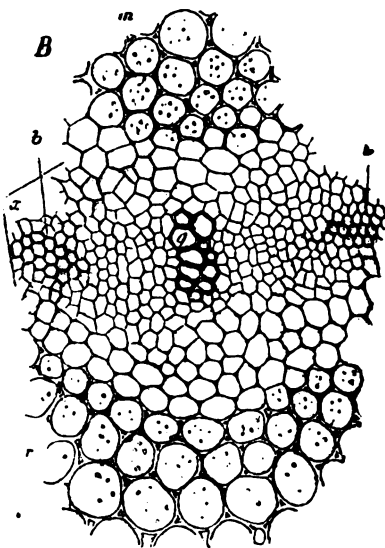


Рис. 11.

подъ именемъ зеренъ *хлорофиллы* (рис. 12), или безцвѣтныхъ зеренъ, состоящихъ изъ *крахмала*, въ клѣточномъ сокѣ иногда находятся *кристаллы* различныхъ веществъ и т. д., но все это уже образованія, свойственныя далеко не каждой клѣткѣ. По общему мнѣнію ученыхъ, изъ всѣхъ перечисленныхъ нами частей



Рис. 12.

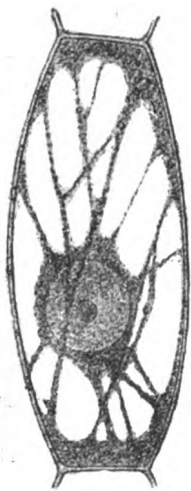


Рис. 13.

клѣтки наиболѣе важными слѣдуетъ признать протоплазму и ядро. Въ протоплазмѣ обыкновенно видятъ настоящую основу или субстратъ жизни, и это мнѣніе какъ будто наглядно подкрѣпляется замѣчательнымъ движеніемъ, которымъ одарена эта живая слизь. Въ обѣихъ клѣткахъ, изображенныхъ на рис. 12 и 13, существуетъ такое движеніе: въ первой изъ нихъ протоплазма кружится по стѣнкѣ, поднимаясь по одной сторонѣ, спускаясь по противоположной и увлекая за собою заключенныя въ ней зеленыя зерна хлорофилла, а также клѣточное

ядро. Вторая клѣтка при жизни своей представляетъ удивительное зрѣлище: мельчайшія зернышки протоплазмы быстро текутъ по слизистымъ нитямъ, пробираясь то отъ стѣнки къ ядру, то, наоборотъ, отъ ядра къ стѣнкѣ, встрѣчаясь, сталкиваясь на пути, словно муравьи, занятые каждый своимъ дѣломъ; кромѣ того, время отъ времени мѣняется общая картина слизистой паутины, натянутой въ полости клѣтки: тамъ перервется и исчезнетъ одна изъ ниточекъ, здѣсь появится новая и т. д. Такимъ образомъ, употребленное выше выраженіе — въ каждой клѣткѣ копошится живая масса — можно принимать въ буквальномъ смыслѣ. Что касается клѣточного ядра, то роль его остается до сихъ поръ весьма загадочною, и наука вынуждена отдѣлываться отъ назойливаго вопроса о значеніи этого сфинкса общими фразами въ родѣ: ядро есть какъ бы мозгъ или центръ, управляющій всею территоріею клѣтки. Въ послѣднія два десятилѣтія ученые особенно усердно изучали клѣточное ядро. Необыкновенно сложныя измѣненія, совершающіяся въ немъ при процессѣ дѣленія, когда одно прежнее ядро превращается въ два новыхъ, возбудили громаднй интересъ, особенно, когда оказалось, что эти измѣненія во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ одинаковы, подвергается ли дѣленію ядро въ растительный, или въ жи-

вотной клѣткѣ. Не мѣшаетъ напомнить, что изъ клѣточекъ составлены не только растенія, но и животныя. Въ клѣточкѣ животнаго оказывается такая же точно протоплазма, а въ ней совершенно такое же клѣточное ядро, какъ и въ клѣточкахъ растеній; только оболочки тамъ обыкновенно нѣтъ, а потому въ животномъ тѣлѣ несравненно труднѣе замѣтить клѣточки, и неудивительно, что ихъ тамъ открыли гораздо позже, чѣмъ въ растеніяхъ. Теперь мы не станемъ пока говорить подробнѣе о клѣточномъ ядрѣ: у водорослей и вообще у низшихъ растеній ядра обыкновенно мелки и мало удобны для изслѣдованія ихъ строенія; впоследствии же необходимо будетъ вернуться къ этому вопросу, такъ какъ при процессѣ оплодотворенія, какъ мы вскорѣ увидимъ, клѣточные ядра играютъ большую роль.

Возвратимся, однако, къ нашему эдогонію. Мы видѣли, что нить его состоитъ изъ одного ряда цилиндрическихъ клѣтокъ. Въ каждой клѣткѣ находится и здѣсь по одному ядру, но оно трудно различимо изъ-за массы зеренъ хлорофилла. Ковечная щетинка, о которой была рѣчь, есть ничто иное, какъ послѣдняя клѣтка нити, измѣнившая свою форму и рано утратившая содержимое. Первое время нить только растетъ въ длину, умножая при этомъ число своихъ члениковъ. Каждая клѣточка нити, за исключеніемъ, разумѣется, пустой щетинки, обладаетъ способностью *дѣленія*; она вытягивается въ длину, дробитъ свое ядро на два новыхъ, образуетъ между ними поперечную перегородку изъ того же бумажнаго вещества, которое составляетъ вообще оболочки клѣточекъ, и, въ результатѣ, на мѣстѣ одной длинной клѣтки получаютъ двѣ соразмѣрно болѣе короткія, повторяющія затѣмъ тотъ же процессъ. На словахъ все это очень просто, но въ дѣйствительности чрезвычайно сложно, если вспомнить, что способъ образованія, напримѣръ, двухъ ядеръ изъ одного представляетъ такія хитрости, надъ разъясненіемъ которыхъ въ настоящее время ломаютъ себѣ головы десятки не только ботаниковъ, но и зоологовъ. Но, помимо всего этого, наша водоросль и вообще всѣ эдогоніи—представляютъ особое, специально имъ свойственное усложненіе въ процессѣ дѣленія клѣточекъ, порождающее хотя мелкій, но очень постоянный признакъ, по которому всегда можно отличить эдогоній, даже въ безплодномъ состояніи, отъ всякихъ другихъ нитчатокъ. На нѣкоторыхъ изъ клѣтокъ нити замѣчаются у верхняго конца клѣтки одна или нѣсколько поперечныхъ насѣчекъ или безцѣтныхъ колпачковъ, насаженныхъ другъ на друга. На рис. 10 этотъ признакъ не передавъ, но на рис. 14 въ *A* и *B* видны упомянутыя насѣчки. Не входя въ подробности, которыя завлекла

бы вѣсь далеко, замѣтимъ только, что каждый разъ, какъ клѣтка дѣлится на двѣ, прибавляется новая насѣчка, а потому по числу ихъ можно узнать, сколько разъ снабженная ими клѣтка вообще дѣлилась.

Посмотримъ теперь, какъ происходитъ размноженіе нашего эдогонія. Оно можетъ быть двоякое—безполое и половое: первое встрѣчается чаще втораго. Безполое размноженіе совершается слѣдующимъ, въ высшей степени оригинальнымъ способомъ. Содержимое въ клѣточкѣ слегка съезживается, отклеиваясь по угламъ отъ оболочки и принимая болѣе округленные очертанія, а гдѣ-нибудь обону обозначается въ немъ безцвѣтное мѣстечко. Вся эта масса начинаетъ явственно копошиться, словно стремясь высвободиться изъ своего прозрачнаго футляра. Затѣмъ, на глазахъ наблюдателя, оболочка клѣточки близъ верхняго конца внезапно лопается, открываясь крышечкою и отгибая въ сторону или даже просто сбрасывая всю выше лежащую часть нити (рис. 14 *A* и *B*), содержимое же черезъ широко раскрытую щель медленно выползаетъ въ окружающую воду и, окончательно вырвавшись на свободу, начинаетъ двигаться совершенно наподобіе инфузоріи. Можно себя представить удивленіе первыхъ ботаниковъ (это было уже въ нашѣмъ столѣтіи), увидавшихъ это явленіе. Такъ какъ способность къ самопроизвольному движенію считалась въ то время важнѣйшимъ отличительнымъ признакомъ животныхъ отъ растений, то ученые рѣшили, что присутствуютъ при превращеніи растенія въ животное. Дѣйствительно, еслибъ мы сами не видѣли, какъ наше подвижное тѣло вышло изъ несомнѣннаго растенія, мы бы подумали, что передъ нами какая-нибудь инфузорія. Теперь подобныя образованія, весьма распространенныя у зеленыхъ водорослей, называютъ *зооспорами*; спора означаетъ вообще крупинку, служащую для размноженія низшихъ растений, лишенныхъ цвѣтовъ и сѣмянъ, а частица «зоо» указываетъ на подвижность, т. е. на животный характеръ подобныхъ споръ. По русски можно было бы употребить названіе *бродяжки*. Сходство нашей зооспоры или бродяжки съ инфузоріей увеличивается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что она снабжена цѣлымъ вѣнчикомъ особыхъ органовъ движенія въ видѣ рѣсничекъ; рѣснички эти располагаются кружкомъ на безцвѣтномъ кончикѣ зеленой зооспоры, называемомъ *носителемъ* (рис. 14 *C*). Послѣдній получается изъ безцвѣтнаго мѣстечка, первоначально лежавшаго въ клѣточкѣ сбоку, и при движеніи зооспоры всегда направленъ впередъ. Остальная масса зооспоры, конечно, зеленая и внутри ея можно еще замѣтить клѣточное ядро. Рѣснички видны иногда еще до высвобожденія зооспоры изъ оболочки

клеточки; благодаря ихъ дружному дѣйствию наподобіе весель, вся крупинка получаетъ въ водѣ поступательное движеніе. Но послѣднее продолжается недолго. Покружившись нѣкоторое время (никакъ не болѣе нѣсколькихъ часовъ), наша зооспора подплываетъ къ какому-либо подводному предмету, прикрѣпляется къ нему носикомъ, втягиваетъ рѣснички въ свое слизистое тѣло и выдѣляетъ затѣмъ на всей поверхности послѣдняго безцвѣтную оболочку, снова закупориваясь въ футляръ, подобный тому, изъ котораго она недавно высвободилась (рис. 14 *D*). Теперь передъ нами снова полная, неподвижная клеточка съ оболочкою и содержимымъ, клеточка, которая дѣлается родоначальницею новой нити эдогонія: она растетъ въ длину, дѣлится обычнымъ порядкомъ, распадаясь поперечною перегородкою на двѣ клеточки, каждая изъ нихъ дѣлится въ свою очередь и т. д. Рис. 14 *E* изображаетъ ненормальный случай: молодой ростокъ, самъ едва образовавшійся изъ зооспоры и не успѣвшій еще раздѣлиться, раскрылся крышечкою и выпускаетъ все свое содержимое въ видѣ новой зооспоры. Описанный выше процессъ выходенія зооспоры происходитъ обыкновенно одновременно во всѣхъ или въ большинствѣ клетокъ одной нити, отъ которой остается, слѣдовательно, только рядъ порожнихъ футляровъ, обреченныхъ на гибель; зато взамѣнъ погибнувшей нити черезъ нѣсколько дней имѣется значительное число свѣжихъ, независимыхъ другъ отъ друга нитей, совершенно сходныхъ съ прежнею. И такъ, бесполое размноженіе эдогонія заключается въ образованіи зооспоръ, выпускаемыхъ по одиночкѣ изъ каждой клеточки нити.

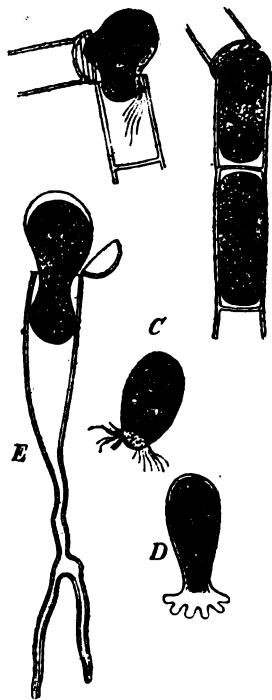


Рис. 14.

Обратимся къ другому—половому способу размноженія того же эдогонія. При этомъ водоросль развиваетъ двоякаго рода клеточки—мужскія и женскія. Познакомимся сначала съ послѣдними. Ихъ очень легко узнать, благодаря ихъ сильно вздутой, округленной формѣ. На рис. 10 мы видимъ двѣ, на рис. 15 *A* — три такихъ клеточки, но въ действительности ихъ можетъ быть на протяжении одной нити гораздо больше; онѣ то непосредственно соприкасаются между собою, то отдѣлены другъ отъ друга обыкно-

венными цилиндрическими клѣточками, которыя могутъ выпускать свое содержимое въ видѣ знакомыхъ намъ зооспоръ. Вздутая женская клѣточка носитъ названіе *оогонія*. Подвергается, впрочемъ, оплодотворенію не она сама, а заключенное въ ней содержимое, которое нѣсколько сѣживается внутри оогонія и образуетъ такъ называемое *яйцо*. Тѣмъ временемъ въ оогоніѣ получается отверстіе, открывающее доступъ извнѣ къ яйцу. У разныхъ эдогоніевъ отверстіе это имѣетъ различный видъ. У эдогонія щетинчатого, напримѣръ, оогоній раскрывается, какъ видно на рисункѣ, крышечкою при вершинѣ, наподобіе, слѣдовательно, бесполоыхъ клѣточекъ, собирающихся выпустить зооспору. Но у другихъ видовъ эдогонія образуетъ небольшое круглое отверстіе въ оболочкѣ

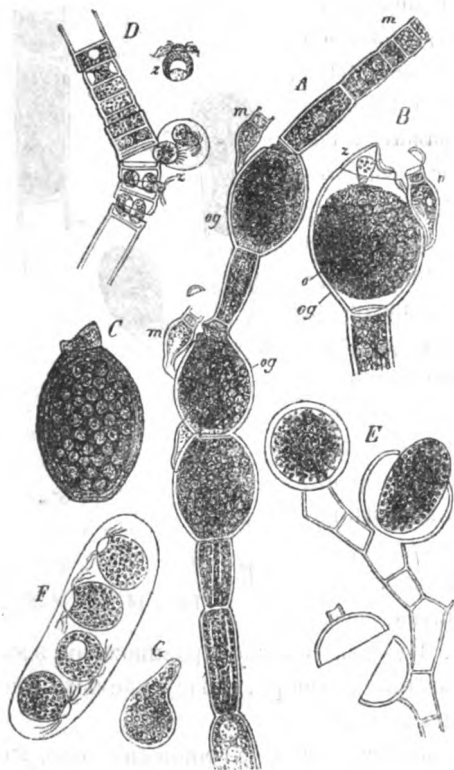


Рис. 15.

оогонія, расположенное то ближе къ верхнему, то ближе къ нижнему концу клѣточки, то какъ-разъ посрединѣ, и такая, повидимому, мелочь, какъ положеніе отверстія въ оогоніѣ, упорно сохраняется всеми потомками данного эдогонія, помогая намъ отличать тотъ или другой видъ этого рода. Что касается яйца, то это почти шаровидная, слизистая масса темнозеленаго цвѣта, но на той сторонѣ, которая обращена къ отверстию оогонія, въ ней замѣчается безцвѣтное мѣстечко, называемое *воспринимающимъ пятномъ*; это названіе уже указываетъ на то, что именно здѣсь и разыгрывается самый актъ оплодотворенія. Предоставленное само себѣ, яйцо отмираетъ и постепенно разрушается, не

принеся растенію никакой пользы. Истинный смыслъ его обнаруживается только, если внутрь оогонія проникнетъ другой элементъ, оплодотворяющій яйцо и побуждающій его къ дальнѣйшему развитію. Такими элементами служатъ у эдогоніевъ особыя тѣльца, по строенію своему совершенно сходныя съ зооспорами, тоже голыя, т. е.

лишенныя оболочки, тоже подвижныя, благодаря вѣичику рѣсничекъ, но гораздо болѣе мелкія. Главное же отличие ихъ отъ обыкновенныхъ зооспоръ въ томъ, что они, будучи уединены, никогда не проростають, т. е. не даютъ начала новымъ нитямъ эдогоніа, а постепенно гибнутъ. Сами по себѣ, эти подвижныя тѣльца, получившія названія *живчиковъ*, для водоросли, слѣдовательно, столь же бесполезны, какъ и неподвижныя яйца, заключенныя въ оогоніяхъ. Яйцо и живчикъ получаютъ смыслъ только при совмѣстномъ существованіи, они созданы другъ для друга—между ними-то и разыгрывается таинственный актъ оплодотворенія. Откуда же взялись живчики? Происхожденіе ихъ нѣсколько различно у разныхъ эдогоніевъ. У однихъ та-же нить, которая раздула нѣкоторыя изъ своихъ клѣточекъ и образовала изъ нихъ оогоніи, производитъ въ другихъ мѣстахъ очень короткія клѣточки; низанныя другъ на друга въ значительномъ числѣ (рис. 15 D) и выпускающія изъ себя по парочкѣ живчиковъ — *з.* Каждую такую клѣточку называютъ *антеридіемъ*. Антеридій, значить, есть вмѣстилище мужскихъ элементовъ (живчиковъ), какъ оогоній — вмѣстилище женскаго (яйца). У другихъ видовъ эдогоніа нить, несущая оогоніи, никогда не производитъ живчиковъ, зато въ перемежку съ такими, чисто-женскими нитями встрѣчаются другія нити, наоборотъ, лишенныя оогоніевъ, а снабженныя многочисленными антеридіями. Очевидно, это тѣ-же различія въ распредѣленіи половъ, которыя встрѣтились уже намъ у высшихъ растений. Первая категорія заслуживаетъ названія однодомныхъ видовъ и напоминаетъ такія растенія, какъ дубъ, береза и пр., гдѣ мужскіе и женскіе элементы наодятся хотя въ разныхъ мѣстахъ, но на одномъ и томъ же экземплярѣ; вторая категорія двудомна, наподобіе конопли или ивы, такъ какъ весь экземпляръ дѣлается либо мужскимъ, либо женскимъ. Но нашъ щетинчатый эдогоній не принадлежитъ ни къ той, ни къ другой изъ этихъ группъ; у него замѣчается оригинальнѣйшее усложненіе, свойственное еще нѣкоторымъ эдогоніямъ. Та самая нить, которая произвела оогоніи, производитъ мѣстами рядъ короткихъ клѣточекъ, съ виду похожихъ на антеридіи; мы видимъ ихъ на рис. 15 A въ верхней части нити (*т*), которая, впрочемъ, какъ и нижняя, до конца недорисована. Каждая изъ этихъ клѣточекъ выпускаетъ свое содержимое въ видѣ зооспоры, но это вовсе не живчикъ, а тѣмъ менѣе обыкновенная зооспора, служащая для безполагаго размноженія. Покружившись въ водѣ, она садится носикомъ, но не куда попало, а не иначе, какъ на оогоній и, одѣвшись оболочкою, начинается проростать; только получается изъ нея не новая нить

обычнаго строенія, а крошечное растеньице, составленное всего изъ двухъ кліточекъ: нижняя, слегка раздутая, остается безплодною, а коротенькая верхняя превращается въ настоящій антеридій, развивающій изъ своего содержимаго, какъ обыкновенно, два живчика. Эти мелкія растеньица, возникающія изъ особенныхъ зооспоръ и специально предназначенныя къ образованію антеридій, можно назвать *мужчинками*. На рис. 15 А каждый оогоній несетъ на себѣ только одного мужчинку (*m*), но у нѣкоторыхъ видовъ оогоніи обгѣпляются цѣлою кучкою таковыхъ. Мужчинки производятъ впечатлѣніе постороннихъ паразитовъ, насѣвшихъ на водоросль, хотя, очевидно, представляютъ необходимую часть послѣдней. Изъ вышесказаннаго ясно, что мужчинки свойственны только нѣкоторымъ эдогоніямъ, и такіе виды особенно благоприятны для непосредственнаго наблюденія акта оплодотворенія. Если случай намъ благоприятствовалъ, антеридій мужчинки на нашихъ глазахъ раскрывается крышечкою (рис. 15 В) и выпускаетъ свой живчикъ, который устремляется въ рядождь лежащее, широко раскрытое отверстіе оогонія, проникаетъ внутрь послѣдняго и носикомъ упирается въ безцвѣтное воспринимающее пятно яйца. Еще мгновеніе — и живчика нѣтъ болѣе, его вещество словно растворилось въ веществѣ яйца, яйцо поглотило живчикъ, оплодотвореніе совершилось. Ближайшимъ результатомъ такого сліянія мужскаго элемента съ женскимъ является выдѣленіе на поверхности голаго до тѣхъ поръ яйца тоненькой оболочки, которая застраховываетъ яйцо отъ вторженія въ него новыхъ живчиковъ; вмѣстѣ съ тѣмъ исчезаетъ воспринимающее пятно, т. е. зеленъ разливается равномерно по всему оплодотворенному яйцу. Скоро, впрочемъ, зеленый цвѣтъ смѣняется коричневымъ, иногда ярко-краснымъ, а оболочка постепенно сильно утолщается, превращаясь въ прочную шкурку, то гладкую, то покрытую на поверхности какимъ-либо узоромъ въ видѣ бородавочекъ, шиповъ и т. п. Все это мелочи, но мелочи очень постоянныя, отличающія одинъ видъ эдогонія отъ другаго.

И такъ, оплодотвореніе эдогонія сводится къ сліянію маленькаго подвижнаго живчика съ сравнительно крупнымъ неподвижнымъ яйцомъ. Въ этомъ актѣ сліянія лежитъ главный интересъ всего явленія, такъ какъ здѣсь, очевидно, скрывается самая суть процесса, называемаго оплодотвореніемъ. Въ послѣднее время ученымъ удалось раскрыть нѣкоторыя интересныя подробности этого сліянія. Подъ влияніемъ фактовъ обнаруженныхъ при изученіи оплодотворенія животныхъ яицъ, они обратили особенное вниманіе на судьбу кліточныхъ ядеръ въ этомъ процессѣ. На живой

водоросли даже при сильныхъ увеличеніяхъ микроскопа ничего толкомъ въ этомъ отношеніи не разберешь: ядра едва видны, а не то и совсѣмъ незамѣтны—въ живчикѣ, вслѣдствіе его мелко-сти, въ яйцѣ — изъ за густой зелени. Но въ мертвыхъ клѣточкахъ, убитыхъ извѣстнымъ образомъ, напримѣръ погруженіемъ ихъ сразу въ очень крѣпкій спиртъ, отчего протоплазма мгновенно твердѣетъ и въ то же время обезцвѣчивается, мы умѣемъ въ данное время различными реактивами превосходно обнаруживать клѣточное ядро. Особенно пригодны для этой цѣли различныя анилиновые краски, отъ которыхъ ядро густо красится въ соответствующій цвѣтъ и рѣзко выступаетъ среди безцвѣтной или слабо окрашенной протоплазмы. На рисункѣ 16 изображенъ рядъ препаратовъ, полученныхъ такимъ путемъ изъ эдогонія, правда, не щетинчатого, а одного изъ видовъ эдогонія не имѣющихъ мужчинокъ, но это обстоятельство, лишенное почти всякаго значенія, когда рѣчь идетъ объ одномъ изъ фундаментальнѣйшихъ процессовъ жизни. На верхней (слѣва) фигурѣ названнаго рисунка мы видимъ убитаго живчика, увеличеннаго въ 820 разъ; въ заднемъ концѣ его чрезвычайно отчетливо выступаетъ небольшое, но очень компактное, густо красящееся реактивами, почти черное, клѣточное ядро. Въ другой фигурѣ, занимающей лѣвую часть рисунка, мы замѣчаемъ при гораздо болѣе слабомъ увеличеніи (всего 350 разъ), такого же живчика, забравшагося во внутрь оогонія. Конечно, онъ былъ умерщвленъ наблюдателемъ, погружившимъ нить эдогонія въ спиртъ, но плакаться ему особенно не на что — онъ все равно бы погибъ, не достигнувъ назначенія, потому что опоздалъ, — его успѣлъ опередить другой живчикъ, проникшій въ оогоній немного раньше и совершившій оплодотвореніе яйца. Доказательствомъ этого служить, во-первыхъ, то обстоятельство, что яйцо уже покрыто оболочкою, какъ видно изъ двойнаго контура на его поверхности, а во-вторыхъ, присутствіе въ немъ двухъ клѣточныхъ ядеръ: надъ болѣе крупнымъ ядромъ принадлежащимъ самому яйцу, замѣтно другое, болѣе мелкое ядро, совершенно сходное съ ядромъ живчика. Рядъ фигуръ, занимающихъ правую часть рисунка 16, поясняетъ намъ, что происходитъ внутри яйца послѣ того, какъ живчикъ, поймавъ въ яйцо, теряетъ свою самостоятельность. Не слѣдуетъ, конечно, забывать, что все это мертвые объекты, сопоставленные искусственно, рядъ, такъ сказать, косвенныхъ уликъ, но и въ такомъ видѣ они очень убѣдительно доказываютъ, что *ядро живчика, проникшаго въ яйцо, постепенно сливается съ ядромъ яйца*. Упомянутыя фигуры изображаютъ части яицъ (каждая особаго), вос-

привявшихъ живчика, при томъ же увеличеніи, при какомъ на рисунокѣ представленъ цѣлый живчикъ. Въ верхней фигурѣ живчикъ только что проникъ въ яйцо; это можно заключить изъ того, во-первыхъ, что на поверхности яйца еще не видно оболочки, а

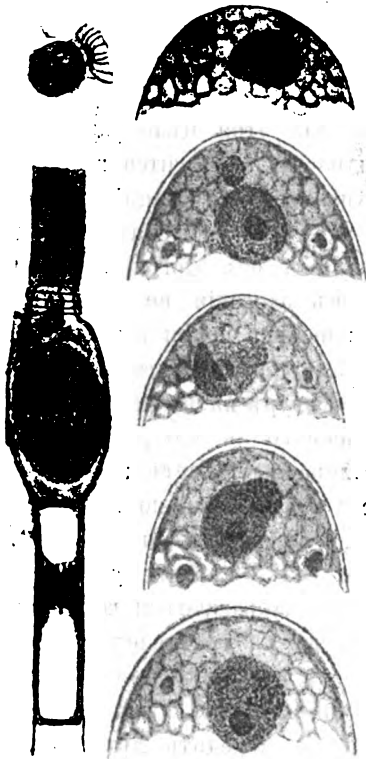


Рис. 16.

во-вторыхъ, компактное черное клеточное ядро, очевидно принадлежавшее проникшему въ яйцо живчику, лежитъ еще у самой поверхности яйца, далеко отъ другаго ядра, принадлежащаго яйцу. Это послѣднее ядро гораздо крупнѣе, но болѣе рыхлое (сѣрое); за то внутри его рѣзко выступаетъ густо красящееся реактивами тѣмъце (на рисунокѣ черное), называемое ядрышкомъ, вслѣдствіе чего ядро яйца походитъ на ядра обыкновенныхъ клетокъ (сравни, напримѣръ, рисунокъ 13-й). На дальнѣйшихъ фигурахъ видно, какъ ядро живчика, нѣсколько увеличиваясь въ размѣрахъ, постепенно приближается къ ядру яйца и, наконецъ, съ нимъ сливается. Въ сущности, это сліяніе еще не окончено даже на нижней фигурѣ, такъ какъ здѣсь еще ясно замѣтна въ ядрѣ яйца болѣе темная масса, очевидно принадле-

жащая ядру бывшаго живчика, но въ послѣдствіи исчезаетъ и этотъ намекъ на сліяніе двухъ ядеръ. Какъ ни интересно это явленіе, мы не станемъ, однако, слишкомъ имъ увлекаться и не забудемъ, что при оплодотвореніи эдогонія сливаются не только ядра, но и протоплазмы живчика и яйца. Замѣчаніе это намъ еще пригодится въ послѣдствіи.

Закупориваніе оплодотвореннаго яйца въ толстую шкурку ясно указываетъ на то, что содержимое не намѣрено тотчасъ обнаруживать признаковъ новой жизни. Дѣйствительно, продуктъ оплодотворенія, называемый *ооспорой*, долженъ предварительно пережить извѣстный періодъ покоя, который продолжается, по крайней мѣрѣ, нѣсколько недѣль, а нерѣдко цѣлые мѣсяцы, напримѣръ, съ осени до слѣдующей весны. Свѣже-образовавшіяся ооспоры, что бы мы

съ ними ни предпринимали, въ какія бы условія ни ставили, не обнаруживаютъ признаковъ развитія. Разъ нить произвела въ своихъ оогоніяхъ ооспоры, она становится ненужною, погибаетъ, а ооспоры, отдѣляясь другъ отъ друга, опускаются на дно рѣчки, пруда или сосуда, въ которомъ мы ихъ держали, и тамъ мирно отдыхаютъ отъ испытанныхъ тревоженій. Рис. 15 *C* изображаетъ одну такую коричневую ооспору. По прошествіи періода покоя ооспора прорастаетъ, но она при этомъ не прямо производитъ новую зеленую нить эдогонія. Толстая шкурка ооспоры лопается и выпускаетъ свое содержимое, облеченное лишь въ тоненькую оболочку; содержимое это, постепенно снова зеленѣющее, распадается на четыре участка и каждый изъ нихъ превращается въ настоящую зооспору. На рис. 15 *F* мы видимъ такую четверку зооспоръ, еще замкнутую въ общемъ пузырькѣ; послѣдній скоро расплывается, а зооспоры, воспользовавшись кратковременною свободою для здороваго моціона, наподобіе зооспоръ, вышедшихъ изъ нитей эдогонія, прикрѣпляются носиками къ подводному предмету и вырастаютъ каждая въ свѣжую ниточку. Такимъ образомъ, одна ооспора, представляющая, какъ мы видѣли, результатъ оплодотворенія, даетъ начало сразу четырѣмъ новымъ экземплярамъ эдогонія.

Теперь остается намъ еще выяснитъ себѣ, въ какомъ отношеніи находятся другъ къ другу два способа размноженія нашей водоросли—безполое посредствомъ подвижныхъ зооспоръ и половое, приводящее къ образованію неподвижныхъ ооспоръ. Выше было замѣчено, что безполое размноженіе встрѣчается гораздо чаще полового. Дѣло въ томъ, что далеко не каждая нить эдогонія образуетъ антеридіи и оогоніи; весьма многія нити ограничиваются развитіемъ исключительно зооспоръ и, истощаясь въ ихъ образованіи, гибнутъ, не выработавъ ни мужскихъ, ни женскихъ элементовъ; эти нити, слѣдовательно, во все кратковременное существованіе свое остаются совершенно безполыми. Изъ выпущенныхъ ими зооспоръ обыкновенно развивается новое, такое же безполое поколѣніе, снова дающее зооспоры и т. д. Это повторяется много разъ, пока вдругъ, безъ всякой видимой причины, не народится поколѣніе, развивающее знакомые уже намъ половые органы. Тогда непрерывная до сихъ поръ смѣна поколѣній прерывается періодомъ покоя, послѣ чего начинается новый циклъ въ развитіи водоросли, и новый длинный рядъ безполыхъ поколѣній завершается развитіемъ одного полового. Отсюда понятно, почему гораздо больше шансовъ встрѣтить эдогоній, производящій зооспоры, нежели эдогоній въ состояніи полового размноженія. Чѣмъ опредѣляется такая характерная смѣна поколѣній—далеко не ясно, такъ какъ не

всегда полный циклъ развитія водоросли совпадаетъ съ общимъ періодомъ растительности, вызываемымъ нашими климатическими условіями. У нѣкоторыхъ эдогоніевъ безполюя поколѣнія образуются въ теченіе всего лѣта, а половое подь осень; здѣсь, слѣдовательно, можно было бы заподозрить вліяніе виѣшнихъ условій. Зато другіе эдогоніи успѣваютъ въ теченіе одного года обернуться, такъ сказать, два раза и образуютъ половое поколѣніе среди лѣта, очевидно, въ силу скрытыхъ отъ насъ внутреннихъ причинъ. Зимуютъ эдогоніи во всякомъ случаѣ въ видѣ ооспоръ на днѣ водъ.

Таковы удивительные факты, открываемые намъ, по отношенію къ одной изъ обыкновеннѣйшихъ водорослей, микроскопомъ въ связи съ кропотливою наблюдательностью ученаго. Кто бы подумалъ, глядя простымъ глазомъ на эти ни на что, повидимому, негодныя и никому ненужныя зеленныя ниточки, что жизнь ихъ полна такихъ сложныхъ перипетій!

Мы нарочно остановились на этомъ первомъ примѣрѣ съ особенною подробностью; остальные не задержатъ насъ такъ долго.

Въ прѣсной водѣ или даже на сырой землѣ часто встрѣчается другая водоросль, тоже нитчатка, извѣстная въ наукѣ подъ названіемъ—*вошерія* (*Vaucheria*). Это имя дано ей въ честь ученаго Vaucher, въ самомъ началѣ нашего столѣтія издавашаго замѣчательное сочиненіе о прѣсноводныхъ водоросляхъ, въ которомъ онъ уже ясно высказывалъ мысль о существованіи въ этой группѣ организмовъ процесса оплодотворенія. Точно также какъ бывають разные эдогоніи, извѣстно и нѣсколько разныхъ вошерій, слѣдовательно, слово вошерія означаетъ не одну опредѣленную водоросль, а цѣлый родъ водорослей, сходныхъ между собою въ важнѣйшихъ признакахъ. Всѣ вошеріи образуютъ зеленныя нити, обыкновенно развѣтвленныя и однимъ концомъ прикрѣпленныя къ одностороннему предмету. Въ водѣ эти нити даютъ особаго роду тину, на землѣ — бархатистый зеленый коврикъ. Сказать съ увѣренностью, что передъ нами именно вошерія, а не какая-либо другая нитчатка, можно, разумѣется, только взглянувъ на нее подъ микроскопомъ, который разрѣшаетъ эту задачу чрезвычайно легко— даже при незначительномъ увеличеніи. Несмотря на развѣтвленіе и весьма солидные размѣры (длина нѣкоторыхъ нитей достигаетъ фута), нити вошеріи нигдѣ не обнаруживаютъ перегородокъ, которыя бы раздѣляли внутреннюю полость на отдѣльныя клѣточки; полости всѣхъ вѣтвей сообщаются между собою какъ пальцы одной перчатки. Другими словами, вся нить со всѣми ея вѣтвями образуетъ у вошеріи одну громадную клѣточку, — случай въ высшей степени рѣдкій. Въ лицѣ нашей водоросли природа пыталась до-

стигнуть усложненія формы, не прибѣгая къ внутреннему дробленію на отдѣльныя камеры. Особенно рѣзкій образчикъ этого направленія представляетъ знаменитая морская водоросль — каулерпа. Рисунокъ 17-й изображаетъ часть такой водоросли въ есте-

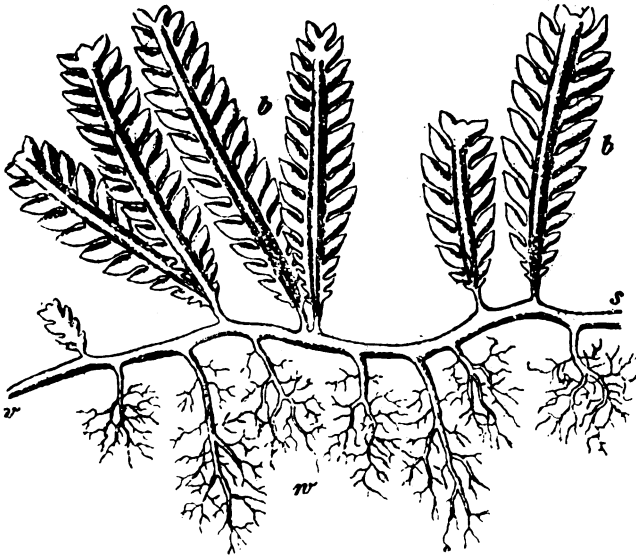


Рис. 17.

ственную величину; на видѣ она снабжена горизонтально растущимъ стебелькомъ *vs*, корешками *w*, листочками *c*, но въ дѣйствительности все это только части одной и той же гигантской клѣточки. Незначительное число подобныхъ формъ въ природѣ ясно показываетъ, однако, насколько неудобенъ въ цѣломъ такой способъ усложненія организаціи. Производя растенія въ родѣ вошеріи или каулерпы, природа, если можно такъ выразиться, вступила на ложный путь и долго двигаться по этому направленію оказалась не въ состояніи.

Несмотря на замѣчательную простоту и кажущуюся нецѣлесобразность внутренняго своего строенія, наша вошерія обладаетъ изумительною живучестью. Нить ея можно разрѣзать на кусочки — и каждый изъ нихъ не только не отмираетъ, но выпускаетъ свѣжую вѣточку и превращается въ новый экземпляръ. Къ пораженному мѣсту тотчасъ устремляется слизистая протоплазма, выдѣляется на обнаженной поверхности твердую перепонку, и такимъ образомъ рана быстро затягивается, послѣ чего каждый кусокъ оказывается отдѣльною, замкнутою клѣткою. Чрезвычайно интересна вошерія и въ другомъ отношеніи. Еще очень недавно на

нее ссылались, какъ на замѣчательный примѣръ клѣточки, не имѣющей клѣточного ядра. Убѣжденные въ томъ, что въ клѣточкѣ можетъ быть только одно ядро, ученые искали его по всему протяженію нити и, нигдѣ не находя, рѣшили, скрѣпя сердце, что въ нѣкоторыхъ, очень рѣдкихъ случаяхъ клѣточка можетъ обходиться безъ этой, повидимому, столь существенной части. Впослѣдствіи оказалось однако, что, вмѣсто одного ядра, которое тщетно искали, нить вошеріи содержитъ цѣлыя сотни или даже тысячи таковыхъ, разсѣянныхъ по всей протоплазмѣ, образующей слизистую подкладку оболочки. По мѣрѣ того, какъ нить растетъ въ длину, увеличивается и число ядеръ, причѣмъ новыя образуются дѣленіемъ изъ старыхъ; приростъ же нити совершается у вошеріи не по всему ея протяженію, какъ у эдогоніевъ, а сосредоточенъ исключительно въ кончикахъ ея вѣтвей и если, время отъ времени, измѣрять взаимное разстояніе двухъ вѣточекъ, мы замѣтимъ, что оно остается неизмѣннымъ. Такимъ образомъ, вошерія изъ примѣра безъядерной клѣточки превратилась въ поучительный примѣръ клѣточки *многоядерной*, и такихъ случаевъ въ настоящее время накопилось уже много; есть даже нитчатки, раздѣленные перегородками, какъ эдогоніи, на рядъ клѣточекъ, но въ каждой изъ нихъ заключается не одно, а много ядеръ. Эти новѣйшія наблюденія, естественно, еще болѣе укрѣпили убѣжденіе въ чрезвычайно важномъ значеніи клѣточныхъ ядеръ.

Подобно эдогоніямъ, вошеріи также обладаютъ двумя различными способами размноженія — безполымъ и половымъ. Безполое размноженіе совершается не совсѣмъ одинаково у разныхъ вошерій. Оно вообще начинается съ того, что въ концы вѣточекъ стекается густое зеленое содержимое, отчего эти, слегка только раздувающиеся кончики даже на глазъ темнѣютъ, а подъ микроскопомъ кажутся совсѣмъ черными. Темная масса все рѣзче обособляется отъ свѣтлозеленой части нити и, наконецъ, отдѣляется отъ нея при основаніи перегородкою. На рисункѣ 18-мъ можно видѣть послѣдовательный ходъ описаннаго явленія. Такимъ образомъ, для цѣлей размноженія кончикъ вѣточки отрѣзанъ въ качествѣ самостоятельной клѣточки. До сихъ поръ все происходитъ одинаково у разныхъ вошерій, но далѣе обнаруживаются важныя различія. У нѣкоторыхъ видовъ все содержимое отдѣлившейся клѣточки чрезъ верхушечное отверстіе въ ея оболочкѣ выскользаетъ въ окружающую воду (рис. 18), оставляя на концѣ вѣтви пустой футляръ, а само начинаетъ медленно двигаться въ водѣ при помощи рѣсничекъ, покрывающихъ всю поверхность его тѣла (рис. 19-й). Очевидно, мы имѣемъ дѣло съ зооспорою или бродяжкою, какъ у

эдогоніевъ, но съ другимъ расположеніемъ рѣсничекъ и такой величины, что эта растительная инфузорія видна простымъ глазомъ;

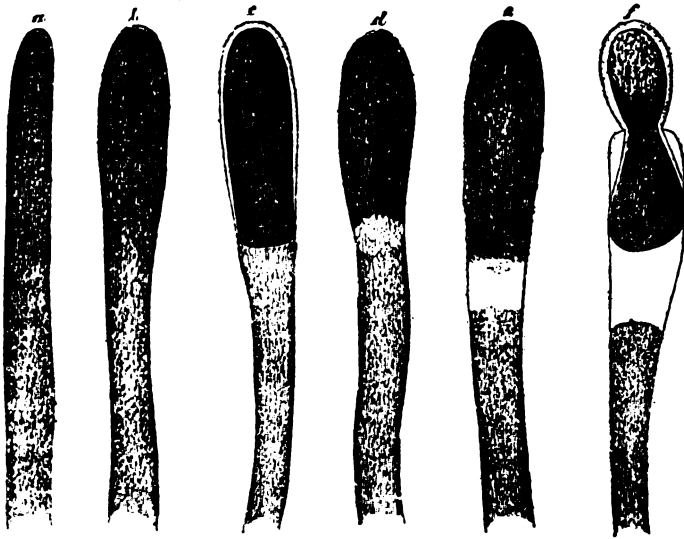


Рис. 18.

передній конецъ ея значительно свѣтлѣе, напоминая знакомый уже намъ носикъ зооспоры. Строение этого неуклюжаго тѣла весьма любопытно. Въ безцвѣтномъ поверхностномъ слоѣ его давно замѣчали какую-то штриховатость. Недавно только выяснилось, что каждый штрихъ представляетъ собою клеточное ядро; всѣ эти ядра лежатъ у самой поверхности и отъ cadaго изъ нихъ отходить по парѣ рѣсничекъ, какъ видно на рисункѣ 19-мъ, гдѣ *F* изображаетъ цѣлую зооспору вошеріи, увеличенную лишь въ 95 разъ, а *G*—небольшой кусочекъ той же зооспоры при очень сильномъ увеличеніи (950 разъ).

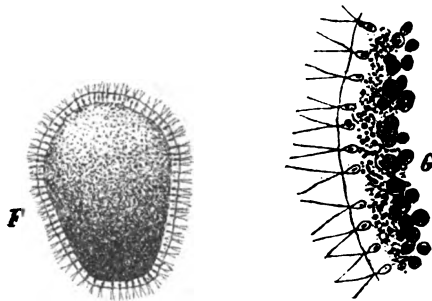


Рис. 19.

Какъ и въ другихъ случаяхъ, по прошествіи нѣкотораго времени мнимая инфузорія останавливается, втягиваетъ рѣснички, покрывается оболочкою и начинаетъ тотчасъ же проростать, выпуская изъ себя одинъ или два трубковидныхъ выростка (рис. 20-й), которые разрастаются въ новую нить. Весь процессъ такого безполаго размноженія требуетъ не болѣе сутокъ времени: съ вечера начинается скопленіе содержи-

маго въ кончикахъ вѣтвей, подъ утро выходятъ зооспоры, а къ вечеру онѣ уже проростають. Зооспоры образуются, однако, не у всѣхъ вошерій. Иногда содержимое хотя и выскользаетъ въ воду, но не обнаруживаетъ признаковъ движенія и лишено рѣсничекъ, а, одѣвшись оболочкою, прямо прорастаетъ въ нить. Наконецъ,

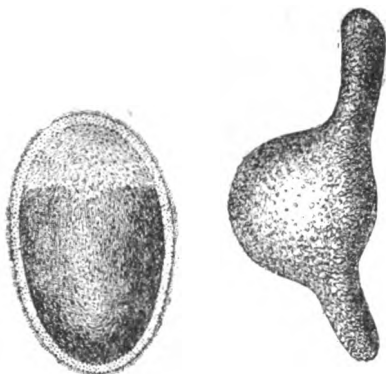


Рис. 20.

есть вошеріи, даже не выпускающія вовсе содержимаго: отрѣзанная перегородкою клѣточка или сбрасывается, или прорастаетъ, оставаясь въ связи съ производшею ее нитью.

Перейдемъ къ половому воспроизведенію вошерій, изображенному на рис. 21. При этомъ на нити появляются въ разныхъ мѣстахъ попарно другъ съ другомъ сближенные, короткіе выростки особой формы; одинъ изъ нихъ производитъ мужской органъ—антеридій, другой—женскій органъ или оогоній, термины, знакомые уже намъ изъ исторіи эдогоніевъ. Въ

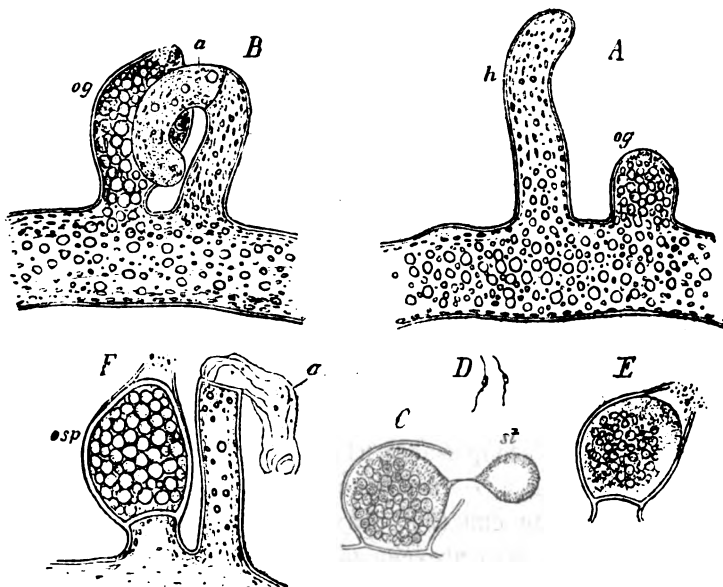


Рис. 21.

А мы видимъ эти выростки едва возникшими и еще не отдѣлвшимися внутренно отъ производшей ихъ нити. Мало-по-малу первый загибается крючкомъ и отдѣляетъ свой загнутый, почти безцвѣтный

кончикъ перегородкою въ качествѣ особой клѣточки. Это и есть антеридій, потому что только содержимое этой клѣточки (a въ B) превратится въ мириаду чрезвычайно мелкихъ, подвижныхъ тѣлецъ, очевидно, живчиковъ. Два такихъ живчика изображаетъ рис. D ; голое, слизистое тѣльце ихъ снабжено двумя двигательными рѣсничками, направленными въ противоположныя стороны. Что касается другаго выростка, то онъ получаетъ форму яйцевидно вздутаго мѣшка, густо наполняется зеленымъ содержимымъ и тоже отдѣляется перегородкою, но при самомъ основаніи своемъ. Скоро при вершинѣ этого оогонія образуется отверстіе, черезъ которое небольшая часть содержимаго выбрасывается наружу въ видѣ безцвѣтной слизистой капли (C), прочая же масса формируется въ одно яйцо; въ послѣднемъ и здѣсь можно различить безцвѣтное воспринимающее пятно, которое, какъ и у эдогоніевъ, обращено къ отверстію оогонія. Въ рѣшительный моментъ антеридій лопаются на концѣ и живчики толпою устремляются въ отверстіе оогонія (E). Непосредственное сосѣдство обоихъ органовъ дѣлаетъ изъ вошеріи удобный объектъ для наблюденія оплодотворенія, но большое число живчиковъ, въ связи съ чрезвычайно ихъ мелкостью, не позволяетъ услѣдить—одинъ ли или нѣсколько живчиковъ проникаетъ здѣсь въ яйцо. Какъ бы то ни было, послѣднее тотчасъ послѣ оплодотворенія облекается въ постепенно уплотняющуюся оболочку, а зеленый цвѣтъ содержимаго замѣняется краснобурнымъ. Въ F оплодотвореніе уже совершилось, антеридійъ представляется въ видѣ совершенно опорожненнаго мѣшка a , а въ оогоніѣ вмѣсто яйца заключена готовая ооспора. Весь описанный процессъ требуетъ для своего осуществленія не болѣе сутокъ: съ вечера начинаютъ залагаться половые выростки, а на слѣдующій день около полудня уже совершается оплодотвореніе. По мѣрѣ созрѣванія ооспоръ, несущая ихъ нить постепенно гибнетъ, а ооспоры падаютъ на дно и, подобно половымъ спорамъ эдогоніевъ, отдыхаютъ нѣкоторое время, прежде чѣмъ обнаружить признаки жизни. Проростаніе ихъ совершается проще, нежели у эдогоніевъ, такъ какъ ооспора прямо выпускаетъ изъ себя зеленую трубочку, разрастающуюся въ новый экземпляръ вошеріи.

Въ цѣломъ, несмотря на совершенно различное строеніе нитей, развитіе обѣихъ водорослей, съ которыми мы теперь знакомы, эдогоніевъ и вошерій, очевидно, представляетъ чрезвычайно много общаго, особенно въ томъ, что касается полового ихъ воспроизведенія.

Третьимъ примѣромъ послужить намъ также зеленая водоросль, на видъ совершенно непохожая на предъидущія. Она извѣстна

•

подъ именемъ *вольвокса* (*Volvox*); по-русски можно, пожалуй, называть ее *шарошницею*, такъ какъ она образуетъ мелкій, однако замѣтный простымъ глазомъ, зеленый шарикъ, плавающій въ стоячей водѣ. Подъ микроскопомъ оказывается, что шаръ этотъ полый, т.-е. содержитъ внутри просто воду или, вѣрнѣе, безцвѣтный водянистый студень, тонкая же стѣнка шара соткана изъ огромнаго числа клѣточекъ, расположенныхъ въ одинъ слой. Сосчитать ихъ невозможно, но примѣрно такихъ клѣточекъ наберется болѣе 10.000. Пока напa водоросль находится въ безплодномъ состояніи, всѣ эти клѣточки какъ двѣ капли воды похожи другъ на друга. На рис. 22-мъ верхняя фигура изображаетъ вольвоксъ во время полового размноженія, когда строеніе его особенно сложно; первоначально же не бываетъ тѣхъ круглыхъ и грушевидныхъ пятенъ, которыя бросаются въ глаза на этомъ рисункѣ, прерывая однообразіе фона, производящаго впечатлѣніе зеленой сѣточки. Въ нижней фигурѣ изображена при болѣе сильномъ увеличеніи крошечная часть стѣнки шара въ разрѣзѣ; четыре клѣточки, которыя мы здѣсь различаемъ, омываются сверху внѣшнею водою, снизу—водою внутренней полости всего шара, а съ боковъ примыкають къ такимъ же клѣточкамъ, какъ онѣ сами. Каждая клѣточка есть какъ бы маленькая зооспора, спрятанная въ безцвѣтный футляръ. Передній конецъ вытянутъ въ безцвѣтный носикъ, и отъ него насквозь черезъ футляръ выставляется въ окружающую воду пара двигательныхъ рѣсничекъ. Нужно замѣтить, что зооспоры, съ которыми мы познакомились у эдогоніевъ и вошерій, представляются до нѣкоторой степени исключительными по своимъ рѣсничкамъ; несравненно чаще у водорослей встрѣчаются зооспоры, снабженные только двумя рѣсничками. Благодаря огромному числу рѣсничекъ, шарикъ вольвокса, несмотря на свои сравнительно значительные размѣры, можетъ медленно перекатываться въ водѣ. Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы, наподобіе эдогоніевъ и вошерій, выпускать изъ себя инфузоріеобразныя, подвижныя части только въ извѣстное время, нашъ вольвоксъ всю жизнь проводитъ въ подвижномъ состояніи. Это обстоятельство неоднократно побуждало ученыхъ причислять его къ животному царству, но въ концѣ концовъ ботаникамъ удалось таки отвоевать его у зоологовъ и отнести къ числу водорослей. Въ виду полнѣйшаго сходства всѣхъ клѣточекъ въ шарѣ вольвокса, мы можемъ рассматривать такой шаръ, какъ колонію равноправныхъ гражданъ. Отдѣльные члены этой колоніи ведутъ необычайно дружный образъ жизни. Вмѣсто того, чтобы замуроваться каждый наглухо въ свой футляръ, они пускають насквозь чрезъ послѣдній боковые отростки, вступая въ непосредственную другъ съ другомъ

связь, и плаваютъ въ водѣ, какъ бы взявшись всѣ за руки. Трогательное согласіе ихъ не нарушается и тогда, когда колонія рѣшается приступить къ своему размноженію. А размноженіе это и здѣсь двоякое: въ теченіе лѣта практикуется безполое, подъ осень наступаетъ половое; большинство колоній довольствуется такимъ образомъ первымъ.

Безполое размноженіе возлагается на весьма немногихъ избранныхъ членовъ колоніи; обыкновенно ихъ оказывается восемь, и размѣщаются они по всему шару весьма равномерно, на одинаковомъ другъ отъ друга разстояніи. Каждая такая клѣточка разрастается, дѣлится сначала на двѣ, потомъ на четыре, 8, 16 и т. д. клѣточекъ, располагающихся въ полый шарикъ, развивающихся рѣснички, сло-

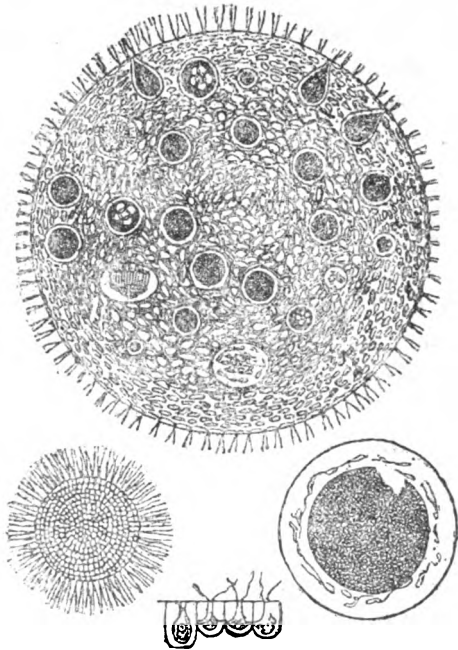


Рис. 22.

вомъ — превращающихся въ новую маленькую колонію, сходную съ прежнею. Всѣ прочія клѣточки участвуютъ въ образованіи новыхъ колоній лишь косвенно, безкорыстно снабжая чужое потомство накопленною ими за все прежнее время пищею. Молодыя колоніи сначала собираются во внутренней полости материнскаго шара, но затѣмъ, благодаря разрушенію послѣдняго, дѣлаются свободными, и на мѣстѣ стараго шара получается восемь новыхъ, другъ отъ друга независимыхъ.

При половомъ размноженіи въ колоніи вольвокса въ еще большей степени обнаруживается раздѣленіе труда. Изъ десятка тысячъ однородныхъ до сихъ поръ клѣточекъ штукъ тридцать превращаются въ оогоніи, около пяти въ антеридіи, а всѣ остальные только снабжаютъ пищу молодое потомство. Оогоніи сильно разрастаются, принимая грушевидную, а потомъ шаровидную форму, густо наполняясь темнозеленымъ содержимымъ и впячиваясь во внутреннюю полость колоніи; ихъ-то мы и замѣчаемъ на рис. 22-мъ въ видѣ темныхъ пятенъ, разсѣянныхъ на поверхности шара. Все содержимое въ каждомъ оогоніи образуетъ одно яйцо, совер-

шенно какъ у эдогоніевъ и вошерій, но отверстія, ведущаго къ яйцу, здѣсь не получается; зато стѣнка оогонія превращается въ мягкій студень. На томъ же рисунокѣ можно различить три антеридія, въ натурѣ же они еще рѣзче бросаются въ глаза, благодаря желтому цвѣту ихъ содержамаго. Это тоже сильно разросшіяся клѣточки, пузырями вдающіяся въ полость колоніи и развивающія внутри себя большое число (около сотни) живчиковъ, которые сначала собраны всѣ въ одинъ плоскій кружокъ (лѣвая фигура въ рис. 22). Вскорѣ оболочка антеридія превращается въ слизь, и живчики разъединяются, уплывая во внутреннюю полость шара; каждый живчикъ снабженъ двумя рѣсничками и длиннымъ тоненькимъ носикомъ. Этими шиловидными носиками живчики вѣдряются въ оогоніи, какъ бы ввинчиваясь съ большими усиліями въ безцвѣтный студень, окружающій яйцо; въ правой фигурѣ рис. 22 значительное число ихъ достигло такимъ образомъ поверхности яйца. Проникаетъ ли только одинъ живчикъ внутрь послѣдняго или нѣсколько — здѣсь тоже рѣшить трудно. Оплодотворенное яйцо облекается плотною оболочкою и смѣняетъ зеленый цвѣтъ на красный—изъ яйца получилась ооспора. Колонія затѣмъ гибнетъ, ооспоры изолируются и только слѣдующею весною порождаютъ каждая, чрезъ дробленіе своего содержамаго, новую шаровидную колонію вольвокса.

Изъ прѣсной воды перенесемъ теперь въ соленую. Въ морѣ встрѣчаются водоросли—не чета тѣмъ ниточкамъ и шарикамъ, о которыхъ мы говорили до сихъ поръ. Между ними рѣзко выдѣляется большая группа *фукусовыхъ* водорослей. Это, какъ выражаются ботаники, цѣлое семейство, заключающее въ себѣ нѣсколько родовъ, а каждый родъ по нѣскольку видовъ. Сюда, между прочимъ, принадлежатъ водоросли, образующія извѣстное каждому изъ географіи Саргассово море. Теперь, впрочемъ, слава этихъ саргассовъ значительно поблекла. Оказалось, что это далеко не привольные обитатели открытаго океана, а просто жалкіе, обреченные на медленную гибель оборвыши водорослей, растущихъ по берегамъ Америки, отрываемые морскими теченіями и въ громадныхъ массахъ скопляющіеся въ болѣе спокойной части океана. Фукусовыя водоросли вообще придерживаются береговъ, прикрѣпляясь къ подводнымъ предметамъ, и далеко вглубь не идутъ, такъ что обнажаются во время отлива. Рис. 23-й даетъ понятіе о почтенныхъ размѣрахъ, которыхъ онѣ достигаютъ, такъ какъ изображаетъ въ естественную величину даже не цѣлый экземпляръ, а только вѣточку одного изъ обыкновеннѣйшихъ во всѣхъ европейскихкихъ моряхъ фукусовъ. Въ противоположность извѣстнымъ

уже намъ прѣсноводнымъ водорослямъ, фукусы имѣютъ немало-важное практическое значеніе: прибрежные жители употребляютъ ихъ въ кормъ скоту и на удобреніе почвы, а кромѣ того они служатъ для добыванія соды и іода. Ни по размѣрамъ, ни по цвѣту, ни по формѣ и строенію они не похожи на здогоніи, вошеріи и вольвоксы. Цвѣта они темнокоричневаго, форма ихъ несравненно сложнѣе, и у саргассовъ мы различаемъ ясные стебельки. усаженные листочками; наконецъ, сотканы фукусы изъ многочисленныхъ и притомъ разнородныхъ клѣточекъ. И несмотря на все это, процессъ оплодотворенія разыгрывается, какъ мы сейчасъ увидимъ, замѣчательно сходно съ предыдущими водорослями.

Любопытную особенность фукусовыхъ составляетъ полное отсутствіе у нихъ бесполого размноженія: зооспоръ, напримеръ, онѣ никогда не производятъ и вообще иначе какъ половымъ путемъ не размножаются. На рис. 23 при *s* концы вѣтвей вздуты наподобіе булавы и усѣяны бородавочками; внутри послѣднихъ и скрыты органы оплодотворенія, опять-таки антеридіи, развивающіе живчики, и оогоніи, образующіе яйца. Даже простымъ глазомъ можно

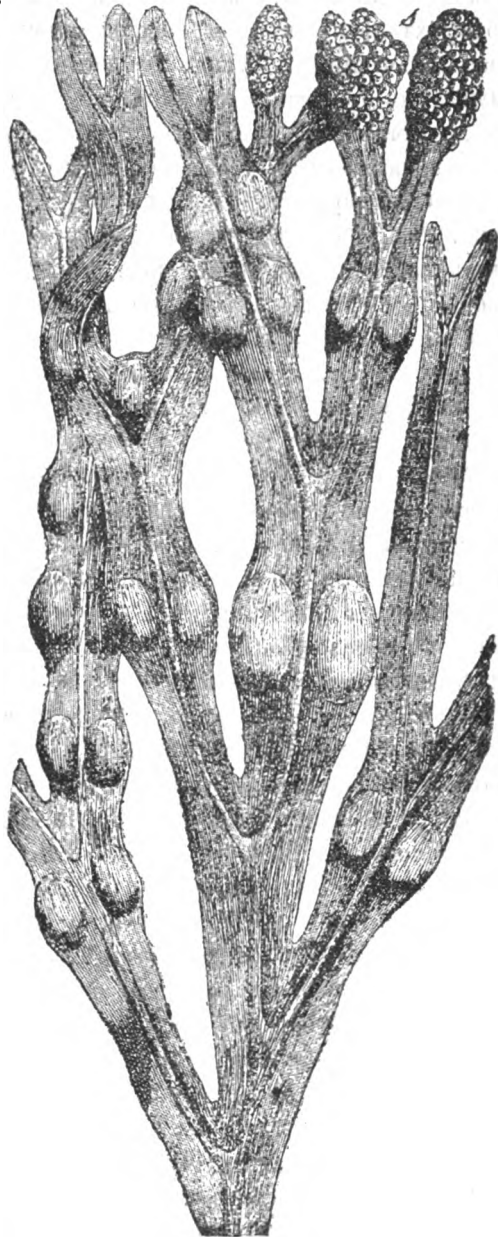


Рис. 23.

замѣтить, что каждая бородавочка пронизана отверстиемъ, словно булавочнымъ уколomъ. Микроскопъ показываетъ, что это отверстие ведетъ внутрь особенной полости или ямочки. У нѣкоторыхъ фукусовъ въ каждой ямочкѣ есть какъ антеридіи, такъ и оогоніи, у другихъ только что-нибудь одно, и въ такомъ случаѣ на одномъ экземплярѣ всѣ ямочки снабжены оогоніями, на другомъ всѣ—антеридіями. Къ числу такихъ двудомныхъ видовъ принадлежитъ и изображенный на рис. 23. Отличить мужской экземпляръ отъ женскаго можно лишь съ помощью микроскопа. Рис. 24-й представляетъ намъ одну изъ ямочекъ мужскаго экземпляра въ разрѣзѣ, а рис. 25-й—такую-же ямочку съ женской особи. Въ первой изъ нихъ почти вся грушевидная внутренняя полость ямочки, только узкимъ отверстиемъ открывающаяся наружу, занята мелкими антеридіями, которые сидятъ цѣлыми гроздьями на особыхъ вѣтвистахъ волоскахъ. Разобраться въ этомъ густомъ скопленіи трудно, а потому на рис. 26-мъ въ *A* отдѣльно изображенъ при большемъ увеличеніи маленькій кусочекъ этой массы; сѣрые зернистые мѣшечки, которые мы здѣсь замѣчаемъ, и представляютъ каждый по антеридію. Внутри ихъ заключены очень мелкіе живчики, по обыкновенію снабженные рѣсничками; три такихъ живчика срисованы въ *B*. Впрочемъ, пока антеридіи прикрѣплены къ образовавшимъ ихъ волоскамъ, они не раскрываются и не выпускаютъ своихъ живчиковъ. Перейдемъ къ женской ямочкѣ (рис. 25). Форма ея та-же, но въ ней, среди бесплодныхъ волосковъ, помѣщается нѣсколько, сравнительно, очень крупныхъ оогоніевъ, коротенькими ножками прикрѣпленныхъ къ стѣнкѣ ямочки. Они находятся на разныхъ стадіяхъ развитія—одни едва появились, другіе почти созрѣли. Сначала оогоній есть одна клѣточка, но вскорѣ содержимое его дробится на восемь голыхъ участковъ, изъ которыхъ каждый сформировывается въ отдѣльное яйцо, заключающее по одному клѣточному ядру. Въ рис. 26 *I* мы видимъ среди нѣсколькихъ бесплодныхъ волосковъ одинъ оогоній, въ которомъ дробленіе совершилось, но участки еще не закруглились; вмѣсто восьми замѣтно только шесть, такъ какъ они прикрываютъ другъ друга. Въ рис. 26 *II* закругленіе совершилось, и восемь яицъ въ оогоніѣ на-лицо. Нужно замѣтить, впрочемъ, что это число восемь свойственно только формамъ изъ рода *Fucus*, но другіе роды того же семейства образуютъ въ своихъ оогоніяхъ всего по 4, по 2 или даже по одному яйцу; въ послѣднемъ случаѣ мы получаемъ, значитъ, совершенно то же, что и у эдогоніевъ, вошерій или вольвокса. Весьма замѣчательно, что у всѣхъ, безъ исключенія, водорослей изъ семейства фукусовыхъ, каково бы ни было оконча-

тельное число яицъ, на первыхъ порахъ въ молодомъ оогоніѣ непрерывно образуется восемь клеточныхъ ядеръ: единственное ядро оогонія дѣлится на два, каждое изъ нихъ, въ свою очередь, на два и такъ далѣе еще разъ. Если это водоросль изъ рода фукусъ,

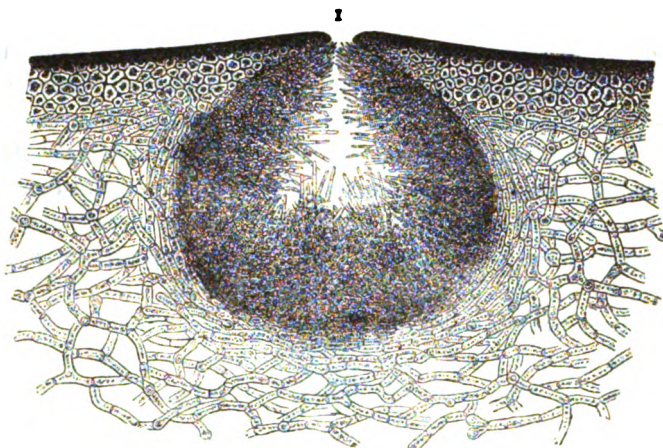


Рис. 24.

гдѣ яицъ восемь, то каждое ядро входитъ въ составъ особаго яйца; въ противномъ случаѣ тоже происходитъ лишь съ нѣкоторыми ядрами, прочія же, лишнія, выталкиваются изъ яицъ или яйца, выбрасываются какъ ненужныя. Такое выталкиваніе ядеръ

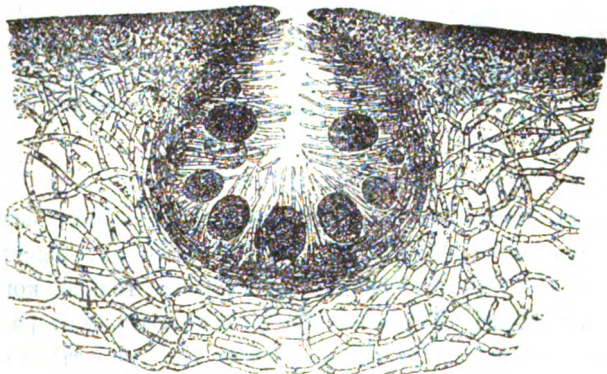


Рис. 25.

изъ неоплодотвореннаго яйца одно время подавало поводъ ботаникамъ сравнивать этотъ процессъ съ выталкиваніемъ изъ животныхъ яицъ такъ-называемыхъ направляющихъ тѣлецъ. Въ томъ же смыслѣ объясняли себѣ знакомое уже намъ выбрасываніе части содержимаго при развитіи яйца у вошерій (сравни выше рис. 21 С). Справедливость подобнаго толкованія, однако, весьма сомнительна,

въ виду того, что у фукусовъ, гдѣ всѣ восемь яицъ на липо, да и во многихъ другихъ случаяхъ изъ растительнаго яйца передъ оплодотвореніемъ не выталкивается ничего похожего на направляющія тѣльца животныхъ яицъ.

Любопытнѣйшая особенность всего разсматриваемаго семейства фукусовыхъ водорослей состоитъ въ томъ, что яйца не подвергаются оплодотворенію внутри оогонія, а предварительно выбрасываются наружу, въ окружающую воду. Фукусы, можно сказать, мечутъ икру, наподобіе многихъ животныхъ. Происходитъ это во время отлива, когда солнце пригрѣетъ обнаженные водоросли. Зрѣлыя яйца кучами собираются при отверстіяхъ ямочекъ, которыя ихъ выбросили. Въ то же время въ мужскихъ

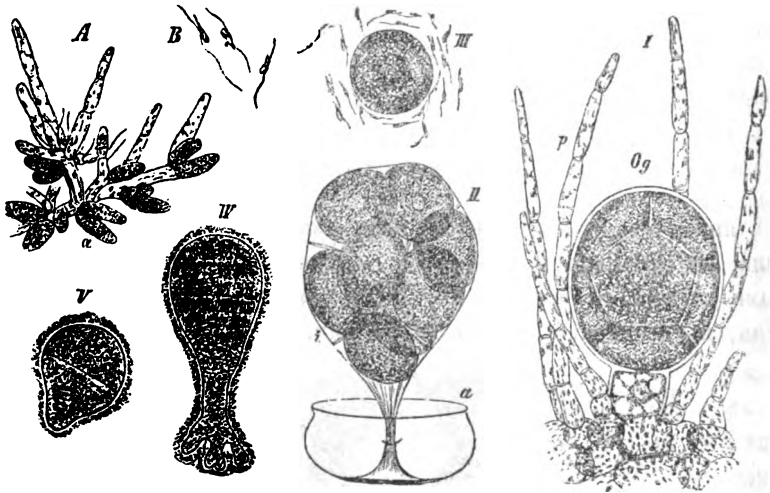


Рис. 26.

экземплярахъ срываются зрѣлыя антеридіи съ своихъ волосковъ и тоже скопляются массами при устьяхъ ямочекъ. Раскрываются антеридіи и выпускаютъ своихъ живчиковъ только, когда снова наступаетъ приливъ. Тутъ живчики, число которыхъ, разумѣется, неизмѣримо больше числа яицъ, цѣлыми толпами устремляются къ послѣднимъ и, благодаря чрезвычайной своей юркости, несмотря на ничтожные размѣры сравнительно съ почтеннымъ яйцомъ (рис. 26 III), вовлекаютъ послѣднее въ водоворотъ своихъ движений и заставляютъ яйцо вихремъ кружиться въ водѣ. Танцы эти, продолжающіеся иногда съ полчаса, не даютъ, конечно, никакой возможности наблюдателю услѣдить за тѣмъ—проникаютъ ли одинъ или нѣсколько живчиковъ внутрь яйца, но убѣдиться въ совершенной необходимости живчиковъ для оплодотворенія яицъ здѣсь

особенно легко. Если собрать отдѣльно живчики мужскаго и яйца женскаго экземпляра, то тѣ и другіе постепенно гибнуть; но если къ водѣ съ яйцами прибавить каплю воды изъ сосуда съ живчиками, яйца оплодотворяются и покрываются оболочками. Весьма замѣчательно, что у фукусовъ яйцо не превращается въ ооспору, а безъ всякаго отдыха прямо прорастаетъ въ новое растеньице, прикрѣпившись къ подводному предмету; IV и V представляютъ такіе молоденькіе ростки. Выростить изъ нихъ, впрочемъ, настоящей фукусъ пока еще не удавалось, но культура морскихъ водорослей сопряжена вообще съ огромными затрудненіями.

Подводя итогъ всему сказанному, мы замѣчаемъ, что разобранныя нами четыре водоросли, несмотря на все различіе ихъ внѣшней формы и внутренняго строенія, представляютъ удивительно много общаго въ процессѣ полового воспроизведенія. Разница лишь въ томъ — сколько живчиковъ выпускаетъ антеридій, сколько на живчикѣ рѣсничекъ, сколько яицъ образуетъ оогоній, гдѣ именно совершается оплодотвореніе и т. д. Суть же дѣла вездѣ одна и та же. Во всѣхъ случаяхъ мы имѣемъ, съ одной стороны, сравнительно массивное, голое, т.-е. лишнее оболочки, составленное изъ протоплазмы и ядра, неподвижное тѣло—яйцо, а съ другой — гораздо болѣе мелкое, тоже голое, но подвижное, благодаря своимъ рѣсничкамъ, тѣльце—живчикъ. Оплодотвореніе состоитъ въ поглощеніи живчика яйцомъ и приводитъ къ образованию оболочки, а затѣмъ къ разрастанію оплодотвореннаго яйца въ новую особь.

Но еслибъ мы вздумали заключить отсюда, что то же самое происходитъ у всѣхъ водорослей вообще, мы впали бы въ глубокую ошибку. Какъ уже было замѣчено раньше, водоросли особенно поучительны разнообразіемъ способовъ полового воспроизведенія, но различія эти отнюдь не выражаются соотвѣтственнымъ измѣненіемъ формы. Иногда двѣ нитчатки менѣе походятъ въ этомъ отношеніи другъ на друга, нежели шаровидный, крошечный вольвоксъ на огромный морской фукусъ. Есть водоросли, у которыхъ оплодотвореніе совершается проще описаннаго, и другія, гдѣ тотъ же процессъ разыгрывается, наоборотъ, сложнѣе. Познакомимся сначала съ первыми.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КЪ СВѢТУ.

Разсказъ И. Франко.

ПЕРЕВОДЪ СЪ РУСИНСКАГО.

Иванъ Франко принадлежитъ къ числу выдающихся галицко-русскихъ писателей нашего времени. Онъ родился въ 1856 году въ достаточномъ крестьянскомъ семействѣ с. Нагуевичи въ Восточной Галиціи. Учился онъ сперва въ такъ-называемой нормальной школѣ, въ Дрогобичѣ, а съ 1868 года перешелъ въ мѣстную же гимназію. И въ школѣ, и въ гимназіи Франко учился прекрасно; въ 1875 году онъ получилъ уже аттестатъ зрѣлости и поступилъ въ Львовскій университетъ. Писать онъ началъ очень рано—еще въ гимназіи, продолжалъ писать и въ университетѣ. Какъ разъ въ это время среди галицкiйской молодежи развивалось народническое направленіе, и Франко былъ однимъ изъ видныхъ представителей его. Въ 1876 году онъ окончательно отказался отъ своей прежней фантастической манеры писать въ Гофмановскомъ родѣ и выступилъ съ разсказомъ на народномъ языкѣ «Лесина челядь».

Перечисленіе всѣхъ его произведеній представляетъ длинный и разнообразный списокъ, который можно найти въ предисловіи къ сборнику его повѣстей, вышедшихъ въ Львовѣ въ 1890 г. подъ заглавіемъ «Въ поті чела».

Всѣ разсказы эти, какъ и переведенный нами «До свѣтла», передаютъ, по словамъ ихъ автора, факты, непосредственно ему извѣстные, представляютъ людей, лично ему знакомыхъ, повѣствуютъ о событіяхъ, имъ самимъ пережитыхъ, и рисуютъ страну, «вымѣренную вдоль и поперекъ его собственными ногами». Разсказы эти, такимъ образомъ, могутъ быть разсматриваемы, говоритъ онъ, «какъ части моей автобіографіи».

Одинъ изъ компетентныхъ цѣнителей галицко-русской литературы прибавляетъ, что подъ перомъ Франко литература вполне сознательно становится правдивымъ отраженіемъ дѣйствительной жизни, согрѣтымъ искреннею любовью къ людямъ. Подъ влияніемъ этого чувства, авторъ обращается всего чаще къ тѣмъ слоямъ общества, къ которымъ принадлежитъ большинство людей, къ такъ называемому простому народу, зарабатывающему хлѣбъ какъ себѣ, такъ и значительнѣйшей части остальныхъ людей, въ потѣ чела.

I.

Ученые естествоиспытателя говорятъ, что та вода, которая лежитъ на самомъ днѣ морскихъ глубинъ, и есть именно настоящая „мертвая вода“. Масса верхнихъ водъ лишаетъ нижнюю всякаго движенія, всякой жизни. Свѣтъ солнца сюда не доходитъ, никакія живыя существа тутъ не водятся; ни водяныя теченія, ни бури, ни землетрясенія не находятъ себѣ здѣсь даже и самаго слабого отзвука. Единственное движеніе, которое тутъ можно замѣтить—это вѣчное, неустанное опусканіе сюда миллионъ труповъ и скелетовъ существъ, которыя еще недавно жили и гуляли тамъ наверху, грѣлись на солнцѣ, нѣжились въ теплѣ и колыхались на могучихъ морскихъ волнахъ. Погибши, они быстро, быстро падаютъ внизъ. Особенно много оказывается тутъ фораминиферъ, діатомей и всей той мелюзги, которою кишитъ морская жизнь; громадное количество ихъ мелкихъ труповъ ниспадаетъ черезъ сравнительно богатые кислородомъ водяные слои, и, точно старая въ нихъ, достигаютъ дна въ видѣ микроскопическихъ крупинокъ, отлагающихся на этомъ необъятномъ кладбищѣ, и мало-по-малу накопляя, такимъ образомъ, матеріалъ для будущихъ мѣловыхъ свалъ. Тяжело и страшно, можетъ быть, тѣмъ низшимъ слоямъ воды оставаться вѣчно на мертвомъ днѣ въ страшной темнотѣ, подъ несноснымъ гнетомъ, среди однихъ труповъ. Тяжело и страшно имъ, особливо, если въ нихъ скрыта та вѣчная неуничтожимая сила, безъ которой не найдется ни одного атома въ природѣ. Живая, не погибающая сила внутри, а кругомъ темнота, гнетъ, страшное и безконечное кладбище! И когда въ тѣхъ несчастныхъ осужденныхъ на вѣчную смерть атомахъ зашевелится въ тысячу лѣтъ разъ легкій отзвукъ мысли — вамъ это покажется невѣроятнымъ? А вѣдь и нашъ мыслящій мозгъ не иное что, какъ комочекъ тѣхъ же атомовъ кислорода, углерода и другихъ элементовъ?—горька и обидна такая мысль!

— Мать-природа! Отчего такая къ намъ несправедливость? Развѣ мы хуже тѣхъ, которые тамъ наверху надъ нами наслаждаются жизнью и свѣтомъ? И отчего бы тебѣ не установить очереди, отчего бы не пустить насъ хоть на часокъ туда, наверхъ?

Ахъ, мать-природа не имѣетъ сердца и не поддается мечтаніямъ.

— Буду я съ вами, дурнями, носиться!—ворчить она.— Если чувствуете въ себѣ силу, то сами подымитесь. Нѣтъ у меня, что-ли, иной работы, какъ васъ подсаживать?

Еще не хватало:—старайтесь сами вырваться!..

Не случилось ли вамъ видѣть подобное въ людскомъ житіи? Ой, случилось, милые мои, кому не случилось такое видѣть. И отъ каждаго этакого случая щемило ваше сердце, и донинѣ щемитъ; попробуйте перенестись мыслью въ положеніе тѣхъ бѣдныхъ живыхъ атомовъ человѣческаго общества, которые оазываются осужденными завистливою судьбою на вѣчную темноту, на тупую неподвижность, на безвѣстную смерть. А мы сами, развѣ не такой же нижній слой народовъ міра? Развѣ каждое крѣпкое, здоровое движеніе тѣхъ вольныхъ и счастливыхъ народовъ не отзывается болью, раздраженіемъ, страданіемъ, въ нашемъ народномъ организмѣ?

А развѣ каждый изъ васъ, кто, цѣною страшнаго усилія и цѣною помощи своихъ ближнихъ, хоть сколько-нибудь выбрался изъ того темнаго низу, не чувствовалъ невольнаго страха и боли при воспоминаіи о той юдоли, и при мысли, что, не будь той или этой счастливой случайности, онъ бы на вѣки остался не человѣкомъ, а темною, бесполезною частицею *массы людской*? А развѣ не болитъ наше сердце при мысли про тысячи и тысячи такихъ, которые силились вырваться изъ темноты, горевали о свѣтѣ, рвались на волю, и все напрасно? И не охватитъ ли насъ ужасъ, когда мы вспомнимъ жизнь и смерть такихъ, никому неизвѣстныхъ, затоптанныхъ и оплеванныхъ единицъ, и тогда уяснимъ себѣ, что не разъ одно только наиглупѣйшее какое-нибудь обстоятельство, слѣпой случай, недоразумѣніе, шутка, необдуманное слово, соринка, столкнули ихъ съ дороги и на вѣки кинули назадъ въ тьму, изъ которой они вотъ-вотъ выбрались-было на вольную волю?..

Такія мысли наполняли мою голову и прогоняли сонъ въ долгіе, долгіе ночи и дни, проведенные въ тюрьмѣ. Мои товарищи по несчастію, которые и сами чувствовали, какъ ихъ сверлило и щемило внутри, не могли найти для меня словъ утѣшенія, —напротивъ, я видѣлъ, что сами они гораздо больше меня нуждаются въ цѣлительномъ словѣ. Чтобъ не одурѣть отъ горя, мы разговаривали, и рассказывали другъ другу—не про себя, а про другихъ, но все про то же горе. Одинъ изъ такихъ рассказовъ, который произвелъ на меня

особенно глубокое впечатлѣніе, я и предлагаю читателямъ. Тотъ, который мнѣ передалъ его, былъ молодой еще парень, полный силы и отваги, не лишенный всего добраго и искренняго человѣческаго чувства; онъ былъ изъ мѣщанъ, кончилъ народную школу, учился ремеслу, однимъ словомъ, также не мало потратилъ силъ и средствъ чтобы выкарабкаться наверхъ, выйти въ люди—ну и вышелъ... Да не про это рѣчь!

Шестой разъ сидѣлъ онъ уже подъ ключемъ, и зналъ весь арестантскій бытъ, мало—чуть, не исторію каждой камеры: кто въ ней сидѣлъ, за что, на сколько былъ осужденъ, какъ обходились съ арестантами въ прежнее время, и какъ теперь, и т. д. Это была правдивая арестантская лѣтопись. Надзиратели считали его за беспокойнаго бродягу и часто давали ему чувствовать свое о немъ мнѣніе разными дисциплинарными взысканіями. Но онъ не унимался, и вспыхивалъ какъ порохъ, какъ только замѣчалъ неправильное отношеніе къ арестантамъ, какую-нибудь къ нимъ несправедливость. Особенно имѣлъ онъ пререканія съ часовымъ, который ходитъ подъ окнами, наблюдаетъ за тѣмъ, чтобы арестанты не высывались въ окна и не разговаривали другъ съ другомъ. Сколько разъ грозилъ ему солдатъ, что будетъ стрѣлять, если онъ не отойдетъ отъ окна, а онъ сидѣлъ спокойно, ничего не отвѣчая, а когда часовой начиналъ щелкать курьомъ, онъ со-скакивалъ съ окна и кричалъ:

— Ну, ну, я вѣдь знаю, что ты не смѣешь стрѣлять...

— А откуда вы это знаете?—спросилъ я его однажды.

— Какъ такъ, откуда знаю? Самъ былъ свидѣтелемъ, самъ видѣлъ.

— Что видѣли?

— А, да это была дѣлая исторія, послѣ которой запретили часовымъ стрѣлять. Вотъ я вамъ лучше расскажу, какъ дѣло было, а бѣдный рекрутъ пусть успокоится. А и впрямь онъ, бѣдный, долженъ дѣлать то, что ему прикажутъ...

II.

— Два года тому назадъ,—началъ онъ,—да, какъ разъ два года... Сидѣлъ я въ этой же ямѣ подъ слѣдствіемъ. Двое насъ только въ камерѣ и было, я и еще какою-то панъ, Журвовскій по фамиліи. Что онъ за человѣкъ такой былъ, и за что сюда попалъ,— не знаю...

Вотъ, разъ какъ-то вечеромъ, послѣ вечерней повѣрки, когда мы уже пораздѣвались и легли спать, неожиданно слы-

шимъ шаги надзирателя и побрякиваніе ключами. Дверь открылась, снопъ желтоватаго свѣта, отбрасываемаго фонаремъ, освѣтилъ какую-то скорченную, на половину голую, худую фигурку. Надзиратель нагнулъ ее и потомъ втолкнулъ въ камеру, такъ какъ сама она, повидимому, шевелилась недостаточно поспѣшно.

— Вотъ тебѣ подстилка, а вотъ одѣяло,—говорилъ надзиратель, кидая на голову фигурѣ эти вещи и заставляя ее пригнуться чуть не до полу.—Ложись и спи! Остальное получишь завтра.

Сказавъ это, надзиратель заперъ двери и ушелъ. Въ камерѣ стало темно, какъ въ погребѣ, и тихо, какъ въ гробу. Только изрѣдка слышимъ, какъ будто кто сѣчкой на столѣ мясо сѣчетъ — то нашъ товарищъ стучитъ зубами. Осень, видите-ли, была уже поздняя, холодъ такой, что не дай Богъ.

— Кто ты такой?—спрашиваю я у заоченѣвшаго товарища. Грѣшный человѣкъ, я уже согрѣлся и не хотѣлось встать съ постели; въ камерѣ было довольно холодно, такъ какъ окно должно было быть открыто день и ночь для воздуха.

Товарищъ нашъ молчитъ, только еще больше стучитъ зубами, а сквозъ этотъ стукъ слышно всхлипываніе. Жаль мнѣ стало малаго, я уже догадался, что это какой-то совсѣмъ новичекъ,—„съ воли“... Всталъ я и постлалъ ему постель.

— Ну, ну,—говорю,—тише, не плачь! Раздѣвайся, да иди спать.

— Не... не... мо...гу,—едва пробормоталъ онъ.

— Отчего?

— Очень... я... замерзъ.

Господи! Я бросился къ нему, а онъ, какъ кость, замерзлый, ни рукой, ни ногой пошевелить не можетъ. Какимъ чудомъ дошелъ онъ до камеры—не понимаю. Всталъ и панъ; снимали мы съ несчастнаго лохмотья и раздѣли его до гола, растерли хорошенько, укутали въ одѣяло и положили на постель. Черезъ четверть часа, слышу — вздыхаетъ, шевелится.

— А что, лучше тебѣ?—спрашиваю.

— Лучше.

— Отошли руки и ноги?

— Еще не совсѣмъ, а уже гораздо лучше.

— А откуда ты?

— Изъ Смерекова.

— Тебя навѣрно жандармъ привелъ?

— Такъ точно, Гналь онъ меня сегодня съ утра почти голаго и босого по морозу. Десять разъ падалъ я на дорогѣ, не могъ идти. Билъ онъ меня ремнемъ, и я шелъ поневолѣ. Только въ корчмѣ, въ Збойскахъ, мы немного отдохнули; тутъ ворчмаръ воды мнѣ далъ.

— А какъ же тебя звать?

— Юська Штернъ.

— А, такъ ты жидъ?

— Именно такъ; жидъ.

— Чортъ тебя возьми! Хоть убей, а по говору твоему не разобралъ я, что ты жидъ; такъ чисто ты по нашему говоришь.

— Что жъ, пане, я выросъ на селѣ съ мужиками. Я былъ пастухомъ.

— А сколько тебѣ лѣтъ?

— Шестнадцать.

— А за что тебя въ уголовщинѣ прицѣпили?

— Ой, пане, не знаю! Сказалъ жандармъ, что мой хозяинъ обвиняетъ меня въ кражѣ со взломомъ, а я, ей-Богу, ничего не вралъ. Только свои бумаги взялъ, ей-Богу, только свои бумаги!

И онъ сталъ всхлипывать и плакать, какъ малое дитя.

— Ну, ну, цыцъ, глупый, говорю, — скажешь все завтра судѣ, а меня это совсѣмъ не касается. Спи теперь.

— Ой, пане, а жандармъ сказалъ, что меня за это повѣсятъ, — вопилъ Юська.

— Съ ума ты сошелъ, дурень! — закричалъ я. — Наплюй! Развѣ ты слышалъ когда, чтобъ за такіе пустяки вѣшали?

— А хозяинъ сказалъ, что меня упрячутъ на десять лѣтъ въ тюрьму...

— Ну, ну, не печалься, — говорю. — Богъ милостивъ, какъ тамъ еще будетъ — увидимъ. Спи только теперь, а завтра днемъ поговоримъ.

Замолчали мы, и скоро я захрапѣлъ. Только для меня и хорошаго въ тюрьмѣ, что сплю, какъ заяцъ въ капустѣ.

III.

На другой день только могли мы хорошо разглядѣть новичка. Смѣшно мнѣ стало, какъ я вчера сразу не узналъ въ немъ еврея. Рыжій съ пейсами, носъ выгнутый, какъ у стараго ястреба, фигура согнутая, не очень толстая, ростъ хо-

рошій. За десять верстъ жида узнаешь.. А вчера, когда мы его растирали въ потьмахъ и слышали только его рѣчь, совсѣмъ невозможно было это угадать.

Вскочилъ онъ, когда мы оба съ паномъ еще лежали, съ испугомъ оглядѣлъ камеру, умылся, свернулъ постель и сѣлъ на ней въ уголкѣ, не шелохнется, какъ заколдованный.

— А ты голодень?—спрашиваю. Молчить, только какъ-то еще больше ежится.

— Ъль, вѣрно, еще вчера?—спрашиваетъ панъ.

— Да... вчера... какъ меня взялъ жандармъ, войтиха дала немного борщу и кусокъ хлѣба.

— Ага, понимаемъ,—усмѣхнулся панъ.

Онъ далъ ему добрый кусокъ хлѣба и вчерашнихъ котлетъ. Даже затрясся бѣдняга. Хотѣлъ поблагодарить, да захлебнулся слезами.

Какъ видите, еще одна интересная черта въ этомъ мальчикѣ: скромность, чуждая всякаго самохвальства, отсутствіе говорливости; говорливостью онъ не отличался и молча всегда спѣшилъ услужить, чѣмъ могъ. Во всей его повадѣ было что-то чисто-мужицкое, сельское.

Когда не было никакой работы,—да и какая у насъ въ камерѣ работа!—онъ любилъ сидѣть въ уголкѣ молча, скорчившись, обнявъ колѣни и упершись въ нихъ подбородкомъ, только глаза у него блестятъ, какъ у мышенка.

— Ну, скажи намъ, что ты за грабежъ такой совершилъ, что жандармъ за него даже висѣлицей грозился?—спросилъ его одинъ разъ панъ, когда уже видно было, что хлопчикъ немного успокоился и освоился съ нами.

— Ой, пане,—сказалъ Іоська и затрясся всѣмъ тѣломъ,—долго рассказывать, да и не стоитъ слушать. Очень глупая исторія.

— Ну, ну, рассказывай, послушаемъ. Тутъ вѣдь ничего умнаго дѣлать не приходится, такъ и глупую исторію послушаемъ.

— Росъ я у Мошки, арендатора въ Смерековѣ,—началъ Іоська.—Сперва игралъ я съ его дѣтьми и звалъ Мошку „татя“, а Мошчиху „мама“. Думалъ я, что они мои родные. Вскорѣ, однакожь, сталъ я замѣчать, что Мошка справляетъ своимъ дѣтамъ красивыя бевеши, а Мошчиха даетъ имъ каждую пятницу чистыя сорочки, тогда какъ я ходилъ грязнымъ и оборваннымъ. Какъ только минуло мнѣ семь лѣтъ, заставили меня пасти гусей. Мошчиха не спрашивала,

холодно ли, жарко или сыро, гнала изъ дому на выгонъ и все меньше и меньше давала ѣсть. Терпѣлъ я голодь, не разъ горько плакалъ и жаловался; ничего не помогало. Сельскіе хлопцы были добрѣе ко мнѣ. Давали хлѣба, творогу, позволяли играть съ ними. Привыкъ я къ нимъ, а потомъ сталъ за ихъ гусями приглядывать. Былъ я для своихъ лѣтъ здоровый и вѣселей мальчикъ, и стали крестьяне сами поручать мнѣ пастьбу гусей, а потомъ и телятъ, когда ихъ дѣти должны были идти въ школу, за то получалъ я отъ нихъ хлѣбъ и горячую пищу, а подчасъ въ праздникъ и пару крейцеровъ. Мошчиха была очень скупа, и радовалась, что я дома не просилъ ѣсть. А когда Мошковы дѣти узнали, что я не отказываюсь отъ крестьянской ѣды, прозвали меня „трефнякомъ“, дразнили, а потомъ стали отъ меня сторониться. Сначала все это мнѣ не вредило, но въ концѣ концовъ дадо горько себя почувствовать.

Мошка нанялъ для своихъ дѣтей учителя; стали они учиться читать и писать. Дѣло было зимою и на недостатокъ времени нельзя было жаловаться, я могъ бы учиться, но когда я подсѣлъ къ дѣтямъ, чтобы вмѣстѣ слушать учителя, они подняли крикъ и объявили, что вмѣстѣ съ „трефнякомъ“ учиться не стануть. Сама Мошчиха ихъ на меня науськивала; очень ужъ эта меня вѣдьма ненавидѣла, хоть и не знаю за что. Какъ только дѣти подняли крикъ, она прибѣжала и выгнала меня изъ комнаты, говоря, что наука не для меня, что они и сами бѣдные, и нѣтъ у нихъ денегъ, чтобы еще и нищаго обучать. Заплакалъ я, да нечего было дѣлать! Пойду, бывало, въ село, играю съ сельскими дѣтьми, или гляжу, какъ мужики чинять телѣги, сани, и другія какія-нибудь хозяйственныя принадлежности. Не разъ цѣлой гурьбой бѣгали мы къ вузнецу, вузница котораго была на краю села, мы по цѣлымъ часамъ присматривались къ работѣ. Мнѣ, какъ самому сильному изъ всѣхъ хлопцевъ, вузнецъ часто поручалъ раздуть мѣхи, бить молотомъ или вертѣть точило. Ахъ, какъ тогда бывалъ я счастливъ! Какъ я горячо желалъ, разъ ужъ науки не для меня, имѣть въ рукахъ хоть какое-нибудь ремесло!

Съ весны снова вернулся я на выгонъ къ пастьбѣ гусей и телятъ, которыхъ Мошка скупалъ въ сосѣднихъ селахъ, а зимою, подкормивъ, возилъ въ Львовъ продавать. Выгонъ у насъ, въ Смерековѣ, не очень обширенъ, и бѣгать мнѣ много не приходилось. Сяду себѣ, бывало, гдѣ-нибудь на

*

кочкѣ, наточу ножикъ и стану стругать, долбить, такъ и этакъ мастерить изъ дерева, сначала маленькія лѣстнички, плуги да бороны, потомъ клѣтки, вѣтренныя и водяныя мельницы. Черезъ какой-нибудь годъ сталъ я такимъ мастеромъ, что сельскія дѣти всегда меня окружали. Началъ я мастерить трещетки, вертушки и воробьиныя пугалы, которыя ставятся въ пшеницѣ, просѣ и коноплѣ. Пару такихъ пугалъ я продавалъ за десять крейцеровъ, заработалъ я столько, что могъ справиться себѣ кой-какіе столярныя инструменты: долотца, сверла и пр. Чѣмъ дальше, тѣмъ за болѣе трудныя вещи я хватался: страшная была у меня охота къ мастерству. Что только ни увижу, сейчасъ же берусь самъ сдѣлать. Зимой просиживалъ я цѣлыми днями то у столяра, то у кузнеца, помогая имъ и приучаясь къ ихъ работѣ. Было мнѣ уже шестнадцать лѣтъ, а у Мошки и помышленія не было куда-нибудь меня пристроить; вывелъ въ пастухи, да и все тутъ. Не зналъ я даже, кто былъ мой отецъ и какого я роду. Въ селѣ знали только, что Мошка привезъ меня откуда-то маленькимъ; былъ даже слухъ, что я сынъ какого-то Мошкина свояка. Послѣ его смерти, какъ говорили, осталось порядочное имущество, но Мошкѣ, будто бы, удалось захватить его и присвоить себѣ.

— Жаль тебя, Іосъка,—говорили не разъ мужики,—такой ты расторопный, и къ ремеслу охочій, и что изъ тебя выйдетъ?

— Что можетъ выйти? Буду общественнымъ пастухомъ.

— О, конечно! Мошка вѣдь облъ тебѣ нисколько не заботится!

— Говорить, что бѣденъ и ничѣмъ помочь мнѣ не можетъ.

— Не вѣрь ты старому цыгану. Есть у него деньги, и порядочныя, да онъ ихъ для своихъ бережетъ. А тебя не научилъ даже Богу молиться.

Волновался я сильно отъ такихъ словъ и сталъ самъ о себѣ задумываться.

— Правда,—думалъ я,—и до чего я здѣсь досижусь? Даромъ работать на Мошку я вѣдь всегда успѣю. Хоть бы ремеслу хорошему выучиться, такъ былъ бы вѣрный кусокъ хлѣба. Только какъ этого добиться? Какъ уйти отъ Мошки? Куда обратиться, особенно, если не знаю, откуда я родомъ, кто былъ мой отецъ, и есть ли у меня гдѣ-нибудь родня?

Корчма наша стояла на большой дорогѣ. Часто въ нее заходили жандармы, водившіе закованныхъ арестантовъ въ Львовъ

или Жовьву. Сперва я страшно боялся этихъ суровыхъ и грубыхъ молодцовъ, одѣтыхъ въ темный мундиръ, съ карабинами за плечами, въ треуголкахъ съ черными пѣтушьими перьями. Дрожа всѣмъ тѣломъ, слушалъ я не разъ, прятаясь за печью, какъ они разговаривали съ Мошкой или съ сельскимъ начальствомъ.

Разсказывали они, конечно, все про страшныя для меня вещи—про кражи, про воровъ, про бродягъ; и въ тѣхъ разговорахъ часто слышалось слово бумага: „когда бумаги нѣтъ, сейчасъ надо арестовать“, или: „Эге, вижу его бумаги не въ порядкѣ“. „Хоть бы одна порядочная бумага была, я бы его пустил“. И что то за бумаги такія, думалъ я не разъ, что имѣютъ такую силу; вѣдь могутъ же онѣ защитить прохожаго человѣка отъ жандарма съ карабиномъ и пѣтушьимъ перомъ? Никто, однако, не могъ, или не хотѣлъ отвѣтить мнѣ на этотъ вопросъ, и тѣмъ больше пугалъ меня какими-то бумагами. А какъ же осмѣлюсь я выбраться на свѣтъ Божій безъ тѣхъ бумагъ? Вѣдь меня на первомъ же шагу схватитъ жандармъ и поведетъ. Божъ знаетъ на какія истязанія? Дрожалъ я при мысли объ этомъ. Чѣмъ чаще думалъ объ освобожденіи отъ Мошки, тѣмъ чаще мерещились у меня передъ глазами тѣ бумаги. Даже снились мнѣ паспорта и всякіе документы, старые, пожелтѣвшіе, съ большущими печатами, грезились ихъ злыя, сморщенные рожи и беззубый смѣхъ. Проснувшись, чувствовалъ я себя крайне несчастнымъ. Всѣ люди, съ которыми я объ этомъ разговаривалъ, подтверждали, что безъ бумагъ нельзя ни въ дорогу тронуться, ни въ ученье никуда поступить. Но откуда же мнѣ взять тѣ бумаги? Кузнецъ посоветовалъ спросить объ нихъ самого Мошку; онъ вѣдь долженъ же былъ получить какія-нибудь бумаги послѣ моего отца.

Ахъ, спросить у Мошки! Если бы мнѣ такъ легко было приступить къ Мошкѣ. Прежде, когда я былъ еще маленькій, былъ онъ ко мнѣ ласковъ, а какъ сталъ подростать, сдалъ меня на руки женѣ своей, вѣдьмѣ, и почти никогда и ни о чемъ со мной не говорилъ. Было очевидно, что онъ сторонился отъ меня. Какъ сказали мнѣ люди, что онъ попользовался батькиными деньгами, сталъ я къ нему пристальнѣе приглядываться, и замѣтилъ, что что-то его тревожитъ. Вертѣлся онъ какъ-то неспокойно, когда иной разъ намъ приходилось быть съ глазу на глазъ, точно его что грызеть.—А что, думаю себѣ, еслибъ когда-нибудь, когда нѣтъ бабы дома, понапереть на него неожиданно, можетъ, и возможно было бы что-нибудь узнать. Вотъ я и рѣшился при первомъ же случаѣ такъ поступить.

Случай такой какъ разъ подошелъ. Мошчиха поѣхала въ Жовкву; въ корчмѣ не было никого, кромѣ Мошки, подошелъ я къ нему и говорю:

— Ребъ Мойша, люди говорятъ, что у тебя есть какія-то бумаги моего отца?

Метнулся Мошка, точно его оса укусила.

— А ты это откуда знаешь?

— Да люди говорятъ.

— Какіе люди?

— Да всѣ, по всему селу.

— Ну, а тебѣ на что эти бумаги? Вѣдь ты даже и читать не умѣешь!

— Такъ. А все-таки я хотѣлъ бы знать. Стало быть, онѣ у тебя есть.

— Есть, есть, у меня эти бумаги!—вскрикнулъ Мошка раздраженный, какъ будто я ужъ не знаю что сказалъ,—нищій былъ твой батько, прожилъ все, что имѣлъ, и тебя мнѣ на горе оставилъ. Что мнѣ съ тебя за корысть!

— Знаешь что, ребъ Мойше,—говорю,—отдай мнѣ тѣ бумаги. Я уйду, если тебѣ не нуженъ.

— Что?—взвизгнулъ Мошка,—ты бы хотѣлъ уйти? А куда же ты, дуравъ, пойдешь?

— Я бы хотѣлъ пристроиться куда-нибудь, чтобы ремеслу научиться.

Мошка захохоталъ во все горло.

— Иди, иди, калустная голова, думаешь, кто тебя возьметъ! За выучку надо платить, а прежде того надо умѣть читать, писать и не только по еврейски, а и по нѣмцеи.

Я остолбенѣлъ, потомъ, овладѣвъ собою, сказалъ:

— А все-жъ-таки покажи мнѣ бумаги, хоть погляжу на нихъ.

— Тьфу!—вскрикнулъ Мошка,—уцѣпился, какъ репейникъ въ овчину. Ну, пойдѣмъ, покажу твои сокровища! Счастье твое, что до сихъ поръ я ихъ еще не сжегъ!

Эти послѣднія слова, какъ ножъ, рѣзали мое сердце. А что, если бы Мошка, въ самомъ дѣлѣ, сжегъ мои бумаги? Сталъ бы я одинокъ на свѣтѣ, какъ листъ, оторванный отъ дерева. Ни я не зналъ бы своего рода, ни меня никто бы не зналъ. Не могъ бы пошевелиться, вѣтъ бы былъ прикованъ къ Мошкѣ, до смерти былъ бы его невольникомъ. Дрожь меня пронимала отъ этой мысли, голова шла кругомъ. Съ большимъ напряженіемъ пересилилъ я себя и шелъ спокойно

за Мошкой къ чуланчику, гдѣ были спрятаны мои бумаги. Чуланчикъ представлялъ деревянную пристройку къ корчмѣ со входомъ изъ сѣней. Она освѣщалась однимъ только маленькимъ оконцемъ, забраннымъ крестообразно желѣзными полосами. Тутъ у Мошки были спрятаны разныя вещи, взятыя имъ въ закладъ, и вообще все, что было у него цѣннаго. Было тамъ много тулуповъ, мерлушковыхъ шапокъ, сапогъ; въ сундукѣ лежали кораллы, и говорили даже, что на самомъ днѣ можно было найти старинныя дуваты и талеры. Два раза добирались до чуланчика воры, но не могли разломать крѣпкой постройки, а собаки у Мошки были чуткія. Двери были низкія и тѣсныя. Мошкѣ приходилось наклоняться, чтобы влѣзть внутрь. За нимъ влѣзъ и я.

— А ты тутъ чего?—озлился онъ на меня.

— Какъ чего, вѣдь ты же велѣлъ мнѣ идти!

— Не сюда! Подожди въ сѣняхъ.

— Все равно,—говорю,—подожду и тутъ. Вѣдь я у тебя ничего не съѣмъ.

Мошка вытаращилъ на меня глаза, точно въ первый разъ въ жизни видѣлъ. Не знаю, что ему во мнѣ не понравилось, онъ глянулъ и отвернулся. Потомъ влѣзъ на сундукъ и досталъ съ полочки, прибитой подъ самымъ потолкомъ, свертокъ пожелтѣвшихъ бумагъ.

— Вотъ твои бумаги!—буркнулъ онъ, издалека показывая ихъ мнѣ.

— Дай, я ихъ рассмотрю,—говорю я, протягивая руку.

— Ну, что ты, глупый, въ нихъ увидишь, — отвѣчалъ Мошка, — да и зачѣмъ они тебѣ? Сиди у меня, когда тебѣ здѣсь хорошо и не лѣзь въ бѣду!

И онъ положилъ бумаги опять на полочку.

— Ну, идемъ отсюда,—говоритъ,—теперь можешь успокоиться. А то, что люди тебѣ про меня говорятъ, не вѣрь: вѣдь у людей языкъ длинный; все враки!

— Что враки?—спрашиваю.

— Э, что съ тобой говорить, что горохомъ въ стѣну бросать,—буркнулъ Мошка и, выпроводивъ меня изъ чуланчика, заперъ дверь на задвижку, а потомъ и на ключъ, и пошелъ въ корчму.

IV.

Юська замолчалъ на минуту. Панъ Журковскій, который внимательно слушалъ его разговоръ, усмѣхнулся и сказалъ:

— Ну, ты говорилъ, что твоя исторія глупая, а рассказываешь, точно по книжкѣ читаешь.

— Э, пане,—отвѣтилъ Іоська,—то, что до сихъ поръ было, еще не глупая исторія, а вотъ теперь пойдетъ уже глупость. А что гладко рассказываю, не удивляйтесь. Въ селѣ научился я рассказывать сказки. Память у меня хорошая, и какъ только услышу какую-нибудь сказку, то потомъ расскажу ее лучше и складнѣе, чѣмъ тотъ, у кого перенялъ. Прошлой зимой у насъ въ селѣ меня за мои сказки всѣ такъ полюбили, что ни одна вечеринка безъ меня не обходилась.

— Ну, какъ посмотрю, такъ ты мастеръ на всѣ руки,—сказалъ панъ.

— Ой, пане,—отвѣчалъ Іоська, вздохнувъ,—не знаю, что то значить, но сдается мнѣ, что въ этомъ именно все мое несчастье. Какъ почувствую, что могу что-нибудь сдѣлать, что могу чему-нибудь научиться, то меня что-то внутри такъ и печетъ, такъ сосетъ и мучитъ, что ни на минуту не могу успокоиться, пока того не сдѣлаю, не узнаю, не научусь. Это же меня и въ тюрьму привело.

— Ну, ну, рассказывай.

Да въ этотъ разъ не могъ Іоська кончить свою исторію, именно въ ту минуту отворилась дверь нашей камеры. Іоську позвали къ допросу.

— Необыкновенный мальчикъ,—проворчалъ панъ и сталъ задумчиво ходить по камерѣ.

— А мнѣ кажется, что онъ много вретъ,—говорю я.— Научился мужикамъ сказки рассказывать, такъ вотъ и намъ рассказываетъ сказку.

— Ты такъ думаешь?

— Ну и что же, развѣ это не можетъ быть?

— Конечно, можетъ, но лицо его свидѣлствуетъ за него. Впрочемъ, мы еще будемъ имѣть время убѣдиться въ этомъ.

На допросѣ Іоська пробылъ не долго, не больше полчаса. Вернулся онъ веселѣе и споконѣе, чѣмъ пошелъ.

— Ну, что жъ?—спрашиваю его,—не съѣлъ тебя судья?

— Э, что жъ, судья добрый человекъ,—сказалъ Іоська.— Перепугался я; очень сначала боялся. Въ селѣ мнѣ говорили, что тутъ бьютъ, и до признанья раскаленнымъ желѣзомъ пятки прижигаютъ.

— Ха, ха!—засмѣялся я.—Теперь-то я знаю, чего ты по ночамъ вертѣлся да кричалъ: ой-ой. Тебѣ навѣрное снилось, что тебѣ подошвы подпекаютъ!

— Ой не смѣйтесь, пожалуйста, мнѣ и подумать страшно про тѣ сны, столько я въ нихъ натерпѣлся. А все напрасно. Судья такой добрый, и говорилъ со мной совсѣмъ по-людски, не кричалъ, не ругался, не билъ меня, какъ жандармъ.

— А развѣ жандармъ тебя билъ?—спросилъ панъ Журковскій.

— Ой, пане, я думалъ, что онъ душу изъ меня выбьетъ. Посмотрите-ка на мои плечи.

И Юська снялъ сорочку. Мы ахнули! Плечи несчастнаго сплошь были покрыты синяками и рубцами засохшей крови.

— Ну, а о чемъ же судья допрашивалъ тебя?—первый прервалъ молчаніе панъ.

— Да все о томъ же несчастномъ грабежѣ; какъ онъ произошелъ?

— Ну и что жъ?

— Да что жъ? Разказалъ я ему все какъ было, да и все тутъ. Записалъ показаніе и велѣлъ увести.

— Ну, а теперь разкажи и намъ, какъ все это было.

— Дат, акъ было! Вы вѣдь знаете, какое было мое житье у Мошки. Не хотѣлъ я дольше у него оставаться, а послѣ того раза боялся и напоминать про мои бумаги, думалъ: какъ бы и въ правду онъ не сжегъ ихъ. Вотъ я и придумалъ украсть ихъ. Мнѣ легче было добраться до чуланчика, чѣмъ чужому вору, собаки меня знали, да и мнѣ самому извѣстны были всѣ ходы въ корчмѣ и всѣ привычки семьи. Прежде хотѣлъ я выграсть у Мошки ключи, только онъ, видно, пронюхалъ что-нибудь, такъ какъ носилъ ихъ всегда при себѣ или пряталъ куда-то, гдѣ не имѣлъ возможности ихъ найти. А меня жгла горячка съ той самой минуты, какъ только я порѣшилъ добыть мои документы! Ни о чемъ другомъ я ужъ больше не могъ и думать. Да и что было долго раздумывать? Разъ ночью, когда всѣ уже спали, проворно выпилилъ я бревно около двери,—весь чуланъ былъ выстроенъ изъ бревенъ,—влѣзъ туда, взялъ свои бумаги, потомъ вставилъ бревно на прежнее мѣсто и прикрѣпилъ его какъ могъ; вотъ и все.

— Пустякъ!—буркнулъ панъ.

— Какъ только добылъ я бумаги, не взглянулъ даже на нихъ, не развязывая шнурка, которымъ они были обвязаны, обернулъ тряпкой, спряталъ за пазуху, и ушелъ изъ Мошкинаго дома.

— Куда теперь идти?—подумалъ я.—Страхъ меня забралъ. А вдругъ Мошка обманулъ меня, показавъ совсѣмъ другія,

чужія бумаги за мѣсто монхъ! А вдругъ въ потемкахъ взялъ я не тотъ свертокъ? Нужно съ кѣмъ-нибудь посовѣтоваться, что въ такомъ положеніи слѣдуетъ мнѣ дѣлать? Переночевавъ въ первомъ попавшемся стогѣ сѣна, пошелъ я на другой день къ знакомому кузнецу и рассказалъ ему все. Онъ первый облилъ меня холодной водой.

— Худо, хлопче, ты сдѣлалъ,—говорить—иди сейчасъ къ войту, признайся во всемъ и отдай ему бумаги.

Закипѣло мое сердце отъ такихъ словъ. Да вижу совѣтъ разумный: рѣшилъ идти. Прихожу къ войту и со двора уже вижу въ окно, на скамейкѣ у стола сидитъ жандармъ.

— То смерть моя!—шепнулъ мнѣ какой-то внутренній голосъ. Обомлѣлъ я совсѣмъ и шагу не могу ступить впередъ. Блеснула мнѣ мысль: „убѣгу“. Но уже было поздно. Войтъ увидѣлъ меня и радостно воскликнулъ:

— Вотъ и онъ самъ. Про волва рѣчь, а онъ и самъ здѣсь.

— Ну, иди же, иди ближе!

Вижу, что все уже вышло наружу, что обо мнѣ уже говорено. Собравъ всю свою отвагу, иду въ хату.

— Какъ тебя зовутъ?—спрашиваетъ жандармъ.

— Юська Штернъ.

— Откуда родомъ?

— Не знаю.

— Ага, значитъ—бродяга!

Закоченѣлъ я на мѣстѣ. Не разъ слышалъ я это страшное слово, слышалъ много страшныхъ исторій про то, что продѣлываютъ жандармы съ бродягами, и всегда этого ужасно боялся. А тутъ, видишь, съ первой минуты и самъ попалъ въ бродяги.

— Вѣдь я здѣшній,—простоналъ я.—Панъ войтъ меня знаетъ.

— Я? тебя?—говорить войтъ.—Врешь, миленькій мой! Знаю тебя въ лицо, знаю, что называешься Юськой и что служишь у Мошки, у корчмара, а кто ты такой и откуда взялся,—не знаю!

— Ага, значитъ вретъ прямо въ глаза!—крикнулъ жандармъ, и сталъ записывать что-то въ свою записную книжку.—Иди сюда,—продолжалъ онъ.—Ближе! Смотри мнѣ въ глаза!

И въ ту минуту, когда я поднялъ на него глаза, онъ тяжелымъ своимъ кулакомъ ударилъ меня прямо въ лицо; я упалъ на полъ, обливаясь кровью.

— Вставай сейчасъ! — крикнулъ на меня жандармъ, — и не смѣй у меня кричать, не то еще больше достанется. А теперь отвѣчай правду на то, что я буду у тебя спрашивать! Ты служишь у Мошки?

— Да.

— Ты обокралъ его?

— Нѣтъ.

— Какъ же нѣтъ?

Опять взглянулъ я на жандарма, стирая кровь съ лица, и опять его ударъ крѣпкимъ кулакомъ повалилъ меня на землю.

— Пане жандармъ, — сказалъ тогда войтъ, пока я копошился, стараясь встать, — я, какъ громадскій войтъ, не могу допустить такого обращенія съ арестантами. Я долженъ присутствовать при составленіи протокола, а при допросѣ я не обязанъ присутствовать. Если вы хотите учить его тому, что онъ долженъ показывать, то выберите для этого другое мѣсто. У меня этого нельзя.

Жандармъ прикусилъ губы, не сказавъ ни слова, всталъ со свамейки, вынулъ изъ своего мѣшка наручники, надѣлъ мнѣ ихъ на руки и повелъ въ корчму къ Мошеѣ. Что тамъ со мною дѣлали, какъ тутъ учили меня отвѣтамъ, не буду и рассказывать. Раза два впадалъ я въ забытье отъ такой науки. Не напрасна была ихъ злость. Причинилъ я имъ большіе убытки. Мошка на первыхъ порахъ сказалъ жандарму, что я укралъ у него большія деньги, завернутыя въ бумаги. Разсчитывалъ онъ, что, когда жандармъ меня схватитъ и приведетъ въ корчму, онъ отыметъ бумаги и сейчасъ же сожжетъ ихъ, а я навѣки останусь его невольникомъ. Какъ только вошелъ я въ корчму, меня спросили о деньгахъ.

— Гдѣ деньги?

— Не знаю, я денегъ не бралъ.

— А гдѣ бумаги?

— Я ихъ спряталъ.

— Гдѣ спряталъ?

— Не скажу.

Стали меня допрашивать, сначала битьемъ, потомъ добрымъ словомъ; я имъ все одно говорю: бумаги я взялъ потому, что они мои. Не успѣлъ разсмотрѣть, что въ нихъ есть. Спряталъ я ихъ и не покажу никому, кромѣ войта.

Мошка чуть не сошелъ съ ума. Со злости велѣлъ стащить съ меня сапоги и одежду и надѣть эти лохмотья. Изби-

таго и почти голаго повели меня въ войту. Опять стали меня спрашивать о бумагахъ. Но я не дуракъ:—какъ только увидѣлъ, что въ хатѣ много свидѣтелей, я пошелъ въ сѣни и вытащилъ изъ щели бумаги. У войта сѣни были темныя и большія. Идя въ хату и увидѣвъ жандарма, я и спряталъ ихъ туда, чтобъ не отняли. Какъ только Мошка увидѣлъ свертокъ въ рукахъ жандарма, винулся на него, какъ вронъ, крича, что тутъ его деньги, чтобъ ихъ ему отдали.

— Го, го, пане Мойша, — сказалъ войтъ, — нѣтъ, такъ нельзя. Мы все должны доставить въ судъ. Составимъ протоколъ, и разъ хлопецъ признается, что укралъ свертокъ у васъ, то уже дѣло суда рѣшать, чему быть дальше. Запечатемъ мы все громадскою печатью, и панъ жандармъ все, вмѣстѣ съ арестантомъ, доставить во Львовъ. А вы уже въ судъ будете доискиваться правды.

Мошка мой такъ сморщился, точно выпилъ цѣлую кварту своей водки. Только никто не обратилъ на это вниманія. Жандармъ сталъ писать протоколъ. Когда все было написано, войтиха дала мнѣ немного поѣсть, жандармъ опять надѣлъ на меня наручники, и мы вышли на Львовскую дорогу. Думалось мнѣ, что я совсѣмъ пропаду гдѣ-нибудь, отъ боли и холода на этой дорогѣ, да и теперь самъ не знаю, какъ я ее выдержалъ. Ой, пане, какъ вы думаете, что теперь со мной будетъ?

— Ничего не будетъ, — отвѣчалъ панъ Журковскій. — Посидишь немного и выйдешь на волю. А кто знаетъ, не послужить ли еще тебѣ на пользу вся эта исторія?

— А какъ такъ?

— Ну, это мы увидимъ. Никогда человѣкъ заранѣе не знаетъ, что его ждетъ.

V.

Черезъ два или три дня кличутъ Іоську, только не въ судъ, а къ доктору. Что это значитъ, думаю я себѣ. Вѣдь онъ не жаловался на болѣзнь.

— Самъ не жаловался,—да еслибъ и пожаловался, то ему это ни къ чему не послужило бы; но я за него пожаловался. Былъ я въ воскресенье у предсѣдателя суда, и попросилъ его велѣть врачу осмотрѣть Іоську. Страшное дѣло, что тутъ только дѣлается! Дальше такъ идти не можетъ.

И въ самомъ дѣлѣ, докторъ велѣлъ Іоськѣ раздѣться и составилъ протоколъ. Что изъ того вышло—не знаю. Въ на-

шихъ судахъ такія дѣла подвигаются очень медленно, и не всякій такъ счастливъ, чтобы скоро дожидаться рѣшенія.

Между тѣмъ, панъ говоритъ какъ-то Іоськѣ:

— Слушай, хлопецъ, не хочешь ли, чтобы я научилъ тебя читать?

Вытаращилъ Іоська глаза на пана.

— Ну, что жъ ты такъ смотришь? Разъ у тебя есть охота, дня за два и выучишься. А какъ увижу, что не врешь, что память у тебя хорошая, то устрою такъ, чтобы тебя приняли въ ремесленную школу, а тамъ научишься тому ремеслу, какому захочешь.

— Ой пане!—крикнулъ Іоська и бухнулся пану въ ноги, заливаясь слезами. Больше ничего не могъ сказать, и только цѣловалъ пановы руки.

На другой день принесли пану букварь, и онъ сталъ учить Іоську читать. За два дня мальчикъ зналъ уже всѣ буквы, и умѣлъ ихъ складывать, а черезъ недѣлю читалъ коротенькіе отрывки довольно плавно. Вцѣпилъ за книжку по пословицѣ, какъ котъ за сало. Читалъ днемъ, читалъ бы и ночью, да огня-то у насъ не было. Едва могъ на минуточку оторваться.

А когда смеркалось, и читать болѣе не было возможности, Іоська садился въ уголокъ на своемъ сѣнникѣ, обхватывалъ руками колѣни и начиналъ рассказывать сказки. Зналъ онъ ихъ безъ конца, и хотя рѣчь у него шла все объ однихъ и тѣхъ же привлеченіяхъ и чудесахъ, но онъ всегда умѣлъ пересказывать ихъ на новый и новый ладъ. Иной же разъ прямо-таки замѣтно было, что подъ видомъ сказки онъ передаетъ намъ свои собственныя мечтанія. Рассказывалъ онъ разъ про бѣднаго хлопца, который въ своей горькой жизни встрѣчаетъ добраго волшебника, научается отъ него заговорахъ и заклинаніямъ, и идетъ искать по свѣту счастья и помогать другимъ сдѣлаться счастливыми. Трогательными и вмѣстѣ простыми словами рисовалъ онъ его страданія и муки, встрѣчи съ жандармами, кабалу у корчмаря. Во всемъ этомъ онъ очень занимательно перемеживалъ то, что говорится въ сказкахъ, съ тѣмъ, что самъ вынесъ изъ опыта своей жизни.

Никогда еще не видѣлъ я хлопца, который такъ горячо брался бы за книжку, какъ Іоська. Видно было, что за какія-нибудь двѣ недѣли онъ хотѣлъ наверстать то, что потеряно было въ теченіи многихъ лѣтъ. Осенніе дни были такіе

короткіе, и это всего больше сердило Іоську; къ тому же, въ камерѣ очень скоро смеркалось. Единственное наше оконце, обращенное на западъ и находящееся у самаго потолка, скудно пропускало свѣтъ, да и то только около полудня; въ четвертомъ часу уже нельзя было читать; а Іоська радъ бы былъ удвоить продолжительность дня. Разъ какъ-то онъ вдругъ радостно воскликнулъ:

— Нашелъ! Буду читать у окна. Тамъ и свѣтаетъ раньше и дольше видно, чѣмъ въ камерѣ.

— Неудобно будетъ тебѣ читать, стоя на нарахъ,—говорю я ему,—да и все-же-таки для тебя будетъ еще слишкомъ высоко.

— Сидѣть буду такъ высоко, какъ мнѣ надо будетъ!—говоритъ онъ.

— Какъ же ты сдѣлаешь?

— Привяжу одѣяло двумя концами къ рѣшеткѣ, сверну въ трубку подстилку, положу на одѣяло и буду сидѣть верхомъ, какъ на сдѣлѣ.

И правда, изобрѣтеніе было очень практичное, и съ тѣхъ поръ многіе въ тюрьмѣ стали такъ дѣлать. Нѣсколько дней Іоська точно приросъ къ окну. Вставалъ часу въ шестомъ, какъ только свѣтъ забрежжетъ, мастерилъ свое сооруженіе, взбирался на него и, стараясь какъ можно больше захватить свѣта божьяго, прислонялся лбомъ къ самой рѣшеткѣ, не отрывая глазъ отъ книги. Мы съ паномъ всегда старались при этомъ прислушиваться къ движенію въ корридорѣ и предупреджали Іоську, когда надзиратель собирался отворять дверь нашей камеры. Іоська быстро слѣзалъ и снималъ свое приспособленіе, такъ какъ глядѣть въ окна арестантамъ строго воспрещалось. Намъ долго удавалось такимъ образомъ уклоняться отъ надзора, хотя могло быть, конечно, что надзиратель, питая уваженіе къ пану Журковскому, не очень уже строго относился къ тому, что дѣлалось въ нашей камерѣ.

Бѣда пришла съ другой стороны.

Кромѣ надзирателя въ корридорѣ, подъ нашими окнами ходилъ часовой съ ружьемъ. Часовому этому всегда отдавался строгій приказъ присматривать за арестантами и не допускать, чтобы они глядѣли въ окна, а въ особенности чтобы между собой черезъ окна не переговаривались. По воинскому уставу, часовой, въ случаѣ непослушанія, обязанъ стрѣлять въ неповинующагося. Правда, до сихъ поръ такого случая не было. Надо было, чтобы произошло нѣчто совѣмъ ужь особенное, способное заставить часового сойти съ своего

мѣста и доложить караульному офицеру о неповиновеніи арестантовъ. Старые солдаты хорошо понимаютъ, что приказъ одно, а исполненіе другое, а потому, привыкли не слишкомъ строго относиться къ тому, что дѣлалось въ тюрьмѣ. Иные позволяли всякіе разговоры; какъ говорится, были глухи и слѣпы ко всему. Другіе ласково упрашивали арестантовъ быть потише. Всего хуже было, когда на часахъ стоялъ новобранецъ, который всегда почти боялся капрала больше огня. Въ качествѣ новенькаго, онъ, разумѣется, понималъ всякій приказъ совершенно буквально. Если велѣно ему „смотреть въ оба“, онъ это понималъ такъ, что всякаго арестанта, который покажетъ голову въ окнѣ, надо обругать самыми скверными словами, донести капралу, или схватиться за ружье. Такимъ, чрезмѣрно усердствующимъ, арестанты мстили тѣмъ, что на ихъ дежурствѣ, въ особенности по вечерамъ, подымали страшный крикъ изъ оконъ, такъ что бѣдняга чуть не сходилъ съ ума. На всякій крикъ изъ оконъ отвѣчалъ онъ крикомъ и бранью. А такъ какъ арестантовъ было много, а онъ одинъ, то послѣ нѣсколькихъ минутъ отчаяннаго галдѣнья онъ окончателно терялся и хватался за карабинъ. Само собой разумѣется, что въ ту же минуту окна камеръ, навлекшихъ его гнѣвъ, пустѣли, и гвалтъ начинался въ другомъ концѣ длиннаго тюремнаго зданія; часовой, какъ травленный звѣрь, бросался туда и опять грозилъ карабиномъ, съ тѣмъ же успѣхомъ.

Крикъ поднимался обыкновенно по вечерамъ, а иногда и днемъ. На бѣду, однажды отъ 3-хъ до 5-ти стоялъ на часахъ несчастный новобранецъ. Съ самаго начала обругалъ онъ одного арестанта, который глядѣлъ въ окно. Дали знавъ, чтобъ ревнителю порядка устроить „копачью музыку“. На разныхъ концахъ тюремнаго двора изъ всѣхъ оконъ заразъ раздались: крикъ, визгъ, свистъ и протяжное мяуканье. Часовой сталъ кричать во все горло, бѣгалъ подъ всѣми окнами, но никого замѣтить не могъ. Доведенный до бѣшенства, онъ остановился, чтобы отдохнуть. Скоро замолегла и „копачья музыка“. Казалось, наступило полное спокойствіе. Въ камерѣ уже смеркалось, Іоська устроилъ свой помостъ и съ книжкою въ рукахъ такъ и принялъ къ окну. Едва успѣлъ прочитать себѣ подъ носъ слова два, три, какъ часовой, замѣтивъ его, подскочилъ къ окну.

— Маршъ, негодяй, отъ окна!—крикнулъ онъ ему.

Іоська за первымъ разомъ не слыхалъ крику, до того былъ

онъ живо заинтересованъ разговоромъ о цаплѣ и рыбѣ, за который только-что принялся, и еще не успѣтъ одолѣть.

— Маршъ отъ окна!—еще громче крикнулъ часовой.

— Да чего ты отъ меня хочешь?—отвѣчалъ Іоська.—Я вѣдь тебя не трогаю. Развѣ не видишь, что я читаю. Въ камерѣ темно, и я вылѣзъ немного къ свѣту.

— Иди прочь, а то выстрѣлю!—заревѣлъ часовой, и не успѣлъ Іоська слѣзть со своего сидѣнья, какъ грянулъ выстрѣлъ.

— Ой!—вскрикнулъ Іоська и, какъ снапъ, упалъ на мою постель, которая была подъ окномъ. Ноги его судорожно подергивались, и руки, въ которыхъ была книжка, прижаты были къ груди. Изъ подъ корешка книжки лилась кровь. Пуля попала прямо въ грудь.

— Что съ тобой? Куда попало?—крикнули мы оба, кидаясь къ Іоськѣ. Онъ ничего не отвѣчалъ, черные глаза его блестя, какъ два раскаленныхъ угла, а лицо было блѣдно, какъ у трупа.

Подъ окномъ и въ корридорѣ у нашихъ дверей слышались голоса. Караульные выбѣжали на выстрѣлъ. Надзиратель и сторожа искали камеры, въ которую стрѣляли. Направились къ намъ.

— Ага, здѣсь!—крикнули они, видя лежащаго Іоську.—А что, вориска, жиденокъ, досталось тебѣ на орѣхи?

Іоська метался и тихо стоналъ, все прижимая книжку обѣими руками къ груди, точно хотѣлъ прикрыть ею смертельную рану.

— Что онъ сдѣлалъ?—спросилъ меня надзиратель.

— Да... я... только... къ свѣту...—Хотѣлъ онъ еще что-то сказать, но не хватило силъ. Съ протяжнымъ вздохомъ онъ протянулъ руки и показалъ надзирателю окровавленный букварь.

— Онъ читалъ у окна,—пояснилъ я ему.

Въ ту же минуту вошелъ въ камеру сторожъ изъ суда съ бумагами, искавшій надзирателя.

— Панъ надзиратель,—услышали мы,—гдѣ тутъ сидитъ Іоська Штернъ? Есть предписаніе изъ суда, чтобъ выпустить его на волю.

А Іоська за минуту передъ тѣмъ уже былъ на волѣ.

ВОСКРЕСНЫЯ ЧТЕНІЯ ВЪ СЕЛЬСКОЙ ШКОЛѢ.

(Изъ записной книжки народнаго учителя).

I.

Въ 1891 году, въ нашей деревнѣ была открыта земская школа, а учителемъ въ нее назначенъ я. Съ пыломъ двадцатилѣтняго юноши принялся я за дѣло. Мой родственникъ, выстроившій школу, обставилъ ее довольно удовлетворительно, да и земство подъ его давленіемъ снабдило меня достаточнымъ количествомъ учебниковъ, такъ что почти каждый ученикъ имѣлъ отдѣльныя книги, а это страшная роскошь. Крестьяне тоже сочувственно отнеслись къ школѣ. Въ первые же дни она была переполнена желающими, и многимъ, скрѣпя сердце, приходилось отказывать. Приходить, напримеръ, баба и приводить съ собой дѣвочку.

— Сдѣлай милость, посади ее куда-нибудь,—просить баба.— Дѣвка просто не даетъ проходу, ревмя реветъ, отведи въ школу да и только.

— Да, вѣдь я же тебѣ, тетка, сказала, мѣста нѣтъ.

— А ты, сдѣлай милость, посади. Мы ужъ у тебя въ долгу не останемся, поблагодаримъ... Дѣвкѣ мѣста немного надо, пожмутся ребята, глядишь, уголокъ и опростается, а то и постоитъ,— это ничего.

Во время этого разговора дѣвочка стоитъ въ выжидательномъ положеніи, держась одной рукой за фартукъ или кацавейку матери, а другою прикрывая лицо, глазами же такъ искоса поглядываетъ на тебя, что едва-ли у кого хватить духу отказать въ такой просьбѣ. И ребята тѣснились, а счастливица буквально втискивалась въ найденное мѣсто.

Почти всѣ ребята шли въ школу охотно, по своей волѣ, не смотря на то, что равьше имъ солоно доставалась наука отъ мѣстныхъ доморощенныхъ педагоговъ, которые до открытія школы подвизались въ нашей деревнѣ. Однимъ изъ нихъ былъ какой-то

пришлый солдатъ. Онъ бралъ съ každаго ученика 1—2 руб. и, кромѣ того, пользовался столомъ и угломъ по очереди у всей деревни. Каждые три дня онъ перекочевывалъ изъ одной избы въ другую, а за нимъ тянулись и ученики. Со своими питомцами онъ обращался очень жестоко. Краеугольнымъ камнемъ его педагогической системы была плеть, которая, какъ онъ говорилъ, «внушала уваженіе къ наукѣ и страхъ къ учителю». Чтобы внушить этотъ страхъ, онъ становился у дверей и встрѣчалъ и провожалъ учениковъ ударами плети, зато и ученики издѣвались надъ нимъ, когда онъ мертвецки напивался пьянъ. Другимъ учителемъ была крестьянка. Грамота въ ея семействѣ передавалась по наслѣдству чуть не изъ пятого колѣна. Она учила только читать, такъ какъ писать и сама не умѣла. Мы съ ней познакоимся ниже. Какое ученье было у этихъ учителей, можно судить по тому, что ученики бѣгали къ нимъ по двѣ, по три зимы и еле научались читать. Но какъ ни плоха была эта наука, все-таки и она принесла долю пользы, давъ деревнѣ нѣсколькихъ грамотныхъ мужиковъ, которые впоследствии сдѣлались наиболѣе усердными посѣтителями моихъ чтеній.

II.

Еще до назначенія въ учителя я начертилъ себѣ самый обширный планъ дѣйствій, въ которомъ на первомъ мѣстѣ стояли воскресныя чтенія, но за разными школьными и домашними дѣлами мнѣ не удавалось начать ихъ.

Осень приближалась къ концу. Полевая работа давно кончилась, и крестьяне начали управляться «по домашности»: кто молотилъ новину, кто крылъ новой соломой избу, а кто готовился въ извозъ. Но вотъ наступила и зима, деревня сразу какъ-то притихла, замерла. На улицѣ не видно было ни ребятъ, ни взрослыхъ, всѣ забились въ избу, на печь, отдыхать отъ страднаго гѣта, и только по воскресеньямъ деревня немного оживала, да и то лишь въ двухъ мѣстахъ: у колодцевъ, гдѣ молодежь пѣла пѣсни, да въ трактирѣ, въ которомъ взрослые баловались чайкомъ и водочкой, калякая о разныхъ мірскихъ дѣлахъ, объ урожаѣ, цѣнѣ на хлѣбъ и т. п.

Разъ, когда я занимался въ училищѣ, ко мнѣ зашелъ одинъ знакомый крестьянинъ. Помолясь на икону, онъ поздоровался со мной, кивнулъ головой ученикамъ и сталъ у притолки. Я предложилъ ему сѣсть.

— Благодаримъ покорно, мы и такъ постоимъ, дѣло привычное.

Урокъ продолжался. Ученики читали и рассказывали, а мой гость внимательно слушалъ.

— Какъ у тебя хорошо,—началъ онъ, когда послѣ урока мы съ нимъ ушли въ мою комнату.—И свѣтло-то, и просторно, и слушать такъ лестно, ты ужъ позволь мнѣ почаще къ тебѣ заглядывать, а то дома ужъ больно тѣсно, да и скучно. Вѣдь теперь только и дѣла, что на печи валяешься, да лапотъ ковыряешь. Скука до того одолѣла, что вотъ пришелъ къ тебѣ попросить книжку, все отъ нечего дѣлать считаешь, благо Богъ умудрилъ грамотѣ.

Эти простые слова были для меня жесточайшимъ укоромъ, такъ какъ я, не смотря на свои благія намѣренія, до сихъ поръ не нашелъ времени устроить чтенія. Не откладывая въ дальній ящикъ, я въ тотъ же день ошовѣстилъ крестьянъ, чтобъ въ воскресенье приходили слушать.

Но что читать? Этотъ вопросъ заставилъ меня глубоко задуматься. Много книгъ я перебралъ и, наконецъ, остановился на рассказѣ Л. Толстого «Богъ правду видитъ, да не скоро скажетъ».

Когда въ воскресенье я подходилъ къ училищу, около него толпилась масса ребятишекъ, которые, какъ пчелы, лѣзли въ двери, но гонимые оттуда старшими, лѣпились къ окнамъ, чтобы хоть однимъ глазкомъ посмотреть, что будетъ тамъ твориться. На чтеніе народу пришло очень много. Большая классная комната и прихожая биткомъ были набиты слушателями, тутъ были и безусые парни, и сѣдовласые старики, и дѣвки, и бабы.

— А мы тебя заждались, видно рано пришли.

Послѣ нѣсколькихъ вступительныхъ словъ я хотѣлъ-было приступить къ чтенію, но не успѣлъ еще открыть книги, какъ ко мнѣ протискался деревенскій пьяный кузнецъ, Шураль, и, подавая какую-то засаленную книгу, началъ:

— Вотъ, я принесъ, Егорычъ, книжку, почитай намъ, ужъ больно хороша! Я нѣсколько разъ перечитывалъ ее.

Я взялъ, но сейчасъ же отдалъ назадъ; это была пресловутая повѣсть объ «Англійскомъ милордѣ Георгѣ». Мой отказъ не понравился кузнецу, и онъ сначала тихо, а потомъ все громче и громче сталъ высказывать свое неудовольствіе. Сосѣди уговаривали его замолчать, но онъ не слушалъ ихъ, и мнѣ пришлось самому попросить его уйти. Вся эта сцена произвела на меня непріятное впечатлѣніе; это замѣтили присутствовавшіе и начали за него извиняться:

— А ужъ ты извини его. Знамо, бухнулъ съяна. Намъ какъ

*

попадетъ муха, мы и пойдѣмъ колобродить, а вотъ завтра проспится—самъ придетъ прощенія просить.—И правда, на другой день кузнецъ пришелъ съ извиненіемъ. Впослѣдствіи онъ сдѣлался постояннымъ посѣтителемъ моихъ чтеній, и пьянымъ никогда не являлся.

Наконецъ, чтеніе началось. Въ комнатѣ все затихло и только мой голосъ, да вздохи бабъ на патетическихъ мѣстахъ разсказа нарушали тишину. Когда я дошелъ до того мѣста, какъ Аксенова сослали въ Сибирь, кто-то въ заднихъ рядахъ замѣтилъ:

— Видно, не даромъ говорится, что отъ тюрьмы да отъ сумы не уйдешь.

Пользуясь случаемъ, я, было, хотѣлъ заставить моихъ слушателей высказаться по поводу разсказа, но моя попытка не удалась. На всѣ мои разъясненія они хоромъ отвѣчали «это точно», когда же я спрашивалъ ихъ мнѣнія, они также отвѣчали: «куда намъ, мы люди темные, вамъ виднѣе». Такіе отвѣты были вполнѣ естественны, такъ какъ большинство слушателей не только не умѣли читать, но даже и чтенія не слышали, а болѣе развитые стѣснялись.

Чтеніе очень поправилось, и почти цѣлую недѣлю въ деревнѣ только и было разговоры, что о немъ. Бабы, эти каторжныя работницы, по уши загрязшія въ морѣ домашнихъ заботъ и горя, и то частенько разсуждали у колодца о слышанномъ въ школѣ.

Черезъ нѣсколько чтеній составъ постоянныхъ слушателей выяснился, а вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнился и характеръ нашихъ бесѣдъ. Осталось человѣкъ 20—25, которые аккуратно приходили каждое воскресенье. Рѣдкое чтеніе не проходило безъ споровъ.

Разъ по поводу книжки Погоссакаго «Судъ людской—не Божій» дѣло чуть-чуть не дошло даже до драки. Книжка состоитъ изъ двухъ частей: въ первой разсказывается о судѣ Иисуса Христа надъ грѣшницей, во второй—въ параллель представленъ судъ людской. Жена крестьянина, выведенная изъ терпѣнья распутной жизнью мужа и звѣрскимъ обращеніемъ, бѣжитъ отъ него въ городъ, но на дорогѣ ее ловятъ и доставляютъ къ супругу. Извергъ посадилъ ее въ телѣгу, повезъ деревней и билъ на глазахъ у собравшагося народа. Никто не выискался защитить несчастную. Всѣ хотя и жалѣютъ, но признаютъ, что мужъ поступаетъ правильно.

Большинство моихъ слушателей держалось того же мнѣнія. Такое мнѣніе возмутило тетку Арину, бабу глѣтъ тридцати, очень умную и бойкую. Она-то и учила раньше ребятъ грамотѣ.

— Что же, по твоему, слѣдуетъ бѣгать?—возражалъ ей Шураля

тотъ самый мужикъ, который на первое чтеніе пришелъ пьяный.— Бабама дай только повадку, такъ онѣ со свѣта сживуть... Ишь что выдумала—бѣгать, точно барыня какая! Это только барамъ приличествуетъ, у нихъ сердце непереносное, а нашему брату надо всегда терпѣть...

— Ахъ, ты безстыжія бѣльмы! Что онѣ говоритъ! Что жъ, по твоему, баба—скотина, надъ ней и можно издѣваться при всемъ честномъ народѣ? Вѣдь мы также сотворены, тоже въ церковь ходимъ, да и не меньше вашего и работаемъ.

— А ты, тетка Арина, не горячись! что ругаться, лучше дѣломъ говори,—преважъ ее староста, пожилой мужикъ, пользующійся въ деревнѣ славой хорошаго хозяина, не брезговавшего и принажать при случаѣ своихъ должниковъ.— Ты говори прилично, вѣдь въ общественномъ мѣстѣ находишься.

— Какъ же, дядя Степанъ, не горячиться, когда этотъ проль говоритъ...

— А ты опять. Что же, онѣ говоритъ правду, — бабу нужно учить, но не такъ, какъ этотъ, нужно учить по законному: привелъ бы ее въ избу да тамъ маленько и поучилъ бы, чтобы дуръ выбить... А при людяхъ не годится, потому баба скоро стыдъ потеряетъ. Поколотишь ее такимъ манеромъ разокъ — другой, а тамъ ужъ она и безъ боя побѣжитъ по деревнѣ съ крикомъ мужа на всѣ корки ругать, своей бѣдой похваляться...

Другой разъ заспорили объ отношеніи родителей къ сыновьямъ и дочерямъ. Тетка Арина опять защищала женщинъ, а староста снова возражалъ ей.

— Пустое ты, баба, мелешь. Развѣ можно равнять сына съ дочерью? Сынъ растеть — работникъ будетъ, наследникъ, его и нужно ублажать, а дочь что? — чужая работница. Выросла, вышла замужъ, только и видѣли.

— Это ты, дядя Степанъ, все по житейскому разсуждаешь, а о Богѣ забываешь, — вмѣшался въ разговоръ деревенскій книжникъ, который въ рѣдкихъ случаяхъ вставлялъ свое слово, но зато съ такой увѣренностью и такъ положительно, что рѣдко кто рѣшался возражать.— Что ты все о земномъ? Вѣдь не вѣкъ остаешься на землѣ, надо помыслить и о небесномъ... Ты возьми во вниманіе вотъ что: кто будетъ за насъ грѣхи замаливать, сыновья или дочери? и выйдетъ, что дочери. Выйди въ родительскую на кладбище и посмотри, кто панихидки по покойникамъ служитъ? Баба молитвой да милостыней поминаетъ, а мужикъ въ трактирѣ чайкомъ да водочкой.

Успѣхъ чтеній былъ такъ очевиденъ, что въ деревнѣ напи-

лись люди, пожелавшіе утилизировать ихъ. Въ одно прекрасное утро приходитъ ко мнѣ нашъ деревенскій трактирщикъ, собственно содержатель чайной, такъ какъ водку онъ продавалъ контрабандой.

— Пришелъ къ вамъ, Гр. Ег., съ просьбицей. Посоветуйте, какую бы газетку мнѣ для заведенія выписать?

— Какъ газету? Кто же ее будетъ у тебя читать?

— А мы подговорили одного солдатика, онъ по вечерамъ и будетъ читать... Все пріятнѣе посѣтителемъ чаекъ кушать. У насъ, какъ въ столицѣ будетъ, — съостригъ онъ... — Да вотъ еще хотѣлъ васъ попросить, не можете ли и вы по воскресеньямъ принимать участіе? Вамъ вѣдь все равно, гдѣ ни читать, лишь бы слушали, а мы передъ вами въ долгу не остались бы, прилично вознаградили бы...

Я, конечно, наотрѣзъ отказался, хотя мысль его и показалась мнѣ очень дѣльной. Правда, отчего бы не устроить въ деревнѣ чайной, гдѣ бы по вечерамъ читались дѣльныя книжки? Такая чайная имѣла бы громаднѣйшій успѣхъ между крестьянами и была бы могущественнымъ противникомъ кабака, куда часто идутъ не съ цѣлью напиться, а чтобы на людяхъ въ свѣтлой просторной комнатѣ хоть сколько-нибудь забыться отъ той ужасной обстановки, въ которой часто находится дома мужикъ. Нашимъ устроителямъ обществу трезвости слѣдовало бы обратить вниманіе на этотъ простой планъ кабатчика....

III.

Освоившись съ чтеніями и изучивъ моихъ слушателей, я рѣшилъ прочесть имъ что-нибудь изъ Некрасова. Задумано — сдѣлано. Въ первое же воскресенье, когда явились слушатели въ полномъ составѣ, я развернулъ собраніе сочиненій на поэмѣ «Морозъ, Красный носъ». Но прежде чѣмъ приступить къ чтенію, я вкратцѣ ознакомилъ крестьянъ съ біографіей поэта.

Съ первыхъ же строкъ мои слушатели заинтересовались, и это, какъ въ зеркалѣ, отразилось на ихъ простыхъ лицахъ, неуѣвнившихъ скрывать своихъ чувствъ. Характеристика русской женщины, духовная мощь крестьянки ускользнула отъ ихъ вниманія, и только описаніе внѣшней красоты и физической силы вызвало кое-какія замѣчанія.

— Теперь ужъ такихъ бабъ нѣтъ, — замѣтилъ староста. — Народъ измельчалъ, силы противъ прежняго втрое не стало, а все отъ того, что народъ избаловался. Развѣ въ былое время слышно было о такихъ дебошахъ, развѣ въ наше время парни были такая вольница, какъ теперь? Бывало, выйдешь на гульбище, такъ сердце

радуется, какъ все идетъ благопристойно. Парни коренастые, въ поддевахъ, дѣвки въ сарафанахъ съ прозуменами, а теперь что?.. Парни спинжаки какіе-то надѣли, а что на дѣвкахъ и назвать не умѣю. А опять пѣсни! У насъ все пѣлось въ ноту, какъ затянуть, такъ и идетъ плавно, а у этихъ,—онъ указалъ на парней, пришедшихъ на чтеніе,—тинь да блинь, а объ словахъ я говорить нечего: соблазнъ одинъ.

— Это точно,—поддержалъ его дядя Аванасій, тотъ книжникъ, который въ разговорахъ опирался на Священное Писаніе.—Это ты точно говоришь — соблазнъ одинъ насталъ. А все отъ того, что народъ отъ Бога отдаляться началъ, святое писаніе чтить пересталъ... Образованность одолѣла; мальчишка выучится грамотѣ, первымъ дѣломъ берется за пѣсенникъ, а не то, чтобы за божественную книжку... Ихъ, должно быть, такъ учать...

— Нѣтъ ужъ ты, дядя Аванасій, образованность оставь; тутъ наука не причесть, а скажи, что насъ великатная жизнь губить... Вотъ мы съ тобой какъ цѣлую жизнь за матушку соху держимся, такъ крѣпко и сидимъ, голодны не бываемъ и законъ Божій блюдемъ... А что образованность, такъ это намъ ничего, кромѣ пользы, не приноситъ. Это я тебѣ на дѣлѣ докажу. Вотъ я—глупый мужикъ, прочелъ въ книжкѣ, что плужкомъ да желѣзной бороной способиѣ работать, и завелъ. Другое дѣло—клеверъ, у васъ на усадьбѣ овца не нагуляется, а я пудиковъ сто, а то и болѣе накашиваю...

— Что ты намъ своими плужками въ носъ тычешь? Отъ твоихъ новшествъ скоро земля родить перестанетъ, отъ нихъ вѣдь она, матушка, холодѣетъ...

Споръ грозилъ затянуться до безконечности, такъ какъ оба попали на любимыхъ коньковъ и готовы были спорить до ночи.

Чтобы прекратить его, я началъ читать дальше.

Въ селѣ за четыре версты,
У церкви, гдѣ вѣтеръ шатаетъ
Подбитые бурей кресты,
Мѣстечко старикъ выбираетъ...

Всѣ обратились въ слухъ:—

Мать сыну то гробъ покупала,
Отецъ ему яму копалъ.
Жена ему саванъ спивала,
Всѣмъ разомъ работу вамъ далъ,—

читалъ я, а мои слушатели волновались, гдѣ-то въ углу всхлипывала баба.

— Вишь, даже убогенькій и тотъ пожалѣлъ...

Голубчикъ, ты нашъ связокрылый,
Куда ты отъ насъ улетишь?

Пригожествомъ, ростомъ и силой
Ты ровни въ селѣ не имѣлъ,
Родителямъ былъ ты совѣтникъ,
Работничекъ въ полѣ ты былъ,
Гостямъ хлѣбосоль и привѣтникъ,
Жену и дѣтей ты любилъ.

— Вишь, какъ надрываются, сердечные, какъ складно голосятъ, чай и покойничку пріятно слушать...

Шураль сидѣлъ нахмурившись, даже и онъ взгрустнулъ, не смотря на похвальбу, что его никакое чтеніе не разжалобитъ,— надъ выдумкой-де нечего грустить.

— Всѣ мы такъ,— бурчалъ онъ себѣ подъ носъ,— пока живъ, и такой и сякой, не знаютъ какъ обругать, а подохнешь, и начнутъ причитывать—и голубчикъ-то, и привѣтникъ...

Ну трогай, саврасушка, трогай!
Натягивай крѣпче гужи!
Служилъ ты хояину много,
Въ послѣдній разокъ послужи!

Описаніе покупки лошади, болѣзни и смерти хозяина было прослушано въ глубокомъ молчаніи. Когда же я кончилъ главу словами: «и умеръ» — всѣ разомъ заговорили. Всѣ жалѣли Прокла вспоминали подобные случаи изъ своей жизни, разсуждали о знахаряхъ, о лѣченіи, примѣтахъ и т. п. Шумъ былъ невообразимый такъ что трудно было разобратъся въ отдѣльныхъ мнѣніяхъ.

Стану безъ милаго жать,
Снопки крѣпко вязать,
Въ снопки слезы ронять...

читалъ я, а кругомъ было такъ тихо, такъ тяжело у всѣхъ на душѣ, что, когда я дошелъ до строкъ:

Что мнѣ до силы нечистой?
Чуръ меня! Дѣвъ Пречистой
Я приношенье несу..

у многихъ на глазахъ показались слезы, которыя удивительно гармонировали съ суровыми лицами слушателей.

— Ипшь ты, нечистая сила стала искушать ее, — замѣтила тетка Арина.

— Полно молоть-то, — остановилъ ее староста.— Чай это не сказку читають, развѣ нечистая сила въявь дѣйствуетъ? Ей это все со страху казалось...

Только ты милости къ намъ не явила
.....
.....
Господи! сколько и дровъ нарубила!
Не увезешь на возу!

— И не замѣтила, какъ за думами работу кончила...

— А мысли-то, мысли, какъ у нея путаются: то вспомнить, какъ хорошо съ мужемъ жила, то смерть... Тяжело ей, сердечной!

— А на святую икону какъ надѣялась! Только, видно, Богу не угодно было...

Каждый высказывалъ свои соболѣзнованія, каждый жалѣлъ ее, какъ будто она была ихъ близкая родственница.

Мѣсто, гдѣ авторъ олицетворяетъ морозъ, было понято въ буквальномъ смыслѣ, и только одинъ староста усумнился. Зато тетка Арина торжествовала:

— Что же, и теперь будешь утверждать, что нечисть въявь не является?

Опять мѣрно, стихъ за стихомъ, пошлое чтеніе. Слушатели всѣ превратились въ слухъ. Рѣчь мороза была прослушана при гробовомъ молчаніи, и когда я кончилъ главу словами:

И такъ то ли любо ей было
Внимать его сладкимъ рѣчамъ,
Что Дарьюшка очи закрыла,
Топоръ уронила къ ногамъ,
Улыбка у горькой вдовицы
Играетъ на блѣдныхъ губахъ,
Пушисты и бѣлы рѣсеницы,
Морозныя иглы въ бровяхъ!!!

и остановился,—молчаніе все еще продолжалось. Видно было, что слушатели всецѣло отдались впечатлѣнію этой захватывающей драмы.

— Замерзла,—замѣтилъ кто-то, съ трудомъ сбрасывая съ себя оцѣпенѣніе.

— И сама за покойничкомъ отправилась.

— Господи, вотъ жизнь-то...

Нѣсколько минутъ продолжался подобный разговоръ, а я молчалъ, боясь разсѣять очарованіе, вызванное этимъ чуднымъ произведеніемъ...

Конецъ ужъ не произвелъ такого впечатлѣнія. Драма разыгралась, была прочувствована и теперь каждый углубился въ себя.

Чтеніе кончилось. Народъ какъ-то нехотя расходился.

— И какъ это Некрасовъ могъ такъ вѣрно все описать?.. Словно самъ въ ихъ школу побывалъ...

— И складно выходитъ, точно пѣсня... Ужъ ты, Егорычъ, въ слѣдующій разъ еще что-нибудь почитай изъ этой же книги,—ворили мужики, прощались со мной.

IV.

На другой день послѣ чтенія приходитъ ко мнѣ староста. Я пилъ чай и предложилъ ему почаевничать со мной.

— Что же... можно...—отчего не раздѣлить компанію: чай на чай, не палка на палку.

Меня удивило, что дядя Степанъ такъ скоро принялъ приглашеніе. Обыкновенно, крестьяне прежде долго отказываются, и только послѣ усиленныхъ просьбъ соглашаются. Поговоривъ о разныхъ деревенскихъ злобахъ дня: скотинѣ, волостномъ судѣ, земскомъ начальникѣ и т. п., дядя Степанъ круто перевелъ разговоръ на чтеніе.

— А мы вчера отъ тебя пошли въ трактиръ чайку попить, такъ и тамъ все говорили объ этомъ рассказѣ... Мужики дюже одобряли... Ну, и споръ же поднялся, чуть-чуть не подрались, ужъ за судомъ къ тебѣ собрались идти, да посовѣстились...

Дядя Степанъ немного замаялся; я тоже молчалъ, похлебывая чай.

Нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе; наконецъ, онъ робко спросилъ:

— А что, по сельскому хозяйству Некрасовъ ничего не писалъ?

— Нѣтъ. Вѣдь онъ поэтъ.

— Стихи, значить, одни писалъ... Жалко... А то я купилъ бы его книжку...

Разговоръ опять замаялся.

— А у тебя нѣтъ его личности, портрета?

Я досталъ съ полки томъ и передалъ его дядѣ Степану. Онъ бережно положилъ его на столъ и сталъ внимательно разсматривать портретъ.

— Ишь ты какой сурезный!—а потомъ добавилъ: бариномъ ходилъ, шапка на немъ дорогая... Какъ это онъ только про насъ все такъ доподлинно узналъ?.. Ты, сдѣлай милость, дай мнѣ ее домой почитать, я тебѣ въ сохранности возвращу...

Я, конечно, не отказалъ и сталъ съ нетерпѣніемъ ждать воскресенья, чтобы узнать результаты самостоятельнаго чтенія. Дни тянулись такъ медленно, что я, наконецъ, не выдержалъ и въ пятницу, подъ предлогомъ, что мнѣ нужна книга для подготовки къ чтенію, отправился къ старостѣ самъ.

Уже смерклось, когда я вышелъ изъ дому, но въ деревнѣ еще не зажигали огней. Я подошелъ къ небольшому домику, на воротахъ котораго висѣла дощечка съ надписью «сельскій староста», и, ставъ на заваленку, заглянулъ въ окно. Въ избѣ было тихо. Небольшая лампа, свѣшиваясь надъ столомъ, тускло освѣ-

щала просторную комнату. Хозяйка что-то хлопотала у печки, мллодуха, понуривъ голову, качала люльку и что-то пѣла, пѣра босыхъ ногъ свѣшивалась съ палатей. Молодежи не видно было, должно быть, еще гуляла на улицѣ. Самъ старикъ, дядя Степанъ, сидѣлъ у стола и внимательно читалъ книгу. Я долго любовался на его смуглое, окаймленное рыжеватыми волосами, вдумчивое лицо; наконецъ постучался.

— Кто тамъ?—окрикнула хозяйка.—Сейчасъ отопремъ,—и она опрометью бросилась въ дверь. Дядя Степанъ бережно закрылъ книгу и положилъ на полку, подъ образа.

— А, Егорычъ! милости просимъ. Самоварчикъ нагрѣть не прикажешь-ли, бабы сейчасъ оборудуютъ.

Мнѣ хотѣлось скорѣе приступить къ допросу, а потому я и отказался отъ чая, но этимъ сдѣлалъ большую ошибку. Крестьяне очень скрытны и не любятъ отвѣчать прямо на задаваемые вопросы, за чаемъ же или водочкой у нихъ языкъ какъ будто развязывается.

— Ну что, нравится книга?

— Ничего... книга хорошая, каждый вечеръ читаю.

— Что говорить про вечера: и дни, и ночи просиживаетъ надъ нею, того и гляди ослѣпнетъ,—внѣшалась хозяйка.

— А ты не въ свое дѣло не суйся,—осадила ее мужъ.—Стой себѣ у печки, да помалкивай.

Видя, что разговоръ не вяжется, я сталъ собираться домой.

— Если тебѣ нужна книга, возьми... Но по голосу и глазамъ видно было, что ему еще не хочется разставаться съ ней. Такъ въ этотъ разъ я и ушелъ ни съ чѣмъ; потомъ ужъ мнѣ старуха его рассказывала:

— Словно бѣлены объѣлся нашъ старикъ—цѣлые дни сидитъ за книгой; задастъ скотинѣ корму и опять за нее... Молитесь, — скажетъ,—бабы, за раба божьяго Николая,—и начнетъ вычитывать какой-то стихъ, а мы, знамо дуры, ничего не понимаемъ... Ходилъ онъ съ этой книгой и къ Аванасью, тотъ только не захотѣлъ читать, а потомъ парней своихъ началъ принуждать прочесть, да извѣстно,—ихъ дѣло молодое, отлыниваютъ...

V.

На второе чтеніе я назначилъ первымъ номеромъ «Коробейники», а въ добавленіе къ нимъ нѣсколько мелкихъ стихотвореній, которыя бы рельефнѣе выдѣлили типы Дарьи (изъ «Мор Кр. Нось») и Катерины (изъ «Коробейниковъ»).

«Коробейники» не вызвали такого сильнаго впечатлѣнія, какъ Морозъ красный носъ», да и не удивительно, такъ какъ въ этомъ

произведеніи нѣтъ той захватывающей драмы, которая въ прош-
лой разѣ такъ мощно покорила ихъ. Но, тѣмъ не менѣе, и «Коробейники» имъ очень понравились, особенно же мѣста, гдѣ опи-
сывается свиданіе въ роцѣ и описаніе торга. Последнее вызвало
взрывъ хохота.

Хорошо было дѣтинущкѣ
Сыпать ласковы слова,
Да трудненько Катеринушкѣ
Парня ждать до Покрова.
Часто въ постелю одинокую
Дѣвка часу не спала,
А какъ жала рожь высокую
Слезы въ три ручья лила! и т. д.

— Ишь ты, сердечная, какъ убивается, друга милого ждавши...
какія пріятныя слова говорить... Эхъ-эхъ... не всѣхъ только такъ
выдаютъ, не всѣмъ такое счастье выпадаетъ... Вотъ насъ не такъ
выдавали... впронемъ,—спохватилась тетка Арина, — нечего Бога
гнѣвить, сжались-слюбилась...

— То-то слубились!.. А мы думали, ты на старости снова
хочешь начать,—шутили надъ ней мужики.

— Знамо, что хорошо, то хорошо!

— Нѣтъ, матушка! это штука барская—по любви жениться, а
намъ работница нужна... Если будетъ здорово работать, да во
всемъ мужу покоряться, то и миръ, да и любовь будетъ у нихъ,—
сказалъ дядя Аванасій.

— Не больно слубишься, — возразилъ молодой парень. Это
былъ первый случай, когда молодежь вступила въ споръ съ ста-
риками. — Не больно слубишься, когда за шиворотъ къ вѣнцу при-
тащатъ, да на постылой окружать... Старики этого не понимаютъ,
не имъ жить. По моему, лучше въ солдаты уйти, чѣмъ на неми-
лой жениться,—отъ солдатчины отдѣлаешься, а съ женой по гробъ
носиться будешь...

— Ишь ты, какой разушникъ выискался! Что жъ—мы хуже
васъ были, или плохо живемъ теперь?

— Отраху въ васъ не стало... Въ наше время за такія слова
ухъ какъ лихо выпороли бы, до новыхъ вѣшниковъ помнилъ бы...

Конецъ «Коробейниковъ» моимъ слушателямъ не понравился.

— Не тѣмъ, я думала, кончится, — говорила тетка Арина. —
Думала, что онъ новую лапушку найдетъ...

— Ничего ты, баба, не понимаешь,—спорилъ кузнецъ. Убий-
ству должно быть, иначе и рассказъ не въ рассказъ былъ бы...
Безъ убійства никакъ нельзя... Только жаль, что парень погибъ.
Чтобы дѣшнику одного старика укокопить, а парнюгу къ Кате-
ринушкѣ отпустить?.. Въ хорошихъ книгахъ всегда благополу-
чіемъ кончается; вотъ хоть взять англійскаго милорда Георга...

— Чего ты со своимъ милордомъ суешься! Неужели онъ лучше Некрасова?

— Да какъ тебѣ сказать... Милордъ, пожалуй, будетъ почище, потому Некрасовъ только объ мужикахъ пишетъ, а тамъ, ты посмотри, кого-кого вѣтъ, и все такія страшныя приключенія, волосъ на головѣ дыбомъ становится... А тутъ что? мы и безъ него знаемъ свою нужду-горюшко...

— Твой милордъ сказка одна,—горячо вступился староста.— Какое намъ дѣло до милорда твоего? Ты намъ наше горе размыкай, вотъ что!.. Некрасовъ, батюшка, тѣмъ и хороше, что насъ любилъ, не брезговалъ нашимъ братомъ и компанію водилъ съ нами, да наше горе описывалъ... Какъ считаешь его стиховъ, такъ словно на сердцѣ легче станеть... А милордъ твой самая пустая книжка будетъ,—баринъ прочтетъ ее и позабудетъ, а то и совсѣмъ не станеть читать, потому онъ самъ по заморскимъ странамъ ѣзжалъ, разные виды видывалъ... А Некрасова почитаетъ,—узнаетъ, какова есть наша жизнь, подумаетъ, пожалѣетъ... Вотъ что ты бери во вниманье... А то—приключенья, убійства!.. Жалко только объ сельскомъ хозяйствѣ ничего онъ не писалъ. Не наученъ, должно быть, былъ, а можетъ, не дошелъ еще: пожилъ бы подольше—написалъ бы...

— Чтѣ и говоришь, башка былъ...

На слѣдующихъ чтеніяхъ я выбиралъ и другія стихотворенія изъ такихъ, конечно, которыя были доступны моимъ слушателямъ, и каждое имѣло болѣе или менѣе успѣхъ, смотря по содержанію. Читалъ ли я «Власа»—слушатели находили подобный типъ и въ своей средѣ; «Калистратушка» со своимъ добродушнымъ юморомъ тоже былъ не чуждъ имъ; «Орина, мать солдатская» была сколкомъ съ какой-то тетки Секлетей, у которой сынъ тоже хворый вернулся со службы,—словомъ, всѣ оказались имъ знакомы, всѣ дороги. Слушателямъ пріятно было видѣть, что ими интересуются, что про ихъ жизнь написаны цѣлыя квиви, и притомъ «такъ-то ли складно»...

Наступившая весна заставила отложить дальнѣйшія чтенія до зимы. Но какъ ни былъ кратокъ мой опытъ, онъ достаточно убѣдилъ меня, что надъ выборомъ матеріала для чтеній мнѣ больше не придется останавливаться. Наша литература представляетъ богатѣйшій источникъ, какъ показалъ примѣръ одного только Некрасова. Моя аудиторія все время была оживлена и заинтересована, и я чувствовалъ себя вполне удовлетвореннымъ.

Гр. Дубовенко

ВЕЛИКІЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

РОМАНЪ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ

А. Валенберга.

ПЕРЕВ. СЪ ШВЕДСКАГО В. ФИРСОВА.

(Продолженіе *).

V.

Уроки музыки вскорѣ начались. Но уже послѣ первыхъ двухъ - трехъ уроковъ въ гостинной госпожи Скогъ, Гильдуръ поняла, что мѣсто выбрано неудачно.

То входила Гертрудъ, которая стѣснила Лену своимъ присутствіемъ, то шумѣли дѣти. Послѣ третьяго урока Бурманъ велѣлъ спросить, не найдетъ ли Гильдуръ болѣе удобнымъ заниматься съ Леной въ ея квартирѣ.

Гертрудъ, которой уже надоѣли однообразныя гаммы, замѣтила, что, пожалуй, тамъ будетъ въ самомъ дѣлѣ удобнѣе, и такимъ образомъ рѣшено было, что уроки будутъ продолжаться у Бурмановъ въ ихъ маленькой гостинной, служившей въ одно и то же время пріемной и столовой.

Сначала уроки давались, какъ было условлено, по два раза въ недѣлю, потомъ участились, и, наконецъ, стали ежедневными. И это произошло не вслѣдствіе увлеченія учительницы способностями ученицы. Особенныхъ способностей къ музыкѣ у Лены не было. Гильдуръ просто была тронута охотой, съ какою дѣвушка занималась музыкой, и ея стараніями угодить отцу. Положительно, она любила его гораздо больше, чѣмъ это казалось: такъ усердно разучивала она его любимыя пьесы, такъ старалась заслужить его похвалу! Бурманъ согласился на учащеніе уроковъ потому, что онъ видѣлъ въ нихъ средство избавить дочь отъ одиночества и надѣялся, что частыя встрѣчи сблизятъ ее съ учительницей. А вѣдь

*) См. «Міръ Вожія», № 1, январь, 1895 г.

дружбы между Гильдуръ и дочерью Бурманъ такъ желалъ, даже просилъ!

Онъ не бывалъ дома во время уроковъ. Но мысль о немъ не покидала Гильдуръ ни на минуту, и ей казалось, что низкій диванчикъ, гдѣ онъ имѣлъ обыкновеніе сидѣть послѣ обѣда, что позвякивавшіе въ его кабинетѣ стѣнные часы, что все въ этой квартирѣ повторяло ей: „не забывай его просьбы! не забывай того, о чемъ онъ просилъ тебя, раскрывъ передъ тобой свою душу!“ И она отъ всего сердца желала исполнить эту просьбу, добываясь дружбы маленькой Лены.

Но для этого прежде всего надо было сблизиться съ Леной и узнать ее. Пришлось однако сознаться, что, не смотря на всѣ старанія Гильдуръ, ей до сихъ поръ не удалось заглянуть въ душу замкнутой въ себя дѣвушки.

Когда знакомство упрочилось, Лена перестала дичиться, и казалась, если не особенно живой, то вовсе уже не такой холодной натурой, какой глядѣла прежде. Она могла разговаривать о многомъ и бывала иногда весела. Но никогда и ничему не отдавалась она всей душой, и всегда оставалось въ ней что-то недосказанное, такъ что никогда нельзя было сказать съ увѣренностью, такова ли она, какой кажется.

Иногда Гильдуръ не узнавала въ ней той дѣвушки, какой представляла ее себѣ за полчаса передъ тѣмъ, а тамъ впечатлѣніе опять совершенно измѣнялось. Въ ея обществѣ Лена большею частью бывала серьезна и говорила такъ осмотрительно, точно взвѣшивала каждое слово. Никогда она не откровенничала, и всегда случалось какъ-то такъ, что разговоръ заходилъ исключительно о томъ, чѣмъ интересовалась Гильдуръ, причемъ ей же, большею частью, приходилось говорить, а Лена только слушала, поддерживая бесѣду вопросами и дѣлая видъ, что заинтересована. Но, однажды Гильдуръ застала ее въ живой бесѣдѣ съ Гертрудъ, въ которой она зашла по какому-то домашнему дѣлу, и въ этотъ разъ Лена казалась совсѣмъ другой. Онѣ говорили о какой-то сплетнѣ, и Гильдуръ была просто поражена, съ какимъ оживленіемъ и знаніемъ дѣла эта дѣвушка разсуждала о провинившейся. Она точно состязалась съ Гертрудъ въ умѣнны прилично говорить о щекотливыхъ вещахъ. Но, оглянувшись на Гильдуръ, нежелавшую было вмѣшиваться въ этотъ разговоръ, Лена покраснѣла и замолчала.

Въ другой разъ, въ концѣ одного изъ уроковъ, происхо-

дившихъ еще въ гостинной Гертрудъ, неожиданно вернулся домой и подсѣлъ къ барышнямъ самъ Скогъ. Онъ имѣлъ слабость рассказывать смѣшныя анекдоты и считалъ себя большимъ мастеромъ этого дѣла, хотя отъ природы не имѣлъ ни малѣйшаго юмора.

Гильдуръ просто страдала, когда братъ пускался въ свои безконечныя анекдоты, и даже снисходительная Гертрудъ не долюбивала ихъ. Къ ихъ удивленію, Лена звонко расхохоталась уже съ первыхъ же словъ господина Скогъ и продолжала слушать его рассказы съ такимъ увлеченіемъ, что восхищенный негоціантъ не умолкалъ цѣлый часъ, а потомъ объявилъ, что она одна изъ милѣйшихъ барышень, какихъ онъ только видѣлъ.

Обдумывая всѣ эти странности въ характерѣ Лены, Гильдуръ даже отчаявалась въ возможности сблизиться съ нею. Ей приходило иногда въ голову, ужъ не просто ли это маленькая притворщица, желавшая угождать на всѣ вкусы и примѣнявшаяся къ каждому, сообразно наклонностямъ собесѣдника? И въ такія минуты она невольно охладѣвала къ Ленѣ, которая, повидимому, совсѣмъ не соотвѣтствовала ей собственнымъ наклонностямъ ко всему возвышенному и правдивому. Но стоило ей только вспомнить слова Бурмана о печальномъ одиночествѣ его ребенка, и ей приходило въ голову, какъ несправедливо побидать людей только за то, что въ своемъ несчастіи они пріобрѣтаютъ недостатки, свойственныя несчастнымъ, и еще съ большей энергіей, чѣмъ когда-либо, начинала опять работать надъ неразрѣшимой задачей.

Въ одномъ нельзя было сомнѣваться, это—въ искренности чувствъ Лены къ старой Маѣ. Старуху она ласкала и любила непритворно. Она тормошила ее, обращалась съ нею деспотически, но помогала ей, въ чемъ только могла, таскала за нее тяжелыя корзины съ провизіей по лѣстницамъ, брала отъ нея тяжелыя покупки даже на улицѣ, хотя и краснѣла и была готова спрятаться съ своей ношей въ какія-нибудь ворота, если встрѣчала знакомыхъ. Съ Маей она бывала и откровенна.

Какъ-то разъ Гильдуръ пришла слишкомъ рано и занялась какой-то книгой, въ ожиданіи возвращенія Лены съ гимнастики, которую ей прописывали для укрѣпленія ея слабого организма. Вошла старая Мая.

— Простите, барышня, если побезпокою васъ,—сказала она.—Нужно убрать эти цвѣты отъ солнца.

И она стала передвигать комнатныя растенія, а кстати и перетирать запыленные листья.

— А что, милая барышня,—спросила она добродушно, продолжая работу. — Я думаю, иной разъ вамъ скучновато бываетъ заниматься съ нашей барышней?

— Нѣ-ѣтъ, я этого не нахожу, — отвѣтила Гильдуръ, удивленная вопросомъ старой служанки.

— А съ нашей барышней иногда трудновато бываетъ ладить... Учить ее трудно.

— Нѣтъ, совсѣмъ не трудно. Съ чего вы это взяли, Мая?

— Господи, твоя воля, да развѣ я не вижу, что она день-деньской бренчитъ на рояли и брэнчала бы до самой ночи, если бы не боялась обезпечить господина доктора. Намедни я даже сказала ей: „Милая моя барышня,—сказала я ей,— не можетъ же барышня Скогъ требовать отъ васъ, чтобы вы заигрались до смерти!“

— Развѣ она думаетъ, что я недовольна ея успѣхами?—спросила Гильдуръ.

Мая тревожно оглянулась на дверь и сказала таинственно:

— Видите ли, барышня, я бы не стала вамъ говорить этого и избави Богъ, если она узнаетъ, что я проболталась. Но, вотъ что было у насъ вчера. Послѣ обѣда я нашла ее здѣсь на диванѣ, всю въ слезахъ; а о чемъ плачетъ, не говорить... Ну, въ концѣ концовъ я добилась отъ нея, что, дескать, вы не любите ее, и недовольны ею, и чего, чего только ни наговорила она еще въ томъ же родѣ!

— Да съ чего же ей могло придти это въ голову?

Гильдуръ никакъ не ожидала отъ Лены такой чувствительности.

— Да я такъ и сказала ей, что все это она, молъ, только вообразила!—продолжала старуха. — Вѣдь наша-то барышня — самая милая малюточка! Да развѣ мнѣ ее разговорить? Плачетъ это она, плачетъ... Ну, вотъ, я и подумала: скажу-ка самой барышнѣ Скогъ, такъ по крайней мѣрѣ барышня утѣшитъ ее какъ-нибудь.

— Вы сами, милѣйшая старушка! — сказала Гильдуръ, не удержавшись отъ соблазна ласково потрепать старуху по морщинистымъ рукамъ, которыя все еще были заняты листьями пальмы.

Вдругъ раздался звонокъ, и Гильдуръ снова занялась своей книгой, а Мая пошла отпирать дверь. Черезъ минуту вошла запыхавшаяся отъ скорой ходьбы Лена и стала извиняться, что опоздала.

Урокъ прошелъ, какъ всегда. Потомъ стали, по обыкновенію, разговаривать. Напрасно Гильдуръ старалась подмѣтить въ Ленѣ малѣйшее выраженіе тоски или печали. Барышня держала себя совсѣмъ такъ же, какъ и въ предыдущіе дни и въ концѣ концовъ Гильдуръ подумала, что Мая преувеличила вчерашнее огорченіе Лены, такъ какъ трудно было повѣрить, чтобы такая молоденькая дѣвушка могла такъ владѣть собой. Тѣмъ не менѣе Гильдуръ относилась къ ней какъ-то сердечнѣе, чѣмъ наканунѣ.

По поводу, дѣйствительно, прекрасно сыгранной Леной сонаты Гайдна, она сказала, между прочимъ, чтобы посмотрѣть, насколько подѣйствуетъ на дѣвушку похвала учительницы:

— А вѣдь эту пьесу, Лена, ты сыграла положительно превосходно. У тебя есть энергія.

Лена покраснѣла отъ удовольствія. Но она отвернулась, притворяясь, что занята нотами, и не сказала ни слова.

— Особенно хорошо удались тебѣ переходы,—прибавила Гильдуръ.—Ты сыграла ихъ такъ мягко, изящно.

— Это... правда?—спросила Лена, быстро оборачиваясь къ Гильдуръ и устремляя на нее пытливый взглядъ.

— Да, совершенная правда...

Лицо Лены вдругъ просіяло отъ неподдѣльной дѣтской радости, но она постаралась овладѣть собой и сказала, очевидно, чтобы прекратить разговоръ.

— Сыграй мнѣ что,нибудь, милая Гильдуръ. Право я похожа на папу. Мнѣ всегда такъ весело слышать музыку, особенно когда ты играешь.

И Гильдуръ съ удовольствіемъ стала играть. У ней явилась надежда, что, можетъ быть, хоть музыка послужитъ связью между нею и этой такъ трудно поддававшейся дружбѣ дѣвушкой. Пойметъ же она когда-нибудь, что Гильдуръ въ самомъ дѣлѣ желаетъ ей только добра! Должна же она понять это...

Горячо полились звуки, Гильдуръ сама чувствовала, что игра ея становится краснорѣчива, а Лена отвынула назадъ, мечтательно улыбаясь звукамъ, и взглядъ ея большихъ глазъ устремился куда-то въ пространство.

Странное существо была эта Лена. Она жаждала ласки и дружбы. Она даже кривила душой, чтобы привлечь къ себѣ людей, такъ чутко замѣчала малѣйшее охлажденіе въ ней, что приходила въ отчаяніе отъ всякой бездѣлицы. Но все

это она тщательно скрывала, а когда люди сами предлагали ей дружбу, она замыкалась въ себѣ. Ничего она не давала другимъ, хотя требовала отъ людей очень многого!

Какъ могло это дитя такъ мало походить на своего отца? Онъ вѣдь выкладывалъ свою душу передъ всѣмъ свѣтомъ, и, кажется, рассыпалъ чувства обѣими руками!

Но Гильдуръ завоюетъ ее во что бы то ни стало! Не откажется же она отъ своей задачи при первыхъ затрудненіяхъ! И она играла теперь съ такимъ чувствомъ, что сама растрогалась мелодіей, которой предназначалось быть истолкователемъ ея души передъ Леной.

Наконецъ, звуки послѣднихъ аккордовъ замерли, но она все еще сидѣла у рояля, и руки ея покоились еще на клавишахъ, какъ вдругъ позади нея раздался голосъ:

— Скажите, о чемъ вы думали, играя съ такимъ чувствомъ? Ваша мысль должна быть такъ же прекрасна, какъ эти звуки...

Она обернулась и увидѣла у дверей Бурмана.

— Такъ хорошо вы еще никогда не играли!—прибавилъ онъ, приближаясь къ роялю.

— Я, должно быть, въ особенномъ музыкальномъ настроеніи,—возразила она, улыбаясь.

Онъ поцѣловалъ дочь, и та тотчасъ же отошла въ сторону, а онъ остался подлѣ Гильдуръ, уперся скрещенными руками на рояль, устремивъ на музыкантку такой пристальный взглядъ, что она потупилась надъ клавишами.

— Признайтесь, вы мечтали во время игры! Вѣдь слышно было, что вы просите чего-то, тоскуете о чемъ-то... Въ мечтѣ вы рвались куда-то!

— Подъ музыку часто мечтаютъ!—отвѣтила она уклончиво, стараясь непринужденно улыбаться. Но сердце ея громко стучало: такъ ее радовало, что онъ понялъ выраженное ею въ игрѣ чувство.

— А знаете, о чемъ я думаю, когда слышу ваши сужденія и вашу игру?—спросилъ онъ.

— О чемъ?

— О прекрасной, нетронутой почвѣ!

— Какъ такъ?

— Вѣрнѣе,—продолжалъ онъ, не спуская съ нея глазъ:— я представляю себѣ маленькую, живописную долину среди горъ, защищенную съ сѣвера и открытую южнымъ вѣтрамъ. Въ долинѣ чудная почва, но мало растительности за не-

*

достаткомъ сѣмянъ... И она тоскуеть, она жаждетъ, чтобы южный вѣтеръ занесъ къ ней сѣмена; она знаетъ, что на ея почвѣ могутъ произрастать прекраснѣйшія растенія и лучше, чѣмъ гдѣ-либо во всемъ остальномъ мірѣ!..

Гильдуръ взяла на рояли нѣсколько тихихъ аккордовъ.

— А что, если вѣтеръ принесетъ только плевелы?—за-мѣтила она, улыбаясь.

— Въ этой долинѣ и плевелы превратятся въ прекрасныя растенія. Подорожникъ превратился бы тамъ въ чудную пальму, а репейникъ—въ прелестный кактусъ.

— Благодарю васъ!—разсмѣялась она.—Я не ожидала найти въ васъ такого мастера говорить любезности.

Что-то въ ея голосѣ уязвило его. Онъ положилъ руку на ея руку, отъ чего послѣдній аккордъ прозвучалъ фальшиво, и сказалъ горячо:

— Отчего вы говорите противъ совѣсти?

— Развѣ?

— Или вы въ самомъ дѣлѣ не повѣрили искренности моего сравненія?—продолжалъ онъ.—Скажите, повѣрили вы моей искренности, или нѣтъ?

— Не знаю... Ну, пожалуй... да!—призналась она, точно вынужденная его пристальнымъ взглядомъ.

— Вотъ видите! съ торжествомъ сказалъ онъ.—И выходитъ, что вы не умѣете притворяться... точь-въ-точь, какъ моя маленькая Лена. Только она не можетъ прикидываться потому, что еще дитя, которому неизвѣстны приемы лукавства; а вы не въ силахъ это дѣлать, потому что въ основѣ вашей природы гармонія, и всякая неестественность вамъ ненавистна.

Онъ освободилъ руку Гильдуръ, и она опять стала играть. Но теперь пальцы ея дрожали, такъ она была взволнована словами Бурмана. Она была польщена его миѣніемъ о ней, но въ то же время ей показалось неприятымъ подвергаться такому открытому анализу. Притомъ, развѣ онъ правъ? Ей казалось, что онъ ошибается какъ по отношенію къ ней, такъ и къ Ленѣ. Конечно, она любила истину, но именно гармонію и недоставало ея душѣ, которую вѣчно мучили самыя противоположныя стремленія. Выходило, точно онъ уловилъ одну черту ея характера и присочинилъ все остальное ради симметріи, причѣмъ она не узнавала себя въ его описаніи.

— Вы очень любезны,—сказала она черезъ минуту, смѣясь и кончая мелодію рѣзкимъ аккордомъ.—Но не думаю, чтобы мнѣ было полезно слышать столько любезностей!

Она встала и стала закрывать рояль. Онъ не мѣшалъ ей, продолжая съ улыбкой смотрѣть на нее.

Ему нравилась мягкость ея движеній. Ему нравилась ловкость и грація, съ какой она безъ шума закрыла крышку инструмента, переставила табуретъ, собрала и уложила на этажерку ноты. Ему казалось, что во всемъ этомъ онъ видитъ подтвержденіе высказанной имъ мысли о гармоніи, какъ ея основномъ душевномъ свойствѣ. Но особенно ему нравились ея красивыя руки, эти волшебныя руки, умѣвшія извлекать изъ инструмента такіе дивныя звуки! И онъ самъ удивился непривычной для него безцеремонности, съ какой во время послѣдовавшаго затѣмъ прощанія онъ задержалъ и долго не выпускалъ руку дѣвушки.

Пришлось извиниться.

— Простите, что удерживаю васъ,—сказалъ онъ. — Но мнѣ хотѣлось кое-что сказать вамъ.

Онъ сказалъ это такъ, на авось; но въ то же мгновеніе нашель и то, что „имѣлъ сказать“ Гильдуръ.

— Надняхъ выходить изъ печати моя новая книга,—сказалъ онъ. — Мнѣ было бы пріятно, чтобы вы прочли ее раньше другихъ.

Она вся просіяла отъ радостнаго изумленія.

— Съ удовольствіемъ прочту!—сказала она.—Но вы не требуете, надѣюсь, отъ меня сужденія о книгѣ?

— Напротивъ. Я увѣренъ, что у васъ самое здравое, свѣтлое сужденіе о литературѣ, и рассчитываю на вашу откровенность. Завтра или послѣ завтра вы получите первый экземпляръ моей книги...

— Благодарю васъ!

Она не сразу нашлась, что прибавить, хотя была въ восторгѣ отъ его довѣрія, полагая, что не заслуживаетъ этого.

— Обѣщайте же, что прочтете тотчасъ же!—сказалъ онъ.—Я хочу знать ваше мнѣніе прежде, чѣмъ выскажутся другіе...

Въ концѣ-концовъ Гильдуръ показала даже забавной такая настойчивая просьба, чтобы именно она взялась быть серьезнымъ критикомъ знаменитаго Оста Бурмана, и она невольно расхохоталась. Торжественность настроенія исчезла. Смѣясь, она общалась судить его строго, но справедливо, и больше всего остерегаться самой попасться въ просакъ. Наконецъ и онъ разсмѣялся, когда она прибавила:

— Въ сущности, вы судите насъ въ вашихъ книгахъ, а наше несомнѣнное право судить о вашихъ книгахъ. Слѣ-

довательно, съ моей стороны было бы непрослительно упустить случай воспользоваться своей прерогативой быть судьей надъ судьей!

Еще нѣкоторое время пошутили они, и Бурманъ проводилъ Гильдуръ до передней. Только тамъ, уже взявшись за ручку дверей, она вспомнила, что совсѣмъ забыла проститься съ Леной. Она поспѣшила назадъ въ гостинную, и только теперь замѣтила, что Лена все еще стоитъ у круглаго стола, въ которому отошла, когда пришелъ отецъ, и, не двигаясь съ мѣста, внимательно прислушивалась къ тому, что говорилъ отецъ съ Гильдуръ.

Станнымъ взглядомъ встрѣтила она подошедшую проститься Гильдуръ! Въ эту минуту въ ея большихъ сѣрыхъ глазахъ не было и тѣни дѣтской наивности, которую непременно желали видѣть въ ней отецъ и старая Мая... Она смотрѣла на Гильдуръ съ негодованіемъ, почти съ презрѣніемъ...

Но она умѣла притворяться, и, овладѣвъ собой, обратилась въ Гильдуръ съ самымъ привѣтливымъ видомъ.

— Ты что-нибудь забыла?—спросила она, оглядываясь по сторонамъ.

— Нѣтъ, я хотѣла только проститься...

— Прощай, Гильдуръ!

И передъ ней опять была та же милая, улыбающаяся дѣвочка... Она расцѣловалась съ подругой, проводила ее въ переднюю и была даже любезнѣе, чѣмъ когда-либо. Гильдуръ спрашивала себя, ужъ не почудился-ли ей этотъ взглядъ.

Однако, этотъ взглядъ преслѣдовалъ ее слишкомъ упорно и слишкомъ хорошо вѣзался въ ея память, чтобы быть только плодомъ воображенія...

Неужели, Лена заподозрила что-нибудь особенное и начинала разспрашивать?..

VI.

Черезъ два дня получена была книга какъ разъ въ то время, когда Гильдуръ сидѣла за рабочимъ столикомъ и шила вмѣстѣ съ Гертрудъ. Книгу принесла горничная, которой передала ее старая Мая.

Гертрудъ полюбопытствовала узнать, что такое въ принесенномъ пакетѣ, но Гильдуръ отвѣтила уклончиво, что эта книга, которую одолжилъ ей Бурманъ, и, чтобы избѣгнуть дальнѣйшихъ разспросовъ, унесла книгу въ свою комнату. Она не смѣла сказать, что это новый романъ Бурмана, такъ какъ

предвидѣла, что братъ и невѣства стали бы настаивать, чтобы книгу прочли всѣ вмѣстѣ вслухъ, тогда какъ ей хотѣлось прочесть ее одной...

Расположившись на кушеткѣ, она развернула обертку, и въ ея рукахъ очутился хорошенькій томикъ, на желтой обложкѣ котораго черными и красными буквами отпечатаны были лишь имя автора и одно могучее слово: „Свобода“.

Гильдуръ не знала, какъ озаглавленъ новый романъ. Но почему-то ей показалось, что она впередъ знала это заглавіе: она такъ и ожидала слова „свобода“. Вѣдь въ этомъ словѣ альфа и омега всего его міровоззрѣнія, всѣхъ его стремленій! На столько-то и она понимала его политическую программу, и эта же мысль провозглашалась во всѣхъ его сочиненіяхъ, во всѣхъ его рѣчахъ и разговорахъ.

Почти благоговѣнно раскрыла она книгу и стала читать. Она знала, что въ этой книгѣ онъ знакомить читателей съ сокровеннѣйшими тайниками своей души, и боялась, что не сѣмѣетъ понять его.

Но когда она дошла до половины первой главы, ее такъ увлекла сила описанія и интересъ къ сюжету, что всякія размышленія исчезли, и она читала нѣсколько часовъ подрядъ, оторвавшись отъ чтенія только разъ, чтобы зажечь лампу.

Когда служанка пришла ей сказать, что поданъ ужинъ, она, чтобы не возбудить любопытства родственниковъ, отложила книгу и вышла къ ужину. Но потомъ, какъ только семья разошлась изъ столовой, она снова принялась за чтеніе, и продолжала читать всю ночь напролетъ.

Уже свѣтало, когда она дочитывала послѣднюю страницу. Но ей совсѣмъ не хотѣлось спать, и она задумалась надъ книгой.

Такъ вотъ о какой свободѣ онъ писалъ! Это была свобода въ развитіи каждой индивидуальности, свобода личности, свобода совѣсти въ полномъ значеніи этого слова. Вся книга представлялась ей громкимъ призывомъ людей къ дѣйствительной оригинальности, къ борьбѣ за индивидуальность, къ проявленію характера. Теперешнимъ порядкамъ, теперешней нивелировкѣ людей, приведенію всѣхъ къ одному уровню, „этой системѣ Прокустова ложа, благодаря которой раздувается все ничтожное и разрубается все великое“, — онъ объявлялъ войну на жизнь и смерть.

Въ романѣ описывалась судьба двухъ чрезвычайно способныхъ и умныхъ людей, которыхъ жизнь привела къ про-

тивоположнымъ выводамъ. Въ дѣтствѣ имъ жилось совершенно одинаково, и пути ихъ совпадали, потому что личныхъ качествъ у нихъ еще не признавалось; обоимъ приходилось одинаково преклоняться передъ старшими, не спрашивая, за что, и передъ истинами, неизвѣстно откуда взявшимися; оба должны были повиноваться, не разсуждая, любить людей по указанію родителей и находить вкуснымъ все, что подавалось на столъ. Затѣмъ они очутились рядомъ на шеольной скамьѣ, гдѣ ихъ заставляли, такъ сказать, стучаться въ двери каждой науки, отнюдь не проникая внутрь и довольствуясь заучиваньемъ множества такихъ предметовъ, которые не имѣютъ значенія ни въ наукѣ, ни въ жизни.

Въ университетѣ также было не лучше, такъ какъ имъ пришлось не изучать науки, а лишь „готовиться къ экзамену“. причемъ на это, отнюдь не научное, занятіе пошло столько времени, что уже его и не оставалось на личное развитіе.

Но вотъ они стали изучать настоящую жизнь: одинъ на поприщѣ чиновника, другой на поприщѣ учителя, и тотчасъ же ихъ пути разошлись не только потому, что ихъ трудъ былъ неодинаковъ, но, главнымъ образомъ, вслѣдствіе начавшихъ обозначаться ихъ индивидуальныхъ противоположностей. Одинъ тотчасъ же сжился съ житейскими условностями; другой — не ужился. Одинъ сталъ тщательно обстригать особенности своего характера и быстро научился „походить на людей“, т. е. ничѣмъ не отличаться отъ посредственностей и никому не колоть глазъ. Другой оказался натурой, негодной для садовой культуры: его личные особенности разрастались во всѣ стороны, не поддаваясь стрижкѣ; онъ не хотѣлъ сдѣлаться гладенькимъ садовымъ растеніемъ; онъ хотѣлъ жить, не справляясь обь условностяхъ, называть хорошимъ лишь-то, что ему самому нравилось, говорить—что онъ самъ думалъ, любить—не задумываясь, сдѣлать изъ жены товарища и такого же самостоятельнаго человѣка, какъ и онъ самъ.

Но оказалось, что онъ хотѣлъ плыть на всѣхъ парусахъ въ крошечномъ прудѣ; его лодка ежеминутно налетала на прибрежныя отмели, наконецъ, опрокинулась, и пришлось повинуть прудъ... Онъ уѣхалъ за границу, долго бродилъ по бѣлу свѣту, но въ концѣ концовъ нашелъ-таки уголокъ, гдѣ можно было жить, не поступаясь своей личностью.

Однако, родина не забывалась, и черезъ нѣсколько лѣтъ онъ вернулся навѣстить стараго друга. Увы, онъ не узналъ его! Все, что онъ любилъ въ немъ, исчезло или заглохло.

Изъ талантливаго человѣка онъ превратился въ жалкую посредственность. Личность исчезла, и вмѣсто нея получился представитель толпы, къ которому нельзя было чувствовать ничего, кромѣ равнодушія. Такое же разочарованіе пришлось свобододолюбцу испытать и въ любимой женщинѣ... Но вскорѣ и ему улыбнулось счастье: онъ встрѣтилъ молодую, совсѣмъ еще не изуродованную людьми, дѣвушку, сумѣлъ привить ей свои взгляды, и полюбилъ ее всей душой. Они уѣхали вмѣстѣ въ тотъ уголокъ земли, гдѣ можно было жить безъ условностей.

Смысль всего сочиненія былъ тотъ, что остается надѣяться только на одну молодежь, и къ ней обращался авторъ, призывая міръ къ обновленію...

Чадившая лампа напомнила Гильдуръ о дѣйствительности. Погасивъ лампу, она открыла окно и стала любоваться утреннимъ, свѣтлымъ небомъ, въ которомъ было что-то гармонизировавшееся съ ея настоящимъ настроеніемъ, и которое точно улыбалось ей. Но было свѣжо; пришлось закрыть окно... И только тогда Гильдуръ спустила шторы и легла спать.

Она проснулась только въ полдень. Поспѣшно одѣвшись, она вышла въ столовую; оказалось, что въ домѣ уже никого, кромѣ прислуги, не было и пришлось пить кофе въ одиночествѣ. Но это ей нравилось, такъ какъ мысли ея все еще были поглощены тѣмъ, что она прочла ночью.

И она стала раздумывать, не сходить ли сейчасъ къ Бурману, сказать ему одно слово „благодарю“ и сейчасъ же уйти. Разсуждать о книгѣ она не считала себя еще подготовленной. такъ какъ не успѣла обдумать проведенной въ ней идеи; но ей хотѣлось теперь же хоть однимъ словомъ выразить Бурману свое сочувствіе. Однако, сказала она себѣ, что такая выходка была бы смѣшна и, по меньшей мѣрѣ, удивила бы какъ Бурмана, такъ и Лену... При этомъ ей вспомнился странный враждебный взглядъ Лены въ тотъ день, когда Бурманъ обѣщалъ прислать книгу... Нѣтъ, ужъ лучше не идти!

Удобнѣе всего отложить объясненіе до завтра, когда она пойдетъ давать урокъ Ленѣ и легко можетъ дожидаться возвращенія ея отца домой, причѣмъ соблюдены будутъ и приличія. А до завтра она успѣетъ еще разъ прочесть книгу и обдумать все, что ей пока еще не ясно. По крайней мѣрѣ она будетъ имѣть, что сказать о книгѣ. На томъ она и успокоилась.

Въ ту же минуту она обратила вниманіе на яркое

солнце, обливавшее комнатныя растенія въ залѣ веселымъ, золотистымъ свѣтомъ. Она взглянула въ окно. Господи, какая чудная погода! И тотчасъ она стала надѣвать шляпу, чтобы выйти погулять. На воздухѣ вѣдь и думается легче!

Ей не пришлось раскаяться, что она вышла на улицу. Осенній денекъ былъ дивно хорошъ. Было тепло, но воздухъ былъ свѣжъ и пріятенъ, какъ весною; по темносинему небу тихо плыли красивыя, бѣлыя облака; что-то радостное и ликующее было разлито во всей природѣ.

Долго бродила Гильдуръ по улицамъ и по набережной, не переставая размышлять, подь мягкій аккомпаниментъ морского прибоя, о книгѣ Сета Бурмана. Наконецъ, она почувствовала усталось и направилась домой черезъ старое кладбище. Но тамъ, подь огромными деревьями, съ которыхъ сыпались по временамъ пожелтѣвшіе листья, было такъ хорошо, что она неволью замедлила шаги, поигрывая закрытымъ зонтикомъ и прислушиваясь къ шелесту падавшихъ листьевъ.

Нѣтъ, такимъ денькомъ—можетъ быть, послѣднимъ лѣтнимъ денькомъ въ этомъ году—грѣшно не насладиться вполнѣ!

И она пошла по боковой дорожкѣ къ двумъ старымъ ивамъ, въ отдаленномъ углу кладбища, подь которыми стояла скамейка. Это было ея любимое мѣсто, и частенько лѣтомъ она проводила тамъ цѣлыя часы съ рукодѣльемъ или книгой.

Но скамейка оказалась теперь занятой. Тамъ сидѣлъ какой-то господинъ, опершись локтями на колѣни и, опустивъ голову, разсѣянно чертилъ палкой по песку.

Гильдуръ хотѣла-было уже повернуть назадъ, какъ господинъ сдѣлалъ какое-то движеніе, и она узнала въ немъ Сета Бурмана.

Съ минуту она колебалась, идти ли впередъ, или нѣтъ. Вѣдь она приняла утромъ благоразумное рѣшеніе не видаться съ писателемъ, пока не прочтетъ книги вторично и не выработаетъ себѣ вполнѣ яснаго сужденія о сочиненіи... Но въ его задумчивой позѣ было что-то особенное... Если бы она могла увидѣть хоть выраженіе его лица, чтобы убѣдиться, что онъ не печаленъ, не озабоченъ чѣмъ-нибудь... Странно было его видѣть мрачно-потупившимся въ землю, когда солнце свѣтило такъ прекрасно... И Гильдуръ вдругъ почувствовала, что не можетъ уйти, пока не разсѣется ея тревога за него.

Зачѣмъ онъ тутъ? Не для удовольствія же, потому что тогда онъ не могъ бы отвращиваться отъ окружавшихъ его красотъ осенней природы. Значить, его привело сюда ка-

кое-нибудь горе? Но почему онъ такъ неподвиженъ? Три, четыре минуты простояла она на одномъ мѣстѣ, а онъ все не поднимаетъ головы...

Она рѣшительно пошла впередъ.

При звукѣ приближавшихся шаговъ онъ поднялъ наконецъ голову.

Она увидѣла нахмуренный лобъ и мрачный, угрюмый, взглядъ... Впрочемъ, узнавъ ее, онъ чуть-чуть прояснился.

— Это вы?!—сказалъ онъ, вставая и пожимая ей руку.— Такъ и вы сворачиваете иногда съ прямого пути... домой.

Онъ сдѣлалъ движеніе рукой по направленію главной аллеи и попытался смягчить шутку улыбкой; но морщины у него на лбу не расправились, и улыбки не вышло.

— Въ такой славный день нельзя не погулять!—отвѣтила она.

— Присядьте же на минутку со мной!—предложилъ онъ, указывая на скамейку.

Она сѣла.

— Такъ вотъ какъ!—проговорилъ онъ, вздыхая.— Вы, конечно, прочли уже мой приговоръ?

Слова и угрюмое выраженіе сопровождавшаго ихъ взгляда показались ей непонятными. Но не могъ же онъ говорить о чемъ-нибудь иномъ, какъ о книгѣ...

— Вашъ приговоръ?—переспросила она съ недоумѣніемъ.

— Конечно, приговоръ!—вскричалъ онъ.— Побить шестьдесятю пятью голосами на пробныхъ выборахъ; развѣ этого недостаточно??!

— Господи!—пробормотала она. Теперь только она поняла въ чемъ дѣло! Сегодня она еще не успѣла просмотрѣть газетъ и не видалась съ братомъ, который сообщилъ бы новость. Такъ онъ провалился на выборахъ! А она-то еще такъ ждала этихъ выборовъ, не сомнѣваясь, что онъ одержитъ блестящую побѣду!..

Бурманъ сидѣлъ въ томъ же положеніи, какъ давеча, съ опущенной головой и нервно чертя палкой по песку.

— Да!—сказалъ онъ, не поднимая головы.— Люди не хотятъ понять, что свобода основывается на самостоятельности. Имъ нужны законы, чтобы ограждать свободу, а смекнуть, что законами она только ограничивается,—этого они не могутъ! Регламентация во всемъ — вотъ ихъ страсть... Столько-то можешь работать, и столько-то отдыхай! Не больше, и не меньше! Кромѣ того, если хочешь быть либе-

раломъ, не смѣй вѣрять тому-то, не смѣй думать о томъ-то! Горе всякому, кто позволить себѣ требовать чего-нибудь сверхъ программы!—А я во всемъ этомъ провинился!

— Не можете же вы довольствоваться ихъ программой, если вашъ кругозоръ шире!—замѣтила Гильдуръ.

Онъ поднялъ голову.

— Благодарю васъ! Какъ хорошо вы это сказали!

На минуту взглядъ его смягчился, и онъ съ благодарностью посмотрѣлъ на Гильдуръ. Но затѣмъ онъ снова нахмурился, и потупился въ землю.

— Развѣ я этого не предвидѣлъ?—заговорилъ онъ.—Развѣ я не зналъ, что переубѣдить толпу почти невозможно? Но, видите ли, я надѣялся на вліяніе отдѣльныхъ передовыхъ личностей, я думалъ, что они-то, по крайней мѣрѣ, если не поймутъ всей идеи сразу, то хоть смекнуть, гдѣ настоящій путь, когда его имъ показываютъ...

— Такихъ вѣдь много!—вступилась Гильдуръ.

— Повидимому, нѣтъ. Тѣ, на которыхъ я рассчитывалъ, приходили ко мнѣ одинъ за другимъ, предупреждая, что надежды нѣтъ... Валеріусъ тоже... Да вы вѣдь сами слышали, какъ Валеріусъ предупреждалъ меня: „Не полагайся на большинство. Оно противъ тебя“.—Теперь онъ можетъ порадоваться: его пророчество исполнилось!

Въ словахъ его было столько горечи, что Гильдуръ теперь только поняла, какъ велики были его надежды, и какъ поэтому тягостно ему разочарованіе! И ей страстно захотѣлось высказать ему хоть свою симпатію! Но слова не шли съ языка; она боялась сказать какую-нибудь банальность.

Вдругъ Бурманъ поднялъ голову.

— А вѣдь могло случиться, что люди согласились бы довѣриться мнѣ, если бы ихъ оставили въ покоѣ! — вскричалъ онъ гнѣвно. — Въ сердцахъ людей бываетъ не одна струна, и мнѣ всегда бы удалось затронуть такую, въ которой нашлось бы созвучіе съ моими. Но такія струны оказались подрѣзанными! Не полагается имѣть ни на волосъ болѣе столькихъ-то мыслей въ головѣ и столькихъ-то чувствъ въ груди!.. Остальное вонъ!! Надо все остричь по программѣ! Вотъ какъ думаютъ мои пріятели...

Онъ придвинулся къ Гильдуръ.

— Развѣ я не знаю, какъ это дѣлается? — продолжалъ онъ глухо.—Идетъ, напрямѣръ, господинъ директоръ Валеріусъ и говоритъ всѣмъ прочимъ, какъ и мнѣ: „Большинство

противъ него!“ „Боюсь, что онъ хватилъ черезъ край, и его взгляды не встрѣтятъ сочувствія“, и т. д. Ну, и вотъ люди начинаютъ покидать меня. Никому вѣдь непріятно остаться въ меньшинствѣ, и всѣ примыкаютъ къ тѣмъ, кого объявляютъ побѣдителями. Таковы ужъ люди!

— Позвольте, но вѣдь Валеріусъ же вашъ другъ!—вскричала Гильдуръ съ недоумѣніемъ.—Вѣрно онъ сдѣлалъ все, что могъ, чтобы поддержать васъ...

— Можетъ быть, очень можетъ быть!—уклончиво отвѣтилъ Бурманъ, и въ его лицѣ появилось выраженіе какой-то мрачной сдержанности, совсѣмъ не согласовавшейся съ только что проявленной страстностью. Очевидно, онъ подумалъ, что зашелъ въ своей подозрительности слишкомъ далеко, и что его обвиненія противъ друга могутъ быть истолкованы, какъ несправедливость.

— Надѣюсь, что насколько сдумѣлъ, онъ поступилъ по совѣсти!—прибавилъ онъ, помолчавъ.

Нѣсколько минутъ они молчали.

— Ну что жъ? если вамъ нельзя еще защищать ваши идеи съ каеэдры, это сдѣлаетъ за васъ ваша книга!—сказала Гильдуръ тихо, но съ убѣжденіемъ и съ глубокимъ чувствомъ.

Онъ обернулся къ ней.

— Развѣ вы ее прочли?

— Да...

— Неужели?!

Она не рѣшалась говорить и потупилась.

— Неужели?—повторилъ онъ нетерпѣливо, очевидно, не довольствуясь выраженіемъ ея лица, краснорѣчиво говорившимъ о ея восторгѣ передъ книгой.

— Я еще до сихъ поръ живу въ томъ мірѣ, куда перенесла меня ваша книга!—проговорила она еще тише и дрожащимъ голосомъ.—Вѣдь это не простой романъ. Это исторія людей, которыхъ я знала сама, съ которыми говорила... Впрочемъ нѣтъ, не говорила, потому что никогда они не высказывались вполне, а только смутно сознавали то, что говорится въ вашей книгѣ. О, сколькоихъ людей я знавала, которые мучились тѣми же самыми сомнѣніями, какъ и эти люди... въ вашей книгѣ. Я даже сама очень часто мучилась... Но никто изъ насъ не сдумѣлъ только выразить того, что причиняло намъ страданіе, какъ вы.

Бурманъ, вообще предпочитавшій больше говорить, чѣмъ слушать, сидѣлъ теперь молча и съ жадностью прислуши-

вался къ ея словамъ, не прерывая ея ни однимъ вопросомъ, ни однимъ замѣчаніемъ, не смотря даже на медленность, съ какой она говорила. Онъ не спускалъ съ нея глазъ и, по мѣрѣ того, какъ она говорила, угрюмость его исчезала.

А она продолжала говорить, увлекаясь все больше и больше... Она говорила, какъ понятно ей постепенное измѣненіе въ характерѣ одного изъ друзей, который озлоблялся тѣмъ, что всегда оставался непонятымъ другими людьми, и никакъ не могъ добиться правъ гражданства для своихъ личныхъ особенностей. Она сама испытала то же самое и хорошо знала, какъ тяжело оставаться въ такомъ положеніи. Но прежде она не умѣла уяснить себѣ, въ чемъ именно тутъ дѣло, и все воображала, что жизнь ея слишкомъ мелеа, вдавлена въ какія-то слишкомъ узкія рамки. Теперь же для нея все ясно, и она не находитъ словъ сказать, въ какой восторгъ ее привело сдѣланное открытіе.

Все время она смотрѣла передъ собой, то поверхъ зеленѣвшихъ вустовъ, то на кончикъ зонтика, которымъ поигрывала. Но, при послѣднихъ словахъ, она обернулась къ нему и посмотрѣла ему прямо въ глаза.

Онъ овладѣлъ обѣими ея руками и, прежде чѣмъ успѣла она что-либо сообразить, поцѣловалъ одну за другой. Впрочемъ, въ этомъ движеніи не было ничего, кромѣ благодарности человѣка, которому вернули счастье. Онъ не сумѣлъ бы сказать, были ли на ея рукахъ перчатки, или нѣтъ. Онъ врядъ ли запомнилъ даже, какимъ способомъ выразилъ свою благодарность, и это было такъ ясно, что Гильдуръ не пришло даже и въ голову обратить какое-либо вниманіе на его выходку. Будь вѣкругъ нихъ цѣлая толпа людей, они и тогда не подумали бы стѣсняться: такой мелочью представлялось имъ, въ какой именно формѣ выражается ихъ радость, когда эта радость была такъ естественна,—ему, котораго наконецъ поняли, и ей, оказавшейся способной понять.

Еще добрыхъ полчаса сидѣли они подъ ивами, продолжая говорить о книгѣ.

Въ его душѣ зарождались гордые, честолюбивые замыслы, порожденные энтузіазмомъ Гильдуръ. Вѣдь, если она поняла, поймутъ же и другіе! Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ, ему удалось, наконецъ, написать такое сочиненіе, которое не останется достояніемъ одной только литературы, но увлечетъ за собой и толпу, и дастъ ему возможность вліять на человечество.

Положительно онъ начиналъ вѣрить, что его новая книга разобьетъ наконецъ всѣ препятствія на его пути!

И Гильдуръ укрѣпляла его въ этой надеждѣ. Ей было такъ отрадно сознавать, что именно она оживила его, вернувъ ему самоувѣренность и надежду! Ей казалось даже, что и она сама принимаетъ какое-то участіе въ его славномъ дѣлѣ, ободряя его и возвращая ему довѣріе въ его собственнымъ силамъ. И сама она была теперь счастлива, какъ давно, давно не бывала, точно вся ея жизнь вдругъ получила новую цѣну, новое значеніе...

Они все еще сидѣли на скамейкѣхъ подъ ивами. Но теперь вокругъ нихъ становилось довольно людно. Откуда-то появилась цѣлая толпа дѣтей, шумно возившихся неподалеку отъ нихъ. Какія-то няньки, гувернантки прохаживались передъ ними, поглядывая на нихъ не безъ любопытства...

— Пойдемте отсюда, — улыбаясь, предложилъ Бурманъ. — Не хотите ли пройтись?

Гильдуръ встала, и они стали бродить по всему кладбищу, останавливаясь по временамъ, прохаживаясь взадъ и впередъ. Бурманъ безъ церемоній взялъ ее подъ руку, и она не противилась этому, улыбнувшись только и оглянувшись по сторонамъ, нѣтъ ли гдѣ знакомыхъ. Въ ней было слишкомъ мало кокетства, чтобы придать особенное значеніе его, нѣсколько вольнымъ, товарищескимъ, манерамъ.

А для него точно возшло ясное солнце. Съ вечера онъ былъ въ самомъ тяжеломъ, озлобленномъ настроеніи. Онъ принималъ свое поражение, какъ что-то позорное — несправедливое, и всюду видѣлъ предательство и интриги. Но теперь все прояснилось вокругъ него, и новыя надежды вступали въ свои права. Книга, о которой въ послѣднее время онъ почти не думалъ, всецѣло поглощенный заботами о выборахъ, внезапно приобрѣтала для него важность рѣшительницы его судьбы, могучей опоры, благодаря которой онъ снова начнетъ борьбу, въ которой онъ на этотъ разъ побѣдитъ непременно!..

Теперь онъ на все смотрѣлъ другими глазами и только въ эту минуту замѣтилъ, какъ прекрасна сегодняшняя погода, какъ красива пожелтѣвшая мѣстами листва деревьевъ. Но особенно хороша показалась ему шедшая рядомъ съ нимъ Гильдуръ! Никогда еще она не казалась ему такъ женственна, такъ мила, хороша собой. Притомъ, развѣ не она сумѣла обратить его отъ мрачнаго отчаянья къ мужественной вѣрѣ въ будущее?

— А знаете, кто вы для меня сегодня?— вскричалъ онъ, останавливаясь и съ улыбкой глядя на нее.

— Нѣтъ.

— Вы та, къ которой я такъ часто обращался и такъ рѣдко заставлялъ себя слушать, — та, которой я въ досадѣ всегда поворачиваю спину, но потомъ невольно оборачиваюсь,—та, которую я въ одно и то же время презираю, и люблю, и ненавижу.

Гильдуръ не понимала еще, что онъ хочетъ сказать, но видѣла, что онъ шутитъ, и разсмѣялась.

— Много!—вскричала она.—И всѣмъ этимъ я была для васъ, сама того не зная? И вы не предупредили меня?

— Вы этимъ и не были до сегодняшняго дня.

— Но что же это я за таинственная личность?

— Это публика! Въ васъ я вижу въ эту минуту всю мою читающую публику. Никто еще, кромѣ васъ, не читалъ моей книги, а васъ она завоевала сразу... Въ одинъ день завоевать всю свою публику! Да понимаете ли вы, что это такое? Понимаете ли вы, какъ вы дороги для меня теперь?

— Понимаю!—улыбнулась она.—И знаете ли, что весело быть королевой, хотя бы въ мечтѣ и хоть на минуту!

Она ожидала, что онъ будетъ продолжать шутку, но онъ умолкъ, и, взглянувши ему въ лицо, она увидѣла, что онъ смотритъ на нее уже совсѣмъ не прежнимъ взглядомъ, а гораздо серьезнѣе и... нѣжнѣе.

Она густо покраснѣла. Ей пришло въ голову, что она сказала непростительнѣйшую глупость, которую онъ истолковалъ совсѣмъ не такъ, какъ слѣдовало. И, освободивъ руку, она взялась за часы.

— О, какъ поздно!—проговорила она.—Я должна бѣжать домой. Черезъ нѣсколько минутъ у насъ сядутъ за столъ.

— Такъ вы не хотите больше играть въ королевы?—спросилъ онъ, въ одно и то же время такъ жалобно, и нѣжно, и шаловливо, что сердце ея усиленно забилося.

— Я не смѣю... Я боюсь опоздать!—сказала она.—Прощайте!

Она не подала ему руки, опасаясь, чтобы онъ не замѣтилъ охватившей ее дрожи. Но онъ самъ овладѣлъ ея рукой.

— Вы славная!—проговорилъ онъ.

— Стыдитесь говорить такія любезности!

— Нѣтъ, серьезно! И вы не повѣрите, какъ пріятно связать такое слово, когда оно прямо отъ души. Вы славная!..

— Прощайте!

Она вырвала у него руку и пошла... Она ни разу не оглянулась, но хорошо знала, что онъ стоитъ и провожаетъ ее взглядомъ.

Вернувшись домой, она, не снимая пальто, прошла въ свою комнату, опустилась на стулъ и задумалась.

— Чѣмъ-то все это кончится? А что если... если..

Но она не хотѣла додумать до конца и, чтобы прервать размышленія, поспѣшила снять пальто и выйти въ столовую. Весь обѣдъ она была такъ весела и разговорчива, что Гертрудъ нѣсколько разъ съ удивленіемъ поглядывала на нее.

— Гильдуръ въ нервномъ настроеніи?— подумала она.— Отчего бы это?

Но она не стала ее спрашивать.

2

(Продолженіе слѣдуетъ).

„НАШИ ПЕРВЕНЦЫ“.

(Изъ литературныхъ воспоминаній Фридриха Шпильгагена, Георга Эберса и Германна Зудерманна *).

„Автобіографіи, вообще, почти всегда привлекательны, все равно—дурно или хорошо онѣ написаны, разѣ только за книгой стоитъ настоящій человекъ, тѣмъ болѣе, если онъ—писатель, подъ рукой котораго предметъ получаетъ всю прелесть художественнаго изображенія“, говоритъ Карль Эмиль Францозъ въ предисловіи къ оригинальной книгѣ, только-что вышедшей въ свѣтъ подъ его редакціей.

Деятнадцать небольшихъ, изящно написанныхъ и вполне законченныхъ, автобіографическихъ очерковъ, посвященныхъ юношескимъ воспоминаніямъ о первыхъ шагахъ на литературномъ поприщѣ такихъ извѣстныхъ нѣмецкихъ писателей, какъ Феликсъ Данъ, Г. Эберсъ, Ф. Шпильгагенъ и другіе, составляютъ содержаніе этой книги, задуманной К. Э. Францозомъ, который и самъ принялъ въ ней живое участіе и какъ авторъ, и какъ составитель программы.

Но самое интересное въ автобіографіи каждаго писателя,—продолжаетъ Францозъ,—это воспоминанія о первомъ произведеніи, и имъ обыкновенно авторы отводятъ больше всего мѣста, что такъ естественно и понятно. Первый порывъ, первая битва,—хотя и не всегда выигранная,—ихъ не затмятъ никакія послѣдующія побѣды и пораженія. Для нихъ нѣтъ забвенія.

«...Гдѣ вы, минуты умиленія,
Младыхъ надеждъ, сердечной тишины?
Гдѣ прежній жаръ и нѣга вдохновенія?»—

*) «Die Geschichte des Erstling'swerks».—Selbstbiographische Aufsätze von Rudolf Baumbach, Felix Dahn, Georg Ebers, etc.—Eingeleitet von Karl Emil Franzos. Mit den Jugendbildnissen der Dichter.—Leipzig, Verlag von Adolf Titzte. 1895 г.

могъ бы вздохнуть вмѣстѣ съ Пушкинымъ каждый писатель, переживая въ воспоминавіяхъ первое время творчества, когда пробудившійся талантъ еще только ищетъ дорогу, на которой онъ разовьетъ потомъ всѣ свои силы. Первые шаги, въ большинствѣ случаевъ, опредѣляютъ дальнѣйшій путь, „и ключъ къ творчеству автора лежитъ въ его первой книгѣ, будетъ ли то ясная рѣчь, или робкое лепетаніе“. Нерѣдко въ этихъ первыхъ произведеніяхъ талантъ проявляется самостоятельнѣе, ярче и сильнѣе, чѣмъ въ послѣдующихъ, а если случается и обратное, то эти уклоненія отъ истиннаго пути имѣютъ большое значеніе для пониманія характера автора, и сами по себѣ поучительны. Вотъ почему вдумчивый читатель охотно останавливается на главѣ, посвященной первому произведенію: она можетъ многое раскрыть и разъяснить ему въ писателѣ. Послѣдній, въ свою очередь, съ удовольствіемъ пускается въ подробности, такъ какъ ему есть, что сказать, такъ какъ онъ — сознательно или инстинктивно — чувствуетъ, что всякое недоумѣніе по поводу его „первенца“ было бы для него особенно тяжело и мучительно.

Въ очеркахъ, вошедшихъ въ составъ книги К. Францова, авторы рассказываютъ о своихъ первыхъ произведеніяхъ, которыя вышли въ свѣтъ. Изъ своей программы Францовъ исключилъ тѣ незрѣлыя, дѣтскія попытки, которыя имѣютъ скорѣе анекдотическій характеръ и въ сущности очень мало освѣщаютъ творчество того или иного писателя. Возникновеніе творческой силы составляетъ тайну, столь же непостижимую для писателя, какъ и для читателя. Поэты рождаются, — это старая истина, къ которой мы ничего не можемъ добавить. Зато каждый авторъ можетъ рассказать намъ, какъ и когда пришла ему въ голову мысль перваго его, болѣе или менѣе значительнаго, произведенія, изъ какихъ побужденій, подъ чьимъ вліяніемъ и въ силу какихъ впечатлѣній онъ остановился на ней, обработалъ ее именно такъ, а не иначе, что хотѣлъ сказать, какія послѣдствія имѣла она для его дальнѣйшей работы. Если бы исторія литературы имѣла такія „само-характеристики“ авторовъ прошлаго, напр., столѣтія, во многомъ облегчилась бы работа тѣхъ пытливыхъ изслѣдователей, которые теперь только съ величайшими усиліями могутъ представить намъ внутренній міръ великихъ писателей того времени. И для писателей такой „само-анализъ“ имѣетъ значеніе, уясняя каждому изъ нихъ его мѣсто въ литературѣ и смыслъ его произведеній. Конечно, такіе комментаріи не

*

дѣлають хорошимъ то, что плохо, такъ какъ въ искусствѣ важно лишь то, что художникъ можетъ, а не то, чего онъ хочетъ...

Для русскихъ читателей не всѣ эти очерки имѣють одинаковый интересъ. Многіе изъ авторовъ, принявшихъ участіе въ книгѣ Францова, или вовсе у насъ неизвѣстны, или очень мало знакомы читающей публикѣ. Такіе писатели, какъ Баумбахъ, Фонтанъ, Гопфенъ или Вихертъ, ничего не говорятъ ни уму, ни сердцу русскаго читателя. Пришлось, поэтому, сдѣлать извѣстный выборъ, и редакція остановилась на воспоминаніяхъ трехъ авторовъ, изъ которыхъ каждый не только пользуется у насъ большой и вполне заслуженной популярностью, но и оказалъ большее или меньшее вліяніе на нашу литературу, и тѣмъ послужилъ развитію нашей общественной мысли. Первое мѣсто среди нихъ принадлежитъ, безспорно, Фридриху Шпильгагену, который въ теченіи почти четверти вѣка остается любимцемъ молодого поколѣнія. Его романы — „Загадочныя природы“, „Изъ мрака къ свѣту“, „Одинъ въ полѣ не воинъ“, „Два поколѣнія“, „Между молотомъ и наковальней“, — до сихъ поръ не сходятъ со стола читающей молодежи, и кому изъ лицъ старшаго возраста не памятенъ его герой? У кого не было своего Лео, которому онъ поклонялся въ свое время, кто не воображалъ себя „загадочной натурой“ и вмѣстѣ съ мрачнымъ Каюсомъ (изъ „Двухъ поколѣній“) не готовился отдать себя всецѣло на служеніе идеалу? А если кто не читалъ этихъ захватывающихъ душу страницъ, не переживалъ этихъ минутъ восторженнаго умиленія, — тотъ не зналъ, что значить быть молодымъ... Значеніе Шпильгагена еще не вполне оцѣнено въ нашей литературѣ, въ которой онъ вызвалъ безчисленныя подражанія. Достаточно указать на г. Михайлова (Шеллера), лучшіе романы котораго написаны подъ несомнѣннымъ вліяніемъ Шпильгагена.

Имя Георга Эберса извѣстно у насъ, пожалуй, не менѣе, хотя значеніе его совсѣмъ иного рода. Своими историческими романами, которые всѣ переведены на русскій языкъ, и иные выдержали по нѣскольку изданій (напр., „Дочь египетскаго царя“), Эберсъ развилъ вкусъ къ изученію исторіи и археологіи, распространилъ въ средѣ нашей „обывательской“ публики свѣдѣнія изъ жизни древняго міра и является для многихъ единственнымъ источникомъ знакомства съ этимъ міромъ. Какъ художникъ, Эберсъ не представляетъ ничего вы-

дающагося. Описывая съ неподражаемой живостью внѣшнюю сторону быта египтянъ, персовъ или римлянъ, онъ среди этой обстановки выводитъ современныхъ ему нѣмцевъ, нерѣдко, истыхъ берлинцевъ, съ ихъ повлочеіемъ „желѣзному канцлеру“, аккуратностью и скромными добродѣтелями мирныхъ мѣщанъ. Оттого-то романы его немножко скучноваты и однообразны.

Германъ Зудерманнъ — самый молодой изъ выбранныхъ авторовъ, сдѣлавшійся извѣстнымъ у насъ года три назадъ, когда впервые была поставлена на сценѣ столичныхъ театровъ его драма „Честь“. Въ первый же сезонъ она обошла всѣ провинціальныя сцены, вездѣ съ громаднымъ успѣхомъ, и съ тѣхъ поръ не сходитъ съ репертуара, занимая среди переводныхъ пьесъ одно изъ выдающихся мѣстъ. Какъ молодой писатель, Зудерманнъ не можетъ быть сравниваемъ съ классиками, и у себя на родинѣ принадлежитъ пока къ числу „подающихъ надежды“. Обладая выдающимся талантомъ, онъ еще не установился, и въ своихъ послѣднихъ драмахъ ищетъ новыхъ путей для созданія „соціальной“ драмы, въ которой избитая романическая подкладка уступаетъ мѣсто болѣе глубокимъ общественно-политическимъ мотивамъ...

Каждый изъ этихъ писателей останавливается надъ своимъ „первенцемъ“ съ легкой ироніей, пробивающейся сквозь чувство умиленія и любви, съ которыми онъ вспоминаетъ о первыхъ шагахъ на литературномъ поприщѣ. Кромѣ чисто біографическихъ данныхъ, интересныхъ сами по себѣ, авторы бросаютъ вскользь не мало любопытныхъ замѣчаній, выясняющихъ ихъ психологію, ихъ взгляды на искусство, на литературу, на свое отношеніе къ жизни и обществу, чтѣ еще болѣе усиливаетъ интересъ къ этой „страничкѣ изъ прошлаго“ Шпильгагена, Эберса и Зудерманна.

А. Б.



Фридрихъ Шпильгагенъ. Родился 24 февраля 1829 г. Съ картины Клемма въ Ганноверѣ отъ 1862 г.

КАКЪ ВОЗНИКЛИ „ЗАГАДОЧНЫЯ НАТУРЫ“.

Желаніе узнать, какъ возникло первое произведеніе того или другого писателя, настолько же понятно, насколько трудно выполнимо. Для этого нужно было бы ни болѣе—ни менѣе, какъ выяснитъ всесторонне сущность фантазіи, найти и разоблачить всѣ таинственные источники, изъ сліянiя которыхъ слагается общій потокъ ея. Но и этого было бы мало. При подобномъ объясненiи пришлось бы всегда вращаться въ области общихъ идей, эстетическое и психологическое достоинство которыхъ можетъ многое говорить, не приближая насъ къ главной цѣли. Ибо вопросъ не въ томъ, какъ дѣйствуетъ человѣческая фантазія, а въ томъ, какъ дѣйствуетъ фантазія даннаго индивидуума? И даже этотъ вопросъ надо еще сзуть: какъ она дѣйствовала въ данномъ единичномъ случаѣ?

Вѣдь, и индивидуальная фантазія не всегда одна и та же,—она постоянно мѣняется и количественно, и качественно. Кто бы могъ приписать „Тассо“ и „Гражданскаго генерала“, „Ифигенію“ и „Великаго Кофту“ *)—одному и тому же автору, если бы онъ не имѣлъ никакихъ предварительныхъ

*) Драмы Гёте.

свѣдѣній объ этомъ? Каждое произведеніе родится подѣ особымъ небомъ, колоритъ котораго отражается въ немъ; оно вырастаетъ на особой почвѣ, запахъ которой срастается съ нимъ. Если мы ограничимся даже только разборомъ извѣстнаго произведенія извѣстнаго автора и объединимъ всѣ тѣ моменты, которые могли дѣйствовать при его первомъ зарожденіи, при постепенномъ ростѣ его и достиженіи имъ зрѣлости; если мы съ желательною точностью опредѣлимъ, каковъ былъ уровень его образованія въ моментъ возникновенія творенія и во время работы надъ нимъ, и каково было въ широкомъ и узкомъ значеніи этого слова его жизненное положеніе среди окружающихъ; если намъ удастся раскрыть литературные источники, въ которыхъ онъ прибѣгалъ, и назвать образцы, которыми онъ сознательно или безсознательно пользовался; если знать мѣстность, которая составляетъ какъ бы задній фонъ его картины, даже тѣ модели, по которымъ онъ создавалъ своихъ героевъ;—если знать все это, то въ лучшемъ случаѣ у насъ въ рукахъ окажутся всѣ части неизвѣстнаго цѣлага. Но нѣтъ главнаго,—нѣтъ той духовной связи, которая, переплетая и соединяя отдѣльныя части, создаетъ изъ нихъ одно цѣлое.

Но достигъ такого знанія невозможно ни теперь, ни впоследствии; никто не можетъ проникнуть въ тайники, гдѣ изъ невидимыхъ, неосязаемыхъ и невѣсомыхъ нитей слагается волшебный образъ. Даже самъ авторъ не въ силахъ сдѣлать этого.

Онъ даже всего менѣе можетъ это сдѣлать. Если наблюдатель и можетъ опредѣлить тотъ моментъ, когда уснувшій заснулъ, то заснувшій не можетъ сдѣлать этого; если люди, насъ окружающіе, имѣютъ весьма ясное представленіе о нашемъ внѣшнемъ обликѣ, о томъ, какъ мы стоимъ, ходимъ или вообще двигаемся, если они могутъ въ точности сказать намъ, какъ мѣняется выраженіе нашихъ глазъ подѣ вліаніемъ радости, страданія или гнѣва, какой оттѣнокъ принимаетъ нашъ голосъ отъ того или другого аффекта, то мы сами остаемся въ отношеніи къ себѣ, по крайней мѣрѣ, полуслѣпыми, полуглухими; собака, слѣдующая за нами по пятамъ, знаетъ насъ въ этомъ отношеніи лучше и точнѣе, чѣмъ мы сами.

Я намѣренно предпослалъ эти соображенія, чтобы читатель не ожидалъ слишкомъ многаго отъ послѣдующихъ строкъ, въ которыхъ я, насколько могу, постараюсь отвѣтить на раз-

личные вопросы, относительно возникновенія моего перваго произведенія „Загадочныя натуры“.

„Загадочныя натуры“, дѣйствительно, первое мое произведеніе, хотя въ спискѣ моихъ сочиненій нѣкоторыя помѣчены, какъ болѣе раннія. Новелла „Клара Вере“ (Clara Vere), собственно говоря,—ученическая работа, хотя, правда, и совершенно самостоятельная; это попытка — выяснитъ самому себѣ, насколько я понимаю жизненныя явленія, и чего достигъ въ изображеніи людей; въ концѣ концовъ это созданіе, въ которомъ я еще не былъ самимъ собою.

Но такую печать собственнаго „я“ должно, по моему, носить всякое первое произведеніе, разъ оно заслуживаетъ этого имени, хотя бы авторъ лишь изрѣдка выступалъ съ своимъ „я“, скрываясь за какимъ-нибудь юношей, называемымъ Вергеромъ, или бродя по Богемскимъ лѣсамъ подъ псевдонимомъ Карла Мора. Я не довѣряю поэтическому дарованію людей, которые, для выясненія своего „я“, ищутъ своего перваго героя въ чужой странѣ, по возможности, въ очень отдаленныя времена, имѣя съ нимъ столь же мало общаго, какъ Гамлетъ съ Геркулесомъ. Они могутъ блестяще проявить при этомъ свою объективность, начитанность, классическое образованіе и образованіе вообще, чутвость къ классическимъ формамъ (конечно, въ духѣ Гёте!) и другія цѣнныя качества; педантичныя ученые, учителя и тѣ, кто не ушелъ далѣе преддверія искусства, могутъ восхищаться ими, какъ образцовыми поэтами, и вносить ихъ въ качествѣ таковыхъ въ исторію литературы, но самое большее, что я могу сдѣлать, это—причислить ихъ къ числу прекрасныхъ писателей, но никакъ не поэтовъ. Первое произведеніе дѣйствительнаго поэта—всегда исповѣдь. Исповѣдь же, даже обращенная къ публикѣ, безъ сомнѣнія, дѣло интимное, предполагаая, конечно, что кающійся говоритъ такъ не потому только, „что это полагается“, но потому, что его это таготитъ, что ему хочется высказаться, что безъ этого онъ не можетъ свободно дышать и спокойно спать. Авторамъ же упомянутаго типа не въ чемъ признаваться, въ чемъ не могли бы признаться и другіе на ихъ мѣстѣ: они не касаются ни пережитаго ими лично, что, быть можетъ, потрясло ихъ до глубины души и доставило имъ моменты высочайшаго счастья, или адскія мученія; они не описываютъ тѣхъ страданій, которыя являются слѣдствіемъ общественныхъ условій, и съ теченіемъ времени становятся нестерпимы; имъ нечего „спо-

речь съ стоящими выше“ и возбуждать жалобы „на тирановъ“ *) этой земли. То, что они говорятъ, оставляетъ насъ совершенно хладнокровными. Поэтому, рѣчь ихъ не можетъ заставитьъ быстрѣе биться человѣческія сердца, и единственной подходящей надписью на первой страницѣ ихъ перваго творенія была бы слѣдующая: „in usum delphini“ **).

Моя исповѣдь появилась не скоро: мнѣ было уже почти тридцать лѣтъ, когда появилась первая часть моихъ „Загадочныхъ натуръ“. Какъ это случилось (а разъ это случилось, то вѣрно должно было случиться), я постарался разъяснить въ своей автобіографіи „Finder und Erfinder“ (Leipzig, 1887, L. Staackmanns Verlag) и долженъ отослать читателя, интересующагося подробностями, къ этому двухтомному сочиненію. Здѣсь же я могу только попытаться обратить его вниманіе на тѣ основныя черты, которыя, будучи загромождены прибавочными моментами, быть можетъ, выступаютъ недостаточно ясно, и рѣзче отгѣнить тѣ или другіе моменты, значеніе которыхъ для хода дѣйствія выяснилось мнѣ самому лишь позднѣе.

Теперь я совѣмъ не жалѣю, что не торопился формулировать свою исповѣдь. Можетъ быть, даже слѣдовало бы посовѣтовать каждому, кто чувствуетъ въ себѣ влеченіе сдѣлать въ будущемъ публику высочайшимъ судьей своихъ поступковъ,—отважиться на свой большой вызовъ лишь около тридцатилѣтняго возраста. Только людямъ незачѣмъ совѣтовать того, что обыкновенно указываетъ природа, властно заставляя руку, трепещущую отъ желанія дѣйствовать, бросить копье. Это очень понятно! Она говоритъ: человѣкъ можетъ выказать, на что онъ способенъ,—теперь или никогда. Онъ находится въ апогеѣ своихъ физическихъ и духовныхъ силъ, закаленныхъ путемъ многолѣтнихъ упражненій; неудачи еще не уничтожили его вѣры въ самого себя; онъ еще вѣритъ въ истинность золотыхъ мечтаній о будущемъ, въ осуществимость своихъ идеаловъ, въ способность людей къ совершенству. За нѣсколько лѣтъ до этого не хватало того или другого момента, на который я долженъ рассчитывать, чтобы произвести надлежащее дѣйствіе; нѣсколькими годами

*) «In tyrannos» — эпиграфъ къ первой драмѣ Шиллера «Разбойники».

***) Въ точномъ переводѣ значитъ: «для употребленія наследнику».—дофину, какъ назывались наследники французскихъ королей. Въ переносномъ смыслѣ употребляется для обозначенія передѣлки, въ которой не осталось ничего оригинальнаго.

позднѣе вмѣшаются другіе ограничивающіе моменты. И такъ, скорѣе къ дѣлу!

Я охотно соглашаюсь: и тутъ не все, примѣнимое къ одному, можетъ быть пригодно для другого. Въ эпоху скорого прожиганія жизни юные воины выступаютъ въ поле раньше, да и во всякое время существовали пылкія головы, которымъ разгоряченная кровь не давала спать и которыя поднимаютъ свой голосъ, прежде чѣмъ пропоютъ ранніе пѣтухи. Во времена моей юности ночь была длиннѣе дня, ночные сторожа очень усердно исполняли свою службу и умѣло наигрывали на рожкѣ самыя нѣжныя колыбельныя пѣсни...

Но до исповѣди я не могъ уберечь своего сердца.

Однажды, въ сумерки, кажется, въ одинъ изъ осеннихъ вечеровъ 1851 года, я рассказалъ своей сестрѣ, которую очень любилъ, и, несмотря на ея юность, довѣрялъ всѣ мои душевныя радости и горести, — романъ, который, въ сущности, былъ ничто иное, какъ „Загадочныя природы“. Я говорю: въ сущности, ибо, если рассказанный романъ по своей фабулѣ и имѣлъ лишь отдѣльное сходство съ написаннымъ позднѣе, то главное лицо было уже тутъ, а именно герой, который, если не былъ прямымъ моимъ отраженіемъ, то, во всякомъ случаѣ, имѣлъ рѣзкое сходство съ рассказчикомъ. И не онъ одинъ выступалъ такъ ясно въ разсказѣ. Въ его свитѣ находились различные образы, очерченные уже не неровными, а ясными, рѣзкими, чертами, образы моихъ друзей, имѣвшихъ, по моему, наибольшее вліяніе на ходъ моего развитія и впослѣдствіи выступившихъ въ моемъ романѣ въ томъ видѣ, въ какомъ они мнѣ тогда представлялись.

Но, что еще важнѣе, и кажется совсѣмъ другимъ, хотя, въ сущности, совсѣмъ то же самое и вполнѣ соотвѣтствуетъ герою, — уголь зрѣнія юнаго поэта на частичку жизни, которую онъ желалъ изобразить, былъ въ рассказанномъ романѣ совершенно тотъ же, какъ и въ написанномъ. Вся разница была въ томъ, что прежній уголокъ міра съ теченіемъ времени естественно расширился и включилъ въ себя массу лицъ, узанныхъ мною впослѣдствіи, въ томъ числѣ и такихъ, безъ которыхъ читателю трудно было бы представить себѣ этотъ романъ.

Дѣло, однако, не ограничилось этимъ рапсодическимъ изліяніемъ брата сестрѣ. Нѣсколько лѣтъ спустя я пережилъ нѣчто такое, что было для меня источникомъ высокаго счастья, а потомъ доставило мнѣ — и, въ сожалѣнію, не мнѣ

одному — много слезъ, и что, конечно, какъ все значительное, должно было послужить матеріаломъ для моего романа. Но, чѣмъ болѣе я мысленно (ибо до сихъ поръ ни одно слово не было записано) перебиралъ эту тему, тѣмъ болѣе тяготило меня сознание массы накопившагося съ теченіемъ лѣтъ матеріала и невозможность когда-либо одолѣть её. Но стоило только искушительницѣ — нуждѣ явиться ко мнѣ въ образѣ редакціи газеты, которая непременно желала имѣть мой рассказъ, и черезъ нѣсколько недѣль повѣсть „На дюнѣ“ (Auf der Düne) была готова и печаталась, какъ самостоятельное маленькое сочиненіе, хотя первоначально это была лишь отдѣльная часть большого романа, начало котораго уже цѣлые мѣсяцы лежало въ сундукѣ. Такимъ образомъ, въ романѣ образовался пробѣлъ, который никогда не былъ окончательно заполненъ, а только сверху замазанъ. Онъ заключается въ слѣдующемъ. Освальдъ, домашній учитель, отправляется на каникулы на берегъ моря, чтобы избѣжать тѣхъ событій, которыя составили сюжетъ новеллы и входили въ первоначальный планъ рассказа; а такъ какъ онъ не могъ бездѣтельно взирать на море, то понадобилось ввести неожиданно молодого доктора Брауна, который увезъ бы его обратно въ Гренвицъ. Когда однажды Фильдингъ ставилъ театральную піесу и въ партерѣ освистали одну изъ сценъ, слабость которой была ему хорошо извѣстна, онъ съ улыбкой сказалъ своему сосѣду: *The sly dogs! they heve found it out!* *) Ни одинъ изъ моихъ критиковъ не раскрылъ этой грубой заплатки въ ткани моего романа. Да и кто требуетъ отъ фабулы романа такой же послѣдовательности дѣйствій, на какой должна зиждиться фабула драмы? Ни критика, ни публика! Ахъ, какъ было бы желательно, чтобы для романа существовали такіе же свистуны, какіе нашлись въ партерѣ для Фильдинга! Правда, имъ понадобились бы здоровыя легкія для добросовѣстнаго исполненія такой обязанности! Къ тому же, можно побиться объ закладъ, что освистанные авторы изъ ста разъ девяносто девять не знали бы, за что свистать.

Около 54-го года мысли и чувства мои стали мучить меня такъ сильно, что я рѣшился положить предѣлъ этому состоянію, призвать тѣни по имени, напоить ихъ, за неимѣніемъ другой, своею собственной кровью и заставить ихъ говорить.

*) Хитрыя собаки! онѣ поняли, въ чемъ дѣло

Но процессъ заклинанія шелъ медленно. Многія побочныя обстоятельства самымъ нелюбезнымъ образомъ нарушали чары, необходимыя для полной преданности заклинателя своему дѣлу, сосредоточенія всѣхъ душевныхъ силъ и полной тишины вблизи священнаго круга. Быть можетъ, это и дурно, но, къ сожалѣнію, оно неизбѣжно; чтобы писать, нужно жить. И я былъ принужденъ дѣлать многое, что служило-таки къ моей чести и доставляло мнѣ необходимый скромный заработокъ, но по временамъ вызывало во мнѣ грустный вопросъ: „Развѣ это мой путь?“ О Боже, то не была моя дорога! Изъ дня въ день она вела меня въ Лейпцигскую гимназію, гдѣ я долженъ былъ посвящать строитивыхъ мальчишекъ въ тайны нѣмецкой и англійской грамматики, или же учить прилежныхъ дѣвочекъ сосѣдней женской школы сопряженію: *j'aime, tu aimes!* Не по мнѣ была та улица, которая вела въ Закгассе—улицу издателей, въ угоду которымъ я за жалкое вознагражденіе долженъ былъ потворствовать чужимъ вѣу-самъ. Мой романъ, за которымъ я часто просиживалъ ночью часа два, но который еще чаще лежалъ нетронутый въ моей конторкѣ, подвигался лишь черепашными шагами; если бы это продолжалось въ томъ же духѣ, я могъ бы до окончанія исповѣди достигнуть возраста бѣлоголовой вороны. А Довъ-Карлосъ уже двадцати друхъ лѣтъ жалуется, что ничѣмъ еще не увѣковѣчилъ себя!

Нельзя было продолжать въ томъ же духѣ. Я принялъ энергичное рѣшеніе: сжегъ свои школьные корабли, заткнулъ уши воскомъ, чтобы не слушать молящихъ сладкихъ голо-совъ, помѣшанныхъ на переводахъ издателей, и заключилъ контрактъ съ „Газетой для Сѣверной Германіи“ въ Ганноверѣ; по этому контракту я обязался помѣщать въ фельетонѣ, безъ всякаго перерыва, романъ въ 4-хъ томахъ; изъ нихъ только одна часть была готова, а три другія должны были поспѣвать за печатнымъ станкомъ.

Въ эти, сравнительно, молодые годы я уже могъ мало спать и умѣлъ работать; къ тому же, это доставляло мнѣ такое наслажденіе, каковаго самый рьяный читатель не испыталъ и сотой доли,—и я побѣдоносно достигъ своей цѣли.

Затѣмъ, я сдѣлался редакторомъ той газеты, въ которой увидѣла свѣтъ первая часть моего романа (всѣ четыре тома составили лишь первую часть), и уже въ качествѣ такового написалъ вторую, также въ четырехъ томахъ, чѣмъ и закончилъ свою великую исповѣдь.

Это было восьмитомное покаяніе, которое обнимало собою десять лѣтъ моей жизни! Мало того:—квинтэссенцію всей моей прежней жизни!

И дѣйствительно, только квинтэссенцію. Изъ пережитаго мною, въ дѣйствительности, въ романѣ были обработаны только отрывки, и то они были переработаны фантазіей и приняли ту форму, въ которой могли гармонично примкнуть къ остальному остову романа.

Только отрывки, и то число ихъ все уменьшалось по мѣрѣ того, какъ я носился съ своимъ сюжетомъ и приступилъ къ его обработкѣ. Первоначальная задача походила на предложеніе крестьянина: „Господинъ художникъ, не желаете-ли вы нарисовать меня?“—послѣ чего онъ, конечно, долженъ былъ фигурировать на полотнѣ на первомъ планѣ; но затѣмъ послѣдовали: его жена, сыновья, дочери, слуги, служанки, сосѣди, наконецъ, вся деревня съ ея полями и лугами. Постепенно мнѣ стало ясно, что, въ лучшемъ случаѣ, выйдетъ біографія, а не романъ. Слѣдовательно, многое надо было выпустить. Понятно, особенно много пропусковъ надо было дѣлать въ первыхъ главахъ, касающихся моего дѣтства и юности; въ теперешнемъ его видѣ, въ романѣ только тамъ и самъ, между строками, упоминается о нихъ; если и говорится болѣе ясно, то маскируется, напримѣръ, въ образѣ Бруно.

Затѣмъ слѣдуетъ часть,—съ нею собственно и начинается романъ,—въ которой очень ярко связывается все, пережитое мною, гдѣ герой романа и все, происходившее съ нимъ, сливаются съ лицомъ автора и всѣмъ, имъ испытаннымъ, въ одну общую массу. Такъ, мѣдъ и свинецъ даютъ въ сплавѣ одно цѣлое—бронзу.

Это можно сказать обо всей первой части, если только не быть слишкомъ строгимъ и помнить, что въ тавихъ случаяхъ правда и вымыселъ идутъ всегда рука объ руку. О второй нельзя сказать того же, или же въ болѣе ограниченной степени.

Здѣсь дороги автора и героя расходятся и, по мѣрѣ приближенія къ концу, все болѣе и болѣе. Чтобы описать происхожденіе той или другой „Натуры“, ненужно быть ею до мозга костей; надо быть только сроднымъ ей по духу, съ нѣкоторымъ фамилнымъ сходствомъ: не совсѣмъ тавимъ же, но настолько различнымъ, насколько различны братья, которые жили бы дружнѣе, если бы постоянно не отъеривали другъ въ другъ черточекъ, не доставляющихъ имъ самимъ

особой радости. До какой степени велико должно было быть сходство, подмѣченное Гулливеромъ между собою и Іегу, если онъ испытывалъ передъ этимъ несчастнымъ существомъ такой ужасъ!

Выше я указывалъ, какой особой отпечатокъ и смыслъ получаетъ романъ въ зависимости отъ угла зрѣнія, подъ которымъ авторъ въ данный моментъ наблюдаетъ избранный имъ уголокъ міра, и утверждалъ, что этотъ уголокъ зрѣнія не измѣнялся для меня съ момента зарожденія „Загадочныхъ натуръ“ вплоть до окончанія ихъ, несмотря на значительное накопленіе матеріала съ теченіемъ времени. Въ этомъ нѣтъ ничего страннаго, еще менѣе—противорѣчиваго. Я не хочу сказать этимъ, чтобы темпераментъ человѣка (а съ темпераментомъ и характеръ, съ характеромъ взглядъ на вещи) со-всѣмъ не мѣнялся; но по достиженіи извѣстной зрѣлости, эти видоизмѣненія можно считать незначительными, и можно сказать: *idem semper vultus eademque frons* (все тотъ же видъ, все то же чело).

Величина той части вселенной, которую обнимаетъ нашъ уголокъ зрѣнія, имѣетъ лишь относительное значеніе. Она можетъ быть столь велика, какъ въ *Иліадѣ*, т. е. обнимать собою почти весь міръ, или же можетъ быть сужена до такой степени, какъ въ поэмѣ (Гёте) „Германъ и Доротея“. Если маленькій отрывокъ изображенъ съ такою же любовью, съ тою же добросовѣстною художественностью, какъ и большою, то въ обоихъ случаяхъ можно одинаково точно и ясно опредѣлять уголокъ зрѣнія поэта. Этимъ мы не хотимъ сказать; чтобы обширность и значительность объекта не имѣли никакого значенія при оцѣнкѣ какого бы то ни было художественнаго произведенія. Какъ бы ни было похвально искусство, обнаруженное сочинителемъ одноактной пьесы, онъ всегда будетъ стоять ниже автора „Гамлета“ и „Макбета“; архитекторъ какой бы то ни было виллы долженъ будетъ всегда уступить первенство творцу Кельнскаго собора. Но это между прочимъ...

Но какъ мнѣ опредѣлить тотъ уголокъ зрѣнія, подъ которымъ авторъ „Загадочныхъ натуръ“ наблюдалъ свой міръ? Или, выражаясь иначе: что было руководящимъ началомъ въ его душѣ? Та особенная страсть, неизбѣжно дававшая свою окраску всѣмъ проявленіямъ жизни въ его глазахъ, отъ которой онъ всѣми силами стремился избавиться, дать исходъ ея мучительному пылу?

Пусть бы другой очутился на моемъ мѣстѣ и взялся

отвѣтить на этотъ вопросъ; онъ навѣрное справился бы съ этой задачей лучше, чѣмъ я! Но, разъ я взялся за это, я и отвѣчу. Но да не удивится читатель, если мнѣ придется завести его въ еще большія потемки, чѣмъ прежде.

Какъ олень воды, душа моя, съ самаго момента сознанія своего „я“, жаждала свободы. Свободы жить на полной волѣ, но не въ смыслѣ стремленія къ наслажденіямъ, а въ нравственномъ значеніи этого слова, — возможности дать себѣ просторъ проявлять и развивать всякую силу до ея предѣльной точки, — освободиться отъ людей, желающихъ отклонить меня отъ пути, предписываемаго мнѣ моею природой, — отъ могущества различныхъ обстоятельствъ, угрожающихъ самостоятельности моихъ дѣйствій и поступковъ, — наконецъ, освободиться, и это не маловажно, отъ тѣхъ препятствій, которыя возстаютъ внутри насъ самихъ и въ образѣ дурныхъ наклонностей и влеченій и всякаго рода слабостей препятствуютъ доброму развитію нашего внутренняго міра, хотя часто само-довольно считаютъ себя силами...

Ясно было одно: моя жизнь должна быть великой, могущественной, по скольку это возможно. Затѣмъ слѣдовало другое желаніе, не менѣе глубокое: она должна отличаться красотой, доставить мнѣ все прекрасное, въ какой бы формѣ оно ни проявлялось.

Само собой разумѣется, что молодой человекъ не сразу понимаетъ природу такихъ душевныхъ наклонностей, хотя бы онъ чувствовалъ ихъ очень интенсивно, и не сразу сознаетъ, что онѣ-то и даютъ опредѣленный характеръ его жизни, что онъ рожденъ быть свободомыслящимъ, ненавидѣть рабство, и что никакіе уговоры двоюродныхъ братьевъ и сестеръ, никакія неблагопріятныя условія на долго не удержатъ его попытать счастья въ области искусства.

Я смѣло могу сказать одно: смутное стремленіе найти истинный путь — тотъ путь, по которому я могъ слѣдовать одинъ, — я выяснилъ себѣ довольно рано; и это-то сознаніе вѣрно спасло меня отъ торопливости, заставляющей многихъ слагать оружіе еще задолго до достиженія цѣли.

Но и я не избѣгъ борьбы съ тѣми недобрыми силами, которыя возстаютъ внѣ каждаго, мечтающаго о свободѣ и красотѣ, или же дразня и пугая, вырастаютъ въ немъ самомъ; и я не избѣгъ ужаса при видѣ пропасти, на краю которой я бродилъ, не избѣгъ ужасающей увѣренности, что страстное увлеченіе свободой и красотой, переходящее въ

упоеніе, разрушаетъ духъ и тѣло и неизбежно толкаетъ къ гибели...

„Загадочныя натуры“ — исторія такого несчастнаго челоуѣка.

Бѣдный сводный братъ! Я могъ полною грудью вдыхать вмѣстѣ съ тобою суровое дыханіе моря, тотъ живительный воздухъ, который вѣетъ надъ цвѣтущими садами, тотъ пріятный запахъ, который подымается надъ только-что вспаханными полями. Въ тѣни лѣса, на краю озера, поросшаго тростникомъ, я охотно предавался съ тобою фантастическимъ мечтамъ о голубомъ цвѣткѣ, что растеть въ тихой долинкѣ между скалами, о прекрасныхъ женщинахъ, которыя укрощаютъ неукротимаго борца и съ доброю улыбкой протягиваютъ свою стройную руку. Я могъ съ тобою мечтать и сочинять, раздумывать и философствовать, шутить и издѣваться, — издѣваться надъ риємоплетами и ихъ товарищами, лицемѣрами и ихъ отродьемъ, надъ пустозвонами, юнкерами и ихъ высокомѣрными женами. Я могъ говорить съ тобою о благородной душѣ, жертвующей собою, о прекрасномъ мальчикѣ-юношѣ, погибшемъ въ цвѣтѣ лѣтъ. На это я былъ способенъ и все это перечувствовалъ, какъ Богъ святъ!

И Онъ знаетъ, какъ сердце мое обливалось кровью, когда я долженъ былъ разстаться, чтобы не заблудиться съ тобою въ той провлятой странѣ, гдѣ въ удушливомъ зноѣ себялюбивыхъ страстей уже не возникаютъ добрыя мечты, и поле уже не приноситъ болѣе питательныхъ плодовъ тому, что отвыкъ работать.

И знай, что я все это отъ души простилъ тебѣ, ибо, какъ ни пропаща была твоя жизнь, какъ ни были обмануты твоя вѣра, надежда и любовь, ты, по крайней мѣрѣ, среди сотни другихъ, благороднѣе и лучше тебя, могъ умереть за идею, которая тысячи разъ подвергалась кровавымъ истязаніямъ, съ позоромъ была пригвождена ко кресту, но снова воскреснетъ къ жизни, пока, наконецъ, не побѣдитъ весь міръ.



Георгъ Зберсъ. Родился 1-го марта 1837 г. Съ рисунка Германа Эрнеке 1856 г.

Исторія возникновенія „Дочери египетскаго царя“.

Которое изъ моихъ раннихъ произведеній можетъ быть названо моимъ „первенцомъ“? О моихъ дѣтскихъ, до сихъ поръ еще неизданныхъ, стихотвореніяхъ здѣсь, конечно, не можетъ быть и рѣчи, также какъ и объ ученическихъ сочиненіяхъ въ старшемъ классѣ, а между тѣмъ, это все-таки были мои первыя произведенія, и я всегда получалъ за нихъ высшія отмѣтки. Какъ твердо увѣренъ былъ я тогда въ томъ, что всѣ мои сочиненія будутъ награждаться лестными отзывами „очень хорошо“, и какъ я былъ далекъ отъ мысли, что каждый мой послѣдующій шагъ въ этомъ направленіи будетъ отдалять меня отъ увѣренности въ одобреніи моихъ трудовъ со стороны многоголового учителя, называемаго „критикой“.

Къ сожалѣнію, я уже не въ состояніи больше составить себѣ хотя бы приблизительное представленіе объ этихъ, давно затерянныхъ, юношескихъ работахъ. Изъ моихъ первыхъ стихотвореній сохранилось всего два, изъ которыхъ второе, небольшой рассказъ въ стихахъ, было моимъ первымъ произведеніемъ, попавшимъ въ печать. Я сочинилъ его

незадолго до выпускного экзамена и прочелъ на публичномъ актѣ, въ актовомъ залѣ гимназіи. Намъ была предоставлена свобода въ выборѣ темы для этого сочиненія, и я воспользовался для нея старикомъ Геродотомъ, откуда, много лѣтъ спустя, почерпнулъ матеріалъ и для моего настоящаго литературнаго первенца — для „Дочери египетскаго царя“. Впрочемъ, печатное искусство сжалилось надъ моимъ первымъ стихотвореніемъ только черезъ 33 года послѣ его появленія на свѣтъ, да и въ печатномъ видѣ оно доступно лишь очень немногимъ, потому что напечатано въ изящномъ, но никогда не проникавшемъ въ продажу, юбилейномъ изданіи введлинбургской гимназіи, составленномъ къ 350-ти-лѣтнему юбилею этого прекраснаго учебнаго заведенія.

Другое, еще болѣе раннее мое стихотвореніе, также какъ и большинство моихъ лирическихъ произведеній, никогда не было напечатано, но оно интересно для меня потому, что показываетъ, какъ рано пробудилось во мнѣ стремленіе къ эпическому творчеству. Многія происшествія, которыя заставляли биться мое сердце, и которыя отпечатлѣвались въ моей душѣ, побуждали меня изобразить ихъ въ поэтической формѣ, и мой личный опытъ заставлялъ меня влагать въ уста героя слѣдующія строфы:

Empfinden können alle Menschen gleich
Doch Shaun und Schaffen nur sind Künstlergaben,
Die wir, ja wir allein—das macht uns reich—
Als köstlichstes Geschenk empfangen haben*).

Послѣ того, какъ я въ университетѣ оставилъ юридическія науки и вернулся къ моимъ любимымъ древнимъ народамъ, среди которыхъ меня вскорѣ особенно привлекли къ себѣ египтяне, душой моей завладѣли образы разныхъ историческихъ личностей; чѣмъ больше я знакомился съ ними, и чѣмъ опредѣленнѣе вставали передо мной ихъ фигуры, тѣмъ сильнѣе влекло меня къ художественной обработкѣ этого матеріала. Но я старался сдерживать въ себѣ эти порывы, потому что мнѣ казалось неправильнымъ тратить время, предназначенное для научной работы, для грамматическихъ, археологическихъ и философскихъ занятій, на удовлетвореніе моей старинной склонности къ писательству. Въ результатѣ моихъ научныхъ изслѣдованій получилась, нако-

*) Всѣ люди могутъ чувствовать одинаково, но видѣть и творить даровано художникамъ; этимъ драгоценнымъ даромъ, дѣлающимъ насъ богатыми, владѣемъ только мы одни.

нецъ, написанная на латинскомъ языкѣ, диссертация о двадцать шестой династїи египетскихъ фараоновъ, и эту диссертацию я также могъ бы назвать своимъ первымъ литературнымъ произведеніемъ, потому что она образуетъ самостоятельное цѣлое и была напечатана. Но, вѣроятно, издатель этой книги не удовлетворился бы такимъ признаніемъ, хотя моя научная диссертация все-таки, и съ его точки зрѣнія, заслуживаетъ упоминанія, потому что мысль о моемъ первомъ романѣ „Дочь египетскаго царя“ возникла у меня въ головѣ въ то время, какъ я работалъ надъ этой диссертацией. При послѣднихъ правителяхъ 26-й династїи египетскихъ фараоновъ долина Нила была присоединена къ Персіи Камбизомъ, и подробное, продолжительное изученіе ея судьбы такъ тѣсно сблизило меня съ государственной и частной жизнью трехъ міровыхъ державъ, которыя въ то время ближе всего соприкасались другъ съ другомъ—съ Египтомъ, Персіей и Греціей, что мнѣ захотѣлось представить подробное изображеніе этой, во многихъ отношеніяхъ, интересной эпохи. Я взялъ себѣ за образецъ сочиненіе Буркхарта „Время Константина Великаго“ и сталъ писать исторію присоединенія Египта къ Персидской монархіи. У меня до сихъ поръ еще сохранилась первая глава этой, никогда неоконченной, исторической работы. Новая идея отвлекла меня отъ нея; въ то время, какъ я занимался критическимъ изслѣдованіемъ того, насколько можно довѣрять разсказу Геродота объ египетской принцессѣ Нитетисъ, посланной ко двору Камбиза, дѣйствующія лица этого разсказа все болѣе и болѣе привлекали къ себѣ мое вниманіе, и въ одинъ прекрасный день я рѣшилъ сдѣлать дочь египетскаго царя героиней историческаго романа. То, что разсказываетъ Геродотъ объ этой несчастной дѣвушкѣ, безспорно, даетъ очень благодарный матеріалъ для романиста.

Хорошо изучивъ данную историческую эпоху, я смѣло приступилъ къ новому для меня дѣлу. Мнѣ приходилось раньше много читать по психологіи и имѣть много сношеній съ самыми разнообразными людьми въ Германіи, и заграницей, во время путешествій. Чтеніе и личный опытъ убѣдили меня въ томъ, что основныя черты человѣческой личности, основныя, побудительныя мотивы человѣческихъ поступковъ, вездѣ и всюду, во всѣ времена, были одни и тѣ же; съ вѣроятными же различіями въ нравахъ, обычаяхъ, религіозныхъ и нравственныхъ воззрѣніяхъ, которыя у трехъ вы-

*

пеназванныхъ народовъ имѣють другой характеръ, чѣмъ у насъ, я легко могъ справиться.

И вотъ, я взялся за работу и, вѣроятно, немного найдется произведеній, которыя писались бы съ такой бодростью и съ такимъ удовольствіемъ, какъ „Дочь египетскаго царя“.

Когда я, наконецъ, кончилъ свой романъ, который хранилъ въ тайнѣ даже отъ своихъ ближайшихъ друзей, я, не безъ трепета, отнесъ его въ корифею нашей науки—Рихарду Лепсіусу. Онъ былъ постояннымъ руководителемъ моихъ научныхъ работъ и зналъ, что я хочу посвятить себя профессорской дѣятельности; поэтому онъ былъ не мало удивленъ, когда я преподнесъ ему объемистую рукопись трехтомнаго романа. Онъ далъ мнѣ понять, что эта моя экскурсія въ область поэзіи не особенно пріятно поразила его. Но, когда я черезъ двѣ недѣли снова зашелъ къ нему, онъ отозвался съ большой похвалой о моемъ романѣ, назвавъ его „вѣрной, привлекательной и своеобразной картиной изъ древняго міра“, и сдѣлалъ мнѣ нѣсколько очень цѣнныхъ указаній относительно нѣкоторыхъ частностей, которыя, по его мнѣнію, слѣдовало бы измѣнить. Я ушелъ отъ него, преисполненный благодарности и счастья.

Получивъ, такимъ образомъ, одобреніе отъ моего стараго учителя, я на время совершенно удовлетворился этимъ первымъ успѣхомъ. Мнѣ и въ голову не приходило искать издателя для своей книги. Но, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, я случайно познакомился въ Вильдбадѣ со штутгартскимъ книгопродавцемъ Эдуардомъ Гальбергеромъ. Этотъ рѣдкій человекъ, который впоследствии сдѣлался моимъ самымъ близкимъ другомъ, очень скоро сошелся со мной; я, конечно, рассказалъ ему про свою рукопись, и онъ пожелалъ прочесть ее. Однажды вечеромъ, за ужиномъ, я передалъ ему свой романъ, и на другой день утромъ этотъ неутомимый человекъ уже успѣлъ просмотрѣть его. Мы съ моей дорогой, теперь уже умершей, матерью сидѣли за завтракомъ, когда онъ пришелъ къ намъ съ своей женой, и радостно сказалъ матери: „Это Георгъ хорошо написалъ, и я напечатаю его рукопись. Я не могъ оторваться отъ второго тома, и уже начало свѣтать, когда я закрылъ его“.

Такимъ образомъ, мой литературный первенецъ появился въ свѣтъ, гдѣ его ожидала довольно необыкновенная судьба: первое, небольшое, изданіе не распродалось очень долго; затѣмъ, хотя ни въ содержаніи, ни въ формѣ его не было

сдѣлано никакихъ существенныхъ измѣненій, спросъ на него все возрасталъ, и теперь, черезъ 30 лѣтъ послѣ перваго изданія, оно выходитъ уже 14-мъ изданіемъ.

Критика отнеслась къ „Дочери египетскаго царя“ довольно благопріятно, но не удѣлила ей особеннаго вниманія, и лишь очень немногихъ побудила прочесть ее. Ей посвящались только рѣдкія, краткія, замѣтки, до тѣхъ поръ, пока Френцель, въ большомъ фельетенѣ въ „Nationalzeitung“ не поставилъ моего романа въ одномъ ряду съ Флоберовской „Саламбо“. Его подробная и благопріятная для меня оцѣнка привлекла многихъ къ первому произведенію молодого, никому неизвѣстнаго, автора, но романъ сталъ раскупаться только нѣсколько лѣтъ спустя.

Мой учитель, Рихардъ Лепсіусъ, сдѣлался крестнымъ отцомъ „Дочери египетскаго царя“, согласившись принять мое посвященіе, и постоянно сообщалъ мнѣ всѣ отзывы, которые ему приходилось слышать отъ разныхъ выдающихся людей о моемъ романѣ. Въ настоящее время романъ переведенъ на 16 культурныхъ языковъ, и это меня радуетъ; я гдѣ-то читалъ, что мнѣніе заграницы какъ бы предвосхищаетъ мнѣніе потомства, и эта мысль кажется мнѣ достойной вниманія.

Тѣ, которые сами переживали стремленіе къ художественному творчеству, поймутъ, сколько труда мнѣ стоило, несмотря на успѣхъ, выпавшій на долю моего литературнаго первенца черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ его появленія на свѣтъ, въ теченіи 13 лѣтъ воздерживаться отъ сношеній съ моею музой, какъ бы часто она меня ни привлекала къ себѣ. Тѣмъ не менѣе, мнѣ удалось въ теченіи всего этого времени посвятить себя исключительно серьезнымъ научнымъ изслѣдованіямъ и профессорской дѣятельности. Только когда я натолкнулся на матеріалъ для „Уарды“, я не могъ противостоять неудержимому стремленію воплотить его въ художественныхъ образахъ, и вполнѣдствіи я пришелъ къ заключенію, что служитель музъ можетъ въ то же время оставаться вѣрнымъ служителемъ Минервы. Если въ надлежащее время приносить жертвы обѣимъ богинямъ, то ни одна изъ нихъ, думается мнѣ, не будетъ чувствовать себя оскорбленной.



Германнъ Зудерманнъ. Родился 30 сентября 1857 г. Съ фотографіи 1886 г.

МОЯ ПЕРВАЯ ДРАМА.

Моя первая драма!

Ей никогда не пришлось увидѣть свѣтъ, хотя она и испытала не мало превратностей судьбы.

Исторія ея относится къ эпохѣ моего пребыванія въ третьемъ классѣ. Это было въ то время, когда я попалъ въ пансіонъ къ моей теткѣ въ Эльбингенѣ, и впервые съ священнымъ трепетомъ переступилъ порогъ театра.

Къ несчастію, мѣсто на галлерей стоило три зильберггроша, а ассигнованный мнѣ ежемѣсячно на карманные расходы талеръ цѣликомъ уходилъ на тетради, стальные перья, чертежныя принадлежности и на стрижку. Всѣ финансовыя ухищренія съ моей стороны были безуспѣшны, потому что тетва держала меня въ ежовыхъ рукавицахъ.

Но наступившіе холода нѣсколько потрясли суровый режимъ. Теткѣ не хотѣлось оставлять до разсвѣта свою теплую постель, для того, чтобы приготовить мнѣ утренній кофе. Къ этому кофе мнѣ обыкновенно полагались двѣ булки, одну изъ которыхъ я тутъ же съѣдалъ, а другую бралъ съ собою въ классъ и оставлялъ до десятичасовой перемѣны.

Если бы мнѣ только удалось заполучить въ свои руки наличную сумму, соответствующую стоимости этихъ двухъ булокъ! Тогда я могъ бы положить основаніе значительному капиталу. Вся суть была только въ томъ, чтобы поголодать до обѣда... И вотъ, я сталъ уговаривать тетеньку оставаться утромъ въ постели, увѣряя ее, что я съ большимъ удовольствіемъ готовъ отправляться въ школу съ пустымъ желудкомъ, для того чтобы не нарушать ея покоя... Тетка, тронутая моей дѣтской любовью, уступила, наконецъ, моимъ настояніямъ, я же, вмѣсто того, чтобы покупать у булочника булки, пряталъ деньги и голодалъ.

Боже, какъ я голодалъ! Какія муки терзали меня, когда въ 10 часовъ товарищи, бывало, вытаскивали изъ кармановъ бутерброды, а я, уткнувшись носомъ въ книжку, старался скрыть за ней свои жадные взгляды.

Всего труднѣе мнѣ приходилось по средамъ и воскресеньямъ, потому что въ эти дни уроки въ школѣ кончались только въ 1 часъ. Я возвращался домой съ аппетитомъ, вызывавшимъ всеобщее удивленіе. Помню, что какъ-то разъ я уничтожилъ въ одинъ присѣсть 40 картофелинъ.

Плоды моего обмана недолго заставили себя ждать. Пять дней голодовки доставили мнѣ въ итогѣ билетъ на галерею. Такимъ путемъ мнѣ удалось познакомиться со слѣдующими пьесами: „Drei Paar Schuhe“, „Lohengrin“, „Fünf mal hundert tausend Teufel“, „Maria Stuart“ и „Die schöne Helena“.

И наконецъ насталъ великій день, когда въ славномъ городѣ Эльбингѣ выступила Гермина Клааръ на сценѣ Делія.

Надѣюсь, что жена почтеннаго франкфуртскаго интенданта проститъ мнѣ мое запоздалое объясненіе въ любви, — вѣдь это она заронила первое предчувствіе будущаго призванія въ сердце тринадцатилѣтняго мальчугана.

Я видѣлъ ее въ роли Валентины и далъ себѣ слово не успокоиться до тѣхъ поръ, пока не создамъ нѣчто столь же великое и съ любовью повергну свое твореніе къ ея стопамъ.

Подлѣ дома моей тети былъ дровяной складъ. На другой день я, какъ безумный, карабкался на дрова и, глотая слезы волненія, поклялся сдѣлаться драматическимъ писателемъ.

Прошли годы прежде, чѣмъ я могъ исполнить свой обѣтъ.

Я оставилъ школу, сдѣлался фармацевтомъ, снова поступилъ въ школу, сдѣлался студентомъ, достигъ такимъ образомъ высшей ступени моего дѣтскаго честолюбія, и въ 18

лѣтъ почувствовалъ себя достаточно зрѣлымъ для того, чтобы завоевать себѣ безсмертіе.

Счастливыя ночи творчества! Съ пылающей головой возвращался я изъ пивной и садился писать, и писалъ до самаго утра. Такъ много говорятъ о техническихъ трудностяхъ драмы — я ихъ не чувствовалъ.

Моя драма называлась „Дочь счастья“.

Героиня — высокоомѣрный, гордый отпрыскъ старинной разорившейся семьи, погибающей, благодаря проискамъ мошенника коммерсанта.

Благородный демократъ, вышедшій изъ простого народа, является въ роли спасителя, и, хотя онъ и не въ состояніи предотвратить гибель семьи, но завоевываетъ себѣ руку угнетенной дочери. Въ пятомъ актѣ они встрѣчаются на кладбищѣ, и рука объ руку съ нимъ героиня снова вступаетъ въ жизнь.

Перечитывая свое произведеніе, я нашель, что оно недостаточно „геніально“. „Разбойники“ Шиллера были положительно геніальнѣе, и такихъ мѣстъ, какъ знаменитое проклятіе Карла или размышленія Франца о происхожденіи человѣка, совсѣмъ не было въ „Дочери счастья“. Я принялся за переработку моихъ діалоговъ и возился надъ ними до тѣхъ поръ, пока каждая мало-мальски осмысленная фраза не превратилась въ бессмысленный наборъ словъ. Друзья, которыхъ я посвятилъ въ тайну своего писательства, восхищались цвѣтистымъ языкомъ, и я торжествовалъ, когда одинъ изъ нихъ, не подозрѣвавшій цѣли моихъ стараній, уподобилъ стиль моего сочиненія стилю „Разбойниковъ“.

Желая придать своему творенію внѣшность, соответствующую его внутреннему достоинству, я въ третій разъ переписалъ его на чисто на толстой, бѣлой бумагѣ съ полями шириной въ ладонь.

Затѣмъ я серьезно занялся вопросомъ о постановкѣ моей драмы на сценѣ. Одно было несомнѣнно — Гермина Клааръ-Делія должна играть главную роль, ей должна была быть посвящена драма. Измѣнить что-нибудь въ этомъ отношеніи значило бы измѣнить священнѣйшимъ обѣтамъ дѣтство.

По счастливому стеченію обстоятельствъ, моя богиня оказалась замужемъ, а мужъ ея состоялъ директоромъ берлинскаго театра. Отъ радости сердце чуть не выскочило у меня изъ груди, когда я случайно прочелъ это извѣстіе въ газетѣ. Минъ, зна-

чить, оставалось только одно— послать мою рукопись, „почтительно посвященную госпожѣ Герминѣ Клааръ-Деліи“, ея супругу, который, конечно, поторопится поскорѣе поставить на сцену драму, ставшую, благодаря моему посвященію, нѣкоторымъ образомъ, фамильнымъ достояніемъ.

Въ радостно приподнятомъ настроеніи я отослалъ въ берлинскій „Резиденцтеатръ“ свою рукопись съ чудными широкими полями и собирался черезъ нѣсколько недѣль отправиться въ Берлинъ, потому что я давно зналъ, что автору необходимо присутствовать при репетиціяхъ его пьесы.

Къ счастью, дѣло было передъ Пасхой, и я имѣлъ возможность выписаться изъ кенигсбергскаго университета и перейти въ берлинскій. 28 апрѣля 1877 года я вѣхалъ въ Берлинъ на имперіалѣ омнибуса съ тѣмъ-же торжествующимъ чувствомъ, какое одушевляло героевъ Зола, когда они явились изъ Плассанса завоевать Парижъ.

Рядомъ со мною сидѣлъ еще такой же завоеватель, съ длинными развѣвающимися волосами, въ коричневомъ плащѣ, изъ котораго онъ успѣлъ уже вырости. Его звали Отто Нейманъ, и онъ былъ прикащикомъ въ книжномъ магазинѣ, тайкомъ сдалъ экзаменъ на аттестатъ зрѣлости и теперь вѣхалъ въ Берлинъ, чтобы поступить въ тамошній университетъ. Мы встрѣтились на одномъ изъ вокзаловъ восточной Пруссіи и, несмотря на взаимную антипатію, рѣшили поселиться вмѣстѣ для того, чтобы сберечь ежемѣсячно по 4 талера. Благодаря этому обстоятельству, мы сдѣлались друзьями на всю жизнь.

Мы завернули съ вокзала въ улицу съ двумя рядами высокихъ, красивыхъ домовъ, и вдругъ сердце мое радостно забилося— я увидалъ надъ подъѣздомъ вывѣску „Резиденцтеатръ“.

Такъ вотъ мѣсто моихъ будущихъ триумфовъ! — подумалъ я про себя, въ умиленіи. Я колебался, сообщить ли моему спутнику о значеніи этого дома, но промолчалъ...

На слѣдующее же утро я поспѣшилъ въ кондитерскую, заказалъ себѣ пирожное со взбитыми сливками и принялся просматривать „Berliner Tageblatt“.

Я искалъ замѣтки, приблизительно, таковаго содержанія, что драма „Дочь счастья“, принадлежащая перу неизвѣстнаго, но въ высшей степени талантливаго автора г. З., будетъ въ ближайшемъ времени поставлена на сцену.

Странно!— такой замѣтки не оказалось.

Начиная съ этого дня, я каждое утро отправлялся въ сосѣднюю кондитерскую, просматривалъ театральныя извѣстія

во всѣхъ берлинскихъ газетахъ, и уничтожалъ безчисленное множество пирожныхъ.

Прошло шесть недѣль, и мой сожитель, котораго я успѣлъ посвятить тѣмъ временемъ въ мою тайну, посоветовалъ мнѣ лично справиться у директора. Я рѣшилъ послѣдовать его совету, потому что было очевидно, что тутъ произошло какое-то недоразумѣніе, или ошибка.

У меня былъ черный сюртукъ, съ большимъ стараніемъ спитый портнымъ въ моей родной деревушкѣ. Этотъ сюртукъ имѣлъ ту особенность, что полы его расходились внизу треугольникомъ. Облачившись въ этотъ сюртукъ, я отправился въ Цвѣточную улицу.

— Директора теперь нѣтъ въ театрѣ, но, можетъ быть, его секретарь...

— Нѣтъ, — гордо сказала я.

Тогда мнѣ посоветовали отправиться къ нему на квартиру, помѣщавшуюся неподалеку отъ театра.

— Хорошо.

Я пришелъ, назвалъ свою фамилію и былъ принятъ. „Господинъ директоръ сейчасъ выйдетъ“.

Съ чувствомъ страха и удивленія я сталъ осматривать комнату, роскошь которой превосходила всѣ мои представленія о салонахъ. Я сдѣлалъ поспѣшное движеніе, чтобы оттянуть вверху треугольныя полы моего сюртука и придать себѣ видъ свѣтскаго человѣка.

Довольно молодежавый на видъ, господинъ быстрыми шагами вошелъ въ комнату и съ торопливой любезностью освѣдомился, что мнѣ угодно.

Я снова назвалъ свое имя, такъ какъ рѣшилъ про себя, что прислуга перепутала его, и ожидалъ, что лицо директора радостно просияетъ при звукахъ этого имени.

Но ожидаемаго эффекта не послѣдовало.

Нѣсколько изумленный, я продолжалъ: „Три мѣсяца назадъ я отправилъ въ „Резиденцтеатръ“ свою пьесу „Дочь счастья“, и до сихъ поръ жду отвѣта“.

При данныхъ условіяхъ, я считалъ ниже своего достоинства обратить вниманіе директора на лестное посвященіе моей пьесы.

— О, весьма сожалѣю, — возразилъ онъ съ вѣжливой улыбкой, — я постараюсь исправить свою неаккуратность и распоряджусь о немедленной доставкѣ вамъ рукописи.

Положеніе дѣла было очевидно.

Отвергнута! отвергнута безъ прочтенія!

— Пожалуйста, — сказалъ я, гордо выпрямляясь, и вышелъ изъ комнаты.

Прошелъ слѣдующій день, а рукопись не была мнѣ доставлена. Тогда мнѣ пришло въ голову, что директоръ не знаетъ моего адреса. Я послалъ ему карточку, въ которой лаконически, какъ это подобаетъ оскорбленному писателю, сообщались необходимыя свѣдѣнія.

Но рукопись по прежнему оставалась невозвращенной. Прошло еще нѣсколько недѣль въ напрасномъ ожиданіи. Я снова началъ предаваться надеждамъ.

Положеніе дѣлъ казалось мнѣ яснымъ. Намѣреваясь отправить мнѣ рукопись, директоръ, вѣроятно, случайно взглянулъ въ нее, пришелъ въ восторгъ, и теперь навѣрно занятъ постановкой ея на сценѣ.

Снова возобновились мои хожденія въ кондитерскую, опять безчисленное множество пирожныхъ обременили мой бюджетъ.

Но когда, по истеченіи еще двухъ мѣсяцевъ, я не получалъ никакихъ извѣстій, я рѣшился вторично отправиться къ директору.

Меня снова приняли, я снова очутился среди полумрака роскошнаго, завѣшеннаго коврами салона.

Дверь распахнулась, и въ комнату стремительно вошелъ съ веселой, привѣтливой улыбкой директоръ. Я почувствовалъ радостный страхъ, мнѣ казалось, онъ немедленно заключитъ меня въ объятія.

— Чѣмъ могу служить?

— Меня зовутъ Германнъ Зудерманъ.

— Очень радъ... Чѣмъ могу служить?

— Я предполагалъ, что вы меня знаете, господинъ директоръ.

— Да... да... я вспоминаю... Позвольте, какое это собственпо было дѣло?..

— Я представилъ вамъ драму, господинъ директоръ.

— Такъ... такъ...

— „Дочь счастья“.

— Та-а-акъ!

— И вы обѣщали немедленно доставить мнѣ рукопись.

— Ахъ, такъ, такъ. И вы ея не получили?

— Да, я ея не получилъ.

— Да, теперь я вспомнил... Я сказал своему секретарю, чтобы онъ... да... Какой вашъ адресъ?

— Шпандаускій мостъ, № 9.

— Такъ, такъ... благодарю васъ. Рукописи просматриваются у меня самымъ тщательнымъ образомъ. Мы оставляемъ все, изъ чего можемъ сдѣлать хоть какое-нибудь употребленіе. Но... вѣроятно, забыли объ этой рукописи... Это случается. Надѣюсь, вы на насъ не въ претензіи, господинъ Зильберманъ.

И онъ протянулъ мнѣ руку съ улыбкой, плѣнлившей меня, несмотря на мою ярость.

Я ушелъ.

На другой день мнѣ доставили пакетъ со штемпеломъ: „Дирекція Резиденцтеатра“.

Я взрѣзалъ конвертъ и узналъ свой почеркъ, но объемъ рукописи какъ-то странно уменьшился.

Слова директора подтвердились. Все, изъ чего можно было сдѣлать какое-нибудь употребленіе, осталось у нихъ; драгоценныя бѣлыя поля была обрѣзаны—остальное мнѣ вернули.

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ.

Проф. П. Н. Миллюкова.

(Продолжение *).

Очеркъ первый.—Населеніе.

I.

Связь населенности страны съ ея экономическимъ развитіемъ.—Взгляды экономистовъ на движеніе народонаселенія.—Ростъ населенія въ Россіи съ Петра I.—Отношеніе его къ населенію Европы.—Территоріальныя присоединенія и внутренней приростъ.—Количество браковъ и рожденій.—Движеніе населенія до Петра I.—Густота русскаго населенія сравнительно съ европейскимъ.—Измѣненія въ густотѣ населенія за два вѣка на пространствѣ петровскихъ губерній.—Различіе въ исторіи населенія русскаго сѣвера, центра и юга.—Причины замедленія роста населенія въ центрѣ.

Во «введеніи» мы говорили, что населеніе каждой страны имѣеть склонность увеличиваться само собой, стихійно, автоматически, и что такое автоматическое возростаніе населенія является главнымъ толчкомъ, заставляющимъ людей увеличивать количество труда, необходимаго для поддержанія жизни, и измѣнять его форму. Другими словами: отъ количества населенія въ странѣ зависитъ степень экономическаго развитія данной страны. Чѣмъ гуще населена извѣстная мѣстность, тѣмъ больше труда можетъ проявить населеніе, тѣмъ лучше оно можетъ распредѣлить между собой этотъ трудъ, тѣмъ больше оно можетъ накопить сбереженій, необходимыхъ для того, чтобы создать или улучшить орудія и съ ихъ помощью извлечь изъ наименьшаго количества труда наибольшую пользу. Французскій ученый Левассеръ различаетъ въ исторіи пять ступеней экономическаго развитія, и каждой изъ этихъ ступеней, по его мнѣнію, соотвѣтствуетъ особая степень густоты населенія. Въ періодъ дикаго или *охотничьяго* быта каждому охотнику ну-

*) См. «Міръ Божій» № 1, январь 1895 г.

женъ огромный просторъ, чтобы добыть необходимыя средства къ жизни. Такимъ образомъ, у эскимосовъ на каждую сотню километровъ приходится всего только по два человѣка населенія, а въ Амазонской провинціи Бразиліи на томъ же пространствѣ живетъ только по три человѣка. Въ *пастушскій* періодъ та же площадь можетъ прокормить уже значительно большее количество людей, но все-таки очень немного. Въ Киргизскихъ степяхъ на километръ приходится по одному жителю, а въ Туркестанѣ отъ 0,5 до 2,7 человѣкъ. Въ періодъ *земледѣльческій* населеніе можетъ разростись еще гуще; при благоприятныхъ условіяхъ густота земледѣльческаго населенія можетъ доходить до 40 жителей на километръ. Въ періодъ *промышленный*, съ помощью искусственныхъ способовъ удобренія земли и при дѣятельномъ обмѣнѣ городскихъ и сельскихъ продуктовъ, на той же площади можетъ умѣститься вчетверо больше людей, т.-е. 160 жителей на километръ. Наконецъ, въ періодъ *торговый*, когда населеніе начинаетъ получать пищу изъ другихъ странъ, а само платитъ имъ своими промышленными произведеніями,—густотѣ населенія почти нѣтъ предѣловъ. Цѣлые торговые народы существовали такимъ образомъ, скученные на самомъ тѣсномъ пространствѣ.

Надо прибавить, что связь тутъ взаимная. Если ростъ населенія заставляетъ людей искать новыхъ формъ экономической дѣятельности, то и наоборотъ, новыя формы экономической жизни могутъ вызвать усиленный ростъ населенія.

Естественно, что при такой тѣсной связи между количествомъ населенія и высотой экономического развитія большинство писателей прежнихъ вѣковъ считали великимъ благодѣяніемъ для страны, чтобы населеніе въ ней расло, какъ можно быстрѣе. Правительства, въ свою очередь, принимали всевозможныя мѣры для ускоренія роста населенія; давали, напр., преміи женатымъ и многосемейнымъ, налагали налоги на холостяковъ и т. д. Однако же, въ концѣ прошлаго вѣка, взгляды писателей и правительствъ рѣзко перемѣнились. Дѣло въ томъ, что въ послѣднія десятилѣтія XVIII вѣка сильно выросъ рабочій классъ въ Европѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружались самыя крайнія проявленія необезпеченности этого класса: нищета, голодъ—въ невиданныхъ до тѣхъ поръ размѣрахъ. Подъ этимъ впечатлѣніемъ Мальтусъ написалъ свою знаменитую книгу (1798), въ которой слагалъ всю вину нищеты рабочаго класса на него самого,—на его непредусмотрительное размноженіе,—и доказывалъ, что населеніе возростааетъ вообще гораздо быстрѣе, чѣмъ увеличиваются средства существованія,—въ силу неизбѣжнаго закона природы. Тогда и писатели, и правительства.

съ тѣмъ же усердіемъ, съ какимъ прежде старались о размноженіи населенія, стали проповѣдывать и даже принимать мѣры противъ этого размноженія. Въ Германіи, гдѣ населеніе продолжало и въ наше столѣтіе быстро расти, теорія Мальтуса до сихъ поръ сохранила вліяніе; напротивъ, въ Англіи, и особенно во Франціи, приростъ населенія въ послѣднія десятилѣтія значительно уменьшился или даже вовсе пріостановился. Вмѣстѣ съ тѣмъ и «мальтузіанство» стало быстро терять здѣсь почву. Присмотрѣвшись къ фактамъ, экономисты скоро нашли, что теорія Мальтуса основана на слишкомъ отвлеченномъ разчетѣ. Оказалось, что, поскольку она вѣрна, она вовсе не представляетъ закона развитія населенія во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, а только частное наблюденіе надъ размноженіемъ *одного* рабочаго класса при условіяхъ современнаго капиталистическаго строя. За предѣлами этого частнаго случая, какъ оказалось, средства существованія возростали въ нашемъ вѣкѣ не медленнѣе, чѣмъ народонаселенія, а, напротивъ, быстрѣе. Приспособленіе населенія къ средствамъ существованія совершалось гораздо тоньше и сложнѣе, чѣмъ полагалъ Мальтусъ. Въ дѣйствительности излишекъ населенія не истреблялся «пресѣкающими средствами», вродѣ голодной смерти людей, не нашедшихъ себѣ мѣста на жизненномъ пиру. Противъ такого излишка скорѣе дѣйствовали «предупреждающія средства», т.-е. уменьшеніе количества браковъ и количества рожденій, какъ только экономическія условія жизни становились неблагоприятными. Наконецъ,—что всего важнѣе,—былъ найденъ физиологическій законъ, въ силу котораго увеличеніе благосостоянія и развитіе индивидуальности неизмѣнно влечетъ за собой ослабленіе производительной силы и пріостановку роста населенія.

Вся эта исторія развитія экономическихъ фактовъ и экономическихъ ученій о населеніи лучше всего показала, что не существуетъ никакого закона развитія народонаселенія, приложимаго ко всѣмъ періодамъ исторической жизни. Можно только сказать, что тамъ, гдѣ въ массѣ населенія нѣтъ надежды на увеличеніе благосостоянія и на развитіе индивидуальности, гдѣ средства существованія достаются сравнительно легко, гдѣ запасы природы сравнительно менѣе израсходованы, гдѣ существуютъ или открываются вновь нетронутые источники жизненныхъ средствъ (въ видѣ, напр., незанятыхъ земель), тамъ возростаніе населенія будетъ наиболѣе значительно. Напротивъ, тамъ, гдѣ достигнута уже сравнительно высокая степень благосостоянія, гдѣ личность съ ея потребностями завоевала себѣ обширное поле дѣятельности, гдѣ производительность труда можетъ быть увеличиваема далѣе только

искусственными средствами, гдѣ, стало быть, увеличеніе средствъ существованія можетъ быть достигнуто только посредствомъ уси- лій, болѣе или менѣе значительныхъ, — тамъ приростъ населенія затормазится. Нечего и прибавлять, что положеніе Россіи, въ ея настоящемъ и прошломъ, соотвѣтствуетъ первой изъ этихъ харак- теристикъ.

Къ сожалѣнію, не только для Россіи, но и для остальной Ев- ропы мы имѣемъ очень неполныя свѣдѣнія о движеніи населенія. Только относительно двухъ послѣднихъ столѣтій можно сдѣлать по этому поводу сколько-нибудь надежные выводы. На этомъ вре- мени, поэтому, мы прежде всего и остановимся.

Ко времени смерти Петра Великаго (1725) въ Россіи было всего около 13 милліоновъ жителей. Теперь въ ней насчитывается до 121 милліона. Такимъ образомъ, со времени Петра населеніе Россіи увеличилось въ 9 разъ слишкомъ. По вѣкамъ это возро- станіе распредѣляется почти одинаково. Въ XVIII вѣкѣ съ 13 милліоновъ населеніе поднялось до 40 мил. Въ XIX в. оно воз- росло съ 40 мил. до 121 мил. Другими словами, русское населеніе увеличивалось втрое въ теченіе cadaго изъ двухъ послѣднихъ столѣтій.

Нѣсколько подробнѣе ростъ русскаго населенія можно предста- вить по даннымъ «ренизій». Мы выбираемъ для этого нечетныя ревизіи, производившіяся въ наиболѣе любопытные моменты рус- ской исторіи: въ концѣ царствованія Петра (1-я), въ началѣ и въ концѣ царствованія Екатерины (3-я и 5-я), послѣ окончанія На- полеоновскихъ войнъ (7-я) и въ срединѣ XIX вѣка (9-я). Въ наше время цифра русскаго населенія опредѣляется, въ ожиданіи новой всеобщей переписи, на основаніи косвенныхъ данныхъ.

1724 г.	13 мил.	—	13 мил.
1762 »	19 »	—	19 »
1796 »	29 + 7	=	36 »
1815 »	30 ^{1/2} + 14 ^{1/2}	=	45 »
1851 » ..	47 + 22	=	69 »
1890 »	69 + 44	=	113 »

За исключеніемъ Соединенныхъ Штатовъ (населеніе которыхъ только за 100 послѣднихъ лѣтъ, 1790—1890, увеличилось въ 16 разъ), это—самый быстрый ростъ, какой мы только знаемъ. Осталь- ная Европа далеко не поспѣвала за такимъ быстрымъ размноже- ніемъ населенія въ Россіи. Въ результатѣ,—одинъ этотъ статисти- ческій фактъ, взятый самъ по себѣ, долженъ былъ совершенно измѣнить положеніе Россіи среди европейскихъ державъ. Во время Петра и его ближайшихъ преемниковъ русское населеніе состав-

ляло отъ $\frac{1}{10}$ до $\frac{1}{8}$ части всего населенія Европы (составлявшаго въ срединѣ XVIII вѣка около 130 милліоновъ). Въ началѣ нынѣшняго вѣка эта пропорція стала уже вдвое выгоднѣе для Россіи. Считая въ Россіи въ 1801 году отъ 36 до 40 милліоновъ населенія, а въ Европѣ отъ 170 до 175 милл., мы получимъ на долю Россіи отъ $\frac{1}{8}$ до $\frac{1}{4}$ всего европейскаго населенія. Наконецъ, въ настоящее время населеніе Россіи составляетъ уже около $\frac{1}{3}$ населенія Европы (считая 365 милл. въ Европѣ и изъ этого числа 121 милл. въ Россіи).

Чѣмъ же объясняется такой необычайно быстрый ростъ населенія Россіи? Прежде всего, необходимо выдѣлить здѣсь ту долю прироста, которая приходится на вновь присоединенныя къ Россіи области. Въ приведенной таблицѣ мы раздѣлили общій итогъ русскаго населенія, начиная съ 1796 года, на два слагаемыхъ. Первое слагаемое обозначаетъ возростаніе населенія Россіи въ тѣхъ предѣлахъ, какіе имѣла Россія при Петрѣ. Второе слагаемое означаетъ населеніе областей, присоединенныхъ со времени Екатерины II. Въ цифрѣ 7 милліоновъ, присоединенной къ итогу 1796 года, включено населеніе мѣстностей, присоединившихся по тремъ польскимъ раздѣламъ, а также населеніе Новороссіи. Такая же цифра присоединилась къ населенію Имперіи при Александрѣ I (Царство Польское, Финляндія и Бессарабія). Къ нашему времени на пространствѣ старой, петровской Россіи можно насчитать $64\frac{1}{2}$ милліона населенія, и вмѣстѣ съ Сибирью 68,8 милл. Сравнительно съ тринадцатью милліонами, жившими на томъ же пространствѣ при Петрѣ I,—это все-таки въ пять слишкомъ разъ больше. За тѣ же два столѣтія населеніе Франціи увеличилось только вдвое, населеніе Австріи въ $3\frac{1}{2}$ раза *), Англій—въ 4,4 раза. Такимъ образомъ, и за вычетомъ территоріальныхъ приобрѣтеній, заселенныхъ отчасти колонистами изъ той же старой Россіи,—населеніе коренной Россіи увеличивалось быстрѣе другихъ странъ Европы.

Ближайшей причиной этого усиленнаго роста было значительное количество браковъ и дѣтей, рождающихся среднимъ числомъ отъ каждаго брака въ Россіи. Насколько можетъ прослѣдить русская статистика,—правда, начинающаяся сколько-нибудь правильно только со второй половины прошлаго столѣтія,—число браковъ и число рожденій въ Россіи значительно превосходить тѣ же цифры въ Европѣ. Въ итогѣ, ежегодный приростъ насе-

*) Даже не вычитая земельныхъ приобрѣтеній обѣихъ странъ. Населеніе Франціи съ 19 милл. поднялось до $38\frac{1}{2}$; Австріи съ 12—13 милл. до 43 милл.; Англій съ 8,9 милл. до 38,8 милл.

ленія въ Россіи составляетъ почти 5% всего населенія. Между тѣмъ, въ самыхъ сильныхъ по производительности странахъ Европы,—въ Румыніи, Венгріи, Сербіи—этотъ процентъ немногимъ превышаетъ 4, а во Франціи спускается даже до двухъ. Надо прибавить, что за-то и смертность дѣтей въ Россіи превышаетъ дѣтскую смертность на Западѣ. Но и при этомъ неблагоприятноньш условіи,—при вымираніи большаго процента рождающихся,—все еще остается около полутора процентовъ ежегоднаго прироста (1,3%—1,5%—1,7%). Какъ объяснить усиленную рождаемость,—объ этомъ мы уже говорили. Современная [наука біологической причиной многочисленныхъ браковъ и рожденій считаетъ слабое развитіе индивидуальности, экономической причиной—низкій уровень благосостоянія и соціальной—обособленность низшаго общественнаго слоя и отсутствіе надежды—подняться выше своего положенія.

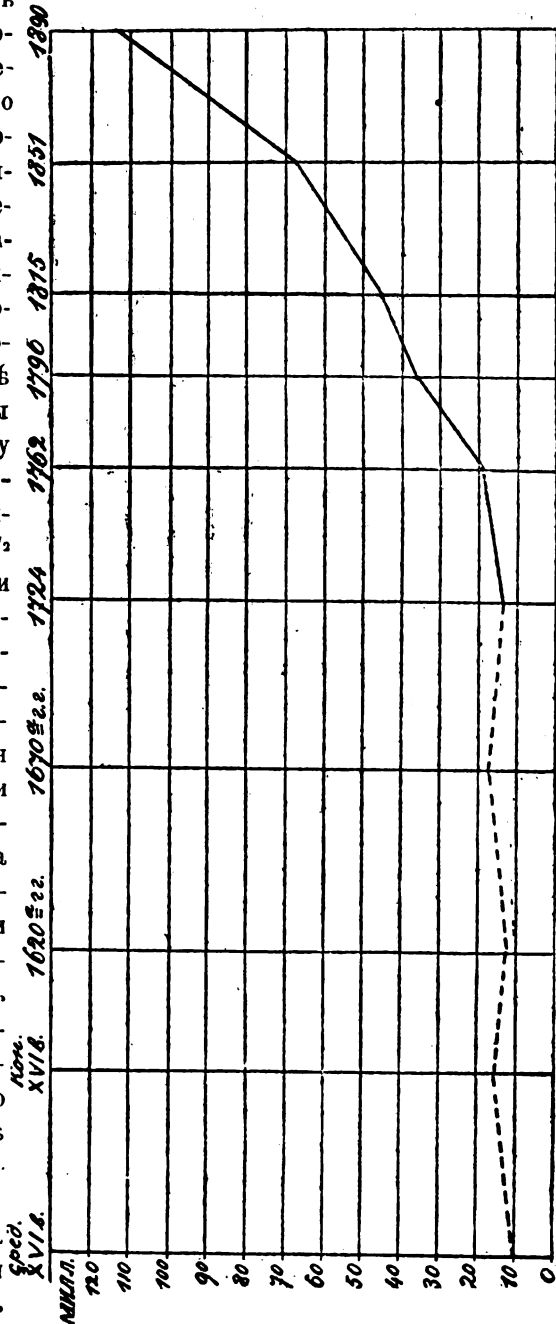
Нѣтъ пока никакой возможности установить сколько-нибудь точно движеніе населенія въ Россіи до времени Петра Великаго. Несомнѣнно только одно,—что предполагать до Петра такой же быстрый ростъ населенія, какой мы наблюдаемъ въ два послѣдніе вѣка,—невозможно. Въ самую петровскую эпоху населеніе не возрастало, а уменьшалось въ числѣ, благодаря побѣгамъ и рекрутскимъ наборамъ. По цифрамъ *подворныхъ* переписей, какія производились раньше «ревизій» (*подушныхъ* переписей), число дворовъ въ Россіи въ промежутокъ отъ 1678 до 1710 года уменьшилось на 20%: т.-е. одна пятая часть населенія, платившаго подворные налоги, убыла. Такимъ образомъ, тотчасъ по смерти Алексѣя Михайловича въ Россіи было населеніе на $\frac{1}{5}$ болѣе, чѣмъ во время Петра: т.-е. вмѣсто 13 милліоновъ мы можемъ предположить около 16-ти.

Эта послѣдняя цифра, вѣроятно, была продуктомъ увеличенія населенія въ XVII вѣкѣ; но по нѣкоторымъ даннымъ, впрочемъ, не совсемъ надежнымъ, можно думать, что увеличеніе это было не особенно значительно. Подворная перепись 1678 года дала цифры дворовъ, въ среднемъ, всего процентовъ на 30 больше подворной переписи 1620-хъ годовъ. Другими словами, вмѣсто 16-ти милліоновъ, предположенныхъ нами для 1678 года, въ 1620-хъ годахъ мы должны предположить въ Россіи около 12 $\frac{1}{2}$ милліоновъ. Это была цифра населенія, только-что оправившагося отъ бѣдствій смутнаго времени. Мы навѣрное не ошибемся, если предположимъ, что смутное время произвело въ положеніи населенія потрясеніе не меньше того, какое произведено было реформами Петра; т.-е. что въ итогѣ смуты получилась убыль насе-

нія не меньше процентовъ 20-ти. Въ такомъ случаѣ, до смуты можно предполагать вмѣсто 12-ти милліоновъ—около 15-ти милліоновъ населенія. Въ

свою очередь, эта цифра навѣрное была результатомъ довольно значительнаго прироста населенія, вызваннаго тѣмъ, что въ срединѣ XVI вѣка началась, какъ скоро увидимъ, усиленная колонизація Россіи. Слѣдовательно, въ срединѣ XVI вѣка мы должны предположить цифру меньшую на нѣсколько десятковъ процентовъ: около 10—11^{1/2} милліоновъ. Всѣ эти цифры, конечно, гадательны: но общее движеніе ихъ очень вѣроятно; вѣроятно также и то, что общая сумма населенія Россіи со времени Ивана Грознаго до времени Петра Великаго едва-ли измѣнилась значительно и колебалась между 10—15-ю милліонами. Въ итогъ—движеніе населенія въ Россіи съ середины XVI вѣка можно представить въ видѣ слѣдующей ломаной линіи (фиг. 1).

Абсолютная цифра количества населенія сама по себѣ говоритъ очень мало. Чтобы



Фигура 1.

дать и этой цифрѣ серьезное значеніе, надо найти ея отношеніе къ занятой населеніемъ площади. Другими словами, надо опредѣлить плотность или густоту населенія. Площадь петровской Россіи занимала около 3.638.000 квадр. верстъ (а вмѣстѣ съ Сибирью 14.550.000 кв. верстъ). Раздѣливъ на эту цифру количество петровскаго населенія (13 милл.), мы получимъ выводъ, что при Петрѣ въ Россіи жило, среднимъ числомъ, всего по 3,1' человекѣ на квадрат. километръ (3,57 на кв. версту): т.-е., примѣрно столько, сколько теперь живетъ въ Олонецкой губ. На томъ же пространствѣ петровской Россіи въ наше время помѣщается, какъ мы говорили, 64^{1/2} милліона. На километръ это дастъ по 15,5 человекѣ *). Между тѣмъ, въ Австро-Венгріи живетъ 63,8 чел. на квадрат. километръ, во Франціи—71,5; въ Германіи—91,5; въ Италиі—106,5; въ Англии—122; въ Бельгіи—210. Сравнительно съ Россіей это составитъ въ 3^{1/2}—12 разъ больше. Во всей Европѣ только Балканскій полуостровъ и Испанія до нѣкоторой степени могутъ сравниться съ Россіей по слабой населенности.

Послѣ сдѣланныхъ раньше разсужденій, одинъ этотъ фактъ покажетъ намъ, какъ далеко Россія должна была отстать отъ западныхъ государствъ по своему экономическому развитію. Наиболе близкая къ Россіи экономически и географически — Пруссія уже двѣсти лѣтъ тому назадъ достигла той плотности, которую имѣетъ теперь старая Россія, и больше ста лѣтъ, какъ превзошла ее. Въ 1688 году въ Пруссіи было 15,8 человекѣ на кв. килом.; въ 1740 г.—18,9; въ 1774 г.—24,9. Франція уже въ началѣ XIV вѣка, т.-е. полтысячи лѣтъ тому назадъ, имѣла 40 человекѣ на кв. кил.: столько, сколько теперь имѣютъ только хорошо населенныя мѣстности Россіи. Что же касается Англии, она превысила среднюю плотность теперешней Россіи еще во времена Вильгельма-Завоевателя (середина XI вѣка). Тогда уже въ ней жило около 21 человекѣ на кв. килом.

Правда, что ни въ одной изъ названныхъ странъ нѣтъ такой огромной массы неудобныхъ и пустынныхъ земель, какъ въ Россіи. Въ Германіи 31% всей площади остаются незаселенными (и въ томъ числѣ 25,7% подъ лѣсомъ); во Франціи 32,6% (въ томъ числѣ 18,3% подъ лѣсомъ); въ Англии—38,5% (3,6% подъ лѣсомъ). Между тѣмъ, въ Европейской Россіи (безъ Финляндіи) необитаемы и покрыты лѣсомъ (не имѣющимъ никакой цѣны на всемъ сѣверѣ) — 58% всей площади (въ томъ числѣ подъ лѣсомъ 38,8%). Только Скандинавскій полуостровъ превосходитъ въ этомъ отно-

*) По всей Европейской Россіи средняя плотность на километръ будетъ 18 человекѣ, на квадрат. версту 20,5.

шении Россію, а Пиринейскій и Балканскій полуостровъ до нѣкоторой степени къ ней приближаются.

При этомъ условіи средняя цифра плотности на всю Россію еще не выражаетъ дѣйствительной населенности обитаемыхъ частей государства. Чтобы получить болѣе правильное понятіе о густотѣ русскаго населенія, нужно расчленивъ Россію на части, соотвѣтственно разницѣ естественныхъ условій жизни. Тогда только наши цифры и выводы пріобрѣтутъ сколько-нибудь реальный смыслъ, въ противномъ же случаѣ мы останемся при однихъ отвлеченіяхъ. И такъ, мы продолжимъ теперь наши наблюденія надъ историческимъ ростомъ населенія по отдѣльнымъ областямъ Россіи.

Основной единицей, надъ которой мы будемъ производить эти наблюденія, будетъ для насъ губернія Петра Великаго. Это все еще очень большая единица, гораздо больше нашей теперешней губерніи. Нельзя сказать, чтобы петровскія губерніи точно соотвѣтствовали естественнымъ географическимъ районамъ, на которые можно бы было раздѣлить Россію для болѣе удобнаго изученія роста русскаго населенія. Но за то дѣленіе Петра тѣсно связано съ историческими условіями, при которыхъ происходило расширение государства и размноженіе населенія. Московская губернія съ частями губерній, ее окружающихъ *), составляла въ этомъ дѣленіи старинный правительственный центръ съ населеніемъ, плотно усѣвшимся на мѣстѣ. На сѣверѣ тянулась къ Архангельску густо заселенная рѣчная дорога по Двинѣ среди пустырей теперешней Вологодской и Архангельской губерній. При Петрѣ этотъ поморскій бассейнъ отошелъ въ составъ «Архангелогородской» губерніи **). На сѣверо-западѣ верхнее теченіе Волги, не отличавшееся по населенности отъ московскаго центра, отошло къ гораздо скуднѣе населеннымъ мѣстностямъ бывшихъ новгородскихъ владѣній. Эта старинная область новгородскихъ «пятинъ», раскинувшись въ озерномъ бассейнѣ, вмѣстѣ съ верхнимъ Поволжьемъ перешла при Петрѣ въ управленіе только-что построенной столицы подъ названіемъ «Ингерманландской» губерніи ***). На западъ отъ центра

*) Калужская безъ юго-западныхъ уѣздовъ, Тульская безъ южныхъ, Рязанская безъ юго-восточныхъ, Владимірская безъ восточныхъ, три западные уѣзда Костромской, Ростовскій уѣздъ Ярославской губ.

**) Соотвѣтствуетъ теперешней Архангельской, Вологодской безъ двухъ восточныхъ, совершенно пустынныхъ уѣздовъ (Яренскаго и Устьсысольскаго), Костромской безъ западныхъ (Нерехотск., Костр. и Буйск.) и двухъ восточныхъ (тоже пустынныхъ: Ветлужск. и Варнавинскаго) уѣздовъ, и Каргопольскому уѣзду Олонецкой губерніи.

***) Въ составъ ея вошли теперешняя Петербургская, Новгородская, Псковская, Тверская безъ Зубцов. у., Ярославская безъ Ростов. у. и Олонецкая безъ Каргопольск. у.

«Смоленская» губернія Петра соотвѣтствовала теперешней Смоленской съ шестью южными уѣздами Калужской *). Наконецъ, на югъ и на востокъ отъ старыхъ московскихъ владѣній шли земли, позднѣе колонизованныя. Только въ юго-западной части этихъ земель, приписанной Петромъ къ Кіеву, мы найдемъ болѣе старое населеніе **), да на востокъ отъ центра, въ среднемъ поволжѣ и дальше, по дорогѣ въ Сибирь, издавна жили русскіе поселенцы. Эту дорогу въ Сибирь, изстари заселенную, мы выдѣляемъ отъ сосѣднихъ пустырей Ветлужскаго, Устьсысольскаго и Яренскаго уѣздовъ; вмѣстѣ съ ними она отнесена была Петромъ къ огромной Сибирской губерніи ***). Весь остальной юго-востокъ распредѣлился между двумя петровскими губерніями: «Азовской», тянувшейся на югъ до границъ Екатеринославской губ. и Земли Войска Донскаго †), и «Казанской», спускавшейся, начиная отъ средняго Поволжья и отъ нижняго теченія Вятки и Камы, съ Бѣлой внизъ по кривому берегу Волги, до Царицына ††).

Послѣ этихъ предварительныхъ разъясненій мы прямо представимъ таблицу движенія народонаселенія на пространствахъ петровскихъ губерній. Первый столбецъ цифръ означаетъ въ ней предполагаемую плотность населенія въ до-петровское время. Эти цифры мы поставили въ скобки, потому что ихъ нельзя считать вполне надежными. Онѣ основаны на сравненіи тѣхъ подворныхъ переписей Россіи 1678 и 1710 года, о которыхъ мы уже говорили. Перепись 1710 года показала убыль дворовъ, процентъ которой въ

*) Кромѣ того, она включала Зубцовскій у. Тверской губ. и Одоевскій уѣздъ Тульской.

**) «Кіевская» губернія Петра состояла изъ Новосильск. и Бѣлев. у. Тульской губ., Орловской безъ Елецкаго, Курской безъ Новооскольскаго шести западныхъ уѣздовъ Харьковской; Полтавская и Черниговская составляли особое малороссійское или «гетманское» управленіе.

***) Такимъ образомъ, подъ Сибирской губерніей мы будемъ дальше разумѣть европейскую часть ея, въ составѣ пяти сѣверныхъ уѣздовъ Вятской и пяти сѣверныхъ (европейскихъ) уѣздовъ Пермской губерніи.

†) Въ составъ Азовской губ. входили Чернскій и Ефремовскій у. Тул. губ., пять южныхъ уѣздовъ Рязанской, Тамбовской безъ двухъ сѣверныхъ уѣздовъ, Пензенская безъ трехъ юго-восточныхъ (Пенз., Мокшанск. и Городец.), четыре западныхъ уѣзда Саратовской, пять восточныхъ уѣздовъ Харьковской, вся Воронежская, Новооскольскій у. Курской и Елецкій у. Орловской губ.

††) Въ составъ «Казанской» губ. Петра I входили Касимов. и Спасскій Рязанской губ., Елатомскій и Темниковскій у. Тамбовской, три юго-восточные у. Пензенской, четыре восточные у. Владимірской (Меленковск., Муром., Горохов. Вязник.), Юрьевецкій и Варваринскій у. Костромской, вся Нижегородская, Казанская и Симбирская, Кузнецкій и пять приволжскихъ уѣздовъ Саратовской губ., вся Уфимская, Нолинскій и другіе пять южныхъ у. Вятской, два южныхъ (европ.) уѣзда Пермской губ.

разныхъ губерніяхъ оказался различный *). Если предположить теперь, что убыль населенія была такая же, какъ убыль дворовъ, и что въ 1710 году населенія было столько же, сколько въ 1724 г., то достаточно будетъ измѣнить цифры второго столбца пропорціонально измѣненію количества населенія между 1678 и 1710 годами, и мы получимъ цифры перваго столбца. Второй и третій столбецъ показываютъ плотность населенія (на квадр. версту) при Петрѣ и въ наше время. Наконецъ, четвертый столбецъ показываетъ, во сколько разъ увеличилось русское населеніе со времени Петра Великаго (въ скобкахъ—съ 1678 года).

	1678 г.	1724 г.	Теперь.	Увеличеніе.
<i>Центръ.</i> Москов. губ. . . .	[39,1]	29,4	42,5	1,4 [1,08]
<i>Сѣверъ.</i> Архангел. губ. . .	[1,1]	0,7	2,1	3,2 [1,9]
» Ингерманл. губ. . . .	[8,7]	5,2	18,3	3,5 [2,1]
<i>Западъ.</i> Смоленская губ. . .	[9,6]	7,6	33,6	4,4 [3,5]
<i>Юго-западъ.</i> Кіевская губ.**).	[11,4]	11,2	55,2	4,9 [4,8]
<i>Востокъ.</i> Часть Сибир. губ.	[1,8]	1,9	9,9	5,2 [5,5]
<i>Юго-востокъ.</i> Казанская губ.	[2,2]	2,6	26,9	10,3 [12,2]
<i>Югъ.</i> Азовская губ.	[4,5]	3,9	42,1	10,8 [9,3]

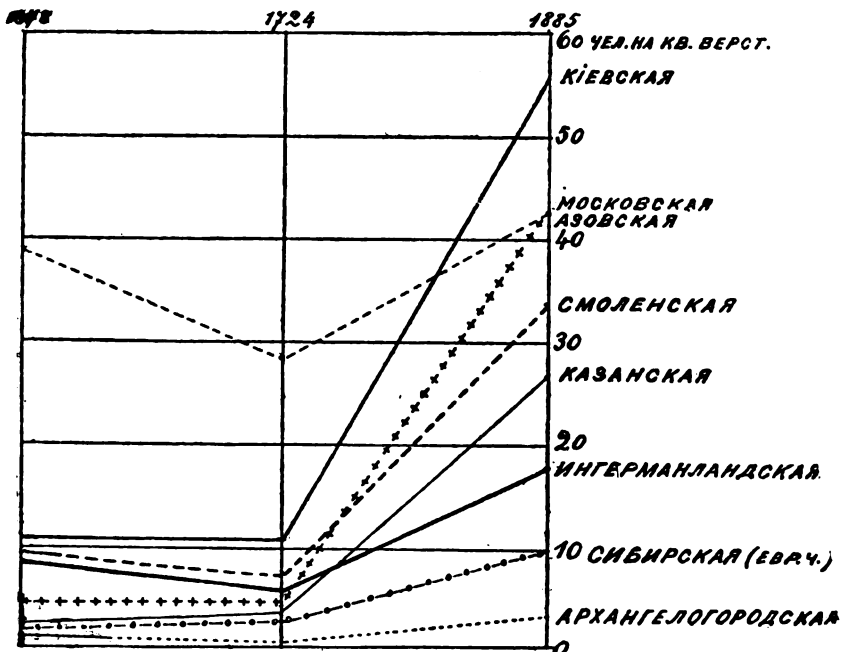
Для большей наглядности прилагаемъ діаграмму съ изображеніемъ тѣхъ перемѣнъ, которыя произошли въ густотѣ населенія петровскихъ губерній въ 1678, 1724 и 1885 годахъ. (Фиг. 2).

Какъ видимъ, старый центръ Московскаго государства рѣзко выдѣляется въ до-петровское время густотой своего населенія. Уже въ то время онъ достигъ такой плотности населенія, какой теперь отличаются хорошо населенныя мѣстности Россіи. Зато съ этой давно достигнутой точки московскій центръ за цѣлые два вѣка почти не двинулся впередъ. За центромъ слѣдуетъ полоса на юго-западъ, въ наше время самая населенная во всей Россіи,—очевидно, благодаря своей черноземной нестепной почвѣ. Но при Петрѣ и до Петра населеніе этой полосы значительно отстало отъ населенія историческаго центра. Несомнѣнно, въ этомъ виновато было недавнее прошлое этой полосы, подвергавшейся частымъ татарскимъ набѣгамъ изъ степи. Какъ только стала проходить опасность набѣговъ, населеніе бросилось на богатую почву и поспѣшило не только нагнать, но даже перегнать населенность центральнаго суглинка. Слѣдующая по плотности Смоленская губер-

*) Именно въ Архангелогородской и Ингерманландской губ. убыло до 4% дворовъ, въ Московской—до 25%, въ Смоленской—21%, въ Азовской—13,7%, въ Кіевской 2%; напротивъ, въ европейской части Сибирской прибыло 8%, въ Казанской прибыло 17%.

**) Если же не считать Харьковской губ. въ которой малороссійское населеніе смѣшано съ великорусскимъ то получимъ цифры: [13,7]—13,4—52,7—3,9—[3,8].

нія, казалось бы, должна была походить по плотности населенія на центръ, къ которому она такъ близка и по географическому положенію, и по характеру жизни. Но тутъ тоже сказалося историческое прошлое. Смоленская губернія была пограничной и несла на себѣ всю тяжесть долгой и упорной борьбы двухъ политическихъ центровъ. Начиная съ XV вѣка вплоть до середины XVII в. Смоленскъ былъ яблокомъ раздора между Россіей и Польшей. Мѣстное населеніе жестоко страдало отъ цѣлаго ряда войнъ: его истребляли, переводили въ другія мѣста; не далѣе, какъ при Петрѣ пограничныя смоленскія земли сильно опустошены были



Фигура 2.

шведской войной. Только уже при Екатеринѣ II русская граница отодвинулась далѣе на западъ, и смоленское населеніе, не равняясь по быстротѣ прироста съ черноземными областями, стало однако приближаться къ той нормальной цифрѣ плотности, на которой давно остановился центръ.

Если и съ этой стороны не вполне еще затянулась историческая рана, нанесенная русскому населенію, то на юго-востокѣ Россіи послѣдствія исторіи сказываются еще яснѣе. Противорѣчіе между распредѣленіемъ естественныхъ богатствъ Россіи и историческими условіями расселенія русскаго народа достигаетъ здѣсь крайняго предѣла. Русскій югъ до самаго Петра остается со-

всѣмъ пустыннымъ и населеннымъ слабѣе русскаго сѣверо-запада; даже пустынный и скудный русскій сѣверъ недалеко отстаетъ отъ богатаго Поволжья. Очевидно, здѣсь дѣйствуетъ въ сильнѣйшей степени та же причина, какъ въ Смоленской и Киевской области. Опасность съ юга и съ востока не прошла еще здѣсь и ко времени Петра; немудрено, что богатые земли чернозема продолжаютъ пустовать. Естественно также, что, когда опасность пройдетъ, населеніе и здѣсь поспѣшитъ наверстать потерянное время. Вмѣстѣ съ тѣмъ и характеръ населенности русскаго юга и сѣвера, первоначально сходный, далеко разойдется въ разные стороны. На пространствѣ Казанской и Азовской губерній Петра населеніе за двѣсти лѣтъ возрасло въ десять разъ слишкомъ. Русскій юго-востокъ стремится, такимъ образомъ, догнать населеніе центра *). Напротивъ, поморскій бассейнъ и озерная область за тѣ же двѣсти лѣтъ стали всего только вдвое или втрое люднѣе. Только верховья Вятки и Камы, неразрывно связанныя съ Поволжьемъ, увеличили свою населенность слишкомъ въ пять разъ. Во всякомъ случаѣ, всѣ эти три мѣстности по плотности населенія остаются на самомъ низу нашей диаграммы.

И такъ, во всей сѣверной половинѣ и центрѣ Россіи населеніе за послѣдніе два вѣка остается почти неподвижнымъ или возрастаетъ весьма медленно. Мы скоро увидимъ, что эта половина и центръ составляли почти всю Россію до самой середины XVII столѣтія. Южная же половина, которая начала присоединяться къ сѣверной только съ середины XVII вѣка, растетъ съ необычайной быстротой, догоняетъ центръ и даже перегоняетъ его по плотности своего населенія. Одного этого факта достаточно, чтобы заключить, что при переходѣ отъ Московскаго государства къ императорской Россіи долженъ былъ совершенно измѣниться характеръ русской исторической жизни. Правда, послѣдствія этой перемѣны сказались далеко не сразу. Можно даже сказать, что и въ наше время не вполне обнаружались результаты перемѣщенія центра русской населенности съ юга на сѣверъ, точно также какъ и ростъ южнаго населенія далеко не остановился. Послѣднее видно изъ того обстоятельства, что ежегодный приростъ населенія на югѣ достигаетъ и теперь очень высокой цифры 2%. На сѣверѣ и въ центрѣ тотъ же приростъ колеблется всего между 1% и 1/2%.

Это наблюденіе возвращаетъ насъ къ тому, что мы говорили въ началѣ этого очерка. Есть, очевидно, для каждой страны и для cadaго времени какой-то естественный предѣлъ насыщенія

*) Не забудемъ, что въ то же время заселяются за предѣлами петровскихъ губерній земли, остававшіяся при Петрѣ совершенно пустынными.

страны населеніемъ. Населеніе растеть свободно, пока не достигнуть этотъ предѣлъ, но послѣ его достиженія упругость сопротивленія новому приросту быстро увеличивается, и возрастаніе населенія замедляется. Судя по низкой степени населенности, по большому количеству браковъ и рожденій мы заключали раньше, что русское населеніе находится въ періодѣ свободного возрастанія. Теперь мы должны прибавить, что этого вывода нельзя приложить ко всей Россіи одинаково. Ростъ сѣвернаго и центрального населенія Россіи, по представленнымъ намъ даннымъ, очевидно замедленъ. Почему же происходитъ это явленіе? Чѣмъ оно объясняется?

Едва ли можно утверждать, что «индивидуація» сѣвернаго и центрального населенія (выражаясь терминомъ Спенсера) такъ далеко пошла, что именно она и ослабила «генерацію», производительныя силы русской массы. Еще труднѣе предполагать, что причиной задержки роста послужило достиженіе этой массой прочнаго благосостоянія. Возможность пробраться въ высшіе общественные слои—или то, что нѣкоторые экономисты называютъ общественной «капиллярностью»—существовала, правда, въ Россіи всегда въ большей степени, чѣмъ въ другихъ европейскихъ странахъ; но количество лицъ, обладавшихъ достаточной силой личнаго почина, чтобы воспользоваться этой возможностью, едва ли было въ Россіи велико. Такимъ образомъ, и «капиллярность» русскаго общества не даетъ намъ надлежащаго объясненія остановки роста населенія въ цѣлой половинѣ Россіи. Единственнымъ возможнымъ объясненіемъ остается-то, въ силу котораго увеличеніе населенія тѣсно связано съ увеличеніемъ средствъ существованія; а возможность увеличить средства существованія зависитъ отъ характера экономической жизни. Нельзя не замѣтить, что задержка въ развитіи центрального населенія Россіи произошла на той цифрѣ, которую Левассеръ полагаетъ предѣльной для роста *земледѣльческаго* населенія (40 чел. на кв. километръ, что равняется 45,6 на версту). Приблизительно къ той же цифрѣ (30—46 чел. на кв. килом.) приходили экономисты, пытавшіеся опредѣлить, сколько населенія Россія можетъ прокормить своимъ собственнымъ хлѣбомъ при современныхъ условіяхъ русскаго земледѣлія. Мы увидимъ, правда, въ послѣдствіи, что русскій центръ давно уже нашелъ подпорье для земледѣльческаго заработка—въ занятіяхъ домашней промышленностью и отхожими промыслами. Но мы увидимъ также, что этотъ добавочный заработокъ не увеличивалъ средствъ существованія нашего крестьянина, а лишь давалъ ему возможность оплатить подати. При этомъ условіи практическій выводъ остается тотъ же. Предѣлъ,

на которомъ остановилось населеніе центра, есть предѣлъ тѣхъ средствъ, которыя крестьянинъ могъ добыть съ помощью личнаго труда, прилагая его къ землѣ, къ дешевымъ или даровымъ матеріаламъ, или просто продавая его на сторону,—словомъ, употребляя свой трудъ безъ приложенія къ нему капитала.

Подробнѣе мы не можемъ обсуждать этого вопроса въ предположенныхъ рамкахъ. Сказаннаго достаточно, чтобы показать читателю, какая глубокая связь существуетъ между движеніемъ населенія и всѣмъ строемъ экономической жизни народа. Во второмъ очеркѣ мы и перейдемъ къ изученію экономическаго развитія Россіи. Но предварительно намъ предстоитъ еще коснуться исторіи русскаго населенія съ другой стороны, чѣмъ только что изображенная: со стороны его племеннаго состава и его разселенія на пространствахъ Россіи.

Историческій очеркъ ученій о народонаселеніи и попытку систематизировать эти ученія, независимо отъ теоріи Мальтуса, читатель найдетъ въ интересной книжкѣ неаполитанскаго профессора Нитти (*F. S. Nitti. Population and the social system, London, Sonnenschein, 1894*: одинъ изъ томиковъ *Social science series*). Такой же очеркъ и очень обстоятельный сводъ данныхъ по исторической статистикѣ см. въ прекрасной статьѣ о *Bevölkerungswesen* новаго Словаря государственныхъ наукъ (*Handwörterbuch der Staatswissenschaften, hgb. v. Konrad u. Lexis*). Нѣкоторыя данныя «Очерка» заимствованы изъ капитальнаго изслѣдованія *Levasseur, La population française, 1889—1891* (особенно изъ III тома). Новѣйшія статистическія цифры взяты изъ послѣдняго изданія извѣстныхъ таблицъ *Юрашека* (*Otto Hübner's Geographisch-Statistische Tabellen. Angs. 1894*). Сводъ старой русской литературы по исторической статистикѣ населенія съ большою полнотой сдѣланъ во II томѣ изслѣдованія *Schnitzler'a*, до сихъ поръ сохраняющаго значеніе для историковъ: *L'empire des Tsars au point actuel de la science, 4 тома. Paris, 1862—1869*. За позднѣйшее время огромный матеріалъ по движенію населенія накопился въ изданіяхъ центрального статистическаго комитета и земскихъ статистическихъ работахъ. Разработку этого матеріала см. въ Военно-статистическомъ сборникѣ, вып. IV, Россія, составл. подъ ред. *Н. Н. Обручева*, Спб. 1871; въ Сравнительной статистикѣ Россіи и западно-европейскихъ государствъ *Ю. Янсона*, Спб. 1878—1880, 2 т. и въ Сельско-хозяйственной статистикѣ европейской Россіи *А. Ф. Фортунатова*, М. 1893. Попытка опредѣлить движеніе населенія въ до-петровское время сдѣлана спеціально для настоящихъ «Очерковъ», также какъ и попытка опредѣлить приростъ населенія за послѣдніе два вѣка въ районахъ петровскихъ губерній. Площади этихъ губерній опредѣлены въ площадяхъ современныхъ уѣздовъ. Болѣе точное опредѣленіе потребовало бы сложныхъ спеціальныхъ изслѣдованій. Данныя по статистикѣ прироста и убыли 1620-хъ, 1678, 1710 и 1724 годовъ взяты изъ книги автора: Государственное хозяйство Россіи и реформа Петра Великаго.

П. Милюковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИЗЪ РУССКОЙ ЖИЗНИ И ЛИТЕРАТУРЫ.

Вопросы русской общественной жизни. Во время закончившихся очередныхъ земскихъ собраній 1894 г. во многихъ земствахъ былъ возбужденъ вопросъ объ освобожденіи отъ тѣлеснаго наказанія лицъ крестьянскаго сословія, окончившихъ начальную сельскую школу. Такъ, по сообщенію «Смоленскаго Вѣстника», гласный К. И. Равинскій сдѣлалъ на мѣстномъ губернскомъ земскомъ собраніи слѣдующее заявленіе:

«Въ числѣ ходатайствъ убѣдныхъ земствъ, поддержанныхъ губернскимъ земскимъ собраніемъ по вопросу о народномъ образованіи, я, къ своему изумленію, не вижу ходатайства, которое съ логической необходимостью должно быть также возбуждено, разъ немства считаютъ необходимою проектировать рядъ мѣръ, имѣющихъ зѣлю оказати содѣйствіе къ поднятію умственнаго уровня нашего народа и къ насажденію въ немъ просвѣщенія. Это—ходатайство объ окончательномъ освобожденіи лицъ крестьянскаго сословія отъ тѣлеснаго наказанія. Въ случаѣ, если этотъ вопросъ не можетъ быть возбужденъ земствомъ, какъ не имѣющей прямого, непосредственнаго отношенія къ мѣстнымъ пользамъ и нуждамъ, то, по моему глубокому убѣжденію, земское собраніе, чтобы быть послѣдовательнымъ, должно возбудить, по крайней мѣрѣ, ходатайство объ освобожденіи отъ тѣлеснаго наказанія крестьянъ, окон-

чившихъ курсъ въ начальной школѣ. Тѣлесное наказаніе, позорное по своему характеру и могущее являться иногда въ рукахъ усердныхъ исполнителей даже истязаніемъ, давно уже стало анахронизмомъ, и примѣненіе его, по мнѣнію нашего народа, безчеститъ человѣка».

При настоящихъ условіяхъ,—продолжаетъ г. Равинскій, — можетъ произойти такое явленіе:

«Въ библиотекѣ или въ читальнѣ, учрежденной, какъ это дозволяется закономъ, при волостномъ правленіи, можетъ ожидать своей очереди, чтобы подвергнуться позорной экзекуціи, грамотный крестьянинъ и въ ожиданіи читать сочиненіе какого-нибудь писателя, въ которомъ его поучаютъ уважать человѣческое достоинство, даютъ понятіе о томъ, что такое есть доброе имя, а черезъ минуту все это будетъ попрано, и человѣкъ будетъ опозоренъ на всю жизнь, иногда за легкомысленный поступокъ. Вотъ почему является существенно необходимымъ возбудить ходатайство объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія, хотя бы для лицъ, пользующихся льготою по образованію при отбытіи воинской повинности».

Заявленіе передано собраніемъ на разсмотрѣніе редакціонной комиссіи.

Въ нѣкоторыхъ другихъ земствахъ вопросъ, поставленный г. Равинскимъ, уже былъ разрѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ, и поставов-

лено ходатайствовать передъ правительствомъ объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній для лицъ, окончившихъ народную школу. Такія ходатайства поступили отъ земствъ черниговскаго и тамбовскаго, отъ лужанскаго уѣзднаго земства и др. Въ Черниговской губ. вопросъ этотъ предварительно обсуждался на сѣздѣ народныхъ учителей, собравшемся въ минувшемъ году. Нельзя не пожелать, чтобы голосъ земскихъ людей былъ услышанъ, и ходатайство это уважено. Жаль только, что они ходатайствуютъ исключительно за лицъ, окончившихъ начальную народную школу, а не просятъ объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія вообще. Разумѣется, человѣку, получившему хотя бы самое элементарное образованіе, такое унижительное и позорное наказаніе, какъ наказаніе розгами, покажется еще тяжелѣе, чѣмъ человѣку совсѣмъ необразованному, но и для всей массы крестьянства давно пора отмѣнить это наслѣдіе крѣпостнаго права. «Петербургскія Вѣдомости» справедливо замѣчаютъ по этому поводу:

«Бъ сожалѣнію, ходатайства земствъ по этому предмету слишкомъ служены: въ нихъ говорится почти исключительно объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія только для лицъ, пользующихся льготою по образованію при отбываніи воинской повинности. Между тѣмъ, если обратиться къ самымъ заявленіямъ по этому предмету, въ нихъ говорится именно о «безусловномъ» и «окончательномъ» освобожденіи поголовно «всего крестьянскаго населенія отъ тѣлеснаго наказанія». Въ заявленіяхъ этихъ вполне убѣдительно охарактеризовано это наказаніе, какъ «позорное по своему характеру», «несомнѣнно роняющее человѣческое достоинство» и даже, «по мнѣнію народа», «безчестящее человѣка». Кромѣ того, это нравственное зло, «въ рукахъ усердныхъ исполнителей», можетъ переходить «даже въ истязаніе».

Кромѣ земствъ, о томъ же предметѣ ходатайствуетъ и Саратовское санитарное Общество. По словамъ мѣстныхъ газетъ, ходатайство это редактировано въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Медицинской наукой вполне установлены связь и взаимодѣйствіе психическихъ состояній человѣка и физиологическихъ процессовъ, совершающихся въ человѣческомъ организмѣ. Угнетенное душевное состояніе нарушаетъ правильное теченіе жизни организма; въ области дыханія, кровообращенія и питанія появляются значительныя уклоненія, нерѣдко угрожающія опасностью для жизни, предрасполагающія ко всевозможнымъ заболѣваніямъ и, во всякомъ случаѣ, вредно вліяющія на здоровье человѣка. Сохранившееся еще въ русскомъ законодательствѣ тѣлесное наказаніе для крестьянскаго сословія, унижительное и позорное по самой природѣ своей, помимо физическаго страданія, помимо деморализующаго вліянія, какъ на наказуемаго, такъ и на окружающихъ, вызываетъ подавленное, приниженное состояніе духа и, нарушая правильное функционированіе не только органовъ дыханія и пищеваренія, но и всей сосудистой системы, дѣйствуетъ разрушительнымъ образомъ на здоровье организма. Въ исторіи русскаго законодательства наблюдается постепенное смягченіе тѣлесныхъ наказаній. Высочайшимъ указомъ 17-го апрѣля 1863 г. отмѣнены жесточайшіе виды тѣлеснаго наказанія—кнутомъ, кошками и шпирутенами. Съ тѣхъ поръ правительство старалось постепенно смягчать сохранившіяся у насъ формы тѣлеснаго наказанія. Еще недавно, закономъ 29-го мая 1893 г., въ Божѣ почившій Императоръ Александръ III отмѣнилъ тѣлесное наказаніе для ссыльныхъ женщинъ. Но въ нашемъ законодательствѣ еще существуетъ тѣлесное наказаніе для крестьянъ, и въ Саратовской губерніи были случаи

его примѣненія. Деморализующее вліяніе тѣлеснаго наказанія отражается также на положеніи наказанныхъ розгами въ ихъ семьяхъ и въ окружающей средѣ, ибо жены и дѣти наказанныхъ крестьянъ и ихъ однообшественники не могутъ питать къ нимъ уваженіе, подобающее мужу, отцу и самостоятельному домохозяину. Общество саратовскихъ санитарныхъ врачей, имѣя своею цѣлью какъ изслѣдованіе мѣстныхъ условій, нарушающихъ вообще правильное развитіе и отправление человѣческаго организма, такъ и содѣйствіе улучшенію общественнаго здоровья, полагаетъ тѣлесныя наказанія средствомъ, ожесточающимъ нравы, а черезъ это, между прочимъ, создающимъ громадное препятствіе для проведенія въ жизнь санитарныхъ мѣропріятій. Руководствуясь высказанными соображеніями и принимая во вниманіе, что, какъ представители медицинской науки, такъ и выдающіеся авторитеты по изслѣдованію карательныхъ системъ высказались противъ тѣлеснаго наказанія, Общество саратовскихъ санитарныхъ врачей, въ засѣданіи 29-го декабря 1894 г., постановило ходатайствовать въ установленномъ порядкѣ объ отиѣнѣ тѣлеснаго наказанія».

Общество постановило передать свое ходатайство мѣстному губернатору для представленія министру внутреннихъ дѣлъ. Копія съ ходатайства будетъ направлена въ саратовское губернское земское собраніе съ предложеніемъ поддержать ходатайство. Кроме того, по словамъ той же газеты, Саратовское Общество рѣшило обратиться къ другимъ медицинскимъ Обществамъ и Московскому психологическому Обществу съ предложеніемъ высказаться по вопросу о вліяніи тѣлеснаго наказанія на здоровье наказуемыхъ.

Будемъ надѣяться, что починъ Саратовскаго санитарнаго Общества най-

детъ сочувственный откликъ въ другихъ медицинскихъ обществахъ, и что соединенными усиліями земствъ и людей науки удастся сдѣлать что-нибудь въ этомъ направленіи. Уже въ настоящее время въ уставахъ низшихъ сельскохозяйственныхъ школъ существуетъ параграфъ, по которому лица, окончившія эти школы, навсегда освобождаются отъ тѣлеснаго наказанія. Распространеніе этой привилегіи на всѣхъ грамотныхъ вообще усилило бы, кромѣ того, стремленіе народа къ грамотности и возвысило бы значеніе школы въ глазахъ народа.

Вопросъ о сельскохозяйственныхъ школахъ разсматривается въ настоящее время въ сельскохозяйственномъ Совѣтѣ при министерствѣ земледѣлія. Въ этомъ Совѣтѣ, помимо официальныхъ лицъ и представителей различныхъ министерствъ, принимаютъ участіе крупные землевладельцы и представители разныхъ сельскохозяйственныхъ обществъ. Признавая невѣжество народа одною изъ коренныхъ причинъ переживаемаго Россіей сельскохозяйственнаго кризиса, Совѣтъ на второмъ засѣданіи занялся разработкою вопроса, какимъ образомъ распространять въ народѣ сельскохозяйственныя знанія. Представитель министерства народнаго просвѣщенія, Е. П. Ковалевскій внесъ предложеніе, чтобы въ начальныхъ сельскихъ школахъ, наряду съ элементарнымъ обученіемъ, народу преподавались и извѣстныя знанія по сельскому хозяйству, и чтобы при школахъ устраивались сады, огороды и пр. Но большинство членовъ Совѣта энергично высказалось противъ приданія народной школѣ сельскохозяйственнаго характера. Смоленскій предводитель дворянства, Н. Хомяковъ, по словамъ «Новаго Времени», указалъ на то, «что изъ бюджета въ 15 мил. на низшія народныя школы правительство едва тратитъ 2 мил. руб.,

да и тѣ идутъ на администрацію и другіе побочные расходы. Остальное даетъ земство и даетъ крайне скупо, ибо само не имѣетъ средствъ. Нужно беречь каждую копейку. Мы видимъ, однако, что иногда школъ не на что купить бумаги и чернилъ, а въ ней устраиваютъ школьный садъ, представляющій изгородь и какіе нибудь два куста смородины. Сады эти чистое увлеченіе. Мы знаемъ, что учениковъ иногда нельзя на экзаменъ собрать въ маѣ, или начать ученіе осенью, когда еще стоитъ хорошая погода, а намъ говорятъ о лѣтнихъ занятіяхъ! На нихъ никто не пойдетъ. Учитель тоже пользуется лѣтнимъ отдыхомъ. Онъ служитъ дешево, иногда только ради того, что считаетъ службу не въ 12 мѣсяцевъ, а въ 8, или 7. Про церковно-приходскія школы нечего и говорить. Ихъ бюджетъ совершенно неустойчивъ. Образцовыхъ же синодскихъ школъ очень мало. Слѣдуетъ слѣдующее сравненіе: ремесленные классы въ министерскихъ училищахъ обходятся въ годъ въ 300—350 руб. Очень многія земскія школы стоятъ не больше. При скудости земскихъ средствъ и бѣдности населенія дорога каждая копейка. Затѣмъ, необходимо обратить вниманіе на возрастъ учащихся. 8—12-лѣтніе мальчики даже грамоту часто забываютъ. Они еще легче позабудутъ сельскохозяйственные уроки, особенно среди населенія, хозяйничающаго совершенно иначе. Я ничего бы не имѣлъ противъ школьныхъ хозяйствъ и садовъ, еслибъ все это обходилось даромъ, но тратить на это деньги поистинѣ грѣшно».

Въ томъ же смыслѣ высказались и другіе члены Совѣта, напримѣръ, князь Оболенскій, Шатиловъ и пр. Большинство стояло за то, что элементарная школа не можетъ быть проводникомъ сельскохозяйственныхъ знаній, и что для этого нужно создать особый типъ школъ, въ кото-

рыхъ поступали бы лица, уже окончившія начальную школу, или же устраивать вечернія по сельскому хозяйству курсы для взрослыхъ.

Любопытно, что вопросъ о сельскохозяйственномъ образованіи народа обсуждался, въ прошломъ году, на одномъ изъ засѣданій Комитета грамотности, и члены его пришли къ совершенно такимъ же выводамъ, къ какимъ приходятъ теперь члены сельскохозяйственнаго Совѣта.

Новая организація призрѣнія бѣдныхъ въ Москвѣ. Въ московской думѣ уже въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ обсуждался вопросъ о томъ, что общественному городскому управленію слѣдуетъ взять въ свои руки дѣло призрѣнія городскихъ нищихъ и бѣдныхъ. Въ Европѣ давно уже существуетъ организованная система благотворительности, и въ городахъ завлываніе ею сосредоточено въ городскомъ управленіи. У насъ же пока помощь бѣднымъ ограничивалась разрозненными и незначительными попытками отдельныхъ частныхъ лицъ и благотворительныхъ обществъ. Первымъ изъ русскихъ городовъ, вступившихъ на новый путь, оказалась Москва, въ декабрѣ прошлаго года приступившая, наконецъ, къ осуществленію новой организаціи *общественнаго* призрѣнія бѣдныхъ. Планъ этотъ былъ выработанъ одной изъ комиссій московской думы, подъ предсѣдательствомъ извѣстнаго профессора московскаго университета В. И. Герье, и въ общихъ чертахъ заключается въ слѣдующемъ:

Москва раздѣлена на участки (на первый разъ—только тридцать четыре; само собою разумѣется, что, по мѣрѣ развитія дѣла, число это будетъ значительно увеличено); въ каждомъ участкѣ открывается участковое попечительство, предсѣдатель котораго избирается думой, по предложенію городского головы; участіе въ дѣлѣ

тельности попечительства можетъ выражаться какъ въ денежномъ взносъ, такъ и въ исполненіи порученій попечительства или его предсѣдателя. Въ предсѣдатели избраны лица, хорошо извѣстныя Москвѣ; имена ихъ слушать речательствомъ, что дѣло будетъ сразу поставлено правильно и прочно.

Одна изъ главныхъ особенностей новаго начинанія московской думы заключается въ томъ, что она открываетъ доступъ въ попечительства для всѣхъ, желающихъ работать. «Русскія Вѣдомости» сообщаютъ, что «10-го ноября г. московскій городской голова обратился ко всѣмъ жителямъ нашей столицы божь исключенія и безъ различія званія и пола, занятій и средствъ, бѣдныхъ и богатыхъ, съ покорнѣйшею просьбою—вступать въ ряды имѣющихъ въ самомъ непродолжительномъ времени открыться въ Москвѣ городскихъ участковыхъ попечительствъ о бѣдныхъ».

Лица, не имѣющія возможности дѣлать денежные взносы, могутъ поступать въ «члены-сотрудники» и помогать своимъ личнымъ трудомъ, который въ данномъ случаѣ будетъ имѣть такое же, если еще не большее значеніе, чѣмъ денежная помощь. Дѣятельность попечительствъ будетъ заключаться въ слѣдующемъ:

1) въ сборѣ членскихъ взносовъ и добровольныхъ пожертвованій на дѣло призрѣнія;

2) въ исполненіи разнообразныхъ порученій городского присутствія по разбору и призрѣнію нищихъ (замѣнившаго собою прежній комитетъ для разбора дѣлъ о просящихъ милостыню), а также въ исполненіи порученій управы по дѣламъ о бѣдныхъ;

3) въ третихъ, въ оказаніи помощи бѣднымъ, указаннымъ городскимъ присутствіемъ или управою, а также (что, по нашему мнѣнію, должно явиться главною дѣятельностью попечительствъ) тѣмъ бѣднымъ, которые будутъ указаны попечительству

его членами или другими лицами, или непосредственно лично обратиться къ попечительству.

Изъ городскихъ средствъ дума ассигнуетъ на каждое изъ попечительствъ пока только по 1.000 р., возлагая надежду на частныя пожертвованія. Въ богатой, купеческой, Москвѣ, дѣйствительно, навѣрное найдутся люди, готовые помочь новому дѣлу. Гораздо труднѣе будетъ найти достаточное количество энергичныхъ и умѣлыхъ членовъ—сотрудниковъ. Обращаясь къ примѣру Германіи, гдѣ система городскихъ участковыхъ попечительствъ получила особенно широкое распространеніе, «Русскія Вѣдомости» говорятъ:

«На родинѣ этой системы въ Эльберфельдѣ уставъ попечительствъ требуетъ, чтобы на одного сотрудника не приходилось болѣе 4 призрѣваемыхъ семей или отдѣльныхъ лицъ, но на долю ихъ приходится даже не болѣе 2. Это только и даетъ возможность всякому сотруднику стать въ близкія отношенія ко вѣренному ему бѣднякамъ. Городъ Эльберфельдъ имѣетъ на 125 тыс. жит., живущихъ притомъ крайне скудно, 450 сотрудниковъ. Такая же, приблизительно, пропорція соблюдается и въ другихъ германскихъ городахъ. Москва по такому расчету должна имѣть 3.000—3.500 сотрудниковъ».

Работы «сотрудникамъ» предстоятъ очень много: имъ придется проникать въ такія трущобы, которыя теперь извѣстны только врачу и полиціи, придется видѣть массу нищеты и несчастія. Но именно въ этихъ посѣщеніяхъ, въ этомъ сближеніи съ обитателями трущобъ и подваловъ, и будетъ заключаться главная заслуга участковыхъ попечительствъ. «Русскія Вѣдомости» справедливо замѣчаютъ, что попечительства «дадутъ возможность оказывать помощь не наугадъ, кому пришлось, а тому, кому она и въ какой мѣрѣ нужна.

Члены совѣта и сотрудники будутъ посѣщать на-дому нуждающихся въ помощи, увидятъ и узнаютъ то, что до сихъ поръ оставалось неизвѣстнымъ: они увидятъ квартирную обстановку, работу, семейное положеніе просящаго о помощи, узнаютъ условія жизни бѣднаго класса.

Эти свѣдѣнія, эти посѣщенія на-дому должны дать возможность индивидуализировать дѣло помощи, помогать въ каждомъ конкретномъ случаѣ такъ, какъ то требуется обстоятельствами, а не ограничиваться выдачею всякому просящему однообразной денежной суммы, какъ это практикуется теперь».

Какъ и всякое новое дѣло, начинаніе московской думы встрѣтитъ на практикѣ не мало затрудненій. Но цуть, избранный думой, единственно вѣрный при разрѣшеніи такого сложнаго вопроса, какъ призрѣніе бѣдныхъ. Только при непосредственномъ и живомъ участіи самого общества возможна такая организація этого дѣла, которая дала бы дѣйствительно существенные результаты. Можно думать, поэтому, что призывъ думы не останется «гласомъ вопіющаго въ пустынь» и встрѣтитъ живой откликъ въ средѣ нашего общества, такъ жаждущаго дѣятельности и всегда готоваго поддержать всякое начинаніе, разъ оно имѣетъ хоть зародышъ жизни. Можно думать также, что оно встрѣтитъ и не менѣе существенную поддержку со стороны высшей власти, уже поставившей, годъ тому назадъ, на очередь общій вопросъ о призрѣніи, назначеніемъ особой комиссіи подъ предсѣдательствомъ д. т. сов. Грота.

Народныя бібліотеки. Въ виду живого интереса, возбужденнаго къ народнымъ бібліотекамъ С.-Петербургскимъ Комитетомъ Грамотности, не лишне привести небольшую замѣтку по этому вопросу, полученную нами отъ бывшаго сельскаго учителя, слѣ-

довательно, отъ лица, болѣе или менѣе свѣдущаго въ этомъ дѣлѣ. Авторъ замѣтки, вполне сочувствуя предпріятію Комитета, полагаетъ, тѣмъ не менѣе, что «предположенный къ открытію въ Вятской губ. пятируб. бібліотеки *) болѣе соответствующіе нашему времени и нашему матеріальному положенію. Въ доказательство же того, что онѣ принесутъ несомнѣнную пользу, позвольте рассказать вамъ исторію и привести отчетъ о двухъ сельскихъ бібліотечкахъ въ Новгородской губ., стоимость которыхъ, положимъ, не пять руб., но не превышаетъ въ настоящую минуту 50—60 руб.

«Двѣ эти бібліотечки учреждены боровичскимъ земствомъ въ 1888 году въ селахъ Любытинѣ и Орѣховѣ при земскихъ сельскихъ училищахъ. Бібліотека въ с. Любытинѣ первоначально была учреждена въ количествѣ 176 экземпляровъ, а въ 1891 г. пополнена еще 124 экземплярами. Выдача книгъ производится бесплатно, подл респіску получающихъ въ установленной для себѣ книгъ. Определенныхъ дней для выдачи и пріема книгъ назначено не было, а книги выдавались по требованіямъ подписчиковъ. Инструкціей земской управы былъ установленъ залогъ въ размѣрѣ 20 коп., но залогъ не брался. За все время существованія бібліотеки по августу 1893 года (за который мы имѣемъ отчетъ) утеряно было книгъ 6 экземпляровъ, на сумму 98 коп., которыя и уплачены подписчиками. Завѣдываніе бібліотечкой лежить на учителѣ мѣстной школы.

«Въ отчетномъ учебномъ году (съ августа 1892 г. по августъ 1893 г.) пользовались книгами 99 лицъ, изъ которыхъ въ возрастѣ отъ 10 до 16 лѣтъ—43, отъ 16 до 25 лѣтъ—24, свыше 25 лѣтъ—19. Изъ числа подписчиковъ 37 человекъ окончили

*) О нихъ сообщалось у насъ въ январской книгѣ этого года.

курсъ въ начальномъ народномъ училищѣ. Выдано было книгъ въ отчетномъ году изъ бібліотеки 1.579 экз., которые по содержанию распредѣляются такъ:

Духовно-нравственнаго...	228
Литература, пов. и раз...	900
Исторія и біографія.....	209
Географія и путешествія..	39
Естествовѣдніе и сел. хоз.	112
Законовѣдніе.....	12
Смѣсь	20

«Пользовались книгами большей частью лица изъ ближайшихъ селеній: въ селенія же сосѣднихъ волостей было отпущено лишь 5 экз. двумъ лицамъ.

«Замѣчено, что подписчиками мало читаются книжки въ объемѣ небольшихъ брошюръ по сельскому хозяйству, особенно взрослыми, тогда какъ имѣющіяся книги «Домашній огородъ» Мицуля и «Популярный курсъ земледѣлія» Соковнина читаются и признаются полезными по ихъ полнотѣ и простотѣ изложенія.

«Въ Орѣховской бібліотекѣ выдача книгъ производилась на тѣхъ же основаніяхъ. Книгъ при бібліотекѣ въ отчетномъ году было 308. Подписчиковъ 69 (59 мужчинъ и 10 женщинъ). Изъ нихъ отъ 10 до 15 лѣтъ—41, отъ 15 до 20 лѣтъ—18, отъ 20 до 25 лѣтъ—6 и свыше 25 лѣтъ—4 человѣка. Изъ числа подписчиковъ 19 человѣкъ были изъ того же селенія, гдѣ находится и бібліотека, 23 человѣка изъ девяти селеній, отстоящихъ отъ бібліотеки на разстояніи отъ 1 до 5 верстъ; 19 человѣкъ изъ шести селеній, находящихся на разстояніи отъ 5 до 10 верстъ, и 8 подписчиковъ изъ 4 селеній, отстоящихъ отъ бібліотеки свыше десяти верстъ. Всего было выдано книгъ въ отчетномъ году изъ Орѣховской бібліотеки 1.368 экземпляровъ.

Такимъ образомъ, изъ вышеприведеннаго миѣ кажется очевиднымъ, что и дешевыя бібліотеки приносятъ несомнѣнную пользу».

Съ такимъ заключеніемъ согласит-

ся, безъ сомнѣнія, и Комитетъ Грамотности. Но, предлагая свои сравнительно дорогія бібліотеки, Комитетъ имѣлъ въ виду—устроить нѣсколько по возможности образцовыхъ, типичныхъ сельскихъ бібліотекъ, которыя могли бы служить, такъ сказать, моделью для земскихъ и частныхъ лицъ, желающихъ открывать сельскія бібліотеки. Съ этою цѣлью Комитетъ и остановился на цифрѣ расходовъ, хотя и выше обычной нормы, но сравнительно небольшой, такъ какъ только при такомъ расходѣ можно собрать болѣе или менѣе сносную бібліотеку. Не располагая большими средствами и не считывая имѣть таковыя, Комитетъ выбралъ то, что, по нашему мнѣнію, больше всего отвѣчаетъ его назначенію: сдѣлать немного, но хорошо, надеясь, что остальное возьмутъ на себя земства и другія общественныя и частныя учрежденія.

Человѣческія жертвоприношенія въ Вятской губ. «Волжскій Вѣстникъ» сообщаетъ невѣроятныя подробности о происходившемъ недавно въ гор. Малмыжѣ судебномъ процессѣ, въ которомъ 11 человѣкъ крестьянъ-вотяковъ обвинялись въ убійствѣ старика-нищаго Матюнина, съ цѣлью принесенія его въ жертву вотяцкимъ богамъ. Слѣдствіе по этому дѣлу велось около двухъ лѣтъ, а самое жертвоприношеніе произошло 4-го мая 1892 г. На ряду съ христіанскимъ вѣроученіемъ среди вотяковъ, особенно въ сѣверной части Малмыжскаго уѣзда, живетъ вѣра и въ языческихъ боговъ, изъ которыхъ главными считаются *Курбанъ*, *Антасъ* и *Чункасъ*. Богамъ этимъ въ опредѣленное время, въ дни православныхъ и народныхъ праздниковъ, совершаются моленія, сопровождаемыя принесеніемъ въ жертву живыхъ животныхъ: утокъ, гусей, барановъ и т. п. Для моленій отводятся особыя мѣста или въ селеніяхъ, гдѣ-нибудь

въ лѣсу, или устраиваются особыя зданія—«мірскіе шалашы», собственниками которыхъ являются или вся община или отдѣльное лицо. Смотря по величинѣ деревни, подобныхъ шалашей можетъ быть нѣсколько. Религіозныя церемоніи совершаются у вотяковъ особыми жрецами. Самое жертвоприношеніе заключается въ томъ, что у жертвы надрѣзывается горло, крови даютъ стечь въ особую чашку, а затѣмъ ее варятъ и съѣдаютъ. Внутренности животнаго сжигаются на кострѣ, а туловище съ остальными частями варится въ котлахъ и раздается присутствующимъ.

Но, кромѣ этихъ обычныхъ моленій и медкихъ жертвоприношеній, черезъ извѣстные промежутки времени, года черезъ 4—5, и преимущественно въ годъ несчастій, вродѣ бездождія, неурожая, эпидемическихъ болѣзней, приносятся крупныя жертвоприношенія главному богу вотяковъ—злему духу Курбану. Чтобы умилостивить этого бога, вотяки убиваютъ быковъ, лошадей, а иногда, въ случаѣ очень большого несчастія, приносятся и человѣческая жертва. Старики въ Малмыжскомъ уѣздѣ помнятъ нѣсколько подобныхъ попытокъ со стороны вотяковъ, но попытки эти кончались неудачей, потому что удавалось во время предупредить ихъ. Съ Матюнинимъ же этого не удалось. О времени, когда нужно принести жертву, и ея примѣтахъ вотяки узнаютъ отъ особаго «ворожеца», къ которому они обращаются въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ постигнетъ какое-нибудь несчастье. Ворожецъ, погадавъ на мѣдныхъ леньгахъ, называетъ, какая должна быть жертва, и его указанія выполняются безпрекословно. Фанатизмъ вотяковъ въ этомъ отношеніи идетъ такъ далеко, что они готовы принести въ жертву своихъ родныхъ, если не найдется подходящаго по примѣтамъ изъ постороннихъ. Разысканіе жертвы поручается жрецамъ, и

разъ человѣкъ намѣченъ, они тѣмъ или другимъ путемъ заманиваютъ его къ себѣ и приносятъ въ жертву. При этомъ жертву, предварительно вымывъ, подвѣшиваютъ въ шалашѣ, послѣ чего наносятъ ей небольшіе уколы въ различныхъ частяхъ тѣла для полученія крови. Затѣмъ вся кровь собирается въ особую посудину въ родѣ корыта, для совершенія общаго для нѣсколькихъ селеній моленья, а трупъ переносится въ такое мѣсто, гдѣ бы онъ былъ, по нахожденіи его, непременно преданъ землѣ по христіанскому обряду, безъ чего, по существующему среди вотяковъ повѣрью, жертва не будетъ принята Курбаномъ и замучаетъ своихъ убійцъ.

Мысль о принесеніи въ жертву человѣка возникла у старо-муланскихъ вотяковъ зимою 1892 г., въ самое тяжелое время, пережитое тогда населеніемъ мѣстностей, пострадавшихъ отъ неурожая. Извѣстно, что Вятская губ. находилась въ числѣ наиболѣе пострадавшихъ. Такимъ образомъ, малмыжскій процессъ является однимъ изъ запоздалыхъ трагическихъ отголосковъ голоднаго года. «По словамъ одного изъ свидѣтелей по этому дѣлу, Константина Мурина, какъ-то великимъ постомъ этого года, присутствуя на сходѣ, онъ слышалъ, какъ одинъ изъ подсудимыхъ Андрианъ Андреевъ по вотски передавалъ своимъ однодеревенцамъ, что ему во снѣ было видѣніе, въ которомъ богъ открылъ ему, что для избавленія отъ голода и болѣзней надо: «кыкъ-шдесетъ вандены куле», т. е. рѣзать двупогаго. Не трудно представить, что эти ужасныя слова нашли для себя подготовленную почву среди изнемогавшей подъ бременемъ несчастій невѣжественной жалкой толпы».

Выборъ ихъ палъ на старика Матюнина изъ сосѣдней деревни. Матюнинъ страдалъ падучей болѣзью, поэтому не занимался хозяйствомъ, а кормился милостыней. Собирая поля-

*

вія, онъ иногда заходилъ и въ деревню Старый Мултаны и часто останавливался тамъ на продолжительное время.

Искупительная жертва Курбану была принесена 4 мая, передъ самымъ началомъ полевыхъ работъ. Одинъ изъ главныхъ виновниковъ убійства рассказываетъ, что дѣло произошло слѣдующимъ образомъ: предварительно Матюгина напоили пьянымъ и въ такомъ видѣ завели въ шалашъ, принадлежавшій умершему Моисею Дмитриеву. Здѣсь его обернули новиной и подвѣсили къ балкѣ, послѣ чего всѣ участники, въ числѣ до 15 человекъ, кололи его («тыкали»), добывая въ особая чашечки кровь. Вслѣдъ за тѣмъ ему отрѣзали голову, которую неизвестно гдѣ спрятали, внутренности сожгли на кострѣ, а трупъ вы-

вели на болото, гдѣ онъ и былъ открытъ. Среди соучастниковъ этого страшнаго дѣла оказались и сельскія власти: сельскій староста и сотскій. Большинство изъ подсудимыхъ оказались самими вліятельными изъ вотяковъ села Мултана. Между ними находился и одинъ 90-ти-лѣтній старикъ.

«Трудно повѣрить,—говорятъ по поводу этого процесса «Волжскій Вѣстникъ»,— что подобный фактъ происходилъ не гдѣ-нибудь въ центральной Африкѣ, Индіи или Полинезій, а въ 300 верстахъ отъ университетскаго города, отъ центра мисіонерской дѣятельности, направленной на просвѣщеніе инородцевъ вѣрой милосердія и любви. А между тѣмъ это фактъ, не вызывающій сомнѣнія въ своей подлинности».

Изъ русскихъ журналовъ.

«Вѣстникъ Европы», «Сѣверный Вѣстникъ», «Русская Школа».

А. В. Дружининъ. Въ январской книжкѣ «Вѣстника Европы» напечатана интересная статья С. Венгерова о Дружининѣ, въ которой онъ даетъ характеристику личности извѣстнаго критика и останавливается на вопросѣ, почему онъ, несмотря на свою несомнѣнную даровитость и разностороннюю литературную образованность, такъ скоро перешелъ въ категорію «забытыхъ талантовъ». Дружининъ дебютировалъ въ литературѣ въ 1847 г. повѣстью подъ заглавіемъ «Полинька Саксъ». Повѣсть эта имѣла большой успѣхъ и сразу создала своему автору извѣстное положеніе въ литературѣ. Слѣдующія повѣсти его тоже въ свое время пользовались большой популярностью. Бѣлинскій, напримѣръ, въ своей перепискѣ съ Боткинымъ отзывался о второй повѣсѣ и Дружинина («Разсказъ Алексѣя Дмитрича») въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «А какую Дружининъ написалъ повѣсть

новую—чудо! Тридцать лѣтъ разницы отъ Полиньки Саксъ! Онъ будетъ для женщинъ то же, что Герценъ для мужчинъ». Тургеневъ, Боткинъ, Аполлонъ Григорьевъ и другіе выдающіеся люди того времени были чрезвычайно высокаго мнѣнія о талантѣ Дружинина и предсказывали ему блестящую будущность. Но послѣдующая дѣятельность Дружинина не оправдала этихъ предсказаній: онъ далъ гораздо менѣе, чѣмъ отъ него ожидали, и не имѣлъ особеннаго вліянія на своихъ современниковъ. Причину этого явленія С. Венгеровъ видитъ, съ одной стороны, въ личныхъ особенностяхъ Дружинина, а съ другой стороны—въ особенностяхъ той эпохи, въ которую ему пришлось дѣйствовать.

Біографическія данныя о Дружининѣ очень скудны. Онъ былъ сыномъ состоятельныхъ родителей, получилъ прекрасное образованіе и воспитывался въ чинной, нѣсколько чо-

порной, обстановкѣ петербургской чиновничьей семьи, которая наложила свою печать на его нравственный обликъ, также какъ и на его литературную физиономію. Въ литературѣ онъ всегда оставался изящнымъ, благовоспитаннымъ джентльменомъ, чуждымъ всякихъ крайностей. До 16 лѣтъ онъ воспитывался дома, затѣмъ поступилъ въ Пажескій корпусъ и, окончивъ его, былъ выпущенъ офицеромъ въ одинъ изъ гвардейскихъ полковъ. Но полковая жизнь не удовлетворяла молодого офицера, съ дѣтства страстно любившаго литературу. Черезъ три года онъ выходитъ въ отставку и берется за «Полиньку Саксъ». Успѣхъ первой повѣсти чрезвычайно ободрилъ начинающаго автора и въ теченіе слѣдующаго года онъ напечаталъ подрядъ еще три большихъ беллетристическихъ произведенія («Разсказъ Алексѣя Дмитрича», «Фрейлейнъ Вильгельмина» и «Жюли»). Затѣмъ онъ направилъ свои силы въ другую область и сталъ писать критическія и литературныя статьи.

На новомъ поприщѣ Дружинина тоже ожидалъ большой успѣхъ: его «Письма иногороднаго подписчика», печатавшіяся въ «Современникѣ», и въ которыхъ онъ въ легкой фельетонной формѣ давалъ отчетъ о новостяхъ текущей литературы, въ скоромъ времени пріобрѣли большую популярность, и Дружининъ временно занялъ мѣсто «перваго критика», остававшееся вакантнымъ послѣ смерти Вѣлинскаго. Затѣмъ онъ писалъ отдѣльныя статьи объ иностранныхъ писателяхъ и юмористическіе фельетоны подъ псевдонимомъ Черно книжника. Происхожденіе этого псевдонима слѣдующее.

Біографъ Дружинина, М. Лонгиновъ разсказываетъ, что Дружинину пришлось выступить въ журналистикѣ въ трудное время, когда литература находилась въ большой опалѣ. «Въ

1848 г. журналистика сдѣлалась дѣломъ опаснымъ и въ высшей степени затруднительнымъ. Надо было взвѣшивать каждое слово, даже говоря о коннозаводствѣ или травосѣяніи... Уныніе овладѣло всей пишущей братіей... Иные предпринимали многолѣтніе труды, другіе продолжали прежнюю дѣятельность, но поневолѣ въ меньшихъ размѣрахъ. Въ результатѣ у всѣхъ оказалось лишнее противъ прежняго время и, по привычкѣ къ литературному труду, они стали чаще проводить его въ дружескихъ бесѣдахъ». Предметами этихъ бесѣдъ служили разныя забавныя исторіи, анекдоты, пародіи и пр. Такъ какъ собирались все люди пишущіе, то кому-то изъ нихъ пришла въ голову мысль записывать всѣ эти пустяки и соединять ихъ воедино подъ общимъ заглавіемъ «Чернокнижія». Получилось нѣчто вродѣ длиннаго романа, въ которомъ описывались похождения разныхъ чудачковъ, ходящихъ по Петербургу покупать вещи, отыскивать попутчиковъ, нанимать гувернантокъ и пр., и наталивающихъ при этомъ на разныя забавныя сцены. Часть его и была напечатана Дружининымъ подъ заглавіемъ: «Путешествіе Ивана Черно книжника».

Говоря о «чернокнижіи», С. Венгеровъ дѣлаетъ слѣдующія, вполне справедливыя, замѣчанія: «Явленіе это глубоко знаменательно для характеристики того безвременья, которое отдѣляетъ эпоху Вѣлинскаго отъ эпохи Добролюбова, для характеристики того идейнаго оскудвѣнія, которое было порождено тяжелою общественною атмосферою 1848—1855 годовъ...

Безвременье, въ началѣ котораго умеръ Вѣлинскій, крайне неблагоприятно отозвалось и на внутренней, духовной жизни видныхъ представителей тогдашней литературы. Именно «чернокнижіе» и можетъ служить лучшей иллюстраціей наступив-

шаго духовнаго оскуднѣнія. Какое ничтожество интимной бесѣды людей, стоящихъ во главѣ текущей литературы своего времени! «Похожденія разныхъ чудаковъ по Петербургу». Странный сюжетъ для задушевныхъ собраній руководящихъ литературныхъ кружковъ!»

Сравнивая затѣмъ собранія «черно-книжниковъ» съ кружкомъ Бѣлинскаго и другихъ людей 40-хъ годовъ, на которыхъ обсуждались жгучіе вопросы философіи и общественной жизни, С. Венгеровъ говоритъ далѣе о томъ, какое вліяніе имѣли подобныя собранія на Дружинина. «Дружининъ, выступившій на литературное поприще въ послѣдніе мѣсяцы жизни Бѣлинскаго, только по наслышкѣ могъ знать о бурныхъ сходбицахъ старшаго литературнаго поколѣнія, о тѣхъ знаменитыхъ «всеночныхъ бѣвнѣяхъ», которыя воспитали умъ и сердце людей 30-хъ и 40-хъ годовъ не хуже университетовъ и парламентовъ. А между тѣмъ Дружининъ болѣе; другихъ нуждался въ такого рода бурныхъ дебатахъ, которые расшевелили бы его индифферентизмъ... Для него, не знавшаго, что такое значить увлечься идеею до того, чтобы жить ею одною, гордившагося даже этою своею безстрастностію, не подозрѣвая, что въ ней Ахиллесова пята его таланта—для него «чернокнижныя» собранія были прямо вредны тѣмъ, что большое вниманіе, которое удѣлялось разнымъ «шалостямъ» и «похожденіямъ чудаковъ» неизбежно должно было умалять, и дѣйствительно умаляло интересъ къ болѣе серьезнымъ предметамъ».

Въ тяжелое время реакціи конца 40-хъ и 50 хъ годовъ литературныя статьи и шуточные фельетоны Дружинина имѣли большой успѣхъ и привлекали къ себѣ общее вниманіе. Но уже въ концѣ 50-хъ годовъ началось освободительное движеніе, «всякіе другіе интересы, кромѣ интере-

совъ общественнаго обновленія, были отодвинуты совершенно на второй планъ», и популярность Дружинина быстро начала падать. Онъ по природѣ своей былъ индифферентенъ къ вопросамъ общественно-политическимъ и, сдѣлавшись въ 1856 г. редакторомъ «Библиотеки для Чтенія», не сумѣлъ сдѣлать свой журналъ интереснымъ для читателей. «Неподготовленность Дружинина къ роли журналиста одной изъ наиболѣе бурныхъ эпохъ русской жизни сказала уже и въ его редакціонномъ «profession de foi». Въ немъ очень много говорится о томъ, что редакція ознакомить читателей съ «сокровищницей иностранной литературы», но ни единымъ словомъ не выражено того, какъ смотритъ редакція на новое теченіе русской жизни, какъ она желала бы его направить и каковы, вообще, ея общественно-политическія desiderata».

Тургеневъ, говоря о Дружининѣ, называлъ его «милѣйшимъ изъ консерваторовъ» и замѣчалъ, что въ Англіи онъ, навѣрное, «занялъ бы мѣсто въ ряду торіевъ». Но, по мнѣнію г. Венгерова, слова эти не совсемъ вѣрны. Дружининъ въ сущности не былъ ни консерваторомъ, ни либераломъ. Онъ былъ просто равнодушенъ къ этимъ вопросамъ, а въ то время такое равнодушіе не прощалось. Журналъ его не имѣлъ никакого успѣха, и черезъ нѣсколько лѣтъ онъ долженъ былъ оставить редакторство. Послѣ этого онъ еще много писалъ въ разныхъ другихъ журналахъ, но статьи его проходили незамѣченными, и послѣдній свой романъ. «Прошлое лѣто въ деревнѣ» онъ не рѣшился даже подписать своей фамиліей и выпустилъ его подъ псевдонимомъ «Безымяннаго».

Дружининъ умеръ въ 1864 г., и когда, черезъ два года послѣ его смерти, было издано собраніе его сочиненій, то оно потерпѣло полную

неудачу, хотя продавалось очень дешево.

Такъ завершилась эта литературная карьера, начавшаяся съ такимъ блескомъ.

Одной изъ крупныхъ общественныхъ заслугъ Дружинина является то, что онъ былъ инициаторомъ «Литературнаго фонда».

Дѣтство и юность Н. Н. Ге. Въ январскомъ номерѣ «Сѣвернаго Вѣстника» помѣщена первая статья В. Стасова о недавно умершемъ художникѣ Ге, составленная, главнымъ образомъ, на основаніи автобіографическихъ замѣтокъ послѣдняго. Въ ней В. Стасовъ говоритъ о дѣтствѣ Ге, о его гимназическихъ годахъ и о пребываніи его въ университетѣ.

Предки Ге по отцу были французы. Прадѣдъ его былъ эмигрантъ, пріѣхавшій въ Россію въ концѣ прошлаго столѣтія, во время великой революціи. Сынъ его поступилъ на военную службу, съ кирасирскій полкъ, стоявшій въ Полтавской губ., и женился на дочери одного полтавскаго помѣщика, Дарьѣ Яковлевнѣ Коростовцевой, на рукахъ которой впоследствии воспитывался ея внукъ, будущій знаменитый художникъ.

Отецъ Ге тоже нѣкоторое время служилъ офицеромъ, но затѣмъ вышелъ въ отставку, поселился въ имѣніи у матери и занялся сельскимъ хозяйствомъ. У него было трое сыновей, и младшій изъ нихъ, Николай Николаевичъ Ге, и составляетъ предметъ настоящей статьи.

Дѣтство Ге протекло въ деревнѣ, въ мирной обстановкѣ помѣщичьей жизни. Мать его умерла отъ холеры черезъ 3 года послѣ его рожденія, и онъ росъ у бабушки, окруженный почти исключительно женщинами. Наибольшее вліяніе на душевный складъ Ге имѣла его бабушка — добрая, богомольная старушка, и крѣ-

постная няня Наташа. Мальчикъ очень любилъ свою няню и, благодаря ей, рано началъ знакомиться съ темными сторонами тогдашняго помѣщичьяго быта. Отецъ его рѣдко бывалъ въ деревнѣ, и, вмѣсто него, дѣлами управлялъ отставной солдатъ Огурцовъ, отличавшійся необыкновенной жестокостью съ крѣпостными. Передъ нимъ всѣ трепетали. Особенно ненавидѣлъ онъ молодую няню, которую очень любили и бабушка, и внуки. Однажды онъ подкараулилъ, какъ ее поцѣловалъ въ саду молодой учитель (впослѣдствіи женившійся на ней). «Огурцовъ варварски съ ней за это расправился и управы на него не было никакой. Бабушка и внуки могли только плакать — и больше ничего». Подобные факты глубоко вліяли на впечатлительнаго мальчика. Онъ рассказываетъ, напр., еще слѣдующее происшествіе: «Длинная комната, бревенчатая стѣны. Въ углу много образовъ, восковыхъ, недогорѣвшихъ свѣчей. На постели сидитъ бабушка въ бархатныхъ сапогахъ и сухую, съ длинными пальцами, рукою гладитъ по головѣ своего сиротку-внука, меньшого, а потому и любимого. И внуку, и бабушкѣ хорошо, мирно, тепло... Вдругъ, двери распахнулись, и влетаетъ сверстникъ внука, Платошка, и сквозь слезы быстро не то проситъ, не то ждетъ. Бабушка спокойно указываетъ ему рукою мѣсто подъ своей постелью и туда Платошка, съ радостью, смѣшанною со страхомъ, ныряетъ. Въ дверяхъ вслѣдъ за Платошкой вырастаетъ старикъ съ возной выправкой и спрашиваетъ: «не здѣсь ли Платошка?», — и бабушка милымъ, кроткимъ мажороссійскимъ выговоромъ отвѣчаетъ ему: «онъ уже не будетъ, не будетъ, ступай Огурцовъ», и Огурцовъ, сраженный этой добротой, уходитъ, а внукъ все видѣлъ, все погялъ; самъ ни слова, но еще и еще болѣе любить свою ба-

бушку, и живъ ея образъ въ немъ даже черезъ 50 лѣтъ»:

О своихъ первыхъ попыткахъ рисованія мальчикъ говоритъ слѣдующее:

«Я началъ рисовать, не помню когда. Помню только, что нарисовалъ разъ на полу мѣломъ лошадей и архимандрита въ мантии, что мнѣ ужасно нравилось. Бабушка замѣтила, что лошадей рисовать можно на полу, а архимандрита нельзя, потому что грѣшно, и стала мнѣ давать листки бумаги, чтобы я священные предметы рисовалъ на бумагѣ. Это я исполнялъ и всегда отдавалъ бабушкѣ».

Десяти лѣтъ Ге поступилъ въ кievскую гимназію и жилъ тамъ въ пансіонѣ, гдѣ пробылъ до окончанія курса. Онъ съ любовью вспоминаетъ гимназическихъ учителей: большинство изъ нихъ были люди очень просвѣщенные, любившіе свое дѣло и относившіеся къ ученикамъ въ высшей степени гуманно. Судя по рассказамъ Ге, многіе изъ этихъ учителей были типичными представителями «идеалистовъ 40-хъ годовъ». Вотъ, наприм., что онъ рассказываетъ про учителя русскаго языка: «Арсеньевъ, большой поклонникъ Жуковскаго, былъ чрезвычайно нѣжный, добрый человекъ. Относился ко всѣмъ ровно, уважалъ учениковъ занимающихся. Я помню, когда послѣ исполненныхъ мною декораций, онъ меня вызвалъ и вдругъ остановилъ. «Нѣтъ», говоритъ, «ты не можешь не знать и не учиться. Ты художникъ, ты понимаешь прекрасное, я видѣлъ твои работы». И затѣмъ никогда меня не спрашивалъ. Директоръ гимназіи по вечерамъ приходилъ въ спальню учениковъ и читалъ лежащимъ въ постеляхъ мальчикамъ Гоголя. Чтеніе и бесѣда продолжались иногда до полуночи. Другіе учителя тоже были всегда очень ласковы къ дѣтямъ. Но наибольшую популярность пользовался учитель исторіи — извѣстный

Костомаровъ. «Когда онъ приходилъ въ классъ, все замирало какъ въ церкви», говоритъ Ге. Костомаровъ никогда никого не спрашивалъ, не ставилъ балловъ. «Бывало, онъ кленетъ намъ какую-то бумагу и говоритъ скороговоркой: «Вотъ, надо представить баллы, такъ вы ужъ сами это сдѣлайте». И что же—никому не было поставлено болѣе тройки. Нельзя, совѣстно, а вѣдь было тутъ до 60 человекъ». Уроки его были духовные праздники, которыхъ всѣ ждали. Когда раздавался звонокъ, то и учителю, и ученикамъ было жалко, что время такъ быстро пролетѣло.

Н. Н. съ особенной любовью вспоминаетъ гимназическаго учителя рисованія. Это былъ скромный, кроткій человекъ, мечтавшій сдѣлаться художникомъ, но ему не удалась артистическая карьера, и онъ сдѣлался учителемъ рисованія въ гимназіи. Ге былъ его любимымъ ученикомъ и часто навѣщалъ его. Вотъ какъ онъ описываетъ домашнюю обстановку своего перваго учителя: «Маленькая комната, на полу вездѣ разсыпано сѣмья для голубей, которые тутъ же ходятъ; стоитъ мольбертъ, на немъ неоконченная картина «Меркурій усыпляетъ Аргуса», шкатулка съ красками еще въ пузыряхъ, овальныя палитры, гипсовые головы, вѣтки для голубей, этюды, рисунки по стѣнамъ, запахъ сигары, и милый, кроткій Федоръ Алексѣевичъ сидитъ, въ одномъ жилетѣ, грустный, молчаливый, перебираетъ на гитарѣ грустные мотивы... Каждый годъ къ акту я готовилъ массу рисунковъ всякаго жанра акварелей. Тутъ было все — и головы, и виды. Федоръ Алексѣевичъ все раскладываетъ на столѣ и любовно меня благодаритъ. Мы съ нимъ представляли дѣятельность по искусству за всѣхъ».

Окончивъ гимназію, Ге поступилъ въ кievскій университетъ, но пробылъ тамъ всего годъ и затѣмъ пе-

решель въ Петербургъ. Въ Петербургъ онъ прежде всего бросился въ академію художествъ, смотрѣть картины Брюлова. «Пріѣхалъ, увидалъ Помпею и не могъ наглядѣться», писалъ онъ.

Въ Петербургъ время его дѣлилось между лекціями и посѣщеніями академіи художествъ. Наконецъ, влеченіе къ искусству пересманило все остальное, онъ рѣшилъ бросить университетъ и всецѣло отдаться живописи. Толчкомъ къ этому рѣшенію была встрѣча его со старымъ гимназическимъ товарищемъ, П. П. Забѣлой, который сообщилъ ему, что занимается въ академіи. Рассказы его о классахъ, о художнической работѣ такъ воспламенили молодого студента, что онъ въ 1859 г. бросилъ университетъ и поступилъ въ академію. Ему было тогда 19 лѣтъ. Съ тѣхъ поръ въ его жизни открывается новая эра.

Преступныя дѣти. Въ декабрьской книжкѣ «Русской Школы» помѣщены интересныя воспоминанія воспитателя исправительной колоніи для малолѣтнихъ преступниковъ объ одномъ изъ своихъ питомцевъ—15-лѣтнемъ мальчикѣ, попавшемъ въ заведеніе за побѣгъ изъ школы и за воровство. Воспоминанія эти очень характерны, потому что живо рисуютъ намъ ту среду и тѣ условія жизни, которыя вырабатываютъ преступныхъ дѣтей.

Исторія малолѣтняго преступника Сироткина очень несложна. Онъ рано лишился отца, который служилъ фельдшеромъ, и остался съ сестрой на попеченіи матери-прачки. Мать работала, не покладая рукъ, и въ нѣсколько лѣтъ окончательно надорвала свое здоровье. Однажды, зимой, она полоскала бѣлье въ рѣчкѣ и, по неосторожности, попала въ прорубь. Хотя ее и вытащили живой, но она сильно простудилась, и на другой день ее свезли въ больницу, гдѣ она пролежала болѣе полугода. Дѣти остались

на улицѣ. Жили они гдѣ день, гдѣ ночь; кормились то у сосѣдей, то въ казармахъ у знакомыхъ солдатъ, а то и милостыню просили. Наконецъ, кто-то принялъ участіе въ дѣтяхъ и опредѣлилъ мальчишка въ школу для солдатскихъ дѣтей, въ Царское Село, подъ Петербургомъ. Сначала въ этой школѣ жить было хорошо; начальникъ былъ добрый, и все шло тихо и мирно. Но потомъ этого начальника смѣнили и поставили другого, который былъ чрезвычайно строгъ, морилъ дѣтей работой и постоянно наказывалъ. Въ школѣ начались безпорядки и ученики стали «бѣгать» изъ школы. Сироткинъ много разъ бѣгалъ изъ школы, да мать каждый разъ приводила его назадъ и просила, чтобы его хорошенько наказали. Наконецъ, онъ съ товарищемъ рѣшились убѣжать прямо въ Петербургъ и къ матери не показываться. Товарищъ этотъ еще до школы воровалъ и въ тюрьмѣ за это сидѣлъ. У него и знакомые были, у которыхъ можно было бы укрыться. «Вотъ,—говорилъ онъ Сироткину,—хоть бы Никита Петровъ, сейчасъ ночевать пустить, накормить, а потомъ, если хочешь, и своему дѣлу учить станеть. Какъ я у него, говорить, жилъ, такъ мы съ нимъ въ Невскую лавру въ амбары ходили: воровали ируцу, муку и хлѣбъ въ зернѣ... Въ тѣ поры насъ у него пять человекъ жило, такъ—будто углы снимали; онъ насъ артельно и кормилъ».

Соблазненный этими рассказами, Сироткинъ съ товарищами рѣшился бѣжать. Имъ дѣйствительно удалось добраться до Петербурга, но по дорогѣ они потеряли другъ друга, и Сироткинъ очутился въ городѣ одинъ одинешенекъ.

«...Тутъ первымъ дѣломъ отправился я на Лиговку, сталъ искать Никиту Петрова, какъ уговоръ былъ. Долго я искалъ, почитай до самаго вечера, да такъ и не нашель. За-

нечевалъ я на какомъ-то постояломъ дворѣ, тутъ же на Лиговѣ, а на другое утро, какъ проснулся, гляжу—ни пальто моего, ни денегъ, ничего нѣту. Знать, кто-нибудь ночью стянулъ. Такъ въ одной рубахѣ да портахъ меня хозяинъ и выгналъ. Что тутъ дѣлать? Я опять искать Никиту Петрова, на вокзалъ 3 раза бѣгалъ, думалъ, своихъ встрѣчу. Зашелъ я съ мужиками въ закусочную, сталь-было просить—не даютъ. Я и «спѣрь» съ прилавка кусокъ печенки; меня и задержали, да съ городовымъ въ участокъ».

Въ результатѣ мальчика судили и за кражу, и за побѣгъ. Мировой судья оправдалъ его, но тутъ вступилась мать и стала просить, чтобы его хорошенько наказали. Его присудили къ заключенію въ исправительномъ

заведеніи для малолѣтнихъ преступниковъ.

По словамъ воспитателя, Сироткинъ былъ очень добрый, смиренный мальчикъ, подкупавшій всѣхъ своей откровенностью и привязчивостью. Онъ очень любилъ мать и сестру, постоянно вспоминалъ о нихъ и просилъ воспитателя писать имъ письма подъ его диктовку. Онъ безпрекословно исполнялъ всѣ требованія, охотно занимался въ классѣ и въ мастерскихъ и постоянно занималъ товарищей разказами о своихъ похожденияхъ. Вообще, это былъ совершенно нормальный ребенокъ, доведенный до «преступленія» непормальными условіями среды. И такихъ дѣтей, по словамъ автора статьи, въ пріютъ попадаетъ множество.

Изъ иностранной жизни и литературы.

Оксфордскій митингъ британской ассоціаціи. Британская ассоціація философовъ и ученыхъ, насчитывающая уже 64 года своего существованія, избрала въ прошломъ году, для своего обычнаго ежегоднаго митинга, городъ Оксфордъ, и выборъ этотъ нельзя не назвать вполне удачнымъ. Оксфордъ представляетъ, конечно, какъ нельзя болѣе подходящее мѣсто для съѣзда всѣхъ представителей англійской науки, изъ которыхъ большинство притомъ вышло изъ стѣнъ оксфордскаго университета. Кромѣ того, Оксфордъ настолько интересный городъ со своимъ стариннымъ складомъ университетской жизни и историческими памятниками, что, по всей вѣроятности, самъ по себѣ привлекъ многихъ ученыхъ, пріѣхавшихъ сюда на съѣздъ. И дѣйствительно, еще ни разу митингъ британской ассоціаціи не достигалъ такой многочисленности. Почти всѣ знаменитые

англійскіе ученые приняли въ немъ участіе; всѣхъ, собравшихся на съѣздъ, было 2.300 человекъ, и между ними очень много иностранныхъ ученыхъ.

Съѣздъ былъ открытъ торжественною рѣчью, произнесенною въ общемъ собраніи президентомъ съѣзда, лордомъ Салисбюри. Эта рѣчь заключаетъ въ себѣ очень много характерныхъ чертъ для современной эпохи, и поэтому представляетъ особенный интересъ. Современное настроеніе характеризуется какимъ-то пессимистическимъ отношеніемъ къ тѣмъ гипотезамъ, которыя поставлены въ основу біологіи, главнымъ образомъ къ дарвинизму и къ механической теоріи физиологическихъ процессовъ. Неоднократно уже нѣкоторыми учеными высказывались сомнѣнія въ справедливости физикохимическихъ воззрѣній, и эти сомнѣнія отразились очень ярко въ рѣчи лорда Салисбюри. Ораторъ указалъ на то, что, несмотря на всѣ

методы точнаго анализа, на упорную работу ученыхъ, мы все-таки окружены со всѣхъ сторонъ громадною областью, разгадать тайны которой никакъ не можемъ. Мы не знаемъ до сихъ поръ, что такое атомъ, что такое эфиръ и т. п., а вѣдь именно на эти-то понятія ученые и опираются въ своихъ объясненіяхъ явленій природы. Опираясь на эту недостаточность знанія, лордъ Салисбюри старался доказать несостоятельность многихъ научныхъ гипотезъ. Больше всего досталось дарвинизму, какъ основной гипотезѣ біологіи. Лордъ Салисбюри доказывалъ, что установленный Дарвиномъ факторъ эволюціи недостаточенъ для объясненія того громаднаго разнообразія, которое существуетъ въ природѣ. Теорія естественнаго подбора можетъ объяснить только переходъ отъ одного вида къ другому, но искать въ ней ключа къ разгадкѣ всего широкаго разнообразія, царствующаго въ природѣ, невозможно уже потому, что для образованія этого разнообразія потребовался бы такой продолжительный періодъ существованія нашей планеты, кооторый недоступенъ никакому вычисленію. Недостаточность дарвиновской теоріи можетъ быть восполнена, по мнѣнію лорда Салисбюри, если предположить существованіе въ природѣ разумаго начала; эта новая теорія не отрицаетъ естественнаго подбора, но только устанавливаетъ высшій контроль надъ нимъ.

Рѣчь лорда Салисбюри произвела впечатлѣніе и имѣла большой успѣхъ, такъ какъ она служила выраженіемъ господствующаго настроенія и недовольства крайними материалистическими теоріями, оказавшимися недостаточными для разрѣшенія массы вопросовъ, представляющихся уму. Такимъ образомъ, и въ наукѣ отразилась реакція противъ матеріализма и реализма, обнаруживающаяся во многихъ явленіяхъ современной жизни и литературы.

Изъ докладовъ, прочитанныхъ на сѣздѣ британской ассоціаціи, особенную сенсацію произвелъ докладъ лорда Гаймъ и профессора Гамсейя объ открытіи ими новой составной части атмосфернаго воздуха. Они убѣдились путемъ многочисленныхъ опытовъ, что если взять извѣстное количество чистаго, сухого воздуха и удалить изъ него весь азотъ и кислородъ, то въ остаткѣ получится газъ, составляющій до одного процента взятаго воздуха. Газъ этотъ плотнѣе азота и отличается отъ него своимъ спектромъ поглощенія. Конечно, это сообщеніе двухъ названныхъ ученыхъ привело въ волненіе весь ученый міръ химиковъ, собравшихся на сѣздѣ, такъ какъ вѣдь это открытіе указываетъ на то, что химія, несмотря на всѣ свои усовершенствованные способы, проглядѣла до сихъ поръ существованіе новаго тѣла, которое, — если принять во вниманіе, что оно составляетъ одну сотую часть атмосфернаго воздуха, — должно находиться въ огромномъ количествѣ въ окружающей насъ атмосферѣ.

Интересный докладъ былъ сдѣланъ также на математической секціи профессоромъ Ферстеромъ о смѣщеніи оси вращенія земли. Этотъ докладъ доказываетъ, съ какою точностью ведутся въ настоящее время физическія изслѣдованія, такъ какъ даже ничтожное смѣщеніе земной оси не ускользнуло отъ ученыхъ: профессоръ Ферстеръ вычислилъ, что сѣверный полюсъ совершаетъ отклоненія между двумя точками, отстоящими не далѣе какъ на 50 фут. другъ отъ друга.

На біологической секціи все-таки главный интересъ представили пренія, касающіяся теоріи Дарвина. Дарвинизмъ всегда останется благодарною темой и на этотъ разъ вызвалъ оживленные дебаты. Профессоръ Гей-Ланкастеръ, между прочимъ, посоветовалъ молодымъ натуралистамъ, желавшимъ подорвать значеніе дарви-

новской гипотезы, повнимательнѣе читать Дарвина, такъ какъ у него они могутъ найти отвѣтъ на многія свои возраженія. Вообще, съѣздъ былъ очень богатъ цѣнными докладами по различнымъ отраслямъ точнаго знанія и, конечно, недѣля, проведенная въ Оксфордѣ участниками съѣзда, не можемъ считаться ими потеряннымъ временемъ.

Драматургъ - химикъ. Извѣстный шведскій писатель, Августъ Стриндбергъ находится въ настоящее время на излеченіи въ госпиталѣ Сендуи въ Парижѣ. Его посѣтилъ недавно одинъ изъ сотрудниковъ газеты «Temps», пожелавшій освѣдомиться о состояніи здоровья романиста.

— У меня болятъ руки вотъ уже нѣсколько лѣтъ, — сказалъ посѣтителю Стриндбергъ. — Болѣзнь эта произошла вслѣдствіе химическихъ опытовъ, которыми я занимаюсь ежедневно. Распространился слухъ, что меня ранило взрывомъ; это неправда. Язвы, которыя у меня сдѣлались на рукахъ, являются результатами отравленія ядовитаго рода ядовитыми веществами, съ которыми мнѣ приходилось возитъся, а также и вліанія огня. Я поступилъ въ госпиталь, надѣясь что тутъ скорѣе поправлюсь.

— Развѣ вы химикъ? — спросилъ Стриндберга посѣтитель.

— Какже, я страстно люблю химию. Все остальное занимаетъ въ моей жизни лишь второстепенное мѣсто. Я учился раньше медицинѣ. Въ 1870 году я дебютировалъ въ королевскомъ театрѣ Стокгольма, но моя вторая пьеса была отвергнута, и потому я держался въ сторонѣ лѣтъ десять. Я занимался въ королевской библіотекѣ въ Стокгольмѣ и сдѣлалъ нѣсколько научныхъ и историческихъ работъ. Между прочимъ, я написалъ исторію Швеціи въ двухъ томахъ и въ 1879 году представилъ въ академію надписей въ Парижѣ меморандумъ

объ отношеніяхъ Швеціи и Китая. Пьеса, отвергнутая сначала, была сыграна въ 1880 году съ большимъ успѣхомъ, и тогда я снова вернулся къ театру и написалъ около двадцати пьесъ. Въ 1883 году я пріѣхалъ въ Парижъ и сотрудничалъ въ «Monde reélique», въ которомъ писали тогда Леконтъ де-Лилль, Коппэ, Мендесъ и проч. Я всѣхъ ихъ познакомилъ тогда съ моимъ соотечественникомъ Бьернсономъ.

— А съ Ибсеномъ вы ихъ познакомили?

— Я самъ не знаю лично Ибсена. Теперь я вновь возвращаюсь къ наукѣ, которую, впрочемъ, я никогда совсѣмъ не оставлялъ. Но въ настоящее время я хочу всего себя посвятить ей.

Американская печать. Главная характерная черта американской печати и ея дѣятелей — это необычайная смѣлость, необыкновенная энергія и рѣшительность въ достиженіи своихъ цѣлей. Американскій журналистъ не останавливается ни передъ чѣмъ для того, чтобы первому добыть какое-нибудь свѣдѣніе; подвиги американскихъ репортеровъ въ этомъ отношеніи могли бы наполнить цѣлую книгу, и рассказы объ этихъ подвигахъ имѣютъ иногда совершенно легендарный характеръ. Отчасти, это происходитъ оттого, что американская публика требуетъ отъ газетъ не столько какихъ-нибудь серьезныхъ, продуманныхъ статей, сколько самыхъ свѣжихъ и сенсационныхъ новостей. Въ поискахъ за этими сенсационными новинками американскіе репортеры изощряютъ свое остроуміе и изобрѣтательность, совершаютъ чудеса храбрости и готовы, когда угодно, отправиться и въ африканскія дебри, и въ полярныя ледяныя пустыни, однимъ словомъ, они не останавливаются ни передъ чѣмъ, и никакія препятствія ихъ не пугаютъ. Но не только эксцентричность и смѣлость въ разнаго рода

предпріятіяхъ характеризуютъ американскую печать; американскіе издатели отличаются еще и тѣмъ, что они не останавливаются ни передъ какими затратами, какъ бы они ни были велики, если только дѣло идетъ о какомъ-нибудь необыкновенномъ предпріятіи, которое способно заинтересовать публику. Достаточно вспомнить Гордона Беннета, основателя «New-York Herald», тратившаго громадныя суммы на снаряженіе всевозможныхъ экспедицій и т. п.

При видѣ того широкаго развитія и значенія, котораго достигла въ настоящее время американская печать, не безинтересно, разумѣется, вспомнить ея первые дебюты. Первая газета «Public Occurrences» появилась въ Америкѣ въ 1690 году. Газета издавалась въ Бостонѣ, но, разумѣется, тогда еще никто не думалъ о возможности ежедневной газеты, и она выходила всего лишь разъ въ мѣсяцъ. Ея издатель, Вениаминъ Гаррисъ, первый журналистъ Новаго Свѣта, говорилъ: «У меня одна цѣль—доставлять публикѣ разъ въ мѣсяцъ отчетъ о всѣхъ событіяхъ, которыя могутъ быть достойны ея вниманія. Если же въ промежуткѣ мнѣ удастся узнать что-нибудь важное и серьезное, то я выпущу экстренное прибавленіе. Проникнутый сознаніемъ, что прежде всего надо бороться съ ложью и не допускать ея распространенія, я буду печатать только такія извѣстія, за достовѣрность которыхъ могу ручаться. Если же я неволью впаду въ ошибку, то постараюсь исправить ее въ слѣдующемъ же номерѣ...»

Однако, несмотря на такія благія намеренія, Вениамину Гаррису пришлось-таки не мало бороться съ разнаго рода затрудненіями и, главнымъ образомъ, съ англійскими властями, которыя такъ его преслѣдовали, что въ концѣ концовъ онъ долженъ былъ прекратить изданіе своей газеты и эмигрировать. Въ теченіе цѣ-

лыхъ четырнадцати лѣтъ Америка оставалась безъ періодическаго органа. Наконецъ, въ Бостонѣ опять появилась газета «News Lettes», весьма скромная и безъ всякихъ претензій. Что касается извѣстій, появившихся въ этой газетѣ, то сама редакція сознавалась, что они обыкновенно опаздываютъ на «тринадцать мѣсяцевъ», по сравненію съ европейскою печатью. Тѣмъ не менѣе, все-таки былъ сдѣланъ уже большой шагъ впередъ и въ 1719 году у «News Lettes» былъ уже конкурентъ въ лицѣ «Boston Gazette». Это положило начало газетной полемикѣ, и обѣ газеты начали изощрять свое остроуміе въ нападкахъ другъ на друга. Черезъ два года послѣ того возникла еще одна газета «Sop-lant», которую началъ издавать Джемсъ Франклинъ, братъ знаменитаго Вениамина Франклина. Но задача тогдашнихъ журналистовъ была далеко не изъ легкихъ. Англійскій губернаторъ издалъ тогда свой знаменитый декретъ, воспрещающій печати, «хотя бы только отдаленнѣйшимъ образомъ, касаться всего того, что можетъ имѣть какое-либо отношеніе къ правительству, администраціи, духовенству и коллегіямъ»; кромѣ того, каждый экземпляръ газеты былъ обложенъ штепсельнымъ сборомъ. Понятно, какъ трудно было при такихъ условіяхъ существовать газетамъ.

Однако, всѣ эти стѣсненія не помѣшали развитію печати; нельзя же было наложить печать молчанія на всѣ газеты и наступало, наконецъ, время, когда печать сдѣлалась выразительницею желаній и стремленій общества. Джемсъ Франклинъ былъ посаженъ въ тюрьму за то, что выступилъ защитникомъ оспопрививанія, идея котораго, однако, восторжествовала впоследствии, и, выйдя изъ тюрьмы, еще болѣе проникся ненавистью къ произволу, давившему на печать всюю силой. Неудивительно, что послѣ того Джемсъ Франклинъ съ

удвоенной энергіей ринулся въ политическую борьбу. Его братъ, Веніаминъ Франклинъ, выступилъ въ это время въ Лондонѣ защитникомъ справедливыхъ требованій своихъ согражданъ, и печать оказывала ему поддержку, служа не только выразительницей народныхъ стремленій, но даже опережала ихъ до нѣкоторой степени. Выбѣстъ съ войною за независимость наступила и самая блестящая пора печати; съ этого момента уже журналистика приобрѣла важное значеніе въ жизни народа. Но съ этого времени начинается также измѣненіе характера американской журналистики, она перестаетъ быть только политическимъ орудіемъ, а становится уже, главнымъ образомъ, орудіемъ спекуляціи, наживы. Большая американская газета— это грандіозное предпріятіе, которое требуетъ громадной затраты капитала, смѣлости и предпримчивости, но въ то же время можетъ обогатить предпринимателя и доставить ему миллионныя барышн. Въ 1832 году, Гордонъ Беннетъ, основатель «New - York Herald», указалъ новый путь американской печати и первый ввелъ въ моду необычайно смѣлыя затѣи, требующія часто громадныхъ издержекъ и поражающія публику своею новизною и оригинальностью. Гордонъ Беннетъ не щадилъ издержекъ, отыскивая то, что могло бы заинтересовать публику, и довелъ репортерское искусство до высокой степени совершенства. Зато благодарная публика сторицею вернула ему то, что онъ затратилъ, нарасхватъ раскупал его газету. Примѣромъ Беннета воспользовались и другія газеты, и всѣ начали изощряться въ изобрѣтеніи чего-нибудь такого, что могло бы особенно сильно подѣйствовать на публику и заинтересовать ее. Возникло настоящее состязаніе, и главная роль въ этомъ состязаніи пришла на долю репортеровъ, изобрѣтательности которыхъ открывалось самое широкое поле дѣятельности. И,

дѣйствительно, репортерская дѣятельность стоитъ въ Америкѣ на такой высотѣ, какой она еще далеко не достигла въ Европѣ. Въ настоящее время въ Соединенныхъ Штатахъ издается около шести тысячъ газетъ, печатающихся въ количествѣ около полутора миллиарда экземпляровъ въ годъ. Сравнивая теперешнее положеніе американской печати съ первыми робкими шагами американской журналистики, невольно поражаешься тѣмъ, съ какою быстротою она развивалась, такъ какъ въ двѣсти лѣтъ она успѣла достигнуть не только громаднаго значенія, но и приобрѣсти совершенно своеобразный характеръ, далеко оставивъ за собой во всемъ, что касается предпримчивости, европейскую печать, которая послужила для нея колыбелью.

Астрономъ - воздухоплаватель. Извѣстный французскій астрономъ, Камилль Фламмаріонъ, какъ оказывается, большой любитель воздухоплаванія. Онъ совершилъ уже двѣнадцать поднатій на воздушномъ шарѣ. Въ 1880 году онъ отправился на воздушномъ шарѣ изъ Парижа въ Кельнъ. Но воздушное путешествіе, о которомъ онъ вспоминаетъ съ самымъ большимъ удовольствіемъ, — это поднатіе совершенное имъ въ обществѣ его молодой жены, въ 1874 году, черезъ восемь дней послѣ свадьбы. Конечно, это была довольно-таки оригинальная свадебная поѣздка, продолжавшаяся около сутокъ. Воздухоплаватели спустились въ Спа и оттуда уже вернулись въ Парижъ обычнымъ способомъ.

Недавно Фламмаріона посѣтилъ сотрудникъ одного англійскаго журнала, мистеръ Шерардъ. Фламмаріонъ рассказывалъ Шерарду про свою свадебную поѣздку и увѣрялъ его, что для астронома не можетъ быть высшаго наслажденія, какъ парить въ воздухѣ, подобно птицѣ. По словамъ Фламмаріона, воздухоплаванію принад-

лежитъ будущее, и онъ твердо увѣренъ, что наука скоро постигнетъ тайну этого искусства и человѣку не въ чемъ будетъ завидовать орламъ, «парящимъ въ поднебесьи»,—онъ сдѣлается такимъ же властелиномъ на воздушномъ океанѣ, какъ и на земныхъ моряхъ.

Шерардъ провелъ у Фламмаріона цѣлый день и остался очень доволенъ своимъ посѣщеніемъ. Онъ восхищается библіотекой Фламмаріона, заключающей въ себѣ болѣе 10.000 томовъ. Шерарда особенно заинтересовало присутствіе въ этой библіотекѣ массы сочиненій изъ области оккультизма.

— Меня очень интересуютъ оккультическія науки,—сказалъ ему Фламмаріонъ,—и я уже лѣтъ двадцать пять изучаю литературу этой области, начиная отъ Аланъ Кардека, вплоть до современныхъ представителей оккультизма. Я пришелъ къ заключенію, что существуютъ такія силы въ природѣ, которыя еще неизвѣстны человѣчеству, и поэтому всякія стремленія изучить эту область заслуживаютъ вниманія и поощренія.

Жена Фламмаріона рассказала Шерарду, какъ проводитъ день ея супругъ.

— Ученыхъ обыкновенно упрекаютъ въ беспорядочности,—сказала она,—но Фламмаріонъ представляетъ въ этомъ отношеніи исключеніе. Онъ сдѣлаетъ свой первый завтракъ всегда аккуратно въ четверть восьмого утра. Затѣмъ до двѣнадцати часовъ онъ работаетъ и въ двѣнадцать часовъ опять завтракаетъ. Отъ часу до двухъ у него назначенъ приемъ и, такъ какъ онъ знаетъ рѣшительно всѣхъ въ Парижѣ, то къ нему постоянно является масса народа въ это время, и особенно часто посѣщаютъ его парижскіе репортеры, желающіе бесѣдовать съ нимъ о разныхъ вопросахъ. Отъ двухъ до трехъ онъ диктуетъ мнѣ письма. Тутъ я бываю очень занята, такъ какъ онъ получаетъ массу писемъ изъ разныхъ

мѣстъ земного шара; особенно ихъ много получается тогда, когда общественное вниманіе бываетъ возбуждено какимъ-нибудь новымъ открытіемъ въ области астрономической науки. Въ три часа онъ уходитъ изъ дому и до половины седьмого,—время когда мы обѣдаемъ,—исключительно занятъ дѣлами редакціи журнала, который издавалъ до сихъ поръ, и дѣлами различныхъ ученыхъ обществъ, въ которыхъ состоитъ членомъ. Вечеръ онъ проводитъ въ чтеніи газетъ и журналовъ, такъ какъ любитъ быть «au courant» всего того, что дѣлается на свѣтѣ. Въ десять онъ уже ложится спать и, надо сознаться, что поспать онъ очень любитъ.

— Когда же вашъ мужъ занимается наблюденіемъ небесныхъ свѣтилъ?—спросилъ удивленный посѣтитель.

— Это бываетъ лѣтомъ. Тогда мой мужъ отправляется въ Жювизи и остается тамъ съ мая по ноябрь. Тамъ программа его жизни мѣняется, и онъ проводитъ въ обсерваторіи многія ночи. Но и въ Жювизи онъ ведетъ такой же правильный образъ жизни, какъ и въ Парижѣ.

Фламмаріонъ никогда не куритъ. «Развѣ можно наблюдать звѣзды съ папирсой во рту?»—говоритъ онъ.—Притомъ куреніе отнимаетъ время, а у меня настоящій культъ времени и я не допускаю его бесполезной траты».

Самая высокая обсерваторія въ Великобританіи. Въ 1883 году, въ Англіи, на вершинѣ Бенъ-Невись, выстроена обсерваторія на деньги, собранныя общественною подпиской, и съ мая 1884 года ежечасныя наблюденія въ этой обсерваторіи не прекращались ни на одинъ день. Обсерваторія представляетъ массивное зданіе, съ двойными деревянными стѣнами, обитыми толстымъ войлокомъ и, кромѣ того, обложенными каменною стѣною

отъ 4-хъ до десяти футовъ толщиной. Такая толщина стѣнъ, конечно, отнимаетъ много мѣста и поэтому самое помѣщеніе обсерваторіи очень тѣсно; напримѣръ жилыя комнаты въ обсерваторіи пространствомъ равняются корабельнымъ койкамъ. Маленькій учебный гарнизонъ этой крѣпости ведетъ по истинѣ мученическую жизнь. Ежегодно, зимою и лѣтомъ, днемъ и ночью, во всякую погоду производятся въ обсерваторіи наблюденія и тщательно записываются въ особую книгу. Самоотверженіе ученыхъ, дѣйствительно, очень велико, и во имя науки они терпятъ большія невзгоды, такъ какъ температура на той высотѣ, на которой построена обсерваторія, такая же, какъ въ арктическихъ странахъ. Притомъ атмосфера пропитана такою сыростью, что какъ только становится теплѣе, одежда обитателей обсерваторіи покрывается каплями воды, все кругомъ прощитывается туманомъ. Дѣйствіе этой сырости на организмъ, конечно, очень неблагоприятно. Постоянная мгла, вызываемая туманомъ, дѣйствуетъ угнетающимъ образомъ на нервную систему и вредно отражается на здоровьи. Зимою же обитатели обсерваторіи сильно страдаютъ отъ холода. Но всего больше надѣдаютъ метеорологамъ сильныя вѣтры, свирѣпствующіе на вершинѣ, гдѣ скорость вѣтра порою достигаетъ 120 миль въ часъ, причемъ иногда такой вѣтеръ дуетъ непрерывно въ теченіе нѣсколькихъ дней, очень затрудняя производство наблюденій. Вообще, за исключеніемъ всего лишь нѣсколькихъ лѣтнихъ дней, когда обитатели обсерваторіи могутъ хоть немного отдохнуть отъ всѣхъ невзгодъ, которыя имъ пришлось вытерпѣть въ теченіе долгой зимы и осени, вся жизнь ихъ почти сплошь представляетъ непрерывную цѣпь лишеній, и нужно много самоотверженія и искренней любви къ наукѣ для того, чтобы не поддаться малодушію и оставаться долгіе мѣсяцы

въ такой обстановкѣ. Единственнымъ развлеченіемъ для обитателей обсерваторіи являются туристы, которые совершаютъ восхожденіе на вершину Бэнъ-Невистъ и, обыкновенно, достигаютъ обсерваторіи совершенно измученные и истомленные переходомъ. Обитатели обсерваторіи съ радостью оказываютъ имъ гостепримство и отвѣчаютъ на ихъ разспросы. Большею частью разспросы эти касаются предсказаній погоды. Временами туристовъ скопляется въ обсерваторіи довольно много, но иногда проходятъ цѣлые мѣсяцы, прежде чѣмъ кто-нибудь посторонній посѣтитъ обсерваторію. Въ иные годы особенно много туристовъ собирается на Рождество въ обсерваторію, и тогда обитатели ея проводятъ весело праздникъ, но иной разъ именно въ это время свирѣпствуетъ такая погода, что восхожденіе на гору становится невозможнымъ. Бѣдные обитатели обсерваторіи тогда цѣлыми мѣсяцами не видятъ никого и осуждены на полное одиночество. Въ виду этого они, обыкновенно, запасаются провизіей на нѣсколько мѣсяцевъ для того, чтобы не нуждаться ни въ чемъ, въ случаѣ, если непогода прерветъ ихъ сообщеніе съ остальнымъ міромъ. Несмотря на то, что жизнь въ обсерваторіи полна такихъ лишеній, все-таки находятся охотники, по собственному желанію отправляющіеся на вершину, чтобы смѣнить тамъ находящихся, которымъ, такимъ образомъ, представляется возможность нѣсколько отдохнуть и набраться силъ для слѣдующей смѣны. Если бы не было такихъ добровольцевъ, то бѣднымъ метеорологамъ на вершинѣ пришлось бы, пожалуй, совсѣмъ плохо.

Женщины миссіонеры въ Африкѣ. Въ статьѣ, посвященной дѣятельности покойнаго кардинала Лавижери въ Африкѣ, Уильямъ Шарпъ сообщаетъ свѣдѣнія о женщинахъ-миссіонерахъ, отправившихся распространять еван-

гельское ученіе и европейскую цивилизацію въ Африку. Покойный кардиналъ сказалъ однажды папѣ, что именно женщины должны быть разсадницами цивилизаціи во французскихъ владѣніяхъ въ Африкѣ. Исходя изъ этого убѣжденія, кардиналъ сталъ хлопотать объ устройствѣ женской миссіи въ Африкѣ. Вышее духовенство и его коллеги, епископы не раздѣляли его взглядовъ и даже въ публикѣ не особенно сочувственно отнеслись къ его планамъ, полагая, что женщинъ ожидаютъ черезчуръ большія опасности на этомъ поприщѣ, но когда кардиналъ Лавижери вызвалъ желающихъ заняться миссіонерскою дѣятельностью, то таковыхъ оказалось очень много. Прошло нѣсколько лѣтъ прежде, чѣмъ «африканскимъ сестрамъ» удалось побѣдить предубѣжденія, укоренившіяся противъ нихъ, но теперь даже враги женской миссіонерской дѣятельности должны признать, что эта дѣятельность оказалась въ высшей степени плодотворной. Арабовъ приводитъ въ изумленіе и восхищеніе мужество и самоотверженіе «африканскихъ сестеръ», и они пытаются большое довѣріе къ ихъ медицинскимъ познаніямъ. Благодаря «африканскимъ сестрамъ», женщины-путешественницы не рискуютъ уже болѣе подвергаться оскорбленіямъ внутри страны, какъ это было раньше. Арабы и мавры и даже кабилы, отличающіеся своею непокорностью, относятся къ женщинамъ-миссіонерамъ съ большимъ уваженіемъ. Эти неустрашимыя піонерки завоевали себѣ такое положеніе въ странѣ, что ихъ коллеги мужчины-миссіонеры мало-по-малу приходятъ къ убѣжденію, что имъ, пожалуй, придется уступить мѣсто женщинамъ, если только дѣятельность тѣхъ или другихъ окажется почему-либо несомвѣстимой.

Этическое общество въ Вѣнѣ. Недавно въ Вѣнѣ состоялось первое

«МІРЪ ВОЖІЙ», № 2, ФЕВРАЛЬ.

учредительное собраніе этического общества, въ которомъ пражскій историкъ, проф. Іодль развилъ свой взглядъ на значеніе и цѣль этической культуры. Онъ указалъ на то, что задача этическихъ обществъ должна состоять въ посредничествѣ между націей и общественною жизнью, въ популяризаціи знаній и въ борьбѣ съ догматизмомъ философскихъ и социальныхъ системъ. Главный недостатокъ философскихъ и общественныхъ наукъ именно въ томъ и заключается, что онѣ сторонятся толпы, тогда какъ онѣ должны быть доступны пониманію народа, ибо лишь въ такомъ случаѣ онѣ могутъ приносить плоды. Задача философа и социолога — развивать идеальныя стремленія въ общественной жизни. Профессоръ Іодль обратилъ вниманіе своихъ слушателей на то, что въ настоящее время этическая идея играетъ большую роль въ обществѣ, чѣмъ двадцать лѣтъ тому назадъ». Дѣятельность этического общества должна быть направлена противъ эгоизма сословныхъ интересовъ. «Наше общество, — сказалъ Іодль, — не знаетъ различія между людьми по сословіямъ, религін или расамъ. Всего нужнѣе въ настоящее время это — организація труда и образованія, такъ какъ оба должны находиться въ самой тѣсной связи. Политику и этику нельзя соединить вмѣстѣ, и поэтому въ парламентѣ не можетъ образоваться партій этической культуры, но идеи этической культуры могутъ проникнуть во всѣ партіи и къ этому, именно, мы и должны направить всѣ свои усилія».

Ораторъ былъ награжденъ очень сочувственными аплодисментами. Общество этической культуры вообще имѣетъ успѣхъ въ Вѣнѣ, и число членовъ его довольно быстро возрастаетъ.

Счастливая идея. Студенческая ассоціація въ Монпелье устроила въ своемъ отелѣ, въ первый день нова-

го года, елку для 700 бѣдныхъ школь-никовъ. Для маленькнхъ гостей было устроено увеселительное представление, вродѣ нашего «Петрушки», затѣмъ, пѣніе, танцы и т. п. Дѣти веселились отъ души, и пріятно было смотрѣть, какъ молодые хозяева - студенты заботи-лись о томъ, чтобы всѣмъ было хо-рошо и весело. Каждый изъ пригла-шенныхъ на елку дѣтей получилъ игрушку или книгу и, кромѣ того, еще какую-нибудь полезную вещь. Вообще, во всей организацин этого праздника проглядывали вниманіе и заботливость о меньшнхъ братіи, и эта заботливость, конечно, дѣлаетъ честь студенческой мо-лодежи, одушевленной благороднымъ стремленіемъ послужить народу и, въ ожиданіи болѣе широкаго поля дѣя-тельности, готовой служить ему хоть эту заботливостью и вниманіемъ къ его дѣтямъ. Такое же точно праздни-ство было устроено студентами уни-верситета въ Диялѣ. Вообще многія студенческія общества во Франціи обна-руживаютъ подобныя попытки войти въ болѣе тѣсное соприкосновеніе съ народомъ, и въ этомъ стремленіи мо-лодежи заложены, безъ сомнѣнія, осно-вы будущаго обмженія классовъ и соціального мира.

Новая гипотеза о происхожденіи Австраліи. Австраійскій континентъ настолько отличается своими особен-ностями отъ всѣхъ прочихъ мате-риковъ земнаго шара и представляетъ такія замѣчательныя аномаліи, что происхожденіе его всегда казалось загадочнымъ. Прежде всего поражаетъ въ Австраліи полное отсутствіе дѣй-ствующихъ или потухшихъ вул-кановъ и даже всякихъ слѣдовъ или намековъ на вулканическую дѣятельность, несмотря на то, что Австралія находится въ самомъ центръ сплошнаго вулканическаго полушарія, огибающаго ее на очень близкомъ разстояніи и кончающагося въ Новой Зеландіи. Это явленіе тѣмъ

болѣе необъяснимо, что подпочва Ав-страліи состоитъ именно изъ такихъ каменныхъ породъ, въ которыхъ всегда наблюдаются слѣды вулканическихъ вліяній. На всемъ земномъ шарѣ нѣтъ нигдѣ такой большой площади, состоящей изъ первичныхъ породъ или формаций, въ которой наблюдалось бы нѣ-что подобное тому, что наблюдается въ Австраліи, т.-е. полное отсутствіе всякихъ слѣдовъ вулканическихъ яв-леній, какъ въ настоящемъ, такъ и въ прошломъ. Кромѣ этой аномаліи, въ Австраліи существуетъ еще много странныхъ особенностей, отличающихъ ее отъ прочихъ материковъ земнаго шара. Такія же особенности представ-ляютъ и австраійскія горы. Въ про-тивоположность другимъ материкамъ, въ Австраліи существуютъ только исключительно разрозненныя возвы-шенности, совершенно изолированныя и несвязанныя между собой. Единствен-ное исключеніе представляетъ горная цѣпь, которая тянется вдоль восточ-наго и отчасти юго-восточнаго берега. Но образованіе этой цѣпи можетъ быть объяснено тѣмъ, что промежутки между отдѣльными возвышенностями были завалены продуктами быстро совершавшагося частичнаго распада каменныхъ массъ, благодаря близости океана, способствующаго болѣе быстро-му вывѣтриванію и разрушенію ка-менныхъ породъ. Такую же аномалію представляетъ въ Австраліи отсутствіе сколько-нибудь значительныхъ рѣч-ныхъ бассейновъ; тамъ только попадаются маленькія рѣченки или мало-водные потоки, часто пересыхающіе и пробирающіеся по какимъ-то рыт-винамъ. Между тѣмъ на всѣхъ дру-гихъ континентахъ существуютъ обширныя долины и равнины и большія рѣчныя системы, доставляющія зем-ной поверхности болѣе или менѣе постоянное орошеніе. Въ Австраліи же, повиднмому, совсѣмъ не суще-ствуетъ подземныхъ источниковъ во внутреннихъ частяхъ материка, и оро-

шепіе земли происходит крайне неправильно. Только въ извѣстное время года, послѣ періода дождей, развивается растительность, благодаря большому обилію влаги; въ остальное же время внутреннія части материка представляютъ сухую, каменистую и бесплодную пустыню. Замѣчательно также и то, что поверхность материка Австраліи изборождена во всѣхъ направленіяхъ многочисленными щелями и трещинами, происхожденіе которыхъ оказывается непонятнымъ въ виду того, что ихъ нельзя приписать дѣйствию вулканическихъ силъ.

Всѣ эти аномаліи, встрѣчающіяся на австралійскомъ континентѣ, кажущіяся очень загадочными и непонятными, становятся легко объяснимыми, если только допустить гипотезу о метеорномъ происхожденіи Австраліи. Гипотеза эта впервые была высказана французскимъ ученымъ Дюфреномъ и дополнена Фроманомъ въ его новомъ трудѣ «*Les merveilles de la flore primitive*», недавно вышедшемъ въ свѣтъ. Какъ ни кажется удивительною и смѣлою эта гипотеза о «неземномъ» происхожденіи Австраліи, но нельзя все-таки не признать, что въ ней нѣтъ ничего неѣроятнаго или невозможнаго, особенно въ виду тѣхъ фактическихъ доказательствъ, которыя приводятъ учеными въ пользу своей теоріи. Прежде всего они указываютъ на то, что, согласно теоріи образованія планетной системы земная ось должна была бы быть вертикальной къ плоскости эклиптики, между тѣмъ она стоитъ не прямо, а наклонно къ плоскости вращенія земли вокругъ солнца, вопреки всемъ теоретическимъ соображеніямъ и законамъ механики. Исторія той растительности на земномъ шарѣ, которой обязаны своимъ образованіемъ залегающіе въ нѣдрахъ земли каменноугольные пласты, даетъ нѣкоторыя указанія, подтверждающія

гипотезу о бывшей вертикальности земной оси. Эти каменноугольные залежи распределены по землѣ весьма неравнобѣрно: въ экваторіальной и тропическихъ областяхъ эти пласты встрѣчаются рѣдко и оказываются очень тонкими, между тѣмъ какъ въ среднихъ широтахъ и полярныхъ странахъ онѣ находятъ въ изобиліи и отличаются толщиною и распространенностью. Кроме того, не подлежитъ сомнѣнію фактъ, что каменноугольные образованія въ сѣверныхъ и полярныхъ широтахъ произошли гораздо раньше, чѣмъ въ ближайшихъ къ экватору широтахъ, и это ясно указываетъ, что растительная жизнь на землѣ развивалась первоначально у полюсовъ, а затѣмъ уже оттуда распространилась къ экватору. Богатство каменноугольныхъ пластовъ на сѣверѣ свидѣтельствуетъ о необъятныхъ количествахъ наслоившихся тамъ растительныхъ остатковъ и доказываетъ, что полярная флора въ каменноугольный періодъ богатствомъ своимъ далеко превосходила даже теперешнюю тропическую флору. Конечно, для того, чтобы могла развиться такая растительность, нужны были свѣтъ и теплота, и поэтому надо поневолѣ допустить, что въ полярныхъ странахъ въ этотъ періодъ существовали благоприятныя условія для развитія и роста растеній; эти же условія невозможны при существующемъ теперь наклонѣ земной оси, и надо предположить, что тогда этого наклона не существовало, ось вращенія земли стояла прямо, и на всей землѣ отъ полюсовъ до экватора было только одно непрерывное и неизмѣнное время года, и дни были равны ночамъ. Въ силу чего же произошелъ этотъ наклонъ, вызвавшій внезапныя измѣненія климата на землѣ? Вышеназванные ученые предлагаютъ слѣдующую гипотезу для объясненія этого явленія: наклонъ земной оси произошелъ подъ вліяніемъ внѣшней силы, кото-

рал внезапно выбила земной шаръ изъ его первоначальнаго положенія. Этою «внѣшнею» силой могла быть громадная метеорная масса, упавшая на землю изъ глубинъ небснаго пространства, паденіемъ своимъ нарушившая прежде равновѣсіе нашей планеты. Паденіе космическихъ тѣлъ представляетъ довольно частое и обычное явленіе на земномъ шарѣ. По приблизительнымъ вычисленіямъ, на землю падаетъ въ теченіе сутокъ нѣсколько сотъ тысячъ метеоритовъ. Въ большинствѣ случаевъ, метеориты эти не велики по своему объему, но попадаютъ между ними все-таки крупныя глыбы. Ничего нѣтъ невѣроятнаго въ томъ предположеніи, что въ сферу притяженія земли могло попасть очень крупное космическое тѣло, паденіе котораго и было причиною перемѣнъ на земномъ шарѣ. Этотъ громадный по своей величинѣ и тяжести метеоритъ именно и есть Австралія. Дюфренъ предполагаетъ, что на томъ мѣстѣ, гдѣ находится Австралія, долженъ былъ существовать прежде большой вулканическій центръ, который и былъ потомъ закрытъ и уничтоженъ обрушившимся сюда астероидомъ. Фроманъ указываетъ, кромѣ того, еще и на то, что земная ось отклонена на $23^{\circ}37'$, а центръ австраійскаго материка какъ разъ именно и приходится на 23 градусъ южной широты. Составъ каменныхъ породъ, образующихъ остовъ Австраліи, нисколько не противорѣ-

читъ гипотезѣ о ея метеорномъ происхожденіи. Съ принятіемъ этой гипотезы всѣ аномаліи, представляемыя австраійскимъ континентомъ, становятся объяснимыми и теряютъ свою загадочность. Конечно, никакое изображение не въ состояніи себѣ представить картину того страшнаго потрясенія, которое должна была испытать земля въ моментъ паденія подобнаго астероида. Катастрофа должна была быть поистинѣ ужасною, въ полномъ смыслѣ этого слова, такъ какъ страшный, всеокрушающій ураганъ долженъ былъ пронестись по всей поверхности земли, а океанская волна гигантскихъ размѣровъ должна была подняться и затопить землю южнаго полушарія. При этомъ, конечно, должна была образоваться громадная масса водяныхъ паровъ, такъ какъ паденіе совершилось въ океанъ, и эти пары, затѣмъ, хлынули на землю въ видѣ дождевыхъ потоковъ. Послѣдствіемъ этой катастрофы явился наклонъ земной оси и вызванный этимъ измѣненія климата на земномъ шарѣ, вслѣдствіе чего у полюсовъ появились и разрослись вѣчные льды. Такимъ образомъ новая гипотеза о происхожденіи Австраліи не только не противорѣчитъ фактамъ, установленнымъ наукой, но даже объясняетъ многія явленія прошлой и настоящей жизни земли, которыя, безъ этой гипотезы, кажутся намъ загадочными и непонятными.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

Полемика «Revue des Deux Mondes» съ «Revue Scientifique», «Revue des Revues», «Educational Review», «Forum», «Revue des deux Mondes», «Review of Reviews», «Fortnightly Review», «Northamerican Review»,

Нападать на науку, говорить о ея банкротствѣ, несостоятельности сдѣлалось какимъ-то ходячимъ мѣстомъ, особенно въ извѣстной части французской литературы, и даже такой серьез-

ный органъ, какъ «Revue des deux Mondes», выступилъ недавно съ подобнымъ обвинительнымъ актомъ противъ науки, въ статьѣ своего главнаго редактора, академика Брюле-

тѣра, извѣстнаго литературнаго критика. Брюнетьеръ написалъ свою статью послѣ визита въ Ватиканъ, — она такъ и называется «Après une visite au Vatican», — очевидно, подъ влияніемъ своей бесѣды съ папой Львомъ XIII и подъ обаяніемъ его личности. Познакомившись съ либеральнымъ папой, Брюнетьеръ заговорилъ о католицизмѣ, какъ о единственной религіи будущаго, которая можетъ удовлетворить требованіямъ и настоящаго и новаго порядка вещей. Наука, по словамъ Брюнетьера, не можетъ претендовать на то, чтобы занять мѣсто религіи ни теперь, ни въ будущемъ; она потеряла свой престижъ, такъ какъ не могла улучшить участь человѣчества и ничего не сдѣлала для нравственнаго прогресса. Наука не сдержала своихъ обѣщаній и доказала свое полное безсиліе рѣшить многіе вопросы, глубоко интересующіе человѣчество.

Разумѣется, такіа обвиненія, возводимыя на науку, не могли остаться безъ отвѣта со стороны представителей этой самой, унижаемой Брюнетьеромъ, науки. Статья Брюнетьера возбудила полемику въ журналахъ, и многіе авторитетные писатели сочли нужнымъ возражать Брюнетьеру. Изъ всѣхъ статей, написанныхъ по этому поводу и въ защиту науки, заслуживаетъ особеннаго вниманія статья Шарля Рише въ «Revue Scientifique» *).

Шарль Рише совершенно справедливо дѣлаетъ замѣчаніе Брюнетьеру, что очень удобно пользоваться ежеминутно благодѣяніями науки и въ то же время осмѣивать ее, глумиться надъ ея безсиліемъ, будучи окруженнымъ со всѣхъ сторонъ плодами этой самой науки. Вѣдь, еслибъ не было науки, то мы, быть можетъ, до сихъ поръ жили бы, какъ люди каменнаго вѣка, защищаясь дубинами отъ дикихъ

звѣрей и зубами и ногтями ограждая своихъ женъ и добычу отъ своихъ, столь же дикихъ, сосѣдей. Нельзя отдѣлять науку отъ цивилизаціи. Брюнетьеръ говоритъ, что наука не сдержала своихъ обѣщаній. Но развѣ не ей обязанъ міръ своимъ матеріальнымъ прогрессомъ? Конечно, ни физиологія, ни химія, ни какая другая наука въ отдѣльности взятая не могутъ создать для человѣческаго рода нравственныя правила, опредѣлить добро и зло. Но каждый ученый знаетъ, что онъ ищетъ истины, и что эти поиски нельзя назвать безплоднымъ дѣломъ. Результатъ огромнаго труда ученыхъ въ различныхъ отрасляхъ знанія, совокупность открытыхъ ими маленькихъ отдѣльныхъ истинъ и составляютъ то, что именуется цивилизаціей. Нельзя представить себѣ успѣховъ какой-нибудь одной изъ наукъ безъ того, чтобы эти успѣхи не отразились бы и на успѣхахъ другихъ наукъ. Все тѣсно связано вмѣстѣ и не можетъ быть разрознено. Нельзя отрицать также, что развитіе человѣчества при помощи науки смягчило нравы, пробудило великодушныя чувства и создало нравственный идеалъ, опирающийся на принципы свободы и ответственности. Только расширивъ свои познанія во всѣхъ направленіяхъ, человѣкъ достигъ пониманія своего долга; онъ позналъ, что такое справедливость, доброта, братство между людьми, и созналъ, что эгоизмъ и жестокосердіе — пороки. Великіе мыслители, проповѣдывавшіе людямъ любовь и братство, долгое время не находили послѣдователей. Въ средніе вѣка, на примѣръ, христіанство оставалось такимъ только по имени, такъ какъ евангельское ученіе о любви, братствѣ и милосердіи подверглось страшному искаженію. Потребовались огромныя усилія науки, чтобы освободить умъ человѣка отъ наложенныхъ на него оковъ, открыть для него новые горизонты и внушить ему по-

*) Въ слѣдующей книгѣ нашего журнала будетъ помѣщенъ переводъ этой статьи Ш. Рише.

натія о сираведливости и мирѣ. Можно ли говорить послѣ этого о банкротствѣ науки, о томъ, что она не исполнила своей миссиі! «Я бы сказалъ даже, что она пошла дальше своей миссиі! — восклицаетъ Рише. — Наука взялась за то, чтобы розыскать истину, и оказалось, что съ этими-то розысками тѣсно связано познаніе добра».

Рише изумляется той смѣлости, съ которою Брюнетьеръ говоритъ наукѣ: «Ты дальше не пойдешь!» «Я бы никогда не рѣшился утверждать относительно какого-нибудь научнаго вопроса, говорить—Рише, что онъ никогда не будетъ разрѣшенъ. Быть можетъ, этой смѣлости у меня не хватаетъ потому, что я знаю нѣсколько примѣровъ такихъ преждевременныхъ заявленій, которыя потерѣли полнѣйшую неудачу. Напримеръ: Прево и Дюма, изслѣдуя въ 1821 году кровавые шарики, осмѣлились произнести слѣдующую фразу: «Бесплодность нашихъ усилій изолировать красящее вещество крови заставляетъ насъ почти съ увѣренностью утверждать, что этого нельзя сдѣлать и никогда этого не добьются». А между тѣмъ, спустя сорокъ лѣтъ послѣ этого смѣлаго заявленія, красящее вещество крови было изолировано и подвергнуто тщательному анализу. Теперь приготовленіе кристаллическаго гемоглобина (красящее вещество крови) принадлежитъ уже къ числу совершенно элементарныхъ опытовъ. Въ 1859 году Мюллеръ сказалъ: «Скорость нервнаго тока такъ велика, что ее никогда нельзя будетъ измѣрять». Два года спустя Гельмгольцъ, при помощи самаго простаго способа, доступнаго для каждаго студента медика, доказалъ, что скорость эта можетъ быть измѣрена.

Такихъ примѣровъ можно бы привести не мало, и для людей, склонныхъ предрѣшать будущее, они должны были бы послужить предостереженіемъ. Брюнетьеръ, впрочемъ, еще недавно, въ своихъ лекціяхъ,

излагалъ другой взглядъ на науку, онъ говорилъ, что прошедшее является для насъ гарантіей будущаго и что лучшая вѣра та, которая побѣдитъ эгоизмъ и внушитъ человѣку великодушныя стремленія къ дѣятельности,—это вѣра въ то, что мы сами составляемъ наслѣдіе нашего прошлаго, что въ насъ готовится будущее человѣческаго рода и что каждый человѣкъ, для развитія своей личности, нуждается въ помощи и содѣйствіи другихъ людей и можетъ существовать только въ обществѣ. Почти то же самое говоритъ и Рише. «Наука, цивилизація, нравственность не могутъ быть отдѣлены другъ отъ друга. Нельзя представить себѣ прогресса нравственности безъ прогресса цивилизаціи, и обратно. Въ настоящее время привычимо нравственности для цивилизованнаго человѣчества служить принципъ солидарности. Зло—это горе другихъ! (*Le mal c'est la douleur des autres*). «Но если до своей побѣдки въ Ватиканъ Брюнетьеръ склонялся болѣе въ пользу матеріалистической точки зрѣнія, то послѣ нея онъ заявляетъ, что дѣло морализаціи и возрожденія человѣчества можетъ быть совершенно только при помощи католической религіи и что въ примиреніи съ нею, въ сближеніи съ нею науки слѣдуетъ искать спасенія. Быть можетъ, Брюнетьеръ заговорилъ бы совершенно иначе, если бы, вмѣсто просвѣщеннаго и либеральнаго Льва XIII, онъ встрѣтилъ бы другого, реакціонернаго папу, не допускающаго ни сближенія съ наукой, о которомъ мечтаетъ Брюнетьеръ, ни «независимости мысли», которую онъ все-таки не желаетъ приносить въ жертву. Теперь, впрочемъ, пока во главѣ католической церкви стоятъ папа Левъ XIII, проповѣдь Брюнетьера о примиреніи и сближеніи религіи и науки является тѣмъ-то въ родѣ «стучанія въ открытую дверь», ибо даже сама католическая церковь выражаетъ,

повидимому, желаніе сблизиться съ наукой, вмѣсто того, чтобы идти противъ нея, какъ это было прежде.

Маленькая Японія, заимствовавшая уже такъ многое у европейской цивилизаціи и европейскіхъ нравовъ, конечно, не могла не позаимствовать у Европы, вмѣстѣ съ мостами, пушками и парламентскою системою, ея системы печати. Тридцать лѣтъ тому назадъ, въ Японіи почти не знали, что означаетъ слово «журналъ», теперь же въ одномъ только Токио издается болѣе четырехсотъ ежедневныхъ газетъ и триста періодическихъ журналовъ. Исторія такого быстрого развитія японской печати можемъ представить интересъ и для европейскіхъ читателей. По словамъ японскаго поэта Мотопазы, написавшаго въ «Revue des Revues» статью объ эволюціи японской журналистики, этой журналистикѣ приходилось вначалѣ не очень легко и потому ея быстрое развитіе представляется еще болѣе удивительнымъ. Отцомъ японской журналистики былъ одинъ аптекаръ, по имени Кишида Гинкау. Раньше онъ служилъ «самураемъ», т. е. воиномъ, но послѣ революціи 1868 года ему пришлось поневолѣ сложить свое оружіе, и онъ открылъ аптекарскую торговлю. Японскіе коммерсанты въ то время уже понимали всю пользу рекламы, но такъ какъ они не имѣли въ своемъ распоряженіи четвертой страницы газетъ, какъ теперь, они и придумали другой способъ для того, чтобы придти на помощь своей торговлѣ; они печатали на маленькихъ листочкахъ объявленія объ открытіи магазина или же прибытіи товаровъ изъ Европы. Эти листочки разносились разсылными по квартирамъ обывателей, или же содержаніе ихъ прочитывалось громко разсылными на разныхъ улицахъ, наиболѣе многолюдныхъ. Этотъ обычай существовалъ и до Кишиды, но Кишида сдѣлалъ въ немъ нововведеніе, которое и положило начало

японской журналистикѣ. Онъ придумалъ выпускать такіе листки два или три раза въ мѣсяцъ, прибавляя къ своимъ объявленіямъ небольшія сообщенія о какихъ-нибудь новостяхъ дня, сказки и рассказы—«на манеръ писемъ и корреспонденцій, которыя существуютъ у европейцевъ», какъ говорилъ Кишида.

Свобода печати, конечно, была очень ограничена въ Японіи въ то время и потому Кишида долженъ былъ исключить изъ своей газеты всякія политическія новости и ограничиваться лишь помѣщеніемъ разныхъ свѣтскихъ слуховъ, сенсаціонныхъ происшествій и объявленій о приходѣ и отплытіи судовъ. Нѣсколько позднѣ Кишида сталъ помѣщать въ своей газетѣ фельетонные романы, сюжеты для которыхъ онъ заимствовалъ изъ старинныхъ японскихъ легендъ. Существованіе этой первой японской газеты было обставлено такими же затрудненіями, какъ и существованіе первыхъ европейскихъ газетъ; она выходила очень неправильно, и выходъ ея, главнымъ образомъ, зависѣлъ отъ состоянія кошелька ея издателя, такъ какъ подписчиковъ у нея не было. Аптекарская лавка служила въ то же время и редакціоннымъ бюро, и, разумѣется, цѣлью газеты было, главнымъ образомъ, рекламированіе настоекъ и пилюль, приготовленныхъ ея издателемъ. Однако все же аптекарю было трудно поддерживать это изданіе, и онъ сталъ искать поддержки на сторонѣ. Японскіе негоціанты, къ которымъ онъ обратился, тотчасъ же поняли, какія преимущества можетъ доставить имъ изданіе такой газеты, и охотно согласились субсидировать ее. Тогда «Moshiwogoussa» стала выходить правильно три раза въ мѣсяцъ. Вскорѣ она сдѣлалась очень популярною и проникла во всѣ зажиточные дома въ Токио, а затѣмъ и въ Йокагаму. Успѣхъ ея былъ обезпеченъ.

Конечно, успѣхъ вызвалъ подража-

ніе и конкуренцію, и журнализмъ началъ быстро развиваться. Первая ежедневная политическая газета появилась въ 1872 году. Она была основана японскимъ ученымъ Туджитой и называлась «Youbin - Hoshi-shin-Bouin», что означаетъ: «Почта». Преслѣдованія со стороны правительства обезпечили этой газетѣ успѣхъ и популярность. Газета находилась въ оппозиціи и ежедневно позволяла себѣ очень бѣдыя выходки противъ правительства, вслѣдствіе чего оно издало очень строгіе законы о печати. Это не помѣшало Туджитѣ написать весьма рѣзкую передовую статью, направленную противъ новаго закона. Разумѣется, онъ за это попался свободой; его посадили въ тюрьму, но газета его пошла въ ходъ.

Въ настоящее время изъ газетъ, особенно популярныхъ въ Японіи, слѣдуетъ отмѣтить газету «Dji-Ji-Sin-Pou», принадлежащую къ умѣренной оппозиціи. Эта газета много способствовала введенію европейской цивилизаціи въ Японіи. Газета «Nitsourou» (Японія), органъ радикальной оппозиціи, постоянно подвергается разнаго рода взысканіямъ и приостановкѣ.

Рядомъ съ большими журналами и газетами въ Японіи распространены небольшіе иллюстрированные листки не всегда приличнаго содержанія. Статьи въ ежедневныхъ газетахъ не подписываются, и единственнымъ отвѣтственнымъ лицомъ является редакторъ. Очень часто редакторомъ выбирается какое-нибудь подставное лицо, которое и получаетъ деньги за то, чтобы отсиживать въ тюрьмѣ, поэтому содержаніе такого редактора вознаграждаетъ соразмѣрно числу дней тюремнаго заключенія, къ которому онъ бываетъ присужденъ.

Въ журналъ авторы подписываютъ свои статьи псевдонимомъ, заимствованнымъ у названія какого-нибудь цвѣтка или мѣстности; поэтому настоящее имя авторовъ рѣдко бываетъ

извѣстно, особенно если авторъ, какъ это чаще всего случается, принадлежитъ къ высшему японскому обществу, такъ какъ тогда онъ особенно тщательно скрываетъ свое имя.

Цѣна газеты рѣдко превышаетъ 10 сантимовъ (около 4 коп.) за номеръ. Провинціальная печать также начинаетъ быстро развиваться и не уступаетъ въ настоящее время столичной.

Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ англійскаго педагогическаго журнала «Educational Review» напечатана статья о воспитательномъ значеніи игръ, въ которой описываются систематическія старанія Германіи ввести такія игры среди дѣтей, Германія заимствовала эту идею у Англии, но, какъ это часто бываетъ, опередила своего учителя. Германское правительство назначило комиссію изъ компетентныхъ лицъ, и комиссія эта была отправлена въ Англію для ознакомленія съ играми англійской молодежи. Комиссія должна была дать свое заключеніе относительно того, какія изъ этихъ игръ подходятъ къ нравамъ и вкусу германскаго народа и потому могутъ быть пересажены на германскую почву, и эти заключенія, вслѣдъ затѣмъ, были опубликованы официально для распространения по всей Германіи. Очевидно, почва была уже подготовлена, такъ какъ около четырехсотъ городовъ и селъ тотчасъ же устроили у себя площадки для общественныхъ игръ. Эти площадки содержатся на общественный счетъ, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они устроены богатыми обывателями, заинтересованными въ этомъ дѣлѣ. Такія площадки снабжены всеми приспособленіями для игръ дѣтей всѣхъ возрастовъ. Маленькія дѣти находятъ тамъ большія кучи свѣжаго песку, юноши и взрослые—всякія другія приспособленія. Движеніе это съ самаго начала имѣло уже воспи-

тательный характеръ, хотя и не стояло въ прямой связи со школьною дѣятельностью. Каждая площадка находилась въ вѣдѣніи одного руководителя игръ, большею частью учителя, такъ какъ въ своемъ постановленіи о введеніи публичныхъ игръ правительство требовало, чтобы во главѣ ихъ находился опытный воспитатель. Въ помощь ему назначаются ассистенты. Самыми популярными изъ игръ являются: въ теплое время года — игра въ мячъ и разнаго рода бѣга, зимою же — катаніе на конькахъ. Приверженцы общественныхъ игръ твердо надѣются, что эти игры будутъ содѣйствовать развитію дѣтей въ физическомъ, умственномъ и нравственномъ отношеніи, и что это отразится самымъ благоприятнымъ образомъ на будущемъ поколѣніи Германіи.

Американскій писатель, Прайсъ Колиеръ, проводитъ параллель въ своей статьѣ въ «Foghorn» между домашнею жизнью въ Англии и Америкѣ. Выводы его не лишены интереса. Онъ говоритъ, между прочимъ, что каждому, кто вступаетъ въ домъ англичанина, должно броситься въ глаза то обстоятельство, что домъ этотъ старательно приспособленъ къ потребностямъ своего хозяина. Въ американскомъ же домѣ первое, что бросается въ глаза, это «приспособленіе хозяина къ своему дому». Въ Англии при устройствѣ квартиры всегда принимается во вниманіе комфортъ мужчины, въ Америкѣ же — комфортъ женщины. Такъ какъ мужчины гораздо болѣе себялюбивы, нежели женщины, и склонны къ большей заботливости о себѣ, то и дома въ Англии лучше устроены, нежели въ Америкѣ. Притомъ, англичанинъ гораздо больше остается дома, нежели американецъ. Англичанинъ всегда «торопится домой», американецъ всегда «торопится по дѣламъ». Англичанинъ любитъ говорить о своемъ домѣ и, находясь въ

отсутствіи, всегда строить планы своего возвращенія домой, американецъ же никакого стремленія къ дому не высказываетъ и всегда идетъ туда, куда влекутъ его дѣла или фантазія.

Американцы, пріѣзжающіе въ Англию, поражаются преимущественно тѣмъ, что это — «страна мужчинъ»; англичане же, наоборотъ, изумляются тому, что Америка — «страна женщинъ» по преимуществу. Авторъ полагаетъ возможнымъ сдѣлать изъ этого выводъ, что американцы — лучшіе мужья, а англичанки — лучшія жены. Такъ или иначе, но одно несомнѣнно, что домашняя жизнь гораздо болѣе развита въ Англии, нежели въ Америкѣ.

Въ странѣ, гдѣ соревнованіе доведено до крайности, гдѣ деньги обладаютъ необычайнымъ могуществомъ и могутъ доставить комфортъ, всяческій почетъ и уваженіе, гдѣ успѣхъ вызываетъ безпримѣрный энтузіазмъ, пораженіе же или неудача подвергаютъ униженію — въ такой странѣ, разумѣется, только такой человекъ можетъ выйти побѣдителемъ, котораго оберегаютъ и о которомъ заботятся, подготавливая его къ борьбѣ. Авторъ восхищается домашнею жизнью въ Англии и находитъ, что она подготавливаетъ настоящихъ общественныхъ дѣятелей. Домъ для англичанина служитъ мѣстомъ отдохновенія, гдѣ онъ набирается новыхъ силъ; онъ — глава дома и вся домашняя жизнь направлена именно къ тому, чтобы дать ему возможность наилучшимъ образомъ выполнить свое назначеніе въ общественной и политической жизни.

Въ похвалахъ, расточаемыхъ авторомъ по адресу англичанъ, проглядываетъ явно неудовольствіе на то, что въ Америкѣ отводится слишкомъ много мѣста для женщины, и мужчины лишь въ рѣдкихъ случаяхъ являются въ роли главы семьи, сосредоточивающемъ на себѣ все вниманіе ея членовъ. Но и въ Англии, въ

послѣднее время, стало обнаруживаться въ средѣ женщинъ сильное стремленіе измѣнить строй семейной жизни, уравнивъ права обоихъ супруговъ, и скоро, по всей вѣроятности, американцамъ не въ чемъ уже будетъ завидовать англійскимъ мужьямъ, первенствующая роль которыхъ въ семейной жизни сама собой прекратится, какъ только женщины добьются уравненія своихъ правъ.

«Review of Reviews» приводятъ разсказъ дочери знаменитаго писателя Чарльза Диккенса о томъ, какъ ея отецъ работалъ надъ своими произведеніями. «Онъ имѣлъ привычку всегда работать одинъ,—разсказываетъ дочь Диккенса,—но иногда допускались исключенія. Такого рода исключеніе коснулось однажды и меня. Во время нашего пребыванія въ Тэвистокъ-Гоузъ я сильно и долго была больна. Выздоровленіе шло очень медленно, и вотъ отецъ мой однажды сказалъ, чтобы меня принесли въ его рабочую комнату, и хотя я выразила опасеніе, что мое присутствіе будетъ ему мѣшать, онъ возразилъ мнѣ, что это пустяки, что я нисколько ему не мѣшаю, и онъ желаетъ, чтобы я оставалась у него въ комнатѣ. Такимъ образомъ я проводила дни, лежа на софѣ въ его комнатѣ, и онъ въ это время усердно писалъ за своимъ письменнымъ столомъ. Какъ-то утромъ я, по обыкновенію, сидѣла у него и наблюдала, какъ онъ работалъ. Вдругъ онъ вскочилъ со своего стула и бросился къ зеркалу, которое висѣло вблизи, такъ что я могла видѣть въ немъ отраженіе лица моего отца. дѣлавшаго какія-то странныя гримасы передъ зеркаломъ. Черезъ минуту онъ опять былъ у своего письменнаго стола и началъ писать съ какою-то яростью, но затѣмъ опять подскочилъ къ зеркалу, и повторилась та же самая сцена. Пописавъ нѣсколько минутъ, отецъ мой бросилъ перо и, по-

вернувшись ко мнѣ, началъ что-то говорить вполголоса, но ясно было, что онъ меня не видитъ, и слова его ко мнѣ не относятся. Но и это скоро прекратилось, онъ снова вернулся къ своему столу и началъ писать уже болѣе спокойно и такъ проработалъ до самаго завтрака. Я была очень поражена тѣмъ, что видѣла, но только спустя много лѣтъ поняла истинное значеніе всего этого. Тогда только я узнала, что, создавая свои произведенія, мой отецъ до такой степени воплощался въ личность своего героя, что на время совершенно переставалъ сознавать окружающіе предметы и дѣйствительность и становился именно тѣмъ, кого описывалъ. Очень часто, послѣ такой напряженной утренней работы, онъ выходилъ къ завтраку, находясь еще во власти своихъ мыслей, механически ѣлъ, какъ-будто начего не сознавая и не обращая вниманія на окружающихъ и тотчасъ же возвращался къ своему письменному столу. Наши разговоры въ это время, повидимому, ему не мѣшали, онъ даже ихъ не замѣчалъ, но зато какой-нибудь неожиданный звукъ, звонъ стакана, паденіе ложки и т. п. непременно вызывалъ на его лицѣ болѣзненную гримасу».

Диккенса чуть-чуть не постигла желѣзнодорожная катастрофа въ 1865 году, и съ той поры онъ не могъ проѣхать даже небольшого разстоянія по желѣзной дорогѣ безъ того, чтобы не испытать чувства смертельнаго страха и ужаса, котораго онъ никакъ не могъ преодолѣть. Дочь его разсказываетъ, что однажды она ѣхала съ нимъ изъ Лондона на дачу. Переѣздъ былъ самый короткій, но вдругъ Диккенсъ судорожно схватился за ручки сидѣнія и поблѣднѣлъ, какъ полотно, а на лбу у него выступили крупныя капли пота. Это чувство сдѣлалось столь нестерпимымъ, что на ближайшей же станціи онъ долженъ былъ выйти, такъ какъ не могъ ѣхать

дальше. Вообще, всякій переѣздъ по желѣзной дорогѣ доставлялъ ему нестерпимыя страданія и никакая увѣренность въ полной безопасности не могла разсѣять чувства страха, которое овладѣвало имъ, какъ только онъ садился въ вагонъ.

Очень привлекательную картину парижскихъ кафе для рабочихъ рисуетъ А. Сандорнъ въ «North-American Review». «Убранство этихъ кафе,—говоритъ Сандорнъ,—далеко не можетъ удовлетворить изысканному вкусу, но, тѣмъ не менѣе, комнаты представляютъ прекрасное зрѣлище, когда онѣ наполнены посѣтителями. Сюда приходятъ въ своихъ блузахъ рабочіе, виѣстѣ со своими женами, щеголяющими бѣлыми чепцами, и дѣтьми въ черныхъ передникахъ, мелкіе торговцы и торговки, а иногда заходятъ и солдаты. На всѣхъ столахъ можно видѣть стаканы съ чернымъ кофе, кружки со свѣтлымъ пивомъ или краснымъ виномъ, а иногда и рюмочки абсента. Но, несмотря на это, никакого пьянства въ этихъ кафе не бываетъ. Черный кофе все-таки остается самымъ популярнымъ напиткомъ. Тутъ же играютъ въ карты, въ домино или читаютъ газеты, въ изобиліи разложенныя на столахъ. Всюду слышится оживленная бесѣда, смѣхъ, иногда острое словцо, но никогда не нару-

шаются приличія, не возникаютъ ссоры, которыя потребовали бы вмешательства власти. Вообще общество, собирающееся въ этихъ кафе, повидимому, очень дорожитъ ихъ репутацией и всего болѣе опасается вмешательства полиціи. Чаще всего возникаютъ споры по поводу какихъ-нибудь политическихъ вопросовъ, но и эти споры никогда не переходятъ за предѣлы благопристойности. Обыкновенно кто-нибудь прочтетъ вслухъ какое-нибудь газетное сообщеніе или статью и тотчасъ же возникаютъ пренія, и этотъ обмѣнъ взглядовъ много содѣйствуетъ развитію умѣнья выражать свои мысли и отражать доводы противника, которымъ такъ часто отличаются французскіе рабочіе. Въ этомъ отношеніи несомнѣнно кафе для рабочихъ выполняютъ культурную миссію, приучая рабочихъ къ общественности, къ сдержанности и сглаживая грубость ихъ обращенія».

Замѣчательно, что стаканы съ чернымъ кофе, виномъ или пивомъ, стоящіе передъ посѣтителями, весьма рѣдко наполняются вновь; посѣтители прихлебываютъ маленькими глотками и поэтому растягиваютъ удовольствіе надолго; очевидно, тутъ все дѣло не въ томъ, чтобы «пить», а въ томъ, чтобы провести время въ обществѣ, поговорить и почитать газеты.

НОВЫЯ ИНОСТРАННЫЯ КНИГИ.

«*Woman's share in primitive Culture*». By Otis Tufton Mason (Macmillan et C^o). (Участіе женщины въ первобытной культурѣ). Этой книгой открывается серія антропологическихъ очерковъ, издаваемыхъ профессоромъ чикагскаго университета Старромъ. Въ своемъ введении авторъ выражаетъ удовольствіе по поводу того, что серія антропологическихъ очерковъ начинается съ книги о женщинѣ, такъ какъ въ то время, какъ мужчина изобрѣталъ лучшіе способы убивать животныхъ или же вѣлъ войну съ своими братьями, женщина, у семейнаго очага, несла на себѣ все бремя домашняго хозяйства, плела корзины, ткала, изготовляла посуду, приручала животныхъ, воздѣлывала землю—однимъ словомъ, была изобрѣтательницею всѣхъ мирныхъ искусствъ жизни... Съ самаго начала человѣческой исторіи женщина не сходилась съ этого пути и выполняла то, что считала своею обязанностью и призваніемъ. Авторъ вѣскольکو увлекается, говоря о трудной долѣ первобытной женщины и даже впадаетъ въ нѣкоторый лиризмъ и паэось, быть можетъ, болѣе умѣстный въ проповѣди какого-нибудь деревенскаго пастора, нежели въ серьезномъ трудѣ по антропологіи, но тѣмъ не менѣе въ книгѣ его заключается много научнаго матеріала и интересныхъ фактовъ, касающихся первобытной женщины и ея участія въ культурѣ. Авторъ придаетъ этому участію огромное значеніе. Отдѣльныя главы посвящены дѣятельности женщины, какъ «первобытнаго художника», «лингвиста», «основателя общества» и «охранителя религіи». Лучшею частью книги безспорно слѣдуетъ считать ту, въ которой авторъ рассказываетъ о возникновеніи различныхъ отраслей домашней промышленности и ремеслъ, въ которыхъ женщины выказывали особенное искусство. Къ такого рода ремесламъ

принадлежатъ, напримѣръ, портняжное ремесло. (Daily News).

«*Les lois psychologiques du Symbolisme*» par G. Ferrero (F. Alcan 1895). (Психологическіе законы символизма). Книга входитъ въ составъ серіи выпусковъ «Bibliothèque de Philosophie Contemporaine» и, безъ сомнѣнія, вызоветъ не мало горячихъ споровъ, такъ какъ авторъ, со свойственною ему смѣлостью и откровенностью, высказываетъ новыя идеи, которыя переворачиваютъ вверхъ дномъ всѣ установленныя понятія. Исходя изъ той мысли, что человѣческая психологія не измѣнилась въ теченіе вѣковъ, что основные законы ума остаются тѣ же, по крайней мѣрѣ, для извѣстныхъ намъ историческихъ періодовъ, Ферреро старается объяснить самыя сложные психическіе феномены путемъ самыхъ простыхъ и обыкновенныхъ психологическихъ наблюденій. Символы существовали во всѣ времена и служили къ тому, чтобы вызывать въ сознаніи образы, идеи или чувства. Въ томъ, что эти символы передаются и существуютъ цѣлые вѣка, авторъ видитъ вліяніе закона наименьшаго сопротивления въ умственной инертности. Авторъ анализируетъ различныя символы (интеллектуальные, эмотивные, мистическіе, символы переживанія и т. д.) и разъясняетъ ихъ примѣненіе въ области психосоціологической. Развивая свою идею, которую мы намѣтили здѣсь лишь въ общихъ чертахъ, авторъ подкрѣпляетъ ее гипотезами, иногда слишкомъ смѣлыми и рискованными, но всегда остроумными и интересными. Благодаря живому и увлекательному изложенію, книга эта прочтется съ большимъ интересомъ, но кромѣ этихъ, чисто литературныхъ достоинствъ, читатель можетъ найти въ ней много поучительныхъ свѣдѣній.

(Revue des Revues).

«*Essai de spiritisme scientifique*» par D. Metzger (Paris, librairie des sciences psychiques). (Опыт научнаго спиритизма). Любопытная попытка примирить слишкомъ ярыхъ защитниковъ «духовъ» съ ихъ крайними отрицателями. Авторъ говоритъ, что спиритизмъ, «очищенный отъ всякихъ пустяковъ», призванъ играть въ будущемъ великую нравственную роль. Авторъ разсматриваетъ явленія сомнамбулизма и медиумизма и старается, на основаніи этихъ явленій, создать нѣчто въ родѣ философіи спиритизма, которая, конечно, вызоветъ насмѣшки скептиковъ, адептамъ же спиритизма должна показаться слишкомъ практичною.

(Revue des Revues).

«*Légendes et Curiosités des metiers*» par Paul Sébillot (Ernest Flammarion). (Легенды и курьезы, касающіеся ремеслъ). Авторъ задался цѣлью изслѣдовать нравы и обычаи прежняго времени и собралъ разныя легенды, поговорки и гравюры, касающіяся преимущественно различныхъ ремеслъ. Въ изложеніи автора средневѣковая жизнь проходитъ передъ читателемъ, какъ въ панорамѣ, со всею предельною ея наивною поэзіею и простотою. Это «идиллія ремеслъ»; но язвительная насмѣшливость нашихъ предковъ, жертвою которой были представители различныхъ ремеслъ, придаетъ порою этой идилліи совершенно особый отпечатокъ. Достаточно вспомнить народныя пѣсни и поговорки, касающіяся булочниковъ, мельниковъ и портныхъ; въ этихъ поговоркахъ и пѣсняхъ, напримѣръ, всѣ эти ремесленники всегда изображаются ворами. Собранныя авторомъ легенды и поговорки имѣютъ, конечно, не малый этнографическій интересъ. (Journal des Débats).

«*Dictionary of National Biography*». Edited by Sidney Lee (Smith Elder and Co). (Национальный биографическій словарь). Только что вышедшій томъ Национальнаго англійскаго словаря, заключаетъ въ себѣ болѣе пятисотъ оригинальныхъ статей и мемуаровъ, а также не мало интересныхъ біографій. Болѣе ста лицъ участвуютъ въ составленіи словаря, главное достоинство котораго заключается именно въ томъ, что свѣдѣнія, помещенныя въ немъ, заимствованы не изъ какой-нибудь болѣе или менѣе обширной біографіи того или другаго лица, а собраны изъ самыхъ разнообразныхъ источниковъ, которые для обыкновенныхъ составителей біографій бывають, болѣею частью, недоступны. Этотъ обширный трудъ не только представляетъ много интереснаго

матеріала для чтенія, но можетъ служить чрезвычайно полезною справочною книгой и подспорьемъ при литературной работѣ. Словарь доведенъ уже до буквы О. (Daily News).

«*Diary of Anna Grun Winslow; a Boston School girl of 1771*». Edited by Alice Morse Earle (A. Constable and Co). (Дневникъ Анны Винслоу). Прекрасно изданный дневникъ маленькой одиннадцатилѣтней дѣвочки, дочери генерала Винслоу, отправленной въ 1771 г. въ Бостонъ для полученія образованія, представляетъ такой интересный образчикъ американской древности, какой не часто встрѣчается въ литературѣ, тѣмъ болѣе, что подлинность дневника удостовѣрена надежащимъ образомъ. Если судить по факсимиле, приложенному къ книгѣ, и языку, которымъ написанъ дневникъ, то авторъ его, маленькая Анна Винслоу, въ значительной мѣрѣ превышала своимъ развитіемъ современныхъ дѣтей своего возраста. Ея дневникъ очень интересенъ въ томъ отношеніи, что онъ даетъ нѣкоторое понятіе о свѣтской жизни тогдашняго бостонскаго общества и его развлеченіяхъ. Маленькая Анна очень подробно описываетъ костюмы и разныя собранія, на которыхъ ей приходилось присутствовать. Къ дневнику приложено нѣсколько факсимиле и портретовъ.

(Bookseller).

«*Memoirs of an Author*». By Percy Fitzgerald. In two volumes. (Bentley and Son). (Мемуары одного автора). Въ числѣ множества мемуаровъ, появившихся въ послѣднее время, книга Фитцджеральда занимаетъ выдающееся мѣсто, такъ какъ въ ней заключаются очень интересныя воспоминанія и замѣтки о разныхъ выдающихся лицахъ, съ которыми сталкивался авторъ во время своей продолжительной литературной карьеры, и о разныхъ выдающихся событіяхъ, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ. Авторъ хорошо зналъ Чарльза Диккенса, и его воспоминанія объ этомъ великомъ писателѣ заключаютъ въ себѣ много интереснаго матеріала. Фитцджеральдъ описываетъ также свое знакомство съ Теккереемъ, о которомъ отзывается, впрочемъ, съ меньшей симпатіею, нежели о Диккенсѣ. Затѣмъ онъ рассказываетъ о Чарльзѣ Ридѣ, Тоунсендѣ, Джемсѣ Пейнѣ и мн. другихъ. Нѣкоторые изъ тѣхъ лицъ, имена которыхъ упоминаются въ «Воспоминаніяхъ автора», еще находятся въ живыхъ. Фитцджеральдъ исполнялъ въ теченіе довольно долгаго времени обязанности драматическаго критика, поэтому въ его книгѣ отведено

довольно большое мѣсто театральнымъ воспоминаніямъ. (Daily News).

«*Studies in Modern music. Second series (Chopin, Dvorak, Brahms). By W. H. Hadow. M. A. With portraits (Seeley and Co).*» (Очерки современной музыки).

Новая серія изслѣдованій въ области музыки, опубликованная авторомъ, представляетъ такую же серьезную научную работу, какъ и предыдущіе его очерки. Авторъ обнаруживаетъ очень основательное знакомство съ современной музыкой и притомъ рассматриваетъ ее не съ точки зрѣнія профессиональнаго музыкальнаго критика, а съ точки зрѣнія философа, и именно съ этой стороны обсуждаетъ ея значеніе. Если его можно въ чемъ-нибудь упрекнуть, такъ это въ нѣкоторой склонности къ метафизическимъ воззрѣніямъ. Въ вступительныхъ главахъ авторъ очень много распространяется объ интеллектуальномъ характерѣ музыки и въ ея интеллектуальномъ вліяніи на человѣка видитъ главное ея достоинство, независимо отъ ея чисто эмоциональныхъ качествъ. Постепенное захватываніе «новой музыкой» все большей и большей области является, по мнѣнію автора, вопросомъ психологии». «Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ Шопенъ былъ бы для насъ невыносимъ; тридцать лѣтъ тому назадъ мѣръ призывалъ Шопена, но не могъ слушать безъ содроганія Вагнера и Брамса. Теперь мы признаемъ ихъ всѣхъ троихъ, но намъ уже не нравятся Гольдмаркъ». Остальная часть книги посвящена въ отдѣльности разбору произведеній Шопена, Дворака и Брамса. (Daily News).

«*Education physique de la jeunesse par le docteur Mosso, professeur à l'université de Turin (Alcan).*» (Физическое воспитаніе юношества). Авторъ сравниваетъ различныя системы физическаго воспитанія юношества, которыя приняты въ разныхъ странахъ Европы, въ гимназіяхъ, университетахъ и арміяхъ. Авторъ изучалъ эти методы на мѣстѣ и отдастъ предпочтеніе англійскому методу. Онъ является очень горячимъ сторонникомъ игръ и упражненій на открытомъ воздухѣ, которыя входятъ въ систему англійскаго воспитанія, говоря, что это не только физически развиваетъ дѣтей и юношей, но и укрѣпляетъ въ нихъ довѣріе къ собственнымъ силамъ и умѣнне пользоваться свободой. Онъ хвалитъ также шведскій методъ и говоритъ, что отъ него можно позаимствоваться многимъ.

(Indépendance Belge).

«*Transformations Sociales par Hector Depasse (Alcan).*» (Соціальныя превра-

щенія). Очень интересное изслѣдованіе той работы соціальнаго обновленія, которая совершается въ современномъ обществѣ. Въ книгѣ затронуты всѣ экономическіе и соціальные вопросы, интересующіе въ данную минуту общественное мнѣніе. (Indépendance Belge).

«*Le Livre à travers les âges, par Georges Brunel (Paris, Charles Mendel, éditeur).*» (Развитіе книги). Авторъ поставилъ представить въ сжатой формѣ всю исторію книги, ея зарожденіе, постепенное развитіе и, наконецъ, тотъ разцвѣтъ, котораго она достигла въ данную минуту, сдѣлавшись могущественнымъ рычагомъ прогресса. Особенность этого труда заключается въ томъ, что въ немъ собраны отдѣльныя спеціальныя статьи разныхъ авторитетныхъ писателей, всѣ вмѣстѣ составляющія исторію книги. Къ тексту, кромѣ того, приложены многочисленныя гравюры и въ предисловіи изложены мнѣнія о книгѣ различныхъ современныхъ знаменитостей, какъ-то: Эмиля Золя, Франсуа Коппа, Жюль Симона и др. Трудъ этотъ изданъ въ память происходившей недавно въ Парижѣ «выставки книги» (Exposition du Livre). (Bibliothèque universelle).

«*Psychothérapie par A. W. Rentsghem et F. van Eeden.—Paris. Société d'éditions scientifiques 1894.*» (Психотерапія). Авторы излагаютъ въ этой книгѣ результаты, достигнутые въ амстердамской клиникѣ при помощи терапіи внушенія. Терапія эта, въ настоящее время, вошла окончательно въ область практической медицины и примѣняется болѣе или менѣе всѣми врачами. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ терапія эта оказалась очень дѣйствительной. Многіе случаи испѣленія при помощи внушенія, цитируемые авторами, весьма доказательны. Авторы примѣняли терапію внушенія не только въ гипнотическомъ, но и въ бодрственномъ состояніи, при помощи различныхъ способовъ, которые входятъ въ составъ того, что называется «нравственнымъ леченіемъ». Конечно, такое «нравственное леченіе», если оно находится въ рукахъ опытныхъ психологовъ и врачей, должно давать благотворные результаты.

(Revue Scientifique).

«*Pictures of Swedish Life, or svea and her children. By Mrs Woods Baker (Hodder and Stoughton).*» (Очерки шведской жизни). Госпожа Бекеръ близко и хорошо знакома со страной, которую описываетъ. Весьма интересны описанія шведскаго парламента, церемоніи его открытія, разныхъ другихъ обще-

ственныхъ собраній и учреждений. Очень много г-жа Бекеръ распространяется о дѣятельности арміи спасенія, объ общественныхъ играхъ, гдѣ раздаются преміи, назначаемыя королемъ, и т. п. Конечно, г-жа Бекеръ не обходитъ молчаніемъ въ своей книгѣ женскаго движенія и сообщаетъ не мало интересныхъ данныхъ объ организаторшѣ этого движенія, Фредрикѣ Бремеръ. Вообще, описывая шведскую жизнь, она не оставляетъ въ сторону ни одного вопроса, касающагося общественной жизни этой страны. Между прочимъ, она говоритъ и о дѣятельности общества трезвости, не пользующейся большимъ успѣхомъ въ Швеціи, вслѣдствіе того, что тамъ глубоко укоренился предразсудокъ, что «не пить ничего — неприлично и отказываться выпить съ хозяиномъ — невѣжливо». Этотъ предразсудокъ существуетъ во всѣхъ рѣшительно классахъ шведскаго общества и поэтому г-жа Бекеръ говоритъ, что «пьянство составляетъ проклятіе Швеціи». Къ книгѣ приложены очень хорошія иллюстраціи. (Daily News).

«*Darwinism and Race Progress*» by Professor Huxcraft of Cardiff; *Social Science Series* (Somnenschein and Co). (Дарвинизмъ и прогрессъ расы). Вопросъ, затронутый въ этомъ новомъ выпускѣ социологическихъ очерковъ, принадлежитъ къ числу очень популярныхъ вопросовъ. Профессоръ Гейкрефтъ разсматриваетъ вліяніе борьбы за существованіе на развитіе расы и указываетъ на ту опасность, которую образуетъ для прогресса человѣческаго размноженіе слабыхъ, болѣзненныхъ и наследственно порочныхъ индивидовъ. Поэтому профессоръ находитъ нужнымъ, чтобы люди прониклись сознаніемъ той важности, которую представляетъ для человѣчества наследственность и эволюція. (Daily News).

«*On the Art of writing Fiction*» (Wells Gardner, Darton and Co) и «*My First Book*» (Chatto and Windus). (Объ искусствѣ писать романы и повѣсти) и (Моя первая книга). Обѣ книги представляютъ коллективный трудъ. Въ первой преподаются совѣты, какъ писать беллетристическое произведеніе. Одиннадцать авторовъ, мужчинъ и женщинъ, высказываютъ свои взгляды насчетъ того, какъ надо писать повѣсти и романы, какими специальными качествами и способностями должны обладать авторы и какъ они могутъ развиты у себя хорошій стиль. Многие изъ этихъ совѣтовъ таковы, что, казалось, стоить имъ только последовать, чтобы сдѣ-

латься писателемъ. Однако, одинъ изъ авторовъ, высказавшій свое мнѣніе объ искусствѣ писать романы и повѣсти, указываетъ на то, что способность мыслить конкретными образами составляетъ необходимое условіе для писательской дѣятельности. По мнѣнію этого автора, писать, не обладая этою способностью, бесполезно, такъ какъ изъ подъ пера такого писателя никогда не выйдутъ живые образы, и произведеніе его всегда будетъ имѣть характеръ чего-то дѣланнаго и искусственнаго, какъ бы ни былъ выработанъ его стиль и соблюдены всѣ остальные формы.

Вторая книга также представляетъ коллективное произведеніе. Въ ней собраны двадцать два разсказа, написанные разными знаменитыми и имѣющими успѣхъ романистами, въ которыхъ они сообщаютъ о своихъ первыхъ шагахъ на авторскомъ поприщѣ. Каждый изъ этихъ романистовъ подробно разсказываетъ, при какихъ условіяхъ и какъ онъ написалъ свое первое произведеніе. Нѣкоторые изъ нихъ еще только недавно вкусили литературной славы, другіе же могутъ назваться ветеранами на литературномъ поприщѣ и давно уже составили себѣ имя. Ко многимъ разсказамъ приложены портреты, къ другимъ рисунки домовъ и эскизы той мѣстности, въ которой живутъ авторы. Нѣкоторые авторы очень подробно описываютъ свою домашнюю обстановку, свой кабинетъ, любимое кресло, своихъ любимцевъ среди животныхъ и людей и т. п. Но, помимо этихъ мелочей, въ книгѣ заключается очень много любопытныхъ подробностей относительно различныхъ способовъ беллетристической работы. Разсказы самихъ авторовъ въ этомъ отношеніи безспорно представляютъ не малый интересъ. Появленіе обѣихъ вышеназванныхъ книгъ, безъ всякаго сомнѣнія, свидѣтельствуетъ о томъ интересѣ, который существуетъ у обыкновенныхъ читателей не только къ самой литературной профессіи, но и ко всѣмъ разсужденіямъ по поводу ея. (Athenaeum).

«*Woman in India*» by Mary Frances Billington (Charman and Hall). (Женщина въ Индіи). Г-жа Биллингтонъ была послана въ Индію редакціею «Daily Graphic». Вышеназванная книга явилась также результатомъ пребыванія г-жи Биллингтонъ въ Индіи. Г-жа Биллингтонъ изучила основательно туземное индійское общество, стараясь разяснить себѣ индійскій вопросъ. Ее особенно интересуется положеніе женщины

въ Индіи, и этому вопросу она посвящаетъ свою книгу. (Athenaeum).

«Swallowed by an Earthquake» by E. D. Fawcett (Edward Arnold). (Поглощенные при землетрясеніяхъ). Довольно фантастическій, но очень интересно написанный рассказъ, герои котораго провалились въ огромную расщелину земли, образовавшуюся во время землетрясеній. Описаніе приключеній этихъ героевъ, ихъ подземнаго странствованія по руслу подземнаго ручья и удивительныхъ встрѣчъ съ разнаго рода допотопными животными и дикарями самаго худшаго типа, составляетъ сюжетъ книги, напоминающей произведенія Жюль Верна. Недурныя иллюстраціи служатъ нелишнимъ прибавленіемъ къ книгѣ, которая, вѣроятно, прочтется съ немалымъ интересомъ многими читателями. (Daily News).

«The Buddhism of Tibet, or Lamaism». By L. Austine Waddell. (Тибетскій

буддизмъ и ламанизмъ). Авторъ этой книги, которая можетъ быть названа трактатомъ о ламанизмѣ, очевидно, пользовался источниками, мало доступными для другихъ и находился въ очень благоприятныхъ условіяхъ для выполненія своей задачи, поэтому его описанія Тибета и буддистскихъ монастырей чрезвычайно интересны. Авторъ точно также пораженъ необычайнымъ сходствомъ буддизма съ римскокатолическою религіей, какъ и многие изъ первыхъ миссіонеровъ, появившихся въ Тибетѣ. Свой трудъ авторъ дѣлитъ на восемь частей, въ которыхъ онъ излагаетъ исторію и самое ученіе Будды, описываетъ монастырскую жизнь, постройки, мифологию, ритуалы, колдовство, празднества и игры и, наконецъ, религіозные обряды въ домашнемъ и народномъ быту. Къ книгѣ приложены рисунки. (Daily News).

Издательница А. Давыдова.

Редакторъ Викторъ Острогорскій.

Годъ IV-й.

№ 3-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ЮНОШЕСТВА

И

САМООБРАЗОВАНІЯ.

М А Р Т Ъ

1895 г.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

1895.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 21-го Февраля 1895 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТР.
1. АУДИЕНЦІЯ. (Эпизодъ изъ жизни Бастиліи). Историческій разсказъ Юліи Безродной	1
2. РИЧАРДЪ ОСТЛЕРЪ «КОРОЛЬ ФАБРИЧНЫХЪ ДѢТЕЙ». (Изъ исторіи фабричнаго законодательства въ Англіи). Л. Давыдовой	22
3. СТИХОТВОРЕНІЯ НИКОЛАЯ МИХАЙЛОВИЧА ЯДРИНЦЕВА	49
4. ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЖИЗНИ. Романъ. (Продолженіе). К. М. Станюковича	53
5. ПРОЦЕССЪ ОПЛОДОТВОРЕНІЯ ВЪ РАСТИТЕЛЬНОМЪ ЦАРСТВѢ. (Продолженіе). Проф. И. П. Бородина	75
6. ФИЛОСОФКА. Картинка съ натуры. (Переводъ съ польскаго). Пер. Вукола Лаврова	96
7. ПОТЕРПѢЛА ЛИ НАУКА БАНЕРОТСТВО? Шарля Рише. Пер. А. К.	102
8. ВЕЛИКІЙ ЧЕЛОВѢКЪ. Романъ въ двухъ частяхъ. (Продолженіе). А. Валленберга. Пер. съ шведскаго В. Фирсова	112
9. ИВАНЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ТУРГЕНЕВЪ. (Жизнь, личность, творчество). (Продолженіе). Ив. Иванова	146
10. НѢСКОЛЬКО СООБРАЖЕНІЙ О ТЕМПЕРАТУРѢ СОЛНЦА, НА ОСНОВАНІИ ОПЫТОВЪ СЪ БОЛЬШИМЪ ЗАЖИГАТЕЛЬНЫМЪ ЗЕРКАЛОМЪ. Проф. В. Цераскаго	202
11. КАКЪ ПОЛЬЗОВАТЬСЯ ЖИЗНЬЮ. Джона Леббона. (Переводъ съ англійскаго). А. К.	210
12. ТЕКУЩІЯ ЗАМѢТКИ. А. Б.	227
13. ИЗЪ РУССКОЙ ЖИЗНИ И ЛИТЕРАТУРЫ.—Вопросы русской общественной жизни.—Секта бѣлоризцевъ.—Женская доля.—Валмыцкое окружное училище.—На родинѣ Тургенева. Изъ русскихъ журналовъ. «Русская Мысль», «Русская Школа»	237
14. ИЗЪ ИНОСТРАННОЙ ЖИЗНИ И ЛИТЕРАТУРЫ. Англійскія школы.—Способность приспособленія у животныхъ.—Народное образованіе въ Австріи.—Разговоръ съ Альфонсомъ Додэ.—Европейскія женщины въ Конго.—Первобытный народъ. Изъ иностранныхъ журналовъ. «Revue de Paris», «Natural Science», «Zukunft»	247
15. НОВЫЯ ИНОСТРАННЫЯ КНИГИ	262
16. ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) КНЯЗЬ И КМЕТЫ. Историческій романъ Іосифа-Игнатія Крашевскаго. Переводъ съ польскаго Л. В—снаго	49
17. 2) ИСТОРИЯ ЦИВИЛИЗАЦІИ. Г. Дююдрэ. I. Древній міръ. Переводъ съ французскаго А. Позенъ, подъ редакціей Д. А. Коропчевскаго	65
18. 3) ОБЗОРЪ ОБЩЕДОСТУПНЫХЪ КНИГЪ ЛИТЕРАТУРНАГО И НАУЧНАГО СОДЕРЖАНІЯ. Составляется подъ редакціей особой комиссіи по порученію Комитета грамотности, состоящаго при Императорскомъ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ.	25
19. НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ.	
20. ОБЪЯВЛЕНІЯ.	

АУДИЕНЦІЯ.

(ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ЖИЗНИ БАСТИЛИИ).

ИСТОРИЧЕСКІЙ РАЗСЪАЗЪ

Юліи Везродной.

I.

Корридоры парижской городской ратуши были переполнены народомъ. Всякій, имѣвшій хоть часъ свободнаго времени, считалъ своимъ долгомъ заглянуть сюда, потому что сегодня парижскіе граждане знакомились здѣсь со своимъ гостемъ, — плѣнникомъ Бастилии, который провелъ тамъ тридцать два года и былъ освобожденъ четырнадцатаго іюля.

Въ залу, гдѣ толпились безъ различія состояній мужчины и женщины, купцы и рабочіе, офицеры и чиновники, пробраться было очень трудно; но все же были такіе счастливыцы, которые, благодаря смѣлости и крѣпкимъ локтямъ, могли посмотрѣть на старика, и даже услышать его слабый, дребезжащій голосъ.

Старикъ былъ высокаго роста, держался прямо и чрезвычайно величественно. Его блѣдное лицо напоминало художественное изваяніе изъ слоновой кости; морщины, кое-гдѣ глубоко прорѣзывавшія матовую гладкую кожу, не только не вредили его своеобразной красотѣ, а наоборотъ, придавали ей еще болѣе трогательный оттѣнокъ.

— Вы хотите знать повѣсть моихъ страданій, добрые люди? — сказалъ старикъ, обводя усталыми блѣдно-голубыми глазами массу народа, толпившагося около, — я счастливъ, что могу вполнѣ удовлетворить ваше любопытство и, по мѣрѣ силъ, отблагодарить за ту великую услугу, которую вы мнѣ оказали.

— Какъ твое имя, гражданинъ?—спросилъ предсѣдатель этого импровизированнаго народнаго собранія.

— Меня зовутъ Франсуа-Луи дю-Шатене,—отвѣтилъ старикъ,—а вѣрнѣе... я давно уже забылъ это имя и назывался только номеръ шестидесятый... Вотъ уже нѣсколько дней, какъ я стараюсь приучить себя къ иному—и не могу! Не могу, потому что невозможно забыть тридцати лѣтъ заточенія, тридцати лѣтъ одиночества, и теперь, хотя съ тѣла моего сняты уже оковы, душа по прежнему считаетъ себя заточенной.

— Гражданинъ, за какую вину тебя такъ жестоко наказали?—спросила одна изъ женщинъ, толпившихся у двери.

— Я за собой никакой вины не знаю,—отвѣчалъ дю-Шатене.

— Но какъ же ты очутился въ Бастиліи, и почему, если вышло какое-нибудь недоразумѣніе, тебя сейчасъ же не выпустили?—спросилъ одинъ изъ членовъ магистратуры.

— Меня заточили въ Бастилію вмѣсто моего племянника; а не вышелъ я оттуда только потому, что тамъ меня забыли.

— Забыли?

— Да, забыли.

— Чѣмъ же провинился твой племянникъ?

— Не знаю... Онъ началъ блестяще свою карьеру, при дворѣ, любимый всѣми; но затѣмъ онъ неосторожно оскорбилъ чѣмъ-то госпожу Помпадуръ и, опасаясь ея гнѣва, бѣжалъ въ Англію. Кромѣ меня, у сорванца родныхъ не было, и я пострадалъ за его неосмотрительную безпечность. Однажды, глубокой ночью, ко мнѣ явилось нѣсколько вооруженныхъ полицейскихъ и потребовали, чтобы я написалъ письмо племяннику въ Англію съ предложеніемъ вернуться домой и обѣщаніями все уладить. Я зналъ, что Помпадуръ не прощаетъ обиды, и отвѣтилъ, что никогда не пойду на подобное предательство. Тогда меня отвезли въ Бастилію. Около недѣли я провелъ тамъ совершенно одинъ. Только утромъ и въ полдень появлялся тюремщикъ, молча ставилъ на каменную скамейку пищу и также молча удалялся. Я умолялъ его сказать мнѣ хоть слово о моей участи; но онъ на всѣ мои просьбы отвѣчалъ молчаніемъ.

Наконецъ, меня потребовали къ допросу.

Самъ важный господинъ де-Сартинъ сидѣлъ на предсѣдательскомъ мѣстѣ.

— Знаете ли вы, гдѣ вашъ племянникъ?—спросилъ онъ меня чрезвычайно вѣжливо.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я довольно грубо.

— Въ такомъ случаѣ, мы можемъ дать вамъ самыя точныя свѣдѣнія о мѣстопребываніи этого неосторожнаго молодого человѣка: онъ теперь въ англійскомъ городѣ Соутгемптонѣ.

Я молчалъ.

— Надѣюсь, что, узнавъ его адресъ, вы не откажетесь исполнить нашу просьбу и напишете ему приглашеніе вернуться на родину?

Я отказался.

— Подумайте хорошенько, прошу васъ! Примите во вниманіе, что по отправленіи письма вы сейчасъ же будете свободны.

— Не уговаривайте меня, мое рѣшеніе твердо и неизмѣнно.—Говоря такъ, я случайно поднялъ глаза вверхъ и увидѣлъ, что трапъ на потолокъ открывается, и оттуда спускается лѣстница. Волосы встали у меня дыбомъ, кровь застыла въ жилахъ! Я вспомнилъ всѣ тѣ ужасы, которые слышалъ на свободѣ; мученія узниковъ въ Бастиліи, желѣзную клѣтку, гдѣ восемь лѣтъ провелъ Анри Бомаль, каменный мѣшокъ, служившій жилищемъ аббату Годрону, цѣпи, на которыхъ сидятъ люди до самой своей смерти...

А могущественный господинъ де-Сартинъ сдѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ моего ужаса, и спросилъ еще болѣе вѣжливо:

— Быть можетъ, вы раздумали?

Мнѣ показалось, что я способенъ уступить, до того страхъ парализовалъ всѣ мои чувства; но это продолжалось только одно мгновеніе.

— Нѣтъ!—сказалъ я, падая безъ чувствъ на каменные плиты пола.

Очнулся я уже въ подземельи.

Эта была темная, мрачная нора изъ полированного гладкаго камня, съ каменной скамейкой, у каменнаго же стола, и маленькой отдушиной наверху, въ уровень съ землею. Впрочемъ, я недолго пробылъ въ этомъ проклятомъ мѣстѣ: я, къ счастью, заболѣлъ горячкою. Меня перевели въ больницу, а оттуда я попалъ въ маленькую камеру со столомъ, скамейкой и постелью, которая мнѣ показалась верхомъ роскоши послѣ каменнаго мѣшка, гдѣ я находился первое

*

время... Тутъ я сталъ жить и ждать... Ждалъ я страстно и долго; но ничего не дождался. Въ судьбѣ моей не произошло ни улучшенія, ни ухудшенія: обо мнѣ попросту забыли... Да это и понятно! Развѣ мало было дѣла у госпожи Помпадуръ и у важнаго де-Сартинъ?

— И ты, гражданинъ, съ тѣхъ поръ не выходилъ болѣе на свободу?—спросилъ одинъ изъ рабочихъ въ блузѣ, украшенной трехцвѣтной ковардой.

— Я пытался выйти; но отъ этого только пострадалъ еще больше... О, друзья, веселье, свободные люди, я сохранилъ для васъ подробное описаніе этой моей попытки. Я потратилъ много труда и времени, чтобы описать подробно всю исторію нашего побѣга.

Я будто чувствовалъ, что, наконецъ, настанетъ минута, когда мнѣ можно будетъ прочесть вслухъ эти печальныя страницы, и добрые люди будутъ слушать ихъ съ участіемъ.

Старикъ вынулъ изъ кармана небольшую тетрадь въ восьмую долю листа, исписанную мелкимъ почеркомъ, и, подавая ее предсѣдателю, сказалъ:

— Благородный гражданинъ, прошу васъ, прочтите за меня эту исторію моихъ страданій, я самъ не въ силахъ.

Предсѣдатель взялъ тетрадку изъ рукъ старика, развернулъ ее и началъ чтеніе.

II.

Когда люди находятся въ несчастіи, дни протекаютъ у нихъ медленно, чѣмъ годы. Въ тюрьмѣ также день иногда кажется годомъ; но зато и годъ можетъ при случаѣ сойти за одинъ день...

Не могу опредѣлить, сколько дней, мѣсяцевъ или лѣтъ прошло со времени моего заточенія; но, наконецъ, и въ моемъ житейскомъ обиходѣ произошла переменна: однажды, тюремщикъ вошелъ ко мнѣ не одинъ, а въ сопровожденіи сильнаго, молодого черноволосаго человѣка.

— Добрый день, коллега, честь имѣю рекомендоваться: отнынѣ я вашъ товарищъ по заточенію,—привѣтствовалъ онъ меня, усмѣхаясь;—наша благородная старушка Бастилія такъ переполнена, что для меня не нашлось уже мѣста, и вамъ, волей-неволей, придется имѣть компаньона.

— Очень радъ такому веселому собесѣднику, — отвѣчалъ я.

— Я также доволенъ... И знаете ли, я попалъ въ вашу камеру совершенно случайно: привратникъ думалъ, что она не занята. Вотъ до чего васъ здѣсь забыли.

Видъ моего новаго знакома былъ такой веселый, что даже тюремщикъ улыбался, закрывая за собою двери.

— Да, меня забыли, — повторилъ я, — теперь у меня одна надежда на смерть, второй жду, какъ освободительницы.

— Зачѣмъ смотрѣть на вещи такъ мрачно, — возразилъ молодой человекъ, — люди не помогаютъ вамъ, помогайте себѣ сами, испробуйте всѣ средства къ спасенію, преодолѣйте всѣ препятствія, и если васъ вездѣ постигнетъ неудача — тогда ужъ отчаявайтесь.

— Другъ мой, то мѣсто, куда мы съ вами попали, не требуетъ отъ насъ ни храбрости, ни отчаянія... Здѣсь нужно только одно — терпѣніе.

— Терпѣніе? Это вѣрно, терпѣніе вездѣ вещь необходимая. Только нужно видѣть въ терпѣніи не цѣль, а средство.

Отвѣтивъ мнѣ такъ, мой новый компаньонъ развязалъ чемоданъ и, весело насвистывая, сталъ раскладывать свои вещи.

Я никогда не видалъ такого множества бѣлья, сколько было въ чемоданѣ у молодого человекъ. Положительно, этими сорочками, жабо, чулками, простынями, скатертями можно было наполнить шкапы любого магазина и торговать, по крайней мѣрѣ, цѣлый годъ.

— Вы, пріятель, смотрите и удивляетесь, — сказалъ мой компаньонъ — о, у меня чрезвычайно помѣстительные чемоданы... и это еще вовсе не все бѣлье, которое я имѣю: скоро мнѣ сестрица пришлетъ еще новую партію.

— Но вѣдь и того, что есть у васъ, здѣсь хватитъ нѣсколькимъ на многіе годы?

— Неужели? — загадочно произнесъ онъ, — а для меня этого мало... Впрочемъ, это зависитъ отъ точки зрѣнія: вы склонны смотрѣть на эти предметы только какъ на бѣлье, а у меня другой взглядъ, и если бы вы узнали его, то согласились бы, что бѣлья этого очень, очень немного.

— Какой же можетъ быть еще взглядъ на бѣлье, какъ не на предметъ домашняго употребленія?

— О, растолковать это довольно трудно... до такого взгляда обыкновенно доходятъ самостоятельно.

Онъ замолчалъ; но ненадолго. Его живая натура требовала движенія, разговора, общенія съ людьми, и, очевидно, онъ вовсе не желалъ даже въ тюрьмѣ отвыкать отъ своихъ привычекъ.

— Вы еще не знаете даже, какъ меня зовутъ,—заговорилъ мой новый товарищъ,—Жеромъ де-Сень-Поль, честь имѣю рекомендоваться! Блудный сынъ, мотъ и картежникъ, посаженный въ Бастилію собственнымъ отцомъ за проигрышъ въ сорокъ тысячъ франковъ...

Господинъ Жеромъ прошелся нѣсколько разъ по крошечной камерѣ. Казалось, онъ, въ нетерпѣніи, способенъ опрокинуть плечами каменные стѣны.

— Какая скука!—началъ онъ опять;—представьте, у меня при входѣ отобрали табакъ, а я не могу жить безъ табаку... Вотъ уже двѣ недѣли, какъ я въ этомъ пролятомъ логовищѣ лишень возможности курить. Это мученіе! Я сержусь на отца не за то, что онъ заточилъ меня, но за то, что лишилъ возможности курить... И за что наказалъ онъ меня такъ жестоко? За долги!.. Впрочемъ, я увѣренъ, онъ не зналъ, что узникамъ Бастиліи запрещено курить...

— Вы бы написали ему теперь объ этомъ,—посоветовалъ я съ улыбкой.

— Теперь поздно. Старикъ очень упрямъ; а онъ полагался, что продержитъ меня въ крѣпости до своей смерти. Конечно, я вовсе не желаю ему скорой кончины; но также не хочу и сидѣть въ этомъ логовищѣ, да еще безъ табаку. За что я буду губить свою молодость? Въ наказаніе за проигрыши, за долги? Но я надѣлалъ долговъ потому, что онъ самъ отказался содержать меня. Онъ воспиталъ меня въ роскоши, приучилъ тратить деньги не считая, а потомъ лишаетъ меня содержанія только за то, что я не захотѣлъ жениться по его выбору. Онъ вдругъ оставилъ меня безъ средствъ и хочетъ, чтобы я не былъ знакомъ съ ростовщиками... О, я убѣгу изъ тюрьмы, не сомнѣвайтесь въ этомъ, уважаемый батюшка, и въ Парижѣ еще найдется много благодѣтелей, которые дадутъ деньги Жерому де-Сень-Полю!

„Молодой безумецъ“—думалъ я. „Онъ вошелъ въ это мѣсто не съ отчаяніемъ въ душѣ, а съ надеждой. Онъ намѣревается бѣжать изъ Бастиліи? Но развѣ бывали такіе примѣры? Неужели онъ не видитъ стѣнъ, толщиною въ десять футовъ, четырехъ желѣзныхъ рѣшетокъ въ окнѣ, высоту башенъ, почти недосыгаемую?“

Жеромъ прочелъ эти мысли къ моему вѣселоу и тотчасъ же сталъ ихъ горячо опровергать,

— Вы сомнѣваетесь? Вы считаете меня глупымъ мечта-

телемъ? Но вы развѣ не знаете, что жажда свободы можетъ сдѣлать чудеса, а всякій смѣлый поступокъ до удачнаго исхода всегда кажется безумствомъ!

— Другъ мой, совѣтую вамъ лучше привыкнуть къ мысли о заточеніи.

— Я никогда къ ней не привыкну.

— Но чѣмъ же вы станете работать? Гдѣ возьмете хотя какой-нибудь инструментъ. Вѣдь у васъ, вмѣстѣ съ табакомъ, отобрали и ножикъ, ножницы и всякіе другіе рѣзущіе инструменты, не такъ ли?

— Вотъ мой лучший инструментъ!—воскликнулъ онъ, протягивая ко мнѣ свои могучія руки,—нужно только терпѣніе и мужество, а руки эти замѣняютъ и ножъ, и пилу, и клещи, и долото, и лопату... Впрочемъ, довольно говорить объ этомъ, я вижу, что вызываю только ваше страданіе.

Мой товарищъ обиженно умолкнулъ; но я видѣлъ, что мозгъ его не переставая работаетъ только въ одномъ направленіи. Эти мечтанія поддерживали силы молодого человѣка, иначе—онъ, вѣроятно, умеръ бы съ тоски черезъ недѣлю.

Да, нужно быть плѣнникомъ Бастиліи, чтобъ понять страданія заключеннаго!

Представьте себѣ прозябаніе въ узенькой, душной камерѣ, полутемной, сырой, въ которую никогда никто не заглянетъ, гдѣ никогда никто не заговоритъ посторонній... Никогда, никто!.. Однажды были тамъ заточены рядомъ мужъ и жена. Они прожили годы, раздѣленные только одной каменной стѣною, они тосковали другъ о другѣ, жаждали дать знать о себѣ другъ другу — и они умерли, не зная, что прожили столько времени рядомъ; они умерли, не передавъ другъ другу ни одного вздоха! Сырая бездушная стѣна прятала эти вздохи, собирала ихъ въ свои колодные камни; а несчастные мучились, не зная, какъ близко было ихъ утѣшеніе...

И плѣнники привыкають къ мысли о томъ, что они заживо погребенные; зачѣмъ страдать, когда, все равно, ничего никогда не измѣнится? Зачѣмъ ждать чего-нибудь, когда никакая новость никогда не достигнетъ вашего слуха? Въ государствѣ можетъ вспыхнуть война, можетъ случиться нашествіе враговъ, налетѣтъ моровая язва,—мы никогда ничего, ничего не узнаемъ! Сколько бы вы ни спрашивали—вамъ отвѣтятъ только на „добрый день“ — здравствуйте, и на „спокойной ночи“ —прощайте! Вотъ и все.

Такъ жилъ и я до появленія моего новаго компаньона; но онъ перевернулъ вверхъ дномъ все мое существованіе.

III.

Однажды, во время утренняго посѣщенія коменданта крѣпости, Жеромъ всталъ, чтобы заявить ему одну претензію.

— Я привыкъ еженедѣльно бывать въ церкви, а здѣсь почему-то у меня не только отняли табакъ, но даже отказываютъ и въ этомъ единственномъ духовномъ утѣшеніи. Я смотрю на это прямо какъ на притѣсненіе тюремщика.

Молодой человѣкъ произнесъ свою рѣчь такъ искренно и такъ жалобно смотрѣлъ на коменданта, что тотъ, не смотря на свою обычную строгость, благосклонно отвѣтилъ:

— Милостивый государь, я могу только одобрить ваши религіозныя чувства и пожелать, чтобы вы въ молитвѣ нашли себѣ утѣшеніе.

И тутъ же, обернувшись къ тюремщику, комендантъ велѣлъ ему выпускать плѣнника къ обѣднѣ всякій разъ, какъ онъ только этого пожелаетъ.

— Зачѣмъ вамъ нужно посѣщать церковь?—спросилъ я, лишь только тяжелая дверь захлопнулась за вышедшимъ комендантомъ.

— Зачѣмъ? Я постараюсь хорошенько осмотрѣть тюрьму, я буду ходить по лѣстницамъ, заглядывать въ другія камеры, мѣрить высоту башенъ, толщину стѣнъ и, быть можетъ...— Тутъ онъ загадочно умолкнулъ. Я даже и не возражалъ молодому мечтателю: очевидно, мысль о бѣгствѣ такъ крѣпко засѣла въ его мозгу, что оттуда нельзя было извлечь ее никакими убѣжденіями.

Въ первый же праздникъ Жеромъ воспользовался разрѣшеніемъ коменданта, и отправился въ церковь; но вернулся онъ оттуда не особенно довольный. Очевидно, узнать что-либо во время прогулки по лѣстницамъ въ сопровожденіи тюремщика было довольно затруднительно. Но, все-таки, эти благочестивыя прогулки продолжались довольно аккуратно, хотя результаты были по прежнему мало утѣшительные.

Наконецъ, однажды Жеромъ вернулся преображенный отъ восторга. Его лицо сіяло. Онъ едва дождался, чтобы ушелъ тюремщикъ, и, подойдя ко мнѣ, крѣпко сжалъ мои руки въ своихъ.

— Другъ мой! — сказалъ онъ съ глубокой торжественностью, — умоляю васъ, покоритесь мнѣ на нѣкоторое время! Считайте меня по прежнему мечтателемъ, безумцемъ, одержимымъ маніей, но только повинуйтесь моимъ приказаніямъ, безпрекословно исполняйте то, что мнѣ будетъ нужно!

— Что съ вами? — спросилъ я, отступая отъ него въ глубокое изумленіи.

— Ахъ, Боже мой! Боже мой! — воскликнулъ онъ съ тоскою; — какъ мнѣ сдѣлать такъ, чтобы вы въ меня повѣрили? Безъ вашего участія всѣ мои планы рушатся, а съ вашей помощью мы скоро были бы на свободѣ... Да не смотрите на меня такъ! Вамъ кажется, что я брежу? Что я въ горячкѣ? Но подумайте: вѣдь во мнѣ вы не замѣчали нивакихъ странностей? Я не былъ ни глухъ никогда, ни заговаривался — не правда ли?

— Конечно, нѣтъ!

— Такъ почему же, какъ только я заговорю о побѣгѣ, вы думаете, что передъ вами сумасшедшій?

— Потому что вы говорите о неслыханномъ, о невѣроятномъ, о неисполнимомъ.

— Оно не слыхано только потому, что о немъ еще не слыхали; неисполнимо — потому, что никто его не пытался исполнить; невѣроятно? Но если это случится, то и невѣроятнымъ оно перестанетъ быть.

Я молчалъ.

— Другъ мой, — продолжалъ Жеромъ умоляющимъ голосомъ, — знаете что? Смотрите на мою попытку, какъ на развлеченіе для себя. Вѣдь вамъ, все равно, нечего дѣлать, такъ почему же не развлекъ немного, созерцая безумство товарища? Это только поможетъ вамъ провести веселѣе скучное время, не такъ ли?

— Согласенъ, — отвѣтилъ я съ улыбкой.

— Ну, вотъ и великолѣпно! — Жеромъ захлопалъ въ ладоши, — ахъ, милый старичокъ, какъ я вамъ благодаренъ!

Онъ прошелся нѣсколько разъ по камерѣ, потомъ остановился передо мной и неожиданно сообщилъ:

— Слѣдующее воскресенье, по моей личной просьбѣ, комендантъ разрѣшилъ вамъ сопровождать меня въ церковь.

— Зачѣмъ? — спросилъ я съ удивленіемъ.

— Мнѣ нужно ваше содѣйствіе при маленькомъ архитектурномъ изслѣдованіи. Ну, не хмурьтесь, вѣдь вы же общались? Смотрите же на все съ точки зрѣнія развлеченій.

— А какъ съ вами попадешь еще въ бѣду?
 — „Хуже не будетъ“ — сказалъ какой-то арабскій мудрецъ про что-то, и былъ правъ! Я нарочно попросилъ коменданта самъ отъ вашего имени, потому что вы въ своей просьбѣ были бы такъ мало убѣдительно, что навѣрное получили бы сухой отказъ.

Съ этимъ я молча согласился, и только спросилъ смиренно:

— Какую же работу вы мнѣ дадите на воскресенье?

— Я еще и самъ хорошенько не сообразилъ ничего; знаю только, что нужно быть вдвоемъ для успѣшнаго хода дѣла... Не знаю, открыть ли вамъ теперь же свой секретъ, или отложить до воскресенья?

— Конечно, говорите лучше сейчасъ, — отвѣчалъ я шутливо, — тогда вашъ помощникъ отнесется болѣе серьезно къ своимъ важнымъ обязанностямъ.

— Ну, хорошо... Я не обижаюсь шутками, я даже радъ, что вы повеселѣли.

Жеромъ подошелъ къ двери, убѣдиться, не стоитъ ли тамъ тюремщикъ, потомъ сѣлъ ко мнѣ на кровать и повелъ рѣчь самымъ тихимъ шепотомъ:

— Видите ли, другъ мой, прежде чѣмъ сдѣлаться вашимъ товарищемъ, я пробылъ уже въ Бастиліи недѣли двѣ и перебивалъ, нарочно, въ нѣсколькихъ камерахъ. Но вездѣ я говорилъ, что мнѣ неудобно, и ходатайствовалъ о перемѣщеніи: хотѣлось мнѣ получше ознакомиться съ крѣпостью.

— Какое поразительное упрямство! Значитъ, вы вошли въ Бастилію уже съ мыслью о побѣгѣ?

— Это не упрямство, это сила воли и настойчивость, которыя одни только и преодолеваютъ препятствія, для другихъ непреодолимая, — отвѣтилъ мой товарищъ.

Я замолчалъ, нѣсколько смущенный.

— Ваша камера, — продолжалъ онъ, — понравилась мнѣ больше другихъ: она находится въ углу, слѣдовательно, имѣетъ двѣ наружныхъ стѣнки, отчего шумъ, происходящій внутри ея, передается не такъ ясно въ корридоръ, гдѣ ходитъ тюремщикъ. Затѣмъ она — послѣдняя, слѣдовательно, мимо ея дверей безъ надобности никому ходить не надо, и наконецъ, она находится въ башнѣ Сокровищъ, которая, по моимъ вычисленіямъ, должна быть самой маленькой изъ всѣхъ башенъ Бастиліи. Затѣмъ, уже благодаря прогулкамъ въ церковь, я замѣтилъ, что къ нашему углу не подходитъ и наружный

часовой, потому что тамъ обвалилась часть каменной балюстрады, что дѣлаетъ прогулку около насъ уже не безопасной. Но это все мелочи; главное я узналъ недавно. Въ другихъ камерахъ, гдѣ я жилъ, изрѣдка былъ слышенъ отдаленный гулъ, не то отъ голосовъ человѣческихъ, не то эхо какихъ-нибудь уличныхъ звуковъ; — здѣсь же всегда необыкновенно тихо.

— О, эта мертвая, могильная тишина! — воскликнулъ я, содрогаясь, — она меня приводила въ отчаяніе, отъ котораго излѣчило меня только ваше присутствіе.

— А меня тишина эта приводитъ въ восторгъ, — сказалъ товарищъ, лукаво усмѣхаясь — я на ней построилъ всю попытку нашего побѣга... Вы опять хмуритесь? Повторяю, смотрите на меня только какъ на предметъ своего развлеченія... Но мнѣ надо убѣдиться въ этихъ предположеніяхъ, для чего я и прошу вашего содѣйствія въ воскресенье.

— Что же я долженъ дѣлать?

— Узнаете въ церкви.

Понятно, что я, не смотря на все свое недовѣріе, ожидалъ съ нетерпѣніемъ воскресенья.

Наконецъ, оно наступило, и я вышелъ сопровождать Жерома въ церковь.

Во время обѣдни, товарищъ наклонился къ моему уху и, дѣлая видъ, что произноситъ молитвы, зашепталъ мнѣ:

— Заверните футляръ отъ очковъ въ носовой платокъ, и, когда мы будемъ во второмъ этажѣ на лѣстницѣ, уроните его такъ, чтобы онъ упалъ внизъ, на плиты передней... не противорѣчьте и сдѣлайте такъ, какъ я говорю...

Изумленный, я все-таки повиновался.

Послѣ обѣдни, когда мы дошли до второго этажа, мой деревянный футляръ загремѣлъ по чугунной лѣстницѣ и очень ловко скатился внизъ на каменные плиты передней.

— Другъ мой — сказалъ Жеромъ тюремщику, насъ сопровождавшему, — поднимите, пожалуйста, вещь господина дю-Шателе, вамъ это удобнѣе... а вы говорите что-нибудь теперь, говорите громко, — шепнулъ онъ мнѣ поспѣшно.

Тюремщикъ медленно сталъ сходить внизъ; я громко заговорилъ какую-то бессмыслицу о томъ, что футляръ, вѣроятно, будетъ разбитъ вдребезги, что онъ не можетъ перенести такого паденія; а Жеромъ въ это мгновеніе бросился въ угловую камеру, приходившуюся какъ разъ подъ нашей, открылъ ея незапертую дверь, быстро вымѣряя вы-

соту ея стѣнъ, и черезъ секунду уже стоялъ на прежнемъ мѣстѣ.

— Видите, футляръ вашъ цѣлъ, — говорилъ онъ мнѣ, принимая его изъ рукъ тюремщика.

Какъ только затворилась за нами желѣзная дверь, я спросилъ его:

— Почему вы знали, что въ сосѣдней камерѣ нѣтъ узника? Вѣдь вы рисковали нарваться на неприятность.

— О, я уже нѣсколько воскресеній употребилъ на то, чтобы увидеть его фізіономію. Это оказался какой-то очень религіозный старикъ, который также любитъ посѣщать домъ Божій. Я нарочно вышелъ сегодня поскорѣе, чтобы опередить его на нѣсколько минутъ — вотъ и все!

Затѣмъ Жеромъ взялъ изъ камина кусочекъ угля и сталъ чертить на стѣнѣ какія-то цифры, потомъ вытеръ все, захопавъ въ ладоши, обнялъ меня и завертѣлся по камерѣ.

— Мы уже почти свободны, пріятель, — говорилъ онъ, — не знаю, какъ вы, а я уже началъ праздновать побѣду.

Но, замѣтивъ, что я попрежнему представляю собой довольно жалкую фигуру, Жеромъ посадилъ меня на кровать, и заговорилъ серьезно:

— Я сейчасъ все объясню вамъ, и вы будете радоваться вмѣстѣ со мною: между нашимъ, третьимъ, и нижнимъ вторымъ этажемъ идетъ лѣстница въ тридцать двѣ ступени. Во время прогуловъ въ обѣднѣ я измѣрялъ ихъ вмѣстѣ съ разстояніемъ между ними и, разочтя все хорошенько, нашель, что наша камера должна быть гораздо выше, чѣмъ она есть. Сначала я думалъ, что помѣщеніе, находящееся подъ нами, очень высокое, и для того, чтобы провѣрить это, забѣжалъ въ комнату благочестиваго старикашки. Но его камера оказалась вовсе не высокой, что же это значитъ, дружище?

— Не знаю...

— А я знаю! Не даромъ, вѣдь, я пробылъ три года въ инженерномъ училищѣ... Это значитъ, что между нашимъ поломъ и потолкомъ нижней камеры пустое пространство... Сегодня же ночью изслѣдую это, и, такъ какъ оно навѣрно есть, то мы изъ него сдѣлаемъ сладочное мѣсто для нашихъ инструментовъ и предметовъ спасенія.

— Вы сразу далеко забѣгаете...

— Да, мы спрячемъ тамъ лѣстницу, веревки, ножи, пилу и многое другое.

— Предположимъ, что подъ нами, дѣйствительно, пу-

стое мѣсто, куда можно спрятать лѣстницу и веревки; но вѣдь надо прежде приобрести то, что вы хотите туда спрятать.

— О, у насъ все уже есть, не беспокойтесь, товарищъ! Веревки? Ихъ болѣе тысячи футовъ въ моемъ чемоданѣ; а лѣстница?—въ каминѣ горитъ ежедневно по нѣскольку лѣстницъ... Одну изъ нихъ мы спасемъ отъ пламени и спрячемъ въ наше хранилище.

— У васъ все загадки!—воскликнулъ я сердито, — я знаю, что въ каминѣ нѣтъ ничего, кромѣ золы, а чемоданы ваши наполнены ненужными тряпками.

— Да, въ чемоданѣ моемъ пятнадцать съ половиной дюжинъ рубашекъ, шесть дюжинъ простынь, восемь дюжинъ салфетокъ, множество щегольскихъ чулокъ, носковъ и пропасть разнаго другого хлама... Если мы все это разсучимъ на нитки, то можемъ свить болѣе тысячи футовъ веревокъ; а когда мы начнемъ прятать въ день хоть по одному полѣну, что будетъ вовсе не замѣтно, то скоро наберемъ достаточно матеріала для деревянной лѣстницы... Уразумѣли вы, наконецъ, мой планъ, невѣрующій скептикъ?..

Я молчалъ, совершенно ошеломленный мыслью, что планъ его вовсе ужъ не такъ безуменъ, какъ можно было думать.

— А инструменты? Гдѣ мы возьмемъ хотя бы какой-нибудь ножикъ, не говоря уже ни о чемъ другомъ!—спросилъ я, впервые охваченный безумной лихорадкой, которая давала моему пріятелю такіа громадныя силы, такое стойкое мужество. И я уже со страхомъ ожидалъ его отвѣта; я уже самъ заранѣе сталъ придумывать, изъ чего бы смастерить необходимые намъ инструменты... Вотъ до чего одинъ только призракъ возможности освобожденія, почти миражъ, полубезумная надежда, преобразили и меня.

— Инструменты у насъ будутъ въ эту же ночь,—отвѣчалъ Жеромъ, глядя на меня сіяющими глазами,—видите ли вы желѣзную полосу, которая соединяетъ вверху ножки нашего складнаго стола? Если мы оторвемъ съ двухъ сторонъ отъ нея по кусочку, столъ будетъ стоять по прежнему, а у насъ будетъ пара ножей.. У меня въ чемоданѣ осталось послѣ обыска бесполезное огниво, — его мы можемъ употребить въ дѣло при отламываніи желѣза.

— Да, да! — воскликнулъ я, пылая весь, точно въ горячкѣ,—затѣмъ мы будемъ точить наши бруски до тѣхъ поръ о каменныя плиты пола, пока они не сдѣлаютъ ихъ острыми,

какъ настоящіе ножи! И зачѣмъ намъ два ножика? Лучше мы изъ другого конца смастеримъ маленькую пилу. Это потруднѣе; но зато работа наша пойдетъ успѣшнѣй...

— Да, да, это хорошая идея!..

— Съ чего же мы начнемъ работу? Я думаю, надо прежде всего ломать рѣшетку въ трубѣ камина, не такъ ли? Мнѣ кажется, легче всего намъ вылѣзть на крышу, а оттуда уже спускаться съ башни по лѣстницѣ?

Жеромъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на меня.

— Да я васъ не узнаю, пріятель!—воскликнулъ онъ, — вы такъ преобразились, что я положительно готовъ идти къ вамъ подъ команду!

— Я повѣрилъ тебѣ, другъ мой! Я тебѣ повѣрилъ! Я вдругъ почувствовалъ, что, быть можетъ, когда-нибудь, черезъ много, много времени, мы можемъ надѣяться на освобожденіе и эта одна мысль уже наполнила меня мужествомъ! Отнынѣ мы неразлучны, мы все, все будемъ дѣлать вмѣстѣ.

Тутъ мы, переполненные счастьемъ и радостными надеждами, бросились другъ другу въ объятія.

IV.

Въ тотъ же день, послѣ ужина, какъ только насъ заперли на ночь, мы оторвали отъ стола пару желѣзныхъ полосокъ и, вооружившись ими, подняли одну изъ гладкихъ четырехугольныхъ плитъ, которыми былъ вымощенъ полъ нашей камеры. Всю ночь мы пробивали, продавливали деревянный полъ, лежавшій подъ плитою, и къ утру имѣли счастье пробить дыру въ пустое мѣсто, которое находилось надъ потолкомъ сосѣдней камеры.

Мы собрали весь соръ, опилки, кусочки дерева, высыпали обратно въ яму, затѣмъ положили на мѣсто плитку, заровнявъ ее такъ, чтобы ничего не было замѣтно, и съ этого мгновенія уже считали себя здѣсь только временными квартирантами.

— Неужели же мнѣ придется-таки еще курить на свободѣ?—говорилъ Жеромъ,—право, уже начинаю сомнѣваться въ своемъ счастьи! Пока не было ничего положительнаго, я вѣрилъ, а теперь такъ боюсь неудачи, что готовъ чуть ли не отказаться.

— Стыдись, товарищъ!—возражалъ я ему,—ты долженъ

вѣрить, потому что и теперь, еще ничего не достигнувъ, ты уже надѣлалъ прямо чудесъ?

— Эхъ, ты, легковѣрный, — отвѣчалъ онъ, — и ты повѣрилъ, что я способенъ хоть на мгновеніе усомниться? Это у меня одно изъ тѣхъ невольныхъ колебаній духа, которое бываетъ у всѣхъ, но на которое надо смотрѣть только съ улыбкой. Всѣ эти психическіе фокусы совершаются только отъ того, что у насъ не налажено дѣло, а вотъ скоро пропадетъ всякая охота думать о чемъ-нибудь, кромѣ нужной работы.

И дѣйствительно, вскорѣ работа поглотила насъ такъ, что мы почти перестали разговаривать.

Прежде всего мы распустили нѣсколько рубашекъ, ссучили изъ корпии нитки, которые намотали въ большіе клубки, и спрятали ихъ въ нашу владовую. Когда набралось достаточно клубковъ, мы свили изъ нихъ толстую веревку, изъ которой скоро была готова довольно большая лѣстница.

Работали мы большею частью молча, потому что приходилось прислушиваться къ шуму, ловить отдаленный шорохъ, чтобы поскорѣ прятать опасныя вещи. Обыкновенно сидѣли мы на кроватяхъ и, при всякомъ подозрительномъ звукѣ, прятали все подъ тюфякъ или подушку.

Когда лѣстница была готова, мы приступили къ другой, болѣе трудной, работѣ: ночью мы привязывали свою лѣстницу къ рѣшеткѣ, находившейся внутри камина, и, взбираясь туда, распатывали желѣзные стержни, загоразивавшіе выходъ на крышу.

Какія трудности пришлось намъ преодолѣть! Мы висѣли въ трубѣ на веревочныхъ ступеняхъ, съ окровавленными руками, съ лицомъ, обсыпаннымъ сажей, которая затрудняла намъ дыханіе. Приходилось выдѣзать оттуда чуть ли не каждыя полчаса, чтобы не потерять сознанія. Затѣмъ, надо было постоянно держать во рту воду и брызгать ею въ пробитыя отверстія для размягченія цемента... и мы были вполнѣ счастливы, если за цѣлую ночь работа наша подвинулась хоть на одну пятую дюйма.

Прошло много, много времени, и наконецъ наступила давно желанная, блаженная минута: въ одну изъ бурныхъ ночей, когда свистѣлъ вокругъ ураганъ и лилъ ручьями проливной дождь, — рѣшетка наша пала! Самое трудное дѣло было окончено, мы радостно поздравляли себя съ успѣхомъ;

но имѣли осторожность снова приладить ее къ трубѣ и даже сдѣлать ее, для виду, совершенно неподвижной, какъ бы ее никто и не трогалъ.

Мы проработали нѣсколько лишнихъ часовъ надъ этимъ, новидимому, ненужнымъ дѣломъ, и оно спасло насъ отъ великаго, непредвидѣннаго, несчастія.

На утро слѣдующаго же дня, по обыкновенію, въ нашу камеру вошелъ комендантъ.

Чрезмѣрно счастливые, усталые послѣ безсонной ночи, мы не успѣли принять обычныхъ мѣръ предосторожности и хорошенько пообчиститься. Особенно подозрителенъ былъ Жеромъ, проводившій въ трубѣ большую часть ночи. Онъ успѣлъ вымыть только лицо и руки, а на бородѣ и волосахъ его осталось много сажки.

— Отчего это вы покрыты сажей, милостивый государь? — спросилъ комендантъ, удивленно разглядывая моего товарища.

Услыхавъ этотъ вопросъ, я рѣшилъ, что все кончено, и готовъ былъ лишиться сознанія; но храбрецъ мой нашелся и отвѣчалъ съ чистосердечной улыбкой:

— Я покрытъ сажей потому, что сегодня игралъ роль трубочиста: ночью было такъ холодно, изъ каминна такъ дуло и несло сажей, что я было рѣшилъ закрыть трубу. Но намѣреніе это такъ и осталось намѣреніемъ, потому что я не нашелъ нигдѣ ни одной вьюшки, и только напрасно испачкался.

Комендантъ недовѣрчиво оглядѣлъ насъ, потомъ нашу камеру; но, не найдя ничего подозрительнаго, вышелъ, проговоривъ:

— Я къ вамъ сегодня же пришлю трубочиста настоящаго.

Дѣйствительно, спустя нѣкоторое время, въ каминѣ поднялась какая-то возня, шуршаніе, подозрительное постукиванье.

Я сидѣлъ ни живъ, ни мертвъ, а Жеромъ рассказывалъ яростно по камерѣ, приговаривая сквозь зубы:

— Стучи, стучи хоть до завтра, дѣло сдѣлано чисто, ничего не замѣтишь, а фонаря спустить туда не догаднешься.

Не смотря на эти храбрыя рѣчи, я видѣлъ, что мой пріятель взволнованъ не менѣе меня. И дѣйствительно, теперь вся жизнь наша, все наше счастье зависѣло отъ догадливости трубочиста.

Но, конечно, трубочисты рѣдко бываютъ догадливы, и нашъ вовсе не составлялъ исключенія изъ общаго правила...

Трубочистъ ушелъ, не найдя ничего подозрительнаго.

Мы думали, что злоключенія наши тѣмъ и покончатся; но глубоко ошибались: они еще только что начались.

Слѣдить за нами стали гораздо строже. Теперь и послѣ ужина сталъ иногда заходить тюремщикъ, чего раньше никогда не случалось; поэтому и намъ надо было принимать болѣе дѣйствительныя мѣры предосторожности, отчего работа подвигалась очень медленно. Теперь только одинъ изъ насъ могъ работать, потому что другой долженъ былъ стоять у двери и прислушиваться. При малѣйшемъ шумѣ все пряталось подъ тюфякъ, и мы притворялись спящими.

Но всѣ эти неудобства были ничто передъ тѣмъ, что намъ готовилось...

Однажды комендантъ ввелъ въ нашу камеру еще одного товарища... При первомъ взглядѣ на этого отвратительнаго человѣка, мы догадались, что это — шпионъ! — шпионъ, приставленный наблюдать за нами.

Не мало мнѣ приходилось видѣть людей, входившихъ впервые въ Бастилію, — всѣ они были убиты, имѣли растерянный видъ, полный отчаянія. Исключеніе составлялъ только Жеромъ, да этотъ новый нашъ пріятель съ рыжими волосами, съ плоскимъ лицомъ, покрытымъ веснушками и съ наглымъ видомъ человѣка, увѣреннаго въ своей безопасности.

— Добрый день, господа! — привѣтствовалъ онъ насъ съ улыбкой, — на свободѣ теперь такая хорошая погода, что мнѣ было очень непріятно войти въ это мрачное мѣсто.

Я молчалъ, готовый броситься на негодея и задушить его. Жеромъ взглянулъ на меня мелькомъ и отвѣчалъ самымъ любезнымъ образомъ:

— Что дѣлать? Къ сожалѣнію, здѣсь рѣдко кто сообразуется съ нашими желаніями, будь даже это желанія такихъ достойныхъ господъ, какъ вы.

— Конечно, конечно, — отвѣчалъ мошенникъ весьма благосклонно, — притомъ, и камера у насъ еще такая маленькая... нельзя будетъ размѣститься съ удобствами, къ которымъ я привыкъ.

— Ну, съ этимъ ужъ придется примириться, — говорилъ Жеромъ, — за то есть пословица: въ тѣснотѣ, да не въ обидѣ... Но мы постараемся вознаградить васъ за неудобства отъ тѣсноты помѣщенія.

— А чѣмъ же это вы меня вознаградите? — спросилъ вновь прибывшій.

— Несомнѣнно, нашимъ любезнымъ обращеніемъ съ вами, — пояснилъ Жеромъ, чрезвычайно вѣжливо.

— А, — пробормоталъ негодяй, который, вѣроятно, имѣлъ въ виду какое-нибудь болѣе существенное вознагражденіе. Но снѣ все-таки старался также отвѣчать любезностями на любезность, и затѣмъ рассказалъ какую-то нелѣпую исторію, — какой-то романъ съ женой какого-то маркиза, черезъ мгновеніе превратившагося въ графа, а потомъ въ канцлера, — чтобы объяснить намъ свое заточеніе.

Жеромъ притворялся, что вѣритъ всему, выражалъ сочувствіе, разспрашивалъ подробно о красотѣ дамы... Однимъ словомъ, скоро они, повидимому, совсѣмъ подружились. И вдругъ, неожиданно, негодяй вызвалъ со стороны Жерома самые искренніе, самые пылкіе и непринужденные восторги. Остановившись на половинѣ разговора, онъ подмигнувъ моему пріятелю, всталъ со скамейки, поманилъ его въ камину и тамъ, вынувъ изъ-за голенища кисеть съ табакомъ, предложилъ ему выкурить папироску.

— Да вы, я вижу, чудеснѣйшій товарищъ! — воскликнулъ Жеромъ, — какъ удалось вамъ пронести такую драгоценную контрабанду? Это просто чудо!

— О, я мастеръ и не на такія штуки! — загадочно сказала шпіонъ и стала крутить папироску.

Затѣмъ они мирно присѣли на корточка у камина, стараясь пускать прямо въ трубу образцовые колечки дыма.

И я видѣлъ, что Жеромъ не только не ненавидитъ негодяя, а даже прямо благодаренъ ему за доставленное наслажденіе... Это открытіе уязвило меня до глубины души, и взоры мои становились все мрачнѣе, а плутишка изрѣдка кидалъ на меня насмѣшливый взглядъ и съ наслажденіемъ выпускалъ одно за другимъ въ трубу образцовыя колечки.

Когда же и шпіонъ началъ подозрительно оглядываться на меня, еще не сказавшаго ему ни одного слова, Жеромъ нагнулся къ его уху и прошепталъ:

— Оставьте этого дикаря въ покоѣ... Знаете ли, я уже давно живу съ нимъ вмѣстѣ, и нахожу, что сосѣдство это — наказаніе похуже самого тюремнаго заключенія! Я хочу хорошимъ поведеніемъ заслужить расположеніе господина коменданта, и тогда буду просить его перевести меня въ другую камеру.

— А онъ не будетъ доносить на насъ, если мы займемъ еще кой-чѣмъ незаконнымъ?—спросилъ негодай потихоньку.

— Ну вотъ, такъ онъ и посмѣеть!

— Тогда чортъ съ нимъ!—сказалъ шпионъ,—а мы съ вами зато можемъ провести время очень весело.

Тутъ онъ очень глупо захохоталъ и вытащилъ изъ другого голенища колоду засаленныхъ картъ съ обгрызанными углами.

— Не хотите ли перекинуться по маленькой?—сказалъ онъ, подсовывая ихъ Жерому подъ носъ, какъ бы для того, чтобы послѣдній понюхалъ, какъ пахнетъ сало, которымъ они были покрыты,—это занятіе значительно скраситъ наше существованіе.

— Всегда готовъ на хорошее дѣло съ хорошимъ человѣкомъ,—отвѣчалъ Жеромъ, и не прошло получаса, какъ они уже были увлечены игрой до самозабвенія.

Съ тѣхъ поръ наступила для насъ пора полного бездѣйствія и вѣчнаго безпокойства. Мы изрѣдка могли только обмѣниваться взглядами. Одни только эти взгляды и показывали мнѣ, что Жеромъ вовсе не думаетъ бросать своей работы, о которой теперь нечего было думать даже и ночью: нашъ негодай, кажется, спалъ только однимъ глазомъ.

Мало-по-малу я пришелъ въ такое отчаяніе, что совершенно лишился сна и аппетита. Я такъ увѣровалъ въ наше освобожденіе, я до того свыкъся съ этой мыслью, что не могъ теперь безъ нея жить, и былъ очень доволенъ, когда, наконецъ, истощенный организмъ мой пересталъ принимать какую бы то ни было пищу.

Негодяй превесело уничтожалъ за меня мой обѣдъ и каждое утро съ безпокойствомъ освѣдомлялся, какъ мое здорье? есть ли у меня аппетитъ?

Я отвѣчалъ ему полусловами, увѣренный, что, если бы я теперь посягнулъ на свою порцію обѣда, то это вызвало бы у негодня самое горестное разочарованіе.

Жеромъ видѣлъ мои муки; но ничѣмъ не могъ помочь, и только въ церкви, во время церковнаго пѣнія, бросалъ мнѣ изрѣдка по нѣскольбу словъ.

Навонецъ, однажды, въ церкви, когда хоръ громко пѣлъ какую-то кантату, товарищъ нагнулся ко мнѣ и шепнулъ:

— Я придумалъ средство избавиться отъ нашего пріятеля... Перестаньте морить себя голодомъ! Надо набираться силы, потому что скоро опять начнемъ работать.

Я такъ вѣрилъ въ находчивость своего друга, что послѣ

*

этихъ словъ воскресъ душою, и, придя въ камеру, съ аппетитомъ сѣлъ почти весь обѣдъ, что вызвало со стороны шпіона восклицаніе, въ которомъ не звучало особенной радости.

— Вы, кажется, поправляетесь, пріятель?

— Именно, именно!—радостно отвѣтилъ я,—и скоро надѣюсь вполнѣ выздоровѣть.

И потомъ я сдѣлался такъ веселъ, что даже проигралъ негодяю нѣсколько франковъ, чтобы ему было съ чѣмъ отправиться изъ Бастиліи.

— Я былъ о васъ худшаго мнѣнія, другъ мой,—сказалъ онъ, пряча деньги въ засаленный кожаный кошелекъ,—а въ сущности, вы также добрый малый.

— Вы дѣлаете мнѣ большую честь,—возразилъ я вѣжливо.

Я готовъ былъ говорить ему теперь комплименты, отдать всѣ деньги, какія у меня были, до того я чувствовалъ себя счастливымъ при мысли, что мы наконецъ имѣемъ возможность отъ него освободиться.

И вотъ, этотъ счастливый мигъ наступилъ!

Однажды утромъ, когда отворилась дверь, для обычной повѣрки камеръ, Жеромъ потихоньку вынулъ одну карту изъ колоды, лежавшей подъ подушкой шпіона, и бросилъ ее на полъ.

Негодяй не замѣтилъ этого маневра, а вошедшему коменданту прежде всего бросилась въ глаза карта.

— Что это такое?—воскликнулъ онъ, въ негодованіи обращаясь къ тюремщику,—ты проглядѣлъ, что здѣсь играютъ? Чьи это карты? Кто принесъ ихъ сюда съ собою?

Въ камерѣ всѣ молчали. Шпіонъ сталъ бѣлѣе мѣла, которымъ была выкрашена стѣнка; лицо Жерома выражало благочестивое сокрушеніе о случившемся; я заранѣе торжествовалъ побѣду: игра въ карты называлась строже, чѣмъ употребленіе спиртныхъ напитковъ.

— Вы не хотите признаваться,—бушевалъ комендантъ,—я посажу васъ всѣхъ въ каменный мѣшокъ, если вы станете упорствовать!

Но отвѣтомъ грозному начальнику было опять одно молчаніе. Негодяй отъ страха не попадалъ зубъ на зубъ.

— Сдѣлать сейчасъ же обыскъ при мнѣ по всей камерѣ!—приказалъ комендантъ.

Тюремщикъ повиновался и сейчасъ же вытащилъ двѣ колоды, одну изъ подъ подушки шпіона, другую изъ его кармана. Улики были на лицо. Несчастный такъ струсилъ, что даже не посмѣлъ просить о помилованіи.

— Убрать его отсюда сейчас же!—сказалъ комендантъ тюремщику.

Услышавъ это приказаніе, Жеромъ смиренно подошелъ къ начальнику и сказалъ:

— Милостивый государь, я рискую навлечь на себя ваше негодованіе, но все-таки не могу удержаться, чтобы не попросить васъ за этого человѣка. Прошу васъ, не изгоняйте его отсюда, мы такъ успѣли къ нему привыкнуть. И велика ли его вина? Конечно, мы немножко играли; но неужели за это онъ достоинъ такой строгой кары?

Во время этой рѣчи комендантъ бросалъ на шпиона взоры, полные ярости:

— А, вотъ какъ!—воскликнулъ онъ, наконецъ, — вотъ какъ... ступай сейчасъ же прочь отсюда!

Негодяй, опустивъ голову, сталъ собирать свои вещи; а Жеромъ опять позволилъ себѣ смиренно замѣтить:

— О, сударь, смѣю ли я еще замолвить за него хоть одно словечко!

— Ни слова!—сурово отвѣтилъ комендантъ, и Жеромъ, поникнувъ головой, умолеъ.

Негодяй, забравши свой скарбъ—вышелъ. За нимъ послѣдовалъ тюремщикъ; комендантъ гордо замыкалъ шествіе.

Мы были свободны!

Я упалъ на вровать, и, рыдая, обхватилъ руками шею Жерома. Онъ поворчался моимъ объятіямъ, пытаясь насмѣшливо улыбаться; но и по его лицу текли въ это время слезы.

Мы были свободны.

(Окончаніе слѣдуетъ).

РИЧАРДЪ ОСТЛЕРЪ „КОРОЛЬ ФАБРИЧНЫХЪ ДѢТЕЙ“.

(Изъ исторіи фабричнаго законодательства въ Англіи) *).

I.

«Въ началѣ этого столѣтія, въ самый разгаръ великой борьбы между Франціей и Англіей, когда англійскіе промышленники обратились къ Питту съ жалобой, что повышение заработной платы препятствуетъ имъ уплачивать налоги, первый министръ произнесъ жестокія слова: «возьмите дѣтей». Эти слова тяжелымъ проклятіемъ легли на Англію». Такъ объясняетъ знаменитый французскій историкъ Мишле возникновеніе дѣтскаго труда на англійскихъ фабрикахъ. Новѣйшіе англійскіе историки доказали, что Мишле былъ не правъ, приписывая данное изреченіе Питту; но, кѣмъ-бы ни были сказаны эти «жестокія» слова, важно то, что они оказались пророческими, и что англійскіе промышленники, дѣйствительно, «взяли дѣтей» на фабричную работу.

Фабричная промышленность начала развиваться въ Англіи въ концѣ прошлаго столѣтія, со времени изобрѣтенія машинъ. Около ста лѣтъ тому назадъ, земледѣліе составляло еще главное занятіе англійскаго населенія, а производство тканей и другихъ предметовъ необходимости велось на ряду съ сельскимъ хозяйствомъ, подобно тому, какъ это и до сихъ поръ практикуется у нашихъ кустарей. Но изобрѣтеніе машинъ произвело цѣлый переворотъ въ народномъ хозяйствѣ Англіи. Ткани, изготовлявшіяся крестьянами съ помощью ручныхъ прялокъ, не могли конкурировать съ машинными издѣліями, которыя отличались и лучшимъ качествомъ, и болѣе дешевой цѣной. На ряду съ прежними домашними мастерскими, теперь стали возникать большія фабрики, которыя, мало-по-малу, распространились по всей странѣ.

Такъ какъ рабочія руки были дороги, то фабриканты, какъ уже сказано, рѣшили эксплуатировать дѣтскій трудъ. Однако,

*) Матеріаломъ для настоящей статьи послужили: Alfred: «History of the Factory-Movement»; Cooke-Taylor: «The modern Factory System» и Gibbins: «English Social Reformers» (Univ. Ext. Series).

въ началѣ этого столѣтія не легко было найти дѣтей для фабричной работы. Новоизобрѣтенныя машины приводились въ движеніе, главнымъ образомъ, водою, на подобіе водяныхъ мельницъ, и первыя фабрики строились, обыкновенно, вдали отъ городовъ, на берегу рѣчекъ или горныхъ потоковъ. Въ то время, когда появились эти фабрики, сельское населеніе Англіи было еще довольно зажиточно, благодаря тому, что машины еще не успѣли вытѣснить домашняго производства, которое служило крестьянамъ крупной поддержкой въ хозяйствѣ. Поэтому, родители ни за что не соглашались посылать своихъ дѣтей на фабрику. Они считали для себя позоромъ заставлять дѣтей цѣлые дни работать въ душныхъ фабричныхъ помѣщеніяхъ, въ томъ возрастѣ, когда они должны набираться силъ и здоровья для будущей трудовой жизни. Отецъ, отдавшій своего ребенка на фабрику, дѣлался басней всего околотка.

Не имѣя возможности завербовать себѣ дѣтей окрестныхъ крестьянъ, фабриканты нерѣдко обращались къ пасторамъ и другимъ приходскимъ властямъ, завѣдующимъ рабочими домами для бѣдныхъ, и просили присылать имъ нищихъ дѣтей, содержимыхъ тамъ на счетъ общественной благотворительности. Эта комбинація оказалась очень выгодной для обѣихъ сторонъ. Администрація рабочихъ домовъ рада была освободиться отъ дѣтей, такъ какъ для нея это было нѣкоторымъ сокращеніемъ расходовъ, а фабриканты получали самую дешевую рабочую силу, какую только можно было достать въ то время: они обязывались только содержать на свой счетъ этихъ „приходскихъ подмастерій“, не платя имъ никакого жалованья. Содержаніе же ихъ, какъ увидимъ ниже, не было особенно обременительнымъ для хозяйскаго кармана. Въ назначенный день фабриканты являлись въ рабочіе дома и производили смотръ своимъ будущимъ рабочимъ. Иногда же дѣти увозились изъ рабочихъ домовъ особыми комиссіонерами, которые препровождали свой живой товаръ въ какой-нибудь крупный промышленный центръ, и зятѣмъ раздавали его по рукамъ разнымъ фабрикантамъ.

Надомотрщики рабочихъ домовъ самыми радужными красками рисовали дѣтямъ ихъ будущую жизнь на фабрикахъ: имъ рассказывали, что тамъ они сдѣлаются важными господами, будутъ ѣсть ростбифъ и сладкіе пирожки, жить въ прекрасныхъ домахъ, носить серебряныя часы, и т. д. Поэтому, дѣти съ нетерпѣніемъ ожидали пріѣзда фабриканта и наперерывъ стремились попасть въ число избранниковъ. Но горькое разочарованіе ожидало ихъ уже при самомъ вступленіи въ новую жизнь. Въмѣсто обѣщаннаго рая, они попадали на фабрику, построенную гдѣ-нибудь въ глухомъ

мѣстѣ, вдали отъ человѣческаго жилья. Ихъ заставляли, не разгибаясь, работать по 16 часовъ въ сутки, въ душныхъ, волющихъ помѣщеніяхъ, среди оглушающаго шума тысячи вертящихся станковъ. Работа на фабрикѣ производилась и днемъ, и ночью: когда одна партія отправлялась на отдыхъ, другая принималась за работу. И такой каторжный трудъ выпадалъ на долю совсѣмъ маленькихъ ребятишекъ, начиная съ 5-лѣтняго возраста. Когда, изнемогая отъ усталости, дѣти на минутку отрывались отъ работы, чтобы отдохнуть, ихъ тотчасъ же побоями заставляли снова приниматься за нее. Случалось, что, выбившись изъ силъ, они начинали дремать надъ машиной, продолжая работу машинально. Можно себѣ представить, какъ часто при такихъ обстоятельствахъ происходили разные несчастные случаи, и дѣтямъ то и дѣло приходилось расплачиваться потерей или изуродованіемъ руки за свою несвоевременную сонливость.

О томъ, какую жизнь дѣтямъ приходилось вести на фабрикахъ и какъ съ ними обращались, можно составить себѣ понятіе по подлинному разсказу одного изъ рабочихъ, Роберта Блинко, который съ дѣтства работалъ на фабрикахъ и на себѣ испыталъ все то, о чемъ онъ говоритъ. Разсказъ этотъ, появившійся въ одномъ изъ журналовъ въ 1828 г. и затѣмъ изданный отдѣльно, былъ провѣренъ, и оказалось, что въ немъ нѣтъ никакого преувеличенія, хотя факты, разсказываемые Блинко о жестокости обращенія съ дѣтьми, намъ теперь кажутся просто невѣроятными.

Робертъ Блинко былъ сиротой и съ четырехъ лѣтъ жилъ въ рабочемъ домѣ; 7-ми лѣтъ, его, вмѣстѣ съ 80-ю другими дѣтьми, отправили на хлопчатобумажную фабрику близъ Ноттингэма. На этой первой фабрикѣ, по словамъ Блинко, жилось лучше, чѣмъ на всѣхъ остальныхъ, на которыхъ ему пришлось перебивать. Тѣмъ не менѣе, и здѣсь его постоянно били, таскали за волосы и бранили. Будучи маленькаго роста и слабымъ, онъ никакъ не могъ поспѣвать за машиной, и надсмотрщикъ колотилъ его за это, несмотря на всѣ увѣренія ребенка, что онъ не можетъ скорѣе работать. Домъ, въ которомъ помѣщались дѣти, ихъ пища и одежда—все это было въ самомъ ужасномъ видѣ, но, сравнительно, было еще сносно. Блинко работалъ на этой фабрикѣ 4 года, затѣмъ она прекратила свое существованіе, и его, вмѣстѣ съ остальными дѣтьми, перевели на другую фабрику. Тутъ начинается настоящій мартирологъ несчастнаго ребенка. Надзиратели на этой фабрикѣ инопцрялись въ жестокомъ обращеніи съ дѣтьми. Такъ, Блинко разсказываетъ, что однимъ изъ наиболѣе частыхъ наказаній было бросаніе въ голову дѣтямъ деревянныхъ

цилиндры, составляющихъ одну изъ частей ткацкаго станка. Цилиндры эти нерѣдко разбивали дѣтямъ голову до крови, что доставляло надзирателямъ величайшее удовольствіе. Прежде чѣмъ одна рана успѣвала зажить, они уже заботились о томъ, чтобы еще разъ расшибить ребенку голову такимъ же способомъ, и Блинко говоритъ, что у него нерѣдко вся голова бывала въ ранахъ, причинявшихъ такую ужасную боль, что онъ совсѣмъ не могъ спать, несмотря на страшное утомленіе отъ дневной работы. Иногда дѣтямъ удавалось заглѣпять раны на головѣ пластыремъ, и одинъ изъ надзирателей, котораго называли «страшнымъ докторомъ», забавлялся тѣмъ, что сдиралъ эти пластыри съ незажившихъ еще ранъ. Одной изъ часто примѣнявшихся исправительныхъ мѣръ было слѣдующее истязаніе: дѣтямъ связывали за спиной обѣ руки, привязывали къ рукамъ одну изъ ногъ и заставляли ихъ прыгать на другой, свободной ногѣ. Если они при этомъ двигались съ недостаточной быстротой, то надзиратели, для поощренія, закатывали имъ въ спину удары кулакомъ, или бросали въ голову деревянные цилиндры. Остальные наказанія были въ такомъ же родѣ: имъ до крови щипали уши, сжимали носъ и уши ручными тисками и заставляли работать съ такими украшеніями, и били, нещадно били всѣми возможными способами. До какой невѣроятной жестокости доходило на этой фабрикѣ обращеніе съ дѣтьми, можно судить по слѣдующему факту: при фабрикѣ жилъ специальный кузнецъ, обязанность котораго состояла въ томъ, чтобы, въ случаѣ надобности, заковывать въ кандалы подмастерій, пытавшихся бѣжать (а такіе случаи бывали нерѣдко). Надо думать, что человекъ, избравшій себѣ подобную специальность, не могъ обладать особенно чувствительными нервами, а между тѣмъ, даже онъ не могъ вынести постоянныхъ криковъ и стоновъ истязуемыхъ дѣтей и, сидя въ своей мастерской, помѣщавшейся въ подвальной этажѣ, принимался иногда изо всей силы стучать въ потолокъ, чтобы заглушить по возможности «эти дьявольскіе звуки».

Нечего и говорить, что условія жизни фабричныхъ подмастерій были самыя негигіеничныя, какія только можно себѣ вообразить: они жили въ тѣсныхъ, грязныхъ помѣщеніяхъ и постоянно голодали. Завтракъ, состоящій изъ мучной похлебки, назначался въ 8 ч. утра; но такъ-какъ работы въ это время не останавливались, то завтракъ иногда отодвигался до 11 и даже 12 часовъ, и дѣти все это время, съ 5 час. утра, оставались безъ пищи. На обѣдъ отводилось 40 мин., причѣмъ половина этого времени уходила на чистку машинъ. Иногда же, во время очень спѣшной работы, дѣтей задерживали на фабрикѣ и въ обѣденное время. Въ такомъ случаѣ

они оставались безъ пищи и отдыха втеченіи 16 часовъ. По субботахъ работа, обыкновенно, продолжалась до полуночи, а иногда и до 6 ч. слѣдующаго утра. Обѣдъ состоялъ изъ вареной свинины самаго низшаго сорта; воду, въ которой она варилась, подправляли мукой и подавали дѣтямъ на ужинъ и на слѣдующей день на завтракъ. Блинко говоритъ, что эта похлебка издавала такой отвратительный запахъ, что противно было подойти близко къ мискѣ, но голодъ заставлялъ пересиливать отвращеніе. Дѣти, въ буквальный смыслѣ слова, питались хуже, чѣмъ свиньи. Пища откармливаемыхъ свиней служила для нихъ предметомъ страшной зависти. Помѣщеніе дѣтей соприкасалось со свинымъ хлѣвомъ, и они зорко слѣдили за тѣмъ, что дѣлалось у ихъ сосѣдей. Какъ только они замѣчали, что пастухъ куда-нибудь выходилъ, одинъ изъ мальчиковъ прокрадывался въ хлѣвъ, и старался забрать елико возможно больше мучныхъ колобковъ, которыми откармливали свиней. Эта добыча дѣлилась затѣмъ между голодными ребятишками. Но свиньи, несмотря на всю свою глупость, вскорѣ научились оберегать свою пищу отъ этихъ непрошенныхъ конкурентовъ. Какъ только кто-нибудь изъ дѣтей появлялся въ хлѣву, тамъ поднималось такое оглушительное хрюканье, что оно достигало ушей пастуха, и онъ съ кнутомъ въ рукѣ спѣшилъ на защиту своихъ питомцевъ.

Естественно, что при такихъ условіяхъ фабрики представляли чрезвычайно благоприятную почву для всякихъ болѣзней и эпидемій. Ухода за больными никакого не было, и смертность среди дѣтскаго персонала фабричныхъ рабочихъ бывала такъ велика, что, напримѣръ, на той фабрикѣ, гдѣ работалъ Блинко, дѣтей часто хоронили ночью, тайкомъ, безъ всякихъ церковныхъ обрядовъ, чтобы не обращать вниманія окружающихъ на огромное количество умиравшихъ.

Разумѣется, не на всѣхъ фабрикахъ съ дѣтьми обращались съ такой изысканной жестокостью, но уже одно то, что 8—9-лѣтнихъ дѣтей заставляли работать безъ перерыва по 16 ч. въ сутки,—достаточно доказываетъ весь ужасъ и всю ненормальность фабричныхъ порядковъ того времени. А такая непосильная продолжительная работа несомнѣнно была тогда общимъ правиломъ.

Фабрика, на которой работалъ Блинко, конечно, принадлежала къ числу худшихъ. Возьмемъ-же теперь фабрику, гдѣ условія труда были лучшими для своего времени, и посмотримъ, какъ тамъ жило дѣтямъ. Одной изъ такихъ фабрикъ является Нью-Ланаркская, принадлежавшая м-ру Дэлю въ Шотландіи. М-ръ Дэль былъ человѣкъ образованный и гуманный, хорошо относившійся къ своимъ рабочимъ, и вовсе не желавшій ихъ эксплуати-

ровать. На его фабрикѣ работало нѣсколько сотъ дѣтей, взятыхъ изъ рабочихъ домовъ, и дѣти эти были поставлены въ сравнительно очень благопріятныя условія: они жили въ хорошихъ помѣщеніяхъ, каждый день, втеченіи опредѣленнаго времени, пользовались отдыхомъ и гуляли въ полѣ; наконецъ, они получали элементарное образованіе. Самъ м-ръ Дэль былъ очень добръ къ своимъ малолѣтнимъ рабочимъ и, посѣщая фабрику, нерѣдко привозилъ имъ въ подарокъ разныя бездѣлушки. Современники м-ра Дэля считали его фабрику образцовымъ учрежденіемъ и осыпали похвалами ея владѣльца. И, тѣмъ не менѣе, даже у этого образцоваго фабриканта, выдѣлявшагося изъ среды прочихъ своимъ исключительно - хорошимъ отношеніемъ къ рабочимъ, пятилѣтнія дѣти работали по 13 часовъ въ сутки!

По мѣрѣ развитія крупной промышленности, постепенно измѣнялись и условія фабричнаго труда. Примѣненіе парового двигателя избавило фабрикантовъ отъ необходимости устраивать свои фабрики вблизи рѣкъ, и они перенесли ихъ въ города, гдѣ гораздо легче было найти рабочихъ. вмѣстѣ съ тѣмъ исчезла и необходимость брать на фабрики сиротъ изъ рабочихъ домовъ. Среди городского населенія было достаточно неимущихъ людей, которыхъ нужда заставляла жертвовать здоровьемъ дѣтей и которые въ изобиліи поставляли фабрикантамъ дешевыя рабочія руки. Эти дѣти уже не жили на фабрикѣ и не содержались на счетъ фабриканта, какъ «приходскіе подмастерья». Они жили у своихъ родителей и, также какъ и взрослые рабочіе, получали за свой трудъ извѣстное вознагражденіе. Но положеніе ихъ было нисколько не лучше положенія «приходскихъ подмастерій» и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже хуже, такъ какъ они находились уже совершенно «виѣ закона». Нужно замѣтить, что «приходскіе подмастерья», хотя и номинально, все-жъ таки ограждались закономъ 1802 г. Законъ этотъ представлялъ слабую попытку защитить интересы дѣтей, работающихъ на фабрикахъ: онъ ограничивалъ рабочій день для дѣтей 12-ю часами и устанавливалъ обязательность элементарнаго обученія. Но онъ не устанавливалъ никакого предѣльнаго возраста для поступленія на фабрику и, главное, не устанавливалъ никакого надзора за исполненіемъ указанныхъ предписаній, которыя (какъ видно изъ всего сказаннаго выше) оставались на дѣлѣ мертвой буквой. Съ переходомъ же фабрикъ въ города, законъ 1802 г. утратилъ всякое значеніе, такъ какъ онъ относился только къ «приходскимъ подмастерьямъ», къ живущимъ на фабрикахъ, и не распространялся на всѣхъ дѣтей вообще, занятыхъ въ фабричномъ производствѣ. Такимъ образомъ, эти дѣти

совершенно не ограждались отъ произвола фабрикантовъ и были всецѣло предоставлены во власть своихъ хозяевъ.

Первымъ, кто выступилъ на защиту фабричныхъ дѣтей, былъ знаменитый общественный дѣятель и писатель Робертъ Овэнъ. Онъ былъ женатъ на дочери фабриканта (того самаго ж-ра Дэля, о которомъ уже была рѣчь выше) и, перекупивъ фабрику у своего тестя, втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ лично управлялъ ею. Фабрика тогда пришла въ цвѣтущее состояніе, и положеніе рабочихъ, дѣйствительно, очень измѣнилось къ лучшему. Но Овэнъ не ограничился филантропической дѣятельностью среди подвѣдомственныхъ ему рабочихъ: присмотрѣвшись ближе къ фабричнымъ порядкамъ, онъ убѣдился, что они требуютъ коренной реформы. Особенное вниманіе онъ обратилъ на положеніе «фабричныхъ дѣтей» и составилъ даже проектъ объ ограниченіи дѣтской работы на фабрикахъ. Проектъ этотъ, который онъ въ 1815 г. представилъ сэру Роберту Пилу-старшему, бывшему тогда первымъ министромъ Англій, заключался въ слѣдующемъ: дѣтямъ, моложе 10-ти лѣтъ, совсѣмъ запрещалась работа на фабрикахъ, а подростки отъ 10—18 лѣтъ должны были работать не болѣе 10 ч. въ сутки.

Если бы проектъ Овэна былъ принятъ, то охрана дѣтей, проведенная въ настоящее время англійскимъ фабричнымъ законодательствомъ, была бы осуществлена на 30 лѣтъ раньше. Но чтобы добиться отъ парламента такой охраны, понадобилось 30 лѣтъ упорной и ожесточенной борьбы.

Сэръ Робертъ Пилъ, сочувственно отнесшійся къ проекту Овэна, не рѣшился даже внести его въ парламентъ, изъ боязни возбудить недовольство засѣдавшихъ тамъ фабрикантовъ. Онъ ограничился тѣмъ, что поднялъ въ одномъ изъ парламентскихъ засѣданій вопросъ о положеніи дѣтей на фабрикахъ, и парламентъ назначилъ особую комиссію для изслѣдованія вопроса. Комиссіа обратилась къ фабрикантамъ и другимъ лицамъ, прикосновеннымъ къ фабричному дѣлу, и спрашивала ихъ, какъ живетъ дѣтямъ на фабрикахъ. Въ качествѣ представителей науки спрашивались также и доктора, которые должны были рѣшить вопросъ, не имѣетъ ли фабричный трудъ вреднаго вліянія на здоровье дѣтей. Большинство фабрикантовъ, разумѣется, заявило, что дѣтямъ на фабрикахъ живетъ прекрасно, и что правительственное вмѣшательство въ это дѣло можетъ только повредить, такъ какъ оно возбудитъ недовольство среди ихъ родителей и внесетъ несогласіе въ семьи. Фабриканты изъ графствъ Ноттингэма и Дерби представили даже свидѣтельства, подписанныя мѣстными властями и

священниками, въ которыхъ удостовѣрилось, что на всѣхъ фабрикахъ въ ихъ краю дѣтскій трудъ обставленъ наилучшимъ образомъ. (Въ окрестностяхъ Ноттингэма находилась, между прочимъ, и та образцовая фабрика, гдѣ работалъ Блинко). Но особенно любопытны показанія докторовъ. Одинъ изъ нихъ на вопросъ: «считаетъ ли онъ необходимымъ для дѣтей имѣть небольшой отдыхъ въ теченіи дня?»—рѣшительно отвѣтилъ: «Я не считаю этого необходимымъ». Другой медикъ пошелъ еще дальше: опираясь на опытъ 24-хъ-лѣтней медицинской практики, онъ заявилъ, что, по его мнѣнію, дѣти могутъ безъ ущерба для себя работать безъ перерыва втеченіи 23-хъ часовъ. Когда же его спросили, можетъ ли онъ сказать то же самое про 24-хъ-часовую работу, онъ замѣтилъ, что «не въ состояніи указать никакой границы». Наконецъ, третій докторъ утверждалъ, что постоянное вдыханіе пыли и хлопковыхъ волоконъ нисколько не вредно для дѣтскихъ легкихъ. Попадались, правда, и показанія совершенно другого характера. Нѣкоторые доктора указывали на огромную смертность среди фабричнаго населенія, на большой процентъ золотушныхъ и болѣзненныхъ дѣтей среди работающихъ на фабрикахъ. Упоминалось также, что при настоящихъ условіяхъ фабричной работы дѣти совершенно лишены возможности получать даже самое первоначальное образованіе. Но всѣ эти свидѣтельства не произвели особеннаго впечатлѣнія на парламентъ, среди членовъ котораго было много фабрикантовъ и промышленниковъ, естественно возстававшихъ противъ всякаго заступничества правительства за рабочихъ. Тѣмъ не менѣе, въ 1819 г. былъ изданъ законъ, запрещающій работу на фабрикахъ дѣтямъ моложе 9 лѣтъ, и ограничивающій работу дѣтей старше этого возраста 12-ю часами въ сутки. Но законъ этотъ относился только къ хлопчатобумажной промышленности, такъ что на всѣхъ остальныхъ фабрикахъ попрежнему могли приниматься 5-ти-лѣтнія дѣти. Кромѣ того, правительство опять-таки не установило никакого надзора за исполненіемъ новаго закона, который, поэтому, опять остался мертвой буквой; фактически на фабрикахъ продолжали царствовать совершенно такіе же порядки, какъ и раньше, и дѣти попрежнему были беззащитны.

Только въ 30-хъ годахъ вопросъ этотъ снова всплываетъ, изъ за него начинается многолѣтняя и ожесточенная борьба, въ исторіи которой выступаетъ на первый планъ благородная, трогательная въ своей простой добротѣ личность Ричарда Остлера, прозваннаго «королемъ рабочихъ дѣтей».

II.

Остлеръ былъ управляющимъ одного большого имѣнья, находившагося въ центрѣ промышленнаго графства Йоркшира. Онъ былъ извѣстенъ, какъ очень добрый и искренно религіозный человекъ, готовый помочь всякому; отъ политики онъ стоялъ въ сторонѣ, и занимался сельскимъ хозяйствомъ и воспитаніемъ своихъ дѣтей. У него уже были взрослые сыновья, когда онъ сдѣлался однимъ изъ вождей общественнаго движенія въ защиту фабричныхъ дѣтей. На этотъ новый путь онъ вступилъ совершенно случайно—сама жизнь толкнула его туда.

Въ качествѣ управляющаго имѣніемъ, Остлеру почти не приходилось сталкиваться съ фабричными рабочими, хотя имѣніе, въ которомъ онъ былъ управляющимъ, находилось вблизи промышленнаго городка Гуддерсфильда, гдѣ было очень много фабрикъ. Но по самому роду своихъ занятій Остлеру приходилось имѣть дѣло преимущественно съ крестьянскимъ населеніемъ, и только совершенно случайно узналъ онъ отъ одного своего знакомаго, фабриканта м-ра Вуда, о томъ ужасномъ положеніи, въ какомъ находятся фабричные рабочіе и, въ особенности, фабричныя дѣти. М-ръ Вудъ рассказалъ ему, какой непосильный трудъ несутъ на себѣ дѣти, въ какихъ ужасныхъ условіяхъ они живутъ и какъ жестоко съ ними обращаются. Остлеръ былъ чрезвычайно пораженъ рассказомъ своего друга и захотѣлъ поближе познакомиться съ этимъ вопросомъ.

Онъ отправился осматривать находящіяся по сосѣдству фабрики и убѣдился во-очію, что въ словахъ Вуда не только не было никакого преувеличенія, но что дѣйствительность даже превосходила его описанія. Все это произвело сильное впечатлѣніе на добраго старика, и онъ рѣшился во что-бы то ни стало добиться улучшенія участи фабричныхъ дѣтей и всю свою остальную жизнь посвятить этому дѣлу. Личность Остлера интересна именно тѣмъ, что онъ раньше никогда не думалъ объ общественной дѣятельности и не готовился къ ней, а выступилъ на этотъ путь уже старикомъ, движимый исключительно христіанскимъ чувствомъ состраданія и любви къ дѣтямъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ не пошелъ избитой дорогой частной благотворительности, а избралъ болѣе трудный, но зато и болѣе плодотворный путь коренной законодательной реформы и послѣ многихъ лѣтъ неустаннаго труда и борьбы, дѣйствительно, достигъ намѣченной цѣли. О томъ, какимъ образомъ онъ сдѣлался защитникомъ фабричныхъ дѣтей, самъ Остлеръ рассказываетъ слѣдующее:

«Однажды, когда я былъ въ гостяхъ у моего друга, м-ра Вуда, онъ, къ моему великому удивленію, сообщилъ мнѣ, что я живу невдалекѣ отъ города, гдѣ человѣческія существа — маленькія дѣвочки и мальчики—ежедневно приносятся въ жертву за деньги. Я не берусь описать вамъ, съ какими чувствами я ложился спать въ этотъ вечеръ. Я велѣлъ слугѣ разбудить себя въ 4 часа утра на другой день, такъ какъ мнѣ нужно было ѣхать довольно далеко по дѣлу. Когда слуга разбудилъ меня, онъ сказалъ: «м-ръ Вудъ желаетъ еще повидаться съ вами, прежде чѣмъ вы уѣдете», и провелъ меня въ спальню своего барина. Другъ мой былъ въ постели, но не спалъ, а сидѣлъ, облокотившись на столикъ, стоявшій около его кровати. На этомъ столикѣ стояли двѣ свѣчи и между ними лежала библія. Когда я подошелъ къ нему, онъ протянулъ мнѣ руку и, крѣпко пожавъ ее, сказалъ: «Я не могъ спать эту ночь. Я читалъ эту книгу и на каждой страницѣ ея видѣлъ обвинительный приговоръ себѣ. Я не могу разстаться съ вами, прежде чѣмъ вы не дадите мнѣ клятвы, что употребите всѣ свои силы на то, чтобы искоренить изъ нашихъ фабрикъ тѣ жестокости, которыя теперь тамъ практикуются...» Я обѣщалъ своему другу, что сдѣлаю все, что въ моихъ силахъ, и чувствовалъ въ эту минуту, что мы оба находимся въ присутствіи Небеснаго Отца, и что клятва моя услышана въ небесахъ. И я не измѣнилъ этой клятвѣ...»

Первымъ шагомъ къ борьбѣ была статья Остлера «Рабство въ Йоркширѣ», появившаяся въ одной изъ мѣстныхъ газетъ въ сентябрѣ 1830 г. Въ это время въ англійскомъ обществѣ существовало сильное движеніе противъ рабства въ Вестъ-Индіи. Вопросъ этотъ обсуждался въ парламентѣ и очень волновалъ общественное мнѣніе. Остлеръ, который раньше тоже былъ захваченъ этимъ движеніемъ и горячо ратовалъ противъ вестъ-индскихъ рабовладѣльцевъ, воспользовался злобой дня для своей новой цѣли. Въ статьѣ «Рабство въ Йоркширѣ» онъ говорилъ, что вмѣсто того, чтобы распинаться за рабовъ въ далекой Вестъ-Индіи, англичанамъ не мѣшало бы повнимательнѣе присмотрѣться къ тому, что происходитъ у нихъ передъ глазами: въ самой Англійи существуютъ многія тысячи рабовъ, положеніе которыхъ нисколько не легче, чѣмъ положеніе вестъ-индскихъ рабовъ, и рабы эти—фабричныя рабочіе и ихъ дѣти.

Появленіе статьи Остлера было важнымъ событіемъ въ исторіи англійскаго фабричнаго законодательства. До этого времени движеніе въ пользу огражденія рабочихъ и ихъ дѣтей отъ произвола фабрикантовъ имѣло случайный характеръ и представителями его были, по большей части, люди, чуждые народной массѣ; те-

перъ же, подъ вліяніемъ статей Остлера и его неутомимой дѣятельности въ качествѣ оратора, выросло крупное общественное движеніе, поставившее задачей—добиться отмѣны дѣтскаго труда на фабрикахъ. Первая же статья Остлера обратила на себя общее вниманіе и вызвала оживленную полемику въ газетахъ, изъ которой Остлеръ вышелъ полнымъ побѣдителемъ. Всѣ факты, приводимые имъ, оказались совершенно вѣрными, и вслѣдъ за тѣмъ въ газетахъ начали появляться многочисленныя корреспонденціи, сообщавшія все новыя и новыя данныя о положеніи дѣтей на фабрикахъ.

Особенно заинтересовались статьями Остлера рабочіе, которые на своихъ митингахъ постановляли нерѣдко выразить благодарность Остлеру за то, что онъ возбудилъ въ обществѣ интересъ къ положенію дѣтей на фабрикахъ. Гуддерсфильдскіе рабочіе отправили къ Остлеру депутацію, чтобы переговорить съ нимъ о фабричныхъ дѣлахъ и предложить ему свою помощь въ борьбѣ, которую онъ предполагалъ начать. Вотъ какъ самъ Остлеръ рассказываетъ объ этой депутаціи:

«Въ одно воскресное утро, когда я со своей семьей собирался идти въ церковь, ко мнѣ пришли нѣсколько человекъ рабочихъ изъ Гуддерсфильда. Они сказали мнѣ, что прочли мои газетныя статьи о «Йоркширскомъ рабствѣ» и желаютъ поговорить со мной о нихъ, передать мнѣ отъ имени товарищей благодарность и предложить мнѣ свою помощь. Я сказалъ, что иду теперь въ церковь, но что во всякій другой день радъ буду поговорить съ ними. Они отвѣтили: «Воскресенье, сэръ, единственный день, когда мы можемъ придти къ вамъ. Всѣ остальные дни мы заняты на фабрикѣ съ ранняго утра и до поздней ночи». Я посоветовался съ моею женой, и мы оба рѣшили, что мнѣ слѣдуетъ остаться и поговорить съ ними; семья моя безъ меня отправилась въ церковь. Рабочіе сообщили мнѣ много очень интересныхъ и полезныхъ свѣдѣній. Я съ большимъ интересомъ слушалъ все, что они мнѣ рассказывали, и былъ пораженъ ихъ интеллигентностью и учтивостью. Мнѣ часто приходилось видѣть бѣдняковъ въ болѣзни и несчастіи, въ ихъ собственныхъ домахъ, или въ богадѣльняхъ и больницахъ, но до этого дня мнѣ никогда не случалось говорить съ рабочими о дѣлахъ, касающихся ихъ самихъ, какъ съ представителями известнаго класса. Мнѣ показалось, что передо мной открываются новыя горизонты: эти рабочіе поразили меня своими званіями и осмысленностью, съ какою они излагали мнѣ эти знанія. Но все-таки мнѣ казалось, что намъ трудно будетъ работать вмѣстѣ, такъ какъ они принадлежали къ радикаламъ, а я былъ тори (кон-

серваторомъ) и приверженцемъ церкви. Они думали иначе. Послѣ продолжительныхъ разговоровъ, мы рѣшили соединиться для общей работы, съ тѣмъ, чтобы никогда не касаться политическихъ и религіозныхъ вопросовъ».

Союзъ съ рабочими имѣлъ для Остлера большое значеніе. Въ то время среди іоркширскихъ рабочихъ существовала сплоченная организація, которая могла быть очень полезна при парламентскихъ выборахъ и вообще при агитаціи въ пользу проведенія извѣстной мѣры въ парламентѣ. Такимъ образомъ, дѣло, которое задумалъ Остлеръ, получило извѣстную почву и изъ области благородныхъ мечтавій могло перейти въ жизнь. Въ своихъ дальнѣйшихъ статьяхъ, обращенныхъ уже прямо къ рабочимъ, Остлеръ писалъ, что имъ слѣдуетъ добиваться отъ парламента трехъ вещей:

- 1) запрещенія дѣтямъ, моложе 9 лѣтъ, работать на фабрикахъ;
- 2) ограниченія работы подростковъ отъ 9 до 18 лѣтъ 10-ю часами въ сутки;
- 3) запрещенія ночной работы лицамъ, не достигшимъ 21-го года.

Наиболѣе существеннымъ изъ этихъ 3-хъ пунктовъ былъ 2-й, ограничивающій работу подростковъ 10-ю часами въ сутки. Онъ имѣлъ огромное значеніе потому, что если бы удалось добиться этой мѣры по отношенію къ подросткамъ, то этимъ самымъ сократился бы и рабочій день для взрослыхъ рабочихъ, такъ какъ безъ подростковъ фабрика не въ состояніи работать. «Десяти-часовой рабочій день для подростковъ» означалъ въ сущности 10-ти-часовой рабочій день для всѣхъ, работающихъ на фабрикахъ. Естественно, поэтому, что англійскіе рабочіе тотчасъ же откликнулись на воззваніе Остлера, и поднятое имъ движеніе получило названіе «движенія въ пользу 10-ти-часоваго рабочаго дня» (Ten-hours bill movement).

Остлеръ, при содѣйствіи своихъ новыхъ союзниковъ, взялся руководить внѣ-парламентской агитаціей и обсуждать этотъ вопросъ въ литературѣ. Но этого было недостаточно: нужно было найти среди парламентскихъ депутатовъ человѣка, который согласился бы защищать требованія рабочихъ въ парламентѣ, гдѣ въ то время не было еще ни одного представителя отъ самихъ рабочихъ. Такой человѣкъ нашелся. Это былъ консервативный ирландскій депутатъ Сэдлеръ, согласившійся внести въ парламентъ билль о десяти-часовомъ рабочемъ днѣ.

Сэдлеру пришлось выступить въ очень неблагоприятный для дѣла моментъ. Тридцатые годы были періодомъ блестящаго расцвѣта англійской промышленности. Фабриканты и промышлен-

ники сдѣлались тогда крупной общественной силой и оказывали огромное вліяніе на общество и на правительство. За ними было обезпечено большинство въ парламентѣ, и они вовсе не склонны были проводить такія мѣры, которыя были имъ прямо убыточны. Поэтому, они всѣми силами противились фабричному законодательству. Они взывали къ патріотическому чувству англичанъ, доказывая, что если только будетъ запрещена работа дѣтей на фабрикахъ, то англійскіе фабриканты раззорятся, Англія не будетъ въ состояніи конкурировать съ другими странами на международномъ рынкѣ, и все богатство и могущество Англіи пойдетъ прахомъ. Всѣ наиболѣе выдающіеся представители экономической науки того времени открыто стали на ихъ сторону. Ученые утверждали, что правительство не имѣетъ права вмѣшиваться въ отношенія между предпринимателями и рабочими, и что промышленность только тогда будетъ развиваться нормально, когда она будетъ совершенно представлена самой себѣ и освобождена отъ всякихъ стѣсненій. Охрана дѣтей и законодательное ограниченіе рабочаго дня считалось однимъ изъ самыхъ опасныхъ и вредныхъ стѣсненій. Самый вліятельный экономическій журналъ того времени—«The Economist»—все время велъ ожесточенную борьбу противъ фабричнаго законодательства. Газеты ссыпали насмѣшками Остлера и его друзей, которые рѣшились выступить на такую неравную борьбу. И дѣйствительно, борьба была неравная: съ одной стороны стояли сильные, богатые, сплоченные представители промышленности (фабриканты, желѣзнодорожники, банкиры и пр.), поддерживаемые наукой и печатью; съ другой—небольшой кружокъ совершенно невліятельныхъ частныхъ лицъ и фабричныя рабочіе. Но инициаторы движенія твердо вѣрили въ правоту своего дѣла и смѣло выступили на борьбу.

Начиная отъ промышленныхъ центровъ и кончая самыми глубокими, отдаленными деревушками—ведѣ усиленно ратовали за 10-ти часовую рабочій день. Въ газетахъ постоянно помѣщались статьи и корреспонденціи, посвященныя этому вопросу. Повсюду происходили митинги, куда стекались тысячи народа и гдѣ говорили вожаки движенія—Остлеръ, Сэдлеръ, Вудъ и др. Остлеръ сразу приобрѣлъ себѣ громадную популярность на этихъ митингахъ. Рѣчи его не отличались блестящимъ остроуміемъ или изысканнымъ краснорѣчіемъ, которое создаетъ успѣхъ ораторамъ, но онъ умѣлъ говорить необыкновенно просто, убѣдительно и тепло, и слова его находили себѣ откликъ въ сердцахъ рабочихъ, ремесленниковъ и крестьянъ, составившихъ его аудиторію. Рѣчь его

Не блистала красотой,
Но обладалъ онъ тайной слова,
Доступнаго душѣ простой.

Онъ не прибѣгалъ ни къ какимъ ораторскимъ эффектамъ, а попросту разговаривалъ со своими слушателями о томъ, что у каждого изъ нихъ давно наболѣло на душѣ, и всѣ съ жадностью прислушивались къ его словамъ. Массы народа стекались на митинги, гдѣ онъ говорилъ, и вскорѣ за нимъ установились прозвища: «короля рабочихъ дѣтей», «фабричнаго короля» и даже просто «короля Ричарда». Остлеръ рассказываетъ, что этотъ высокій титулъ достался ему слѣдующимъ образомъ: «Когда маленькіе школьники за что-нибудь разсердятся на большихъ, они оплачиваютъ имъ тѣмъ, что даютъ имъ прозвища. Совершенно также поступали мои богатые и могущественные враги—они давали мнѣ прозвище за прозвищемъ и въ концѣ концовъ окрестили меня «королемъ». Я, съ своей стороны, тотчасъ же присваивалъ себѣ всякое прозвище и, такимъ образомъ, обезоруживалъ ихъ. Они называли меня «глупцомъ», — я соглашался съ ними и говорилъ: «пусть я глупецъ, но все-таки ваша тиранія скоро прекратится». Они называли меня «сумасшедшимъ», — я опять соглашался и говорилъ: «пусть будетъ такъ, но все-таки побѣда останется за нами». Однажды они въ насмѣшку назвали меня «королемъ». Я, по обыкновенію, принялъ и эту кличку, но она такъ и осталась за мной. Рабочіе схватились за это прозвище, данное мнѣ врагами, и съ тѣхъ поръ, когда я появляюсь среди нихъ, меня привѣтствуютъ не иначе, какъ «короля Ричарда». Такимъ образомъ, теперь я сдѣлался «королемъ» и для друзей, и для враговъ».

Митинги, на которыхъ обсуждался вопросъ о 10-ти часовомъ рабочемъ днѣ, имѣли совершенно особый характеръ и не были похожи на обыкновенные политическіе митинги: на нихъ, вмѣстѣ съ рабочими, присутствовали и ихъ жены съ грудными младенцами, и старухи-матери, и дѣти, сами работающія на фабрикѣ. Рѣчи постоянно прерывались восклицаніями негодованія или сочувствія со стороны присутствующихъ, многіе плакали. По окончаніи рѣчей пѣлись хоромъ пѣсни, сочиненныя специально для этого случая, и общее одушевленіе охватывало всѣхъ.

На публичныхъ лекціяхъ для интеллигентной публики сообщались свѣдѣнія изъ анатоміи и фізіологіи человѣка и указывалось на разрушающее вліяніе непосильной работы на человѣческой организмъ. При этомъ показывались фотографіи искалѣченныхъ рабочихъ и т. д. Словомъ, Остлеръ и его сообщники пользовались всеми возможными средствами, чтобы возбудить въ обществѣ состраданіе къ фабричнымъ рабочимъ, и такая дѣятельность, конечно, создала имъ массу ожесточенныхъ враговъ среди фабрикантовъ.

*

Самый большой изъ іоркширскихъ митинговъ по поводу «билля о десяти-часовомъ рабочемъ днѣ» былъ грандіозный митингъ въ Іоркѣ 24 апр. 1832 г., имѣвшій цѣлью доказать парламенту, какъ горячо сочувствуетъ іоркширское населеніе этому биллю. На митингъ собрались представители не только всѣхъ главнѣйшихъ городовъ Іоркшира, но также и представители различныхъ деревень. Тысячи народа, въ томъ числѣ и женщинъ, и работающихъ на фабрикахъ дѣтей, стекались со всѣхъ концовъ Іоркшира.

Приготовленія къ нему чрезвычайно взволновали мѣстное общество. Возникли опасенія, что рабочіе на своемъ пути будутъ раззорять дома фермеровъ, что произойдутъ всевозможные поджоги, кражи и т. д. Но эти опасенія оказались совершенно неосновательными: митингъ прошелъ въ образцовомъ порядкѣ, имущество окрестныхъ жителей осталось неприкосновеннымъ, и манифестація удалась вполне.

Въ деревняхъ и фабричныхъ мѣстечкахъ дѣлались сборы для доставленія пилигримамъ съѣстныхъ припасовъ во время пути. Главное затрудненіе состояло въ томъ, что ни у кого не было подходящей обуви для предстоящаго долгаго путешествія. Нѣкоторые на прокатъ брали сапоги у сосѣдей, а другіе, болѣе энергичные и болѣе бѣдные, просто обертывали себѣ ноги кусками смазной кожи и безстрашно пускались въ путь въ такихъ незатѣйливыхъ ботинкахъ.

Огромныя массы народа въ большомъ порядкѣ двигались по направленію къ Іорку, распѣвая свои пѣсни про «маленькихъ фабричныхъ дѣтей». Первая остановка была въ Лидсѣ. Отдохнувъ тамъ нѣсколько часовъ, вся толпа къ вечеру опять двинулась въ путь. Ночь была очень темная. Нѣкоторые изъ путниковъ запаслись своеобразными свѣтильниками въ видѣ пучка старыхъ веревокъ, привязанныхъ къ палкѣ. Освѣщая себѣ путь такими факелами, процессія съ пѣснями двигалась впередъ и къ утру достигла Іорка. Но тутъ случилось одно непріятное обстоятельство: въ Іоркѣ для путниковъ долженъ былъ быть приготовленъ завтракъ изъ хлѣба, сыра и пива, но, по ошибкѣ распорядителей, хлѣбъ и сыръ были отправлены въ другое мѣсто, и усталымъ проголодавшимся пилигримамъ пришлось довольствоваться однимъ пивомъ. Въ толпѣ поднялся ропотъ, но какъ только появился Остлеръ, недовольные голоса сразу стихли, и всѣ, какъ одинъ человекъ, восторженно привѣтствовали его криками: «да здравствуетъ король Ричардъ!».

Старый городъ Іоркъ никогда еще не видалъ въ своихъ стѣнахъ такого страннаго собранія: явившіеся сюда со всѣхъ концовъ Іоркшира гости были почти исключительно оборванные, ни-

щенски одѣтые люди, измученные голодомъ и усталостью, съ трудомъ выбравшіеся изъ своего задохлустья, чтобы пошумать Остлера, Сэдлера, и др. Особенный энтузіазмъ вызвала рѣчь Остлера. Приведемъ изъ нея нѣсколько выдержекъ, чтобы дать понятіе о немъ, какъ о народномъ ораторѣ.

«Не будемъ касаться вопросовъ политики,—говоритъ онъ между прочимъ.—Если во многихъ вопросахъ мы съ вами не сходимся, то относительно одного мы съ вами согласны: нужно освободить нашихъ дѣтей отъ рабства, подъ бременемъ котораго они теперь изнываютъ. Забудемъ всѣ наши распри: пусть тори, виги и радикалы подадутъ другъ другу руки и общими силами стремятся къ освобожденію дѣтей... Я помню еще время, когда въ Англіи были тысячи домашнихъ мастерскихъ, хозяева которыхъ дома выдѣлывали сукно и потомъ продавали его на рынкѣ. Они зарабатывали 50, 100 и даже 200 ф. стерл. и жили въ довольствѣ; теперь же всѣ они доведены до нищеты или превратились въ наемныхъ рабочихъ. Я помню время, когда дѣти весело рѣзвились на лугахъ и были беззаботны и здоровы, какъ и подобаетъ быть дѣтямъ,—теперь это время прошло. Теперешнія дѣти цѣлые дни просиживаютъ за станками, въ душной фабрикѣ. Я чувствую, что повинуюсь голосу Бога, когда требую, чтобы дѣти снова были выпущены на волю... Законы нашей страны требуютъ, чтобы каждый гражданинъ зналъ законы своего государства. Но какимъ образомъ можно разъяснить какіе-бы то ни было законы подростку, который съ утра идетъ на работу, и къ ночи возвращается домой съ болью во всѣхъ суставахъ? Подумайте, что этимъ дѣтямъ предстоитъ еще цѣлая жизнь. Чему могутъ они научиться, какъ будутъ они смотрѣть на міръ, проведя все свое дѣтство въ четырехъ стѣнахъ фабрики? Когда я смотрю на жизнь фабричнаго ребенка, сердце мое переполняется ужасомъ при мысли, до какого эгоизма и черствости дошли люди, разъ они могутъ спокойно сидѣть, сложа руки, зная, что рядомъ съ ними такъ страдаютъ маленькія, беззащитныя существа», и т. д.

Манифестаціи, подобныя іоркскому митингу, имѣли большое значеніе: онѣ распространяли и поддерживали интересъ къ фабричнымъ дѣтямъ въ разныхъ слояхъ общества. Появилась цѣлая литература объ этомъ вопросѣ, и въ позднѣйшее время въ числѣ сторонниковъ фабричнаго законодательства были такіе люди, какъ Броунингъ, Рэскингъ, Карлейль, Диккенсъ и др. Но несмотря на это, билль о 10-ти часовомъ рабочемъ днѣ, внесенный Сэдлеромъ въ парламентъ въ 1832 г., былъ отвергнутъ, и Сэдлеру удалось только добиться назначенія парламентской комиссіи для изслѣдованія

вопроса. Комиссія, подъ предсѣдательствомъ самого Сэдлера, опросила 89-человѣкъ, среди которыхъ было много фабричныхъ рабочихъ, собранныхъ со всей Англїи. Ихъ показанія даютъ вѣрную картину жизни рабочихъ дѣтей того времени.

Одинъ суконщикъ, которому постоянно приходилось бывать на фабрикахъ, гдѣ онъ скупалъ сукно, рассказывалъ:

«По близости отъ меня находится около 30—40 большихъ шерстяныхъ фабрикъ, и я въ теченіи 20 лѣтъ имѣю возможность наблюдать за тѣмъ, что тамъ дѣлается. На всѣхъ этихъ фабрикахъ работаютъ дѣти, начиная съ 5-лѣтняго возраста. Лѣтомъ я часто видѣлъ дѣтей, отправляющихся на фабрику въ 5 или 6 ч. утра. Зимой дѣтямъ тоже приходится вставать очень рано, чтобы во-время поспѣть на фабрику. Одна женщина рассказывала мнѣ, что ея дѣвочка ходила на фабрику за двѣ версты, и такъ какъ у нихъ не было въ домѣ часовъ, то она вставала ночью около 2-хъ часовъ, боясь опоздать, и приходила на фабрику, когда тамъ все еще было заперто. Домой же дѣвочка возвращалась въ 11 ч. вечера. Работа ихъ продолжается до 10 час. вечера... Я бывалъ на фабрикахъ во всякіе часы дня и ни разу не видалъ, чтобы машины останавливались во время завтрака. Дѣти завтракаютъ во время работы. Отсутствие свободнаго времени для завтрака является общимъ правиломъ. Обращаются съ дѣтьми на фабрикахъ очень жестоко. Въ какое бы время ни придти на фабрику, непременно услышишь плачъ дѣтей, которыхъ бьютъ. Бьютъ ихъ, обыкновенно, длинными плетками съ желѣзными пластинками на концѣ. Я видѣлъ, какъ дѣтей били этими плетками по головѣ и какъ многія изъ нихъ падали на землю подъ тяжестью этихъ ударовъ, и когда я сказалъ: «о Боже мой, я бы не допустилъ, чтобы съ моимъ ребенкомъ такъ обращались»,—мнѣ отвѣтили: «а почему вы знаете, что онъ этого не заслужилъ».

Рабочій Іосифъ Габергамъ сообщилъ:

«Мнѣ было семь лѣтъ, когда я началъ работать на фабрикѣ. Работа продолжалась отъ 5 ч. утра до 8 ч. вечера (14½ часовъ), причежъ въ 12 ч. полагалось полчаса на отдыхъ и на завтракъ. Перерыва для обѣда не было: мы обѣдали во время работы, стараясь выискать свободную минуту. На этой фабрикѣ было около 50 дѣтей такого-же возраста, какъ и я. Дѣти очень часто хворали и многія отъ чрезмѣрной работы. Сама по себѣ работа была не очень трудна, но трудно было работать такъ много часовъ подъ-рядъ. Къ тремъ часамъ мы уже начинали чувствовать усталость и сонливость, а потомъ дѣлалось все хуже и хуже, и къ 6—7 часамъ мы совсѣмъ изнемогали. У насъ было три над-

смотрщика: одинъ былъ главнымъ, другой смотрѣлъ за чисткой машинъ, а третій назначался специально для того, чтобы бить дѣтей. Дѣтей били, чтобы побуждать ихъ къ непосильной работѣ, какъ бьютъ старую лошадь, которая упала и не можетъ подняться. Такъ у насъ шло изо дня въ день. Надзиратель непрерывно ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ съ хлыстомъ въ рукѣ, пуская его въ ходъ, какъ только кто изъ дѣтей переставалъ работать. Если бы не эти удары хлыстомъ, дѣтей невозможно было бы заставить такъ долго работать... Однимъ изъ требованій фабричной дисциплины было полное молчаніе. Дѣтямъ запрещалось говорить другъ съ другомъ, и если надзиратель замѣчалъ, что они разговариваютъ между собой, онъ тотчасъ же наказывалъ ихъ хлыстомъ».

По показанію другого свидѣтеля, на нѣкоторыхъ фабрикахъ практиковался еще слѣдующій способъ «подбадриванія» утомленныхъ дѣтей: ихъ, не раздѣвая, съ головой окунали въ чашъ съ холодной водой и затѣмъ въ мокрыхъ одѣяніяхъ отправляли опять на работу.

Наконецъ, одинъ изъ надсмотрщиковъ разсказалъ слѣдующую исторію объ одной маленькой фабричной работницѣ:

«Я зналъ одного бѣднаго человѣка, маленькая дочь котораго работала на нашей фабрикѣ. Она хворала и нѣкоторое время не ходила на фабрику. Потомъ она опять принялась за работу. Вотъ однажды приходитъ ко мнѣ ея отецъ и на глазахъ у него слезы. «Что случилось, Томасъ?» спрашиваю я. Онъ говоритъ: «Моя маленькая дочка умерла». Я спросилъ: «Когда же она умерла?» Онъ отвѣтилъ: «Сегодня ночью, и сердце мое надрывается, когда я подумаю, что утромъ она еще ходила на фабрику. Она не могла сама справиться со своей работой, и одинъ маленькій мальчикъ обѣщалъ помочь ей, если она дастъ ему полъ-пенни въ субботу. Я сказалъ, что дамъ ему пенни».—Но ночью, когда дѣвочка возвращалась домой, она нѣсколько разъ падала по дорогѣ отъ изнеможенія, и когда она, наконецъ, добрела до дому, то уже совсѣмъ не могла говорить. Въ эту ночь она и умерла. У дѣвочки не было никакой особенной болѣзни: она умерла просто отъ слабости и чрезмѣрнаго напряженія. Хотя она и не моя дочь,—заключилъ надсмотрщикъ,—но я не могу безъ жалости подумать, что ей пришлось такъ работать въ послѣдній день своей жизни».

Показанія докторовъ на этотъ разъ были совсѣмъ въ другомъ родѣ, чѣмъ вышеприведенныя заявленія ихъ коллегъ въ первой комиссіи. Всѣ опрошенные доктора единогласно признали, что фабрики, въ ихъ настоящемъ видѣ, являются разсадниками болѣзней и обезсилія дѣтей, и что для ребенка, даже и старше 12 лѣтъ, вредно работать болѣе 10-ти часовъ въ сутки.

Такимъ образомъ, всѣ показанія свидѣтелей, опрошенныхъ комиссіей 1832 г., несомнѣнно говорили въ пользу фабричнаго законодательства. Но Сэдлеру, тѣмъ не менѣе, не удалось провести своего билля, потому что, вскорѣ по окончаніи работъ комиссіи, парламентъ былъ распущенъ и предстояли новые выборы.

III.

На выборахъ Сэдлеръ былъ забаллотированъ, благодаря дружной оппозиціи мѣстныхъ фабрикантовъ, видѣвшихъ въ немъ опаснаго врага. Провалъ Сэдлера былъ тяжелымъ ударомъ для молодой и не успѣвшей еще окрѣпнуть партіи сторонниковъ фабричнаго законодательства, которая лишалась, такимъ образомъ, своего представителя въ парламентѣ. Нѣкоторые изъ болѣе передовыхъ и гуманныхъ членовъ парламента чрезвычайно сочувствовали биллю въ пользу десяти-часоваго рабочаго дня и готовы были всячески поддерживать его, но они были еще слишкомъ молоды и слишкомъ невліятельны, чтобы взять на себя проведеніе такого сложнаго и труднаго дѣла. Поэтому, послѣ долгихъ колебаній и размышленій, Остлеръ и его друзья рѣшились обратиться къ одному изъ видныхъ представителей консервативной партіи—лорду Ашлею, съ просьбой взять на себя внесеніе и защиту билля о десяти-часовомъ рабочемъ днѣ. Лордъ Ашлей согласился стать во главѣ этого движенія и сдѣлался парламентскимъ вожакомъ партіи. Тотчасъ же послѣ открытія сессіи онъ внесъ въ палату билль о десяти-часовомъ рабочемъ днѣ. Билль этотъ снова былъ отвергнутъ, и правительство назначило отъ себя комиссаровъ, которые должны были на мѣстѣ изслѣдовать положеніе дѣтей на фабрикахъ. Главная цѣль назначенія комиссаровъ заключалась въ томъ, чтобы на время отсрочить рѣшеніе вопроса. Предшествовавшая комиссія собрала уже такой обильный матеріалъ, что въ новыхъ фактахъ никакой нужды не было. При этомъ надѣялись, что комиссары соберутъ свѣдѣнія нѣсколько другого характера, чѣмъ комиссія Сэдлера, выводы которой, по мнѣнію большинства членовъ парламента, были «чрезвычайно односторонни». Рабочіе прекрасно поняли, что парламентъ желаетъ только затянуть и затормозить дѣло, и поэтому назначеніе комиссіи вызвало общее неудовольствіе среди фабричнаго населенія. Общественное мнѣніе склонялось къ тому, что назначеніе комиссаровъ есть дѣло фабрикантовъ и что показаніямъ ихъ нельзя довѣрять. Во многихъ мѣстностяхъ рабочіе рѣшились протестовать и отказывались давать показанія комиссарамъ. Комиссары были неприятно поражены общимъ недоверіемъ и недоброжелательствомъ,

съ какимъ ихъ всюду встрѣчали. Одинъ изъ нихъ обратился къ Остлеру и просилъ помочь имъ получить нужныя свѣдѣнія. Но Остлеръ отказался, сказавъ, что считаетъ назначеніе этой коммиссіи—продѣлкою враговъ рабочихъ. «Свѣдѣній уже собрано совершенно достаточно,—замѣтилъ онъ,—и всякая старая прачка можетъ засвидѣтельствовать вамъ, что для ребенка слишкомъ много работать даже и по 10 часовъ въ день».

Недовольство увеличивалось еще тѣмъ, что комиссары почти вездѣ пользовались гостепримствомъ фабрикантовъ и, видимо, были съ ними въ наилучшихъ отношеніяхъ. Всѣ были убѣждены, что отчетъ комиссаровъ будетъ въ пользу фабрикантовъ, но ожиданія эти не оправдались. Отчетъ комиссаровъ въ общихъ чертахъ подтвердилъ свѣдѣнія, полученные коммиссіей Сэдлера.

Однако, несмотря на признаніе существующаго зла даже королевскими комиссарами, билль лорда Ашлея, читанный во второй разъ въ парламентѣ, въ іюнѣ 1833 г., опять-таки былъ отвергнутъ. Воспользовавшись проваломъ билля, правительство внесло въ парламентъ новый проектъ фабричнаго закона, который относился только къ тѣмъ фабрикамъ, гдѣ выдѣлывались ткани, и на этихъ фабрикахъ ограничивалъ работу дѣтей и подростковъ до 18 лѣтъ—9 и 12 часами въ сутки. Для наблюденія за исполненіемъ закона впервые были назначены фабричные инспектора. Законъ этотъ, извѣстный подъ именемъ «закона лорда Альтропа», былъ принятъ парламентомъ и вступилъ въ дѣйствіе въ августѣ 1833 г. Но онъ оказался очень неудачной попыткой помочь рабочимъ. Прежде всего, онъ распространялся не на всѣхъ, а только на тѣхъ, которые работали на фабрикахъ, занимающихся выдѣлкой тканей; вся же остальная масса рабочихъ, занятыхъ въ копяхъ и во всѣхъ другихъ производствахъ, по прежнему оставалась безъ всякой защиты. Во вторыхъ, норма рабочаго дня была на 2 часа выше той, которую требовали рабочіе. Наконецъ, весь законъ въ сущности сводился къ нулю, потому что наказанія, налагаемыя за нарушеніе его, были такъ ничтожны, что фабриканты съ большой выгодой для себя, могли обходить его. Такъ, напр., если фабрикантъ заставлялъ работать сверхъ срока какое угодно число дѣтей, то это считалось такимъ же проступкомъ, какъ еслибъ онъ принуждалъ къ лишней работѣ *одного* ребенка, и наказывалось одинаково—незначительнымъ денежнымъ штрафомъ. Понятно, фабриканты воспользовались этой слабостью закона, вносили штрафы и продолжали по прежнему морить дѣтей и подростковъ за работой. Уже при самомъ началѣ дѣйствія новаго закона отступленія отъ него были такъ многочисленны, что это давало сильное орудіе въ руки

противникамъ всякаго правительственнаго вмѣшательства въ дѣла фабрикантовъ съ рабочими. «Вотъ къ чему приводитъ ваше вмѣшательство», говорили они парламенту. «Никто не слушается новаго закона, и онъ ведетъ только къ смутамъ и беспорядкамъ».

Рабочіе, съ своей стороны, были очень недовольны новымъ закономъ, и въ ихъ средѣ продолжалось прежнее движеніе въ пользу десяти-часоваго рабочаго дня. Остлеру удалось сгруппировать вокругъ себя кружокъ энергичныхъ и преданныхъ дѣлу лицъ, которыя работали вмѣстѣ съ нимъ и подготовляли почву для будущей реформы. Изъ нихъ наибольшимъ влияніемъ на народъ пользовались священникъ Буллъ и методистскій проповѣдникъ Райнаръ Стефенсъ.

Булль былъ сыномъ сельскаго священника, выросъ въ патриархальной, религіозной семьѣ и съ дѣтства готовился къ священническому сану. Окончивъ свое образованіе, онъ дѣйствительно сдѣлался священникомъ въ одномъ изъ промышленныхъ городковъ Йоркшира, гдѣ ему постоянно приходилось сталкиваться съ жизнью фабричнаго люда. Между нимъ и его прихожанами установились самыя дружескія, простыя отношенія, и когда въ Йоркширѣ началось движеніе въ защиту фабричныхъ дѣтей и въ пользу ограниченія рабочаго дня, Буллъ рѣшительно перешелъ на сторону рабочихъ и сдѣлался однимъ изъ самыхъ энергичныхъ дѣятелей. Онъ пользовался большою популярностью и издавалъ газету для рабочихъ, имѣвшую много подписчиковъ.

Стефенсъ былъ въ молодости методистскимъ проповѣдникомъ, но потомъ порвалъ сношенія со своей сектой и, оставаясь проповѣдникомъ, избиралъ для своихъ проповѣдей не религіозныя, а темы общаго характера. Онъ странствовалъ по селамъ и городкамъ Англій и вездѣ проповѣдывалъ подъ открытымъ небомъ, собирая вокругъ себя тысячи слушателей. Небольшого роста и невзрачной наружности, онъ обладалъ выдающимся краснорѣчіемъ, и проповѣди его были проникнуты рѣдкимъ одушевленіемъ и дышали негодованіемъ противъ безсердечнаго отношенія къ фабричнымъ дѣтямъ. Онъ былъ очень друженъ съ Буллемъ и Остлеромъ, хотя расходился съ ними въ политическихъ взглядахъ.

Стефенсъ, Буллъ, Остлеръ и молодой членъ парламента Фильденъ составляли ядро партіи сторонниковъ фабричнаго законодательства. Къ нимъ примыкали, съ одной стороны, рабочіе, съ другой—люди различныхъ общественныхъ классовъ: священники, доктора, и даже нѣкоторые фабриканты. Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, слѣдовавшихъ за проведеніемъ закона лорда Альтропа, въ парламентѣ наступило затишье по вопросу о фабричномъ законо-

дательствѣ. Наконецъ, въ 1840 г., послѣ 6-ти-лѣтняго перерыва, лордъ Ашлей снова выступилъ въ парламентъ съ предложеніемъ объ ограниченіи дѣтскаго труда. Онъ предложилъ назначить комиссію, которая занялась бы изслѣдованіемъ положенія дѣтей, въ тѣхъ промышленныхъ заведеніяхъ, на которыя не распространялось дѣйствіе закона лорда Альтропа, т.-е. въ копяхъ, на металлическихъ, машиностроительныхъ, стекляныхъ и тому подобныхъ заводахъ. Работы этой комиссіи продолжались болѣе двухъ лѣтъ и результатами явилось обширное изслѣдованіе, въ которомъ подробно описывалось положеніе дѣтей въ англійской промышленности. Собранные факты показали, какія ужасныя вещи все еще творятся тамъ и какъ ничтожно все, что до сихъ поръ было сдѣлано законодательствомъ, въ сравненіи съ громадною существующаго зла. Оказалось, что во всѣхъ неурегулированныхъ закономъ отрасляхъ производства продолжаютъ существовать тѣ самые порядки, о которыхъ уже столько говорилось и писалось въ теченіи послѣднихъ 10-ти лѣтъ. Въ производствѣ машинныхъ кружевъ дѣти, начиная съ 6-ти лѣтъ, работали по 15 часовъ въ день; въ отчетѣ указывается даже одинъ случай, когда *двухъ-лѣтній* ребенокъ тоже имѣлъ какое-то занятіе въ одной изъ такихъ мастерскихъ. На стекляныхъ и ситцепечатныхъ фабрикахъ шла ночная работа, въ другихъ заведеніяхъ рабочій день продолжался 18 и болѣе часовъ, и т. д. Но самые ужасные факты сообщались отчетомъ относительно работы дѣтей въ копяхъ. Большая часть дѣтей, работавшихъ тамъ, была 8-ми- и 9-ти-лѣтняго возраста, но попадались и шести, пяти и даже четырехлѣтнія. Работа этихъ несчастныхъ дѣтей сама по себѣ была несложна и нетрудна: она заключалась въ томъ, чтобы открывать и закрывать двери при проѣздѣ тачекъ съ углемъ, но она продолжалась все время, пока въ шахтахъ шла работа. При этомъ дѣти весь день сидѣли въ темнотѣ и въ полномъ одиночествѣ. Однообразіе нарушалось только проѣзжающими взадъ и впередъ тачками съ углемъ. Зимой эти дѣти по цѣлымъ недѣлямъ не видятъ дневного свѣта, потому что они спускаются въ шахту рано утромъ, пока еще темно, и выходятъ изъ нея вечеромъ. Дѣти постарше, начиная съ 6 лѣтъ, должны были возить тачки съ углемъ отъ мѣста работы до выхода шахты; по отзывамъ всѣхъ свидѣтелей, эта работа превышала силы дѣтей и была для нихъ очень тяжела. Въ нѣкоторыхъ шахтахъ дѣти на спинѣ таскали вязанки угля вверхъ по лѣстницѣ. Въ огромномъ большинствѣ шахтъ ночная работа являлась общимъ правиломъ. Комиссія обратила вниманіе также на то, что работающія

на фабрикахъ и въ копяхъ дѣти, обыкновенно, не получаютъ никакого образованія, и что умственный уровень ихъ крайне низокъ. Такъ, въкоторыя дѣти, работающія на фабрикахъ въ Вольфергамптонѣ, давали слѣдующія опредѣленія личности Иисуса Христа. Одна дѣвочка заявила: «Я знаю, кто былъ Иисусъ Христосъ. Онъ умеръ на крестѣ и пролилъ свою кровь, чтобы спасти Сына Божьяго». Другой юноша 16-ти лѣтъ полагалъ, что Иисусъ Христосъ много лѣтъ тому назадъ былъ королемъ Лондона. Одинъ 14-лѣтній юноша сказалъ: «Я слышалъ, что Богъ сотворилъ міръ и потомъ утопилъ всѣхъ людей, кромѣ одного. Этотъ одинъ былъ маленькой птичкой». Другой признался, что, по его мнѣнію, «чортъ—славный малый, гдѣ онъ живетъ—не знаю». Объ историческихъ герояхъ дѣти никогда и не слыживали, но зато они во всѣхъ подробностяхъ были знакомы съ исторіей извѣстнаго въ то время мошенника Дика Турпина и другихъ подобныхъ дѣятелей. Относительно всѣхъ другихъ вопросовъ дѣти имѣли такія же смутныя понятія, какъ и объ религіи. Многія дѣти не могли даже отвѣтить на вопросъ, въ какой странѣ они живутъ. Одинъ 12-лѣтній мальчикъ сознался, что онъ никогда даже не слышалъ, что есть на свѣтѣ страна, называемая Англійей. Король, по мнѣнію дѣтей, «это человекъ, которому принадлежатъ всѣ деньги и все золото».

Въ отчетѣ обращается также вниманіе на то, что большинство работающихъ на фабрикѣ дѣтей точно лишены всякихъ нравственныхъ понятій. «Нельзя сказать, чтобы эти дѣти были особенно злы и порочны,—замѣчаетъ одинъ изъ составителей отчета м-ръ Горнъ,—но у нихъ совершенно отсутствуетъ нравственное чувство. Я приписываю это, главнымъ образомъ, тому, что они въ столь раннемъ возрастѣ уже посылаются на работу, и родители ихъ заботятся, главнымъ образомъ, объ ихъ заработкѣ. Дѣти инстинктивно чувствуютъ, что они представляютъ собою не болѣе, какъ одну изъ составныхъ частей машины. Вслѣдствіе постоянной работы и пребыванія внѣ дома, любовь ихъ къ семьѣ мало-по-малу слабѣетъ и, наконецъ, совсѣмъ исчезаетъ». Предоставленные самимъ себѣ, дѣти дичаютъ и тупѣютъ, лишеныя всякихъ развивающихъ вліяній и нравственной поддержки. «Многія изъ дѣтей,—продолжаетъ тотъ же м-ръ Горнъ,—сами сообщали мнѣ, что они ежедневно работаютъ по 12—14 часовъ въ сутки и всѣмъ этимъ трудомъ вырабатываютъ 1½ шил. (75 к.) въ недѣлю, причѣмъ сами они не пользуются ни единой полушкой изъ своего заработка; одѣты они были въ лохмотья и, по ихъ собственнымъ словамъ, постоянно не доѣдали, не досыпали и часто претерпѣвали

нобои. Тѣмъ не менѣе, многія изъ этихъ бѣдныхъ дѣтей нисколько не жаловались и отвѣчали на предлагаемые вопросы, что они «работаютъ съ удовольствіемъ» и «бываютъ наказываемы, когда заслуживаютъ этого». Они, очевидно, и не представляли себѣ, что можетъ быть какая-нибудь другая жизнь, и считали вполне нормальнымъ—изо дня въ день, тотчасъ послѣ вставанія, отправляться на работу и работать до тѣхъ поръ, пока имъ не прикажутъ перестать. Раньше ихъ никогда не спрашивали: не устали ли они?—и многія изъ нихъ были совершенно не въ состояніи понять смыслъ такого вопроса».

Факты, собранные комиссіей, снова подняли въ обществѣ интересъ къ участи рабочихъ дѣтей и доказали ему, что агитация Остлера и его друзей оправдывалась дѣйствительнымъ положеніемъ вещей. Но въ это время сторонниковъ реформы постигъ неожиданный ударъ: ихъ дѣятельный и вліятельный вождь, «король Ричардъ», былъ заключенъ въ тюрьму за долги. Случилось это такъ: Остлеръ нѣсколько разъ занималъ довольно крупныя суммы у помѣщика м-ра Торнгилля, у котораго онъ служилъ управляющимъ, и рассчитывалъ погасить этотъ долгъ вычетами изъ своего жалованья. Но когда Остлеръ сталъ во главѣ движенія въ пользу 10-тичасового дня, у него начались по этому поводу разногласія съ его хозяиномъ, и въ концѣ концовъ тотъ лишилъ его мѣста. Остлеръ очутился, такимъ образомъ, на старости лѣтъ безъ всякихъ средствъ къ существованію и вдобавокъ еще съ порядочнымъ долгомъ на шеѣ. Онъ надѣялся, что такой богатый человѣкъ, какъ его бывшій хозяинъ, не станетъ особенно прижимать его этимъ долгомъ, тѣмъ болѣе, что ихъ связывали старинныя дружескія отношенія, такъ какъ еще отецъ Остлера служилъ управляющимъ у отца нынѣшняго помѣщика, и самъ Остлеръ получилъ эту должность какъ-бы по наслѣдству. Но надежды его не сбылись: политическая вражда до такой степени обострила ихъ отношенія, что м-ръ Торнгилль возбудилъ противъ него искъ, взыскивая слѣдующую ему сумму. Остлеръ, конечно, не въ состояніи былъ заплатить долга, и его заключили въ долговую тюрьму,—въ ту самую которая описана Диккенсомъ въ его «Пиквикскомъ клубѣ».

Въ тюрьмѣ Остлеръ провелъ 4 года. Онъ пользовался тамъ, сравнительно, большою свободой и продолжалъ работать для дорогого ему дѣла, издавая еженедѣльную «Тюремную газету», въ которой печатались статьи по вопросу о положеніи рабочихъ и о необходимости фабричнаго законодательства. Онъ постоянно видѣлся съ друзьями, сообщавшими ему послѣднія новости, и, кромѣ того, принималъ многочисленныхъ посѣтителей изъ иностранцевъ.

Одинъ изъ друзей Остлера слѣдующимъ образомъ описываетъ свой визитъ къ старому «королю въ изгнаніи»: «Я нашелъ м-ра Остлера бодрымъ и здоровымъ, но нѣсколько похудѣвшимъ, потому что, благодаря постоянной работѣ по изданію журнала, чтенію и обширной корреспонденціи, онъ никакъ не можетъ установить для самого себя 10-тичасового рабочаго дня. За завтракомъ у «его величества» насъ собралось 8 человекъ; между прочимъ, было два польскихъ графа, одинъ французскій офицеръ, два издателя журналовъ и пр. Комната его не велика; вмѣсто трона, монарху пришлось сидѣть на своей постели, предоставивъ намъ стулья; угощеніе состояло изъ кофе съ буттербродами, и, несмотря на все это, мнѣ рѣдко приходилось присутствовать на болѣе оживленномъ и пріятномъ завтракѣ».

Примирившись со своимъ заключеніемъ, Остлеръ мирно жилъ и работалъ въ тюрьмѣ. Но годы все-таки начинали сказываться, и тюремное заключеніе не могло не отозваться на его здоровья. Силы его замѣтно слабѣли, что внушало серьезныя опасенія его друзьямъ. Они открыли общественную подписку и скорѣ собрали требуемую сумму, которую вручили м-ру Торнгиллю. Остлеръ былъ освобожденъ изъ тюрьмы и вернулся въ Гуддерсфильдъ. Возвращеніе на родину было настоящимъ триумфомъ для «фабричнаго короля». Тысячныя толпы народа восторженно привѣтствовали своего стараго вождя, который вернулся изъ тюрьмы значительно измѣнившимся и постарѣвшимъ, но попрежнему полнымъ молодой силы и энергіи.

Скорѣ послѣ этого Остлеру удалось, наконецъ, увидѣть осуществленіе той задачи, ради которой онъ 20 лѣтъ работалъ и боролся: въ 1847 году радикалъ Фильденъ снова внесъ въ парламентъ билль о десятичасовомъ рабочемъ днѣ, въ общихъ чертахъ совершенно схожій съ биллемъ Оувна, составленнымъ 32 года тому назадъ. Билль этотъ, наконецъ, прошелъ въ парламентъ.

Такимъ образомъ, Остлеръ исполнилъ клятву, которую онъ далъ себѣ 20 лѣтъ назадъ. Теперь ему оставалось только отдыхать отъ трудовъ. Но борьба въ защиту фабричныхъ дѣтей обошлась ему очень дорого: онъ лишился мѣста, потерялъ всѣ свои средства и долженъ былъ теперь доживать свои дни на счетъ общественной благотворительности. Но помощь, которая ему оказывалась, не могла тяготить его: онъ сознавалъ, что вполне заслужилъ ее, и, кромѣ того, видѣлъ кругомъ себя столько любви и признательности, что это служило ему лучшимъ вознагражденіемъ. Приведемъ отрывки изъ одного письма къ нему гуддерсфильдскихъ рабочихъ. Письмо было адресовано:

«Ричарду Остлеру, королю фабричныхъ дѣтей».

«Дорогой старый другъ! Вы не забыты. Гуддерефильдскіе рабочіе никогда не перестанутъ вспоминать васъ — своего друга, короля фабричныхъ дѣтей. Мы знаемъ, что ваша дѣятельность, бывшая такой плодотворной для насъ, сдѣлала васъ бѣднымъ и, зная это, мы увѣрены, что вы не отвергнете предлагаемаго при семъ подарка—пиджачную пару, пальто и шляпу. Все это самаго лучшаго качества и работы и куплено на деньги, собранныя у людей, которыя не могутъ дать многого, но хотятъ все-таки выразить вамъ свою благодарность и свою сердечную любовь. Этими они хотятъ вернуть вамъ хоть малую часть того, чѣмъ они и дѣти ихъ обязаны вамъ. Мы не сомнѣваемся, что тѣ жертвы, которыя вы принесли въ борьбѣ за 10-тичасовой рабочій день, сражаясь со слабыми противъ сильныхъ, хотя и лишили васъ удовольствия и комфорта, даютъ вамъ нравственное удовлетвореніе, которое нельзя купить за деньги. Мы знаемъ—вы, навѣрное, чувствуете, что прожили не даромъ... Мы отъ души просимъ васъ принять нашъ небольшой подарокъ и убѣждены, что онъ не понравится вамъ менѣе отъ того, что онъ подносится вамъ простыми рабочими. Чтобы все было сшито какъ слѣдуетъ, мы заказали пиджакъ у вашего прежняго портного».

Въ припискѣ къ письму говорится: «Въ одномъ изъ кармаповъ жилетки вы найдете два соверена, которые оказались лишними, потому что въ магазинѣ съ насъ не взяли денегъ за сукно, узнавъ, что оно предназначается на подарокъ вамъ».

Старый король съ благодарностью принялъ отъ своихъ бывшихъ подданныхъ подарокъ и 2 соверена, и написалъ имъ въ отвѣтъ письмо, подробно описывая свою жизнь «на покой»,—письмо очень характерное для Остлера.

«Представьте себѣ, — пишетъ онъ имъ, — старика, вполне удовлетвореннаго тѣмъ участіемъ, которое онъ когда-то принималъ въ жизненной борьбѣ, съ хорошими воспоминаніями въ прошломъ и свѣтлыми надеждами на будущее. Онъ живетъ въ хорошенькомъ маленькомъ коттеджѣ, окруженномъ садомъ, Коттеджъ стоитъ на небольшомъ холмѣ, съ котораго открывается видъ на старый городъ, отдѣленный отъ коттеджа садами и лугомъ. Прямые линіи городскихъ зданій неясно виднѣются сквозь зелень садовыхъ деревьевъ. Старикъ часто подолгу сидитъ у порога своего домика и смотритъ вдаль, на растилающіяся кругомъ поля, тропинки, лѣски и кустарники, на фермы и коттеджи, виднѣющіеся среди зелени. Мимо него проносятся поѣзда, которые напоминаютъ ему о неустанной торговой дѣятельности людей, но онъ предпочи-

таетъ сельскія картины, окружающія его. Онъ проводитъ много времени въ своемъ саду, занимается разведеніемъ цвѣтовъ и огородничествомъ. Семья старика не велика, но очень счастлива: съ нимъ живетъ его жена, бывшая ему всегда вѣрнымъ и дорогимъ другомъ въ счастья и несчастья, и старая служанка, которую они любятъ какъ родную.

По мнѣнію многихъ людей, этотъ старикъ можетъ быть названъ бѣднымъ, но самъ онъ считаетъ себя очень богатымъ. Онъ получаетъ деньги со всѣхъ сторонъ — отъ священниковъ, фермеровъ, членовъ парламента, купцовъ, фабрикантовъ и изъ благодарныхъ ручекъ маленькихъ фабричныхъ дѣтей. Скажите же, мои старые друзья, развѣ этотъ человѣкъ не богатъ? Онъ открылъ истинную тайну счастья и живетъ теперь изъ года въ годъ, въ мирѣ и покоѣ».

Билль 1847 г. не устранилъ всѣхъ злоупотребленій и несправедливостей въ современномъ положеніи фабричной промышленности. Это былъ только первый шагъ въ борьбѣ съ существующимъ зломъ. Но билль о 10-ти часовомъ рабочемъ днѣ замѣчательнъ тѣмъ, что онъ былъ первой крупной побѣдой рабочаго сословія въ его борьбѣ съ фабрикантами, и побѣда эта навсегда связана съ именемъ неутомимаго «фабричнаго короля»—Ричарда Остлера.

Л. Давыдова.

СТИХОТВОРЕНІЯ НИКОЛАЯ МИХАЙЛОВИЧА ЯДРИНЦЕВА.

Извѣстный сибирскій публицистъ и писатель Н. М. Ядринцевъ, умершій въ 1894 г., не былъ поэтомъ въ точномъ смыслѣ. Его стихотворенія, очень немногія по количеству, носятъ совершенно случайный характеръ и, очевидно, являлись удовлетвореніемъ минутныхъ порывовъ въ стихотворной формѣ подъ вліяніемъ лирическаго или юмористическаго настроенія,—тѣмъ болѣе, что и его проза часто становилась музыкальной, изящной и размѣренной, какъ стихи. Въ душѣ его жили истинно художественные инстинкты, благодаря которымъ все, во что онъ вѣрилъ, что любилъ, чему поклонялся—облекалось въ художественные образы. Такимъ воплощеніемъ его фантазіи была его родная Сибирь, которую онъ постоянно рисовалъ молодой красавицей, то страдающей, то дремлющей, то униженной, то очаровательной въ ея юной, нетронутой красотѣ. Онъ обращается къ ней со словами: «дорогая, безцѣнная, возлюбленная!» Онъ говоритъ: «всю жизнь я слѣдилъ за нею, всю жизнь я кидалъ ей цвѣты, всю жизнь посылалъ горячіе поцѣлуй, не заботясь, чтобы она знала имя поклонника, не требуя награды»... Онъ часто шутя сравнивалъ себя съ средневѣковымъ рыцаремъ и называлъ Сибирь «дамой своего сердца», во имя которой онъ всю жизнь боролся и страдалъ.

Его дама не была къ нему милостива. «Сколько разъ,—говорилъ онъ.—я закаивался возвращаться въ Сибирь, возвращаться, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока возможно будетъ хоть малѣйшее существованіе тамъ человѣка въ настоящемъ, а не въ фиктивномъ смыслѣ, пока создается хоть какая-нибудь нравственная атмосфера. Зачѣмъ? къ чему это возвращаться?—говорилъ я себѣ, и силлся вырвать изъ груди своей эту старую привязанность, эту жгучую больную тоску. Однако, сколько я ни боролся съ собой, какъ хорошо ни сознавалъ, что изъ нашей встрѣчи ничего не выйдетъ, кромѣ рокового недоразумѣнія, комическаго столкновенія и празднаго зрѣлища для равнодушнаго общества,

сколько я ни раздумывалъ, что послѣ многихъ мытарствъ встрѣчу, вмѣсто родственныхъ объятій, знакомый крикъ «ату его!»—тѣмъ не менѣе, я все-таки возвращался»... (В. О. 1884 г., № 24).

Онъ зналъ всѣ недостатки своей страны, и иногда съ грустнымъ добродушіемъ набрасывалъ юмористическія картинки, какъ, напр., приводимые ниже «Сибирскіе мотивы». Онъ умѣлъ отыскивать въ этомъ краю, съ столь странною печальною судьбой, стороны, въ которыхъ ему свѣтилось лучшее будущее. Онъ вѣрилъ въ будущее родины, любилъ ее горячѣе, беззавѣтной любовью, и часто высказывалъ желаніе умереть въ родной землѣ подъ «родными желтыми лиліями». Какой глубокой нѣжностью звучатъ его слова: «наступитъ тишина, безмолвіе смерти... И когда-нибудь я удалюсь отъ тебя, моя родина. Не услышишь ты моего голоса, но легче ли тебѣ будетъ, дорогая?..» (В. О. 1884 г., № 24).

Приводимыя ниже стихотворенія, найденныя въ его посмертныхъ бумагахъ, отражаютъ эти же мотивы. И если можно ихъ критиковать со стороны невыдержанности и необработанности формы, то, опять повторяемъ,—онъ, вѣдь, и не былъ творцомъ-поэтомъ *).

Н. Я—ва.

СИБИРСКІЕ МОТИВЫ.

На родимую сторонку
 Ъду къ празднику въ село,
 Но родимую дорожку
 Всю-то снѣгомъ замело.
 Изъ ухаба да въ ухабы,
 Изъ нырка несетъ въ нырокъ.
 Стали лошади въ канавѣ,
 На боку лежитъ возокъ.
 Ъхалъ къ сроку—не доѣхалъ,
 Цѣлъ собрался быть—избитъ,
 Распролятая дорожка!
 Таеъ ямщикъ ее язвить.
 Сталъ обозъ — глядишь, въ сугробѣ;

*) Подстрочныя примѣчанія къ стихотвореніямъ сдѣланы Г. Н. Потанинымъ.

На подмогу—кошева. *)
 Сразу срѣзали два мѣста **).
 Здѣсь нажива дешева!
 Дорогá дорожка эта.
 Правятъ изъ году года,
 Но проходу и проѣзду
 Не бываетъ нивогда.
 Мужики затыловъ чешутъ,
 Проѣзжающій—бока,
 Лишь исправнивамъ дорожка
 И доходна, и гладка.

Ж А Л О Б А.

(Вписанная въ жалобную книгу въ деревнѣ Семилужкахъ, на первой станціи отъ Томска).

Здѣсь въ деревнѣ Семилужной
 Родился писатель скромный,
 И живи онъ тихо, мирно,
 Былъ бы онъ талантъ огромный ***).

* * *

Но писатель Семилужной
 Угодилъ подъ чью-то лапу
 И, какъ слѣдуетъ, былъ высланъ
 Изъ селенья по этапу.

* * *

Съ этихъ поръ въ село родное
 Ходитъ тайно на свиданье
 И съ бродягами у оконъ
 Проситъ скромно подаянья.

* * *

*) Обозы съ чаемъ, идущіе по Иркутскому тракту, нерѣдко подвергаются нападенію лихихъ людей, которые, пользуясь пасмурной погодой, ночной темнотой или роговѣйствомъ ямщиковъ, ловко срѣзываютъ цибики съ чаемъ и увозятъ. Эти вору подѣбаваютъ къ обозу въ «кошевыхъ», т. е. въ глубокихъ саняхъ, бока которыхъ обиты рогожей или войлокомъ.

**) Мѣстомъ или цибикомъ называется ящикъ, сшитый изъ сырой коровьей шкуры шерстью внутрь; въ такихъ ящикахъ чай идетъ отъ Кяхты до Нижегородской ярмарки.

***) Н. М. Ядринцевъ провелъ дѣтскіе годы въ Томскѣ и изъ имени пригородной деревни составилъ свой псевдонимъ Семилуженскій; подъ писателемъ, родившимся въ д. Семилужной, онъ, конечно, разумѣетъ себя, но въ дѣйствительности онъ родился въ г. Омскѣ и въ данномъ стихотвореніи подъ деревней подразумѣвается Сибирь.

Въ Семилужной пѣсни, пляски,
 Въ Семилужной плачь и вой,
 Засѣдательская встряска,
 Кражи, буйства и разбой *).

* * *

А писатель добродушный **),
 Весь избитъ, и хилъ, и старъ,
 Все такой же благодушный,
 Славить прелесть Семилужной.

ВОЗВРАЩЕНІЕ КРЕСТОНОСЦА.

Онъ вернулся утомленный,
 Солнцемъ гоби ***) опаленный,
 Сбросилъ съ плечъ свой плащъ походный,
 Снявъ тяжелый крестъ и мечъ
 И предъ дамой, преклоненный,
 Говорить такую рѣчь:
 — Я пришелъ къ тебѣ все тотъ же,
 Та жъ печаль туманитъ взоръ.
 Въ безднахъ горя не схоронишь,
 Не закинешъ въ выси горъ.
 Если знаешь тайну жизни:
 Какъ забыться,—научи!
 Укроти мой духъ мятежный
 И рукой своею нѣжной,
 Раны сердца залѣчи!..

*) Намеки на послѣдствія штрафной колонизаціи Сибири.

***) Намекъ на другой псевдонимъ Ник. Михайловича: «Добродушный сибирякъ», который онъ придумалъ въ подражаніе «Добродушному господину», псевдониму другого сибиряка Григ. Зах. Елисѣева.

***) Слово «гоби» по монгольски значитъ пустыня или вѣрнѣе всякая равнина, что фактически въ Средней Азіи совпадаетъ. Въ монгольскомъ словарѣ «гоби» нарицательное, и только въ нашихъ географіяхъ ему дается значеніе имени собственнаго для центральной монгольской пустыни.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЖИЗНИ.

РОМАНЪ.

К. М. Станюковича.

(Продолженіе *).

Х.

Только благодаря сознанию важности принятых на себя обязанностей, „графъ“ въ этотъ вечеръ обнаружилъ воистину героическую силу характера, ограничившись всего пятью рюмками водки и полубутылкой краснаго вина.

Давно ужъ онъ не ѣлъ такого вкуснаго обѣда, напомнившаго ему лакомыя блюда былыхъ временъ, давно ужъ не позволялъ себѣ такой роскоши, какъ вино. И онъ ѣлъ съ аппетитомъ проголодавшагося человѣка, соблюдая, однако, видъ джентльмена, имѣющаго обыкновеніе обѣдать болѣе или менѣе хорошо каждый день.

„Графъ“ нѣсколько оживился, покончивъ обѣдъ. Глаза его слегка блестя дьянымъ блескомъ. Онъ чувствовалъ потребность завершить обѣдъ маленькой чашкой кофе и, разумѣется, съ рюмкой коньяку.

Одну только рюмочку... всего одну!

Но въ тотъ самый моментъ, когда „графъ“ величественнымъ жестомъ руки подозвалъ лакея, чтобы отдать соотвѣствующее приѣзаніе, въ головѣ его, весьма кстати, пронеслась мысль объ Антошеѣ, и вслѣдъ затѣмъ онъ вспомнилъ, что коньякъ, особенно недурной, можетъ увлечь его далеко за предѣлы благоразумія и бюджета и значительно отдалить

*) См. «Миръ Божій», № 2, февраль 1895 г.

время возвращенія домой... За одной рюмкой любимаго имъ напитка можетъ послѣдовать другая, третья, четвертая, и тогда... что будетъ тогда съ Антошеиними деньгами, и гдѣ онъ самъ проведетъ ночь?

— Что прикажете? — довольно небрежно освѣдомился лакей, точно сконфуженный, что ему пришлось служить такому подозрительному господину.

Душевная борьба видимо еще не кончилась, потому что „графъ“ не сразу отвѣчалъ, что ему угодно.

Еще секунда, другая, и онъ рѣшительно спросилъ:

— Что съ меня слѣдуетъ?

— Рубль шестьдесятъ пять копѣекъ.

— Сдачи не надо! — небрежно кинулъ „графъ“, подавая два рубля, и торопливо вышелъ изъ ресторана, словно бы боялся, что рѣшеніе его можетъ внезапно измѣниться.

Вернулся онъ домой, чуть-чуть захмѣлѣвшій, но совершенно твердый на ногахъ. Онъ былъ возбужденно веселъ и доволенъ собой, какъ человѣкъ, избѣжавшій серьезной опасности.

— Ну вотъ и я, Антошка! Здравствуй, братъ! — весело проговорилъ „графъ“, входя въ комнату и выкладывая на столъ нѣсколько свертковъ, многочисленность которыхъ нѣсколько удивила обрадованнаго появленіемъ „графа“ Антошку.

— Заябли, графъ?..

— Нисколько... Ничуть... Чувствую, братъ, себя превосходно... Теперь мы съ тобой обезпечены на недѣлю чаемъ и сахаромъ! — сказалъ „графъ“, похлопывая рукой по двумъ сверткамъ... — Четверть фунта чая и пять фунтовъ сахара!.. А вотъ тутъ кое-что и для тебя есть, Антошка! — ласково подмигнулъ „графъ“. — Останешься доволенъ.

Онъ снялъ шляпу, снялъ пальто, бережно повѣсилъ на гвоздь и потрепалъ Антошку по щекѣ.

— Вѣрно, сегодня хорошо работали съ письмами, графъ? — спросилъ Антошка съ участиемъ.

— Недурно работаль, какъ ты выражаешься, — засмѣялся „графъ“... — И съ письмами, и такъ... благодаря ораторскому искусству... А ты, пожалуй, правильнѣ смотришь на вещи, называя это работой. Собственно говоря, такое занятіе — очень непріятная и тяжелая работа, хотя люди и называютъ

насъ нищими бездѣльниками! Пусть-ка его превосходительство, мой братецъ, попробуетъ такой работы... Ха-ха-ха!.. Да, сегодня я недурно работалъ, Антошка... Однако, не такъ хорошо, какъ надѣялся...

— Не на всѣ письма былъ отвѣтъ?

— Ты сообразительный мальчижъ! Именно не на всѣ... Но все-таки для начала твоей экипировки кое-что получено... Можно тебѣ и нѣсколько бѣлья сдѣлать, и сапоги купить и даже приобрести у татарина какую-нибудь принадлежность востюма. Напримѣръ, жакетку или панталоны, что-ли... Сразу, братъ, полное благополучіе не достигается... Нѣтъ! Но ты этимъ не смущайся... Я тебѣ весь востюмъ сдѣлаю и полушубокъ куплю! Непремѣнно и въ скоромъ времени!—увѣренно повторилъ „графъ“, ласково глядя на Антошку.—А пока, вотъ попробуйка-ка эту штучку, — прибавилъ „графъ“, вынимая изъ одного изъ пакетовъ красную пастилку.

Антошка рѣшительно былъ подавленъ такою заботой объ его востюмѣ и такимъ вниманіемъ. Эта заботливость трогала и смущала его тѣмъ болѣе, что пальто самого „графа“, по мнѣнію Антошки, не должно было въ достаточной степени защищать отъ холода.

Онъ быстро проглотилъ вкусную „штучку“ и молчалъ, не находя словъ для изъявленія благодарности, и въ то же время недоумѣвалъ, какъ это „графъ“ можетъ такъ хорошо „работать“, чтобы съ такою увѣренностью говорить о полушубкѣ, и почему онъ до сихъ поръ не позаботился о собственномъ пальто. Это, казалось ему, было непростительной ошибкой съ его стороны.

— Мнѣ вовсе не надо полушубка. Зачѣмъ мнѣ полушубокъ, ежели вы не будете посылать меня на работу? — вымолвилъ, наконецъ, Антошка.—Мнѣ никакого даже костюма не надо... Здѣсь тепло... Вотъ вамъ, графъ, ежели, напримѣръ, въ пальто да теплый воротникъ...

— Обо мнѣ не безпокойся, добрый мой мальчижъ, — возразилъ „графъ“, тронутый такою деликатностью Антошка. — Я знаю секретъ, какъ согрѣться, если очень холодно...

— И я знаю, графъ.

— Ты? Какой же твой секретъ?

— Я пробовалъ. Бывало, заколѣешь отъ холода, выпьешь шкалижъ, и будто теплѣе...

— Никогда больше не пробуй, Антошка!—строго и торжественно сказалъ „графъ“, и прибавилъ:—Ахъ бѣднѣй, бѣднѣй! Такой маленькій и ужъ согрѣвался водкой!

— Никакъ нельзя было по нашей работѣ иной разъ не выпить,—оправдывался Антошка.—И меньше меня мальчижи пили...

— Теперь у тебя такой работы не будетъ... слышишь? И ты дай мнѣ слово, что никогда больше не прикоснешься къ водкѣ, чтобъ не огорчить меня... Дашь?

— Убей меня Богъ, если я прикоснусь! — горячо воскликнулъ Антошка и перекрестился.—Да я и не люблю ея... Только горло дереть...

— То-то... Нечего и любить подлю!—какъ-то грустно и значительно протянулъ „графъ“.

Онъ сталъ раздѣваться и, облачившись въ халатъ, присѣлъ къ столу и спросилъ:

— Ну рассказывай, Антошка, что ты безъ меня дѣлалъ? Скучно было?

Антошка не безъ нѣкоторой гордости объявилъ, что онъ не сидѣлъ, сложа руки. Утромъ прибралъ воннату, вытопилъ печь, потомъ помогалъ кое въ чемъ Анисѣ Ивановнѣ, и вотъ теперь занялся книжкой.

— Ай да молодчина, Антошка! Хвалю, что не сидѣлъ въ праздности. Праздность—мать всѣхъ пороковъ... Не слыхалъ объ этомъ?.. Ну, а теперь скажи: ѣсть хочешь?

— Нѣтъ, я сытъ. Только что ужиналъ. Анисья Ивановна дала мнѣ горячихъ щей и мяса... Преотличные!

— А я тебѣ ветчины принесъ... Ну, все равно, завтра поѣшь... И документъ твой принесъ...

— Получили?—воскликнулъ Антошка.

— Получилъ.

— И видѣли ихъ?

— И видѣлъ. Вѣдьма-то твоя съ подвязанной щекой ходить,—ловко ты, братъ, ея ошпарилъ!—а дяденька прихрамываетъ!—присочинилъ „графъ“, желая доставить Антошкѣ удовольствіе. — Бумага твоя здѣсь, у меня. Припугнулъ я этого мерзавца... Теперь ты, Антошка, вольный россійскій гражданинъ... Дяденьки не бойся... Онъ ничего не смѣетъ тебѣ сдѣлать... Тю-тю твой дяденька! И вовсе онъ тебѣ не

дяденька и никогда имъ не былъ... То-то... Ну, а теперь будемъ чай пить и бесѣдовать... А чай будемъ пить съ вареньемъ... Любишь варенье?.. И валачи есъ... Ставь-ка скорѣй самоваръ... Умѣешь?

— Еще бы не умѣть!—весело отвѣчалъ Антошка.

— Да попроси ко мнѣ Анисью Ивановну...

Безконечно обрадованный, что ненавистный „дяденька“ теперь не смѣетъ взять его къ себѣ, Антошка со всѣхъ ногъ полетѣлъ на кухню и, передавъ Анисѣ Ивановнѣ приглашеніе „графа“, принялся ставить самоваръ съ какимъ-то ожесточеніемъ усердія.

Ахъ, какъ было радостно и свѣтло теперь на душѣ у Антошки и какъ казалось ему лучезарно будущее!.. А главное, какъ хотѣлось ему отблагодарить „графа“, въ которому онъ чувствовалъ такую горячую любовь, что готовъ былъ для „графа“ на все...

„Хотя бы еще такую порку выдержать, какъ третьяго дня!“—мысленно рѣшилъ Антошка, придумывая какъ бы онъ могъ доказать свою преданность...

И пока онъ раздувалъ уголья, въ головѣ его бродили, смѣняясь одна другой, самыя смѣлыя мечты о томъ, какъ онъ потомъ купить „графу“ шубу и найметъ ему комнату побольше... Какъ онъ избавить его отъ работы, которая ему почему-то кажется тяжелой и неприятной, хотя, казалось ему, что особенно неприятнаго нѣтъ—писать письма и получать въ отвѣтъ деньги. И не особенно тяжело, если только тепло одѣться, попросить на улицѣ у хорошо одѣтыхъ людей... Что имъ стоитъ дать пятачекъ?.. По крайней мѣрѣ, когда онъ работалъ въ нищенкахъ, онъ нисколько не стѣснялся... Но „графъ“ не хочетъ, чтобы Антошка такъ работалъ, и Антошка, конечно, не будетъ... „Графъ“ худо не научить. Только бы поскорѣй ему поучиться читать и писать, а тамъ онъ найдетъ мѣсто... Онъ поступитъ въ прикащики въ лавку. Чего лучше? А то сдѣлается газетчивомъ... тоже недурно... Во всякомъ случаѣ онъ позаботится о добромъ „графѣ“. И Анисья Ивановна пусть вмѣстѣ живетъ... И Нютка тоже... То-то будетъ отлично!

И Антошка находился въ такомъ альтруистическомъ настроеніи, что въ своихъ ребячьихъ мечтахъ не разу не вспом-

нилъ ни о дяденькѣ, ни о вѣдмѣ, и въ данную минуту далѣе былъ отъ мысли засадить перваго въ острогъ, а вторую бросить подъ коню.

ХІ.

„Графъ“ усадилъ Анисью Ивановну на стулъ и, предложивъ ей полакомиться пастилой, совѣтовался съ ней на счетъ того, что можно сдѣлать для Антошки на семь рублей.

Анисья Ивановна приняла живое участие въ этомъ дѣлѣ и встати похвалила мальчика. Сегодня онъ самъ вызвался ей помогать и дѣлалъ все со стараніемъ. Она предложила свои услуги по части бѣлья. На два рубля она купить холста и сошьетъ ему по парѣ рубахъ, исподнихъ и подвертокъ.

— А за два рубля, Александръ Ивановичъ, можно купить въ рынкѣ сапоги, а на три цѣлый костюмъ для мальчика. Вотъ и обули, и одѣли...

— Вы говорите: можно? Отлично! Только за глаза трудно покупать... Идти-то ему не въ чемъ.

Но и это затрудненіе было улажено. Анисья Ивановна общала попросить у дворника пальтецо и сапоги его сынишки. Онъ одного роста съ Антошкой.

„Графъ“ горячо благодарилъ хозяйку. Отдавая ей два рубля, онъ передалъ ей еще полтинникъ, чтобъ покончить маленькіе счета.

— Да вы не торопитесь, Александръ Ивановичъ. Мнѣ пока деньги не нужны, а у васъ большіе расходы.

— Пожалуйста,—настоялъ „графъ“.—У меня есть въ виду значительная получка, Аксиныя Ивановна. Непремѣнно двадцать рублей должны прислать!—прибавилъ „графъ“.—Куда-жъ вы? Сейчасъ Антошка самоваръ принесетъ.. Не угодно ли съ нами чаю напитокъся?

Анисья Ивановна сперва отнѣкивалась, но кончила тѣмъ, что согласилась выпить „чашечку“ и пошла за стаканами и чашкой.

Скоро на маленькомъ столѣ шумѣлъ самоваръ. Около стояли варенье, пастила и калачи. Отъ ветчины всѣ отказались.

Антошка угощался на славу и только удивлялся, что „графъ“ ничего не ѣстъ, а пьетъ пустой чай и попыхиваетъ папирозской. Анисья Ивановна, молча, прикусывая вареньемъ, выпила чашку и скоро поднялась, объяснивъ, что у нея дѣло...

— А мѣрку я завтра съ тебя сниму, Антошка!—проговорила она, уходя.

— Вотъ, братъ, дѣло и слажено... Завтра мы тебя обмундируемъ!—промолвилъ „графъ“.—А потомъ я тебя къ одной княгинѣ пошлю..

— Къ княгинѣ? Зачѣмъ мнѣ идти къ княгинѣ. Съ письмомъ, что ли?

— Нѣтъ, такъ. Она съ тобой говорить будетъ...

— Настоящая княгиня?

— Настоящая...

— Зачѣмъ же ей со мной говорить?..

— Разспрашивать будетъ... Ты ей всю правду говори, какъ жилъ у дяденьки, какъ ко мнѣ убѣждалъ...

— Къ чему ей это знать?..

— Она, быть можетъ, денегъ дастъ или захочетъ опредѣлить тебя куда-нибудь...

— Я бы отъ васъ никуда не хотѣлъ!—рѣшительно заявилъ Антошка.

— Я и самъ не отпущу тебя, если ты согласишь со мною жить... Развѣ ужъ что-нибудь хорошее представится...

— Ничего не представится. А я мѣсяца въ два, Богъ дастъ, выучусь писать и читать по настоящему и тогда въ газетчики поступлю. У меня есть одинъ знакомый газетчикъ... Онъ схлопочетъ...

— Въ газетчики?—протянулъ „графъ“.

— Что жъ развѣ худое мѣсто? Не бойсь, жалованье дадутъ... А я у васъ жить буду.

— Положимъ, и въ газетчики не дурно... Всякія новости знать будешь. Но можно и лучше сыскать мѣсто, если подольше поучиться. Напримѣръ, этакъ, знаешь ли, машинистомъ, ѡ?.. Ты прежде поучись основательно... А ужъ мы съ тобой какъ-нибудь да провормимся... Много ли намъ нужно? А къ княгинѣ ты все-таки сходи... Кто знаетъ, она, быть можетъ, что-нибудь и сдѣлаетъ... Кстати увидишь, какъ живутъ князья... Любопытно...

— Не бойсь, очень богато... Мнѣ сказывалъ одинъ человекъ, будто они ѣдятъ на серебряныхъ и на золотыхъ тарелкахъ, акупаются въ молокъ... Это правда?

— Не совсѣмъ... Твой человѣкъ нѣсколько преувеличилъ...
Но все-таки живутъ богато...

— И лавеевъ страсть?

— Есть-таки.

— А вы, графъ, тоже прежде были богаты?

— Былъ, Антошка...

— То-то васъ графомъ называютъ...

— Только я не графъ...

— Изъ какихъ же вы будете?

— Изъ дворянъ, изъ старинныхъ дворянъ, Антошка!

— Это изъ господъ, значить?..

— Именно, мой другъ...

— Я такъ и полагалъ, что вы изъ важныхъ...

— Это почему?

— Видь у васъ такой графскій... Сейчасъ примѣтно... Другой и видно богачъ, а виду нѣтъ... А вы богаты тоже были?— допрашивалъ Антошка.

— Да... было состояніе...

— И много у васъ денегъ было?... Тысячъ десять, поди?— освѣдомлялся Антошка, имѣвшій о богатствѣ довольно смутныя представленія.

— Тысячъ триста считай!— усмѣхнулся „графъ“.

Антошка ахнулъ. Въ его воображеніи пронеслось что-то колоссальное.

„Я бы такихъ денегъ не спустил!“ — подумалъ онъ и спросилъ:

— За такія деньги можно, напримѣръ, домъ купить?

— Да еще какой!

— Ишь ты!— Куда жъ вы столько денегъ потратили?

— Такъ, зря потратилъ... на всякія глупости и безобразія... Только и жилъ для того, чтобъ себя потѣшить и другимъ показать: вотъ какой я дуракъ... Не понималъ тогда, что это гнусно...

— Для форца, значить?— старался уяснить себѣ Антошка.

— То-то для форца, какъ ты выражаешься... И когда я ухнулъ свои триста тысячъ, я еще задолжалъ на двѣсти... Отецъ долги заплатилъ и отказался отъ меня... Проклялъ... Понялъ?

— Понялъ!— шепнулъ Антошка, невольно вдрагивая при представленіи объ ужасѣ проклятія.

— Ну вот съ тѣхъ поръ я и сдѣлался нищимъ...

Антошка участливо посматривалъ на „графа“.

— А развѣ тогда никто вамъ не помогъ?—спросилъ онъ.

— Никто... Да и въ чему помогать такому мотыгѣ? Рѣшительно не въ чему!

— А я на мѣстѣ отца помогъ бы!—рѣшительно заявилъ Антошка.

„Графъ“ усмѣхнулся.

— Капиталу большого не далъ бы, а отпускалъ бы на прожитокъ... А то вдругъ такъ-таки и бросить человѣка. Пропадай, мошь!

„Графъ“ любовно взглянулъ на своего сожителя и словно бы про себя замѣтилъ:

— Оно, пожалуй, и лучше вышло, что тогда меня всѣ бросили... А то я такъ бы свиньей и остался!

Этой „философiи“ Антошка видимо не понялъ и удивленно приподнялъ брови. По его мнѣнiю, получать барину на прожитокъ отъ сродственниковъ ничего общаго не имѣло со свинствомъ. На то онъ и баринъ, чтобы ничего не дѣлать... Видалъ онъ, слава Богу, господъ... Катаются себѣ да гуляютъ. Пречудесно!

Однако онъ не сообщилъ этихъ соображенiй „графу“, и съ большимъ любопытствомъ и нѣкоторымъ соболѣзнованiемъ спросилъ послѣ минуты молчанiя:

— А еслибъ *того* не случилось... вы могли бы выдти въ генералы?

— Навѣрное. Всѣ мои товарищи генералы... Я прежде офицеромъ былъ.

— Офицеромъ?—протянулъ удивленно Антошка.

— Хочешь посмотрѣть, какой я былъ?

„Графъ“ досталъ изъ своего сундука старенькiй альбомъ и, передавая его Антошкѣ, проговорилъ:

— Вотъ узнай-ка, гдѣ я.

Антошка сталъ разсматривать альбомъ, въ которомъ было много офицеровъ, генераловъ въ крестахъ и со звѣздами и красивыхъ дамъ, нѣсколько огорошенный такимъ обилiемъ важныхъ особъ.

— Это все ваши сродственники, графъ?

— Тутъ не одни родственники; есть и бывшiе товарищи и знакомые...

— И князья, и графы есть?

— Однако ты, Антошка, какъ посмотрю, имѣешь къ нимъ большое пристрастіе... Ужъ не думаешь ли и ты графомъ быть со временемъ?—разсмѣялся „графъ“.—Ну, а меня не узналъ?

— Нѣтъ!—отвѣчалъ нѣсколько сконфуженный Антошка.

— Вотъ, полюбуйся!

И „графъ“ указалъ на фотографію молодого красавца-брюнета, въ полной парадной формѣ уланскаго офицера, веселаго, жизнерадостнаго, съ смѣлымъ, слегка надменнымъ, выраженіемъ въ большихъ глазахъ. И поза на фотографіи была вызывающая, самоувѣренная...

— Это—вы?—воскликнулъ, полный восхищеннаго изумленія, Антошка, и его быстрые, каріе глаза перебѣгали съ портрета на оригиналъ, желая уловить сходство.

— Я... Собственной своей персоной...

— Теперь и не признать!

— Ну еще бы!—грустно протянулъ „графъ“.

И по его преждевременно состарившемуся, испытанному землистому лицу, нисколько не напоминавшему красавца на портретѣ, пробѣжала тѣнь...

— Укатали, братъ, сивку крутыя горки! — примолвилъ „графъ“.

Оба примолкли.

— Однако, ложись спать, Антошка... Завтра пораньше пойдемъ въ рынокъ покупать тебѣ обмундировку... Ложись... О князьяхъ и графахъ еще успѣемъ поговорить... Только, знаешь ли что?.. Не особенно завидуй имъ... Право, не стоитъ...

Скоро они улеглись спать.

Антошка, хоть и полонъ былъ новыми впечатлѣніями и мыслями, но, тѣмъ не менѣе, довольно скоро сладко захрапѣлъ.

Въ этотъ вечеръ, передъ отходомъ ко сну, „графъ“ почему-то вдругъ вспомнилъ о совѣтахъ доктора и не выпилъ обычныхъ нѣсколькихъ рюмокъ водки, хотя бутылка и была имъ принесена въ числѣ другихъ закупокъ и спрятана въ сундукъ, чтобъ Антошка ея не видалъ. И—что еще было страннѣй!—ему, еще нѣсколько дней тому назадъ совсѣмъ равнодушному къ смерти, теперь, напротивъ, очень хотѣлось жить.

Долго ворочался „графъ“ на своемъ жесткомъ блинчатомъ тюфякѣ, долго кашлялъ сквернымъ, сухимъ кашлемъ, чувствуя,

какъ носить грудь, и долго думалъ объ Антошкиной судьбѣ и объ его полусубѣѣ.

„Неужели „знатный братецъ“ до конца будетъ послѣдователемъ и оставить просьбу безъ отвѣта? Неужели жалость недоступна его сердцу?“

И въ головѣ „графа“ забродили воспоминанія о „братцѣ“.

Никогда они не были близки и дружны. Этотъ благо-разумный, солидный и корректный Костя, любимецъ отца, всегда относился нѣсколько свысока къ безпутному Шуркѣ и нерѣдко читалъ ему нравоученія. И всегда онъ былъ какой-то жесткій и гордился и тѣмъ, что вышелъ изъ школы правовѣдѣнія съ золотой медалью, и своимъ умомъ, и своими блестящими успѣхами по службѣ. Когда бабушка оставила одному Шуркѣ, своему любимцу, свое состояніе, братъ еще болѣе озлился на Шурку, говорилъ съ нескрываемымъ презрѣніемъ, что дуракамъ счастье, и наотрѣзъ отказался взять половину наслѣдства, которую Шурка великодушно предложилъ старшему брату. Съ тѣхъ поръ они рѣдко и видались. Шурка просаживалъ наслѣдство, а Костя работалъ, усердно дѣлая карьеру. Скоро онъ уѣхалъ въ провинцію, назначенный двадцати семи лѣтъ прокуроромъ окружного суда, и вернулся въ Петербургъ, чтобы занять довольно видное мѣсто въ то самое время, какъ младшій братъ долженъ былъ выдти изъ полка и избѣжалъ позора суда за подлогъ только благодаря тому, что отецъ заплатилъ за сына большую часть своего состоянія... Послѣ этого „Шурка“ обратился за помощью къ брату, но получилъ отъ него жестокое письмо...

О, это было одно изъ тѣхъ бессердечныхъ и въ то же время неумолимо справедливыхъ писемъ, логичныхъ и строго принципиальныхъ, которыя могутъ писать только очень сухіе и мящие себя непогрѣшимыми люди. И „графъ“ до сихъ поръ не забылъ этого письма—онъ даже сохранилъ его—въ которомъ старшій братъ привелъ вѣскія соображенія, почему онъ считаетъ невозможнымъ помочь человѣку, дѣлающему подложныя надписи, хотя бы такимъ человѣкомъ былъ и родной братъ, и почему онъ „покорнѣйше просить“ не считать его братомъ и ни въ какія спошенія не входить. Далѣе онъ откровенно выражалъ сожалѣніе, что отецъ заплатилъ по векселю, а не передалъ дѣла судебному разбирательству, и рекомендовалъ пустить себѣ пулю въ лобъ. Это было бы самое лучшее.

Съ тѣхъ поръ прошло пятнадцать лѣтъ. „Графъ“ зналъ изъ газетъ, что братъ занимаетъ очень видное мѣсто. О немъ пишутъ въ газетахъ. Въ иллюстраціяхъ помѣщаются его портреты. „Знатный братецъ“ былъ знаменитъ, и пропойца-нищій раза два-три видѣлъ его на улицѣ... видѣлъ и каждый разъ вспоминалъ его со злобой. Онъ ненавидѣлъ его и глубоко презиралъ, считая его далеко не заслуживающимъ той репутаціи, какой онъ пользовался. Прослышавъ про его богатство, онъ былъ увѣренъ, что „знатный братецъ“, не смотря на всю свою корректность, далеко не разборчивъ въ средствахъ, но только умѣетъ ловко хоронить концы.

„Навѣрное воруетъ!“ — рѣшилъ „графъ“ и нерѣдко въ компаніи такихъ же пропойцъ, какъ онъ самъ, ораторствовалъ по поводу несправедливости и неправды, которыя царятъ на землѣ.

— Украти что-нибудь какой-нибудь уличный ворипка — и его въ тюрьму, ему нѣтъ пощады, а если воруетъ видное лицо, какъ бы вы думали, что ему?.. Ничего! Даже если и попадется, то самое большее, что уволить и назначать въ какой-нибудь совѣтъ... Такъ-то на свѣтѣ творятся дѣла!

Онъ все ждалъ, что „знатный братецъ“ попадется и его уволить, но проходили года, и онъ крѣпко сидѣлъ на своемъ мѣстѣ, хотя озлобленная увѣренность „графа“ какъ будто и имѣла нѣкоторыя основанія. По крайней мѣрѣ, о безкорыстіи Ополева ходили весьма нелестные слухи въ бюрократическихъ кругахъ, и многіе удивлялись, какъ это министръ вѣрится въ добродѣтели Ополева.

Съ такими недобрыми воспоминаніями о своемъ „знатномъ братцѣ“ графъ еще долго не засыпалъ. Онъ ужъ не надѣялся больше на отвѣтъ. Никакого отвѣта не будетъ. Необходимо придумать новый источникъ для пріобрѣтенія полушубка.

ХІІ.

На слѣдующее утро, скверное и сырое октябрьское утро, „графъ“ съ Антошкой отправились въ Александровскій рынокъ и послѣ тщательнаго осмотра разныхъ костюмовъ и сапогъ купили, наконецъ, все, что было нужно.

Нельзя связать, чтобы „графъ“ былъ удовлетворенъ покупками, но за то Антошка былъ въ полномъ восторгѣ и

отъ сапогъ, и отъ поношенной темно-сѣрой блузы, и отъ штановъ, пріобрѣтенныхъ за три рубля послѣ довольно оживленнаго торга. Въ такомъ костюмѣ Антошка еще никогда не ходилъ. Все было цѣло и, главное, в пору, точно на него шитое. „Дяденькины“ же костюмы всегда отличались полнымъ несоотвѣтствіемъ съ тоненькой и худенькой фигурой Антошки и имѣли видъ мѣшковъ. Недурна была и фуфайка, пріятно согрѣвающая грудь, хороша была и шапка изъ поддѣльныхъ смушекъ, купленная у татарина за двугривенный.

Изъ рынка они вернулись домой. Отворила имъ двери Ани-сья Ивановна, необыкновенно радостная, и тотчасъ же сообщила „графу“, что его ждетъ посыльный съ „пріятнымъ письмецомъ“.

— Ужъ полчаса, какъ дожидается, Александръ Ивановичъ. Не могу, говорить, безъ росписки довѣрить... А я тоже сбѣгала, холста купила... Вечеромъ и шить начну...

Радостное волненіе охватило „графа“ при извѣстіи о „пріятномъ письмецѣ“ и напрасно онъ старался скрыть его! Лицо его мгновенно просвѣтлѣло и оживилось, и голосъ дрогнулъ, когда онъ торопливо проговорилъ:

— Попросите-ка, Ани-сья Ивановна, посыльнаго... Что за письмецо...

„Совѣсть въ немъ, видно, не совсѣмъ пропала!“ подумалъ онъ въ ту же минуту.

Посыльный вошелъ въ комнату „графа“ и подаль ему небольшой, эlegantный, надушенный конвертъ съ коробкой. Къ изумленію „графа“, почеркъ на конвертѣ былъ очевидно женскій: мелкій англійскій и довольно красивый.

Онъ вскрылъ конвертъ. Тамъ было письмо и въ немъ двадцати-пяти-рублевая бумажка. Тѣмъ же мелкимъ почеркомъ написанное письмо было слѣдующаго содержанія:

„Дорогой дядюшка,

„Папа поручилъ мнѣ послать прилагаемыя деньги и извиниться передъ вами, что самъ не отвѣчаетъ вамъ. Онъ очень занятъ. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ проситъ не благодарить его, и если вамъ что будетъ нужно, обращаться ко мнѣ. Я съ большимъ удовольствіемъ принимаю на себя эту обязанность и усердно прошу не забывать этого. Дай Богъ вамъ и вашему бѣдному мальчику всего хорошаго. Преданная вамъ Нина Опольева“.

Глаза „графа“ были влажны, когда онъ прочиталъ это письмо.

Онъ понялъ, почему не надо благодарить „знатнаго братца“, и тотчасъ же написалъ племянницѣ:

„Дорогая Нина Константиновна,

„Ваша помощь и ваше доброе письмо тронули меня до глубины души. Что бы вамъ ни говорили обо мнѣ, вѣрьте, что присланныя вами деньги будутъ употреблены на мальчика. Будьте счастливы и примите горячую благодарность отъ меня и отъ мальчика. Безгранично благодарный А. Ополевъ“.

— Вотъ вамъ отвѣтъ и двугривенный за то, что ожидали меня!—радостно проговорилъ „графъ“, обращаясь къ старику посыльному.

И затѣмъ спросилъ:

— Кто вамъ письмо передалъ? Сама барышня или прислуга?

— Сама барышня... Позвали въ корридоръ передъ кухней и передали...

— Что, какъ она?.. Должно быть, совсѣмъ молодая?

— Молодая... Лѣтъ такъ двадцати, не болѣе.

— Такъ, такъ... Брюнетка или блондинка?

— Чернявенькія, сударь... И аккуратненькая такая барышня...

— А собой какъ?.. Красива?

— Очень даже лицомъ пріятныя... И простыя такія, да-ромъ, что такого важнаго генерала дочь... Ласково такъ говорила со мной... Просили, чтобы скорѣй отнесъ вамъ письмо... Очень, молъ, нужное... Въ собственныя руки безпремѣнно отдайте... И цѣлыхъ шесть гривенъ дали... Не по такціи, значить.

„Не въ отца!“—подумалъ „графъ“.

Когда посыльный ушелъ, „графъ“ весело воскликнулъ, показывая Антошкѣ бумажку, которую давно уже не видалъ въ своихъ рукахъ:

— Вотъ мы и съ полушубкомъ, Антошка... И у насъ еще про запасъ останется... Рѣшительно тебѣ везетъ счастье! Спасибо милой племянницѣ... Спасибо молодому, доброму сердцу... Оно отозвалось и повѣрило... Да, Антошка, молодость-то отзывчива...

— А откуда у барышни такъ много денегъ, что она вамъ

такую бумажку прислала? — задалъ вопросъ практичный Антошка.

— Откуда... Вѣрно, отецъ на булавки ей дастъ... Она единственная у него дочь...

— На булавки... и такую пропасть денегъ?..

„Графъ“ объяснилъ, что значить „на булавки“, и пошелъ заказывать Анисѣ Ивановнѣ обѣдъ.

Въ тотъ же день Антошка щеголялъ въ полушубкѣ.

„Графъ“ въ этотъ вечеръ не выходилъ на работу.

XIII.

Княгинѣ Марьѣ Николаевнѣ Моравской тридцать два.

Такъ, по крайней мѣрѣ, она говоритъ вотъ уже года три, четыре, и показаніе это нисколько не противорѣчитъ ея наружности.

Она недурна собой, даже красива, свѣжа, цвѣтуща и пышетъ здоровьемъ. Слегка подведенные глаза полны блеска и жизни и въ то же время дѣломудренно-строги. Талии ея позавидовали бы многія барышни. Походка легка и граціозна. Фигура красивая и внушительная, напоминающая римскую матрону древнихъ временъ.

Всѣмъ этимъ она обязана не одному только Господу Богу, но въ значительной мѣрѣ и самой себѣ, такъ какъ заботы о своей персонѣ она возводитъ до степени культа и ведетъ самый гигиеническій образъ жизни, чтобъ не пополнѣть, не подурнѣть и преждевременно не поблѣвнуть.

Она ежедневно беретъ холодную ванну, спитъ въ прохладной комнатѣ, ходитъ пѣшкомъ верстъ по пяти, не ѣстъ мучнаго и сладкаго, не пьетъ горячаго чая или кофе, рано ложится спать и рано встаетъ, словомъ, основательно блюдетъ себя.

Дѣтей у нея нѣтъ. Мужу, военному генералу, страдающему ревматизмомъ и печенью, подѣ шестьдесятъ. Исключительно свѣтская жизнь княгиню не удовлетворяетъ. Семейная—и недавно. Супругъ совсѣмъ неинтересенъ со своимъ ревматизмомъ и брюжжаніемъ. Свободнаго времени у княгини много, и она отдаетъ его на служеніе ближнимъ.

Она—дама-благотворительница, необыкновенно дѣятельная и энергичная.

Въ этой дѣятельности она находитъ удовлетвореніе. Погло-

*

ценная ею, княгиня не такъ чувствуетъ „тяжесть креста“, какъ фигурально она называетъ свой бракъ съ почтеннымъ генераломъ.

Въ свою очередь, и князь хотя и относится слегка насмѣшливо къ „филантропическому зуду“ жены и къ тому, что она „пускаетъ къ себѣ всякую сволочь“, тѣмъ не менѣе, въ сущности, весьма доволенъ и охотно отрываетъ супругѣ свой кошелекъ.

Еще бы! Вѣдь, благодаря ея увлеченію, онъ избавился отъ семейныхъ сценъ, онъ не видитъ свучающаго лица любимой жены, онъ не слышитъ ядовитыхъ намековъ о загубленной жизни.

Все это, какъ рукой сняло, съ тѣхъ поръ, какъ Марья Николаевна посвятила себя дѣламъ благотворенія и въ нихъ, казалось, забыла о неудовлетворенности личной своей жизни. Она стала мягче и ласковѣе съ мужемъ и, повидимому, простила ему и его шестьдесятъ лѣтъ, и его печень, и терпѣливо выслушивала за обѣдомъ жалобы князя на государственныхъ людей.

Вы, вѣроятно, видѣли эту высокую, статную, элегантную женщину со слегка приподнятой головой, одѣтую почти всегда въ черное, безукоризненно сшитое, платье, на благотворительныхъ вечерахъ, гдѣ она является въ качествѣ распорядительницы и всегда о чемъ-то хлопочетъ, отдаетъ приказанія, появляясь то тутъ, то тамъ? Если не видали, то, навѣрное, знаете княгиню Моравскую по наслышкѣ, какъ объ извѣстной благотворительницѣ. И ужъ во всякомъ случаѣ встрѣчали ея имя въ газетахъ.

Она предсѣдательница кружка: „Помогай ближнему!“, членъ разныхъ благотворительныхъ обществъ, издательница и авторъ многихъ душевспасительныхъ брошюръ, рекомендующихъ въ горячей вѣрѣ найти забвеніе отъ терній жизни, устроительница всякихъ благотворительныхъ спектаклей, концертовъ, лекцій и базаровъ, и одна изъ самыхъ умѣлыхъ и назойливыхъ опустошительницъ кармановъ своихъ многочисленныхъ знаемыхъ въ различныхъ слояхъ общества.

Стоитъ только быть ей представленнымъ или явиться къ ней по какому-нибудь дѣлу, какъ черезъ минуту, другую у васъ въ рукахъ два, три билета на какое-нибудь зрѣлище

съ благотворительной цѣлью. Отдѣлаться отъ княгини такъ же трудно, какъ попасть въ царство небесное. Она нападаетъ внезапно, безъ всякихъ предисловій, и смотритъ на васъ такъ строго и рѣшительно, что нужно обладать большимъ мужествомъ, чтобы немедленно не вынуть бумажника и не заплатить контрибуціи.

Репутація княгини въ свѣтѣ выше всякихъ подозрѣній. Ея даже не злословятъ и только удивляются самоотверженію, съ какимъ она несетъ крестъ свой, имѣя на рукахъ шестидесятилѣтняго мужа. Ее уважаютъ, но не особенно любятъ.

Но, какъ бы то ни было, а княгиня высоко держитъ знамя супружескаго долга и женской добродѣтели и, гордая ею, даже не повторяетъ словъ Пушкинской Татьяны, такъ какъ никого не любитъ, кромѣ самой себя.

Въ это утро княгиня, проведя послѣ ванны цѣлый часъ въ уборной, гдѣ выпила чашку жидкаго чая съ крошечнымъ сухарикомъ, по обжювенію ровно въ девять часовъ вышла въ свой роскошный небольшой кабинетъ, убранный съ тонкимъ вкусомъ и изяществомъ и полнымъ рѣдкихъ художественныхъ вещей.

Свѣжая, цвѣтущая и благоухающая, княгиня была въ черномъ кашемировомъ платьѣ, нѣжная ткань котораго плотно охватывала красивыя формы. Темнокаштановые волосы были гладко зачесаны назадъ и собраны въ коронку, возвышавшуюся надъ головой. Не совсѣмъ правильныя крупныя черты ея лица не лишены были той холодной красоты, которая свѣтитъ, а не грѣетъ. Высокій лобъ, прямой римскій носъ, чуть-чуть приподнятый, съ расширенными ноздрями, румяныя щеки, тонкія, плотно сжатыя губы, большіе темносѣрые глаза и надъ ними красивыя дуги густыхъ бровей.

И въ выраженіи этихъ глазъ, и въ складѣ рта, и въ нѣсколько горделивомъ подъемѣ головы, и во всей ея фигурѣ было что-то строгое, холодное и самоувѣренное. Сразу чувствовалось, что эта красивая женщина любитъ себя и свое холеное тѣло, внутренне любитъ собой и своимъ видомъ будто говорить: „Посмотрите, какая я цвѣтущая, здоровая и добродѣтельная. Чувствуйте это!“

Въ маленькихъ ея ушахъ сверкали брилліантовые кабюшоны. На рукахъ колець не было, за исключеніемъ обручальнаго. Кольца едва бы шли къ ея нѣсколько крупнымъ, почти мужскимъ, бѣлымъ, выхоленнымъ рукамъ съ крѣпкими розоватыми ногтями большихъ, но породистыхъ пальцевъ.

Она подошла къ письменному столу, на которомъ съ поразительною аккуратностью были разставлены разныя письменныя красивыя принадлежности и разложены бумаги и книги, и посмотрѣла въ свою маленькую записную книжку, въ которую княгиня записывала программу дня.

Оказалось, что сегодня во время прогулки ни одного изъ кліентовъ кружка посѣщать не слѣдуетъ. Въ часъ у нея засѣданіе комитета; въ три у нея назначено дѣловое свиданіе, а въ четыре она должна ѣхать хлопотать о концертѣ. Вечеромъ — благотворительный спектакль.

Она просмотрѣла затѣмъ аккуратно собранныя въ папкѣ прошенія для доклада въ сегодняшнее засѣданіе и, взглянувъ на часы, прошла черезъ анфіладу комнатъ на половину мужа. Она всегда ходила здороваться къ нему сама, чтобы мужъ не являлся къ ней и не засиживался у нея, отнимая время.

Низенькій, худой, плѣшивый старикъ-генералъ въ коротенькой тужуркѣ съ закутанными въ пледъ ногами, сидѣлъ въ большомъ креслѣ въ жарко натопленномъ кабинетѣ и читалъ газету.

При видѣ своей молодой и цвѣтущей жены, съ появленіемъ которой въ комнату какъ будто ворвалось само здоровье, онъ завистливо вздохнулъ и, поднявшись съ кресла, пошелъ къ ней на встрѣчу, стараясь твердо ступать тоненькими ногами и вообще принять молодцоватый видъ.

— Здравствуй, Marie.

И князь почтительно и нѣжно поцѣловалъ руку жены. Она слегка прикоснулась губами къ его холодному желтоватому лбу.

Передъ высокой, крѣпкой, здоровой княгиней, тщедушный князь казался какимъ-то карликомъ.

— Добраго утра, Пьеръ. Ну, какъ ты сегодня себя чувствуешь. Кажется, хорошо?—спросила княгиня своимъ низкимъ и густымъ красивымъ контральто.

— Сегодня какъ будто лучше... Ревматизмъ не доиваетъ... А тебя и спрашивать нечего... Цвѣтешь, красавица!—

прибавилъ нѣжно князь, и взглядъ его маленькихъ тусклыхъ глазъ скользнулъ по роскошному бюсту жены...

— Ну до свиданія... Иду гулять...

— До свиданія, Магіе...

Онъ опять поцѣловалъ женину руку и спросилъ:

— Къ завтраку придешь?

— Разумѣется...

Княгиня облегченно вздохнула, выйдя изъ этой душной, натопленной комнаты—она не любила жаркихъ комнатъ—и прошла въ переднюю.

Молодая, чисто одѣтая горничная ужъ ожидала ее тамъ со шляпкой, перчатками и зонтикомъ. Представительный лакей подаль ей коротенькую жакетку, и княгиня, несмотря на сырость и дождь, пошла „дѣлать моціонъ“, направляясь твердой и скорой походкой съ Гагаринской набережной въ Лѣтнему саду.

Передъ уходомъ, она взглянула на часы. Было ровно десять.

— Въ половинѣ двѣнадцатаго я вернусь! — сказала она швейцару и прибавила:— Если кому-нибудь меня нужно видѣть, пусть подождетъ.

— Слушаю, ваше сіятельство!—отвѣчалъ швейцаръ.

Княгиня обязательно гуляла ровно полтора часа, ни болѣе, ни менѣе, имѣя съ собою подометръ, и—совсѣмъ не по женски—была аккуратна, какъ вѣрнѣйшіе часы, и—что еще удивительнѣе—умѣла отдавать приказанія кратко, ясно и точно.

XIV.

Вернулась она слегка вымокшая, зарумяненная и проголодавшаяся.

— Никого не было?

— Нивая нѣтъ, ваше сіятельство!

Перемѣнивъ обувь (калошъ княгиня не носила) и чулки, она присѣла къ письменному столу и принялась просматривать газеты, принесенныя отъ князя и отчеркнутыя краснымъ карандашомъ въ тѣхъ мѣстахъ, которыя почему-либо ему очень нравились или, напротивъ, возбуждали его негодованіе.

Княгиня, впрочемъ, не особенно интересовалась такими мѣстами, находя взгляды мужа слишвомъ ужъ напоминающими времена Іоанна Грознаго, но все-таки ихъ прочитывала, чтобы подавать въ случаѣ разговора реплики.

Часы пробили двѣнадцать.

И съ послѣднимъ ударомъ хорошо вышколенный княгиней лакей доложилъ, что завтракъ поданъ.

Княгиня отложила въ сторону непрочитанныя еще „Times“ и „Figaro“ и торопливо прошла въ столовую.

Князь уже былъ тамъ въ растегнутомъ сюртукѣ, подъ которымъ былъ ослѣпительной бѣлизны жилетъ, и не садился въ ожиданіи княгини.

Имъ подали различныя блюда послѣ того, какъ они отвѣдали закуски. Князю—бульонъ, яйца въ смятку и рубленную, разбавленную хлѣбомъ, куриную котлетку съ какимъ-то пюре, а княгинѣ—большой сочный кусокъ филе.

Плотоядный огонекъ блеснулъ въ глазахъ проголодавшейся женщины, когда она, съѣвъ маленькій кусочекъ селедки, положила салфетку за воротъ платья, и положила съ серебрянаго блюда къ себѣ на тарелку филе, поливъ его почти кровавымъ соусомъ.

Она ѣла „корректно“, не слѣша, съ видимымъ наслажденіемъ, хорошо прожевывая куски и запивая ихъ глотками чуть-чуть тепловатаго польяка изъ маленькаго стакана, и что-то животное, напоминающее радостнаго звѣря, было въ это время въ красивомъ лицѣ княгини. Глаза оживились; широкія ноздри слегка раздувались.

Она вся, казалось, отдавалась наслажденію ѣды, серьезная и сосредоточенная и словно бы инстинктивно чувствовала, что въ этомъ кровавомъ нѣжномъ мясѣ, которое она дробитъ своими крѣпкими и крупными бѣлыми зубами, она черпаетъ и свою свѣжесть, и румянецъ, и здоровье.

А генераль въ эту минуту лѣниво ковырялъ вилкой котлетку, поглядывая на жену и завидуя ея аппетиту. Онъ зналъ, что жена не любитъ разговаривать во время ѣды, и молчалъ.

Княгиня окончила мясо и чувствовала, что еще голодна. Но она удержалась отъ соблазна взять кусокъ холодной индѣйки, поданной лакеемъ, и только скушала немножко цвѣтной капусты.

Затѣмъ ей подали крошечную чашку кофе и тутъ же на подносѣ письмо.

Она прочитала письмо и сказала лакею:

— Пусть мальчикъ подождетъ. Когда я кончу завтракать, проведите его въ корридорѣ. Что, онъ очень грязенъ?

— Нѣтъ, ваше сіятельство, не замѣтно...

— А одѣтъ какъ, въ лохмотьяхъ?

— Одѣяніе весьма пристойное. Полушубокъ-съ.

— Въ такомъ случаѣ проведите его въ мой кабинетъ!— приказала княгиня.

Она выжидала, пока остынетъ кофе, и генералъ воспользовался этимъ, чтобъ заговорить.

— А ты обратила, Магіе, вниманіе, что дѣлается во Франціи...

— Какъ же, читала...

— Недурная страна равенства и братства... Хе-хе-хе... Княгиня отмалчивалась.

— Извини, меня тамъ ждутъ,—проговорила она, вставая... Поднялся и князь.

— Непремѣнно, Магіе, прочти... Это Богъ знаетъ что такое...

— Прочту, будь увѣренъ...

— Тебѣ не нужна будетъ карета?.. Я ѣду сегодня въ совѣтъ.

— Нѣтъ... Я выѣду на дрожкахъ.

И супруги разошлись по своимъ комнатамъ.

Тѣмъ временемъ Антошка, вымытый и причесанный, въ новомъ полушубкѣ и вычищенныхъ сапогахъ сидѣлъ въ сторонкѣ въ обширной кухнѣ и зоркими, любопытными глазами молчаливо наблюдалъ и повара въ бѣлой курткѣ и колпакѣ, и лакея во фракѣ, и забѣгавшую щеголеватую горничную, и не оставилъ безъ должнаго вниманія длиннаго ряда блестящихъ кострюль, кострюлекъ и разныхъ невиданныхъ имъ формъ и мѣдныхъ вещей, разставленныхъ на трехъ полкахъ.

Это обиліе вычищенной на славу мѣдной посуды нѣсколько удивило его, и онъ рѣшилъ, что держать столько бесполезныхъ вещей положительно не къ чему. Если бы половину продать, и то было бы за глаза достаточно.

И пылкое его воображеніе уже оцѣнивало приблизительно стоимость назначеннаго имъ къ продажѣ, и на эти деньги,

которыя онъ почему-то уже считалъ своей собственностью, покупало теплую шубу „графу“, необходимую для такого больного человѣка. А эту ночь бѣдный „графъ“ все кашлялъ, кашлялъ и утромъ, снаряжая Антошку къ княгинѣ, часто схватывался за грудь.

Анисья Ивановна пошла „графа“ малиной и совѣтовала ему посидѣть дома!

Вотъ почему Антошка жалѣлъ „графа“, и воображеніе его, увлеченное видомъ бесполезныхъ кострюль, работало въ извѣстномъ направленіи.

Затѣмъ, наблюдая, какъ поваръ безъ церемоніи пробуетъ кушанья, Антошка возмимѣлъ желаніе сдѣлаться поваромъ и началъ, было, размышлять, сколько княжескій поваръ долженъ получать жалованья (должно быть, не мало—не даромъ онъ такой толстый!),—какъ вошедшій лакей прервалъ его размышленія и сказалъ:

— Пойдемъ, мальчикъ, къ княгинѣ!.. Да сапоги оботри хорошенько, а то наслѣдишь!

Нѣсколько оробѣвшій Антошка вытеръ на-сухо сапоги и пошелъ вслѣдъ за лакеемъ, осторожно ступая по паркетнымъ поламъ и коврамъ.

Лакей отворилъ двери кабинета и слегка подтолкнулъ Антошку. Онъ очутился передъ лицомъ княгини.

К. Станюковичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПРОЦЕССЪ ОПЛОДОТВОРЕНІЯ ВЪ РАСТИТЕЛЬНОМЪ ЦАРСТВѢ.

И. П. ВОРОДИНА.

(Продолженіе *).

Въ проточной прѣсной водѣ нерѣдко встрѣчается особенная зеленая нитчатка, образующая нѣжный, часто курчавый войлочекъ или тину. Ее можно ежегодно находить у насъ въ Невѣ. Ученые называютъ эту нитчатку—Ulothrix. Подъ микроскопомъ она нѣсколько напоминаетъ эдогоніи, такъ какъ каждая нить, тоже однимъ концомъ прикрѣпленная къ подводному предмету, оказывается составленною изъ одного ряда члениковъ-клеточекъ. Только членики эти короче, чѣмъ въ нитяхъ эдогоніевъ, т. е. перегородки слѣдуютъ другъ за другомъ чаще, нигдѣ нѣтъ насѣчекъ, по которымъ узнаются эдогоніи, да сверхъ того зеленое вещество не выполняетъ равномерно всей полости клеточки, а располагается обыкновенно лишь въ средней ея части поперечнымъ пояскомъ, тогда какъ концы клеточекъ остаются безцвѣтными. Благодаря послѣднему обстоятельству, узотриксъ можно тотчасъ отличить отъ всякой другой нитчатки. Растетъ она, какъ и эдогоніи, время отъ времени дробя то тотъ, то другой изъ своихъ члениковъ перегородкою на-двое, но половое размноженіе ея представить намъ нѣчто совершенно новое. Что касается безполага размноженія, то оно не можетъ возбудить особеннаго интереса послѣ фактовъ, извѣстныхъ уже намъ изъ исторіи эдогоніевъ. Мы опять-таки встрѣчаемся здѣсь съ инфузоріеобразными подвижными тѣльцами, т. е. зооспорами или бродяжками, выходящими изъ члениковъ нити. Только здѣсь не всегда все содержимое членика выпускается въ видѣ одной зооспоры, а часто предварительно дробится на двѣ, иногда даже на четыре части, изъ которыхъ каждая формируется въ отдѣльную зооспору. На рис. 27 въ А мы видимъ небольшой кусочекъ нити, производящей зооспоры; изъ

*) См. «Міръ Божій» № 2, февраль 1895 г.

двухъ кліточекъ содержимое выходитъ наружу, въ данномъ случаѣ: цѣликомъ, а рядомъ изображены двѣ готовыя бродяжки въ блестящую пору ихъ привольной жизни. Къ носику зооспоры прикрѣпляются четыре рѣснички, а въ зеленомъ тѣлцѣ ея замѣчается ярко-красное пятнышко, называемое часто глазкомъ. Для чего оно тутъ—никто не знаетъ, но такіе глазки встрѣчаются у водорослей вообще нерѣдко. Такъ, напримѣръ, каждая кліточка въ шаровидной колоніи вольвокса, каждый живчикъ фукуса снабжены подобнымъ же глазкомъ. Кромѣ того, въ зооспорѣ улотрикса есть

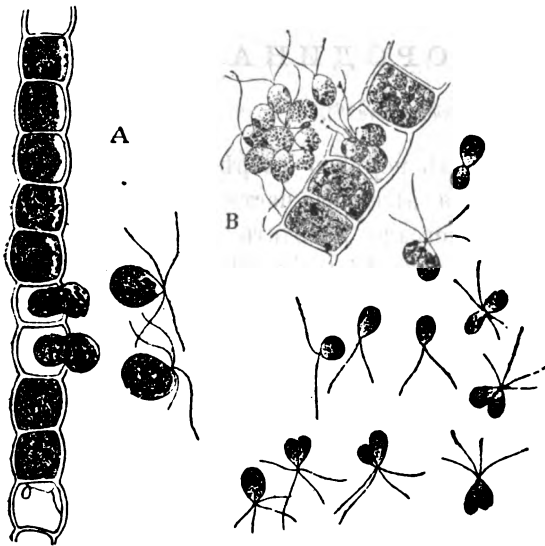


Рис. 27.

еще нѣчто въ родѣ сердечка—бьющійся пузырекъ, регулярно, каждыя 15 секундъ, попеременно то внезапно исчезающій, то медленно появляющійся. Впрочемъ, и это не составляетъ исключительной особенности нашей нитчатки. Бьющіяся пузырьки, какъ и глазныя пятна, весьма нерѣдки въ бродяжкахъ водорослей вообще, придавая имъ

еще болѣе сходства съ инфузоріями, гдѣ оба эти образованія встрѣчаются совершенно въ томъ же видѣ. Иногда бываетъ даже для бьющихся пузырька, расположенныхъ бокъ-о-бокъ и работающихъ попеременно, какъ поршни въ паровой машинѣ: когда одинъ пузырекъ сокращается, другой расширяется, и наоборотъ. Что дѣлается далѣе съ описанною бродяжкою улотрикса—читатель, конечно, догадывается. Поболтавшись въ водѣ, она подходит къ подводному предмету, втягиваетъ рѣснички, закутывается въ оболочку, и черезъ нѣсколько дней мы находимъ на этомъ мѣстѣ новую нить, во всемъ сходную съ тою, изъ которой вышла зооспора.

Но кромѣ описаннаго, очевидно, безполагаго способа размноженія, наблюдаемаго въ теченіе всего дѣла, та же нитчатка представляетъ въ извѣстное время еще другое. Только при этомъ образуются вовсе не антеридіи и оогоніи, какъ можно бы было ожидать, судя по прежнимъ примѣрамъ. Получаются, напротивъ, опять-таки, въ суц-

ности, зооспоры, но непохожія на прежнія. Вмѣсто того, чтобы дробить содержимое каждаго членака всего на двѣ, много четыре части, нашъ улотрикъ крошитъ его по крайней мѣрѣ на восемь, но чаще на 16 или даже на 32 кусочка и каждый изъ нихъ превращаетъ въ зооспору. Разумѣется, такія зооспоры, тоже выдуляющіяся изъ клѣточки всею кучею заразъ, должны быть гораздо мельче прежнихъ. Но отличаетъ ихъ не одна только величина: какъ можно видѣть изъ рис. 27 В, онѣ, вмѣсто четырехъ, снабжены всего двумя рѣсничками. Эти-то мелкія зооспоры обнаруживаютъ любопытнѣйшее явленіе, сдѣлавшееся извѣстнымъ ботаникамъ сравнительно недавно и, что называется, открывшее совершенно новые горизонты для изученія водорослей съ одной, и для пониманія полового процесса вообще съ другой стороны. Явленіе это совершается подъ микроскопомъ на глазахъ наблюдателя въ каплѣ воды, кишашей мелкими зооспорами. Зооспоры эти начинаютъ въ толпѣ словно искать другъ друга и сталкиваются попарно своими носиками. Иногда результатъ такой рекогноспировки оказывается неудовлетворительнымъ, судя по тому, что обѣ зооспоры снова расходятся, словно убѣдившись въ ошибкѣ, и отправляются за новыми поисками. Но обыкновенно столкновение носиками производитъ столь благоприятное впечатлѣніе на обѣ зооспоры, что онѣ моментально прикладываются другъ къ другу бочкомъ и, плотно прижавшись одна къ другой, продолжаютъ путешествовать вмѣстѣ, уже не разлучаясь болѣе. Если не терять изъ виду такой парочки (рис. 27 С), мы увидимъ, что раздѣляющая ихъ тѣла линія постепенно исчезаетъ, обѣ зооспоры сливаются мало-по-малу въ одну, сначала только передними концами, т. е. носиками, а потомъ и задними зелеными частями. Въ результатъ получается зооспора съ четырьмя рѣсничками и двумя глазками; скоро движеніе ея прекращается, но вмѣсто того, чтобы прямо прорасти въ новую ниточку, она образуетъ зеленый шарикъ, за дальнѣйшими перипетіями котораго мы слѣдить не станемъ. Достаточно сказать, что много времени спустя шарикъ этотъ выпуститъ изъ себя нѣсколько зооспоръ, которыя произведутъ новыя нити. Иногда описанныя выше мелкія зооспоры сдѣпляются и сливаются не по двѣ, а по три вмѣстѣ. Но особенно любопытно то обстоятельство, что сляніе или, какъ выражаются ученые, *копуляция* зооспоръ для своего осуществленія требуетъ одного непремѣннаго условія: въ каплѣ воды должны находиться бродяжки, вышедшія изъ двухъ различныхъ нитей. Если же взять какую бы то ни было нить въ отдѣльности, то ея зооспоры между собою копулировать не станутъ, а будутъ прорастать прямо въ очень мелкія растеньица, обыкновенно, впрочемъ, рано погибающія.

И такъ, нашъ улотриксъ производитъ двоякаго рода зооспоры или бродяжки: однѣ, снабженныя четырьмя рѣсничками, болѣе крупныя и воспроизводящія каждая порознь нить улотрикса, другія—лишь съ двумя рѣсничками, болѣе мелкія и сливающіяся, копулирующія между собою, обыкновенно попарно. Чтобы отличать эти два рода бродяжекъ и по названіямъ, одно время называли первыя макрозооспорами, а вторыя микрозооспорами (т. е. крупными и мелкими бродяжками). Теперь, однако, имѣя въ виду, что главное различіе вовсе не въ величинѣ, прибѣгають къ иной терминологіи. За крупными, несомнѣнно безполыми бродяжками сохраняють название зооспоръ, мелкія же, копулирующія другъ съ другомъ бродяжки называютъ *гаметами*, а продуктъ копуляціи, т. е. клѣточку, получающуюся чрезъ слияніе гаметъ,—*зиготой*. Эти выраженія въ научномъ языкѣ стали теперь общепотребительными.

Прежде нежели мы воспользуемся только-что изложенными фактами для какихъ-нибудь теоретическихъ выводовъ, познакомимся еще съ нѣсколькими аналогическими примѣрами.

На сырой землѣ встрѣчаются иногда зеленые пузырьки грушевидной формы, величиною покрупнѣе булавочной головки, слѣдовательно, ясно замѣтные невооруженнымъ глазомъ; каждый пузырекъ прикрѣпленъ къ землѣ съ помощью безцвѣтныхъ нитевидныхъ корешковъ. Это любопытнѣйшая водоросль, развитіе которой во всей подробности изучилъ нашъ извѣстный ученый, *М. С. Воронинъ*. Въ ботаникѣ эта водоросль извѣстна подъ именемъ *Botrydium*. Если осторожно вырыть ее изъ земли и положить подъ микроскопъ, то оказывается (рис. 28-й, увеличеніе всего въ 30 разъ), что пузырь и корешки составляютъ лишь части одной и той же клѣтки; перегородокъ во внутренней полости нигдѣ нѣтъ. Слѣдовательно, ботридій представляетъ такую же одноклѣточную водоросль, какъ знакомая уже намъ вошерія; только форма ея совершенно другая: вошерія—нитчатка, а ботридій этого названія, конечно, не заслуживаетъ. Любопытенъ этотъ организмъ въ особенности своею замѣчательною приспособляемостью къ окружающимъ его условіямъ. Чуть что-либо во внѣшнемъ мірѣ начинаетъ угрожать его дальнѣйшему существованію, ботридій съ удивительною находчивостью принимаетъ соотвѣтствующія мѣры, дающія ему возможность и при новыхъ условіяхъ продолжать свое развитіе, а въ крайнемъ случаѣ пѣнѣть, не теряя жизнениности, въ ожиданіи лучшихъ временъ. Если, на примѣръ, солнышко, ради котораго зеленое содержимое нарочно похѣстилось въ надземномъ пузырьѣ, начинаетъ слишкомъ безцеремонно припекать

послѣдній, угрожая окончательно иссушить его, зеленая масса перекочевываетъ въ подземные корешки,—до тѣхъ поръ безцвѣтные, они становятся зелеными, а солнцу предоставляется сушить, сколько ему угодно, пустой пузырь. Мы не станемъ описывать всѣхъ продѣлокъ, на которыя способенъ ботридій, такъ какъ это прямо не относится къ занимающему насъ вопросу, а ограничимся изло-

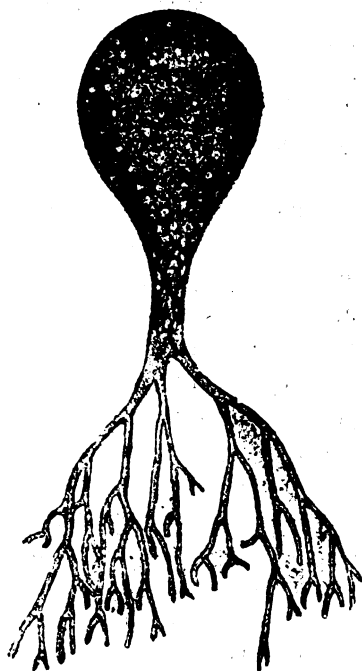


Рис. 28.



Рис. 29.

женіемъ общаго хода его развитія. Подобно множеству другихъ водорослей, ботридій размножается посредствомъ бродяжекъ. Послѣднія могутъ образоваться, смотря по обстоятельствамъ, или въ пузырь, или въ корешкахъ. На рис. 29-мъ мы видимъ ихъ выходящими цѣлою тучею изъ пузыря. Отъ зооспоръ другихъ извѣстныхъ уже намъ водорослей онѣ отличаются тѣмъ, что снабжены всего одною рѣсничкою. Съ этими бродяжками не происходитъ ничего особеннаго и, успокоившись, онѣ прямо прорастаютъ въ новыя растеньица. Очевидно, мы имѣемъ предъ собою бесполое размноженіе нашего ботридія. Но при извѣстныхъ условіяхъ происходитъ нѣчто иное. Когда молодымъ росткамъ ботридія угрожаетъ опасность высыханія, содержимое ихъ раздробляется на нѣсколько

шаровидныхъ участковъ, облекающихся оболочками; шарики эти, вначалѣ зеленые, постепенно дѣлаются красными. Въ сухомъ видѣ ихъ можно сохранять безъ измѣненія цѣлые мѣсяцы, но какъ только они попадутъ въ воду—содержимое въ каждомъ шарикѣ дробится на большое число мелкихъ тѣлецъ, вскорѣ покидающихъ ни на что болѣе негодную оболочку шарика. Предъ нами снова зооспоры, но уже не тѣ, что мы видѣли выходящими изъ пузыря: и строеніе, и дальнѣйшія судьбы ихъ иныя. Зооспоры эти могутъ быть и красныя, и зеленыя, смотря по тому—успѣлъ ли уже покраситѣ шарикъ передъ тѣмъ, какъ попалъ въ воду, или нѣтъ. Онѣ снабжены не одною, а двумя рѣсничками и обнаруживаютъ удивительную нѣжность другъ къ другу. Въ каплѣ воды, которая кишитъ ими, наблюдается явленіе, знакомое уже намъ по улотриксу: зооспоры по-парно, рѣже по 3—4, сцѣпляются носиками, прикладываются другъ къ другу бочкомъ и постепенно сливаются между собою. Очевидно, слѣдовательно, что это не простыя зооспоры, а гаметы, подобно мелкимъ бродяжкамъ улотрикса. Въ результатѣ ихъ сліянія или копуляціи получается зигота, представляющая неподвижный шарикъ, облеченный оболочкою; изъ него, либо тотчасъ же, либо послѣ извѣстнаго періода покоя, вырастаетъ новый экземпляръ ботридія, т. е. зеленый пузырь съ безцвѣтными корепками.

Копуляція бродяжекъ была замѣчена впервые на особой зеленой водоросли, по строенію довольно сходной съ описаннымъ выше вольвоксомъ. Она тоже образуетъ мелкіе зеленые шарики, свободно плавающіе въ водѣ (рис. 30 I); но каждый шарикъ состоитъ всего изъ шестнадцати клѣточекъ, занимающихъ всю внутренность шара, который, слѣдовательно, представляется сплошнымъ, а не полымъ внутри, какъ у вольвокса. Каждая клѣтка устроена на подобіе зооспоры, имѣетъ безцвѣтный носикъ, красный глазокъ и пару длинныхъ рѣсничекъ, которыя сквозь общую оболочку, облекающую всѣ 16 клѣточекъ, выставляются въ окружающую воду. Такимъ образомъ вся колонія приводится въ движеніе 32-мя рѣсничками. Размножается эта водоросль, которой присвоено названіе *пандоримы*, двояко. Одинъ, несомнѣнно бесполоый, способъ размноженія состоитъ въ томъ, что каждая изъ 16-ти клѣточекъ шарика превращается постепеннымъ дробленіемъ въ новую, опять-таки 16-тиклѣточную шаровидную колонию. Эти новыя 16 недѣлимыхъ, отличающіяся отъ породившей ихъ колоніи только меньшими размѣрами, вначалѣ заключены въ общій студенистый пузырь (рис. 30 II), но скоро послѣдній расплывается, и дѣтки дѣлаются свободными, теряя всякую связь между собою. Сравнительно съ вольвоксомъ, здѣсь обнаруживается, слѣдовательно, то

различіе, что всѣ члены колоніи оказываются абсолютно равноправными и одинаково участвуютъ въ производствѣ потомства. Та-же равноправность обнаруживается и при другомъ способѣ размноженія пандорины. Всѣ кліточки колоніи опять-таки дробятся, но вмѣсто того, чтобы образовать связные шарики, продукты дробленія, покидая связывавшую ихъ общую студенистую массу (III), совершенно разъединяются, такъ что на мѣстѣ прежней колоніи получается туча голыхъ зооспоръ, кишашихъ въ водѣ; каждая имѣетъ по двѣ рѣснички. Замѣчательно, что эти бродяжки,

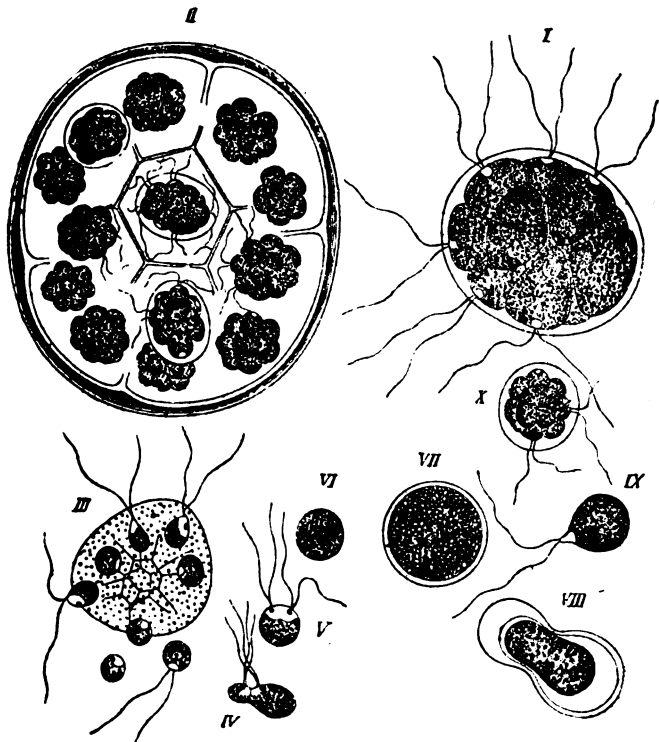


Рис. 30.

обыкновенно, оказываются неодинаковой величины: однѣ помельче, другія покрупнѣе. Вотъ тутъ-то и разыгрывается уже дважды встрѣтившееся намъ явленіе копуляціи зооспоръ: онѣ словно отыскиваютъ другъ друга, причемъ особенно часто и охотно сдѣлываются носиками и сливаются двѣ бродяжки различной величины, крупная съ мелкою (IV и V). Строгой разборчивости, впрочемъ, не видно: тамъ и сямъ копулируютъ другъ съ другомъ двѣ крупныя или, напротивъ, двѣ мелкія бродяжки или, лучше сказать, гаметы. Продуктомъ копуляціи оказывается сначала зеленый, по-

томъ красный шарикъ (VI и VII); эта зигота остается нѣкоторое время въ покоѣ, а затѣмъ выпускаетъ все свое содержимое въ видѣ одной, сравнительно крупной, двухрѣсничатой бродяжки (VIII и IX), которая постепеннымъ дѣленіемъ превращается въ 16-тиклѣточную колонію пандорины (X).

И такъ, вотъ три водоросли самаго различнаго строенія, одна (улотриксъ), похожая на эдогоніи, другая (ботридій)—на вошеріи, третья (пандорина)—на вольвоксѣ, и всѣ три представляютъ намъ одно и то же явленіе копуляціи зооспоръ. Число этихъ примѣровъ можно было бы безъ труда значительно увеличить, но мы ограничимся приведенными.

Спрашивается, что можетъ означать описанное явленіе копуляціи зооспоръ? При объясненіи его необходимо имѣть въ виду, что оно встрѣчено до сихъ поръ исключительно у такихъ водорослей, которыя лишены несомнѣннаго оплодотворенія, т. е. не производятъ живчиковъ и яицъ, какъ эдогоніи, вошеріи и другія. Если бы когда-либо найдена была копуляція зооспоръ у водоросли, снабженной антеридіями и оогоніями, это открытіе повергло бы ученыхъ въ совершенный тупикъ; однако, судя по всему, едвали ихъ ожидаетъ подобная неприятность. Далѣе, мы видимъ, что тѣ же водоросли, которымъ присуща копуляція зооспоръ, обнаруживаютъ, кромѣ того, другой способъ размноженія, причѣмъ всего чаще тоже образуются зооспоры, но нѣсколько инаго строенія, на примѣръ съ инымъ числомъ рѣсничекъ, а главное—эти бродяжки относятся другъ къ другу вполне индифферентно и прямо прорастаютъ въ новыя особи. Такъ какъ бесполой характеръ этого послѣдняго размноженія очевиденъ, то весьма естественно признать, что копуляція бродяжекъ замѣняетъ собою недостающее оплодотвореніе или, другими словами, представляетъ оплодотвореніе въ упрощенной, такъ сказать, первобытной формѣ. Одна изъ копулирующихъ гаметъ соотвѣтствуетъ живчику, другая—яйцу. Живчикъ и яйцо, какъ мы видѣли, даже внѣшнимъ образомъ отличаются другъ отъ друга, гаметы же, сцѣпляющіяся своими носиками, на видъ обѣ совершенно одинаковы; внутреннее различіе однако между ними должно существовать, не даромъ онѣ влекутся другъ къ другу и безъ сліявія, обыкновенно, погибаютъ. Особенно ясно это въ тѣхъ случаяхъ, когда копулируютъ между собою только гаметы, вышедшія изъ разныхъ клѣточекъ.

Убѣжденные въ томъ, что сложное выработалось изъ простаго, ученые составили себѣ въ настоящее время слѣдующее представленіе о происхожденіи яицъ и живчиковъ у водорослей. Сначала существовали на землѣ исключительно организмы, раз-

множавшіеся только. бесполомъ путемъ. И въ настоящее время такихъ растеній сохранилось еще не мало въ той же группѣ водорослей. Положимъ, для многихъ изъ нихъ современемъ, вѣроятно, еще удастся найти половое размноженіе, но развитіе нѣкоторыхъ извѣстно настолько хорошо, что оставляетъ мало надежды въ этомъ отношеніи. Большая группа, такъ называемыхъ, фикохромовыхъ или синевато-зеленыхъ водорослей, многіе представители которой принадлежатъ къ обыкновеннѣшимъ нитчаткамъ стоячихъ рѣсныхъ водъ, считается лишненною всякаго намека на процессъ оплодотворенія. Живя въ водѣ, подобныя растенія стали выпускать изъ себя по временамъ инфузоріеобразныя тѣла—зооспоры. Сначала зооспоры служили только для бесполого воспроизведенія организма, потомъ онѣ стали копулировать—и это былъ первый намекъ на будущее оплодотвореніе. На первыхъ порахъ оно проявляется, такъ сказать, нерѣшительно: копулирующія зооспоры сохраняютъ еще способность прорасти и безъ копуляціи, слѣдовательно, могутъ служить и для бесполого размноженія; но постепенно половой характеръ ихъ обозначается все рѣзче, онѣ окончательно теряютъ упомянутую способность, а бесполое размноженіе возлагается всецѣло на особья, не копулирующія зооспоры. Внутреннее различіе между обѣими сливающимися гаметами мало-по-малу распространяется и на внѣшніе ихъ признаки: женская ставится крупнѣе мужской, а затѣмъ теряетъ свою подвижность, не производитъ рѣсничекъ, вмѣсто носика образуетъ воспринимающее пятно, и—предъ нами то, что мы называемъ яйцомъ. Болѣе мелкая мужская гамета, напротивъ, остается подвижною и образуетъ—живчикъ. Яйцо эдогонія, вошерія и т. п. развилось, слѣдовательно, нѣкогда изъ обыкновенной зооспоры. Доказать съ очевидностью справедливость этого воззрѣнія мы, разумѣется, не въ состояніи; палеонтологія, напримѣръ, не даетъ намъ никакихъ фактовъ, изъ которыхъ-бы можно было заключить, что водоросли въ родѣ улотрикса, ботридія и т. п. появились на землѣ раньше такихъ, какъ эдогоній, вошерія и пр. Весь этотъ постепенный рядъ отъ совершенно бесполоыхъ водорослей къ водорослямъ, снабженнымъ живчиками и яйцами, есть, въ сущности, не болѣе, какъ построеніе нашего ума, вызванное глубокимъ убѣжденіемъ въ преимущества формъ на землѣ, въ развитіи сложныхъ изъ болѣе простыхъ; это убѣжденіе составляетъ альфу и омегу современнаго естествознанія. За неимѣніемъ прямыхъ доказательствъ, наука вынуждена довольствоваться косвенными. Одно изъ таковыхъ, по мнѣнію ученыхъ, доставляетъ намъ морская водоросль — *китлерія*. Оплодотвореніе ея совершается слѣдующимъ оригинальнымъ

*

образомъ. Кутлерія производитъ двоякія зооспоры—мелкія мужскія и крупныя женскія. Во время движенія онѣ, однако, не сдѣпляются между собою, но вскорѣ крупная останавливается, втягиваетъ свои рѣснички, округляетъ свое голое тѣло, словомъ — превращается въ настоящее яйцо, причѣмъ прежній носикъ зооспоры образуетъ знакомое намъ воспривимающее пятно. Къ послѣднему устремляется живчикъ, т. е. мелкая зооспора, сохранившая подвижность; живчикъ исчезаетъ въ массѣ яйца—и оболочка, обрисовывающаяся на поверхности яйца, свидѣтельствуетъ о совершившемся оплодотвореніи. И такъ, у кутлеріи превращеніе зооспоры въ яйцо совершается на нашихъ глазахъ. Въ этой водоросли природа какъ бы сохранила намъ одну изъ тѣхъ переходныхъ формъ, которыя связывали организмы съ яснымъ и съ сомнительнымъ оплодотвореніемъ.

Упрощенное оплодотвореніе совершается у многихъ водорослей еще другимъ способомъ: копулируютъ не зооспоры, которыхъ здѣсь совсѣмъ и не образуется, а сливаются содержимыя двухъ клѣточекъ, снабженныхъ оболочками. Этотъ процессъ былъ извѣстенъ

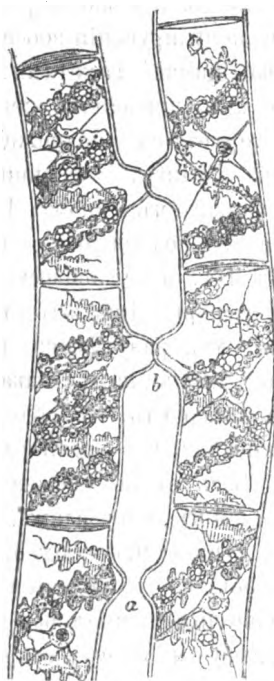


Рис. 31.

гораздо раньше копуляціи зооспоръ; уже въ началѣ нашего столѣтія Вошеръ указываетъ на него даже прямо, какъ на простѣйшую форму оплодотворенія. Примѣромъ послужитъ намъ одна изъ распространеннѣйшихъ въ прѣсной водѣ нитчатокъ—*спирогира*. Она образуетъ свѣтло-зеленую тину, свободно плавающую въ водѣ. Подъ микроскопомъ узнать спирогиру весьма легко; нить ея построена на подобіе нитей эдогоніевъ или улотрикса, т. е. состоитъ изъ одного ряда цилиндрическихъ клѣточекъ, но зеленая масса образуетъ въ каждой клѣточкѣ изящную, зазубренную по краямъ, спирально завитую ленту (рис. 31). Всѣ клѣточки похожи другъ на друга, и каждая время отъ времени дѣлится перегородкою на двое. Размноженіе спирогиры начинается съ попарнаго сдѣленія нитей. Двѣ нити, лежащія въ тинѣ рядомъ, пускаютъ боковые выростки въ формѣ бородавочекъ (рис. 31 *a*), направленныхъ другъ къ другу; бородавочки скоро сталкиваются между собою (*b*), а затѣмъ оболочка въ мѣстѣ

столкновенія растворяется, такъ что получается сквозная трубка, соединяющая полости обѣихъ сдѣпившихся клѣточекъ. Каждая пара получаетъ, слѣдовательно, видъ буквы Н, а такъ какъ сдѣпление клѣточекъ попарно повторяется, обыкновенно, на всемъ протяженіи обѣихъ нитей, то послѣднія производятъ впечатлѣніе лѣстницы. Послѣ различныхъ измѣненій въ сдѣпленныхъ клѣточкахъ, содержимое одной изъ нихъ переливается черезъ соединительный рукавъ въ другую (рис. 32 *A a*); первая остается совсѣмъ пустою, а во второй—изъ обоихъ слившихся содержимыхъ формируется одно уплотненное, яйцевидное тѣло, не выполняющее своего цилиндрическаго футляра; тѣло это, вначалѣ голое, одѣвается плотною оболочкою (рис. 32 *B*) и въ таксмъ видѣ остается въ покоѣ нѣсколько недѣль, даже мѣсяцевъ, послѣ чего производитъ изъ себя новую нить спирогиры. Передъ нами, слѣдовательно, спора, но, въ отличіе отъ другихъ споръ, она получаетъ специальное названіе *зигоспоры*. Въ настоящее время, впрочемъ, вмѣсто зигоспоры, говорятъ и здѣсь *зигота*, распространяя и на этотъ случай терминъ, знакомый уже

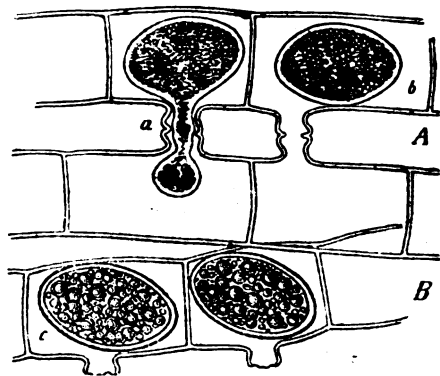


Рис. 32.

намъ по продуктамъ копуляціи двухъ зооспоръ, которые мы видѣли у улотрикса, ботридія и пандорины. Точно также называютъ *гаметами* сливающиміяся между собою въ зиготу содержимыя двухъ клѣтокъ спирогиры, хотя онѣ лишены рѣсничекъ и съ виду вовсе не похожи на гаметы улотрикса и прочихъ знакомыхъ уже намъ водорослей. Такимъ образомъ зигоспора или зигота есть вообще клѣточка, происшедшая чрезъ копуляцію двухъ клѣточекъ, подвижныхъ или неподвижныхъ, въ обоихъ случаяхъ называемыхъ гаметами. Что копуляція спирогиры есть половой процессъ—это почти не подлежитъ сомнѣнію. Въ каждой сдѣпленной парѣ клѣточекъ одна представляетъ мужскую, другая—женскую. По аналогіи мы должны считать мужскою ту, которая переливаетъ свое содержимое въ другую; первая соответствуетъ активному живчику, вторая—пассивному яйцу. Когда нити только-что сдѣпились (рис. 31), невозможно еще предсказать, въ какомъ направленіи произойдетъ переливаніе содержимаго—клѣтки мужскія и женскія еще ничѣмъ не различаются. По окончаніи-же копуляціи мы на-

ходитъ обыкновенно одну изъ двухъ нитей опорожненною на всемъ ея протяженіи, тогда какъ другая въ каждомъ членикѣ содержитъ по зигоспорѣ. Можно, слѣдовательно, сказать, что вся нить спирогиры бываетъ мужская или женская. Но это только наиболѣе обыкновенный случай. Иногда замѣчается копуляція на протяженіи одной и той же нити, безъ всякаго сдѣяленія ея съ другою нитью. Въ такомъ случаѣ копулируютъ между собою смежныя клѣтки данной нити, переливая одна въ другую свое содержимое чрезъ соединительный рукавъ, который въ видѣ ушка огибаетъ перегородку, ихъ раздѣляющую: одна клѣтка (мужская) остается пустою, а рядомъ съ нею другая (женская) содержитъ зиготу.

Копуляція, подобная описанной у спирогиры, свойственна цѣлому ряду водорослей. Ученые собираютъ ихъ въ одну группу подѣ

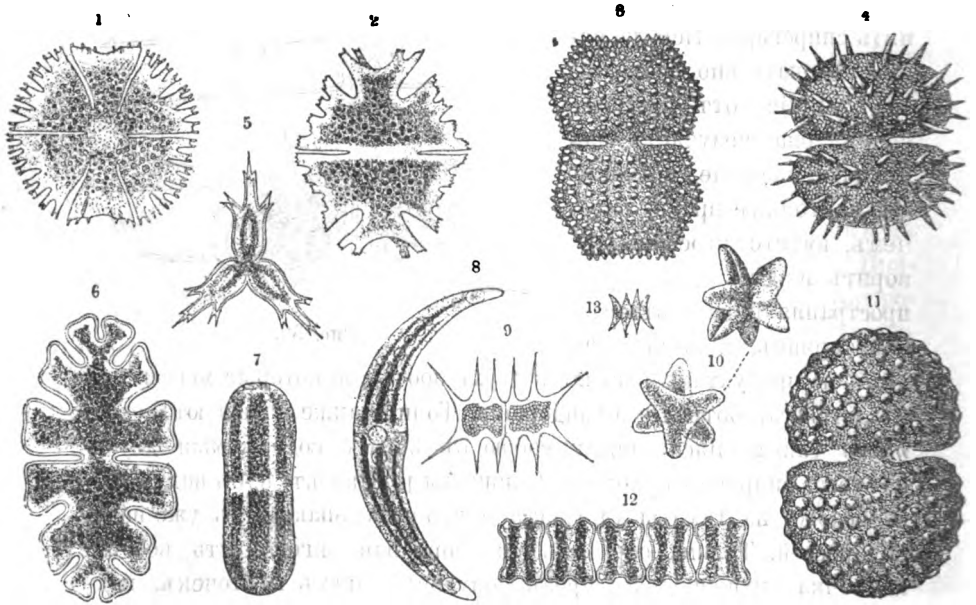


Рис. 33.

названіемъ *конъюгаты* (копуляцію часто называютъ иначе конъюгаціею). По русски это можно выразить словомъ «сдѣялки». Нѣкоторыя сдѣялки похожи на спирогиру, представляя также нитчатки, другія же устроены гораздо проще, состоя всего изъ одной клѣточки, наподобіе ботридія. Клѣточка эта можетъ принимать самыя разнообразныя и причудливыя формы: бисквита, звѣзды, серпа и т. д., какъ это можно видѣть на рисункѣ 33-мъ, изображающемъ различныя, большею частью одноклѣточные сдѣя-

лянки. Общая черта ихъ заключается въ томъ, что каждый экземпляръ состоитъ изъ двухъ симметричныхъ половинокъ, часто отдѣленныхъ другъ отъ друга болѣе или менѣе глубокимъ перехватомъ (рис. 33 и *A* въ рис. 34). Въ высшей степени замѣчательно, что эти двѣ половинки, хотя совершенно сходны по виду, въ сущности, различнаго возраста: одна изъ нихъ старая, другая молодая. Это вытекаетъ изъ наблюдений надъ безполымъ размноженіемъ такихъ сцѣплянокъ и прекрасно поясняется рисункомъ 34-мъ. На немъ видно, какъ обѣ половинки клѣточки постепенно раздвигаются, а на мѣстѣ прежняго перехвата отрастаютъ мало-по-малу двѣ новыя половинки, отдѣленныя другъ отъ друга сплошною перегородкою; въ *D* процессъ почти оконченъ: изъ одного экземпляра получилось два, которымъ остается только расклевтаться вдоль по перегородкѣ. Но кромѣ такого размноженія дѣлениемъ, эти водо-

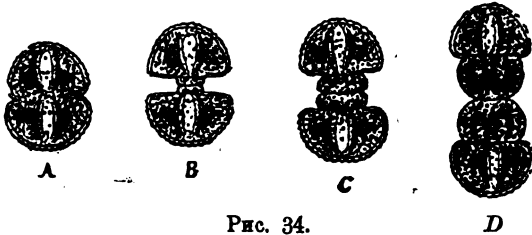


Рис. 34.

росли по временамъ обнаруживаютъ явленіе копуляціи, причемъ два отдѣльныхъ экземпляра сцѣпляются между собою различнымъ образомъ и, сливая свои содержимыя, даютъ одну общую зиготу. Присматривая весь этотъ пестрый рядъ по отношенію къ процессу сцѣпленія, мы замѣтимъ, что здѣсь существуютъ такія же градаціи, какъ и между водорослями, сцѣпляющимися своими зооспорами. Иногда половое различіе сливающихся клѣточекъ выражено даже рѣзче, чѣмъ у спирогиры, иногда, напротивъ, оно совершенно ступшевывается, существуя, такъ сказать, лишь въ теоріи. Такъ, есть сцѣплянки, у которыхъ мужская клѣточка, переливающая свое содержимое въ женскую, съ самаго же начала отличается отъ послѣдней меньшею величиною. Съ другой стороны, извѣстно много такихъ, гдѣ содержимыя обѣихъ сцѣпленныхъ клѣточекъ одновременно направляются на встрѣчу другъ другу въ соединительный рукавъ и на этой нейтральной почвѣ сливаются, образуя зиготу. Въ этомъ случаѣ исчезъ послѣдній намекъ на тотъ или другой полъ сцѣпляющихся клѣточекъ. Такимъ образомъ, какъ водоросли съ копулирующими зооспорами, такъ и водоросли, составляющія группу сцѣплянокъ, мы можемъ расположить, каждыя въ отдѣльности, въ теоретическій рядъ, начинающійся съ формъ,

у которыхъ половое различіе ни въ чемъ не выражается, и кончая такими, гдѣ мужскіе и женскіе элементы обозначены даже внѣшними признаками. Связать, однако, эти два ряда между собою мы пока совершенно безсильны. Другими словами, мы не виѣмъ даже теоретическихъ данныхъ для рѣшенія вопроса — произошли ли спѣлянки отъ водорослей въ родѣ улотрикса, наоборотъ ли плю развитіе организмовъ, или, наконецъ, оба эти ряда возникли независимо другъ отъ друга.

Познакомившись, такъ сказать, съ внѣшнею стороною того упрощеннаго полового процесса, который мы называемъ копуляціею, поговоримъ теперь еще о его внутренней сторонѣ, о тѣхъ измѣненіяхъ, какія происходятъ внутри сливающихся другъ съ другомъ гаметъ. Въ этомъ отношеніи въ послѣдніе годы обнаружены чрезвычайно любопытные и неожиданные факты для спѣлянокъ, гдѣ гаметы гораздо крупнѣе и потому доступнѣе для подобныхъ изслѣдованій, чѣмъ у водорослей съ копулирующими бродяжками. *Хмилевскій* (профессоръ ново-александрійскаго института) подробно изслѣдовалъ, что происходитъ внутри зиготы у спирогиры (рис. 31 и 32) послѣ копуляціи. Мы видѣли, что въ каждой клѣточкѣ спирогиры находится по спиральной зеленой лентѣ (у нѣкоторыхъ спирогиръ такихъ лентъ оказывается даже не одна, а нѣсколько), слѣдовательно, въ зиготѣ, получающейся сляніемъ содержимыхъ двухъ клѣточекъ, должно быть двѣ подобныхъ ленты (если не больше). Оказывается, однако, что одна изъ нихъ, а

именно внесенная въ зиготу мужскую клѣточкою, перелившею свое содержимое въ женскую, мало-по-малу совершенно разрушается.

На рисунокѣ 35-мъ мы видимъ внутри цилиндрической клѣточки спирогиры эллиптической формы зиготу, въ которой ясно замѣтны двѣ различныя спиральныя ленточки: одна изъ нихъ болѣе широкая и въ натурѣ ярко зеленая, другая же болѣе узкая, какъ бы съжатая, зернистая и пожелтѣвшая; первая принадлежитъ бывшей женской, а вторая — бывшей мужской



Рис. 35.



Рис. 36.

клѣточкѣ. На рисунокѣ 36-мъ замѣтно дальнѣйшее разрушеніе мужской ленты, отъ которой остались теперь только разрозненныя

группы желтыхъ зернышекъ, между тѣмъ какъ женская лента сохраняетъ прежнюю свѣжесть.

Не менѣе любопытна судьба клѣточныхъ ядеръ внутри зиготы. Судя по тому, что мы знаемъ для эдогоніевъ (сравни рис. 16), нужно было ожидать, что ядра обѣихъ копулирующихъ клѣточекъ у спирогиры сольются въ одно. Такъ оно въ дѣйствительности и оказывается, но вслѣдъ за этимъ внутри зиготы начинаются совершенно неожиданныя и трудно объяснимыя явленія. Ядро, образовавшееся чрезъ сліяніе ядеръ мужской и женской клѣточекъ, начинаетъ дѣлиться на-двое обычнымъ для ядеръ, сложнымъ способомъ, съ которымъ мы познакомимся впоследствии, и каждое изъ двухъ новыхъ ядеръ еще разъ повторяетъ тотъ же процессъ. Такимъ образомъ внутри покоющейся бурой зиготы оказываются теперь четыре ядра, но только на короткое время: вскорѣ два изъ нихъ сближаются между собою и сливаются въ одно, прочія же два ядра, предварительно раздробившись, разрушаются и исчезаютъ безслѣдно. Въ концѣ концовъ, слѣдовательно, зигота спирогиры заключаетъ, какъ почти всякая растительная клѣточка, одно ядро, на видъ не представляющее рѣшительно ничего особеннаго; глядя на него, никто бы не могъ догадаться, что это результатъ двукратно почему-то повторившагося сліянія ядеръ въ зиготѣ.

Нѣчто подобное происходитъ и у другихъ сцѣплянокъ. Хорошо изучена въ этомъ отношеніи (нѣмцемъ *Клебаномъ*) одноклѣтная сцѣплянка, имѣющая видъ слабо изогнутаго серпа (рис. 33, фиг. 8) и извѣстная подъ именемъ *кlostерія* (*Closterium*). При копуляціи два такихъ серпа сцѣпляются по срединѣ своей длины, развивая здѣсь, подобно спирогирѣ, боковые выростки; зигота получается въ этихъ слившихся выросткахъ, между обоими опорожненными серпами. Сліяніе ядеръ обѣихъ клѣтокъ совершается и здѣсь, но наступаетъ необыкновенно поздно. Въ теченіи всего періода покоя внутри зиготы можно видѣть два плотно сближенныхъ ядра (рис. 37); лишь при прорастаніи зиготы, когда она вылупляется изъ своей плотной шкурки (рис. 38), эти ядра дѣйствительно сливаются въ одно, которое тотчасъ же приступаетъ къ обычному сложному дѣленію на два (рис. 38 I и II); такое дѣленіе повторяется еще разъ (III), такъ что получается, какъ и у спирогиры, четыре ядра, но при этомъ все содержимое зиготы постепенно перетягивается на-двое (IV) и скоро внутри нѣжной оболочки, оставшейся на поверхности зиготы, послѣ того какъ она вылупилась изъ толстой зимней шкурки (рис. 37), получаютъ двѣ отдѣльныя клѣточки (рис. 38 IV), принимающія далѣе серповидную

форму взрослого кластерія (рис. 39). Въ каждой клѣточкѣ содержится, слѣдовательно, два ядра, но они оказываются неодинаковыми (рис. 38 IV и рис. 39): одно изъ нихъ, болѣе крупное имѣетъ обычный видъ и снабжено ядрышкомъ, другое, болѣе мелкое, безъ ядрышка. Первое ядро сохраняется въ клѣточкѣ и далѣе, второе же—постепенно разрушается и исчезаетъ безслѣдно. Таковы непонятныя чудеса, разыгрывающіяся внутри зиготы кластерія. У спирогиры эти чудеса совершаются въ покоящейся

Рис. 37.

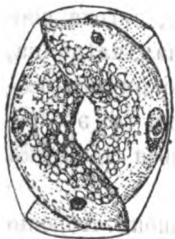
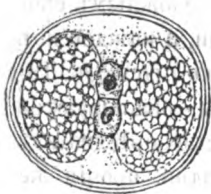


Рис. 39.

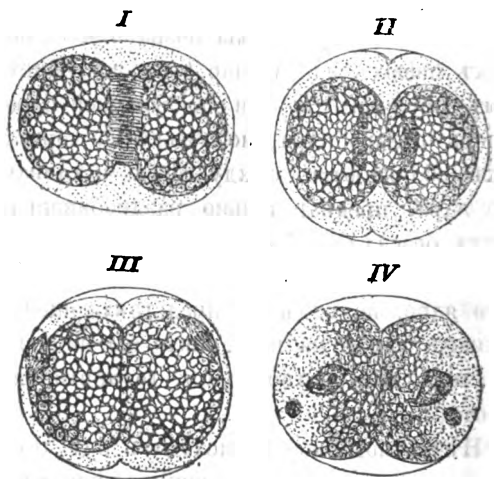


Рис. 38.

зиготѣ, у кластерія—въ прорастающей; въ первой сліяніе двухъ ядеръ происходитъ дважды, у втораго—только разъ; изъ зиготы спирогиры вырастетъ одна только новая нить, а изъ зиготы кластерія вылучится (рис. 39) два новыхъ недѣлимыхъ.

Отъ водорослей съ упрощеннымъ оплодотвореніемъ перейдемъ теперь къ тѣмъ, гдѣ этотъ процессъ совершается, наоборотъ, сложнѣе, чѣмъ у эдогоніевъ, вошерій и пр. Оплодотвореніе, усложненное иногда до того, что повергаетъ ученыхъ въ тупикъ, наблюдается въ своеобразной группѣ *багряннокъ*. Это болѣе частью обитатели морей, получившіе свое названіе отъ болѣе или менѣе откровеннаго краснаго цвѣта ихъ тѣла. Внешній видъ багряннокъ чрезвычайно разнообразенъ. Есть между ними простыя нитчатки, чаще это кустики, прикрѣпленные къ подводнымъ предметамъ, причемъ каждая вѣточка кустика слагается изъ одного или изъ многихъ рядовъ клѣточекъ; встрѣчаются формы въ видѣ пластинъ однослойныхъ или многослойныхъ, и т. д. Большинство багряннокъ

размножается двумя различными способами: бесполомъ и половымъ. При бесполомъ размноженіи, вмѣсто зооспоръ, которыхъ багрянки совершенно лишены, развиваются особыя, неподвижныя, вначалѣ голыя *тетраспоры*, получившія свое названіе отъ того, что онѣ образуются по четыре вмѣстѣ (рис. 40). Строченіе и расположеніе

тетраспоръ, разумѣется, весьма разнообразны у разныхъ багрянокъ, но для насъ особеннаго интереса не представляютъ. Кромѣ тетраспоръ, давно уже были извѣстны у багрянокъ другія споры, получившія названія *карпоспоры*. Онѣ-то и оказались продуктами оригинальнѣйшаго полового процесса. Карпоспоры образуются почти всегда на особыхъ недѣлимыхъ, которыя тогда уже не производятъ тетраспоръ. Судя по тому, что экземпляры, снабженные бесполовыми тетраспорами, попадаютъ несравненно чаще, чѣмъ экземпляры съ половыми карпоспорами, можно думать, что у багрянокъ

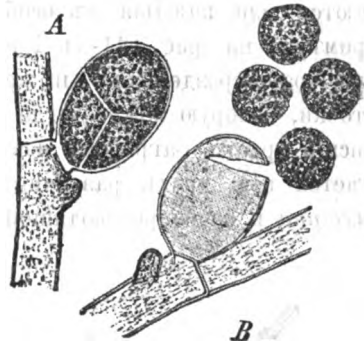


Рис. 40.

существуетъ такая же смѣна многихъ бесполовыхъ поколѣній однимъ половымъ, съ какою мы познакомились при описаніи эдогоніевъ. Опытнымъ путемъ это предположеніе еще не провѣрено, такъ какъ культура багрянокъ представляетъ почти непреодолимая затрудненія. Во всякомъ случаѣ, такая смѣна поколѣній свойственна не всей группѣ: извѣстны багрянки, совершенно лишеныя тетраспоръ. Мужскіе и женскіе органы размѣщаются, обыкновенно, на двухъ различныхъ экземплярахъ; слѣдовательно, одна и та же багрянка можетъ производить троякаго рода экземпляры: бесполоые съ тетраспорами, мужскіе и женскіе. Иногда, впрочемъ, оба

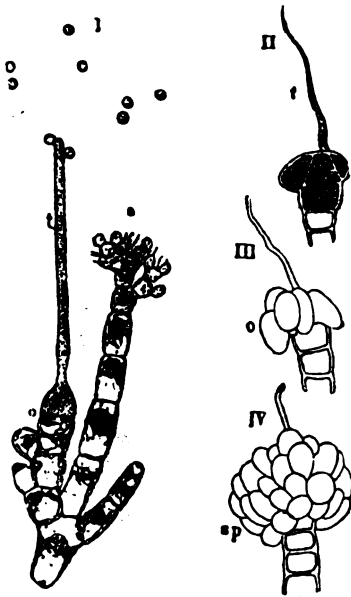


Рис. 41.

сорта половыхъ органовъ сидятъ рядомъ на одномъ и томъ же недѣлимомъ, напримѣръ, у тѣхъ двухъ багрянокъ, оплодотворе-

ніе которыхъ воспроизведено на рисункахъ 41-мъ и 42-мъ. Оплодотворяющими элементами служатъ здѣсь не живчики, а мелкія тѣльца, большею частью шаровидной формы, голыя, но лишеныя рѣсничекъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и способности самостоятельнаго движенія (рис. 41 I). Ихъ называютъ *сперматіями*. Они развиваются или каждый въ особой мелкой клѣточкѣ, какъ видно, напримѣръ, на рис. 41-мъ I въ *a*, гдѣ много такихъ клѣточекъ собрано гроздевидно, или же въ большомъ числѣ внутри одной клѣточки, которую можно тогда назвать *антеридіемъ* (рис. 42 *a*). Женскій органъ багряннокъ извѣстенъ подъ именемъ *прокарпія* и слагается изъ двухъ различныхъ частей: воспринимающей или *трихогина* и споропроизводящей или *карпогона*. Познакомившись

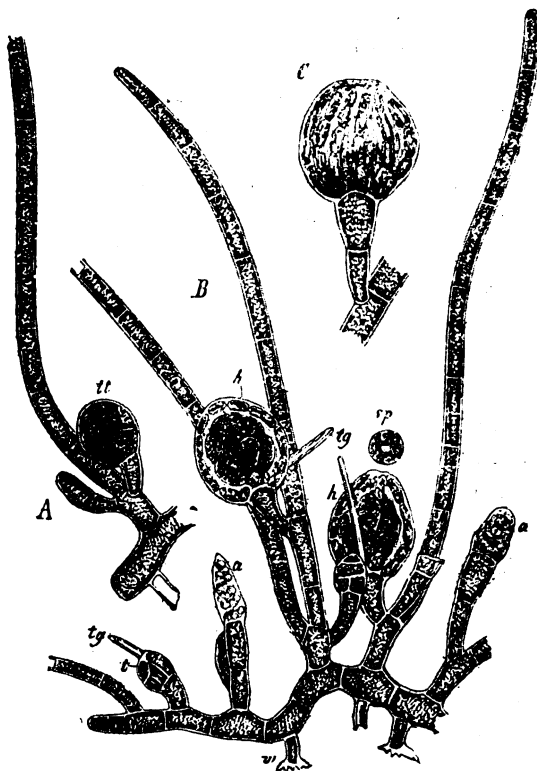


Рис. 42.

ближе съ строеніемъ соответствующихъ частей, мы увидимъ, что приведенная выше сложная терминологія вызвана не простымъ капризомъ ученыхъ, а роковою необходимостью: извѣстные уже намъ термины—яйцо, оогоній, ооспора и пр. совершенно непримѣнимы къ багрянкамъ. Воспринимающая часть женскаго органа, т. е. трихогинъ, имѣетъ вообще видъ нѣжнаго волоска (*t* въ рис. 41-мъ и *tg* въ рис. 42-мъ), который своимъ концомъ всегда выставляется свободно въ окружающую воду, даже если прокарпіи скрыты

въ тѣлѣ водоросли; въ обоихъ случаяхъ, переданныхъ на нашихъ рисункахъ, прокарпій лежитъ, впрочемъ, вообще открыто. На рис. 41-мъ I мы видимъ особенно простое строеніе женскаго органа, который состоитъ весь изъ одной только клѣточки (*to*), такъ что трихогинъ *t* и карпогонъ *o* представляютъ лишь различныя части этой клѣточки. Обыкновенно же трихогинъ не только

отдѣленъ при основаніи перегородкою отъ карпогона, но послѣдній уже до оплодотворенія составленъ самъ изъ нѣсколькихъ клѣточекъ (рис. 42 *t*). Процессъ оплодотворенія заключается у багрянокъ въ слѣдующемъ. Сперматин, пассивно увлекаемые водою, прилипаютъ къ кончику трихогина (рис. 41 I) и, облекшись оболочкою, копулируютъ съ нимъ, т. е. переливаютъ въ трихогинъ свое содержимое, оставаясь и послѣ этого замѣтными въ видѣ пуговки или бородавки. Оплодотворяющее вещество по трихогину передается въ карпогонъ, побуждая его къ дальнѣйшему развитію, а самъ трихогинъ, какъ часть, исполнившая свое назначеніе, послѣ этого постепенно отмираетъ и, наконецъ, сбрасывается. Напротивъ, карпогонъ начинаетъ разрастаться, увеличивая число своихъ клѣточекъ, и, въ концѣ концовъ, превращается въ кучку такъ называемыхъ карпоспоръ. Послѣднія либо лежатъ совершенно открыто, образуя гроздевидную массу (рис. 41 IV *sp*), либо обрастаются постепенно особыми клѣтками, такъ что заключены какъ бы внутри плода (рис. 42, *h* и *C*). Какимъ образомъ изъ карпоспоры вырастаетъ новая багрянка—пока неизвѣстно.

Сравнивая описанный процессъ оплодотворенія багрянокъ съ тѣмъ же процессомъ у другихъ водерослей, мы замѣчаемъ слѣдующія особенности: 1) не только женскіе, но и мужскіе элементы утратили свою подвижность; 2) воспринимающая часть женскаго органа обособилась, отдѣлилась отъ той, которая, собственно, подвергается оплодотворенію; 3) нѣтъ яйца въ смыслѣ голой массы, которая послѣ оплодотворенія облекалась бы оболочкою; 4) продуктомъ оплодотворенія является не отдѣльная спора, а цѣлая кучка таковыхъ, цѣлый, иногда сложно устроенный плодъ (рис. 42). По внѣшнему виду прокариій багрянокъ напоминаетъ пестикъ высшихъ растений: трихогинъ играетъ роль столбика съ рыльцемъ, а карпогонъ—роль завязи. Сравненіе это, впрочемъ, совершенно поверхностное, сути дѣла не выражающее, какъ увидимъ, ознакомившись съ оплодотвореніемъ высшихъ растений. Съ другой стороны, глядя на особенно просто устроенный прокариій въ родѣ *ot* на рис. 41-мъ I, можно бы сказать, что яйцо вытянуло здѣсь свое воспринимающее пятно въ длинную ниточку—трихогинъ, но къ болѣе сложнымъ случаямъ возрѣніе это, очевидно, не примѣнимо; къ тому же трихогинъ, и вообще прокариій, покрытъ оболочкою еще до оплодотворенія. Вообще половой процессъ багрянокъ разыгрывается такъ своеобразно, что многіе ученые рѣшительно возстаютъ противъ включенія багрянокъ въ число водерослей; по ихъ мнѣнію, эти организмы должны составлять особую

группу, связь которой съ водорослями и пр. остается пока совершенно невыясненною.

Существуютъ багрянки, оплодотвореніе которыхъ представляетъ еще ббльшія, почти невѣроятныя усложненія. Здѣсь тоже есть трихогинъ, къ кончику котораго приклеиваются сперматіи; но клѣточки, лежащія при основаніи трихогина, вмѣсто того, чтобы породить карпоспоры, послѣ оплодотворенія разрастаются въ длинныя нити; нити эти направляются въ разныя стороны къ особеннымъ, заранѣе намѣченнымъ клѣточкамъ, сидящимъ на концахъ особыхъ вѣточекъ того же экземпляра; конецъ нити сливается (копулируетъ) съ такою клѣточкою и побуждаетъ ее образовывать кучку карпоспоръ. Здѣсь, можно сказать, трихогинъ и карпогонъ, обыкновенно связанные другъ съ другомъ въ прокарпіи, совершенно разъединены: трихогинъ лишенъ карпогона, а карпогонъ—трихогина, а связь между ними устанавливается лишь во время оплодотворенія съ помощью особыхъ нитей, разносящихъ оплодотворяющее вещество. Вмѣстѣ съ тѣмъ оплодотвореніе совершается здѣсь какъ бы дважды: первый разъ, когда, подъ вліяніемъ сперматіевъ, прильнувшихъ къ трихогину, выпускаются оплодотворяющія нити, второй—когда послѣднія копулируютъ съ карпогонами. Это-то двухкратное оплодотвореніе, нигдѣ болѣе въ растительномъ царствѣ не встрѣчающееся, возбуждаетъ особенное недоумѣніе ученыхъ. А между тѣмъ, какъ ни удивительны эти факты, обнаруженные французскими учеными *Борнэ* и *Тюрэ*, открывшими половой процессъ багрянокъ вообще, дальнѣйшія изслѣдованія не только вполне подтвердили ихъ, но еще открыли намъ существованіе любопытныхъ переходныхъ формъ. У нѣкоторыхъ багрянокъ прокарпіи обычнаго строенія располагаются въ большомъ числѣ, тѣлымъ слоемъ, плотно прижимаясь другъ къ другу; всѣ они сходны между собою, но у крайнихъ трихогины менѣе развиты, чѣмъ у среднихъ. Оплодотворенію подвергаются средніе прокарпіи, т. е. къ ихъ длиннымъ трихогинамъ пригѣпляются сперматіи, карпоспоры же развиваются только изъ крайнихъ прокарпіевъ. Очевидно, что средніе прокарпіи играютъ здѣсь только передаточную роль: они воспринимаютъ оплодотворяющее вещество и передаютъ его крайнимъ, которые уже пользуются имъ; средніе служатъ растенію своими трихогинами, крайніе—своими карпогонами. Вслѣдствіе скученности прокарпіевъ, оплодотворяющія нити становятся здѣсь излишними.

Подводя итоги всему, что мы видѣли у водорослей, мы можемъ установить въ этой группѣ по отношенію къ процессу оплодотворенія пять типовъ: 1) низшія водоросли, совершенно лишенныя

оплодотворенія; 2) водоросли съ упрощеннымъ оплодотвореніемъ въ видѣ копуляціи бродяжекъ; 3) параллельный предыдущему типъ сцѣплянокъ; 4) водоросли съ типическимъ оплодотвореніемъ, т. е. яйцами и живчиками; 5) типъ багряннокъ съ усложненнымъ оплодотвореніемъ. Второй типъ, вѣроятно, развился изъ перваго, четвертый изъ втораго, типы же сцѣплянокъ и багряннокъ стоятъ совершенно особнякомъ,—связь ихъ съ прочими не выяснена. Въ настоящее время принято называть водоросли (и другіе организмы), лишенныя всякаго намека на половой процессъ, *гаммами*, водоросли, у которыхъ оплодотвореніе заключается въ копуляціи двухъ подвижныхъ или неподвижныхъ гаметъ (второй и третій типы)—*изогамными*; водоросли съ яйцами и живчиками — *оогамными*; багрянки, наконецъ, суть водоросли *карногамныя*.

Вотъ выводы, къ которымъ привело насъ изученіе развитія водорослей. Прощаясь съ этою интереснѣйшею группою, благодаримъ ее за весь умственный багажъ, которымъ она насъ снабдила, и перестанемъ смотрѣть презрительно на тину и на ученыхъ, съ любовью и настойчивостью въ ней копающихся.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Ф И Л О С О Ф К А.

КАРТИНКА СЪ НАТУРЫ

Остой (Юзефы Савицкой)

Переводъ съ польскаго

„Я знаю, что въ репертуарѣ цѣлаго вашего дня нѣтъ ни минуты свободнаго времени, но, хотя бы мнѣ пришлось обречь васъ на сплетни цѣлаго города, я долженъ придти къ вамъ сегодня вечеромъ, чтобы отдать отчетъ въ порученномъ мнѣ дѣлѣ“.

Письмо это панна Каролина получила сегодня утромъ, когда выходила на первый урокъ. Письмо къ ней! Боже милосердый! Да вѣдь она почти никогда не получаетъ писемъ. Отъ времени до времени отзываются два племянника, словно два филина, одинъ изъ глубины лѣсовъ Бѣлаго, другой изъ степей Чернаго моря. Оба они по ея милости и людьми вышли. Она платила за ихъ помѣщеніе, одѣвала, а какъ они немного пришли въ разумъ и поняли, что сиротамъ грустно живется на свѣтѣ, то взяла ихъ къ себѣ и стала ухаживать за ними, хотя для нѣжности времени у нея не было. Десять, двѣнадцать часовъ уроковъ музыки каждый день. Когда приходилось ей оказывать какую-нибудь ласку, ее охватывала такая жалость, какъ будто она сама была сиротою, хотя на самомъ дѣлѣ у панны Каролины на свѣтѣ никого близкаго не было. Племянники—дѣти какой-то четвероюродной сестры, но это все равно: каждый мальчикъ сорванецъ, отъ родной ли, отъ четвероюродной ли сестры родится онъ на свѣтѣ.хлопотъ съ ними было не мало: они прятали отъ нея дырявые сапоги, сами чинили платье, обходились даже безъ книжекъ. Она должна была шпионить за ними и почти укладкой удовлетворять ихъ потребности. Теперь едва они стали на свои

ноги, и тотъ и другой въ каждомъ письмѣ ее къ себѣ тянетъ: одинъ на Бѣлое, другой на Черное море. Скучаютъ, разбойники! Отъ каждаго письма такую грустью вѣтъ, что она, хотя никогда не плачетъ, а читая письма, невольно разъ десять принуждена бываетъ подносить платокъ къ глазамъ; сами съ тамошней жизнью примириться не могутъ, а ей рай общаются! Тотъ, изъ лѣсовъ, въ особенности! Ахъ, еслибъ можно было раздвоиться, не утрачивая при этомъ своей цѣлости, она, можетъ быть, и поѣхала бы, чтобы посмотрѣть, каковы ея прежніе сорванцы. Теперешній лѣсничій прежде былъ настоящимъ волкомъ: людей боялся, книжки пожиралъ, худъ былъ какъ гончая собака, потому что отъ науки не потолстѣешь. А тотъ, что теперь ученымъ агрономомъ считается, корчилъ изъ себя барчука. Купила она какъ-то ему духовъ и пару перчатокъ на имянины; онъ былъ совершенно счастливъ и повлялся, что никогда этого не забудетъ. Ну, и не забывъ! Какія письма этотъ мальчиѣ пишетъ! Придастъ имъ такое содержаніе, что даже вложенная въ письмо кредитная бумажка представляется сердечнымъ словомъ, а не подачкой или уплатой стараго долга. Послѣ каждаго письма панна Каролина—хоть сейчасъ въ дорогу, и если бы у нея вдругъ выросли крылья, она полетѣла бы на сѣверъ, потому что недюжимый книжникъ все-таки больше приходился ей по сердцу. Но она никогда не уѣдетъ изъ города, пятьдесятъ лѣтъ уже прожила въ немъ. Хотѣла бы она только жонъ имъ выбрать изъ здѣшнихъ: боится, какъ бы тамъ отъ скуки глупостей не надѣлали. Ее даже морозъ по кожѣ подираетъ, когда она подумаетъ объ этомъ. Да нѣтъ, она знаетъ своихъ мальчиговъ! Одному изъ нихъ она ужъ почти подыскала жену, свою Антосю... тоже сирота; панна Каролина воспитываетъ ее съ пятаго года. Красивая она, но слабая и болѣзненная,—настоящая княжна! Бѣдною, она была бы только тягостью для мужа, но, въ счастью, у нея можетъ быть состояніе, даже большое. Панна Каролина этой мыслью живетъ вотъ ужъ два года, то-есть, съ тѣхъ поръ, какъ умеръ какой-то далекій дѣдушка Антоси. Послѣ сегодняшняго письма адвоката она почти увѣрена, что процессъ выигранъ.

Этотъ вертопрахъ Лавицкій, тоже ея старшій ученикъ! Способный былъ, бездѣльниѣ; гаммы порядочно сыграть не умѣлъ, а тоже мазурки и вальсы въ ея честь сочинялъ... Шестъ лѣтъ она учила его затѣмъ только, чтобъ онъ надоѣдалъ ей.

— Отдайте мнѣ мои шестьсотъ шестьдесятъ шесть часовъ, панна Каролина! — кричитъ онъ, какъ только встрѣтитъ ее на улицѣ.

Хорошій мальчикъ! Онъ былъ товарищемъ ея Яся и Стася и самъ набился вести процессъ Антоси, хотя сначала и смѣялся надо всѣмъ этимъ дѣломъ:

— Яйцо выѣденное мы выиграемъ, панна Каролина! Рудовицкій родственникъ Антосѣ развѣ только по Адаму и Евѣ, а какъ вамъ извѣстно, всемірный потопъ прервалъ всѣ родственныя связи той отдаленной эпохи, и я не знаю, удастся ли намъ связать узелъ нашего родства. Попробую, для того и законы, чтобъ существовало беззаконіе. Вотъ и вы самымъ законѣйшимъ образомъ украли у меня шестьсотъ шестьдесятъ шесть наилучшихъ часовъ моей жизни!

Лавицкій смѣется надо всѣмъ въ свѣтѣ, но человекъ онъ хорошій, хотя и у него есть свои странности. Когда въ первый разъ онъ пришелъ къ ней за документами, необходимыми для процесса, то осматривалъ комнатку, какъ ростовщикъ или судебный приставъ.

— И въ этой-то канурѣ вы нашли мѣсто для сироты! — сказала онъ затѣмъ. — Право, панна Каролина, меня разбираетъ охота подарить вамъ мои шестьсотъ шестьдесятъ шесть часовъ. Пусть ужъ будетъ квитъ.

У панны Каролины камень съ сердца свалился, когда она отдала дѣло въ его руки; она знала, что это дѣло онъ будетъ защищать какъ свое собственное. Дѣло было запутанное, процессъ могъ затянуться на нѣсколько лѣтъ.

— Мнѣ хоть бы умереть спокойно, — повторила въ душѣ панна Каролина.

Избаловала она дѣвочку, испортила ее почти добровольно, кутала, какъ тепличное растеніе. Въ теченіе пяти лѣтъ пять разъ ради нея перемѣнила квартиру, и наконецъ нашла сухую, теплую комнату въ предмѣстьѣ, съ окнами, выходящими на сады и поля, откуда можно было видѣть и небо, и солнце, и деревья. Дѣвочкѣ было четырнадцать лѣтъ; она росла, выравнилась, но до сихъ поръ едва научилась читать да писать; для работы и науки силъ не хватало...

— Нужно было только отъ смерти ее спасти? — повторяла про себя панна Каролина. Ей было досадно на себя, что она не могла сдѣлать больше того, что сдѣлала.

— Хоть бы еще нѣсколько лѣтъ проскрипѣть — только едва ли это удастся.

Ноги у нея распухали, съ сердцемъ дѣло было все хуже и хуже; правда, она бѣгала по городу изъ конца въ конецъ почти безъ передышки, но на лѣстницы входила уже съ трудомъ. Только лицо ея цвѣло по прежнему, голубые глаза смѣялись весело, а въ свѣтлыхъ волосахъ ни слѣда сѣдины! И энергія не падала. Еще и теперь, какъ тридцать лѣтъ тому назадъ, она могла работать съ утра до ночи. При всякомъ, болѣе или менѣе ясномъ, проявленіи сочувствія, она пожимала плечами съ веселой улыбкой. Глупые люди! Она перемѣнила бы только свои распухшія ноги, да больное сердце, но больше ничего! Если бы она начала жить сначала, то жила бы такъ же, какъ живетъ теперь.

Сегодня она даже боли въ ногахъ не ощущала, бѣгала съ урока на урокъ, какъ въ горячкѣ, сердце ея то замирало, то тревожно билось въ груди, на щекахъ выступилъ яркій румянецъ, глаза блистали; въ разсѣянности она не слыхала почти ни одной ноты.

— Неужели это правда? Неужели я еще сегодня могу быть такой счастливой?—повторяла она, считая тактъ и указывая ноты дрожащей рукой.

Два раза она хотѣла возвращаться съ дороги и бѣжать къ адвокату, но боялась, что не застанетъ его дома.

День тянулся безконечно долго; на послѣднемъ урокѣ ей было совсѣмъ не по себѣ; нотные знаки скакали передъ ея глазами, сердце то вздрагивало, то останавливалось; ее охватывала тяжелая тревога.

— Глупо съ ума сходить раньше времени,— шептала она дрожащими губами, — или я съ ума сойду отъ радости... или...— она махнула рукой; лично ея не пугало никакое разочарованіе.

— Вы сегодня словно невѣста, — шутилъ старый профессоръ, живущій на пенсіи, смотря на разгорѣвшееся лицо панны Каролины.—А вѣдь что же?.. но это было бы страшный афронтъ для меня! Старый солдатъ всегда знаетъ службу лучше молодого, ну, и вѣрность лучше соблюдается подъ старость.

Они оба засмѣялись. Въ прошлую зиму она связала ему шесть паръ шерстяныхъ чулокъ; съ тѣхъ поръ онъ въ шутку называлъ ее своимъ идеаломъ; ему было восемьдесятъ лѣтъ и онъ жилъ съ двумя взрослыми внуками.

Кончился послѣдній урокъ... панна Каролина знала, что Лавицкій раньше восьми не придетъ, но торопилась, чтобы поскорѣй добраться до дому. Стоялъ морозный лунный ве-

*

черь, на улицахъ было почти пусто. Панна Каролина ускоряла шаги, но дорога какъ-то сама собою вытягивалась безконечною лентой. Въ первый разъ паннѣ Каролинѣ пришло въ голову, что она живетъ далеко отъ центра города.

На углу одной улицы она прислонилась спиною къ стѣнѣ.

— Скажите, такъ вотъ какъ дѣйствуетъ надежда! — шептала она съ веселой улыбкой, вѣрнѣе прижала руку къ сердцу, отдохнула немного и пошла дальше, останавливаясь черезъ нѣсколько шаговъ.

— Одинъ такой день поглотилъ больше силъ и здоровья, чѣмъ годъ сповойнаго, тяжелаго труда? Глупо я дѣлаю, что поддаюсь этимъ впечатлѣніямъ. Но если это правда... если будущность моей бѣдной дѣвочки обезпечена, — ну, тогда отъ радости и умереть стоитъ!

Она пробовала образумить себя, но разъ пробужденная надежда не давала подрѣзать себѣ крылья. Силы почти оставили панну Каролину, когда она подошла къ двери своего дома... Съ трудомъ переводя дыханіе, долго простояла она у порога.

Въ комнатѣ на столѣ горѣла лампа, подлѣ печки шумѣлъ самоваръ; на кровати спала Антося, покрытая теплымъ платкомъ; въ темномъ углу, у комода, горничная суетилась и гремѣла чайной посудой, панна Каролина медленно снимала пальто и шляпу; руки и ноги ея отяжелѣли какъ свинцовыя. Она знала это состояніе, не разъ это случалось съ ней, но сегодня ее черезчуръ измучило волненіе. Шатаясь, она прошла изъ темной прихожей въ комнату.

На столѣ, около лампы, лежало письмо, панна Каролина уже съ порога пытливо всматривалась въ него, — она узнала почеркъ Лавицкаго. Всякая боль и тягость исчезли. Кровь горячимъ потокомъ прилила къ ея головѣ. Письмо было не длинно: „Сегодня у меня нѣтъ ни минуты свободнаго времени, я могъ попасть бы къ вамъ развѣ только завтра вечеромъ. Не хочу медлить съ извѣстіемъ о вполне благоприятномъ исходѣ нашего дѣла: у дѣвочки въ карманѣ пятнадцать тысячъ, столько же она получитъ послѣ продажи имущества. Да, по временамъ нелѣпая фортуна умѣетъ выдѣлывать хитрые фокусы! О подробностяхъ завтра“.

Письмо выпало изъ ея рукъ. Панна Каролина опустилась на кресло. На глазахъ ея навернулись слезы, она хотѣла-было окликнуть Антосю, но голосъ застылъ въ ея горлѣ.

— Такъ это правда! — сказала она про себя, — такъ это правда...

Отвинувшись на спинку кресла съ руками, опущенными на колѣна, она сидѣла неподвижно и смотрѣла на письмо, лежащее передъ ней на столѣ... То, о чемъ она мечтала столько лѣтъ, наконецъ, осуществилось!.. Странное дѣло, какъ все въ ея жизни счастливо складывалось! Сирота она была, но ее въ дѣтствѣ пригрѣли добрые люди... потомъ сразу она нашла много работы. Одинъ годъ былъ грустный, тяжелый... самый лучшій годъ въ ея жизни... весь свѣтъ улыбался ей... тогда ее называли „Розою“... она любила... давно ужъ это прошло, а каждую минуту этого года она помнить ясно... счастье продолжалось нѣсколько мѣсяцевъ. Грустный конецъ смягчало убѣжденіе, что и она, если бы была на его мѣстѣ, можетъ быть, также поступила. Онъ женился на дѣвушкѣй доброй, умной.. и богатой. Онъ спасалъ семью и состояніе... Когда первая боль миновала, панна Каролина первая пожелала ему счастья... Правда, со слезами на глазахъ.

Послѣ этого что-то попортилось въ ея сердцѣ, и ничто уже не могло поправить этого... А сколько счастливыхъ минутъ пережила она со своими мальчиками! Она вытащила ихъ изъ нужды, спасла чуть не отъ голодной смерти, и какіе люди вышли изъ этихъ несчастныхъ, заморенныхъ ребятишекъ! честные, заботящіе, заваленные!.. Сколько разъ слезы счастья наворачивались на ея глазахъ, когда она думала о своихъ мальчикахъ.

А теперь... О, какой страшный огонь разлился въ ея груди... Панна Каролина смежила глаза, отяжелѣвшая голова склонилась на ручку кресла.

Въ тишинѣ слышалось только легкое дыханіе Антося, лампа угасала, лучи мѣсяца, заглядывающаго въ окно, все яснѣе вырисовывались на полу...

Сонъ овладѣвалъ панной Каролиной. Мало-по-малу серебристый сумракъ смѣнялся яркимъ свѣтомъ солнца.

Блаженная улыбка застыла на губахъ панны Каролины.. ей было такъ легко, какъ только легко можетъ быть въ счастливомъ снѣ... Старое, изможденное трудомъ, тѣло оставалось въ покоѣ, молодая сильная душа расплылась въ солнечной атмосферѣ...

Не стоитъ пробуждаться отъ такого сна...

Перевелъ Вуколь Лавровъ.

ПОТЕРПѢЛА ЛИ НАУКА БАНКРОТСТВО?

Статья Шарля Рише *).

Потерпѣла ли наука банкротство? Таковъ вопросъ, предлагаемый г. Брюнетьеромъ въ недавно появившейся его статьѣ въ «Revue des Deux Mondes». Онъ не рѣшается отвѣчать прямо; онъ не осмѣливается утверждать, что наука потерпѣла полное банкротство, но, говоря его словами, «она оказалась отчасти несостоятельной».

Да простить мнѣ г. Брюнетьеръ, но согласиться съ нимъ я не могу. Какъ бы я имъ ни восторгался, но на этотъ разъ, менѣе, чѣмъ когда-либо, я раздѣляю его мнѣніе.

Я не буду разбирать подробно безчисленные вопросы, которые онъ предлагаетъ и рѣшаетъ въ своей статьѣ. Изъ всей его туманной аргументаціи я возьму лишь основу, и, прежде всего, попытаюсь ярко освѣтить его разсужденія, съ цѣлью придать имъ, по возможности, больше силы.

«Вотъ уже сто лѣтъ, какъ наука обѣщала обновить міръ, разсѣять тайну: она этого не сдѣла. Въ рѣшеніи единственно существующихъ вопросовъ,—вопросовъ, касающихся происхожденія чело-вѣка, закона его нравственной жизни, и его будущей судьбы,—она бессильна. Мы теперь знаемъ, что въ этомъ отношеніи естественныя науки никогда намъ ничего не откроютъ».

Таковъ, если я вѣрно понялъ, смыслъ аргументаціи г. Брюнетьера. Какъ видно, это—сильное нападеніе, если не на науку, то, по крайней мѣрѣ, на самыя законныя стремленія ея. Посмотримъ, до какой степени можно ее защищать.

Прежде всего, мнѣ кажется, не слѣдуетъ смотрѣть трагически на обѣщаніе науки обновить міръ, да еще въ опредѣленный срокъ. Ученые имѣютъ, между прочимъ, претензію быть очень скромными: эту мудрую скромность налагаетъ на нихъ сама наука. Не

*) Изъ «Revue scientifique», январь 1895 г.

нужно быть великимъ астрономомъ, чтобы знать, что земля—маленькая планета, атомъ въ солнечной системѣ, что эта солнечная система—атомъ въ видимомъ звѣздномъ мірѣ, и что видимый звѣздный міръ—только атомъ въ безконечномъ пространствѣ.

Развѣ не наука установила эту незначительность, эту почти-что смѣшную ничтожность человѣка? Было бы недобросовѣстно упрекать ее въ томъ, что она залетаетъ слишкомъ высоко, когда именно она доказала, что человѣкъ—ничтожная частичка вселенной.

«Насъ окружаетъ невѣдомое; оно насъ окутываетъ, давитъ со всѣхъ сторонъ, и ни законы физики, ни выводы физиологіи не дадутъ намъ средства познать его». Это говоритъ самъ г. Брюнетьеръ, и лучше не могъ бы сказать и ученый. Какой же химикъ, физикъ или физиологъ думаетъ, что онъ въ состояніи все постичь? Признаніе безсилія науки—вотъ элементарное правило всякаго научнаго знанія. Мы наблюдаемъ только явленія. Сокровенная природа вещей ускользаетъ отъ насъ. Конечно, съ помощью микроскопа можно разсмотрѣть чудесно устроенныя, сложнѣйшія клѣточки, изъ которыхъ каждая—настоящій микрокосмъ. Но затѣмъ? Здѣсь только начинается безконечно-малое. Чтобы дальше идти, нужно было бы имѣть болѣе совершенныя чувства; а безконечно малое, какъ и безконечно великое, остается закрытымъ для насъ.

Во всякомъ случаѣ, если бы даже мы обладали чудесными телескопами и микроскопами, которые намъ позволяли бы видѣть въ тысячу разъ дальше, чѣмъ теперь,—намъ все же была бы доступна одна внѣшность, форма, а не причина матеріи и жизни. Почему желудъ превращается въ дубъ? Вотъ задача, часто предлагаемая, но едва ли когда разрѣшимая. Послѣдовательныя формы превращеній желудка въ дубъ будутъ описываться съ все болѣею и болѣею научной точностью. Но причина этихъ превращеній останется неуловимой; если бы одно какое-либо естественное явленіе было постигнуто во всѣхъ своихъ причинахъ и проявленіяхъ, то полное объясненіе микрокосма повело бы за собой и знаніе всей природы.

Химикъ, излагающій структуру молекулъ какого-нибудь тѣла, прекрасно знаетъ, что схемы, которыя онъ даетъ,—сущіе символы. Нашъ разумъ отказывается отъ пониманія матеріи, какъ только мы пытаемся ее постигнуть не на основаніи ея внѣшнихъ качествъ. Открывая законы, факты, явленія, методы, мы нисколько не подвигаемся впередъ относительно самой сущности вещей.

Наука, а не богословы, открыла безсиліе человѣка въ природѣ и несовершенство его ничтожныхъ пяти чувствъ. Въ своихъ

начинаніяхъ, человѣчество думало, что можетъ все познать, все постигнуть. Ученые разрушили это дѣтски-наивное міровоззрѣніе: они доказали, что человѣкъ не только не можетъ проникнуть во все, но что онъ не можетъ даже быть увѣренъ въ точности своихъ познаній. Научный прогрессъ отдаляетъ, если можно такъ выразиться, завоеваніе абсолютной истины. При каждомъ шагѣ впередъ граница отодвигается; такимъ образомъ, ученые лучше всего знаютъ, какъ велико ихъ невѣжество.

Совершенно излишне призывать ученыхъ къ скромности, разъ вся наука подтверждаетъ съ ужасающей достовѣрностью безконечность того непознаваемаго, которое насъ «давитъ», по сильному выраженію г. Брюнетьера. Но не справедливѣе ли было бы признать, что эта непоправимая слабость науки была формулирована, опредѣлена и почти-что доказана именно наукой?

Но если наука бессильна, въ чемъ она и сознается, относительно совершеннаго пониманія вселенной и абсолютнаго понятія истины, она, не обѣщая ничего, тѣмъ не менѣе, оказала нѣкоторое влияніе на міръ. Г. Брюнетьеръ, который, какъ и я, не любитъ банальности, былъ бы недоволенъ, если бы я сталъ подробно перечислять всѣ завоеванія науки. Тѣмъ не менѣе, не могу не замѣтить почтительно моему оппоненту, что наука нѣсколько усовершенствовала матеріальныя условія человѣчества. Право, очень удобно пользоваться каждую минуту, каждую секунду жизни благодѣяніями науки, и насмѣхаться надъ нею, «кусать свою кормилицу», по выраженію одного классика. Да развѣ мы можемъ думать, спать, ѣсть, ѣздить въ Римъ и обратно, писать, печатать, говорить, не будучи со всѣхъ сторонъ окружены плодами науки? *In eâ movemur, vivimus et sumus* (въ ней мы двигаемся, ею живемъ и существуемъ). Не будь науки, мы бы жили, какъ во времена святыхъ отшельниковъ, проповѣдавшихъ Крестовые походы, или даже, — вѣдь наука не вчера родилась, — какъ во времена каменнаго вѣка, когда люди, вооруженные камнями, боролись съ медвѣдями и защищали ногами и зубами своихъ женъ и свою кровавую добычу отъ столь же свирѣпыхъ сосѣдей.

Наука и цивилизація — тождественныя понятія, и я не вижу, какими тонкостями и какими уловками краснорѣчія можно ихъ раздѣлить?

Собственно говоря, наука, — подъ словомъ «наука» я подразумеваю великихъ ученыхъ и ихъ смиренныхъ учениковъ: Галилея, Декарта, Ньютона, Лавуазье, Лапласа, Дарвина, Пастэра, — наука, говорю я, никакихъ обѣщаній не давала. Человѣкъ погруженъ въ густой мракъ; онъ можетъ уловить лишь ничтожнѣйшую часть

явленій, его окружающихъ. Ученые сказали: «Попытаемся нѣсколько разсѣять этотъ мракъ; попытаемся бросить немного свѣта въ эту черную бездну; можетъ быть, такимъ образомъ, намъ удастся сдѣлать человѣческую жизнь менѣе суровой. Будемъ слушать истинѣ, и если мы откроемъ новый законъ, новый фактъ,—нашъ долгъ будетъ исполненъ». Вотъ какія обѣщанія давала наука, и, кажется, она ихъ сдержала.

Сейчасъ увидимъ, что намъ думать о нравственномъ прогрессѣ; но что касается матеріальнаго прогресса, конечно, никто не рѣшится отрицать, что онъ—плодъ науки, иначе говоря, что онъ—результатъ усилій ученыхъ. Съ этимъ спорить невозможно.

Весь современный міръ, съ своими тысячью пяти сотъ милліонами жителей, обязанъ своимъ развитіемъ только наукѣ, и наука ведетъ его впередъ, независимо отъ различныхъ культуръ, испещряющихъ его земную поверхность. И такъ, миссія ученыхъ не потерпѣла неудачи, и слово «банкротство» въ данномъ случаѣ очень странно, ибо ученые, ничего не обѣщая, дали много.

Дадутъ ли они еще что-нибудь? Мы думаемъ, да. Можетъ быть, мы ошибаемся, но мы думаемъ, не давая впрочемъ никакихъ обѣщаній, дабы какой-нибудь потомокъ г. Брюнетьера не поставилъ намъ ихъ когда-нибудь въ укоръ, — мы думаемъ, что наука не сказала еще своего послѣдняго слова. Она находится еще въ дѣтствѣ, въ самомъ раннемъ дѣтствѣ. Достигнутые успѣхи могутъ намъ представить лишь блѣдную картину будущихъ успѣховъ. Конечно, эти успѣхи—ничто въ сравненіи съ безконечнымъ и абсолютнымъ. Вселенная всегда останется неизвѣстной и непрогнозируемой. Но прогрессъ, ничтожный съ точки зрѣнія трансцендентной метафизики, имѣетъ большое значеніе въ смыслѣ облегченія страданій человѣчества.

Обратимся къ подробностямъ.

Г. Брюнетьеръ очень настаиваетъ на томъ, что ученые ничего не могутъ узнать о «происхожденіи человѣка». «Каково происхожденіе рѣчи?—говоритъ онъ.—Каково происхожденіе общества? Происхожденіе нравственности? Кто ни пытался въ нашемъ вѣкѣ отвѣчать на эти вопросы, — терпѣлъ жалкую неудачу, и всегда будетъ неудача, одна неудача».

Такія утвержденія миѣ кажутся нѣсколько смѣлыми. Конечно, происхожденіе рѣчи въ точности неизвѣстно: тѣмъ не менѣе, собрано много поучительныхъ документовъ, которыми пренебрегать неразумно. Этнологія и лингвистика съ одной стороны, физиологія, экспериментальная психологія и патологическая анатомія, съ другой, открыли намъ столько тѣсно связанныхъ между собой фак-

товъ относительно природы и, слѣдовательно, происхожденія членораздѣльной рѣчи, что мы, право, не далеки отъ сиптезиса. Если не приписывать рѣчи божественное происхожденіе, то мы близки къ рѣшенію вопроса. Между нечленораздѣльной рѣчью животныхъ и первобытной членораздѣльной рѣчью, состоящей изъ нѣсколькихъ звуковъ, гдѣтъ той глубокой непроходимой пропасти, отдѣляющей познаваемое отъ непознаваемаго. Можетъ быть, сущность матеріи останется всегда неизвѣстной человѣку, но я не вѣрю, чтобы всякая гипотеза о происхожденіи рѣчи, гипотеза, основанная на наблюденіяхъ, опытахъ и аналогіяхъ, неизбѣжно повела къ неудачѣ. Напротивъ, мнѣ кажется, этотъ вопросъ уже наполовину рѣшенъ или, по крайней мѣрѣ, на пути къ разрѣшенію. Столько есть дѣйствительно недоступныхъ намъ вопросовъ, что не слѣдовало бы выбирать именно этотъ въ доказательство ничтожности или слабости человѣческой науки.

Что касается меня, то я никогда не осмѣлюсь сказать о какомъ-нибудь научномъ вопросѣ: «Это никогда не удастся». Такой смѣлости у меня не хватаетъ, можетъ быть, потому, что я знаю нѣсколько примѣровъ преждевременныхъ, очень неудачныхъ, отрицаній. Въ 1821 г., Прево и Дюма, изучая кровавые шарики, рѣшились написать: «Тщетность нашихъ попытокъ отдѣлать окрашенное вещество крови отъ остальнаго ея состава, даетъ намъ почти увѣренность, что это никогда не удастся». Сорокъ лѣтъ спустя, это «окрашенное вещество» было отдѣлено, анализировано и изучено. Въ настоящее время приготовленіе кристаллизованнаго гемоглобина сдѣлалось совершенно элементарнымъ курсовымъ опытомъ. Въ 1839 г. Югантъ Миллеръ говорилъ: «Быстрота нервовъ такъ велика, что измѣрить ее никогда не удастся». Два года спустя, Гельмгольцъ показалъ посредствомъ очень простаго опыта, столь простаго, что онъ доступенъ любому студенту-медику второго курса, что эту быстроту можно очень хорошо измѣрить. Когда Вельпо разсказалъ въ институтѣ экспериментальной медицины исторію операціи, совершенной въ анестезическомъ снѣ, то Маженди заявилъ, что уничтожить боль во время операціи невозможно, и что это *было бы безнравственно*. Даже Пастэръ, нашъ великій Пастэръ, слава нашего вѣка и нашей страны, имѣлъ неосторожность сказать, что химическій синтезъ никогда не создастъ вещества, одареннаго поляризующими свойствами, а нѣсколько лѣтъ спустя, г. Юнгфлейшъ синтетически приготовлялъ виннокислоту, имѣющую коловратную силу.

Тутъ г. Брюнетьеръ находится въ хорошемъ обществѣ. Но все-таки, мнѣ кажется, онъ нѣсколько легкомысленно отважился

утверждать, будто бы мы никогда ничего не узнаемъ о происхожденіи рѣчи.

То же самое относительно человѣческихъ обществъ. По этому вопросу было написано столько книгъ, что одно ихъ перечисленіе заняло бы вѣскольکو страницъ. Неужели ничего не сдѣлали всѣ географы, путешественники и натуралисты, которые изучали нравы дикарей, ихъ ассоціаціи, столкновенія, инстинкты? Неужели всѣ эти знанія о первобытныхъ обществахъ не имѣютъ значенія, нигде не приводятъ, ничему не учатъ?

Цивилизація не сошла съ неба, вооруженная съ ногъ до головы, какъ Минерва изъ головы Юпитера. Она совершалась постепенно, медленно, методично. Мы не можемъ въ ней сомнѣваться, такъ какъ каждый день видимъ ея успѣхи. Предками цивилизованныхъ людей были дикари. Слѣдовательно, умственное и общественное состояніе нынѣшнихъ дикарей можетъ дать намъ вполне вѣрное понятіе о томъ, чѣмъ были наши предки. Почему же эта область должна считаться непознаваемой? И кто имѣетъ право сказать — наука «потерпѣла банкротство» только потому, что науки, занимающіяся происхожденіемъ человѣка, не обладаютъ достовѣрностью и точностью физическихъ или математическихъ знаній?..

Правда, если бы наука могла доказать еще точнѣе, что происхожденіе рѣчи кроется въ крикѣ животныхъ, а происхожденіе человѣческихъ обществъ въ обществахъ животныхъ, то и тогда бы она лишь отодвинула затрудненіе. Она бы объяснила *какъ*, но не *почему*. Почему существуетъ эволюція? почему явились человѣческія существа? Къ чему жизнь на землѣ? Почему такой-то или такой-то смыслъ эволюціи этой жизни? Какова цѣль? Какова наша будущая судьба? Тутъ мы сталкиваемся съ непознаваемымъ, доходимъ до границы науки. Можетъ быть, мы когда-либо двинемъ впередъ задачу, но рѣшить ее намъ, вѣроятно, никогда не удастся. Да, къ несчастью, это правда: мы страшно малая частица великаго цѣлаго, слабый молекулъ, затерянный въ безконечномъ пространствѣ и времени, и мы никогда не подыдемся до причины нашего существованія и не дадимъ его полной формулы.

Во всякомъ случаѣ, это не самое важное. Дѣло въ томъ, чтобы установить отношенія между нравственностью и наукой. Наука совершила матеріальный прогрессъ человѣчества. Это неопровержимо. Но что она сдѣлала для нравственнаго прогресса? Ничего, по мнѣнію г. Брунетъера. Она оказалась здѣсь несостоятельной, какъ и въ рѣшеніи вопроса о происхожденіи. Въ физиологіи нельзя найти основъ нравственности.

Конечно. Ни фізіологія сама по себѣ, ни химія, ни ботаника, ни математика, не могутъ опредѣлить добро и зло и дать человѣчеству правила нравственности. Ученый въ своей лабораторіи не пытается указывать людямъ, что они должны дѣлать, чтобы быть справедливыми, добрыми и мудрыми. Задача его очень узка: опредѣленіе морского ежа, кристаллизація соли, провѣрка термометра. Съ изумительнымъ увлеченіемъ специализируется всякій ученый на какомъ-нибудь трудѣ, на первый взглядъ пустяшномъ и незначительномъ; поверхностному наблюдателю могутъ показаться просто жалкими, по своей незначительности, нѣкоторыя научныя изысканія. Одинъ знаменитый химикъ посвятилъ сорокъ лѣтъ своей жизни точному измѣренію расширенія ртути, стекла и нѣкоторыхъ газовъ. Физиологъ изучаетъ въ мельчайшихъ подробностяхъ сокращеніе одного какого-нибудь мускула лягушки; геологъ пытается открыть въ формѣ полосъ раковины средство раздѣлить два вида ископаемыхъ устрицъ; ботаникъ считаетъ лепестки рѣдкаго цвѣтка или разбираетъ устройство листьевъ на стеблѣ; математикъ изобрѣтаетъ новыя функціи и пишетъ длинныя работы о величинахъ, которыя могутъ не существовать.

Въ настоящую минуту, въ тѣхъ самыхъ лабораторіяхъ, гдѣ, будто бы, насмѣхаются надъ «банкротствомъ» науки, вездѣ, во Франціи, въ Германіи, въ Италиі, въ Россіи, въ Англіи и въ Америкѣ, сотни, или, вѣрнѣе, тысячи людей работаютъ, изучаютъ путемъ подробнаго, часто скучнаго анализа, факты и явленія, и радуются, если въ концѣ дня ихъ микроскопическая задача подвинулась хоть на волосъ впередъ. Міръ похожъ на громадную мастерскую, гдѣ тысячи работниковъ, все почти неизвѣстныхъ, содѣйствуютъ, каждый по мѣрѣ силъ, увеличенію общаго фонда человѣческихъ знаній.

Во всѣ времена было то же самое; во всѣ времена были ученые. Исканіе истины ведетъ начало еще отъ Пифагора и Архимеда, и, конечно, Пифагоръ и Архимедъ имѣли предшественниковъ; но число этихъ тружениковъ увеличивается съ каждымъ днемъ. Съ самаго начала нынѣшняго вѣка колоссальное усиліе было употреблено энергическимъ сотрудничествомъ этихъ тысячъ работниковъ. Работа каждого изъ нихъ очень мала, но общая ихъ работа громадна.

Если бы кто вздумалъ спросить одного изъ этихъ людей: «Какъ воздѣйствуетъ на нравственность этотъ бромистый эфиръ, который вы изучаете уже десять лѣтъ? Какимъ образомъ анализъ такой-то математической функціи измѣнитъ понятіе о долгѣ? Станутъ ли люди лучшими, вслѣдствіе болѣе совершеннаго опредѣленія той или другой устрицы?» Вѣроятно, ученый разсмѣялся бы и не по-

нялъ бы этого вопроса. Вѣдь онъ не заботится о нравственности; онъ ищетъ только истины, не думая о послѣдствіяхъ, которыя она ведетъ за собой. Разъ отдавшись наукѣ, онъ признаетъ за очевидное требованіе, что истина хороша сама по себѣ, и не можетъ себѣ представить, чтобы его работа могла быть ненужной, если только онъ уменьшилъ, хотя бы въ очень слабой степени, ужасное по своей грандіозности человѣческое невѣжество.

Намъ кажется, что ученые правы; вѣдь то, что мы называемъ цивилизаціей, есть лишь послѣдствіе ихъ громаднаго труда. Совокупность всѣхъ этихъ маленькихъ частныхъ истинъ составляетъ общее достояніе, и это цѣлое нельзя расчленивать. Историческія и математическія, экспериментальныя и медицинскія, физико-химическія и естественныя, промышленныя и механическія знанія, все это такъ тѣсно связано между собой, что нельзя себѣ представить прогрессъ въ одной изъ наукъ, который бы не отозвался сейчасъ же на прогрессъ въ другой. Это нѣчто вродѣ блока, по одному знаменитому сравненію, и этотъ блокъ, эта цивилизація, это—само человѣчество, такое, какимъ оно существуетъ до настоящаго времени.

Было бы несправедливо упрекать того или другого изъ безчисленныхъ работниковъ, содѣйствовавшихъ созиданію громаднаго зданія, въ томъ, что они не начертили плана всего строенія. Развѣ можно упрекать солдата, который на полѣ битвы, по приказанію офицера, пошелъ впередъ, затѣмъ налѣво, потомъ направо и стрѣлялъ въ дыму, ничего не видя, развѣ можно его упрекать въ томъ, что онъ не понялъ смысла великаго сраженія, въ которомъ участвовалъ? Онъ ничего не понялъ, онъ ничего не видѣлъ, а между тѣмъ, своимъ слабымъ участіемъ содѣйствовалъ побѣдѣ. Точно также, всѣ работавшіе для науки въ своей лабораторіи или въ своемъ кабинетѣ, всѣ они, по древнему и вѣрному выраженію, принесли свой камень на постройку зданія. Они содѣйствовали прогрессу, хотя ихъ личная работа была ничтожна, и они не понимали всего ея значенія. Значеніе коллективной работы, въ которой они участвовали, ускользнуло отъ нихъ, но, тѣмъ не менѣе, они создавали, изобрѣтали, открывали и, повемногу, они расширили предѣлы человѣческаго знанія.

И вотъ, благодаря нѣсколькимъ поколѣніямъ умныхъ и неутомимыхъ тружениковъ, всѣ эти завоеванія науки представляютъ нѣчто неразрывное съ нашей цивилизаціей, а вмѣстѣ—онѣ составляютъ нашу нравственность.

Наука, цивилизація и нравственность, это три понятія параллельныя. Невозможно вообразить себѣ нравственнаго прогресса, который бы не повлекъ за собой прогресса цивилизаціи, и наобо-

ротъ. Одинъ юмористъ сказалъ, что состояніе цивилизаціи страны измѣряется потребленіемъ мыла и почтовыхъ марокъ. Эту остроту можно было бы примѣнить къ нравственности, которая растетъ одновременно съ побѣдой человѣка надъ матеріей. В. Дюркхеймъ однажды сказалъ намъ: «Если бы я составлялъ естественную исторію, я бы раздѣлилъ ее на двѣ части: міръ до желѣзныхъ дорогъ и міръ послѣ желѣзныхъ дорогъ». Этой краткой формулой онъ хотѣлъ сказать, что промышленность обновила общественное и нравственное состояніе человѣчества. Да кто бы посмѣлъ отрицать, что цивилизованный человѣкъ нравственнѣе дикаря? Кто допуститъ нелѣпую мысль, что троглодиты и доисторическіе люди были совершенны, что первобытный человѣкъ былъ ангеломъ? Намъ приходится признать, несмотря на краснорѣчіе Руссо, что, благодаря намъ, развитіе человѣчества смягчило нравы, вдохнуло въ насъ великодушныя чувства и создало идеалъ нравственности, установивъ принципъ свободы и отвѣтственности. Борьба съ природой все болѣе и болѣе удаляетъ насъ отъ низкаго типа первобытнаго человѣка: она уничтожила дикость и ввела нравственныя идеи, которыя дѣлаютъ насъ такъ мало похожими на нашихъ отвратительныхъ предковъ.

Кому мы обязаны этимъ прогрессомъ?

Для большей ясности, возьмемъ не очень отдаленную эпоху. Когда наука еще не завоевала міра. Каковы были нравственныя идеи Боссюэ о войнѣ, о рабствѣ, пыткѣ, свободѣ совѣсти, равенствѣ людей, объ уваженіи къ человѣческой жизни? Какъ смотрѣлъ Боссюэ на драгонады, на Варфоломейскую ночь, на инквизицію? И какъ мы смотримъ на это теперь? Кто же измѣнилъ мнѣнія людей?

Въ настоящее время цивилизованное человѣчество признаетъ лишь одну нравственность. Эта нравственность не вырабатывалась понемногу въ лабораторіяхъ, но, тѣмъ не менѣе, она—плодъ науки. По мѣрѣ того, какъ наука распространялась въ мірѣ, уменьшая страданія и разсѣвая невѣжество людей, развивалась и нравственность, обязательная для всѣхъ. Она дѣлаетъ такіе быстрые успѣхи, что ея окончательное торжество можетъ настать гораздо скорѣе, чѣмъ мы предполагаемъ и надѣемся.

Эта нравственность основывается на понятіи о человѣческой солидарности. *Зло есть то, отъ чего страдаютъ другіе.* Вотъ чему насъ научили физика и зоологія, химія и астрономія, ботаника и физиологія, географія и филологія, антропологія и математика. Развивалась умственно и приобрѣтая все новыя и новыя знанія, человѣкъ пришелъ къ тому, что лучше сталъ понимать свой долгъ

на землѣ. Не теряясь въ облакахъ загадочнаго будущаго, ожидающаго его, онъ покуда довольствуется простымъ исполненіемъ своего долга, а долгъ этотъ вполне ясенъ: нужно, прежде всего, быть добрымъ и справедливымъ. Люди—братья, и борьба классовъ, какъ и борьба націй, есть преступленіе. Человѣкъ долженъ признать, что эгоизмъ и жестокосердіе—отвратительные пороки, что самозабвеніе—необходимо, что самоотверженіе—лучшее и, можетъ быть, единственное средство быть счастливымъ, что оно составляетъ неопровержимое требованіе, и никто не имѣетъ права отъ него уклониться.

Усилія ученыхъ привели къ возникновенію такой нравственности. Они завоевали идейный міръ, увеличивая и культивируя человѣческой разумъ. Великіе мыслители, проповѣдавшіе людямъ милосердіе и братство, долго оставались безъ отклика...

Наука идетъ впередъ; каждый день она дѣлаетъ неслыханные успѣхи, каждый день наши познанія расширяются, и въ то же время нашъ нравственный идеалъ растетъ. Напрасно спорить противъ очевидности: наука ведетъ міръ. Человѣчество ни за кѣмъ больше не идетъ, какъ за наукой. Что бы ни говорили, какъ бы ни старались помѣшать этому,—человѣчество страстно бросается на новые пути, которые раскрываетъ предъ нами—наука.

А. К.

ВЕЛИКІЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

РОМАНЪ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ

А. Валенберга.

Перев. съ шведскаго В. Фирсова.

(Продолженіе *).

VII.

На слѣдующее утро Бурманъ всталъ съ готовымъ рѣшеніемъ привести въ исполненіе планъ, задуманный, въ сущности, гораздо раньше. Надо было осуществить газету, о которой подумывали когда-то его сторонники для проведенія его въ парламентъ.

Со вчерашняго дня онъ начиналъ думать, что его романъ будетъ имѣть успѣхъ и подготовить почву для газеты такого же направленія. Но газета была главное, такъ какъ на слѣдующую осень назначены были общіе выборы, на которыхъ и онъ предполагалъ снова выступить кандидатомъ; а для того, чтобы попасть въ палату, требовались сильныя средства. Такимъ средствомъ была бы большая газета. Само собой разумѣется, что онъ не приметъ на себя обязанностей главнаго редактора. Для этого онъ еще недостаточно популяренъ, а главное, слишкомъ занятъ. Но онъ будетъ вести въ газетѣ политическій отдѣлъ, и, такимъ образомъ, будетъ имѣть возможность распространить свои взгляды среди избирателей. За годъ эти взгляды успѣютъ, пожалуй и привиться.

Самая перспектива предстоявшей борьбы съ тысячами противниковъ, которыхъ надо было побороть, приручить, просвѣтить и плѣнить — казалась ему заманчивой. Онъ чувствовалъ въ себѣ достаточно силы для такой борьбы, и жаждалъ случая проявить ее.

*) См. «Міръ Вождй», № 2, февраль, 1895 г.

Теперь нужно было спѣшить съ приведеніемъ въ исполненіе задуманнаго проекта, чтобы ко времени большихъ выборовъ оружіе было вполне готово и умы достаточно подготовлены. Газета непременно должна была появиться въ этомъ же году, а самое позднее—въ Новому году. Если на большое изданіе не окажется достаточно средствъ, можно будетъ ограничиться на первое время еженедѣльнымъ изданіемъ, которое можно будетъ потомъ и расширить. Но основать изданіе необходимо сейчасъ же! И оно будетъ имѣть успѣхъ! Оно должно имѣть успѣхъ.

Бурманъ имѣлъ въ виду многихъ хорошихъ сотрудниковъ, изъ которыхъ нѣкоторые были популярными писателями, и поддерживали съ нимъ хорошія отношенія. Несомнѣнно, они съ радостью примкнутъ къ новому предпріятію, тѣмъ болѣе, что можно будетъ основать въ газетѣ большой литературный отдѣлъ, который будетъ для нихъ настоящей приманкой. Вообще, программа будетъ самая широкая, такъ, чтобы газета, въ одно и то же время, давала и остроумныя, и глубокомысленныя, и легкія, и воинственныя, и шутливыя, и строго-научныя статьи. Надо, чтобы она стала насущной потребностью всѣхъ и каждаго... Посмотримъ, окажется ли такая газета вліяніе на выборы!

Онъ тотчасъ же принялся за хлопоты, навѣстилъ всѣхъ своихъ вліятельнѣйшихъ сторонниковъ и всюду нашелъ полное сочувствіе новому изданію. Труднѣе оказалось собрать нужные капиталы. Пришлось устроить акціонерное общество, но и это мало помогло предпріятію, такъ какъ подписка на акціи пошла очень туго. Всѣ высказывали опасеніе, что слишкомъ рискованно сразу заводить собственную типографію; многіе, притомъ, боялись и разсориться съ вліятельными издателями. Становилось очевиднымъ, что дѣло не устроится, если не привлечь къ нему какой-нибудь крупной издательской фирмы.

Пришлось подумать и о Валеріусѣ. До этой минуты Бурманъ все еще надѣялся, что будетъ въ состояніи обойтись безъ содѣйствія друга. Онъ даже ничего не говорилъ ему о задуманномъ предпріятіи и лелѣялъ злорадную мечту насладиться изумленіемъ Валеріуса, когда все будетъ уже готово, и представится возможность, какъ бы мимоходомъ, сообщить ему новость. Вѣдь этотъ Валеріусъ воображаетъ, кажется, что безъ него ничего нельзя и сдѣлать... Хорошо бы разубѣдить его въ этомъ! Притомъ, Бурманъ начиналъ серьезно сомнѣваться въ дружбѣ этого господина. Какъ беллетристъ,

Бурманъ считалъ себя знаткомъ человѣческаго сердца и воображалъ, что видитъ людей насъвозъ. Поведеніе Валеріуса представлялось ему теперь крайне подозрительнымъ. Напримѣръ, тогда, во время ужина, послѣ схода... Вѣдь не безъ цѣли же онъ тогда сдѣлалъ все, чтобы ослабить надежды и мужество Бурмана... А что, если онъ самъ мечтаетъ о депутатскомъ креслѣ и заблаговременно устраняетъ конкурентовъ? Вѣдь это очень и очень похоже на истину!

Однако теперь, когда пришлось подумать о содѣйствіи Валеріуса для основанія газеты, Бурманъ сталъ убѣждать себя, что нельзя же обвинять людей, не имѣя никакихъ доказательствъ ихъ вины, и что, въ сущности, теперь представляется прекрасный случай провѣрить истинныя намѣренія Валеріуса. Могло вѣдь оказаться, что онъ и въ самомъ дѣлѣ не имѣлъ никакихъ дурныхъ намѣреній, и повредилъ другу на сходѣ совсѣмъ невольно, просто по недостатку такта и по своей мѣщанской склонности сомнѣваться во всемъ великомъ. Теперь это легко провѣрить, поставивъ ему вопросъ прямо: хочешь быть съ нами и поддержать новую газету въ качествѣ директора Бальдерской типографіи? Отвѣтъ на этотъ вопросъ будетъ въ то же время и отвѣтомъ на всѣ предъидущіе.

Какъ-то утромъ Бурманъ шелъ по улицѣ, размышляя обо всемъ этомъ, и подумалъ, не зайти ли къ Валеріусу сегодня же. Было всего одиннадцать часовъ, и Бурманъ былъ въ этотъ день свободенъ. Къ тому же, онъ находился уже по близости Бальдерской типографіи.

Вдругъ его пробудили отъ раздумья громкія привѣтствія. Онъ поднялъ голову.

Оказалось, что онъ очутился у воротъ манежа, передъ которымъ стояло нѣсколько кавалеровъ и дамъ. Въ числѣ другихъ были Гертрудъ и Гильдуръ Скогъ, а также и Антонъ Валеріусъ. Они только что вернулись съ катанья верхомъ и весело болтали.

Сеть Бурманъ поклонился дамамъ и сталъ спрашивать о катаніи. Не безъ любопытства освѣдомился онъ, первая ли это ихъ поѣздка въ этомъ году.

— Первая?— вскричалъ Валеріусъ.— Вотъ и видно, что ты живешь не на землѣ! Мы ѣздимъ, кажется, уже въ четвертый или пятый разъ.

— Да, въ пятый!— гордо подтвердила Гертрудъ.— Я теперь настоящая наѣздница и скоро буду брать барьеры! Канавы мнѣ ужъ и теперь нипочемъ!

Бурманъ нахмурился. Онъ не находилъ ничего хорошаго въ этомъ увлеченіи спортомъ и удивлялся, какъ это Валеріусъ успѣлъ такъ близко сойтись съ семействомъ Скогъ.

— И умѣете перепрыгивать канавы?—съ легкой ироніей спросилъ онъ Гильдуръ.

— Прежде умѣла!—весело отвѣтила Гильдуръ.—Но не знаю, рѣшусь ли теперь. Я такъ давно не ѣздила верхомъ.

— Но развѣ недовольно пяти катаній, чтобы вернуть искусство?—спросилъ онъ тѣмъ же тономъ.

— Пяти? Но, вѣдь я-то выѣхала сегодня въ первый разъ!—вскричала она.

Гертрудъ объяснила, что Гильдуръ была это время просто какая-то невозможная! Едва-едва удалось уговорить ее хоть разъ поѣхать съ ними...

— Вотъ какъ!.. А я думалъ...

Выразительное лицо Бурмана сразу прояснилось. Онъ съ увлеченіемъ заговорилъ о прелестяхъ верховой ѣзды, къ которой чувствовалъ отвращеніе, сталъ шутить и наговорилъ дамамъ даже любезностей по поводу изящества ихъ амазонокъ.

Впрочемъ, комплиментъ по адресу Гертрудъ былъ не совсѣмъ искренній, потому что на ея круглой фигурѣ амазонка сидѣла далеко не особенно хорошо, а цилиндръ придавалъ ея лицу ужъ слишкомъ мальчишеское выраженіе.

Зато Гильдуръ была просто восхитительна. Ея стройная фигура и нѣжное личико сохраняли въ верховомъ костюмѣ всю женственную прелесть и даже точно еще ярче выдѣлялись въ немъ, а шляпа шла къ ней необыкновенно.

Наконецъ дамы уѣхали домой, а Бурманъ пошелъ съ Валеріусомъ.

— Я вижу, ты хорошо познакомился съ семействомъ Скогъ?—началъ Бурманъ.

— Бываю у нихъ довольно часто. Надѣюсь, ты не ревнивъ?

— Ревнивъ? Съ чего тебѣ это пришло въ голову?

Валеріусъ взялъ пріятеля подъ руку и свазалъ таинственно:

— Если хочешь ѣздить съ нами, ужъ такъ и быть — выкажу самоотверженность:—уступлю тебѣ веселую барыньку, а самъ поѣду съ ш-лле Скогъ.

Бурманъ искоса посмотрѣлъ на пріятеля. На минуту ему пришло даже въ голову, что Валеріусъ смѣется надъ нимъ. Но онъ вспомнилъ, что въ первый визитъ дѣйствительно

увлекся-было госпожей Скогъ и даже сказалъ тогда объ этомъ Валеріусу. Не могъ же Валеріусъ знать, о томъ, что Бурманъ успѣлъ перемѣнить свои симпатіи...

— Спасибо!—сказалъ онъ, смѣясь.—Ты однако великодушень.

— Еще бы, я вѣдь не то, что ты! Она, право, очень мила! Съ ней весело. Рѣзвится, какъ дитя, и можетъ разсмѣшить до слезъ... Не мудрено, что она сразу произвела на тебя такое впечатлѣніе, что ты цѣлый вечеръ не отходилъ отъ нея... Но согласиись, что ты выказалъ себя тогда эгоистомъ... чертовскимъ эгоистомъ!

— Теперь твоя очередь... Ты тоже не промахъ!!

— Да, справедливость прежде всего.

Глаза Валеріуса свергнули не то шуткой, не то ядовитой насмѣшкой. Но это выраженіе тотчасъ же исчезло, и Валеріусъ сказалъ уже серьезно.

— Шутки въ сторону. Это хорошіе люди, и бывать у нихъ очень пріятно.

Заговорили о другомъ, и Бурманъ сталъ подыскивать таковой переходъ разговора, чтобы можно было, какъ бы кстати, упомянуть о новой газетѣ, Ему не хотѣлось выступить передъ пріятелемъ въ роли просителя. Случай не замедлилъ представиться, какъ только рѣчь зашла о литературѣ.

Съ притворнымъ равнодушіемъ упомянулъ Бурманъ о затѣянномъ предпріятіи, сообщилъ, что все уже налажено, и остается только выбрать типографію и, какъ бы мимоходомъ, предложилъ Валеріусу принять участіе въ дѣлѣ, причемъ газета могла бы печататься въ Бальдерской типографіи...

Валеріусъ не отвѣтилъ ничего и молча хлопывалъ хлыстомъ по своимъ ботфортамъ, пока Бурманъ разъяснялъ выгоды предпріятія. Газета вѣдь понравится публикѣ сразу, и по многимъ причинамъ! За подписчиками дѣло не станетъ... Развѣ мало такихъ, которые подпишутся только ради принципа? А еще больше подписчиковъ привлечетъ смѣлость, съ какой поведется борьба за либеральныя взгляды! Что же касается толпы, то ее заманить богатый беллетристическій отдѣлъ, который будетъ вестись совсѣмъ не такъ, онъ какъ велся до сихъ поръ въ шведскихъ газетахъ...

Понемногу Бурманъ увлекся и говорилъ все съ большимъ и большимъ жаромъ, хотя Валеріусъ попрежнему не проронилъ ни слова. Такъ дошли они до типографіи, прошли контору и очутились въ кабинетѣ директора. Не переставая

излагать свой планъ, Бурманъ опустился въ кресло рядомъ съ письменнымъ столомъ Валеріуса. Тотъ также машинально занялъ свое обычное мѣсто передъ столомъ и сталъ поигрывать перомъ, не глядя на друга, но слушая его довольно внимательно.

— Стало быть,—сказалъ онъ наконецъ, когда Бурманъ замолчалъ, чтобы перевести духъ,—это будетъ ново-демократическая газета съ большимъ отдѣломъ беллетристики и нѣкоторой склонностью въ социализму?

— Да, нѣчто въ этомъ родѣ.

— Гм! Очень симпатичное направленіе...

— Не правда ли? Я радъ, что ты это находишь.

— Да, да!—серьезно проговорилъ Валеріусъ.—Очень, очень симпатично... Но.. развѣ тебѣ непременно нужно имѣть большое число подписчиковъ?

— Безусловно!

— Въ такомъ случаѣ, какъ это ни жаль, а я долженъ дать одинъ совѣтъ: вычеркни...

— Что вычеркнуть?

— Да что-нибудь въ своей программѣ.

— Что же въ ней вычеркивать?

— Что хочешь. Либо демократическое направленіе и литературный отдѣлъ, либо литературный отдѣлъ и социализмъ; либо, наконецъ, демократическое направленіе и социализмъ, Бурманъ нетерпѣливо всталъ.

— Ты, кажется, въ очень шутливомъ настроеніи!—вскричалъ онъ.

— Наоборотъ, я говорю очень серьезно. Дѣло въ томъ, что большинство читателей ровно ничего не смыслитъ въ тонкихъ отгѣнкахъ. Ей нуженъ какой-нибудь одинъ простой и яркій цвѣтъ, надъ которымъ не нужно было бы ломать голову.

— Словомъ, ты находишь предпріятіе неудачнымъ? Ты прочишь провалъ?

— Ахъ Боже мой!—вышелъ изъ терпѣнія и Валеріусъ.— Я не выдаю себя за пророка и не буду отрицать возможности, что за послѣдніе годы наши читатели настолько развились, что окажутся въ состояніи понять сложную программу. Но только я сомнѣваюсь въ этомъ, а поэтому и твое предпріятіе кажется мнѣ сомнительнымъ. Въ одномъ, по крайней мѣрѣ, я увѣренъ...

Онъ тоже всталъ, заложилъ руки въ карманы и продолжалъ говорить, устремляя на друга горячій взглядъ:

— Видишь ли, самъ-то ты слишкомъ утонченная натура для газетнаго дѣла! Ты измучишься въ борьбѣ съ противниками, потому что ты человѣкъ нервный и будешь слишкомъ горячо принимать къ сердцу всякую выходку съ ихъ стороны. Да тебѣ и не преодолѣть препятствій, не пробиться впередъ. Вѣдь ты поэтъ, другъ мой! Въ этомъ твоя сила, но въ этомъ же и твоя слабость, особенно въ такой реальной борьбѣ... Повѣрь, Сеть—это такъ.

Съ минуту Бурманъ молчалъ. Въ словахъ Валеріуса звучала такая искренность, въ его глазахъ было столько дружескаго чувства, что Бурманъ не зналъ даже, что и возразить ему, и не могъ отрицать ни вѣрности замѣчанія, ни сердечности, съ которой оно было сдѣлано. Но онъ успѣлъ слишкомъ сродниться съ излюбленной идеей стать руководителемъ своей собственной газеты, чтобы отказаться отъ нея такъ легко, и черезъ минуту впечатлѣніе разсѣялось.

Опять началъ онъ доказывать практичность предпріятія. Относительно себя онъ выразился, что не придаетъ ни малѣйшей цѣны всему, что сдѣлалъ до этого времени, если ему не суждено говорить съ народомъ иначе, какъ въ книгахъ. Что же касается дѣловой стороны, то вѣдь имѣются всѣ шансы на успѣхъ... И онъ повторилъ почти все, что уже говорилъ раньше, потому что другихъ доводовъ у него не было, и онъ упрямылся, какъ ребенокъ, который воображаетъ, что можетъ убѣдить въ чемъ-нибудь, повторяя одну и ту же нелѣпость.

Валеріусъ пробовалъ-было спорить, но скоро убѣдился, что это ни къ чему не ведетъ, и попытался повліять на Бурмана иначе.

— Во всякомъ случаѣ,—сказалъ онъ,—ты знаешь, что такія дѣла рѣшаются у насъ не мною однимъ, а совѣтомъ правленія. Притомъ, какъ разъ теперь мы уже ведемъ переговоры объ уступкѣ намъ издательскихъ правъ другого еженедѣльнаго изданія, за которымъ имѣется то преимущество передъ вашимъ, что программа его очень несложна: это чисто беллетристическій журналъ. Мы еще не сошли съ ума, чтобы взять на себя два еженедѣльныхъ изданія одновременно! Не разводите же ероликковъ для того, чтобы они пожирали другъ друга!..

Бурманъ нахмурился.

— Да, если такъ,—сказалъ онъ угрюмо,—я не настаиваю.

Валеріусъ хорошо зналъ характеръ своего стараго товарища и тотчасъ же догадался, замѣтивъ мрачное выраженіе

его лица, что онъ заподозрилъ въ его словахъ что-то дурное. Не даромъ же Бурманъ славился умѣньемъ дѣлать изъ мухи слона! Чтобы предупредить ссору, онъ заговорилъ въ примирительномъ духѣ.

— Впрочемъ, вѣдь я могу и ошибаться, и очень возможно, что въ комитетѣ правленія предпочтутъ твою газету тому изданію, о которомъ ведутся переговоры. Готовъ даже отстаивать твою газету на слѣдующемъ же засѣданіи комитета, и совершенно съ чистою совѣстью, потому что, хотя я и оспариваю практичность твоей затѣи, но въ душѣ симпатизирую твоимъ взглядамъ.

— Благодарю тебя!—отвѣтилъ Бурманъ довольно сухо.— Хорошо и то, что вы согласны поговорить.

— Да, бѣльшаго, пока, обѣщать не могу, — улыбнулся директоръ.— Мы потолкуемъ, нельзя ли воспользоваться твоимъ предложеніемъ. А тамъ видно будетъ, стоитъ ли настаивать...

— Да, да. Бѣльшаго я и не требую.

Бурманъ взялся за шапку и протянулъ Валеріусу руку.

— Надѣюсь, ты не сомнѣваешься въ томъ, что я сдѣлаю все, чтобы поддержать тебя?—сказалъ тотъ на прощанье.

— Напротивъ, я рассчитываю на тебя!

Бурманъ простился и вышелъ, мысленно давая себѣ клятву никогда больше не обращаться къ Валеріусу съ какими-либо просьбами и не продолжать даже и начатыхъ переговоровъ. Выйдя на улицу, онъ сталъ припоминать все, что сказалъ пріятель въ сегодняшней бесѣдѣ, и въ каждомъ его словѣ увидѣлъ теперь что-то двусмысленное. Даже въ дружескомъ предостереженіи Валеріуса не погубить себя и свое поэтическое дарованіе въ чисто коммерческой борьбѣ показалось ему теперь что-то подозрительное.

Очевидно, Валеріусъ съ одной стороны боится лишиться доходовъ съ изданія романовъ Бурмана, а съ другой—самъ мечтаетъ о депутатствѣ... Вотъ и все! Теперь это совершенно ясно... Но Бурманъ счумѣетъ обойтись и безъ господина директора Валеріуса! Онъ сегодня еще повидается со своими компаньонами и предложитъ имъ новую комбинацію...

Онъ пошелъ къ одному изъ компаньоновъ, но не засталъ его дома; другого тоже не удалось найти. Тогда его рѣшимость сейчасъ же покончить съ вопросомъ о выборѣ типографіи поколебалась, и его потянуло домой. Несомнѣнно, его энергія была сильно ослаблена тѣмъ, что не удалось повидаться съ нужными людьми; но было и нѣчто другое, тянувшее его въ этотъ часъ домой... Дѣло въ томъ, что въ послѣдніе дни онъ

привыкъ возвращаться домой именно къ концу урока музыки его дочери. Ему даже не доставало чего-то, когда онъ опаздывалъ и не заставалъ Гильдуръ въ своей квартирѣ! А теперь подходило какъ разъ урочное время...

Для него сдѣлалось какъ бы насущной потребностью разговаривать съ Гильдуръ. Говорили они больше всего о его книгѣ, прочитывали вмѣстѣ появлявшіяся въ газетахъ первыя рецензіи и сообщали другъ другу все, что слышали по поводу новой книги въ кругу своихъ знакомыхъ. Бурманъ не преминулъ также сообщить ей свои новые проекты, и она отнеслась къ газетѣ съ такимъ же интересомъ, съ какимъ относилась и къ роману.

Онъ положительно крѣпнулъ душой въ разговорѣ съ нею, которая обладала какой-то особенной способностью возвращать ему довѣріе къ собственнымъ силамъ и вѣру въ успѣхъ.

И теперь дѣла были отложены по обыкновенію до другого дня, а самъ онъ поспѣшилъ домой, чтобы застать еще Гильдуръ за урокомъ.

Входя въ переднюю, онъ услышалъ звуки фортепіано, и лицо его приняло выраженіе спокойнаго довольства. Тихонько снялъ онъ пальто, прокрался на ципочкахъ въ гостинную и занялъ свое обычное мѣсто на диванѣ, стараясь остаться незамѣченнымъ.

Но Гильдуръ разслышала его шаги. Она успѣла уже привыкнуть къ тому, что онъ прокрадывался такимъ образомъ въ гостинную во время урока, и знала даже скрипъ старыхъ диванныхъ пружинъ, раздававшійся всегда, когда онъ опускался на диванъ. Поэтому она обернулась безъ всякаго удивленія, улыбнулась ему, и опять повернулась къ нотамъ. Она успѣла переодѣться, вернувшись съ верховой ѣзды. Теперь на ней было красивое сѣрое платье, плотно облегавшее ея стройный станъ, стянутый простымъ чернымъ поясомъ.

Замѣчательно умиротворяющее вліяніе имѣлъ на возбужденные нервы Бурмана видъ этой дѣвушки, слѣдившей по нотамъ за мелодіей, неувѣренно лившейся изъ подъ тоненькихъ и слабыхъ пальцевъ Лены. Однимъ тихопроизнесеннымъ словомъ, однимъ знакомъ пальца или головы, она исправляла игру и указывала Ленѣ, что слѣдовало дѣлать. И ни одного знака нетерпѣнія, или раздражительности!.. Вотъ характеръ, какимъ слѣдуетъ обладать женщинамъ, которыя хотятъ осчастливить цѣлую семью!

Когда пьеса была окончена, Лена вскочила съ табурета и обняла отца.

Онъ приласкалъ ее и шутливо сталъ спрашивать объ ея успѣхахъ. Скоро ли она разучитъ эту предестную сонату настолько, чтобы онъ могъ мечтать подъ ея звуки послѣ обѣда, а можетъ быть, даже и вздремнуть? Напримѣръ, сегодня онъ бы такъ охотно заснулъ подъ ласкающіе звуки музыки...

Говоря это, онъ съ утомленнымъ видомъ провелъ рукой по лбу.

— Отчего ты такъ усталъ, папа?—озабоченно освѣдомилась Лена.—Ты здоровъ?

— О, совершенно здоровъ, дитя мое. Но, сегодня мнѣ пришлось такъ много думать и рассуждать... А есть вѣдь люди, разговоръ съ которыми утомительнѣе всякаго труда.

— У васъ было сегодня много дѣловыхъ разговоровъ?—спросила Гильдуръ.

— Въ сущности, только одинъ,—усмѣхнулся онъ.—Но этого достаточно... вполне достаточно.

Гильдуръ догадалась, съ кѣмъ произошелъ разговоръ, о которомъ говорилъ Бурманъ, но не стала спрашивать. Она знала о намѣреніи Бурмана предложить Валеріусу участіе въ новомъ предпріятіи, и еще утромъ, когда пріатели пошли вмѣстѣ изъ манежа, по направленію къ типографіи Бальдера, сообразила, что предметомъ ихъ разговора будетъ новая газета. Очевидно, что Валеріусъ опять разстроилъ своего друга обычными противорѣчіями. Она узнала въ словахъ Бурмана ту же горечь, которая проявлялась у него послѣ выборовъ.

— А знаете,—продолжалъ между тѣмъ Бурманъ;—не найдется и одного человѣка на тысячу, способнаго на безкорыстное отношеніе къ идеѣ. Всегда первымъ вопросомъ является: „Не представится ли возможность что-нибудь заработать!“ и, если нѣтъ, то жертва предоставляется другимъ. Отказъ подслащается, разумѣется... Но стоитъ обдумать хорошенько доводы отказа, чтобы понять ихъ истинную цѣну.

Онъ желчно расхохотался.

— Сегодня мнѣ пришлось разговаривать точно въ маскарадѣ!—прибавилъ онъ.

— Гдѣ это?—полюбопытствовала Лена.

— Не все-ли равно, гдѣ? Во всякомъ случаѣ, это была настоящая маскарадная интрига. Никогда еще въ жизни мнѣ не приходилось изворачиваться такимъ образомъ... Зато

сколько фразъ! Хорошо еще, что я умѣю переводить такія фразы на обыкновенный языкъ... „Не лѣзь наверхъ! Оттуда можно упасть!“—это мы слышали и прежде.

Теперь Гильдуръ ужъ не сомнѣвалась, что рѣчь шла о Валеріусѣ. Въ стремленіи тянуть людей книзу обвинялъ его Вурманъ уже и прежде. Но, какъ мало она ни знала Валеріуса, она считала неправдоподобнымъ, чтобы онъ сталъ безчестно морочить довѣрившагося ему друга.

— Позвольте,—замѣтила она спокойно.—Но увѣрены-ли вы въ томъ, что переводите фразы вѣрно? А что, если вы сочиняете, вмѣсто того, чтобы переводить? Вѣдь творчество вамъ болѣе привычно.

— Вы говорите, что я сочиняю? — спросилъ онъ запальчиво.

— Да, возможно, что вы, сами того не замѣчая, и сочиняете, и приписываете людямъ такія побужденія, которыхъ у нихъ и не было. Это врядъ ли устранимо, при избыткѣ воображенія... Но я бы на вашемъ мѣстѣ сочиняла о людяхъ хорошее. Это и веселѣе, и... пожалуй, вѣрнѣе.

— Вы думаете?—вскричалъ онъ и улыбнулся.—А что, если я тоже сочиняю теперь объ одной особѣ, что она расположена ко мнѣ, и желаетъ мнѣ добра, и думаетъ обо мнѣ хорошо, а потомъ вдругъ окажется, что все это была только мечта. Хорошо мнѣ будетъ тогда? Какъ вы полагаете?

Послѣднія слова онъ произнесъ съ такой непритворной печалью, что Гильдуръ была тронута.

— Лучше всего, не искажайте дѣйствительности!—сказала она.—Попробуйте не дѣлать этого.

— Но сами же вы сомнѣвались, чтобы это было возможно!—замѣтилъ онъ серьезно.

— Однако, не мѣшаетъ попытаться. Если внимательнѣе присматриваться къ тому, что дѣлается вокругъ насъ, фантазіи остается меньше производа. А вѣдь сами же вы добиваетесь истины. Развѣ вы не требуете, чтобы естественность и правда предпочитались условностямъ?

— Да... конечно...

Онъ потушилъ и замолчалъ. Но онъ задумался не о Валеріусѣ, съ котораго начался разговоръ. Наоборотъ, — онъ дѣлалъ то, что она запрещала ему дѣлать: онъ уже сочинялъ, сочинялъ продолженіе къ дѣйствительности. Онъ мечталъ о томъ, что въ его маленькой гостинной всегда будетъ такъ же уютно, какъ теперь; что его всегда будутъ встрѣ-

вать музыкой, любовью, тонкими психологическими замѣчаніями... Онъ мечталъ, что у него опять свой мирный семейный очагъ, и что онъ счастливѣе, чѣмъ когда-либо...

Водворившееся ли безмолвіе встревожило Гильдуръ, или взглядъ, которымъ Бурманъ поглядывалъ на нее, испугалъ ее,—она не знала. Но ей стало не по себѣ, и, выпустивъ Лену, которую она обнимала за талію, она стала прощаться.

Бурманъ проводилъ ее въ переднюю.

— Вы никогда не сочиняете продолженій къ настоящему?—спросилъ онъ вполголоса.

Она отвѣтила не сразу и протянула руку за сверткомъ ноть, который онъ держалъ.

— Развѣ нѣтъ?—повторилъ онъ вопросъ.

— Да, случается!—отвѣтила она коротко, нервно повернула ключъ, и вышла, не оглядываясь, на лѣстницу.

Когда Гильдуръ вошла въ столовую, на обѣденномъ столѣ оказалось однимъ приборомъ болѣе обыкновеннаго. Спросить, кого ожидали къ обѣду, было некого: Гертрудъ передѣвалась, а Гуго еще не возвращался изъ конторы.

Гильдуръ стала просматривать газеты. Но вотъ позволили, и въ передней раздались два знакомыхъ голоса. То были голоса брата и Валеріуса. Гильдуръ встрѣтила мужчинъ въ дверяхъ гостиной.

— Ну, что скажешь о нашей большой новости?—спросилъ сестру Гуго.

— О какой такой новости? — переспросила удивленная Гильдуръ.

— Развѣ ты не знаешь, что у насъ будетъ столоваться одинъ господинъ, который возненавидѣлъ рестораны.

Господинъ, возненавидѣвшій рестораны, раскланялся передъ Гильдуръ. Это былъ никто иной, какъ директоръ Валеріусъ.

Оказалось, что договоръ состоялся совсѣмъ неожиданно, на улицѣ. Скогъ встрѣтилъ Валеріуса и сталъ его приглашать къ обѣду, но тотъ заупрямился, увѣряя, что онъ и такъ уже злоупотребляетъ гостепріимствомъ госпожи Скогъ, и сталъ у нихъ точно нахлѣбникомъ. На это Скогъ со смѣхомъ отвѣтилъ, что былъ бы совсѣмъ не прочь имѣть Валеріуса своимъ нахлѣбникомъ, и, начавшись шуткой, дѣло приняло серьезный оборотъ, когда Валеріусъ признался, что ненавидитъ рестораны, а Скогъ уже серьезно предложилъ ему обѣдать у него. Изъ ближайшей кофейни спросили согласія Гертрудъ по теле-

фону, и договоръ былъ заключенъ, хотя сначала только въ видѣ опыта, на неопредѣленное время.

Состоялся веселый обѣдъ, за которымъ произнесены были шуточные тосты за здоровье новаго „нахлѣбника“ и его хозяевъ.

Валеріусъ, съ юности не знавшій семейной жизни, былъ въ непритворномъ восторгѣ отъ мѣстечка, удѣленнаго ему друзьями у ихъ семейнаго очага. Онъ признавался, что даже и не ожидалъ, какое радостное впечатлѣніе произведетъ на него сознаніе, что онъ уже не въ гостяхъ въ этой семьѣ, гдѣ всегда чувствовалъ себя какъ-то особенно хорошо, и угрожалъ госпожѣ Скогъ, что она не скоро отъ него отдѣлается.

Послѣ обѣда просидѣли довольно долго въ гостиной, потому что сначала Гертрудъ пожелала выучиться играть въ экарте, а потомъ Гуго сталъ рассказывать анекдоты.

Гильдуръ сидѣла въ сторонѣ съ руководѣлемъ. По временамъ она вставляла замѣчанія въ общій разговоръ, но больше сидѣла молча. Ей хотѣлось уяснить себѣ, что за человѣкъ этотъ Валеріусъ, производившій на всѣхъ такое пріятное впечатлѣніе, но такъ раздражавшій Бурмана. Чѣмъ онъ отличается отъ прочихъ людей? Почему онъ совсѣмъ не похожъ на обычныхъ посѣтителей этой гостиной, хотя ведетъ себя, какъ и всѣ? Какъ и всѣ прочіе, онъ сдѣлался постояннымъ кавалеромъ Гертрудъ; какъ и другіе, онъ больше шутилъ и забавлялъ общество веселыми разсказами, чѣмъ разсуждалъ; съ Гильдуръ, опять-таки какъ и остальные, онъ обмѣнивался только немногими фразами, предпочитая весело болтать съ Гертрудъ...

И, однако, онъ не походилъ на другихъ.

Она стала припоминать разсужденія Сета Бурмана о своемъ другѣ, и невольно задумалась надъ тѣмъ, что онъ говорилъ сегодня. Тогда она заступилась за Валеріуса, но теперь она почему-то чувствовала себя настроенной противъ него.

Развѣ не было съ его стороны непростительнымъ эгоизмомъ и безсердечіемъ всегда подкашивать мужество такого друга, какъ Бурманъ? И развѣ не было проявленіемъ нравственнаго ничтожества нежеланіе чѣмъ-либо рискнуть ради идеи и дружбы? Наконецъ, даже, если онъ почему-либо и былъ противъ основанія новой газеты Бурмана, развѣ не могъ онъ отказаться принять участіе, не огорчая и не раздражая своего друга? Можетъ быть, онъ и въ самомъ дѣлѣ принадлежитъ къ такимъ людямъ, о которыхъ говорилъ Бурманъ, т. е.

къ тѣмъ, которые, сами не обладая талантами, чувствуютъ какую-то особенную потребность умалять и тормозить все сколько-нибудь выдающееся?

А что, если сегодняшніе намеки Бурмана вовсе и не относились къ Валеріусу? Вѣдь онъ никого не называлъ по имени...

Гильдуръ рѣшилась провѣрить слова Бурмана, разспросивъ самого Валеріуса.

— Что жъ, удалось вамъ уговорить Бурмана ѣздить съ нами верхомъ?—спросила она, воспользовавшись первой паузой въ разговорѣ. — Вы вѣдь обѣщались Гертрудъ сдѣлать это.

Онъ, повидимому, удивился ея ноожиданному обращенію къ нему, но тотчасъ же вѣжливо обернулся къ ней.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ,— я долженъ признаться, что плохо исполнилъ порученіе. О катаньяхъ верхомъ мы говорили съ нимъ такъ мало, что я не успѣлъ добиться отъ него сколько-нибудь опредѣленнаго отвѣта.

— Вы скоро разстались?

— О, нѣтъ! Онъ проводилъ меня въ типографію и просидѣлъ довольно долго. Но намъ пришлось говорить о дѣлахъ, и этотъ дѣловой разговоръ настолько увлекъ насъ обоихъ, что вопросъ о верховой ѣздѣ былъ забытъ. Впрочемъ, надѣюсь, въ слѣдующій разъ онъ отдѣлается не такъ дешево...

Разговоръ на этомъ прервался какимъ-то замѣчаніемъ Гертрудъ; но при прощаньи Валеріусъ вернулся къ затронутому Гильдуръ предмету.

— Не беспокойтесь,—сказалъ онъ, смѣясь;—такъ или иначе, я поймаю Бурмана! А если только онъ разъ пробѣдетъ съ нами, такъ я ручаюсь, что уже не вырвется...

Гильдуръ пришло въ голову, что Валеріусъ вообразилъ, будто она особенно хлопочетъ получить Бурмана въ качествѣ кавалера на катаньяхъ верхомъ. Ей стало досадно.

— Гертрудъ будетъ очень рада!—сказала она нѣсколько холодно. — Она вѣдь находитъ, что кататься въ обществѣ такого великаго человѣка большая честь! --- прибавила она уже шутливо.

Всѣ стали смѣяться надъ слабостью госпожи Скогъ къ „величію“ и „чести“. Валеріусъ сказалъ даже, что замѣтилъ эту слабость еще въ первое посѣщеніе этой гостинной... Тѣмъ не менѣе, у Гильдуръ оставалось какое-то смутное сознаніе, что ее точно въ чемъ-то уличили, и ей попрежнему казалось, что Валеріусъ поддразниваетъ ее, серьезно утѣшая

объщаніемъ завербовать Бурмана кататься съ дамами. Объ этомъ Валеріусъ никогда вѣдь нельзя сказать съ увѣренностью, говоритъ ли онъ серьезно, или только шутить: въ обоихъ случаяхъ онъ говорилъ тѣмъ же спокойнымъ, слегка насмѣшливымъ, тономъ. Притомъ, въ его глазахъ было что-то особенное, заставлявшее подозрѣвать въ немъ большую проникаемость... Даже страшно становилось подчасъ подъ его смѣющимся взглядомъ!

Въ слѣдующіе дни она оставалась подъ тѣмъ же, нѣсколько тревожнымъ, впечатлѣніемъ, будто Валеріусъ наблюдаетъ за нею. Какъ бы онъ ни увлекался своей партіей въ акарте, или бесѣдой съ Гертрудъ, онъ ни на минуту не упускалъ Гильдуръ изъ виду, и стоило ей уронить что-нибудь, или къ чему-нибудь потянуться, онъ тотчасъ же подавалъ ей нужный предметъ. Онъ принималъ отъ нея чашку, едва кофе былъ допить, подавалъ ей за столомъ солонку, прежде чѣмъ она успѣвала спросить ее, — и продѣлывалъ все это, будто случайно, не переставая, повидимому, заниматься исключительно другими.

Какъ-то Гертрудъ ѣздила за покупками и привезла, между прочимъ, очень красивую вазу голубого граненаго хрустала. Эту вазу съ цвѣтами поставили на маленькомъ лакированномъ столикѣ передъ диваномъ. Всѣ долго любовались ею, когда перешли въ гостинную пить кофе.

Но Гильдуръ не одобрила покупки.

— Если бы она не была голубой, — сказала она, — было бы гораздо лучше. Голубое совсѣмъ не идетъ къ зеленой мебели... Развѣ тамъ не было бѣлыхъ вазъ?

Были и бѣлыя, и желтыя, но Гертрудъ нашла, что голубыя самыя красивыя. И развѣ голубой цвѣтъ не идетъ къ зеленому? Она этого не находитъ...

Гуго нашель, конечно, что голубой къ зеленому идетъ какъ нельзя лучше. Онъ рѣдко расходился во вкусахъ со своей избалованной женой. Что же касается Валеріуса, то онъ даже прищурился, чтобы лучше рассмотреть, но затѣмъ объявилъ, что не можетъ сказать, что красивѣе — бѣлая, или голубая ваза, такъ какъ бѣлой здѣсь не было и сравнивать было не съ чѣмъ. Затѣмъ онъ взялъ володу картъ, лежавшую рядомъ съ вазой въ красивомъ вышитомъ футлярѣ, и сталъ показывать фокусы.

Представленіе имѣло полный успѣхъ. Съ поразительнымъ проворствомъ продѣлывалъ онъ самыя забавныя фокусы и при-

вель всѣхъ въ восхищеніе необыкновенной ловкостью. Но для картъ нужно было все больше и больше мѣста на маленькомъ столѣ, и вазу отодвинули на самый край.

— Не уроните вазы!—вскричала Гертрудъ.

— Будьте спокойны. Я ловокъ!—усмѣхнулся онъ.

Однако, скоро представленіе прервалось грохотомъ... Прерваная ваза лежала на полу, разбитая въ дребезги.

Гертрудъ сердилась. Гуго хохоталъ, а Валеріусъ разсыпался въ извиненіяхъ, помогая горничной подбирать осколки и цвѣты.

Какъ и слѣдовало ожидать, на слѣдующій же день госпожа Скогъ получила такую же вазу, наполненную самыми лучшими цвѣтами, какіе только нашлись въ городѣ. Только ваза была бѣлая и въ нее вложено было письмо, въ которомъ Валеріусъ просилъ тысячу разъ извинить его... Голубыхъ больше въ магазинѣ не оказалось.

Послѣ обѣда, когда общество, по обыкновенію, собралось въ гостинной, Валеріусъ подошелъ къ Гильдуръ.

— А вѣдь вы были правы!—сказалъ онъ, указывая на вазу.—Бѣлая гораздо красивѣе.

Въ его смѣющихся глазахъ было что-то такое лукавое, что она подозрительно посмотрѣла на него, и вдругъ ей пришло въ голову, что онъ нарочно разбилъ вазу, только для того, чтобы угодить ей. Шутка ли это, или попытка заинтересовать ее? Во всякомъ случаѣ, она осталась недовольна его назойливостью и отвѣтила довольно сухо:

— А знаете, я теперь вижу, что голубая была и въ самомъ дѣлѣ наряднѣе.

Онъ искоса посмотрѣлъ на нее, помѣшалъ ложечкой свой кофе и сказалъ добродушно:

— Не позволите ли показать вамъ еще нѣсколько карточныхъ фокусовъ.

Она не въ силахъ была удержаться отъ улыбки.

— Нѣтъ, нѣтъ,—вскричала она.—Съ насъ довольно и вчерашнихъ.

— Однакожъ у меня неблагодарная публика!—вздохнулъ онъ съ такимъ комичнымъ уныніемъ, что на этотъ разъ Гильдуръ расхохоталась.

— Вы неисправимы!—проговорила она, продолжая смѣяться.

Право, на него нельзя было сердиться, столько незлобивости было въ его ребяческихъ шалостяхъ.

Тѣмъ не менѣе, это маленькое происшествіе заставило

ее еще съ большимъ вниманіемъ присматриваться въ нему. Она все еще не могла рѣшить, хорошій ли это человекъ, или, какъ въ послѣднее время полагалъ Бурманъ, опасный интриганъ, ничего не дѣлавшій спроста.

VIII.

По одну сторону гостиной Бурмана былъ его кабинетъ, меблированный со вкусомъ, даже изящно, но выдержанный весь въ довольно темныхъ краскахъ; по другую сторону была маленькая веселая комнатка, съ мягкой мебелью, обитою свѣтлымъ кретономъ, съ кретоновыми же занавѣсками у окна и передъ альковомъ и съ туалетнымъ столикомъ, задрапированнымъ кисеей. Это была комнатка Лены.

Чаще всего въ этой комнатѣ бывало очень тихо. Даже когда Лена бывала дома, она не нарушала тишины, проводя время въ чтеніи книгъ, перепискѣ отцовскихъ рукописей или въ занятіяхъ рукодѣльями. Но все-таки изрѣдка у нея бывали гости, и комнатка оживлялась.

Какъ Бурманъ говорилъ однажды, у нея не было подруг-сверстницъ, а приглашать другихъ дѣвочекъ, не изъ знакомыхъ семей, когда она была еще въ школѣ, ей не приходило даже и въ голову, такъ какъ отецъ такихъ затѣй не поощрялъ. Прося Гильдуръ сжалиться надъ одиночествомъ дочери, онъ въ первый разъ подумалъ объ этомъ одиноществѣ, и сообразилъ, что жестоко и неблагоприятно предоставлять дочь исключительно самой себѣ. Если бы онъ раньше встрѣтилъ такую симпатичную дѣвушку, какъ Гильдуръ, такая мысль пришла бы ему въ голову и гораздо раньше. Но ничто не наводило его на такія размышленія, а самъ онъ отличался замѣчательной слѣпотой къ окружавшей его дѣйствительности, и такимъ образомъ, много лѣтъ кряду, бѣдная Лена жила совсѣмъ одинокой, если не считать общества пожилыхъ пріятелей отца и старой Маи.

Надо еще замѣтить, что всякій разъ, какъ Бурманъ что-нибудь писалъ, онъ становился чрезвычайно раздражителенъ и не переносилъ ни малѣйшей помѣхи своему творчеству, и тогда дочь не смѣла приглашать знакомыхъ, даже сдѣлавшись взрослой и пріобрѣтя знакомыхъ въ гимнастическомъ залѣ и на урокахъ танцевъ.

Впрочемъ, бывали и исключенія...

Когда знали, на примѣръ, навѣрное, что Бурмана долго не будетъ дома, т.-е. когда онъ бывалъ куда-нибудь приглашенъ,

или шелъ на ученое засѣданіе, или просто предупреждалъ, что не вернется домой къ обѣду, подавались иногда таинственные сигналы платкомъ изъ окна, украшеннаго кретоновыми занавѣсками, и такіе же сигналы давались въ отвѣтъ изъ окна сосѣдняго дома. Затѣмъ, черезъ очень короткій промежутокъ времени, раздавались легкіе шаги на лѣстницѣ и порывистый звонокъ въ передней, послѣ чего появлялась въ комнатѣ Лены молоденькая особа съ рыжими волосами, тщедушной фигуркой и странными, безпокойными глазами на некрасивомъ, но довольно пикантномъ, личиѣ. Это была Мимми Гельстрэмъ, дочь учительницы танцевъ Гельфридъ Гельстрэмъ, у которой Лена недавно брала уроки.

Эти уроки доставляли Ленѣ большое удовольствіе, но прекратились какъ-то внезапно, вслѣдствіе отвращенія доктора Бурмана къ рыжей Мимми, которую онъ видѣлъ мимоходомъ у своей дочери. Тогда же онъ пожелалъ, чтобы были прекращены всякія сношенія съ этой молодой особой, и съ тѣхъ поръ, всякій разъ, когда онъ замѣчалъ въ Ленѣ что-нибудь, по его мнѣнію, дурное, онъ обвинялъ въ этомъ Мимми, примѣръ которой считалъ пагубнымъ. Кто же, какъ не она научила Лену находить иногда удовольствіе въ самой пустой болтовнѣ и фыркать со смѣху, когда не было ровно ничего смѣшнаго? Мимми то и дѣло фыркала и ухмылялась, даже здороваясь и прощаясь! Казалось, она считала признакомъ хорошаго тона вѣчно смѣяться!

Бурманъ надѣялся однако, что теперь его дочь уже устранена отъ тлетворнаго вліянія этой хохотушки и полагаель, что подруги больше не встрѣчаются.

Вотъ почему эти свиданія происходили тайно и лишь тогда, когда Бурмана не бывало дома.

Какъ-то разъ, около полудня, уже въ срединѣ октября, мелькнули бѣлые платки въ обоихъ окнахъ, и черезъ десять минутъ рыжая Мимми сидѣла на кретоновомъ диванѣ въ комнатѣ Лены. Барышни обнялись и стали читать какое-то письмо, которое Мимми взялась ей передать.

Онѣ смѣялись по поводу каждой строки и каждаго слова. Письмо перечитывалось безъ конца. Возникали самыя горячія пренія по поводу того или другого смысла, который слѣдовало придавать нѣкоторымъ выраженіямъ.

— Что же ты ему отвѣтишь?—спросила, наконецъ, Мимми.

— Отвѣчать, ему?—Лена презрительно перекосила губы и откинулась на спинку дивана.—Пусть воображаетъ, что я ему отвѣчу! Останется съ носомъ!

Однако, несмотря на высказанное презрѣніе къ автору письма, Лена снова взяла листокъ изъ рукъ смѣявшейся подружки и въ десятый разъ перечла письмо съ начала до конца. Можно было смѣяться и шутить надъ письмомъ, но это не мѣшало его содержанію оставаться лестнымъ для дѣвочки. Оно было отъ гимназиста, съ которымъ Лена встрѣтилась съ недѣлю тому назадъ у госпожи Гельстрэмъ, въ которой заходила иногда тайкомъ, стараясь попадать во время уроковъ танцевъ. Потому она встрѣтила его на улицѣ, прогуливаясь съ Мимми, и позволила проводить ихъ до ближайшаго угла. И вотъ, онъ осмѣлился написать ей, упрасивая придти на слѣдующій урокъ танцевъ къ госпожѣ Гельстрэмъ.

Такъ она и придетъ! Нѣтъ, она даже не взглянетъ на него, если имъ придется еще разъ встрѣтиться въ этой жизни!

— Неужели, ты такъ и не придешь больше танцевать?— ужаснулась Мимми, которой показалось, что наказаніе не соотвѣтствуетъ проступку.

— Конечно, нѣтъ!—Лена безповойно оглянулась на дверь.—Ты вѣдь знаешь, что папа не желаетъ этого и не запрещаетъ только потому, что и безъ того увѣренъ, что я больше не хожу...

Но тотчасъ же она страхнула съ себя эти назойливыя размысленія объ обязанностяхъ и вернулась къ разговору о письмѣ. Надо было хорошенько обдумать, какъ теперь поступить. Не оставить же безнаказаннымъ этого дерзкаго гимназиста! Его нужно проучить, и хорошенько!

Лена стала придумывать одинъ планъ дѣйствій за другимъ, а Мимми только хохотала, одобряла все, и бралась помочь, въ чемъ угодно.

Старая Мая подала барышнямъ кофе со свѣжимъ домашнимъ печеньемъ, и обсужденіе продолжалось за кофеемъ. Наконецъ выработанъ былъ такой планъ:

На слѣдующемъ урокѣ танцевъ Мимми передастъ господину гимназисту, что Лена такъ разсердилась, получивъ письмо, что изорвала его въ клочки и объявила, что никогда не проститъ самоувѣреннаго мальчишку. Затѣмъ, когда онъ огорчится этимъ,—конечно, онъ будетъ очень огорченъ,—ему скажутъ, что Лена не хочетъ больше бывать на урокахъ танцевъ, пока бываетъ тамъ онъ. Разумѣется, онъ поспѣшитъ сказать, что не придетъ и самъ. Тогда Лена, такъ и быть, постарается придти... Но тутъ-то и произойдетъ самое главное, такъ какъ навѣрное онъ не утерпитъ, и все-таки появится на урокѣ, причѣмъ ему

будеть показано, что значить настоящее презрѣніе оскорбленной барышни!.. Небось, не забудеть этого урока!

Дальнѣйшія обсужденія интереснаго плана были прерваны появленіемъ Маи, которая быстро вошла въ комнату, схватила поднось съ кофейнымъ приборомъ и проговорила торопливо, что слышала на лѣстницѣ шаги доктора Бурмана.

— Онъ идетъ долго!—пояснила она, протягивая руку за еще недопитой чашкой Лены.

Та отдала чашку, не задумываясь. Ей было запрещено угощать знакомыхъ кофеемъ, такъ какъ Бурманъ вообще не любилъ запрещать что-нибудь. Но какъ Мая, такъ и Лена, понимали, насколько ему будетъ непріятенъ двойной сюрпризъ: застать у дочери антипатичную ему Мимми, да еще обѣихъ за кофеемъ, точно старыхъ салопницъ. Бурманъ успѣлъ причитъ своихъ домашнихъ столько же опасаться сдѣлать что-нибудь ему не по вкусу, какъ и нарушить прямое запрещеніе.

Къ счастью, комната Маи была рядомъ съ спальней Лены, почему и удалось во время унести поднось и смести со стола крошки. Но Мимми осталась на диванѣ, такъ какъ въ квартирѣ былъ только одинъ входъ, и отступленіе было отрѣзано. Раздался звукъ отпираемой и снова запираемой входной двери (Бурманъ всегда носилъ съ собой ключъ отъ квартиры), а затѣмъ появился на порогѣ Лениной комнаты, и онъ самъ, чтобы, по обыкновенію, поцѣловать дочь, прежде чѣмъ приступить за работу.

Увидѣвъ Мимми, онъ пасупился, и, поклонившись очень холодно, прошелъ въ свой кабинетъ.

Черезъ нѣсколько минутъ подруги Лены уже не было въ квартирѣ, а сама Лена пошла къ отцу, подъ благовиднымъ предлогомъ убѣдиться, все ли у него уже прибрано, на самомъ же дѣлѣ для того, чтобы успокоить его, если онъ разсерженъ.

Бурманъ всѣ послѣдніе дни былъ не въ духѣ. Во-первыхъ, дѣла съ основаніемъ газеты подвигались впередъ недостаточно быстро; во-вторыхъ, въ толстыхъ журналахъ стали появляться довольно неблагоприятныя рецензіи его книги. Критики находили, что все сочиненіе проникнуто всякими утопіями, что характеры не выдержаны, и много, много еще и другихъ недостатковъ. Положимъ, съ особенной рѣзкостью писали о немъ критики консервативныхъ журналовъ, которые не долюбливали его принципиально. Тѣмъ не менѣе, нападки огорчали Бурмана, и какъ Лена, такъ и Гильдуръ, должны были выслушивать его горькія сѣтованія на неспра-

*

ведливость критики. Особенно его возмущало то, что журналы не брезгали искаженіемъ правды и введеніемъ своихъ читателей въ полное заблужденіе относительно художественныхъ достоинствъ той или другой книги, когда этого требовали ихъ партійные интересы. Это уже была безчестность! Въ своемъ ожесточеніи онъ сдѣлался крайне мнителенъ, читалъ между строкъ, находя преслѣдованія даже тамъ, гдѣ этого вовсе и не было.

Лена тихо ходила вокругъ отца, дѣлая видъ, что приводитъ въ порядокъ кабинетъ и ожидая, что вотъ, вотъ онъ скажетъ что-нибудь о сегодняшнемъ визитѣ Мимми. Долго онъ сидѣлъ надъ своими бумагами, не произнося ни слова, но наконецъ поднялъ голову.

— Скажи, пожалуйста, ты часто выдаешься съ этой баришней?—спросилъ онъ.

— Н-н-ѣтъ... не особенно часто, папа.

Лена растягивала слова, не зная, какъ примирить истину съ нежеланіемъ раздражить отца.

— Не понимаю, что ты находишь въ ней хорошаго? Довольно странный у тебя вкусъ!

Вурманъ брезгливо перекинулъ губы, закурилъ сигару и снова склонился надъ просматриваемой рукописью.

Повертѣвшись еще нѣсколько минутъ въ комнатѣ и полагая, что выслушивать больше нечего, Лена потихоньку направилась къ дверямъ, но отецъ снова поднялъ голову и поманилъ ее къ себѣ.

Она ожидала новыхъ упрековъ и приблизилась робко, съ опущенной головой. Но его настроеніе уже успѣло перемѣниться. Вмѣсто того, чтобы продолжать выговоръ, онъ обнялъ ее, привлекъ къ себѣ и, потрепавъ ей рукой щеку, сказалъ ласково:

— Ты вѣдь мой цвѣточекъ! Не могу себѣ представить, чтобы тебѣ нравилось что-нибудь, кромѣ прекраснаго, хорошаго, изящнаго! Вѣдь меня огорчаетъ только то, что ты бываешь иногда съ людьми, которые не стоятъ тебя. Эта дѣвушка положительно тебѣ не подходящая.

Онъ даже вздрогнулъ,—такъ антипатична была ему „эта дѣвушка“.

— Въ ней что-то вульгарное!—продолжалъ онъ.—Стоитъ взглянуть на нее, чтобы это понять. Какіе-то безпокойные, подслѣповатые, глаза; этотъ взлохмаченный рыжій чубъ!.. Такъ и видно, что это особа, только и думающая о томъ, о

чемъ не слѣдуетъ думать... Нѣтъ, моя Лена, она тебѣ не пара! За что ты ее любишь?

— Она такая добрая! — отвѣтила Лена, не глядя отцу въ глаза, но ласкаясь къ нему.

— Добрая? Очень можетъ быть... Я вѣдь не знаю ея, можетъ быть, я къ ней и несправедливъ. Я даже вовсе не хочу, чтобы ты обидѣла ее безпричиннымъ разрывомъ. Но, право, я не думаю, чтобы тебѣ было полезно такое общество, и мнѣ было бы очень пріятно, если бы ты какъ-нибудь деликатнѣе прекратила это знакомство. Развѣ у тебя нѣтъ госпожи и дѣвицы Скогъ? Вотъ это приличные люди! Отчего ты не бываешь съ ними чаще?

Лена молча ласкалась къ отцу, какъ котенокъ. У нея не было ни достаточной храбрости, ни силы воли, чтобы защищать свою подругу, какъ бы слѣдовало, а согласиться съ отцомъ она тоже не хотѣла. Впрочемъ, теперь она была такъ довольна измѣненіемъ въ настроеніи отца и легкостью, съ какой прошелъ выговоръ, что ласкалась къ отцу изъ благодарности, и въ концѣ концовъ общалась даже какъ можно рѣже видаться съ Мимми и какъ можно чаще навѣщать семейство Скогъ.

Но вернувшись въ свою комнату и сѣвъ за переписку одной изъ рукописей отца, она задумалась.

Хорошо быть цвѣточкомъ папы, очень, конечно, лестно считаться такимъ исключительнымъ существомъ, которому трудно подыскать даже сколько-нибудь подходящее общество. Но тяжело и отказываться отъ всякихъ удовольствій и не бывать изрѣдка на танцевальныхъ урокахъ госпожи Гельстрѣмъ. Но особенно досадно отказаться отъ надежды отомстить этому нахалу-гимназисту! Такой жертвы она положительно не могла принести...

Однако вдругъ въ ней проснулась прирожденная гордость, и ей показалось стыдно обманывать отца, который былъ о ней такого хорошаго мнѣнія. Мысли о Мимми и о гимназистѣ были подавлены. Тихонько прошла она въ кабинетъ отца, подошла къ нему сзади и, обвивъ его шею руками, поцѣловала его въ щеку. Затѣмъ, не проронивъ ни слова, она выбѣжала изъ кабинета, чтобы не мѣшать занятіямъ отца.

За обѣдомъ она была къ нему особенно внимательна и заговаривала о разныхъ разностяхъ, чтобы отвлечь его мысли отъ назойливыхъ критическихъ статей. А когда Бурманъ перешелъ на свой диванчикъ, она подложила ему за спину по-

душку и стала играть его любимыя пьесы. Она играла съ такимъ чувствомъ, что всѣ темныя мысли разсѣялись въ головѣ неисправимаго мечтателя, и онъ заснулъ съ счастливою улыбкой.

IX.

Если неблагопріятныя критическія статьи сердили Сета Бурмана, то Гильдуръ онѣ сердили еще гораздо больше. Она находила ихъ несправедливыми, неблагоприятными, бессмысленными. Но она все еще утѣшала и Бурмана, и себя увѣренностью въ томъ, что, какъ только появится разборъ книги въ либеральныхъ журналахъ, удовлетвореніе будетъ полное.

Особенныя надежды возлагала она на одинъ журналъ, тенденціи котораго наиболѣе согласовались со взглядами, отстаиваемыми въ книгѣ Бурмана. Газеты тоже отзывались еще далеко не всѣ...

Каждое утро она съ нетерпѣніемъ просматривала газеты, поджидая книжки журнала, гдѣ должна была появиться статья. Но газеты отмалчивались. Наконецъ получился журналъ, дѣйствительно, съ довольно большой статьей о „Свободѣ“ Бурмана.

Гильдуръ стала жадно просматривать статью, пропуская общія мѣста и отыскивая суть, т.-е. то громкое и категорическое признаніе достоинствъ книги, котораго она ждала такъ долго и съ такою увѣренностью. Попадались кислосладкія замѣчанія, обильно сдобренныя не относящимися къ дѣлу размышленіями; попадались и ничтожныя похвалы отдѣльнымъ страницамъ, тому, или другому художественному приему автора, но опять-таки со всевозможными оговорками и совсѣмъ несущественныя. Суть все не было, и такой статья оказалась до конца.

Гильдуръ не вѣрила своимъ глазамъ и вторично прочла статью, на этотъ разъ не пропуская уже ни строки, все же надѣясь, что въ первый разъ она, вѣроятно, проглядѣла главное. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ было допустить, чтобы основныя мысли автора были совсѣмъ не замѣчены критикомъ и чтобы въ статьѣ не было чего-либо другого, кромѣ переливанія изъ пустого въ порожнее. Но, при внимательномъ чтеніи, впечатлѣніе получилось еще болѣе неблагопріятное. Отзывъ былъ положительно неодобрителенъ, и многое въ книгѣ Бурмана замалчивалось, какъ не стоящее обсужденія...

Глубокое негодованіе противъ критика и сочувствіе въ Бурману взволновали дѣвушку. Какъ-то онъ самъ отнесется

къ этой статьѣ? Можетъ быть, она его хоть немного утѣшить, если выскажетъ ему, съ какимъ негодованіемъ относится къ такой несправедливости къ писателю.

Не обдумывая того, что она будетъ дѣлать, она почти побѣжала къ Бурману, уже дорогой придумавъ для этого предлогъ, будто она забыла ноты.

Лена стала помогать ей искать ихъ и сама же она разсѣянно перебирала на этажеркѣ ноты, прислушиваясь, не послышатся ли шаги или шорохъ въ комнатѣ Бурмана. Но дверь въ эту комнату не открывалась, и ни малѣйшаго звука оттуда не доносилось... Въ такое раннее время онъ бывалъ однако обыкновенно дома!.. Но спрашивать о немъ не хотѣлось.

Въ концѣ-концовъ пришлось-таки спросить Лену, отчего ей отецъ не выходитъ и какъ онъ отнесся къ статьѣ о книгѣ.

Лена посмотрѣла на нее удивленно. Оказалось, что она ничего о ней не знаетъ, а отца она еще не видала. Онъ ушелъ, когда Лена еще не была одѣта, и такъ торопился, что даже и не позавтракалъ.

Для вида Гильдуръ еще нѣкоторое время искала тетрадь и ушла. Но долго еще она ничѣмъ не могла заняться. Она пробовала взяться за рукодѣлье, но сейчасъ же бросала работу; чтеніе не пошло тоже, такъ какъ не удавалось сосредоточить мысли на прочитанномъ. Ни о чемъ, кромѣ несправедливости, постигшей романъ Бурмана, думать ей не хотѣлось.

Какъ могло случиться, что книгу, произведшую на нее такое глубокое впечатлѣніе, и не менѣе, чѣмъ ее заинтересовавшую всѣхъ, съ кѣмъ ей ни приходилось говорить о ней, критики признали почти ничтожной? Не могли же они не понять очевидныхъ достоинствъ сочиненія, да и самъ Сеть Бурманъ былъ слишкомъ крупной величиной въ шведской литературѣ, чтобы къ его идеямъ можно было относиться съ пренебреженіемъ! А между тѣмъ выходило, точно книгу едва замѣтили или совсѣмъ не поняли критики...

Но въ самомъ ли дѣлѣ книга не понята? Не правдоподобнѣе ли, что критики, по какимъ-нибудь партійнымъ соображеніямъ, намѣренно не пожелали понять идей Бурмана? А можетъ быть, они такъ запутались въ своихъ собственныхъ критическихъ теоріяхъ, что не уловили основной мысли сочиненія, совершенно понятнаго для всякаго безпристрастнаго читателя?

Она ждала такого огромнаго успѣха книги, что совсѣмъ сбилась съ толку такой непредвидѣнной неудачей. Хуже всего

было то, что послѣдняя статья появилась въ либеральномъ и очень вліятельномъ въ литературномъ мірѣ журналѣ... Гильдуръ возлагала особенныя надежды именно на этотъ журналъ и была вполне увѣрена, что онъ вознесетъ романъ до небесъ. И вотъ, оказывалось, что либеральный критикъ остался недоволенъ! Онъ скрасилъ свои выраженія цвѣтистыми фразами, но суть все-таки сводилась къ тому, что въ романѣ не было послѣдовательности, что идеи автора неясны, что его психологическіе выводы спутаны, фабула—неправдоподобна, а вся книга—невыносимо скучна.

Возможно ли, чтобы сама она такъ ошиблась и что сочиненіе увлекло ее только тѣмъ, что касалось мучившихъ ее мыслей, а само по себѣ не имѣло литературныхъ достоинствъ?

Эта мысль такъ взволновала ее, что она почувствовала себя совсѣмъ разстроенной. И не съ кѣмъ было поговорить, некого было просить разъяснить путаницу!.. Какъ досадно, что Бурманъ именно сегодня ушелъ изъ дому такъ рано!..

Она уже подумывала, нельзя ли найти новый предлогъ зайти къ Бурману, узнать, не вернулся ли онъ домой, какъ вдругъ постучали въ дверь. Служанка подала Гильдуръ письмо и не безъ таинственности пояснила, что его принесъ какой-то уличный мальчишка. Видъ письма былъ такъ же необыкновененъ, какъ и способъ его пересылки. Адресъ былъ написанъ карандашомъ. Оно было безъ конверта и написано на клочкѣ простой бумаги; сложено очень замысловато и, вмѣсто печати, зашпилено березовымъ прутикомъ, продѣтымъ въ бумагу, какъ булавка. Прутикъ сломался, когда Гильдуръ взяла письмо въ руки, и бумажка развернулась...

Ни подписи, ни обращенія въ письмѣ не было, но Гильдуръ тотчасъ же узнала, отъ кого оно. Оно было написано тѣмъ же четкимъ, угловатымъ почеркомъ, какимъ и авторская надпись на книгѣ Бурмана.

„Наблюдали ли вы когда нибудь, какъ кружатся и носятся по вѣтру опавшіе листья?—писалъ Бурманъ.—Вотъ валяется сухой, сморщенный, кленовый листъ съ короткимъ стебелькомъ и острыми зубцами. Налетаетъ вѣтеръ и подхватываетъ его. Онъ поднимается, упираясь однимъ зубцомъ въ землю, и катится по дорожкѣ,—катится очень быстро, точно несется куда-то по важному дѣлу. Но вотъ, онъ встрѣтилъ на пути препятствіе, завертѣлся на одномъ мѣстѣ, точно въ нерѣшительности бросился въ сторону, потомъ упалъ и вѣтеръ несетъ его по землѣ... Новый порывъ вѣтра поднимаетъ его

опять на зубцы, и онъ опять катится впередъ, очевидно, уже безъ всякихъ колебаній... Онъ будетъ катиться, пока не наткнется на камушекъ, или пока его не растопчутъ прохожіе ногами...

Тамъ другой листикъ, отъ ближайшей березы. Онъ ярко-желтаго цвѣта съ зелеными, вздутыми, жилками. Онъ только что упалъ съ дерева и лежитъ на дорожкѣ, въ ожиданіи такой же участи, какъ и другіе спавшіе листья. Налетитъ вѣтеръ, и закружитъ его въ общей, круговой пляскѣ сухихъ листьевъ. Поднимется листокъ, можетъ быть, высоко, выше кустовъ и молодыхъ деревьевъ, по неминуемо опустится опять на землю, гдѣ снова станетъ кружиться въ общемъ хороводѣ, пока не упадетъ въ кучку листьевъ и не придавитъ его къ самой землѣ. Напрасно онъ мечтаетъ вознестись до верхушекъ деревьевъ. Сегодня такъ сыро, листья быстро утаптываются въ землю“.

Этимъ и кончалось письмо. Поэтическій порывъ фантазіи! Печальныя размышленія мечтателя, который находитъ откликъ своему невеселому настроенію въ осеннихъ картинахъ! И ни единого слова къ ней...

Тѣмъ не менѣе, ей показалось, что въ этомъ странномъ письмѣ былъ точно скрытый призывъ, призывъ именно къ ней... Вѣдь онъ говорилъ съ нею въ письмѣ такъ, какъ будто сидѣлъ рядомъ. Конечно, тамъ, на кладбищѣ, гдѣ они уже сидѣли рядомъ однажды...

Не задумываясь, встала она, надѣла пальто и ушла изъ дому.

На кладбищѣ за послѣдніе дни стало пустынно, непривѣтно. Полуобсыпавшаяся листва деревьевъ желтѣла рѣденькой и прозрачной сѣткой. Уже у самыхъ воротъ Гильдуръ различила мощную фигуру Сета Бурмана, который однако не сидѣлъ подъ ивами, какъ она ожидала, а прогуливался взадъ и впередъ по большой аллеѣ кладбища.

На поворотѣ онъ увидѣлъ Гильдуръ и пошелъ ей навстрѣчу неторопливо и безъ всякаго удивленія. Очевидно, онъ ждалъ ее. Ему казалось вполне естественнымъ, что она пришла. Тѣмъ не менѣе, глаза его блеснули какимъ-то страннымъ огонькомъ, когда онъ приблизился къ ней.

Они поздоровались и онъ пожалъ ей руку, какъ обыкновенно. Затѣмъ они вмѣстѣ пошли дальше, причемъ ни онъ, ни она ни словомъ не обмолвились о письмѣ.

— Я сегодня много гулялъ, — сказалъ онъ. — Много и далеко! Было столько мѣстъ, которыя я хотѣлъ еще разъ увидѣть...

— Прощаетесь съ природой передъ зимой?—спросила она, улыбаясь.

Онъ пристально посмотрѣлъ на нее, глынулъ прямо передъ собой и проговорилъ:

— Да, я прощаюсь...

Немного помолчавъ, онъ прибавилъ съ удареніемъ:

— Только не на зиму... Да, — придется разстаться на болѣе продолжительное время!

Она вздрогнула отъ этого неожиданнаго сообщенія. Очень тихо и неестественно спокойно спросила она, не уѣзжаетъ ли онъ куда-нибудь?

Да, онъ собирался уѣхать. Сегодня утромъ онъ понялъ, что до сихъ поръ въ своей дѣятельности придерживался дурной программы. Теперь онъ составилъ себѣ новую программу жизни и хотѣлъ немедленно привести ее въ исполненіе.

Гильдуръ слушала молча, смотрѣла себѣ подъ ноги, и даже не замѣтила, что они вышли съ кладбища, и шли по улицѣ.

— Что же вы хотите сдѣлать?—спросила она, когда онъ замолчалъ.

— Я хочу превратиться въ нѣчто отвлеченное, такъ сказать, въ духа.

Замѣтивъ ея недоумѣвающій взглядъ, онъ продолжалъ, улыбаясь:

— Да, да, я хочу быть духомъ! Тѣло мое должно исчезнуть отсюда, насколько можетъ исчезнуть человѣкъ, а дѣятельность мою долженъ продолжать незримый духъ.

Продолжая идти по улицѣ, которая вела за городъ, онъ сталъ излагать свой планъ.

Давно уже онъ замѣтилъ, что личность человѣка всегда вредитъ проповѣдуемой имъ идеѣ. Развѣ это не подтверждается теперь на его книгѣ? Почему не желаютъ понять проводимой въ этой книгѣ идеи? Потому, что идея выдвинула бы личность, а личности никто не желаетъ видѣть впереди себя. Личность принято осаживать, давить, растаптывать, какъ бы нужна ни была мысль этой личности. Кто не политическій врагъ, тотъ соискатель, или завистникъ... Всякому нужна гибель отдѣльныхъ личностей.

Когда сочиненіе встрѣчаютъ наименѣе враждебно? Когда автора нѣтъ въ живыхъ, или когда онъ изгнанъ. Нѣтъ вѣдь ни малѣйшаго интереса бороться съ мертвецомъ, или съ обезсиленнымъ изгнанникомъ!

Не можетъ же онъ желать себѣ смерти, хотя это лучше всего расчистило бы дорогу его идеямъ. Не можетъ же онъ сдѣлать этого, хотя бы только потому, что далеко еще не высказался вполне! Но, вмѣсто смерти, можно сдѣлать другое: можно сдѣлаться невидимкой, оставить свое мѣсто въ политической жизни, умалить свою личность до нельза, бросить друзей и родину, не имѣть постоянного мѣста жительства, — словомъ, можно обставить свою жизнь такъ, что личность ни опасеній, ни зависти возбуждать не стала бы. Тогда, можетъ быть, идея осталась бы незатемненной, и могла бы постоять за себя!

Гильдуръ шла рядомъ съ нимъ и молча прислушивалась къ его словамъ, звучавшимъ то горечью и тоскою, то горячимъ энтузіазмомъ, который загорался всякій разъ, когда онъ говорилъ о своей идеѣ, о своемъ призваніи. Для идеи онъ готовъ былъ пожертвовать всѣмъ, что было ему дорого... Но чѣмъ болѣе онъ говорилъ, тѣмъ сильнѣе возмущалась она противъ необходимости такой съ его стороны жертвы. Почему человѣкъ съ такими сокровищами въ душѣ долженъ бѣжать отъ родины, отъ положенія, отъ самой жизни, пожалуй, — и все это только для того, чтобы обезоружить враговъ, которые не хотятъ внимать голосу истины и мѣшаютъ дѣлать это другимъ? Откуда явилась такая власть у этихъ людей, и такъ ли все это? Вѣрно ли, наконецъ, то, что изъ своего убѣжища въ добровольномъ изгнаніи писатель будетъ имѣть большее вліяніе на людей, чѣмъ теперь?

Робко и съ безпокойствомъ задала она ему, наконецъ, эти вопросы. Она чувствовала себя точно виноватой. Ей казалось, что и на ней лежитъ часть отвѣтственности за несправедливость соотечественниковъ къ этому великому человѣку.

Но онъ не понялъ причинъ ея смущенія. Въ отвѣтъ онъ еще разъ выяснилъ свою точку зрѣнія и доказалъ довольно послѣдовательно цѣлесообразность принятаго рѣшенія. Во всякомъ случаѣ, это было единственнымъ разумнымъ рѣшеніемъ, какое можно было принять въ его теперешнемъ положеніи.

Она попыталась, было, возражать, но не находила доводовъ, и должна была ограничиться выраженіями негодованія или ни на чемъ не основаннымъ утвержденіемъ, что общественное мнѣніе не можетъ быть противъ него. Вѣрить она не хотѣла, чтобы Сеть Бурманъ позволилъ врагамъ выжить себя изъ страны! Все это она говорила горячо, но невольно чувствовала въ глубинѣ души восторгъ передъ человѣкомъ, способнымъ на

такія жертвы ради идеи, и это-то и мѣшало ей говорить убѣдительно.

Сказать правду, она не разъ сокрушалась, подмѣчая въ Бурманѣ человѣческія слабости. Какъ она ни возвеличивала его, какъ ни гордилась его дружбой, она все-таки должна была зачастую соглашаться, что онъ слишкомъ ужъ выдвигаетъ на первый планъ себя. Конечно, это зависѣло только отъ того, что онъ, признанный борецъ за индивидуальность, не могъ начать съ отрицанія своихъ личныхъ достоинствъ и правъ!.. Но, тѣмъ не менѣе, ей бывало иногда неприятно, когда онъ выдвигалъ себя впередъ. Зато теперь это намѣреніе пожертвовать собой ради идеи являлось точно искупленіемъ всѣхъ его слабостей и было доказательствомъ того, что, на самомъ дѣлѣ, онъ не эгоистъ... И это такъ радовало ее, освобождая отъ гнетущей мысли...

Теперь онъ былъ въ ея глазахъ тѣмъ же возвышеннымъ, благороднымъ, великимъ человѣкомъ, какимъ она считала его всегда. Идеа, ради проведенія которой онъ соглашался страдать всю жизнь, могла быть только возвышеннѣйшей идеей! Да, передъ такимъ человѣкомъ преклониться можно...

Мелкія обвиненія, шевелившіяся противъ него въ глубинѣ ея души, разсѣялись, и она всецѣло отдалась порыву восторга...

Ея глаза подернулись влагой. Она не смѣла останавливать на немъ взгляда: она такъ ясно чувствовала, что этотъ взглядъ выдастъ ея волненіе.

Но онъ успѣлъ кое-что замѣтить. Онъ, какъ и прежде, властно завладѣлъ ея рукой и пошелъ съ нею рука объ руку. Ни онъ, ни она уже не замѣчали, куда идутъ.

Такъ миновали они таможеню, прошли по Вальгальской дорогѣ и оказались на шоссе королевы Христины. Подъ елями они невольно замедлили шаги, точно пришли къ намѣченной цѣли.

Торжественно, мелодично шумѣлъ вокругъ всегда зеленый еловый лѣсъ. Надъ ними была совсѣмъ еще свѣжая зелень. Между камнями пробивался таковой же свѣжій зеленый мохъ. Подъ огромными деревьями не чувствовался осенній вѣтеръ и не видно было печальной, опавшей, листвы. Тихо и мирно было подъ этими старыми деревьями, и сквозившіе между ними солнечные лучи грѣли здѣсь теплѣе, чѣмъ гдѣ-либо.

У дороги стояла старая, потемнѣвшая отъ времени, источенная червями, скамейка. Поровнявшись съ ней, Гальдуръ освободила руку и остановилась. Она не устала, но ей просто

захотѣлось посидѣть здѣсь, подъ этими старыми елями, и она опустилась на скамейку.

Бурманъ молча сѣлъ рядомъ, снялъ шляпу и провелъ рукой по своимъ густымъ, серебристымъ отъ пробивавшейся сѣдины, волосамъ. Онъ съ удовольствіемъ оглянулся на окружающую зелень, жадно вдохнулъ въ себя смолистый запахъ хвойныхъ деревьевъ, и улыбнулся.

— Да, здѣсь точно весна! — сказалъ онъ.

— Здѣсь еще май, — прошептала, улыбнувшись, и она.

Она ощущала въ себѣ какое-то весеннее настроеніе. Въ ней точно освободилось и расцвѣло какое-то новое чувство, — чувство безпредѣльнаго восторга въ этому сильному душой человѣку, который безъ колебаній отказывался отъ борьбы за свое счастье только для счастья другихъ людей. Куда бы онъ ни уѣхалъ теперь, она уже не будетъ чувствовать себя въ пустынѣ, какъ прежде. Она узнала, что такое дѣйствительное, настоящее, величіе человѣческой души, и въ ней навсегда останется сознаніе, что она была дружна съ этимъ великимъ человѣкомъ!

— Однако, недолго намъ съ вами наслаждаться этой весной! — заговорилъ Бурманъ. — Стоитъ сдѣлать только нѣсколько шаговъ назадъ, и мы снова очутимся среди опадающихъ, мертвыхъ, листьевъ.

— Но вы вѣдь скоро уѣдете отъ этихъ листьевъ?

— Отъ тѣхъ, которые для меня особенно мучительны, уѣхать мнѣ некуда!

Онъ проговорилъ это съ горечью и печально покачалъ головой.

— Наоборотъ! — вскричала Гильдуръ. — Заграницей вы сейчасъ же забудете все, что трудно забывается здѣсь, и скоро мы услышимъ о васъ что-нибудь новое!

Онъ сдвинулъ въ рукахъ свою мягкую, войлочную шляпу и проговорилъ, пытливо заглянувъ ей въ глаза:

— Вы, кажется, измѣнили ваше мнѣніе и согласны, что мнѣ слѣдуетъ уѣхать.

— Нѣтъ, я все также думаю, что эта жертва излишня.

— А какъ же вы хотѣли услышать обо мнѣ что-то новое?

— Но вѣдь это не противорѣчитъ моему мнѣнію...

— Т. е. какъ же такъ? Стало быть, это была съ вашей стороны пронія?..

— Да нѣтъ же... нѣтъ!..

Она совсѣмъ смѣшалась и поглядывала на него, точно прося пощады. Какъ онъ могъ такъ истолковывать ея слова?!

— Что же вы хотѣли сказать?—спросилъ онъ.

— Видите ли... Это добровольное изгнаніе врядъ ли полезно, даже врядъ ли благоразумно. Но зато...

— Зато?

— Зато это было бы такъ прекрасно!

— Такъ посовѣтуйте же мнѣ, долженъ ли я предпочесть прекрасное разумному?

Она не знала, что сказать, и смущенно смотрѣла въ землю.

— Если я предпочту прекрасное,—продолжалъ онъ, понижая голосъ и такъ мягко, что сердце ея забилося сильнѣе,— врядъ ли намъ придется снова наслаждаться „весной“ среди осени. Врядъ ли намъ даже придется снова увидѣться!

Говоря это, онъ положилъ руку на спинку скамейки и такъ близко склонился къ Гильдуръ, что она чувствовала на своей щекѣ тепло отъ его дыханія.

— Притомъ, развѣ прекрасное не бываетъ обыкновенно и самымъ разумнымъ?—прибавилъ онъ.

Она подняла голову.

— Вѣдь вы сами уже сдѣлали выборъ, и предпочли прекрасное!—сказала она.

— Да, конечно!—согласился онъ, мѣняя тонъ и выпрямляясь.

Руки его уже не было на спинкѣ скамьи, и голосъ прозвучалъ почти сухо. Но, когда онъ еще разъ заглянулъ ей въ лицо и увидѣлъ выраженіе ея глазъ, поднявшееся въ его душѣ раздраженіе мгновенно улеглось. Еще никогда онъ не ощущалъ такъ ясно, какъ теперь, притягательную силу этой дѣвушки! Съ каждымъ днемъ она становилась ему милѣе, дороже. Ему стоило только увидѣть ея лицо, чтобы снова найти въ себѣ силы и равновѣсіе, какъ бы онъ ни былъ измученъ одолевавшими его сомнѣніями. И его чувство къ Гильдуръ разрасталось, переростало все остальное и готово было вырваться наружу, вопреки всякимъ соображеніямъ холоднаго разсудка.

— И такъ, вамъ все равно, уѣду ли я, или нѣтъ?—спросилъ онъ тихо.

— Нѣтъ, не все равно...

Она не договорила и снова опустила глаза, всецѣло занятая разсматриваніемъ какой-то ползавшей на землѣ бувашки.

— Понимаю, вы считаете меня своего рода Донъ-Кихотомъ, и предпочитаете, чтобы я выѣхалъ гоняться за подвигами, вмѣсто того, чтобы оставаться здѣсь вашимъ другомъ! Я говорю: другомъ,—потому что, во всякомъ случаѣ, мы были друзьями...

Опять подняла она на него взглядъ, и на этотъ разъ въ глазахъ ея сверкали слезы.

— Неужели же вы не понимаете, — проговорила она, стараясь принудить свои дрожащія губы сложиться въ улыбку, — неужели же вы, наконецъ не понимаете, что именно такого Донъ-Кихота я всегда и мечтала имѣть своимъ другомъ?

— Другомъ? Истиннымъ другомъ? — переспросилъ онъ.

Она отвернулась. А его рука обвила ея талію, и онъ съ силой прижалъ ее къ своей груди.

— Другомъ? Ты говоришь, что хочешь быть его другомъ? — вскричалъ онъ страстно. — Ну, такъ тебѣ придется пойти за твоимъ Донъ-Кихотомъ, когда онъ выступитъ въ походъ!

Она не дѣлала ни малѣйшей попытки освободиться изъ его объятій. Восторженные слова, которыя онъ нашептывалъ ей, склонившись къ ея лицу, вызвали въ ея душѣ такой же порывъ восторга, и ея все еще дрожавшія губы сами собой встрѣтились съ его губами...

Съ этой минуты она чувствовала себя точно во снѣ. Самые обыкновенные предметы стали представляться ей въ какомъ-то необыкновенномъ, сказочномъ, свѣтѣ. Люди безшумно шевелились вокругъ нея, точно они были отъ нея очень далеки, но голоса звучали яснѣе обыкновеннаго, хотя точно издалева, и такое же впечатлѣніе производилъ на нее звукъ ея собственнаго голоса.

За обѣдомъ она сидѣла на своемъ обычномъ мѣстѣ, отвѣчая на вопросы и разговаривая, какъ всегда. Только не могла она удержаться отъ счастливой улыбки, то и дѣло появлявшейся на ея губахъ. Среди обѣда Валеріусъ спросилъ ее, не ходила ли она гулять въ лѣсъ, что слѣдовало завлечь по букетику лѣсныхъ растеній, приколотому у нея на груди. На это она, улыбаясь, отвѣтила, что дѣйствительно прошлась до самаго лѣса, а затѣмъ отколола букетъ и раздѣлила растенія между Валеріусомъ, Гуго и Гертрудъ, желая, чтобы каждый изъ нихъ получилъ по душистой вѣткѣ.

Никогда еще ея маленькіе племянники и племянницы не находили въ ней такой веселой тети, какъ сегодня. Послѣ обѣда она стала возиться съ ними, какъ маленькая, играла съ ними въ лошадки, бѣгала по всѣмъ комнатамъ и въ концѣ-концовъ, запыхавшись, бросилась въ гостиную въ кресло.

— Съ вами сегодня случилось, вѣрно, что-нибудь очень пріятное? — улыбаясь, спросилъ ее подошедшій Валеріусъ.

— Да, случилось!..

Она сказала это побѣдоносно и весело, наслаждаясь возможностью сдѣлать это признаніе, ничего не выдавая и не скрывая ни ликовущей улыбки, ни сіяющаго счастіемъ взора.

Валеріусъ стоялъ возлѣ нея и не спускалъ съ нея глазъ.

— Не хотите ли еще поиграть въ лошадки?—предложилъ онъ.—Если дѣти устали, я готовъ замѣнить ихъ.

— Нѣтъ, благодарю!—разсмѣялась она.—Съ чего это вамъ пришло въ голову?

— У васъ такой видъ, точно вамъ не сидится на мѣстѣ.

— Неужели?

Она откинулась на спинку кресла, оперлась на нее головой, и протянула руки.

— Видите, я могу сидѣть очень спокойно!—сказала она, улыбаясь.

Онъ тоже улыбался, продолжая смотрѣть на нее.

— Ну, ненадолго!—замѣтилъ онъ.—Неужели вы воображаете, что незамѣтно, что васъ волнуетъ какая-то радость? А знаете что? Не устроить ли такъ, чтобы можно было потанцовать.

— Потанцовать? Что у васъ сегодня за фантазій! Это вамъ самимъ хочется танцовать?

— Да, мнѣ самому. У меня ужъ такой нравъ, что, когда я вижу, что кто-нибудь... ну, кто-нибудь, не совсѣмъ безразличный для меня, конечно,—кто-нибудь радуется, мнѣ самому хочется повеселиться вмѣстѣ съ нимъ.

— И вамъ потому-то и хочется танцовать?

— Да, именно потому...

Гильдуръ подняла на него глаза, и только теперь замѣтила, сколько добродушія и въ то же время, чего-то благороднаго свѣтилось въ его взглядѣ. Никогда еще она не видала такихъ добрыхъ, и въ то же время умныхъ голубыхъ глазъ!

Ничего не возражая, встала она съ кресла, подошла къ роялю и стала играть. Раздались звуки вальса; Валеріусъ потанцовалъ съ Гертрудъ, потомъ сталъ кружиться съ дѣтми. Но Гильдуръ уже не замѣчала, что дѣлалось позади нея, всецѣло захваченная веселой мелодіей, которая не мѣшала ей мечтать.

Ее пробудило къ дѣйствительности прикосновеніе какой-то руки къ ея плечу. Это пришелъ ея братъ Гуго смѣнить ее.

Она протестовала, но Гуго стоялъ на своемъ, находя, что и ей слѣдуетъ потанцовать, и пришлось уступить мѣсто. Однако танцовать ей не хотѣлось и, отойдя отъ рояля, она медленными

шагами направилась въ отдаленный уголь гостиной, ей хотѣлось еще пометать.

Но вотъ, передъ ней очутился Валеріусъ.

— Одинъ туръ вальса!—предложилъ онъ, расшаркиваясь.

— Нѣтъ, нѣтъ... благодарю васъ!—отвѣтила она нерѣшительно.

Онъ измѣнился въ лицѣ... Она не хотѣла танцовать, не хотѣла, стало быть, подѣлиться съ нимъ своимъ счастіемъ.

— Я очень устала!—пояснила Гильдуръ въ видѣ извиненія.—Я такъ много гуляла сегодня.

— Конечно, зачѣмъ же вамъ утомляться...

Это было сказано отнюдь не колко, но совсѣмъ уже не тѣмъ тономъ, какимъ онъ говорилъ раньше. При этомъ во взглядѣ его было что-то пылливое.

— Надѣюсь, вы не разсердились на меня?—спросила Гильдуръ, уже начиная сожалѣть объ отказѣ.—Одинъ туръ я была бы еще, пожалуй, въ силахъ протанцовать...

— Нѣтъ, нѣтъ, я не хочу, чтобы вы утомлялись изъ за меня!—сказалъ онъ церемонно и отошелъ къ столику, у котораго Гертрудъ разбирала новыя фотографическія карточки.

Онъ не показывалъ вида, что былъ оскорбленъ и скоро заговорилъ уже совсѣмъ такъ же спокойно, какъ и всегда. Но о радостяхъ онъ уже не заговаривалъ.

Гильдуръ успокоилась на его счетъ и осталась одна со своимъ счастіемъ. Съ этимъ счастіемъ она вскорѣ осталась наединѣ, въ своей комнатѣ, и долго не засыпала, раздумывая о немъ.

Что-то, даже совсѣмъ неправдоподобное, находила она въ этомъ своемъ счастьи, въ правѣ называть „своимъ“ Сета Бурмана, этого великаго, благороднаго человѣка! Неужели же въ самомъ дѣлѣ онъ полюбилъ ее, именно ее, изъ всѣхъ женщинъ, которыхъ зналъ?

Лишь разъ въ теченіе этихъ часовъ радостныхъ размышлений содрогнулась она при мысли, что теперь она невѣста жена-таго человѣка...

Но она тотчасъ же отогнала эту мысль.

Онъ вѣдь сказалъ ей, что въ самомъ непродолжительномъ времени будетъ совершенно свободенъ. Что значили какихъ-нибудь нѣсколько недѣль двусмысленнаго положенія, когда впереди была цѣлая жизнь!

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИВАНЪ СЕРГѢВИЧЪ ТУРГЕНЕВЪ.

(Продолженіе *).

IV.

Мы видѣли, Тургеневъ покинулъ родной домъ противъ воли матери. Она, конечно, не сочла нужнымъ помочь ему,—онъ уѣхалъ, по словамъ вполнѣ достовѣрнаго свидѣтеля, «получивъ отъ матери весьма скромную сумму денегъ». Дальше тотъ же свидѣтель рассказываетъ, какъ Варвара Петровна почти каждый день говорила: «надо Ванчикѣ денегъ послать», и откладывала посылку день за день; случалось, и совсѣмъ забывала о ней ⁸⁰⁾.

Для Тургенева начались годы въ полномъ смыслѣ бѣдственнаго существованія въ чужомъ краю. Одну зиму онъ живетъ на дачѣ Віардо въ полномъ одиновствѣ, пытается супомъ изъ полукурицы и яичницей, вся прислуга его состоитъ изъ старухи-ключницы. Въ эти трудные дни возникаютъ *Записки охотника*: нужда вызываетъ дѣятельное творчество ⁸¹⁾.

Это собственный рассказъ Тургенева Фету. Другой очевидецъ передаетъ, что Тургеневъ въ теченіи цѣлыхъ лѣтъ жилъ «займами въ счетъ будущихъ благъ, забираемъ денегъ у редакторовъ подъ ненаписанныя еще произведенія—словомъ, велъ жизнь Согомы знатнаго происхожденія, аристократическаго нищенства» ⁸²⁾.

Всѣ эти свѣдѣнія подтверждаются письмами Тургенева. «Я прожилъ три года за границей, не получая отъ нея ни копѣйки», пишетъ Тургеневъ о своей матери ⁸³⁾. Недавно напечатанныя письма Тургенева къ Краевскому, издателю *Отечественныхъ Записокъ*, даютъ подробныя свѣдѣнія по затронутому вопросу. Письма чаще всего заключаются въ просьбахъ о присылкѣ авансовъ или простой

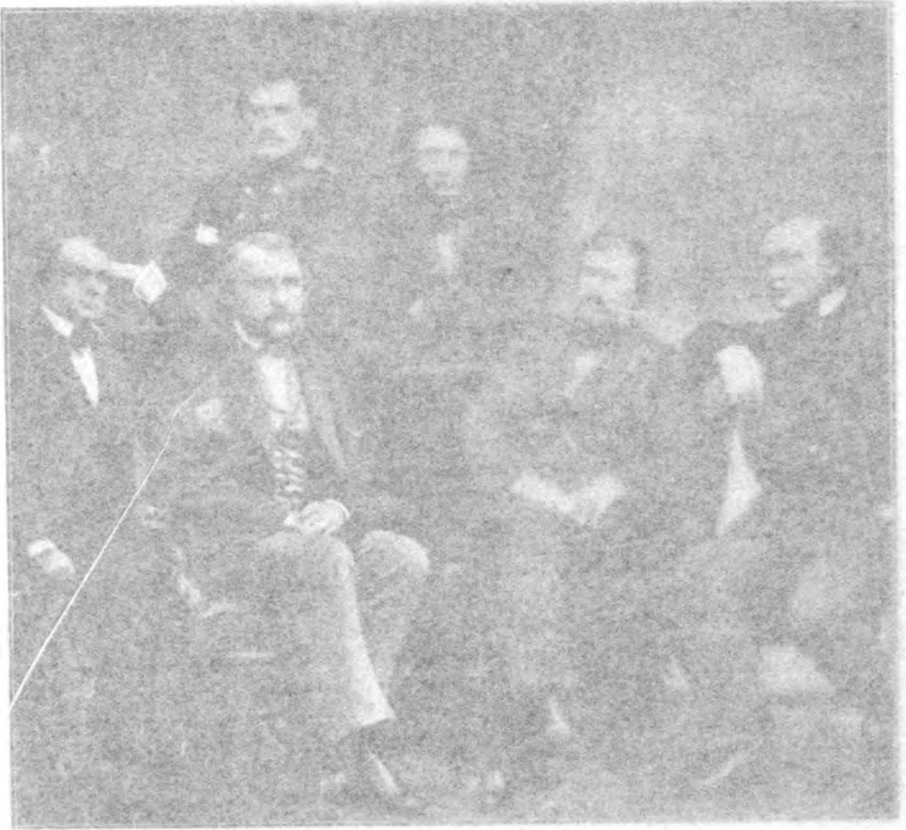
*) См. «Міръ Вожей», № 2, февраль 1895 г.

⁸⁰⁾ Житова, *Иб.*, 580, 603.

⁸¹⁾ Фетъ, I, 158.

⁸²⁾ Анненковъ, *Молодость. Иб.*, 466.

⁸³⁾ *Письма*, 233.



й.

ма:
по
те:
ра
ри
де:

на:
де:
к:
к:
н:
г:
л:
л:
л:
л:

*) См. «Миръ Воинъ», № 2, февраль 1888

⁸⁰⁾ Житова, *Ив.*, 580, 603.

⁸¹⁾ Фетъ, I, 158.

⁸²⁾ Анненковъ, *Молодость. Ив.*, 466.

⁸³⁾ *Письма*, 233.



ГР. Л. Н. ТОЛСТОЙ. Д. В. ГРИГОРОВИЧЪ.
А. ГОНЧАРОВЪ. И. С. ТУРГЕНЕВЪ А. В. ДРУЖИНИНЪ. А. Н. ОСТРОВСКІЙ.

ВЪ МАРТЪ 1856 Г. ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ссудѣ денегъ. Осенью 1849 года Тургеневъ сидитъ безъ копѣйки и не можетъ разсчитывать вообще «на подмогу изъ родительскаго дома». Въ концѣ года читаемъ: «Я нахожусь въ совершенной крайности». Триста рублей ему необходимы, чтобы спастись «отъ голодной смерти». Въ слѣдующемъ году та же исторія: «голодь не детка, и я имѣю свирѣпыя намѣренія на вашу карманъ», пишетъ Тургеневъ въ одномъ письмѣ; изъ другого узнаемъ о желаніи автора возвратиться въ Россію, но нѣтъ денегъ. Незадолго до этого извѣстія Тургеневъ сообщаетъ объ окончательномъ разрывѣ съ матерью и прибавляетъ: «*мнѣ приходится зарабатывать свой насущный хлѣбъ*». Слова эти подчеркиваются, очевидно, въ разсчетъ сильнѣе подѣйствовать на тугого издателя.

Изъ этихъ же писемъ мы узнаемъ размѣръ гонорара, получаемого Тургеневымъ въ началѣ литературной дѣятельности. «Современникъ» платитъ ему 50 р. за листъ, съ Краевскаго Тургеневъ требуетъ сначала 200 р. ассигнаціями, потомъ 75 р. сер., такъ какъ листъ *Отечественныхъ Записокъ* больше листа *Современника*⁸⁴). И это—единственный источникъ: весной—1850 года узнаемъ, что мать уже полтора года не высылаетъ сыну «ни гроша»...

У Тургенева нѣтъ средствъ жить въ Парижѣ. Одну зиму онъ проводитъ въ деревнѣ Віардо, потомъ поселяется въ замкѣ Жоржъ Зандт, на югѣ, почти на самой границѣ Испаніи, и здѣсь живетъ въ полномъ одиночествѣ, изрѣдка наѣзжаетъ въ Парижъ, старается не встрѣчаться съ своими знакомыми и снова исчезаетъ⁸⁵). Это была жизнь, исполненная мелкихъ заботъ, жестокихъ страданий самолюбія по самымъ ничтожнымъ причинамъ, жизнь бѣдности, едва прикрытой и тѣмъ болѣе тяжелой и мучительной. Тургеневъ, не смотря ни на какія огорченія, дѣятельно продолжаетъ *Записки охотника: Ермолай и мельничиха, Мой сосѣдъ, Радловъ, Олноворецъ Овсянниковъ, Львовъ, Бурмистръ, Контора*—всѣ быстро слѣдуютъ одинъ за другимъ, всѣ они появляются въ теченіи одного 1847 года въ *Современникѣ*. Легко представить, какой богатый запасъ наблюденій, какое жгучее стремленіе поразить своего исконнаго врага—крѣпостное право—привезъ Тургеневъ за границу! И мы не должны забывать, что эти удары во имя свободы наносятся въ то время, когда самъ авторъ томится подъ гнетомъ жесточайшаго рабства—бѣдности. Естественно, въ личной жизни Тургенева подчасъ неволью являютя необъяснимые дихорадочные порывы. Никто не могъ догадаться, чѣмъ они вы-

⁸⁴) *Отчетъ Императорской публичной библіотеки за 1890 годъ*. Спб. 1893. 7, 8, 10, 11, 12, 15, 30.

⁸⁵) Анненковъ, *Молодость*. Ів., 468. Ср. *Ист. В.* XIV, 370.

*

зывались, самъ Тургеневъ отказывался объяснить тотъ или другой свой поступокъ: жизнь его бѣжала слишкомъ нервно, безпокойно, лишенная твердой вѣншей опоры и спасительной увѣренности въ завтрашнемъ днѣ...

Въ маѣ 1847 года заграницу отправился Бѣлинскій, страдавшій уже смертельнымъ недугомъ. Геніальный критикъ чувствовалъ себя совершенно безпомощнымъ на чужой сторонѣ, съ нимъ на каждомъ шагу, по его словамъ, совершались «комическія несчастія». Но въ Берлинѣ ему удалось отыскать Тургенева и—пишетъ Бѣлинскій— «я почувствовалъ себя у пристани; со мною была моя нянька».

Тургеневъ повезъ своего друга сначала въ Дрезденъ, потомъ въ Зальдбруннъ. Отсюда Бѣлинскій написалъ знаменитое письмо Гоголю по поводу его *Перетиски*. Тургеневъ писалъ *Бурмистра*, почти не покидая Бѣлинскаго. Былые жаркіе споры возобновились. Критикъ часто обращался къ молодому писателю: «Мальчикъ—берегитесь—я васъ въ уголъ поставлю». Это была добродушная, отеческая шутка. Бѣлинскій по прежнему глубоко уважалъ Тургенева и возлагалъ на него большія надежды. Онъ одобрилъ *Бурмистра*, не могъ не воскликнуть съ обычнымъ страстнымъ негодованіемъ по поводу Пѣночкина: «что за мерзавецъ—съ тонкими вкусами!..» Въ общемъ, жизнь въ Зальдбруннѣ была все-таки слишкомъ однообразна. Тургеневъ не выдержалъ и покинулъ друзей, обѣщая скоро вернуться.

Этого возвращенія не послѣдовало, и самъ Тургеневъ не могъ понять, какъ это произошло. Хитрость, конечно, была безцѣльна, и для всѣхъ ея мотивы остались тайной. Тургеневъ, повидимому, успѣваетъ въ короткое время побывать въ Берлинѣ, въ Лондонѣ, въ Парижѣ. Онъ будто гоняется за жизнью: съ такимъ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ онъ переживаетъ каждый день и впоследствии все еще жалѣетъ о дурно растроченной молодости.

Событія 1848 года застаютъ Тургенева въ Парижѣ. Онъ наблюдаетъ великій переворотъ, пишетъ потомъ рядъ воспоминаній изъ эпохи февральскихъ и іюньскихъ дней: *Человѣкъ въ стѣнахъ очкахъ*, *Наши послали*, съ изумительной проникательностью угадывая смыслъ событій и характеры дѣйствующихъ лицъ. Въ томъ же году и, по всей вѣроятности, въ Парижѣ, возникаетъ рядъ новыхъ рассказовъ изъ *Записокъ охотника*; они продолжаютъ и въ слѣдующіе три года: послѣдніе—*Бѣжинъ лугъ* и *Касьянъ съ Красивой Мечи*; всѣ они печатаются въ *Современникѣ*. Двадцать лѣтъ спустя, Тургеневъ возобновляетъ свои записки—пишетъ *Конецъ Чертопанова*. Рассказъ не нравится его друзьямъ, и одинъ изъ

нихъ беретъ съ автора слово—«никогда впредь никакихъ прибавленій и продолженій къ *Запискамъ охотника* не дѣлать ⁸⁶⁾».

Эти рассказы были, въ сущности, личными воспоминаніями автора, большинство героевъ—все знакомые, охотничьи происшествія, описанныя въ *Запискахъ*, были извѣстны не одному Тургеневу, знали о нихъ и его друзья, принимавшіе участіе въ его охотахъ. Исторіи излагались съ необыкновенной простотой, оказывались доступными пониманію всякаго грамотнаго человѣка. Это—великое достоинство художественнаго произведенія.

Есть извѣстіе, что императоръ Александръ II выразилъ свое сочувствіе «*Запискамъ охотника*», даже лично заявилъ автору, что «съ тѣхъ поръ, какъ онъ, государь, прочелъ *Записки охотника*, его ни на минуту не оставляла мысль о необходимости освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости» ⁸⁷⁾.

Это извѣстіе приписывается самому Тургеневу. Оно проникло и въ западную печать: Додэ даже сообщаетъ, будто Александръ II о произведеніяхъ Тургенева выражался: это мои настольныя книги ⁸⁸⁾.

Въ такого рода сообщеніяхъ могутъ быть неточности: но для насъ важно вліяніе *Записокъ охотника* въ эпоху, когда поднимался вопросъ о великой реформѣ. Вліяніе это ни въ всякаго сомнѣнія. Со временемъ оно было признано благодѣтельнымъ, но на первыхъ порахъ книга подверглась гоненію.

Тургеневъ пріѣхалъ въ Россію весной 1850 года, вызванный вѣстями о болѣзницѣ матери. Варвара Петровна съ нетерпѣніемъ ждала сына, радостно его встрѣтила, но, въ сущности, отношенія ея къ нему и къ старшему сыну не измѣнились. Они по прѣжнему должны были жить въ крайней нуждѣ, Иванъ Сергѣевичъ сталъ извѣстностью, приглашенія въ Петербургъ и въ Москвѣ сыпались на него со всѣхъ сторонъ, а у него часто не бывало нѣсколькихъ копеекъ—заплатить извозчику. Еще тяжелѣе было положеніе Николая Сергѣевича, обремененнаго семьей. Братья рѣшились, наконецъ, заговорить, «въ самыхъ нѣжныхъ и почтительныхъ выраженіяхъ просили они мать опредѣлить имъ хотя небольшой доходъ, чтобы знать, сколько они могутъ тратить, а не беспокоить ее изъ-за каждой необходимой бездѣлицы» ⁸⁹⁾.

Варвара Петровна въ отвѣтъ жестоко посмѣялась надъ сыновьями, обѣщала все сдѣлать и ничего не сдѣлала: это былъ какой-то злорадный опытъ надъ покорностью сыновей. Иванъ Сер-

⁸⁶⁾ *Письма*, 209.

⁸⁷⁾ *Ист. В.* XIV, 457.

⁸⁸⁾ *Иностр. крит.*, 197.

⁸⁹⁾ *Житова*, *Тб.*, 611.

гѣевичъ не вытерпѣлъ, — не за себя, а за брата. Онъ искренно заявилъ ей, какъ жестоко играть комедію съ человѣкомъ, обреченнымъ на всевозможныя лишенія вмѣстѣ со своей семьей. Разговоръ скоро перешелъ на болѣе широкую почву, сынъ сталъ укорять мать вообще за ея отношеніе къ людямъ. Варвара Петровна прогнала его съ глазъ долой. Это было страшнымъ горемъ для сына, неизмѣнно-любящаго и преданнаго. Онъ не могъ удержаться отъ слезъ. Братья уѣхали въ отцовскую деревню, Тургеневу.

Разрывъ подѣйствовалъ и на Варвару Петровну. Ея здоровье давно надломилось, теперь оно быстро разрушалось. Сыновья писали ей письма, но отвѣта не получали. Иванъ Сергѣевичъ тайно пріѣзжалъ освѣдомляться о здоровьѣ матери и глубоко раскаивался въ своемъ разговорѣ съ ней. Въ ноябрѣ Варвара Петровна скончалась. Ивану Сергѣевичу почему-то не успѣли сообщить о наступающемъ концѣ, онъ не засталъ мать въ живыхъ, о чемъ не переставалъ сѣтовать до конца своей жизни.

Послѣдовалъ раздѣлъ наслѣдства между братьями. Иванъ Сергѣевичъ выказалъ необыкновенную уступчивость, пожелалъ удержатъ за собой Спасское, а болѣшую часть лучшихъ имѣній уступилъ брату, не протестовалъ, когда жена брата забрала все движимое имущество Варвары Петровны, серебро, драгоценности, не оставила въ Спасскомъ ни одной ложки. Иванъ Сергѣевичъ долженъ былъ всѣмъ снова обзаводиться ⁹⁰⁾.

Относительно крестьянъ и дворовыхъ онъ посигшилъ заглядить вины матери: дворовыхъ немедленно отпустилъ на волю, многихъ крестьянъ, изъявившихъ желаніе, перевелъ на оброкъ, ближайшихъ слугъ матери осыпалъ наградами. Дворовымъ были розданы десятки десятинъ земли и лѣсу. Раздача производилась крайне неосторожно. Иванъ Сергѣевичъ дарилъ бывшимъ дворовымъ землю у самой усадьбы, и съ теченіемъ времени новые владѣльцы стали тѣснить своего барина. Въ Спасскомъ былъ колодець съ превосходной ключевой водой. Иванъ Сергѣевичъ былъ убѣжденъ, что такой воды нѣтъ во всемъ мірѣ, но облагодѣтельствованные имъ новые владѣльцы загородили всѣ пути къ колодцу, — Ивану Сергѣевичу стоило не малаго труда пробираться къ нему ⁹¹⁾.

Этотъ мелкій фактъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о терпимости и благодушіи Тургенева. Взаимныя отношенія барина и его крѣпостныхъ характеризуются однимъ изъ бывшихъ тургеневскихъ крестьянъ въ такихъ словахъ:

⁹⁰⁾ Полонскій, 499. Григоровичъ, *Воспоминанія*, гл. XIII, *Русск. М. Гб.*

⁹¹⁾ Полонскій, 500. *Письма*, 234.

«Иванъ Сергѣевичъ былъ человѣкъ мягкій, добрый, въ высшей степени благородный. Крестьяне называли его «хорошимъ баринкомъ», «добрымъ бояриномъ», «батюшкой», выражали иногда: «гуюторятъ люди, что нашъ - то слѣпой («слѣпыми» называли Ивана Сергѣевича потому, что онъ никогда не разставался съ рипсе-пез), пріѣхалъ и ужъ ушелъ съ Дьянкою на позаранкѣ... «Что вы довольны моимъ управляющимъ?» обыкновенно спрашивалъ Иванъ Сергѣевичъ своихъ крестьянъ, когда пріѣзжалъ въ Спасское и ссызвалъ «сходку», «міръ» крестьянъ.—«Очень довольны, батюшка ты нашъ, Иванъ Сергѣевичъ», отвѣчали каждый разъ мужики»⁹²).

Эти отношенія, какъ увидимъ, не измѣнились и послѣ великой реформы. Иванъ Сергѣевичъ неизмѣнно—до послѣднихъ дней своей жизни—оставался благодѣтелемъ своихъ крестьянъ, и, что особенно рѣдко и удивительно, близкимъ для нихъ человѣкомъ.

Тургеневъ не покидалъ Россіи до 1856 года, проживая въ Петербургѣ или въ Спасскомъ. Въ Петербургѣ онъ быстро занялъ въ обществѣ то самое положеніе, какимъ пользовался въ кругу берлинскихъ писателей. Съ перваго же года его пребыванія на родинѣ его гостиная сдѣлалась сборнымъ мѣстомъ для людей изъ всѣхъ классовъ общества.

Тургеневъ сталъ *любимымъ* писателемъ. Его знакомствомъ одинаково дорожили и герои свѣтскихъ салоновъ, и представители литературы и искусства, и ученые. Иванъ Сергѣевичъ, обладая блестящимъ образованіемъ, громадной начитанностью и рѣдкимъ знаніемъ заграничной жизни, могъ удовлетворить запросамъ всѣхъ своихъ гостей. Красавецъ, всегда изящный, остроумный, исполненный чисто-русскаго благодушія и по русски гостепріимный, онъ возбуждалъ всеобщій интересъ какъ писатель и какъ личность. Тургеневъ съ одинаковымъ радушіемъ принималъ и знаменитостей, и людей неизвѣстныхъ, безъ имени.

Личное благородство Ивана Сергѣевича не отрицалось даже его врагами. Современникъ, превосходно его знавшій, пишетъ объ этомъ періодѣ его жизни: «Онъ обладалъ однимъ замѣчательнымъ качествомъ: за нимъ ничего не пропадало. Онъ никогда не оставался въ долгу ни за какое дѣло, ни за оказанное расположеніе, ни за наслажденіе, доставленное ему произведеніемъ, ни за простую потѣху, почерпнутую въ той или другой формѣ. Все это онъ помнилъ хорошо, и такъ или иначе, рано или поздно находилъ случай отыскать и отблагодарить по-своему человѣка за интеллектуальную услугу, полученную отъ него когда-то».

⁹²) Русск. Вѣсти., 361—2. Воспомин. о селѣ Спасскомъ-Дутовиноевъ.

Тургеневъ отличался одной страстью, не особенно распространеною среди литераторовъ,—страстью открывать новые таланты и создавать имъ успѣхъ и славу. Нерѣдко ему приходилось раскаяваться въ своихъ слишкомъ благосклонныхъ и нерѣдко поспѣшныхъ приговорахъ. Тургеневъ попадалъ въ комическія положенія съ своими «геніями». Друзьямъ часто не представляло большого труда развѣнчать того или другого изъ нихъ. Тургеневъ негодовалъ на придирчивыхъ критиковъ и иногда наказывалъ ихъ самихъ старымъ своимъ оружіемъ—эпиграммой.

Но ничто не могло помѣшать Тургеневу осыпать нуждающихся денежными подарками. Одинъ очевидецъ считаетъ невозможнымъ пересчитать всѣхъ, обязанныхъ Тургеневу матеріально, другой приводитъ цифру пенсій, которыя ежегодно раздавалъ Тургеневъ, до 8.000 рублей ⁹³⁾.

Естественно, при такихъ условіяхъ, домъ Тургенева былъ всегда переполненъ гостями и просителями. Гостей, даже если бы они и не чувствовали особеннаго интереса къ литературѣ, должна была привлекать бесѣда Тургенева. По словамъ очевидца, невозможно было найти болѣе веселаго, остроумнаго собесѣдника ⁹⁴⁾.

Это въ полномъ смыслѣ исключительное соединеніе качествъ—писателя, человѣка, товарища, представителя салоннаго общества.

Мы неоднократно будемъ имѣть случай убѣдиться, какою скромностью отличался Тургеневъ въ оцѣнкѣ *своего* таланта и *своихъ* заслугъ. Онъ поощрялъ таланты другихъ писателей, искренно убѣжденный, что онъ такимъ путемъ приноситъ пользу обществу. Извѣстенъ характерный фактъ. Тургеневъ умолялъ извѣстнаго историка Забѣлина—дать согласіе на напечатаніе какого-либо изъ его трудовъ. «Нельзя же мнѣ», говорилъ геніальный художникъ, уже авторъ *Записокъ охотника*, «тяготить весь вѣкъ мой землю безъ пользы для другихъ: дайте мнѣ возможность сдѣлать что-либо для общества».

Въ этомъ же 1852 г. написанъ былъ рассказъ *Муму*. Эту исторію Карлейль считалъ самой трогательной, какую только ему случилось читать...

Исторія была личнымъ воспоминаіемъ Тургенева. Герой сказа—нѣмой Герасимъ—типичная жертва крѣпостнической прихоти.

Нѣмого на самомъ дѣлѣ звали Андреемъ, драма его рассказана почти съ исторической точностью,—только на самомъ дѣлѣ драма едва ли не трогательнѣе, и нѣмой едва ли не симпатичнѣе, чѣмъ въ рассказѣ. Онъ и послѣ того, какъ, по волѣ помѣщицы, ли-

⁹³⁾ Анненковъ, *Молодость*, Тб., 464. Полонскій, 500.

⁹⁴⁾ Григоровичъ, Тб., 39.

пился своей Муму, сохранилъ къ госпожѣ прежнюю преданность, до самой ея смерти служилъ ей. Мы знаемъ всю эту исторію со словъ вполне достовѣрнаго свидѣтеля, и этотъ свидѣтель впоследствии изумлялся, какъ Иванъ Сергѣевичъ—одинъ изъ всѣхъ—счумѣлъ такъ глубоко проникнуть въ душу нѣмого крестьянина, такъ пристально заинтересовался его тоской и страданіями. Никому ничего подобнаго и въ голову не приходило⁹⁵⁾. Свидѣтель правъ: нужно было питать исключительную любовь къ крѣпостному, чтобы такъ изучить и такъ воспроизвести его душевную жизнь...

Въ томъ же году Тургеневъ долженъ былъ отправиться въ Спасское. Это было страшнымъ лишеніемъ для него. Онъ не могъ похоронить себя въ деревенскомъ уединеніи,—онъ, всю жизнь стремившійся къ культурнымъ живымъ центрамъ, считавшій уединеніе даже вреднымъ для художественнаго творчества. Однажды онъ привелъ въ ужасъ своихъ московскихъ друзей, явившись неожиданно въ Москву. Его навѣщали знакомые, но замѣнить ему столицы не могли. Онъ старался наполнить время усиленной работой и даже писалъ, что не чувствуетъ скуки, и будто его пребываніе въ деревнѣ зимой полезно для приведенія въ порядокъ разстроенныхъ дѣлъ⁹⁶⁾.

Письмо это относится къ половинѣ ноября 1852 года. Черезъ годъ, 23 ноября 1853 года онъ получилъ возможность вернуться въ столицы.

Записки охотника и *Муму* увеличили популярность Тургенева. Кругъ его знакомствъ еще болѣе расширился, на него невольно стали смотрѣть, какъ на первенствующаго выразителя лучшихъ стремленій современнаго общества. Общественное мнѣніе возлагало на писателя новую отвѣтственность, и Тургеневъ скоро вступаетъ въ новый періодъ художественнаго развитія.

Лѣто 1855 года Тургеневъ, по обыкновенію, провелъ въ Спасскомъ. Весной у него гостили г. Григоровичъ, Дружининъ и Боткинъ. Въ *Воспоминаніяхъ* г. Григоровича подробно описано времяпрепровожденіе друзей. Имъ пришла мысль сочинить общими силами пьесу и разыграть ее. Главнымъ героемъ пьесы выбрали самого хозяина, воспользовались его свойствомъ—приходить въ восторгъ отъ предметовъ, не заслуживающихъ такого отношенія. Произведеніе носило названіе *Школа гостепріимства* и было разыграно 26 мая въ Спасскомъ домѣ. Сюжетъ фарса весьма простой: добрякъ-помѣщикъ, не бывавшій съ дѣтства въ деревнѣ и

⁹⁵⁾ В. Н. Житова. В. Е. 1884, ноябрь, 120.

⁹⁶⁾ Отчетъ Императ. публ. библ., стр. 20.

получившій ее въ наслѣдство, на радостяхъ зоветъ къ себѣ всякаго встрѣчнаго, въ яркихъ краскахъ описываетъ невиданную прелесть сельской жизни, обстановку своего дома. На самомъ дѣлѣ ничего подобнаго не оказывается: все запущено, въ крайнемъ безпорядкѣ, всюду почти однѣ развалины. Помѣщикъ въ ужасѣ, гости должны пріѣхать съ часу на часъ. Начинается мучительная пытка: гости являются, возникаетъ брань, ссоры, жена помѣщика съ дѣтьми уѣзжаетъ, но гости все прибываютъ, тогда герой бросается, наконецъ, къ кухаркѣ и говоритъ ей изнемогающимъ голосомъ: «Аксинья, поди, скажи имъ, что мы всѣ умерли!..»

Тургеневъ игралъ роль помѣщика, согласился даже ввести въ роль фразу, будто бы произнесенную имъ на пароходѣ во время пожара: «Спасите, спасите меня, я единственный сынъ у матери!»

Тургеневъ совершенно увлекся и сочинилъ еще пародію на сцену Эдипа и Антигоны въ трагедіи Озерова: Эдипа изображалъ самъ-авторъ, Антигону—г. Григоровичъ.

Слухъ о спектаклѣ быстро распространился среди окрестныхъ помѣщиковъ. Оказалось множество желающихъ присутствовать на спектаклѣ. Тургеневъ, несмотря на протесты друзей, удовлетворилъ эти желанія,—и публика едва нашла мѣсто. Фарсъ былъ разыгранъ съ успѣхомъ, роль Тургенева, и особенно знаменитая фраза произвела фуроръ. Тургеневъ, уже послѣ отъѣзда друзей, писалъ, что ихъ артистическіе подвиги вызвали въ уѣздѣ цѣлыя легенды⁹⁷⁾.

Въ половинѣ іюня мы узнаемъ изъ писемъ Тургенева, что онъ остался одинъ и принялся за работу. Работа началась въ началѣ мѣсяца, это былъ первый романъ Тургенева—*Рудинъ*.

Въ черновой тетради стоитъ другое заглавіе *Геніальная натура* и такое примѣчаніе: «начать 5 іюня 1855 г. въ воскресенье, въ Спасскомъ; конченъ 24 іюля 1855 въ воскресенье тамъ же, въ 7 недѣль. Напечатанъ съ большими прибавленіями въ январ. и февр. книжкахъ *Современника* 1856 г.»

Тургеневъ приступилъ къ этому труду съ большой осмотрительностью, не хотѣлъ, «чтобы первый блинъ вышелъ комомъ», придавалъ, очевидно, исключительное значеніе этому произведенію. И это было совершенно естественно. Во-первыхъ, «блинъ» на самомъ дѣлѣ уже не былъ *первымъ*, а потому осмотрительность, помимо обычной авторской добросовѣстности Тургенева, вызывалась недавнимъ печальнымъ опытомъ, именно тѣмъ, что дѣйствительно *первый блинъ* вышелъ комомъ. *Рудину* предшествовалъ другой романъ, настоящій первенецъ писателя въ этомъ жанрѣ. Романъ

⁹⁷⁾ Письмо 13, Полонскій 522; Григоровичъ, Р. М., I. cit. 61.

остался неоконченнымъ и исчезъ безслѣдно, за исключеніемъ одного отрывка, напечатаннаго въ *Московскомъ Вѣстникѣ* за 1859 годъ подъ заглавіемъ—*Собственная господская контора*. Несомнѣнно существовала вся первая часть романа. По обыкновенію, Иванъ Сергѣевичъ послалъ ее для прочтенія и критики друзьямъ и ближайшимъ знакомымъ—Анненкову, Боткину и Аксаковымъ—Сергѣю Тимофеевичу и Константину Сергѣевичу. Романъ писался въ теченіи зимы 1852—1853 годовъ, въ апрѣлѣ первая часть была готова и къ 29 іюня Тургеневъ уже зналъ впечатлѣнія Анненкова и ждалъ «приговора» Сергѣя Аксакова. Письмо Анненкова съ отзывомъ о романѣ помѣчено 1-мъ іюня и даетъ намъ нѣкоторыя указанія на сущность романа и характеры его героев⁹⁸).

Существенный недостатокъ романа, по мнѣнію Анненкова, заключался въ обиліи біографическихъ повѣствованій, и именно относительно главной героини. Другія погрѣшности автора казались критику мелочами и должны были исчезнуть при дальнѣйшей обработкѣ.

Но прочіе судьи далеко не были такъ снисходительны, какъ Анненковъ. Прежде всего Кетчеръ подвергъ романъ жестокому порицанію, а Боткинъ въ этомъ направленіи даже превзошелъ горячаго и откровеннаго доктора-литератора. На Тургенева и зрътъ и другой отзывы подѣйствовали удручающе. Анненкову стоило немалого труда утѣшить мнительнаго романиста.

Боткинъ впдѣлъ «блѣдность и неопредѣленность» личности героя—Дмитрія Петровича и героини—Елизаветы Михайловны, отсутствіе интереса въ самомъ разсказѣ и указывалъ на недостатокъ, уже извѣстный Тургеневу изъ письма Анненкова,—«монотонность» непрерывнаго біографическаго повѣствованія. Анненковъ попытался опровергнуть рѣзкій приговоръ Боткина и совѣтовалъ автору не обращать вниманія на судъ пріятелей. «Публичный оборотъ», писалъ онъ, «важнѣе ареопага изъ пятнадцати Гёте, изъ дюжины критиковъ. Для кого вы пишете? Для меня, для А, для В? Да вы знаете хорошо, что вы хоть лопните отъ усердія, а Я и А и В всегда найдемъ, чѣмъ васъ отравить на пріятельскомъ ужинѣ. Вы сами точно также устроены и знаете, какъ только въ рукахъ книга, и пошли вставать образы, лица, вопросы, до-

⁹⁸) *Письма С. Т., К. С. и И. С. Аксаковыхъ къ И. С. Тургеневу*, изд. акад. Л. Н. Майкова. *Русское Обзор.* 1894, окт. стр. 487 etc. О колебаніяхъ Тургенева во время писанія Рудина сообщаетъ письмо къ Краевскому, напечатанное въ *Отчетъ публ. библ.*, стр. 32. Письмо отнесено въ 1856 году: это очевидная ошибка. *Рудинъ* уже былъ напечатанъ въ началѣ этого года.

просы и проч. Ни себя, ни насъ вы никогда не удовлетворите. Зачѣмъ же добиваться этого съ такою горячностью? Это ли послѣднее слово созданія? Эта ли цѣль его? Цѣль есть публичный оборотъ мысли, которая и растетъ, и крѣпнетъ вмѣстѣ съ расширеніемъ оборота»⁹⁹⁾).

Изъ этого письма мы можемъ заключить, какія мучительныя сомнѣнія переживалъ Тургеневъ по поводу своего перваго романа. Доводы Анненкова были горячи и казались Ивану Сергѣевичу, несомнѣнно, убѣдительными. Онъ и самъ позже ставилъ сочувствіе публики выше похвалъ или порицаній профессиональныхъ литературныхъ судей. Но такое представленіе могло укрѣпиться только послѣ многочисленныхъ горькихъ испытаній, въ результатѣ долготѣней и бесплодной борьбы съ недоразумѣніями, а часто и совершенно сознательными навітами критиковъ... Теперь романистъ еще переживалъ первый періодъ своей боевой дѣятельности,—и пріятельская отравка дѣйствовала губительно.

Сначала Тургеневъ будто поддался убѣжденіямъ Анненкова, но въ его письмахъ звучитъ уже ясная нота разочарованія въ своемъ дѣтищѣ и какое-то запуганное чувство надежды. Въ октябрѣ онъ писалъ Аксакову: «Стану передѣлывать, а потомъ, если Богъ дастъ, и продолжать свой романъ... Въ моемъ послѣднемъ письмѣ было сказано нѣсколько словъ на счетъ вашихъ замѣчаній,—теперь же не хочется больше говорить, а дѣлать; письма ваши прочтены мною не разъ,—и многое принято къ свѣдѣнію»¹⁰⁰⁾).

Но едва прошла недѣля—отъ 6-го до 14-го октября, Тургеневъ уже сознается, что онъ «немного охладѣлъ» къ роману. Правда, здѣсь же слѣдуетъ оговорка, что онъ намѣренъ все-таки «его кончить» — но замыселъ былъ, очевидно, парализованъ въ самомъ корнѣ. Возникли новые планы и успѣли созрѣть въ болѣе совершенныя созданія. Еще 2-го іюня 1855 года Тургеневъ продолжаетъ увѣрять Аксакова, что онъ думаетъ передѣлать романъ. Ровно годъ спустя Аксакову пришлось высказываться уже о новомъ произведеніи Ивана Сергѣевича, — и этимъ произведеніемъ былъ *Рудинъ*. Мы точно знаемъ, когда оно начато: оказывается—три дня спустя послѣ того, какъ Тургеневъ все еще писалъ Аксакову о старомъ романѣ. Очевидно, множество художественныхъ плановъ роилось въ головѣ писателя одновременно, и этотъ фактъ долженъ былъ отразиться на романѣ, который, наконецъ, авторъ, рѣшился выпустить въ свѣтъ. Тургеневъ нетер-

⁹⁹⁾ *Тб.* 497.

¹⁰⁰⁾ *Тб.* 498.

гѣливо ждалъ впечатлѣній публики и отзывовъ критики. И ожиданія были ненапрасны. По поводу *Рудина* опредѣлилось на цѣлые годы отношеніе читателей и журналистовъ къ художнику. Публика привѣтствовала романъ, критика причинила Тургеневу не мало огорченій.

Прежде всего любопытны впечатлѣнія тѣхъ же друзей Тургенева, тѣмъ болѣе, что здѣсь мы находимъ цѣныя *историческія* указанія относительно происхожденія романа. Письмо Сергѣя Аксакова слѣдуетъ поставить на первомъ мѣствѣ. Немедленно по прочтеніи романа онъ писалъ автору:

«Рудинъ похожъ очень на общаго нашего знакомаго, хотя, какъ сходство, онъ не очень удовлетворителенъ. Кой-гдѣ встрѣчаются неясности, характеръ Рудина не широко развитъ; но, тѣмъ не менѣе, повѣсть имѣетъ большое достоинство, и такое лицо, какъ Рудинъ, замѣчательно и глубоко. Лѣтъ десять тому назадъ, вы бы изобразили Рудина совершеннымъ героемъ. Нужна была зрѣлость созерцанія для того, чтобы видѣть пошлость рядомъ съ необыкновенностью, дрянность рядомъ съ достоинствомъ, какъ въ Рудинѣ. Вывести Рудина было очень трудно, и вы эту трудность побѣдили, хотя и можно кой-чего еще прибавить. Теперь вы Печорина, конечно, выставили бы не героемъ. А замѣчательное лицо—нашъ знакомый»¹⁰¹).

Дѣло идетъ объ извѣстномъ диалектикѣ-гегельянцѣ, блиставшемъ въ московскомъ университетскомъ кружкѣ. Но рядомъ съ портретомъ опредѣленной личности Аксаковъ видѣлъ въ Рудинѣ нѣчто типичное. Рудинъ напомнилъ Аксакову университетъ, «кругъ нашъ студентскій и Станкевича», и въ этомъ воспоминаніи ему почувалось родственное чувство, связывавшее его съ авторомъ романа.

Впечатлѣнія съ этой стороны были, слѣдовательно, благоприятны. Пріятеля пока не угощали романиста «отравой», но въ журналахъ онъ могъ прочесть мало для себя утѣшительнаго.

Прежде всего, Рудинъ засталъ критиковъ будто врасплохъ. Естественнѣе всего приходила на умъ догадка, что предъ читателями представитель юношества сороковыхъ годовъ, російскаго гегельянства, блестящаго на словахъ и жалкаго въ житейской практикѣ. Писаревъ именно въ такомъ смыслѣ и разбиралъ тургеневскій романъ. «Поколѣніе Рудиныхъ—гегельянцы, заботившіеся только о томъ, чтобы въ ихъ идеяхъ господствовала систематич-

¹⁰¹) *Русск. Обзор.* 1894. дек. 587. Объ оригиналѣ для Рудина говорить также Шмидтъ. *Иностр. критика*, стр. 24.

ность, а въ ихъ фразахъ замысловатая таинственность, мирлилась съ нелѣпостями жизни, оправдывая ихъ разными высшими взглядами и всю жизнь свою толкуя о стремленіяхъ, не трогались съ мѣста и не умѣли измѣнить къ лучшему даже особенности своего домашняго быта»¹⁰²).

Дальше критикъ видитъ заслугу со стороны Тургенева въ томъ, что онъ «совершенно» развѣнчалъ Рудиныхъ, поступилъ съ ними такъ же, какъ Сервантесъ съ героями рыцарскихъ романовъ. Представленіе критика о тургеневскомъ героѣ необыкновенно просто: красивый фразеръ и въ то же время бесполезный прозябатель. «Рудинъ», по мнѣнію Писарева, «умираетъ великолѣпно, но вся жизнь его ничто иное, какъ длинный рядъ самообольщеній, разочарованій, мыльныхъ пузырей и миражей». Наконецъ, оказывается—у Тургенева была уже совершенно опредѣленная тенденція, направленная противъ Рудиныхъ. «Чтобы отгѣнить своихъ героевъ, принадлежащихъ къ рудинскому типу, чтобы рельефнѣе выставить безпощадность своихъ отношеній къ ихъ чуждымъ личностямъ и смѣшнымъ претензіямъ, Тургеневъ ставитъ ихъ рядомъ съ простыми, очень неразвитыми смертными; и эти простые смертные оказываются выше, крупче и честнѣе [полированныхъ и фразерствующихъ умниковъ».

Ясно, Рудинъ полное ничтожество, разъ навсегда заклѣянное авторомъ. Рудинъ для Писарева только отрицательная личность, и самъ авторъ преднамѣренно хотѣлъ его изобразить въ крайне нелестномъ свѣтѣ.

Другой критикъ—Шелгуновъ—посмотрѣлъ на вопросъ совершенно иначе. Рудинъ и для него несомнѣнно уродство и жалкій продуктъ барской теплицы, хотя Рудинъ отнюдь не аристократъ и искренне пришелъ бы въ изумленіе отъ всякаго намека на его барственность и *обезмеченное* тунеядство. Но если у Шелгунова виновать герой, не менѣе виновать и авторъ, именно за свое сочувствіе Рудину. Тургеневъ, по воззрѣніямъ критика, лично «остался всю свою жизнь вѣренъ сферѣ, воспитавшей его, и не былъ въ состояніи понять новой жизни и новыхъ людей, созданныхъ поворотомъ прогрессивнаго общественнаго мнѣнія. Вина его въ сочувствіи только къ Рудинымъ и въ неумѣніи понять новыхъ людей, смѣнившихъ ихъ»¹⁰³).

Въ глазахъ Шелгунова, слѣдовательно, совершенно исчезла замѣченная Писаревымъ тенденція—развѣнчать Рудиныхъ. На-

¹⁰²) *Русское Слово*, 1861, XI.

¹⁰³) *Русскіе идеалы, герои и типы. Дѣло*, 1868, VII.

противъ, Тургеневъ только и былъ способенъ увѣнчивать подобныхъ господъ, спеціально «тургеневскихъ героевъ», какъ выражается критикъ.

Наконецъ, третій судья, имѣвшій право разсчитывать на вниманіе читателей, Аполовъ Григорьевъ, попытался, повидимому, слить и то и другое настроеніе своихъ соратниковъ. «Въ этой повѣсти,—писалъ онъ,—совершается передъ глазами читателей явленіе совершенно особенное. Художникъ, начавши критическимъ отношеніемъ къ создаваемому имъ лицу, видимо путается въ этомъ критическомъ отношеніи, самъ не знаетъ, что ему дѣлать съ своимъ анатомическимъ ножомъ, и, наконецъ, увлеченный порывомъ искренняго стараго сочувствія, снова возводитъ въ апоэозу въ эпилогѣ то, къ чему онъ пытался отнестись критически въ разсказѣ» ¹⁰⁴).

Но и критическое отношеніе Тургенева къ своему герою, по мнѣнію Григорьева, отнюдь не развѣнчиваетъ Рудина. Это не фразеръ, еще менѣе человѣкъ слабый и безхарактерный, «купный», по выраженію Пигасова. При подобныхъ недостаткахъ онъ не производилъ бы такого дѣйствія на «чистую, юношеско-благородную натуру Басистова», и Пигасовъ не приходилъ бы въ такой восторгъ, подмѣтивъ его *жуцымъ*, и Лежневъ не *боялся* бы его вліянія на другихъ. Очевидно, и до эпилога у Рудина много весьма существенныхъ положительныхъ сторонъ, и именно эти стороны объясняютъ пережѣну въ тонѣ автора.

Отзывы Писарева, Шелгунова и Григорьева сравнительно терпимы, и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже благосклонны къ Тургеневу. Критики обнаружили несомнѣнную односторонность взглядовъ, пристрастное чувство, заставившее отождествить личность автора съ его отнюдь не возвышеннымъ героемъ, закрывшее у цѣнителей глаза на разнородный составъ рудинскаго характера. Но критики, по крайней мѣрѣ, не выходили за предѣлы литературнаго суда. Нашлись читатели, несравненно болѣе усердные, и, вмѣсто разбора произведенія, увлеклись слѣдствіемъ надъ совѣстью автора.

Нѣкоторые находили, что Рудинъ униженъ въ романѣ; этимъ униженіемъ авторъ, будто бы, излилъ свое негодованіе на одно дѣйствительное лицо, занимавшее деньги и не платившее долговъ ¹⁰⁵). Другіе были увѣрены, что Тургеневъ преднамѣренно сдѣлалъ изъ своего героя карикатуру, чтобы угодить богатымъ литературнымъ друзьямъ, считающимъ всякаго бѣдняка за мерзавца ¹⁰⁶).

¹⁰⁴) Сочиненія, I.

¹⁰⁵) *Молодость И. С. Тургенева*, Анненкова. В. Е. 1884, февр. 472.

¹⁰⁶) *Шестъ лѣтъ переписки съ И. С. Тургеневымъ*. В. Е. 1885, мартъ, 36.

Въ результатѣ оказывалось,—Тургеневу слѣдовало вовсе перестать заниматься литературой. На это онъ отвѣчалъ: «при всемъ моемъ невысокомъ мнѣніи о моемъ талантѣ, мнѣ все-таки не хочется согласиться, что лучше было бы мнѣ вовсе не писать»¹⁰⁷).

Такіе отзывы не мѣшали Тургеневу интересоваться русской критикой. Онъ «очень» проситъ своихъ друзей прислать ему въ вырѣзкахъ или въ спискахъ всѣ критики, которыя появятся на его произведенія, самъ тщательно перечитываетъ журналы и пристально слѣдитъ за развитіемъ новыхъ талантовъ¹⁰⁸).

Рядомъ съ совершенно неосновательными обвиненіями были, конечно, и восторженные отзывы. Одинъ изъ нихъ принадлежалъ извѣстному журналисту Сенковскому.

Мы не станемъ изслѣдовать мутныхъ источниковъ личныхъ нападокъ. Публикѣ достаточно было совершенно серьезныхъ и литературныхъ сужденій о Рудинѣ, чтобы попасть въ безысходное положеніе, придти къ неразрѣшиму вопросу: кто же въ самомъ дѣлѣ Рудинъ и какъ самъ авторъ смотритъ на него?

А между тѣмъ — та же публика не допускаетъ неясностей и тонкихъ отгѣнковъ въ литературно-общественныхъ сужденіяхъ. Ей требуется опредѣленный отвѣтъ, яркая характеристика, — пусть даже она будетъ односторонней. Въ результатѣ — популярнѣйшее представленіе о Рудинѣ, какъ о самомъ подлинномъ продуктѣ сороковыхъ годовъ, русскомъ гегельянцѣ — гениальномъ мечтателѣ и безнадежно-неудачливомъ дѣятелѣ. Все отрицательное съ годами улетучилось изъ этого представленія. Рудинъ стоитъ въ ряду симпатичнѣйшихъ фигуръ русскаго романа. Можно сказать, читатели на него смотрятъ глазами Наташи, еще не испытавшей жестокаго разочарованія.

Но взгляды внимательнѣе въ эту безусловно интересную личность, попытаемся отрѣшиться отъ какихъ бы то ни было предвзятыхъ осужденій и увлеченій: въ настоящее время это не трудно. Три поколѣнія отдѣляютъ насъ отъ рудинской полосы. Будемъ считать единственно достовѣрными руководствами — романъ и біографію автора.

Рудинъ — воспитанникъ германскихъ университетовъ. Онъ «весь погруженъ въ германскую поэзію, въ германскій романтическій и философскій міръ». Такъ сообщаетъ намъ авторъ, — и Рудинъ при первомъ же случаѣ готовъ предаться студенческимъ воспоминаніямъ, принять на себя защиту великаго пророка и учителя — Гегеля. Все это несомнѣнные отголоски сороковыхъ годовъ.

¹⁰⁷) Письма, 45.

¹⁰⁸) Письма, 36—7.

Тѣ же отголоски слышатся и въ идеяхъ Рудина, въ его блестящихъ проповѣдяхъ. Припомните основныя положенія героя, какими онъ увлекаетъ Наташу и Басистова. Вы всѣ ихъ цѣликомъ отыщете въ литературныхъ произведеніяхъ и личныхъ признаніяхъ молодежи гегельянской эпохи.

«Людямъ нужна вѣра: имъ нельзя жить одними впечатлѣніями, имъ грѣшно бояться мысли и не довѣрять ей. Скептицизмъ всегда отличался бесплодностью и безсиліемъ».

Такъ говоритъ Рудинъ. То же самое Бѣлинскій писалъ матери, когда будущій геніальный критикъ былъ исключенъ изъ московскаго университета «по неспособности» и влачилъ самое жалкое голодное и холодное существованіе.

Дальше Рудинъ доказываетъ:

«Если у человѣка нѣтъ крѣпкаго начала, въ которое онъ вѣритъ, нѣтъ почвы, на которой онъ стоитъ твердо, какъ можетъ онъ дать себѣ отчетъ въ потребностяхъ, въ значеніи, въ будущности своего народа? Какъ можетъ онъ знать, что онъ долженъ самъ дѣлать...»

Насмѣшникъ Пигасовъ окончательно раздраженъ, не даетъ даже кончить рѣчи,—но это опять идеи и даже форма рѣчи сороковыхъ годовъ. Неуклонное, хотя и мечтательное стремленіе къ народному благу было общей страстью молодежи. Врядъ ли какой русскій гегельянецъ не страдалъ страданіями народа. Бѣлинскій — студентъ сочиняетъ пламенную драму, клеймящую крѣпостное право монологами въ духѣ шиллеровскаго Карла Мора. Въ заграничномъ кружкѣ Станкевича, мы видѣли, главнѣйшимъ вопросомъ считалось просвѣщеніе народа. И эти мечты были, очевидно, атмосферой времени. Лермонтовъ не дружилъ съ Бѣлинскимъ, не бывалъ у Станкевича, но и онъ не преминулъ первые шаги своей поэтической дѣятельности отмѣтить драмой, направленной на то же зло родного народа... Не даромъ, слѣдовательно у Рудина представленіе о народѣ является въ неразрывной связи съ самыми выпренными идеями иноземной философіи.

Да, Рудинъ—гегельянецъ, студентъ, выросшій среди молодыхъ идеалистовъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. И къ числу ихъ принадлежалъ самъ авторъ. Вѣдь это онъ оплакалъ такими горькими слезами благороднѣйшаго питомца германской мысли и поэзіи. Все его сочувствіе было на сторонѣ безвременно погибшаго учителя, друга, вождя. И если Рудинъ изъ той же среды, у Тургенева не только въ эпоху возникновенія романа, а до конца дней, не должно развиваться иного настроенія, кромѣ восторга и благодарной любви.

А между тѣмъ, въ романѣ этого нѣтъ. Развѣ вамъ не бросилось въ глаза, при первомъ же знакомствѣ съ Рудинымъ, странное отношеніе автора къ своему герою? Рудинъ, появляясь на сцену, покоряетъ всѣ сердца, озлобляетъ завистниковъ, пугаетъ людей добродѣтельныхъ, но ограниченныхъ. Онъ настоящій герой, и притомъ стяжавшій власть неотразимой силой слова и мысли. Остается одинъ только человѣкъ, не поддавшійся очарованію,—и этотъ человѣкъ—самъ авторъ.

На его взглядъ, герой комиченъ съ самаго начала. «Я вижу фортепiano», началъ Рудинъ мягко и ласково, какъ путешествующій принцъ...» и вы чувствуете,—такое заключеніе можно сдѣлать объ артистѣ, только что вызвавшемъ эффектъ, для него вполне привычный и интересный лишь по чужимъ впечатлѣніямъ. Онъ блистательно исполнилъ свою роль и хочетъ отдохнуть на игрѣ другихъ. Подобное настроеніе врядъ ли доступно человѣку, минутой раньше съ такой горячностью разрѣшавшему міровые вопросы,—врядъ ли доступно при одномъ условіи, если самые вопросы хватаютъ его за сердце, тѣсно срослись съ его нравственной природой. И какъ естественнымъ является замѣчаніе—также авторское—о впечатлѣніи m-lle Вонсаугт: Рудинъ «въ ея глазахъ былъ чѣмъ-то въ родѣ виртуоза или артиста...» Невольно спрашиваешь: зачѣмъ авторъ счелъ необходимымъ сообщить намъ, что думаетъ объ его героѣ существо совершенно безличное и не играющее въ романѣ никакой роли?

Дальше еще болѣе краснорѣчивый моментъ. Рудинъ произвелъ потрясающее впечатлѣніе на Басистова. Юный слушатель сталъ его боготворить. Но Рудинъ остался совершенно равнодушнымъ къ благородному чувству юноши, какъ-то поговорилъ съ нимъ разъ «о самыхъ важныхъ міровыхъ вопросахъ и задачахъ», «возбудилъ въ немъ живѣйшій восторгъ, но потомъ онъ его бросилъ». Авторъ не оставляетъ безъ своей оцѣнки такого поведенія Рудина: «видно», — читаемъ дальше, «онъ только на словахъ искалъ чистыхъ и преданныхъ душъ»...

То же самое и относительно Наташи. Она, конечно, гораздо интереснѣе для Рудина, чѣмъ Басистовъ, онъ безпрестанно бесѣдуетъ съ ней, но именно какъ виртуозъ: ему важенъ эффектъ, а не идейный результатъ рѣчей. «Рудинъ, казалось», снова замѣчаетъ авторъ, «не очень заботился о томъ, чтобы она его поняла—лишь бы слушала его»...

Это въ высшей степени любопытное явленіе. Авторъ будто не можетъ сдержать своего отрицательнаго или ироническаго настроенія относительно своего побѣдоноснаго героя и заранее спѣ-

шить уронить его въ напихъ глазахъ, раньше, чѣмъ самые факты сорвутъ съ него пышное убранство. Въ чемъ таится мотивъ подобаго чувства, столь субъективнаго, даже слишкомъ горячаго? Отнюдь, конечно, не въ рудинскихъ идеяхъ, насколько онѣ связаны съ преданіями «германскаго романтическаго и философскаго міра». Рудинъ, очевидно, не изъ вѣрныхъ и безукоризненныхъ друзей Станкевича. Въ этой натурѣ есть нѣчто, отдѣляющее ее глубокой пропастью отъ истинныхъ представителей русскаго гегельянства, отъ подлинныхъ русскихъ мечтателей философской эпохи.

Это нѣчто ясно указано и многократно подчеркнуто авторомъ. Это—не фразерство въ томъ смыслѣ, какъ его поняли критики романа, т. е. увлеченіе словеснымъ блескомъ при полной практической бездарности. Подобная черта еще не является настолько порочной, чтобы вызвать у автора такое энергическое негодованіе и даже презрѣніе. Вѣдь и Гамлетъ—философъ того же типа, и никому никогда и на умъ не приходило бросать камнемъ въ датскаго принца. Герои чистой отвлеченной мысли заслуживаютъ скорѣе состраданія и благосклоннаго внимательнаго изученія, чѣмъ «страсти и гнѣва». Это печальное явленіе, но *непроизвольное*; оно всегда источникъ страданій для человѣка, часто основа удручающей душевной драмы. Недостатокъ воли при разностороннемъ развитіи мысли—страшное бремя, принижающее личность въ ея собственныхъ глазахъ, исключаящее всякую возможность героическаго эффекта.

Не то съ Рудинимъ.

Его роль вполне сознательная. Онъ можетъ оставаться такимъ, какимъ мы видимъ его въ гостяхъ у Дарьи Михайловны, но можетъ говорить и поступать иначе. Онъ *выбираетъ* образъ дѣйствій, наиболѣе для него выгодный въ данную минуту, не въ прямомъ матеріальномъ смыслѣ слова, а въ цѣляхъ артистическаго, художественнаго успѣха. Рудинъ, дѣйствительно, виртуозъ, артистъ, совершенно разсчетливо ведущій опредѣленную политику,—безкорыстную относительно житейскихъ благъ, но весьма цѣлесообразную для роли «путешествующаго принца», пророка, прорипателя, гипнотизирующаго юныя сердца.

И предъ нами всѣ признаки липедѣя - волшебника. Артисту нужна самая впечатлительная и благодарная публика. А таковой публикой искони являются женщины, — и Рудинъ ораторствуетъ, «вдохновленный близостью молодыхъ женщинъ», «увлеченный потокомъ собственныхъ опущеній». Дальнѣйшіе его подвиги въ томъ же направленіи. Онъ безпрестанно бесѣдуетъ съ Натальей и едва удѣляетъ одно утро Басистову. Публика подсказываетъ и

*

извѣстную манеру игры. Для русскаго героя манера давно испытанная, хотя и много разъ осмѣянная. Опустошенія, произведенныя въ женскихъ сердцахъ Онѣгинскими, Печоринскими и ихъ маленькими двойниками и подражателями—Тамаринами и Агаринами—будутъ вѣчно удручать сердца романическихъ героев—чувствами зависти и соревнованія. Рудинъ одинъ изъ нихъ. Аксаковъ бросилъ будто случайно намекъ на Печорина по поводу тургеневскаго героя; на самомъ дѣлѣ—воспоминаніе о печоринскомъ типѣ преслѣдуетъ насъ на каждой страницѣ рудинской исторіи.

Припомните, напримѣръ, одинъ изъ многочисленныхъ разговоровъ Рудина съ Натальей—на тему о любви. Рудинъ говоритъ особенно часто объ этомъ предметѣ, онъ намѣренъ даже писать трактатъ о трагическомъ значеніи любви. Почему именно о трагическомъ? Отнюдь не потому, что самъ авторъ испыталъ, или вообще способенъ испытать любовную трагедію, а потому, что *трагедія* несравненно эффектиѣе, романтичиѣе, чѣмъ обыкновенная, общечеловѣческая психологія даннаго чувства. Рудинъ немедленно представляетъ и картинную иллюстрацію своихъ идей.

— Замѣтили ли вы—заговорилъ онъ, круто повернувшись на каблукахъ:—что на дубѣ—а дубъ крѣпкое дерево—старые листья только тогда опадаютъ, когда молодые начнутъ пробиваться?

— Да,—медленно возразила Наталья,—замѣтила.

— Такъ тоже случается и съ старой любовью въ сильномъ сердцѣ: оно уже вымерло, но все еще держится; только другая, новая любовь можетъ ее выжить.

Что значить эта аллегорія—Наталья не понимаетъ. Но этого и не требуется Рудину. Ему необходимо произвести эффектъ, подавить воображеніе, заинтриговать чувство. А этого можно достигнуть, напуская по возможности больше театральнаго тумана.

Конецъ сцены превосходенъ.

«Рудинъ постоялъ, встряхнулъ волосами и удалился».

Картина — прямо изъ опернаго либретто. И картина весьма старая, но неотразимо захватывающая сердца Татьянъ, Марій, Наталій. Нужна тайна—и сердце дѣвушки неизбежно запутается въ сѣтяхъ. Такъ ведетъ себя Онѣгинъ среди деревенскихъ мечтательницъ, Печоринъ съ княжной Мери, «принявъ глубоко трюфетый видъ», рассказываетъ аллегорическую темную исторію о томъ, какъ онъ отрѣзалъ одну мертвую половину своей души и бросилъ, «тогда какъ другая шевелилась»... Результаты всюду тождественные. Татьяна не спитъ ночей въ смутной мучительной тоскѣ, княжна Мери окончательно подавлена сладкимъ ужасомъ заго-

рающей страсти, Наталья «долго размышляла о послѣднихъ словахъ Рудина и вдругъ сжала руки и горько заплакала»...

Въ основѣ столь могущественной таинственности лежитъ капля все того же яду—*разочарованіе*. Рудинъ щеголяетъ въ старомъ плащѣ російскихъ чайльдъ-гарольдовъ. Костюмъ въ сильной степени потертъ, утратилъ много мишурныхъ, блестящихъ украшеній,—но Рудинъ успѣшно обновляетъ маскарадъ пріемами, неизвѣстными его предшественникамъ. Тѣ черпали репертуаръ загубленныхъ чувствъ и жестокихъ рѣчей въ поэзіи англійскаго поэта и разныхъ діі *minores* того же направленія. Рудинъ пользуется германской философіей и поэзіей—совершенно противоположнаго духа, чѣмъ байронизмъ. Чайльдъ-гарольды усиливались все отрицать и надъ всѣмъ смѣяться: Рудинъ, напротивъ, зоветъ свою публику въ царство восторженной вѣры, вдохновенной мысли, всеобъемлющихъ идей. Но вѣдь нашъ бѣдный міръ такъ мало отвѣчаетъ поэтическимъ призывамъ и идеальнымъ стремленіямъ. Краснорѣчивымъ гегельянкамъ далеко не всегда приходится встрѣчать радостно-трешетную публику, вродѣ Натальи и Басисова, рѣдко рѣчи ихъ льются среди молчанія роскошной ночи, подъ акомпаниментъ шубертовской музыки,—и гегельянство, слѣдовательно, прямымъ путемъ можетъ привести къ тоскѣ и «холоду сердечному».

Правда,—настоящіе подвижники идеи минуютъ этотъ путь. У нихъ могутъ быть минуты тяжелаго раздумья, томительныхъ сомнѣній, но вѣра въ *человѣческое призваніе* восторжествуетъ. Самая мысль о разочарованіи, какъ бы красиво оно ни было, покажется имъ позорнымъ малодушіемъ, а игра въ разбитыя мечты и безнадежное будущее напомнитъ имъ жалкихъ, нравственно-немошныхъ комедіантовъ печальнаго прошлаго...

Послушайте, какъ истинный русскій гегельянецъ ободряетъ себя и друзей на неустанный общественный подвигъ.

«Иногда ночью, когда потушена свѣча, когда воетъ вѣтеръ, чортъ знаетъ, чего не лѣзетъ въ голову: міръ кажется скучною перемонією, будущность безотраднa; вспоминаешь ничтожныя слова, сны; начинаешь хоронить друзей, чувствуешь тяжесть въ груди и засыпаешь безпокойно... Разсвѣтаетъ, и вся тоска прошла, и первое движеніе—молитва»...

О чемъ же молитва? Можетъ быть, это жалоба безпомощнаго, мятущагося страдальца, заблудившагося путника, ищущаго тихаго пристанища? Нѣтъ,—это молитва воина, идущаго въ бой съ какими угодно препятствіями, стоящими на пути къ дорогимъ идеямъ.

«Я не молюсь о своемъ счастьи; съ меня довольно быть чело-
вѣкомъ. Я говорю: Господи! буди въ сердцѣ моемъ и дай мнѣ
совершить подвигъ на землѣ».

Такъ рассказываетъ Станкевичъ о своихъ думяхъ. То же самое
онъ пишетъ Грановскому, когда тотъ, было, согнулся подъ тяже-
стью научной работы, не всегда живой и увлекательной.

«Мужество, твердость, Грановскій! Не бойся этихъ формулъ.
этихъ костей, которыя облекутся плотью и возродятся духомъ по
глаголу Божію, по глаголу души твоей. Твой предметъ—жизнь
человѣчества: ищи же въ этомъ челоѣчествѣ образа Божія; но
прежде приготовься трудными испытаніями,—займись философіею!
Занимайся тѣмъ и другимъ: эти переходы изъ отвлеченной къ
конкретной жизни и снова углубленіе въ себя—наслажденіе! Ты-
сячу разъ бросишь ты книги, тысячу разъ отчаешься и снова
исполнишься надежды; но вѣрь, вѣрь—и иди путемъ своимъ».

Въ этихъ словахъ весь юноша идеалистической эпохи,—муже-
ственный, неустанно мыслящій, убѣжденный, что челоѣческая
мысль—сильнѣйшее орудіе челоѣческой природы, и вѣра въ при-
званіе—непреодолимая защита противъ всѣхъ искушеній, противъ
малодушія и отчаянія.

Могло ли этому челоѣку придти на умъ—устраивать театраль-
ное зрѣлище изъ своихъ идей и настроеній, драпироваться въ
плащъ непонятаго и неопѣннаго героя великихъ таинственныхъ
замысловъ? Тотъ же Станкевичъ признается: «Моя голова по-
лучила такое несчастное устройство, что ее опасно оставлять
безъ занятія... Одна мысль объ односторонности, связанная съ
мыслью о нравственномъ усыпленіи, въ состояніи все отравить для
меня».

Очевидно, здѣсь немислима игра въ эффекты, невозможно
спокойное самоуслажденіе при видѣ чудныхъ, безмолвныхъ востор-
говъ. При такой напряженной умственной работѣ челоѣкъ не-
избѣжно отъ начала до конца остается строжайшимъ судьей самого
себя. До болѣзненности чуткое и придиричвое сознаніе неотступно
слѣдитъ за всякимъ впечатлѣніемъ и поступкомъ. Русскіе гегельянцы
особенно любили исповѣдываться въ своихъ вольныхъ и неволь-
ныхъ прегрѣшеніяхъ,—и нерѣдко подвергали себя столь немилос-
сердному суду, что біографамъ приходилось впоследствии защи-
щать мнимыхъ преступниковъ отъ ихъ же самихъ. Таковы само-
обличенія Бѣлинскаго въ такого рода «паденіяхъ», какія могли бы
смущать развѣ душу идеально-чистой дѣвушки...

Рудинъ также склоненъ жестоко нападать на собственную
личность, но и эти нападки носятъ характеръ такого же оратор-

скаго турнира, какъ и всѣ другія разсужденія краснорѣчиваго виртуоза. Для Рудина развѣнчивать себя—не глубокая нравственная мука, какъ это было для Бѣлинскаго, а тоже самое наслажденіе, какое испытываетъ Печоринъ, рассказывая княжнѣ Мери всевозможные ужасы про свою жизнь и личность. Это обычная уловка байронствующихъ комедіантовъ,—окружить себя мрачнымъ, даже безнадежнымъ ореоломъ самоотрицанія, чтобы вызвать сочувствіе въ отзывчивомъ отуманенномъ сердцѣ женщины. Эта психологія до тонкости была извѣстна Печорину.

Лермонтовскій герой, прочитавши предъ княжной Мери «эпитафію» самому себѣ, замѣчаетъ: «Въ эту минуту я встрѣтилъ ея глаза: въ нихъ бѣгали слезы; рука ея, опираясь на мою, дрожала; щеки пылали; ей было жаль меня! Состраданіе—чувство, которому покоряются такъ легко всѣ женщины, впустило свои когти въ ея неопытное сердце»...

Буквально, на этотъ результатъ разсчитываетъ Рудинъ и—не ошибается.

Вы съ перваго же появленія героя на сцену увѣрены, что Наталья полюбитъ Рудина,—а онъ? Обратимся опять къ *исторіи*.

Для юныхъ русскихъ гегельянцевъ завѣтнымъ стремленіемъ было—всѣ чувства, всѣ настроенія подчинить *идею*, «утвердить на мысли и разумъ» всѣ движенія сердца и души, всю нравственную и практическую жизнь. Весь міръ представляетъ гармоническое развитіе одной *идеи*,—человѣческое существованіе должно быть также воплощеніемъ этой идеи, осуществленіемъ благороднѣйшаго *призванія*, какое только доступно совершеннѣйшему созданію вселенной. Чувство любви прежде всего должно подчиниться этому закону, потому что оно представляетъ болѣе всего опасностей для увлеченнаго страстью—нарушить гармонию личныхъ нравственныхъ силъ, принести ихъ въ жертву эгоистическому стремленію къ счастью.

Такъ, можетъ быть, на иной взглядъ наивно, но глубоко убѣжденно и честно разсуждали *подлинныя* люди тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Станкевичъ, переживая искреннее увлеченіе, писалъ: «Потребность любви должна быть вызвана не бѣдностью души, которая, чувствуя свою нищету и будучи недовольна собой, ищетъ кругомъ себя помощи: нѣтъ,—любовь должна выходить изъ богатства нашего духа, исполненнаго силы и дѣятельности и отыскивающаго въ самой любви только новую, высшую, полнѣйшую жизнь»

Это, пожалуй, можетъ показаться праздною метафизикой и резонерствомъ. Но здѣсь слово не расходится съ дѣломъ. Мы должны

ожидать, что влюбленный останется вѣренъ *идейному* представленію о любви и въ своей жизни. И Станкевичъ именно такъ и поступилъ. Самоотверженная мысль, непреклонная совѣсть всегда готовы стать на пути къ личному счастью, а молодость отличается еще своимъ особеннымъ фанатизмомъ, и въ результатѣ предъ нами своего рода аскетъ на почвѣ высокоразвитаго гуманнаго чувства и безграничныхъ общественныхъ стремленій.

У Рудина и на этотъ разъ мы встрѣчаемъ яркіе отголоски только-что описаннаго явленія. Лежневъ рассказываетъ, какъ онъ влюбился въ «предобренькую» дѣвушку, открылъ свое чувство Рудину,—и тотъ отнесся къ факту на первый взглядъ въ духѣ своихъ современниковъ-философовъ: «поздравилъ, обнявъ меня», говоритъ Лежневъ, «и тотчасъ же пустился вразумлять меня, толковать мнѣ всю важность моего новаго положенія».

Рудинъ, слѣдовательно, взглянулъ на чувство Лежнева съ точки зрѣнія извѣстныхъ идей и, вѣроятно, въ его рѣчахъ было не мало мотивовъ, знакомыхъ намъ по признаніямъ Станкевича, Бѣлинскаго и ихъ товарища, писавшаго къ невѣстѣ письма изъ далекой провинціи. Но сущность не въ словахъ, даже не въ идеяхъ, а въ нравственномъ результатѣ, вытекающемъ изъ словъ и идей. У Рудина онъ совершенно другой — чѣмъ у его *историческихъ* сверстниковъ. У тѣхъ анализъ чувства любви усиливалъ сознаніе нравственной отвѣтственности, заставляя ихъ переживать настоящую гамлетовскую драму и, наконецъ, приводилъ къ самопожертвованію во имя *человѣческаго достоинства*. Совершенно иначе отзываются рѣчи Рудина на Лежневѣ.

«Я уши развѣсилъ», повѣствуетъ бывший влюбленный... «Слова его подѣйствовали на меня необыкновенно. Уваженіе я къ себѣ вдругъ возымѣлъ удивительное, видъ принялъ серьезный и смѣяться пересталъ. Помнится, я даже ходить началъ тогда осторожноѣе, точно у меня въ груди находился сосудъ, полный драгоценной влаги, которую я боялся расплескать... Я былъ очень счастливъ, тѣмъ болѣе, что ко мнѣ благоволили явно»...

Таковы послѣдствія рудинскаго краснорѣчія, и намъ невольно припоминается фигура также изъ породы байронствующихъ, но уже вовсе каррикатурная и мелодраматическая—Грушницкій. Несомнѣнно, у Лежнева также «какой-то смѣшной восторгъ блисталъ въ глазахъ», онъ также говорилъ «очень важно», полунамеками, съ сожалѣніемъ ко всѣмъ, несчастливымъ и непосвященнымъ въ великія таинства его любви... Если Рудинъ могъ внушить такія настроенія своему другу, что же могъ испытывать онъ самъ?

Отнюдь не болѣе возвышенныя чувства, чѣмъ Печоринъ рядомъ съ княжной Мери.

Послушайте, какъ Рудинъ объясняетъ Натальѣ свое будущее.

«Любовь (при этомъ словѣ онъ пожалъ плечомъ)... Любовь— не для меня, я... ея не стою; женщина, которая любить, въ правѣ требовать всего человѣка, а я ужъ весь отдаться не могу. Притомъ, нравиться — это дѣло юношей: я слишкомъ старъ. Куда мнѣ кружить чужія головы? Дай Богъ свою сносить на плечахъ!»

Иллюзія полная: стоитъ фамилію Рудинъ подмѣнить какой-нибудь демонической кличкой, и предъ нами самый настоящій «герой нашего времени» или просто «современный герой». Разница только въ исходной точкѣ: тамъ—«наука любви», здѣсь нѣмецкая философія, безпрестанно переходящая къ той-же наукѣ. На байроническомъ плащѣ прибавилось нѣсколько новыхъ галуновъ и лентъ: это ходячія идеи тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Но плащъ остался тотъ же, и въ лицѣ Рудина мы видимъ только новую вариацию на старую тему, новое изданіе, дополненное и исправленное, уже давно всѣми прочитанной книги.

Рудинъ—*московскій чайльдъ-гарольдъ сороковыхъ годовъ*, другими словами: такое же карикатурное отраженіе гегельянства, какимъ наши демоны были для байронизма. И тогда, и теперь рядомъ шли два теченія. Одно преисполнено великаго историческаго и общественнаго значенія, другое—подражательное, модное, рассчитанное на внѣшній эффектъ и эгоистическое самоуслажденіе. Байронизмъ въ его истинно-культурномъ значеніи—благородный протестъ личности противъ обветшалыхъ основъ общества, протестъ свободной личной совѣсти противъ стадныхъ инстинктовъ толпы, борьба за человѣческое достоинство и права разума. И эти силы байронизма сыграли великую роль на Западѣ и у насъ,—въ лицѣ нашихъ гениальныхъ поэтовъ. Пушкинъ, среди повального аристократическаго и чиновнаго презрѣнія къ литературѣ, нашелъ въ себѣ мужество—открыто заявить о значеніи поэта, какъ серьезнаго дѣятеля,—поэзіи, какъ общественнаго служенія. Лермонтовъ, проникнутый тѣмъ же сознаніемъ личной мощи, сумѣлъ спасти яркій огонь вдохновенія отъ свѣтской пошлости и леденящаго равнодушія и неразумія ближайшихъ друзей и родственниковъ. Но Пушкинъ въ то же время облакался въ мантию человѣконенавистничества, Лермонтовъ хотѣлъ казаться Мефистофелемъ и смертоноснымъ демономъ. И оба поэта воплотили въ своихъ произведенияхъ этотъ *низменный* сортъ байронизма, сами наказали себя—одинъ въ лицѣ Онѣгина, другой—Печорина и отчасти Грушниц-

каго. Пушкинъ успѣлъ окончательно сбросить съ себя театральные уборы и произнесъ достойный приговоръ даже надъ своимъ учителемъ. Лермонтовъ несомнѣнно шелъ къ тому же результату, — смерть захватила его на пути, и онъ унесъ въ могилу еще нѣкоторые отзвуки юношескаго демонизма.

Гегельянство вызвало аналогичныя явленія. Рядомъ съ людьми глубокой вѣры и восторженнаго идеализма шумѣли мелкіе эксплуататоры великихъ идей и благороднѣйшихъ стремленій. Бѣлинскій могъ все забыть, разрѣшая вопросъ о существованіи Бога, Станкевичъ могъ негодовать на свои физическія немощи изъ страха не выполнить начертанной программы. Но здѣсь же выросли живыя каррикатуры на увлеченіе Бѣлинскаго и гнѣвъ Станкевича, и въ то время, когда для однихъ въ неустанной мысли заключались и мука, и счастье, для другихъ — и философія, и поэзія служили только бутафорскими средствами для новаго спектакля на тему демонизма.

Рудинъ идетъ по этому пути до конца своего романа съ Натальей. Любитъ онъ ее или нѣтъ? Отъ рѣшенія этого вопроса зависитъ нравственная оцѣнка его поведенія въ послѣднемъ свиданіи. Если любить, тогда его колебанія — трусость, боязнь нравственной и практической отвѣтственности. Если нѣтъ — его резонерство въ критическій моментъ, ни болѣе, ни менѣе, какъ желаніе обычнымъ словоизверженіемъ прикрыть отсутствіе настоящаго чувства. Критики обыкновенно рѣшали вопросъ въ первомъ смыслѣ: диалектикъ и мыслитель оказывался несостоятельнымъ въ практическомъ отношеніи. Объясненіе весьма простое, давно уже установившееся для всѣхъ гамлетовъ, но только къ Рудину оно непримѣнимо. Онъ *не любитъ* Наталью на столько, чтобы связать съ ней свою жизнь. И это общее свойство демоновъ мелкаго разбора. Они *pousseuses de grands sentiments*, какъ выражались въ XVII вѣкѣ, и на самомъ дѣлѣ такъ же мало способны къ сильнымъ органическимъ увлеченіямъ, какъ и ихъ первообразы. Грушницкій безъ всякихъ стѣсненій изображаетъ «большія чувства», — Рудинъ несравненно умнѣе, и поэтому его заявленія скромнѣе, но смыслъ тотъ же.

Наталья только-что призналась ему въ любви. Рудинъ остается одинъ при лунномъ свѣтѣ, произноситъ всего нѣсколько словъ, но какъ краснорѣчивы эти слова!

— Я счастливъ, — произнесъ онъ вполголоса. — Да, я счастливъ, повторилъ онъ, какъ бы желая убѣдить самого себя.

«Онъ выпрямилъ свой станъ, встряхнулъ кудрями и пошелъ проворно въ садъ, весело размахивая руками».

Дальше мы узнаемъ о свиданіи Рудина съ Волинцевымъ: осласливленный герой вздумалъ подѣлиться своимъ счастьемъ съ завѣдомымъ соперникомъ... Точь-въ-точь, какъ Грушницкій приходитъ къ Печорину изливать свои восторги... Поступаютъ ли такъ влюбленные, ужьющіе беречь свое чувство и цѣнить любимую дѣвуху? Очевидно, и здѣсь для Рудина весь вопросъ въ интересномъ зрѣлищѣ, въ настроеніи, интересующемъ его самого съ художественной, артистической точки зрѣнія? Пятый актъ всей этой трагикомедіи вполнѣ достоинъ начала. Мы говоримъ о письмѣ Рудина Натальѣ.

Онъ въ послѣдній разъ обращается къ ней, послѣ разлуки, повергнутой ее въ отчаяніе... И неужели у него не нашлось бы простыхъ сердечныхъ словъ даже въ эту минуту, если бы для него разлука являлась дѣйствительно лишеніемъ, разрывомъ съ единственно-дорогимъ человѣкомъ? У Рудина совершенно не оказывается такихъ словъ, онъ письмо сочиняетъ, какъ нѣкую адвокатскую рѣчь, по всѣмъ правиламъ реторики, съ умными разсужденіями, съ чувствительными изліяніями, съ лирическимъ беспорядкомъ и безчисленными многоточіями. Вотъ разсказъ объ этихъ странныхъ минутахъ «несчастнаго любовника».

«Онъ очень долго сидѣлъ надъ этимъ письмомъ, многое въ немъ перемарывалъ и передѣлывалъ и, тщательно списавъ его на тонкомъ листѣ почтовой бумаги, сложилъ его какъ можно мельче и положилъ въ карманъ. Съ грустью на лицѣ прошелся онъ нѣсколько разъ взадъ и впередъ по комнатѣ, сѣлъ на кресло передъ окномъ, подперся рукою; слеза тихо выступила на его рѣсницы... Онъ всталъ, застегнулся на всѣ пуговицы, позвалъ человѣка и велѣлъ спросить у Дарьи Михайловны, можетъ ли онъ ее видѣть».

Вы чувствуете ироническій тонъ разсказчика, и это вполнѣ естественно. Вся сцена искусственна, театральна, Рудинъ не забываетъ играть роль во всякомъ положеніи, «лжются ли рѣчкой» его слова, или тихая слеза выступаетъ на его рѣсницы... Самое письмо лишено цѣльнаго чувства, лишено даже открытой объединяющей идеи. Сначала Рудинъ воображаетъ себя осужденнымъ на вѣчное одиночество: это величественная причина, намекъ на демоническую карьеру. Въ концѣ письма другой мотивъ нераздѣленныхъ страданій: самобичеваніе. Онъ «неоконченное существо», онъ «весь разсыпался при первомъ препятствіи», «испугался отвѣтственности», и поэтому «недостоинъ» Натальи.

Очевидно, одно представленіе уничтожаетъ другое. То герой вообще врядъ ли способенъ «любить любовью сердца», то, полю-

бивъ, онъ бѣжитъ отъ отвѣтственности... Письмо, такимъ образомъ, въ послѣднихъ аккордахъ воспроизводитъ излюбленныя темы байроническихъ рѣчей Рудина: геніальничанье рядомъ съ самоуниженіемъ, рассчитаннымъ на созвучныя волненія женскаго сердца.

И Рудинъ пока сходитъ со сцены, не сказавъ намъ о себѣ ни одного яснаго, прочнаго, правдиваго слова, устроивъ рядъ «интересныхъ спектаклей» для героини, а въ сущности повторивъ старый репертуаръ при новомъ освѣщеніи, репертуаръ байронизма съ гегельянскими декораціями.

Но пусть Рудинъ, сколько угодно, притворяется таинственнымъ незнакомцемъ, авторъ все время на сторожѣ, не пропускаетъ ни одного его фальшиваго слова, ни одного поддѣльнаго настроенія. Часто получается впечатлѣніе, будто авторъ преднамѣренно выводитъ своего героя на всеобщее посмѣшище. Таково столкновеніе Рудина съ Волынцевымъ за обѣдомъ, таково свиданіе его съ тѣмъ же Волынцевымъ—факты едва вѣроятной трусости и наивности, такова сцена, сопровождающая письмо къ Натальѣ. Наконецъ, въ романѣ существуетъ особое лицо, неистощимое на критику и жестокія насмѣшки надъ Рудинымъ—его старый товарищ Лежневъ. Мы знаемъ, что Лежневъ ревнуетъ Александру Павловну къ Рудину, но авторъ стремится изобразить его безукоризненнымъ джентльменомъ, умнымъ, положительнымъ человѣкомъ, неизмѣнно держитъ его на приличной высотѣ сравнительно съ байронствующимъ и въ то же время трусливымъ Рудинымъ: въ результатѣ чувство ревности затушевывается, и предъ нами строгій, но справедливый судья.

Положеніе автора, слѣдовательно, вполне очевидно. Онъ необыкновенно сурово относится къ своему герою и даже не хочетъ скрывать этого чувства. Смыслъ такого отношенія, послѣ извѣстнаго намъ личнаго нравственнаго развитія автора, вполне понятенъ. Тургеневъ въ лицѣ Рудина совершаетъ надъ собой тотъ самый судъ художника, какой искони совершали великіе писатели: Гёте въ *Вертеръ* и отчасти въ *Фаустъ*, Шекспиръ въ трагедіяхъ *Ромео и Джульетта* и въ *Гамлетъ*, Пушкинъ въ *Евгеніи Онегинъ*. Это—вдохновенныя автобіографіи, это, по выраженію Лермонтова, муки, оторванныя отъ сердца и воплощенныя въ образы. Гёте на самомъ себѣ объяснялъ психологію этого явленія. Поэта, постигнутаго невзгодой, страстью или тоской, неотступно преслѣдовало стремленіе—возсоздать въ художественномъ произведеніи лично пережитое. И разъ произведеніе возникало,—исчезала и сердечная боль, и душевная истома. Такимъ путемъ созданъ *Вертеръ* въ молодые годы и *Маріенбадская элегія* въ преклонной старости. И писатель долженъ испытывать истинное

нравственное удовлетвореніе, развѣнчивая въ своемъ созданіи собственные ошибки и неразумныя увлеченія.

У Тургенева, мы знаемъ, лежали на совѣсти подобныя увлеченія. Онъ не хуже Рудина устраивалъ словесныя турниры ради эффекта, поражалъ слушателей ослѣпительной вереницей идей, образовъ, и вдохновенный «общимъ сочувствіемъ и вниманіемъ», «увлеченный потокомъ собственныхъ ощущеній»;—еще легче, чѣмъ Рудинъ, «возвышался до краснорѣчія, до поэзіи». У Ивана Сергѣевича, несомнѣнно, была также своя восторженная публика, но были и Лежневы. Именно они видѣли въ немъ легкомысленнаго краснорѣчиваго артиста и виртуоза, не имѣющаго за душой никакихъ прочныхъ, продуманныхъ убѣжденій. «Фраза и поза» характеризовали цѣлый періодъ въ личной жизни гениальнаго художника, и ему ли было не «оторвать», наконецъ, отъ своей личности эти крикливыя уборы? И онъ оторвалъ и заклеилъ ихъ безпощаднымъ смѣхомъ и даже гнѣвомъ въ лицѣ Рудина.

Таковъ, по нашему мнѣнію, смыслъ перваго тургеневскаго романа,—несравненно болѣе автобіографическій, чѣмъ историко-общественный. И именно этотъ смыслъ возвышаетъ значеніе романа и бросаетъ вѣрный свѣтъ на нравственную природу художника и его дальнѣйшій путь развитія. Рудинъ послужилъ духовнымъ самоочищеніемъ для автора. Тургеневу необходимо было освободиться отъ юношескихъ ослѣпленій, отъ празднои игры тщеславнаго воображенія, чтобы вполне сознательно отнестись къ окружающей дѣйствительности и сказать «прочное слово», столь для него желанное и жадно искомое.

Но молодой авторъ не могъ остановиться на одномъ отрицаніи, не могъ оставить себя и читателей среди поля, покрытаго осмѣянными «фразами и позами», оборванной, потускнѣвшей мишурой. Воспоминанія молодости вообще дороги и близки сердцу, но они еще дороже, когда съ ними соединяется представленіе о былыхъ успѣхахъ, о быломъ блескѣ, безотчетномъ героизмѣ—все равно—дѣйствительномъ или театральномъ. Всѣ поэты, развѣнчивая молодыя заблужденія, хранятъ въ сердцѣ какое-то нѣжное чувство къ своимъ героямъ, похожее на чувство отца къ легкомысленному сыну. Гете сознавался, что даже въ старости не могъ безъ глубокаго волненія читать исторію страданій Вертера, Тургеневъ и Лермонтовъ будто невольнo отождествляютъ себя со своими героями: такимъ лиризмомъ звучитъ подчасъ ихъ рѣчь непосредственно послѣ уничтожающей ироніи. Молодость незабвенна потому, что невозвратна, и нѣтъ такихъ радостей въ зрѣломъ возрастѣ, чтобы заставить замолчать гдѣ-то далеко едва слышное эхо...

Тургеневъ написалъ въ высшей степени суровую исторію рудинскаго романа, кончилъ ее полнымъ разгромомъ героя, но «минуло около двухъ лѣтъ»,—и начинается эпилогъ. Аполлонъ Григорьевъ, единственный изъ видныхъ критиковъ, подмѣтилъ разногласію въ романѣ и эпилогѣ, но объяснилъ ее просто непоследовательностью автора, въ высшей степени странной и совершенно неожиданной. На самомъ дѣлѣ, авторъ какъ нельзя болѣе последователенъ—съ *психологической* точки зрѣнія—такъ же последователенъ, какъ и Пушкинъ, заявляющій одновременно о своихъ добрыхъ чувствахъ къ Онегину и выставяющій его въ комическомъ свѣтѣ. Тургеневъ идетъ тѣмъ же путемъ, только болѣе откровеннымъ и рѣзкимъ. Его романъ прямо дѣлится на двѣ части: въ одной байронствующій гегельянецъ, боящійся даже «касаться нѣкоторыхъ струнъ» въ своемъ сердцѣ, въ другой—честный, мужественный мечтатель и даже *дѣятель* сороковыхъ годовъ. Какъ это могло произойти въ теченіи двухъ лѣтъ?

Отвѣта логическаго, убѣдительнаго объективно, нѣтъ и не можетъ быть. Надо стать на мѣсто автора, пишущаго свою исповѣдь, чтобы понять переворотъ, полную реабилитацию Рудина.

Сначала его «возстанавливаютъ» на словахъ: Лежневъ теперь его искренній другъ и даже поклонникъ наравнѣ съ Басистовымъ. Теперь онъ все оправдываетъ и все объясняетъ. Но какъ же, спросите вы, можно оправдать факты, рассказанные раньше тѣмъ-же Лежневымъ и ясно доказывавшіе, что Рудинъ, *тридцатипяти-лѣтній* Рудинъ—почти невѣжда, недобросовѣстный фразеръ, сомнительный въ своихъ поступкахъ съ друзьями и женщинами? Ни одинъ изъ этихъ фактовъ теперь не опровергается, а другихъ Лежневъ не знаетъ: онъ не видѣлъ Рудина послѣ романа съ Натальей. Неужели только чувство ревности, притомъ далеко неясное и въ глазахъ самого Лежнева врядъ ли основательное, можетъ до такой степени сбить съ толку необыкновенно уравновѣшеннаго и разсудительнаго человѣка? Кромѣ того, надо помнить,—Лежневъ порвалъ съ Рудинымъ задолго до романа, и встрѣчается съ нимъ крайне непривѣтливо: очевидно, мотивы разрыва были весьма внушительные и вполне соответствовали рассказамъ Лежнева о Рудинѣ у Вольтеръ. Куда же все это исчезло безъ всякаго участія со стороны Рудина, напротивъ, послѣ его далеко неслестныхъ приключеній у Ласунской? Только-что мы слышали смертный приговоръ герою и видѣли на дѣлѣ, насколько этотъ приговоръ справедливъ,—и вдругъ оправданіе по всѣмъ статьямъ и даже признаніе великой пользы отъ его краснорѣчія, хотя именно оно и заставило Лежнева презирать Рудина задолго до побѣды автора надъ Натальей и Басистовымъ!..

Очевидно, *логическое* объясненіе здѣсь непримѣнимо. Автору нужно во что бы то ни стало создать у читателей новое впечатлѣніе относительно своего героя, и сначала тоска Лежнева, его жесточайшаго критика, а потомъ—въ видѣ иллюстраціи—появленіе самого Рудина. Въ первой части Рудинъ дѣйствовалъ въ полномъ согласіи съ отзывами Лежнева,—являлся комедіантомъ, горе-богатыремъ, безъ любящаго, отзывчиваго сердца, даже трусомъ. Во второй части его дѣйствія другія, потому что и рѣчи Лежнева не тѣ.

«Прошло еще нѣсколько лѣтъ», такъ начинается эпилогъ, и Рудинъ выступаетъ на сцену, чтобы окончательно закрѣпить въ нашемъ представленіи новый образъ. Средство очень простое. Рудинъ рассказываетъ Лежневу о томъ, что произошло съ нимъ за эти «два года» и «еще нѣсколько лѣтъ». И намъ нечего объяснять смыслъ этого разказа. Гегельянецъ дѣйствовалъ, какъ истинный достойный представитель идеалистической эпохи.

Всѣ его предпріятія и стремленія озарены безсмертнымъ пламенемъ вѣры въ человѣческія силы и человѣческій прогрессъ. Рудину ничто не удастся, онъ всюду терпитъ неудачи и пораженія, но Лежневъ и всякій другой слушатель безусловно на сторонѣ побѣжденнаго. И иначе не можетъ быть. Рудина угнетаетъ чужой эгоизмъ, чужая алчность, недобросовѣстность,—онъ настоящій мученикъ идеи, жертва своего внутренняго прометеева огня,—жертва все болѣе прекрасная, чѣмъ больше терновыхъ вѣнковъ на ея челѣ... Послѣдній «номеръ» рудинскихъ «похожденій»—священнѣйшая мечта юношества тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Рудинъ сталъ учителемъ, преподавателемъ русской словесности, и онъ описываетъ свои надежды и первыя впечатлѣнія совершенно въ томъ же духѣ, какъ говорили объ этомъ предметѣ Станкевичъ и его друзья. И на этомъ поприщѣ Рудинъ терпитъ пораженіе, но такого сорта, что имъ—пораженіемъ—покрываются всѣ опрометчивыя увлеченія, всѣ слишкомъ громкія рѣчи благороднаго неудачника. И Лежневъ спѣшитъ подтвердить именно этотъ результатъ.

«Ты уваженіе внушаешь мнѣ,—говоритъ онъ,—вотъ что». И у Лежнева есть совершенно убѣдительныя основанія питать такое чувство къ Рудину.—«Отчего ты, странный человѣкъ, съ какими бы помыслами ни начиналъ дѣло, всякій разъ непремѣнно кончалъ его тѣмъ, что жертвовалъ своими личными выгодами, не пускалъ корней въ недобрую почву, какъ она жирна ни была?»...

И Лежневъ необыкновенно лестно для Рудина объясняетъ его вѣчныя неудачи, не признаетъ, чтобы это метанье было плодомъ празднаго безпокойства. «Огонь къ истинѣ въ тебѣ горитъ и, вид-

но, не смотря на всѣ твои дразги, онъ горитъ въ тебѣ сильнѣе, чѣмъ во многихъ, которые даже не считаютъ себя эгоистами, а тебя, пожалуй, называютъ интриганомъ. Да я первый на твоемъ мѣстѣ давно бы заставилъ замолчать въ себѣ этого червя и примирился бы со всѣмъ; а въ тебѣ даже желчи не прибавилось».

Естественно, такіе люди возбуждаютъ энтузіазмъ молодежи и Басистовъ уже давно подготовилъ насъ къ разсужденіямъ Лежнева, восторженно провозгласивъ Рудина «геніальной натурой». Онъ по личному опыту знаетъ великое нравственное вліяніе неудачника: «клянусь вамъ, этотъ человѣкъ не только умѣлъ потрясти тебя, онъ съ мѣста тебя двигалъ, онъ не давалъ тебѣ останавливаться, онъ до основанія переворачивалъ, зажигалъ тебя».

И такимъ былъ Рудинъ съ самаго начала... Теперь этотъ талантъ выступаетъ на первый планъ, а раньше онъ пропадалъ въ безднѣ праздныхъ искусственныхъ рѣчей, эффектныхъ жестовъ, размалеванныхъ демоническихъ страданій... И соображенія о возрастѣ, болѣе зрѣломъ, здѣсь безусловно неумѣстны. Рудинъ не былъ юношей въ минуту перваго появленія на сцену: Лежневъ совершенно справедливо находилъ, что въ «года Рудина стыдно тѣшиться шумомъ собственныхъ рѣчей, стыдно рисоваться»... И вдругъ, уѣхавъ отъ Ласунской, Рудинъ вступилъ на совершенно другую дорогу, прощеголявъ въ пестромъ плащѣ новаго чайльдъ-гарольда почти до сорока лѣтъ... Нѣтъ, фактическая исторія и общая психологія приведутъ насъ къ неразрѣшимой загадкѣ. Объясненія слѣдуетъ искать въ нравственномъ и творческомъ мірѣ самого автора. Второй Рудинъ — дѣйствительно типъ идеалиста, стоящаго слишкомъ высоко надъ современной дѣйствительностью, предъявляющаго людямъ и жизни непосильныя и мало доступныя для нихъ требованія. Онъ — жертва великихъ задачъ, проникающихъ все его существо и не приспособленныхъ къ общественнымъ и историческимъ условіямъ извѣстной среды.

Гдѣ-нибудь, среди другихъ людей, Рудинъ, можетъ быть, и нашелъ бы исходъ своей жаждѣ — героическаго поприща. Авторъ заставляетъ своего героя умереть на парижскихъ баррикадахъ въ 1848 г., въ іюньскіе дни, умереть, слѣдовательно, — за рабочихъ. Смерть сѣдовласаго русскаго гегельянца въ междоусобицахъ чужого народа производитъ на насъ сложное впечатлѣніе, не комическое, не театральное, а какое-то гнетущее, болѣзненное. Французъ, умирающій на тѣхъ же баррикадахъ — герой, но участь Рудина, не смотря на весь драматизмъ, вызываетъ еще другое чувство, — то самое, какимъ авторъ кончаетъ разсказъ о встрѣчѣ Рудина съ Лежневымъ.

«Лежневъ долго ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, остановился передъ окномъ, подумалъ, промолвилъ вполгласа: «бѣднякъ!» и сѣвъ за столъ, началъ писать письмо къ своей женѣ.

«А на дворѣ поднялся вѣтеръ и завылъ зловѣщимъ завываньемъ, тяжело и злобно ударяясь въ звенящія стекла. Наступила долгая, осенняя ночь. Хорошо тому, кто въ такія ночи сидитъ подъ кровомъ дома, у кого есть теперь уголокъ... И да поможетъ Господь веѣмъ безпріютнымъ скитальцамъ!»

И мы знаемъ, у кого этотъ уголокъ и кто безпріютный скиталецъ, и не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія на счетъ нашего равнодушія и сочувствія.

Еще раніше послѣдняго появленія Рудина у автора будто невольно сорвалось замѣчаніе о бывшемъ товарищѣ и грозномъ судѣя нашего героя. Собственно рѣчь идетъ о сынѣ Лежнева; но ея смыслъ необыкновенно краснорѣчивъ и для отца.

«Ребенокъ не пицалъ, съ важностью сосалъ свой палецъ и спокойно посматривалъ кругомъ. Достойный сынъ Михайла Михайлыча уже сказывался въ немъ».

Объясненія излишни. Рудинъ—«безпріютный скиталецъ», вызы, вающій молитву, Лежневъ—достойный отецъ сына, сосущаго свой палецъ и спокойно посматривающаго на весь міръ... Такъ перемѣнились роли героев! И—что еще важнѣе—до неузнаваемости преобразовалось настроеніе автора.

Его чувства и мысли до такой степени различны, что въ сущности предъ нами два героя и два романа: одинъ герой—незаконное дѣтище философской эпохи, другой—ея истинный сынъ. Въ лицѣ одного писатель подвергъ безпощадному униженію все фальшивое, все актерское и виртуозное въ русскихъ гегельянцахъ, въ лицѣ другого—вспомнилъ завѣты и жизнь благороднѣйшихъ учениковъ германской мысли. Такое совмѣщеніе въ одномъ лицѣ двухъ разнородныхъ общественныхъ теченій наноситъ жестокій ударъ психологической правдѣ и художественной гармоніи романа. Но это совмѣщеніе *личный опытъ* самого автора и, вѣроятно, не одного его въ ту же эпоху.

Ошибка заключается не въ самомъ типѣ, а въ произведеніи. Вмѣсто того, чтобы постепенно вводить читателя въ развивающійся духовный міръ героя, авторъ предпочитаетъ отрывочныя сообщенія о *результатахъ*. Мы читаемъ: «минуло около двухъ лѣтъ», «прошло еще нѣсколько лѣтъ»,—и занавѣсъ поднимается, а именно въ антрактахъ произошло все самое существенное, что намъ надо было *видѣть*. Цѣльность дѣйствующаго лица исчезаетъ и ее можно

возстановить только путемъ разсужденій—біографическаго и психологическаго характера.

Въ моментъ возникновенія романа его герой, можетъ быть, ему самому являлся чѣмъ-то смутнымъ и двусмысленнымъ. И это вполне естественно. Понять Рудина для Тургенева въ сильной степени значило понять самого себя. А такая «зрѣлость созерцанія» дается лишь годами вдумчивости, безпристрастнаго и спокойнаго самонаблюденія. Врядъ ли все это было доступно писателю, едва покончившему съ «бурнымъ періодомъ» своей жизни и, вѣроятно, носившему въ себѣ еще не мало рудинскихъ элементовъ.

Одинъ изъ этихъ элементовъ, только уже послѣдующаго развитія, элементъ *эпилога*, принадлежалъ самой натурѣ писателя. Это—мужество и послѣдовательность на почвѣ общихъ вопросовъ, безсиліе и колебанія въ будничныхъ положеніяхъ жизни. Тургеневъ не скрывалъ своего слабоболія и обнаруживалъ этотъ недостатокъ на каждомъ шагу въ практическихъ вопросахъ, отступалъ при первомъ натискѣ энергичнаго или просто ловкаго человѣка. Особенно сказывалось это свойство, когда дѣло шло о деньгахъ. Здѣсь достаточно было нахальной выходки, чтобы Тургеневъ прекратилъ всякій протестъ.

Такихъ случаевъ безчисленное множество: мы знаемъ, какъ велъ себя Тургеневъ при раздѣлѣ наслѣдства, по смерти брата онъ уступилъ мужу его дочери, когда тотъ отказался выдать завѣщанные Николаемъ Сергѣевичемъ 100.000 р. и даже заявилъ Тургеневу, что, по его мнѣнію, для Ивана Сергѣевича и 20.000 слишкомъ достаточно. Тургеневъ ограничился замѣчаніемъ: «Ну, на этотъ счетъ позвольте мнѣ думать иначе» ¹⁰⁹⁾.

Такие факты повторялись безпрестанно. Характерна исторія съ книгопродавцемъ Основскимъ. Книгопродавецъ взялся издать сочиненія Тургенева: происходило это въ 1861 году. Банкротство застигло Основскаго въ самый разгаръ предпріятія. Тургеневъ жестоко сердился на значительныя потери, причиненныя ему банкротомъ, но отъ какого-либо иска отказался. На этотъ отказъ негодовали даже остальные кредиторы Основскаго. Тургеневъ оправдывалъ себя такимъ соображеніемъ: «Я не могъ не усумниться въ немъ, вслѣдствіе писемъ отъ его же пріятелей, но я не позволилъ бы себѣ осудить окончательно человѣка бездоказательно» ¹¹⁰⁾.

Мы дальше познакомимся съ отношеніями Тургенева къ литераторамъ и журналистамъ и увидимъ то же нежеланіе вступать въ препирательство и въ борьбу, хотя бы право находилось без-

¹⁰⁹⁾ Григоровичъ. *Русск. М.*, I. cit. 72.

¹¹⁰⁾ Анненковъ. *Шестъ лѣтъ переписки*. В. Е. 1885, апр. 486.

условно на сторонѣ Ивана Сергѣевича. Мы, кромѣ того, убѣдимся въ необыкновенной терпимости Тургенева къ чужимъ мнѣніямъ и взглядамъ, въ его уваженіи къ чужимъ идеямъ, какъ бы сильно онѣ ни противорѣчили его собственному міросозерпанію. Все это—качества, безусловно культурныя, благородныя, но на практикѣ вызываютъ нерѣдко тяжелыя огорченія. Для житейской борьбы требуется извѣстная односторонность, рѣшительность, независимая отъ логическихъ процессовъ и даже общихъ нравственныхъ соображеній. Въ иныхъ положеніяхъ отъ дѣятеля, во что бы то ни стало преслѣдующаго личный успѣхъ, требуется извѣстный компромиссъ съ совѣстью и убѣжденіями. Такого рода побѣды предосудительны съ нравственной и идейной точекъ зрѣнія, но часто только онѣ и возможны на аренѣ будничныхъ столкновеній. Тургеневъ не былъ способенъ идти такимъ путемъ, даже больше—отступалъ отъ *личной* борьбы, если вопросъ шелъ объ удовлетвореніи его *личныхъ* интересовъ. Это—несомнѣнно одна изъ чертъ, входящихъ въ сложный характеръ Рудина. Не даромъ герой умираетъ за идею, за вопросъ, для него практически безразличный, но въ своей личной жизни, въ практическихъ интересахъ онъ терпитъ одну неудачу за другой.

Самъ авторъ въ этомъ смыслѣ напоминаетъ своего героя. Въ общихъ вопросахъ, въ идеяхъ Тургеневъ не дѣлалъ ни одного шага въ сторону въ теченіи всей жизни, здѣсь онъ, какъ увидимъ, боролся мужественно, энергично, не покидая оружія. Во всѣхъ другихъ случаяхъ онъ способенъ былъ замолчать и отступить.

Въ этомъ смыслѣ слѣдуетъ повимать его отзывъ о самомъ себѣ, высказанный именно вскорѣ послѣ созданія Рудина.

Здѣсь вопросъ идетъ о спорахъ, какіе Тургеневъ велъ съ Аксаковыми въ пятидесятыхъ годахъ—и въ устной бесѣдѣ, и въ письмахъ. Споры касались основныхъ явленій русской исторіи и русскаго быта. Предметъ разногласій и положеніе Тургенева ясны изъ слѣдующаго письма къ С. Аксакову, отъ 25 мая 1856 года.

«Съ Константиномъ Сергѣевичемъ, я боюсь, мы никогда не сойдемся. Онъ въ «мірѣ» видитъ какое-то всеобщее лекарство, панацею, альфу и омегу русской жизни; а я, признавая его особенность и собственность—если такъ можно выразиться—Россіи, все-таки вижу въ немъ одну лишь первоначальную основную почву, но не болѣе, какъ почву,—форму, на которой строится, а не съ которую выливается государство. Дерево безъ корней быть не можетъ; но Константинъ Сергѣевичъ, мнѣ кажется, желалъ бы видѣть корни на вѣтвяхъ. Право личности имъ, что ни говори, уничтожается, а я за это право сражаюсь до сихъ поръ и буду сра-

*

жаться до конца. Обо всемъ этомъ мы еще поговоримъ въ дѣлѣ; но пословица гласитъ: «горбатаго исправить могила»,—а мы съ нимъ чуть ли не оба горбаты, только въ разныя стороны. Хотя я принадлежу болѣе къ «тряпкамъ», но вѣдь и у тряпки есть свое упорство: разорвать ее легко, а молотомъ сколько угодно бей по ней,—ничего не сдѣлаешь»... ¹¹¹⁾.

Въ такихъ же словахъ можно бы изобразить смыслъ «похожденій» Рудина—вплоть до трагедіи на баррикадахъ...

Письмо къ Аксакову было написано изъ Спасскаго, куда Иванъ Сергѣевичъ уѣхалъ пожить на покой послѣ шумнаго появленія въ свѣтъ *Рудина*.

Лѣто 1856 года Тургеневъ, по обыкновенію, прожилъ въ своихъ имѣніяхъ и велъ, по его словамъ, «жизнь самую праздную»: ѣлъ «все, даже салатъ», спалъ «какъ Моська», читалъ, впрочемъ, «съ большимъ удовольствіемъ» *Исторію Греціи* Грота, восхищался, «милыми и счастливыми аэинянами», и ходилъ на охоту ¹¹²⁾. Въ письмѣ отъ 20 іюля онъ пишетъ о предстоящей поѣздкѣ за границу, и въ августѣ уѣзжаетъ. Съ конца октября Тургеневъ живетъ въ Парижѣ, собирается приняться за работу «довольно серьезно». Въ эти періоды заграничной жизни Тургеневъ не питаетъ добрыхъ чувствъ ни къ французамъ, ни къ Парижу. Аксакову онъ пишетъ: «пребываніе во Франціи произвело на меня обычное свое дѣйствіе: все, что я вижу и слышу, какъ то тѣснѣе и ближе прижимаетъ меня къ Россіи; все родное становится мнѣ вдвойнѣ дорого» ¹¹³⁾. «Французская фраза» ему противна, довольство, какое онъ замѣчаетъ въ Парижѣ, дѣлаетъ этотъ городъ «прозаически плоскимъ». Здѣсь его удерживаетъ «старинная неразрывная связь съ однимъ семействомъ» и его дочь.

Все это читаемъ въ письмѣ къ гр. Толстому отъ 16 ноября 1856 года. Письмо въ высшей степени интересно, какъ самый ранній подлинный отзывъ Тургенева о личности, талантѣ и литературной дѣятельности гр. Толстого.

Тургеневъ познакомился съ гр. Толстымъ по собственному почину. Графъ былъ его сосѣдомъ по имѣнію. Вѣчно всѣмъ заинтересованный, ко всѣмъ участливый, Тургеневъ пригласилъ сосѣда къ себѣ. Знакомство состоялось, но, по словамъ Тургенева, «въ неладную минуту». Писатели, которымъ было суждено первенствующее значеніе въ новой русской литературѣ, рѣзко отличались другъ отъ друга характерами и взглядами. Это различіе еще не могло пре-

¹¹¹⁾ *Р. Обзор.* 1894, дек. 585.

¹¹²⁾ *Письма*, 24.

¹¹³⁾ *Р. Обзор.* *Id.*, 589.

вратиться въ неисчерпаемый источникъ ссоръ и крайне враждебныхъ столкновений. Требовался воинствующій элементъ, требовалась нетерпимость къ чужимъ мнѣніямъ, къ чужой личности. Все это обнаружилось съ самого начала знакомства на сторонѣ гр. Толстого.

Мы видѣли, у Тургенева въ молодости были извѣстныя странности, склонность къ геніальничанью, къ эффекту, можетъ быть, нѣкоторое пристрастіе къ фразѣ. Все это съ теченіемъ времени исчезло и авторъ геніальныхъ романовъ уже не могъ страдать этими недостатками. Знакомство съ гр. Толстымъ произошло раньше, и у графа оказалось множество мотивовъ громить своего друга проповѣдями на темы о простотѣ, здоровомъ смыслѣ и прочихъ добродѣтеляхъ. Эти проповѣди были часто безпощадны: гр. Толстой, подвергая жестокой критикѣ даже вѣѣшность Тургенева, будто бы обличающую его нравственныя несовершенства, находилъ его ляпки «фразистыми», «демократическими». Очевидцы свидѣтельствуютъ о «вызывающемъ тонѣ и злобномъ презрѣніи», которые выказывалъ гр. Толстой къ Тургеневу, когда Тургеневъ успѣлъ уже отдѣлаться отъ многихъ увлечений молодости. Это извѣстіе идетъ отъ друга Тургенева ¹¹⁴).

Другой современникъ, безусловный сторонникъ гр. Толстого, передаетъ, съ какимъ упорствомъ гр. Толстой длилъ распри: на него нисколько не дѣйствовали убѣжденія другихъ, ставившихъ на видъ любовь и уваженіе къ нему Тургенева ¹¹⁵).

Мы передаемъ только свидѣтельства очевидцевъ и не признаемъ за собой права высказывать окончательныя приговоры въ чью бы то ни было пользу. Одно несомнѣнно: любовь и уваженіе Тургенева къ гр. Толстому,—чувства, граничившія съ сердечной нѣжностью и пылкимъ восторгомъ.

Письма Тургенева переполнены доказательствами. На этотъ разъ мы приведемъ только ранніе отзывы Тургенева, высказанные до разрыва съ гр. Толстымъ.

Осенью 1854 года онъ пишетъ: «Очень радъ я успѣху *Отрочества*. Дай только Богъ Толстому пожить, а онъ, я твердо надѣюсь, еще удивитъ насъ всѣхъ—это талантъ первостепенный».

Слѣдуетъ помнить, что этотъ взглядъ высказанъ при самомъ началѣ литературной дѣятельности гр. Толстого, когда еще его талантомъ не интересовались даже литераторы, нѣкоторые не знали его произведеній, а издатели журналовъ смѣшивали его съ другими современными писателями ¹¹⁶). Тургеневъ еще въ 1852 году, не

¹¹⁴) Анненковъ. *Молодость И. С. Т—ва*. В. Е., 1884, февр. 471.

¹¹⁵) Фетъ. *Мои воспоминанія*. I, 107.

¹¹⁶) *Отчетъ*, 20—1.

зная лично Толстого; умѣлъ оцѣнить его талантъ и собрать свѣдѣнія объ его личности.

Онъ не пропускаетъ ни одного произведенія графа безъ горячихъ похвалъ. Самъ Тургеневъ въ это время уже пользовался обширной популярностью и для начинающаго писателя, какимъ являлся гр. Толстой, отзывы Тургенева были драгоценны. Наконецъ, письмо отъ 16 ноября—настоящая исповѣдь:

Тургеневъ пишетъ:

«Я чувствую, что люблю васъ, какъ человѣка (объ авторѣ и говорить нечего); но многое меня въ васъ коробитъ; и я нашелъ подъ конецъ удобнѣе держаться отъ васъ подальше. При свиданіи, попытаемся опять пойти рука объ руку—авось удастся лучше, а въ отдаленіи (хотя это звучитъ довольно странно)—сердце мое къ вамъ лежитъ, какъ къ брату—и я даже чувствую нѣжность къ вамъ. Однимъ словомъ, я васъ люблю—это несомнѣнно; авось изъ этого современемъ выйдетъ все хорошее».

Тургеневъ переходитъ къ литературнымъ вопросамъ и здѣсь та же искренность, та же задушевность,—на этотъ разъ вмѣстѣ съ безкорыстѣйшимъ уваженіемъ къ таланту своего соперника.

«Если вы не свихнетесь съ дороги (и кажется, нѣтъ причинъ предполагать это) вы очень далеко уйдете. Желаю вамъ здоровья, дѣятельности—и свободы, свободы духовной».

Тургеневъ оканчиваетъ письмо сравненіемъ своей литературной дѣятельности съ дѣятельностью гр. Толстого и высказываетъ взглядъ, свидѣтельствующій объ исключительномъ самоотверженіи уже прославленнаго писателя: этотъ взглядъ останется неизмѣннымъ до послѣднихъ дней Тургенева и будетъ высказанъ въ предсмертномъ письмѣ къ автору *Войны и мира*.

«Мои вещи могли вамъ нравиться—и, можетъ быть, имѣли нѣкоторое вліяніе на васъ—только до тѣхъ поръ, пока вы сами сдѣлались самостоятельны. Теперь вамъ меня изучать нечего, вы видите только разность манеры, видите промахи и недомолвки; вамъ остается изучать человѣка, свое сердце—и дѣйствительно великихъ писателей. А я писатель переходнаго времени и гожусь только для людей, находящихся въ переходномъ состояніи».

Иванъ Сергѣевичъ пристально слѣдитъ за нравственнымъ и художественнымъ развитіемъ гр. Толстого и привѣтствуетъ «какъ нянька старая» каждый поворотъ къ лучшему—на его взглядъ. Рядомъ съ этими привѣтствіями Тургеневу приходится выносить не мало испытаній. Онъ въ восторгѣ отъ разсказа гр. Толстого: «*Утро помѣщика*». «Нравственное впечатлѣніе» разсказа состоитъ въ томъ, «что пока будетъ существовать крѣпостное право, нѣтъ

возможности сближенія и пониманія обѣихъ сторонъ, не смотря на самую безкорыстную и честную готовность сближенія». Обѣ стороны—это помѣщики и ихъ крѣпостные. Выводъ кажется Тургеневу хорошимъ и вѣрнымъ. Но у гр. Толстого есть еще и другой: «просвѣщать мужика, улучшать его быть — ни къ чему не ведетъ». Съ этимъ Тургеневъ не можетъ согласиться. Естественно, спустя нѣсколько времени онъ принужденъ сознаться: «съ Толстымъ я все-таки не могу сблизиться окончательно: слишкомъ мы врозь глядимъ» ¹¹⁷⁾.

Таковы были отношенія и нѣкоторые *разные* взгляды двухъ писателей во второй половинѣ пятидесятыхъ годовъ. Разногласія и глубокая противоположность натуръ скоро должны были разрѣшиться разрывомъ...

Въ то самое время, когда Тургеневъ съ такой искренностью заботился о сближеніи съ своимъ собратомъ, ему пришлось перенести первое оскорбленіе отъ журнальнаго издателя. Въ началѣ 1857 года Тургеневъ заключилъ съ редакціей «Современника» условіе—помѣщать свои произведенія исключительно въ этомъ журналѣ. Но еще до условія Тургеневъ обѣщалъ редакціи «Русскаго Вѣстника» повѣсть, и, давая обязательство «Современнику», говорилъ право—исполнить свое обѣщаніе другому журналу. Въ девятой книгѣ «Современника» появилась повѣсть «Фаустъ». Катковъ печатно заявилъ, что это та самая повѣсть, которую Тургеневъ обѣщалъ доставить въ «Русскій Вѣстникъ», хотя обѣщанное произведеніе авторъ называлъ «Призраками». Тургеневъ счелъ нужнымъ, въ письмѣ къ редактору «Московскихъ Вѣдомостей», разъяснить вопросъ, такъ какъ онъ могъ принять въ глазахъ публики форму, весьма неблагоприятную для его имени, какъ писателя ¹¹⁸⁾.

Въ теченіи этихъ лѣтъ Тургеневу жилось за границей далеко не весело. Его письма переполнены тоской о родинѣ, о друзьяхъ, оставшихся въ далекомъ Петербургѣ. Особенно зима 1856 года оказалась для Тургенева «ужасной». Къ этому времени относятся его жалобы на «цыганскую жизнь»; «не свить мнѣ, видно, гнѣзда нигдѣ и никогда!»—воскликаетъ онъ въ одномъ письмѣ. Въ другомъ настроеніе еще мрачнѣе: «что ни говори, на чужбинѣ точно вывихнутый. Никому не нуженъ—и тебѣ никто не нуженъ. Надо пріѣзжать сюда молодымъ, когда еще собираешься только жить—или же старымъ, когда покончилъ жизнь». Дальше читаетъ: «я въ этомъ чужомъ воздухѣ разлагаюсь, какъ мерзлая рыба при

¹¹⁷⁾ Письма, 44, 51.

¹¹⁸⁾ Письма, 40—1, 31.

оттепели». Парижъ ему «сѣловъ пришелся» и онъ во что бы то ни стало хочетъ разстаться съ нимъ. Онъ даже клянется, что съ будущей зимы «всѣ зимы своей жизни» будетъ проводить въ Петербургѣ. Пока онъ разъѣзжаетъ изъ Парижа по Франціи «для перемѣны воздуха», но пользы отъ этого никакой не видитъ ¹¹⁹). Работа идетъ крайне медленно и, по мнѣнію Тургенева, неудачно. Онъ посылаетъ въ «Библиотеку для чтенія» рассказъ «Поѣздка въ Полѣсье» и пишетъ редакторамъ журнала: «Мнѣ онъ казался такъ слабъ, что я рѣшился прибѣгнуть къ третейскому суду. Если вы сообща найдете, что это печатать не стоитъ, то бросьте его и извините меня» ¹²⁰). Онъ даже намѣренъ совершенно отказаться отъ писательства. Въ одинъ изъ приступовъ мрачнаго настроенія онъ изорвалъ всѣ свои «начинанія и планы». Извѣщая объ этомъ Боткина онъ писалъ: «Скажу тебѣ на ухо съ просьбой не пробалтываться. Ни одной моей строчки никогда напечатано (да и писано) не будетъ до окончанія вѣка... Таланта съ особенной физиономіею и цѣлостью нѣтъ; были поэтическія струнки, да онѣ прозвучали и отзвучали—повторяться не хочется. Въ отставку! Это не вспышки досады, повѣрь мнѣ; это выраженіе или плодъ медленно созрѣваемаго убѣжденія. Неуспѣхъ моихъ повѣстей ничего мнѣ не сказалъ новаго... Ты, вѣроятно, подумаешь, что все это преувеличеніе, и ты мнѣ не повѣришь. Ты увидишь, я надѣюсь, что я никогда не говорилъ серьезно и искренно. Ты знаешь, что я хотѣлъ бросить стихи писать, какъ только убѣдился, что я не поэтъ, а по теперешнему моему убѣжденію, я такой же повѣствователь, какой былъ поэтъ» ¹²¹). Мы не разъ и впоследствии встрѣтимся съ подобнымъ отчаяніемъ и такими же завѣреніями. Къ великому счастью русскаго общества отчаяніе оказывалось мимолетнымъ и завѣренія не выполнялись. Но все это далеко не свидѣтельствовало о счастіи самаго писателя, — и кто знаетъ, сколько стоило ему мужества и энергіи—среди полнаго нравственнаго одиночества—личныя неудовлетворенныя стремленія забывать ради творческаго подвига!..

Осенью 1857 года Тургеневъ уѣзжаетъ въ Римъ, рассчитывая спокойно работать.

Надежды сбылись не вполне. Тяжелое настроеніе не покидаетъ Тургенева. Въ концѣ октября онъ пишетъ: «какъ мнѣ тяжело и горько бываетъ, этого я вамъ передать не могу. Работа можетъ

¹¹⁹) *Письма*, 32, 34, 47, 44, 48. Анненковъ. *Шестъ лѣтъ переписки*. В. Е. 1885, март. 9.

¹²⁰) *Письма*, 48.

¹²¹) *XXI лѣтъ*. 1859—1884, стр. 500—501.

одна спасти меня, но если она не дастся, худо будетъ. Прощу-
тилъ я жизнь—а теперь локтя не укусишь» ¹²²).

Никто не посмѣлъ бы высказать такой упрекъ гениальному художнику. Но ему самому казалось, что къ сорокамъ годамъ мало создать «Записки Охотника», «Рудина» и множество другихъ произведеній, мало возбудить энергическую работу общественной мысли, сосредоточить на себѣ взоры всей просвѣщенной Россіи, исполненные трепетныхъ ожиданій... Когда мы читаемъ эти упреки писателя самому себѣ, свидѣтельствующіе о неудержимомъ стремленіи наполнить дѣломъ каждый часъ жизни, намъ припоминается юношеская рѣчь другого поэта, горящая тѣмъ же благороднымъ нетерпѣніемъ.

Лермонтовъ на порогѣ своей поэтической дѣятельности писалъ:

Много нужно дѣйствовать; я каждый день
Безсмертнымъ сдѣлать бы желалъ, какъ тѣнь
Великаго героя, и понять
Я не могу, что значить отдыхать.
Всегда кипятъ и вѣбеть что-нибудь
Въ моемъ умѣ. Желанье и тоска
Тревожатъ безпрестанно эту грудь.
Но что жъ? Мнѣ жизнь все какъ-то коротка,
И все боюсь, что не успѣю я
Свершить чего-то...

Несомнѣнно, такое же безпокойство, такая же боязнь—прожить безплодно драгоценныя годы—омрачали мысль Тургенева, и вмѣстѣ съ тоской одиночества не переставали терзать его сердце, исполненное любви и необъятныхъ порывовъ. Онъ ведетъ мужественную борьбу съ своимъ настроеніемъ, старается устранить его изъ своихъ произведеній: «Темный покровъ упалъ на меня и обвиняетъ меня»¹²³ пишетъ онъ, «не стряхнуть мнѣ его съ плечъ долой. Стараюсь, однако, не пускать эту копотъ въ то, что я дѣлаю; а то кому оно будетъ нужно? Да и самому мнѣ оно будетъ противно» ¹²³).

Тургеневъ часто жалуется на болѣзни, называетъ себя «развалиной», постоянно вспоминаетъ о смерти... Это была истинная мука, но духовная жизнь шла своимъ путемъ. Тургеневъ не перестаетъ горячо интересоваться русской литературой, восхищается римской природой, «упивается» римской исторіей Моммзена, заводитъ знакомство съ художникомъ Ивановымъ, подробно разбираетъ его знаменитую картину, ведетъ жестокую войну съ другими русскими художниками, проживающими въ Римѣ и предающими по-

¹²²) *Шестъ лѣтъ переписки. В. Е.* 1885, мрт. 10.

¹²³) *Иб.*, 11.

ношенію Рафаэля и все, кромя своего невѣжества, наконецъ, пишеть одно изъ прелестнѣйшихъ своихъ произведеній, — повѣсть «Ася».

Но это не все. Тургенева задерживаетъ въ Римѣ еще одна работа. Ее онъ считаетъ «довольно серьезной» и не совсѣмъ для себя привычной¹²⁴⁾. Работа была вызвана освободительными планами правительства. Въ ней принимали участіе еще нѣсколько русскихъ—кн. Черкасскій, В. П. Боткинъ, гр. Ростовцевъ. Тургеневъ много лѣтъ спустя писалъ: «Первыя вѣсти о намѣреніи правительства освободить крестьянъ застали насъ въ Римѣ—и мы подъ вліяніемъ этихъ вѣстей устроили сходки, на которыхъ обсуждались всѣ стороны этого жизненнаго вопроса, произносились рѣчи—(особеннымъ краснорѣчіемъ отличался кн. Черкасскій)». Въ результатѣ явилась мысль основать журналъ—«Хозяйственный указатель»¹²⁵⁾. Въ программѣ говорилось: «Хозяйственный указатель» посвящается специальной и подробной разработкѣ всѣхъ вопросовъ, касающихся до устройства крестьянскаго быта въ Россіи, и до опредѣленія правильныхъ и постоянныхъ отношеній между землевладѣльцами». Объяснялось, что онъ вызванъ появленіемъ Высочайшихъ рескриптовъ, и «будетъ дѣйствовать въ ихъ духѣ».

Тургеневъ составилъ записку. Она была представлена на разсмотрѣніе властей; проектъ былъ найденъ «рановременнымъ», изданіе не осуществилось¹²⁶⁾.

Записка подробно объясняетъ цѣль будущаго журнала. Авторъ начинаетъ заявленіемъ, что дворянское сословіе сопротивляется благимъ намѣреніямъ правительства. Это сопротивленіе вызвано страхомъ и невѣжествомъ. По мнѣнію Тургенева, изъ двадцати помѣщиковъ едва ли пять знакомы—не говоря уже о теоріи—просто «съ нѣсколько разумной практикой земледѣлія, которое ихъ питаетъ». Свѣдѣнія дворянства по части финансовой или административной,—совершенно ничтожны. При такихъ условіяхъ комитеты, учреждаемые правительствомъ, не могутъ помочь дѣлу освобожденія. «Дворянство понесетъ свои предубѣжденія, свой страхъ въ самые комитеты; оно воспользуется всѣми средствами, кото-

¹²⁴⁾ *Тб.*, 18.

¹²⁵⁾ *Письмо къ А. В. Г.* 31 (19) янв. 1881. *Русск. Ст.* т. XL: *И. С. Т.—въ эту эпоху трудовъ по крестьянскому вопросу.*

¹²⁶⁾ *Записка* напечатана въ *Р. Ст.* XL, въ приложеніи къ октябр. книгѣ Анненковъ ошибочно полагаетъ, что Тургеневъ съ друзьями занимался въ Римѣ проектомъ народнаго образованія. (*Шесть лѣтъ переписки.* В. Е. 1885, март. 18, прим. 1). Этотъ проектъ, какъ увидимъ, возникъ позже и при другихъ обстоятельствахъ.

рыя найдеть подъ рукою для того, чтобы затруднить или замедлить дѣло».

Необходимо, слѣдовательно, разсѣять недоразумѣнія. Къ этой цѣли ведетъ единственный путь—гласность. «Необходимо нужно придти на помощь общественному мнѣнію, дать возможность наукѣ, опытности, знанію возвысить свой независимый и добросовѣстный голосъ, собрать воедино ихъ разрозненныя силы, создать арену, на которой они могли бы сходиться—словомъ, основать журналъ (или газету), исключительно и специально посвященный разработкѣ всѣхъ вопросовъ, касающихся собственно до устройства крестьянскаго быта, и вытекающихъ изъ того послѣдствій».

Журналъ долженъ былъ носить officialный характеръ, являться «какъ бы адвокатомъ распоряженій правительства», «пояснять его намѣренія». Авторъ записки такъ и называетъ его «правительственнымъ журналомъ», разсчитывая при этомъ на свободу и независимость его сужденій.

Авторъ часто впадаетъ въ восторженный тонъ: очевидно, слухи о реформѣ, взлелѣянной имъ съ первой молодости, произвели на него сильное впечатлѣніе. Вѣрный своему исконному представленію о высокой общественной роли литературы, Тургеневъ обращается къ власти съ такою смѣлою, искреннею рѣчью: «Одинокій мой голосъ былъ бы ничтоженъ, но я увѣренъ, что выражаю единодушное мнѣніе моихъ собратій, когда утверждаю, что всѣ мы готовы идти на встрѣчу правительству, которому покорялись всегда, во которое полюбили только недавно. Мы не желаемъ преувеличивать наше значеніе; но мы чувствуемъ, что мы можемъ быть полезны власти—и мы всѣ проникнуты готовностью быть ей полезными, сослужить ей въ настоящемъ случаѣ полезную службу».

Намъ не трудно опѣнить эту записку во всѣхъ отношеніяхъ: въ ней ярко выразились общественные идеалы Тургенева, его личное настроеніе въ концѣ пятидесятихъ годовъ—въ эпоху его первыхъ романовъ, его характеръ, открытый, мужественный, когда вопросъ шелъ объ убѣжденіяхъ, объ общемъ благѣ. Любопытна одна черта. Тургеневъ, предлагая свои литературныя силы на службу правительству, дѣлалъ то же самое, что было сдѣлано его любимѣйшимъ поэтомъ и наставникомъ двадцать шесть лѣтъ тому назадъ. Не только сходились стремленія обоихъ писателей, даже подробности ихъ проектовъ можно принять за части одного и того же плана. Въ просьбѣ Пушкина, поданной графу Бенкендорфу въ іюнь 1831 года, встрѣчаемъ поразительное сходство въ идеяхъ и выраженіяхъ съ запиской Тургенева.

Пушкинъ также говорилъ не только о самомъ себѣ. Онъ хо-

тѣлъ, чтобы русскимъ писателямъ было позволено руководить общественнымъ мнѣніемъ въ интересахъ просвѣщенной дѣятельности правительства. Онъ надѣялся соединить въ своемъ политическомъ и литературномъ журналѣ — людей полезныхъ и талантливыхъ, «приблизить ихъ къ правительству», управлять взглядами русской публики въ запутанныхъ вопросахъ внѣшней и внутренней политики.

Такую дѣятельность поэтъ считалъ истинно-общественной и государственной службой. Проектъ Пушкина потерялъ ту же участь, какъ и записка Тургенева.

Говоря объ этомъ фактѣ, не можемъ не обратить вниманія на широкіе общественные политическіе замыслы предшественника Тургенева. Этими замыслами жилъ и вдохновлялся поэтъ въ теченіи зрѣлаго періода своей дѣятельности. Сколько же послѣ этого правды въ ходячихъ обвиненіяхъ, направленныхъ противъ Пушкина, какъ противъ жреца чистаго искусства, пѣвца сладкихъ звуковъ и молитвъ! Пусть обвинители и жрецы помнятъ, что достойный учитель Тургенева еще въ ранней молодости выражалъ сожалѣніе о трудѣ цензора, обязаннаго

посвятить бесплодное вниманье
На бредни новыя какого-то враня,
Которому досугъ пѣть рощи да поля...

Тургеневъ въ вопросахъ искусства считалъ себя «недостойнымъ» ученикомъ Пушкина, въ вопросахъ общественной мысли могъ смѣло идти по слѣдамъ своего учителя, — конечно, — не въ отдѣльныхъ взглядахъ: многія идеи должны были измѣниться согласно съ самимъ строемъ жизни: дороги Пушкина и Тургенева сходились на глубокомъ интересѣ къ общественному благу и просвѣщенію своей родины.

Изъ Италиі весной Тургеневъ проѣхалъ въ Вѣну, посоветоваться съ знаменитымъ врачомъ на счетъ своихъ недуговъ, побывалъ въ Парижѣ, въ Лондонѣ, а въ августѣ пріѣхалъ въ Петербургъ. Онъ привезъ съ собой новый романъ *Дворянское гнѣздо*. Романъ былъ начатъ за границей и оконченъ весною въ Россіи.

Новый романъ написанъ былъ подъ вліяніемъ настроеній, съ полной ясностью отразившихся въ письмахъ Тургенева. Въ воздухѣ носились вѣянія новаго грядущаго общественнаго строя. Старому крѣпостническому порядку грозила смерть. На арену должны были выступить новые дѣятели, новые интересы, новыя условія личнаго развитія русскаго человѣка. Преемственная связь преданій и основъ жизни порывалась. Новая эпоха открыто несла войну своей предшественницѣ. Только-что пропѣтавшія поколѣнія должны были или войти въ новое теченіе, или посторониться, уступить мѣсто другимъ.

Тургеневъ понималъ этотъ переломъ, видѣлъ тѣни, исчезающія предъ лучами вновь встающаго свѣта, захотѣлъ воплотить эти тѣни въ художественныхъ образахъ и создалъ глубоко-трогательную поэму о томъ, чему суждено было навсегда потонуть въ дали минувшаго. Предъ нами люди отживающаго помѣщичьяго строя. Въ нихъ много душевныхъ свойствъ, достойныхъ гуманной кисти художника: патриархальная любовь къ тихой семейной жизни, рыцарское благородство, наивная мечтательность, простодушная глѣнь, весьма поверхностное знаніе дѣйствительной прозы, извѣстная рѣзкость характера, не мѣшающая сердечному отношенію къ людямъ и ихъ горю.... Это все воплощается въ симпатичныхъ, часто поэтическихъ образахъ. Лаврецкій—истинный герой русскаго *захолустнаго* идиллическаго романа, выросшій на старой почвѣ, еще не знакомой съ другими трудно разрѣшимыми вопросами, не видавшей жестокихъ столкновеній безчисленныхъ личныхъ и общественныхъ стремленій и интересовъ, не знавшей всего, что должна была внести великая реформа въ вѣковую жизнь дворянства...

Идилліи теперь перейдутъ въ область воспоминаній. Лаврецкаго смѣнять другіе герои и другіе мечтатели. Объ этихъ *новыяхъ* людяхъ расскажетъ тотъ же художникъ, а пока онъ проводитъ въ вѣчность доброе старое сердечно прочувствованной элегіей.

Естественно, не мало личныхъ чувствъ автора будетъ мелькать на страницахъ романа. Онъ самъ признается, что образъ Лаврецкаго жилъ въ его душѣ одновременно съ личной тоской одиночества, съ мечтами о семьѣ...

Въ романѣ описано свиданіе Лаврецкаго съ старымъ товарищемъ. Товарищъ укоряетъ Лаврецкаго въ глѣни, въ томъ, что онъ байбакъ, проводитъ жизнь въ какомъ-то мѣтнѣннѣ скуки, не умѣетъ найти плодотворной дѣятельности. Лаврецкій защищается слабо, отдѣлывается острословіемъ отъ самыхъ рѣзкихъ упрековъ Михалевица. Одинъ изъ этихъ упрековъ особенно любопытенъ. Онъ живо напоминаетъ основной мотивъ *Записки*.

«И когда же, гдѣ же вздумали люди обайбачиться?—кричалъ «полтавскій Демосеенъ»:—у насъ! теперь! въ Россіи! когда на каждой отдѣльной личности лежитъ долгъ, отвѣтственность великая передъ Богомъ, передъ народомъ, передъ самимъ собою! Мы спимъ, а время уходитъ; мы спимъ...»

Не слышится ли въ этой страстной рѣчи мучительное сознаніе автора, что первое сословіе государства вяло или прямо враждебно отзывается на благородныя намѣренія власти? Можетъ быть, здѣсь звучитъ также отголосокъ жалобъ автора на то, что онъ самъ не умѣетъ наполнить свою жизнь значительной дѣя-

тельностью. Жалобы—мы видѣли—несправедливыя, но естественныя въ устахъ Тургенева. Можетъ быть, все это объясняетъ намъ изумительную энергію творческой работы въ эту эпоху. Едва вышло *Дворянское имѣдо*, въ умѣ автора былъ готовъ уже слѣдующій романъ и ровно черезъ годъ было окончено *Наканунъ*.

Дворянское имѣдо появилось въ первой книгѣ *Современника* за 1859 годъ. Впечатлѣнія публики на этотъ разъ превзошли всѣ ожиданія автора и его друзей, хотя они единодушно одобряли романъ.

Анненковъ, ближайшій свидѣтель событій и признанный самимъ Тургеневымъ цѣнитель его произведеній, сообщаетъ объ единогласномъ сочувствіи, восторгѣ и увлеченіи, которые вызваны были появленіемъ *Дворянскаго имѣда*. «На новомъ романѣ автора,—продолжаетъ критикъ,—сошлись люди противоположныхъ партій въ одномъ общемъ приговорѣ; представители разнородныхъ системъ и возрѣній подали другъ другу руку и выразили одно и то же мнѣніе. Романъ былъ сигналомъ повсемѣстнаго примиренія и образовалъ родъ какого-то литературнаго *trêve de Dieu*, гдѣ каждый позабылъ на время свои любимыя мнѣнія, чтобы вмѣстѣ съ другими насладиться произведеніемъ и присоединить голосъ свой къ общей и единодушной похвалѣ»¹²⁷).

Съ этого времени за Тургеневымъ окончательно установилась слава первенствующаго и любимаго писателя. Такъ думала публика. Тургеневъ сдѣлался популярнѣйшей личностью въ петербургскихъ салонахъ. Молодые писатели признавали его своимъ руководителемъ и наставникомъ. Женщины не щадили словъ чтобы выразить свой восторгъ предъ новымъ романомъ.

И читательницы дѣйствительно имѣли свой весьма убѣдительный поводъ—привѣтствовать романъ. Мы убѣдимся въ этомъ, когда подробно разберемъ нравственную личность Лизы, оцѣнимъ общественный смыслъ новой героини и опредѣлимъ ея мѣсто среди тургеневскихъ типовъ. Мы увидимъ, что именно Лизой авторъ ознаменовалъ новую полосу въ своемъ творчествѣ, открылъ фалангу людей, долженствовавшихъ смѣнить отжившія поколѣвія.

Героиню, стоявшую на первомъ планѣ въ этомъ ряду, органически отрицавшую старый порядокъ жизни,—авторъ озарилъ всѣмъ блескомъ своего проникновеннаго таланта,—и Лизу привѣтствовали одинаково и *Отцы и дѣти*. Восторги охватили даже среду, въ то время чаще всего равнодушную къ явленіямъ лите-

¹²⁷) *Наше общество въ «Дворянскомъ имѣдѣ» Тургенева. Воспоминанія и критическіе очерки.* С.-Петербургъ. 1879. II, 194. Ср. *Шестъ лѣтъ переписки.* В. Е., 1885, мрт. 24—5.

ратуры. Высокопоставленные лица считали счастьемъ познакомиться съ Тургеневымъ. Это—была слава несомнѣнная и прочная; потому что она простиралась на все свои общества.

Иной результатъ вызвалъ романъ въ средѣ литераторовъ съ именемъ, имѣвшихъ основаніе считать себя соперниками Тургенева или рассчитывать на такое же общественное вліяніе. Критикъ Аполлонъ Григорьевъ обратился къ Тургеневу съ энергическимъ заявленіемъ: «Вы не нужный болѣе продолжатель традицій Пушкина въ нашемъ обществѣ»¹²⁸). Жесточайшее огорченіе ждало Тургенева съ другой стороны, отъ автора-романиста.

Гончаровъ до появленія въ свѣтъ романа Тургенева прочелъ въ обществѣ, въ присутствіи Тургенева, часть своего романа *Обрывъ* и рассказалъ его содержаніе. Когда было написано *Дворянское штыдо*, авторъ *Обрыва* нашелъ поразительное сходство сюжетовъ въ томъ и другомъ романѣ. Тургеневъ крайне удивился этому открытію, но, согласно указанію Гончарова, выключилъ изъ своего романа одно мѣсто, напоминавшее какую-то подробность въ *Обрывѣ*. Гончаровъ успокоился, но ненадолго. *Наканунъ* снова возбудило его авторское самолюбіе и на этотъ разъ вызвало разрывъ съ Тургеневымъ.

О происхожденіи новаго романа одинъ изъ друзей Тургенева рассказываетъ слѣдующее:

Зимой въ 1858—1859 году Тургеневъ въ кругу близкихъ людей не разъ читалъ отрывки изъ плохой рукописной повѣсти никому неизвѣстнаго автора. Повѣсть не возбуждала у слушателей никакого интереса, но Тургеневъ ею увлекался и, наконецъ, воспользовался ея сюжетомъ для романа. Повѣсть носила названіе *Московское семейство*, изображала событія, дѣйствительно, происшедшія въ Москвѣ. Героиня—красивая барышня, Катерина, незаконная дочь старика-нѣмца—встрѣтилась случайно въ окрестностяхъ Москвы съ молодымъ болгаринимъ, студентомъ университета. Болгаринъ оказался—юношей честнымъ, серьезнымъ, энергическимъ. Катерина его полюбила, но онъ сторонился ея по врожденной дикости. Героиня, прекрасная музыкантша и пѣвица, съ помощью своихъ талантовъ постепенно приручила болгарина. Но любовь не привела къ счастью. Болгаринъ заболѣлъ чахоткой, принужденъ былъ уѣхать въ Италію и здѣсь умеръ. Предъ смертью онъ написалъ Катеринѣ письмо. Катерина въ это время находилась уже въ Парижѣ, куда выпросилась у отца для окончанія своего музыкальнаго образованія, намѣрена была отпра-

¹²⁸) *Молодость И. С. Т.—ва. В. Е.*, 1884, февр. 464.

виться въ Италію къ болгарину. Но всѣ планы ея разрушились извѣстіями о смерти матери и любимаго человѣка¹²⁹⁾.

Никакого художественнаго таланта въ этой «правдивой исторіи» не было и слѣда. *Московское семейство* нельзя и сравнить съ романомъ Тургенева; изъ повѣсти въ романъ перенесено нѣсколько общихъ чертъ плана.

Весной 1859 года Тургеневъ былъ уже за границей и на черновой рукописи *Наканунъ* стоитъ слѣдующая надпись: «Начата въ Виши, во вторникъ 28 (16-го іюня) 1859 г.; кончена въ Спасскомъ въ воскресенье, 25-го октября (6-го ноября) 1859 г.; напечатана во 2-й книжкѣ *Русскаго Вѣстника* за 1860 г.».

Работа за границей происходила при довольно неблагоприятныхъ условіяхъ. Сначала Тургеневъ проѣхалъ въ Парижъ и засталъ здѣсь празднества по случаю окончанія итальянской войны. Наполеонъ III готовилъ колоссальный смотръ — une revue monstre. Всюду гремѣло оружіе и раздавались побѣдные клики. Тургеневъ не могъ переносить патріотическаго шума французовъ. Все его сочувствіе на сторонѣ итальянцевъ, французы — своимъ національнымъ самообожаніемъ — вызываютъ у него жестокія насмѣшки и негодованіе. Наконецъ, онъ рѣшилъ бѣжать изъ французской столицы, поѣхалъ сначала въ Виши, потомъ въ Куршавнель — дачу Виардо, прожилъ здѣсь лѣто и осенью отправился въ Россію.

Любопытны письма Тургенева изъ Парижа и Куршавнеля. Они переполнены насмѣшками надъ французами и ихъ цезаремъ, русскій текстъ чередуется съ латинскими фразами, болѣе умѣстными въ разсказѣ о «преторіанско-цезарскомъ празднествѣ». Одна изъ нихъ гласитъ: «maxima similitudo invenire debet между Galliam hujusce temporis et Romam Trajani neapom Caracallae et aliorum Hellogabalogum (разительное сходство должно возникнуть между Франціей нынѣшняго времени и Римомъ Траяна, а также Каракаллы и разныхъ другихъ геліогабаловъ).

Наканунъ принесло Тургеневу въ отечествѣ не мало неприятностей. Романъ, какъ мы уже знаемъ, былъ напечатанъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ*. Это не могло понравиться Некрасову, редактору *Современника*, тѣмъ болѣе, что онъ употреблялъ всѣ усилія, романъ пріобрѣсти въ свой журналъ. Тургеневъ остался твердъ, даже рѣшилъ — ничего больше не печатать въ *Современникѣ* и потребовалъ отъ редакціи окончательнаго разсчета. Последнимъ его вкладомъ въ *Современникъ* была рѣчь *Гамлетъ и Донъ-Кихоть*, напечатанная въ первой книжкѣ за 1860 г. Разрывъ былъ

¹²⁹⁾ *Шесть лѣтъ переписки. Тв., 23—4.*

неизбѣженъ. Со стороны журнала началось систематическое преслѣдованіе произведеній Тургенева. Цѣль была—убѣдить публику въ томъ, что разрывъ послѣдовалъ изъ-за убѣжденій, совершился на идейной почвѣ.

Первую вылазку сдѣлали противъ романа *Рудинъ*: авторъ обвинялся въ угодливости литературнымъ друзьямъ¹²⁰⁾. Тургеневъ немедленно написалъ письмо съ просьбой не помѣщать его имени въ числѣ содѣланныхъ *Современника*. Письмо пересылалось черезъ руки одного изъ друзей и не попало въ редакцію: другъ Тургенева боялся «раздувать пламя». Но редакция рѣшила дѣйствовать. Она сообщила читателямъ, что принуждена была отказаться отъ сотрудничества Тургенева «по разности взглядовъ и убѣжденій» и «уволила его».

Это было вопіющее извращеніе фактовъ. У Тургенева было письмо отъ Некрасова съ самыми блестящими предложеніями: «Я ему отвѣчалъ,—пишетъ Тургеневъ Достоевскому,—что сотрудникомъ *Современника* болѣе не буду, ну и выходитъ, что надо сказать публикѣ, что меня прогнали»¹²¹⁾. *Свистокъ*, издававшійся при *Современникѣ*, въ свою очередь, громилъ Тургенева въ куплетахъ: изображался модный писатель, слѣдующій въ хвостѣ странствующей пѣвицы и устраивающій ей оваціи на подмосткахъ провинціальныхъ театровъ за границей. Тургеневъ не стерпѣлъ, вздумалъ публично отвѣчать *Современнику*. Но борьба на этотъ разъ оказалась неравной: журналъ пользовался слишкомъ внушительной популярностью среди молодежи.

Впослѣдствіи Тургеневъ вспомнилъ объ этой борьбѣ въ статьѣ *По поводу «Отцовъ и дѣтей»*. Заканчивая статью, онъ пишетъ: «Еще одинъ послѣдній совѣтъ молодымъ литераторамъ и одна послѣдняя просьба. Друзья мои, не оправдывайтесь никогда, какую бы ни ввели на васъ клевету: не старайтесь разяснить недоразумѣнія, не желайте—ни сами сказать, ни услышать «послѣднее слово». Дѣлайте свое дѣло, а то все перемелется. Во всякомъ случаѣ пропустите сперва порядочный срокъ времени—и взгляните тогда на всѣ прошедшія дразги съ исторической точки зрѣнія, какъ я попытался сдѣлать теперь. Пусть слѣдующій примѣръ послужитъ вамъ въ назиданіе: въ теченіе моей литературной карьеры я только однажды попробовалъ «возстановить факты». А именно: когда редакция *Современника* стала въ объявленіяхъ своихъ увѣрять подписчиковъ, что она отказала мнѣ по негодности

¹²⁰⁾ Письма, 84. *Шестъ лѣтъ переписки*. В. Е. 1885, мрт. 36.

¹²¹⁾ Письма, 96.

моихъ убѣжденій (между тѣмъ какъ отказалъ ей я, несмотря на ея просьбы, на что у меня существуютъ письменныя доказательства), я не выдержалъ характера, я заявилъ публично въ чемъ было дѣло—и, конечно, потерпѣлъ полное фіаско. Молодежь еще богѣе вознегодовала на меня... «Какъ смѣлъ я поднимать руку на ея идола! Что за нужда, что я былъ правъ! Я долженъ былъ молчать! Этотъ урокъ пошелъ мнѣ въ прокъ; желаю, чтобы и вы пользовались имъ».

Одновременно съ этой исторіей произошло крайне мучительное для Тургенева недоразумѣніе съ Гончаровымъ.

Прочитавъ нѣсколько страницъ новаго романа, Гончаровъ снова вообразилъ, что Тургеневъ воспользовался его матеріаломъ и написалъ ему слѣдующее письмо: «Мнѣ очень весело признать въ васъ смѣлаго и колоссальнаго артиста». Эта похвала сопровождалась ядовитымъ, тоже хвалебнымъ замѣчаніемъ: «Какъ въ чловѣкѣ дѣваю въ васъ одну благородную черту — это радушіе и снисходительность, пристальное вниманіе, съ которымъ вы выслушиваете сочиненія другихъ, и, между прочимъ, недавно выслушали и расхвалили мой ничтожный отрывокъ все изъ того же романа, который былъ вамъ разсказанъ уже давно въ программѣ».

Одновременно съ письмомъ распространились слухи, что *Наканунъ* заимствовано изъ неизданнаго романа Гончарова *Обрывъ*. Тургеневъ потребовалъ третейскаго суда. Въ судьи были выбраны Дудышкинъ, Дружининъ и Анненковъ. Всѣ они единогласно рѣшили: «произведенія Тургенева и Гончарова, какъ возникшія на одной и той же русской почвѣ—должны были тѣмъ самымъ имѣть нѣсколько схожихъ положеній, случайно совпадать въ нѣкоторыхъ мысляхъ и выраженіяхъ, что оправдываетъ и извиняетъ обѣ стороны».

Гончаровъ, по словамъ одного изъ судей, остался доволенъ этимъ рѣшеніемъ. Но на Тургенева весь этотъ процессъ произвелъ потрясающее впечатлѣніе. Очевидецъ описываетъ такую сцену:

«Лицо его покрылось болѣзненной блѣдностью; онъ пересѣлъ на кресло и дрожащимъ отъ волненія голосомъ произнесъ слѣдующее. Я помню каждое его слово, какъ и выраженіе его фізіономіи, ибо никогда не видѣлъ его въ такомъ возбужденномъ состояніи. «Дѣло наше съ вами, Иванъ Александровичъ, теперь кончено; но я позволю себѣ прибавить къ нему одно послѣднее слово. Дружескія наши отношенія съ этой минуты прекращаются. То, что произошло между нами, показало мнѣ ясно, какія опасныя послѣдствія могутъ являться отъ пріятельскаго обмѣна мыслей, простыхъ довѣрчивыхъ связей. Я остаюсь поклонникомъ ва-

шего таланта и, вѣроятно, еще не разъ мнѣ придется восхищаться имъ, вмѣстѣ съ другими, но сердечнаго благорасположенія, какъ прежде, и задушевной откровенности между нами существовать уже не можетъ съ этого дня»¹³²).

Примиреніе состоялось въ 1864 году на похоронахъ Дружинина, но прежнія добрыя отношенія возстановиться не могли. Это не мѣшало Тургеневу приходить въ восторгъ отъ произведеній Гончарова,—даже вскорѣ послѣ ссоры онъ «умилялся» отрывкомъ, напечатаннымъ въ *Отечественныхъ Запискахъ*¹³³). *Обрывъ* не произвелъ на Тургенева такого впечатлѣнія: Тургеневъ не могъ помириться съ длиннотами, съ малосодержательными разговорами и разсужденіями. Но въ то же время Тургеневъ не могъ подвергать порицанію личныя странности Гончарова, объяснялъ ихъ «нездоровьемъ и слишкомъ исключительно-литературной жизнью». Когда вопросъ зашелъ о сборникѣ, Тургеневъ съ обычной своей скромностью писалъ: «Прекрасно дѣлаютъ издатели *Складчины*, что начинаютъ съ Гончарова, если это ему можетъ доставить удовольствіе. Меня могутъ помѣстить гдѣ угодно»¹³⁴).

Публика встрѣтила *Наканунъ* съ живѣйшимъ интересомъ, но этотъ интересъ далеко не всегда оказывался въ пользу автора. Тургеневъ вывелъ на сцену новыхъ людей, прежде всего новую женщину, исполненную смѣлыхъ общественныхъ стремленій, горящую энтузіазмомъ предъ идеями свободы и борьбы за угнетенныхъ, умѣющую слить самоотверженное чувство любви съ жаждой обширной дѣятельности. Елена совершенно другого нравственнаго склада, чѣмъ обычныя героини русскихъ романовъ того времени. Естественно, она должна была вызвать недоумѣніе у неподготовленныхъ читателей. Не могла всѣмъ нравиться также героическая роль болгарина, исключительное вниманіе, какое авторъ удѣляетъ далекой чужой націи. Особенно много укоровъ Тургеневъ

¹³²) *Шестъ лѣтъ переписки*. IV. 39.—Письмо Гончарова о *Наканунъ* написано 3 марта 1860 г., а 13 марта Тургеневъ сообщалъ Фету, что онъ читалъ свою повѣсть *Первая любовь*—«ареопагу, состоявшему изъ Островскаго, Писемскаго, Анненкова, Дружинина и Майкова», и что «приглашенный Гончаровъ пришелъ пять минутъ по окончаніи чтенія». Повѣсть была окончена въ теченіи недѣли, предшествовавшей 13-му марта, т.-е. приблизительно считая съ 6-го марта. Слѣдовательно, Тургеневъ даже послѣ письма Гончарова не думалъ вступать съ нимъ въ пререканія и только слуши, въ которыхъ несомнѣнно долженъ былъ принимать участіе авторъ *Обрыва*, вызвали въ немъ рѣшимость покончить вопросъ третейскимъ судомъ. Письмо къ Фету. *Мои воспоминанія*. I, 321.

¹³³) *Шестъ лѣтъ переписки*. В. Е. 1885, апр., 479.

¹³⁴) *Письма*, 151, 145, 227. *Русск. Ст.* XL, 212.

слышалъ отъ лицъ высшаго общества, менѣе всего способныхъ примириться съ основными мотивами романа.

Одна изъ читательницъ повергла Тургенева въ безъисходное недоумѣніе. Она, по его словамъ, «неопровержимо доказала», что романъ «никуда не годится, фальшивъ и ложенъ отъ А до Z». Тургеневъ серьезно сталъ думать—не бросить-ли его въ огонь. Онъ призываетъ къ себѣ друга, чьимъ инѣніемъ привыкъ дорожить, и предлагаетъ вмѣстѣ съ нимъ разобрать замѣчанія читательницы. «Она,—пишетъ Тургеневъ,—безъ всякаго преувеличенія поселила во мнѣ отвращеніе къ моему продукту—я я, безъ всякихъ шутокъ, только изъ уваженія къ вамъ и вѣря въ вашъ вкусъ, не тотъ же часъ уничтожилъ мою работу. Приходите-ка, мы потолкуемъ—и, можетъ быть, и вы убѣдитесь въ справедливости ея словъ. Лучше теперь уничтожить, чѣмъ впоследствии бранить себя. Я все это кончу не безъ досады, но безъ всякой желчи, ей-Богу. Жду васъ и буду держать огонь въ каминѣ»¹³⁵).

Романъ все-таки былъ спасенъ. Автору не трудно было убѣдиться, что отрицательные приговоры были вызваны необычной темой романа, его общественнымъ и политическимъ содержаніемъ. Для читателей и особенно читательницъ сліянiе поэзіи съ такими задачами казалось еще слишкомъ страннымъ, неестественнымъ. Тургеневъ переживалъ настроеніе публики, напоминавшее зрѣлый періодъ литературной дѣятельности его учителя.

Пушкину стоило великихъ усилій—пріучить читателей къ реализму и простотѣ въ искусствѣ. Читатели встрѣчали съ восторгомъ романтическія поэмы въ родѣ *Бахчисарайскаго фонтана*, *Кавказскаго плѣнника*: все здѣсь было такъ живописно и эффектно. Но *Евгеній Онегинъ* вызвалъ разочарованіе: образованнѣйшіе представители современной публики заговорили объ упадкѣ таланта Пушкина, и онъ долженъ былъ доказывать, что въ будничной жизни есть своя поэзія, долженъ былъ не только творить, но и поднимать читателей до уровня своего творчества. Съ такимъ трудомъ достается борцамъ идеи каждый новый шагъ!..

Но у Тургенева нашлись также и горячіе защитники. Однимъ изъ первыхъ высказался едва ли не самый суровый судья автора, его пріятель Боткинъ. На этотъ разъ онъ былъ совершенно удовлетворенъ. Преимущественно его восхищали поэтическія достоинства романа. «Какіе озаряющіе предметы эпитеты!»—восклицалъ Боткинъ,—«да, солнечные эпитеты, неожиданные, вдругъ раскрывающіе внутреннія перспективы предметовъ». Въ заключеніе кри-

¹³⁵) *Шестъ лѣтъ переписки. Изъ мрт., 31.*

тѣмъ находить, что повѣсть на читателей «повѣтъ ароматомъ лучшихъ цвѣтовъ жизни»¹³⁶). Добролюбовъ написалъ также восторженную статью: самъ авторъ признавалъ похвалы критика «самыми горячими», но и «самыми незаслуженными». Этотъ фактъ имѣлъ особенное значеніе: критикъ *Современника* оказывался на сторонѣ поклонниковъ романа. На этого же самого критика Тургеневъ жаловался по поводу отзыва о *Рудинѣ*. И здѣсь, какъ и всегда, самый неблагоприятный приговоръ не могъ вызвать у Тургенева злобы и ненависти. Тургеневъ продолжалъ «высоко цѣнить Добролюбова, какъ человѣка и какъ талантливаго писателя». Онъ горько сътуетъ на богѣзнь критика и по смерти его пишетъ: «огорчила меня смерть Добролюбова, хотя онъ собирался меня съѣсть живьемъ»¹³⁷). Эта способность личныя отношенія отдѣлять отъ вопроса о талантѣ и значеніи писателя—неотъемлемая заслуга Тургенева,—заслуга, столь рѣдкая у людей на какомъ бы то ни было поприщѣ дѣятельности.

Большинство публики, несомнѣнно, понимало намѣренія Тургенева и оцѣнило его дѣятельность. Имя Ивана Сергѣевича сумѣло возбудить сильнѣйшій интересъ русскихъ читателей къ дѣлу, совершенно новому и неожиданному. Этотъ интересъ—превосходный показатель популярности Тургенева въ эпоху его двухъ первыхъ романовъ.

Въ 1859 году, по мысли Дружинина, былъ основанъ литературный фондъ. «Тургеневъ,—говоритъ ближайшій свидѣтель,—вложилъ всю свою душу для доставленія ему успѣха; онъ устраивалъ блестящіе литературные вечера, ѣздилъ съ тою же цѣлью въ Москву, и всякій разъ появленіе его на эстрадѣ сопровождалось громаднымъ стеченіемъ публики и энтузіастическимъ пріемомъ чтеца».

Матеріальная помощь, доставленная фонду Тургеневымъ, была «чрезвычайно значительна». Ему молодое учрежденіе въ высшей степени обязано своимъ развитіемъ. Для доказательства достаточно одного факта.

Въ январѣ 1860 года, на вечерѣ литературнаго фонда, Тургеневъ произнесъ свою знаменитую рѣчь *Гамлетъ и Донъ-Кихотъ*. Немного спустя Иванъ Сергѣевичъ поѣхалъ въ Москву, устроилъ здѣсь литературный вечеръ, выхлопоталъ позволеніе для Островскаго—прочсть отрывки изъ комедіи *Свои люди—сочтемся*, и повторилъ свою рѣчь. Очевидецъ пишетъ: «надобно было присутствовать, чтобы понять впечатлѣніе, произведенное его выходомъ,

¹³⁶) Фетъ. *Мои воспом.* I, 323.

¹³⁷) *Шестъ лѣтъ переписки*. Ib. апр., 502.

Онъ долго не могъ начать чтеніе, встрѣченный шумными, громкими рукоплесканіями и даже нѣсколько смутился отъ такого приѣма, доказавшаго, что онъ былъ въ то время нашъ излюбленный беллетристъ. Особенное чувство высказывали тѣ посѣтители, которые, будучи очень хорошо знакомы съ его сочиненіями, впервые лицомъ къ лицу увидали сочи нителя. Короче, львиная часть овалій досталась на долю Тургенева и вполнѣ заслуженно». Въ результатѣ въ комитетъ литературнаго фонда было выслано 1.220 р. 50 к. и Тургеневъ писалъ: «Комитетъ долженъ быть доволенъ мною»¹²⁸).

Тургеневъ не ограничился денежной поддержкой фонду. Ему пришлось вести продолжительную полемику съ писателемъ, нападавшимъ на литераторовъ вообще и питавшимъ «презрѣніе» къ литературному фонду. Такимъ писателемъ оказался Фетъ. На его выходки противъ литераторовъ Тургеневъ отвѣчалъ: «Что вамъ не нравится званіе «литераторъ»,—это вашъ конекъ, а жизнь научила меня обходиться съ чужими коньками почтительно; по моему, «литераторъ» такое же званіе или опредѣленіе рода занятій, какъ «сапожникъ» или «пирожникъ». Но есть пирожники хорошие и дурные, и литераторы тоже».

Въ другой разъ Тургеневъ, неволью теряя терпѣніе, выражается гораздо энергичнѣе: нападки Фета на литераторовъ и фондъ онъ называетъ прямо «возмутительными». Фетъ, дѣйствительно, писалъ странныя вещи. Объ его практическихъ свѣдѣніяхъ на счетъ литераторовъ можно судить по слѣдующему письму Ивана Сергѣевича:

«Вы пишете, что «не шутя не знаете ни одного бѣднаго литератора»! Это происходитъ оттого, что вы ихъ вообще мало знаете. Укажу вамъ на одинъ примѣръ. Недавно А. Н. Аванасьевъ умеръ буквально отъ голода, а его литературныя заслуги будутъ помниться тогда, когда наши съ вашими, любезный другъ, давно уже пожрутся мракомъ забвенія. Вотъ на такіе-то случаи и полезетъ намъ бѣдный, вами столь презираемый фондъ». Естественно со стороны Тургенева обратиться къ своему противнику съ такимъ пожеланіемъ: «Было бы великимъ счастьемъ, если бы дѣйствительно *вы* были самымъ бѣднымъ русскимъ литераторомъ»¹²⁹).

¹²⁸) О московскомъ вечерѣ сообщаетъ Галаховъ (*Соржковыя юды, Ист. В. XLVII, 140—141*) и Анненковъ (*Шестъ лѣтъ переписки, ib., мрт., 34—5*). Галаховъ вечеръ относитъ къ 10-му января 1861 г., Анненковъ—говоритъ о январѣ 1860. Сообщение Анненкова слѣдуетъ считать болѣе достовернымъ, потому что рѣчь появилась въ январьской книгѣ *Современника* за 1860 годъ.

¹²⁹) Фетъ. *Мои восп.* II, 212, 246, 255.

У Тургенева въ это время было не мало заботъ, несравненно болѣе серьезныхъ, чѣмъ споръ съ Фетомъ. Время крестьянской реформы приближалось. Настроеніе русскаго общества становилось съ каждымъ днемъ безпокойнѣе, ожиданія мучительнѣе. Всевозможныя догадки на счетъ будущаго, проекты важныхъ новыхъ мѣръ и преобразованій возникали безпрестанно. Просвѣщенными классами овладѣла жажда общественной и политической дѣятельности. Еще въ концѣ сороковыхъ годовъ Бѣлинскій писалъ объ оживленіи, проникшемъ въ литературу, о статьяхъ и статейкахъ на новыя темы, о терпимости администраціи къ этимъ темамъ. «Видно по всему», прибавилъ Бѣлинскій, «что патріархально сонный бытъ визжитъ и надо взять иную дорогу»¹⁴⁰⁾.

За послѣдніе годы это движеніе успѣло развиться и окрѣпнуть. Цензура оказывалась безсильной сдерживать его и у нея не было опредѣленнаго пути—воздѣйствовать на литературу и общественное мнѣніе. Кромѣ того, возникали опасенія—крутыми мѣрами повредить дѣлу освобожденія крестьянъ. При такихъ условіяхъ неминуемо должно было явиться множество частныхъ добровольныхъ проектовъ, свидѣтельствовавшихъ о крайнемъ возбужденіи общественной мысли.

Тургеневъ не могъ не идти во главѣ этого движенія. Мы знакомы съ его проектомъ—создать журналъ или газету для выясненія вопросовъ, вызванныхъ предстоящей реформой. Этотъ органъ предназначался для просвѣщенія дворянства, вообще дѣйствующихъ классовъ общества. Теперь вниманіе Тургенева обращено въ другую сторону, на крестьянъ.

Лѣто наканунѣ реформы Тургеневъ жилъ за границей, сначала въ Парижѣ, потомъ въ Соденѣ, въ августѣ переѣхалъ въ Англію и поселился на островѣ Уайтѣ на весь сезонъ морскихъ купаній. Въ его умѣ зрѣли планы новаго романа, но пока онъ ничего не предпринималъ. Въ Германіи онъ встрѣтился съ малорусской писательницей—Марко - Вовчокъ. Ея рассказы изъ крѣпостнаго быта пользовались большимъ сочувствіемъ публики, Тургеневъ перевелъ ихъ на русскій языкъ и былъ въ восторгѣ отъ самого автора: «это—прекрасное, умное, честное и поэтическое существо», писалъ онъ подъ первымъ впечатлѣніемъ. Интересъ Тургенева распространялся на весь кружокъ малорусскихъ писателей, на ихъ органъ *Основу*, на ихъ стремленія—поднять языкъ родины, развить ея культуру и поставить ее въ дружескія, а не подчиненныя только отношенія къ Великоруссіи. Тургеневъ искалъ

¹⁴⁰⁾ Анненковъ и его друзья, 603.

знакомства съ поэтомъ Шевченко, высказывалъ искреннее сочувствіе къ его прошлымъ страданіямъ и его таланту,—хотя увлеченія малорусскаго поэта Запорожьемъ, гайдамачиной, казацкимъ удальствомъ были совершенно чужды Тургеневу, возбуждали у него добродушныя насмѣшки.

Тургеневъ, принявъ горячее участіе въ семьѣ г-жи Марковичъ (настоящая фамилія Марко-Вовчокъ), едва-ли не съ первой встрѣчи открылъ, что «ей не совсѣмъ легко жить на свѣтѣ». Почти въ каждомъ письмѣ онъ говоритъ объ ея дѣлахъ, заботится о службѣ ея мужа, помѣщаетъ ея сына въ одинъ изъ парижскихъ пансіоновъ. Но г-жа Марковичъ всѣ услуги Тургенева принимала какъ нѣчто должное и отличалась изумительной способностью—сорить деньгами. Тургеневъ сначала только удивлялся, но потомъ его готовность оказывать совершенно бесполезныя благодѣянія—охладила.

На Уайтѣ собралось довольно многочисленное общество русскихъ. Тургеневъ за романъ не принимался, время проходило въ бесѣдахъ,—и здѣсь возникла мысль основать «Общество для распространенія грамотности и первоначальнаго обученія». Тургеневъ составилъ программу просвѣщенія народа съ помощью имущихъ и развитыхъ классовъ всего государства. Программа обсуждалась по вечерамъ выборными лицами отъ русской колоніи, передѣлывалась, исправлялась и послѣ многихъ преній была принята. Потомъ былъ составленъ циркуляръ, при немъ «проектъ» предполагалось разослать всѣмъ выдающимся лицамъ обѣихъ столицъ—художникамъ, литераторамъ, ревнителямъ просвѣщенія и вліятельнымъ особамъ.

Проектъ не касался подробностей, не разбиралъ, какими путями можно было создать множество учебныхъ заведеній, учителей, не указывалъ, откуда должны были исходить распоряженія, кому предстояло покрыть Россію народными училищами. Вообще, практическіе вопросы оставались въ сторонѣ. Это было одной изъ основныхъ чертъ всевозможныхъ преобразовательныхъ плановъ, возникавшихъ въ русскомъ обществѣ наканунѣ крестьянской реформы. Проекты неизмѣнно свидѣтельствовали о добрыхъ, патриотическихъ стремленіяхъ авторовъ, о великихъ ожиданіяхъ въ виду новаго грядущаго строя, о восторженной вѣрѣ въ могущество идей, но опредѣлить подробности пракческаго примѣненія этихъ идей предоставлялось всякому желающему, или случайному стеченію обстоятельствъ.

Тургеневъ дѣятельно принялся за распространеніе своего проекта. Циркуляры разсылались, въ нихъ выражалась надежда, что

всѣ образованные русскіе сочтутъ долгомъ вступить въ общество, или, по крайней мѣрѣ, сообщать свои соображенія на счетъ проекта—и не откажутся придать ему возможно широкую гласность. Авторъ проекта настоятельно желалъ знать «мнѣніе всей Россіи» о столь важномъ предпріятіи.

Большинство получившихъ циркуляръ изъявило желаніе вступить въ члены Общества, но нѣкоторые требовали большей ясности въ подробностяхъ, большаго вниманія къ особымъ условіямъ русской жизни.

Проекту не суждено было дожить до практическаго осуществленія. Вскорѣ наступившія событія устранили со сцены всякія частныя предпріятія. Идея тургеневскаго общества перешла въ область воспоминаній, осталась одной изъ историческихъ чертъ, характеризующихъ великаго писателя и все русское общество накануне шестидесятыхъ годовъ ¹⁴¹⁾.

Эти годы до самыхъ основъ всколыхнули русскую дѣйствительность и въ жизни нашего писателя отразились событіями перво-степенной важности.

Ив. Ивановъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁴¹⁾ *Шесть лѣтъ переписки. Гв. апр. 473. Фетъ. Мои восп. I, 348.*

Нѣсколько соображеній о температурѣ солнца, на основаніи опытовъ съ большимъ зажигательнымъ зеркаломъ.

Проф. В. Цераскаго.

§ 1.

На послѣдней парижской выставкѣ, въ оптическомъ отдѣлѣ, невольно обращало на себя вниманіе величиною и совершенствомъ отдѣлки вогнутое зеркало, выставленное оптиками Gettcliffe et Simon. Оно появилось затѣмъ на французской выставкѣ въ Москвѣ. Благодаря стараніямъ директора физическаго отдѣла Политехническаго музея А. Хр. Репмана, это рѣдкое произведеніе современнаго оптическаго искусства было приобрѣтено для музея, и въ маѣ прошлаго года я получилъ разрѣшеніе взять его на нѣкоторое время въ университетскую астрономическую обсерваторію и сдѣлать съ нимъ рядъ опытовъ.

Эти опыты послужатъ темой настоящаго сообщенія.

Зеркало сильно вогнутое, такъ что лучи солнца, падающіе на всю его поверхность, собираются на очень сравнительно небольшомъ пространствѣ въ его фокусѣ, гдѣ температура и доходитъ до весьма значительной высоты. По этой причинѣ, подобныя зеркала называются зажигательными.

Я полагаю, что жаръ, наблюдаемый въ фокусѣ зеркала, можетъ служить наилучшимъ образомъ исходною точкою для соображеній о температурѣ солнца.

Это можетъ показаться немного страннымъ; въ самомъ дѣлѣ, температурою солнца занимались въ послѣднее время многіе отличные ученые, прибѣгая къ сложнымъ опытамъ и труднымъ теоретическимъ выводамъ, а отъ зеркала вѣсть простотою и старинной. Дѣйствительно, если и невѣрно, что Архимедъ сжегъ посредствомъ зеркалъ римскій флотъ, то зажигательныя зеркала были уже у Рожера Бекона, а съ самаго начала семнадцатаго вѣка со-

ставляли довольно обычный предметъ въ коллекціяхъ итальянскихъ принцевъ; наконецъ, опыты Бюффона всѣмъ извѣстны.

Постараемся же прежде всего составить себѣ понятіе о современномъ состояніи интересующаго насъ вопроса.

§ 2.

Для нахождения температуры солнца прибѣгали къ разнымъ способамъ. Одни опредѣляли нагрѣваніе воды или ртути въ сосудѣ, выставленномъ на непосредственное дѣйствіе лучей солнца, другіе старались вычислить температуру, необходимую для бурныхъ явленій, наблюдаемыхъ на поверхности самого солнца, иные сравнивали солнце съ разными раскаленными тѣлами или вольтовой дугою и т. д.

Изъ многочисленныхъ опредѣленій приведемъ нѣсколько самыхъ характерныхъ. Въ первой колоннѣ даны имена ученыхъ, во второй—найденныя ими температуры солнца въ градусахъ Цельзія:

Пулье	1.600°
Секки	5.000.000°
Цельнеръ	61.000°
С. К. Девиаль	2.500°
Виоля (1877 г.)	1.500°
Викеръ (1877 г.)	1.400°
Сименсъ	3.000°

Едва ли пришло бы кому-нибудь въ голову, глядя на эти числа, собственно говоря, не имѣющія ничего общаго другъ съ другомъ, подумать, что они представляютъ разныя опредѣленія одной и той же величины.

Цифра, данная знаменитымъ патеромъ Секки, должна быть со всѣмъ отброшена: дѣйствительно, свои опыты онъ вычислилъ по двумъ разнымъ формуламъ, одна изъ нихъ дала температуру равную пяти милліонамъ, другая равную 1.400 градусамъ. Подобное вопіющее разногласіе уничтожаетъ всякое довѣріе къ выводу.

Цельнеръ получилъ свой результатъ, предполагая извѣстнымъ строеніе солнечной оболочки и выступовъ. Предположенія его доказаны быть не могутъ и цифра не заслуживаетъ довѣрія. С. К. Девиаль основывался на температурахъ, имѣющихъ мѣсто при химическихъ реакціяхъ и его выводы кажутся убѣдительными. Но самыми основательными и учеными приходится считать разсужденія Виоля, судя по старательности и остроумію, съ которыми была сдѣлана его работа, заслужившая денежное поощреніе парижской академіи. А между тѣмъ, опредѣленная имъ температура солнца невѣрна, и чтобы доказать это, достаточно будетъ повторить старинный опытъ съ новымъ зеркаломъ.

§ 3.

Въ теоретической физикѣ доказывается,—это, впрочемъ, понятно и само собою,—что въ фокусѣ зеркала или стекла температура не можетъ быть выше температуры самого источника, т.е. въ разсматриваемомъ случаѣ солнца.

Посмотримъ же, до какого напряженія доходитъ жаръ въ фокусѣ нашего зеркала.

Скажемъ сначала нѣсколько словъ о самомъ зеркалѣ.

Отверстіе его равно 970 миллиметрамъ, фокусное разстояніе тоже 970 милл. Оно стеклянное, задняя поверхность его амальгамирована. Радиусъ кривизны передней поверхности стекла меньше радиуса кривизны задней, амальгамированной, поверхности, такъ что края сравнительно очень толстые, а середина зеркала тонкая. Этимъ достигается такое значительное уменьшеніе сферической аберраціи, что въ фокусномъ изображеніи луны видны нѣкоторые лунные кратеры. Это, вѣроятно, самое совершенное по формѣ зажигательное зеркало изъ всѣхъ, какія когда-либо существовали. Но сферическая аберрація возрастаетъ чрезвычайно быстро при удаленіи отъ оптической оси, такъ что, производя опыты съ солнцемъ, надо аккуратно направлять зеркало на него. Изображеніе солнца имѣетъ, приблизительно, величину 15-ти-копѣечной монеты. Въ предѣлахъ кружка такой величины и существуетъ та высокая температура, о которой мы желаемъ составить себѣ понятіе.

Прилагаемая картинка изображаетъ зеркало въ моментъ производства опыта, на западной террасѣ обсерваторіи.



Зеркало вставлено въ простую деревянную раму на шарнирахъ и уравновѣшено кирпичами, наложенными на низъ рамы. Наблюдатель держитъ въ фокусѣ кусокъ тѣла, подвергаемаго плавленію, просто щипчиками или на кускѣ желѣзной проволоки; его глаза защищены отъ ослѣпительнаго блеска темными очками, какіе употребляются при электрическихъ установкахъ.

Мои опыты плавленія я началъ прямо съ платины, точка плавленія которой равна 1.775° С.

Въ фокусѣ нашего зеркала она плавится почти моментально. Одного такого опыта, продолжительностью въ нѣсколько десятковъ секундъ, совершенно достаточно для того, чтобы доказать развѣ навсегда, что температура солнца не можетъ быть ниже 1.775 градусовъ, и что всѣ опредѣленія, какъ и къмъ бы они ни были сдѣланы, если только дадутъ меньшую температуру, ошибочны и несостоятельны.

Затѣмъ, я такъ же легко расплавилъ разные образцы тугоплавкой глины, куски тугоплавкихъ тиглей, употребляемыхъ въ химическихъ лабораторіяхъ, корундъ, желѣзный блескъ съ Эльбы, прокаленный бериллъ, гранитъ изъ Кременчугскаго уѣзда, цирконъ и силлиманитъ изъ Делаваара.

Оставалась пегашеная известь. Она прежде кристаллизуется при температурѣ 2.500 С и затѣмъ уже плавится. Довести ее до кристаллизаціи въ фокусѣ зеркала нетрудно. Очень скоро послѣ начала опыта на поверхности извести показываются блески; рассматривая въ лупу, послѣ охлажденія, увидимъ, что поверхность покрылась прозрачною щетинкой маленькихъ кристалликовъ.

Въ фокусѣ зеркала, а слѣдовательно и на солнцѣ, температура не ниже 2.500° С.

Расплавить известь, помѣщая ее прямо въ фокусѣ, мнѣ не удалось, хотя я полагаю, что это и будетъ возможно въ болѣе ясный и сухой день, чѣмъ тѣ, когда производились опыты. Я говорю: помѣщая просто въ фокусѣ, ибо, собравъ лучи солнца въ болѣе тѣсный кружокъ, при помощи небольшой стеклянной чечевицы, я получилъ несомнѣнные признаки плавленія извести; чечевица при этомъ лопається.

Такъ какъ вышеупомянутое положеніе физики справедливо всегда, при всякихъ способахъ концентраціи, и известь плавится при 3.000° С, какъ это показалъ недавно Муассанъ въ Парижѣ, при помощи своей электрической печки, то температура солнца не можетъ быть ниже 3.000° .

Температура разныхъ точекъ солнца должна быть весьма различна; мы можемъ составить себѣ понятіе лишь о средней тем-

пературѣ и притомъ наружныхъ слоевъ, непосредственно посылающихъ намъ свои лучи.

Замѣтимъ, что уголь, какъ теперь оказывается, при обыкновенныхъ обстоятельствахъ не плавится, а прямо переходитъ изъ твердаго въ газообразное состояніе.

Изъ нашихъ опытовъ вытекаетъ слѣдующее положеніе: въ фокусѣ зеркалъ или другихъ снарядовъ, концентрирующихъ солнечные лучи, температура можетъ достигнуть 3.000° ; причемъ плавятся всѣ извѣстныя намъ тѣла. Это есть низшій предѣлъ температуры солнца: на солнцѣ не можетъ быть меньше 3.000° , но можетъ быть гораздо больше.

Важно было бы повторить опыты съ металлическимъ зеркаломъ, на вершинѣ высокой горы, въ ясный и сухой день, чтобы ослабить поглощающее вліяніе земной атмосферы и уничтожить потерю лучей въ толщѣ стекла.

Обращаю вниманіе читателей на то, что этотъ способъ достиженія высокихъ температуръ есть очень простой и, такъ сказать, пріятный, и что, вѣроятно, было бы удобно воспользоваться имъ и при другихъ ученыхъ изысканіяхъ.

Не разъ старались уловить нагрѣваніе лучами луны и опредѣлить температуру ея поверхности, пользуясь для этого сильными собирающими лучи приспособленіями и самыми чувствительными термометрическими аппаратами. Выводы, сдѣланные на основаніи подобныхъ наблюденій, нужно подвергнуть новому пересмотру, принимая во вниманіе вышесказанное. Можетъ быть, было упущено изъ виду, что, если температура луны такая же, какъ температура нашей земли и атмосферы, т. е. среды, въ которой помѣщаемся мы съ нашими снарядами, или ниже ея, то никакими способами нельзя достигнуть хотя какого-нибудь повышенія температуры. И если бы замѣчалось нагрѣваніе, то его нужно было бы приписать лучамъ солнца, отраженнымъ отъ луны, а не лучамъ, испускаемымъ самою ея поверхностью.

Однимъ словомъ, вдумываясь въ то, какъ и при какихъ обстоятельствахъ можно надѣяться добиться замѣтнаго нагрѣванія въ фокусѣ, увидимъ, что слѣдуетъ концентрировать лучи луны помощью металлическихъ зеркалъ, въ самую морозную, ясную зимнюю ночь, сейчасъ послѣ начала полнаго луннаго затмения. Прямо отраженныхъ лучей солнца тогда не будетъ, а поверхность луны, не успѣвшая еще охладиться, можетъ быть замѣтно теплѣе моего зваго окружающаго насъ воздуха.

§ 4.

Теперь мы можемъ сдѣлать еще шагъ впередъ, и притомъ шагъ значительный.

Попробуемъ собрать при помощи нашего зеркала лучи сильного источника теплоты, температура котораго намъ извѣстна. Посмотримъ, много ли лучей собираетъ зеркало, и насколько разнится температура въ его фокусѣ отъ температуры самаго источника.

Для нашей цѣли удобнѣе всего воспользоваться вольтовой дугою. Въ ней есть раскаленные твердыя, жидкія и газообразныя тѣла, ея температура довольно хорошо извѣстна и колеблется между 3.000° и 3.500° . Можетъ показаться неожиданнымъ это приблизительное совпаденіе температуры дуги съ найденною нами прежде; совпаденіе это не случайное, и въ фокусѣ зеркала, и въ вольтовой дугѣ она обуславливается точкою плавленія самыхъ тугоплавкихъ тѣлъ.

Поставивъ дугу на такомъ разстояніи отъ зеркала, чтобы ея изображеніе въ фокусѣ имѣло величину изображенія солнца, и внося разныя легкоплавкія тѣла въ фокусъ, мы убѣдились, что температура въ немъ равна, приблизительно, температурѣ плавленія стѣры, т. е. около 115° .

При этомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что опытъ съ дугою дѣлается при болѣе благоприятныхъ условіяхъ, нежели съ солнцемъ, ибо лучи его ослабляются поглощеніемъ атмосферъ солнца и земли, а можетъ быть, и междупланетнымъ пространствомъ.

Такимъ образомъ, не подлежитъ сомнѣнію, что температура въ фокусѣ зеркала составляетъ лишь малую долю температуры самаго источника, и что, слѣдовательно, на солнцѣ она гораздо выше трехъ тысячъ градусовъ, хотя и не превышаетъ этой цифры ни въ милліоны, ни даже въ тысячи разъ.

Всѣ подобные опыты и соображенія приводятъ насъ къ такъ-называемой эффективной температурѣ. Если вообразимъ себѣ термометръ, помѣщенный на солнцѣ, то онъ покажетъ дѣйствительную температуру, которая всегда выше эффективной. Объ этой дѣйствительной температурѣ нельзя составить себѣ теперь сколько-нибудь точнаго понятія, потому что мы почти ничего не знаемъ о лучеиспускательной способности солнца.

Представимъ себѣ теперь, что нѣкоторое тѣло приближается къ солнцу. По мѣрѣ приближенія лучи солнца будутъ грѣть его все больше и больше, и будетъ въ пространствѣ такая точка, въ

которой оно расплавится подъ непосредственнымъ дѣйствіемъ лучей солнца такъ, какъ оно плавилось въ фокусѣ нашего зеркала. Это будетъ та точка, изъ которой солнце видно подъ такимъ же угломъ зрѣнія, подъ какимъ видно зеркало изъ своего фокуса. Уголъ этотъ равенъ въ нашемъ случаѣ шестидесяти градусамъ, а упомянутая точка пространства отстоитъ отъ поверхности солнца на величину его радіуса, т. е. на 92.600 географическихъ миль или, круглымъ числомъ, на двойное разстояніе луны отъ насъ.

Какъ въ фокусѣ зеркала, такъ и въ этой точкѣ пространства плавятся всѣ тѣла.

Въ этомъ выводѣ нѣтъ ничего гипотетическаго, это есть простое и необходимое слѣдствіе опыта. Съ еще большимъ приближеніемъ къ солнцу жаръ будетъ быстро увеличиваться.

§ 5.

Въ настоящее время изученіе солнца составляетъ одинъ изъ основныхъ и важнѣйшихъ отдѣловъ астрофизики. Изъ многихъ частныхъ изслѣдованій сложилось современное ученіе о солнцѣ, и оно нынѣ представляется намъ во всемъ своемъ величій и загадочности.

Какъ образовался этотъ мощный очагъ всепожирающаго огня, чѣмъ онъ питается такъ обильно и такъ правильно, что въ нѣсколько тысячъ лѣтъ историческаго существованія человѣка незамѣтно ни малѣйшаго истощенія, гдѣ тотъ неуловимый и чудный механизмъ, посредствомъ котораго лучи солнца поддерживаютъ безчисленныя явленія земной жизни — вотъ вопросы, занимающіе современнаго ученаго, на которые нѣтъ еще окончательныхъ отвѣтовъ.

И невольно вспоминаются взгляды, какіе существовали на строеніе солнца такъ недавно. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія Гершель и Боде, — я называю лишь самыхъ знаменитыхъ, — рисовали картинки пріятной жизни счастливыхъ обитателей солнца. Поверхность солнца усѣяна холмами и равнинами, орошена журчащими ручейками, вверху слой облаковъ, защищающій отъ чрезмѣрной жары, а надъ этимъ слоемъ вѣчно свѣтящая и вѣчно грѣющая атмосфера.

Скажу болѣе; Араго, умершій только въ 1853 г., кого физики называютъ астрономомъ и астрономы — физикомъ, — человѣкъ, который, можетъ быть, какъ никто другой, соединялъ въ себѣ всѣ свойства знатока и спеціалиста этихъ именно вопросовъ, — принималъ солнце за обитаемое. Онъ говоритъ: «Если бы у меня просто спросили: есть ли на солнцѣ жители? то я отвѣчалъ бы, что ни-

чего о томъ не знаю. Но если спросить: могутъ ли на солнцѣ существовать обитатели, организованные подобно жителямъ земли, то я не медля дамъ утвердительный отвѣтъ». (Общеповят. Астрон. Фр. Араго т. 2, стр. 139).

А между тѣмъ, мы только что убѣдились, на основаніи самыхъ простыхъ соображеній, что за сотни тысячъ миль отъ поверхности солнца уже всѣ тѣла плавятся, подъ непосредственнымъ дѣйствіемъ его лучей.

Вотъ какъ трудно составить себѣ понятіе о явленіяхъ, превосходящихъ нашъ обыкновенный масштабъ, какъ трудно отвлечься отъ того, что по врожденной привычкѣ считаемъ нормальнымъ порядкомъ вещей.

КАКЪ ПОЛЬЗОВАТЬСЯ ЖИЗНЬЮ *).

Джона Леббока.

(Переводъ съ англійскаго).

Глава I.

Великій вопросъ.

Важнѣйшее дѣло жизни — умѣніе пользоваться ею. Ничѣмъ люди такъ не дорожатъ, какъ жизнью, и ни съ чѣмъ не обращаются такъ небрежно, какъ съ жизнью.

*) Новый, недавно только вышедшій въ свѣтъ, трудъ знаменитаго ученаго Джона Леббока—«Use of life», въ буквальномъ переводѣ—«Пользованіе жизнью», составляетъ какъ бы дополненіе къ прежнему его труду «Радости жизни» (переведенъ и изданъ на русскомъ языкѣ). Вопросъ, разбираемый Леббокомъ, заключается въ томъ, какъ лучше всего, для себя и для другихъ, воспользоваться жизнью, чтобы принести другимъ возможное для насъ количество добра и самимъ испытать возможно больше наслажденія. Свои мысли Леббокъ излагаетъ въ сжатой до крайности формѣ афоризмовъ, подкрѣпляя ихъ, по обыкновенію англичанъ, массою цитатъ изъ всевозможныхъ авторовъ, древнихъ и новыхъ. Многимъ, быть можетъ, въкоторыя изъ его сужденій покажутся далеко не новыми, но нельзя не замѣтить, насколько въ общемъ тонъ его книги благороденъ и возвышенъ. Все, что онъ говоритъ о взаимныхъ отношеніяхъ людей, дышитъ самой широкой гуманностью, въ высшей степени искренно и мило. Мѣстами его мысли проникнуты юморомъ, свойственнымъ англичанамъ, и перемежаются безобидными шутками и анекдотами. Не слѣдуетъ забывать также, что авторъ имѣетъ въ виду преимущественно условія жизни въ Англіи, во многомъ отличающіяся отъ нашихъ. Общее впечатлѣніе отъ его книги получается бодрящее и жизнеутверждающее, что придаетъ ей, въ нашихъ глазахъ, особое значеніе. «Никогда не слѣдуетъ впадать въ отчаяніе, ибо нѣтъ такого положенія, изъ котораго не было бы выхода», говоритъ Леббокъ и спѣшитъ разсмотрѣть возможные въ данномъ случаѣ «выходы».

Когда переводъ настоящей книги будетъ законченъ, мы постараемся дать характеристику Леббока, какъ философа и моралиста, на основаніи его произведеній: «Красоты природы», «Радости жизни» и «Какъ пользоваться жизнью». Что касается предлагаемаго перевода, то онъ отдѣланъ съ небольшими сокращеніями. Выпущены главнымъ образомъ, нѣкоторыя цитаты, которыми Леббокъ иногда просто злоупотребляетъ, что дѣлаетъ чтеніе его книги въ оригиналѣ нѣсколько утомительнымъ.

Ред.

Это сложный вопросъ. «Жизнь,—говоритъ Гиппократь въ началѣ своихъ медицинскихъ «Афоризмовъ»,—жизнь коротка, долга наука, мгновеніе мимолетно, опытъ обманчивъ, а сужденіе затруднительно».

Счастье и успѣхъ въ жизни гораздо больше зависятъ отъ насъ самихъ, чѣмъ отъ окружающихъ обстоятельствъ. Людей, погубившихъ себя, гораздо больше, чѣмъ погибшихъ по винѣ другихъ; отъ человѣческихъ рукъ погибло гораздо больше городовъ и домовъ, чѣмъ отъ бурь и землетрясеній. Есть двоякаго рода разрушеніе: одно—дѣло времени, другое—рукъ человѣческихъ.

Изъ всѣхъ несчастій самое ужасное—гибель человѣка, а худшій врагъ его, какъ говоритъ Сенека, находится у него въ груди. «Много людей, — замѣчаетъ Ла-Брюйеръ, — проводятъ большую часть своего времени, подготавливая себѣ несчастія». Тяжело искупаются грѣхи молодости, тяжело расплачивается старость за легкомысліе юныхъ годовъ. Люди слишкомъ любятъ себя и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не умѣютъ любить себя разумно.

Во многомъ человѣкъ самъ виноватъ; онъ не умѣетъ наслаждаться, часто отталкиваетъ отъ себя счастье и тѣмъ омрачаетъ свою жизнь. Уайтхеръ говоритъ: «нѣтъ печальнѣе словъ на свѣтѣ, какъ—оно могло бы быть».

Зломъ мы часто считаемъ дурно понятое или доведенное до излишества благо. Если колесо, или даже зубецъ его, не на своемъ мѣстѣ,—вся машина можетъ испортиться. Точно также мы должны сообразоваться съ законами вселенной, иначе мы непремѣнно страдаемъ. Излишняя храбрость переходитъ въ безразсудство, привязанность—въ слабость, экономія—въ скупость. Никто еще не могъ доказать, чтобы какая-нибудь пережѣна въ законахъ природы повела къ лучшему. Люди падаютъ и ломаютъ себѣ ноги, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы какое-нибудь измѣненіе закона тяготѣнія могло улучшить порядокъ вещей.

Персіане приписывали счастье Ормузду, духу добра, а несчастье Ариману, духу зла. Въ дѣйствительности же мы создаемъ себѣ сами много заботъ и горя своими ошибками. Часто мы прекрасно сознаемъ, что поступаемъ неправильно, и все-таки дѣйствуемъ по своему; иногда же мы искренно ошибаемся.

Относительно ошибокъ второго рода мы должны руководствоваться голосомъ разума и постоянно воспитывать себя. Воспитаніе—это часть насъ самихъ; у cadaго изъ насъ есть, по крайней мѣрѣ, одинъ воспитанникъ, которымъ мы обязаны заняться. То, чему мы выучимся сами, гораздо болѣе дѣлается нашимъ достояніемъ, чѣмъ то, чему насъ выучатъ другіе. Воспитаніе не

кончается въ школахъ, — оно лишь начинается здѣсь и продолжается всю жизнь. «Какъ было бы хорошо, — говоритъ Сенека, — если бы люди такъ же упражняли свои мозги, какъ и тѣло, и столько же трудились для добродѣтели, сколько они трудятся для своего удовольствія».

Нѣкоторыя расы смотрятъ на жизнь фаталистически. На ихъ взглядъ, все предрѣшено, и хочетъ человѣкъ или нѣтъ, но что должно случиться, — непременно случится. На человѣка онѣ смотрятъ, какъ на автомата, на игрушку судьбы. Есть ли наука жизни? — вотъ о чемъ слѣдуетъ серьезно подумать. Можемъ ли мы управлять своимъ кораблемъ и вести его черезъ Океанъ Времени, или должны отдаться теченію? Человѣкъ — прежде всего человѣкъ; слѣдовательно, онъ господинъ своей судьбы; если же нѣтъ, то онъ самъ виноватъ. Жанъ Поль Рихтеръ говоритъ: «Человѣкъ дѣлается тѣмъ, чѣмъ онъ хочетъ быть, ибо наша воля обладаетъ такимъ могуществомъ, что мы дѣлаемся всегда тѣмъ, чѣмъ быть твердо и искренно желаемъ».

• Если же мы дѣйствительно имѣемъ власть надъ судьбой, то все зависитъ отъ того, чѣмъ мы желаемъ быть, и какъ мы съумѣемъ воспользоваться богатымъ полемъ жизни. У однихъ людей есть цѣль жизни, у другихъ ея нѣтъ. Прежде всего мы должны стремиться къ тому, чтобы извлечь наибольшее и лучшее изъ себя. По словамъ Гумбольдта, «цѣль каждаго человѣка должна заключаться въ возможно-высшемъ и гармоничномъ развитіи своихъ силъ, въ образованіи совершеннаго и цѣльнаго» характера. А Ж. П. Рихтеръ говоритъ, что «человѣкъ долженъ изъ себя столько выкроить, сколько выйдетъ изъ его матеріи». Но мы не должны брать на себя такую задачу изъ эгоистическихъ мотивовъ, иначе мы потерпимъ неудачу. «Личная человѣческая судьба не можетъ быть достойной цѣлью существованія», говоритъ Бэконъ. Лучшіе и величайшіе умы человѣческіе — Платонъ, Аристотель, Будда, св. Павелъ, — не стали бы совершенствоваться ради себя самихъ.

Мы должны работать надъ собой ради другихъ, а для этого, прежде всего, нужно познать себя, по мудрому правилу грековъ. «Я не видѣлъ, — заключаетъ Монтэнь, — большаго чудища или чуда на свѣтѣ, чѣмъ я самъ». Самая, повидимому, тихая и сѣрая жизнь можетъ быть настоящей поэмой или удивительнымъ романомъ. Грустно видѣть, какъ часто человѣкъ упускаетъ свое счастье и сколько случаевъ онъ теряетъ!

Удовольствіе должно быть дѣйствительнымъ, а не воображаемымъ. Между тѣмъ, мы часто принимаемъ участіе въ очень скучныхъ вещахъ только потому, что считаемъ ихъ удовольствіемъ. Многіе

воображаютъ, будто они наслаждаются, потому что не дѣлаютъ ничего полезнаго. Другіе употребляютъ слово «удовольствіе» только въ смыслѣ чувственною, тогда какъ, умственныя удовольствія, по силѣ, очарованію и продолжительности, превосходятъ всё другія.

Мы слишкомъ мало заботимся о своемъ тѣлѣ и о своемъ здоровьи, отъ котораго такъ страшно зависитъ наше душевное состояніе. Сколькими возвышенными и прекрасными удовольствіями мы пренебрегаемъ! Насъ окружаютъ музеи, великолѣпныя картинныя галереи, богатая природа, а мы не умѣемъ наслаждаться ни твореніями искусства, ни прекраснымъ голубымъ небомъ, ни другими красотами міра. Больше мы пользуемся музыкой, но и то сравнительно мало. Мы постоянно хвастаемся тѣмъ, что мы—разумныя существа, тогда какъ у животныхъ есть только инстинкты. Между тѣмъ, какъ мало счастья прибавилъ человѣчеству нашъ гордый разумъ! Циники не даромъ сомнѣвались и спрашивали себя, не является ли обладаніе разумомъ — «проклятымъ наслѣдіемъ», источникомъ страданія, а не наслажденія? Животныя не умѣютъ такъ мучить себя, какъ мы. «Малѣйшая тѣнь беспокоитъ человѣка». Мы мучимъ себя сомнѣніями и страхомъ, заботами и предположеніями. Тайна со всѣхъ сторонъ окружаетъ насъ, но къ чему напрасныя терзанія? Терпѣніе и спокойствіе—прежде всего.

Не будемъ омрачать свою жизнь излишними заботами, но будемъ строго слѣдить за собой. Будемъ внимательны ко всему и всегда, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда намъ кажется, что мы не можемъ ошибиться. «Гораздо труднѣе,—говоритъ лордъ Честерфильдъ,—быть добродѣтельнымъ, чѣмъ избѣгать противоположныхъ пороковъ. Порокъ такъ безобразенъ въ своемъ естественномъ видѣ, что онъ насъ отталкиваетъ сразу; онъ никогда бы не соблазнилъ насъ, если бы не одѣвалъ, въ началѣ, маску какой-нибудь добродѣтели». Всѣ мы встрѣчали людей, хорошихъ во многихъ отношеніяхъ и способныхъ, въ тоже время, къ жестокосердымъ, недобрымъ поступкамъ. Лордъ Пальмерстонъ утверждалъ, что всѣ люди рождаются добрыми; во всякомъ случаѣ, никто не дѣлается злымъ—легко.

Если мы обратимся теперь отъ индивида къ роду,—насъ еще больше поразитъ пренебреженіе ко многимъ благамъ. По справедливому сравненію Ньютона, человѣчество все еще похоже на дѣтей, играющихъ на берегу моря и собирающихъ наугадъ красивыя раковины или нѣжныя морскія травы, въ то время, какъ великій океанъ разстилается предъ нами, а мы не видимъ его. Нѣтъ ни одного вещества, качества и польза котораго были бы намъ вполне извѣстны; мы работаемъ съ утра до ночи, но если бы мы умѣло

пользовались всѣми силами природы и болѣе нормально распредѣляли трудъ,—намъ не пришлось бы трудиться больше какихъ-нибудь одного или двухъ часовъ въ день; такимъ образомъ у насъ оставалось бы много времени для удовлетворенія нашихъ умственныхъ и душевныхъ потребностей. Паръ еще не утилизируютъ, какъ слѣдуетъ; электричество мы только начинаемъ примѣнять; рѣчная сила пропадаетъ даромъ. Сколько ужасныхъ страданій было бы избѣгнуто, если бы наркотики были нами изучены ранѣе. Мы бы могли написать цѣлую книгу для иллюстраціи нашей мысли. Никто не можетъ сомнѣваться, что передъ нашими глазами лежатъ тысячи другихъ неразгаданныхъ еще, не открытыхъ силъ. Неудивительно ли, что такъ называемые «христіане» бросаютъ милліоны денегъ на взаимное уничтоженіе и дерутся, какъ звѣри, изъ-за клочка земли, тогда какъ передъ ними разстилается великій океанъ невѣдомой истинны?

Въ прошломъ поколѣніи, дѣти часто выросли неграмотными, и это никого не беспокоило. Даже теперь еще часто слышатся упреки въ «излишней образованности», хотя, вѣроятно, рѣчь идетъ скорѣе о несоотвѣтствующемъ воспитаніи. Многие люди до сихъ поръ жалуются на расходы по образованію, не понимая, что невѣжество обходится гораздо дороже. Но если въ настоящую минуту всѣ наши дѣти получаютъ извѣстное образованіе *), то едва ли наша нынѣшняя система воспитанія правильна. Въ нашихъ школахъ обращаютъ слишкомъ мало вниманія на нравственное воспитаніе. Въ результатъ явилась теорія, что человѣкъ, нарушающій заповѣди, поступаетъ, конечно, дурно и причиняетъ много страданій другимъ, но зато самому ему лучше живется; жадность, снисходительность къ себѣ, необузданность, лѣнь, все это очень дурные, можетъ быть, но очень пріятные пороки; съ личной точки зрѣнія, единственно желательная жизнь—это жизнь, полная комфорта и удовольствій; добродѣтельная жизнь, какъ бы она ни была благородна и возвышена, ведетъ къ отреченію отъ самыхъ невинныхъ удовольствій, и, взятая въ цѣломъ, сводится къ полному самопожертвованію.

Это страшная ложь. Дурной человѣкъ не только не свободенъ, но онъ рабъ, рабъ худшихъ властителей—своихъ собственныхъ страстей.

Многіе молодые люди думаютъ почему-то, что въ порокѣ есть нѣчто молодецкое, забывая, что каждый слабохарактерный дуракъ можетъ быть порочнымъ. Чтобы быть добродѣтельнымъ, нужно быть му-

*) Дѣло идетъ объ Англіи.

жественнымъ; только добродѣтельный человѣкъ свободенъ вполне, порокъ—настоящее рабство. Извѣстнаго рода поведеніе унижаетъ человѣка совсѣмъ не потому, что оно дурно, но оно дурно, потому что оно унижаетъ его. «Счастливымъ можетъ быть только великій и хорошій человѣкъ», говоритъ лордъ Честерфилдъ.

Не одни легкомысленные, злые люди и эгоисты дѣлаютъ другихъ несчастными, думая, что они преслѣдуютъ свои собственные выгоды. Многие достойные люди считаютъ счастливую жизнь—грѣховной и рисуютъ добродѣтель, какъ нѣчто строгое и тяжелое.

Нельзя прожить безъ горя. Какое несчастье—одна потеря близкихъ и дорогихъ намъ людей! Вообще же, жизнь наша—такъ сложна, міръ такъ юнъ, и мы еще такъ мало знаемъ, что горе и страданія—неизбѣжны. Многие люди волнуются и мучаются тайной существованія; но хорошій и умный человѣкъ, исполняющій свой долгъ, никогда еще не бывалъ недоволенъ міромъ, какія бы у него ни были испытанія и горести.

«Нѣтъ такого долга,—говоритъ Сенека,—исполненіе котораго насъ не сдѣлало бы болѣе счастливыми, и нѣтъ такого соблазна, отъ котораго не нашлось бы лекарства». «Не упрекай природу,—говоритъ Мильтонъ,—она сдѣлала свое дѣло, ты же дѣлай свое». Мы можемъ быть увѣрены, что Богъ не создалъ бы природу столь прекрасной для зрѣнія и слуха, если бы не хотѣлъ, чтобы мы наслаждались. Нельзя представить себѣ, сколько человѣкъ приноситъ душевнаго спокойствія другимъ и сколько радости себѣ, поступая справедливо.

Изъ всѣхъ вѣковъ, нашъ, вѣроятно, самый чудесный, интересный и свѣтлый. Это наше счастье, и мы должны быть благодарны за это, но гордиться намъ нечего: мы тутъ не при чемъ.

Наслаждаясь благами жизни, мы не должны разсчитывать на однѣ радости; негѣпо думать, что можно прожить безъ заботъ, безъ горя и испытаній. Вальполь сказалъ, что «жизнь—комедія для того, кто думаетъ, и трагедія для того, кто чувствуетъ». Въ дѣйствительности же, жизнь—то комедія, то трагедія; во чаще всего она то, чѣмъ мы ее дѣлаемъ. Мы склонны ставить въ счетъ каждую минуту горя, тогда какъ цѣлые годы счастья проходятъ для насъ незамѣтно.

Мы не можемъ всегда разсчитывать на успѣхъ; сама природа терпитъ иногда неудачу. Но всегда слѣдуетъ быть бодрымъ и не отчаяваться.

Путь къ доброму совсѣмъ не узокъ и не тяжелъ, какъ думаютъ многіе, но найти его не всегда легко.

Иногда зло кажется пріятнымъ; но, уступая ему, мы покупаемъ временное удовольствіе цѣною будущаго горя. Мы продаемъ наше первородство, какъ Исавъ, за чечевичную похлебку, когда ради веселаго часа готовимъ себѣ долгіе годы сожалѣнія и раскаянія. Желая счастья, мы должны стремиться къ добру.

Счастье и богатство далеко не всегда идутъ вмѣстѣ, и многіе несчастны, хотя у нихъ, повидимому, есть все, чтобы быть счастливыми.

«Не всякій,—сказалъ Вовенаргъ,—можетъ достигнуть богатства и высокаго положенія, но всякій можетъ быть добрымъ, великодушнымъ и мудрымъ. Настоящее богатство заключается не въ томъ, что мы имѣемъ, а въ томъ, что мы изъ себя представляемъ; чѣмъ бѣльшими преимуществами мы пользуемся, тѣмъ больше наша отвѣтственность».

Не то важно, сколько мы сдѣлали, а сколько стремились сдѣлать, не то, имѣли ли мы успѣхъ въ жизни, а заслужили ли мы его?

Въ сущности, не дурная, а добродѣтельная жизнь—истинно-счастливая. Зло—настоящее самопожертвованіе.

Глава II.

Т а к т ъ.

Для успѣха въ жизни тактъ имѣетъ гораздо больше значенія, чѣмъ талантъ, но если онъ не врожденъ, то очень трудно пріобрѣтается. Успѣхъ, въ этомъ отношеніи, возможенъ только при большой внимательности къ чужимъ желаніямъ.

Никогда не слѣдуетъ упускать случая доставить другимъ удовольствіе. Вѣжливость обязательна со всѣми. «Учтивость,—говоритъ леди Монтэгю,—ничего не стоитъ и все покупаетъ». Она, дѣйствительно, покупаетъ много такого, чего ни за какія деньги не купишь. Всѣхъ, кого мы встрѣчаемъ на пути, слѣдуетъ стараться расположить къ себѣ. Бюрлей сказалъ королевѣ Елизаветѣ: «Если вы хотите обладать сердцами и кошельками людей, завоейте ихъ расположеніе».

Часто, при помощи такта, удается то, что не удается силѣ. Лили вспоминаетъ старую басню о солнцѣ и вѣтрѣ. «Однажды у солнца съ вѣтромъ возникъ споръ, кто изъ нихъ сильнѣе. Тутъ случился прохожій, и они рѣшились испробовать на немъ свою силу. Вѣтеръ сталъ страшно дуть и пытался сорвать съ него шубу. Но чѣмъ онъ дѣлался свирѣпѣе, тѣмъ плотнѣе закутывался въ шубу прохожій. Тогда выглянуло солнце и облило его горячими лучами. Прохожему стало жарко, и онъ снялъ не только шубу, но и сюртукъ. Вѣтеръ согласился, что солнце его побѣдило».

Шекспиръ сказалъ: «Ты легче побѣдишь улыбкой, чѣмъ мечомъ».

Слѣдуетъ всегда помнить, что людей легче вести, чѣмъ тащить; мягкостью можно большаго достигнуть, чѣмъ грубой силой.

Въ политикѣ есть хорошее правило: «Pas trop gouverner».

Нужно стараться приобрести, а еще больше заслужить довѣріе всѣхъ, съ кѣмъ мы сталкиваемся. Много людей сдѣлались вліятельными благодаря своей порядочности, а не талантамъ. Сидней Смитъ говоритъ о Франсисѣ Горнерѣ, который имѣлъ громадное вліяніе, не занимая никакого высокаго положенія, что на его лицѣ были отпечатаны всѣ десять заповѣдей.

Нужно стараться исполнять, насколько это возможно и разумно, чужія желанія, но не слѣдуетъ бояться сказать: «нѣтъ».

Всякій съумѣетъ сказать «да», хотя и не всякій съумѣетъ сдѣлать это пріятно, но гораздо труднѣе сказать: «нѣтъ». Сколько людей раззорилось потому, что они не умѣли сказать: «нѣтъ». Плутархъ рассказываетъ, какъ жители Малой Азіи сдѣлались рабами только изъ за того, что не могли сказать: «нѣтъ». Въ жизни очень важно умѣть сказать «нѣтъ», но еще важнѣе умѣть сказать это пріятно. Мы должны стараться, чтобы люди, съ которыми мы сталкиваемся, находили удовольствіе имѣть дѣло съ нами и пожелали вернуться къ намъ. Дѣла гораздо болѣе зависятъ отъ чувства и настроенія, чѣмъ мы предполагаемъ; всѣ любятъ хорошее обхожденіе; пріятныя и открытыя манеры иногда лучше устраиваютъ дѣло, чѣмъ какіе-нибудь погъ-процента.

Почти каждый человѣкъ можетъ быть пріятнымъ, если захочетъ. «Желаніе нравиться, это—по крайней мѣрѣ половина искусства нравиться», говоритъ лордъ Честерфильдъ. Съ другой стороны, никто не понравится, если этого не пожелаетъ. Въ молодости легче всего приобрести этотъ великій даръ; позднѣе, это очень трудно. Многие люди обязаны своими внѣшними успѣхами гораздо болѣе пріятному обхожденію, чѣмъ какимъ-нибудь серьезнымъ заслугамъ; съ другой стороны, многие очень достойные люди, съ добрымъ сердцемъ и добрыми намереніями, создаютъ себѣ враговъ одной внѣшней грубостью. Человѣкъ, умѣющій нравиться, самъ испытываетъ большее удовольствіе.

Въ жизни очень важны осторожность и хладнокровіе. Хладнокровный умъ имѣетъ столько же значенія, какъ и горячее сердце. Во всякихъ переговорахъ твердость и хладнокровіе неоцѣнимы; въ трудныя же и опасныя времена онѣ—единственное спасеніе человѣка.

На людей менѣе способныхъ никогда не слѣдуетъ смотрѣть

сверху внизъ. Никто не имѣетъ права гордиться своими способностями, точно такъ же, какъ никто не имѣетъ права гордиться унаслѣдованнымъ состояніемъ. Единственная заслуга человѣка заключается въ умѣніи ихъ примѣнять. Часто человѣкъ умнѣе, чѣмъ кажется; читать книги легче, чѣмъ узнавать людей. Въ этомъ отношеніи многое значить выраженіе глазъ. «Если глаза говорятъ одно, а языкъ другое, то опытный человѣкъ повѣритъ тому, что говорятъ первые», сказалъ Эмерсонъ.

Не слѣдуетъ слишкомъ довѣряться изъявленіямъ чрезмѣрной дружбы. Мужчины не влюбляются съ перваго взгляда въ мужчинъ, какъ и женщины—въ женщинъ. Если мало знакомый человѣкъ увѣряетъ насъ въ своей дружбѣ и общается многое, не слѣдуетъ ему вѣрять. Если онъ даже искрененъ, то все же говоритъ больше, чѣмъ думаетъ; если же нѣтъ, то онъ, навѣрное, чего-нибудь добивается. Не слѣдуетъ сразу вѣрять, что приобрѣлъ друга, точно также, какъ не слѣдуетъ подозрѣвать въ каждомъ врага.

Мы постоянно льстимъ себѣ, увѣряя, что мы—разумныя существа, но какъ часто мы не слушаемся разума! Мы—странныя, непослѣдовательныя созданія; очень часто мы дѣйствуемъ подъ вліяніемъ предразсудка или страсти. Выводъ изъ этого тотъ, что людей гораздо легче увлечь путемъ чувства, чѣмъ убѣжденія. Особенно это вѣрно по отношенію къ толпѣ.

Разсужденіе всегда нѣсколько опасно. Оно часто ведетъ къ охлажденію и недоразумѣніямъ. Можно выиграть споръ и потерять друга, а это—довольно плохой результатъ. Въ спорѣ, вообще, нужно, по возможности, уступать; если же нельзя согласиться, то слѣдуетъ это сдѣлать мягко. Очень мало людей сознаютъ себя побитыми въ спорѣ и, вообще, не любятъ этого. Если они даже сознаютъ себя побѣжденными, то и это еще не значить, чтобы они были убѣждены. Вопросъ въ спорѣ слѣдуетъ ставить ясно и кратко, и если довѣріе противника къ своему собственному мнѣнію поколеблется, то и это уже много; это первый шагъ къ побѣдѣ.

Умѣніе вести разговоръ—это большое искусство. Не тѣ, кто больше всего говорятъ, лучше всего разговариваютъ. Умѣніе слушать почти такъ же важно, какъ умѣніе говорить. Раньше, чѣмъ судить и критиковать, нужно постараться понять чувство говорящаго. Если вы добры и сочувственно относитесь къ чужому горю или дѣлу, то къ вамъ часто будутъ обращаться за совѣтомъ, и вы будете имѣть удовольствіе успокаивать, утѣшать и помогать.

Въ молодости человѣкъ не долженъ требовать къ себѣ особаго вниманія; онъ долженъ сидѣть, слушать и присматриваться. Игра виднѣе со стороны. Молча и незамѣтно наблюдать за другими—все равно почти, что обладать шапкой-невидимкой.

Есть люди, которые не любятъ лишній разъ подумать; они оцѣняютъ васъ по вашимъ-же словамъ: «On ne vaut dans ce monde que ce que l'on veut valoir» *), говоритъ Ла-Брюэръ.

Нѣтъ ничего хуже, какъ наживать себѣ враговъ. «Не отвѣчай дураку, а то ты станешь походить на него», говоритъ одна половица. Мягкій отвѣтъ отклоняетъ гнѣвъ; но даже сердитый отвѣтъ лучше, чѣмъ насмѣшка: девять человекъ изъ десяти предпочтутъ гнѣвъ и даже оскорбленіе—насмѣшкѣ. Ничего не забываютъ люди съ такимъ трудомъ, какъ то, что ихъ сдѣлали смѣшными.

«Пріятнѣй ошибаться, чѣмъ разочаровываться». Афинянинъ Тразилай сошелъ съ ума и вообразилъ, что всѣ корабли Пирея принадлежатъ ему; когда Критъ его вылечилъ, онъ сталъ горько жаловаться, что его обокрали. Лордъ Честерфильдъ говоритъ, что «терять друга изъ-за шутки—безуміе; но не меньшее безуміе—дѣлать себѣ врага изъ индифферентнаго и нейтральнаго лица, ради краснаго словца».

Не хорошо быть подозрительнымъ и всюду видѣть презрѣніе или насмѣшку. Если же дѣйствительно посмѣялись надъ нами, надо стать выше этого. Кто въ состояніи принять участіе въ шуткѣ и искренно посмѣяться надъ собой съ другими, тотъ повернетъ дѣло въ свою пользу. Такихъ людей любятъ всѣ, потому что они добродушны и умны. Если вы надъ собой посмѣетесь, то другіе не станутъ смѣяться надъ вами.

Свои мнѣнія слѣдуетъ отстаивать твердо, не боясь ни осужденія, ни насмѣшки. Ничего нѣтъ смѣшного въ правдиво высказанномъ мнѣніи, тогда какъ человекъ, желающій казаться не тѣмъ, чѣмъ онъ есть, смѣшенъ всегда. Часто люди сердятся и ссорятся изъ-за воображаемой обиды, вслѣдствіе своей подозрительности.

Слѣдуетъ быть откровеннымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сдержаннымъ. Не хорошо много говорить о себѣ, ни за себя, ни противъ себя; пусть другіе говорятъ о себѣ, что хотятъ: очевидно, это имъ нравится, и если вы будете слушать ихъ, то только выиграете въ ихъ мнѣніи. Во всякомъ случаѣ не показывайте человекъ, что вы считаете его дуракомъ, если вы не принуждены это сдѣлать. Если вы ему это покажете,—онъ въ правѣ обидѣться. Вы можете ошибиться, а онъ будетъ имѣть основаніе создать себѣ невыгодное мнѣніе о васъ.

Боркъ сказалъ однажды, что не могъ бы произнести обви-

*) Каждый стоитъ въ свѣтѣ столько, во сколько онъ самъ хочетъ себя цѣнить.

нительный приговоръ цѣлой націи. Точно также несправедливо нападать на цѣлый классъ или профессію. Отдѣльныя личности забываютъ и прощаютъ, но цѣлыя общества—никогда. Вообще же, обиду легче забыть, чѣмъ оскорбленіе, а оскорбленіе легче забыть, чѣмъ насмѣшку. Ничто такъ не раздражаетъ, какъ насмѣшка. Вы никогда не выиграете дѣла тѣмъ, что выведете людей изъ себя или выставите ихъ въ смѣшномъ видѣ.

Въ своихъ «Разговорахъ съ Екерманомъ» Гёте замѣтилъ: «Англичане держатъ себя въ обществѣ такъ увѣренно и спокойно, что можно подумать, будто они вездѣ хозяева, и міръ принадлежитъ имъ». Екерманъ возразилъ, что англичане нисколько не умнѣе, не сердечнѣе и не лучше воспитаны, чѣмъ нѣмцы. Гёте отвѣчаетъ: «Не въ томъ дѣло; ихъ превосходство заключается не въ этомъ, не въ ихъ происхожденіи, и не въ ихъ воспитанности: но они имѣютъ смѣлость быть тѣмъ, чѣмъ ихъ создала природа. Они—цѣльные люди. Можетъ быть, иногда они—и цѣльные дураки, я не спорю, но и это имѣетъ свою цѣну».

Во всякихъ переговорахъ и дѣлахъ слѣдуетъ быть терпѣливымъ. Иногда человѣкъ болѣе признателенъ вамъ за то, что вы выслушали его рассказъ, чѣмъ за то, что вы исполнили его просьбу.

✓ Главное же, никогда не слѣдуетъ выходить изъ себя. Если же это случится, — нужно стараться скрыть свое раздраженіе и быть сдержаннымъ въ рѣчи. ✓

✓ Никогда не слѣдуетъ напрашиваться туда, гдѣ мы не нужны. Найдется достаточно мѣста всѣмъ. ✓

Нѣкоторые люди имѣютъ несчастную способность говорить невпопадъ, намекать на печальныя или непріятныя воспоминанія и поселять раздоръ.

Нѣтъ болѣе важнаго знанія, какъ знаніе людей. Очень важно знать, кому можно довѣряться, кому нѣтъ; а еще важнѣе—знать, въ чемъ и въ какой степени можно довѣряться. Но это не легко. Важно умѣть выбрать друзей, товарищей и исполнителей. Каждый человѣкъ долженъ быть на своемъ мѣстѣ. Конфуцій сказалъ: «Если ты подозрѣваешь человѣка, то не употребляй его въ дѣло; если же ты употребляешь его въ дѣло, то не подозрѣвай».

Кто склоненъ къ довѣрчивости,—чаще правъ, чѣмъ тотъ, кто склоненъ къ подозрительности.

✓ Довѣріе должно быть полное, но не слѣпое. Не смотря на всю свою мудрость, Мерлинъ погубилъ себя, неосторожно согласившись на просьбу Вивіены: «во всемъ довѣряться, или ни въ чемъ».

Слѣдуетъ всегда быть сдержаннымъ и не бодтаться о своихъ

личныхъ дѣлахъ. Иначе, скоро всѣ будутъ знать то, что мы сказали немногимъ. «Уста мудраго человѣка—въ его сердцѣ,—сказалъ Конфуцій,—а сердце дурака—на его устахъ, потому что дуракъ говоритъ все, что знаетъ и что думаетъ».

✓ Нужно, какъ можно чаще, обращаться къ своему разуму; онъ не безгрѣшенъ, конечно; но наши поступки будутъ правильнѣе, если они будутъ всегда обдуманнны.

Слово—серебро, а молчаніе—золото. ✓

✓ Многие говорятъ не потому, что у нихъ есть что сказать, а изъ любви къ болтовнѣ. Процессъ рѣчи долженъ бы быть скорѣе упражненіемъ мозга, чѣмъ языка. Говорливость, т.-е. страсть говорить ради самого процесса, страшно мѣшаетъ успѣху въ жизни. Въ пылу разговора, люди невольно, безъ всякой цѣли, говорятъ вещи, въ которыхъ потомъ раскаиваются.

Эта необузданность рѣчи даетъ поводъ ко многимъ огорченіямъ и непріятностямъ въ жизни. Болтливость раздражаетъ того, кто дѣлается ея предметомъ, порождаетъ и разжигаетъ обиды и недоразумѣнія, которыя позабылись бы сами собой. ✓

Плутархъ рассказываетъ, что на одномъ собраніи спросили Демарата, почему онъ молчитъ—оттого ли, что онъ дуракъ, или оттого, что не умѣетъ говорить? Демаратъ отвѣчалъ: «Дуракъ не умѣетъ молчать». А Саломонъ сказалъ: «Если ты видишь человѣка, не сдержаннаго на словахъ,—знай, что на него можно положиться не болѣе, чѣмъ на дурака».

✓ Никогда не слѣдуетъ стараться выказывать свое превосходство: ничто такъ не раздражаетъ людей, какъ если имъ дать почувствовать ихъ ничтожество. ✓

Не хорошо быть слишкомъ самоувѣренннмъ. Можно оказаться неправымъ, не смотря на всю свою увѣренность; память иногда удивительно измѣняетъ, даже глаза и уши могутъ ошибаться. Наши самые дорогіе намъ предразсудки могутъ оказаться недостаточно обоснованными. Между тѣмъ, если человѣкъ правъ, то онъ ничего не потеряетъ, если выскажется не такъ самоувѣренно.

Точно также, не слѣдуетъ слишкомъ самоувѣренно дѣйствовать и расчитывать на однѣ свои силы. Мало ли что можетъ случиться!

✓ Есть пословица: все достанется тому, кто умѣетъ ждать. Когда же случай представится, нужно умѣть имъ воспользоваться. «Тотъ, кто не хочетъ, когда можно,—захочетъ, когда будетъ уже поздно»: ✓

✓ Осторожность хороша, но въ извѣстныхъ предѣлахъ. Не слѣдуетъ бояться ошибки. «Человѣкъ, который никогда не ошибается, никогда ничего не сдѣлаетъ». ✓

Одѣваться нужно всегда аккуратно; разъ мы должны одѣваться—лучше одѣваться хорошо, чѣмъ плохо, хотя изысканность въ нарядахъ—тоже преувеличеніе. Слѣдуетъ, по возможности, выбирать хорошій матеріалъ. Удивительно, какъ часто люди судятъ по одеждѣ! Много людей успѣваютъ въ жизни благодаря своей вѣщности. И такъ, не слѣдуетъ пренебрегать ею. Глаза и уши открываютъ сердца людей; изъ сотни людей, которые будутъ васъ видѣть и слышать, одинъ, можетъ быть, будетъ знать васъ. Небрежность и неаккуратность въ одеждѣ заставляеть часто предполагать безпечность и въ другихъ вещахъ.

Въ обществѣ слѣдуетъ изучать тѣхъ людей, у которыхъ самыя лучшія и пріятныя манеры. Бэконъ говоритъ, что «манера дѣлаетъ человѣка», и что «пріятная наружность, это—постоянное рекомендательное письмо». Достоинство и знаніе не располагаютъ къ себѣ сердца, хотя они укрѣпляютъ расположеніе, когда сердце уже подкуплено. Обращеніе, видъ, движенія человѣка должны ласкать глаза, а его изящная и музыкальная рѣчь должна улаждать слухъ; сердце тогда, навѣрное, послѣдуетъ за зрѣніемъ и за слухомъ. Лордъ Честерфильдъ, говоря о своемъ сынѣ, замѣчаетъ: «Мнѣ говорятъ, что кто его ни знаетъ, всѣ его любятъ; я очень радъ, но я предпочелъ бы, чтобы онъ нравился до знакомства, а ужъ потомъ приобрѣлъ бы любовь. Плохо знаютъ людей, если этимъ пустякамъ не придаютъ значенія».

Граціи почти столько же помогаютъ человѣку въ жизни, какъ и музы. Отчего одному человѣку позволяютъ украсть лошадь, а другому не позволяютъ даже заглянуть черезъ заборъ? Потому что первый умѣетъ все пріятно сдѣлать, а второй—нѣтъ. Горацій говоритъ, что даже Меркурій, богъ краснорѣчія и искусствъ, былъ безсиленъ безъ грацій.

Глава III.

О денежныхъ дѣлахъ.

Въ Англіи не придаютъ большого значенія экономіи. Англичане много трудятся и зарабатываютъ хорошо, но другіе народы искусѣе въ экономіи. Одинъ мудрый старый квакеръ говорилъ: «Не то, что ты заработаешь, а то, что ты истратишь—рѣшитъ, будешь ты или нѣтъ богатымъ».

Но, помимо обогащенія, слѣдуетъ откладывать про черный день. Насъ возмущаетъ мѣщанская пословица: «когда бѣдность входитъ въ двери, любовь вылетаетъ въ окно», но грустно видѣть нужду жены и дѣтей, видѣть, какъ имъ недостаетъ пици, одежды, ме-

дицинской помощи, отдыха или перемѣны воздуха, и сознавать, что въ этомъ виновата наша непредусмотрительность. Конечно, экономія ради экономіи—непростительна, но экономія ради независимости—разумна и достойна вниманія.

Слѣдуетъ всегда аккуратно вести счеты. Конечно, не стоитъ записывать всякую мелочь, но слѣдуетъ всегда знать, сколько истратилъ и во сколько что обошлось. Ни одинъ человѣкъ, знающій свои доходы и расходы, не станетъ сумаспешествовать. Всѣ расточительные люди начинаютъ съ того, что закрываютъ глаза на свои поступки. Никто не захочетъ заглянуть прямо въ пропасть раззоренія.

Слѣдуетъ жить соразмѣрно своимъ доходамъ и хоть что-нибудь ежегодно откладывать. Но, главное, не нужно дѣлать долговъ. Диккенсъ говоритъ въ «Давидъ Копперфильдъ»: «Если человѣкъ имѣеть 20 фунтовъ дохода ежегодно, а тратить онъ будетъ 19 ф. 19½ шил., то въ результатѣ получится счастье. Если же онъ имѣеть 20 ф. ежегодно, а тратить будетъ 20 ф. и ½ шил., то въ результатѣ получится несчастье». А вѣдь въ обоихъ случаяхъ разница только въ одномъ пиллингѣ.

Безъ преувеличенія можно сказать, что долгъ—рабство. «Кто идетъ занимать — идетъ горевать», говоритъ пословица. Есть много непріятныхъ вещей въ жизни, но самая непріятная изъ всѣхъ, это—долгъ. Горацій Грилей справедливо сказалъ: «Долгъ несравненно хуже голода, холода, лохмотьевъ, тяжелой работы, подозрѣній и несправедливыхъ упрековъ. Никогда не дѣлай долговъ. Если у тебя всего 50 центовъ въ недѣлю, то купи горсть ржи и питайся ею; это будетъ лучше, чѣмъ занять у кого-нибудь одинъ долларъ».

Не слѣдуетъ отчаиваться, если вначалѣ трудно добыть денегъ,—когда-нибудь будетъ лучше; если же сразу денегъ будетъ много, то не нужно тратить всего, а отложить что-нибудь про черный день. Времена измѣняются, а расходы, обыкновенно, растутъ. Многие раззорились оттого, что имъ вначалѣ ошшовомъ везло.

Не слѣдуетъ мечтать о быстромъ обогащеніи.

Рѣдко кто составляетъ трудомъ большое состояніе, но каждый можетъ добиться порядочнаго существованія. Бѣдны не тѣ, кто мало имѣютъ, а тѣ, кому много нужно. Франклинъ сказалъ, что «содержаніе одного порока равняется по затратамъ воспитанію двухъ дѣтей».

Самые опытные и умные люди могутъ ошибиться; оттого не слѣдуетъ, по пословицѣ, «ставить все на одну карту». Мы съ ранняго дѣтства знаемъ, что два да два составляетъ четыре, но

два да два составляетъ также двадцать два. Арифметическая формула—дважды два—четыре—совершенно вѣрна, но въ жизни она можетъ оказаться не всегда примѣнимой. Слѣдуетъ быть очень осторожнымъ.

Спокойствіе очень важно въ жизни. Говорятъ, что лордъ Брауэмъ никогда не удавался на фотографіи, потому что не могъ спокойно посидѣть.

Баджготъ имѣлъ обыкновеніе говорить, что многіе раззорились потому, что не могли спокойно посидѣть въ комнатѣ.

Мы всѣ—люди дѣловые въ извѣстномъ смыслѣ. Каждый изъ насъ долженъ исполнять свои обязанности, вести хозяйство и распредѣлять расходы, а маленькія дѣла часто стоить же трудны и хлопотливы, какъ и большія.

Успѣхъ въ дѣлахъ гораздо болѣе зависитъ отъ здраваго смысла и заботливаго вниманія, чѣмъ отъ гениальности. Ксенофонтъ рассказываетъ, что одинъ персидскій царь, очень заботился о своемъ конѣ и спросилъ у опытнаго человѣка, какъ сдѣлать, чтобы конь его разжирѣлъ. Отвѣтъ былъ таковъ: «Все сдѣлаетъ хозяйскій глазъ». Есть поговорка: «Заботься о своей лавкѣ, и лавка о тебѣ позаботится».

Очень важно выработать въ себѣ дѣловыя привычки. Люди неаккуратные, медленные, упрямые въ мелочахъ, не имѣютъ успѣха въ дѣлахъ.

Порядокъ и метода необходимы въ маленькихъ, какъ и въ большихъ дѣлахъ. Каждая вещь должна быть на своемъ мѣстѣ,—соблюдайте это золотое правило. Маленькій трудъ убрать вещи, когда онѣ больше не нужны, избавляетъ отъ большого труда ихъ отыскивать, когда онѣ снова понадобятся.

Ксенофонтъ сравниваетъ безпорядокъ съ земледѣльцемъ, который кидаетъ въ одинъ и тотъ же амбаръ пшеницу, ячмень, горохъ, и затѣмъ, когда ему надо спечь хлѣбъ или сварить гороховый супъ, долженъ все разбирать зерно за зерномъ.

Все должно быть въ порядкѣ, все должно быть подъ рукою на случай надобности. Во время бури на морѣ некогда искать на кораблѣ, что нужно. Все должно быть готово и на своемъ мѣстѣ.

Многіе философы, начиная съ Аристотеля и кончая Карлейлемъ, съ презрѣніемъ относились къ купцамъ, или, вѣрнѣе, къ торговлѣ, какъ къ профессіи. Платонъ лишилъ купцовъ гражданскихъ правъ въ своей республикѣ; это унизительное, по его мнѣнію, занятіе онъ хотѣлъ предоставить иностранцамъ. Такъ много людей занимается торговлей, что было бы весьма печально, если бы ихъ профессія была несовмѣстима съ порядочностью и мѣшала ихъ

культурѣ. Къ счастью, это не такъ. Конечно, дѣловые люди могутъ только въ часы досуга заниматься своимъ духовнымъ развитіемъ, но много выдающихся англійскихъ ученыхъ, литераторовъ и поэтовъ были въ то же время купцами.

Многіе великіе, самые лучшіе и счастливые, люди были бѣдны. Дружная, совмѣстная работа, любовь, высокія цѣли могутъ освѣтить самую убогую обстановку.

Столько великихъ людей было бѣдными, что становится понятнымъ изрѣченіе Магомета: «Богъ выбиралъ въ пророки только пастуховъ».

Обыкновенно, придаютъ слишкомъ много значенія деньгамъ. Простая пища — самая здоровая; хорошо приготовленный простой обѣдъ можетъ доставить столько же удовольствія, какъ и богатый пиръ. Книги теперь страшно дешевы *). А можно ли купить за деньги здоровье, геній, друзей, красоту и счастливую семейную жизнь?

Конфуцій говоритъ: «Князь Тце былъ страшно богатъ, но никто его не любилъ; Пей-ке умеръ съ голоду, но народъ его до сихъ поръ оплакиваетъ».

Богатые люди живутъ часто въ такихъ хлопотахъ и такой суетлукѣ, что не имѣютъ времени подумать объ умственномъ и тѣлесномъ здоровьи.

Всѣ цѣпи тягостны, даже золотыя. Золото часто служитъ источникомъ большого безпокойства. Богачи не господа, а рабы своихъ денегъ, такъ что богатство дѣлается иногда не только заботой, но и мученіемъ для своего обладателя.

Многіе раззорились именно изъ-за денегъ, и, въ общемъ, бѣднякъ, можетъ быть, меньше безпокоится о своихъ денежныхъ дѣлахъ, чѣмъ богатый.

Богатство можетъ принести счастье только мудрому. Человѣкъ, страстно мечтающій о богатствѣ, всегда останется жалкимъ бѣднякомъ.

Чтобы наслаждаться богатствомъ, не слѣдуетъ вкладывать въ него душу.

«Жалкое состояніе души, — говоритъ Бэконъ, — когда мы многого боимся и мало чего желаемъ».

Богатство — большое искушеніе для скупости. «Бѣдному человѣку многое нужно, — говоритъ Сенека, — но богатому человѣку нужно все».

Погоня за богатствомъ отнимаетъ время и вниманіе отъ возвышенныхъ, болѣе благородныхъ предметовъ. Богатство хорошо,

*) Дѣло все идетъ объ Англій.

«міръ вождій», № 3, мартъ.

когда оно прибавляетъ нѣчто къ жизни, а не отнимаетъ. Бѣдность называютъ «невѣстой студента». «Кто имѣетъ крылатую колесницу, — не нуждается въ лошадяхъ и каретахъ», сказалъ Эмерсонъ.

Мы очень характерно выражаемся о деньгахъ. Мы говоримъ, что люди дѣлаютъ деньги, или, что они сотканы изъ денегъ, или, что они катаются въ деньгахъ, но мы рѣдко слышимъ, чтобы люди «наслаждались» деньгами. Кто копить деньги,—рѣдко пользуется ими самъ.

Когда деньгами умѣютъ пользоваться, онѣ получаютъ большое значеніе. Не даромъ говорятъ, что золото—сила. «L'argent,—сказалъ одинъ остроумный французъ,—est le Souverain des Souverains». (Деньги—властелинъ всѣхъ властелиновъ). Деньги даютъ намъ возможность приобрести все, чего мы хотимъ. Деньги даютъ свѣжій воздухъ, книги, музыку; деньги даютъ досугъ, т.-е. возможность заниматься своимъ духовнымъ развитіемъ и отдыхать; деньги даютъ возможность путешествовать, увидѣть міръ и наслаждаться чудными картинами природы; деньги—это средство помогать друзьямъ, утѣшать нуждающихся.

«Держите же ихъ,—говоритъ Свифтъ,—въ своей головѣ, а не въ сердцѣ».

Скряга тотъ, кто любитъ деньги ради денегъ, кто доводитъ экономію до крайности, кто просто превращается въ «загребистую лапу». Въ жизни мы должны научиться—быть свободными отъ мелкихъ и низкихъ заботъ, а любовь къ деньгамъ—одна изъ самыхъ низкихъ.

Великая вещь—мудро пользоваться богатствомъ.

Нужно быть великодушнымъ, но не слѣдуетъ быть расточительнымъ.

Деньгами гордиться—глупо. Слѣдуетъ помнить, что богатство—великая отвѣтственность. Мы отвѣчаемъ за то, какъ мы распорядились деньгами.

«Не деньги, а любовь къ деньгамъ—корень зла», говорится въ библіи.

А въ нагорной проповѣди говорится:

«Не собирайте себѣ сокровищъ на землѣ, гдѣ моль и ржа истребляютъ, и гдѣ воры подкапываютъ и крадутъ».

«Но собирайте себѣ сокровища на небѣ, гдѣ ни моль, ни ржа не истребляетъ, и гдѣ воры не подкапываютъ, и не крадутъ».

«Ибо гдѣ сокровища ваше, тамъ и сердце ваше».

А. К.

(Продолженію слѣдуетъ).

ТЕКУЩІЯ ЗАМѢТКИ.

Неопредѣленность понятія «народъ» въ нашей «народнической» литературѣ.— Вытекающія отсюда противорѣчія. — Какъ образчикъ послѣднихъ книга А. Пругавина «Запросы народа и обязанности интеллигенціи». — Положительныя стороны этой книги. — Два слова по поводу «Обзора» народно-учебной литературы С.-Петербургскаго Комитета грамотности. — Какимъ оружіемъ надо бороться съ издателями Никольскаго рынка. — Наша забывчивость къ памяти выдающихся дѣятелей. — «Юридическія поминки» А. Ѳ. Кони. — Его блестящія характеристики. — Любопытная страничка изъ прошлаго, имъ приводимая.

Что такое народъ?

Этотъ вопросъ, повидимому, столь простой и нехитрый, удивительно какъ запутался въ нашей литературѣ, хотя, въ отличіе отъ всѣхъ прочихъ европейскихъ литературъ, именно ему она посвящала больше всего вниманія. Въ теченіи 30-ти послѣднихъ лѣтъ создалась даже особая, такъ называемая, «народническая» литература, исключительно работавшая надъ выясненіемъ тѣхъ отношеній, какія должны быть между народомъ и интеллигенціей, и до сихъ поръ не выяснившая, что-же собственно понимать надлежитъ подъ ея таинственнымъ «народомъ».

Не рѣшивъ этого кореннаго вопроса, наше «народничество» запуталось въ массѣ противорѣчій, образчикомъ которыхъ можетъ служить и книга г. Пругавина «Запросы народа и обязанности интеллигенціи», вышедшая недавно вторымъ изданіемъ. Нѣкоторыя разсужденія автора отдають теперь анахронизмомъ, производятъ впечатлѣніе чего-то отжившаго, своего рода «жалкихъ словъ», щедро расточаемыхъ г. Пругавинымъ по адресу нашей интеллигенціи.

Народничество досталось намъ, какъ законное наслѣдіе крѣпостнаго права. Съ отмѣной послѣдняго не могло исчезнуть сразу его глубокое вліяніе на всѣ стороны нашей жизни. Общественная совѣсть, удрученная сознаніемъ великой несправедливости этого права, не могла не остановиться надъ вопросомъ, какъ заглядеть

*

ее? И литература тогдашняго времени выдвинула въ отвѣтъ идею «долга» и «расплаты», причемъ незамѣтно для всѣхъ совершена была другая несправедливость: «историческій грѣхъ» (если, вообще говоря, подобные грѣхи мыслимы) былъ взваленъ на интеллигенцію. Съ тѣхъ поръ извѣстная часть послѣдней (съ постоянствомъ, достойнымъ лучшаго назначенія) продолжаетъ бичевать себя за этотъ «историческій грѣхъ».

Разбираться теперь, чей былъ «грѣхъ», нѣтъ никакой надобности. «Кто виноватъ—у судьбы не доспросишься, да и не все-ли равно?» Тѣмъ болѣе, что съ фактической отмѣной крѣпостнаго права народъ сравненъ съ интеллигенціей въ *гражданскихъ* правахъ, и, слѣдовательно, исчезла всякая почва для противопоставленій между «нами» и «имъ». Съ исчезновеніемъ привилегій, когда-то основанныхъ на крѣпостномъ правѣ, исчезло и отличіе народа отъ интеллигенціи: эти обѣ категоріи слились въ одно неразрывное цѣлое, въ томъ смыслѣ, какъ слово «народъ» понимается вездѣ. Когда нѣмецъ, французъ или англичанинъ говорятъ «народъ», то въ этомъ словѣ они объединяютъ все, что не составляетъ «правительство», и никому не придетъ въ голову при этомъ выдѣлять изъ народа какого-нибудь Вирхова, Пастера или Гладстона.

Народники-же, настаивая на своемъ противоположеніи, впадаютъ иной разъ въ забавное высокомеріе, несмотря на все свое преклоненіе предъ народомъ. Приведемъ, напр., одно мѣсто изъ книги г. Пругавина. Рассказывая о пристрастіи крестьянъ къ картинкамъ, онъ говоритъ:

«По этому поводу намъ невольно вспоминается слѣдующій, по нашему мнѣнію, глубоко *трагическій* (курсивъ нашъ) народный разговоръ, записанный однимъ изъ статистиковъ московскаго земства.

«Старикъ-крестьянинъ, возвращаясь откуда-то домой, выѣстъ съ своей женой, нашель на дорогѣ исписанный листокъ писчей бумаги.

«— Крестись, старуха, — говорятъ онъ, обращаясь къ женѣ, — у насъ теперь дома грамотка завелась!

«— А ты, старикъ, — отвѣчаетъ жена, — прилѣпи грамотку-то на стѣну: *все въ избѣ-то повеселѣе будетъ* (курсивъ автора).

«Такъ скромны эстетическія требованія мужика, придавленнаго нуждой, но въ то же время и такъ живучи» (стр. 284).

Г. Пругавинъ тронуть такой живучестью въ мужикѣ потребностей высшаго порядка, не замѣчая, что въ сущности его умиленіе обидно для «народа». Въ самомъ дѣлѣ, что тутъ особеннаго, чѣмъ можно бы и стоило «тронуться»? Вѣдь, не былъ бы онъ тронуть, если бы кто-нибудь изъ его друзей-интеллигентовъ пожелалъ украсить стѣны своей комнаты картинкой. Ему показалось бы такое желаніе вполне простымъ и естественнымъ.

Для г. Пругавина потребовалась цѣлая книга, чтобы убѣдить себя въ слѣдующихъ истинахъ: «1) народъ желаетъ учиться; 2) народъ желаетъ читать; 3) народъ жаждетъ духовныхъ, нравственныхъ впечатлѣній». И только послѣ тщательнаго разсмотрѣнія всѣхъ «за» и «противъ», г. Пругавинъ заявляетъ: «Смѣемъ думать, что намъ удалось установить достаточно прочно эти три главныя положенія».

Вопросъ не въ томъ, желаетъ ли народъ учиться и есть ли у него высшія потребности, а въ томъ, какъ и кто долженъ удовлетворить его «запросы»?

Какихъ только школъ ни изобрѣтаемъ мы для народа,—вплоть до школъ г-жи Штевенъ, которыя, по совѣсти, можно назвать только школами «безграмотности». Въ этомъ смыслѣ и высказался противъ нихъ въ прошломъ году Московскій Комитетъ грамотности. «Хотя молодые учителя (15—16 лѣтъ), сами недолго учившіеся и по-прежнему участвующіе лѣтомъ во всѣхъ полевыхъ работахъ, не особенно отличаются умственнымъ развитіемъ отъ своихъ учениковъ, но это же самое обстоятельство дѣлаетъ то, что ихъ небольшое умственное и нравственное превосходство ближе и понятнѣе крестьянскимъ дѣтямъ и потому легче ими усваивается» (стр. 486). Можетъ быть, это «небольшое умственное и нравственное превосходство» учителей и совсѣмъ излишне? Тогда «усвоеніе» было бы облегчено до крайности... Приведа эту выписку изъ статьи г-жи Штевенъ, г. Пругавинъ не дѣлаетъ никакихъ оговорокъ, и читатель впадаетъ въ невольное заблужденіе, что и г. Пругавинъ раздѣляетъ подобный взглядъ на дѣло народнаго просвѣщенія. Никому, конечно, и въ голову не придетъ рекомендовать интеллигенціи школы, въ которыхъ учителя обладали бы «небольшимъ умственнымъ и нравственнымъ превосходствомъ»? И не только предлагать, но даже видѣть въ этомъ условіе благопріятное.

Врядъ ли кто отрицаетъ теперь необходимость бороться съ не-вѣжествомъ народа, какъ съ такимъ зломъ, которое подрываетъ всѣ «благія начинанія», къ какой бы области они ни относились. Но нужно же разбираться въ вопросѣ. Г. Пыпинъ, возражая въ 1891 г. г. Пругавину, вполне справедливо возмущался филантропической постановкой вопроса, какъ это дѣлаетъ г. Пругавинъ и во второмъ изданіи своей книги. «Мы должны бы, кажется, — говоритъ г. Пыпинъ, — весь вопросъ ставить иначе — развивать мысли не о томъ, что какая-то «интеллигенція» обязана за что-то расплатиться съ народомъ, устраивая для него филантропическія школы, а о томъ, чтобы народное образованіе, независимо отъ всякой личной филантропіи, поставлено было тѣмъ нор-

мальнымъ образомъ, какимъ оно могло быть и было поставлено у другихъ народовъ; чтобы народъ пользовался извѣстной долей образованія не вслѣдствіе случайной благотворительности, а въ правильномъ законномъ порядкѣ вещей... Проповѣдь филантропіи питаетъ заблужденіе, отводитъ глаза отъ необходимости ставить вопросъ во всей его національной, государственной широтѣ»...

Въ предисловіи къ настоящему второму изданію г. Пругавинъ возражаетъ, что онъ и не имѣлъ въ виду возлагать на интеллигенцію дѣло народнаго просвѣщенія «во всемъ его объемѣ», а только ту часть его, которая заключается въ «заботахъ о внѣшкольномъ образованіи народа: изданіе книгъ, картинъ, распространеніе ихъ въ народной средѣ, устройство библіотекъ, читаленъ и книжныхъ складовъ, организація народныхъ чтеній и т. п. Но для выполненія этой программы «во всемъ ея объемѣ» необходимы извѣстныя условія. Что можно, интеллигенція дѣлаетъ.

Оставивъ въ сторонѣ эти разсужденія автора объ «обязанностяхъ», только затемняющія главные положенія г. Пругавина, можно найти въ его книгѣ не мало дѣльныхъ совѣтовъ и указаній чисто практическаго свойства, весьма полезныхъ для всякаго, кто бы пожелалъ поработать для народнаго образованія. Въ этомъ отношеніи на ряду съ его книгой можно поставить только «Систематическій обзоръ русской народно-учебной литературы», составленный по порученію С.-Петербургскаго Комитета грамотности, вышедшій недавно тоже вторымъ, значительно дополненнымъ изданіемъ. Появился пока первый отдѣлъ, именно «по родному языку», заключающій въ себѣ болѣе или менѣе полный разборъ тысячи слишкомъ (1.003) учебниковъ, руководствъ для учителей и книгъ обще-литературнаго содержанія, изданныхъ для народа. Нечего и говорить, насколько этотъ трудъ великъ по размѣрамъ и важенъ по своимъ практическимъ результатамъ, давая массу матеріала, изъ котораго каждый можетъ почерпнуть то, что больше отвѣчаетъ его задачамъ и цѣлямъ. «Обзоръ» смѣло можно рекомендовать, какъ справочную настольную книгу для всѣхъ, прикосновенныхъ къ дѣлу народнаго образованія.

Вторая часть «Обзора», въ которую вошли отзывы о книгахъ художественнаго содержанія, сопровождается руководящей статьей о необходимости для народныхъ учителей обще-литературнаго образованія и о требованіяхъ, какимъ должны удовлетворять книги, издаваемые для народа. Приведемъ небольшую выдержку изъ этой статьи:

«Народу слѣдуетъ давать, — говоритъ авторъ руководящей статьи, редакторъ этой части отдѣла В. П. Острогорскій, — только художественныя

произведенія, которыя могутъ образоватъ его чувства, воображеніе, вкусъ и умъ,—давать только такія сказки, басни, пѣсни, рассказы, повѣсти, которыя соединяютъ въ себѣ три условія: правду, добро, въ смыслѣ любви къ людямъ, и красоту, въ смыслѣ живости и складности, занимательности рассказа. Поэтому, собственно говоря, слѣдовало бы давать народу въ извѣстномъ выборѣ, сокращеніяхъ или незначительныхъ передѣлкахъ, *только сочиненія лучшихъ, талантливейшихъ* писателей (таковы: Кольцовъ, Крыловъ, Пушкинъ, Гоголь, Лермонтовъ, Жуковский, Шевченко, Никитинъ, Тургеневъ, Григоровичъ, Мей, Майковъ, Гончаровъ, Даль, Погоский, Кожановская, гр. Л. Толстой, А. Потѣхинъ, Некрасовъ, Марко-Вовчокъ, Гребенка, Данилевскій и др.). Но пока, къ крайнему сожалѣнію, отдѣльными изданіями избранныя для народа сочиненія этихъ авторовъ вышли далеко еще не всѣ, приходится выбирать и изъ менѣе талантливыхъ писателей, работавшихъ для народа, *наиболѣе художественное*. Словомъ, первое, что должно имѣть въ виду при выборѣ чтенія, это—непремѣнно *талантъ писателя, художественность произведенія*. Никакія поучительныя, нравственныя повѣсти или басни и сказки, написанныя народными доброжелателями, со всякими благими разсужденіями, поясненіями и поддѣлкой подъ народную рѣчь, никакія даже талантливыя, но пустыя по содержанію сказочки, собственно не должны имѣть вѣсъ мѣсто» (стр. 97)

Справедливость этого взгляда врядъ ли кѣмъ отрицается въ настоящее время, хотя на дѣлѣ это далеко еще не оправдывается, и до сихъ поръ наша «народная» литература имѣетъ характеръ по преимуществу *поучительный* и менѣе всего художественный.

Въ своей книгѣ г. Пругавинъ приводитъ интересныя данныя, въ какомъ количествѣ расходятся въ народѣ изданія Никольскаго рынка. Они идутъ въ народную среду въ милліонахъ экземпляровъ, тогда какъ «народныя» изданія интеллигенціи или совсѣмъ не расходятся, или же тысячами, много десятками тысячъ. Г. Пругавинъ, а съ нимъ и многіе «народные доброжелатели», видятъ причину медленности распространенія въ плохой организаціи дѣла, въ нашей неумѣлости. Онъ рассказываетъ,—намъ въ примѣръ и поученіе,—много интереснаго о ловкости офеней и ихъ замѣчательной организаціи и даетъ странный совѣтъ интеллигенціи—взвалить себѣ на плечи короба съ ея изданіями для народа и отправиться самой распространять ихъ. И такъ какъ нѣтъ такого совѣта, котораго кто-нибудь да не послушался бы, то и этотъ совѣтъ пришелся нѣкоторымъ по душѣ. Дѣло не въ томъ, что изъ этого вышло, а въ странности самаго объясненія нашихъ неудачъ. Тотъ же офеня, конкурировать съ которымъ намъ во всякомъ случаѣ не по силамъ, сталъ бы охотно распространять наши изданія, если бы это было для него выгодно. Тотъ же Никольскій рынокъ сталъ бы издавать наши «народныя» книжки, если бы замѣтилъ, что онѣ идутъ «ходко», что на нихъ есть спросъ. А разъ этого спроса нѣтъ, то сколько бы самыхъ «народолюбивыхъ»

офеней ни разошлось по свѣту съ легкой руки г. Пругавина, — имъ все-таки не вытѣснить изданій Никольскаго рыбка.

Какъ это ни печально, но правда прежде всего, — девять десятыхъ нашихъ изданій для народа до того скучны, хотя и высоко-нравственны, что читать ихъ можно только за наказаніе. Что же удивительнаго, если народъ отворачивается отъ нихъ равнодушно и беретъ съ охотою «Милорда»? При всей своей негѣпости, этотъ «Милордъ» очень занимателенъ для простаго читателя. Его «безъ скуки слушать можно», а «въ искусствѣ всѣ роды хороши, кромѣ скучнаго». Эту мысль Вольтера издатели Никольскаго рынка отлично усвоили, и борются съ ними надо тѣмъ же оружіемъ.

Народъ, какъ и мы, читаетъ книги не только съ цѣлью найти въ нихъ поученіе, а и съ цѣлью развлечься, уйти на минутку отъ дѣйствительности, забыть ее и въ мірѣ фантазіи пережить то, въ чемъ отказываетъ окружающая жизнь. Чѣмъ послѣдняя суровѣе, непригляднѣе, тяжелѣе, тѣмъ естественнѣе и сильнѣе желаніе отвлечься отъ нея какимъ бы то ни было средствомъ. Г. Пругавинъ справедливо называетъ «Милорда» *) и ему подобные «глубочные» романы — «гнусными книгами», забывая одно, что къ нимъ нельзя прилагать только нашу мѣрку.

Въ одномъ изъ разсказовъ г. Короленко («Атъ-Даванъ») есть прелестное мѣсто, очень характерное для отношеній простаго читателя къ «глубочному» роману. Герой разсказа вспоминаетъ свою молодость и говоритъ, между прочимъ, о томъ вліяніи, какое имѣли на него и его невѣсту (Раису) всѣ эти «Милорды», «Гуаки» и «маркграфини».

«— Никакого грѣха! И въ мысляхъ не было, — оба младенцы чистые. Рая до чтенія была большая охотница, такъ въ этомъ больше и время проводили. Сначала Гуаки тамъ, рыцари разные, Французъ Венецыанъ, — чувствительныя исторіи!. Пустяки, конечно, а нравилось: маркграфиня, напр., бранденбургская, принцесса баварская, и при этомъ свирѣпый сераскиръ... Все такое-этакое... Возвышенныя персоны-съ и все насчетъ любви и вѣрности упражняются, претерпѣваютъ... Конечно, годовы молодыя!. Она мнѣ и разсказываетъ, что за день-то прочтала. Говоритъ, говоритъ, потомъ и задумается.

«— Вотъ, Васенька, говоритъ, какіе на свѣтѣ есть любители... Надо и намъ этакъ же. Можешь-ли ты въ испытаніи, напримѣръ, вѣрность сохранить?.. Вдругъ-бы ко мнѣ какой-нибудь свирѣпый сераскиръ присватался?

«Ну, я, конечно, съ своей стороны смѣюсь...

«— Да, — говоритъ и Рая, — наша жизнь есть совсѣмъ другая... Вотъ и студентъ тоже все смѣется, «а мнѣ, говоритъ, что-то скучно», — и вздохнетъ...»

*) Вотъ полное заглавіе этой, въ своемъ родѣ весьма любопытной, книги: «Повѣсть о приключеніяхъ англійскаго милорда Георга и бранденбургской маркграфини Фредерикки-Луизы, съ присовокупленіемъ къ оной исторіи бывшаго турецкаго визира Марцимириса и сардинской королевы Терезіи».

Именно—«что-то скучно»! Большинство нашихъ издателей для народа совсѣмъ не хотятъ, этого принять въ соображеніе. Для простаго читателя привлекательны не пошлыя сцены «лубочнаго» романа, а возвышенный характеръ общаго, что «вотъ какіе на свѣтѣ есть любители».

Этимъ замѣчаніемъ мы вовсе не имѣемъ въ виду защищать лубочную литературу. Нападая на изданія Никольскаго рынка и желая въ корень подорвать ихъ, надо обратить серьезное вниманіе на тѣ ихъ стороны, которыя дѣлаютъ ихъ столь привлекательными для народа.

Въ нашей литературѣ для народа есть, между прочимъ, одинъ существенный пробѣлъ, именно—полное почти отсутствіе біографій русскихъ выдающихся общественныхъ дѣятелей. Отчего это зависитъ? Не отъ того ли, главнымъ образомъ, что мы и сами ихъ плохо помнимъ. Люди, имена которыхъ составляютъ нашу гордость, заслужившіе глубокую благодарность современниковъ, навсегда исчезаютъ изъ нашей памяти. Развѣ потомъ, лѣтъ тридцать спустя, въ какомъ-нибудь изъ историческихъ журналовъ появятся ихъ записки или воспоминанія, по поводу которыхъ промелькнутъ двѣ-три замѣтки въ текущей печати. «Наша жизнь, — говоритъ г. Кони, — чрезвычайно впечатлительная въ первыя минуты потерь, затѣмъ быстро навѣваетъ на насъ холодъ забвенія и даже неблагодарности. Мы такъ торопимся забыть нашихъ товарищей и предшественниковъ, какъ будто, несмотря на вялость нашей умственной жизни, все куда-то неудержимо стремимся, не имѣя даже времени, чтобы оглянуться на вышедшихъ изъ строя, на покинутыхъ насъ навсегда».

Восполняя отчасти этотъ пробѣлъ, нашъ знаменитый юристъ А. Ѳ. Кони посвятилъ памяти своихъ товарищей и членовъ юридическаго Общества, умершихъ въ теченіи 1893—1894 г., „юридическія поминки“ *). Хотя въ своихъ характеристикахъ онъ касается преимущественно ихъ дѣятельности, какъ юристовъ, но рѣдкая художественность, съ которою г. Кони очерчиваетъ личность каждаго изъ нихъ, придаетъ его задушевнымъ словамъ глубокое общее значеніе.

«Смерть пронеслась въ эти полтора года надъ нами,—обращается г. Кони къ слушателямъ,—и вырвала изъ нашей среды людей, участіе которыхъ въ трудахъ общества и сочувствіе его цѣлямъ составляли то, что выражается

*) «Юридическія поминки и о новыхъ теченіяхъ въ уголовномъ процессѣ Италіи и Германіи». Изъ «Журнала Министерства Юстиціи». 1895 г. Печатано съ разрѣшенія министра юстиціи.

трудно-переводимымъ итальянскимъ словомъ «ambiente», обозначающимъ одновременно и обстановку, и условия, и свойства житейскаго явленія и положенія. Они—эти умерщє—съ разныхъ сторонъ и точекъ зрѣнія составляли то ambiente, которое необходимо для успѣшности безкорыстной работы юридическаго мышленія по теоретическимъ и практическимъ вопросамъ права, разработка которыхъ составляетъ задачу нашего общества.

Въ упомянутый періодъ Общество понесло громадную потерю въ лицѣ Алексѣя Михайловича Унковскаго, Виктора Антоновича Арцимовича, Евгенія Утина, Маркова и нѣсколькихъ другихъ, не столь видныхъ своихъ членовъ. О первомъ изъ нихъ уже упоминалось на страницахъ нашего журнала (въ декабрьской книгѣ «Міра Божьяго), по поводу превосходной біографіи его, написанной г. Джаншіевымъ. Характеризуя его дѣятельность въ рядахъ адвокатуры, г. Кони замѣчаетъ, что «А. М. Унковскій былъ примѣромъ той нравственной высоты, на которой можетъ и долженъ стоять присяжный повѣренный, и всю совокупность своей жизни далъ право, обращаясь къ его памяти, перефразировать извѣстный стихъ великаго поэта «чистѣйшей прелести чистѣйшій образецъ» словами «чистѣйшей чести чистѣйшій образецъ».

В. А. Арцимовичъ, какъ и Унковскій, игралъ видную роль при осуществленіи крѣпостной реформы и проведеніи въ жизнь судебныхныхъ установленій 1864 г. Въ качествѣ калужскаго губернатора, онъ явился «глубокимъ и безтрепетнымъ толкователемъ началъ, положенныхъ въ основу освобожденія крестьянъ, и приложеніи ихъ къ практическимъ условіямъ быта». Затѣмъ, какъ лицо, занимавшее въ судебномъ вѣдомствѣ одно изъ видныхъ мѣстъ, онъ былъ однимъ изъ самыхъ энергичныхъ и стойкихъ защитниковъ судебной реформы.

«Надписи на сенатскомъ вѣнкѣ у его гроба «Человѣколюбивому стражу закона» и на вѣнкѣ отъ неизвѣстныхъ «Отцу сиротъ» опредѣляютъ соборъ полюсы, между которыми, съ неистывающей энергіей и жаждой справедливости, двигалась его широкая мысль и билось его благородное сердце. Его голова блестяла умомъ и добротою въ засѣданіяхъ совѣта и общахъ собраніяхъ Юридическаго Общества; ея блѣдоснѣжныя сѣдины, подъ которыми скрывалась житейская теплота, напоминали собою снѣжную вершину вулкановъ далекаго, льдистаго и мглистаго сѣвера, внутри которыхъ, однако, горитъ вѣчное пламя и свѣтитъ вдалека»...

Иного рода была дѣятельность Е. И. Утина, этого «талантливейшаго адвоката въ средѣ литераторовъ и талантливейшаго литератора въ средѣ адвокатовъ». По словамъ г. Кони, онъ былъ «просвѣщенный чловѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ» и вполнѣ удовлетворялъ тѣмъ высокимъ требованіямъ, которыя жизнь предъявляетъ къ людямъ, посвятившимъ себя служенію правосудію. Онъ обладалъ широкимъ и глубокимъ образованіемъ, знакомствомъ съ исторіей искусства и литературою.

«Только благодаря имъ, можно не опасаться обратиться своего «служенія» въ ремесло. Этими знаніями надо запасаться въ возможно широкіхъ размѣрахъ, иначе обыденная рядовая дѣятельность заглушитъ въ дальнѣйшіе годы жизни то, въ чемъ служеніе должно искать себѣ опору и основаніе—живой общественный организмъ, а высшій предметъ правосудія—живой человѣкъ съ его несчастіями, паденіями и преступленіями, но и съ Божьей искрой, которая во всякомъ теплится—исчезаетъ изъ виду и замираетъ подъ мертвыми формулами, которыя тѣмъ болѣе несправедливы, чѣмъ болѣе приложимы ко всѣмъ безъ всякаго различія. Молодымъ юристамъ, входящимъ въ жизнь, такъ хочется сказать словами Гоголя: «Забирайте съ собою, выходя изъ мягкихъ юношескихъ лѣтъ въ суровое, ожесточающее мужество—забирайте съ собою всѣ человѣческія движенія—не оставляйте на дорогѣ, не подымете потомъ!» А къ этимъ движеніямъ, конечно, относятся и пылкость ума, и жажда новыхъ знаній».

Для характеристики А. А. Маркова, г. Кони приводитъ любопытную страничку изъ прошлаго, которая знакомитъ насъ съ тѣмъ впечатлѣніемъ, какое новый судъ—«равный для всѣхъ»—производилъ на тогдашнее общество и заграницей. Маркову пришлось вести дѣло о поджогѣ мельницы Овсянниковымъ, который, благодаря своему богатству, пользовался, конечно, огромнымъ влияніемъ въ столицѣ.

«Наши западные сосѣди, лукаво поглядывая въ нашу сторону, отказывались вѣрить, чтобы въ «подкупной» (bestechbare) странѣ видное общественное положеніе или большое богатство не служили прочной и непреборимой защитой противъ уголовного правосудія, примѣнимаго только къ бѣднякамъ. Изъ Петербурга пишутъ, — иронически восклицая «Кладерадачъ»,— «что *двенадцатикратный* (zwölfache) миллионеръ Овсянниковъ арестованъ. Непостижимо! Или у него вовсе нѣтъ 12 миллионъ, или же мы на-дняхъ услышимъ, что *одинадцатикратный* миллионеръ Овсянниковъ освобожденъ отъ преслѣдованія!..» Горечь этой оскорбительной ироніи какъ будто усиливалась тѣмъ, что въ прошломъ за Овсянниковымъ было свыше десяти судимостей низшими судами стараго устройства, изъ которыхъ онъ выходилъ съ самоувѣреннымъ торжествомъ, не смотря на то, что между этими дѣлами находились и дѣла о побояхъ, нанесенныхъ должностнымъ лицамъ. Судъ и присяжные совершали тяжелый трудъ по этому дѣлу съ честью, а хотя раздавались отдѣльные голоса, утверждавшіе, что Овсянниковъ осужденъ за свои прошлыя прегрѣшенія, а не за настоящее преступленіе, но если припомнить, что дѣло о такихъ, совершаемыхъ въ тайнѣ и съ оглядкой, преступленіяхъ, какъ поджогъ, не даютъ прямыхъ доказательствъ, особливо, когда обвиненіе сводится къ подстрекательству на поджогъ третьяго лица, и что въ разборѣ дѣла участвовали самыя блестящія силы защиты и обвиненія, то можно сказать, что въ предѣлахъ доступнаго человѣческому правосудію разумнѣя было совершено все возможное. Не даромъ, явѣстный глубиною своего ораторскаго таланта, повѣренный гражданскаго истца по дѣлу отвѣтилъ на обращенный къ нему упрекъ въ неприведеніи прямыхъ доказательствъ, а лишь косвенныхъ уликъ: «ну, да, у насъ лишь черточки и штрихи, но изъ нихъ составляются очертанія, а изъ очертаній буквы и слоги, а изъ слоговъ слово и слово это *поджогъ*!..» Но когда этотъ поджогъ произошелъ, оваривъ громаднымъ заревоиъ петербургское небо, то въ вызванномъ имъ пожарѣ было усмотрѣно

полиціей лишь простое «происшествіе», подлежащее, согласно ея сообщенію слѣдователю, погребенію подъ покровомъ 309 ст. уст. угол. суд. Тогдашній прокуроръ, задумавшись надъ причинами громаднго пожара, поручилъ Маркову произвести на мѣстѣ личное дознаніе. Оно продолжалось нѣсколько дней. Марковъ отдался ему всецѣло и результатомъ его добросовѣстнѣйшаго и кропотливаго труда было возбужденіе уголовного преслѣдованія противъ Овсянникова...

Таковы эти люди, служившіе «чистѣйшими образцами чистѣйшей честности» для своихъ товарищей, утверждавшіе судъ и право на новыхъ началахъ, при условіяхъ, требовавшихъ въ равной степени энергіи и осторожности, и вынесшіе на своихъ плечахъ тяжесть реформъ крѣпостной и судебной. И намъ понятны теплыя слова, которыми г. Кони оправдываетъ необходимость своихъ «юридическихъ поминокъ»: «Такіе люди становятся особенно дороги, когда усталая жизнь клонится къ закату и когда, въ лицѣ ихъ, одинъ за другимъ уходятъ соучастники свѣтлыхъ надеждъ, трудовъ и любви къ тому, съ чѣмъ связаны лучшіе годы жизни. Воспоминаніе о нихъ должно имѣть мѣсто въ засѣданіяхъ ученаго собранія, которому не слѣдуетъ оправдывать словъ Пушкина о томъ, что мы «лѣнны и не любопытны», хотя, къ сожалѣнію, это такъ бываетъ въ дѣйствительности»,—и тѣмъ болѣе воспоминація о нихъ должны быть дороги для общества и народа, который пользуется плодами ихъ самоотверженной дѣятельности.

А. Б.

ИЗЪ РУССКОЙ ЖИЗНИ И ЛИТЕРАТУРЫ.

Вопросы русской общественной жизни. Въ настоящее время многія земскія собранія заняты разсмотрѣніемъ новаго лѣчебнаго устава, выработаннаго медицинскимъ департаментомъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и разосланнаго для обсужденія въ губернскія земскія управы. Сущность новаго устава, въ общихъ чертахъ, заключается въ томъ, что управленіе земскими больницами передается изъ рукъ земства въ вѣдѣніе главныхъ врачей и больничныхъ правленій, состоящихъ изъ 5 лицъ, въ число которыхъ входитъ только одинъ представитель земства. Главные врачи, также какъ и члены больничныхъ правленій, опредѣляются и увольняются губернскимъ управленіемъ. Число кроватей въ каждой больницѣ должно быть заранее опредѣлено, и земство лишается права увеличивать или уменьшать количество ихъ, смотря по потребностямъ данной минуты. Цѣлый рядъ земствъ рѣшительно высказался противъ новаго лѣчебнаго устава, усматривая въ немъ нѣкоторыя затрудненія для успѣшнаго развитія медицинской помощи населенію. Такъ, напр., Самарская губернская управа, какъ передаетъ «Самарская газета», въ своемъ докладѣ земскому собранію высказываетъ слѣдующія соображенія:

«Управа сомнѣвается, чтобы послѣдствія, какія вызоветъ лѣчебный уставъ, отвѣчали тѣмъ ожиданіямъ

и желаніямъ правительства, какія имѣлись въ виду при его созданіи, сомнѣвается потому, что дѣло народной медицины при новой его постановкѣ, сравнительно съ существующими порядками, по ея мнѣнію, слѣдуетъ несомнѣнно шагъ назадъ. Всѣмъ памятно, какова была постановка лѣчебнаго дѣла и порядки въ больницахъ приказа общественного призрѣнія: эти больницы, находившіяся, какъ будетъ и при новомъ лѣчебномъ уставѣ, въ завѣдываніи врачей, были лишь жалкими народіями на больницахъ. Со времени передачи учреждений приказа общественного призрѣнія въ вѣдѣніе земскихъ учреждений, эти послѣднія не жалѣли ни нравственныхъ силъ, ни матеріальныхъ затратъ, чтобы обезпечить населеніе наилучшей медицинской помощью. Сравнительная табличка затратъ самарскаго земства по обезпеченію народнаго здоровья покажетъ постоянное стремленіе земства къ расширенію организаціи медицинской помощи».

Приведа затѣмъ данныя о расходахъ земства на народную медицину съ 1885 по 1893 г., изъ которыхъ видно, что затраты на это дѣло съ каждымъ годомъ возрастали и въ 1893 г. достигли крупной цифры 572.635 руб., газета продолжаетъ: «При помощи этихъ затратъ возможно было оставить дѣло на надлежащую высоту, возможно было всегда идти навстрѣчу народнымъ по-

требностямъ, прислушиваться къ открытіямъ науки и немедленно проводить ихъ въ жизнь, извлекая возможную пользу: сѣтъ уѣздныхъ больницъ, прекрасная губернская больница, обширная лѣчебница для душевно-больныхъ, Пастеровская станція, фельдшерско-акушерская школа, пріютъ подкидышей, борьба съ эпидеміями и эпизоотіями, и проч., наглядно свидѣтельствуютъ о заботахъ земства. Заботы эти и правительствомъ были замѣчены и оцѣнены по достоинству. Такіе результаты были достигнуты, главнымъ образомъ, благодаря тому, что земство чувствовало себя хозяиномъ, работало надъ «своимъ» любимымъ, имъ самимъ созданнымъ дѣломъ; это сознаніе, что не напрасны будутъ усилія, придавало энергію лучшимъ земскимъ дѣятелямъ».

Новый же лѣчебный уставъ, по мнѣнію Самарской губернской управы, неминуемо долженъ охладить энергію земства: «отсутствіе близости и тѣсной связи между земствомъ и лѣчебными заведеніями заставитъ смотрѣть на эти послѣднія, какъ на нелюбимыхъ и, главное, ускользающихъ отъ воздѣйствія насынковъ, какъ на чуждое неинтересное дѣло. Полнымъ хозяиномъ дѣла, вмѣсто земства, содержащаго, однако, его на свои средства, становится персоналъ врачей, въ формѣ правленія, чуждый, вѣроятно, всякихъ хозяйственныхъ знаній. Совершенно справедливо можно опасаться, что, при всей добросовѣстности врачей и солидности ихъ спеціальныхъ знаній, хозяйство ихъ будетъ нехозяйственно, оно пойдетъ въ ущербъ и земскому карману, и больничнымъ заведеніямъ, а, главное, въ ущербъ больнымъ. Это будутъ тѣ же порядки временъ приказа общественнаго призрѣнія, но едва ли лѣчебный уставъ при своемъ созданіи возвращеніе ихъ признавалъ желательнымъ».

Переходя далѣе къ обсужденію отдѣльныхъ частныхъ новаго устава. управа замѣчаетъ, что, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, система лѣченія въ постоянныхъ больницахъ, со строго установленнымъ количествомъ кроватей, представляетъ, по ея мнѣнію, большія неудобства. Она одна мало пригодна для удовлетворенія потребности населенія на прострествѣ уѣзда въ 40.000 кв. верстъ. Громадное большинство больныхъ не въ состояніи будетъ воспользоваться блгагами хорошо обставленныхъ больницъ. больной проташится до больницы десятки верстъ и услышитъ, что нѣтъ свободной вакансіи. Земская же помощь сама старалась идти навстрѣчу больному; для этого создавались летучіе отряды, временные врачебные и фельдшерскіе пункты, періодическіе объѣзды врачей и т. под. Земская помощь въ своей организаціи ушла далѣе тѣхъ рамокъ, какія намѣтилъ уставъ; многолѣтній опытъ приспособилъ ее къ особенностямъ существованія сельскаго населенія. Недостаточно одного лѣченія въ больницѣ, чтобы вылѣчить болѣзнь. Вылѣченный больной, возвращаясь въ тѣ же условія существованія, какія породили болѣзнь, неизбѣжно опять заболѣваетъ и опять идетъ къ доктору. Необходимо борьба съ коренными причинами разныхъ недуговъ; и въ этихъ цѣляхъ изученіе окружающей обстановки народа, его быта, возрѣній, привычекъ при помощи существующаго санитарнаго бюро поставило земскую медицину на путь радикальной помощи населенію. Этой радикальной помощи хотя бы и въ прекрасно обставленныхъ новыхъ больницахъ, гдѣ, однако, все будетъ дѣлаться по уставу, по формѣ, населеніе не получить.

Въ этомъ же смыслѣ высказались другія земства (напр. курское, тульское, черниговское, костромское, ввжегородское, московское и мн. др.). Подтвержденіемъ справедливости мнѣ-

ній вышеприведенныхъ земствъ можетъ служить положеніе медицинскаго дѣла въ губерніяхъ не-земскихъ. Въ № 3 «Недѣли» за текущій годъ помѣщена любопытная корреспонденція г. Я. Абрамова изъ Ставрополя-Кавказскаго, подъ заглавіемъ «Край безъ земства». Въ ней г. Абрамовъ сообщаетъ, что ставропольскій губернаторъ обратился къ населенію губерніи съ воззваніемъ, приглашая его къ пожертвованіямъ на устройство въ Ставрополѣ больницы имени покойнаго Императора Александра III. Въ этомъ воззваніи губернаторъ сообщаетъ любопытныя подробности о положеніи лѣчебнаго дѣла въ Ставропольской губерніи.

«Кому неизвѣстно, — говорится въ воззваніи, — что дѣло больничнаго призрѣнія находится въ Ставропольской губерніи въ самомъ плачевномъ ея состояніи. Единственная въ г. Ставрополѣ больница Ставропольскаго приказа общественнаго призрѣнія ветха, тѣсна и по размѣрамъ недостаточна для приема нуждающихся въ лѣченіи больныхъ; она должна бы принимать не болѣе 24 человекъ, между тѣмъ, въ лѣтнее время число больныхъ въ ней доходитъ до 50, а въ зимнее, осеннее и весеннее время даже до 100 человекъ. При такомъ переполненіи, неудобномъ устройствѣ зданій и невозможности обремонтировать и расширить ихъ, не можетъ быть и рѣчи о соблюденіи въ должной мѣрѣ врачебно-санитарныхъ требованій. Еще въ болѣе печальномъ и безотрадномъ положеніи находится состоящее при названной больницѣ отдѣленіе для умалишенныхъ. Самыя зданія этого отдѣленія, передѣланныя частью изъ сараевъ, существуютъ съ начала текущаго столѣтія и, по ветхости, поддерживать ихъ положительно невозможно. Насколько отдѣленіе это не удовлетворяетъ своему назначенію, можно видѣть изъ того, что число содержащихся въ немъ больныхъ до-

ходить до 35 человекъ, которыхъ приходится размѣщать въ отдѣленіяхъ, похожихъ скорѣе на клѣтки, чѣмъ на комнаты. Невозможность при этомъ размѣщать душевно-больныхъ по характеру ихъ болѣзни бываетъ нерѣдко причиною того, что страдающій тихимъ умопомѣшательствомъ, помѣщенный по необходимости вмѣстѣ съ буйнымъ больнымъ, переходитъ также въ буйное настроеніе и дѣлается безнадежнымъ, что, при лучшихъ условіяхъ, понятно, не имѣло бы мѣста. Вслѣдствіе того же недостатка въ помѣщеніяхъ многіе больные даже буйнымъ помѣшательствомъ не принимаются въ отдѣленіе, числясь долгое время кандидатами. Въ селеніяхъ, для безопасности отъ подобнаго рода больныхъ, обыватели прибѣгаютъ къ такимъ средствамъ, какъ приковываніе больныхъ на цѣпи, содержаніе ихъ при сельскихъ тюрмахъ и т. п.

Къ этимъ краснорѣчивымъ словамъ едва ли что-либо нужно добавлять. Не необходимо сказать, что насколько населеніе Ставропольской губерніи лишено больничной помощи, настолько же оно не можетъ пользоваться и амбулаторной врачебной помощью. Сельской медицины, подобной созданной во внутреннихъ губерніяхъ земствами, у насъ совсѣмъ нѣтъ. Стройная организація земской медицины съ ея сельскими больницами и больничными покоями, по нѣскольку на уѣздъ, съ сѣтью амбулаторій, охватывающихъ все населеніе, съ десяткомъ врачей на уѣздъ и лѣкарскими помощниками на особыхъ пунктахъ — все это совершенно неизвѣстно намъ».

Далѣе г. Абрамовъ касается того же вопроса, который разсматривался и на земскихъ собраніяхъ при обсужденіи новаго лѣчебнаго устава — вопроса о преимуществахъ организаціи немногихъ крупныхъ больницъ или многочисленныхъ мелкихъ амбулаторныхъ приѣмовъ, и склоняется къ

миѣнію земствъ о предпочтительности послѣдняго. Онъ говоритъ:

«Ставропольскій губернаторъ въ своемъ воззваніи дѣлаетъ изъ приведенной выше картины отсутствія въ губерніи больничной помощи выводъ о необходимости созданія въ Ставрополѣ «центрального благоустроеннаго лѣчебнаго заведенія». Нѣтъ никакого сомнѣнія, что если бы у насъ было земство, дѣятели его воспользовались бы опытомъ земскихъ учрежденій другихъ губерній, который повсемѣстно привелъ къ отрицанію цѣлесообразности устройства крупныхъ центральныхъ больницъ. Если и для амбулаторныхъ больныхъ чѣмъ ближе врачебная помощь, тѣмъ лучше, то тѣмъ еще болѣе необходимо приблизить къ населенію больничную помощь. Больница въ Ставрополѣ, несомнѣнно, будетъ имѣть большое значеніе для города, но населеніе губерніи и при наличности этой больницы будетъ оставаться въ такомъ же безпомощномъ положеніи, въ какомъ находится и теперь. Не повезутъ же тяжело больного за 100—150 верстъ въ больницу?»

Секта бѣлоризцевъ. Въ «Волжскомъ Вѣстникѣ» описывается существующая въ Симбирской губ. секта «бѣлоризцевъ». По словамъ газеты, основателемъ секты является крестьянинъ Писцовъ, уроженецъ Самарской губ. «Онъ воспитывался въ крайней бѣдности, такъ какъ остался послѣ родителей еще ребенкомъ. Не смотря на это, онъ, благодаря своему природному уму и бережливости, сколотилъ кое-какія деньжонки и занялся торговлею. Торговля дала ему новыя средства, и къ зрѣлымъ годамъ онъ по деревенски сталъ уже довольно состоятельнымъ человѣкомъ и купилъ землю вблизи своего села.

Около 30 лѣтъ тому назадъ Писцовъ купилъ въ Симбирскѣ садъ, поселился здѣсь съ семьєю, и вскорѣ

сталъ первымъ бѣлоризцемъ. Теперь ему около 70 лѣтъ, но на видъ ему не болѣе 40. Онъ средняго роста, сложенъ довольно крѣпко, и сѣдъ, «какъ дунь». Въ Симбирскѣ отличить его отъ толпы весьма легко: одѣвается онъ во все бѣлое, — бѣлая шляпа и бѣлый, широкій, просторный халатъ; голову держитъ высоко и гордо, идетъ спокойно, далеко отставляя свою палку въ сторону. На удивленные взгляды прохожихъ, а часто и на насмѣшки, которыя сыплются ему прямо въ лицо, Писцовъ отвѣчаетъ улыбною, и вообще обращаетъ на это мало вниманія».

Въ чемъ же заключается сущность ученія бѣлоризцевъ?

«Основа его та, что всѣ люди живутъ не такъ, какъ надо жить, и не такъ, какъ жили и учили святые отцы. Что жить надо по правдѣ, жить надо просто, разумно, не давая волю страстямъ. А нужно это для того, чтобы жилось легко и свободно. Что такая жизнь, какою живутъ многіе, продолжаться долго не можетъ, а скоро придетъ время, и этотъ Вавилонъ погибнетъ. А тогда... тогда всѣ будутъ «бѣленькіе», какъ мы.

Какъ же бѣлоризцы слѣдуютъ этимъ своимъ идеаламъ въ жизни?

Прежде всего они живутъ въ высшей степени скромно: никто изъ нихъ и никогда не пьетъ, никто не куритъ, они не пьютъ чая, не ѣдятъ мяса, рыбы, молока, яицъ, а прежде не ѣли даже луку и хрѣну. Однимъ словомъ, относительно пищи они могутъ служить идеаломъ для вегетаріанцевъ. Ѣдятъ они два раза въ день: ровно въ 10 час. утра и въ 6 час. вечера, или въ 4 и въ 12 час. дня, такъ какъ они ведутъ счетъ времени по восточному (въ 6 час. утра у нихъ 1-й часъ дня). Пьютъ только воду, а ѣдятъ кромѣ хлѣба все растительное.

Одѣваются они во все «самодѣльное» и по возможности въ бѣлое. На бѣлоризцѣ все свое и почти все имъ

самимъ сдѣлано: они сѣютъ ленъ, обдѣлываютъ его, жены ихъ ткуютъ холстъ и шьютъ одежду. Одежда ихъ бѣлая не потому, чтобы этого требовала ихъ вѣра, а потому, что это естественный цвѣтъ холста, и всякая краска его излишня. На всякій излишекъ въ одеждѣ, на всякую окраску, «фасонъ», вышивку бѣлоризецъ смотритъ съ усмѣшкой и при случаѣ не прочь сказать, что «дурачокъ красненькое любитъ».

Всѣ бѣлоризцы работаютъ очень много, очень усердно, толково и аккуратно. Работаютъ они больше для себя, около дома, а заниматься не любятъ, но разъ наймутся, дѣлаютъ такъ, какъ сдѣлаетъ рѣдкій не бѣлоризецъ. Работаютъ около дома они все, что придется: пашутъ, сѣютъ, ухаживаютъ за садами и огородами, плотничаютъ, кладутъ печи, пилятъ лѣсъ, кузнечатъ, сапожничаютъ и т. д. На бѣлоризцѣ отъ шапки до сапогъ или лаптей и отъ кафтана до мѣдной застѣжки все «своей работы». Онъ покупаетъ лишь въ случаѣ крайней необходимости, когда сдѣлать что-либо или невозможно для него, или крайне невыгодно».

О томъ, какъ Писцовъ сталъ бѣлоризцемъ, корреспондентъ «Волжскаго Вѣстника» рассказываетъ слѣдующее:

«Лѣтъ 30 тому назадъ, Писцовъ велъ большія торговля дѣла и былъ богатымъ человѣкомъ. Но вотъ, будто бы по совѣту одного врача, онъ задумалъ бросить всѣ свои дѣла и жить *просто и свободно*, прежде всего за тѣмъ, чтобы сохранить свое здоровье, которое торговыми хлопотами и заботами онъ значительно подорвалъ. Задумавъ *все бросить*, Писцовъ поступилъ очень радикально: онъ позвалъ одного торговца къ себѣ на квартиру и *разомъ* спустилъ ему положительно все, что находилъ излишнимъ: дорогое платье, посуду, мебель и проч. Одѣлся самъ и нарядилъ всѣхъ домашнихъ въ такое

платье, въ какомъ ходятъ они и теперь. Надо себѣ представить, какой протестъ онъ вызвалъ со стороны жены и дѣтей, которыя были уже совершенно взрослыми. Далѣе, онъ рѣшилъ не ѣсть мяса, и доказывалъ, что ѣсть мясо грѣшно, потому что мясо «дѣлается» изъ скотины, а скотинѣ больно, когда ее передѣлываютъ на мясо. Старуха его долго терпѣла, но, наконецъ, соскучилась по мясу и убедительно просила старика зарѣзать ей курицу, причемъ опровергала его положеніе, что скотинѣ больно, а доказывала напротивъ, что скотина радуется, когда ее рѣжутъ. Старикъ молчалъ, но баба была не изъ «такихъ» и отстать не хотѣла, и до того ему надоѣла, что онъ не вытерпѣлъ и сказалъ: «Хорошо, зарѣжемъ!» Писцовъ взялъ топоръ, изловилъ курицу и сказалъ жентѣ: «Держи!» Старуха взяла. Тогда онъ отыскалъ полѣно, положилъ на него голову курицы и завесъ топоръ, на курица до того напугалась, что вырвалась, убѣжала подъ амбаръ и сидѣла тамъ три дня, никому не показываясь... Съ тѣхъ поръ старуха не говорила, что скотинѣ хорошо, когда ей рубятъ голову».

Этотъ рассказъ, повидимому, свидѣтельствуешь о необыкновенной душевной добротѣ Писцова, который не въ состояніи причинить страданія даже курицѣ. Въ виду этого является немного страннымъ, что окрестные крестьяне относятся къ Писцову не только недружелюбно, но даже прямо враждебно. Корреспондентъ «Волж. Вѣстн.» говоритъ, что общее мнѣніе о Писцовѣ самое неблагоприятное: «если вы спросите, кто онъ такой, то въ девяти случаяхъ изъ десяти, вы услышите, что «Писцовъ мошенникъ, кулакъ, обманщикъ, Писцовъ у бабы деньги скрылъ, Писцовъ скряга, Писцовъ скоро всѣ сады за безпѣнокъ скупить, Писцовъ учить, что въ церковь не надо ходить, Писцовъ мило-

стыни не подаетъ,—говорить, что, коли ты бѣденъ, то и будь бѣденъ, а я тебѣ не помогу, потому что меня Богъ сотворилъ богатымъ, а тебя бѣднымъ, и что, если я тебѣ помогу, то пойду противъ Бога... Вотъ какой такой Писцовъ! Не глядите на то, что онъ весь въ бѣломъ, будто умирать собрался... Покойникъ! у-у!..».

Авторъ корреспонденціи «Волж. Вѣст.» очень сочувственно относится къ Писцову и объясняетъ нелюбовь къ нему крестьянъ тѣмъ, что Писцовъ является для нихъ «воплощенной укоризной», указывая имъ, какъ надо жить и пристыжая ихъ своимъ призмѣромъ. Но даже и въ его корреспонденціи встрѣчаются нѣкоторыя подробности, указывающія на то, что крестьяне имѣютъ и другія, болѣе основательныя, причины, быть недовольными бѣлоризцемъ. «Конечно, Писцовъ не безъ недостатковъ; онъ, напр., хотя и проповѣдуетъ трудъ, но вообще самъ дѣлаетъ мало, кромѣ того, онъ большой самодуръ, и вообще не прочь вездѣ и всюду ставить себя образцомъ для другихъ». Далѣе, оказывается, что, несмотря на свои бѣлыя ризы, Писцовъ прекрасно умѣетъ обдѣлывать свои дѣла: «Хотя у Писцова всегда имѣются деньги, но онъ никогда не кладетъ ихъ въ банкъ и не беретъ никакихъ процентовъ, если придется кому-либо дать. Дѣлаетъ это онъ также потому, что брать ростъ, по его мнѣнію, грѣшно. Когда же у него собирается излишекъ, то онъ старается пустить его въ дѣло. Онъ любитъ покупать сады, дома и просто мѣста; сады онъ обдѣлываетъ своей семьей и нанимаетъ рабочихъ только въ исключительныхъ случаяхъ. Сады, конечно, держатся образцово, на сколько, конечно, это позволяютъ знанія по садоводству его и его семейныхъ. Однако, зря садовъ и домовъ онъ не покупаетъ и вообще, зря платитъ, тратитъ деньги онъ не любитъ».

Въ самомъ Симбирскѣ въ настоящее

время всего 3—4 семьи бѣлоризцевъ, но ихъ довольно много въ окрестныхъ селахъ и деревняхъ. Между ними и остальными крестьянами вездѣ существуетъ очень сильная рознь.

Женская доля. Въ провинціальныхъ газетахъ часто приходится встрѣчать разныя извѣстія о томъ, какъ ненормально складывается семейная жизнь во многихъ крестьянскихъ семьяхъ, гдѣ царятъ по истинѣ до-реформенные порядки. Вотъ, наприм., что происходило, по словамъ «Саратовскаго Листка», въ приволжскомъ посадѣ Дубовкѣ. Одну дѣвушку просватали за нелюбимаго жениха. Она долго упиралась, просила родныхъ не неволить ее, обращалась съ этою же просьбою къ самому жениху, но все было напрасно. Тогда въ день самой свадьбы она не выдержала и убѣжала изъ дому въ самый разгаръ свадебнаго пира.

Трое рабочихъ, идя на работы, на улицѣ увидѣли поровнявшуюся съ ними женщину, одѣтую, не смотря на холодъ, въ одному бѣльѣ, съ распущенной кофой; они, принявъ ее за русалку, которая ихъ можетъ зачекотать, за нечистую силу, бросились бѣжать подъ гору, къ рѣкѣ; женщина бѣжала за ними, свернувъ на пути къ одному дому, гдѣ стучала въ калитку, но не достучалась. Затѣмъ она снова пустилась бѣжать въ гору, по направленію къ кладбищу, догнавъ на пути тѣхъ же рабочихъ, возвращавшихся въ страхѣ отъ привидѣнья домой; она спѣшила догнать ихъ, что-то безсвязно лепеча, но что именно—они разобрать не могли. Она, между тѣмъ, отставъ отъ рабочихъ, пріютилась въ ожиданіи разсвѣта у бѣдной старушки въ избѣ. Одинъ изъ рабочихъ и теперь боленъ отъ страха. Ее черезъ нѣсколько дней поймали, водворили къ мужу, откуда она снова ушла, и въ настоящее время противъ этой женщины ведется что-то положее на облаву...

Можно представить себѣ, какое «семейное счастье» воцарится у этихъ супруговъ, когда непокорная жена будетъ снова поймана и водворена на жительство къ мужу.

Любопытнымъ образчикомъ отношенія къ «женскому вопросу» въ деревнѣ можетъ служить также слѣдующій документъ, извлеченный «Орловскимъ Вѣстникомъ» изъ одного изъ водостныхъ правленій Орловскаго уѣзда, «1885 года, января 29-го дня. Я, нижеподписавшаяся, крестьянка Вивія Ивановна, даю эту подписку своему мужу, Климу Кириллову Синицыну, въ томъ, что обязываюсь испросить прошенія у мужа моего въ теченіе семи недѣль великаго поста, начиная съ перваго дня, должна являться въ волость ежедневно весь великій постъ и кланяться мужу въ ноги по двадцать поклоновъ каждый день и обязываюсь жить у Климъ Кириллова Синицына и почитать по закону, безъ вопроса отнюдь никуда не отлучаться или что-либо дѣлать; за всякое самовольство обязана быть наказанною пятью ударами розогъ, въ томъ и подписываюсь: крестьянка Вивія Иванова, а за нее, неграмотную, по ея рукоданной, росписался личный почетный гражданинъ Николай Парменовъ Аретинскій».

Не говоря уже о незаконности такого «акта» по существу, онъ служитъ лишней иллюстраціей тяжелыхъ условій, въ которыхъ до сихъ поръ находится русская женщина. «Бабы стоны» краснорѣчиво опровергаютъ увѣренія нашихъ «самобытниковъ», что патриархальные нравы деревни представляютъ чуть не идеалъ, который усердно рекомендуется и «интеллигенціи». Часто приходится слышать также, что въ рѣшеніи «женскаго вопроса» мы опередили Западную Европу. Приведенные факты, невозможные и немислимые *нигдѣ* въ Европѣ, лучше всего доказываютъ ложность такого взгляда, и намъ, какъ ни пе-

чально, а надо признать, что до сихъ поръ во всей силѣ остается характеристика русской крестьянки, сдѣланная знаменитымъ поэтомъ: «Ты вся—вѣковая истома, ты вся—воплощенный испугъ». Вся наша дикость и некультурность ни въ чемъ не проявляется такъ ярко, какъ въ отношеніяхъ къ женщинѣ, и пока это такъ,—можно ли говорить, что мы «опередили» Европу?

Калмыцкое окружное училище. Въ «Приазовскомъ краѣ» сообщаются любопытныя данныя о калмыцкихъ школахъ въ области войска Донскаго. Въ станицѣ Великокняжеской есть окружное калмыцкое училище, куда поступаютъ окончившіе курсъ въ начальныхъ школахъ. По окончаніи этого училища, большинство калмыковъ стремятся получить званіе сельскаго учителя и съ этимъ уже правомъ поступаютъ помощниками учителей и учителями калмыцкаго языка въ школы сельскаго округа. Ученики-калмыки съ большою охотой берутся за науку и поражаютъ своей понятливостью и знаніями. Какъ отрадное явленіе, отмѣчаемъ слѣдующій фактъ: въ числѣ учащихся дѣтей въ настоящее время уже находится до 10 дѣвочекъ. Калмыки почти всѣ стараются учить своихъ дѣтей, охотно отдаютъ ихъ въ школы, а болѣе зажиточные изъ нихъ стараются помогать бѣднымъ учащимся. Жаль только, что, за неимѣніемъ мѣстъ въ школахъ, нѣкоторыхъ учителя не принимали. Въ великокняжескомъ окружномъ училищѣ состоитъ учениковъ 64 человекъ, изъ нихъ 22 калмыка и 42 русскихъ.

Въ настоящее время при училищѣ затѣвается устройство общежитія для учениковъ. Устройство общежитія мотивируется тѣмъ, что ученики, по большей части, не жители станицы, а пріѣзжие изъ окрестныхъ станицъ и хуторовъ, живутъ по квартирамъ

и терпятъ большія неудобства. Въ квартирахъ этихъ мало свѣта, воздуха, грязь, сырость, и зачастую ученикъ помѣщается въ одной комнатѣ съ хозяевами, дѣтьми, и даже домашними животными. Станичныя общества Сальскаго округа отнеслись къ вопросу объ устройствѣ общежитія сочувственно и составили приговоры, что согласны ежегодно вносить извѣстную сумму на это дѣло. Почему-то, однако, приговоры эти не были утверждены, и дѣло устройства общежитія, за неимѣніемъ средствъ, рухнуло. Теперь оно вновь затѣвается, и средства къ осуществленію его изыскиваются уже частнымъ образомъ, Бакша донскихъ калмыковъ Джембе Микулиновъ далъ обязательство вносить ежегодно по 100 рублей, старшія духовныя лица хоруловъ денисовскаго и кутейниковскаго—по 50 руб., батлаевскаго и зловайскаго—по 25 руб. Такимъ образомъ, уже есть 250 р. въ годъ. Можетъ быть, на это хорошее дѣло откликнутся и другія лица.

На родинѣ Тургенева. Земскій статистикъ г. Бѣлоконскій описываетъ въ «Рус. Вѣд.» свое посѣщеніе села Спасскаго-Лутовинова, бывшаго родовымъ имѣніемъ Тургенева, въ которомъ онъ провелъ все свое дѣтство и подолгу живалъ и впоследствии. Между прочимъ, онъ сообщаетъ интересныя данныя о томъ, насколько память о Тургеневѣ сохранилась въ народѣ. Подъѣзжая къ Спасскому, г. Бѣлоконскій завелъ со своимъ возницей слѣдующій разговоръ:

«— А вы знаете Спасское?—воспользовался я настроеніемъ возницы, чтобы побесѣдовать на интересовавшую меня тему.

— Какъ не знать! Кто его не знает! А вы развѣ не слышали?

— Нѣтъ, ничего не слышалъ,—отвѣтилъ я, чтобы дать возможность самому возницѣ сообщить о достопри-

мѣчательностяхъ Спасскаго. Чѣмъ же оно славится?—спрашиваю возницу.

— Баринъ больно хорошъ былъ.

— Какой баринъ?

— Тургеневъ, Иванъ Сергѣевичъ.

Такой отвѣтъ окончательно изумилъ меня. Обыкновенно воспоминанія крестьянъ—да и то, собственно говоря, стариковъ—не простираются далѣе тѣхъ господъ, въ крѣпостной зависимости которыхъ они находились, а разъ имѣніе перешло къ новымъ владѣльцамъ, то, въ большинствѣ случаевъ, фамиліи послѣднихъ они не знаютъ вѣдаясь по дѣламъ съ какимъ-либо прикащикомъ, котораго называютъ по имени, отчеству, или перевираютъ эти фамиліи до совершенной неузнаваемости. Между тѣмъ, возница былъ изъ другой волости, а послѣдній разъ Тургеневъ посѣтилъ свое родовое имѣніе, кажется, въ 1881 или 1882 году, т. е. 11—12 лѣтъ тому назадъ, владѣнія его перешли въ другія руки, а память осталась.

— Чѣмъ же баринъ хорошъ былъ?

— Усѣмъ... Нашего брата не обиждалъ...

— Что же этотъ баринъ дѣлалъ?

— Да усе; только рѣдко живалъ здѣсь...

— А гдѣ же онъ жилъ?

— На теплыхъ водахъ...

— Значить, его никто и не видалъ?

— Какъ можно! Онъ сюда пріѣзжалъ, поди, кажинъ годъ.

— Какъ же онъ не обижалъ?

— Да такъ... Вотъ хоть бы эта часовня—видите?

Возница опять ткнулъ кнутовищемъ по направленію къ бѣлѣвшему предмету въ началѣ села.

— Ну, вижу. Такъ что же?

— Супротивъ этой часовни—во онъ за плетнемъ—кабакъ стоялъ. Кабатчикъ былъ настоящій кровопивецъ, и народъ очень страдалъ. Вотъ, какъ Иванъ Сергѣевичъ пріѣдуть, къ

нему народъ и преть, особливо бабы: «смилуйся, говорить, баринъ-батюшка, ослобони отъ кабатчика, не вели ему грабительствомъ заниматься». А баринъ въ отвѣтъ: «не могу, говорить, потому не на моей землѣ кабакъ». Такъ это онъ все говорилъ, говорилъ сколько тому лѣтъ. А потомъ, какъ-то, приѣхалъ и на зорькѣ по селу идетъ. Какъ увидѣли его, — баринъ былъ высоченный, а голова съ котель, — повалили къ нему мужики и бабы, дѣвки и малые ребята. Онъ идетъ, они за нимъ. И подходитъ онъ къ этому самому мѣсту, гдѣ теперь часовня, и говорить: «ну робата, будемъ, говорить, часовню строить, а какъ, говорить, выстроимъ, съ Божіею помощью, говорить, можетъ, и кабакъ уничтожимъ». Отвалили онъ тутъ же сколько тамъ сотенныхъ, и зачали спасовцы часовню строить. А какъ выстроили, Иванъ Сергѣевичъ куды-то — въ Питеръ, либо что — бумагу подалъ, что супротивъ часовни кабаку быть нельзя. Завопилъ тутъ кабатчикъ — туды-суды, да ничего не подѣлаешь: такъ кабакъ и снесли... Вотъ эта часовня, — закончивъ свой рассказъ возница, указывая на каменную, выкрашенную въ желтую краску постройку, напоминающую круглую печь, сдѣланную болѣе чѣмъ аляповато. «Этотую

часовнею» и начиналось село Спасское, вытянувшееся въ одну, чрезвычайно широкую и длинную, поросшую травой, улицу, заканчивающуюся усадьбою Ивана Сергѣевича Тургенева».

Самую усадьбу Тургенева г. Бѣлоконскій описываетъ слѣдующимъ образомъ:

«Въ самомъ началѣ парка я увидѣлъ небольшихъ разбѣровъ домъ съ мезониномъ. Половина его, обращенная къ каменной церкви, находящейся недалеко отъ дома, — съ низенькимъ балкономъ, на который выходитъ много оконъ, — деревянная. а другая половина — словно пристроенная сзади деревяннаго дома и идетъ отъ него полукругомъ, — кажется, каменная. Вотъ въ этомъ-то домѣ и жилъ Иванъ Сергѣевичъ. Внутри зданія мнѣ побывать не удалось, но объ этомъ нечего и жалѣть: въ домѣ ничего нѣтъ, даже и мебели, какъ передавали мнѣ обыватели.

Но если мнѣ не удалось въ совершенствѣ ознакомиться съ домомъ Тургенева, то чудный, громаднхъ разбѣровъ, паркъ я прошелъ изъ конца въ конецъ и вдоволь насмотрѣлся на обширный прудъ. Мнѣ кажется, что и домъ этотъ, и паркъ, и прудъ описаны въ «Фаустѣ».

Изъ русскихъ журналовъ.

«Русская Мысль», «Русская Школа».

Изъ воспоминаній М. Ковалевскаго. Въ январьской книжкѣ «Русской Мысли», въ статьѣ «Мое научное и литературное скитальчество», М. Ковалевскій сообщаетъ интересныя подробности о своихъ скитаніяхъ за границей и своихъ знакомствахъ съ выдающимися представителями европейской науки. Въ Лондонѣ М. Ковалевскій познакомился съ Льюи-

сомъ, черезъ котораго ему удалось завязать сношенія со многими английскими учеными и писателями. У Льюиса по воскресеньямъ сходились многіе почитатели таланта его жены, знаменитой английской писательницы Джорджъ Эліотъ. Здѣсь онъ встрѣтилъ, между прочимъ, Джона Морлея, Спенсера и другихъ. «Со Спенсеромъ мнѣ пришлось познакомиться по слѣ-

дующему случаю», рассказываетъ М. Ковалевскій. «Гаррисонъ предложилъ меня во временныя члены Атеяея, извѣстнаго литературнаго клуба въ Лондонѣ. Предложеніе было поддержано Спенсеромъ, однимъ изъ старшинъ этого клуба. Изъ нашего перваго, и чуть ли не единственнаго, разговора остались мнѣ памятны два заявленія моего собесѣдника. На мой вопросъ: что заставила его пойти въ старшины клуба?—онъ отвѣтилъ съ полной серьезностью; «желаніе познакомиться съ правительствомъ на практикѣ». Гаррисонъ, которому я передалъ этотъ отвѣтъ, шутя сказалъ мнѣ, что въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ Спенсеръ рѣшается даже жить въ пансіонѣ (Boarding House), изъ желанія узнать на опытъ выгоды и невыгоды общественной.

Дѣятельность Комитета грамотности за 33 года его существованія. Въ одномъ изъ засѣданій Императорскаго Вольно-Экономическаго Общества предсѣдатель Комитета грамотности И. А. Горчаковъ прочелъ докладъ о дѣятельности Комитета грамотности за 33 года существованія. Докладъ этотъ напечатанъ въ январскомъ номерѣ журнала «Русская Школа», и мы хотимъ здѣсь въ краткихъ чертахъ познакомить нашихъ читателей съ его содержаніемъ.

Докладчикъ прежде всего обратилъ вниманіе на то, что Вольно-Экономическое Общество, съ самыхъ первыхъ шаговъ своей дѣятельности, по волѣ своей Великой Основательницы, Императрицы Екатерины II, стало заниматься вопросами народнаго образованія. Уже въ 1776 г. Общество удостоило своей преміи «сочиненіе Беарде де л'Абея, который указывалъ какъ «на лучшій способъ къ исправленію земледѣлія — на освобожденіе крѣпостныхъ и надѣленіе ихъ землею, а какъ на подготовительную мѣру—

на распространеніе народнаго образованія».

Въ 1768 г. Общество объявило на конкурсъ тему: «сочинить для представленія крестьянъ книжку, подъ именемъ «Крестьянское зеркало», которое содержало бы въ себѣ энциклопедію земледѣлія и домоуправленія по отношенію къ крестьянскому быту». Такое сочиненіе было представлено неизвѣстнымъ лицомъ и издано Обществомъ въ 1799 г.

Съ 20-хъ годовъ текущаго столѣтія Общество закупаетъ полезныя книги разнообразнаго содержанія и бесплатно разсылаетъ ихъ разнымъ лицамъ. Въ 30-хъ годахъ оно идетъ еще дальше, и беретъ на себя инициативу въ открытіи публичныхъ библиотекъ и снабженія ихъ книгами. При помощи Общества открываются библиотеки во многихъ городахъ. Говоря словами историка Вольно-Экономическаго Общества А. Ходнева, «о распространеніи въ массѣ народа полезныхъ свѣдѣній оно заботилось во все время своего существованія; но такъ какъ, главнѣйшимъ основаніемъ для распространенія всякаго рода свѣдѣній должна быть грамотность, то, накануне празднованія столѣтія своей дѣятельности, Обществомъ было рѣшено открыть особый Комитетъ грамотности».

Мысль объ открытіи этого комитета впервые была высказана еще въ 1847 г., но, не смотря на сочувствіе общества этому предложенію, оно не получило осуществленія и было приведено въ исполненіе только въ 1860 г. «Съ тѣхъ поръ»,—говоритъ г. Горчаковъ,—«Комитету были переданы просвѣдительныя функціи, еще съ 30-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія входившія въ программу Вольно-Экономическаго Общества».

Переходя затѣмъ къ оцѣнкѣ самой дѣятельности Комитета грамотности. г. Горчаковъ замѣчаетъ, что на пер-

вомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить безплатную разсылку книгъ и учебныхъ пособій въ школы и другія учрежденія (больницы, тюрьмы, общества трезвости). Въ общемъ, Комитетомъ разослано болѣе 1.200.000 книгъ. Во время турецкой войны Комитетомъ были организованы библіотеки при лазаретахъ для раненыхъ солдатъ. Комитетъ вошелъ въ сношенія съ «Обществомъ распространенія священнаго писанія» и сформировалъ въ общемъ 450 библіотекъ при лазаретахъ. Въ концѣ 1893 г. Комитетъ приступилъ къ сбору пожертвованій на сельскія читальни, устраиваемыя съ помощью земствъ. Въ настоящее время собрано уже около 20.000 р. на этотъ предметъ, и отъ многихъ земствъ уже получены заявленія о согласіи ассигновать средства для устройства читальенъ, которыя Комитету предстоитъ снабдить книгами.

Съ 1881 г. Комитетъ выступилъ и на издательское поприще и съ того времени имъ были выпущены 54 книжки для народа. Въ послѣдніе годы Комитетъ усиленно занялся издательской дѣятельностью: въ теченіи 9 послѣднихъ мѣсяцевъ ему удалось выпустить 20 названій въ количествѣ 350.000 книжекъ. Кромѣ того, вырабатываются программы темъ для популярныя сочиненій, при участіи такихъ извѣстныхъ ученыхъ,

какъ Бекетовъ, Бредихинъ, Менделѣевъ, Мушкетовъ, и др.

Слѣдуетъ упомянуть также, что въ 60-хъ годахъ Комитетъ открылъ въ Петербургѣ первую въ Россіи женскую учительскую школу для подготовки народныхъ учительницъ. Министерство Народнаго Просвѣщенія обратило вниманіе на этотъ начинъ и отпустило на поддержаніе школы 500 р. изъ суммъ министерства. Эти школы послужили прототипомъ теперешнихъ учительскихъ семинарій.

Коснувшись затѣмъ дѣятельности Комитета по обзору народно-учебной литературы, по устройству образцовыхъ училищъ, участію его на выставкахъ, и пр., П. А. Горчаковъ закончилъ свой докладъ слѣдующими словами: «Оглядываясь на свое прошлое, Комитетъ можетъ съ увѣренностью сказать, что значительной долей своего успѣха онъ обязанъ нахожденію при Императорскомъ Вольно-Экономическомъ Обществѣ, именно той независимости, которой онъ пользуется, будучи частью старѣйшаго въ Россіи Общества. Эта независимость, дарованная Обществу Бывшею его Основательницей и подтверждаемая ея преемниками, есть въ то же время залогъ успѣшности самого Общества, безъ которой оно не достигло бы широкой извѣстности».

Изъ иностранной жизни.

Англійскія школы. Англійскіе педагоги всѣ сходятся между собою въ одномъ пунктѣ. Они всѣ одинаково боятся переутомить учениковъ чрезмѣрными умственными занятіями и питаютъ одинаковое отвращеніе къ сидячему образу жизни. Поэтому, во всѣхъ англійскихъ школахъ уроки чередуются съ физическими упражненіями и бывають непродолжительны. Игры на свѣжемъ воздухѣ составля-

ютъ необходимую принадлежность англійскаго школьнаго воспитанія. Древніе языки, и особенно греческій языкъ, однако, попрежнему занимаютъ первенствующее мѣсто въ англійскихъ школахъ, также какъ и въ старинныхъ университетахъ, причемъ преподаваніе греческаго языка обставлено такъ, что кончившіе курсъ въ этихъ школахъ дѣйствительно основательно знаютъ греческій языкъ. Деклеркъ

разсказываетъ въ своей книгѣ о воспитаніи въ Англіи слѣдующій фактъ, доказывающій, какъ распространено знаніе греческаго языка въ англійскомъ образованномъ обществѣ. Въ одномъ изъ номеровъ газеты «Times» въ 1892 году было помѣщено факсимиле одного отрывка Библіи въ переводѣ семидесяти толковниковъ, причемъ, для поясненія, тутъ же былъ приведенъ и греческій текстъ. Въ другой странѣ, напримѣръ во Франціи, это могъ бы себѣ позволить только развѣ специальный филологическій журналъ.

Программа англійскихъ школъ теперь значительно расширена въ сравненіи съ прежними годами и въ нихъ введено преподаваніе математики, новой исторіи и новыхъ языковъ. До послѣдняго времени родной англійскій языкъ былъ въ загоновѣ и поэтому бывали случаи, что юноши, поступавшіе въ университетъ изъ какой-нибудь публичной школы, не умѣли правильно писать по англійски. Особенностью англійскихъ школъ является также полная свобода преподаванія: каждая школа можетъ дѣйствовать совершенно самостоятельно въ этомъ отношеніи и создавать свою собственную программу преподаванія, согласно тѣмъ или другимъ взглядамъ, которыхъ она придерживается въ дѣлѣ педагогики. Въ самой постановкѣ преподаванія того или другого предмета также существуетъ полная свобода. Оригинальной, въ данномъ случаѣ, является постановка преподаванія исторіи, опредѣленной программы для которой не существуетъ вовсе: учитель только руководитъ чтеніемъ учениковъ, указываетъ имъ книги, откуда они могутъ почерпнуть свѣдѣнія объ историческихъ событіяхъ и фактахъ, а въ остальномъ предоставляетъ имъ полную свободу.

Еще очень недавно математика и естественныя науки не играли ника-

кой роли въ дѣлѣ преподаванія и, напримѣръ, въ знаменитой Итонской школѣ все математическое образованіе сводилось къ знанію четырехъ правилъ ариметики, да и самое преподаваніе ея было поручено учителю чистописанія. Вообще, согласно свѣдѣніямъ, доставленнымъ директорами 240 среднихъ школъ въ этихъ школахъ преподаваніе математики и естественныхъ наукъ сводилось почти до минимума. Въ послѣднее время, однако, обнаружилось очень сильное и почти повсемѣстное движеніе въ пользу расширенія программы преподаванія этихъ предметовъ, и даже въ школахъ, относившихся враждебно ко всякаго рода нововведеніямъ, были образованы «*model sides*» — реальныя отдѣленія, гдѣ преподаются отечественный языкъ и литература, математика и естественныя науки.

Одна изъ старѣйшихъ англійскихъ школъ, основанная еще въ 1571 г., находится въ Горроу, хорошенькомъ городкѣ, въ получасовомъ разстояніи отъ Лондона. Эта школа соперничаетъ со знаменитой Итонскою школой. Жилища учителей и учениковъ похожи на загородныя виллы, окруженные садами, а далѣе разстилаются обширныя поля, предназначенныя для устройства общественныхъ игръ и состязаній, столь любимыхъ англійскою молодежью. Воспитанники школы свободно разгуливаютъ по улицамъ городка; всѣ они одѣты въ хорошенькія куртки съ большими бѣлыми воротничками и въ широкополыя шляпы и имѣютъ видъ взрослыхъ джентльменовъ, какъ выражается Деккеръ. Каждому изъ нихъ предоставлена отдѣльная небольшая комната, и въ этой комнатѣ онъ — полный хозяинъ. Для наблюденій за дисциплиной выбирается который-нибудь изъ числа старшихъ и наиболѣе благоразумныхъ воспитанниковъ. Въ каждомъ классѣ полагается не болѣе 33 учениковъ.

Во время уроковъ никто почти ничего не пишетъ, а потому столы находятся не передъ учениками, а позади нихъ. Обыкновенно, если ученику понадобится записать что-нибудь за учителемъ, то онъ оборачивается и пишетъ за столомъ, стоящимъ позади него. Для классныхъ занятій отводится 24 часа въ недѣлю и столько же для домашнихъ занятій. Урокъ никогда не продолжается болѣе часа, и учениковъ почти не заставляютъ учить наизусть. Одно время латинскій языкъ былъ почти вычеркнутъ изъ программы школы Горроу, но затѣмъ его снова ввели. Въ настоящее время четыре часа въ недѣлю посвящаются чтенію и объясненіямъ Тацита, Горація, Тита Ливія, причѣмъ письменныхъ упражненій почти не задается. Цѣль этихъ занятій, главнымъ образомъ, дать ученику понятіе о жизни и культурѣ древняго міра; новымъ языкамъ отводится гораздо болѣе времени и вниманія, затѣмъ исторія занимаетъ также одно изъ первыхъ мѣстъ въ программѣ школы, но преподаваніе ея ведется не строго систематично, а ученики знакомятся съ историческими событіями во время чтенія различныхъ авторовъ, по поводу встрѣчающихся у этихъ авторовъ описаній различныхъ историческихъ событій и фактовъ. Такъ идетъ преподаваніе въ реальномъ отдѣленіи школы (modern side), въ классическомъ же отдѣленіи (classic side) исторія и географія почти совѣмъ не проходятся, новые же языки преподаются въ очень ограниченныхъ размѣрахъ и все почти время посвящается латинскому и греческому языкамъ.

Другая школа, которую посѣтилъ Деклеркъ, знаменитый Итонъ, произвела на него не очень выгодное впечатлѣніе. Это аристократическая школа, изъ которой вышло большинство англійскихъ государственныхъ дѣятелей. Итонская школа и до сихъ поръ считается самой модной и имѣетъ гром-

кую репутацію, которую, по словамъ Деклерка, она далеко не оправдываетъ. Деклеркъ поразило самодовольство и какой-то фальшивый энтузіазмъ, которымъ пропитаны ученики Итонской школы. Одинъ отецъ, впрочемъ, откровенно заявилъ, что онъ отдалъ своего сына въ Итонъ не для того, чтобы онъ тамъ учился, а для того, чтобы онъ приобрѣлъ хорошей тонъ и манеры. Разумѣется, при такихъ условіяхъ ученіе идетъ весьма плохо, и ученики Итонской школы очень часто даже не умѣютъ правильно писать и, не смотря на многолѣтнія занятія латинскимъ языкомъ, знаютъ его, при поступленіи въ университетъ, не лучше, чѣмъ тѣ, которые занимались имъ не болѣе одного — двухъ лѣтъ. Къ счастью, такихъ школъ, какъ Итонская, весьма немного въ Англіи и другія школы преслѣдуютъ иную цѣль, а не одно только обученіе учениковъ аристократическимъ манерамъ и хорошему тону.

Способность приспособленія у животныхъ. Примѣровъ приспособленія животныхъ къ окружающей средѣ можно найти не мало въ естественной исторіи, но болѣе разительный примѣръ, чѣмъ тотъ, который приводитъ де Вариньи въ «Natural Science» врядъ ли существуетъ въ зоологіи. Вариньи, во время своего пребыванія въ Америкѣ, наблюдалъ слѣдующій интересный фактъ. Известно, что въ Соединенныхъ Штатахъ очень распространенъ способъ сохраненія мяса и другихъ съѣстныхъ припасовъ посредствомъ очень низкой температуры. Очень часто американскіе рынки бываютъ завалены продуктами, и промышленникамъ приходится поневолѣ выжидать время, когда цѣны поднимутся, для того чтобы продать свой товаръ съ выгодой для себя. Поэтому, вездѣ въ Америкѣ устроены холодные подвалы «Cold

storage Warchouses», въ которыхъ сохраняется провізія. Температура въ этихъ подвалахъ поддерживается всегда на 3° ниже нуля. Воздухъ въ этихъ подвалахъ очень сухой и холодный, и, поэтому, мясо, рыба и проч. не подвергаются въ немъ порчѣ и могутъ сохраняться болѣе или менѣе долгое время. Въ первое время, по устройству этихъ складовъ, провізія, сохраняемая въ нихъ, была гарантирована отъ нападенія грызуновъ, крысъ и мышей. Эти истребители, производящіе опустошенія во всѣхъ другихъ складахъ, гдѣ существуетъ обыкновенная температура, не могли переносить столь низкой температуры, каковая была въ этихъ подвалахъ для храненія провізіи, и поэтому хозяева считали себя обезпеченными отъ ихъ нашествія. Дѣйствительно, вначалѣ въ этихъ подвалахъ находили только трупы крысъ и мышей, соблазненныхъ перспективой пиршества и забравшихся въ склады; грызуны платились жизнью за свою дерзость, и хозяева оставались въ спокойной увѣренности, что ихъ запасы не подвергаются опасности. Но вотъ, прошло нѣкоторое время, и имъ пришлось разочароваться. Въ складахъ стали обнаруживаться большія опустошенія, и вскорѣ были найдены виновники ихъ. Это были крысы, но крысы совсѣмъ особеннаго вида, съ очень длинною и густою шерстью, покрывающею ихъ съ головы до кончика хвоста. Ясно было, что крысы мало-по-малу приспособились къ окружающей средѣ, и скоро расплодилось новая порода крысъ, съ длинною густою шерстью, которая специально водилась въ подвалахъ съ низкою температурою.

Хозяева складовъ призадумались, какъ быть? Какъ бороться съ врагомъ? Пустили кошекъ въ подвалы; но вначалѣ всѣ онѣ погибали отъ холода, не смотря на обильную пищу. Но вотъ, однажды въ подвалѣ

посадили кошку, случайно обладавшую длинною, густою шерстью. Кошка эта вынесла низкую температуру, и такъ какъ она питалась хорошо, то стала жирѣть, и шерсть у нея погустѣла и удлинилась. Въ одинъ прекрасный день она произвела на свѣтъ семь котятъ, которые, когда выросли, оказались покрытыми еще болѣе густою и длинною шерстью, и видомъ своимъ напоминали дикихъ канадскихъ кошекъ. Онѣ сдѣлались рациональниками новаго поколѣнія кошекъ, превосходно переносящихъ низкія температуры и населяющихъ холодные склады. Словомъ, какъ крысы, такъ и кошки выказали удивительную способность приспособленія въ данномъ случаѣ. У новой породы кошекъ очень короткій хвостъ и громадные усы и рѣсницы. Весьма возможно что эти длинные усы и рѣсницы служатъ тактильными органами кошкамъ, которыя живутъ и развиваются въ темнотѣ. Такимъ образомъ, удалось создать двѣ новыя разновидности кошекъ и крысъ, ведущихъ войну другъ съ другомъ въ очень холодной средѣ. Аклиматизація столь совершенна въ данномъ случаѣ, что новая порода кошекъ совершенно не выноситъ ни свѣта, ни теплоты. Если такую кошку вынести на улицу въ солнечный день, она умираетъ иногда въ нѣсколько часовъ, такъ какъ уже не можетъ вынести ни свѣта, ни теплоты окружающаго воздуха.

Народное образованіе въ Австріи. За послѣднія 10—15 лѣтъ народное образованіе въ Австріи сдѣлало огромный шагъ впередъ, особенно въ деревняхъ, гдѣ удалось осуществить всеобщую грамотность. Но поборники просвѣщенія поняли, что мало распространенія одной только грамотности среди дѣтей; необходимо позаботиться и о томъ, чтобы взрослые сохранили пріобрѣтенныя ими въ шко-

лѣ познанія. Сельскіе рабочіе и крестьяне, конечно, легко могутъ позабыть то, чему ихъ научила школа, между тѣмъ какъ въ городѣ низшіе классы, вслѣдствіе соприкосновенія съ городской культурой, болѣе застрахованы отъ возвращенія къ невѣжеству. Но, тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе повышенія требованій городского населенія, предъявляемыхъ просвѣщенію, знанія, приобретаемыя въ школѣ дѣтьми, остающимися въ ней до 14 лѣтъ, считаются теперь уже недостаточными, поэтому-то въ послѣднее время стали замѣтно развиваться, такъ называемыя, «Fachschulen» и «Fortbildungsschulen», посѣщаемыя подростками и молодыми людьми изъ приказчиковъ, ремесленниковъ и фабричныхъ. Но всѣ эти школы даютъ только одностороннее, преимущество профессиональное, знаніе, тогда какъ въ народныхъ массахъ замѣтно начинается обнаруживаться въ настоящее время стремленіе къ общему знанію. Для удовлетворенія этихъ симпатичныхъ стремленій въ Вѣнѣ образовалось общество для распространенія народнаго образованія (Volksbildungsverein). Это общество уже много потрудилося на пользу народа, просвѣщая народныя массы путемъ распространенія знаній. Оно устроило много народныхъ библиотекъ и распространило не мало полезныхъ книгъ. Нѣсколько лѣтъ назадъ, это общество организовало рядъ воскресныхъ лекцій, имѣвшихъ большой успѣхъ. Слушатели были преимущественно изъ рабочихъ классовъ. Успѣхъ этихъ лекцій побудилъ общество организовать ихъ по болѣе широкой программѣ и учредить правильные курсы по англійскому образцу. Но обществу трудно было справиться со своею задачею, за немѣнѣемъ средствъ. Вѣнскій университетъ, къ которому общество обратилось за поддержкою въ дѣлѣ организациі университетскихъ курсовъ для народа, отнесся сначала не очень сочувствен-

но къ этой идеѣ. Однако, частныя лица поддержали ее, и очень быстро была собрана сумма въ нѣсколько тысячъ гульденовъ, давшая возможность организовать воскресныя лекціи и 13 вечернихъ курсовъ, для чтенія которыхъ были приглашены молодые приватъ-доценты, сильно нуждающіеся въ матеріальной поддержкѣ. Когда средства общества стали изсякать, оно снова обратилось къ университету и правительству. Въ запискѣ, представленной имъ университету, показано было, что изъ 983 воскресныхъ лекцій, съ 1887 по 1893 годъ, 217 читались приватъ-доцентами вѣнскаго университета. Шесть приватъ-доцентовъ того же университета состоятъ, кромѣ того, преподавателями на вечернихъ курсахъ. Въ виду неподлежащей сомнѣнію пользы этихъ курсовъ и ради улучшенія матеріальнаго положенія приватъ-доцентовъ, общество считаетъ себя вправѣ просить университетъ о назначеніи коммисіи, которая выработала бы программу и организацию народныхъ курсовъ, съ тѣмъ, чтобы преподавателями на этихъ курсахъ были преимущественно лаборанты и приватъ-доценты, и о томъ, чтобы университетъ взялъ на себя ходатайствовать передъ министерствомъ народнаго просвѣщенія о назначеніи ежегодной субсидіи обществу въ шесть тысячъ гульденовъ.

Университетскій совѣтъ, по обстоятельному обсужденіи этой просьбы, согласился исполнить ее и обратился съ соотвѣтствующимъ ходатайствомъ къ министерству народнаго просвѣщенія, результатомъ чего явилось назначеніе субсидіи въ 5.000 гульденовъ, включенной въ настоящее время въ новый австрійскій бюджетъ подъ именемъ: «Субсидіи народнымъ университетскимъ курсамъ въ Вѣнѣ».

Разговоръ съ Альфонсомъ Додэ.
Одинъ англійскій журналистъ, ми-

стеръ Шерардъ, посѣтилъ недавно Альфонса Додэ въ его прекрасномъ помѣщеніи въ Сенжерменскомъ кварталѣ, и, конечно, считъ нужнымъ по-дѣлаться со своими читателями тѣмъ впечатлѣніемъ, которое произвелъ на него французскій романистъ. Все, что рассказывалъ Додэ журналисту о своемъ дѣтствѣ, подтверждаетъ, что и въ самые юные годы онъ обнаруживалъ такую же сильную нервную впечатлительность, какая замѣчается въ немъ и теперь. Додэ особенно много распространялся о своей боязни собакъ, а также и всѣхъ другихъ животныхъ. Онъ не можетъ забыть того впечатлѣнія, какое произвелъ на него въ дѣтствѣ видъ бѣшеной собаки. «Съ тѣхъ поръ, — сказалъ Додэ, — я не могу отдѣлаться отъ чувства ужаса при приближеніи собаки. Меня часто упрекали въ этомъ, говоря, что поэтъ не можетъ не любить животныхъ. Но я не могу преодолѣть этого чувства:—оно сильнѣе меня. Я ненавижу всѣхъ животныхъ. Мнѣ кажется, что животныя олицетворяютъ собою все, что есть самаго низкаго и отвратительнаго въ природѣ. Они — карриатура всѣхъ, самыхъ низкихъ, качествъ, какія существуютъ въ человѣкѣ, это — отбросы человечества. Любопытнѣе всего, что мои дѣти наследовали отъ меня такую же ненависть къ собакамъ».

Додэ рассказывалъ, что въ дѣтствѣ онъ всегда мечталъ о морѣ, и любимымъ его чтеніемъ были рассказы о приключеніяхъ на морѣ. Когда ему было пятнадцать лѣтъ, его первая поэма была напечатана въ лионской газетѣ, и вслѣдъ затѣмъ для него наступилъ періодъ самой мрачной нужды и скитальчества.

«— Я испытывалъ такіа лишенія, какія только можетъ вынести человѣкъ, — сказалъ Додэ. — Мнѣ случалось проводить цѣлые дни въ постели за немѣніемъ сапогъ; бывали дни, когда

у меня не было куска хлѣба. Но самымъ тяжелымъ лишеніемъ для меня было то, что я долженъ былъ носить грязное бѣлье, такъ какъ у меня нечѣмъ было заплатить прачкѣ. Очень часто я пропускалъ случаи получить занятіе, потому что не могъ выйти за немѣніемъ чистой одежды. Такъ я провелъ три года своей жизни, съ 18 до 21 года».

Но и гораздо позднѣе жизнь Додэ была далеко не изъ легкихъ. Онъ уже пользовался извѣстностью, но зарабатывалъ все-таки не особенно много. Такъ, когда къ нему явился одинъ изъ сотрудниковъ «*Athenaeum*», собиравшій свѣдѣнія о заработкѣ разныхъ писателей, то оказалось, что весь доходъ Додэ съ его литературныхъ произведеній не превышаетъ 5.000 фр. въ годъ. Это было въ 1872 году, но уже съ 1874 года доходъ его началъ возрастать, и съ той поры онъ уже зарабатывалъ не мѣнѣе 100.000 фр. въ годъ.

Додэ работаетъ очень неправильно, — не такъ, какъ Золя. «Иногда я работаю день за днемъ по восемнадцати часовъ въ сутки, иногда же провожу цѣлые мѣсяцы, не прикасаясь къ перу, — говоритъ Додэ. — Я пишу очень медленно и постоянно все передѣлываю. Я никогда не бываю доволенъ своимъ произведеніемъ. Я всегда пишу самъ свои повѣсти, и никогда не могъ продиктовать ни одной изъ нихъ. Что же касается моихъ драматическихъ произведеній, то прежде я имѣлъ привычку диктовать ихъ, рассказывая по комнатамъ. Но, со времени своей болѣзни, мнѣ пришлось отказаться отъ этого способа, и я очень жалѣю объ этомъ.

Болѣзнь, о которой упомянулъ Додэ, дѣйствительно привела его въ очень печальное состояніе. Онъ не можетъ двигаться безъ помощи палки по комнатамъ; многія ночи онъ проводитъ безъ сна, страдая отъ боли, но никто изъ его домашнихъ, по словамъ англійскаго журналиста, не слышалъ

изъ него ни одной нетерпѣливой жалобы, ни одного раздражительнаго слова, хотя въ его положеніи это было бы совершенно понятно. Благодаря такому чудному характеру, у Доде совсѣмъ нѣтъ враговъ. Многіе не любятъ его произведеній, но всѣ любятъ его за его доброту и кротость, всѣхъ очаровываетъ онъ своимъ блестящимъ остроуміемъ.

О своихъ литературныхъ воззрѣніяхъ Доде вотъ что сказалъ англійскому журналисту.

«— Я всегда возставалъ противъ трехъ классическихъ традицій французской литературы, т. е. французской академіи, французскаго театра и «Revue des deux Mondes». Я нахожу академію собраніемъ посредственностей, и счелъ бы для себя оскорбительнымъ принадлежать къ ней». По мнѣнію Доде, будущность французской литературы въ молодыхъ авторахъ, въ его сынѣ Леонѣ Доде, въ Морисѣ Барресѣ и нѣкоторыхъ другихъ. Не безынтересны также взгляды Доде на современное положеніе Франціи. «Если недавніе Панамскіе скандалы и не произвели народнаго возмущенія, сказалъ онъ, если раскрытіе такихъ мерзостей, которыя, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, непремѣнно вызвали бы появленіе баррикадъ на каждой улицѣ Парижа, не произвело революціи, то это только потому, что въ характерѣ французскаго народа произошелъ коренной переворотъ за послѣдніа десять или пятнадцать лѣтъ. И этотъ переворотъ вызванъ милитаризмомъ, которому подчинилась страна со времени введенія новыхъ военныхъ законовъ. Страхъ передъ капраломъ существуетъ теперь въ сердцѣ каждаго француза, и такое вліяніе военной дисциплины именно и заставляетъ оставаться спокойными всѣхъ этихъ людей, которые, въ прежнія времена, протестовали бы даже подъ дуломъ ружья противъ всѣхъ подоб-

ныхъ безобразій и негодяевъ, которые грабятъ и разоряютъ Францію. Милитаризмъ убилъ духъ протеста во французской націи, какъ это онъ дѣлаетъ вездѣ».

Европейскія женщины въ Конго. Не такъ давно въ Конго отправились двѣ европейскія женщины, госпожа де-Лавелла и госпожа Шеферъ, и вотъ снова поднятъ въ печати вопросъ: обладаетъ ли европейская женщина достаточною физическою выносливостью и нравственною энергіей для того, чтобы, подобно мужчинамъ—путешественникамъ по африканскому матеріку, переносить всѣ лишенія и трудную борьбу съ климатическими условіями. Многіе, основываясь на традиціонной слабости женщины, доказывали, что она, лишь въ видѣ исключенія, можетъ сдѣлаться путешественницей вродѣ Иды Пфейферъ, или леди Бекеръ, и переносить безнаказанно всѣ лишенія и трудности пути, также какъ и вліяніе непривычнаго климата. Однако, такихъ исключеній наберется не мало въ исторіи колонизаціи отдаленныхъ мѣстностей, и можно найти много примѣровъ, доказывающихъ, что энергія, сила воли, мужество и физическая выносливость, вовсе не составляютъ исключительныхъ качествъ мужчины. Европейскихъ женщинъ можно встрѣтить вездѣ:—въ Индо-Китаѣ, на островѣ Явѣ, даже въ Патагоніи и странѣ зулусовъ, а теперь и въ Конго, гдѣ дѣятельность ихъ можетъ имѣть прекрасное цивилизующее вліяніе. Первая европейка, отправившаяся въ Конго, была англичанка, госпожа Ингамъ, которая сопровождала туда своего мужа, протестантскаго пастора, въ 1884 году. Послѣ нея тамъ же поселилась леди де-Винтонъ, мужъ которой былъ назначенъ генеральнымъ администраторомъ государства Конго, по возвращеніи Стэнли въ Европу. Леди де-Винтонъ провела три года

въ Конго и приобрѣла симпатіи туземнаго населенія, очень сожалѣвшаго объ ея отъѣздѣ. Еще нѣсколько бельгійскихъ женщинъ сопровождали въ Конго своихъ мужей, но наибольшій контингентъ европейскихъ женщинъ въ Конго это миссіонерши, какъ католическія, такъ и протестантскія. Дѣятельность ихъ очень почтена. Въ 1892 году бельгійскія монахини основали близъ Матанди госпиталь и нѣсколько школъ. Англійскія миссіи еще болѣе многочисленны въ Конго. Поэтому-то тамъ такъ много англичанокъ всего больше въ Конго, и, надо отдать имъ справедливость, никто такъ, какъ онѣ, не умѣетъ приспособляться къ условіямъ жизни и создавать вокругъ себя возможный домашній комфортъ, свой собственный «home», всюду, куда бы ихъ только ни забросила судьба, хотя бы онѣ находились за сотни миль отъ какого-нибудь пункта цивилизаціи. Каждая англичанка стремится имѣть уголокъ, который бы непременно напоминалъ ей отцовскій домъ, ея родину. Едва успѣла раскинуть свои бараки кака-я-нибудь англійская миссія, какъ уже устраивается хорошенькій уютный салонъ, гдѣ стоитъ гармоніумъ, и случайно забредшему путешественнику будетъ непремѣнно предложень въ этомъ салонѣ чай со всеми обычными принадлежностями англійской сервировки, такъ что англичанинъ легко можетъ забыть въ эту минуту, что онѣ находится за многія тысячи миль отъ своего отечества.

Кромѣ англійскихъ и бельгійскихъ миссій, въ Конго есть еще американская и шведская миссія, гдѣ также есть женщины. Во всякомъ случаѣ, присутствіе европейскихъ женщинъ въ Конго несомнѣнно оказываетъ цивилизующее вліяніе не только по отношенію къ туземцамъ, но и по отношенію къ европейскимъ колонистамъ, смягчая грубость нравовъ и

напоминая колонистамъ о правилахъ вѣжливости и приличія, о которыхъ они легко могутъ забыть, живя среди полудикихъ негровъ. Точно также женщины удерживаютъ европейскихъ колонистовъ отъ злоупотребленій своею властью и отъ жестокаго обращенія съ неграми, такъ что, съ тѣмъ поръ, какъ появились европейскія женщины, тѣлесныя наказанія стали прижматься не такъ часто, какъ прежде. Любопытно отношеніе негровъ къ европейскимъ женщинамъ: они питаютъ къ европейнкамъ какое-то подобострастное уваженіе, но находятъ ихъ чрезвычайно некрасивыми, и когда въ Конго появилась первая европейская женщина, — къ слову сказать — очень недурная собой, негры нашли ее такой уродливой, что наввно пожалѣли европейцевъ, что у нихъ такія некрасивыя жены. Теперь негры уже привыкли къ наружности европейскихъ женщинъ, но все-таки продолжаютъ увлаться безвкусію европейцевъ, вышисывающихъ себѣ женъ изъ Европы и нежелающихъ жениться на туземныхъ женщинахъ.

Первобытный народъ. Молодой англійскій путешественникъ, Саваджъ Ландоръ издалъ книгу «Alone with the hairy Aïnu» (Наединѣ съ волосатыми айносами), въ которой описываетъ пребываніе на островѣ Иессе, самомъ сѣверномъ изъ японскихъ острововъ, среди рѣдкихъ образчиковъ человѣческой породы, представляющихъ нетронутые никакою культурой остатки первобытныхъ людей, не знающихъ ни законовъ, ни религіи, ни нравственности, ни промышленности, не вѣдающихъ никакихъ страстей и не имѣющихъ ни малѣйшей идеи о чемъ бы то ни было. Это — айносы, живущіе внутри острова, вдаль отъ японскихъ селеній. Очень немногіе изъ европейцевъ видѣли айносовъ, да и тѣ, кто видѣлъ, часто ошибочно принимали за айносовъ

японскихъ колонистовъ и метисовъ, живущихъ на берегу. Ландоръ, однако, оказался предприимчивѣе другихъ европейскихъ путешественниковъ и отправился вглубь острова, не смутившись заявленіемъ мѣстныхъ жителей японскихъ селеній, что ни одному человѣку еще не удавалось обойти весь островъ, вслѣдствіе непроходимости пути. Островъ Иессо дѣйствительно мало доступенъ, почти необитаемъ и очень дикъ; никакихъ дорогъ на немъ не существуетъ. Ничего этого Ландоръ не испугался и, захвативъ палитру и краски, отправился одинъ, безъ проводника, и даже почти безъ запаса провизіи, вглубь острова. Онъ пробылъ въ отсутствіи пять мѣсяцевъ, проведя ихъ среди айносовъ, глубоко заинтересовавшихся его своею первобытною и полнымъ отсутствіемъ какого бы то ни было умственнаго развитія. Онъ изучилъ ихъ языкъ и основательно познакомился съ нравами этихъ людей природы.

Ландоръ узналъ присутствіе айносовъ по запаху гораздо раньше, чѣмъ увидалъ ихъ. Отъ ихъ селеній на очень далекое разстояніе распространяется запахъ сушеной рыбы. Но этотъ запахъ смѣняется другимъ, гораздо болѣе неприятнымъ, вблизи самихъ айносовъ, напоминающимъ запахъ въ помѣщеніи обезьянъ, въ зоологическомъ саду. Ландоръ срисовалъ нѣсколько портретовъ съ айносовъ. Всѣ они чрезвычайно волосаты, точно медвѣди; волосы у нихъ растутъ иногда на лбу, и даже на носу, борода доходитъ до самыхъ глазъ. Шевелюра спускается низко по плечамъ, спереди же они подстригаютъ ее для того, чтобы она не закрывала имъ глаза. Это единственная забота ихъ о своемъ туалетѣ, другой они не знаютъ. Айносы живутъ и умираютъ, ни разу не вымывшись во всю жизнь. Они удивлялись тому, что Ландоръ купается въ рѣкѣ, и это купаніе воз-

буждало въ нихъ отвращеніе. «Должно быть, вы, бѣлые, очень грязны,—говорили они ему,—если нуждаетесь въ постоянномъ мытьѣ». На вопросъ Ландора, купается ли его собесѣдникъ когда-нибудь, айносы отвѣчали съ презрѣніемъ: «Мнѣ это не нужно; я очень чистъ». Кромѣ того, айносы увѣрили, что бѣлый человѣкъ очень дурно пахнетъ и пытались опредѣлить его запахъ, сравнивая его съ запахомъ извѣстныхъ имъ животныхъ, но не пришли ни къ какому заключенію, хотя очень добросовѣстно обнюхивали его.

Японцы пробовали было цивилизовать нѣкоторыхъ изъ нихъ; они увезли нѣсколькихъ молодыхъ айносовъ, вымыли ихъ, одѣли и помѣстили въ школу. Но вскорѣ пришлось ихъ вернуть на родину, такъ какъ въ новой обстановкѣ айносы умирали.

Аиносы ведутъ чисто животную жизнь; они живутъ въ шалапахъ изъ камыша, и только иногда занимаются рыбной ловлей и охотой, когда имъ нужно пополнить свои запасы. Остальное время они проводятъ въ полномъ бездѣйствіи, находясь въ состояніи какой-то меланхоліи и апатіи, изъ которой ихъ ничто не можетъ вывести, такъ какъ у нихъ нѣтъ ни страстей, ни желаній, какъ невѣдомо и любопытство, или привязанности; имъ неизвѣстны воспоминанія. У нихъ нѣтъ никакихъ представленій о возрастѣ, или о времени вообще. Старики распознаются по сѣдымъ волосамъ, дѣти же—по росту. У нихъ не существуетъ никакихъ понятій ни о прошедшемъ, ни о будущемъ. Событія совершенно исчезаютъ изъ ихъ памяти, и поэтому у нихъ нѣтъ традицій и не существуетъ никакихъ легендъ. Ихъ соціальная организація весьма не сложна. Семья почти не существуетъ. Отецъ беретъ себѣ въ жены свою собственную дочь, братъ—сестру, и никакихъ брачныхъ церемоній не существуетъ. Мужчины приводятъ къ себѣ жену и вы-

гоняетъ ее, когда она ему надоѣсть. Если онъ пожелаешь, то можетъ имѣть нѣсколько жегъ заразъ. Въ каждомъ селеніи есть король, который въ обыденной жизни ничѣмъ не отличается отъ своихъ подданныхъ и одѣвается такъ же, какъ они, зимою въ японскую блузу и звѣриныя шкуры, а лѣтомъ довольствуясь собственными волосами. Живетъ онъ, такъ же, какъ и прочіе, въ шалашѣ, среди всевозможныхъ нечистотъ. Только въ торжественные дни, когда японцы привозятъ айносамъ спиртные напитки, въ обмѣнъ на звѣриныя шкуры, онъ обвѣшиваетъ себя яркими лоскутками и надѣваетъ корону изъ древесной коры и морскихъ водорослей. Въ такіе дни всѣ айносы напиваются, и король напивается первый; въ этомъ, вѣроятно, заключается его единственное преимущество.

У айносовъ нѣтъ никакого понятія о какихъ-либо законахъ. Каждый дѣлаетъ то, что хочетъ; но любопытно, что никто изъ нихъ не дѣлаетъ ничего худого, т.-е. не дѣлаетъ никакого зла. Въ сущности, добро и зло для нихъ не существуютъ, ничто не считается безнравственнымъ. О нихъ надо судить, поэтому, скорѣе, какъ о животныхъ, а не какъ о людяхъ. Сами по себѣ они добры, вротки и мужественны и не дѣлаютъ дурныхъ поступковъ, не въ силу какой-нибудь морали, а потому, что не чувствуютъ потребности дѣлать зло. Молодые выказываютъ инстинктивное почтеніе старымъ, не считая этого ни своимъ долгомъ, ни добродѣтелью. Айносы пользуются «свободою равнодушія» по отношенію къ добру и злу, которое одинаково для нихъ не существуетъ.

Религіозныхъ понятій у айносовъ не существуетъ никакихъ;—у нихъ нѣтъ даже фетишей, нѣтъ даже и тѣни культа или какого-либо поклоненія. Айнось не умѣетъ молиться, и въ его языкѣ, одномъ изъ самыхъ бѣдныхъ на земномъ шарѣ, не су-

ществуетъ выраженій, которыя указывали бы на какое-нибудь смутное понятіе о божествѣ. Въ отношеніи умственного развитія айнось весьма мало отличается отъ обезьяны. Если айнось умираетъ, всѣ его тотчасъ же забываютъ. Айнось не знаетъ ни ненависти, ни дружбы, но все-таки знаетъ, что ему надо кормить свою семью, и смутно сознаетъ свою солидарность съ остальными членами селенія, основанную на общности интересовъ; до всего же остального міра ему нѣтъ никакого дѣла. Онъ не чувствуетъ къ своимъ сосѣдямъ ни вражды, ни дружбы. Къ обитателямъ другой деревни онъ совершенно равнодушенъ. Вражда, дружба—не существующія для него понятія. Всѣ имѣютъ право жить, но о томъ, чтобы помогать другъ другу, не можетъ быть и рѣчи.

Ландоръ, какъ сторонникъ эволюціонистской теоріи, очень подчеркиваетъ всѣ признаки сходства айносовъ съ обезьянами и другими животными, какъ въ отношеніи устройства скелета, такъ и въ отношеніи привычекъ и положенія тѣла. У айноса руки очень длинны, и вся сила его, главнымъ образомъ, въ головѣ и челюстяхъ, такъ что онъ пользуется головою и зубами во многихъ случаяхъ, когда другіе люди пользуются руками. Онъ лазаетъ по деревьямъ совсѣмъ какъ обезьяна, хватается вещи ногами и выражаетъ радость прыжками и ворчаніемъ. Айносы не знаютъ смѣха: когда они сердятся, они скалятъ зубы и ворчатъ. Но особенно они мастера дѣлать гримасы, и въ этомъ отношеніи не имѣютъ соперниковъ даже среди обезьянъ.

Какъ бы тамъ ни было, но айносы—это типъ первобытнаго человѣка, удивительно сохранившійся въ полной неприкосновенности, несмотря на относительно близость цивилизаціи. Жизнь этихъ первобытныхъ людей, однако, далеко не сладка,

и, не смотря на близость къ природѣ, они все-таки подвержены всевозможнымъ болѣзнямъ, которыя ведутъ къ ихъ вымиранію. По мнѣнію Ландора, вымиранію айносовъ содѣйствуетъ, главнымъ образомъ, отсутствіе какой бы то ни было гигиены, страшная грязь и нечистота, среди которой они

живутъ, часто не свѣжая пища и т. п. неблагоприятныя условія. Дѣти у нихъ тоже умираютъ массами, такъ какъ матери перестаютъ заботиться о нихъ по прошествіи восемнадцати мѣсяцевъ отъ рожденія и предоставляютъ имъ самимъ развиваться, какъ хотать.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

«Revue de Paris», «Natural Science», «Zukunft».

Оригинальная полемика, возникшая во французской печати по поводу вопроса о банкротствѣ науки, все еще не прекращается. Не только французскіе литераторы высказали свое мнѣніе объ этомъ вопросѣ, но и ученые сочли нужнымъ сказать объ этомъ свое слово. Послѣ Рише (статья котораго приводится выше) въ защиту науки выступилъ Бертело въ «Revue de Paris», напрямикъ заявившій, что предполагаемое банкротство науки— «заблужденіе людей, чуждыхъ научному духу». Бертело говоритъ, что великія заслуги науки заключаются въ томъ, что она не допустила «смертныхъ оцѣнѣтъ въ сознаниіи своего безсилія и въ пассивной покорности судьбѣ, а дала имъ силу и средства противодействовать этой судьбѣ, способствовать уменьшенію горя и несправедливости на землѣ». Конечно, наука не претендуетъ на то, чтобы дать «ключъ ко всей вселенной»: она сама знаетъ размѣры своего невѣжества и скромно въ этомъ сознается, но, тѣмъ не менѣе, то, что установлено наукой, то уже прочно. Наука вызвала тѣ измѣненія, которыя произошли въ социальной жизни съ того времени, какъ возникла цивилизація. Научный методъ существуетъ въ чистомъ видѣ всего лишь какихъ-нибудь два съ половиной вѣка, а между тѣмъ, какой громадный прогрессъ достигнутъ человѣчествомъ за это время, и какія благодѣянія для человѣчества

явились результатомъ введенія этого метода! Наука изгнала изъ употребленія слово «тайна». и это выраженія уже не встрѣчается въ запискахъ химиковъ и физиковъ, такъ какъ, если удавалось глубже проникнуть въ какія-нибудь явленія, то всегда оказывалось, что эти явленія совершаются въ силу извѣстныхъ, определенныхъ отношеній между причинами и слѣдствіемъ. Существуетъ только одинъ способъ достигнуть истины,— это—научный методъ, такъ какъ истина только одна, и не можетъ происходить изъ двухъ разныхъ источниковъ, т. е. «изъ глубинъ неизвѣстнаго» и «изъ опыта и наблюденія».

Бертело горячо возстаетъ противъ мистицизма, который снова выступаетъ на сцену, желая вернуть себѣ прежнее господство во имя религіи и нравственности, между тѣмъ какъ исторія развитія человѣческой расы и цивилизаціи указываетъ, что происхожденіе и прогрессъ нравственности берутъ свое начало изъ совершенно другихъ источниковъ. Понятія о нравственности проистекли изъ познанія вселенной (а это послѣднее могло быть достигнуто только при помощи науки) и изъ тѣхъ социальныхъ инстинктовъ, которые живутъ въ душѣ каждаго человѣка.

«Семья и государство,—говоритъ Бертело,—нравственность и добродѣтель постепенно произошли изъ тѣхъ самыхъ инстинктовъ общественности,

дѣйствіе которыхъ обнаруживается и теперь, какъ и прежде, у всѣхъ расъ. Но низменный уровень первобытныхъ людей былъ слишкомъ низокъ для того, чтобы они могли понять абстрактные законы своего собственного развитія и явленій природы; поэтому-то первобытные люди и стремились воплотить всѣ эти явленія и представить ихъ въ образѣ реальныхъ существъ, себѣ подобныхъ. Путешественники констатируютъ такую же самую склонность и у всѣхъ дикарей. Наблюденіе показываетъ, что люди часто бываютъ подвержены склонности объективировать продукты своего мышленія, создавать образы, символы, которыми они и придаютъ порою характеръ абсолютный и автономный. Въ глубинѣ сознанія каждого человѣка нашего времени живетъ понятіе о добрѣ и злѣ, и неизгладимое чувство долга. Это-то и есть тотъ «категорическій императивъ», о которомъ говоритъ Кантъ. Долгъ понимается человѣкомъ не только по отношенію къ самому себѣ, но и по отношенію къ другимъ, это и кладетъ начало солидарности. У общественныхъ животныхъ мы также встрѣчаемъ не только семейныя чувства, но и чувство солидарности и преданности. Эта преданность иногда доходитъ до самопожертвованія. Изученіе же человѣческихъ расъ, находящихся еще въ дикомъ состояніи, показало, что ихъ нравственности недалеко ушла отъ нравственности общественныхъ животныхъ.

«Нельзя упрекать науку въ крушеніи надеждъ, которыхъ она не возбуждала, и въ невѣрности тѣхъ утверждений, которыхъ она не дѣлала», — прибавляетъ Бертелло и указываетъ на то, какія великія услуги принесла наука человечеству открытіемъ великихъ истинъ. Наука вызвала къ жизни чувство патриотизма и чувство чести, уничижила рабство и пытки, провозгласила уваженіе къ человѣческой жизни, свободу личности, равенство

и солидарность людей. Слѣдовательно, не говоря уже о матеріальныхъ услугахъ, оказанныхъ наукою человечеству, она же способствовала созданію нравственныхъ идеаловъ и возможно-му ихъ осуществленію. И въ будущемъ научный методъ, какъ въ нравственномъ, такъ и матеріальномъ отношеніи, окажетъ такія же великія услуги человечеству, несмотря на всѣ стремленія умалить значеніе науки въ глазахъ людей, и конечно торжество науки обезпечить въ концѣ-концовъ людямъ возможный максимумъ счастья и нравственности.

Какъ бы тамъ ни было, но эта полемика противъ науки въ высшей степени характерна для нашего вѣка. Но остановить ходъ прогресса невозможно, и эта борьба между тѣми, кто извѣрился въ науку и хочетъ вернуться назадъ, и тѣми, кто толкаетъ человечество впередъ, убѣждая его не отчаиваться и вѣрить въ торжество знанія, врядъ ли можетъ задержать хотя бы даже на время его прогрессивное движеніе.

Японцы, какъ сообщаетъ Ф. А. Батиръ въ «Natural Science», питаютъ большое пристрастіе къ естественнымъ наукамъ. У нихъ врожденная любовь къ природѣ, которая выражается во всѣхъ сторонахъ ихъ жизни, въ искусствѣ, религіи, поэзіи и во всѣхъ ихъ ежедневныхъ занятіяхъ и праздничныхъ развлеченияхъ. Также сильна у японцевъ любовь къ цвѣтамъ. Ни одинъ японскій домъ, какъ бы онъ ни былъ малъ и бѣденъ, не обходится безъ садика, хотя бы и очень миниатюрнаго. Въ японскихъ гостинницахъ, даже самыхъ плохенькихъ, комнаты для пріѣзжихъ всегда украшены букетами цвѣтовъ. Любовь къ животнымъ у японцевъ развита также очень сильно, хотя и не такъ бросается въ глаза. Европейская цивилизація, встрѣтившая чрезвычайно благоприятную почву въ

Японія, однако не вытѣснила еще изъ сердца японцевъ этой наивной любви къ природѣ. Заговоривъ объ успѣхахъ европейской цивилизаціи въ Японіи, авторъ указываетъ на ту важную культурную роль, которую играютъ въ Японіи двѣ европейскія націи, англосаксонская и германская. Вначалѣ сами японцы, т.-е. наиболѣе культурные изъ нихъ, позаботились о введеніи въ Японію европейской цивилизаціи и культуры. Это было сдѣлано съ чисто оборонительными цѣлями, въ видахъ упроченія положенія Японіи и ея средствъ къ защитѣ. Но, съ теченіемъ времени, сама собою явилась необходимость передать цивилизаторскую дѣятельность въ руки иностранцевъ. И вотъ на помощь явились англичане и нѣмцы. Дѣятельность англичанъ ознаменовалась введеніемъ желѣзныхъ дорогъ, устройствомъ инженерной коллегіи, монетнаго двора, развитіемъ печати и т. п. Вліяніе же нѣмцевъ отразилось всего сильнѣе въ научной области, исторіи, медицинѣ и естественныхъ наукахъ. Естественныя науки въ Японіи, главнымъ образомъ, обязаны своимъ прогрессомъ германскимъ ученымъ. Первый, давшій толчокъ изученію естественныхъ наукъ въ Японіи, былъ нѣмецкій ученый. Энгельбрехтъ Кемпферъ, пріѣхавшій въ Нагасаки въ 1651 году. Онъ пробылъ въ Японіи два года и два мѣсяца и, какъ и прочіе иностранцы, долженъ былъ жить въ отведенномъ мѣстѣ, и только два раза побывалъ въ Іедо, вмѣстѣ съ голландскимъ посольствомъ. Несмотря на такія неблагоприятныя условія, онъ все-таки все время работалъ, собиралъ коллекціи и дѣлалъ изслѣдованія, которыя потомъ опубликовалъ по пріѣздѣ въ Европу. Въ его время знаніе естественной исторіи было очень мало распространено въ Японіи, и японцы, повидимому, интересовались только уродливыми типа-

ми, а животныхъ обыкновеннаго типа оставляли почти совсѣмъ безъ вниманія.

Спустя сто лѣтъ послѣ Кемпфера, въ Японію пріѣхалъ еще одинъ ученый, шведскій энтомологъ Тунбергъ, служившій врачомъ при посольствѣ. Онъ много поработалъ въ пользу распространенія знаній по зоологіи и ботаникѣ въ Японіи. Но больше всего пользы принесъ въ этомъ отношеніи Францъ фонъ-Зибольдъ, высадившійся въ Нагасаки въ 1823 году. Ему удалось, при помощи необычайной энергіи и силы характера, преодолѣть затрудненія, представляемыя подозрительностью и упрямствомъ японцевъ, предубѣжденіе которыхъ онъ побѣдилъ своею пріятливостью и веселостью, своимъ врачевнымъ искусствомъ, а также подкупомъ, къ которому онъ долженъ былъ прибѣгать для достиженія своихъ цѣлей. Однако, онъ чуть-было не поплатился за это. Распространился слухъ, что японскій шпіонъ продалъ ему карту Японіи. Зибольда схватили и заключили въ темницу, откуда его выпустили только въ 1830 году со строгимъ приказаніемъ никогда не возвращаться въ Японію.

Зибольдъ считаетъ характеристичною чертою японцевъ ихъ пристрастіе къ чудовищному. Онъ говоритъ, что японцы особенно много занимаются ботаникой, отчасти изъ практическихъ цѣлей, такъ какъ растительный міръ доставляетъ имъ все нужное для жизни и лѣченія болѣзней. Кромѣ того, ради удовольствія и украшенія своихъ домовъ японцы разводятъ очень рѣдкія растенія. Зоологія гораздо менѣе интересуетъ японцевъ, чѣмъ ботаника, такъ какъ животный міръ далеко не играетъ такой важной роли въ ихъ жизни и питаніи, какъ растительный міръ. Но они все-таки имѣютъ самыя точныя свѣдѣнія о такихъ животныхъ, которыя для нихъ полезны, особенно о рыбахъ и моллюскахъ. Японцы любятъ собирать

*

коллекціи раковинъ и выдѣлываютъ изъ раковинъ разныя вещи. Однако и тутъ они выказываютъ пристрастіе ко всякаго рода уродствамъ, и чѣмъ уродство сильнѣе выражено, тѣмъ болѣе оно получаетъ цѣну въ глазахъ японцевъ. То же замѣчается въ геологіи, успѣхи которой довольно значительны въ настоящее время.

Множество научныхъ учреждений, возникшихъ въ послѣднее время въ Японіи, указываетъ, какіе быстрые успѣхи сдѣлала Японія въ какіенибудь двадцать пять лѣтъ. Въ Токио существуетъ теперь при университетѣ ученая коллегія, затѣмъ геологическій институтъ, музей и множество ученыхъ обществъ. Всѣ эти учрежденія епособствуютъ распространенію познаній въ естественныхъ наукахъ, къ которымъ, вообще, японцы обнаруживаютъ въ настоящее время большую склонность. Конечно, японцамъ надо преодолѣть еще много препятствій прежде, чѣмъ они сдѣлаются настоящими учеными, но передъ нами теперь открыто широкое поле дѣятельности и они съумѣютъ этимъ воспользоваться.

Въ журналѣ «Zukunft» напечатанъ любопытный очеркъ Георга Брандеса о знаменитомъ норвежскомъ писателѣ, Бьернстернѣ - Бьернсонѣ. Въ этомъ очеркѣ Брандесъ указываетъ на совершенно исключительное, почти единичное въ лѣтописяхъ литературы, положеніе, которое занимаетъ Бьернсонъ по отношенію къ своей родной странѣ. Бьернсонъ не только великій писатель, но онъ, кромѣ того, представитель стремленій страны. Онъ является чѣмъ-то вродѣ педагога и воспитателя для своего народа. Бьернсонъ и самъ это создаетъ, и это придаетъ особенный отпечатокъ всѣмъ его произведеніямъ. Брандесъ говоритъ, что Бьернсонъ — педагогъ по призванію и выполняетъ эту обязанность не только

съ любовью и удовольствіемъ, но со священною серьезностью и савтиментальною восторженностью. Это не просто педагогъ, сухой и холодный, а великій воспитатель и пастырь душъ. Бьернсонъ принадлежитъ къ категоріи тѣхъ людей, которые смотрятъ на искусство, какъ на средство дѣйствовать на народный умъ, вліять на народъ, наставлять его и улучшать. По мнѣнію Брандеса, большіе романы Бьернсона страдаютъ именно отъ того, что въ немъ романистъ соединяется съ воспитателемъ. Бьернсонъ очень поздно сталъ писать романы. Брандесъ говоритъ, что онъ десять лѣтъ назадъ совѣтовалъ Бьернсону писать романы, но Бьернсонъ отнесся тогда съ презрѣніемъ къ этой формѣ художественной дѣятельности. Впослѣдствіи, однако, онъ измѣнилъ свое мнѣніе. «Бьернсонъ, — говоритъ Брандесъ, — воплощеніе самой плодотворной силы среди писателей сѣвера, такъ же какъ Ибсенъ олицетворяетъ собою наиболѣе оригинальный, наиболѣе странный умъ, Якобсонъ обнаруживаетъ наибольшую колоритность, а Стриндбергъ является наиболѣе ѣдкимъ и наиболѣе рѣзкимъ писателемъ. Бьернсонъ достигаетъ высоты, благодаря богатству своихъ способностей и природному избытку своихъ силъ. Своими качествами онъ обязанъ своему темпераменту, своими же недостатками — обществу, которое его окружаетъ. Онъ желалъ бы подчинить все своему искусству и хотѣлъ бы быть понятымъ всѣми и всѣхъ просвѣтить. Но, разумѣется, просвѣщеніе должно быть направлено къ сторону тѣхъ, кто больше всего въ немъ нуждается. Если же эти послѣдніе полагаютъ слишкомъ низко, то писатель не можетъ нарить слишкомъ высоко, онъ долженъ поневолѣ спускаться, и потому-то Бьернсонъ романистъ и парализуется Бьернсономъ педагогомъ, который долженъ спускаться въ низшіе слои.

НОВЫЯ ИНОСТРАННЫЯ КНИГИ.

II. *Taine, de l'Académie française: «Derniers essais de critique et d'histoire»* (Hachette et Co) Paris. (Послѣдніе критическіе и историческіе опыты). Этотъ томъ, заключающій въ себѣ статьи Тэна, напечатанныя имъ въ разное время, въ различныхъ журналахъ и обзорныхъ, входитъ въ составъ первой серіи «Bibliothèque variée». Авторъ предполагалъ самъ собрать ихъ въ одинъ томъ и издать, но другія заботы помѣшали ему сдѣлать это. Нынѣшніе издатели, печатая сборникъ этихъ статей, старались вполне сообразоваться съ желаніями покойнаго автора, не успѣвшаго привести въ исполненіе свое намѣреніе. Философія, политика, исторія, литературная критика, высшая эстетика—вотъ предметы, о которыхъ говорится въ статьяхъ, въ которыхъ талантъ автора обнаруживается съ полною силой. Между прочимъ, мы уважемъ на прекрасную статью о Жоржъ Зандъ. Двѣ статьи о Марселея и Эдуардъ Бергенъ принадлежатъ къ числу наиболее блестящихъ и глубокихъ произведеній Тэна; послѣдняя статья, представляющая настоящій «chef d'oeuvre» заключаетъ собою достойнымъ образомъ сборникъ.

(Revue politique et littéraire).

«*Progress of Science»* by I. Villin Marmery (Chapman and Hall). (Прогрессъ науки). Авторъ этой книги поставилъ себѣ задачей прослѣдить весь путь, пройденный научными открытіями отъ самаго зарожденія ихъ въ Египтѣ и Халдеи вплоть до нынѣшнихъ дней. Въ своемъ очеркѣ онъ описываетъ греческій, арабскій, средневѣковый и современный періоды и даетъ краткія біографіи знаменитыхъ людей, которымъ мы обязаны главными научными открытіями. Конечно, такая книга очень полезна, не только какъ указатель, но и какъ сборникъ, заключающій въ себѣ много интересныхъ данныхъ, касающихся исторіи развитія человѣческаго

знанія. Авторъ не дѣлаетъ попытокъ критическаго разбора и не касается условій, способствовавшихъ славіи того или другаго изъ ученыхъ дѣятелей; онъ только излагаетъ факты и даетъ понятіе о значеніи тѣхъ или другихъ научныхъ открытій для человѣчества.

(Daily News).

«*This World of Ours»* by Arnold Forster (Cassell and Co), (Нашъ міръ). Небольшой томъ выходитъ уже третьимъ изданіемъ, что, безъ сомнѣнія, указываетъ на успѣхъ этой книги. Это, насколько намъ извѣстно, единственное въ своемъ родѣ сочиненіе, заключающее въ себѣ, въ очень популярномъ изложеніи, массу свѣдѣній изъ области политической и физической географіи, климатологіи и картографіи и объясняющая связь, существующую между явленіями природы.

(Daily News).

«*Abraham Lincoln and Downfall of American Slavery»* by Noahs Brooks (G. P. Putnam's Sons). (Абраамъ Линкольнъ и паденіе американскаго рабства) Эта книга входитъ въ составъ серіи «Heroes of the Nations», прекрасно написана и полна интересныхъ подробностей, касающихся жизни и общественной дѣятельности Линкольна, личность котораго выступаетъ какъ живая въ разсказѣ автора.

(Daily News).

«*Lectures on the Darwinian Theory»* by Professor Arthur Milnes Marshall, edited by Dr. C. F. Marshall and M-s David Nutt. (Лекціи о теоріи Дарвина). Собраніе лекцій, читанныхъ покойнымъ профессоромъ Маршаллемъ въ обществѣ университетскаго движенія въ университетѣ Викторіи. Лекціи изложены очень популярно и поэтому появленіе ихъ въ видѣ отдѣльнаго сборника встрѣтило сочувственный приемъ въ публикѣ. Къ книгѣ приложены недурныя иллюстраціи, заимствованныя изъ оригинальныхъ рисунковъ и фотографій.

(Daily News).

«*The Training of Girls for work*» by Miss Edith A. Barnett (Macmillan and Co.). (Обученіе и приготоуленіе дѣвочекъ къ труду). Авторъ этой книги доказываетъ ложность существующихъ воззрѣній на женщину, которую принято считать слабымъ существомъ, негоднымъ къ болѣе или менѣе усиленному труду. Справедливо замѣчая, что людямъ часто приходится исполнять не то, къ чему они способны и что имъ по силамъ, а то, къ чему принуждаетъ ихъ необходимость, авторъ говоритъ, что женщинамъ всегда и во всѣ времена приходилось работать. Только въ последнее время стали кричать о неспособности женщинъ къ той или другой работѣ, когда женщина потребовала для себя равенства труда. Миссъ Барнеттъ находитъ, что посредствомъ физическаго и интеллектуальнаго воспитанія женщина можетъ сдѣлаться достойной конкуренткой мужчины во всѣхъ отрасляхъ труда. Въ книгѣ заключается очень много полезныхъ указаний, касающихся воспитанія дѣвочекъ. (Daily News).

«*Livingstone and Stanley from W. and R. Chambers*». (Ливингстонъ и Стэнли). Очень живо написанная небольшая книга, въ которой, въ формѣ биографіи двухъ знаменитыхъ путешественниковъ, разсказана исторія первыхъ изслѣдованій чернаго континента. Разсказъ не лишенъ драматическаго интереса. (Bookseller).

«*Science and Ethics*». By W. A. Macdonald (Swan Sonnenschein and Co.). (Наука и этика). Авторъ принадлежитъ къ числу восторженныхъ мечтателей-реформаторовъ, не разъ уже дѣлавшихъ попытки создать такую социальную систему, которая доставила бы возможную сумму счастья людямъ. Въ шести лекціяхъ, составляющихъ вышеназванную книгу и читанныхъ авторомъ въ обществѣ изслѣдованія естественныхъ законовъ (Natural Law Research League), онъ развиваетъ свою панацею противъ всѣхъ общественныхъ золъ. Конечно, многое, что проповѣдуетъ авторъ, совершенно лишено практическаго значенія, но, тѣмъ не менѣе, книга не лишена интереса, такъ какъ въ ней заключается много здравыхъ и хорошихъ мыслей. (Daily News).

«*My Happy Half Century: The autobiography of an american Woman*. By Frances E. Willard. Edited by Frances E. Cook, with an introduction by Lady H. Somerset. (Счастливые полтыся мои жизни). Въ этой книгѣ авторъ ея, миссъ Вилларъ, разсказываетъ свою жизнь и общественную дѣятельность.

Миссъ Вилларъ была первою женщиной, избранной президентомъ американской коллегіи, и организовала въ Чикаго женское общество трезвости. Описываетъ, какъ американскія женщины организовали борьбу съ распространеніемъ пьянства въ Соединенныхъ Штатахъ и какое дѣятельное участіе онѣ принимали въ аболиціонномъ движеніи, подаетъ интересныя подробности. Интересно также описаніе прежняго Чикаго и страшнаго пожара, который истребилъ этотъ городъ, но главный интересъ книги миссъ Вилларъ заключается все-таки въ томъ, что въ ней можно найти доказательства огромнаго вліянія, какое имѣютъ американскія женщины на общественныя дѣла въ своемъ отечествѣ. (Daily News).

«*A Water Biography*». By Robert C. Leslie. Illustrated by the author (Chapman and Hall). (Морская биографія). Очень занимательная маленькая книга, умно и живо написанная, заключающая въ себѣ интересные очерки жизни на морѣ. Авторъ описываетъ свои морскія путешествія и походы и знакомитъ читателей съ особенностями морской жизни. Эту книгу можно рекомендовать, какъ интересное и здоровое чтеніе. (Athaeneum).

«*Libraries in the Mediaeval and Renaissance Periods*» by W. S. Clark. M. A. (Cambridge Macmillan and Bowes). (Библиотеки въ средніе вѣка и въ эпоху возрожденія). Авторъ далъ своей маленькой книгѣ слишкомъ громкое названіе, такъ какъ въ ней заключается болѣе свѣдѣній о зданіяхъ, въ которыхъ были устроены бібліотеки, и о внѣшнемъ ихъ устройствѣ, нежели о книгахъ, входившихъ въ составъ этихъ бібліотекъ. Тѣмъ не менѣе, въ книгѣ заключаются нѣкоторыя интересныя данныя, касающіяся положенія бібліотекъ и распространенія чтенія въ вышеназваннаго эпохи. (Bookseller).

«*Good Reading about many books. Mostly by their authors* (Fisher Unwin). (Лучшія мѣста для чтенія съ произведеній различныхъ авторовъ; мнѣніе самихъ авторовъ). Въ этой книгѣ болѣе популярныя писатели высказываютъ мнѣніе о себѣ и своихъ произведеніяхъ. Конечно, сужденіе автора о своемъ произведеніи не всегда бываетъ свободно отъ пристрастія и къ нему надо относиться съ осторожностью, но, тѣмъ не менѣе, оно не лишено интереса. Еще интереснѣе, безъ сомнѣнія, получить свѣдѣнія изъ самаго источника о томъ, какъ и при какихъ условіяхъ зародилась у автора идея того произведенія.

которое онъ признаетъ наиболѣе характернымъ и лучшимъ, и какъ онъ привелъ въ исполненіе эту идею. Дѣйствительно, нѣкоторые изъ очерковъ, помѣщенные въ книгѣ, очень любопытны и характерны для исторіи литературнаго творчества нашего времени. Многие изъ авторовъ входятъ въ подробныя объясненія того, что ихъ побудило написать ту или другую книгу и почему они сочли нужнымъ провести въ своемъ произведеніи ту или другую идею. Почти каждый очеркъ снабженъ портретомъ автора, Книга имѣетъ успѣхъ, такъ какъ исторія литературныхъ произведеній всегда интересуеетъ читателей. (Athaenem).

«*Childhood in Litterature and Art; with some observations on Litterature for Children. A study. By Horace P. Scudder (Boston and New-York: Houghton, Mifflin and Co).* (Дѣти въ литературѣ и искусствѣ; нѣсколько примчаній о дѣтской литературѣ). Авторъ посвящаетъ свою книгу обзору литературы, специально предназначенной для того, чтобы питать и развивать дѣтскій умъ и воображеніе. Онъ начинаетъ свой очеркъ дѣтской литературы съ древнихъ временъ, со временъ Греціи и Рима и разсматриваетъ какъ греческіе, латинскіе и древне-еврейскіе авторы рисовали дѣтей въ своихъ произведеніяхъ. Затѣмъ онъ переходитъ къ христіанству, средне-вѣковой и современной литературѣ. Маленькія дѣти играютъ весьма незначительную роль въ произведеніяхъ греческихъ авторовъ, и если появляются въ греческихъ драмахъ, то лишь для того, чтобы внушать состраданіе. Въ англійской литературѣ, только со временъ Диккенса, дѣти заняли видное мѣсто. Настоящая же дѣтская литература возникла всего лишь около ста лѣтъ тому назадъ. Большая эрудиція автора и масса полезныхъ взглядовъ, которые онъ высказываетъ въ своей книгѣ на значеніе и исторію дѣтской литературы, заставляютъ причислить эту книгу къ разряду такихъ, которыя должны занять почетное мѣсто во всякой библиотекѣ.

(The Literary World).

«*The Romance of History*» by Herbert Greenhough Smith. Second edition (George Newnes). (Романъ исторіи). Авторъ, составляя свой сборникъ, дѣйствовалъ съ полнымъ безпристрастіемъ, заимствуя свои рассказы изъ исторіи Италіи, Испаніи, Англійи и Франціи. Каждая изъ этихъ странъ внесла свою долю въ это собраніе повѣствованій о жизни и приключеніяхъ различныхъ историческихъ личностей. Но авторъ,

повидимому, все-таки отдаетъ предпочтеніе романическимъ эпизодамъ изъ XVII и XVIII вѣковъ. Дѣйствительно, многие изъ эпизодовъ, взятыхъ изъ этой эпохи, полны захватывающаго интереса и до такой степени необыкновенны, что современнымъ читателямъ могутъ показаться даже совершенно неправдоподобными. Но то было другое время и другіе люди и, надо сознаться, «странное время и странные люди». Ни одинъ изъ современныхъ романистовъ не рискнулъ бы, конечно, заставить своего героя пережить такія приключенія, какія, напримѣръ, пришлось на долю Казановы или Мазаниелло. Въ числѣ героевъ, приключенія которыхъ описаны авторомъ, находятся Марино Фальери, рыцарь Баяръ, принцъ Рупертъ и мн. др. Живое, блестящее и художественное изложеніе обезпечили успѣхъ книги и поэтому неудивительно, что она вышла уже вторымъ изданіемъ. Исторія въ ней освѣщается романическимъ колоритомъ, и это въ значительной степени способствуетъ усиленію интереса.

(The Literary World)

«*Natural Rights A criticism of some political and ethical conceptions.* By David G. Ritchie, M. A. (Swan Sonnenschein). (Естественныя права: критика нѣкоторыхъ политическихъ и этическихъ понятій). Книга профессора Ричи очень полезна для настоящаго времени и читатель, заинтересованный въ отдѣленіи плевель отъ пшеницы при обсужденіи социальныхъ вопросовъ, не найдетъ скучной ни одну главу этой книги. Она не требуетъ отъ читателя ни особенныхъ знаній, ни особенной эрудиціи, выходящей за предѣлы уровня обыкновенной образованности, такъ какъ критическій разборъ различныхъ социальныхъ ученій изложенъ яснымъ и простымъ языкомъ. И въ этомъ отношеніи трактатъ профессора Ричи значительно отличается отъ многихъ другихъ трактатовъ по различнымъ философскимъ вопросамъ. Между прочимъ, проф. Ричи доказываетъ, что принципы 89 года вовсе не составляютъ принадлежности французской революціи. Билль о правахъ, выдвинутый въ 1776 году въ Виргиніи, въ такой же крайней формѣ признавалъ «естественныя права», какая получила официальную санкцію въ Парижѣ, а главные пункты этой декларации можно найти даже въ пуританскихъ тезисахъ XVII столѣтія. Во второй главѣ своей книги профессоръ Ричи изслѣдуетъ исторію развитія идеи природы въ законахъ и политикѣ. Въ третьей главѣ онъ говоритъ о Руссо и его философіи. Глав-

ное достоинство книги профессора Ричи заключается въ томъ, что она написана языкомъ понятнымъ для всѣхъ. Отъ общаго профессоръ переходитъ къ частностямъ и двѣ трети своей книги посвящаетъ обсужденію частныхъ «естественныхъ правъ» человѣка, права жизни, свободы, терпимости, равенства, собственности и т. п. Очень интересны главы, посвященныя отношеніямъ отдѣльныхъ индивидуумовъ къ общинѣ.

(Literary World).

«*Essays*». By Sarah Atkinson (Dublin: Gill and Son). (Опыты). Авторъ этихъ опытовъ, покойная мистриссъ Аткинсонъ, не была крупнымъ литераторомъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова, но только потому, что занятія литературой не составляли главнаго въ ея жизни и она отдавала имъ только свои досуги. Она посвятила себя филантропической дѣятельности въ Ирландіи, но, читая ея «опыты», касающіеся различныхъ сторонъ ирландской жизни и исторіи, невольно приходится придти къ заключенію, что въ лицѣ ея Ирландія потеряла именно такого историка, въ какомъ она такъ сильно нуждается. Мистриссъ Аткинсонъ въ своихъ опытахъ бросаетъ яркій свѣтъ на прошлое и настоящее Ирландіи и на всѣ тѣ затрудненія, которыя приходится переживать этой странѣ. Книга написана очень художественнымъ и живымъ языкомъ и поэтому читается очень легко, точно беллетристическое произведеніе. Особенно хороша и поэтична глава, въ которой мистриссъ Аткинсонъ рассказываетъ объ ирландскихъ священныхъ легендахъ. «Опыты» мистриссъ Аткинсонъ смѣло могутъ быть причислены къ ряду классическихъ произведеній ирландской литературы и могутъ быть рекомендованы всѣмъ, интересующимся ирландскими дѣлами.

(Literary World).

«*Psychology for Teachers*». By C. Lloyd Morgan, Principal of University College, Bristol. With a preface by I. G. Fitch M. A. (Edward Arnold). (Психологія для учителей). Книга предназначается для педагоговъ, желающихъ ознакомиться подробнѣе съ вопросами психологіи. Въ ней заключается много интересныхъ свѣдѣній, касающихся психологіи сознания, ассоціацій, опыта и наблюденія, воспріятія впечатлѣній, анализа, способности общенія, умственного развитія, рѣчи, мышленія, литературныхъ способностей, характера и т. п. Книга Моргана прочтется съ интересомъ не одними только педагогами.

(Daily News).

«*Women in India*». By Mary Frances Billington. With introduction by the Marchioness of Dufferin and Ava. Illustrated (Chapman and Hall). (Женщины въ Индіи). Авторъ этой книги, мистриссъ Биллингтонъ, членъ редакціи газеты «Daily Graphic», отправилась въ Индію съ цѣлью ознакомиться съ положеніемъ женщины въ этой странѣ. Пробывъ въ Индіи около трехъ съ половиною мѣсяцевъ, мистриссъ Биллингтонъ, составила изъ собранныхъ ею данныхъ вышеозначенную книгу, заключающую въ себѣ не мало любопытныхъ свѣдѣній объ англоиндійскомъ обществѣ и женщинахъ въ Индіи. Безъ сомнѣнія, обыкновенный читатель найдетъ эту книгу очень интересной и прочтетъ ее съ удовольствіемъ, хотя люди, серьезно интересующіеся индійскими вопросами, и найдутъ, быть можетъ, немножко поверхностнымъ знакомство мистриссъ Биллингтонъ съ Индіей.

(Literary World).

«*Imagination in Dreams and their study*». By Frederick Greenwood. (Роль воображенія въ сновидѣніяхъ). По всей вѣроятности, эта книга заинтересуетъ многихъ читателей, раздѣляющихъ мнѣніе автора, что до сихъ поръ еще недостаточно разъяснена дѣятельность воображенія въ то время, когда воля отсутствуетъ, какъ это бываетъ во время сна. Авторъ возстаетъ противъ поверхностнаго отношенія къ сновидѣніямъ и говоритъ, что они заслуживаютъ глубокаго и серьезнаго изслѣдованія, такъ какъ это изслѣдованіе могло бы осветить многія темныя стороны психологіи человѣка и его мозговой дѣятельности. Авторъ приводитъ много интересныхъ примѣровъ, указывающихъ на то, какое вліяніе имѣли сновидѣнія на творческую фантазію человѣка. По мнѣнію автора, способность воображенія во время сна проявляется всегда съ особенною силой. Очень часто люди, у которыхъ сновидѣнія были особенно живы и особенно ярки, просыпаются съ тяжелой головой, какъ послѣ усиленной мозговой дѣятельности. Не имѣя претензіи разрѣшить сложный вопросъ психологіи сна, авторъ все-таки намѣчаетъ путь къ изслѣдованію этого вопроса и поэтому книга его заслуживаетъ вниманія.

(Literary World).

«*Meteorology, Practical and applied*». by Dr. John William Moore (F. S. Repton). (Метеорологія на практикѣ и въ прижитіи). Книга эта входитъ въ составъ такъ-называемой «The Sanitary Series»; авторъ ея—врачъ, посвятившій свои досуги наблюденію метеорологическихъ явленій и той связи, которая

существует между этими явлениями и эпидемическими болѣзнями. Эту, далеко еще невыясненную связь, авторъ старается опредѣлить на основаніи собственныхъ наблюденій и наблюденій другихъ ученыхъ. Книга очень интересна, такъ какъ бросаетъ нѣкоторый лучъ свѣта на темный и сложный вопросъ о происхожденіи болѣзней и отношенія ихъ къ метеорологическимъ явлениямъ.

(Daily News).

«*Cameos of Literature*» by *Mrs Valentine (F. Warne and Co)*. (*Литературныя камеи*). Новое изданіе, входящее въ составъ серіи, извѣстной подъ названіемъ «Half Hours with the best authors» (полчаса, проведенные съ лучшими авторами), заключающа въ себѣ избранныя мѣста изъ популярныхъ авторовъ. Вмѣстѣ съ прежде вышедшими томикомъ этой серіи, это составляетъ уже 150 статей лучшихъ авторовъ — цѣлую бібліотеку, находящуюся въ распоряженіи читателя, желающаго провести «полчаса» со своими любимыми писателями.

(Daily News).

«*Sheep or Goats?*» by *Valentine Delle (Fisher Unwin)*. (*Бараны или козы?*). Интересная и до нѣкоторой степени способная навести на размышленія книга, но отнюдь не бездетристическое произведеніе, къ которымъ она причисляется. Страницы ея наполнены разсужденіями о разныхъ политическихъ, философскихъ и общественныхъ вопросахъ, о женскомъ вопросѣ, бракѣ и т. п. вопросахъ, составляющихъ злобу дня. На ряду съ многочисленными цитатами изъ разныхъ писателей, поэтовъ, мыслителей, авторъ рассказываетъ и свои собственные взгляды на эти вопросы. Тѣмъ не менѣе, въ книгѣ имѣется фабула, что и заставило включить ее въ отдѣлъ беллетристики. Но изображенные авторомъ характеры не представляютъ отдѣльныхъ индивидуумовъ, — это все типы, олицетворяющіе собою современныя направленія. Во всякомъ случаѣ интересъ книги заключается не въ исторіи, разсказываемой авторомъ, а въ тѣхъ вопросахъ, которые онъ поднимаетъ и обсуждаетъ.

(Daily News).

«*Un compagnon de voyage*» par *Eugène Guyon (Dentu)*. (*Товарищъ въ путешествіи*). Книга, удостоенная почетнаго отзыва французской академіи, заключаетъ въ себѣ интересные разсказы о разныхъ современныхъ событіяхъ. Нѣкоторые изъ этихъ разсказовъ исполнены драматическаго интереса, другіе же представляютъ тонкую сатиру и блестятъ юморомъ.

(Journal des Débats).

«МІРЪ БОЖІЙ», № 3, МАРТЪ.

«*From Edinburgh to the Antarctic. An Artists Notes and Sketches among the Dundee Antarctic Expedition of 1892—1893.* By *W. G. Burn Murdoch. With a chapter by U. S. Bruce, Naturaliste of the barque Balaena (Longmans)* (*Отъ Эдинбурга до антарктической области; заметки и эскизы художника, принимавшаго участіе въ антарктической экспедиціи 1892—1893*). Таинственная, неизвѣданная область антарктическаго круга вліяетъ на воображеніе сильнѣе, нежели область сѣвернаго полюса, давно уже служащая цѣлью всевозможныхъ экспедицій. Южный полюсъ до сихъ поръ не былъ достигнутъ и экспедиціи отправлялись туда весьма рѣдко. Въ вышеозначенной книгѣ описана одна изъ подобныхъ экспедицій, отправившаяся въ сентябрѣ 1892 г. въ область южнаго полюса, съ цѣлью произвести нѣкоторыя метеорологическія и др. наблюденія, а также поохотиться за китами. Къ сожалѣнію, это послѣднее обстоятельство въ значительной мѣрѣ помѣшало выполненію научныхъ цѣлей экспедиціи, но, тѣмъ не менѣе, она не осталась бесплодной по своимъ результатамъ. Авторъ вышеозначенной книги, художникъ по профессіи, присоединился къ экспедиціи, частью потому что его привлекала таинственная антарктическая область, частью же потому, что онъ не желалъ разставаться со своимъ другомъ, натуралистомъ Брюссомъ, научныя наблюденія котораго собраны въ послѣдней главѣ книги, заключающей въ себѣ очень художественное и поэтическое описаніе области вѣчныхъ снѣговъ и льда, бѣлыхъ медвѣдей и сѣвернаго сіянія.

(Daily News).

«*Arc en ciel*» roman du *Neô-Japon*, par *Jean Dargène (Couronné par l'Académie française chez Léon Chailley. (Pardua)*. Предестная идиллія, предметомъ которой служитъ социальная, религиозная и политическая жизнь Японіи, какъ въ прошломъ, такъ и въ настоящемъ. Многія современныя событія освѣщаются въ этой книгѣ, что и составляетъ ее главный интересъ, помимо другихъ достоинствъ, яркости красокъ и поэтичности стиля. (Journal des Débats).

«*China past and present*» *M-r B. S. Gundry (Chapman and Hall)*. (*Китайъ въ прошедшемъ и настоящемъ*). Авторъ разсматриваетъ въ своей книгѣ условія, вызвавшія антагонизмъ Китая европейскому вліянію и результаты этого антагонизма въ прошедшемъ и настоящемъ. Очень интересны главы, касающіяся общественной и воспитательной системы Китая, его промышленнаго прогресса.

са, торговли и т. п. Въ виду возрастающаго интереса, который приобретаютъ державы крайняго востока въ глазахъ Европы. появленіе вышеназванной книги очень своевременно.

(Daily News).

«*Colour vision*» by Captain W. de W. Abney, with coloured plate and numerous diagrams (Sampson Low and Co). (Цветное зрѣніе). Книга составлена изъ лекцій, читанныхъ авторомъ въ прошломъ году, въ королевскомъ институтѣ. Въ этихъ лекціяхъ изложены результаты научныхъ изслѣдованій автора и

физическихъ опытовъ, произведенныхъ совместно съ другими учеными. Авторъ освѣщаетъ положеніе современной науки, касаясь въ то же время многихъ нерѣшенныхъ вопросовъ и указывая пути къ возможному ихъ разрѣшенію. Очень интересна лекція, касающаяся цветной слѣпоты, примѣры которой авторъ цитируетъ изъ собственнаго опыта и наблюденія. Лекція эти очень напоминаютъ своею формою и популярнымъ изложеніемъ знаменитыя лекціи Тиндаля.

(Daily News).

Издательница А. Давыдова.

Редакторъ Викторъ Острогорскій.

ОБЗОРЪ ОБЩЕДОСТУПНЫХЪ КНИГЪ

ЛИТЕРАТУРНАГО И НАУЧНАГО СОДЕРЖАНІЯ.

Составляется подъ редакціей особой коммисіи, по порученію
Комитета Грамотности, состоящаго при ИМПЕРАТОРСКОМЪ
Вольномъ Экономическомъ Обществѣ.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1895.

ОТЪ КОММИССИИ.

Приступая къ печатанію обзора общедоступныхъ книгъ литературнаго и научнаго содержанія, коммиссія считаетъ долгомъ выяснить слѣдующее:

1) Какъ извѣстно всѣмъ лицамъ, интересующимся дѣломъ народнаго образованія, С.-Петербургскимъ Комитетомъ Грамотности уже въ 1878 году былъ изданъ „Систематическій обзоръ русской народно-учебной литературы“. Вслѣдъ за этимъ изданіемъ въ 1882 г. явилось новое изданіе того же Комитета „Дополненіе къ систематическому обзору русской народно - учебной литературы“. Наконецъ, въ настоящее время заканчивается печатаніе новаго труда того же характера, предпринятаго спеціальной коммиссіей при Комитетѣ и доведеннаго включительно до 1893 года.

2) Имѣя въ виду скорое появленіе этого новаго труда въ свѣтъ и находя желательнымъ поставить подобныя обзоры литературы на болѣе правильную почву, Комитетъ Грамотности призналъ возможнымъ придать такимъ обзорамъ характеръ періодическаго изданія. Съ этой цѣлью коммиссія по составленію обзора нашла нужнымъ предложить нѣкоторыя измѣненія въ новомъ изданіи, по сравненію съ предыдущими, и эти измѣненія были приняты Комитетомъ.

I) Признано необходимымъ раздѣлить обзоръ на два самостоятельныхъ отдѣла: а) книгъ общедоступнаго содержанія и б) школьнаго и педагогическаго характера, и II) рѣшено печатать тотъ и другой отдѣлъ, по возможности, ежемѣсячно при одномъ изъ періодическихъ изданій.

При этомъ коммиссія принуждена заявить, что ей удалось организовать только первый отдѣлъ, веденіе котораго поручено спеціалистамъ по различнымъ отраслямъ знанія и литературы, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ коммиссіи.

*

По взаимному соглашенію съ редакціей журнала „Міръ Божій“, этотъ отдѣлъ будетъ печататься въ ездѣ приложенія къ „Міру Божьему“ съ особенной нумераціей и особеннымъ оглавленіемъ.

Въ концѣ года, такимъ образомъ, составитъ цѣлая книга; къ ней будетъ приложенъ подробный систематическій указатель рецензій, помѣщенныхъ въ обзорѣ, а также библиографическій перечень всѣхъ бывшихъ на разсмотрѣніи комиссіи книгъ, какъ тѣхъ, о которыхъ были помѣщены рецензіи, такъ и тѣхъ, о которыхъ рецензіи вовсе не будутъ напечатаны.

1. Жизнь земли*). *Пуше*. Перевелъ и дополнилъ Н. Ляминъ (съ 30 рисунками). Полезная библіотека. Приложение къ журналу «Природа и Люди» стр. 163. 1894. Спб.

Эта небольшая книжка представляетъ краткое популярное изложеніе всей геологіи. Первые главы ея (I—VIII) излагаютъ исторію прошлой жизни земли до ея настоящаго состоянія. Въ одной изъ этихъ главъ, между прочимъ, говорится о «доисторическомъ человѣкѣ», другая посвящена «окаменѣlostямъ» и т. д. Вторая часть книжки, обнимающая современные геологическія явленія, занимаетъ 107 стр. и изложена значительно полнѣе, болѣе научно и занимательно, между тѣмъ какъ въ первой части встрѣчается не мало ошибокъ, которыя объясняются тѣмъ, что брошюра Пуше нѣсколько устарѣла, а переводчикъ, вѣроятно, недостаточно знакомъ съ этимъ отдѣломъ геологіи. Такъ, на стр. 20 сразу двѣ ошибки: опечатки лапъ среди пластовъ триаса принадлежать не птицамъ, какъ пишетъ составитель; это слѣды хиротерія и *Brontozoum*; на этой же стр. белемниты

*) Комиссія считаетъ необходимымъ замѣтить, что къ первой январской книжкѣ «Мира Божьяго» она прилагаетъ сравнительно ограниченное число рецензій, въ виду новизны дѣла и тѣхъ трудностей, которыя естественно связаны со всякой новой организаціей, когда въ немъ участвуетъ много лицъ. Къ концу 1895 года комиссія разсчитываетъ помѣстить всѣ рецензій на книги за 1894 годъ и на всѣ тѣ книги за 1895 годъ, которыя будутъ своевременно получены комиссіей для рецензій.

названы раковинами; на стр. 23 на рисунокъ подъ названіемъ трилобита помѣщена *Terebratula*. Зато въ этомъ отдѣлѣ мы находимъ интересные рисунки реставрированныхъ скелетовъ ископаемыхъ животныхъ, съ указаніемъ ихъ размѣровъ по отношенію къ росту человѣка, а также воображаемые пейзажи прежнихъ геологическихъ эпохъ, напр. пейзажъ каменноугольнаго періода. Остальные рисунки относятся къ числу болѣе или менѣе извѣстныхъ географическихъ картинъ. Въ общемъ книга можетъ быть полезной и покажется интересной читателю, не знакомому съ геологіей и физической географіей, въ особенности если при второмъ изданіи будутъ исправлены многія погрѣшности и опечатки (напр. *Eoson Canadense* вм. *Eozoon Canadense* на стр. 11 и др.).

Н. Б.

2. Земля. Описаніе жизни земного шара *Эл. Реклю*. Переводъ безъ пропусковъ съ послѣдняго французскаго изданія А. В. Мерьеръ подъ редакціей и съ примѣчаніями Н. А. Рубакина. Вып. I. Земля, какъ равнина. Горы и равнины. Съ 26 рис. и 4 картами. Стр. 229. Цѣна 90 к.

Всѣ произведенія этого замѣчательнаго французскаго географа носятъ печать удивительнаго величія, прелести въ описательной сторонѣ, поразительной смѣлости и глубины многихъ обобщеній, причѣмъ характеръ всего изложенія неизмѣнно отличается тѣмъ истиннымъ краснорѣчіемъ ученаго и художника, которое пробуждаетъ въ читателѣ уваженіе и поклоненіе къ

наукѣ и воодушевляеть его энтузіазмомъ къ великимъ цѣлямъ, преслѣдуемымъ ею. Въ этомъ отношеніи сочиненіе его «La Terre», являющееся теперь по русски въ новомъ переводѣ, долго еще не утратитъ своего значенія. Однако сочиненіе это имѣеть научный характеръ и, какъ такое, требуетъ отъ автора, полнаго знакомства со всѣми новыми добытыми наукой данными. Между тѣмъ основныя воззрѣнія Реклю сложились еще въ то время, когда въ наукѣ царили Риттеръ, Леопольдъ ф. Бухъ и Гумбольдъ, многіе взгляды которыхъ имѣють теперь лишь историческое значеніе. Свое сочиненіе Реклю написалъ въ 1867 г., т.-е. 27 лѣтъ тому назадъ, и мало въ чемъ дополнилъ его въ послѣдующихъ изданіяхъ. Только то обстоятельство, что книга носитъ, главнымъ образомъ, описательный характеръ, до извѣстной степени дѣлаеть незамѣтнымъ ея устарѣлость. Нѣмцы давно уже поправили этотъ недостатокъ ея. «Die Erde» Уле представляетъ много исправленій сравнительно съ «La Terre» Реклю. А книга Уле вышла вторымъ изданіемъ еще въ 1892 г. Не отрицая за сочиненіемъ Реклю его великаго возбуждающаго значенія для читателя, мы, однако, думаемъ, что издатель сдѣлалъ большую ошибку, выпустивъ новый переводъ книги Реклю безъ необходимыхъ дополненій. Переводъ сдѣланъ внимательно, многія иллюстраціи и невысокая цѣна должны доставить книгѣ достаточно широкое распространеніе. Однако, по своему содержанію и изложенію, «Земля» никакъ не можетъ быть причислена къ изданіямъ, вполне общедоступнымъ, ибо она требуетъ отъ читателя и извѣстной подготовки, и изряднаго интереса къ предмету.

Съ цѣлью облегчить малоразвитому читателю пониманіе книги Реклю, редація приложила въ концѣ выпуска нѣчто въ родѣ краткой энциклопедіи, по объему представляющей собою

ровно треть книги; въ ней подробно объясняются слова, непонятныя необразованному читателю. Но цѣль этихъ объясненій едва ли достигнута. Затрудненіе для читателя заключается не столько въ терминахъ и именахъ, какъ въ самой сложности и порой отвлеченности изложенія Реклю. Да и самыя объясненія не всегда удачны и притомъ случайны. Такъ, напр., венгерскому поэту Петефи, не имѣющему никакого отношенія къ землѣвѣдѣнію, посвящено $\frac{1}{4}$ страницы, а объ Алекс. Гумбольдтѣ нѣтъ ни слова; о Л. ф. Бухѣ полторы строки; многихъ другихъ именъ совсѣмъ нѣтъ, напр., нѣтъ путешественника Дюверье; имя его появляется также мимоходомъ, какъ и имя Петефи, но какъ о путешественникѣ свѣдѣнія о немъ были бы умѣстнѣе. Четыре плохихъ карты изд. Ильина, не имѣющихъ никакого отношенія къ тексту, ничего не прибавляютъ къ достоинству сочиненія.

Указанные недостатки могутъ имѣть для этого хорошаго изданія роковыя послѣдствія, если издатели не позаботятся исправить и пополнить новые выпуски болѣе вѣрными и свѣжими данными. Рисунковъ въ книгѣ много и они хорошаго достоинства и разнообразны; вообще все изданіе очень чистое. Въ концѣ книги весьма встаетъ помѣщенъ довольно полный списокъ популярнонаучныхъ книгъ по астрономіи, по минералогіи, и петрографіи, по геологій и палеонтологіи, вышедшихъ до послѣдняго времени на русскомъ языкѣ.

Н. Б.

3. Русскіе народы. Наброски перомъ и карандашемъ. Рисунки Л. Л. Бѣлякина. Текстъ подъ редакціею профессора Н. Ю. Заграфа. Выпускъ I. Таблицъ рис. 6, стр. 14. Сѣверный край, Финляндія, Прибалтійскія губ., Сѣверозападный край и долина средняго теченія Вислы. Вып. II, таблицъ 6, стр. 14. Черноземное про-

странство, Низменное пространство, Степь и Бессарабія, Таврической полуостровъ и губ.: Петербургская, Новгородская и Псковская. Цѣна каждому вып. 60 к. Москва. 1894 г.

Очерки эти по словамъ предисловія, написаннаго отъ редактора, «имѣютъ самую скромную задачу—представить читателю, интересующемуся населеніемъ Россіи, краткіе наброски, касающіеся какъ наружнаго вида его, такъ и природы, окружающей эту пеструю семью великаго Русскаго государства». Скромной своей цѣли эти очерки, дѣйствительно, достигаютъ вполне. Рисунки, исполненные изящно и со вкусомъ, изображаютъ разныя народности Россіи въ ихъ характерныхъ костюмахъ, иногда среди тѣхъ занятій, которыя являются ихъ обычнымъ дѣломъ; такъ, самоѣдъ изображенъ въ моментъ его отъѣзда на оленяхъ въ тундру, зырянинъ — на охотѣ. Рядомъ съ типами народовъ изображены ихъ постройки, орудія, утварь и проч. Большая часть рисунковъ, повидимому, исполнена съ фотографій и потому они, дѣйствительно, являются характерными; въ нѣкоторыхъ же случаяхъ, художникъ, кажется, былъ предоставленъ самому себѣ; такъ, напр., лопари у него изображены не русскіе, а норвежскіе. А между тѣмъ, редакция могла воспользоваться сочиненіемъ Вае «The Wite Sea Peninsula», гдѣ помѣщены въ высшей степени характерныя рисунки и лопарей, и самоѣдовъ. Также неудачны изображенія поляковъ.

Текстъ представляетъ какъ бы объясненіе къ рисункамъ. Въ краткихъ чертахъ характеризуется природа и населеніе каждой мѣстности настолько интересно, что всякій незнакомый ближе съ этнографіей Россіи будетъ благодаренъ составителямъ, хотя по временамъ изложеніе не даетъ больше того, что мы находимъ у Реклю. Особенно это относится къ описаніямъ народовъ сѣверной Россіи. Мел-

кія ошибки, какъ напр., на стр. 20, гдѣ половцы и куланы поименованы, какъ отдѣльные народы, не идутъ въ счетъ—ихъ слишкомъ мало. Рисунки каждой таблицы пронумерованы и на обложкѣ читатель подъ соответствующимъ номеромъ находитъ объясненіе ихъ. Все изданіе очень чисто и изящно.

Н. Б.

4. Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ. Турки. *Е. Водовозовой*. Съ картинками въ текстѣ и на обложкѣ. Стр. 158, цѣна 40 к.

«Турки» являются первымъ выпускомъ цѣлой серіи книжекъ, которыя предполагаетъ издавать г-жа Водовозова; авторъ не только сократилъ, но и совершенно переработалъ первоначальный очеркъ изъ «Жизни европейскихъ народовъ» съ такимъ расчетомъ, чтобы положить изложеніе въ пониманію большаго круга читателей.

Первыя три главы этой книги посвящены описанію Константинополя, личной жизни и достопримѣчательностямъ его. Постѣдующія описываютъ бытъ, вѣрованія и общественныя отношенія народа. Наконецъ, заключительная глава объясняетъ, почему магометанская религія, являясь одною изъ главныхъ причинъ современнаго упадка мусульманскаго востока, не мѣшала распространенію образованности среди арабовъ. Содержаніе книжки г-жи Водовозовой интересно, ново, матеріалъ расположенъ весьма цѣлесообразно. Картина упадка государства османовъ выступаетъ передъ читателемъ столь же ясно, какъ и причины его, указываемыя авторомъ. Особенно поучительны главы, посвященныя выясненію значенія и вліянія ученія Магомета на весь складъ народной жизни и на государственный строй современной Турціи. Менѣе удаются автору живописныя очерки и картины народной жизни; надо помнить, однако, что такіе очерки вообще проникнуты жизненностью лишь тогда, когда яв-

ляются слѣдствіемъ личныхъ впечатлѣній и наблюденій. Изложеніе книжки ясное, простое, доступное пониманію всякаго грамотнаго человѣка. Съ вѣншей стороны изданіе очень чистое; картинки, хотя немногочисленны, но хорошо исполнены. Н. Б.

5. Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ. Англичане. *Е. Водовозовой*. Съ 10-ю рисунками. Спб. 1894 г. Стр. 207. Ц. 40 к.

Это — вторая книжка указанной серии изданій, предпринятыхъ г-жей Водовозовой. Она начинается описаніемъ Лондона, его устройства и различныхъ его достопримѣчательностей. Нѣчто сказочное представляется при чтеніи описанія этого города — настолько онъ оригиналенъ и удивителенъ; но въ тоже время поражаешься существованіемъ въ немъ такихъ условий, которыя, съ одной стороны, создаютъ богачей-милліонеровъ, а съ другой — вѣчно голодающихъ и холодающихъ бѣдняковъ. Все это обстоятельно и вѣрно рассказано въ книжкѣ г-жи Водовозовой.

Затѣмъ довольно подробно описана домашняя жизнь богатыхъ и бѣдныхъ жителей Лондона; также подробно говорится о религіи, образованіи, развлеченіяхъ и празднествахъ англичанъ.

Съ большимъ интересомъ читаются главы: «Жизнь англійскихъ земледѣльцевъ и фермеровъ», «Ньюкастль», «Манчестеръ», «Промышленные рабочіе», «Что дѣлаютъ англійскіе рабочіе для улучшенія своего положенія». Во всѣхъ этихъ главахъ читатель обстоятельно знакомится съ современнымъ тяжелымъ положеніемъ какъ земледѣльческихъ, такъ и рабочихъ классовъ, съ мѣрами, предпринимаемыми для улучшенія этого положенія самими рабочими, обществомъ и правительствомъ Англій. Интересны и поучительны также свѣдѣнія, сообщаемыя въ главѣ «Образованіе и развлеченія народа». Но особенный инте-

ресъ представляетъ изъ себя глава о государственномъ устройствѣ Англій, гдѣ читатель можетъ прекрасно ознакомиться съ правами и обязанностями правительства, общества и каждаго отдѣльнаго гражданина Англій.

Все это изложено яснымъ, подчасъ даже живымъ, разговорнымъ языкомъ. Книжка г-жи Водовозовой заслуживаетъ полнаго вниманія. Н. Б.

6. Путешествія по Туркестану Н. А. Сѣверцова и А. П. Федченка. Изложено по подлиннымъ сочиненіямъ путешественниковъ М. А. Дялиной, съ 81 рис. и картой, стр. 267—XV. Изданіе А. Ф. Девриена (Русскіе путешественники-ислѣдователи). Цѣна 2 р. 50 к.

Прекрасно изданное сочиненіе это начинается введеніемъ, въ которомъ кратко излагается исторія распространенія русскихъ владѣній на востокъ, главнымъ образомъ, въ Центральной Азій, и указывается, какое значеніе имѣли научныя изслѣдованія путешественниковъ для развитія этого богатаго края. «Полюза, которую они принесли государству и наукѣ своими изслѣдованіями, доказываетъ намъ, что научный трудъ не пропадаетъ даромъ, если онъ освящается любовью къ наукѣ, что это такой же высокой и благородный трудъ, какъ и всякій другой, имѣющій цѣлью содѣйствовать благоу государства и всего человѣчества». Затѣмъ слѣдуетъ краткій очеркъ жизни Сѣверцова и, наконецъ, изложеніе его путешествій и научныхъ трудовъ. Значительная часть этого отдѣла представляетъ рассказъ о пребываніи ученаго путешественника въ плѣну у коканцевъ, написанный очень живо и интересно. Затѣмъ слѣдуетъ описаніе экспедицій Сѣверцова на верховья Сырь-Дарьи, Нарынъ и Аксай, къ озеру Иссыкъ-Куль и т. д. Путешествія Федченка, которымъ посвящена вторая, меньшая половина книги, расположены по такому же плану, т.-е. спер-

ва біографическій очеркъ путешественника, затѣмъ описаніе его экспедиціи въ Фергану. Изложеніе иллюстрируется этнографическими и бытовыми картинами, эпизодами изъ исторіи завоеванія края, характеристиками разнообразныхъ племенъ таджиковъ, узбековъ, киргизъ; сообщаются и мѣстныя легенды; описанія городовъ и замѣчательныхъ памятниковъ (какъ, напр., мечети) смѣняются картинами нравовъ и описаніемъ интересныхъ явленій (напр., нападеніе саранчи, переходъ ея черезъ Сыръ-Дарью у Казалинска, туземная конная игра кукъбари и т. д.) и пр. Недостатокъ книги составляютъ нѣкоторая растянутасть изложенія и, мѣстами, малоинтересныя подробности пути. Пользуясь нѣкоторыми новѣйшими сочиненіями о Туркестанѣ и подлинными описаніями путешествій Сѣверцева и Федченка, составительница даетъ все-таки недостаточно яркое и отчетливое изображеніе этого интереснаго края. Читатель пріобрѣтаетъ слишкомъ недостаточныя поверхностныя свѣдѣнія о различныхъ народностяхъ, ихъ бытовыхъ и религіозныхъ воззрѣніяхъ и пр. характерныхъ явленіяхъ. Наконецъ, выясненіе значенія, которое имѣютъ для географіи Азіи научныя изслѣдованія обоихъ путешественниковъ, не должно было быть ограничено почти однимъ только перечнемъ ихъ передвиженій, сдѣланныхъ ими наблюденій и собранныхъ коллекцій. Сѣверцевъ и Федченко—одни изъ тѣхъ первыхъ путешественниковъ, которые положили начало вѣрнымъ представленіямъ о строеніи горныхъ цѣпей Центральной Азіи, прилегающихъ къ Туркестану, о теченіи рѣкъ, о фаунѣ и флорѣ. Въ этомъ отношеніи книга мало удовлетворитъ любознательнаго читателя. Иллюстраціи и рисунки очень удачны и часто говорятъ больше, чѣмъ самый текстъ.

Книга предназначена для дѣтей, но, конечно, и взрослый читатель почерп-

нетъ въ ней много интереснаго и полезнаго для себя.

Н. Б.

7. Путешествія В. В. Юнкера по Африкѣ. Изложено Э. Ю. Петри, профессоромъ Спб. университета. Съ 114 рисунками въ текстѣ, 44 отд. гравюрами, 2 картами и портретами В. В. Юнкера. Стр. VI+324. Изд. А. Ф. Девриена. Цѣна 3 р. 50 к.

Толстый томъ путешествій, изданный изящно и на хорошей бумагѣ, съ многочисленными рисунками, представляетъ нѣсколько сокращенное изложеніе путешествій Юнкера по Африкѣ, изданныхъ на нѣмецкомъ языкѣ. Введеніе заключаетъ краткую біографію и характеристику Юнкера, какъ чловека и путешественника. Последующія главы представляютъ описаніе его путешествій, главнымъ образомъ послѣдняго. Страны верхнихъ притоковъ Нила и Конго, посѣщенные Юнкеромъ, нѣсколько уже извѣстны русскимъ читателямъ изъ Путешествія Швейнфурта, изданнаго въ свое время редакціей «Всемирнаго Путешественника». Съ тѣхъ поръ прошло однако не мало времени, принесшаго много новыхъ измѣненій политической карты внутренней Африки: такъ, египтяне успѣли завоевать и потерять весь бассейнъ верхняго Нила, надъ страной пронеслась буря махдитскаго возстанія, европейская культура, европейскіе путешественники и изслѣдователи успѣли уже хоть нѣсколько проникнуть въ глубь страны. Юнкеръ не является на своемъ поприщѣ пионеромъ. Кромѣ того, при всей старательности и добросовѣстности хорошаго изслѣдователя и собирателя этнографическаго матеріала, Юнкеръ, по широтѣ взгляда и энергіи, не представляетъ собой въ ряду изслѣдователей Африки такой же выдающейся личности, какъ напр., Ливингстонъ, Бартъ, Нахтигаль или Стенли.

Въ книгѣ Юнкера, переработанной проф. Петри, читатель найдетъ опи-

санія дороги, путевыя впечатлѣнія, рассказы о различныхъ приключеніяхъ, описанія картинъ природы, свѣдѣнія о негритянскихъ племенахъ, ихъ бытъ, нравахъ, взаимныхъ отношеніяхъ вождей между собою, отношеніи къ путешественнику и къ египтянамъ, свѣдѣнія о хозяйственныхъ порядкахъ страны, безурядицахъ и грабежахъ египтянъ, вызвавшихъ наконецъ грозное возстаніе Махди. Большой интересъ представляетъ этнографическій матеріалъ, описаніе быта, нравовъ, вѣрованій негритянскихъ племенъ. Интересна глава X; въ ней излагается исторія возстанія Махди, жертвой котораго едва не сдѣлался самъ Юнкеръ.

Въ общемъ преобладаетъ описательная сторона. Нѣсколько страненъ хвалебный тонъ по отношенію къ самому путешественнику, который, при всѣхъ своихъ достоинствахъ «просвѣщеннаго» европейца, не сумѣлъ однако отнестись къ черному человѣку вполне гуманно. Такъ, на стр. 140-й мы читаемъ: «негръ, по мнѣнію Юнкера, существо болѣе или менѣе безчувственное. Сложная гамма человѣческихъ ощущеній, вплоть до болѣзненной чувствительности современнаго культурнаго человѣка,—чужда ему. Глазъ его не является зеркаломъ души. Негръ не знаетъ самолюбія. Необходимо поэтому строго воспитывать негра. Онъ ребенокъ». Мечтанія «о золотой свободѣ негровъ» важутся Юнкеру смѣшными. «Лишь принудительный трудъ, урегулированный и контролируемый правительствомъ, въ состояніи будутъ поднять послѣдующія поколѣнія негровъ на высшую степень культуры».

Подобное отношеніе къ туземцамъ, то безстрастное, то снисходительное, проходить черезъ всю книгу и лишаетъ ее того воспитательнаго значенія, какое она имѣла бы, если бы Юнкеръ такъ же любилъ Африку и африканцевъ, какъ напр., Ливингстонъ. Этотъ благородный путеше-

ственникъ совершилъ несравненно болѣе грандіозныя и опасныя путешествія, при этомъ не только ни разу не стрѣлялъ въ людей, но даже ни разу не ударилъ никого.

Цѣна книги нѣсколько высока, о чемъ нельзя не пожалѣть въ виду бѣдности нашей литературы сочиненіями о странѣ черныхъ людей.

8. Доброволецъ Петербургъ. Дважды вокругъ Азіи. Путевыя впечатлѣнія С. Н. Южакова. Изданіе редакціи журнала «Русское Богатство». Стр. VI+349. Цѣна 1 руб. 50 к.

Книга Южакова дѣлится на двѣ части. Въ первой части авторъ передаетъ впечатлѣнія морского пути вокругъ Азіи, затѣмъ даетъ довольно полное описаніе далекой Уссурійской окраины. Въ этихъ описаніяхъ автора преобладаетъ сторона субъективная. Онъ часто излагаетъ свои личные взгляды на разные стороны жизни этой страны контрастовъ, контрастовъ не только въ области физической природы, но и въ сферѣ культурно-общественныхъ отношеній. Нѣсколько главъ посвящено описанію природы Уссурійскаго края; глава III-я представляетъ краткій, но интересный очеркъ заселенія края и культурныхъ завоеваній въ немъ. Въ остальныхъ главахъ читатель знакомится съ исторіей и разнообразными условіями постройки Уссурійскаго участка великой Сибирской желѣзной дороги, съ ея тяжелыми порядками, неприглядной обстановкой труда и другими темными сторонами малокультурной жизни этого полудикаго края.

Описанія г. Южакова свѣжи и интересны для всякаго любознательнаго читателя.

Вторая часть посвящена дорожнымъ впечатлѣніямъ о Японіи, о Малайскомъ Архипелагѣ и о Цейлонѣ, гдѣ авторъ поднимался на знаменитый Адамовъ пикъ. Главы XX и XXI содержатъ описаніе урагана въ Битайскомъ морѣ, такъ-назыв. «тайфуна»,

который пришлось выдержать пароходу «Петербургъ». Остальныя главы посвящены тропикамъ и картинамъ тропической природы. Авторъ нигдѣ не ограничивается описаніемъ одного видѣннаго, онъ на каждомъ шагѣ дѣлаетъ отступленія въ область общественныхъ наукъ, тѣмъ болѣе цѣнныя, что они проникнуты единствомъ взглядовъ и высокогуманнымъ настроеніемъ, такъ что читатель, обогащаясь знаніями, передъ непонятнымъ или страннымъ явленіемъ никогда не остается безъ руководительства автора. Такъ, глава XVIII-я, посвященная «женскому вопросу въ Японіи», представляетъ сжатый очеркъ развитія формъ брака, а оригинальныя воззрѣнія японцевъ на этотъ предметъ, служатъ иллюстраціей общихъ положеній автора.

Описаніе урагана и бури набросано широкими яркими штрихами и прочтывается съ захватывающимъ интересомъ; неизвѣстно, зачѣмъ авторъ переложилъ свое описаніе въ гекзаметры, чего не было въ первоначальномъ очеркѣ. Очень интересно и восхождение на Адамовъ пикъ, которому посвящены главы XXVII—XXXII.

Тропическая природа Малайскаго Архипелага и Цейлона, лишенная рѣзкихъ климатическихъ пережвѣвъ, характеризующихъ страны съ болѣе умѣреннымъ климатомъ, вѣчно зеленая темная листва могучей тропической растительности съ ея яркими красками, произвела на автора впечатлѣніе сильной, бодрой старости, незнающей увяданія и упадка силъ, но не вѣдающей и того подъема и все возрождающаго обновленія, которое приносятъ нашей природѣ весна.

Сочиненіе г. Южакова будетъ прочтано съ интересомъ и пользой каждымъ. Оно пріобрѣтаетъ особое значеніе въ виду того, что Уссурійскій край, столь мало извѣстный намъ и такъ обстоятельно описанный авторомъ—последній этапный пунктъ ве-

ликаго переселенческаго движенія русскаго народа. Въ заключеніе слѣдуетъ отмѣтить, что путешествіе г. Южакова выгодно выдѣляется своей художественностью, на одной высотѣ съ которой стоитъ и общественное, и научное его содержаніе. Н. Б.

9. Петръ Пахтусовъ. Жизнь и двукратное его путешествіе на Новую Землю. Биографическій очеркъ *Н. А. Борисова*, съ картою части Сѣвернаго океана. Стр. 82. Цѣна 30 коп.

Большая часть этой книжки посвящена описанію путешествія Пахтусова на Новую Землю, пребыванія на ней и изслѣдованій, сдѣланныхъ Пахтусовымъ вдоль ея береговъ. Описаніе довольно обстоятельно; касается, болѣею частью, трудностей и лишеній, перенесенныхъ экспедиціей во время зимовки. Изложеніе страдаетъ излишними и малоинтересными подробностями; удѣлено мало мѣста описанію природы Новой Земли; не выяснено значеніе этого острова для сѣвернаго края. Недостаткомъ книги также является и тотъ нѣсколько сентиментально-похвальный тонъ, съ которымъ авторъ относится къ личности путешественника. Н. Б.

10. По тундрамъ Тиманскихъ самоѣдовъ лѣтомъ 1892 г. *Г. И. Танфильева*. Съ картою. Стр. 41.

Брошюра эта, составляющая отдѣльный оттискъ доклада г. Танфильева, читаннаго въ общемъ собраніи И. Р. Геогр. Общ. 13 октября 1893 г., представляетъ слѣдующее содержаніе: Маршрутъ, Передвиженіе на оленяхъ, Луга, Погода, Типы тундры, Бугры, Сѣверные предѣлы лѣсовъ, Кочки, Гибель опушекъ, Мерзота, Заболачиваніе лѣса, Обиліе ягодъ, Самоѣды. Какъ видно, обо всемъ понемногу. Но все, о чемъ авторъ говоритъ, онъ видѣлъ и наблюдалъ самъ; выводы, которые онъ дѣлаетъ, представляютъ результатъ непосредственнаго общенія съ

природой. Первая часть очерка, болѣе половины его (23 стр.), посвящена нѣсколько специальнымъ вопросамъ; болѣе интересной покажется читателю вторая половина, посвященная чело-вѣку, населяющему тундру—самоѣду. Не представляя много новаго, описа-ніе г. Танфильева въ сжатыхъ и вѣрныхъ чертахъ рисуетъ условія жизни самоѣдовъ и заканчивается напомниманіемъ, чтобы правительство, наконецъ, приняло мѣры для защиты этого честнаго народца отъ безсовѣст-ной эксплуатаціи со стороны его сосѣдей. Сдѣлать это тѣмъ легче, что еще въ 1835 году изданъ законъ, который, по мнѣнію проф. Якобія, вполне обезпечилъ бы самоѣдовъ отъ гибели, если бы былъ исполняемъ. Энергичныхъ мѣръ для огражденія инородцевъ вообще требуетъ не только чувство гуманности, но и выгоды государства; безъ инородцевъ весь сѣверъ Россіи сдѣлается необитае-мымъ, ибо ни русскіе, ни зыряне не приспособлены въ такой же мѣрѣ, какъ самоѣды, къ жизни въ тундрѣ.

Н. Б.

11. Нилъ и пирамиды. Картины древняго Египта. Чтеніе для школьнаго возраста. *И. П. Щеглова*. Иллюстри-рованное изданіе (съ 7 картинами въ краскахъ и мелкими виньетками). Стр. 96.

Эта небольшая книжка представ-ляетъ довольно живое описаніе древ-няго и отчасти нынѣшняго Египта, написанное, впрочемъ, безъ особаго плана. Авторъ, какъ видно, самъ былъ въ Египтѣ, заглянулъ и въ исто-рію его. Личныя впечатлѣнія придаютъ большую живость его описаніямъ. Читатель найдетъ здѣсь и описаніе наводненія Нила, животныхъ (особенно птицъ), находящихся себѣ пропитаніе на его берегахъ, восхожденіе на пира-миды, описаніе хамсина, и рассказъ

объ одномъ днѣ жизни древне-египет-скаго фараона, судѣ народа надъ нимъ послѣ смерти, бальзамированіи тру-повъ, кое-что изъ религіи и обычаевъ древнихъ египтянъ и проч. Заключает-ся книга описаніемъ исхода израильтянъ изъ Египта, погони и гибели фараона въ волнахъ Краснаго моря. Картинки красками, хотя испол-нены грубо, но удовлетворяютъ своему назначенію.

Н. Б.

12. Уральцы-рыболовы и о нашемъ рыболовномъ хозяйствѣ. Изд. книжн. склада А. М. Калмыковой. Стр. 46.

Книжка состоитъ изъ двухъ ста-теекъ. Первая представляетъ краткій, но живой рассказъ о неприглядной жизни нашихъ казаковъ-рыболововъ на Уралѣ и Каспійскомъ морѣ, жизни связанной съ различными невзгодами голодомъ, холодомъ, и преждевремен-ной смертью. Вторая статейка зна-मितъ насъ съ положеніемъ рыболов-наго хозяйства въ Россіи и заграни-цей; вкратцѣ указываетъ на вредъ, который приноситъ намъ наше не-умѣнье разумно пользоваться благами природы. Книжка читается съ интере-сомъ, написана простымъ, яснымъ языкомъ.

Н. Б.

13. За морскимъ горизонтомъ. Очерки плаванія по Средиземному м-рю. Изъ юношескихъ воспомнаній *В. Фаусекъ*. Спб. 1894 г. Стр. 82. Изданіе Ледерле и К°.

Авторъ этой книжки передаетъ въ ней впечатлѣнія своихъ долгихъ скита-ній по Средиземному морю. Рассказъ ве-дется такъ живо и занимательно, что нельзя оторваться отъ книжки. описа-нія большей частью художественны и правдивы. Картины, рисуемыя авторомъ, рельефно встаютъ предъ глазами читателя. Внѣшность книги вполне соответствуетъ ея прекрасному содер-жанію.

Н. Березинъ.

14. Волга и волгари. Путевые очерки. А. П. Субботинъ. Томъ 1. Верхняя Волга. Стр. 160. Цѣна 1 р. 50 к.

Книга г. Субботина составила изъ очерковъ, напечатанныхъ первоначально въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» (за 1893 г. № 1 и далѣе). Она представляетъ описанія и характеристики городовъ и интересныхъ въ какомъ-либо отношеніи селеній верхняго Поволжья. Эти описанія заканчиваются, обыкновенно, перечисленіемъ выдающихся писателей, ученыхъ, государственныхъ и общественныхъ дѣятелей и промышленниковъ, которыхъ данный городъ или мѣстность выдвинула впередъ. Описанія городовъ сопровождаются краткими статистическими данными. Многія описанія (Тверь, Рыбинскъ, Ярославль) очень интересны, авторъ всюду касается и общественной жизни, и положенія промышленности и образованія, и мѣстныхъ достопримѣчательностей. Иногда заглядываетъ онъ и въ недавнее прошлое и даже въ сѣдую старину. Сочиненіе г. Субботина не увлечетъ, потому что оно написано все-таки скучно, мѣстами тяжело, и слишкомъ много мѣста удѣлено описаніямъ. Характерныя черты Поволжья, съ его трудовой и промышленной жизнью, въ изображеніи г. Субботина являются слишкомъ блѣдными и мало живыми. Не придаютъ книгѣ живости и разнотыя разсужденія автора. Къ числу недостатковъ книги нужно отнести слишкомъ благосклонное отношеніе автора къ разнымъ промышленнымъ дѣтелямъ, нравственныя качества и полезная «дѣятельность» которыхъ вообще находятся подъ сомнѣніемъ, а также безразличное смѣшиваніе въ кучу всѣхъ «волгарей». Странно писать въ одномъ тонѣ о Салтыковѣ, Некрасовѣ и т. д. и тутъ же рядомъ съ ними о Бокоревѣ и тому подобныхъ герояхъ быстрой наживы. Во избѣжаніе заблужденій, слѣдуетъ подчеркнуть, что подъ «вол-

гарями» г. Субботинъ имѣетъ въ виду не различныя народныя типы Поволжья, а выдающихся русскихъ дѣятелей, вышедшихъ съ Волги. Н. Б.

15. Мученики науки. Г. Тиссандье. Съ 34 гравюрами и 23 портретами въ текстѣ. Переводъ съ французскаго подъ ред. Ф. Павленкова. Изд. 4-е Ф. Павленкова. Спб. 1894. 8 д., 230 стр. Ц. 1 р. 25 к.

«Съ самаго дѣтства», — говоритъ авторъ въ первой главѣ, — «намъ толкуютъ о завоевателяхъ, которымъ народы обязаны всѣми ужасами войны... Мы хорошо знаемъ, что Смерксъ съжегъ Аены, что Помпей и Цезарь пролили моря крови на поляхъ Фарсала; но намъ почти ничего неизвѣстно о жизни Эвклида и Архимеда... Однако, своей цивилизаціей мы обязаны не полководцамъ и завоевателямъ, а этимъ великимъ работникамъ всѣхъ странъ и всѣхъ временъ». Авторъ задался цѣлью дать рядъ биографій «мучениковъ науки», «героевъ труда». Читатель не найдетъ здѣсь мелкихъ біографическихъ подробностей, неважныхъ эпизодовъ. Самая длинная біографія, біографія Колумба, занимаетъ десятокъ страницъ. Тѣмъ не менѣе, предъ читателемъ рельефно выступаютъ образы великихъ людей. Планъ книги удаченъ. Каждая изъ 12-ти главъ посвящена какому-либо одному вопросу, одной области человѣческой дѣятельности; потому каждая глава представляетъ вѣчто цѣльное, законченное; біографіи, входящія въ нее, имѣютъ тѣсную, органическую связь. Читатель видитъ развитіе идеи, судьбу изобрѣтенія. Даемъ перечень главъ: I) Герои труда и мученики научнаго прогресса. — II) Завоеваніе земного шара. — III) Исслѣдованіе высшихъ слоевъ атмосферы. — IV) Открытіе системы міра. — V) Книгопечатаніе. — VI) Научный методъ. — VII) Творцы науки. — VIII) Промышленность и машины. — IX) Пароходы и желѣзныя

лороги. — X) Врачи. — XI) Наука и отечество. — XII) Рядовые науки.

Изъ біографій болѣе подробны: Колумба, Галилея, Кеплера, Тихо-де-Браге, Ньютона, Гутенберга, Бэкона, Лавуазье, Паскаля, Леблана, Жакара, Напина, Фультона и мн. др.

Написанная живымъ языкомъ, хорошо переведенная, книга Тиссандье увлекаетъ читателя. Не говоря о томъ, что читатель получаетъ въ живомъ разсказѣ цѣлый рядъ свѣдѣній по самымъ разнообразнымъ отраслямъ знанія, передъ нимъ проходитъ длинная фаланга не только великихъ умовъ, но людей сильныхъ духомъ, съ непреклонной волей, отдавшихъ всю жизнь на служеніе наукѣ и человечеству; потому книга Тиссандье, помимо образовательнаго, имѣетъ большое воспитательное значеніе.

Появленіе этой книги въ четвертомъ изданіи является лучшимъ отвѣтомъ на слѣдующія слова автора: «Если эта книга произвела впечатлѣніе на читателя, если она возбудила въ немъ благородныя чувства и заставила проникнуться той идеей, что исполненіе долга и упорный трудъ могутъ, несмотря ни на какія препятствія, повести къ великимъ результатамъ, то мы сочтемъ это лучшей для себя наградой и доказательствомъ, что работа наша не была бесплодна».

Уменьшенная вдвое противъ перваго изданія цѣна будетъ способствовать еще большому распространенію этой хорошей книги. Г. Гр.

16. **Общедоступная астрономія** (*Petite astronomie*) К. Фламмаріона. Съ 100 рисунками въ текстѣ. Переводъ съ 4-го франц. изд. В. Черкасова. Изд. 3-е Ф. Павленкова (Научно-популярная бібліотека). Спб. 1894 г. 174 стр. Цѣна 1 р. 3.100 экземпляровъ.

«Общедоступная астрономія», по нашему мнѣнію, есть лучшее попу-

лярное сочиненіе по астрономіи на русскомъ языкѣ. Читатель, не имѣющій никакихъ предварительныхъ свѣдѣній по астрономіи, — достаточно, если онъ умѣетъ толково читать, — можетъ смѣло взяться за книгу Фламмаріона: онъ съ интересомъ ее прочтетъ, вынесетъ много положительныхъ знаній. Не понять автора положительно трудно. Самые сложные вопросы изложены такъ просто, ясно. Цѣлымъ рядомъ удачныхъ сравненій, сопоставленій автору удается дать реальное представленіе читателю о тѣхъ огромныхъ разстояніяхъ, невѣроятныхъ скоростяхъ, съ которыми намъ сейчасъ же приходится имѣть дѣло, едва мы заглянули въ область астрономіи. Настоящая книжка Фламмаріона, какъ и все выходящее изъ подъ пера этого популяризатора-художника, написана живымъ, образнымъ языкомъ. Она увлекаетъ читателя — въ этомъ ея большое достоинство, какъ книги популярной, которая должна не только давать положительныя свѣдѣнія, обогащать запасъ знаній, но и приохотить начинающаго читателя къ книгѣ вообще, заставить полюбить его печатное слово. Фламмаріонъ рѣшилъ объ этомъ.

Вотъ краткое содержаніе книжки. Во введеніи, послѣ небольшой исторической справки, авторъ говоритъ о телескопѣ, астрономической трубѣ, о значеніи астрономіи. Первые 7 главъ посвящены землѣ, ея формѣ, обращенію земли вокругъ самой себя и около солнца; далѣе идетъ рѣчь о временахъ года, разбираются земные пояса и круги. Глава VIII занята солнцемъ. Въ двухъ слѣдующихъ главахъ говорится о лунѣ и о лунномъ мірѣ. Затѣмъ, гл. XI — затменія, XII — общій взглядъ на устройство солнечной системы. Далѣе авторъ излагаетъ ученіе о планетахъ (XIII, XIV), кометахъ (XV), падающихъ звѣздахъ (XVI), говоритъ о звѣздномъ небѣ (XVII), созвѣздіяхъ (XVIII), звѣздахъ

(XIX). Последняя глава (XX) трактуетъ о календарѣ.

Издана книжка очень опрятно; многочисленные рисунки по выполнению не оставляютъ желать ничего лучшаго.

Нельзя не отмѣтить, что при переводѣ книжки Фламариона редакция озаботилась переводеніемъ всѣхъ цифровыхъ данныхъ, приводимыхъ авторомъ во французскихъ единицахъ, на единицы русскія. Г. Гр.

Страна звѣздъ. *Т. Болла*. Перев. съ англійск. со множествомъ рисунковъ. Изд. «Народн. Библ.» Маркуева. Москва. 1894.

17.—Солнце. 77 стр. Ц. 20 к.

18.—Луна. 66 стр. Ц. 20 к.

Названныя книжки представляютъ двѣ лекціи, прочтанныя авторомъ въ Королевскомъ институтѣ предъ молодой аудиторіей. Въ живомъ интересномъ разсказѣ Болла знакомитъ своихъ молодыхъ слушателей съ началами астрономіи. Въ первой книжкѣ идетъ рѣчь о солнцѣ, его свѣтѣ и теплѣ, причемъ, говоря о «благодѣяніяхъ, получаемыхъ нами отъ солнца», авторъ очень удачно популяризируетъ законъ сохранения энергіи. Затѣмъ говорится о томъ, «какъ астрономы опредѣляютъ разстоянія между небесными тѣлами», о величинѣ солнца, его формѣ, его природѣ. Далѣе выясняется суточное и годовое движеніе земли и, какъ слѣдствіе этихъ движеній, смѣна дня и ночи и времена года.

Вторая книжка посвящена лунѣ. Здѣсь авторъ даетъ понятіе о планетахъ, выясняетъ фазы нашего спутника, останавливается на затмѣніяхъ, ведетъ бесѣду о телескопахъ, объ устройствѣ лунной поверхности, о происхожденіи лунныхъ кратеровъ, затѣмъ идетъ рѣчь о движеніи луны. Заканчивается книжка разсужденіемъ «о возможности жизни на лунѣ».

Отчетливо исполненные рисунки

помогутъ читателю освоиться съ новыми для него представленіями.

Мы особенно рекомендуемъ эти книжки молодому читателю, такъ какъ его имѣлъ въ виду авторъ, къ его требованіямъ приспособлялся. Взрослому же читателю, хотя и не имѣющему свѣдѣній по астрономіи, изложеніе можетъ показаться недостаточно серьезнымъ. Г. Гр.

19. Астрономія въ вопросахъ и отвѣтахъ. *Г. Парвилъ*. Переводъ подъ ред. и съ предисловіемъ проф. С. П. фонъ-Глазенапа. Съ 20 рисунками и чертежами. Изд. «Полезной Библиотеки». П. П. Сойкина. Спб. 1894. 104 стр. Ц. 50 коп. 3.000 экз.

Названная книжка написана въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ. На длинный рядъ послѣдовательно поставленныхъ вопросовъ, исчерпывающихъ всѣ основныя астрономическія понятія, даются точныя, въ научномъ смыслѣ (хотя, замѣтимъ, не всегда ясныя для незнакомаго съ дѣломъ читателя) отвѣты. За вѣрность, точность научныхъ опредѣленій редакция проф. Глазенапа является достаточной гарантіей. Не можемъ, однако, не выразить нашего недоумѣнія по поводу слѣдующаго: на стр. 22, на вопросъ: «Какіе инструменты употребляются въ обсерваторіяхъ для астрономическихъ наблюденій?»—отвѣчаютъ: «Вотъ перечень ихъ въ алфавитномъ порядкѣ: альтазимуть, армиллярная сфера, астрографъ»... слѣдуютъ еще 27 названій астрономическихъ приборовъ. Что, спрашивается, вынесетъ читатель изъ этого мертваго перечня непонятныхъ для него словъ?

«Пусть настоящая маленькая книжка заинтересуетъ любящихъ строгія науки такъ же точно, какъ публичныя лекціи Митчела заинтересовали въ свое время жителей города Цинциннати», говорится въ предисловіи, «и

*

пусть наше обширное отечество покроется многими обсерваторіями, на подобіе Соединенныхъ Штатовъ». Противъ послѣдняго мы ничего не имѣемъ. Что же касается перваго, то позволимъ себѣ усумниться, чтобы высказанныя надежды оправдались. Едва ли эта книжка заинтересуетъ читателя, — все равно, относится ли онъ къ числу «любящихъ строгія науки», или къ числу съ ними незнакомыхъ. Во-первыхъ, самая форма—вопросы и отвѣты—исключаетъ живость изложенія; во-вторыхъ, языкъ лишень всякой образности.

Книжка Парвила сослужить лучшую службу, какъ справочная.

Книжка снабжена историческимъ очеркомъ развитія астрономіи, написаннымъ проф. Глазенапомъ, и 20-ю недурно исполненными рисунками и чертежами. Г. Гр.

20. Небо и звѣзды. Составилъ Узловскій. 6-е изд. Спб. 1894. Тип. Товарищ. «Обществ. Польза». 8°. 40 стр. 1.200 экз. Ц. 20 к., съ перес. 30 к.

По элементарности содержанія книжка Узловскаго могла бы быть болѣе пригодной для народныхъ школъ, нежели самыя популярныя изъ сочиненій К. Фламмаріона; для народнаго чтенія, очевидно, предназначалъ ее и самъ авторъ. Къ сожалѣнію, содержаніе тощей брошюрки «Небо и звѣзды» слишкомъ скудно для того, чтобы она могла замѣнить, напр., «Разказы о небѣ» французскаго автора. Къ тому же, книжка г. Узловскаго не лишена нѣкоторыхъ неясностей и неточностей. Послѣ короткаго замѣчанія о телескопахъ, авторъ говоритъ о звѣздахъ, ихъ числѣ, о созвѣздіяхъ, о млечномъ пути, о солнцѣ; затѣмъ даетъ описаніе планетъ.

Разказывая о кометахъ, г. Узловскій успокаиваетъ читателей по поводу возможности столкновенія съ ними земного шара, причемъ чрез-

чуръ смѣло утверждаетъ, что «никакое столкновеніе не возможно». Въ описаніи луны сказано, что «лунныя горы постоянно накалены солнцемъ и ярко блестятъ (?!)», затѣмъ высказано сожалѣніе, что мы не знаемъ, есть ли жители на лунѣ, потому что (!) луна не имѣетъ ни воздуха, ни воды. О землѣ г. Узловскій не распространяется много. Давъ нѣсколько доказательствъ шарообразности ея, онъ не останавливается на объясненіяхъ ни времени года, ни продолжительности дня и ночи. Наша народная литература по космографіи настолько бѣдна, что, несмотря на указанные недостатки книжки г. Узловскаго, ей не приходится пренебрегать. Въ общемъ изложеніе брошюрки достаточно просто и ясно; текстъ снабженъ нѣсколькими грубыми рисунками; цѣна книжки могла бы быть понижена по крайней мѣрѣ вдвое. А. Н.

21. Физическая географія. Составлена подъ редакціей Г. М. Пекаторосъ. Общедоступная бібліотека. Серія I. Природа. № 1. Изд. Г. М. Пекаторосъ. Одесса. 1894. 16°, 160 стр. Ц. 25 к.

«Когда мы начинаемъ внимательно разсматривать окружающій насъ міръ,—такъ начинается книжечка,—воздухъ—первая вещь, надъ которой мы призадумываемся». Едва ли это справедливо. Тѣмъ не менѣе, нельзя не согласиться съ авторомъ, что призадуматься, познаться съ воздухомъ, какъ и съ другими, окружающими насъ, явленіями—интересно, поучительно и даже необходимо каждому. Для первоначальнаго ознакомленія съ неорганической природой разсматриваемая книжка можетъ быть довольно интереснымъ и полезнымъ руководствомъ. Она познакомитъ, въ общихъ чертахъ, съ составомъ и дѣятельностью атмосферы, съ круговоротомъ и геологической ролью воды, съ вулканическими явленіями,—въ из-

ложеніи популярномъ, живомъ и связномъ. Мѣстами, однако, авторъ въ погонѣ за упрощеніемъ, жертвуетъ точностью. Сказать, наприм., что «почти все твердое вещество растущихъ на землѣ растений произошло изъ угольной кислоты (?) воздуха» — значитъ дать заманчиво-упрощенную схему явленія, но и значитъ также ввести читателя въ заблужденіе... Еще одинъ упрекъ этой книжкѣ. Рисунки, по преимуществу, грандіозныя явленія, она недостаточно эксплуатируетъ нашу обычную *русскую* обстановку. Лаймъ - реджисскій или одесскій оползни, конечно, величественны и интересны, но съ лаймъ-реджисскимъ масштабомъ среднерусскій читатель легко можетъ проглядѣть совершенно тождественное явленіе (менѣе грандіозное, но не менѣе поучительное) гдѣ-нибудь въ ближайшемъ оврагѣ или балкѣ (кстати сказать, терминъ *оврагъ* и *балка* объяснены авторомъ невѣрно). Или, находя нужнымъ упомянуть о слѣдахъ исчезнувшихъ ледниковъ, авторъ приводитъ въ примѣръ только Великобританію. Зачѣмъ было ходить такъ далеко, когда почти три четверти Россіи изобилуютъ такими слѣдами, и не значитъ ли оставить этимъ для многихъ закрытою одну изъ любопытнѣйшихъ страницъ прошлаго нашей родины? Впрочемъ, повторяемъ, мелкіе недочеты не отнимаютъ у книжки ея достоинствъ и полезности.

Разсматриваемая книжечка является первымъ номеромъ изъ цѣлой серии популярно-научныхъ изданій по естествознанію (предполагается выпустить слѣдующіе томики «Общедоступной библіотеки»: «Законы Вселенной» (астрономія), «Міръ растений», «Химія», «Геологія», «Суша и море», «Прошлое нашей земли», «Физика», «Климаты земного шара», «Насѣкомыя» и проч.). Если они будутъ, въ общемъ, составлены такъ же удачно, какъ и «Физическая географія», то

предпріятіе г. Пекаторосъ можно назвать счастливымъ. П. Отоцкій.

22. Море и его жизнь. Проф. *Вальтера*. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей и съ примѣчаніями проф. А. Н. Краснова. Изд. кн. маг. П. А. Брейтигама. Харьковъ. 1894. 170 стр. Ц. 1 р. 75 к.

Содержаніе книжки составляетъ популярное изложеніе физической географіи моря. Авторъ сообщаетъ главнѣйшія свѣдѣнія о морскихъ глубинахъ, методахъ измѣренія ихъ, о волнахъ и прибоѣ, абразіи, тектоническихъ измѣненіяхъ морей, о температурѣ воды, льдахъ, о цвѣтѣ моря, составѣ воды и теченіяхъ. Большая часть второй половины сочиненія посвящена очерку органической жизни морей. Проф. Вальтеръ описываетъ фисіономію морской фауны и морской флоры, условія существованія животныхъ и растений, фауну мелководья, такъ-называемого, планктона, коралловые рифы, животный міръ большихъ глубинъ, позвоночныхъ животныхъ моря. Здѣсь же говорится о морскихъ осадкахъ, вулканическихъ островахъ, о животной и растительной жизни острововъ, о перешейкахъ и проливахъ: въ концѣ авторъ сообщаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія по геологической исторіи моря. Изложенъ предметъ очень живо и вполне популярно. Читатель найдетъ въ книгѣ новѣйшія свѣдѣнія о морѣ, свѣдѣнія, добытыя послѣдними многочисленными экспедиціями, давшими очень интересные результаты; въ особенности по вопросу о животной жизни большихъ глубинъ. Эти данныя не вошли еще ни въ одно изъ русскихъ популярныхъ руководствъ по физической географіи. Книжка иллюстрирована 26-ю рисунками, изображающими по большей части приборы для изслѣдованія моря, или нѣкоторыхъ мелкихъ животныхъ. Нельзя не пожалѣть, что рисунковъ этихъ такъ мало. Переводъ можно назвать

только посредственнымъ; примѣчанія редактора перевода по большей части излишни или не интересны. Цѣна русскаго изданія, для книжечки въ 170 стр. съ 26-ю простенькими рисунками, слишкомъ высока А. Н.

23. О главнѣйшихъ физическихъ свойствахъ воздуха. *О. Я. Пергаментъ*. Общедоступная лекція. Изданіе Одесской городской аудиторіи для народныхъ чтеній. Одесса. 1895. 16 стр. Ц. 6 коп.

«Что дѣйствительно вокругъ насъ всюду и всегда есть воздухъ» — говоритъ авторъ послѣ краткаго замѣчанія о необходимости изученія природы — «объ этомъ говорятъ намъ наши чувства: слухъ, зрѣніе и даже осязаніе». Рядъ опытовъ подтверждаетъ высказанное положеніе. Затѣмъ авторъ переходитъ къ вопросу о вѣсѣ воздуха, о давленіи атмосферы, причемъ долго останавливается на томъ, кажушемся совершенно невѣроятнымъ для неосвѣдомленнаго читателя, положеніи, что тѣло человѣческое испытываетъ такое огромное давленіе со стороны воздуха. Далѣе находимъ бѣглое замѣчаніе о барометрѣ, какъ измѣритель давленій; зависимость же, существующая между колебаніями барометра и переменной погоды, оказывается невыясненной. Последнія страницы посвящены воздуху, какъ средѣ, передающей звукъ.

Брошюрка написана толково и не безъ пользы прочтется. Къ сожалѣнію, не всѣ опыты могутъ быть продѣланы читателемъ, что, конечно, объясняется происхожденіемъ книжки — это публичная лекція.

Одесская городская аудиторія народныхъ чтеній обѣщаетъ выпустить еще двѣ лекціи — метеорологическія свойства воздуха и химическія свойства воздуха, — служація продолженіемъ нынѣ разбираемой, вслѣдствіе чего считаемъ нужнымъ обратить вни-

маніе редакціи на слѣдующее: рисунки, приложенные въ концѣ брошюры, исполнены настолько неудовлетворительно, что ровно ничего къ тексту не прибавляютъ. Встрѣчаются крупныя опечатки. Такъ, на стр. 10-й въ двухъ мѣстахъ напечатано «вытолкнулъ»; вмѣсто «втолкулъ», что затемняетъ смыслъ цѣлаго отрывка. Г. Григорьевъ.

24. Бесѣды о природѣ. *Н. Зобова*. Книга для чтенія въ селахъ и деревняхъ, въ которой (?) разсказывается о землѣ, солнцѣ, звѣздахъ, растеніяхъ и животныхъ. Изд. 14-е книгопр. В. Губинскаго. Спб. 1894. 229+2 стр. 10.000 экз. Ц. 50 к.

Книжка г. Зобова представляетъ нѣчто въ родѣ маленькаго «Космоса» для народа. Она трактуетъ обо всей вселенной и болѣе подробно о землѣ. Изложеніе начинается съ описанія земли, какъ планеты, далѣе авторъ говоритъ о солнцѣ и его движеніяхъ, о лунѣ, о затмѣніи этихъ свѣтилъ, о звѣздахъ, планетахъ, кометахъ и падающихъ звѣздахъ. Во 2-й главѣ авторъ знакомитъ читателей съ нѣкоторыми физическими и химическими явленіями, а именно даетъ самое элементарное понятіе о тѣлахъ твердыхъ, жидкихъ и газообразныхъ, о воздухѣ, звукѣ, теплотѣ, источникахъ тепла, теплоизлученіи, о водѣ и ея свойствахъ, о свѣтѣ и, наконецъ, о процессѣ горѣнія. Въ 3-й главѣ заключаются нѣкоторыя свѣдѣнія по физической географіи, главнымъ образомъ свѣдѣнія о распредѣленіи климатовъ на земномъ шарѣ, о вѣтрѣ, атмосферныхъ осадкахъ, громѣ и молніи. 4-я глава посвящена описанію почвъ и очень немногихъ растеній, а 5-я — обзору главнѣйшихъ группъ животнаго царства. Изложеніе въ общемъ удовлетворительно; хотя мѣстами безъ надлежащаго объясненія употреблены книжныя выраженія, напр., «неорганиче-

скія вещества», «законы движенія» и др. Лишній балластъ въ книгѣ составляютъ многія мѣста, гдѣ авторъ пытается внести въ описаніе художественный элементъ, или прилагая чье-нибудь стихотвореніе, или вставляя собственныя поэтическія картинки природы, въ которыхъ, говоря по правдѣ, мало поэзіи. Мѣстами попадаются неясности и неточности. Такъ, описывая кровь, г. Зобовъ говорить: «Мы знаемъ уже, что кровь есть совсѣмъ особая необыкновенная жидкость, для составленія которой нужно было, чтобъ напередъ создана была земля и всѣ живущія на ней растенія». Говоря о грызунахъ, авторъ сообщаетъ, что въ нашихъ южныхъ губерніяхъ водятся суслики и овражки, какъ будто это — два разныхъ звѣрька. Совершенно непонятно изложено то мѣсто, гдѣ говорится о зрѣніи. Лучше было бы, если бы г. Зобовъ совсѣмъ отказался отъ попытки объяснять сущность процесса видѣнія. Въ числу недостатковъ книжки относится также устарѣлость нѣкоторыхъ научныхъ воззрѣній. Такъ, даже въ элементарныхъ учебникахъ, далеко не новыхъ, лягушекъ и двоякодышащихъ рыбъ не относятъ къ пресмыкающимся, какъ это дѣлаетъ г. Зобовъ. Несмотря на узанные недостатки, которыхъ въ общемъ немного, книжка въ большей своей части удовлетворяетъ своему назначенію.

А. Н.

25. Жизнь растенія. *К. Тимирязева*. Десять общедоступныхъ чтеній. Съ 80-ю политипажамъ и 2-мя фотогравюрами. Изд. 3-е. В. Н. Маркуева и Н. Е. Присяжнкова. М. 1894 г. 335 стр. Ц. 2 р.

Въ десяти чтеніяхъ авторъ излагаетъ основанія физиологіи растеній, останавливаясь на органографіи и анатоміи ихъ лишь постольку, поскольку это необходимо для уясненія сущности жизненныхъ процессовъ ра-

стительнаго организма. Описавъ въ общихъ чертахъ внѣшнее и внутреннее строеніе растенія и его различныхъ частей, г. Тимирязевъ разсматриваетъ болѣе подробно клѣтчатку, способы распространенія въ тканяхъ питательныхъ соковъ, сѣмя и условія его проростанія, корень, листъ, стебель и ихъ физиологическое значеніе. Особое чтеніе посвящено росту растенія, явленіямъ геліотропизма и проч. Въ чтеніи о цвѣткѣ авторъ говоритъ, между прочимъ, о различныхъ способахъ опыленія, въ особенности о значеніи въ этомъ смыслѣ насѣкомыхъ; сравнивая животный организмъ съ растительнымъ, онъ описываетъ насѣкомоядныхъ растенія, движеніе растеній, соевъ ихъ и проч. Въ чтеніи, озаглавленномъ «образованіе органическихъ формъ», излагается сущность эволюціоннаго ученія. Благодаря талантливому, можно сказать, блестящему изложенію, эта книжка г. Тимирязева занимаетъ исключительное положеніе въ ряду многочисленныхъ популяризацій по ботаникѣ.

Мы особенно рекомендуемъ эту книгу: при живомъ изложеніи фактовъ, авторъ всюду разъясняетъ ихъ значеніе и стремится выяснить причинную зависимость явленій органической и неорганической природы, и такимъ образомъ вызываетъ въ читателѣ не только интересъ и любовь къ природѣ, но и научаетъ читателя понимать ее. Настоящее изданіе отъ предыдущаго отличается большимъ количествомъ рисунковъ, число которыхъ увеличено почти вдвое, и добавленіемъ нѣкоторыхъ новѣйшихъ данныхъ, добытыхъ наукой за истекшее время.

А. Н.

26. Изъ жизни растеній. *А. Курочкина*. Вып. I. Какъ питается растеніе. Изд. кн. сѣл. А. И. Муриной. М. 1894. 100 стр. Ц. 75 к.

Въ книжкѣ г. Курочкина сообщаются главнѣйшія свѣдѣнія о пре-

цессахъ питанія и дыханія растений. Такъ какъ для пониманія сущности этихъ процессовъ необходимо предварительное знакомство съ нѣкоторыми физическими и химическими явлениями, то авторъ въ началѣ очерка на нѣсколькихъ страницахъ даетъ понятіе о свойствахъ воздуха и газовъ вообще, о законахъ сохранения вещества и силы, о дѣлимости тѣла, непроницаемости, вѣсомости, о водѣ, о процессахъ горѣнія, гніенія, о почвѣ и составѣ растительнаго организма. Затѣмъ уже идетъ описаніе съмени, корня, листа, стебля, причемъ дано довольно обстоятельное объясненіе значенія различныхъ органовъ въ упомянутыхъ процессахъ и хода этихъ процессовъ. Изложенъ предметъ очень послѣдовательно и вполне популярно. Очень жаль, что въ описанію приложено очень мало рисунковъ, да и тѣ по исполненію ниже всякой критики.

А. Н.

27. Наука о жизни. Общедоступная физиологія человѣка. Составилъ В. Лункевичъ. Съ 91 рис. въ текстѣ. Спб. 1894. Изд. Ф. Павленкова. 8°. 220 стр. Ц. 1 руб.

Книжка В. Лункевича представляетъ популярное изложеніе главнѣйшихъ свѣдѣній по физиологіи человѣка. Соотвѣтственно такому назначенію, авторъ старается избѣгать специальныхъ терминовъ и, на сколько возможно, достигаетъ этого. Предметъ изложенъ необыкновенно живо, чрезвычайно ясно и послѣдовательно; въ этомъ отношеніи разбираемое сочиненіе можно назвать талантливымъ произведеніемъ. Авторъ описываетъ главнымъ образомъ отправленія органовъ, останавливаясь на ихъ анатомическомъ устройствѣ лишь по столько, по сколько это необходимо для пониманія физиологическихъ процессовъ. Исключеніе сдѣлано только по отношенію къ скелету, на которомъ г. Лункевичъ останавливается болѣе подроб-

но, нежели это нужно для элементарнаго знакомства съ физиологіей движенія. Всюду, гдѣ это надо, авторъ вноситъ медицинскій элементъ, обращая вниманіе читателя на нѣкоторыя болѣзни, составляющія послѣдствія разстройства отправленія различныхъ органовъ, а также на способы леченія. Такого рода замѣчанія придають книгѣ особенный интересъ. Авторъ начинаетъ изложеніе предмета съ описанія крови и кровообращенія, 2-я глава посвящена процессу дыханія, въ 3-й говорится о пищѣ и пищевареніи, въ 4-й о разрушеніи и обновленіи составныхъ частей нашего тѣла, причемъ описывается обменъ веществъ, дѣятельность выдѣлительныхъ железъ, процессъ обновленія тканей, здѣсь же дается понятіе объ источникахъ теплоты тѣла. Въ 5-й главѣ изложено устройство скелета, а 6-я и 7-я, названныя «движеніе», «ощущеніе» и «мысль», посвящены физиологіи животныхъ процессовъ, т. е. движенія и отправленія нервной системы. Читеніе книги, и безъ того написанной ясно, облегчается превосходными рисунками. Указанныя достоинства вмѣстѣ съ опрятностью изданія и дешевой цѣной его обезпечиваютъ книгѣ самое широкое распространеніе.

А. Н.

28. Мірскіе захребетники. М. Богданова. Изд. 3-е съ портретомъ автора и съ 25-ю рис. Спб. 1894. 184 стр. Ц. 1 р.

Именемъ «мірскихъ захребетниковъ» авторъ называетъ животныхъ, клящихся въ домахъ, около домовъ, или вообще возлѣ человѣка. Таковы: мышь, крыса, летучая мышь, ласточка, стрижь, скворецъ, домашній воробей, голубь, галка, сычъ, ансть, хохлатый жаворонокъ, ворона, ужъ, жаба, комнатная муха, блоха, клощъ, тараканъ, сверчокъ, мураши, моль, наукъ, мокрица и друг. М. Н. Богдановъ рассказываетъ объ ихъ образѣ жизни, нравахъ и о вредѣ, который

они причиняютъ, если этотъ вредъ существуетъ. Разсказъ ведется чрезвычайно живо, увлекательно, языкомъ, доступнымъ пониманію даже маленькихъ дѣтей, при отсутствіи того слащаваго тона, которымъ многие изъ нашихъ дѣтскихъ писателей думаютъ угодить вкусу молодыхъ читателей и который на самомъ дѣлѣ такъ часто противенъ имъ. Авторъ излагаетъ далеко не избитыя свѣдѣнія о перечисленныхъ животныхъ. Будучи специалистомъ зоологомъ, онъ сообщаетъ не мало собственныхъ наблюденій и личныхъ впечатлѣній, что въ особенности оживляетъ повѣствованіе. Наиболѣе удачны очерки о птицахъ и звѣрькахъ. Въ описаніяхъ отдельныхъ животныхъ наблюдается нѣкоторая неравномѣрность. Видимо, авторъ дольше останавливается на тѣхъ, къ которымъ онъ питаетъ личную симпатію. Такъ, домашнему воробью, къ которому М. Н. Богдановъ относится съ особенной любовью, посвящены 20 страницъ, а воронѣ всего 11 строкъ. Такая неравномѣрность объясняется частью и тѣмъ, что книжка составлена изъ отдельныхъ очерковъ, напечатанныхъ раньше въ дѣтскихъ журналахъ, главнымъ образомъ въ «Родникѣ», за исключеніемъ разсказовъ, составленныхъ, повидимому, на скорую руку для пополненія перечня «мірскихъ захребетниковъ». Книжка иллюстрирована нѣсколькими недурно исполненными рисунками. Изданіе опрятно. А. Н.

29. Изъ царства пернатыхъ. Д. Кайгородова. Популярныя очерки изъ міра русскихъ птицъ. Изд. 2-е. А. С. Суворина. Спб. 1894 г. Ц. 6 р.

Книжка состоитъ изъ ряда очерковъ жизни нѣкоторыхъ русскихъ птицъ, почти исключительно принадлежащихъ къ отряду воробьиныхъ. Изъ другихъ отрядовъ описаны только вальдшнепъ, дятлы и кукушка. Большинство очерковъ раньше были на

печатаны въ журналѣ «Родникъ» и предназначались, стало быть, для дѣтскаго чтенія. Въ изложеніи, однако, мы не видимъ ничего такого, въ чемъ бы выражалось такое назначеніе книжки, если не считать множество уменьшительныхъ выраженій и нѣсколько слащаваго тона, который, говоря по правдѣ, сильно портитъ все сочиненіе. Въмѣсто самка, самецъ, пара, авторъ почти всюду употребляетъ слова: самочка, самчикъ, парочка. Въ особенности неприятное впечатлѣніе производятъ отдѣльныя мѣста, гдѣ нѣсколько подобныхъ выраженій стоятъ близко другъ около друга, какъ, напр.: «Кнопляночка-самочка является очень хорошенькой птичкой». Для дѣтскаго чтенія книга г. Кайгородова, кромѣ того, недостаточно интересна, матеріалъ очень однообразенъ и не соответствуетъ требованіямъ дѣтской любознательности. Ребенка можетъ еще заинтересовать разсказъ о томъ, что та или другая птичка прилетаетъ къ намъ въ апрѣлѣ, гнѣздо вьетъ тамъ-то, несетъ столько-то бѣлыхъ или крапчатыхъ яицъ, питается какими ни на есть насѣкомыми и т. д. Но если тотъ же разсказъ съ небольшими варіаціями въ количествѣ яицъ, во времени прилета и всего прочаго повторяется болѣе 70 разъ, какъ это и есть на самомъ дѣлѣ въ очеркахъ г. Кайгородова, то всякая любознательность притупится много раньше, нежели читатель доберется до послѣдней страницы. Единственно, что можетъ привлечь ребенка къ книжкѣ, это—рисунки птицъ, въ особенности раскрашенныя таблицы.

Въ бібліотекахъ народныхъ школъ сочиненіе г. Кайгородова весьма желательно. Учитель, когда это требуется, можетъ черпать изъ книжки богатый матеріалъ для бесѣдъ съ учениками. Та же книга годна и въ качествѣ элементарнаго опредѣлителя тѣхъ птицъ, которыя изображены, а всякаго рода опредѣлители естествен-

ныхъ тѣлъ, положительно необходимы для народной школы. Въ виду того, что въ описаніяхъ говорится также о пользѣ или вредѣ птицы, если таковыя существуютъ, очерки не лишены и практическаго интереса. Въ сочиненію приложены 16 раскрашенныхъ таблицъ съ 49 изображеніями различныхъ породъ птицъ и большое количество черныхъ рисунковъ, изображающихъ или птицъ, или пейзажи. Хромолитографированныя таблицы замѣстованы изъ популярнаго сочиненія К. Russ'a «Vögel der Heimat». Большинство ихъ, хотя и аляповаты, но настолько удовлетворительны, что по нимъ не трудно признать изображаемую птицу. Гораздо лучше рисунки черные, изъ которыхъ пейзажи, надо сказать, довольно многочисленны, излишни и напрасно удорожаютъ изданіе.

А. Н.

30. Черная семья. (Птицы вороньяго рода). *Д. Кайгородова*. Съ 3-е хромолитограф. таблицами. Изд. 2-е. А. С. Суворина. Спб. 1894. 31 стр. Ц. 25 к.

Авторъ описываетъ внѣшній видъ, образъ жизни и привычки главнѣйшихъ русскихъ представителей семейства воронъ, а именно: вѣрона, сойки, вороны, грача и галки. По полнотѣ описанія и по картинности языка, эта книжка г. Кайгородова одна изъ лучшихъ популяризацій въ своей области. Изложеніе доступно не только всякому взрослому, но и дѣтямъ. Раскрашенные рисунки исполнены очень недурно, но дѣтъ послѣднія таблицы являются совершенно излишними и безъ всякой пользы удорожаютъ изданіе: въ нихъ изображены тѣ же птицы, которыя вмѣются и на первой таблицѣ, почему каждая изъ описанныхъ птицъ оказывается изображенной два раза, только въ разныхъ положеніяхъ.

А. Н.

31. Муравей-чудодѣй. *М. С. Съ* 16-ю рис. Изд. «Чит. нар. школь». Сиб. 1894. 36 стр. Ц. 15 к.

Содержаніе книжки составляетъ описаніе жизни муравьевъ. Сообщены главнѣйшіе факты, касающіеся исторіи развитія этихъ насѣкомыхъ, авторъ рассказываетъ объ устройствѣ гнѣзда муравьевъ, уходѣ за дѣтвой, о способности распознавать товарищей, объясняться другъ съ другомъ, о содержаніи тлей, о разведеніи муравьями полезныхъ для нихъ растений, объ играхъ муравьевъ, ихъ войнахъ, о муравьяхъ рабовладельцахъ и проч. Видно, авторъ при составленіи книжки пользовался новѣйшими наблюденіями надъ жизнью этихъ удивительныхъ насѣкомыхъ, произведенными извѣстнымъ знаткомъ ихъ Лѣббокомъ. Рассказъ ведется очень живо, написанъ хорошимъ, яснымъ и простымъ языкомъ. Книжка иллюстрирована 16-ю недурными рисунками, изображающими различные эпизоды изъ жизни муравьевъ.

А. Никольскій.

32. Первая понятія о зоологіи. *Полъ Бэръ*. Со множествомъ рисунковъ въ текстѣ. Перев. съ франц. подъ ред. проф. И. И. Мечникова. Въ переводу присоединены три дополнительныхъ очерка: Развитіе животнаго міра, Общественная жизнь животныхъ и Великая роль «ничтожныхъ созданій». Изд. 3-е, исправл., Ф. Павленкова (съ портретомъ автора). Сиб. 1894. 266 стр. 4.100 экз. Ц. 1 р.

Не для того, чтобы сдѣлать изъ нашихъ дѣтей зоологовъ, ботаниковъ или геологовъ, введены были естественныя науки въ народное образованіе, говоритъ авторъ этой книжки въ предисловіи. П. Бэръ совершенно справедливо считаетъ ихъ лучшимъ средствомъ для развитія ума ребенка. Кто хорошо наблюдаетъ, тотъ умѣетъ и правильно разсуждать; по-

этому изученіе живой природы не только изоощряетъ чувства, но развиваетъ въ то же время и умъ. Авторъ «Первыхъ понятій о зоологіи» ставитъ себѣ задачей расшевелить наблюдательность дѣтей и привести въ возбужденіе ихъ маленькіе мозги; онъ имѣлъ цѣлью способствовать сохраненію неустойчивой склонности ребенка ставить свои вѣчныя «почему» и «отчего». П. Бэръ превосходно справился съ этой задачей. Его книжка не есть учебникъ. Это—рядъ талантливыхъ разсказовъ, какъ нельзя болѣе пригодныхъ для удовлетворенія природной любознательности дѣтей. Всѣ разсказы въ совокупности (распределенные на 15 уроковъ) не представляютъ чего-нибудь цѣльнаго и систематическаго: авторъ выбиралъ зоологическія темы болѣе интересныя и потому болѣе удовлетворяющія основной задачѣ его: развить въ дѣтяхъ любовь къ наблюденіямъ среди живой природы. Въ первомъ урокѣ П. Бэръ говоритъ о различіи между живыми существами и неодушевленными предметами, между животными и растениями; во 2-мъ—онъ описываетъ самыя большія и самыя малыя существа, видимыя невооруженнымъ глазомъ, причемъ изъ царства животныхъ въ качествѣ примѣровъ взяты: китъ, слонъ, страусъ, крокодилъ, акула, землеройка, колибри и проч., изъ царства растений—баобабъ, американская ель и друг. 3-й урокъ посвященъ обзору живыхъ существъ, видимыхъ только подъ лупой или подъ микроскопомъ. Здѣсь говорится объ инфузоріяхъ, чесоточномъ зуднѣ, а также о молочныхъ и кровяныхъ шарикахъ и проч. Въ 4-мъ урокѣ рѣчь идетъ объ условіяхъ существованія животныхъ сухопутныхъ и водныхъ, о способахъ ихъ передвиженія и объ ихъ дыханіи. Въ 5-мъ описаны разнообразныя приспособленія къ летанію, и отношеніе животныхъ къ ночному и дневному

освѣщенію. Въ 6-мъ, 7-мъ и 8-мъ урокахъ П. Бэръ говоритъ о распределеніи болѣе извѣстныхъ животныхъ по понмамъ, холодному, умеренному и жаркому, и по частямъ свѣта, а также о человѣческихъ расахъ и ихъ распространеніи по земному шару. 9-й и 10-й уроки авторъ посвящаетъ эмбриональному и пост-эмбриональному развитію животныхъ, росту ихъ, способамъ вскармливанія дѣтенышей, высиживанію яицъ въ классѣ птицъ и превращенію насѣкомыхъ. Въ четырехъ слѣдующихъ урокахъ говорится объ охотѣ и рыболовствѣ, о домашнихъ животныхъ, о полезныхъ и вредныхъ дикахъ, и, наконецъ, въ послѣднемъ урокѣ П. Бэръ выясняетъ основанія классификаціи животныхъ. Уроки о географическомъ распространеніи и классификаціи самъ авторъ считаетъ слишкомъ переполненными массой фактовъ и потому утомительными и скучными для ребенка, вслѣдствіе чего онъ и предназначаетъ ихъ болѣе для учителей, нежели для учениковъ. Исключительно для учителей и притомъ для учителей съ образованіемъ не ниже средняго, прибавлены и дополнительныя статьи Л. Попова, упомянутыя въ оглавленіи. Трагуютъ онѣ о предметахъ, не во всемъ доступныхъ дѣтскому пониманію, да и языкъ ихъ совершенно непригоденъ для дѣтей. Въ 1-мъ своемъ урокѣ русскій авторъ этихъ прибавочныхъ статей излагаетъ сущность теоріи эволюціи и естественнаго подбора; во 2-мъ—онъ разсматриваетъ общественную жизнь животныхъ, причемъ приводитъ примѣры привязанностей животныхъ къ своимъ дѣтямъ и другъ къ другу и, наконецъ, въ послѣднемъ урокѣ говоритъ о роли дождевого червя въ образованіи чернозема. 3-е изданіе болѣе опрятно, нежели предыдущія, но многіе изъ рисунковъ по прежнему плохи, а нѣкоторые прямо таки никуда не годятся. Впрочемъ,

дешевизна книжки искупаетъ этотъ недостатокъ.

А. Н.

33. Міръ животныхъ. Составлено подъ редакцій Г. М. Пекаторосъ. Общедост. бібліотека. Изд. Г. М. Пекаторосъ. Одесса. 1894 г. 176 стр. 16°. Ц. 25 к.

Въ популярной литературѣ мы впервые встрѣчаемъ сочиненіе такого характера, какой придаѣтъ разбираемой книжкѣ составитель. Книжка эта представляетъ популярное изложеніе того отдѣла зоологіи, который называютъ введеніемъ въ зоологію, причемъ матеріалъ подобранъ по той программѣ, въ какой этотъ отдѣлъ преподается въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ; конечно, изложенъ онъ сокращенно. Такимъ образомъ, книжка «Міръ животныхъ» есть ни что иное, какъ конспектъ введенія въ зоологію для высшихъ учебныхъ заведеній.

Хотя въ предисловіи авторъ и говоритъ, что при составленіи книжки въ основаніе положена «общая зоологія» Борегара, но такъ какъ введеніе въ зоологію въ большинствѣ учебниковъ излагается, приблизительно, по одному плану, и факты сообщаются въ нихъ болѣе или менѣе одинаковые, то «Міръ животныхъ» производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто онъ составленъ по учебнику зоологіи Клауса, или по введенію въ зоологію Мензбира и проч. Матеріалъ расположенъ совершенно въ той системѣ, какая принята у Клауса. Сначала авторъ сравниваетъ животный организмъ съ растительнымъ, затѣмъ описываетъ кѣтку и нѣкоторыхъ однокѣточныхъ животныхъ, далѣе

переходитъ къ тканямъ и къ сравнительно-анатомическому очерку, причемъ органы, такъ же какъ и у Клауса и въ другихъ подобныхъ учебникахъ, раздѣлены на органы растительной жизни, описанные въ началѣ, и органы животной жизни; органы размноженія рассмотрѣны отдѣльно. Вслѣдъ за ними авторъ говоритъ о лицѣ, сегментациі, постъ-эмбриональномъ развитіи, біо-генетическомъ законѣ. 2-я часть книжки посвящена изложенію теоріи эволюціи, явленіямъ магнетизма, ассоціаціямъ въ царствѣ животныхъ, явленіямъ паразитизма, сожительства, географическому распространенію и основаніямъ классификаціи. Книжка болѣе всего пригодна для слушателей или слушательницъ тѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній, гдѣ зоологія составляетъ побочный вспомогательный предметъ, таковы, напр., педагогическіе и фребелевскіе курсы. Изложенъ упомянутый выше матеріалъ не то, чтобы очень умѣло. Видимо, книжку составилъ авторъ, для котораго литературная работа не совсѣмъ обычное дѣло; однако, написана она достаточно ясно для читателя съ образованіемъ среднимъ. Если бы не изобиліе спеціальныхъ выраженій, въ родѣ: принципъ, аналогія, рудиментъ, спеціальная функція и тому подобныя, которыхъ легко можно было бы избѣжать, книжка была бы вполне доступна и для лицъ съ образованіемъ элементарнымъ. Къ сочиненію приложены 21 рисун., которые хотя исполнены довольно грубо, но даютъ достаточно ясное представленіе объ изображаемыхъ предметахъ.

А. Н.

34. Страна звѣздъ. *Р. Болла*. Переводъ съ англійск., со множествомъ рисунковъ. Изд. «Народн. Библ.» Маракуева.

35. Внутреннія планеты. Москва, 1894 г., 90 стр. Ц. 20 к.

36. Исполнскія планеты. Москва, 1895 г., 49 стр. Ц. 15 к.

Названные книжки являются продолженіемъ серіи популярныхъ лекцій по астрономіи Болла. Первая изъ разсматриваемыхъ книжекъ посвящена описанію Меркурія, Венеры, Земли (какъ планеты), Марса и астероидовъ. Авторъ въ живомъ разсказѣ сообщаетъ элементарныя свѣдѣнія о планетахъ, причѣмъ ему удается чрезвычайно просто объяснить сущность законовъ Кеплера и Ньютона. Въ самомъ началѣ брошюры авторъ даетъ указанія, какимъ образомъ можно построить діаграмму внутренней части солнечной системы и діаграмму сравнительной величины различныхъ планетъ.

Жаль, что въ книжкѣ не приведены точныя данныя относительно величины планетъ и ихъ расстояній, а даны только сравнительныя. Вторая книжка посвящена большимъ планетамъ. Послѣ описанія Юпитера, авторъ говоритъ о спутникахъ этой планеты и попутно выясняетъ, какимъ образомъ была выведена скорость свѣта изъ наблюденій надъ затменіями спутниковъ Юпитера; затѣмъ переходитъ къ Сатурну, подробно описываетъ исторію открытія Урана и разъясняетъ, какимъ образомъ было предсказано существованіе Нептуна.

Указанныя книжки, какъ и ранѣе разобранныя нами «Солнце» и «Луна» того же автора (см. № 17 и 18), имѣютъ въ виду, главнымъ образомъ, дѣтей. Поэтому авторъ нерѣдко прибѣгаетъ къ искусственнымъ приемамъ при изложеніи. Такъ, напр., комета Энке ведетъ у Болла продолжительный разговоръ съ астрономомъ и математикомъ.

Изданы книжки, какъ и первыя двѣ, очень опрятно. Г. Гр.

37. Астрономическіе вечера. *Г. Клейна*. Очерки изъ исторіи астрономіи. Солнечный міръ, звѣзды, туманности. Перев. съ 3-го нѣм. изданія. Съ 9 портретами, 61 рисункомъ и 4 картами звѣзднаго неба. Изданіе журнала «Міръ Божій». Спб. 1895 г., 290 стр. Цѣна 2 руб. Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія рекомендовано для средняго и старшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній и для наградъ ученикамъ сихъ заведеній.

За послѣдніе годы наша научно-популярная литература замѣтно пополняется какъ оригинальными, такъ и переводными сочиненіями, но число дѣйствительно хорошихъ популяризацій еще и до сихъ поръ такъ незначительно, потребность же въ нихъ настолько велика, что мысль перевести «Астрономическіе вечера» нельзя не назвать удачной.

Книга Клейна не есть систематическій курсъ астрономіи. Она представляетъ рядъ живыхъ, интересныхъ, часто увлекательныхъ, проникнутыхъ одушевленіемъ бесѣдъ, которыя, главнымъ образомъ, имѣютъ цѣлью развить передъ читателемъ основанія современнаго астрономическаго міровоззрѣнія. Благодаря тому, что нѣкоторыхъ вопросовъ элементарной астрономіи авторъ или совершенно не разбираетъ (напр., движеніе земли, ея форма), или же упоминаетъ о нихъ только вскользь (напр., затменія), отъ читателя требуется предварительное знакомство съ элементарными астрономическими представленіями; безъ этого многое останется для него непонятнымъ. Нельзя не пожалѣть, что авторъ почти совершенно не разсматриваетъ основаній, на которыя опираются методы астрономическихъ наблюденій и измѣреній. Мы считаемъ этотъ пробѣлъ существеннымъ, такъ

какъ вопросъ—«какъ это все узнали?» возникаетъ самъ собой у читателя, когда ему сообщаютъ такія, повидимому, невѣроятныя свѣдѣнія, какъ вѣсъ солнца, разстоянія планетъ и пр., а, съ другой стороны, знакомство съ методами изслѣдованія даетъ читателю возможность сознательно относиться къ выводамъ науки, и самые выводы въ его глазахъ получаютъ тогда особую цѣну. Еще одно замѣчаніе. Авторъ часто ссылается на спектральный анализъ, между тѣмъ сущность его въ книжкѣ не выяснена. Постараемся, хотя въ общихъ чертахъ передать содержаніе книги. Въ первыхъ двѣнадцати главахъ мы находимъ рядъ интересныхъ очерковъ развитія астрономическихъ воззрѣній съ древнѣйшихъ временъ. Читатель видитъ, какъ человѣчество отъ фантастическихъ представленій древности, отъ астрологическихъ суевѣрій среднихъ вѣковъ постепенно приближалось къ истинѣ и устанавливало тѣ незыблемые основные законы, на которыхъ зиждется современное астрономическое знаніе. Здѣсь читатель найдетъ исторію телескопа, здѣсь онъ почерпнетъ много біографическихъ свѣдѣній о великихъ изслѣдователяхъ неба. Да и далѣе въ своемъ изложеніи авторъ не упускаетъ случая навести историческую справку, указать главные моменты въ развитіи идеи, сообщить читателю біографическія данныя. Все это чрезвычайно разнообразно изложено, придаетъ ему живость, картинность, полноту. Слѣдующія главы посвящены солнцу. Здѣсь авторъ указываетъ теоріи о происхожденіи солнечной теплоты, излагаетъ канто-лапласовскую гипотезу объ образованіи міровъ, подробно говоритъ о строеніи солнца и явленіяхъ, происходящихъ на его поверхности. Въ главахъ о лунѣ отводятся большее мѣсто топографіи планеты, описываются лунныя горы, кратеры и прочія образованія на поверхности

земного спутника, причемъ разбираются теоріи о происхожденіи лунныхъ горъ. Далѣе авторъ переходитъ къ планетамъ; подробно говорятъ о кометахъ, причемъ и здѣсь указываетъ суевѣрные взгляды древности и среднихъ вѣковъ; затѣмъ слѣдуетъ ученіе о неподвижныхъ звѣздахъ, двойныхъ звѣздахъ и туманностяхъ. Этимъ послѣднимъ вопросамъ посвящены послѣднія семь бесѣдъ.

Къ книгѣ приложено «перечисленіе наиболѣе интересныхъ двойныхъ звѣздъ въ отдѣльныхъ созвѣздіяхъ».

Многочисленные рисунки и портреты исполнены хорошо; нѣкоторые—не оставляютъ желать ничего большаго. Карты звѣзднаго неба, хотя исполнены довольно ясно, но въ маломъ масштабѣ. Книга издана тщательно. Переводъ читается легко.

Г. Гр.

38. Мыльные пузыри. *Н. В. Бойса*. Четыре лекціи о волосности, прочитанныя предъ молодой аудиторіей. Перев. съ французскаго перевода Ш.-Эд. Гильома, подъ редакц. Б. И. Вейнберга. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 1894 г. Стр. X + 134. Ц. 60 коп.

Книжка Бойса посредствомъ ряда удачно подобранныхъ опытовъ знакомитъ читателя съ цѣлымъ отдѣломъ физики,—съ капиллярными явленіями. Первая лекція посвящена поверхностному натяженію. Сначала авторъ даетъ нѣсколько опытовъ, убѣждающихъ читателя въ существованіи «жидкой пленки»; далѣе, идетъ рѣчь о поднятіи жидкостей въ волосныхъ трубкахъ, о величинѣ поверхностнаго натяженія. Въ концѣ 1-й лекціи, въ «Приложеніяхъ», находимъ чрезвычайно интересныя замѣчанія о той роли, которую играетъ поверхностное натяженіе въ жизни нѣкоторыхъ водныхъ личинокъ. 2-я лекція, озаглавленная—«Невѣсомыя перепонки», говоритъ объ упругости пленки, уста-

навливаешь зависимость между кризисной пленки, давленіемъ ея и ея устойчивостью. Ученіемъ о жидкой струѣ занята 3-я лекція; здѣсь авторъ сообщаетъ, между прочимъ, любопытные опыты относительно дѣйствія электричества на струю, говорить о гидравлическомъ микрофонѣ. Последняя лекція, четвертая, посвящена вопросу о проницаемости и соприкосновеніи мыльныхъ пузырей.

Книжка Бойса прочтется съ большимъ интересомъ. Читатель, даже прошедшій элементарный курсъ физики по нашимъ официальнымъ руководствамъ, въ которыхъ такое скромное мѣсто отводится вопросамъ волности, вынесетъ изъ лекцій Бойса много полезныхъ для себя свѣдѣній. Вообще же говоря, отъ читателя не требуется никакой особой подготовки. Два — три необъясненныхъ термина едва ли затрудняютъ чтеніе.

Переводъ сдѣланъ довольно гладко, хотя встрѣчаются шероховатости.

Многочисленные, отлично исполненные рисунки помогаютъ разбираться въ описанныхъ явленіяхъ. Въ предисловіи авторъ совѣтуетъ читателю повторить всѣ описанные опыты; «...во многихъ случаяхъ для этого не требуется ничего, кромѣ стеклянной или ваучуковой трубки, или другихъ предметовъ, которые также легко достать». Нельзя не согласиться, что нѣкоторые опыты дѣйствительно могутъ быть продѣланы домашними средствами, но иные опыты требуютъ довольно сложныхъ приборовъ, которые едва ли могутъ быть удачно построены среднимъ читателемъ. Сюда мы относимъ опыты съ устойчивыми и неустойчивыми цилиндрами, съ разложеніемъ струи и нѣкоторые другіе. Въ концѣ книги сдѣланы практическія указанія, которыя читатель долженъ имѣть въ виду при производствѣ опытовъ; это, конечно, способствуетъ успѣху, но далеко его не гарантируетъ. Большинство опытовъ

сами по себѣ настолько деликатны, напр., всѣ опыты съ двойными и тройными пузырями, что, помимо всего прочаго, требуютъ «хорошихъ рукъ».

Въ концѣ книги находимъ пять коротенькихъ прибавленій французскаго переводчика: «о камфарныхъ вихряхъ», «слѣдствія капиллярнаго давленія», «кварцевыя нити», «дѣйствіе масла на волны» и «о толщинѣ мыльныхъ пузырей». Г. Гр.

39. Краткое изложеніе политической экономіи. *А. А. Карелина*. Спб. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. 1894 г. 307 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Книжка г. Карелина представляетъ интересную и заслуживающую полнаго сочувствія попытку изложенія теоріи экономической науки въ связи съ условиями хозяйственной жизни Россіи. Не ограничиваясь объясненіемъ основныхъ положеній политической экономіи, авторъ удѣляетъ въ своей книгѣ не мало мѣста очеркамъ объ артеляхъ, кустарномъ промыслѣ, о положеніи рабочихъ, фабричномъ законодательствѣ, о землевладѣніи, крестьянскомъ хозяйствѣ и общинномъ владѣніи. Для иллюстраціи тѣхъ или иныхъ экономическихъ явленій, напр. раздѣленія труда, кооперации, колебаній заработной платы, ренты и т. п., авторъ нѣрѣдко пользуется фактами русской дѣйствительности, и это, само собою разумѣется, придаетъ изложенію яркость и особенный интересъ для русскихъ читателей. Названные очерки, которые обыкновенно не вводятся въ учебники политической экономіи, составляютъ несомнѣнное достоинство книги г. Карелина. Къ сожалѣнію, теоретическая часть изложенія обработана авторомъ далеко неудовлетворительно. Существеннымъ недостаткомъ является, прежде всего, излишняя отвлеченность языка, нескладность рѣчи и неточность терминологіи въ тѣхъ отдѣлахъ книги, гдѣ излагаются основныя понятія о трудѣ,

богатствѣ, капиталѣ, цѣнности. Самое опредѣленіе политической экономіи, которымъ авторъ начинаетъ свою книгу, нельзя назвать удачнымъ: «Политическая экономія.—говоритъ онъ,— изучаетъ законы, которые являются слѣдствіемъ того факта, что люди удовлетворяютъ рядъ своихъ потребностей продуктами труда». Не говоря о неточности выраженія: «законы, являющіеся слѣдствіемъ факта»... въ этомъ опредѣленіи не указана совершенно *экономическая* сторона тѣхъ явленій, которыя изслѣдуетъ наука о народномъ хозяйствѣ. Эта сторона явленій вытекаетъ изъ соотвѣтствія между затратою усилий и количествомъ получаемой выгоды. Авторъ не даетъ опредѣленія хозяйственной дѣятельности человѣка въ главѣ о трудѣ, не выясняетъ значенія интенсивности труда и смѣшиваетъ ее съ производительностью. Въ главѣ о капиталѣ не выяснено различіе между основными и оборотными капиталами, съ одной стороны, и постоянными и переменными, съ другой. Ученіе о формахъ производства авторъ напрасно отнесъ къ отдѣлу о распредѣленіи; поэтому онъ оставилъ безъ объясненія процессъ развитія крупной промышленности; хотя онъ упоминаетъ, напр., о домашней формѣ капиталистическаго производства, но нигдѣ не выясняетъ ея значенія, что, между тѣмъ, особенно было бы важно для вѣрной оцѣнки многихъ явленій нашей кустарной и мелкой промышленности. Въ главѣ о прибыли авторъ ничего не говоритъ о колебаніяхъ прибыли, не выдѣляетъ изъ нея процента на капиталъ, ни предпринимательскаго барыша. Ренту авторъ опредѣляетъ правильно, но въ дальнѣйшемъ изложеніи смѣшиваетъ съ арендной платою. Ученіе о цѣнности изложено хотя и многословно, но крайне невразумительно. Незнакомый съ политической экономіей читатель не вынесетъ изъ этого отдѣла никакихъ

познаній. Неясностью отличается также глава о кризисахъ. Наконецъ, послѣднюю главу о потребленіи (размѣромъ меньше 1 стр.) можно было бы безъ ущерба вовсе выбросить. Менѣе важныя неточности въ другихъ частяхъ книги, слабость литературной обработки матеріала, заставляють отдать предпочтеніе предъ книгою Карелина существующимъ на русскомъ языкѣ учебникамъ политической экономіи А. Чупрова, Иванюкова, Исаева. М. Познеръ.

40. Бояринъ Матвѣевъ и его время (1625—1682). Историческій очеркъ *Е. Волковой*. Москва. 1894. 16°. 144 стр. Изданіе книжнаго склада А. М. Мурановой.

Въ предисловіи (стр. 1—10) авторъ указываетъ на проявленія критики, вызванной уже въ XVII стол. темными сторонами стараго строя (Ботошихинъ, Крижанничъ) и на то, что и до Петра были люди-бойцы съ «глухой стариной и темными предразсудками», которые подготовили для Петра В. почву, и что одно изъ первыхъ мѣстъ между ними принадлежитъ Матвѣеву. Затѣмъ, въ 14-ти главахъ рассказывается біографія Матвѣева, причѣмъ въ этой біографической рамкѣ авторъ старается представить характеристику разлада между старымъ строемъ и новыми вѣяніями: онъ рассказываетъ о томъ, какъ учили въ тѣ годы, къ которымъ относится дѣтство Матвѣева, о внутреннемъ управленіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича, о положеніи селъ и деревень, о знакомствѣ Матвѣева съ иноземцами Нѣмецкой слободы. Далѣе авторъ характеризуетъ жизнь русскаго знатнаго человѣка въ XVII в., рассказываетъ о сближеніи Матвѣева съ Алексѣемъ Михайловичемъ, о вліяніи его на царя, про женитьбу царя на Натальѣ Кирилловнѣ; знакомитъ читателя съ дѣятельностью посольскаго приказа, во

главѣ котораго стоялъ Матвѣевъ. Наконецъ, описывается смерть Алексѣя Михайловича, ссылка Матвѣева, его возвращеніе и смерть. Какъ художественное произведеніе, очеркъ г-жи Волковой слабавать; насколько искусственно авторъ подбираетъ матеріалъ, необходимый для составленія очерка, видно изъ слѣдующаго примѣра: на томъ основаніи, что Матвѣеву трудно было вѣдать посольскій приказъ, авторъ цѣлую главу посвящаетъ описанію «дѣятельности этого приказа», но при этомъ о самой дѣятельности приказа говоритъ очень мало и занимаетъ читателя, главнымъ образомъ, описаніемъ пріѣзда и пріема иностранныхъ посольствъ и отпращиванія нашихъ; въ своихъ характеристикахъ авторъ иногда слишкомъ сгущаетъ краски; такъ, напр., жизнь знатныхъ людей того времени авторъ характеризуетъ тѣмъ, что «она проходила большею частью въ вѣдѣ, да въ молитвѣ». При всемъ томъ очеркъ сообщаетъ много фактовъ, освѣщенныхъ по большей части вѣрно, а потому можетъ быть прочтенъ съ пользою. А. Б.

41. *Добрые люди стараго времени на Руси. Историческія очерки С. Р.* Изданіе Харьковскаго Общества распространенія въ народѣ грамотности. Харьковъ, 1894. 16°. 28 стр.

Авторъ рассказываетъ о благотворительной дѣятельности извѣстной Ульяны Осоргиной (стр. 1—17) и боярина Ртищева (стр. 18—28), жизнеописанія которыхъ въ послѣднее время стали излюбленною темой разсказовъ для народа; въ біографическихъ рамкахъ авторъ старается познакомить читателя съ нѣкоторыми сторонами общественной жизни; на біографіи Осоргиной авторъ старается выяснитъ ошибочность того мнѣнія, будто въ старину жилось лучше, чѣмъ теперь; въ біографіи Ртищева указывается на признаки стремленія къ новымъ порядкамъ, проявившіеся въ

царствованіе Алексѣя Михайловича. Обѣ біографіи написаны живымъ языкомъ и занимательно. А. Б.

42. *Изъ исторіи родной земли. Тихомировъ, Д. И.* Очерки и разсказы для школъ и народа съ рисунками и картами въ текстѣ. Ч. I. Древняя Россія. VIII—230 стр. Цѣна 50 коп. Ч. II. Новая Россія. 176 стр. Ц. 40 к. Изд. 2-е, значительно исправленное. Москва, 1894 и 1895 г.г. Книга одобрена: Военно-ученымъ Комитетомъ Главнаго Штаба—для обращенія въ войскахъ; Ученымъ Отдѣломъ Главнаго Морскаго Штаба для библиотекъ нижнихъ чиновъ морскаго вѣдомства. Трудъ г. Тихомирова предназначается, какъ видно изъ его заглавія, для школъ и народа. Авторъ поставилъ цѣлью дать читателямъ «хотя бы начало для дальнѣйшаго развитія исторической мысли, для дальнѣйшаго воспитанія историческаго чувства». Содержаніемъ должны были служить «яркія и живыя характеристики избранныхъ историческихъ лицъ и событій, доступное объясненіе значенія дѣятельности лицъ и смысла описываемыхъ событій, сообщеніе и толкованіе доступныхъ фактовъ и явленій матеріальной и духовной жизни народа въ непосредственной связи съ описанными лицами и событіями».

Все содержаніе книги раздроблено на цѣлый рядъ болѣе или менѣе мелкихъ очерковъ, разсказовъ, характеристикъ, разсужденій.

I я часть, охватывающая время до юности Петра, состоитъ изъ XI-ти главъ (I. Жизнь первобытныхъ людей (стр. 1—6). II. Жизнь русскихъ славянъ. (7—17). III. Начало русскаго государства. (18—27). IV. Начало на Руси христіанства и просвѣщенія (28—47). V. Южная и Сѣверная Русь (48—58). VI. Татарская неволя (59—111). VII. Иоаннъ Грозный (111—138). VIII. Смутное время (139—187). IX. Изъ царствованія

Мих. Феодоровича (188—199). X. Изъ царствованія Алексѣя Михайловича (200—217). XI. Жизнь въ древней Руси. 218—230. II-я же часть изъ IX главъ: I. Дѣтство и юность Петра (1—15). II. Императоръ Петръ Великій. (16—77). III. Преемники Петра. (78—95). IV. Имп. Екатерина Великая. (96—122) V. Генералиссимусъ графъ А. В. Суворовъ. (123—143). VI. Имп. Александръ I. (143—158). Затѣмъ двѣ незаглавленные меньшія главы: VII. Освобожденіе Сербіи и Греціи. (159—163). VIII. Крымская война. (164—169). IX. Преобразованія Имп. Александра II. (169—176).

Содержаніе очерковъ не представляетъ строго послѣдовательнаго изложенія русской исторіи въ непрерывномъ хронологическомъ порядкѣ. Разбивъ указанныя выше главы на цѣлый рядъ мелкихъ очерковъ, авторъ не ограничивается изложеніемъ политическихъ событій и отношеній, не ограничивается характеристикой лицъ, а, придерживаясь своего плана, даетъ читателю характеристику событій и пытается нарисовать картину внутренняго состоянія общества и государства въ различныхъ фазисахъ ихъ развитія, и это главнымъ образомъ и придаетъ цѣнность труду.

Изъ такихъ культурно-историческихъ очерковъ отмѣтимъ слѣдующіе: Кіево - Печерская лавра; въ этомъ очеркѣ авторъ выясняетъ вліяніе монастыря на религиозно-нравственное и умственное состояніе общества; о древнемъ Новгородѣ, о св. Сергіѣ, о просвѣщеніи и нравственности въ эпоху до Іоанна Грознаго, о книгопечатаніи, о прикрѣпленіи крестьянъ къ землѣ, о положеніи Руси послѣ смуты, о юго - западной Руси подъ властью Польши. Последняя глава I-й части вся посвящена характеристикѣ «Жизни въ древней Руси» въ 2 очеркахъ: «Обиходная жизнь русскаго человѣка» и «Невѣжество и просвѣщеніе»: къ этимъ очеркамъ присоединены харак-

теристики двухъ добрыхъ людей древней Руси: Ульяны Осоргиной и Ртищева. Во второй части мы встрѣчаемъ также цѣлый рядъ культуры историческихъ очерковъ. Послѣ очень хорошаго изложенія Петровскаго царствованія, которому удѣлено цѣлыхъ 77 страницъ (т.-е. почти половина всей 2-й части), авторъ даетъ біографіи Екатерины I, князя Меншикова, Натальи Борисовны Долгорукой и Ломоносова; даетъ очеркъ просвѣщенія на Руси послѣ Петра Великаго и, рассказавъ о реформахъ Петра III, прямо переходитъ къ Екатеринѣ II; кромѣ описанія внѣшнихъ войнъ этого царствованія, авторъ даетъ очеркъ о Пугачевщинѣ, внутреннемъ управленіи и самоуправленіи сословій и о просвѣщеніи въ этотъ періодъ. Переходя къ XIX в., авторъ рассказываетъ только о войнахъ въ царствованіе Александра I и Николая I, а затѣмъ последнюю главу посвящаетъ преобразованіямъ Имп. Александра II. Таково содержаніе книги. Вездѣ, гдѣ возможно, авторъ старается выяснитъ наглядно роковое вліяніе на судьбы Россіи господствовавшаго въ ней невѣжества.

Текстъ иллюстрированъ картинами; картинъ однако не такъ много и большинство ихъ мало содержательны. Въ обихъ частяхъ помѣщены 34 картины, изъ которыхъ 20 портретовъ, 5 изображеній памятниковъ, кромѣ того 4 карты.

При изложеніи авторъ часто приводитъ отрывки, выбранные изъ лучшихъ русскихъ писателей (Пушкинъ, Лермонтовъ, Кольцовъ и др.), а также изъ народныхъ пѣсенъ. Это несомнѣнно должно способствовать тому, «чтобы содержаніе сильнѣе запечатлѣлось въ воображеніи и чувствѣ читателя», хотя нельзя сказать, чтобы выборъ всѣхъ стихотвореній былъ одинаково удаченъ (отсутствіе, напр., «Славянскаго марша» врядъ ли принесло бы ущербъ книгѣ).

Въ историческихъ разсказахъ для народа укоренилось стремленіе удѣлять первое мѣсто біографическому элементу и событіямъ внѣшней жизни. Нельзя поэтому не отнестись сочувственно къ попыткѣ автора разбираемой нами книги дать, кромѣ указанныхъ сторонъ, характеристику событій и явленій внутренней жизни народа.

Изложеніе въ общемъ довольно живо и въ большинствѣ очерковъ вполне доступно пониманію читателей, для которыхъ книга предназначается. Все вышесказанное заставляетъ насъ признать «Очерки и Разказы» полезнымъ пособіемъ въ качествѣ начальнаго историческаго чтенія.

Главнымъ недостаткомъ книги мы считаемъ далеко неравномѣрное распределеніе матеріала. Хотя авторъ созналъ необходимость ввести въ свой трудъ характеристики состоянія общества и народа, объясненіе государственнаго строя и т. под., однако всѣмъ этимъ вопросамъ удѣлено совсѣмъ не такъ много мѣста, какъ это по существу было бы необходимо. Вслѣдствіе этого, едва ли, напр., читатель вынесетъ изъ 1-й части «Очерковъ» достаточно отчетливое представленіе о внутренней жизни Московскаго государства въ различные періоды его восьми-вѣковой жизни. Авторъ удѣляетъ по нѣскольку страницъ такимъ событіямъ, какъ женитьба Михаила Федоровича, взятіе Казани и Астрахани, и въ то же время *отъчу*, напр., отводитъ всего 9 строкъ, земскимъ соборамъ—4 строки. О соборѣ, разсматривавшемъ уложеніе Алексѣя Михайловича, нѣтъ ни слова. Очеркъ обиходной жизни русскихъ людей занимаетъ ровно 17 строкъ.

Читатель, познакомившійся съ одной первой частью «Очерковъ», получитъ очень смутное представленіе о государственномъ строѣ до-петровской Руси, такъ какъ характеристика его дана только во второй части, при изложеніи реформъ Петра Великаго.

Та же неравномѣрность въ распределеніи матеріала замѣчается и во второй части труда. Послѣ очень хорошаго изложенія Петровскихъ реформъ, авторъ до послѣдней главы, которая посвящена преобразованіямъ имп. Александра II, вопросамъ внутренней жизни отводитъ сравнительно очень мало мѣста. Тогда какъ царствованіе Екатерины II занимаетъ 26 страницъ, Суворову отведено 20 страницъ, которыя составляютъ $\frac{1}{9}$ часть «Очерковъ», посвященныхъ исторіи Русскаго государства и общества въ XVIII и XIX столѣтіяхъ.

Кромѣ того, не всегда можно соглашаться съ тѣмъ освѣщеніемъ, которое придаетъ авторъ различнымъ эпизодамъ; не всѣ отдѣльные разказы находятся въ тѣсной взаимной связи. Напр., очеркъ «Петръ III» стоитъ внѣ всякой связи съ предыдущими и послѣдующими. Несмотря на указанные недостатки, очерки г. Тихомирова являются, повторяемъ, весьма цѣннымъ пособіемъ въ особенности для школьнаго чтенія, гдѣ руководство учителя можетъ помочь ученику понять тѣ вопросы, на которыхъ авторъ остановился слишкомъ мало.

«Очерки» г. Тихомирова выходятъ вторымъ изданіемъ. Сравнивъ новое изданіе съ первымъ, мы не нашли въ немъ много измѣненій. А. Браудо.

43. «Землевѣдѣніе». Периодическое изданіе Географическаго Отдѣленія Императорскаго Общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи, подъ редакціей предсѣдателя отдѣленія проф. Д. Н. Анучина. Книжка I, стр. 313 × II. Цѣна 2 р. 50 коп. (Четыре книжки въ годъ 6 р.). Въ приложеніи протоколы засѣданій Отдѣленія.

Журналъ этотъ посвящается спеціально землевѣдѣнію. Но если судить по первымъ книгамъ, редакція его отнюдь не намѣрена придавать своему изданію сухой и отвлеченный ха-

ракторъ, какимъ отличаются часто разныя «Труды», «Записки» другихъ обществъ. Подборъ статей, весьма интересныхъ для географа, заключаетъ всегда въ своемъ числѣ и такія, которыя, написанныя просто и даже увлекательно, заинтересуютъ и читателя, не преслѣдующаго чисто географическихъ цѣлей. Особенно цѣнно то, что статьи эти посвящены описаніямъ разныхъ мѣстностей Россіи, изученіе которой подвигается впередъ столь медленно и несовершенно. Къ числу такихъ статей, помѣщенныхъ въ I-й книжкѣ землѣвѣдѣнія, относятся: «Очерки природы и населенія крайняго сѣверо-востока Сибири», И. В. Шкловскаго, которыя даютъ описаніе интересной въ климатическомъ и бытовомъ отношеніяхъ Якутской области; затѣмъ очеркъ Г. И. Куликовскаго—«Заростающія и періодически исчезающія озера Обонезскаго края». Болѣе научный характеръ носятъ статьи Д. Н. Анучина: «О судьбѣ Колумба, какъ исторической личности» и «О спорныхъ и темныхъ пунктахъ его біографіи». Это критическія статьи, которыя составительку народной книжки о Колумбѣ или объ открытіи Америки, помогутъ избѣгнуть многихъ заблужденій и басенъ, припутавшихся къ этому историческому событію.

Статьи иллюстрированы картинками, довольно многочисленными, но выполненными далеко неудовлетворительно. Къ изданію приложены также карты.

Кромѣ статей, журналъ имѣетъ отдѣлъ бібліографіи и географическій обзоръ (въ I-й книжкѣ—Африка, новѣйшія экспедиціи на Памиръ, мелкія извѣстія).

Вообще журналу въ томъ видѣ, какъ онъ началъ выходить, можно пожелать широкаго распространенія; выскажемъ пожеланіе, чтобы редак-

ція продолжала подбирать статьи интересные, для большаго круга читателей и посвящала свои силы главнымъ образомъ изслѣдованію Россіи.

Н. Б.

44. Идолы и драконы. Запѣтки изъ путешествія по Японіи. Книжка для школьнаго возраста. Иллюстрированное изданіе П. Щеллова. Москва. 1894 г. стр. 91. Ц.

Въ этой маленькой книжечкѣ авторъ рассказываетъ свои наблюденія и впечатлѣнія во время путешествія по Японіи. Изъ живого разсказа читатель знакомится съ природой страны, съ ея населеніемъ, съ жизнью этого населенія—домашней и общественной, съ государственнымъ устройствомъ. Говоритъ авторъ и о религіи японцевъ; при этомъ, вслѣдствіе малаго знакомства съ буддизмомъ и другими религіями далекаго востока, онъ называетъ ихъ языческими, предполагая, вѣроятно, что всякая нехристианская религія есть непременно язычество. Несообразность эта кидается особенно въ глаза по отношенію къ японскому народу, нравственные понятія котораго не ниже культуры и образованности его...

Неудачно и заглавіе книжки: «Идолы и драконы»: оно, какъ ни старается о томъ авторъ, нисколько не характерно для Японіи.

Вотъ все то, что можетъ непріятно поразить читателя. Въ общемъ же книжку можно признать интересною и полезною. Особенный интересъ представляетъ конецъ книжки, гдѣ авторъ рассказываетъ о современномъ положеніи Японіи. Она быстрыми шагами идетъ по пути прогресса, и нѣтъ сомнѣнія, что скоро опередитъ многія другія страны. Японіи принадлежитъ, безспорно, свѣтлое будущее и поэтому знакомиться съ ея жизнью—интересно и поучительно.

Н. Б.

45. Семь новѣйшихъ чудесъ свѣта. *Ч. Кента*. Перевелъ съ англійскаго Д. Головъ. Съ 109 рисунками въ текстѣ. Изданіе Ф. Павленкова. Спб. 1895 г. 216 стр. Цѣна 1 руб.

Книжка Кента состоитъ изъ семи главъ-очерковъ. Каждая глава посвящена какому-либо одному вопросу и представляетъ нѣчто совершенно самостоятельное, хотя не всегда вполне законченное. Содержаніе книжки слѣдующее: I) Паровая машина.—II) Электрическій телеграфъ.—III) Фотографія.—IV) Швейная машина.—V) Спектроскопъ.—VI) Электрическій свѣтъ.—VII) Телефонъ съ однородными ему приборами, микрофономъ и фонографомъ.

Каждый изъ упомянутыхъ очерковъ знакомитъ читателя съ исторіей развитія того или другого изобрѣтенія. Очерки составлены по одному плану, но не всѣ написаны одинаково удачно. Такъ, напр., глава II насъ далеко не удовлетворяетъ. Авторъ, говоря о томъ, какъ постепенно совершенствовался телеграфъ, часто ограничивается намеками на то или другое улучшеніе, называя его только по имени и совершенно не заботится о томъ, чтобы читателю стала ясна сущность даннаго улучшенія. Эта лаконичность тѣмъ болѣе странна, что въ началѣ главы авторъ считаетъ нужнымъ излагать самыя элементарныя свѣдѣнія по электричеству. Затѣмъ, знакомя читателя съ телеграфами различныхъ конструкцій, авторъ ограничивается болѣею частью отдѣльными намеками, по которымъ едва ли читатель можетъ составить сколько-нибудь ясное пред-

ставленіе о разныхъ системахъ телеграфовъ. Ту же необстоятельность мы замѣтили и въ главѣ—«электрическій свѣтъ». Можно почти съ увѣренностью сказать, что читатель не только не уяснитъ себѣ различія между динамо-машинами различныхъ конструкцій, но и самый принципъ машины не выступитъ передъ нимъ съ нужной рельефностью.

Другія главы написаны, вообще, болѣе удачно, хотя и онѣ страдаютъ погоней за мелочами, иногда вовсе не существенными и часто затемняющими главное.

Многочисленные рисунки, помѣщенные въ «Семь чудесахъ свѣта», исполнены, вообще говоря, вполне удовлетворительно, но многіе изъ нихъ мало способствуютъ уясненію изложеннаго въ текстѣ. Это особенно относится къ тѣмъ рисункамъ, которые взяты для книги Кента изъ другихъ изданій (нѣкоторые знакомы намъ по «Физикѣ» Гано). Эти рисунки не находятъ себѣ объясненія въ текстѣ и потому врядъ ли будутъ понятны читателю. Самое большее, что они познакомятъ съ внѣшнимъ видомъ прибора, что совсѣмъ не существенно.

Несмотря на все вышесказанное, время, потраченное на чтеніе книги Кента, не пропадетъ даромъ: читатель вынесетъ изъ нея много интересныхъ и полезныхъ свѣдѣній. Г. Гр.

46. Плутархъ. Сравнительныя жизнеописанія. Съ греческаго перевелъ В. Алексѣевъ. Съ введениемъ и примѣчаніями. Т. 8. Выпускъ 1-й (Демосѣенъ и Цицеронъ), 2-й (Деметрій

Поправка. Комиссія по сост. сист. обзора получила отъ проф. Д. Кайгородова письмо по поводу рецензіи на его книгу: «Изъ царства пернатыхъ», напечатанную въ приложеніи къ февральскому № «Мира Божія», стр. 21. Комиссія считаетъ долгомъ сдѣлать по указанію уважаемаго профессора фактическую поправку: вмѣсто приведенной въ рецензіи цитаты изъ книги проф. Кайгородова: «Конопляночка *самочка* является очень хорошенькой птичкой», слѣдуетъ читать: «Конопляночка *самчикъ весной и въ первой половинѣ лѣта (пока не начала линять)* является очень хорошенькой птичкой».

Поліоркетъ и Антоній), 3-й (Дионъ и Брутъ) Т. 9. Выпускъ 1-й (Артаксерксъ. Аратъ). Изд. Суворина (Дешевая бібліотека). Ц. 15 к. за каждый выпускъ.

Плутархъ—не дѣтская книга. Для русскаго читателя изъ народа жизнеописанія Плутарха могутъ значительно расширить умственный кругозоръ подъ условіемъ параллельнаго чтенія томковаго учебника по древней исторіи, причемъ обѣ книги будутъ взаимно дополнять другъ друга. Свѣдѣнія, почерпнутыя въ учебникѣ, не могутъ глубоко проникнуть въ душевный міръ и оставить неизгладимый слѣдъ въ воображеніи, между тѣмъ какъ живой набросокъ Плутарха дѣйствуетъ на воображеніе и запечатлѣвается въ памяти. Изъ названныхъ трехъ выпусковъ наиболее интересенъ первый, посвященный Демосѣну и Цицерону, людямъ, борющимся словомъ и влияніемъ противъ грубой силы. Демосѣнъ не могъ отстоять свободы Аѳинъ и правда должна была уступить силѣ. Но учебникъ, хорошо составленный, долженъ объяснить при этомъ, что правда Аѳинъ была сама основана на неправдѣ—на рабскомъ трудѣ, на торговствѣ и эксплуатаціи подвластныхъ или союзныхъ городовъ. Съ другой стороны борецъ за законъ и законность противъ произвола—Цицеронъ разоблачилъ замыслы олигархическихъ агитаторовъ и продѣлки чиновниковъ, грабившихъ отданныя въ ихъ власть провинціи.

Не касаясь содержанія остальныхъ выпусковъ, скажемъ, что они во всякомъ случаѣ способны заинтересовать читателя въ бытѣ древнихъ римлянъ и грековъ, а тѣмъ возбудить потребность въ новомъ чтеніи и изученіи той же области. А. О.

47. Собраніе сочиненій Андерсена въ 4-хъ томахъ, переводъ съ датскаго подлинника гг. А. и П. Ганзенъ. С.-Петербургъ. 1894—1895 гг.

Кто изъ насъ не знакомъ съ дѣтства со сказками Андерсена! Кто не знаетъ его «Калошъ счастья», «Стойкаго оловяннаго солдата», «Елки» и т. п. Всѣ эти сказки переводились у насъ нѣсколько разъ съ нѣмецкаго и съ англійскаго языка. Теперь же мы только въ первый разъ знакомимся съ настоящимъ Андерсеномъ въ переводѣ съ подлинника *), что, разумѣется, составляетъ огромную разницу, такъ какъ переводъ съ перевода, какъ бы онъ ни былъ хорошъ, всегда проигрываетъ и въ вѣрности, и въ колоритѣ, и въ тонѣ, особенно у Андерсена, отличающагося необыкновенной задушевностью и теплотою тона и такой яркостью колорита.

Мы очень благодарны гг. Ганзенъ за ихъ счастливую идею дать намъ такой художественный переводъ сочиненій этого писателя! Они сдѣлали больше, чѣмъ переводъ—они воспроизвели Андерсена. Мы можемъ сказать теперь, не преувеличивая,—да, это великая педагогическая книга!

Андерсенъ родился въ 1805 г., умеръ 1875 г. Въ свою довольно долгую жизнь онъ пережилъ различныя литературныя направленія, но всегда оставался романтикомъ, и ни одной фальшивой ноты не прозвучало въ его произведеніяхъ. Съ ранней молодости Андерсенъ находился подъ влияніемъ извѣстнаго поэта Оленшлегера, который былъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей кружка датскихъ патриотовъ, почувствовавшихъ потребность пробудить духъ своего народа, подавленнаго несчастными войнами во времена Наполеона и послѣдовавшимъ за ними экономическимъ упадкомъ страны. И вотъ въ его поэтическихъ образахъ вновь пробудились къ жизни величавые герои скандинавскихъ сагъ и преданій. Андерсенъ является про-

*) Исключеніе составляютъ нѣсколько сказокъ, переведенныхъ съ подлинника г. Щербачевымъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ».

пагандистомъ родной старины, подъ его перомъ воскресаютъ народныя сказки, какъ «Огниво», «Дикіе лебеди», «Мать», «Русалочка» и пр. Онъ также, какъ Оленшлегеръ и другіе ихъ современники-писатели и единомышленники, хотѣлъ передать своимъ соотечественникамъ все поэтическое наслѣдіе ихъ предковъ и познать ихъ въ возможно широкихъ размѣрахъ какъ съ древней литературой, такъ и съ исторіей Даніи. Отсюда его высоко поэтическія поэмы въ прозѣ, какъ «Птица народной пѣсни», «Лебединое гнѣздо», «Старая могильная плита» и т. д., и т. д.

Мы никогда не кончили бы, если бы пожелали перечислить всѣ лучшія, проникнутыя высокопоэтическимъ чувствомъ, сказки и рассказы Андерсена: всѣ «лучшіе»,—каждый и каждая по своему, но всѣ объединенные необычайной правдой и непоколебимой вѣрой въ торжество истины, добра и красоты и беззавѣтной любовью къ поэзіи.

— Е. Б.

48. В. М. Михеевъ. Въ семьѣ и внѣ семьи. Очерки и рассказы. Спб. Изд. М. М. Ледерле. 1895 г. Ц. 1 р.

Г. Михеевъ — молодой писатель, если судить по тому, что его произведенія едва ли не всѣ явились въ свѣтъ въ послѣднія 5—6 лѣтъ: таковы его очерки «Художники», романъ «Золотыя розсыпи», комедія «По хорошей веревочкѣ», «Пѣсни о Сибири», драма изъ сибирской жизни «Тайга», напечатанная въ переводѣ на нѣмецкій языкъ въ «Universal Bibl.», и пр. Судить о размѣрахъ художественнаго дарованія г. Михеева на основаніи имъ напечатаннаго—еще нельзя, но и теперь уже съ полной увѣренностью можно сказать, что въ лицѣ г. Михеева мы имѣемъ писателя разносторонне образованнаго, начитаннаго, съ умомъ серьезнымъ и наблюдательнымъ, съ

чуткимъ и отзывчивымъ сердцемъ. Его романъ «Золотыя розсыпи» (изъ сибирской жизни), бесспорно одно изъ замѣтныхъ беллетристическихъ произведеній русской литературы за послѣднее время (печатался въ «Артистъ»; есть и отдѣльное изданіе). Многія сцены этого романа читаются съ захватывающимъ интересомъ, написаны съ знаніемъ дѣла и талантомъ, хотя, быть можетъ, не безъ нѣкотораго вліянія западныхъ литературныхъ образцовъ, какъ напр. Золя и др. Давленіе литературной начитанности замѣтно и въ новомъ сборникѣ очерковъ и рассказовъ г. Михеева: «Въ семьѣ и внѣ семьи». Это заглавіе, очевидно, понадобилось автору только для того, чтобы хоть какъ-нибудь связать въ одно цѣлое совершенно разнородные рассказы: «Панихида по Салтыковѣ», «Весна» — эпизодъ изъ временъ Нерона, повѣсть о первой любви одного фельетониста («Подъ маской») и пр.

Неудачное заглавіе не умаляетъ, однако, художественныхъ достоинствъ рассказовъ г. Михеева. Даже наиболѣе «придуманные» изъ нихъ — «Слесарь», «Греза Трианона», «Весна», «Подъ маскою» написаны увлекательно и съ несомнѣннымъ литературнымъ талантомъ.

Очень хорошее и сильное впечатлѣніе производятъ маленькіе очерки: «Троекратный искусъ» и «Далекая панихида», а также рассказъ, посвященный Н. Н. Златовратскому: «Присяжный засѣдатель». Въ первомъ, самомъ лучшемъ, по нашему мнѣнію, очеркѣ рассказывается о томъ, какъ одинъ сибирскій исправникъ хотѣлъ заставить всѣми уважаемаго старика-крестьянина изъ богатыхъ старовѣровъ принять участіе въ обворовываніи казны на какихъ-то подрядкахъ. Старовѣръ отказывается съ негодованіемъ отъ гнуснаго предложенія. Оскорбленный рѣзкимъ отказомъ, исправникъ, не помня себя отъ безумнаго гнѣва, велитъ своимъ казакамъ

*

сѣчь старика. Съ страшнымъ самообладаніемъ переноситъ свой позоръ гордый кремнистый старикъ и послѣ третьяго истязанія розгами бросаетъ къ ногамъ своего мучителя ножъ, спрятанный за голенищемъ сапога, и объявляетъ, что выдержалъ троекратный искусь діавола, хотѣлъ убить исправника, но теперь ужъ не пойдетъ ни на что злое, если бы его даже на смерть засѣкли. Сильная фигура старовѣра, его семейная обстановка, а также самодуръ-исправникъ обрисованы необыкновенно ярко и энергично. Страшная драма неприглядной русской дѣйствительности, развернутая авторомъ на нѣсколькихъ страницахъ разсказа, заставитъ читателя задуматься о многомъ... Въ высшей степени трогателенъ другой разсказъ: «Далекая панихида» — панихида по Салтыковѣ, на которую собрались невольные обитатели отдаленнаго уголка Сибири, а также и нѣкоторые мѣстные почитатели незабвеннаго писателя. Тепло и душевно изображено горе маленькаго и скромнаго чиновника, всю жизнь безвыѣздно просидѣвшаго въ Сибири. Это искренній и благоговѣйшій поклонникъ почившаго сатирика. За всѣмъ слѣдилъ чиновникъ по журналамъ и газетамъ, радуясь и огорчаясь, уповая и разочаровываясь за одно со своими литературными друзьями. Всѣ событія послѣдняго 30-лѣтія пронесли надъ Сибирью какъ-то въ сторонѣ, доносились, какъ шумъ вѣтромъ волнуемаго гдѣ-то, но невидимаго лѣса, а въ Сибири, между тѣмъ, все оставалось по прежнему: старые порядки и обычаи, старые суды. Въ душѣ провинціальнаго идеалиста остались прежнія симпатіи, уцѣлѣла вѣра въ добро. Только жизнь стала еще тоскливѣе и безрадостнѣе, — одинокая затерянность въ глуши еще невыносимѣе. Скромный и приниженный тяжелымъ повседневнымъ трудомъ. заолустный мечтатель, съ какой-то суетливой энергіей устраивая

торжественную панихиду по Салтыковѣ, испытываетъ, однако, глубокую и неподдѣльную скорбь, но жаль ему не только незабвеннаго писателя, нѣтъ, — ему жаль самого себя: душа его жаждетъ осязательнаго горя; онъ ищетъ реальной скорби... другіе вѣдь знали Салтыкова лично, скорбятъ о немъ и какъ о знакомомъ; затерявшемуся въ глуши Сибири поволоннику великаго писателя мучительно хочется тоже «поскорбѣть о немъ, какъ о человѣкѣ, о родномъ...» Хочется реальной, а не отвлеченной близости съ тѣмъ человѣкомъ, съ которымъ давно уже сродвила нравственная и идейная солидарность...

Разсказъ «Присяжный засѣдатель» будетъ прочтенъ тоже съ неменьшимъ интересомъ. Въ немъ описаны впечатлѣнія, какія получилъ купеческій сынъ Кузьма Евдокимовъ Епифановъ, попавъ въ присяжные. Воспитанный во всей строгости полустаровѣрческой купеческой семьи, замкнутый въ себѣ и довольный собою узкій эгоистъ, строгій и неумолимый къ другимъ скопидомъ-хозяинъ — Кузьма Епифановъ вынесъ изъ своего пребывания въ судѣ мысль о существованіи «смягчающихъ обстоятельствъ», идеи любви, милости и снисхожденія, жажду знанія, интересъ къ людямъ и общественной жизни. Изъ другихъ очерковъ этой книжки слѣдуетъ еще отмѣтить: «Горбунъ» и «Письмо призрака». Излагать содержанія ихъ мы не станемъ, отсылая читателя къ интересной книжкѣ г. Михеева, тѣмъ болѣе, что издана она дешево — 1 рубль за 280 страницъ, и потому болѣе или менѣе доступна всѣмъ. Жаль только, что корректура книги выдержана неудовлетворительно: слишкомъ много опечатокъ. Н. А.

49. Н. М. Станюковичъ. Новые морскіе разсказы и маленькіе моряки (изъ воспоминаній о морскомъ корпусѣ). Спб., 1895, изд. М. М. Ледерле и К^о, ц. 2 р. 50 к.

Г. Станюковичъ давно уже стяжалъ себѣ извѣстность, какъ талантливый «маринистъ». Сборники его морскихъ разсказовъ: «Въ море», «Пассажирка», «Морскіе разсказы» читаются легко и съ удовольствіемъ. «Маринистомъ» г. Станюковичъ является, собственно говоря, по отдаленнымъ воспоминаніямъ. Будучи сыномъ адмирала (род. 1844 г.), Станюковичъ еще въ дореформенную эпоху кончилъ морской корпусъ и затѣмъ пробылъ около трехъ лѣтъ въ кругосвѣтномъ плаваніи (1860 — 1863). Затѣмъ, увлекшись новыми общественными вѣяніями, Станюковичъ оставилъ въ 1863 г. военную службу и всецѣло предался литературѣ и публицистикѣ. Его романы печатались главнымъ образомъ въ «Дѣлѣ», въ которомъ онъ былъ сначала сотрудникомъ, а въ послѣдніе годы и собственникомъ журнала (до 1888 г.). Лучшіе его романы: «Омутъ», «Безъ исхода», «Не столь отдаленныя мѣста».

Новые морскіе разсказы Станюковича отличаются обычными достоинствами. На многихъ, однако, очеркахъ почтеннаго писателя лежитъ слегка розоватая дымка идеализаціи морского быта и моряковъ, навѣянная обаяніемъ и воспоминаніями давно ушедшей молодости. Эта идеализація особенно сильно проявилась въ изображеніи «Безпокойнаго адмирала», горячаго крикуна и обидчика, безпокойнаго и самовластнаго владыки морской эскадры, вспыльчиваго, но въ сущности благороднаго и добраго человѣка, искреннаго патріота, всей душою преданнаго морскому дѣлу и знающаго его. Съ матросами онъ обращается хорошо, бережетъ людей, заботится о нихъ. Но офицеры и въ особенности молодежь, среди которой были поклонники новаго направленія, изображеннае въ «Отцахъ и дѣтяхъ», боялись своего адмирала и считали его деспотомъ, тиранномъ. Не безъ добродушнаго юмора выводится нѣсколь-

ко типовъ этой молодежи: гардемаринъ Явковъ, большой «либералъ», пишущій стихи, и др.; адмиралъ часто зазывалъ молодыхъ людей къ себѣ, читалъ имъ Шлоссера и другихъ писателей, заботился о ихъ военномъ и общемъ образованіи. Въ лицѣ «безпокойнаго» адмирала выведенъ, какъ видно изъ воспоминаній г. Станюковича о морской службѣ, контръ-адмиралъ А. А. Поповъ, севастопольскій герой, командовавшій эскадрой, на которой въ качествѣ гардемарина былъ и авторъ разсказа. Впрочемъ, г. Станюковичъ не скрываетъ темныхъ сторонъ морского быта: грубый произволъ и самодурство начальства, жестокая наказанія, суровая дисциплина, какъ извѣстно, создавали чрезвычайно тяжелыя условія службы, вызывали отчаянный отпоръ, приводили къ печальнымъ исторіямъ. Въ разсказѣ «Местъ» излагается именно такая исторія унтеръ-офицера Яшкина, подвергнутаго жестокой экзекуціи, глубоко оскорбленнаго въ своемъ человѣческомъ достоинствѣ и изъ мести взорваннаго корабль со всѣмъ экипажемъ почти у пристани, у береговъ Кронштадта. Глубоко трогаетъ судьба «Исайки», матроса изъ евреевъ, честнаго и усерднаго служаки, котораго полюбили и всѣ товарищи за его доброту и услужливость. Умный и самолюбивый Исайка ловко обходилъ на службѣ всѣ подводные камни, дипломатично уклонялся отъ назойливыхъ предложеній принять крещеніе, что называется, изъ кожи лѣзь, чтобы не подвергнуться какъ-нибудь позорному наказанію. Безукоризненно исполнялъ онъ свои обязанности парусника, но все же не избѣжалъ бѣды. Онъ попался на глаза бѣшеному капитану и долженъ былъ подвергнуться ужасному наказанію линьками. Но Исайка не допустилъ себя до позора. Проклинаая мучителя, онъ бросился въ море...

Болѣе благодушное впечатлѣніе про-

изводятъ типы другихъ матросовъ: «Вѣстового Егорова», вѣчно пьянаго, но преданнаго слуги адмирала, недобвольнаго тѣмъ, что его баринъ женился; плутоватаго слуги «безпокойнаго» адмирала, прекрасно изучившаго всѣ недостатки своего барина, матроса Макарова, полюбившаго разбитую кронштадтскую торговку («Ночью») и пр. Всѣ остальные моряки, несмотря на легкіе штрихи, которыми очерчены ихъ силуэты, кажутся живыми людьми, интересны и какъ характеры: таковы, напр., мичманъ Свѣжковъ, прозванный матросами «тетью Авдотьей», «придворный суслинь»—карьеристъ Ратмирцевъ и др.

Вообще всѣ рассказы, помѣщенные въ новомъ сборникѣ: «Ужасный день», «Рождественская ночь», а также воспоминанія автора «Маленькіе моряки», будутъ прочитаны, конечно, съ большимъ интересомъ.

Къ сожалѣнію, книга слишкомъ дорога: 2 р. 50 к.—большая цѣна при всѣхъ вышнихъ достоинствахъ изданія.

К. А.

50. Баранцевичъ, К. Тихое счастье и другія повѣсти (Закатъ. Последняя воля. Петербургскій случай). Москва. 1894. Изд. и тип. товар. И. Д. Сытина. 8 л. 741 стр. Цѣна 1 р. 50 к.

К. С. Баранцевичъ родился въ 1851 году, но и до сихъ поръ числится среди нашихъ такъ называемыхъ «молодыхъ» беллетристовъ; по своему направленію онъ незаслуженно отнесенъ къ группѣ писателей-натуралистовъ. Данныя его біографіи отчасти выясняютъ намъ многія особенности его литературнаго творчества. Нѣкоторый матеріальный достатокъ, которымъ пользовалось семейство Б., смѣнился самою горькою бѣдностью тогдѣ же за смертью отца его въ 1870 году и 19-ти-лѣтнему юношѣ (не окончившему курса гимназій) пришлось служить конторщи-

комъ у какого-то подрядчика кирпичей; послѣ женитьбы Б. (на дѣвушкѣ изъ крестьянскаго сословія) дурныя матеріальныя условія не переставали тѣснить его, не мало мѣшая правильному развитію его литературнаго таланта и образованія. Начало литературной дѣятельности Б. относится къ 1878 году и съ тѣхъ поръ имъ написано нѣсколько большихъ произведеній («Раба», «Чужакъ», «Двѣ жены») и масса мелкихъ рассказовъ, напечатанныхъ частью въ журналахъ, частью отдѣльными книжками. Характерными особенностями Б., какъ писателя, является талантливая, живая передача читателю желаемаго авторомъ настроенія, при нѣжныхъ, мягкихъ краскахъ въ описовкѣ какъ положительныхъ, такъ и отрицательныхъ типовъ (отсутствіе грубыхъ штриховъ въ изображеніи послѣднихъ) симпатичное стремленіе найти и выставить на видъ то хорошее, что есть въ каждомъ человѣкѣ. Отрицательныя явленія жизни вызываютъ въ немъ не негодованіе, а чувство горькой грусти, смягчающей общее безотрадное впечатлѣніе картины. Къ отрицательнымъ сторонамъ творчества Б. можно отнести, прежде всего, недостатки, объясняемые отчасти данными его біографіи,—крайне узкая сфера наблюденій: сюжеты лучшихъ его произведеній взяты по преимуществу изъ круга мѣщанъ и разночинцевъ столичныхъ городовъ, да отчасти изъ міра художниковъ. Въ этой сферѣ произведенія Баранцевича не дышатъ свободой творчества, а кажутся сочиненными, придуманными, нерѣдко прямо утрированными. Къ отрицательнымъ же сторонамъ его творчества можно отнести и отсутствіе въ его произведеніяхъ рѣзко очерченныхъ и оригинальныхъ типовъ. Слогъ у Б. очень недурной; онъ нѣсколько хуже въ большихъ произведеніяхъ, но зато въ мелкихъ, лучшихъ рассказахъ автора онъ достигаетъ художествен-

ной простоты нашихъ лучшихъ писателей *)).

Тихое счастье, повѣсть.

Произведение это едва ли можно отнести къ лучшимъ вещамъ Б.; крайне растянуто повѣствуется здѣсь о томъ, какъ вѣкій помѣщикъ съ женой и другомъ дма — художникомъ Вязнымъ, прїѣхалъ на лѣто въ свое имѣніе, какъ художникъ влюбился въ дочь желѣзнодорожнаго сторожа Анюту — простенькую дѣвушку, которая отвѣтила ему взаимностью, хотя считалась невѣстою фельдшера Оомы Яковлевича, и какъ жена помѣщика, ревнуя къ Анютѣ того же художника, увезла его въ Петербургъ. Въ Петербургѣ Вязинъ, скучая, не понимая самого себя и непонятый другими, порываетъ связь съ женой помѣщика и предается тоскѣ объ утерянномъ «тихомъ счастьѣ» съ простой крестьянской дѣвушкой. Въ припадкахъ обостренной тоски художникъ устремляется въ деревню къ Анютѣ съ цѣлью жениться на ней, но по прїѣздѣ въ деревню уже на станціи узнаетъ о бракѣ ея съ беззавѣтно любящимъ ее фельдшеромъ, и уѣзжаетъ назадъ. Нѣсколько красивыхъ сценъ, недурной слогъ, въ общемъ, однако, повѣсть не производитъ сильнаго впечатлѣнія: въ ней мало свѣжести, всѣ выведенные типы давно знакомы и притомъ въ лучшихъ образахъ, а страданія современнаго Оиѣгина недостаточно интересны и мало трогаютъ.

Не представляя крупнаго образца художественно-литературнаго произведенія, повѣсть эта можетъ быть прочтена не безъ нѣкотораго интереса среднимъ читателемъ.

«Закатъ». Разсказъ все время ве-

дется въ формѣ діалога между двумя художниками-неудачниками о цѣляхъ и средствахъ искусства, судьбѣ художника, окружающей его средѣ и т. п. — все это не ново, а главное, недостаточно оригинально выражено; завершающая же основную часть разсказа сцена, какъ пьяный художникъ Синцовъ въ отчаяніи безсилія изрѣзываетъ свою картину, не производить въ читателѣ того сильнаго впечатлѣнія, котораго ожидаетъ авторъ. Содержаніе посвящено вопросамъ художественнаго творчества и главнымъ образомъ въ сферѣ живописи, и носитъ слишкомъ спеціальныи характеръ.

«Послѣдняя воля». Эта повѣсть несомнѣнно должна быть отнесена къ лучшимъ произведеніямъ Б. Сюжетъ ея крайне простъ: богатая столичная домовладѣлица и помѣщица, умираетъ отъ тяжкаго недуга, окруженная стайей лицъ, ожидающихъ отъ нея предсмертной подачи, на попеченіи чиновнаго господина — ея брата Аркадія Петровича, также причастнаго къ этой «стайѣ». Отвергнутый ею когда-то за пьянство и безобразное поведение, сынъ Павлуша тщетно добивается попасть ей на глаза, ибо «стая» съ братцемъ во главѣ строго оберегаютъ покой старухи и свои выгоды. Составленное ею при такихъ условіяхъ завѣщаніе направлено почти исключительно на выгоды брата и части окружающей «стан». Разсказъ заканчивается картиною похоронъ старухи, а затѣмъ, смертью разбогатѣвшаго ея брата въ объятіяхъ его любовницы Адели. Не смотря на строго-художественную объективность изображенія, въ ясно видите, какъ относится авторъ къ своимъ героямъ и это еще болѣе усиливаетъ безотрадное впечатлѣніе отъ тяжелой картины торжествующаго порока, — въ лицѣ брата умирающей. Картина смерти брата мало примиряетъ васъ съ тѣмъ, что зло все-таки восторжествовало въ свое время. Разсказъ на-

*) Изъ критическихъ статей о Б. укажемъ на: 1) *Арсеневъ, К.* Критическіе этюды (т. II). 2) *Скабичевскій.* Исторія новѣйшей русской литературы (стр. 403—406) и 3) *Венгеровъ.* Критико-біографическій словарь (т. 2).

писанъ прекраснымъ языкомъ и очень картинно: обитатели дома, гдѣ происходитъ событіе смерти помѣщицы, встаютъ передъ вами въ живыхъ образахъ, начиная отъ дворника Трофима и кончая сумрачнымъ Кафтанниковымъ—въ изображеніи ихъ видна рука мастера. Главный недостатокъ повѣсти—ея нѣкоторая растянутасть.

«Петербургскій случай». Авторъ взялъ своей задачей изобразить постепенное тлетворное вліяніе столичнаго города на простую неиспорченную крестьянскую натуру въ лицѣ брата и сестры (Андрея и Фени); первый кончаетъ тѣмъ, что зарѣзываетъ въ порывѣ ревности свою любовницу Дуню и идетъ въ Сибирь, а вторая, послѣ жизни чуть не впроголодь въ подвальныхъ углахъ столичныхъ домовъ, слѣдуетъ за нимъ съ незаконнымъ ребенкомъ на рукахъ. Повѣсть очень растянута, въ ней масса лишняго, мѣшающаго цѣльности и силѣ впечатлѣнія (таковы: сцена суда надъ Андреемъ, почти совершенно ненужная личность художника Владимира Петровича); героиня повѣсти—любовница Андрея Дуня очерчена крайне неопредѣленно, нѣсколько «придумана». Напротивъ, изображеніе личности Андрея, его жизнь въ качествѣ полового въ трактирѣ, вечеринка у лакея Виктора, первое знакомство съ Дуней—блещутъ живыми и яркими красками. Со второй половины повѣсти впечатлѣніе все слабѣетъ, картины становятся блѣдными, а сцена суда—неудачная и совершенно ненужная—окончательно расхолаживаетъ впечатлѣніе. Какъ изображеніе жизни бѣднаго люда въ столичномъ городѣ, повѣсть имѣетъ нѣкоторое, хотя и скромное, значеніе.

В. Ч.

51. К. Баранцевичъ. Родныя картинки (17 рассказовъ). Изд. Д. П. Ефимова. Москва 1885. Тип. Унив. верс. 8 л. 368 стр. Ц. 1 р.

Собранные подъ этимъ заглавіемъ 17 мелкихъ рассказовъ носятъ, за небольшими исключеніями, одинъ, общій, довольно мрачный колоритъ; даже 3—4 рассказа, имѣющихъ характеръ анекдотовъ, и тѣ не лишены меланхолическаго оттѣнка; но рядомъ съ этимъ въ нѣкоторыхъ рассказахъ замѣтно присутствіе довольно тонкаго юмора, безъ всякаго шаржа («Сонъ Геліотропова», «Жилецъ въ рыжей шляпѣ», «Сюжетъ»). Одна изъ любимыхъ темъ Б.—семейныя отношенія—затронуты имъ въ 3-хъ рассказахъ («Дѣтя любви», «Ангель невинности», «Покой»), въ двухъ послѣднихъ интересъ заключается въ изображеніи того, какъ неурядица въ семейныхъ отношеніяхъ сказывается на дѣтахъ. Другая излюбленная В. тема—вопросъ художественнаго творчества—представлена также въ 3-хъ рассказахъ: «Сказочка» (проповѣдь свободной любви, яко бы единственно возможной при служеніи искусству), «Фонарь» (выясняется значеніе писателя—крайне поэтическій рассказъ, написанный въ формѣ бесѣды писателя съ фонаремъ) и «Сюжетъ» (анекдотъ о первыхъ попыткахъ выступленія молодого человѣка на арену писательской дѣятельности). Крайне неудачными вышли рассказы о послѣднихъ минутахъ самоубійцъ («Выстрѣлъ», «Начало и конецъ» и отчасти «Паучки»)—въ особенности первый изъ нихъ. Зато прелестны рассказы о маленькихъ простыхъ людяхъ—это «Шурочка», «Дѣтство Яшки» и «Юбилляръ». Въ первомъ изъ нихъ описаны послѣднія минуты и смерть одной изъ многихъ брошенныхъ въ большомъ городѣ на нищету и развратъ дѣвшекъ—описано тепло и задушевно безъ всякой излишней слезливости и приторной чувствительности. Въ рассказѣ «Дѣтство Яшки» дана очень обыденная для стдличнаго города картинка, какъ сынъ городского и прачки, заболѣвъ скарлатиной, изъ ни-

щенской обстановки родителей попадетъ въ относительно роскошную обстановку нашихъ городскихъ больницъ; въ рассказъ дано описаніе пребыванія въ больницѣ и выходъ изъ нея—выходъ не безъ сожалѣнія и слезъ со стороны Яшки. Простой и не замысловатый рассказъ заставляетъ задуматься о многомъ. Не менѣе удаченъ и рассказъ «Юбиларь»: старому приказчику, 50 лѣтъ прослужившему на поприщѣ коммерческой дѣятельности, хозяинъ устраиваетъ юбилей; ему подносятъ адресъ, выбираютъ почетнымъ членомъ общества взаимопомощи, устраиваютъ оvationъ въ клубъ и т. п., а послѣ этихъ сказочныхъ для него чествованій, онъ снова входитъ въ обычную колею жизни; но только одно запало глубоко въ душу Евстафія Корниловича,— это, что «люди добры, что они не могутъ не быть добрыми, потому что иначе за что же они подарили ему столько счастливыхъ минутъ, почтили въ немъ достоинство человѣка»... Недурень также рассказъ: «30 лѣтъ» — сравненіе влюбленной парочки въ пору молодости и той же парочки черезъ 30 лѣтъ, — сытыхъ буржуа, вспоминающихъ прежнюю пору ихъ жизни. В. Ч.

52. Н. Баранцовичъ. Двѣ жены (Семейный очагъ), романъ. Изд. 2-е. Спб. 1895. Тип. Б. Вольфа. 8 д. (400 стр.). Ц. 1 р.

Романъ этотъ представляетъ изъ себя довольно растянутое и лишь мѣстами живое описаніе семейныхъ отношеній женщинъ различныхъ типовъ: одной спокойной, уходящей почти всецѣло въ жизнь семьи, умѣющей сдерживать свои личныя страсти, когда они могли бы повредить семьѣ, другой—съ живымъ темпераментомъ, энергичной женщины, женившей на себѣ почти силкомъ человѣка, которому она отдалась до брака; попутно ведется романъ двѣушки, всецѣло

отдавшейся служенію ближнимъ и мало заинтересованной зауряднымъ личнымъ счастьемъ — всѣ эти три женщины родныя сестры; но въ романѣ не объясняется, какимъ образомъ подобныя рѣзкія различія типовъ сложились у родныхъ сестеръ при одинаковой обстановкѣ. Точно также остается невыясненнымъ и характеръ героя и тѣ обстоятельства, при которыхъ можетъ возникнуть подобный типъ усерднаго чиновника-столоначальника, преданнаго своему дѣлу—бумагамъ, глубоко и искренно убѣжденнаго въ значеніи своей работы, скромно ожидающаго, когда, наконецъ, его замѣтятъ и отличать. Какъ слагалась эта натура, что это былъ за высшій идеалъ, котораго онъ хотѣлъ достигнуть, сидя у себя въ канцеляріи надъ бумагами — мы не знаемъ. Основная фабула романа лежитъ въ ненормальныхъ семейныхъ отношеніяхъ; какъ слѣдствіе брака безъ любви. Результатомъ одного такого брака — самоубійство жены, результатомъ другого, правда, тихая семейная жизнь, но при условіи, что одна сторона (жена) остается жертвой, жаждущей любви, смиряющей свои страсти и лишь покорно отвѣчающей на ласки мужа... Романъ, собственно говоря, вмѣщаетъ въ себѣ три совершенно отдѣльных романа, почти независимыхъ другъ отъ друга. Удачно введены только лица второстепенныя: мать, воспитавшая троихъ героинь романа, Лида, фигуры двухъ докторовъ и т. п., но есть много красивыхъ и интересныхъ сценъ. Въ общемъ, «Двѣ жены» могутъ дать среднему читателю интересное и небезполезное чтеніе. В. Ч.

53. Мачтетъ, Г. Баба и другіе рассказы. (Его часть настала Безгласный. Конечъ Анчарова. Панча. Идиллія въ Аннамѣ) Силуэты, т. I. Изд. 2-е. Книжн. магаз. Гроссманъ и Кнебель.

Москва. 1894. Тип. Университетская. 8 д. (247 стр). Ц. 1 р.

Г. А. Мачтетъ выступилъ на литературное поприще въ 80-хъ годахъ и обратилъ на себя вниманіе читающей публики сначала небольшими очерками: «Вторая правда», «Мы побѣдили», «Мірское дѣло», а затѣмъ въ 1886 г. романомъ «Невозвратное прошлое» (И одинъ въ полѣ воинъ). Въ послѣднемъ произведеніи (рисующемъ крѣпостной бытъ) онъ обнаружилъ умѣнье справиться съ довольно сложнымъ сюжетомъ и немалую дозу здравого юмора; затѣмъ, однако, въ послѣдующихъ произведеніяхъ эти достоинства стали проявляться все рѣже и рѣже. Художественныя достоинства произведеній Мачтета ниже ихъ идейнаго содержанія. Если же даже болѣе слабыя произведенія М. все-таки читаются не безъ интереса, то этимъ они обязаны, главнымъ образомъ, занимательности сюжета, благороднымъ намбрениямъ и уму автора. Собранные въ разбираемомъ томикѣ рассказы въ значительной степени подтверждаютъ высказанное выше мнѣніе о литературномъ талантѣ Мачтета. Въ рассказахъ *Баба* (Онъ и мы) и *Безгласный* авторъ, видимо, желалъ представить два типа людей, совершенно не соответствующихъ названіямъ, даннымъ имъ какъ школою такъ и жизнью: «баба»—совсѣмъ не баба, а герой, умирающій трагическою смертью при «геройской защитѣ какого-то важнаго стратегическаго пункта», а «безгласный» — совсѣмъ не безгласный, а тоже герой, только умбющій молчать на пользу ближнихъ и тоже по странному стеченію обстоятельствъ авторъ приводитъ его на поле брани, гдѣ онъ раненный умоляетъ спасти его сотоварища, а самъ остается безъ помощи на полѣ въ виду турокъ. Обѣ эти придуманныя безжизненные фигуры совершенно вась не трогаютъ, не смотря на то, что авторъ изо всѣхъ силъ хочетъ про-

извести впечатлѣніе; сцены же на полѣ брани слишкомъ отзываютъ мелодрамой. Совершенно непонятно, зачѣмъ написаны два произведенія изъ американской жизни—Панча и Идилія въ Аннамѣ.—сюжетъ самый избитый, въ изложеніи колоритъ мѣстности и мѣстные нравы почти совершенно отсутствуютъ. Въ первомъ рассказѣ передъ вами дѣвушка, влюбленная въ контрабандиста, ревнуя его къ невѣстѣ, подводитъ подъ ружья пограничной стражи. Въ другомъ рассказѣ дикарка Банъ, соблазненная европейцемъ, не рѣшается стать женой влюбленнаго въ нее соотечественника Генъ, не желая оскорблять его подобнымъ бракомъ; онъ умираетъ, а она, захваченная въ плѣнъ европейцами, кончаетъ жизнь самоубійствомъ. «Конецъ Анчарова» представляетъ лишь эпилогъ или отрывокъ другого произведенія—въ немъ только одна сцена, когда всѣми брошенный умирающій старикъ желаетъ видѣть своего незаконнаго сына и въ объятіяхъ его умираетъ. Все это было бы трогательно, если бы читатель могъ сочувствовать или не сочувствовать тому или другому. Къ чему написанъ этотъ отрывокъ—мало понятно. Лучшимъ въ этомъ сборникѣ является рассказъ «Его часъ насталъ»—картина жизни опальнаго дворянина, еще въ періодъ крѣпостного права появившаго всю нелѣпость и все безчеловѣчіе крѣпостничества. Въ имѣніи этого дворянина живетъ его внучка, въ которой онъ постепенно искореняетъ крѣпостническія тенденціи путемъ примѣровъ и убѣжденій. Борьба его съ помѣщиками крѣпостниками, а особенно торжество надъ ними, когда настаютъ другія вѣянія и, наконецъ, освобожденіе крестьянъ изъ крѣпостной зависимости—все это написано довольно живо и тепло. Последняя сцена, когда «добрый помѣщикъ» объявляетъ собравшимся крестьянамъ о томъ, что его и ихъ за-

вѣтныя мечтанія объ освобожденіи сбылись, хотя и немного мелодраматична, но въ то же время и красива, и трогательна. Вообще, этотъ разсказъ можно бы смѣло рекомендовать каждому, какъ прекрасное напоминаніе о великомъ событіи освобожденія крестьянъ,—напоминаніе, которое никогда не можетъ быть названо лишнимъ, а тѣмъ болѣе въ такой художественной формѣ, какъ въ данномъ случаѣ.

В. Ч.

54. Толстой, А. К., гр. Князь Серебряный. Повесть времяя Іоанна Грознаго. (Полное собраніе сочиненій. Томъ IV). Спб., 1894. Тип. М. Стасюлевича, 8 д., II—359 стр., 3.000 экз., ц. 1 р. 50 к.

Въ 1829 году былъ напечатанъ романъ Загоскина: «Юрій Милославскій». Написанный подъ вліяніемъ Вальтера Скотта и повѣстей Карамзина, пропитанный историческими взглядами послѣдняго и наивно-добродушнымъ патріотизмомъ, напоминающимъ патріотизмъ С. Глинки, романъ этотъ почти совершенно лишенъ историческаго колорита. Тѣмъ не менѣе онъ произвелъ сильное впечатлѣніе на своихъ современниковъ. Причины его необыкновеннаго успѣха были различны: однимъ онъ нравился, какъ талантливо написанная сказка, полная необыкновенныхъ приключеній и эффектовъ; другимъ былъ дорогъ, какъ первая попытка въ новомъ направленіи народности, — направленіи, которое въ литературѣ начинало быть господствующимъ. Значеніе «Юрія Милославскаго» однако, не ограничилось только однимъ вліяніемъ его на читающую публику. Онъ вызвалъ соревнованіе и у писателей... И вотъ въ началѣ тридцатыхъ годовъ появляется у насъ цѣлый рядъ историческихъ романовъ, написанныхъ подъ вліяніемъ этого образца.

Къ типу такого историческаго романа тридцатыхъ годовъ и принадле-

жить «Князь Серебряный», хотя Толстой работать надъ нимъ почти во все продолженіе пятидесятихъ и началъ шестидесятихъ годовъ, и хотя этотъ романъ обладаетъ такими достоинствами, какими не обладалъ ни «Юрій Милославскій», ни другіе романы, написанные подъ его вліяніемъ. У романа Загоскина «Князь Серебряный» заимствоваль форму и карамзинскій взглядъ на петорію. Въ самомъ дѣлѣ, необыкновенныя приключенія Серебрянаго, его постоянныя разбѣзды, чудеса его храбрости; опасности, которымъ онъ подвергается и отъ которыхъ избавляется неожиданнымъ для всѣхъ образомъ,—все это сильно напоминаетъ «Юрія Милославскаго», точно такъ же, какъ и самъ герой романа Толстого сильно напоминаетъ героя романа Загоскина. Нѣкоторыя дѣйствующія лица въ «Князь Серебряномъ» являются копіями съ дѣйствующихъ лицъ «Юрія Милославскаго». Таковы—Михеичъ (у Загоскина Алексѣй), Перстень (Бирша), Хомякъ (также Хомякъ и у Загоскина), таковъ блѣдный образъ Елены, точное воспроизведеніе Анастасіи Загоскина. Съ другой стороны, хотя Толстой, какъ и Загоскинъ, и ставитъ для своего романа очень широкую цѣль—*изобразить общій характеръ цѣлой эпохи и воспроизвести понятія, вѣрованія, нравы и степень образованности русскаго общества во вторую половину XVI столѣтія*, тѣмъ не менѣе, почти все свое вниманіе онъ, опять-таки какъ Загоскинъ, сосредоточиваетъ только на верхахъ общества (Александровской слободѣ и ея обитателяхъ) ирѣдка касаясь остальной Россіи. Наивному патріотизму Загоскина Толстой не поддакъ, что сильно могло бы повредить правдивому изображенію такой эпохи, какой было царствованіе Іоанна Грознаго. Въ этомъ отношеніи авторъ «Князя Серебрянаго» поступилъ совершенно объективно, и

если иногда и погрѣшалъ противъ истины, то по другимъ совѣмъ соображеніямъ. Въ отношеніи къ ужасамъ описанной имъ эпохи онъ, какъ самъ сознавался, «оставался постоянно ниже исторіи. Изъ уваженія къ искусству и къ нравственному чувству читателя, онъ набросилъ на нихъ тѣнь и показалъ ихъ, по возможности, въ отдаленіи».

Романъ Толстого отличается отъ своего прототипа и во многихъ другихъ отношеніяхъ. Начать съ того, что Загоскинъ былъ человекъ мало подготовленный исторически, что извѣстно изъ его біографіи и что видно изъ его романовъ, гдѣ и лица и событія изображены, такъ сказать, вѣи времени. Другое дѣло Толстой: онъ въ продолженіи десяти лѣтъ изучалъ эпоху Іоанна Грознаго и изучалъ ее добросовѣстно. Вотъ почему въ романѣ Толстого, кромѣ шаблонныхъ, есть лица и эпизоды съ типичными особенностями XVI вѣка.

Затѣмъ въ романѣ Загоскина много ложной сантиментальности и романтическаго блеска. Романъ же Толстого, хотя и не совѣмъ чуждъ подобнахъ недостатковъ, все же въ большей части своей представляетъ жизнь въ настоящемъ ея видѣ. Самая сильная сторона «Князя Серебрянаго» — художественное изображеніе личности Грознаго, нѣкоторыхъ его приближенныхъ, картинное описаніе жизни этого государя и окружающей его обстановки. Особенно удалась Толстому личность Іоанна, нарисованная близко къ истинѣ, безъ той односторонности, въ какую часто входятъ историки. Послѣ Грознаго, болѣе удачными являются Васмановъ и Вяземскій, хотя изображеніе послѣдняго не лишено порой нѣкотораго романтичнаго эффекта. Менѣе глубоко, хотя также правдиво, затронуты личности Малюты Годунова и Максима Скуратова.

«Князь Серебряный» за все время своего существованія выдержалъ нѣ-

сколько изданій и постоянно пользовался въ публикѣ огромнымъ успѣхомъ. Такому успѣху онъ обязанъ какъ своими достоинствами, къ числу которыхъ, сверхъ перечисленныхъ, принадлежитъ живое и общедоступное изложеніе его, только кое-гдѣ страдающее искусственностью, какъ своими недостатками. Послѣдніе существеннаго вреда читателямъ не приносили.

С. П.

55. Никитинъ, Иванъ Савичъ. Избранныя стихотворенія. Съ краткой біографіей и портретомъ (Московский Комитетъ грамотности при Имп. Общ. сельск. хоз.), Москва, 1894. Тип. А. Снегиревой. 16 л., XIX+96 стр., 10.000 экз. Ц. 10 коп.

Нельзя не привѣтствовать этого дешеваго изданія Московскаго Комитета грамотности, такъ какъ полное собраніе сочиненій Никитина стоитъ очень дорого, а потому и недоступно большинству читающей публики. Въ него вошли какъ мелкія стихотворенія, такъ и отрывки изъ поэмъ: «Кулакъ», «Тарасъ» и неоконченной поэмы «Городской голова». Избранныя стихотворенія относятся преимущественно къ тому періоду литературной дѣятельности Никитина, когда послѣдній окончательно освободился отъ подражательности другимъ поэтамъ, такъ замѣтной на его первыхъ произведеніяхъ.

Книжка раздѣлена на три отдѣла. Къ первому отнесены стихотворенія съ религіознымъ содержаніемъ и извѣстное стихотвореніе «Русь». Ко второму — поэтическія описанія природы. Насколько эти описанія проникнуты чувствомъ, примиряющимъ съ жизнью, настолько стихотворенія, отнесенныя къ третьему отдѣлу, дышатъ грустью, переходящею часто въ надрывающую душу тоску. Большинство изъ нихъ изображаетъ бѣдность и другія невзгоды какъ крестьянъ, такъ и того небогатаго городского

люда, среди котораго выросъ и долгое время жилъ поэтъ. На всѣхъ ихъ лежитъ отпечатокъ чувствъ теплаго участія къ человѣческому горю. Въ этомъ же отдѣлѣ помѣщаются «Пѣсня бобыля», полная той беззавѣтной удали, какая часто слышится въ пѣсняхъ Кольцова, и пѣса «Бурлакъ» — удачная попытка средствъ сильный народный характеръ.

Къ книжкѣ представить небольшая біографія Никитина, настолько просто написанная, что она легко можетъ быть прочитана въ сельской школѣ. Съ вѣрной стороны изданіе не оставляетъ желать ничего лучшаго. С. П.

56. Мятлевъ, И. П. Полное собраніе сочиненій.

Томъ I. Мелкія стихотворенія. Статья А. Амфитеатрова. «Мятлевъ и его поэзія». Приложенія. Съ портретомъ автора. Изданіе иллюстрированное. Москва. 1894. Тип. «Русск. товар. печатн. и издат. дѣла». 8 д., XLII + 191 + III стр., 3.500 экз.

— Томъ II. Сенсации и замѣчанія госпожи Курдюковой за-границю, данъ л'этранже. Германія и Швейцарія. 224 стр., 3.500 экз.

— Томъ III. Сенсации и замѣчанія госпожи Курдюковой за-границей, данъ л'этранже. Италія. 220 стр., 3.500 экз. Ц. за три тома 1 р. 20 к.

Мятлевъ, И. П. Полное собраніе сочиненій. Изд. книгопр. Ф. Югансона. Кіевъ. 1893. Тип. товар. И. Н. Кушнеревъ и К°. 8 д., III + 656 стр. и 1 портретъ, 5.000 экз. Ц. 1 р.

Серьезныя стихотворенія Мятлева, за исключеніемъ весьма немногихъ, никогда не имѣли успѣха. Г. Амфитеатровъ, авторъ статьи «Мятлевъ и его поэзія», приложенной къ московскому изданію, совершенно справедливо называетъ ихъ балластомъ, замѣчая въ другомъ мѣстѣ, что они производятъ на насъ впечатлѣніе *старинныхъ старомодныхъ чудищъ*.

Этотъ *балластъ* напечатанъ, однако, въ обоихъ изданіяхъ.

Болѣе двухъ третей того и другого изданія занято мелкими юмористическими стихотвореніями и *сенсациями*, которыя и создали въ свое время имя Мятлеву. Несмотря на необычайный успѣхъ, какимъ пользовались *сенсаци* въ сороковыхъ годахъ, особенно въ провинціальной помѣщичьей средѣ, все-таки значенія ихъ не слѣдуетъ преувеличивать. Ни умственно, ни нравственно, ни эстетически они нисколько не возвышали своихъ читателей, если только не дѣйствовали на нихъ въ этомъ отношеніи отрицательно. Съ исторической точки зрѣнія эти *сенсаци* интересны для насъ только, какъ памятникъ, свидѣтельствующій о неприхотливыхъ вкусахъ нашей старинной читающей публики. Самая справедливая оцѣнка *сенсаций* сдѣлана Бѣлинскимъ, который ровно пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ говорилъ, что это произведение еще можетъ быть читано, въ небольшихъ дозахъ, въ обществѣ знакомыхъ людей, но въ печати оно не имѣетъ никакого значенія, кромѣ скучной и довольно плоской книги. Тѣмъ же характеромъ, по мнѣнію Бѣлинскаго, отличаются и другія юмористическія стихотворенія Мятлева, за исключеніемъ «Разговора барина съ Афонькой», который потому только и хорошъ, что списанъ съ натуры.

Г. Амфитеатровъ въ упомянутой уже статьѣ старается доказать, что мнѣнія великаго русскаго критика на счетъ автора *сенсаций* — односторонни, но доводы его не убѣдительны. Можно еще согласиться, что Мятлевъ порой останавливалъ свое вниманіе на очень важныхъ явленіяхъ русской жизни, но представить ихъ въ надлежащемъ свѣтѣ онъ былъ не въ силахъ: этому мѣшало почти совершенное отсутствіе въ немъ литературнаго дарованія и страсть къ шутовству. Кромѣ того, Мятлевъ часто не справлялся и съ

формой. Съ вѣншей стороны стихи большей частью ниже всякой критики.

Въ заключеніе два слова о коротенькомъ предисловіи къ кіевскому изданію. Въ немъ есть фактическіе источники и сомнительной цѣнности историко-литературныя взгляды. Такъ, неизвѣстный авторъ этого предисловія Сенковскаго называетъ *замѣчательнымъ критикомъ*, «Библиотеку для Чтенія» и «Маякъ», причисляетъ онъ, вмѣстѣ съ «Современникомъ», къ лучшимъ журналамъ сороковыхъ годовъ и т. д. С. П.

57. Гнѣдичъ, Н. И. Рыбаки. Идиллія. Изд. 2-е. книгопр. Ф. Югансона. Кіевъ. Тип. И. Чоколова 64 д., 62 стр., 5.050 экз.

Это самое удачное изъ оригинальныхъ произведеній Н. И. Гнѣдича, извѣстнаго переводчика «Иліады», Теокрита и народныхъ пѣсень современныхъ ему грековъ. Оно написано живо и не лишено поэтическихъ достоинствъ. Особенно красиво въ немъ описаніе бѣлыхъ петербургскихъ ночей. Тѣмъ не менѣе, какъ совершенно справедливо замѣчаетъ Бѣлинскій, произведеніе это «лишено истины въ основаніи: изъ подъ рубища петербургскихъ рыбаковъ виднѣются складки греческаго хитона, и русскими словами, русскою рѣчью прикрыты понятія и созерцанія чисто-древнія». Много портитъ «Рыбаковъ» и высокій слогъ, какимъ они написаны,—недостатокъ, свойственный всѣмъ произведеніямъ Гнѣдича. Въ общемъ эта идиллія въ настоящее время имѣетъ только историко-литературное значеніе. С. П.

58. Авенаріусъ, В. П. Отроческіе годы Пушкина. Біографическая повѣсть (съ 8-ю рисунками и портретомъ Пушкина). Изд. 3-е, книжн. магазина П. Луковникова. Спб. Тип. товар. «Обществ. польза», 8 д. 231 стр., 5.130 экз.

Эта повѣсть имѣетъ двойное значеніе. Она важна и какъ общедоступная историко-литературная монографія, и какъ прекрасное художественное произведеніе, тѣмъ болѣе цѣнное, что оно можетъ быть прочитано съ интересомъ не только взрослыми, но и дѣтьми, начиная съ средняго возраста. Онъ обнимаетъ собой первый періодъ лицейской жизни Пушкина, отъ поступленія послѣдняго въ это учебное заведеніе до смерти директора Малиновскаго, и рисуетъ какъ вѣншую исторію лица, такъ и за эти 2½ года внутреннее его состояніе. Обитатели лица, начиная съ директора и кончая служителемъ, очеркены въ ней очень рельефно и живо. Особенно выдаются дѣтскіе характеры самого Пушкина и его школьныхъ товарищей. Недурно очерченными лицами являются Тургеневъ, и главное дядя поэта, Василій Львовичъ. Авторъ знакомитъ читателя также съ родителями и домашней обстановкой Пушкина, заставляя говорить о ней дѣйствующихъ лицъ своей повѣсти. Значительное мѣсто въ послѣдней отведено описанію отечественной войны, что совершенно справедливо, такъ какъ война эта была настолько крупнымъ явленіемъ, что возбужденіе, вызванное ею, не могло не коснуться и лица, этого своего рода монастыря, совершенно изолированнаго отъ жизни въ первые годы своего существованія.

Третье изданіе повѣсти Авенаріуса отличается отъ предыдущихъ тѣмъ, что къ нему приложено 8 прекрасныхъ рисунковъ. «Отроческіе годы Пушкина» въ первый разъ напечатаны были въ журналѣ «Родникъ» въ 1885 году. Они одобрены Учеными Комитетами Министерства Народнаго Просвѣщенія и Вѣдомства Императрицы Маріи и Главнымъ Управленіемъ военно-учебныхъ заведеній. С. П.

59. Какъ живутъ митайцы. (Составлено по книгѣ Симона, бывшаго фран-

цузскаго консула въ Китаѣ). Москва. 1894 г., стр. 71. Ц.

Познакомиться съ жизнью такого древняго и многомилліоннаго, но совершенно замкнутаго народа, какъ китайцы, конечно, очень интересно. Къ сожалѣнію, литература наша бѣдна книгами по этому вопросу, книжекъ же популярныхъ и дешевыхъ почти совсѣмъ нѣтъ. Книжка, заглавіе которой мы выписали въ началѣ нашей замѣтки, по своей краткости, не можетъ представлять даже попытки восполнить этотъ пробѣлъ въ нашей литературѣ. Составлена она по книгѣ очевидца и въ простомъ изложеніи знакомитъ читателя съ семейной и общественно-государственной жизнью китайскаго народа. Безъ сомнѣнія, знакомство получается крайне слабое, поверхностное, но, за неимѣніемъ другого, болѣе полнаго и вполне доступнаго источника свѣдѣній по данному предмету, можно довольствоваться этимъ.

Н. Б.

60. Вымирающіе богатыри. Очеркъ изъ жизни слоновъ на волѣ и на службѣ человѣка. Съ 15-ю рис. Спб. 1894. 60 стр. Ц. 15 к. Изд. «Чит. нар. шк.» № 10.

Авторъ описываетъ внѣшній видъ слоновъ, жизнь ихъ среди дикой природы, охоту на этихъ исполиновъ въ Индіи и Африкѣ, способы лова ихъ живьемъ, жизнь слоновъ въ неволѣ, употребленіе ихъ на различныя работы, причѣмъ сообщаетъ множество анекдотовъ объ умѣ этихъ животныхъ, привязанности ихъ къ человѣку и проч.

Разсказъ написанъ простымъ, хорошимъ языкомъ съ народными оборотами рѣчи, читается легко и съ интересомъ. Книжки иллюстрированы 15-ю недурно исполненными рисунками, изображающими слоновъ въ различные моменты ихъ жизни на свободѣ и въ неволѣ.

А. Н.

КНИГИ, ПОСТУПИВШИЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ.

- Маркъ Криницкій. *Въ туманъ*. Разсказы. Москва 95 г. Ц. 40 коп.
- Д. Маминъ-Сибирякъ. *Сибирскіе разсказы*. 95 г. Ц. 1 р.
- С. Н. Кривенко. *На распутыи*. Культурные скиты и культурные одиночки. 95 г. Спб. Ц. 1 р. 25 к.
- Дюнео. *На крайнемъ стверо-востоку Сибири*. Спб. 95 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Н. Н. Банай. *Бъ двадцатилѣтію Красноярской женской гимназіи*. 95 г. Красноярскъ.
- Виргилій. *Изъ послѣдней поѣздки Гастона Буасье*, перев. съ франц. подъ ред. И. Р. Оренбургъ. 94 г.
- Модестъ Богдановъ, проф. Спб. унив. *Разсказы о птицахъ*, для юношества. Москва. 95 г. Ц. 75 коп.
- Грамматика современнаго церковно-славянскаго языка. Съ примѣрами для упражненія и задачами. Сост. *Н. А. Муратовъ*. Москва. 95 г. Ц. 45 к.
- Отто Элерсъ. *Популярная политическая экономія*. Перев. съ нѣм. подъ редакціей Юровскаго. Изданіе «Международной Библіотеки». Одесса. 95 г. Ц. 50 коп.
- Отчетъ о дѣятельности Вологодской бесплатной библіотеки за 2-й годъ существованія. Вологда. 94 г.
- Фельдшерскій вопросъ. Спб. Изданіе газеты «Фельдшеръ». 94 г. Ц. 50 коп.
- Проф. Меркель. Международная библіотека. *Сила и право*. Перев. съ нѣм. Ц. 15 коп.
- Проф. И. И. Янмуль. Русская библіотека. *Изъ психологіи народовъ*. Ц. 20 коп. Одесса. 95 г.
- С. М. Архангельскій. *О русскихъ гражданскихъ законахъ*. Москва. 95 г. Ц. 20 коп.
- Врача Л. С. Зисмана. *Къ вопросу о психологіи слѣпыхъ*. Наблюденія надъ проверѣнней слѣпой дѣвочкой.
- Н. М. Ядринцевъ. Биограф. очеркъ. Сост. *Б. Глинскій*, съ предисловіемъ В. Острогорскаго и приложеніемъ воспоминаваній Г. Потанина. Изданіе Тихомирова, Москва. 95 г. Ц. 50 к.
- Т. Рибо. *Современная германская психологія*. Опытная школа. Перев. со 2-го изд. А. Ройманъ. Спб. 95 г.
- Е. Воскресенскій. *Темы и вопросы для письменныхъ работъ по русскому языку и литературныхъ бесѣдъ*. Москва. 95 г. Ц. 30 коп.
- Д. Н. Маминъ - Сибирякъ. *На волномъ воздухѣ*. Разсказъ для дѣтей, съ рисунками. Москва. 95 г. Ц. 30 коп., въ папкѣ 45 коп.
- *Емеля-Охотникъ*. Повѣсть для дѣтей младшаго возраста. Ц. 50 коп.
- В. П. Авенаріусъ. *Во львиной пасти*. Спб. Изданіе Морева. 95 г.
- Эдмондъ Демолэнсъ. *Какъ воспитывать и устривать нашихъ дѣтей*. Спб. 95 г. Ц. 25 коп.
- Анри де-Турвилъ. *Соціальная наука представляетъ-ли науку?* Перев. гр. Н. С. Ланскаго со статьей пер. «Ле-Пля и его школа». Спб. 95 г. Ц. 1 рубль.
- Элизе Роклю. *Земля*. Описаніе жизни земного шара. Выпуски III и IV Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 95 г. Ц. выпуску 1 р. 10 к.
- И. Воролай. *Записки объ охотѣ въ Шенкурскомъ уѣздѣ (Архангельской губ.)* Ц. 60 коп.

21 ДЕКАБРЯ ВЫШЕЛЪ № 12 ЖУРНАЛА

РУССКОЕ БОГАТСТВО.

СОДЕРЖАНИЕ: 1) Друзья. Романъ. А. С. Шабельской. 2) Одна изъ женъ декабристовъ. В. И. Шенрона. 3) Госпожа Кризантъмъ. Разсказъ о Японіи. Пьера Лоти. 4) Надгробные цвѣты. Стихотвореніе. К. Бальмонтъ. 5) Лидочка. Разсказъ бывалаго человѣка. А. Куприна. 6) Якутскій хлѣбъ. В. Строщевскаго. 7) Святки въ деревушкѣ. Деревенская картинка. А. Энгельмейера. 8) Встрѣча съ Н. А. Некрасовымъ. Л. Нелидовой. 9) Тоска жизни. Стихотвореніе. Вл. Мартова. 10) Народно-хозяйственные наброски. Русская фабрично-заводская промышленность въ 1885—1891 гг. Н. А. Карышева. 11) Сельско-хозяйственные синдикаты во Франціи. Н. Цахни. 12) Новые книги: Д. Маминъ-Сибирякъ. Золото. Романъ. — И. М. Гутмакеръ. Таганрогскіе мотивы. — Стихотворенія. П. Н. Петровскаго. Лирическіе наброски. — Н. В. Гоголь и его переписка съ друзьями. Историко-литературный очеркъ. П. А. Матвѣева. — Евгений Богословскій. Тургеневъ о Львѣ Толстомъ. — П. Логашевъ. Нѣсколько словъ о крупномъ частновладѣльческомъ хозяйствѣ. — П. Фирсовъ. Къ вопросу объ отдѣлкѣ земель, какъ предмета земельного обложенія. — 13) Литература и жизнь. Н. И. Михайловскаго. 14) Какъ живетъ Закавказье. С. К. 15) Къ исторіи судебной реформы. В. Л. Биштова. 16) Хроника внутренней жизни. С. Н. Южанова. 17) Программа для собранія свѣдѣній по вопросу о всеобщемъ обученіи. 18) Объявленія.

Съ январской книги 1865 г. будутъ печататься

ОЧЕРКИ ВЛ. КОРОЛЕНКО „ВЪ АМЕРИКУ“.

Открыта подписка на 1895 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: На годъ съ доставкой и пересылкой 9 руб., безъ доставки въ Петербургъ и Москвѣ 8 руб., за границу 12 руб.

Уступокъ съ подписной цѣны никому не дѣлается.

Подписныя деньги слѣдуетъ исключительно адресовать: въ контору журнала «РУССКОЕ БОГАТСТВО»—С.-Петербургъ, Бассейная ул., 10.

При непосредственномъ обращеніи въ контору редакціи допускается разсрочка:

Для иногородн. и город. подписчиковъ съ доставкой—при подпискѣ 5 р. и къ 1-му іюля 4 р., или при подпискѣ 3 р., къ 1-му апрѣля 3 р. и къ 1-му іюля 3 р.

Другихъ условій разсрочки не допускается.

Не уплатившимъ подписныхъ денегъ въ означен. сроки высылка журнала прекращается.

Для городскихъ подписчиковъ безъ доставки допускается разсрочка по 1 руб. въ мѣсяцъ—до 1 сентября.

Въ Москвѣ подписка на журналъ безъ доставки принимается въ книжномъ магазинѣ А. Я. Панафидина, Фурцаовскій пер., 10, по соглашенію съ магазиномъ.

Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за комиссію и пересылку денегъ 40 коп. съ каждаго годового экземпляра.

Книжнымъ магазинамъ, выписывающимъ журналъ на условіяхъ разсрочки, никакой уступки не дѣлается.

За своевременную высылку журнала контора редакціи отвѣчаетъ только въ томъ случаѣ, если подписныя деньги были ирисланы или сданы непосредственно въ контору редакціи.

Издательницы: Н. В. Михайловская, О. Н. Попова.
Редакторы: П. Быковъ, С. Половъ.

ЛУЧЪ. ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 годъ.

Подписчики получаютъ за годъ съ доставкою и пересылкою за **ШЕСТЬ** руб.

- 1) Газету «Лучъ» (выходитъ два раза въ недѣлю) всего 104 номера
- 2) Иллюстрирован. Миръ (выходитъ разъ въ недѣлю) » 52 »
- 3) Моды (выходятъ разъ въ мѣсяцъ особымъ номеромъ) 12 »
- 4) РОМАНЫ оригинальные по преимуществу (выходятъ разъ въ мѣсяцъ). 12 книгъ.

Всего въ годъ подписчикъ получаетъ сто шестьдесятъ восемь номеровъ газетныхъ (черезъ день номеръ) и двѣнадцать книгъ романовъ.

Кромѣ того: 5) **ГЛАВНАЯ ПРЕМІЯ** 1895 года есть **ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ** сочиненій (историческихъ романовъ) великаго англійскаго писателя **ВАЛЬТЕРА СКОТТА** (цѣнное приобрѣтеніе для всякой бібліотеки).

ТРИДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ КНИГИ,

изъ коихъ семнадцать книгъ (первые восемь томовъ) уже вышли (изд. 1893 и 1894 г.) и новые годовые подписчики получаютъ ихъ

ДАРОМЪ

съ первымъ номеромъ газеты за 1895 г., приславъ лишь пересылочные и укупочные двадцать пять семикопѣчныхъ марокъ (для удобства) или же деньгами соответственную сумму.

При подпискѣ (изъ присутственныхъ мѣстъ и учреждений) на большое количество экземпляровъ, пересылочныя деньги сокращаются на половину и болѣе смотря по разстоянію пересылки и количеству подписки.

6) Портретъ Высокочимаго и Общеуважаемаго Отца Іоанна Сергіева (Кронштадтскаго); олеографія, исполненная десятью красками.

7) Стѣнной календарь на 1895 годъ.

8) **ЛЮБИТЕЛЯМЪ** олеографическихъ картинъ редакція предлагаетъ на выборъ до десяти прекрасно за границей исполненныхъ картинъ (подробное описаніе картинъ будетъ помѣщено въ первыхъ номерахъ «Луча») за коковыя подписчикъ, выбравъ по желанію одну, двѣ и болѣе картинъ, уплачиваетъ только за пересылку и укупорку по 1 руб. за каждую и получаетъ посылкою съ застрахованіемъ.

9) Въ числѣ книгъ приложеній будетъ данъ **ПЕРВЫЙ** томъ полнаго собранія сочиненій нѣвѣстнаго русскаго писателя

МАРЛИНСКАГО (Алекс. Вестужева)

романъ Амалать-Бенъ. Прочія сочиненія Марлинскаго составятъ премію 1896 г.

Направленіе и редактированіе газеты «Лучъ» остаются премія. Девизъ тотъ же, какой былъ въ теченіи

ЧЕТЫРНАДЦАТИ МИНУВШИХЪ ЛѢТЪ:

БОГЪ, ОТЕЧЕСТВО и ЦАРЬ.

Редакція крѣпко держится основаній: Россія для русскихъ; правдивость при рѣшеніи экономическихъ вопросовъ; борьба со зломъ, и особенное вниманіе обращаетъ на живнъ нашихъ провинцій.

Разсрочка допускается.

Подписку просимъ адресовать: С.-Петербургъ, Загородный просп., д. № 6, въ Главную Контору.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 Г.

(ШЕСТОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

ВѢСТНИКЪ ВОСПИТАНІЯ.

**Научно-популярный журналъ, назначенный
для родителей и воспитателей,**

имѣющей цѣлю—распространеніе среди русскаго общества разумныхъ свѣдѣній о возможно правильномъ установленіи вопросовъ воспитанія въ семьѣ и школѣ, по слѣдующей программѣ:

1) Оригинальныя и переводныя статьи. — 2) Критика и библиографія. — 3) Мелкія сообщенія (рефераты). — 4) Хроника. — 5) Приложенія — литературно-педагогическіе очерки, рассказы, воспоминанія и т. д.—6) Объявленія.

Въ „Приложеніяхъ“, между прочимъ, будутъ напечатаны „Мирная армія“ (Очерки изъ быта просвѣтителей деревни). *А. В. Крулова.*—„Наблюденія надъ жизнью дѣтей“ (Письма къ другу). *Скифа* и др.

Къ журналу будутъ прилагаться рисунки.

Журналъ одобренъ Ученымъ Комитетомъ Минист. Нар. Просв. для фундаментальныхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ.

Срокъ выхода **ВОСЕМЬ** разъ въ годъ (въ первые и послѣдніе мѣсяцы года, а въ теченіе четырехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ журналъ выходитъ не будетъ).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ безъ доставки **5** р., съ доставкой и пересылкой **6** р., полгода **3** р.; съ пересылкой за границу въ годъ **7** р. **50** к.; для студентовъ и недостаточныхъ людей плата съ подписной цѣны уменьшается на **1** р.

Подписка и объявленія принимаются: въ конторѣ редакціи (Москва, Кудринская Садовая, Софійская Дѣтская больница, кварт. Главн. Д-ра) и во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ обѣихъ столицъ. Гг. иногороднихъ просятъ обращаться прямо въ редакцію журнала.

Редакторъ-Издатель д-ръ **Е. А. Покровскій.**

Открыта подписка на 1895-й годъ

на издающуюся въ гор. Ставрополь-Кавказскомъ общес-
твенно-литературную газету

ХІ г. изд. СѢВЕРНЫЙ КАВКАЗЪ, ХІ г. изд.

выходящую ДВА раза въ недѣлю и посвященную выясненію нуждъ
края, названіе котораго носитъ газета.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Безъ доставки и пересылки:		Съ доставкой и пересылкой:	
	Р. к.		Р. к.
На годъ	4 50	На годъ	5 50
» полгода	2 50	» полгода	3 —
» 3 мѣсяца	1 50	» 3 мѣсяца	1 75

(Суммы менѣ рубля можно высылать почтовыми марками).

Допускается разсрочка платежа по соглашенію съ редакціей.

2—3 Адресъ: Ставрополь-Кавказскій, редакціи «Сѣвернаго Кавказа».

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ,

(9-й годъ изданія).

„ДОНСКАЯ РѢЧЬ“

общественно-литературная и политическая газета Донского края.

Выходитъ три раза въ недѣлю и четыре въ исключительныхъ
случаяхъ.

Программа: правительственныя распоряженія, статьи по вопросамъ мѣстной жизни, хроника, телеграммы, новости Донского края и сосѣднихъ губерній, фельетонное обзорѣніе, очерки, рассказы, стихотворенія, отдѣлъ историческій, смѣсь, юмористическій отдѣлъ, справочныя свѣдѣнія и проч.

Въ газетѣ «Донская Рѣчь» помѣщаются свѣдѣнія о всѣхъ заслуживающихъ вниманія фактахъ и явленіяхъ жизни Донской области. Редакція имѣетъ постоянныхъ корреспондентовъ въ каждомъ болѣе населенномъ пунктѣ области. Держась вышеприведенной программы, Редакція въ 1895 году, какъ и въ минувшія восемь лѣтъ, будетъ стремиться ко всестороннему улучшенію изданія.

Отдѣлъ телеграммъ будетъ пополненъ телеграммами собственныхъ корреспондентовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ 5 р., на полгода 3 р., на 3 мѣс. 2 р., на 1 мѣс. 1 р.

Съ подпиской адресоваться: Новочеркасскъ, въ редакцію «Донской Рѣчи».

2—3

Редакторъ-Издатель Ив. Половъ.

This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.

Please return promptly.

~~AUG 10 1964 H~~

~~325-396~~

